ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНІЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1877.

МАЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

	страниц.
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ австрійскаго священства послѣ Амвросія. **М. Я. Монастырева**	3—31.
О САМОЗАРОЖДЕНІИ ОРГАНИЗМОВЪ. **В. А. Попова.**	32—63.
ИМПЕРАТОРЪ ЮЛІАНЪ и его отношеніе къ христіанству. **Я. И. Алфіонова**	64—127.
РЕЛИГІОЗНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ХАДЖА или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку для совершенія религіознаго празднества. **М. А. Муроніева** . .	128—144.
ДѢЯНІЯ ДЕВЯТИ ПОМѢСТНЫХЪ СОБОРОВЪ въ русскомъ переводѣ	49—64.
АЗБУКОВНИКИ ИЛИ АЛФАВИТЫ иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки. **А. И. Карпова** . .	129—144.
ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА казанской духовной академіи за 1877 годъ	1—16.

въ 1877 году

Православный Собесѣдникъ

издается по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1877 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: **съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—**

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, выходятъ и въ 1877 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ **другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ:** а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника„ **четыре** руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ **три** руб. (всего за оба изданія **десять** руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

Въ тойже редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

А. **Православный Собесѣдникъ** *въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. **съ** приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ **Православный Собесѣдникъ:** за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ **Православнаго Собесѣдника** приложенія къ нему:

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1875. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за пятый 3 руб., за шестой 3 р. 50 к., за седьмой и послѣдній 4 р. 50 к. За шесть томовъ 21 руб.

3. **Благовѣстникъ,** или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матѳея.

(см. на концѣ)

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНІЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1877.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владимірскій.*

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АВСТРІЙСКАГО СВЯЩЕНСТВА

ПОСЛѢ АМВРОСІЯ.

—

III.

Нестроенія въ австрійскомъ согласіи между мірянами и духовенствомъ изъ-за преобладанія, и религіозные споры и несогласія по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, подготовившіе раздѣленіе на партіи — особенно рѣзко обнаружившееся со времени изданія „Окружнаго посланія".

Въ то время, какъ австрійское священство еще распространялось, и не успѣло надлежащимъ образомъ окрѣпнуть ни въ одной изъ указанныхъ нами выше мѣстностей, въ старообрядческомъ мірѣ, принявшемъ это священство, уже начались нестроенія и раздоры частію по вопросу объ управленіи, частію по поводу неблагоразумныхъ и эгоистичныхъ поступковъ нѣкоторыхъ старообрядческихъ архіереевъ, частію наконецъ по поводу нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ. Всѣ эти раздоры и нестроенія имѣли въ основѣ своей съ одной стороны нежеланіе старообрядцевъ-мірянъ уступить своему духовенству свои прежнія права „законодательства и начальничества" въ расколѣ, съ другой—неумѣнье нѣкоторыхъ старообрядческихъ архіереевъ поставить себя въ надлежащія отношенія, и желаніе больше радѣть о своихъ личныхъ интересахъ, чѣмъ о интересахъ всего согласія. Начнемъ съ того, что произошло по поводу ломки старыхъ порядковъ

управленія въ старообрядчествѣ и замѣны ихъ новыми. Какъ извѣстно, въ старообрядчествѣ издавна все заправленіе церковными дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ мірянъ. Такъ было въ безпоповщинскомъ согласіи, также было и въ согласіи поповщинскомъ. Въ послѣднемъ, какъ извѣстно, было и духовенство, но оно пользовалось вообще слишкомъ малымъ значеніемъ въ дѣлѣ управленія и на ряду съ своими пасомыми во всемъ подчинялось мірскимъ властямъ раскола. Эти послѣдніе до того привыкли къ „начальничеству и властительству“ въ расколѣ, что считали это своею стихіею, разстаться съ которою во всякомъ случаѣ было для нихъ въ высшей степени не желательно. Но вотъ въ старообрядчествѣ появилось новое священство, дотолѣ еще небывалое, которое все дѣло управленія въ расколѣ сформировало въ извѣстномъ намъ учрежденіи— „освященномъ соборѣ“, и стало захватывать въ свои руки всѣ бразды правленія и администраціи въ старообрядчествѣ. Само собою понятно, что вожатаи раскола, которымъ теперь стала угрожать опасность утратить драгоцѣнное для нихъ властительство въ расколѣ, къ которому они въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ такъ привыкли, стали смотрѣть на эти новые порядки очень недружелюбно. Они еще раньше предчувствовали, что новый порядокъ дѣлъ нанесетъ значительный ущербъ старому. Такъ, когда бѣлокриницкая іерархія только что учреждалась, и когда вѣсть объ этомъ дошла до Москвы, то рогожскій дворникъ, нѣкто Иванъ Александровъ Гусевъ, говорилъ: „горе, горе намъ будетъ съ этими архіереями; держаться бы намъ лучше старыхъ поповъ, а то архіереи эти возьмутъ насъ за макушку, и больно, больно намъ будетъ“ (1). Уже въ этихъ словахъ звучитъ голосъ сильнаго недовольства вожатая раскола на имѣвшій скоро учредиться новый порядокъ управленія въ немъ, а также и слышится какъ бы

(1) «Истина», 1874 г., кн. 33. «Очеркъ изъ быта старообр.» стр. 53—54; Русск. Вѣстн. 1864 г. ноябр., стр. 219.

предчувствіе того, что этому порядку придется сильно столкнуться съ старымъ. Дѣйствительно, прошло не много времени, старообрядческіе архіереи еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, взять „за макушку“ вожатаевъ раскола, какъ имъ стало уже очень больно. Чтобы облегчить себѣ эту боль, они рѣшились во что бы то ни стало отстоять старое, милое для нихъ, и не дать усилиться новому,—ненавистному. Въ этихъ видахъ вожатаи рускихъ поповцевъ, сгруппировавшись, какъ мы знаемъ, въ одну партію, названную нами Винокуровскою, еще въ 1858 году стали просить Высочайшую власть — дозволить старообрядцамъ имѣть у себя, на основаніяхъ указа 1822 года, бѣгствующихъ отъ великороссійкой церкви священниковъ, надъ которыми они попрежнему могли бы командовать, какъ хотѣли. Попытка эта, грозившая большою опасностію австрійскому священству, кончилась впрочемъ неудачею, но тѣмъ не менѣе это не смирило крамольниковъ передъ ихъ духовными властями. Образованіе этой крамольной партіи имѣло слишкомъ важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи австрійскаго священства. Изъ нея выродилась современемъ партія такъ называемыхъ „раздорниковъ“, поднявшихъ кучу неурядицъ въ австрійскомъ согласіи, и съ необыкновенною энергіею поддерживавшихъ эти неурядицы. Конечно, эти опасныя послѣдствія образованія вышеуказанной нами партіи можно было предвидѣть и предотвратить; но дѣло въ томъ, что и сами старообрядческіе архіереи за весьма немногими изключеніями давали поводъ усиливаться и развиваться этой партіи недовольныхъ—частію своимъ поведеніемъ и преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей, частію же взаимными пререканіями, частію, наконецъ, тѣмъ, что сами искали себѣ опоры въ мірянахъ. Мы описывали уже характеръ и поступки извѣстнаго Софронія, Своимъ корыстолюбіемъ онъ сильно ронялъ свой санъ въ глазахъ своихъ пасомыхъ, и давалъ имъ чувствовать свою силу. Тоже нужно сказать о другомъ старообрядческомъ архіереѣ Антоніѣ Шутовѣ, предсѣда-

телѣ старообрядческаго „духовнаго совѣта“ или „освященнаго собора“. Онъ былъ виновникомъ очень важныхъ и большихъ неурядицъ, происшедшихъ въ расколѣ, имѣвшихъ для поименованной нами Винокуровской партіи важное значеніе въ ея нерасположеніяхъ къ своей новой іерархіи.

На самыхъ первыхъ порахъ своего епископствованія Антоній началъ обнаруживать требованія несогласныя съ общимъ духомъ поповщины и отличающіяся характеромъ безпоповства. Такъ, онъ строго воспретилъ попамъ приносить на литургіи просфору за царя, а за непослушаніе подвергалъ запрещенію. Сверхъ того въ *чинѣ принятія отъ ересей* онъ требовалъ признанія Аввакума, Лазаря, Никиты и прочихъ святыми страстотерпцами и исповѣдниками. Оба эти требованія производили немалое смущеніе (1).

Но еще больше смущеніе и соблазнъ породили властолюбивыя притязанія Антонія, поставившія его въ столкновеніе съ другими епископами. Мы упоминали уже о томъ соблазнительномъ столкновеніи, какое произошло между Софроніемъ и Антоніемъ, и окончившемся въ пользу послѣдняго. Но и взявъ верхъ надъ своимъ соперникомъ, Антоній не хотѣлъ довольствоваться и благоразумно пользоваться тѣмъ положеніемъ, какъ онъ занималъ. Съ самаго начала поставленія Антонію хотя и предоставленъ былъ титулъ только архіепископа владимірскаго; но въ тоже время ему, какъ старѣйшему, дано было право жить въ Москвѣ и заправлять церковными дѣлами всѣхъ русскихъ старообрядцевъ. Сознавая это свое превосходство передъ другими старообрядческими архіереями, онъ возмечталъ о себѣ слишкомъ много, и сталъ поступать со всѣми дерзко и своевольно. Усвоивъ понятіе о себѣ, какъ о главѣ всѣхъ другихъ, существовавшихъ на Руси старообрядческихъ архіереевъ, онъ дозволилъ себѣ поддаться честолюбивой мысли — принять на себя титло,

(1) Братск. Сл. 1875 г. кн. 1, от. III, стр. 16 и 19.

которое бы прямо поставило бы его выше этихъ послѣднихъ. Мысль эту онъ привелъ въ исполненіе въ началѣ 1860 года, когда на основаніи одной Кирилловой граматы, перемѣстился съ владимірской каѳедры на московскую и сталъ писаться архіепископомъ московскимъ и всея Россіи. Изъ-за этого начались большіе раздоры и нестроенія въ старообрядческой іерархіи. Противъ Антонія вооружился Пафнутій казанскій, и сталъ обличать своевольство и честолюбіе Антонія. Послѣдній не остался въ долгу и всевозможными клеветами, позорилъ самого Пафнутія и даже публично оскорбилъ его. Пафнутій обратился къ суду и защитѣ свѣтской власти (1); за это Антоній подвергъ его запрещенію и изверженію изъ сана (2). Обстоятельство это повредило Антонію. Сторону оскорбленнаго и обиженнаго Пафнутія приняла большая часть почетныхъ старообрядцевъ, которая непомѣрно вознегодовала на самоуправство Антонія и потребовала совершеннаго удаленія его изъ Москвы. Правда, отъ этого крайняго требованія враждебной ему стороны Антоній былъ защищенъ вызваннымъ имъ на этотъ разъ изъ уединенія Пафнутіемъ коломенскимъ, но не былъ оправданъ и освобожденъ имъ отъ отвѣтственности за свой поступокъ съ Пафнутіемъ казанскимъ а также за принятіе имъ титла архіепископа московскаго и всея Руси.

По этимъ двумъ послѣднимъ винамъ его собранъ 7 февраля 1861 года соборъ, на которомъ главнымъ образомъ разсуждаемо было о томъ: „законно ли переведеніе на московскій престолъ Антонія и усвоеніе имъ титла архіепископа московскаго и всея Руси“? Вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно, съ чѣмъ согласился и Антоній, добровольно отказавшійся тогда отъ московскаго престола и подписавшійся подъ рѣшеніемъ собора такъ: „болѣе не желаю быть въ Москвѣ правителемъ церкви Христовой“ (3). Это рѣшеніе постанов-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1868 г. кн. 3. смѣсь, стр. 191.

(2) Тамъ же, стр. 200.

(3) Тамъ же, стр. 173.

лено было препроводить къ митрополиту Кириллу съ присовокупленіемъ къ сему и нѣкоторыхъ копій съ писемъ Антонія, въ которыхъ этотъ послѣдній чернилъ Кирилла и даже Павла Васильева, называя ихъ еретиками. При этомъ приложена была и просьба Кириллу, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе о перемѣщеніи на московскій престолъ Антонія, и разобралъ дѣло послѣдняго съ Пафнутіемъ Казанскимъ. Кириллъ, услышавъ о такихъ безпорядкахъ, происходившихъ въ Москвѣ единственно изъ-за притязательности Антонія, пришелъ въ крайнее негодованіе. Домогательства Антоніемъ верховной власти надъ русскими іерархами показались ему теперь равносильными отказу повиноваться бѣлокриницкой митрополіи. Сопоставляя это послѣднее съ тою зависимостію, въ которой находились до сего времени русскіе іерархи отъ него, онъ рѣшился обуздать властолюбіе Антонія, и чтобы напомнить ему о своей верховной власти надъ русскими архіереями и положить предѣлы его властолюбивымъ замысламъ, послалъ въ Москву своего намѣстника Онуфрія для разбирательства дѣла Антоніева на мѣстѣ, не обращая вниманія, что выѣзды за границу были воспрещены распоряженіями австрійскаго правительства, и забывъ примѣръ Геронтія. Чувство негодованія въ этомъ случаѣ взяло верхъ надъ чувствомъ страха за свою безопасность въ томъ случаѣ, если бы австрійское, а особенно русское правительство, узнало объ отъѣздѣ Онуфрія въ Россію. — Между тѣмъ какъ Онуфрій собирался въ Россію, Антоній и не думалъ исправляться. Онъ, хотя и самъ подписался къ рѣшенію собора касательно незаконности усвояемаго имъ себѣ титла архіепископа московскаго и всея Руси, и тѣмъ самымъ уже подтверждалъ законность соборнаго о себѣ рѣшенія, но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ оставить этого титла, и сталъ употреблять новые происки къ утвержденію его за собою. Это вѣроломное дѣйствіе Антонія снова вынудило русскихъ епископовъ вооружиться противъ него. Между тѣмъ, въ іюнѣ мѣ-

сящѣ Онуфрій прибылъ въ Москву съ полномочіемъ и порученіемъ отъ Кирилла „привести разстроенныя дѣла у русскихъ старообрядцевъ въ порядокъ и не только разобрать враждебныя столкновенія Антонія съ Пафнутіемъ казанскимъ, но и заняться избраніемъ и поставленіемъ новаго московскаго архіепископа“.—По силѣ этихъ полномочій Онуфрій не замедлилъ собрать новый соборъ въ Москвѣ „для разбирательства произведенныхъ неблагоразуміемъ Антонія церковныхъ безпорядковъ“. Послѣдній уже предчувствовалъ, что его дѣло можетъ кончиться самымъ печальнымъ для него образомъ, особенно, если онъ вздумаетъ упорствовать, и потому счелъ за лучшее — смириться и принести собору епископовъ повинную голову. Въ своемъ прошеніи отъ 10 августа 1861 года „освященному собору: боголюбивымъ епископамъ, собравшимся въ царствующемъ градѣ Москвѣ“, онъ, сваливъ вину свою предъ Пафнутіемъ казанскимъ на свою неосторожность, неосмотрительность, а больше всего на вмѣшательство врага рода человѣческаго, просилъ прощенія у собора епископовъ и въ частности у Пафнутія казанскаго, и въ заключеніе говорилъ: „я съ сего часа слагаю предъ вами, боголюбивіи святители, врученное мнѣ отъ митрополіи всея Россіи церковное управленіе и самое старѣйшинство, и представляю всѣ имѣющіяся у меня дѣла въ ваше вѣдѣніе и распоряженіе, и какіе окажутся недостатки, или упущенія, умоляю васъ, на точномъ церковныхъ законовъ основаніи, пополнить и исправить, и вторично... прошу васъ избрать и возвести на престолъ московскій другаго епископа“ (1)... По выслушаніи этого прошенія Антонія и по обсужденіи всѣхъ *винъ* его соборъ епископовъ 22 августа 1861 года постановилъ: „удалить Антонія во владимірскую губернію съ оставленіемъ за нимъ титла архіепископа владимірскаго и на мѣсто его въ

(1) Чтен. Имп Общ. ист. и древн., 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 238—239.

качествѣ управителя церковными дѣлами у старообрядцевъ избрать другаго епископа“ (1).

Во исполненіе этого послѣдняго рѣшенія на слѣдующій день (23 августа) избранъ былъ кандидатомъ на престолъ архіерейскій царствующаго града Москвы епископъ саратовскій Аѳанасій, которому и сдѣлано было въ этомъ родѣ предложеніе. Но онъ, какъ закоренѣлый раскольникъ, торжественно объявилъ, что только въ такомъ случаѣ согласится занять мѣсто Антонія, если „древнее благочестіе“ (т. е. обрядность въ богослуженіи и жизни) будетъ возстановлено во всемъ его объемѣ. Вотъ какимъ образомъ онъ формулировалъ „всероссійскому освященному собору“ тѣ строгія условія, на которыхъ только и соглашался взойти на высокій святительскій московскій престолъ: 1) „сдѣлать соборное постановленіе, чтобы уставы и чиноположенія церковныя исполнялись согласно съ правилами святыхъ отецъ и мѣстныхъ обычаевъ, какъ оныя исполнялись первоначально въ древлеправославной вѣтковской церкви, иргизскихъ монастыряхъ и на московскомъ рогожскомъ кладбищѣ, свято и неизмѣнно; а которые уставы и чиноположенія въ послѣднее десятилѣтіе были измѣнены новыми священниками, или святителями, то оныя да будутъ исправлены по древле-писаннымъ книгамъ, и прежнія порицанія и укоренія между православныхъ христіанъ дабы прекратились навсегда; 3) иноческому чину исполнять по прежде бывшему обычаю откровенія главъ: камилавокъ не снимать никогда же, развѣ точію къ причащенію св. таинъ, а куколи точію или, такъ называемыя, каптери съ камилавокъ снимать по заповѣданію святыхъ отецъ; 3) московскимъ гражданамъ древлеправославнаго исповѣданія поставить въ обязанность брадъ не брить и не подстригать. Нѣмецкое платье, какъ мужскому, такъ и женскому полу, безъ нужды не носить... Тѣмъ болѣе не подобаетъ хо-

(1) Тамъ же, стр. 246. Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1868 г., кн. 3, смѣсь, стр. 175.

дить (т. е. въ нѣмецкомъ платьѣ) на молитву и богослуженіе. Священнослужители приходили бы (т. е. къ богослуженію) въ отечественной русской одеждѣ, а женщины съ покровенной головою... 4) Внушить православнымъ христіанамъ, чтобы они дѣтей своихъ на инструментахъ органическихъ, пляскамъ и танцамъ не учили... 5) Никто бы изъ христіанъ не дерзалъ исполнять страсти богоненавистныя: курити и нюхати табакъ, подъ страхомъ наказанія и отлученія отъ церкве,.. 6) вмѣнить въ обязанность христіанамъ, чтобы во вторникъ и четвергъ, противу среды и пятка, бываемыя собранія не продолжать далѣе полунощи, и вечерей послѣ двѣнадцати часовъ не творить,... 7) въ ястіи и питіи съ иновѣрными и невѣрными православные христіане безъ всякой нужды не сообщались бы, и изъ своихъ домовъ ясти и пити въ гостинницы не ходили бы, ибо сихъ ради винъ приходитъ Божіе на сыны противленіе“ (1).

Такъ какъ подобныя условія, отлично рисующія идеалъ закоренѣлаго раскольника, по сознанію самихъ членовъ „освященнаго собора“, неисполнимы на дѣлѣ, а возможны только на словахъ, и такъ какъ онѣ высказаны были въ такомъ строгомъ и рѣшительномъ тонѣ, что ожидать какого-либо послабленія отъ человѣка, высказывающаго ихъ, было дѣломъ немыслимымъ, то и „представленіе“ Аѳанасія, не смотря на изъявленное (конечно, притворное) согласіе на него епископовъ, осталось, какъ выражается одинъ писатель, „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, и приглашенія занять мѣсто верховнаго управителя со стороны епископовъ уже не повторилось (2). Но и избранія новаго лица на это мѣсто тоже не послѣдовало. Несогласія и распри между членами раскольнической іерархіи препятствовали избранію новаго кандидата. Между тѣмъ отъ 15 ноября

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1865 г., кн. 3, смѣсь, стр. 242—243.

(2) Тамъ же, стр. 208.

1861 года Онуфрій получилъ отъ Кирилла особую „довѣрительную грамоту“, которою снова уполномочивался „привести запутанныя дѣла у московскихъ старообрядцевъ въ порядокъ“ (¹). Получивъ эту грамоту, и находя дѣломъ совершенно невозможнымъ — скоро привести въ исполненіе ея предписанія и особенно учинить избраніе епископа на московскую каѳедру, Онуфрій позаботился прежде всего организовать лучшимъ образомъ „духовный совѣтъ“, и по желанію и съ согласія русскихъ старообрядческихъ архіереевъ самъ въ качествѣ временнаго предсѣдателя этого совѣта вступилъ въ управленіе общими іерархическими дѣлами раскольниковъ въ Россіи. Антоній же, за несостоявшимся окончательнымъ выборомъ московскаго архіепископа остался все-таки въ Москвѣ, хотя значеніе его далеко уже отодвинулось на второй планъ.—Намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи не только продолжалъ жить въ Россіи, но и формально сталъ во главѣ управленія. Эти пререканія и распри, заключившіяся теперь неопредѣленнымъ положеніемъ дѣлъ и униженіемъ всѣхъ русскихъ раскольническихъ архіереевъ, не могущихъ поладить между собою,—породили крайнюю натянутость, которая естественно должна была разразиться бурею при первомъ удобномъ случаѣ, затрогивающемъ неустановившіяся понятія и сокрытыя въ душѣ личныя страсти. Такимъ образомъ будущее не предвѣщало ничего добраго.

Не менѣе треволненій испытывалъ и заграничный старообрядческій міръ, хотя треволненія эти происходили отъ другихъ причинъ. Послѣ описанныхъ уже нами событій, вызванныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ европейской Турціи появленіемъ бѣлокриницкой іерархіи, внѣшнія іерархическія дѣла шли вообще довольно стройно. Но на очередь выступилъ здѣсь иного рода вопросъ чисто религіозный, имѣвшій свою подготовку

(¹) Грамату эту см въ Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1865 г., кн. 3, смѣсь, стр. 312.

еще ранѣе появленія австрійскаго священства, и поставившій теперь его представителей въ столкновеніе съ ихъ паствою. Мы разумѣемъ вопросъ о метрическихъ записяхъ, породившій волненія особенно между молдаво-валахскими старообрядцами, и притянувшій къ себѣ вниманіе не только поименованныхъ нами старообрядцевъ съ ихъ архіепископомъ и духовенствомъ, какъ непосредственныхъ участниковъ, но и турецкихъ раскольничьихъ архіереевъ, самой бѣлокриницкой митрополіи, и даже московскаго высшаго раскольническаго духовенства.

Старообрядцы всѣхъ толковъ—вслѣдствіе непризнаннаго закономъ своего положенія въ государствѣ, издавна не были пріучены къ веденію правильныхъ метрическихъ записей, а по своему фанатическому отношенію къ православной церкви и подозрительному взгляду на власть гражданскую не долюбливали вообще никакихъ записей. Исторически создавшійся фактъ, оправдываемый ихъ исключительнымъ положеніемъ, впослѣдствіи сталъ намѣренно обставляться такими соображеніями, изъ коихъ слѣдовало, что метрическія записи вести не слѣдуетъ, что онѣ противны вѣрѣ и благочестію. Такими соображеніями дѣло о метрикахъ впервые открыто обставлено было сектою лужковцевъ (отъ посада Лужки черниговъ. губерніи), выдѣлившеюся въ концѣ царствованія императора Александра I-го по поводу указа 26 марта 1822 года, которымъ дозволялось старообрядцамъ безпрепятственно содержать бѣжавшихъ отъ православной церкви поповъ, а симъ послѣднимъ повелѣвалось „для порядка вести метрики“. Считая подобное дозволенное правительствомъ и обязанное вести метрическія записи священство неистиннымъ, эти сектанты держались только бѣствующаго *тайнаго* священствм и вмѣстѣ съ тѣмъ горячо стали высказываться и противъ веденія предписанныхъ правительствомъ метрикъ. Взглядъ лужковцевъ на метрики скоро распространился между старообрядцами, какъ русскими, такъ и заграничными, и причинилъ не мало

хлопотъ и безпокойствъ Павлу Васильеву во время его ходатайства предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи учредить въ бѣлокриницкомъ монастырѣ архіерейскую каѳедру. Въ это время онъ стоялъ, такъ сказать, на очереди между австрійскими липованами. Правительство настойчиво требовало веденія метрическихъ записей со стороны старообрядцевъ; послѣдніе же не менѣе настойчиво уклонялись отъ этого требованія, какъ противнаго ихъ религіи,—основываясь на извѣстномъ декретѣ императора Іосифа II. Павелъ Васильевъ захотѣлъ дѣйствовать противъ липованъ, сдѣлавъ изъ принятія метрикъ уступку въ виду того, чтобы удобнѣе было склонить правительство на разрѣшеніе учредить архіерейскую каѳедру. Въ виду этого онъ уговаривалъ липованъ. вносилъ это условіе въ прошенія на имя властей, но постоянно встрѣчалъ жестокій отпоръ; давалъ даже секретныя обѣщанія устроить это дѣло впослѣдствіи, но все напрасно (1). И съ учрежденіемъ митрополіи австрійскіе липоване долго уклонялись отъ употребленія метрическихъ записей, и только послѣ извѣстной Штоккеровской коммиссіи, бывшей въ 1858 году, волей-неволей вынуждены были допустить къ употребленію столь ненавистныя имъ метрическія записи, для веденія которыхъ назначенъ былъ въ Бѣлую Криницу особый отъ правительства чиновникъ. Бѣлокриницкая митрополія послѣ совершившагося факта привыкла, впрочемъ, къ такому порядку дѣлъ, и не только сама не находила въ немъ ничего противнаго религіи, но и стала поучать другихъ старообрядцевъ не противиться введенію у себя подобнаго порядка. Дѣйствительно, между австрійскими липованами мы не видимъ волненій изъ-за этого вопроса; но въ другихъ мѣстахъ нашлись фанатики, которые при первомъ удобномъ случаѣ не замедлили заявить себя,—не смотря на

---

(1) Подробности объ этомъ въ сочиненіи проф. Субботина «Происхожденіе бѣлокриницкой іерархіи».

примѣръ бѣлокриницкихъ духовныхъ властей—самыми ярыми противниками веденія метрикъ (1).

Таковыми прежде всего выказали себя кагульскіе старообрядцы (въ участкѣ прирѣзанномъ по парижскому трактату отъ Россіи къ Молдавіи). Когда въ 1860 году румынское правительство потребовало отъ нихъ веденія метрикъ и подчиненія другимъ правительственнымъ постановленіямъ, то они прямо этому воспротивились. Сопротивленіе кагульскихъ старообрядцевъ скоро нашло себѣ сочувствіе и въ другихъ раскольническихъ селеніяхъ Молдавіи, и болѣе всего у жителей Браилова и окрестныхъ раскольническихъ поселеній и особенно обширнаго селенія Хуторъ. Обнаруживъ сопротивленіе метрическимъ записямъ, жители этихъ селеній непріязненно стали смотрѣть на тѣхъ старообрядцевъ, кои въ принятіи метрикъ не видѣли ничего богопротивнаго; они считали ихъ людьми, къ коимъ приразилась „душепагубная ересь“. При этомъ ихъ смущало особенно то обстоятельство, что и высшія духовныя власти, какъ то: Аркадій васлуйскій, Аркадій славскій и даже самъ митрополитъ Кириллъ, какъ это они отчасти слышали, а отчасти навѣрное знали, относились къ употребленію метрикъ очень равнодушно, и даже готовы были признать ихъ, а нѣкоторые даже и признали, учрежденіемъ законнымъ и полезнымъ.

Между тѣмъ въ февралѣ 1862 года правительство заявило свое требованіе и по отношенію къ браиловскимъ и хуторскимъ старообрядцамъ: ихъ попамъ Ивану Юдину и Аггею присланы были чрезъ мѣстнаго православнаго протоіерея тетради и листы для веденія по нимъ метрическихъ записей въ ихъ приходахъ. Попы, зная взглядъ своей паствы на употребленіе метрикъ, не рѣшились безъ ея согласія приступить къ выполненію этого правительственнаго требованія,

(1) Дальнѣйшій разсказъ заимствованъ изъ статьи, помѣщенной въ «Душеп. Чт.» за 1867 г. ч. III. «Раскольническіе споры о метрикахъ».

а предварительно объявили своимъ пасомымъ, чтобы они на общемъ совѣтѣ рѣшили — принимать ли эти тетради или нѣтъ. За общимъ совѣтомъ дѣло не стало. Собралось шумное собраніе, на которомъ главные ненавистники метрикъ рѣшительно объявили, что метрики — „страшная и всепагубная антихристова прелестная статья“, что „къ нимъ невозможно коснуться ниже перстомъ“ и что поэтому никакъ не слѣдуетъ подчиняться столь губительному для души распоряженію внѣшней власти, хотя бы пришлось за такое противленіе и пострадать отъ нея. Съ этимъ взглядомъ на метрики согласилось большинство браиловскихъ и хуторскихъ старообрядцевъ, и только немногіе были противъ него, хотя вслухъ этого и не высказали.

Заручившись съ перваго раза этимъ, почти общимъ, сочувствіемъ, главные метрикоборцы тогда же порѣшили подать правительству прошеніе, въ которомъ объяснить, что метрики принять они несогласны, и что если правительство станетъ настаивать на своемъ, то пусть дозволитъ имъ „выходить изъ Молдавіи, куда Богъ управитъ“. Во этомъ смыслѣ составлено было прошеніе и отправлено въ Бухарестъ. Въ это время главные метрикоборцы, чтобы сильнѣе подѣйствовать на народъ и прочнѣе закрѣпить вліяніе, занялись распространеніемъ различныхъ нелѣпыхъ аргументовъ, направленныхъ противъ душепагубности и богопротивности „антихристовой прелестной статьи“, т. е. метрикъ. Появилась картина, изображавшая двѣ церкви:—не пріемлющую метрики и пріемлющую: въ первой изображены были Христосъ, воспринимающій младенца отъ купели, и ангелъ, записывающій имя новокрещеннаго въ свитокъ; а въ другой намалеваны были два безобразные діавола, исполняющіе тѣже самыя дѣйствія. Пущены были въ ходъ странныя толкованія писанія, направленныя противъ метрикъ; говорили, что въ извѣстной пѣсни: „Вечери твоей тайнѣй“..., — слова: „не повѣмъ врагомъ твоимъ тайны твоея“—означаютъ то, что о тайнахъ христіанскихъ: — крещеніи, бракѣ и

др. не слѣдуетъ объявлять еретикамъ—врагамъ Христовымъ, а метрики для того и ведутся, чтобы еретикамъ о сихъ тайнахъ было вѣдомо".

Въ этихъ волненіяхъ мірянъ должна была волей-неволей принять участіе и іерархія. Когда Аркадій васлуйскій случайно посѣтилъ Браиловъ, метрикоборцы устремились къ нему съ просьбою, чтобы онъ издалъ по своей епархіи распоряженіе—не имѣть при церквахъ метрическихъ книгъ. Аркадій, какъ ни сильно тронутъ былъ подобною неурядицею своихъ браиловскихъ пасомыхъ, тѣмъ не менѣе исполнить просьбу метрикоборцевъ положительно отказался. Онъ сказалъ имъ, что „въ писаніи о метрикахъ нѣтъ писаннаго, и всѣ наши архіереи не признаютъ за ересь, и я также человѣкъ подначальный: если вамъ уважитъ правительство, доброе дѣло: аще ли ни, то мы несогласны оставить церковь и священство и вамъ совѣтую держаться священства и церкви".

Отказъ Аркадія на столько не понравился метрикоборцамъ, что многіе изъ нихъ тогда же изъявили намѣреніе отдѣлиться отъ архіереевъ, потворствующихъ еретической метрикѣ. Между тѣмъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, изъ Бухареста полученъ былъ отказъ на прошеніе метрикоборцевъ, при чемъ было объявлено, что въ видахъ побужденія къ скорѣйшему и непремѣнному введенію метрикъ, назначится военная экзекуція,—каковая спустя немного и явилась къ нимъ. Такой исходъ дѣла крайне опечалилъ просителей, и вызвалъ ихъ на новыя хлопоты по тому же самому дѣлу. На этотъ разъ они снарядили въ Бухарестъ депутацію изъ двухъ человѣкъ съ порученіемъ — похлопотать предъ „большими лицами" о милостивомъ рѣшеніи ихъ дѣла, развѣдать, за какую сумму можно будетъ откупиться отъ метрики, и, въ случаѣ рѣшительнаго неуспѣха, подать прошеніе о переселеніи изъ молдавскаго княжества въ Турцію. Прибывъ въ Бухарестъ, депутаты начали хлопотать по своему дѣлу и въ концѣ концовъ уладили его такимъ образомъ, что одинъ сенаторъ за

условленную плату въ 500 червонцевъ пообѣщалъ имъ, что желаніе браиловскихъ и хуторскихъ раскольниковъ—освободиться отъ веденія метрикъ—будетъ исполнено, и духовенство ихъ не станутъ обязывать къ веденію метрическихъ записей, а только по временамъ гражданское начальство будетъ отбирать у нихъ свѣденія о родившихся и умершихъ, помимо духовенства. Обѣщаніе, дѣйствительно, было исполнено; браиловскія и хуторскія церкви отъ веденія метрикъ освобождены.

Но дѣло, улаженное предъ правительствомъ, не могло уладиться среди самихъ старообрядцевъ. Еще до полученія формальнаго освобожденія отъ веденія метрикъ, когда депутаты уладили свое дѣло только еще съ однимъ сенаторомъ,—нѣкоторые изъ метрикоборцевъ замѣтили, что покупаемую ими свободу отъ метрикъ нельзя еще назвать полною свободой, что она повреждается въ чистотѣ своей общеніемъ съ тѣми духовнаго и мірскаго чина лицами, которые метрики имѣютъ и за благую мѣру полагаютъ, потому что состоять съ ними въ духовномъ общеніи—значитъ согласоваться съ ними и въ понятіи о метрикѣ, и что, стало быть, для полноты и совершенства этой свободы необходимо *расторгнуть и всякое общеніе съ пріемлющими и одобряющими всепагубную метрику.* Это разсужденіе было предложено руководителями метрикоборства въ ближайшій праздникъ преполовенія послѣ обѣдни и народу, и хотя встрѣтило на этотъ разъ сопротивленіе со стороны попечителя и уставщика—которые говорили, что мірянамъ не подобаетъ отторгаться отъ единенія съ своими архипастырями до соборнаго надъ ними суда, тѣмъ не менѣе, — поелику большая часть народа и самъ браиловскій попъ Иванъ Юдинъ были на сторонѣ подобнаго предложенія,—повело за собою рѣшеніе: — „тѣхъ, кои побораютъ по метрикѣ, или имѣютъ ее, оставить на волю Божію, а съ ними соединенія или совокупленія никоего не имѣть въ молитвословіи, и на эктеніяхъ не поминать ихъ, — имѣющихъ сію заразу“. По силѣ такого рѣшенія Ки-

риллъ и мѣстный архіепископъ Аркадій исключены были изъ церковнаго поминовенія, и вмѣсто ихъ стали поминать заточенныхъ митрополита Амвросія и епископа Конона Новозыбковскаго. Хуторскій попъ Аггей, не участвовавшій въ подобномъ рѣшеніи, не избѣгъ однакожъ принятія его. Ему предложено было метрикоборцами одно изъ двухъ—или согласиться съ ними, или выходить вонъ изъ прихода, и онъ „съ великимъ прискорбіемъ“ долженъ былъ избрать первое. Но изъявивъ подобное вынужденное согласіе на рѣшеніе метрикоборцевъ, Аггей все-таки признавалъ, что ихъ дѣло противозаконно, что оно угрожаетъ большимъ церковнымъ раздоромъ, и что поэтому необходимо какъ-нибудь пріостановить его. Въ этомъ случаѣ, повидимому, соглашался съ нимъ и попъ Иванъ Юдинъ, и вотъ оба они придумали обратиться за совѣтомъ и помощію въ этомъ дѣлѣ къ одному изъ болѣе вліятельныхъ старообрядческихъ архіереевъ—Аркадію славскому, который въ Духовъ день долженъ былъ пріѣхать въ неподалеку лежащее отъ нихъ турецкое раскольничье селеніе Камень. Сюда къ этому времени и отправились они съ нѣсколькими стариками — своими прихожанами, разсказали Аркадію въ чемъ дѣло, и получили отъ него увѣщательное къ метрикоборцамъ посланіе, въ которомъ говорилось, что „метрика по волѣ царей учреждена во всей вселенной“, что „наши братія въ Россіи не препятствуютъ ей, ибо она не отъ насъ; намъ не нужны ни паспорты, ни ревизіи, ни метрики, — все это требуютъ цари, а не духовенство“, что „метрикоборцы-раздорники берутъ на себя несвойственное имъ дѣло — судить своихъ іерарховъ, что они забыли *свой санъ и свою мѣру, себя сотворили главою, а горныя долу превратили и Хуторъ превратили въ Содомъ*“ и проч. Когда это Аркадіево посланіе прочитано было Аггеемъ своимъ прихожанамъ—метрикоборцамъ, то послѣдніе обнаружили имъ крайнее недовольство и „еще болѣе воскрамолились“. Одинъ изъ нихъ,—человѣкъ вліятельный въ своемъ обществѣ,

сей-часъ же забралъ книги, которыми пользовалась отъ него хуторская церковь, объявилъ, что больше не принадлежитъ къ ней, и съ неудовольствіемъ вышелъ вонъ. Послѣ этого метрикоборцы отказались быть въ общеніи и съ своимъ попомъ Аггеемъ, закрѣпили за своею стороною другаго Ивана Юдина, и съ нимъ во главѣ стали уже окончательно сформировываться въ отдѣльный лагерь, и готовиться къ открытому разрыву со всей раскольнической іерархіей „изступившей православія за пріятіе еретической метрики“.

Но прежде этого разрыва метрикоборцы хотѣли узнать навѣрное, какъ думаетъ о метрикѣ глава ихъ іерархіи — Кириллъ, — такъ какъ только по слухамъ было извѣстно, что въ Бѣлой Криницѣ метрическія записи ведутся. Съ этою цѣлію они рѣшили предложить Кириллу нѣсколько вспросовъ, именно: дѣйствительно ли имъ приняты метрики, какъ они слышали объ этомъ, и если приняты, то какъ ведутся,—съ волею ли его, или безъ его воли сами еретики пишутъ, и какъ самъ онъ понимаетъ о метрикахъ, — вредъ ли они церковный, или нѣтъ? На всѣ эти вопросы они рѣшили просить отъ него письменнаго отвѣта. Въ этомъ духѣ составлено было попомъ Иваномъ Юдинымъ довольно хитрое и лукавое посланіе, въ которомъ главному дѣлу предпослано было нѣсколько предварительныхъ указаній на то, какъ хуторскіе и браиловскіе старообрядцы хлопотали предъ правительствомъ объ освобожденіи ихъ отъ метрикъ, и какъ получили эту свободу, какъ ихъ высшее духовенство несочувственно и даже враждебно отнеслось къ этому ихъ возстанію противъ „прелестной статьи“, т. е. метрикъ, и какъ за это они отказались отъ общенія съ нимъ, слышали они, что и у него, Кирилла, въ митрополіи метрика употребляется безвозбранно, а потому и его перестали поминать въ своихъ домашнихъ и церковныхъ молитвахъ; затѣмъ слѣдовало изложеніе самыхъ вопросовъ. Это посланіе за подписомъ болѣе 60 хуторскихъ и браиловскихъ метрикоборцевъ чрезъ одно-

го изъ нихъ 21 іюня и отправлено было въ Бѣлую Криницу.

Кириллъ, прежде чѣмъ дошло до него это посланіе, уже хорошо зналъ о всѣхъ безпорядкахъ, происходившихъ у браиловскихъ и хуторскихъ старообрядцевъ, и даже рекомендовалъ, кому слѣдовало, нѣкоторыя мѣры противъ этихъ безпорядковъ. Такъ 11 іюня онъ писалъ Аркадію васлуйскому, „чтобы тѣхъ кривотолковъ отлучить совсѣмъ отъ церкви и сообщенія съ вѣрными и предать проклятію, да не въ тую же мѣру зломудрія и прочихъ всѣхъ влекутъ“. Получивъ посланіе, Кириллъ рѣшилъ отвѣчать метрикоборцамъ въ томъ же строгомъ духѣ, какого совѣтовалъ держаться по отношенію къ нимъ Аркадію васлуйскому, и такимъ образомъ разрывъ съ той и другой стороны готовъ былъ совершиться. Въ отвѣтномъ посланіи метрикоборцамъ, Кириллъ прежде всего давалъ вопрошателямъ отвѣты на ихъ вопросы, при чемъ со всею откровенностію говорилъ, какъ первоначально и въ Бѣлой Криницѣ уклонялись отъ веденія метрикъ, какъ потомъ правительство потребовало этого отъ тамошнихъ старообрядческихъ властей, и потребовало такъ настоятельно, что, не смотря на всѣ сопротивленія послѣднихъ, опредѣлило одного человѣка въ Бѣлую Криницу для веденія метрикъ, каковой „и до днесь постоянно здѣ пребываетъ и свою должность исполняетъ“, и какъ наконецъ сами старообрядческія власти „по многоиспытанномъ сужденіи“ о метрикахъ убѣдились, что веденіе ихъ есть внѣшнее государственное уложеніе и нужно для общаго свѣдѣнія народнаго числа и для избѣжанія могущихъ происходить различныхъ противныхъ государству обстоятельствъ, до церковныхъ же догматовъ и внутренняго нарушенія православныя нашея вѣры отнюдь не касается, или коснутися можетъ“... „По сицевымъ обстоятельствамъ, писалъ Кириллъ, и вамъ не требуется сомнѣваться за нихъ, не сотворяющихъ Божія церкви ни единаго вреда“... „Аще ли же нашего наказанія преслушаете и

въ своемъ заблужденіи пребудете, не познавая своего прегрѣшенія: тогда церковь Христова, по словамъ апостола, яко по первомъ и второмъ наказаніи неисправимыхъ, принуждена будетъ на виновниковъ и предводителей сицеваго раздора, изложить по правиламъ св. отецъ законныя клятвы, и отсѣщи ихъ совсѣмъ отъ божественной церкви, да не прочихъ въ тую же погибель вовлекутъ. Священнику же Іоанну нѣсть отъ насъ благословенія приступати ко всякому священнодѣйствію, дондеже не отторгнется отъ богомерзкаго сонмища и суемудрія не лишится".

Эта митрополичья грамата принята была метрикоборцами какъ только документальное основаніе для задуманнаго ими окончательнаго отдѣленія отъ митрополіи и всей бѣлокриницкой іерархіи, и вполнѣ развязала имъ руки дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе въ этомъ направленіи. Попъ Иванъ Юдинъ, которому посылалось въ этой граматѣ запрещеніе священствовать, сей часъ же вмѣнилъ это запрещеніе ни-во-что, и на другой же день съ общаго одобренія своихъ прихожанъ священнодѣйствовалъ. Мало этого, считая себя теперь окончательно главою крамольниковъ, онъ, для разсужденія о Кирилловой граматѣ и для окончательнаго установленія отношеній своей партіи къ пріемлющимъ метрики іерархамъ, назначилъ на 22 іюля въ Браиловѣ помѣстный соборъ изъ всѣхъ метрикоборцевъ браиловскихъ, хуторскихъ, кагульскихъ, галацкихъ и др. Въ Кагулъ послалъ письменное приглашеніе, а въ Галацы для этой цѣли отправился самъ лично, и здѣсь, чтобы расположить больше народа въ свою пользу, говорилъ между прочимъ: „я бѣлокриницкое священство считаю неправильнымъ и исполненнымъ ересей, потому что приняло новшество, душепагубную метрику. Меня не считайте, что я принадлежу къ бѣлокриницкому священству, и кто хощетъ души спасенія и желаетъ избавиться душепагубной метрики, тотъ долженъ удалиться бѣлокриницкаго священства, а съ требами чтобы обращались ко мнѣ".—

Это разсужденіе вполнѣ достигло своей цѣли, народъ сочувственно отнесся къ нему и высказалъ попу Ивану полнѣйшую готовность пріѣхать на соборъ. Подобною же готовностію на приглашенія явиться на соборъ откликнулись крамольники и другихъ мѣстностей, и соборъ такимъ образомъ, назначенный на 22 іюля, состоялся. На немъ предсѣдательствовалъ и больше всѣхъ витійствовалъ противъ метрикъ попъ Иванъ, и витійствовалъ такъ удачно, что вызвалъ себѣ общую всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ крамольниковъ благодарность, а по отношенію къ дѣлу соборнаго разсужденія—единодушное рѣшеніе: „почитать отселѣ находящимися въ ереси и митрополію и всю бѣлокриницкую іерархію и никакого съ ними общенія не имѣть“. Послѣ такого строгаго опредѣленія естественно нужно было ожидать, что всякое осужденіе и анаѳема, посланныя къ этимъ крамольникамъ со стороны ихъ архіереевъ, могутъ только еще болѣе раздражить ихъ, но отнюдь не вразумить. Такъ дѣйствительно вскорѣ и случилось. Аркадій васлуйскій прислалъ въ Браиловъ грамату, въ которой подвергалъ попа Ивана анаѳемѣ за то, что онъ, не смотря на запрещеніе, продолжалъ служить. Грамата эта скоро облетѣла крамольниковъ всѣхъ мѣстностей, и вездѣ вызвала однѣ волненія и негодованія противъ писавшаго ее. А въ Галацахъ уставщикъ тамошней церкви подъ впечатлѣніемъ этой граматы даже рѣшился отказаться отъ церкви, выложилъ ключи на клиросѣ и сказалъ: „пусть кто хочетъ, тотъ и служитъ“.

Слухи о подобныхъ волненіяхъ и безпорядкахъ быстро распространились по всему заграничному и русскому старообрядческому міру, и повсюду вызвали ревнителей и радѣтелей старообрядчества на изысканіе средствъ и мѣръ для прекращенія и подавленія этихъ волненій и безпорядковъ. Самъ Кириллъ, осаждаемый отвсюду письмами, въ которыхъ рекомендовался для прекращенія этихъ волненій великій соборъ, какъ единственно надежное средство для этого, склонился на

сторону этихъ мнѣній и немедленно сдѣлалъ распоряженіе о составленіи такого собора, на коемъ онъ проэктировалъ предложить прельщенному народу увѣщаніе, дабы примирились съ Христовой церковію; потомъ священника Іоанна низвергнуть изъ священнаго сана и предать проклятію со всѣми его приверженцами, а обратившемуся и покаявшемуся прощеніе, миръ и благословеніе даровать и тѣмъ соборъ заключить. Мѣсто для собора назначить въ Браиловѣ".

Между тѣмъ стали проходить цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, а собора все не было и не было. Кажется, самъ Аркадій, котораго Кириллъ просилъ и уполномочивалъ заняться составленіемъ собора, нарочито замедлялъ и затягивалъ это дѣло. Онъ находилъ, что соборъ, на созваніе котораго настаивалъ Кириллъ, есть средство слишкомъ рѣшительное, способное надѣлать больше—шума и тревоги, чѣмъ чего-либо хорошаго, и потому, отодвигая это средство пока на задній планъ, онъ прежде занялся испробованіемъ менѣе рѣшительныхъ средствъ для усмиренія крамольниковъ; каковы: словесныя и письменныя увѣщанія къ нимъ, пастырскія посланія и проч. Такъ онъ посылалъ къ попу Ивану Юдину, главѣ метрикоборцевъ, свои пастырскія увѣщательныя посланія, иногда даже и очень строгія, приглашалъ его пріѣхать къ себѣ для личныхъ объясненій, принимая при этомъ на свой счетъ всѣ путевыя издержки и проч.

Въ выборѣ подобныхъ средствъ для усмиренія метрикоборцевъ на этотъ разъ сошлись съ Аркадіемъ и другіе старообрядческіе архіереи, рѣшившіеся дѣйствовать противъ крамольниковъ путемъ словесныхъ убѣжденій. Аркадіемъ славянскимъ составлено было цѣлое сочиненіе „о метрикахъ", въ которомъ собрано было изъ „божественныхъ книгъ" много мѣстъ въ пользу метрикъ, и которое послѣ предварительнаго просмотра Кирилломъ, пущено было въ ходъ между метрикоборцами. Подобное же сочиненіе, только болѣе обстоятельное, подъ названіемъ: „о метрической записи противъ ху-

торскихъ раздорниковъ", вышло тогда и изъ подъ пера Пафнутія епископа коломенскаго, который предпринялъ этотъ трудъ по порученію находившихся тогда въ Москвѣ старообрядческихъ духовныхъ властей. Апостольскій церковный законъ, писалъ онъ, повелѣваетъ не только словесно проповѣдывать, но и въ книги памятныя о исполненіи христіанскихъ таинъ записывать; въ частности строго заповѣдано исполнять сіи правила относительно таинствъ крещенія и брака. У насъ же... все блазненно, все смущено. Отчего напр. повсемѣстно между нашими старообрядцами произошла въ бракахъ такая путаница, что въ 1860 году нашъ россійскій освященный соборъ едва могъ съ немалымъ трудомъ и грѣхомъ распутать ее? Отчего, какъ въ вашихъ странахъ, такъ и здѣсь въ Россіи многіе оказались въ беззаконномъ кровосмѣшеніи сожительствующіе? Оттого, что у насъ родословныхъ или метрическихъ записей не было; у насъ не было вписываемо, кто кого родилъ, кто крестилъ, и кто были воспріемники, и въ какомъ кто находится колѣнѣ: не по чему разобрать родства, конца краю не найдешь сей путаницы. Люди въ законѣ жительствующіе сдѣлались не лучше скота: скотъ въ стадахъ имѣетъ свое по племенамъ счисленіе, а люди не желаютъ имѣть порядка церковнаго и гражданскаго, подобно дикимъ звѣрямъ, человѣческаго участія не имѣющимъ. Если, по мнѣнію суевѣровъ, не нужны метрическія, памятныя записи (почитаемыя ими ересью), то для чего же въ книгѣ Кормчей въ главахъ 50, 51 и 52 изложены законы родословные? Безсмысленные крамольники, не зная, какъ должно покоряться законамъ церковнымъ, желаютъ быть законоучителями, а сами не понимаютъ, на чемъ утверждаются... Отвергая метрическія записи, они сопротивляются законамъ церковному и гражданскому... Самъ Спаситель вписанъ былъ вмѣстѣ съ другими въ книгу во время народной переписи, бывшей при Кесарѣ Августѣ, и Самъ же заповѣдалъ людямъ *воздавать Кесарева Кесареви, а Божія Богови* (Лук. зач.

101). Но кривотолки говорятъ, что Іисусъ Христосъ вписанъ былъ со всѣми въ ревизію, а не въ метрику. Правда, тогда еще не было названія метрикъ; а давно ли Русь святая познакомилась съ ревизіей? у насъ въ Россіи, до времени Петра перваго, не знали, что̀ такое ревизія. Впрочемъ наши фанатики привыкли къ ревизіи; имъ противны метрики. Но если бы метрики не назывались метриками, а просто записными или памятными, или обывательными, или родословными книгами, то что изъ сего было бы? развѣ названіе судится, а не вещь и дѣйствія? Смѣха достойное суевѣріе! Да знаютъ безсмысленные лжеучители, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ вписанъ былъ въ двухъ записяхъ:—въ ревизію и метрику: въ ревизію по повелѣнію Августа, всея вселенныя обладателя, а въ метрику по распоряженію мѣстной іудейской власти. Ибо у евреевъ сверхъ государственной всеобщей ревизіи, были особыя свои церковныя записи, или родословныя книги—одно и тоже, что „метрики“, въ которыя вписывались (исключая иноплеменниковъ) израильтяне.... Итакъ по силѣ этихъ доказательствъ мы увѣряемся, что метрическія записи исполнять слѣдуетъ, какъ священный законъ церкви, какъ полезный порядокъ власти гражданской. Отселѣ положимъ начало нашего старанія, — всемѣрно да будетъ установлено, чтобы по всѣмъ единовѣрнымъ намъ церквамъ каждый священнослужитель имѣлъ и производилъ точныя и подробныя метрическія записи, не смотря на хуторскихъ раскольниковъ, если они безумно о семъ соблазняются“.

Но какъ это сочиненіе Пафнутія, такъ и сочиненіе Аркадія славскаго, равнымъ образомъ и увѣщательныя посланія, какія писалъ Аркадій васлуйскій, не достигли своей цѣли. Правда, нашлись было между ними „маломощные“ люди, которые, прочитавъ сочиненіе Пафнутія, бывшее выразителемъ мнѣній всѣхъ русскихъ старообрядческихъ архіереевъ, пришли въ немалое затрудненіе по тому поводу, что на ихъ сто-

ронѣ не было ни одного архіерея, и чрезъ это стали даже удерживаться отъ полнаго общенія съ своими собратіями—крамольниками; но тутъ къ нимъ на выручку подоспѣли ярые крамольники, которые распространили слухъ, что на ихъ сторонѣ найдется не менѣе пяти русскихъ архіереевъ, при чемъ рѣшительно указывали, какъ на своего единомышленника, на извѣстнаго Софронія Жирова. Въ тоже время чтобы оградить этихъ „маломощныхъ“ отъ вліянія тѣхъ, которые находили въ сочиненіяхъ защитниковъ метрикъ, нѣчто доброе, и совершенно изолировать свою партію отъ таковыхъ, они съ попомъ Иваномъ во главѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ совсѣмъ оставили браиловскую церковь „забравъ изъ нея ризы, стихари, деньги, книги, ладонъ и огарки“, и вмѣсто нея задумали взять въ свое владѣніе церковь хуторскую на томъ основаніи, что ее строилъ одинъ изъ самыхъ горячихъ метрикоборцевъ.

Но и послѣ этого Аркадій васлуйскій все еще почему-то не терялъ надежды на то, чтобы на раздорниковъ совершенно не могло подѣйствовать слово убѣжденія; въ этой надеждѣ онъ назначилъ къ опустѣвшей браиловской церкви одного изъ своихъ начетчиковъ—попа Іакова, чтобы онъ служилъ при ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о прекращеніи раздора. Попъ Іаковъ, прибывъ въ свой новый приходъ, скоро замѣтилъ всю неловкость своего положенія въ немъ. Въ первую же службу въ браиловской церкви онъ увидѣлъ въ ней не болѣе 15-ти человѣкъ—богомольцевъ, и отъ раздорниковъ по этому поводу услышалъ довольно ядовитую насмѣшку: „звонятъ много, а церковь пуста“. Однакожъ не смотря на это, онъ старался испробовать мѣры убѣжденія къ крамольникамъ: посылалъ къ попу Ивану нѣсколько увѣщательныхъ посланій, съ главными метрикоборцами вступилъ однажды даже въ публичное преніе; но все оказалось напраснымъ; раздорники все дальше шли отъ истины, чѣмъ приближались къ ней.

Но въ то время, какъ всѣ разумныя убѣжденія оказались безуспѣшны, на выручку явились разныя не-

лѣпые фантастическіе разсказы. Кто-то распустилъ слухъ, что „къ одному изъ самыхъ закоренѣлыхъ метрикоборцевъ—летаетъ по ночамъ огненный змѣй, что какой-то женщинѣ (во снѣ или на яву и сама не знаетъ) было видѣніе—видѣла она рѣку большую и идетъ чрезъ нее попъ Иванъ Юдинъ, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже уходитъ въ воду, наконецъ и захлебнулся совсѣмъ“... Эти страшные слухи произвели свое дѣйствіе; многіе, какъ писалъ попъ Іаковъ къ Кириллу, отстали отъ Ивана, хотя и не приставали еще къ противной сторонѣ.

Но само собою понятно, что подобное средство дѣйствительно только для нѣкоторыхъ и на короткое время, и во всякомъ случаѣ всегда употреблять его противъ раздорниковъ было нельзя. Поэтому необходимо было подыскать такое средство, которое бы повело за собою болѣе прочные результаты. Общее мнѣніе склонялось теперь на сторону того средства, которое уже около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ предлагалъ Кириллъ; т. е. на сторону „великаго собора“, о составленіи котораго, вслѣдствіе вторичной просьбы о томъ Кирилла, и началъ хлопотать Аркадій васлуйскій. По его приглашенію къ концу ноября (1862 г.) съѣхалось въ Браиловъ нѣсколько духовныхъ старообрядческихъ особъ, въ числѣ которыхъ былъ и епископъ тульчинскій Іустинъ. 27-е число этого мѣсяца назначено было днемъ для открытія собора, и ожидаемо было поэтому многими съ нетерпѣніемъ. Попу Ивану Юдину и главнымъ метрикоборцамъ посланы были приглашенія на соборъ; но изъ нихъ никто не заблагоразсудилъ принять этого приглашенія. Собору оставалось такимъ образомъ разсуждать о дѣлѣ, главнымъ образомъ касавшемся метрикоборцевъ, безъ ихъ участія. Прежде всего составлено было и подписано всѣми священными лицами опредѣленіе объ изверженіи попа Ивана изъ священнаго сана; потомъ прочитано было нѣсколько писемъ, изъ которыхъ однѣ писаны были къ раздорникамъ, а другія вышли отъ нихъ; затѣмъ вы-

читано было нѣсколько мѣстъ изъ бесѣдъ апостольскихъ и большаго катихизиса о церкви, изъ Никона Черныя горы — о покорении церковнымъ священноначальникамъ: „и по сихъ возглашено: придержитесь сего слова православные христіане“... Этимъ соборъ и закончился.

Судя по тому, что на этомъ соборѣ не присутствовалъ никто изъ крамольниковъ, и что попъ Иванъ еще заранѣе высказывалъ, что „онъ этому собору не покорится, такъ какъ всѣхъ пріемлющихъ метрику епископовъ, не исключая и самого митрополита, онъ считаетъ за еретиковъ, естественно нужно было ожидать, что крамольники не придадутъ этому собору никакого значенія. Такъ дѣйствительно и случилось. 29 ноября они составили у себя въ Хуторѣ нѣчто въ родѣ собора, гдѣ попъ Иванъ Юдинъ вопросилъ всѣхъ собравшихся: „примутъ ли его за попа“? Всѣ единодушно отвѣчали: „примемъ, — мы считаемъ изверженіе ихъ наравнѣ съ католическимъ. Съ тѣмъ началъ положили и пошли къ нему подъ благословеніе“. При этомъ строгое рѣшеніе собора по отношенію къ попу Ивану Юдину вызвало и со стороны раздорниковъ не менѣе строгое опредѣленіе: „принимать всѣхъ приходящихъ къ нимъ изъ противнаго лагеря третьимъ чиномъ какъ еретиковъ“.

Итакъ для усмиренія раздорниковъ оказалось не дѣйствительнымъ и такое рѣшительное средство, какъ „великій соборъ“. Послѣ этого снова посыпались къ нимъ увѣщательныя письма со всѣхъ концовъ широкаго старообрядческаго міра; снова пущены были въ ходъ разсказы о всевозможныхъ видѣніяхъ. Говорили напр., что „одинъ старикъ лежалъ въ болѣзни и видѣлъ въ откровеніи разстригу Юдича съ жидами, что женщина нѣкая на исповѣди отцу Аггею объяснила, что она сумнѣвалась объ обѣихъ странахъ и за то вооружилась усердно Бога просить, да явитъ ей истинную вѣру, и въ нѣкое время, по скончаніи молитвы сѣла опочинуть и задремала и видитъ попадью

Иванову, идущу и плачущуся и глаголющу: что сдѣлали? погибаемъ мы,—что ни сварю, все съ червями!— и показала ей чашу. Женщина же, увидѣвши, увѣрилась отъ того, о видѣніи же просила никому же явити. И самъ отецъ Аггей сказывалъ, — видѣлъ во снѣ Ананія (1) слѣпаго, ѣздящаго по лядащему полю на слѣпомъ конѣ". Но ни письма, ни эти разсказы теперь не принесли пользы. „Якоже ни земли потрясеніе, доносилъ попъ Іаковъ Кириллу, ни каменное разсѣданіе, ни мертвыхъ воскресеніе жидовъ препрѣша, ни церковная катапетасма: тако и сихъ погибельныхъ отступниковъ ничѣмъ уцѣломудрить невозможно". Можетъ быть старообрядческій міръ еще долго занятъ бы былъ и тревожился этими волненіями, если бы онѣ вскорѣ не были поглощены другими сильнѣйшими волненіями, наступившими въ старообрялчествѣ изъ-за „Окружнаго посланія" и другихъ нѣкоторыхъ вопросовъ.

Описывая волненія молдавскихъ старообрядцевъ изъ-за метрикъ, мы видѣли, что главные мотивы, заправлявшіе этими волненіями, были почти тѣ же самые, какими заправлялась и извѣстная намъ размолвка московскихъ вождей раскола съ своими духовными особами, т. е. что и молдавскимъ вожатаямъ раскола такъ же какъ и московскимъ и при новомъ порядкѣ дѣлъ хотѣлось отстоять и удержать за собою прежнее право „законодательства и начальничества" въ расколѣ, и ни въ какомъ случаѣ не уступать его своему духовенству. Замѣтная разница тутъ состояла только въ томъ, что московскіе вожатаи раскола ратовали попреимуществу изъ-за преобладанія власти въ немъ, молдавскіе же поставили дѣло на догматическую почву и видимо старались удержать за собою право разбирать религіозные вопросы, и по нимъ поставлять тѣ или другія рѣшенія.

---

(1) Это одинъ изъ метрикоборцевъ умершій послѣ предварительной исправы у попа Ивана Юдина.

Такъ еще въ періодъ лучшей жизни австрійскаго священства,—въ періодъ быстраго развитія и распространенія его, уже стали прокрадываться въ окормляемую имъ среду старообрядчества несогласія, нестроенія и раздоры. Правда, до сего времени эти нестроенія и раздоры были еще не особенно замѣтны и не особенно гибельны для австрійскаго согласія, но дѣло въ томъ, что въ нихъ, какъ мы замѣтили и выше, лежало сѣмя и залогъ дальнѣйшихъ, отчасти выродившихся отсюда, неурядицъ и раздоровъ въ старообрядчествѣ, разросшихся впослѣдствіи до громадныхъ и неугасимыхъ размѣровъ. Искрою, воспламенившею до такихъ размѣровъ этотъ готовый горючій и уже загоравшійся матеріалъ послужило „Окружное посланіе“.

М. Монастыревъ.

О САМОЗАРОЖДЕНІИ ОРГАНИЗМОВЪ [1].

—

Во времена боговдохновеннаго псалмопѣвца одинъ только безумный, и тотъ только въ сердцѣ своемъ, могъ сказать, что нѣтъ Бога; но въ наше просвѣщенное время всѣ усилія многихъ представителей опытнаго знанія, мыслящихъ себя по преимуществу передовыми людьми, клонятся разными путями къ отрицанію истины бытія Божія,—истины, освященной вѣковыми вѣрованіями всего человѣчества, имѣющей свое коренное основаніе во внутреннемъ существѣ человѣческаго духа и подтверждаемой сверхъ-естественными откровеніями и самымъ фактомъ существованія и мудраго устройства видимаго міра, съ каковымъ означенные люди знакомы несравненно болѣе, чѣмъ люди не посвященные въ тайны естествознанія. По причинѣ близкаго знакомства съ предметами и явленіями видимаго міра, поражающими своею цѣлесообразностью и строгою законностью отношеній, означенные люди должны-бы были глубже напечатлѣть въ своемъ сердцѣ истину бытія Божія, какъ мы это дѣйствительно и видимъ на примѣрѣ Ньютона, Коперника, Чарльза Ляйэйля и другихъ геніальныхъ ученыхъ; но, странное дѣло, современные натуралисты чѣмъ болѣе углубляются въ изученіе своего предмета, тѣмъ болѣе они стараются не только позабыть эту священную истину, усвоенную ими въ дѣт-

---

[1] По поводу статьи «Жизнь и ея начало», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Знанія» за 1875 годъ.

ствѣ, но въ тоже самое время они пытаются разными путями разубѣдить въ ней и другихъ, утверждая при этомъ, что весь видимый міръ, во всемъ его величіи, красотѣ и разнообразіи всѣхъ его формъ, послѣдовательно развился самъ собою изъ вѣчно существующей матеріи; при чемъ, по ихъ мнѣнію, излишне всякое вмѣшательство какого-бы-то ни было верховнаго существа и слѣдовательно не необходимо его существованіе. Къ таковому прискорбному выводу современные натуралисты приходятъ, именно, благодаря своему большому знакомству съ видимымъ міромъ. Они знаютъ основные матеріальные элементы, изъ которыхъ состоитъ весь видимый міръ, знакомы съ многими его частями, имъ извѣстны многіе естественные явленія и законы, которымъ подчиняются означенныя явленія. Изъ этого знакомства они и выводятъ неправильное заключеніе о самопроисхожденіи видимаго міра. О ненормальности ихъ вывода можно судить по слѣдующему примѣру: представимъ себѣ какое нибудь огромное зданіе съ множествомъ различныхъ подраздѣленій, наполненныхъ всевозможными предметами, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько машинъ съ какимъ нибудь сложнымъ механизмомъ; потомъ представимъ себѣ также, что въ это зданіе входитъ какой нибудь посѣтитель, который знакомится съ матеріаломъ, изъ котораго состоитъ это зданіе и всѣ его части, изучаетъ его внутреннее и внѣшнее расположеніе и устройство всѣхъ предметовъ и всѣхъ машинъ, находящихся въ немъ. Послѣ таковаго ознакомленія съ предполагаемымъ зданіемъ, означенный посѣтитель и дѣлаетъ такой выводъ: „я знаю изъ чего и какъ устроены осмотрѣнное мною зданіе и всѣ предметы, находящіеся въ немъ, слѣдовательно все это устроилось изъ того вещества, изъ котораго состоитъ оно, само собою, безъ всякаго участія постороннаго дѣятеля“. Этотъ послѣдній выводъ, по нашему мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть сравненъ съ вышеозначеннымъ выводомъ современныхъ натуралистовъ о саморазвитіи видимаго міра.

Мнѣніе о саморазвитіи видимаго міра, основанное на атомистической гипотезѣ, въ настоящее время приняло характеръ положительнаго ученія, принимаемаго многими за непреложную истину, въ формѣ преслову-тыхъ гипотезъ Канто-Лапласовской и Дарвиновой, изъ которыхъ первая пытается объяснить происхожденіе и развитіе неорганическаго міра, а послѣдняя—развитіе всѣхъ формъ міра органическаго, при чемъ эта послѣдняя гипотеза оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о первоначальномъ происхожденіи основныхъ формъ органическаго міра, изъ которыхъ послѣдовательно развились всѣ остальныя органическія формы, не выключая и человѣка; но что оставилъ нерѣшеннымъ Дарвинъ, творецъ означенной гипотезы, то пытаются разрѣшить его усердные послѣдователи посредствомъ ученія о самопроизвольномъ зарожденіи организмовъ, которое такимъ образомъ является у нихъ крайнимъ выводомъ или вѣрнѣе исходнымъ пунктомъ гипотезы Дарвина, устраняющимъ совершенно изъ дѣла происхожденія органическаго міра вмѣшательство премірной Причины. Таковые защитники ученія о самозарожденіи искренне вѣруютъ въ гипотезы постепеннаго развитія міра не органическаго и органическаго и нѣкоторые изъ нихъ по преимуществу на этихъ гипотезахъ основываютъ отстаиваемое ими ученіе, обходя при этомъ данныя опыта, опровергающія ихъ ученіе. „Мы, говоритъ одинъ изъ таковыхъ защитниковъ, считаемъ потерею времени доказывать опытами существованіе самозарожденія. Къ тому же мы находимъ, продолжаетъ онъ, этотъ вопросъ удовлетворительно рѣшеннымъ теоретически, такъ какъ существованіе когда либо самозарожденія представляется логическою необходимостью, какъ результатъ теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ и современнаго научнаго міросозерцанія вообще“ (1).

О гипотезахъ Канто-Лапласовской и Дарвина здѣсь мы не будемъ говорить, потому что о нихъ мы имѣли

(1) «Знаніе» 1872 г. августъ стр. 74.

случай говорить довольно подробно въ особыхъ нашихъ изслѣдованіяхъ (1), здѣсь же мы намѣрены побесѣдовать лишь только объ ученіи о самозарожденіи организмовъ, на каковую бесѣду насъ вызвала статья „Жизнь и ея начало“, помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ „Знанія“ за 1875 годъ. Въ этой статьѣ авторъ съ полною увѣренностію утверждаетъ, „что жизнь *должна* была развиться постепенно изъ неоживленнаго вещества и постепенно развить всѣ свои рѣзкія особенности, подобно тому какъ объединенныя солнца и планеты постепенно развились изъ разсѣяннаго туманнаго вещества“. Этотъ догматическій тонъ автора характеризуетъ собою всю статью его, что видно изъ слѣдующаго за симъ изложенія сущности содержанія ея.

Органическій міръ отличается многими особенностями отъ міра неорганическаго. „Эти особенности заключаются *въ составѣ, въ формѣ и въ отправленіяхъ*, и онѣ настолько поразительны, говоритъ авторъ, что существованіе особой группы органическаго міра съ его отличіями не можетъ составлять предмета сомнѣнія для изслѣдователя, хотя переходя къ низшимъ формамъ органическаго міра, къ элементарному его составу, къ подробностямъ его отправленій, мы доходимъ до области, гдѣ ни форма, ни составъ, ни отправленія не позволяютъ намъ указать предѣлы, отдѣляющіе органическій міръ отъ неорганическаго“.

Въ составѣ тѣлъ органическаго міра входятъ тѣ же самые элементы матеріи, изъ которыхъ состоятъ и тѣла неорганическія; вся разница органическихъ тѣлъ, въ этомъ отношеніи, заключается въ болѣе сложномъ химическомъ составѣ ихъ, въ которомъ преобладающій элементъ составляетъ углеродъ. О сложности состава органическихъ тѣлъ можно судить по слѣдующей формулѣ бѣлковины, составной части организмовъ,

(1) «Современное естествознательное ученіе о происхожденіи вселенной» Спб. 1872 г. и «Разборъ Дарвинова ученія о происхожденіи человѣка». Казань 1874 года.

составленной по Мульдеру: $10\ (C^{40}\ H^{61}\ N^{5}\ O^{12}) + S^{2}\ P$. На обыкновенномъ языкѣ составъ бѣлковины можно выразить такъ: бѣлковина состоитъ изъ 400 частей углерода, 310 частей водорода, 50 частей азота, 120 частей кислорода, двухъ частей сѣры и одной части фосфору. Подобною же сложностію состава отличаются и всѣ другія протеиновыя соединенія (фибринъ, казеинъ и др.), входящія въ составъ организмовъ. Такъ какъ углеродъ составляетъ главный, по количеству, элементъ организмовъ, то поэтому Геккель предложилъ всѣмъ органическимъ соединеніямъ названіе *конкретно углеродныхъ* соединеній, отъ которыхъ и органическую химію въ послѣднее время стали называть химіею углеродныхъ соединеній. Кромѣ углерода необходимыми составными элементами всѣхъ организмовъ служатъ газообразные металлоиды: кислородъ, водородъ и азотъ, которые, какъ видно изъ формулы бѣлковины, входятъ въ составъ организмовъ также въ большихъ количествахъ. Эти четыре элемента, составляющіе организмы почти всецѣло, по справедливому замѣчанію автора, рѣзко отличаются одинъ отъ другаго физическими и химическими свойствами: „съ одной стороны углеродъ— говоримъ словами Спенсера приводимыми авторомъ,— не плавясь и не улетучиваясь при самыхъ высокихъ температурахъ, какія только могутъ быть произведены, обнаруживаетъ степень атомнаго сцѣпленія бо́льшую, чѣмъ всякій другой изъ извѣстныхъ элементовъ; съ другой стороны, водородъ, кислородъ и азотъ представляютъ наименьшее частичное сцѣпленіе въ сравненіи со всѣми элементами. Далѣе, съ одной стороны, кислородъ проявляетъ химическую энергію, какъ по предѣламъ, такъ и по силѣ сродства, наибольшую сравнительно со всѣми другими веществами (за исключеніемъ развѣ фтора), а съ другой стороны, азотъ представляетъ крайнюю степень химической недѣятельности“. Означенная разнокачественность главныхъ органическихъ элементовъ служитъ причиною *непрочности* всѣхъ органическихъ соединеній, вслѣдствіе ко-

торой всѣ они, *находясь внѣ живаго организма*, стремятся къ быстрому разъединенію, переходя въ болѣе прочныя соединенія, характеризующія собою міръ неорганическій; вслѣдствіе той же самой разнокачественности главныхъ органическихъ элементовъ, до сихъ поръ органическіе химики, не смотря на всѣ ихъ усилія, не могли составить изъ неорганическихъ элементовъ какое либо протеиновое соединеніе. Кромѣ этихъ четырехъ главныхъ элементовъ въ составъ организмовъ входятъ, въ видѣ постоянныхъ примѣсей, въ незначительныхъ доляхъ слѣдующія простыя вещества: сѣра, фосфоръ, калій, натрій, магній, кальцій, желѣзо, кремній и, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, самыя незначительныя доли нѣкоторыхъ другихъ химическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ неорганической природы. Никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ находящихся въ неорганическомъ мірѣ въ разнообразныхъ соединеніяхъ, въ органическихъ тѣлахъ не найдено, при чемъ и эти самые элементы въ органическихъ тѣлахъ встрѣчаются таковыми же, какими мы ихъ видимъ въ лабораторіяхъ и въ неорганическомъ мірѣ. Такъ выясняетъ авторъ одинаковость состава міровъ органическаго и неорганическаго, и по преимуществу на этой одинаковости онъ утверждаетъ свое мнѣніе о происхожденіи перваго міра изъ втораго.

Обращаясь къ основной *формѣ* организмовъ, авторъ находитъ новое подтвержденіе той мысли, что „все живое постепенно выдѣлилось изъ неживаго“; потому что и въ этомъ отношеніи онъ не находитъ основнаго различія между органическимъ и неорганическимъ мірами. Органическое вещество, по его физическому строенію, относится къ тѣламъ *твердо-жидкимъ*, *набухающимъ*, *коллоидамъ*, неспособнымъ кристаллизоваться; но это отличительное состояніе органическихъ соединеній переходитъ незамѣтнымъ образомъ въ организмахъ съ одной стороны въ жидкое, а съ другой въ твердое состояніе, каковые переходы и сглаживаютъ разность, существующую, въ разсматриваемомъ отно-

шеніи, между обоими мірами; но еще болѣе сглаживается эта разность при помощи неорганическихъ аморфныхъ веществъ, неорганическихъ коллоидовъ, къ числу которыхъ относится гидратъ кремнозема и глинозема, и при посредствѣ основной формы всѣхъ организмовъ, за каковую въ настоящее время признается *протоплазма*, изъ которой одной состоитъ все существо нѣкоторыхъ низшихъ организмовъ, напримѣръ сплетеній батибія и монеръ; въ высшихъ же существахъ эта протоплазма, по словамъ автора, „является какъ основный элементъ зародыша живаго существа, какъ содержимое *клѣточки* съ ядромъ или безъ ядра, съ оболочкою или безъ оболочки, *клѣточки*, составляющей основной элементъ строенія всѣхъ веществъ органическаго міра; наконецъ, какъ самая ткань нервныхъ нитей и мышечныхъ фибръ. Всѣ остальныя коллоидныя и кристаллоидныя вещества въ живыхъ существахъ оказываются оборонительными или наступательными орудіями ея дѣятельности, ея отдѣленіями и выдѣленіями. Въ извѣстной степени можно допустить мнѣніе одной изъ современныхъ школъ физіологовъ, что отъ протоплазмы зависятъ всѣ жизненныя отправленія и самая жизнь органическихъ существъ, что она одна въ нихъ, собственно, живетъ. Ея появленіе въ мертвомъ мірѣ, въ самой простой формѣ батибія или монеры, обозначило присутствіе жизни. Ея окончательное превращеніе въ другія вещества въ какомъ либо живомъ существѣ обозначаетъ прекращеніе жизни“.

Наконецъ, переходя *къ отправленіямъ* организмовъ, авторъ и въ нихъ находитъ сходство съ механикохимическими процессами, совершающимися въ неорганическомъ мірѣ. „Въ цѣломъ мы видимъ, говоритъ авторъ, что, во первыхъ, неорганическія и органическія особи обладаютъ нѣкоторымъ числомъ функцій сообща, и, во вторыхъ, что болѣе сложныя отправленія, которыя принадлежатъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ организмамъ, какъ явленія жизни (вообще говоря—питаніе и размноженіе) имѣютъ свое непосредственное ос-

нованіе исключительно въ сложномъ химическомъ составѣ углеродныхъ соединеній и въ слѣдующихъ изъ этого состава физическихъ особенностяхъ (особенно въ способности впитывать въ себя жидкости)".

„Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, послѣдовательное разсмотрѣніе состава, формы и отправленій живаго міра указываетъ особенность его характеристическихъ признаковъ и, въ тоже время, невозможность провести въ какомъ бы то ни было отношеніи рѣзкую черту, отдѣляющую этотъ живый міръ отъ міра неживаго. Совокупность всѣхъ извѣстныхъ результатовъ опыта—пишетъ Геккель—ведетъ насъ къ убѣжденію, что различія между организмами и неорганизованными существами лишь относительны, именно, основаны на большей сложности химическаго состава углеродныхъ соединеній, и что естество тамъ и здѣсь подлежитъ тѣмъ же законамъ естественной необходимости". Это отсутствіе рѣзкаго различія между органическимъ и неорганическимъ мірами и утверждаетъ автора въ томъ его мнѣніи, что „составъ органическаго вещества *долженъ* былъ образоваться изъ неорганическаго; формы живыхъ существъ *должны* были развиться изъ фюрмъ неживаго міра; жизненныя отправленія *должны* были возникнуть въ средѣ, гдѣ жизни не было".

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія о томъ, что міръ органическій со всѣми его особенностями *долженъ* былъ произойти изъ міра неорганическаго, авторъ ставитъ себѣ слѣдующіе вопросы: „Какимъ образомъ болѣе прочныя и болѣе простыя химическія соединенія, представляемыя неорганическимъ міромъ, могли перейти въ менѣе прочныя и болѣе сложныя протеиновыя соединенія?.... Какимъ образомъ эти соединенія могли принять коллоидное строеніе и въ немъ выработать возможность жизненныхъ отправленій? Какъ эта возможность жизни въ первобытной протоплазмѣ перешла въ дѣйствительность"?

Замѣтивъ, что по всѣмъ этимъ вопросамъ сдѣлано еще очень мало, авторъ останавливается на попыткѣ

рѣшенія ихъ, предложенной Гербартомъ Спенсеромъ, которая одна, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ при ней взяты въ соображеніе научные результаты послѣдняго времени. Попытка эта состоитъ въ томъ предположеніи, что образованіе органической матеріи изъ неорганической шло по пути послѣдовательнаго прогресса, подобно тому какъ химики послѣдовательно производятъ изъ парныхъ соединеній тройныя и изъ тройныхъ четверныя, при чемъ они обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ: если въ какомъ нибудь двойномъ соединеніи одинъ элементъ содержится въ нѣсколькихъ эквивалентахъ, то они сначала одинъ эквивалентъ сложнаго элемента замѣняютъ эквивалентомъ какого либо другаго элемента, а потомъ тоже самое дѣлаютъ и съ другимъ эквивалентомъ того же самаго элемента; такимъ способомъ производится, напримѣръ, изъ аммонія (NH_3),—который состоитъ изъ одного эквивалента азота (N) и трехъ эквивалентовъ водорода (H),—метилъ—аминъ $N(CH_3)H_2$, а изъ послѣдняго двуметилъ — аминъ $N(CH_3, CH_3)H$; при чемъ, какъ видно изъ формулъ, для образованія метила—амина въ аммоніи одинъ изъ трехъ атомовъ водорода замѣняется однимъ атомомъ метила (CH_3) и для образованія изъ послѣдняго двуметила—амина тоже самое дѣлается съ другимъ атомомъ водорода. Этимъ способомъ могутъ получаться вещества въ высшей степени сложныя; по нему, напримѣръ, химики получаютъ изъ неорганическихъ, синеродистыхъ и амміачныхъ растворовъ четырехчленное органическое соединеніе мочевину, — по нему будто бы должно было происходить и въ природѣ образованіе органической матеріи. Причину, обусловливающую въ природѣ послѣдовательный прогрессъ развитія матеріи, Спенсеръ видитъ въ дѣйствіи колебаній эѳира, производящемъ перераспредѣленіе атомовъ въ требуемомъ направленіи.— Коль скоро образуются сложныя соединенія, то они сами собою пріобрѣтаютъ коллоидное строеніе и свойство коллоидовъ. Химическія частицы таковыхъ соеди-

неній, по мнѣнію Спенсера, образуютъ изъ себя *„физіологическія единицы*, которыя составляютъ самую элементарную основу жизненныхъ явленій". Такимъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, образуется въ природѣ не только органическая матерія изъ неорганической, но даже возникаетъ и самая жизнь.

Приведя эти предположенія Спенсера, авторъ замѣчаетъ, что ихъ „нельзя назвать удовлетворительными, но они указываютъ, по крайней мѣрѣ, путь на которомъ приходится искать объясненіе. *Дѣйствительно*, продолжаетъ онъ, *въ комбинаціи внѣшнихъ свѣтовыхъ и тепловыхъ вліяній съ химическими свойствами тѣлъ слѣдуетъ искать рѣшенія задачи о происхожденіи органическаго вещества изъ неорганическаго*... Но странно даже думать, заключаетъ онъ, что эти попытки близки къ настоящимъ рѣшеніямъ. Все это принадлежитъ будущему и работа объединяющей мысли въ этомъ пунктѣ лишь весьма издали подходитъ къ даннымъ доставленнымъ мыслію научно-критическою и опирается на аналогіи, доставляемыя этими данными".

Отринувъ, такимъ образомъ, попытку Спенсера разрѣшить вопросъ о происхожденіи органическаго міра изъ неорганическаго и предоставивъ разрѣшеніе его неопредѣленному будущему, авторъ при всемъ этомъ не теряетъ своей вѣры въ самозарожденіе организмовъ, которую онъ исповѣдуетъ въ слѣдующихъ словахъ: „какъ бы то ни было, происхожденіе *живой* протоплазмы изъ неорганическаго вещества первобытной земли есть фактъ, который принятъ теперь уже логически неизбѣжно, какъ бы ни трудно было до сихъ поръ уяснить себѣ ея происхожденіе. Былъ моментъ въ существованіи земли, когда, подъ вліяніемъ физическихъ и химическихъ процессовъ, образовались протеиновыя соединенія сложнаго и измѣнчиваго состава, когда они приняли строеніе коллоидовъ, когда они приняли способность пропитываться жидкостями и набухать, и эти свойства, постепенно въ нихъ выработ-

тавшіяся, дали начало процессу развитія, который на одной изъ своихъ ступеней, совершенно незамѣтно отличившейся отъ предыдущихъ и послѣдующихъ, заключалъ въ себѣ всѣ условія жизненнаго развитія и проявленія въ мірѣ *живою протоплазмою.* По всей вѣроятности, эта протоплазма получила впервые свое существованіе на днѣ моря, имѣла форму наиболѣе подходящую къ тому *батибію,* который и теперь живетъ на днѣ морей; весьма возможно, что подобная протоплазма вырабатывалась при сходныхъ условіяхъ и во всѣ послѣдующіе періоды, вырабатывается и въ наше время. Жизнь, самый характеристическій признакъ которой составляетъ процессъ развитія, *должна* была сама *развиться* когда либо изъ неживаго вещества и вѣроятно постоянно развивается изъ него".

Этимъ исповѣданіемъ вѣры автора въ самозарожденіе организмовъ мы заканчиваемъ изложеніе содержанія его статьи, въ которомъ мы особенно заботились объ удержаніи всѣхъ аргументовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе отстаиваемаго имъ ученія, и которое, для большей ясности, во многихъ мѣстахъ мы передавали подлинными словами автора.

Изъ представленнаго нами содержанія разсматриваемой статьи видно, что отстаиваемое авторомъ ученіе о самозарожденіи утверждается имъ главнымъ образомъ на фактѣ сходства міровъ органическаго и неорганическаго по ихъ составу, формѣ и отправленіямъ; но этотъ фактъ, даже понимаемый въ смыслѣ, отстаиваемомъ авторомъ, не даетъ никакого основанія означенному ученію: потому что отстаиваемое авторомъ сходство міровъ, и по его пристрастному взгляду, далеко не доходитъ до тожества,—разстояніе между ними остается громаднымъ, не смотря на всѣ его усилія уменьшить оное. Сложность химическаго состава—съ преобладаніемъ углерода, твердожидкое состояніе и отправленія питанія и размноженія, свойственныя всѣмъ организмамъ, рѣзко выдѣляютъ міръ органическій изъ міра неорганическаго.

Отличительнымъ свойствомъ *состава* органическихъ тѣлъ служитъ, какъ мы сказали, сложность его и преобладаніе въ немъ углерода; послѣднее обстоятельство наиболѣе отличаетъ міръ органическій отъ міра неорганическаго,—его слѣдуетъ отнести къ существеннымъ отличіямъ органическаго міра: потому что всѣ формы, въ которыхъ мы теперь знаемъ углеродъ, суть, по мнѣнію многихъ ученыхъ,—съ которыми видимо соглашается и авторъ,—результаты исключительно органическихъ процессовъ, неорганическаго же углерода въ настоящее время не существуетъ: потому что даже графитъ, сохранившій менѣе всего признаки органическаго происхожденія, представляетъ изъ себя не что иное, какъ видоизмѣненный растительный углеродъ; его можно добыть изъ угля и изъ брилліанта, въ растительномъ происхожденіи которыхъ нельзя сомнѣваться; нельзя сомнѣваться также въ растительномъ происхожденіи углекислыхъ примѣсей различныхъ кристаллическихъ силикатовъ, принимая за фактъ происхожденіе ихъ мокрымъ путемъ, что основательно доказано замѣчательными изслѣдованіями Фридриха Мора въ его „Исторіи земли“. Фактъ присутствія углерода въ преобладающемъ количествѣ во всѣхъ организмахъ, служа отличительнымъ признакомъ органическаго міра, въ тоже самое время представляетъ собою одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій ученію о самозарожденіи организмовъ: потому что если въ неорганической природѣ нѣтъ углерода, одной изъ самыхъ главныхъ составныхъ частей организмовъ, то послѣдніе никакимъ образомъ не могутъ образоваться изъ неорганическаго, за неимѣніемъ въ немъ одной изъ самыхъ главныхъ составныхъ частей. Дѣлаемое авторомъ предположеніе, съ цѣлію устранить это возраженіе, о существованіи громаднаго количества неорганическаго углерода на нашей планетѣ до появленія на ней первыхъ организмовъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ современномъ мірѣ и ясно опровергается непонятнымъ безъостаточнымъ прохожденіемъ его чрезъ организмы,—чего ни съ однимъ другимъ

элементомъ не сдѣлалось. Различіе организмовъ, заключающееся въ сложности ихъ состава, защитники самозарожденія пытаются уменьшить чрезъ приготовленіе въ лабораторіяхъ, путемъ искуственнаго прогресса, веществъ, встрѣчающихся исключительно въ организмахъ, имѣющихъ довольно сложный химическій составъ; но всѣ таковыя вещества, по замѣчанію автора, относятся къ выдѣленіямъ и отдѣленіямъ живыхъ существъ (напримѣръ мочевина) и всѣ они лишены коллоиднаго строенія, протеиновыя же—въ собственномъ смыслѣ органическія—соединенія, изъ которыхъ собственно и состоятъ организмы, „до сихъ поръ получены не были“, по сознанію самого автора.

Міръ органическій, рѣзко отличаясь отъ міра неорганическаго по своему составу, не менѣе отличается отъ него и по своей формѣ, или по своему строенію, каковое отличіе заключается въ коллоидности строенія органической матеріи и во внѣшней формѣ, свойственной каждой группѣ организмовъ. Отдѣльныя органическія особи развиваются не въ строго математическія формы, какъ это замѣчается въ неорганическомъ мірѣ образованія кристалловъ, но принимаютъ различныя частныя уклоненія, сохраняя при этомъ лишь только общій планъ, свойственный той или другой группѣ. Это обстоятельство, свидѣтельствуя о различіи двухъ міровъ въ разсматриваемомъ нами отношеніи, въ тоже самое время краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и о различіи причинъ, обусловливающихъ образованіе кристалла и какой либо органической формы.

Но самое главное различіе органическаго міра отъ неорганическаго заключается въ отправленіяхъ питанія и размноженія, свойственныхъ всему живому міру; это различіе отдѣляетъ живой міръ отъ неживаго непроходимою бездною, которую не могутъ восполнить никакія искуственныя, даже—допустимъ невозможное—и протеиновыя соединенія: потому что созданіе органическаго соединенія, даже какой либо органической формы, далеко еще не будетъ равняться созданію жи-

ваго организма, способнаго питаться, усовершенствоваться и производить себѣ подобныхъ, — съ чѣмъ согласны и сами защитники самозарожденія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ одного изъ такихъ защитниковъ: „Пусть однако читатель не вводитъ себя въ заблужденіе, думая, что человѣкъ въ состояніи будетъ, воспроизведши органическую форму, воспроизвести вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь. Для созданія послѣдней необходимы, конечно, извѣстныя условія, которыхъ можетъ недоставать въ произведенной искусственно органической формѣ. Искусственная органическая форма будетъ (?) жизнью въ потенціальномъ состояніи, и при измѣнившихся условіяхъ эта потенціальная жизнь можетъ (?) перейти въ дѣйствительную, она можетъ (?) проявиться при созданіи органической формы, но при стеченіи самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, чего ожидать, конечно, довольно трудно..... Если мы и можемъ ожидать, что созданная нами органическая форма окажется живою, то это можетъ случиться только *на удачу*, и этому событію можно предсказать самую малую вѣроятность къ осуществленію, потому что при дѣйствіи на авось очень трудно ожидать, чтобы стеклись всѣ благопріятныя условія для жизни“ (1). Изъ ближайшаго разсмотрѣнія отправленій, свойственныхъ всѣмъ организмамъ, ясно обнаружится не только трудность, но и полнѣйшая невозможность самозарожденія организмовъ изъ элементовъ неорганическаго міра при помощи свойственныхъ имъ физико-химическихъ силъ. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на міръ Божій, бросается въ глаза рѣзкое различіе между его предметами, по которому его удобно раздѣлить на двѣ большія группы: на міръ неорганическій и органическій; въ первомъ мірѣ мы замѣчаемъ большое постоянство, во второмъ же постоянныя перемѣны; всматриваясь ближе въ причины таковаго различія, мы замѣчаемъ, что *во всѣхъ* предметахъ міра органическаго происходитъ по-

(1) Знаніе за 1872 годъ стр. 109 и 111.

стоянная дѣятельность, состоящая въ принятіи и выдѣленіи различныхъ веществъ и въ соотвѣтствующей переработкѣ ихъ; этою дѣятельностію обусловливается ростъ ихъ, или же только поддерживается ихъ существованіе; по прекращеніи же этой дѣятельности, всѣ таковые предметы быстро разрушаются; дѣятельность эту мы называемъ жизнію и всѣ предметы, въ которыхъ она совершается—живыми; тѣ же изъ таковыхъ предметовъ, въ которыхъ прекращается означенная дѣятельность, мы называемъ мертвыми. Предметы міра неорганическаго характеризуются полнымъ отсутствіемъ жизни; но въ тоже самое время они отличаются и отъ мертвыхъ организмовъ несравненно бо́льшею прочностію — что еще болѣе характеризуетъ ихъ косность. Описанное отличіе между неорганическимъ и органическимъ міромъ замѣчается и при бѣгломъ взглядѣ на природу; не трудно понять, что, усмотрѣнныя при этомъ, отличія относятся главнымъ образомъ къ отправленіямъ организмовъ.

Авторъ, какъ мы видѣли, настаиваетъ на сходствѣ отправленій міра органическаго и неорганическаго; эту мысль автора мы находимъ не только не резонной, но даже въ высшей степени странной: потому что у предметовъ міра неорганическаго нѣтъ никакихъ отправленій и не можетъ быть; такъ какъ они не заключаютъ въ себѣ никакой внутренней организующей силы, кромѣ физико-химическихъ силъ, свойственныхъ всей матеріи вообще, и никакихъ органовъ; ихъ образованіе, измѣненія и самое существованіе обусловливаются одними внѣшними причинами; слѣдовательно, они не имѣютъ ни побужденій, ни средствъ къ совершенію какихъ бы то ни было отправленій. Совсѣмъ другое усматривается въ организмахъ: каждый организмъ заключаетъ въ себѣ самостоятельную внутреннюю силу развитія, которой при жизни организма подчиняются физико-химическія силы, свойственныя веществу вообще, и органы, посредствомъ которыхъ означенная сила совершаетъ отправленія, свойственныя данному организму и чрезъ

то выполняетъ свойственный ему планъ строенія. Къ числу отправленій, свойственныхъ всѣмъ организмамъ вообще, относятся тѣ самыя, которыя называетъ и авторъ разсматриваемой нами статьи—питаніе и размноженіе. Отправленіе питанія состоитъ изъ принятія организмомъ различныхъ матеріальныхъ частицъ внутрь себя, въ переработкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ различныя ткани его и въ выдѣленіи изъ него ненужныхъ для его жизни частицъ. Чрезъ это отправленіе поддерживается существованіе организма и увеличивается его ростъ. Матеріалъ для своего питанія всѣ организмы берутъ изъ неорганической природы, но только не всѣ изъ нея непосредственно; органическій міръ, какъ извѣстно, раздѣляется на двѣ большія группы: на растенія и животныхъ, изъ нихъ первыя, т. е. растенія, заимствуютъ для себя строительный матеріалъ прямо изъ міра неорганическаго, хотя при этомъ и они пользуются также пособіемъ органическихъ остатковъ, содержащихся въ почвѣ, на которой они растутъ и безъ которыхъ невозможенъ ихъ ростъ,—не мыслимо ихъ существованіе. Что касается животныхъ, то строительный матеріалъ ихъ организма состоитъ также изъ элементовъ міра неорганическаго, но только они получаютъ его уже переработаннымъ въ органическія соединенія растеніями, или даже другими животными. Такимъ образомъ растенія живутъ и для себя и для другихъ; потому что они обусловливаютъ собою существованіе животныхъ, перерабатывая въ себѣ неорганическіе элементы въ различныя органическія соединенія, и въ тоже самое время своими остатками удобряютъ почву, что необходимо для ихъ собственнаго существованія и для существованія другихъ растеній.

Въ описываемомъ нами отправленіи, служащемъ отличительнымъ признакомъ органическаго міра, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, *что переработка неорганическихъ элементовъ въ различныя органическія соединенія, въ настоящее время, совершается лишь только одними растительными ор-*

ганизмами, но и тѣми при помощи органическихъ остатковъ, заключающихся въ почвѣ, въ которой они растутъ. Это обстоятельство служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ фактическихъ опроверженій ученія о самозарожденіи; потому что если въ настоящее время растенія, служащія единственнымъ средствомъ переработки неорганическихъ элементовъ въ органическія соединенія, не могутъ выполнить этого процесса безъ помощи органическихъ примѣсей въ ихъ почвѣ: то, слѣдовательно, таковой переработки неорганическихъ элементовъ въ органическія соединенія совсѣмъ не существовало тогда, когда не существовало никакихъ растеній, а тѣмъ болѣе не могло произойти тогда самозарожденія живаго организма, чего, какъ показываютъ тщательныя наблюденія, не происходитъ и въ настоящее время, когда чрезъ посредство растеній совершается образованіе органическихъ соединеній изъ неорганическихъ элементовъ; но если бы—допускаемъ невѣроятное предположеніе — какимъ бы то ни было образомъ и произошло тогда самозарожденіе какого либо организма, то онъ долженъ бы былъ погибнуть немедленно, за неимѣніемъ необходимой для него пищи.

Съ отправленіемъ питанія находится въ самой тѣсной связи отправленіе размноженія организмовъ: въ первомъ отправленіи внутренняя образующая сила переработываетъ принятый организмомъ строительный матеріалъ въ органическія соединенія, сообразно внутреннему плану, свойственному данному организму; во второмъ же отправленіи таже самая сила полагаетъ начало новому организму, сообщая данному зачатку всѣ особенности строенія полнаго организма — въ потенціальномъ состояніи, изъ которыхъ потомъ развивается полный организмъ, соотвѣтствующій плану, лежащему во внутренней основѣ его производителя; въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ процессъ постепеннаго внутренняго развитія, которое въ первомъ случаѣ ограничивается одною особью, а въ другомъ— простирается и на другую или на нѣсколько другихъ

особей. Отличительная особенность размноженія организмовъ въ томъ именно и состоитъ, что оно совершается подъ вліяніемъ внутренней организующей силы, присущей каждому организму, и обусловливается уже существующими организмами, которые, такимъ образомъ, являются единственными производителями новыхъ себѣ подобныхъ организмовъ и безъ которыхъ немыслимо происхожденіе въ мірѣ какихъ бы то ни было организмовъ. Не то мы замѣчаемъ въ мірѣ неорганическомъ: тамъ образованіе новыхъ тѣлъ, или, вѣрнѣе, новыхъ комбинацій вещественныхъ элементовъ происходитъ подъ вліяніемъ однихъ физико-химическихъ дѣятелей безъ всякаго воздѣйствія со стороны прежде образовавшихся подобныхъ же соединеній, безъ всякихъ слѣдовъ постепеннаго развитія и безъ всякаго вліянія самостоятельной внутренней силы, отличной отъ силъ присущихъ всему веществу вообще. Между предметами міра неорганическаго не существуетъ никакой послѣдовательной связи и существованіе ихъ обусловливается одними внѣшними дѣятелями; сами неорганическіе предметы не представляютъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, — они суть не что иное, какъ простыя группы вещества, различные варіанты размѣщенія вещественныхъ элементовъ однороднаго состава, или разнороднаго, въ формѣ парныхъ химическихъ соединеній, или въ видѣ разнообразныхъ механическихъ смѣсей, не имѣющихъ не только никакого внутренняго плана и никакихъ органовъ, что свойственно однимъ только организмамъ, но даже и никакой опредѣленной внѣшней формы, свойственной кристалламъ. Не имѣя въ себѣ никакой внутренней силы, предметы неорганическаго міра не преслѣдуютъ своимъ существованіемъ никакой и внутренней цѣли; вся цѣль ихъ существованія лежитъ внѣ ихъ: они всецѣло существуютъ или для цѣлей космическихъ, когда они берутся во всей ихъ совокупности, или для міра органическаго, представляя для него и помѣщеніе и необходимый матеріалъ для его питанія.

Уже изъ представленнаго нами бѣглаго сравненія міра органическаго съ неорганическимъ, не трудно усмотрѣть достаточное количество отличительныхъ признаковъ перваго, которые настолько существенны, что пріобрѣтеніе ихъ для міра неорганическаго положительно невозможно; эта послѣдняя истина подтверждается тщательными наблюденіями и опытами ученыхъ, лишившими ученіе о самозарожденіи всякой опытной основы.—Къ числу мнимыхъ опытныхъ основаній этого ученія въ недавнее время относились опыты Грюнтгуйзена, Бурдаха, Кроссе, Викса, Пуше, Жели и Мюссе, посредствомъ которыхъ, въ одномъ случаѣ, производилось зарожденіе микроскопическихъ организмовъ въ настояхъ чистой и дистиллированной воды на гранитѣ, антрацитѣ и другихъ минераллахъ и въ воздухѣ добытомъ съ значительныхъ высотъ, а въ другомъ случаѣ получалось зарожденіе молей на полюсѣ гальваническаго элемента, при продолжительномъ дѣйствіи тока на растворъ кремнекислаго кали, съ цѣлію получить кристаллъ кремнія. Но всѣ эти опыты не даютъ никакого основанія означенному ученію: потому что, при ближайшемъ тщательномъ разсмотрѣніи ихъ, оказывается, что причина зарожденія организмовъ во всѣхъ означенныхъ случаяхъ заключается не въ неорганической матеріи и ея силахъ, но въ органическихъ зародышахъ, которыми обильно наполнены вода и атмосфера. Фактъ присутствія въ воздухѣ, а чрезъ него и въ водѣ, большаго числа микроскопическихъ частицъ органической матеріи, въ томъ числѣ и зародышей, считается общепризнаннымъ въ современномъ научномъ мірѣ: имъ физикъ Тиндаль объясняетъ происхожденіе голубаго цвѣта неба, имъ современная медицина объясняетъ происхожденіе и развитіе всѣхъ эпидемій, его, наконецъ, подтвердилъ опытомъ химикъ Пастёръ, собравъ большее число таковыхъ зародышей на ватный фильтръ. Собранные такимъ образомъ зародыши, будучи посѣяны въ какихъ либо неорганическихъ растворахъ, или настояхъ, быстро развиваются въ орга-

низмы; по удаленіи же ихъ изъ растворовъ, въ послѣднихъ не обнаруживается никакихъ признаковъ появленія организмовъ. Удаленіе зародышей изъ воздуха, окружающаго настои, можно достигнуть чрезъ пропущеніе его чрезъ сильныя кислоты, или чрезъ раскаленныя металлическія трубки, или, что особенно въ данномъ случаѣ важно, чрезъ сообщеніе сосуду особой формы, препятствующей зародышамъ достигать до растворовъ и въ тоже самое время дающей свободный ходъ воздуху. Когда Пастёръ производилъ опыты съ таковымъ сосудомъ, то не получалось никакихъ признаковъ развитія организмовъ; тогда какъ въ тѣхъ же самыхъ настояхъ, помѣщенныхъ въ обыкновенные сосуды, развивались инфузоріи въ большомъ количествѣ.

Несомнѣнный фактъ отсутствія самозарожденія, въ природѣ и лабораторіяхъ настоящаго времени, авторъ думаетъ обойти ни на чемъ не основаннымъ предположеніемъ о существованіи благопріятныхъ условій для самозарожденія въ давно прошедшія времена существованія нашей планеты, или въ мѣстахъ недоступныхъ для наблюденія человѣка, напримѣръ на днѣ моря; но это предположеніе представляетъ изъ себя не что иное какъ уловку, посредствомъ которой обыкновенно прикрывается незнаніе, или открытая ложь. Вѣра въ особенно напряженное дѣйствіе естественныхъ причинъ въ былыя времена, сопровождаемое особыми обстоятельствами, весьма обычна у послѣдователей гипотезъ постепеннаго развитія; но только въ настоящее время эта вѣра уничтожается основательными учеными изслѣдованіями замѣчательныхъ геологовъ Чарльза Ляйэлля и Фридриха Мора, которые, опровергнувъ основанія гипотезы Кантолапласовской и геологіи періодическихъ формацій, доказали тожество древнѣйшихъ и новѣйшихъ естественныхъ причинъ, дѣйствующихъ на земномъ шарѣ, обусловливающихъ собою одинаковость и результатовъ ихъ дѣйствія во

всѣ времена существованія земли (¹). Мнѣніе же автора о происхожденіи самозарожденія на днѣ моря опровергается его же собственнымъ мнѣніемъ о причинахъ, обусловливающихъ собою самозарожденіе, за каковыя онъ признаетъ свѣтовыя и тепловыя вліянія; но, какъ извѣстно, вліяніе этихъ силъ въ глубинахъ морскихъ несравненно слабѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ: поэтому на днѣ морскомъ обстоятельства—если прибавить сюда еще недостаточное количество свѣжаго воздуха—менѣе благопріятны не только для совершенія такого чуда, каково самозарожденіе, но и вообще для поддержанія и развитія жизни, каковое обстоятельство подтверждается бѣдностію морской флоры и фауны, особенно въ качественномъ отношеніи.

До сего времени мы сравнивали міръ неорганическій съ самыми низшими органическими формами и нашли, что при всемъ кажущемся сходствѣ ихъ другъ съ другомъ между ними существуетъ громадное различіе; но это сравненіе будетъ слишкомъ не полно, если мы не обратимъ никакого вниманія на организмы животныхъ и особенно человѣка, изъ которыхъ послѣдній стоитъ во главѣ всего органическаго міра, благодаря его разуму, который явно обнаруживаетъ въ человѣкѣ присутствіе нематеріальнаго начала и поэтому въ высшей степени рѣзко выдѣляетъ его изъ среды неживаго міра. Отличительныя черты, заключающіяся въ психическихъ способностяхъ человѣка, признаются во всей силѣ многими учеными, твердо держащимися опытной почвы, изъ которыхъ можно указать здѣсь на Чарльза Ляйэлля и на Вундта. Ляйэлль о предполагаемомъ развитіи человѣка изъ низшихъ организмовъ говоритъ слѣдующее: „внезапный переходъ отъ неодареннаго разумомъ къ разумному животному есть явленіе совершенно не похожее на переходъ отъ простѣйшихъ къ сложнѣйшимъ фор-

(¹) Ляйэлль «Основныя начала геологіи». Моръ. «Исторія земли».

мамъ животной организаціи и инстинкта. *Утверждать, что такой шагъ, или скорѣе скачекъ, составляетъ часть правильнаго ряда измѣненій, значило бы распространять аналогію за предѣлъ благоразумія* (1)". Означенное предположеніе о постепенномъ развитіи разумнаго существа изъ неразумнаго признаетъ въ высшей степени нерезоннымъ и другой изъ названныхъ нами ученыхъ авторитетовъ, Вундтъ, что видно изъ слѣдующихъ его словъ: „мысль недоступна нашимъ чувствамъ: мы можемъ слышать слово, которымъ она выражается; можемъ видѣть человѣка, въ головѣ котораго она явилась; мы можемъ анатомировать мозгъ, въ которомъ она образовалась; но слово, человѣкъ, мозгъ еще не есть мысль. Также и кровь, протекающая чрезъ мозгъ, химическія измѣненія, въ мозгу происходящія, теплота, электричество, развивающіяся въ мозгу,—все это не есть мысль".

„Хорошо, говоритъ матеріалистъ, это не есть мысль, но это *производитъ* мысль. Какъ печень производитъ желчь, какъ мускулъ производитъ движеніе, такъ изъ крови и мозга, изъ теплоты и электрической матеріи образуется мысль. Но между этими двумя случаями значительная разница. Мы можемъ ясно показать, какъ въ печени образуется желчь, можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить химическіе процессы, при этомъ происходящіе. Мы можемъ точно также показать, какъ движеніе происходитъ въ мускулѣ при посредствѣ электрическихъ явленій, которыя составляютъ прямое слѣдствіе химическихъ измѣненій. Здѣсь я собственными глазами вижу всѣ условія, при которыхъ въ одномъ случаѣ образуется желчь, въ другомъ движеніе. Но никакіе процессы въ мозгу не даютъ намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли; и потому мы не можемъ сказать опредѣленно, нужны ли кромѣ отправленій мозга *другія* условія, и существуетъ ли причин-

(1) Основныя начала Геологіи, т. 1. стр. 169.

ная связь между отправленіями мозга и психическою дѣятельностію. Говорить: я знаю только *одно* условіе такого то явленія; слѣдовательно кромѣ этого условія нѣтъ другаго; или сказать: я не знаю, какъ происходитъ такое то явленіе, слѣдовательно это явленіе не существуетъ, — значитъ грѣшить не только противъ правилъ науки, но и противъ здраваго смысла. Кто же скажетъ о человѣкѣ, потерявшемъ свидѣтельство о рожденіи, что онъ не родился? Можетъ быть полиція, но неестествоиспытатель" (1). Эти разсужденія Вундта почти въ равной степени приложимы какъ къ высшимъ психическимъ способностямъ, свойственнымъ человѣческому духу, такъ и къ низшимъ, свойственнымъ животнымъ: потому что одинаково невозможно объяснить съ механико-химической точки зрѣнія, свойственной современному матеріализму, какъ происхожденіе и сущность человѣческаго разума, такъ происхожденіе и сущность ощущенія, свойственнаго и животнымъ.

Такимъ образомъ, фактъ кажущагося сходства міровъ органическаго и неорганическаго не даетъ никакого основанія ученію о самозарожденіи: потому что, какъ видно изъ представленнаго нами сравненія, при всемъ кажущемся сходствѣ, неорганическаго міра съ органическимъ, между ними существуетъ громадное различіе, обусловливающее собою полнѣйшую невозможность образованія изъ неорганической матеріи какихъ бы то ни было организмовъ. Эта послѣдняя истина подтверждается несомнѣнными данными наблюденія и опыта. Не оказывая никакой услуги ученію о самозарожденіи, означенный фактъ единства матеріальной основы міровъ органическаго и неорганическаго весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о великой премудрости Творца, создавшаго необъятное разнообразіе изъ единства и поставившаго во взаимную зависимость все твореніе видимаго міра. Самый фактъ

(1) Душа человѣка и животныхъ. Перев. 1865 г. т. 1. стр. 19—20.

единства матеріальной основы двухъ міровъ, выдаваемый новѣйшими матеріалистами за нѣчто новое, не представляетъ въ себѣ ничего новаго: онъ сообщенъ былъ самимъ Творцемъ еще первозданному человѣку, по его паденіи; потомъ, Творецъ же сообщилъ о немъ чрезъ Моисея всему вѣрующему человѣчеству; наконецъ, все человѣчество постоянно убѣждалось въ немъ изъ непосредственнаго опыта, когда оно слѣдило за разрушеніемъ всѣхъ организмовъ, слѣдующимъ за ихъ смертію, и за ихъ отправленіемъ питанія, посредствомъ которыхъ совершается круговоротъ матеріальныхъ элементовъ изъ органическаго міра въ неорганическій и обратно.

Слѣдя за этимъ постояннымъ круговоротомъ матеріи, мыслящее и озаренное Божественною силою человѣчество всегда признавало себя землею и пепломъ, ничтожною частицею вселенной, червемъ, — видѣло и сознавало, что матеріальное его начало — плоть по смерти превращается въ землю, изъ которой оно и было создано Творцемъ всего сущаго; но въ тоже самое время таковое человѣчество всегда было твердо увѣрено въ той истинѣ, что въ немъ, кромѣ означеннаго бреннаго начала, существуетъ начало духовное и безсмертное, которое по смерти бреннаго начала возвращается къ Богу, какъ своему Творцу. Къ несомнѣнному признанію этой истины нельзя не придти отъ изученія вещей и явленій видимаго міра, когда при этомъ мы не будемъ принимать на вѣру голословныя предположенія, выдаваемыя обыкновенно за научныя истины, но будемъ отыскивать истину не въ однихъ преходящихъ вещахъ и явленіяхъ видимаго міра, но и во внутреннемъ внушеніи своего собственнаго существа и во всеобщемъ вѣрованіи всего человѣчества, опирающемся на Божественное Откровеніе, въ которомъ одномъ заключается вполнѣ безошибочное ученіе о бытіи всего сущаго.. Но прекратимъ наше невольное отступленіе и обратимся къ разсмотрѣнію, предполагаемыхъ авторомъ обозрѣваемой нами статьи, ес-

тественныхъ причинъ, обусловливающихъ собою самозарожденіе организмовъ.

Мы уже видѣли выше, что авторъ почти сознается въ своемъ незнаніи причинъ самозарожденія, но въ тоже самое время онъ рѣшается утверждать, что за таковыя причины слѣдуетъ признать свѣтовыя и теплородныя вліянія съ химическими свойствами тѣлъ, при воздѣйствіи которыхъ будто бы образовались изъ неорганической матеріи сначала сложныя протеиновыя соединенія, а изъ нихъ мало по малу развились и живые организмы. Этимъ голословнымъ утвержденіемъ авторъ и ограничиваетъ рѣчь свою о причинахъ, обусловливающихъ собою самозарожденіе организмовъ. Въ современномъ естествознательномъ ученіи о силахъ, признаваемыхъ авторомъ за причины самозарожденія организмовъ, это бездоказательное утвержденіе автора не можетъ найти для себя никакой опоры: потому что изъ разсмотрѣнія этого ученія обнаруживается, что естествознаніе далеко не знаетъ сущности этихъ силъ, въ справедливости чего желающіе могутъ убѣдиться изъ нашего разсужденія о происхожденіи вселенной, а наблюденіе и опытъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что образованіе организмовъ изъ неорганической матеріи превышаетъ область дѣятельности означенныхъ силъ. Мы не отвергаемъ того, что эти силы относятся къ числу причинъ, обусловливающихъ собою правильное развитіе и существованіе организмовъ, уже существующихъ, но только и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ихъ нельзя признать за причины единственныя и абсолютно необходимыя. Кромѣ этихъ причинъ необходимыми условіями, въ дѣлѣ поддержанія и правильнаго развитія организмовъ, являются: 1) *пища*, которую организмы добываютъ изъ воздуха, изъ почвы, удобренной органическими остатками, и изъ другихъ организмовъ непосредственно, и 2) *влага*, необходимая первѣе всего для приведенія въ жидкое или размягченное состояніе бѣлка зародыша, служащаго ему первоначальною пищею, а потомъ и другаго рода пищи. Эти два усло-

вія настолько необходимы въ жизни организмовъ, что безъ нихъ невозможно проявленіе въ организмахъ химическихъ и теплородныхъ явленій,—невозможно слѣдовательно и правильное развитіе и даже сохраненіе жизни организмовъ; тогда какъ безъ вліянія со стороны нѣкоторыхъ причинъ, признаваемыхъ авторомъ за причины самозарожденія, возможно не только сохраненіе жизни, но даже и болѣе или менѣе правильное развитіе организмовъ, что особенно слѣдуетъ сказать о свѣтѣ: потому что всѣмъ должно быть извѣстно, что въ темнотѣ не только можетъ сохраниться жизнь организмовъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, но даже можетъ продолжаться и ихъ развитіе, хотя и не вполнѣ нормальное. Что же касается сохраненія жизни организмовъ или ихъ зародышей, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, то оно оказывается возможнымъ безъ вліянія и прочихъ предполагаемыхъ дѣятелей самозарожденія. Сохраненіе способности къ прорастанію, оказанное пшеницею, пролежавшею цѣлыя тысячелѣтія въ египетскихъ саркофагахъ, наглядно подтверждаетъ собою возможность сохраненія жизни органическаго зародыша въ теченіи громаднаго періода времени, безъ вліянія на него всякихъ химическихъ процессовъ. Въ отсутствіи теплородныхъ вліяній нѣкоторые не только зародыши, но даже и организмы также способны сохранять свою жизнь, въ справедливости чего можно убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ, приводимыхъ однимъ защитникомъ самозарожденія: „Мельсенъ доказалъ, что пивныя дрожжи, послѣ вліянія самыхъ неблагопріятныхъ условій на ихъ жизнь, когда они подвергаются напримѣръ давленію свыше 8000 атмосферъ и сильному холоду, по удаленіи этихъ вліяній все-таки остаются способными жить. Опыты свои Мельсенъ производилъ слѣдующимъ образомъ: наполнялъ бомбы дрожжами при 4.1°, запиралъ герметически отверстія бомбъ и затѣмъ охлаждалъ. Бомбы выдерживали давленіе 8000 атмосферъ и когда отъ замораживанія вода

расширялась настолько, что давленіе со стороны ея превышало силу давленія равную 8000 атмосферъ, то бомбы лопались. Полученная ледяная масса по оттаиваніи давала дрожжи способные производить броженіе. Буссенго подвергалъ различныя сѣмена дѣйствію очень низкой температуры, каковая получается отъ угольной кислоты, при ея испареніи, и сѣмяна не теряли способности прорастать. Животное царство представляетъ намъ такіе же примѣры, но еще болѣе поразительные. Если подвергать какую нибудь лягушку, и въ особенности жабу, довольно продолжительному дѣйствію сильнаго холода, то она промерзаетъ до самыхъ внутреннихъ своихъ органовъ, и промерзаетъ настолько, что всѣ жидкія части твердѣютъ совершенно, всѣ ткани дѣлаются одеревенѣлыми и всѣ отправленія становятся невозможными, не смотря на то, однакожь, жизнь этихъ существъ, теченіе которой останавливается, не уничтожается совершенно въ этомъ случаѣ, но только прерывается и снова проявляется съ поразительною скоростію при оттаиваніи: наблюденія Исидора Жоффруа Сентъ-Илера показали, что достаточно 8 минутъ, чтобы превратить замерзшій трупъ лягушки въ полное жизни животное. Коловратки, угрецы (Anguillula) и тихоходы (Tardigrada), какъ высушенные, такъ и замороженные, представляютъ несомнѣнные примѣры, въ которыхъ жизненныя отправленія только останавливаются и организація остается совершенно невредимою“ (1); въ дополненіе къ этому слѣдуетъ указать на таковую же способность сохранять свою жизнь послѣ вліянія сильнѣйшаго холода, проявляемую различными насѣкомыми паразитами.

Зная несомнѣнно, что жизнь существующихъ организмовъ можетъ быть сохранена въ теченіи довольно продолжительнаго времени и внѣ вліянія со стороны свѣтовыхъ, теплородныхъ и химическихъ явленій, въ

(1) Знаніе 1872 г. № 8. стр. 110.

высшей степени нерезонно предполагать, что неизвѣстныя причины этихъ явленій способны произвести изъ неорганическихъ элементовъ матеріи органическую жизнь, но тѣмъ болѣе нерезонно предполагать это въ виду того несомнѣннаго факта, что зародышъ, сѣмя или часть другаго организма составляютъ самое существенное условіе въ дѣлѣ происхожденія новыхъ организмовъ. Между тѣмъ, авторъ разсматриваемой нами статьи дозволяетъ себѣ не только предполагать, но и категорически утверждать, что органическая жизнь должна была произойти изъ неорганической матеріи, при воздѣйствіи на нее однихъ указанныхъ имъ естественныхъ причинъ. Но опытъ, вопреки утвержденію автора, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что въ ряду явленій, обусловливаемыхъ предполагаемыми авторомъ причинами самозарожденія, нѣтъ факта самозарожденія; изъ опыта же мы знаемъ, что эти причины не абсолютно необходимы и для сохраненія жизни уже существующихъ организмовъ; наконецъ, опытъ же свидѣтельствуетъ намъ, что зародышъ, сѣмя или часть живаго организма составляютъ абсолютно необходимое условіе въ дѣлѣ происхожденія новыхъ организмовъ. Эти несомнѣнныя свидѣтельства опыта наносятъ смертельный ударъ отстаиваемому авторомъ ученію. Еще имѣло бы нѣкоторый смыслъ предположеніе автора о возможности самозарожденія организмовъ изъ неорганической матеріи, при воздѣйствіи на нее со стороны предполагаемыхъ имъ дѣятелей, если бы означенныя свидѣтельства опыта не были такъ ясны и несомнѣнны, если бы онъ опредѣлилъ сущность предполагаемыхъ имъ естественныхъ дѣятелей и тѣ условія, при которыхъ означенные дѣятели могли бы произвести чудо самозарожденія въ какія-то отдаленныя времена или въ какомъ-то сокровенномъ мѣстѣ, и если бы онъ изыскалъ законы, управляющіе означенными дѣятелями на поприщѣ этой чудесной дѣятельности. Но авторъ въ этомъ случаѣ довольствуется голословнымъ утвержденіемъ, что рѣшенія задачи о самозарожденіи

организмовъ слѣдуетъ искать въ комбинаціи внѣшнихъ свѣтовыхъ и теплородныхъ вліяній съ химическими свойствами тѣлъ; рѣшеніе же этой задачи онъ предоставляетъ отдаленному будущему, надѣясь вѣроятно на то, что въ будущемъ современныя научныя данныя, опровергающія отстаиваемое имъ ученіе, почему либо утратятъ свое значеніе, въ каковомъ случаѣ авторъ прибѣгаетъ къ несбыточной надеждѣ, обличающей ложность отстаиваемаго имъ ученія: потому что ссылка на прошедшее или будущее время, или на сокровенныя мѣста весьма обычна въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ отстаиваются истины сомнительнаго свойства.

Такимъ образомъ, ученіе о самозарожденіи организмовъ не имѣетъ подъ собою никакихъ основаній; противъ же него возстаютъ слѣдующіе несомнѣнные научные факты: 1) присутствіе преобладающаго количества углерода въ организмахъ, служащаго отличительнымъ признакомъ ихъ состава; 2) сложность и непрочность химическаго состава органической матеріи; 3) коллоидное строеніе органической матеріи и разнообразныя уклоненія замѣчаемыя въ органическихъ особяхъ, принимаемыя ими при ихъ сохраненіи общаго видоваго плана строенія, свидѣтельствующія о неодинаковости причинъ, управляющихъ образованіемъ органическихъ и неорганическихъ формъ; 4) отправленія питанія и размноженія, свойственныя всѣмъ организмамъ и свидѣтельствующія о присутствіи имъ внутренней силы, которая охраняетъ непрочныя органическія соединенія отъ разрушительнаго вліянія на нихъ со стороны внѣшнихъ физико-химическихъ силъ, стремящихся превратить ихъ въ болѣе прочныя неорганическія соединенія, и направляетъ развитіе организмовъ къ достиженію ими общаго плана ихъ строенія; 5) невозможность существованія организмовъ безъ предшествующаго существованія другихъ организмовъ,—такъ какъ возможность добыванія организмами строительнаго матеріала, необходимаго для ихъ существованія и развитія, обусловливается непремѣннымъ пособіемъ дру-

гихъ организмовъ; 6) замѣчаемое въ природѣ стремленіе разнородныхъ элементовъ матеріи войти въ болѣе прочныя отношенія другъ къ другу, обусловливающее собою постоянное разрушеніе менѣе прочныхъ, каковое стремленіе прямо противорѣчитъ возможности самообразованія непрочныхъ органическихъ соединеній изъ соединеній неорганическихъ, отличающихся прочностью; 7) несомнѣнное отсутствіе факта самообразованія органической матеріи изъ элементовъ неорганическаго міра и самозарожденія организмовъ въ природѣ настоящаго времени, въ виду свидѣтельства науки о томъ, что ходъ природы, во всѣ времена существованія вселенной, остается неизмѣннымъ; и 8) невозможность образованія какого бы то ни было организма изъ неорганической матеріи, при помощи искуственныхъ средствъ. Подъ тяжестью этихъ фактовъ ученіе о самозарожденіи падаетъ окончательно.

Не смотря однако на полную бездоказательность, ученіе о самозарожденіи имѣетъ многихъ послѣдователей и усердныхъ защитниковъ; оно усердно проповѣдуется нѣкоторыми нашими свѣтскими періодическими изданіями, изъ которыхъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ „Знанію“, которое, взявъ подъ свою защиту всѣ современныя естествознательныя гипотезы, не оставляетъ безъ должной защиты и это ученіе. Настойчивая проповѣдь, не смотря на всю ея бездоказательность, несомнѣнно вліяетъ на увеличеніе количества послѣдователей этого ученія. Успѣхи таковаго вліянія главнымъ образомъ обусловливаются духомъ времени, пропитаннымъ идеями о постепенномъ развитіи неорганическаго и органическаго міра, съ которыми ученіе о самозарожденіи находится въ самой тѣсной связи, — такъ какъ самозарожденіе признается проповѣдниками ученія о постепенномъ развитіи органическаго міра необходимымъ моментомъ и исходнымъ пунктомъ въ развитіи этого міра. Безцеремонный способъ обращенія проповѣдниковъ современныхъ гипотезъ съ довѣріемъ читателей, которымъ таковые про-

повѣдники выдаютъ ни на чемъ неосновавныя предположенія за научныя истины, также не мало способствуетъ успѣху таковой проповѣди; потому что онъ весьма гибельно вліяетъ на большинство читающаго человѣчества, отличающееся довѣріемъ къ проповѣдникамъ всего новаго, но особенно гибельно на молодые умы, отличающіеся еще бо́льшимъ довѣріемъ и еще бо́льшею наклонностію къ воспріятію всего новаго и заранѣе подготовленные къ воспріятію и усвоенію матеріалистическихъ идей школою (¹) и дѣтскою литературою. Ни для кого, конечно, не тайна, что нѣкоторые наши дѣтскіе журналы, даже одобренные министерствомъ народнаго просвѣщенія, злоупотребляютъ высокимъ довѣріемъ и не отказываются служить проводниками и популяризаторами матеріалистическихъ идей; доказательствомъ чему можетъ служить статья „Объ умѣ животныхъ“, помѣщенная въ третьей книжкѣ Дѣтскаго Чтенія за 1875 годъ. Въ этой статьѣ авторъ, при помощи наглядныхъ примѣровъ изъ жизни животныхъ, старается убѣдить своихъ юныхъ читателей въ той модной истинѣ, что они ничѣмъ не отличаются отъ животныхъ: потому что послѣднія, подобно имъ, имѣютъ и способный къ усовершенствованію разумъ и нѣкоторое понятіе о нравственности. Кошки и собаки, описываемыя авторомъ названной статьи, совершаютъ такія разумныя дѣйствія, которыя, по выраженію автора, дѣлаютъ честь присутствію ихъ духа, ихъ храбрости, вѣрности и уму... Благодаря подобнымъ статьямъ, помѣщаемымъ въ дѣтскихъ журналахъ, и различ-

---

(¹) Ознакомленіе учениковъ съ гипотезами развитія начинается въ нынѣшнихъ школахъ съ изученія географіи, во всѣхъ учебникахъ которой сообщаются имъ устарѣвшія предположенія, подъ видомъ непреложныхъ истинъ, объ основаніяхъ плутонической гипотезы, служащей основаніемъ гипотезы Канто-Лапласовской,—объ огненножидкомъ ядрѣ земли, какъ причинѣ землетрясеній и вулкановъ. При изученіи физики и космографіи они болѣе или менѣе освояются съ Канто-Лапласовскою гипотезою, отъ которой уже прямой переходъ и къ гипотезѣ Дарвина.

нымъ иллюстрированнымъ книжкамъ съ таковыми же тенденціями, дѣти нерѣдко усвояютъ себѣ матеріалистическія идеи одновременно съ началомъ обученія грамотѣ; потомъ эти идеи развиваются и крѣпнутъ въ нихъ, по мѣрѣ ихъ физическаго и интеллектуальнаго развитія и по мѣрѣ ознакомленія ихъ съ болѣе серьезною свѣтскою письменностію. Въ случаѣ недостатка разумнаго руководства со стороны воспитателей, а тѣмъ болѣе вслѣдствіе злоупотребленій съ ихъ стороны, въ дѣтяхъ, усвоившихъ подъ видомъ истины матеріалистическія идеи, проявляется ослабленіе религіозно-нравственнаго чувства, мало по малу переходящее въ полный упадокъ. Религіозно-нравственное состояніе цивилизованнаго запада представляетъ собою, по нашему мнѣнію, прямое слѣдствіе сильнаго развитія и всеобщаго распространенія тамъ идей матеріализма, главнымъ проводникомъ которыхъ въ настоящее время служитъ гипотеза Дарвина. Замѣтные слѣды таковаго же слѣдствія, къ сожалѣнію, проявляются и въ нашемъ отечествѣ; только, при меньшемъ развитіи цивилизаціи, невѣріе не успѣло въ немъ пустить слишкомъ глубокихъ корней, хотя корни эти уже настолько привились къ нашей родной почвѣ, что, при недостаткѣ разумнаго противодѣйствія, они не замедлятъ широко разрости въ ней: потому что всѣ сорныя травы отличаются необыкновеннымъ плодородіемъ и величайшею выносливостью.

В. Поповъ.

ИМПЕРАТОРЪ ЮЛІАНЪ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

(продолженіе)

—

III.

Среди усиленной политической дѣятельности Юліана, забота о возстановленіи политеизма въ древнемъ его величіи всегда стояла для него на первомъ планѣ, и онъ посвящалъ на осуществленіе своей завѣтной мечты въ этомъ отношеніи все свое время и лучшія свои силы. Юліанъ былъ проникнутъ, какъ мы уже видѣли, горячимъ убѣжденіемъ, что сами боги даровали ему власть и политическое значеніе съ тою цѣлію, чтобы онъ снова возстановилъ въ римской имперіи религіозный порядокъ вещей, предшествовавшій Константину великому (1). Кромѣ этихъ чисто религіозныхъ побужденій, въ настоящемъ случаѣ онъ не могъ не руководствоваться и чисто политическими соображеніями. Организація римскаго общественнаго и государственнаго строя была самымъ внутреннимъ и тѣснымъ образомъ соединена съ преданіями и вѣрованіями политеизма, какъ общенаціональной государственной религіи, такъ что императоръ, бывшій вмѣстѣ верховною политическою и религіозною главою своего

(1) Julian. Orat. VII ad Geraclium, de cynica secta p.

государства, долженъ былъ поступать не иначе, какъ Юліанъ, если онъ считалъ за обязанность правителя поддержаніе древнихъ государственныхъ вѣрованій и политическихъ учрежденій. Далѣе, Юліанъ былъ проникнутъ глубокимъ убѣжденіемъ, что политическое существованіе римской имперіи, ея внутреннее благосостояніе и внѣшнее могущество тѣсно связаны съ государственнымъ культомъ, что съ ослабленіемъ и паденіемъ послѣдняго идетъ рука объ руку внутреннее разложеніе и упадокъ государственнаго организма. Внимательно всматриваясь въ историческія судьбы Рима, сравнивая состояніе римской имперіи въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ съ положеніемъ, въ которомъ она находилась при императорахъ язычникахъ—Траянѣ, Антонинѣ, Маркѣ Аврелiѣ и другихъ, Юліанъ видѣлъ, что въ правленіе первыхъ состояніе государства значительно ухудшилось сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, что имперія все болѣе и болѣе клонилась къ своему упадку, между тѣмъ какъ при языческихъ правителяхъ она стояла на высотѣ своего внѣшняго могущества и внутренняго процвѣтанія (1). Нисколько не вдаваясь въ глубокое изслѣдованіе истинныхъ причинъ, подготовившихъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ разложеніе государственнаго организма Рима, Юліанъ ограничивался тѣмъ, что голословно обвинялъ въ этомъ упадкѣ христіанство, признанное его предшественниками государственною религіею римской имперіи и въ возвращеніи древнему культу прежняго его значенія видѣлъ единственное средство доставить государству его прежній блескъ и политическое могущество (2). Взглядъ, что христіанство, признанное Константиномъ великимъ государ-

(1) Julian. Caesares, p. 306—337, ed. Spanheim. Wiggers, Julian der Abtrünnige, ein Verfolger des Christenthums und ein Verfolger d. Christen. См. Zeitschrift fur historische Theologie, 1837 г.

(2) Julian. Epist. VII ad Artab. p. 376. Сравн. Le Bas. Hist. rom. T. II. p. 416.

ственною религіею Рима, только содѣйствовало ослабленію римскаго могущества, и что языческій культъ, напротивъ, заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для возстановленія прежняго блеска имперіи, проводится во многихъ литературныхъ произведеніяхъ Юліана. „Безуміе галилеянъ, говоритъ онъ въ седьмомъ письмѣ своемъ къ Артабію, все ниспровергло и погубило и только чрезъ благоволеніе боговъ всѣ мы спасены“ (1). Тѣже самыя идеи проглядываютъ въ сатирическомъ произведеніи Юліана „Цезари“, въ его письмѣ къ жителямъ Александріи (2) и другихъ сочиненіяхъ. Наконецъ, съ міромъ политеизма, съ его завѣтными преданіями и вѣрованіями въ глазахъ Юліана были соединены самыми тѣснѣйшими узами всѣ великія произведенія античнаго генія, къ которымъ онъ питалъ самую безграничную любовь и какое-то благоговѣйное уваженіе (3). Такимъ образомъ съ возстановленіемъ древняго культа, съ возвращеніемъ ему прежняго значенія Юліанъ соединялъ идею возстановленія всѣхъ гуманныхъ началъ, которыми такъ гордилась античная цивилизація и которыя, по его мнѣнію, стали приходить въ упадокъ вслѣдствіе утраты древнею религіею своихъ прежнихъ правъ. Юліанъ сознавалъ всю важность дѣла, поставленнаго задачею его жизни и политической дѣятельности, и въ тоже время чувствовалъ необходимость для его выполненія поддержки со стороны современнаго ему языческаго общества. Такое содѣйствіе и поддержку онъ надѣялся встрѣтить особенно въ тѣхъ представителяхъ языческой партіи, которые, какъ мы уже видѣли, имѣли рѣшительное вліяніе на перемѣну въ душѣ его религіозныхъ убѣжде-

---

(1) Julian. Epist. VII ad. Artab. p. 376. *Διὰ γὰρ τὴν Γαλιλαίων μωρίαν, ὀλίγου δεῖν, ἅπαντα ἀνετράπη, διὰ δὲ τὴν θεῶν ἐυμένειαν σωζόμεθα πάντες.*

(2) Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 432—435.

(3) Julian. Epist. XLI. ad Alexandr. p. 432—435.

ній (1). Едва только Юліанъ успѣлъ вступить на императорскій престолъ, какъ дворъ его не замедлилъ наполниться софистами, жрецами, философами и другими представителями языческой партіи, которыхъ онъ приглашалъ со всѣхъ сторонъ имперіи къ себѣ. Письма императора, относящіяся къ этому времени, содержатъ въ себѣ или приглашеніе кого нибудь изъ риторовъ и философовъ къ своему двору, или выражаютъ чувство скорби по причинѣ медленности ихъ прибытія. Такъ въ одномъ изъ нихъ, выражая сожалѣніе объ отсутствіи Ямвлиха, Юліанъ объясняетъ, что душа его вслѣдствіе этого покрыта киммерійскимъ мракомъ (2). Когда однажды отвѣтъ Ливанія на письмо императора запоздалъ на три дня,—этотъ періодъ времени показался послѣднему какбы цѣлымъ вѣкомъ. Первыми изъ философовъ и софистовъ удостоились быть приглашенными ко двору императорскому извѣстные уже намъ Хрисанѳій и Максимъ, имѣвшіе роковое вліяніе на отступничество Юліана и его переходъ къ язычеству. Максимъ весьма охотно принялъ приглашеніе и немедленно отправился въ дорогу. Его путь до самой столицы походилъ болѣе на тріумфъ, нежели на путешествіе обыкновеннаго философа. Языческіе жители городовъ Малой Азіи и Греціи повсюду выходили къ нему на встрѣчу, произносили привѣтственныя рѣчи и выражали всевозможные знаки уваженія императорскому любимцу (3). При вступленіи въ столицу, какъ мы уже видѣли, самъ императоръ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, бросивъ всѣ государственныя занятія, принялъ его съ распростертыми объятіями и проливалъ радостныя слезы при видѣ своего стараго друга (4). Максимъ не

---

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 195.

(2) Julian. Epist, XXXIV p. 405—417.

(3) Eunap. Vitae Sophist. p. 476, 477.

(4) Liban. Orat. Parent. p. 301. Ammian Marcell. XX. 7.

замедлилъ сдѣлаться въ скоромъ времени самымъ приближеннымъ совѣтникомъ Юліана, которому тотъ довѣрялъ всѣ свои завѣтные планы, и пріобрѣлъ надъ нимъ самое безграничное вліяніе. Письма Юліана, адресованныя къ Максиму, очевидно показываютъ, что онъ ни одного изъ своихъ друзей не любилъ такъ сильно и не былъ такъ искренно привязанъ, какъ къ этому философу (1). Императоръ сравниваетъ здѣсь свою любовь къ старому наставнику съ любовью Александра великаго къ пѣснямъ Гомера и признается, что во время отсутствія своего друга онъ находитъ для себя единственную отраду и утѣшеніе въ чтеніи его писемъ (2). Вмѣстѣ съ Прискомъ Максимъ безотлучно находился при особѣ императора до самой его смерти и сопровождалъ его во время персидскаго похода. Между тѣмъ какъ множество софистовъ и философовъ съ большимъ удовольствіемъ приняли приглашеніе Юліана и не замедлили явиться къ его двору, только Хрисанѳій и Ливаній составляли замѣчательное исключеніе въ этомъ отношеніи, хотя императоръ болѣе всего разсчитывалъ на ихъ поддержку и сочувствіе къ своему дѣлу. Первый изъ нихъ не явился въ столицу, будучи устрашенъ неблагопріятными предзнаменованіями, второй отказался принять императорское приглашеніе неизвѣстно по какой причинѣ. Напрасно Юліанъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы убѣдить Хрисанѳія измѣнить своему намѣренію и явиться въ столицу,— всѣ онѣ оказывались напрасными и не въ состояніи были поколебать твердой рѣшимости философа. Отчаявшись видѣть возлѣ себя одного изъ лучшихъ и преданныхъ друзей своихъ, императоръ могъ находить для себя одно утѣшеніе по крайней мѣрѣ въ томъ, что Хрисанѳій согласился принять на себя должность

(1) Julian. Epist. XV. ad Maxim. Philosoph. p. 383; XVI p. 383—384; XXVIII, p. 414—416.

(2) Ibidem.

верховнаго жреца Лидіи и такимъ образомъ могъ оказывать содѣйствіе въ задуманномъ имъ возстановленіи древняго культа. Юліанъ не щадилъ средствъ для того, чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе со стороны языческихъ софистовъ и философовъ, надѣляя ихъ доходами, почетными должностями и выражая къ нимъ другіе знаки своего благоволенія. Такъ онъ назначилъ Ѳемистія префектомъ Константинополя, Ливаній былъ облеченъ квестурою и другими высшими магистратурами (1), Хрисанѳій получилъ титулъ верховнаго жреца Лидіи. Награждая своимъ довѣріемъ и уваженіемъ языческихъ софистовъ и философовъ и старыхъ друзей своихъ, бывшихъ самыми усердными сторонниками языческой партіи, Юліанъ тѣмъ самымъ думалъ найти въ нихъ самую энергическую поддержку и содѣйствіе въ дѣлѣ задуманнаго имъ плана возстановленія политеизма. Обстоятельства не замедлили показать, какъ легко онъ ошибался въ своихъ разсчетахъ, и ему въ самомъ непродолжительномъ времени пришлось испытать самое горькое разочарованіе въ этомъ отношеніи.

Заранѣе увѣренный въ счастливомъ исходѣ своего предпріятія, Юліанъ съ необычайною ревностію приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты, употребляя для этого всѣ зависящія отъ него средства: какъ верховный политическій глава греко-римскаго міра, онъ издаетъ правительственныя распоряженія, клонившіяся къ возвращенію политеизму его прежняго значенія въ смыслѣ государственной религіи, въ званіи верховнаго первосвященника (Pontifex maximus), сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ высшій надзоръ за оффиціальнымъ культомъ имперіи, онъ прилагаетъ съ своей стороны всѣ заботы о возстановленіи послѣдняго въ древнемъ его величіи, стараясь собственнымъ своимъ примѣромъ возбудить къ нему соревнованіе въ своихъ подданныхъ (2), наконецъ, какъ фило-

(1) Liban. Epist. 311.

(2) Amm. Marcell. XXII. 3; XXV. 4.

софъ, онъ дѣлаетъ попытку преобразовать политеизмъ на новыхъ началахъ и сообщить такимъ образомъ новую жизнь одряхлѣвшимъ формамъ его существа.

Въ силу правительственныхъ распоряженій, изданныхъ Юліаномъ немедленно по вступленіи своемъ на императорскій престолъ, многіе языческіе храмы, пришедшіе въ запустѣніе и упадокъ, а также разрушенные въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, особенно находившіеся въ Элевзисѣ и другихъ городахъ Греціи и Малой Азіи, были опять возстановлены въ прежнемъ своемъ видѣ и снабжены богатыми украшеніями; въ нихъ по прежнему стали совершаться жертвоприношенія въ честь языческихъ боговъ вмѣстѣ съ другими религіозными церемоніями и обрядами (1). Въ тоже время не мало храмовъ, жертвенниковъ и алтарей было построено, по приказанію Юліана, вновь во всѣхъ предѣлахъ римской имперіи. „Религія, замѣчаетъ по этому поводу Ливаній, снова возвратилась изъ своего бѣгства, между тѣмъ какъ одни изъ храмовъ были возобновлены, а другіе выстроены вновь, и въ нихъ были внесены изображенія боговъ. Средства для этого доставлялись людьми, построившими себѣ изъ храмовъ и развалинъ дома“ (2). Въ самомъ Константинополѣ, со времени его обращенія въ столицу имперіи, не видавшемъ въ своихъ стѣнахъ ни одного языческаго обряда, Юліанъ также построилъ множество языческихъ храмовъ, жертвенниковъ и алтарей, на которыхъ не замедлили явиться безчисленныя жертвы въ честь боговъ. „Нашъ божественный Августъ, говоритъ софистъ Гимерій въ своей рѣчи, обращенной къ константинопольскому населенію, не удовольствовался однимъ только украшеніемъ этого города великолѣпными зданіями, но первый разсѣялъ мракъ,

(1) Amm. Marcell. XXII. 5. Сокр. Ц. И. III. 1, стр. 257. Феодор. Ц. И. III. 5, стр. 202. Созом. V, III.

(2) Liban. Orat. Parent. § 60.

мѣшавшій вамъ свободно поднимать руки ваши къ солнцу и устремлять ваши взоры къ небесамъ. Онъ построилъ множество храмовъ и алтарей и установилъ жертвоприношенія богамъ въ этомъ городѣ, до сихъ поръ не имѣвшемъ ихъ культа“ ([2]). Забота о возстановленіи запустѣлыхъ и разрушенныхъ языческихъ храмовъ, равно какъ и о постройкѣ новыхъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого императора, была поручена въ столицѣ особой коммиссіи, а въ провинціяхъ возложена на тамошнихъ намѣстниковъ ([1]). Въ глазахъ Юліана возстановленіе языческихъ храмовъ и алтарей представлялось занятіемъ священнымъ и потому онъ думалъ допускать къ нему только людей вполнѣ преданныхъ интересамъ древняго культа и притомъ достойнымъ въ нравственномъ отношеніи. Но, кажется, во многихъ случаяхъ подобное требованіе императора оставалось дѣйствительнымъ только на однихъ словахъ и очень часто люди, которымъ было поручено исполненіе императорской воли, далеко не отличались своею нравственною чистотою и безупречностію. Впрочемъ всѣ они дѣйствовали, при выполненіи возложеннаго на нихъ порученія, съ большою ревностію — одни руководствуясь чисто религіозными интересами, другіе съ цѣлью пріобрѣсти чрезъ это вѣрнѣйшимъ и удобнѣйшимъ образомъ благосклонность со стороны императора. Изображенія боговъ и другія принадлежности языческаго культа, вынесенныя изъ храмовъ въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, были теперь снова возвращены на свои прежнія мѣста въ торжественныхъ процессіяхъ. По случаю возстановленія разрушенныхъ и запустѣвшихъ храмовъ, равно какъ и постройки новыхъ, были совершаемы торжественные праздники, на устройство которыхъ Юліанъ не щадилъ рѣшительно никакихъ издержекъ. Возстановляя язы-

---

([1]) Orat. XVII. c. 9. Сравн. Orat. XV. p. 62, 63.

([2]) Amm. Marcell. XXII, 5.

ческіе храмы изъ ихъ развалинъ, новый императоръ дѣйствовалъ не съ такою справедливостью, какъ Константинъ великій при возстановленіи христіанскихъ церквей, разрушенныхъ во время діоклитіанова гоненія. Послѣдній возстановлялъ христіанскія церкви на собственный счетъ и давалъ должное вознагражденіе тѣмъ изъ язычниковъ, которые законнымъ образомъ были введены во владѣніе землями и другими имуществами, принадлежавшими христіанскимъ храмамъ. Напротивъ, Юліанъ требовалъ возстановленія языческихъ капищъ исключительно на средства тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые сами разрушили ихъ въ царствованіе Константина великаго и его сыновей или даже только по слухамъ принимали участіе въ дѣлѣ такого разрушенія.

Въ тѣсной связи съ правительственными распоряженіями Юліана, имѣвшими цѣлью возстановленіе языческихъ храмовъ и алтарей, находились также мѣры его къ возвращенію прежняго государственнаго значенія языческимъ жрецамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ однихъ изъ главныхъ дѣятелей при возстановленіи древняго культа. Въ силу императорскихъ эдиктовъ языческіе жрецы и прочіе храмовые служители опять получили прежнія свои права, привиллегіи и доходы, необходимые для ихъ содержанія и на издержки при совершеніи религіозныхъ обрядовъ (1).

Наряду съ постройкою новыхъ языческихъ храмовъ, равно какъ съ возстановленіемъ старыхъ, пришедшихъ въ запустѣніе и упадокъ, а также разрушенныхъ въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, Юліанъ въ тоже время прилагалъ не мало заботъ къ возстановленію оракуловъ, значительно оскудѣвшихъ въ его время своимъ количествомъ и притомъ потерявшихъ уже свой прежній авторитетъ въ глазахъ народной массы. Такъ самъ онъ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, возстановилъ оракулъ

---

(1) Созом. Ц. И. V, 3, стр. 311.

Дафнійскаго Аполлона въ Антіохіи и приказалъ очистить тамъ кастальскій источникъ, заваленный каменьями и засыпанный землею по приказанію императора Адріана (1), а его придворный медикъ Орибазій занимался возстановленіемъ дельфійскаго оракула (2). Между тѣмъ какъ оракулы, находившіеся въ восточной половинѣ имперіи, привлекали къ себѣ заботливость со стороны императора, прилагавшаго не мало усилій къ ихъ возстановленію, оракулы запада далеко не пользовались его вниманіемъ въ этомъ отношеніи (3). Причина такого замѣчательнаго явленія заключалась съ одной стороны вообще въ нерасположенности восточныхъ римскихъ императоровъ къ западу, а съ другой потому, что западные оракулы не пользовались такимъ авторитетомъ въ глазахъ язычниковъ, какъ оракулы Греціи и Малой Азіи, и потому не могли разсчитывать на всеобщее уваженіе. Западные оракулы составляли исключительную собственность одного Рима и кредитъ ихъ не распространялся за предѣлы Италіи (4).

Юліанъ питалъ особенное уваженіе къ древнимъ общественнымъ формамъ и политическимъ учрежденіямъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на тѣсно связанныя съ древнимъ культомъ и образованіемъ. Паденіе ихъ въ его глазахъ представлялось неизбѣжнымъ результатомъ упадка древней религіи. Отсюда онъ прилагалъ съ своей стороны не мало усилій для того, чтобы опять поставить политеизмъ въ тѣсныя взаимныя отношенія съ государственными учрежденіями и снова возстановить ту связь, которая была порвана между ними со времени признанія христіанства господствующею религіею римской имперіи. Въ тоже время Юліанъ съ большою ревностію старался уничтожить все, что только

---

(1) Amm. Marcell. XXII, 12.

(2) Julian. Epist. XVII ad Oribas. p. 384—386.

(3) Beugnot. t. 1. p. 205.

(4) Ibidem. p. 209.

могло напоминать о прежнемъ государственномъ значеніи христіанства, его связи съ общественными формами и политическими учрежденіями. Крестъ, украшавшій со временъ Константина великаго государственныя регаліи, медали и монеты, по приказанію императора, былъ на нихъ уничтоженъ и замѣненъ прежними языческими символами и изображеніями языческихъ боговъ—Аполлона, Изиды, Озириса, Сераписа и другихъ. Той же самой участи не замедлило подвергнуться и знаменитое Labarum, въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ неразлучно сопутствовавшее римскимъ легіонамъ въ ихъ походахъ противъ непріятелей. „Юліанъ, замѣчаетъ св. Григорій Богословъ по поводу указаннаго распоряженія императора, возстаетъ противъ того великаго знаменія съ изображеніемъ креста, которое, будучи поднято вверхъ, предводительствовало воинствомъ, почиталось у римлянъ и дѣйствительно было облегченіемъ въ трудахъ, даже можно сказать царствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ одни украшены изображеніями царей и распростертыми тканями съ различными цвѣтами и письменами, а другія, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ страшныя пасти драконовъ, утвержденныхъ на верху копій, раздуваются по изгибамъ, испещреннымъ тканною чешуею, и представляютъ взорамъ пріятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище“ (1). На монетахъ и медаляхъ, сохранившихся до нашего времени изъ эпохи Юліана, императоръ изображается всегда съ быкомъ и жертвеннымъ алтаремъ возлѣ него (2). Свои статуи, находящіяся на площадяхъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, Юліанъ приказывалъ окружать всегда изображеніями языческихъ боговъ,—особенно, какъ свидѣтельствуетъ Созоменъ, изваяніями Зевса, сходящаго съ неба и подающаго императору символы царскаго достоинства—

---

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1. слов. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 123.

(2) Ducange, Familiae Byzantinae, p. 39.

корону и пурпуръ, равнымъ образомъ Марса, Гермеса и другихъ (1). Теперь всякій, проходящій мимо императорскихъ статуй и преклоняющійся предъ ними, по обычаю того времени, по необходимости, долженъ былъ оказывать также честь поставленнымъ рядомъ съ ними изображеніямъ языческихъ боговъ, подвергаясь въ противномъ случаѣ быть обвиненнымъ въ непочтительности къ особѣ императора. „Съ римскими установленіями Юліанъ соединяетъ поклоненіе демонамъ, замѣчаетъ по этому поводу св. Григорій Богословъ. Посему на своихъ изображеніяхъ рядомъ съ другими обыкновенными начертаніями, написавъ демоновъ, предлагаетъ такія изображенія народу и городамъ, особенно начальникамъ областей, чтобы зло было вовсе неизбѣжно, чтобы всякій, воздающій честь императору, воздавалъ оную и идоламъ, или уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести императора, потому что поклоненіе воздавалось совокупное“ (2). Кромѣ того въ Египтѣ Юліанъ, по свидѣтельству Созомена, приказалъ возвратить въ храмъ Сераписа священныя знамена и древніе священные знаки, тогда какъ по повелѣнію Константина великаго все это было перенесено въ христіанскую церковь (3). Во время раздачи денежныхъ наградъ воинамъ, особенно отличившимся своею храбростію и точностію въ исполненіи предписаній дисциплины, по приказанію императора, предъ нимъ всегда ставился жертвенникъ, на который всякій изъ легіонеровъ, удостоенный пожалованія соотвѣтствующею его заслугамъ наградою, долженъ былъ бросать нѣсколько зеренъ ѳиміама и такимъ образомъ невольно принимать участіе въ жертвоприношеніи языческимъ богамъ (4). Юліанъ убѣж-

---

(1) Созом. Ц. И. V, 17, стр. 352.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1. слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 135.

(3) Созом. Ц. И. V, 3 стр. 314.

(4) Ibidem. 353. Ѳеодор. Ц. И. III. 16—17, стр. 217—220.

далъ также постоянно своихъ солдатъ, чиновниковъ и простой народъ усердно посѣщать храмы боговъ и принимать участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ. Въ тоже время, въ силу правительственныхъ распоряженій императора, право на занятіе государственныхъ должностей было предоставлено исключительно людямъ, извѣстнымъ своею приверженностію къ древнему культу или по крайней мѣрѣ по своей внѣшности казавшимся усердными язычниками (1). Мало того, самая заботливость о благосостояніи государства, со вступленіемъ на престолъ императора язычника, была поставлена въ зависимость отъ степени приверженности его населенія къ древнему культу. „Я готовъ помочь городу Пессинунту, говоритъ Юліанъ въ письмѣ своемъ къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, но только подъ условіемъ, если жители его постараются снискать себѣ благоволеніе матери боговъ (2). Если же они не сдѣлаютъ этого, въ такомъ случаѣ навлекутъ на себя мою немилость и я не окажу имъ содѣйствія, такъ какъ съ моимъ званіемъ правителя несогласно оказывать помощь врагамъ боговъ. Итакъ убѣди ихъ, если они хотятъ быть предметомъ моей заботливости, чтобы всѣ они совокупно и съ усердіемъ оказывали уваженіе культу матери боговъ“ (3).

Какъ верховный политическій и религіозный глава всего греко-римскаго міра, Юліанъ считалъ своею священною обязанностію заботиться о поддержаніи въ цѣлости всѣхъ существующихъ въ его время культовъ, такъ какъ всѣ они были тѣснымъ образомъ связаны съ государственными учрежденіями и общественными формами. Наконецъ, онъ очень хорошо сознавалъ какую

---

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1. сл. 1 обличит. на царя Юліана, стр. 151. Julian. Epist. LII, p. 431; Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 283. Ѳеодор. Ц. И. III, 8, стр. 206.

(2) Цибеллы или Греч.-Рим. см. Julian Orat. V ad deorum matrem. p. 158—180.

(3) Julian. Epist. XXIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 432.

важную поддержку для язычества доставляла наука и литература древняго міра и потому употреблялъ всѣ зависящія средства къ тому, чтобы содѣйствовать развитію и процвѣтанію послѣднихъ. Въ этихъ соображеніяхъ на должности намѣстниковъ провинцій были назначаемы императоромъ по преимуществу люди образованные и имъ было вмѣнено въ непремѣнную обязанность заботиться о распространеніи просвѣщенія во ввѣренныхъ ихъ управленію областяхъ. Особенное удовольствіе находилъ для себя Юліанъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, при вступленіи въ какой либо городъ, префектъ встрѣчалъ его привѣтственною рѣчью, изъ которой было видно знакомство автора съ древнею литературою. Конечно, находилось не мало людей, которые пользовались заботливостью императора о народномъ просвѣщеніи и связанномъ съ нимъ религіозномъ обученіи исключительно для собственныхъ своихъ выгодъ и только обманывали Юліана однимъ наружнымъ принятіемъ философской мантіи. Далѣе, съ цѣлью возвысить въ глазахъ общества значеніе врачебной науки, ниспосланной людямъ, по словамъ Юліана, самими богами (1), всѣ врачи были освобождены отъ личныхъ налоговъ и повинностей. Равнымъ образомъ, въ видахъ содѣйствія развитію музыкальнаго образованія въ государствѣ, въ Александріи, по приказанію Юліана, была основана особая музыкальная школа. Обучающіеся въ ней юноши получали себѣ содержаніе изъ государственной казны и, по окончаніи курса ученія, должны были прилагать свои таланты къ улучшенію языческаго богослуженія и къ приданію ему большей красоты и возвышенности (2).

---

(1) Juliani lex de medicis. Artem medicam hominibus salutarem esse, usus ipse demonstrat. Quare eam e coelo delapsam non immerito philosophi praedicant. Etenim naturae nostrae infirmitas, et valetudinis offensiones, quae quotidie incidunt, per hanc corriguntur. См. Julian imp. opera omnia ed. Spanheim. p. 398.

(2) Julian. Epist. LVI. ad Ecdic. p. 442.

Такимъ образомъ, со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ взаимныя отношенія язычества и христіанства другъ къ другу существенно измѣнились. Политеизмъ не замедлилъ получить права и привиллегіи оффиціальнаго государственнаго культа, между тѣмъ какъ христіанство потеряло свое первенствующее значеніе въ этомъ отношеніи. Мѣсто христіанскаго общества, до сихъ поръ окружавшаго особу императора, заступило теперь языческое. Весь общественный и государственный строй не замедлилъ также преобразоваться на старый языческій ладъ.

Какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и въ дѣлѣ предпринятаго возстановленія политеизма, Юліанъ старался подавать примѣръ подданнымъ своею необычайною ревностію и усердіемъ. Подобно своимъ предшественникамъ, принявъ, по вступленіи на императорскій престолъ, титулъ верховнаго жреца (Pontifex maximus), какъ верховнаго почетнаго блюстителя и покровителя государственнаго культа имперіи, онъ не ограничивался тѣмъ, чтобы придавать этому званію одинъ формальный характеръ, какъ дѣлали предшествовавшіе императоры, но усвоялъ ему самое реальное значеніе. Обязанности, связанныя съ званіемъ верховнаго первосвященника, представлялись въ глазахъ его самыми благородными и священными,—онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на важнѣйшую принадлежность своей императорской власти, и исполнялъ ихъ съ необычайною ревностію и усердіемъ. Чувствуя невозможность, какъ верховный религіозный глава своего государства, имѣть непосредственный надзоръ за языческимъ культомъ со всѣми его разнообразными развѣтвленіями на обширномъ пространствѣ римской имперіи, Юліанъ поручилъ ближайшее завѣдываніе религіозными дѣлами въ каждой провинціи особенно для того назначеннымъ верховнымъ жрецамъ, которые по своему авторитету и характеру своихъ обязанностей имѣли очень много

сходнаго съ христіанскими епископами (1). Въ высшей степени бережливый и разсчетливый во всѣхъ другихъ случаяхъ, Юліанъ не щадилъ рѣшительно никакихъ издержекъ на совершеніе торжественныхъ жертвоприношеній въ честь языческихъ боговъ, пышныя религіозныя церемоніи, вообще на приданіе древнему культу блестящей внѣшней обстановки и великолѣпія (2). Значительныя денежныя суммы были употребляемы имъ на возстановленіе изъ развалинъ и запустѣнія древнихъ храмовъ и на постройку новыхъ, явившихся теперь въ большомъ числѣ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ греко-римскаго міра. При такихъ обстоятельствахъ въ правленіе императора, соблюдавшаго самую строгую бережливость во всѣхъ государственныхъ расходахъ, крайне скупаго и въ высшей степени нетребовательнаго въ своей частной домашней жизни, издержки на совершеніе общественнаго богослуженія, на религіозныя церемоніи и обряды, поглощали весьма значительную часть государственныхъ доходовъ (3). Множество самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ птицъ привозилось изъ отдаленнѣйшихъ странъ для закланія ихъ на алтаряхъ въ честь боговъ, нерѣдко цѣлыя гекатомбы быковъ были приносимы Юліаномъ въ жертву за одинъ разъ (4). Такая неумѣренная ревность и расточительность императора въ дѣлѣ совершенія обрядовъ языческаго культа казалась странною и возбуждала не мало ироническихъ замѣчаній даже со стороны самихъ язычниковъ, видѣвшихъ въ религіозной ревности его проявленіе болѣе суевѣрія, нежели ис-

---

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429, 432; Epist. LXIII. ad Theod. Pontif. p. 452, 454; Epist. XXI ad. Calixen. p. 388.

(2) Amm. Marcell. XXII, 12.

(3) Ibidem.

(4) Ibidem. Hostiarum sanguine plurimo aras, crebritate nimia perfundebat, tauros aliquoties immolando centenos, et innumeros varii pecoris greges, avesque candidas terra quaesitas et mari.

тиннаго благочестія (1). Весьма любопытна и характеристична въ этомъ отношеніи народная острота, явившаяся въ Антіохіи во время приготовленій Юліана къ персидскому походу, когда императоръ приносилъ въ жертву богамъ громадное количество быковъ и другихъ животныхъ съ цѣлью умилостивить боговъ и пріобрѣсти ихъ благоволеніе и помощь въ предстоящей борьбѣ съ своими врагами. „Если императоръ возвратится побѣдителемъ изъ своего похода, говорилъ изумленный народъ, то всѣ быки будутъ истреблены на всемъ пространствѣ римской имперіи“ (2).

Все свое время Юліанъ старался дѣлить на служеніе алтарю и государству (3). Такъ какъ многосложныя государственныя занятія не дозволяли императору ежедневно посѣщать храмы своей столицы, то, по его приказанію, всѣ сады, окружавшіе дворецъ, были превращены въ родъ пантеона и тамъ было поставлено множество алтарей въ честь различныхъ боговъ. Равнымъ образомъ всѣ императорскіе покои не замедлили наполниться изваяніями боговъ и богинь и посвященными имъ жертвенниками. Въ передней своего дворца Юліанъ поставилъ статую Фортуны, какъ покровительницы столицы, а во внутреннихъ покояхъ его приказалъ построить небольшой храмъ въ честь Геліоса, своего особаго защитника и покровителя (4). Не смотря на глубокое уваженіе, питаемое ко всѣмъ греко-рим-

---

(1) Amm. Marcell. XXII. 4. Superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator.

(2) Ibidem. Innumeras sine parcimonia pecudes mactans: ut aestimaretur, si revertisset de Parthis, boves jam defuturos.

(3) Liban. Orat. de ulcisc. Juliani nece. § 22. *Οὗτος γὰρ ἐστιν ὁ μερίσας αὐτοῦ τὸν βίον εἴς τε τὰς ὑπὲρ τῶν ὅλων βουλὰς, εἴς τε τὰς περὶ βωμους διατριβάς.* Сравн. Julian Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 298, гдѣ императоръ прямо причисляетъ себя къ жрецамъ и выражается «*πρέπει ἡμῖν*».

(4) Julian. Orat. IV in regem. Solem. p. 130—158. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

скимъ богамъ, императоръ оказывалъ особенное благоговѣніе къ этому божеству, съ самаго дѣтства привлекавшему къ себѣ сильнѣйшія симпатіи съ его стороны (1). Ежедневно Юліанъ съ необычайнымъ усердіемъ совершалъ жертвоприношенія въ своемъ саду въ честь различныхъ боговъ, имѣющихъ тамъ свои алтари. Всякое утро онъ привѣтствовалъ восходящее солнце жертвою быка, другой быкъ былъ закалаемъ немедленно же послѣ того какъ солнце скрывалось за горизонтомъ. Въ тоже время луна, звѣзды и ночные геніи точно также получали отъ него соотвѣтствующую имъ честь и уваженіе. Юліану были очень хорошо извѣстны всѣ языческіе праздники, совершаемые въ предѣлахъ тогдашняго греко-римскаго міра и время ихъ совершенія, онъ очень хорошо также зналъ всѣ національные и мѣстные религіозные обряды и обычаи. Изъ его вниманія не ускользали знаки почтенія, воздаваемые тѣмъ или другимъ богамъ,—онъ очень хорошо зналъ, предъ какимъ изъ нихъ должно падать ницъ, у котораго слѣдовало цѣловать ноги и воздавать другіе знаки религіознаго почтенія. Въ торжественные праздники Юліанъ аккуратно посѣщалъ храмы столицы и съ большою ревностію совершалъ въ нихъ жертвоприношенія въ честь того или другаго божества, которому онѣ были посвящены, стараясь въ этихъ случаяхъ примѣромъ собственнаго усердія внушить жрецамъ и народу тотъ сильный энтузіазмъ къ древнему культу и ту необыкновенную точность въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, которыми самъ онъ былъ проникнутъ. При совершеніи торжественныхъ жертвоприношеній Юліанъ не гнушался, а напротивъ гордился самымъ внимательнымъ исполненіемъ такихъ обязанностей, которыя далеко не соотвѣтствовали его званію всесильнаго властелина судебъ греко-римскаго міра и скорѣе

(1) Julian. Orat. IV in regem Solem. p. 130—158. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

были свойственны низшимъ храмовымъ служителямъ. По свидѣтельству Ливанія, любимымъ занятіемъ императора, окруженнаго въ такихъ случаяхъ толпою жрецовъ, жрицъ и низшихъ храмовыхъ прислужниковъ, было носить дрова, зажигать и тушить огонь, убивать священнымъ ножомъ жертвенныхъ животныхъ (1). Изумленный народъ постоянно видѣлъ своего императора окровавленными руками рывшагося во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, вынимавшаго оттуда сердце и печень и съ полнымъ искусствомъ настоящаго гаруспекса старающагося узнать по нимъ о ходѣ будущихъ предпріятій и волю боговъ (2). Казалось не было ни одной жертвы, приносимой въ предѣлахъ римской имперіи, которая бы была неизвѣстна Юліану и которую бы онъ не успѣлъ совершить хоть однажды во время своего кратковременнаго царствованія. Среди сильныхъ дождевыхъ ливней нерѣдко можно было встрѣтить императора распростертымъ предъ изваяніями своихъ боговъ, между тѣмъ какъ окружавшій его народъ и жрецы искали себѣ защиты подъ портиками и колоннадами общественныхъ зданій. При посѣщеніи храмовъ и во время совершенія религіозныхъ процессій, по свидѣтельству Ливанія, никакой путь не казался ему далекимъ и никакой зной утомительнымъ (3).

Въ своей религіозной ревности Юліанъ не ограничивался однимъ только внѣшнимъ возстановленіемъ древняго культа и возвращеніемъ ему прежняго государственнаго значенія. Для него было понятно, что одинъ внѣшній культъ имѣетъ значеніе только для народной массы, поставляющей сущность религіи въ механическомъ соблюденіи однихъ обрядовыхъ формъ по-

---

(1) Julian. Epist. LXII, p. 343. Misopog. p. 346. Liban Orat. Parent. § 66 sqq. De ulcisc Julian. nece § 22. Orat. Consulat. ad Julian. p. 245—246.

(2) Ibidem. Amm. Marcell. XXII. 16. Твор. Григ. Бог. ч. 1. Слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 116.

(3) Liban. Orat. Consulat. ad. Julian. p. 245—246.

слѣдней, но не можетъ удовлетворять потребностямъ образованныхъ классовъ современнаго ему языческаго общества, какъ и всегда, вообще довольно скептично относившихся къ народной религіи. Самъ Юліанъ, не смотря на всю свою необычайную ревность и усердіе въ дѣлѣ возстановленія языческихъ обрядовъ и церемоній, не имѣлъ особенныхъ симпатій къ грубому вульгарному политеизму, господствовавшему среди народной массы, но скорѣе былъ жаркимъ почитателемъ и приверженцемъ политеизма, очищеннаго и одухотвореннаго неоплатониками. Подъ вліяніемъ своихъ неоплатоническихъ воззрѣній онъ не могъ не сознавать, что политеизмъ заключалъ въ себѣ не мало элементовъ, противныхъ здравому смыслу, способныхъ только возбуждать различныя недоумѣнія и сомнѣнія людей образованныхъ и навлекать нападенія со стороны христіанъ. Особенно миѳологическая сторона политеизма съ ея нелѣпыми баснями и сказками не могла не обращать на себя вниманія Юліана и заставляла глубоко призадуматься надъ устраненіемъ ея недостатковъ. Въ тоже время отъ взора императора не укрылось, что языческое ученіе о многихъ богахъ даетъ въ руки христіанъ самое сильное оружіе для нападеній на языческую теологію. Выходя изъ указанныхъ соображеній, Юліанъ считалъ совершенно необходимымъ не столько возстановлять политеизмъ въ прежнемъ его видѣ и возвращать ему прежнее его значеніе, сколько преобразовать его на новыхъ началахъ, чтобы, сохранивши неприкосновенными его формы, освященныя древностію, возвести ихъ къ болѣе логическому значенію, очистить миѳологическую сторону политеизма отъ многихъ нелѣпостей и придать миѳамъ болѣе возвышенный смыслъ при помощи аллегорическаго метода толкованія. Далѣе, онъ постарался употребить съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы преобразованному имъ политеизму придать характеръ универсальной религіи въ параллель и противовѣсъ

христіанству, доказать законность и совершенную необходимость его существованія. Наконецъ, самая внѣшняя сторона языческаго культа не ускользнула изъ вниманія его реноватора, который въ свою очередь также пытался осмыслить и утвердить законность ея существованія на новыхъ началахъ. Такимъ образомъ Юліанъ является на тронѣ римскихъ цезарей не столько возстановителемъ древняго культа, сколько его реформаторомъ, создателемъ новой религіозной системы, которую онъ хотѣлъ сдѣлать нормою вѣры для всѣхъ обитателей греко-римскаго міра. Свои воззрѣнія, которыми Юліанъ руководствовался при реформѣ современнаго ему язычества, онъ старался проводить частію при посредствѣ собственныхъ своихъ сочиненій, произносимыхъ имъ нерѣдко публично по случаю какихъ нибудь особенныхъ праздниковъ (1), частію при помощи поученій, которыя, по его приказанію, языческіе жрецы обязаны были говорить къ народу въ храмахъ и въ которыхъ они должны были объяснять религіозно-нравственное значеніе миѳовъ, равно какъ смыслъ языческихъ церемоній и обрядовъ (2).

Политеизмъ Юліана не былъ простымъ натурализмомъ, какой встрѣчается въ теогоніяхъ Гезіода и Гомера, но представляетъ собою скорѣе неоплатонически-пантеистическій эклектизмъ, философски-космогоническую, физико-астрономическую систему, странную смѣсь поэзіи, философіи, суевѣрія и христіанскихъ элементовъ. Въ своей теологической системѣ Юліанъ пытается главнымъ образомъ отыскать высшее единство среди множества абстрактныхъ боговъ, геніевъ, героевъ и силъ природы, осмыслить и одухотворить миѳологію посредствомъ соединенія ея съ восточными

---

(1) Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 130—158. Orat. V in deorum matrem, p. 158—180. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

(2) Твор. Григ. Бог. ч. 1. Слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 165. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

теософемами и нѣкоторыми христіанскими идеями. При ближайшемъ знакомствѣ съ этою системою нельзя не придти къ убѣжденію, что она образовалась подъ вліяніемъ стремленія поставить внутреннее откровеніе божества въ тѣсную связь съ древними религіозными преданіями, миѳами и отечественнымъ культомъ и усвоить послѣднему животворный духъ первыхъ, а имъ въ свою очередь придать освященіе чрезъ глубокую древность, равно какъ характеръ универсальности для всѣхъ націй (1).

Теологическія воззрѣнія Юліана могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ, на сколько можно судить о нихъ на основаніи сохранившихся до нашего времени отрывковъ полемико-религіознаго произведенія императора „противъ христіанъ“ (κατὰ τῶν χριστιανῶν), и другихъ его сочиненій. Согласно съ неоплатониками, Юліанъ признаетъ существованіе въ мірѣ единаго, всесовершеннаго вѣчнаго Отца и Царя всего міра и всѣхъ людей. Его можно назвать Верховнымъ Разумомъ, Благомъ, Первоосновою всякаго бытія,—онъ есть принципъ единства, красоты, совершенства и безконечнаго могущества для всего существующаго (2). Въ этомъ верховномъ божествѣ, по словамъ Юліана, не различается бытіе, сила и дѣйствіе. Имѣя бытіе чрезъ себя самого и въ себѣ самомъ, не чувствуя ни недостатка, ни желанія, оно существуетъ и знаетъ себя вполнѣ,—оно любитъ себя въ полнотѣ этого бытія и хочетъ быть тѣмъ, что оно есть. Его воля дѣйствительна сама чрезъ себя,—она не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, никакихъ ограниченій и потому не употребляетъ никакихъ усилій. Вся жизнь міра рядомъ эманацій проистекаетъ изъ этого Верховнаго Божества, которое, будучи по самому существу своему боже-

(1) Julian. Orat. IV. in regem Solem, p. 139 — 158. Orat. V. in deorum matrem, p. 158—180. Orat. VI adversos imperitos canes, p. 180.

(2) Julian. Orat. IV. in regem Solem, p. 132.

ствомъ и жизнію, безпрестанно творитъ и обновляетъ міръ, даетъ ему субстанцію, форму, движеніе и жизнь. Но, истекая изъ Верховнаго Существа, какъ своего первоисточника, все живое въ тоже самое время постоянно возвращается къ своему началу, потому что еслибы Первосубстанція постоянно все изъ себя только производила, не поглощая опять произведеннаго, она необходимо уменьшилась бы и истощилась. Такимъ образомъ, весь видимый міръ, по словамъ Юліана, есть ничто, бытіемъ своимъ и всѣми формами этого бытія онъ держится исключительно на Первосуществѣ. Но такъ какъ въ природѣ нѣтъ пробѣловъ, но существуетъ самая строгая постепенность и послѣдовательность, равно какъ и внутренняя связь явленій между собою, то вліяніе Первобытія достигаетъ до чувственнаго міра только чрезъ рядъ посредствующихъ божествъ. При такихъ условіяхъ Верховное Божество какъ бы чрезъ размноженіе въ своемъ существѣ производитъ изъ себя божественную жизнь, первую ступень бытія, совершенно отрѣшенную отъ всего естественнаго и временнаго. Это первый классъ высшихъ боговъ, которымъ Юліанъ усвояетъ названіе θεοὶ νοητοὶ (1). За ними слѣдуютъ творящія, неограниченныя пространствомъ и временемъ, образующія и управляющія естественнымъ міромъ божества—такъ называемые Юліаномъ θεοὶ νοεροὶ (2). Они дѣйствуютъ на матеріальный, подверженный вѣчному измѣненію міръ чрезъ свои вѣчные живые образы—небесныя свѣтила θεοὶ αἰσθητοὶ, отражающіе и проявляющіе ихъ дѣятельность въ чувственномъ мірѣ.

Замѣчательное явленіе въ религіозной системѣ Юліана представляетъ его теорія такъ называемыхъ національныхъ боговъ (ἐθνάρχαι καὶ πολιοῦχοι θεοὶ). Если въ большинствѣ случаевъ его религіозныя воз-

(1) Julian. Orat. IV. in regem Solem, p. 139.

(2) Ibidem.

зрѣнія находятся въ непосредственной зависимости отъ вліянія неоплатоническихъ и христіанскихъ идей, то въ своемъ объясненіи дѣйствительнаго бытія національныхъ боговъ онъ является вполнѣ самостоятельнымъ религіознымъ мыслителемъ. Національнымъ богамъ, по словамъ Юліана, поручены Верховнымъ Существомъ въ управленіе отдѣльные народы и города и отъ нихъ по этому случаю находятся въ тѣсной зависимости свойства и особенности управляемыхъ имъ націй. „Мы признаемъ, говоритъ Юліанъ, бытіе общаго Царя всѣхъ, но рядомъ съ нимъ допускаемъ еще національныхъ боговъ, изъ которыхъ каждый управляетъ своею особенною областію. Правда творецъ міра есть общій Отецъ и Царь всего, но отдѣльные народы онъ отдалъ въ управленіе подчиненнымъ ему національнымъ и городскимъ богамъ, изъ которыхъ каждый управляетъ соотвѣтствующимъ образомъ данною ему областію. Между тѣмъ какъ въ общемъ Отцѣ все совершенно и едино, въ отдѣльныхъ божествахъ преобладаетъ та или другая сила, вслѣдствіе чего напр., Аресъ управляетъ военными дѣлами народовъ, Аѳина завѣдуетъ военными совѣтами, Гермесъ распоряжается тѣмъ, что требуетъ болѣе хитрости, нежели ловкости и отважности“ (1). Въ доказательство дѣйствительнаго существованія національныхъ боговъ Юліанъ ссылает-

---

(1) Julian. ap. Cyrill. IV. p. 148. *Οἱ κοινον μὲν ἐκεῖνον ὑπολαμβάνοντες ἁπάντων δεσπότην· ἐθνάρχας δὲ ἄλλους, οἱ τυγχάνουσι μὲν ὑπ' ἐκεῖνον, εἰσὶ δὲ ὥσπερ ὕπαρχοι βασιλέως, ἕκαστος τὴν εαυτοῦ διαφερόντως ἐπανορθούμενος φροντίδα.* Ibidem. p. 115. *Οἱ γὰρ ἡμέτεροί φασι τὸν δημιουργὸν ἁπάντων μὲν εἶναι κοινὸν πατέρα καὶ βασιλέα, νενεμῆσθαι δὲ τὰ λοιπὰ τῶν ἐθνῶν ὑπ' αυτοῦ ἐθνάρχας καὶ πολιοῦχους Θεοῖς, ὧν ἕκαστος ἐπιτροπεύει τὴν ἑαυτοῦ λῆξιν οἰκείως αὐτῷ. Ἐπειδὴ γὰρ ἐν μὲν τῷ πατρὶ πάντα τέλεια καὶ ἓν πάντα, ἐν δὲ τοῖς μεριστοῖς ἄλλη παρ' ἄλλω κρατεῖ δύναμις. Ἄρις μὲν ἐπιτροπεύει τὰ πολεμικὰ τῶν ἐθνῶν· Ἀθηνᾶ δὲ τὰ μετὰ φρονήσεως πολεμικά. Ἑρμῆς δὲ τὰ συνετώτερα μᾶλλον ἢ τολμυρότερα, καὶ καθ' ἑκάστην οὐσίαν τῶν οἰκείων θεῶν ἔπειαι καὶ τὰ ἐπιτροπευόμενα παρὰ σφῶν ἔθνη.*

ся на различіе свойствъ и особенностей народовъ и племенъ, которое, какъ онъ думаетъ, происходитъ ни отъ какихъ другихъ причинъ, какъ отъ природы управляющихъ ими боговъ, потому что всякая нація въ своемъ характерѣ неминуемо отражаетъ типичныя свойства и особенности послѣднихъ. „Отсюда, по словамъ Юліана, становится понятнымъ, почему кельты и германцы отличаются большою храбростію и смѣлостію, греки и римляне образованны и цивилизованны, предпочтительно предъ всѣми другими націями имѣютъ наклонность къ занятіямъ государственными дѣлами, въ тоже время отличаются мужествомъ и воинственнымъ духомъ, почему египтяне осторожны и разсудительны, сирійцы не воинственны и изнѣжены, но при этомъ даровиты, подвижны и съ быстрою силою пониманія“ (1). Указанное разнообразіе въ характерѣ различныхъ народовъ, говоритъ Юліанъ, нельзя считать за нѣчто случайное, но скорѣе справедливо признавать за неизмѣнное, потому что иначе придется отрицать существованіе въ мірѣ управляющаго имъ Провидѣнія (2). Но если такое различіе имѣетъ свою опредѣленную причину, то она должна необходимо заключаться въ отдѣльныхъ богахъ, управляющихъ тѣмъ или другимъ народомъ. Мало того, признаніе существованія многихъ національныхъ боговъ, по словамъ Юліана, при разнообразіи въ нравахъ и учрежденіяхъ народовъ объясняетъ, откуда можетъ произойти такое различіе. „Если бы Верховное Существо, говоритъ онъ, не поставило надъ каждымъ народомъ особаго бога, генія или ангела, ему подчиненнаго и отъ него зависимаго, то откуда происходитъ различіе въ законахъ и обычаяхъ народовъ и какая другая причина могла произвести его“ (3)? Самые законы, управляющіе наро-

---

(1) Julian. ap. Cyrill IV. p. 115—116.

(2) Ibidem. p. 115.

(3) Ibidem. p. 137—138.

дами, думаетъ Юліанъ, нисколько не содѣйствуютъ развитію особенностей народнаго характера, но только служатъ выраженіемъ его различія и составлены примѣнительно свойствамъ и особенностямъ народовъ, зависящимъ отъ природы управляющихъ ими національныхъ боговъ. Народы, прилагающіе большую заботливость о развитіи своего образованія, говоритъ онъ, имѣютъ гуманные законы, между тѣмъ какъ націи, природныя свойства которыхъ не располагаютъ къ этому, владѣютъ законами суровыми и неумолимыми. Отсюда законодатели своими учрежденіями въ состояніи бываютъ произвести лишь немного измѣненій, не согласныхъ съ характеромъ народа и его обычаями (1). Исключительно только отъ характера національныхъ божествъ, по словамъ Юліана, происходитъ различіе въ политическихъ, нравственныхъ и юридическихъ учрежденіяхъ народовъ (2). „Кто изъ грековъ и римлянъ, говоритъ онъ, не считаетъ за тяжкое преступленіе имѣть связь съ своею матерью, сестрою или дочерью, между тѣмъ какъ персы считаютъ все это совершенно дозволеннымъ. Долженъ ли я коснуться частностей, какъ любви германцевъ къ своей свободѣ и ихъ отвращенія къ рабству, смиреннаго и покорнаго существа сирійцевъ, персовъ, парѳянъ и другихъ восточныхъ народовъ, которые находятъ для себя удовольствіе въ деспотической формѣ правленія (3)? Равнымъ образомъ, между западными народами не легко можно встрѣтить людей, которые были бы способны къ занятію философіей, геометріею и другими науками, исключая очень немногихъ, хотя они давно уже находятся подъ владычествомъ римлянъ. Самые талантливые между ними заимствовали лишь немного

---

(1) Julian. ap Cyrill. IV, p. 115. *Οἱ νομοθέται μικρὰ ταῖς φύσεσι καὶ ταῖς ἐπιτηδειότησι διὰ τῆς ἀγωγῆς προστέθεσαν.*

(2) Ibidem.

(3) Ibidem. VI. p. 137—138.

свѣдѣній изъ діалектики и краснорѣчія, будучи не въ состояніи постигнуть въ совершенной степени ни одной изъ этихъ наукъ. Если бы Верховное Существо хотѣло привести всѣ народы въ одно великое цѣлое, то мы видѣли бы слѣды этого намѣренія въ твореніи—оно дало бы людямъ одинаковую природу и одинъ образъ жизни. Но наши языки различны, какъ рѣзко различаемся мы другъ отъ друга и по своему типу. Скиѳы и германцы нисколько не похожи на еѳіоплянъ и ливійцевъ по своему типу и условіямъ физической жизни. Человѣкъ не въ состояніи измѣнить того, что однажды навсегда опредѣлено природою. Римская имперія заключаетъ въ себѣ множество народовъ съ самыми разнообразными характерами. Чтоже? Успѣли ли ея законодательство и администрація сгладить такое различіе“ (1). Изъ той идеи, что каждый народъ управляется особымъ національнымъ божествомъ, соотвѣтственно природѣ котораго онъ имѣетъ своеобразныя законы и политическія учрежденія, Юліанъ старается вывести святость древнихъ религіозныхъ учрежденій и традицій, такъ какъ всѣ онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ самимъ богамъ. „Я избѣгаю, пишетъ онъ къ верховному жрецу провинціи Азіи — Ѳеодору, нововведеній во всемъ, особенно же въ томъ, что имѣетъ отношеніе къ богамъ, и потому я думаю, что отечественные законы должны быть въ точности соблюдаемы, такъ какъ извѣстно, что они даны самими богами. Они не были бы такъ прекрасны, если бы происходили только отъ людей“ (2).

Нельзя не видѣть, что изложенное ученіе Юліана о Верховномъ Существѣ и его отношеніи къ низшимъ

---

(1) Julian. ap. Cyrill. IV. p. 131.

(2) Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452 — 454. *Φεύγω τὴν καινοτομίαν ἐν ἅπασι μὲν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, ἰδία δὲ ἐν τοῖς πρὸς τοὺς Θεοὺς, οἰόμενος χρῆναι ἂν πατρίους ἐξ ἀρχῆς φυλάττεσθαι νόμους, οὕς ὅτι μὲν ἔδοσαν οἱ θεοὶ, φανερὸν, οὐ γὰρ ἦσαν οὕτω καλοὶ, παρὰ ἀνθρώπων ἁπλῶς γενόμενοι.*

божествамъ составляло любимый предметъ въ доктринѣ послѣдователей неоплатонической школы, но никто изъ нихъ не развивалъ его съ такимъ усердіемъ и не пытался доказать справедливость его такимъ образомъ, какъ Юліанъ. Особенно теорія послѣдняго о существованіи національныхъ боговъ, ихъ отношеніи къ Верховному Существу и управляемому ими міру должна заслуживать вниманіе со стороны изслѣдователя по своей оригинальности. Этой теоріи нельзя встрѣтить въ ученіи другихъ неоплатониковъ и она впервые придумана Юліаномъ для той цѣли, чтобы при посредствѣ ея объяснить и доказать не только возможность, но и положительную необходимость существованія многихъ боговъ.

Такимъ образомъ, по взгляду Юліана, распространяется божественная жизнь въ своемъ вѣчномъ процессѣ отъ высшихъ ступеней бытія до самыхъ низшихъ формъ его чрезъ посредствующіе члены. Кромѣ указанныхъ высшихъ божествъ, по словамъ Юліана, существуетъ еще множество низшихъ боговъ, героевъ, геніевъ, демоновъ и другихъ. Посредникомъ между всѣми ими и чувственнымъ міромъ, съ одной стороны, и Верховнымъ Существомъ съ другой, въ религіозной системѣ Юліана занимаетъ богъ Геліосъ, который, какъ намъ уже извѣстно, пользовался весьма большимъ почетомъ и уваженіемъ со стороны императора, построившаго ему храмъ въ своемъ дворцѣ и ежедневно совершавшаго въ честь его жертвоприношенія. Въ своемъ гимнѣ, обращенномъ къ царю Геліосу (1), Юліанъ увѣряетъ, что еще съ самаго ранняго дѣтства солнечный свѣтъ привлекалъ къ себѣ въ сильнѣйшей степени его симпатіи, и что еще въ то время онъ уже чувствовалъ какое-то невольное влеченіе къ своему любимому божеству (2). По словамъ Юліана, Геліосъ не-

(1) Julian. Orat. IV. in regem Solem, p. 130—158.

(2) Ibidem *Ἐντέθηκε μοι δεινὸς ἐκ παίδων τῶν αὐγῶν τῶν θεοῦ πόθος καὶ πρὸς τὸ φῶς οὕτω δὴ τὸ αἰθέριον ἐκ παιδαρίου κομιδῇ τὴν διάνοιαν ἐξιστάμην.*

посредственно рожденъ самимъ Верховнымъ Божествомъ и во всемъ подобенъ ему по своему существу (1). Въ одномъ изъ своихъ писемъ, адресованномъ къ жителямъ Александріи, Юліанъ называетъ Геліоса живымъ, одушевленнымъ и благодѣтельнымъ образомъ верховнаго отца (2). Онъ также верховный отецъ и царь всего міра и всѣхъ людей, первопричина, красота всякой жизни, центральный пунктъ всего универсума, въ которомъ соединяются и замыкаются всѣ силы и принципы какъ сверхчувственнаго, такъ и чувственнаго міра (3). Свою дѣятельность въ этомъ послѣднемъ Геліосъ проявляетъ чрезъ видимое солнце, служащее отраженіемъ его существа. Какъ посреднику между Верховнымъ Божествомъ и низшими богами Юліанъ усвояетъ Геліосу всѣ аттрибуты послѣднихъ, мало того выражаетъ даже мысль о полнѣйшемъ тождествѣ всѣхъ боговъ съ нимъ по своему существу. Отъ него не различаются ни Зевсъ, ни Аполлонъ (4), съ нимъ тожественъ Сарапись, Прометей и другіе боги, наполняющіе небо (5). Равнымъ образомъ, Аѳина-Паллада, по словамъ Юліана, раждается не изъ головы Зевса, но Геліоса, отъ котораго также происходитъ Асклепій, Афродита, музы, граціи, и другія божества. Являясь въ нравственномъ отношеніи виновникомъ всякаго блага, въ политическомъ значеніи Геліосъ, въ глазахъ

---

(1) Julian. Orat. IV. in regem Solem. p. 132.... *κατὰ τὴν αὐτῆ μένουσα πρωτουργὸν οὐσίαν, μέσον ἐκ μέσων τῶν νοερῶν καὶ δημιουργικῶν αἰτιῶν ἥλιον θεὸν μέγιστον ἀνέφηνεν ἐξ ἑαυτοῦ πάντα ὅμοιον ἑαυτῷ.*

(2) Julian. Epist. LI. ad Alexandr. p. 434.... *τὸν μέγαν Ἥλιον τὸ ζῶν ἄγαλμα καὶ ἔμψυχον καὶ ἔννουν καὶ ἀγαθοεργὸν τοῦ νοητοῦ πατρὸς.*

(3) Julian. Orat. IV. in regem Solem, p. 132.

(4) Ibidem. p. 149. *Ὑπὸ Διὸς—ὅσπερ ἐστὶν ὁ αὐτὸς Ἥλιος.—Ἀπόλλωνι, τῷ νομιζομένῳ μηδὲν Ἡλίου διαφέρειν.*

(5) Ibidem. p. 157. *Ὁ βασιλεὺς τῶν ὅλων Ἥλιος—τὸν οὐρανὸν συμπαντα πληρώσας τοσούτον θεῶν, ὁπόσους αὐτὸς ἐν εαυτῷ νοερῶς ἐχει, περὶ αυτὸν ἀμερίστως πληθυνομένον καὶ ἐνοειδῶς αὐτῷ συνηνωμένων.*

Юліана, представляется верховнымъ распорядителемъ судебъ римскаго народа. По его словамъ, Ромулъ, боготворимый потомствомъ подъ именемъ Квирина, происходилъ не отъ одного Марса, но и отъ Геліоса, который, при содѣйствіи Аѳины, даровалъ душу сыну Реи Сильвіи. Далѣе Юліанъ поставляетъ въ связь съ культомъ Геліоса существованіе въ Римѣ института весталокъ, поддерживавшихъ священный огонь на очагѣ Весты, равно и тотъ фактъ, что римляне и египтяне считаютъ дни и годы соотвѣтственно движенію солнца. Наконецъ, въ культѣ Геліоса Юліанъ видитъ близкое родство съ служеніемъ Миѳры и находитъ здѣсь удобный пунктъ для взаимнаго соединенія греко-римскаго и оріентальнаго культовъ, такъ какъ оба они, по его словамъ, должны признавать Геліоса верховнымъ владыкою вселенной. Нельзя не видѣть въ этомъ примиреніи попытку Юліана возбудитъ съ одной стороны въ грекахъ и римлянахъ, а съ другой въ восточныхъ народахъ мысль о родствѣ и единствѣ ихъ религіозныхъ системъ и о сліяніи ихъ культа въ одну общую міровую религію, которая могла бы удовлетворить потребностямъ всего человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ служить противовѣсомъ универсальности христіанства. Той же самой цѣли—сліянія между собою греко-римскаго и оріентальнаго культовъ Юліанъ пытался достигнуть своимъ ученіемъ о матери боговъ (1), которую греки и римляне почитали какъ Рею, а восточные народы подъ именемъ Цибелы. Юліанъ соединяетъ это женское божество брачными узами съ Геліосомъ вмѣсто Кроноса, котораго бы не приняли въ свой пантеонъ восточные народы, какъ пожирающаго собственныхъ дѣтей. Онъ видитъ въ ней общую мать всѣхъ боговъ и богинь и такимъ образомъ старается окончательно объединить между собою религіозныя вѣрованія народовъ востока и запада (2). Съ цѣлью распо-

(1) Julian. Orat. V. in deorum matrem, p. 158—180.

(2) Ibidem.

ложить грековъ и римлянъ къ принятію культа чужеземной богини, Юліанъ ссылается на множество разнаго рода знаменій и чудесъ, совершонныхъ этой богиней во время перенесенія статуи изъ Пессинунта въ Римъ въ эпоху 2-й пунической войны.

Послѣ Геліоса и Цибелы немаловажнымъ значеніемъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Юліана пользуется восточное божество—Миора, которому онъ оказывалъ большое уваженіе. Въ сатирическомъ произведеніи Юліана „Цезари" Гермесъ говоритъ императору: „я доставилъ тебѣ понятіе о великомъ Миорѣ и потому ты долженъ содержать его заповѣди и вести себя такъ, чтобы во все продолженіе своей жизни ты находилъ въ немъ свою защиту и убѣжище" (1). Вслѣдствіе своихъ симпатій къ александрійской школѣ, Юліанъ относился также съ большимъ уваженіемъ къ египетскимъ божествамъ. Большинство медалей и монетъ, дошедшихъ до насъ отъ этого императора, покрыты изображеніями Озириса и Изиды, Изиды и Горуса, Сераписа, Анубиса и другихъ египетскихъ божествъ. Сохранилась также до нашего времени медаль, выбитая въ царствованіе Юліана, на которой видно изображеніе Изиды, сидящей на колесницѣ, что обозначаетъ родъ почета, назначеннаго національнымъ богамъ Рима. Указанное изображеніе даетъ поводъ къ заключенію, что Юліанъ ставилъ Изиду въ число божествъ — верховныхъ правителей и покровителей государства. Извѣстно также, что свои клятвы, даваемыя при различныхъ случаяхъ, Юліанъ произносилъ всегда именемъ Сераписа (2).

Пытаясь объединить въ своей религіозной системѣ вѣрованія востока и запада между собою въ тѣхъ видахъ, чтобы изъ всего этого создать одную общую религію для всего тогдашняго міра, Юліанъ въ этомъ

---

(1) Julian. Caesares, p. 356.

(2) Julian Epist. VI. p. 376. *Ὄμνυμι δὲ τὸν μέγαν Σάραπιν.*

случаѣ становится въ замѣчательныя отношенія къ іудейству. При всѣхъ своихъ нападеніяхъ на іудейство, не смотря на глубокое презрѣніе, питаемое къ евреямъ во всѣ времена со стороны язычниковъ, не смотря на то, что самъ Юліанъ находилъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не мало различныхъ несообразностей въ ветхозавѣтномъ откровеніи, онъ былъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ іудейскому Іеговѣ. Стараясь включить іудейство въ свою универсальную религію, Юліанъ приводитъ довольно оригинальную мысль о сходствѣ и согласіи религіозныхъ учрежденій іудейства съ учрежденіями языческихъ религій. Такъ какъ религія іудеевъ отличалась древностью своего происхожденія и въ ней, подобно другимъ національнымъ религіямъ, былъ чувственный культъ, алтари и жертвы, то вслѣдствіе этого Юліанъ находилъ въ религіозныхъ учрежденіяхъ іудейства не мало сходнаго съ подобными же учрежденіями язычества. Въ одномъ изъ сохранившихся до нашего времени отрывкѣ своего полемико-религіознаго произведенія „противъ христіанъ“ (*κατὰ τῶν χριστιανῶν*) Юліанъ объясняетъ взаимное сходство между собою обѣихъ религіозныхъ системъ тѣмъ, что іудеи ничѣмъ не различаются отъ язычниковъ, исключая того только, что они вѣруютъ въ Единаго Бога, каковой догматъ, по его словамъ, свойственъ однимъ имъ исключительно, между тѣмъ какъ все прочее рѣшительно одинаково какъ у іудеевъ, такъ и у язычниковъ — жертвенники, алтари и священные обряды, которыми они рѣшительно не различаются другъ отъ друга (1). По воззрѣніямъ Юліана, іудейскій Іегова есть національное божество іудейскаго народа, которому дана въ управленіе Палестина, и потому онъ долженъ требовать къ себѣ оди-

(1) Julian. ap. Cyrill. X, p. 306. *Τοῖς ἔθνεσιν ὁμολογοῦντας Ἰουδαίους, ἔξω τοῦ νομίζειν ἕνα θεὸν μόνον· ἐπεὶ τά γε ἄλλα κοινά πως ἡμῖν ἐστι, ναοὶ τεμένη, θυσιαστήρια, ἁγνειᾶι, φυλάγματα τινα, περὶ ὧν ἢ τὸ παράπαν ὐδαμῶς ἢ μικρὰ διαφερόμεθα πρὸς ἀλλήλους.*

наковое уваженіе какъ со стороны іудеевъ, такъ и со стороны язычниковъ, наравнѣ съ прочими національными богами. „Я одинъ изъ тѣхъ, говоритъ о себѣ Юліанъ, которые не боятся совершать вмѣстѣ съ іудеями ихъ праздники и почитать Бога Авраамова, Исаакова и Іакова. Они почитали Бога, который былъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и къ тѣмъ, которые воздавали Ему одинаковое почтеніе съ Авраамомъ — Бога великаго и всемогущаго“ (1). Въ особенности обрядовый законъ іудейскій привлекалъ къ себѣ вниманіе со стороны Юліана строгостію своихъ постановленій и многочисленностію церемоній (2). Но, пытаясь доказать оригинальную мысль о сходствѣ между собою религіозныхъ учрежденій язычества и іудейства, Юліанъ при этомъ случаѣ нерѣдко прибѣгаетъ за помощью къ различнымъ натяжкамъ и дозволяетъ себѣ не мало самыхъ нелѣпыхъ несообразностей. Такъ онъ ложно утверждаетъ, будто бы существовавшій у іудеевъ обрядъ обрѣзанія былъ заимствованъ ими у египтянъ и имѣлъ одинаковое значеніе какъ у послѣднихъ, такъ и у сирійцевъ и другихъ народовъ древняго востока. Далѣе, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго завѣта, гдѣ говорится о Богѣ во множественномъ числѣ (Быт. 1. 1; II. 19; XI. 7), онъ стремится доказать существованіе въ іудейской религіи нѣкоторыхъ слѣдовъ многобожія, одинаковаго будто бы съ язычниками. Онъ также думаетъ найти сходство между еврейскимъ обрядомъ принесенія въ жертву козла отпущенія (Левитъ 15, 14) съ языческимъ культомъ боговъ, отвращающихъ зло (Diis apotrapaeis). Въ тоже время изъ одного мѣста книги Бытія (Быт. XVI. 17), гдѣ Богъ

---

(1) Julian. ap. Cyrill. IV. p. 148. *Ἐσεβάσθησαν γε θεὸν, ὃς ἐμοὶ καὶ τοῖς αὐτὸν ὥσπερ Ἀβραὰμ ἔσεβε σεβομένοις εὐμενὴς ἦν, μέγας τε ὢν πάνυ καὶ δυνατὸς, ὑμῖν δὲ οὐδὲν προσήκων.*

(2) Julian. VII. p. 238. *Τοῖς μὲν γαρ Εβραίοις ἀκριβῆ τὰ περὶ θρησκείαν ἐστὶ νόμιμα καὶ τὰ σεβάσματα καὶ τὰ φυλάγματα μυρία, καὶ δεόμενα βίου καὶ προαιρέσεως ἱερωτάτης.*

повелѣваетъ Аврааму посмотрѣть на звѣзды и исчислить ихъ, обѣщая дать ему такое же многочисленное потомство, Юліанъ дѣлаетъ попытку вывести совершенно произвольное заключеніе, будто бы родоначальникъ іудейскаго народа, подобно язычникамъ, занимался астрологіею и отгадывалъ будущее по состоянію звѣзднаго неба (1). Равнымъ образомъ, на основаніи словъ книги Бытія (Быт. XV. 9), которыми Господь Богъ подтверждаетъ справедливость своего обѣтованія, даннаго Аврааму, особаго рода клятвою, Юліанъ несправедливо думаетъ, что этотъ патріархъ наравнѣ съ язычниками предъугадывалъ будущее по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ (2). За сходство религіозныхъ учрежденій іудейства и язычества, по словамъ Юліана, ручается также общій обоимъ имъ обычай принесенія въ жертву животныхъ. Наконецъ, Юліанъ утверждаетъ, что весь нравственный законъ Моисеевъ, содержащійся въ десяти заповѣдяхъ, за исключеніемъ одной только второй и четвертой, соблюдался всѣми языческими народами и всѣ они полагали наказаніе за его нарушеніе (3).

Что касается до природы боговъ, то Юліанъ въ своихъ сочиненіяхъ не распространяется объ этомъ предметѣ подробно. Всѣ боги, говоритъ онъ, нематеріальны и вездѣсущи. Они могутъ дѣйствовать въ матеріальномъ мірѣ и въ тѣлахъ, но ничто не въ состояніи ограничить ихъ дѣятельность. Боги невидимые, принадлежащіе къ двумъ первымъ классамъ—*θεοὶ νοητοὶ* и *θεοὶ νόεροι* чужды всякихъ отношеній къ опредѣленнымъ тѣламъ. Боги чувственные или такъ называемые Юліаномъ *θεοὶ αἰσθητοὶ*, одушевляютъ небесныя свѣтила, какъ свои образы, но не соединяются съ ними существенно.

---

(1) Julian. ap. Cyrill. IV, p. 148.

(2) Ibidem.

(3) Ibidem. V, p. 152.

Нельзя не видѣть, что въ изложенной религіозной системѣ Юліана Гомеръ и Гезіодъ едвали бы узнали свой Олимпъ. Между тѣмъ какъ у этихъ писателей боги являются реальными существами, естественными, мѣстными и политическими основами своего понятія, проясненными до идеальной и даже индивидуальной человѣчности, напротивъ, въ богахъ Юліана человѣческій идеалъ, какъ и индивидуальность ихъ совершенно разрушены и они представляются простыми идеями и естественными силами. Тогда какъ гомерическіе боги, не смотря на свою фантастичность, все-таки представляются видимыми, чувственными существами, только пространственно удаленными отъ человѣческаго міра, въ религіозномъ сознаніи Юліана міръ боговъ и человѣческій міръ, міръ идей и міръ чувственныхъ явленій отдалены между собою какбы непроходимою пропастью и ихъ взаимное соотношеніе возможно только при содѣйствіи особыхъ посредствующихъ между богами и людьми существъ. Какъ Платонъ различаетъ отъ чувственныхъ, реальныхъ вещей ихъ идеи, точно также и Юліанъ различаетъ видимыхъ и невидимыхъ боговъ. Солнце, являющееся нашимъ глазамъ, по его словамъ, представляетъ собою отпечатокъ и отраженіе невидимаго и неявляющагося, въ себѣ самомъ и для себя существующаго блага—Геліоса, равнымъ образомъ луна и другія небесныя свѣтила различаются отъ своихъ невидимыхъ первообразовъ (1). Далѣе, въ контрастъ гомерическому Олимпу, совмѣщавшему въ себѣ самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя и даже враждебныя божественныя существа, міръ боговъ Юліана образуетъ изъ себя какбы монархію по образцу римской имперіи, съ своеобразнымъ провинціальнымъ управ-

(1) Julian. ap. Cyrill. II, p. 65. *Θεοὺς ὀνομάζει Πλάτων τοὺς ἐμφανεῖς, ἥλιον καὶ σελήνην, ἄστρα καὶ οὐρανόν, ἀλλ' οὗτοι τῶν ἀφανῶν εἰσὶν εἰκόνες ὁ φαινόμενος τοῖς ὀφθαλμοῖς ἥλιος, τοῦ νοητοῦ καὶ μὴ φαινομένου, καὶ πάλιν, ἡ φαινομένη τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν σελήνη καὶ τῶν ἄστρων ἕκαστον εἰκόνες εἰσὶ τῶν νοητῶν.*

леніемъ чрезъ проконсуловъ и прокураторовъ. „Мы признаемъ, говоритъ Юліанъ, общаго Отца и Царя всего, но рядомъ съ нимъ національныхъ боговъ, которымъ, какбы намѣстникамъ царя, каждому поручена особая область для управленія“ (1). Наконецъ, въ контрастъ съ теогоніями Гомера и Гезіода, въ которыхъ боги являются съ строго очерченными и опредѣленными формами, въ религіозной системѣ Юліана всѣ грекоримскія божества не только перемѣшаны въ страшномъ хаосѣ другъ съ другомъ, но и сливаются съ богами восточныхъ народовъ (2). Цѣль такого отождествленія понятна — Юліанъ думалъ посредствомъ него слить между собою религіозныя воззрѣнія грековъ и римлянъ съ вѣрованіями восточныхъ народовъ и образовать такимъ образомъ одну міровую религію.

Согласно съ своими неоплатоническими воззрѣніями, Юліанъ отрицаетъ ученіе о твореніи міра Верховнымъ Существомъ во времени и изъ ничего, и утверждаетъ, что оно свойственно исключительно только грубому антропоморфизму іудейства и христіанства (3). Процессъ развитія божественной жизни и всего существующаго отъ самыхъ высшихъ ступеней его до предѣловъ всякаго бытія представлялся въ глазахъ его, какъ необходимый и вѣчный (4). Въ тоже самое время онъ считалъ неприличнымъ переносить начало или нѣчто временное на вѣчныя дѣйствія боговъ. „Небезопасно, говоритъ онъ, даже въ мысли представить начинающееся твореніе міра, ибо Геліосъ безъ времени (ἐν τῷ νῦν) постоянно чрезъ свою божественную волю изъ невидимаго раждаетъ все видимое (5). Этотъ міръ

---

(1) Julian. ap. Cyrill. IV, p. 115.

(2) Julian. Orat. IV in regem solem, p. 136—138. Orat. V. in deorum matrem, p. 158—180.

(3) Julian. ap. Cyrill. II, p. 63.

(4) Julian. Orat. IV in regem Solem. p. 130—138.

(5) Ibidem. p. 146.

произошелъ отъ вѣчности безъ всякаго временнаго начала и будетъ существовать вѣчно“ (1). Юліанъ видитъ особенность языческихъ миѳовъ въ томъ, что они, основанное въ вѣчныхъ законахъ вещей, представляютъ какбы совершившимся въ опредѣленные періоды времени (2). Для него казалось суевѣрнымъ и грубымъ іудейское и христіанское ученіе о временномъ твореніи Богомъ всего существующаго изъ ничего и о томъ, что весь матеріальный міръ предназначенъ со временемъ къ уничтоженію. Основаніе къ подобному заключенію онъ находитъ въ томъ, что причины всѣхъ вещей должны быть вѣчно основаны въ божественной природѣ (3). „Разнородныя дѣйствія, говоритъ Юліанъ, не могутъ происходить отъ одинаковыхъ причинъ. Правда, все существующее есть дѣло общаго Отца, но матеріальныя вещи суть созданія отдѣльныхъ боговъ и не могутъ имѣть свое начало въ одномъ и томъ же Творцѣ (4). Самое различіе сотворенныхъ существъ между собою очевидно заставляетъ полагать, что Творецъ ихъ не одинъ и тотъ же, но что они, составляютъ созданіе многихъ боговъ“ (5). Еслибы между небомъ и самыми незначительными животными, по словамъ Юліана, не было никакого различія, въ такомъ случаѣ Творецъ ихъ былъ бы одинъ и тотъ же, но такъ какъ между обоими существуетъ безконечное различіе, то каждое изъ этихъ твореній необходимо должно имѣть своего особаго виновника (6). Твореніе міра изъ ничего непосредственно самимъ Верховнымъ Существомъ, утверждаетъ Юліанъ, противорѣчитъ представленію о величіи и могуществѣ Божіемъ, такъ какъ Верховному Существу, по ученію Платона, прилично творить однѣ только

(1) Julian. Orat. IV in regem Solem, p. 131.

(2) Julian. ap. Cyrill. II, p. 65.

(3) Julian. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 185.

(4) Julian. ap. Cyrill. II, p. 65.

(5) Ibidem.

(6) Ibidem.

высшія божественныя сущности, а существа матеріальныя получаютъ свое начало отъ низшихъ подчиненныхъ божествъ. Равнымъ образомъ, подобное ученіе не согласно также и съ тѣмъ положеніемъ Платона, что все сотворенное Верховнымъ Божествомъ неразрушимо и безсмертно (1).

Въ своемъ ученіи о природѣ человѣка Юліанъ держится воззрѣній, одинаковыхъ съ другими представителями неоплатонической школы. Съ одной, духовной стороны своего существа, человѣкъ, по его словамъ, принадлежитъ къ міру невидимому, между тѣмъ какъ своимъ тѣлеснымъ организмомъ онъ раздѣляетъ общую участь матеріальныхъ созданій. Душа человѣка божественна, создана непосредственно самимъ Верховнымъ Существомъ и соприкасается съ послѣднимъ всѣми сторонами своего духовнаго бытія, между тѣмъ какъ его тѣло есть созданіе низшихъ подчиненныхъ божествъ. Верховное Божество, по словамъ Юліана, при твореніи человѣка, обращаясь къ низшимъ богамъ, говоритъ имъ: „Я даю вамъ образъ этого существа (т. е. душу),— во всемъ прочемъ вы можете прилагать смертное къ безсмертному“ (2). Выходя изъ такихъ воззрѣній, Юліанъ отвергаетъ ученіе о происхожденіи рода человѣческаго отъ одного общаго прародителя, не смотря на то, что слѣды такого ученія встрѣчаются въ религіозныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ древности. Гораздо вѣроятнѣе, думаетъ онъ, допустить что различные боги, получивши души человѣческія отъ общаго Отца и Царя всего міра и всѣхъ людей, создали множество родоначальниковъ отдѣльныхъ націй (3). Тѣло составляетъ для человѣка, по словамъ Юліана, нѣчто случайное и второстепенное, между тѣмъ какъ истинное существо его есть духъ, мудрость, однимъ словомъ богъ

(1) Julian. ap. Cyrill. II, p. 65.

(2) Ibidem. I, p. 6.

(3) Julian. Orat. Epistolae ve cususdam, p. 292.

низшаго класса, обитающій въ верхней части нашего организма. Вмѣстѣ съ Ямвлихомъ Юліанъ утверждаетъ, что человѣку прирождена идея о Богѣ и совѣчна его душѣ (1). Познаніе о духовномъ мірѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ не посредствомъ разсудочныхъ процессовъ, но при помощи простаго непосредственнаго созерцанія. Самую высшую ступень религіознаго вѣдѣнія для человѣка, по словамъ Юліана, составляетъ теургія, при помощи которой онъ входитъ въ непосредственное общеніе съ самимъ божествомъ, достигая такого соединенія путемъ таинственныхъ дѣйствій, различныхъ церемоній и символовъ. Къ сожалѣнію, Юліанъ не развиваетъ своихъ идей въ этомъ отношеніи подробно, но ограничивается одними отрывочными замѣчаніями, дѣлаемыми имъ какбы мимоходомъ и случайно въ различныхъ мѣстахъ своихъ литературныхъ произведеній (2). Не смотря на свою ревность въ дѣлѣ возстановленія языческихъ оракуловъ, онъ не могъ не проникнуться горькимъ убѣжденіемъ, что они уже отжили свой вѣкъ и что возвратить имъ прежній авторитетъ и значеніе дѣло едвали осуществимое. Отсюда въ теургическихъ операціяхъ Юліанъ думалъ, подобно другимъ неоплатоникамъ, найти весьма удобное средство, при помощи котораго можно было бы входить въ непосредственное общеніе съ Божествомъ и узнавать его волю. „Божественное вдохновеніе, по словамъ его, является рѣдко и притомъ дается лишь немногимъ людямъ, такъ что не каждый изъ нихъ и не во всякое время можетъ сдѣлаться его участникомъ. Оно прекратилось у іудеевъ и не сохранилось до нашего времени у египтянъ. Самые оракулы, выходящіе изъ земли, изчезаютъ съ теченіемъ времени. Но человѣколюбивый отецъ Зевсъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы мы не были совершенно лишены общенія съ богами, даровалъ намъ священныя искусства, при посредствѣ которыхъ мы могли

(1) Julian. Orat. IV in regem Solem. p. 138.

(2) Julian. Orat. IV, V, VI.

бы имѣть достаточную помощь въ нашихъ нуждахъ“ (1). Эти священныя искусства частію суть гаданія по полету птицъ и по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, которыя императоръ старался снова сдѣлать популярными среди народной массы и совершалъ постоянно (2), частію теургическія операціи, при посредствѣ которыхъ онъ думалъ узнавать будущее и вызывать явленія самихъ боговъ (3). Душа человѣка, по словамъ Юліана, безсмертна, такъ какъ она создана непосредственно самимъ Верховнымъ Существомъ, и по разрушеніи тѣлеснаго организма входитъ въ непосредственное общеніе съ духовнымъ міромъ (4). Это безсмертіе состоитъ не столько въ продолженіи индивидуальнаго существованія души за гробомъ, сколько въ достиженіи истиннаго и самостоятельнаго бытія, возвышеннаго надъ всѣми измѣняющимися явленіями. „Коль скоро душа, говоритъ Юліанъ, освобождается отъ всякаго временнаго бытія, она не бываетъ болѣе подвержена никакому измѣненію формъ, но поднята на высшую ступень бытія, въ чис-

---

(1) Julian. ap. Cyrill. VI. p. 198. *Τὸ γὰρ ἐκ θεῶν εἰς ἀνθρώπους ἀρικνούμενον πνεῦμα, σπανιάκις μὲν καὶ ἐν ὀλίγοις γίνεται. Καὶ οὔτε πάντα ἄνδρα τούτου μετασχεῖν ῥάδιον, οὔτε ἐν παντὶ καιρῷ. Ταύτη τοι καὶ τὸ παρ' Ἑβραίοις ἐπέλιπεν, ἀνοκοῦν οὐδὲ παρ' Αἰγυπτίοις εἰς τοῦτο σώζεται. Φαίνεται δὲ καὶ τὰ ἀντοφυῆ χρηστήρια ταῖς τῶν χρόνων εἰκοντα περιόδοις. Ὁ δὴ φιλάνθρωπος ἡμῶν Ζεὺς ἐννοήσας, ὡς ἂν μὴ παντάπασι τῆς πρὸς τοὺς θεοὺς ἀποστερηθώμεν κοινωνίας, δέδωκεν ἡμῖν διὰ τῶν ἱερῶν ἐπίσκεψιν, ὕφ ἧς πρὸς τὰς χρείας ἔξομεν τὴν ἄποχρῶσαν βοήθειαν.*

(2) Amm. Marcell. XXII, 12. Augebatur autem caeremoniarum ritus immodice, cum impensarum amplitudine antehac inusitata et gravi: et quisque, cum impraepedite biceret, scientiam vaticinandi professus, juxta imperitus ac docilis sine fine vel praesitutis ordinibus, oraculorum permittebantur scitari responsa et exstispicia, nonnunquam futura pandentia: oscinumque et anguriorum et omnium fides, si reperiri usquam posset, affectata varietate quae rebatur.

(3) Liban. Orat. Parent. § 83. De ulcisc. Juliani nece. Сравн. Ennap. Vitae sophistarum im Jamblicho, p. 15. Sqq. ed Boisnade.

(4) Julian. ap. Cyrill. VI. Epist. LXIII ad Theod Pontif. Asiae, p. 452.

тый духовный міръ“ (1). „Богъ да возвыситъ душу мою по смерти, молился онъ, въ тихую свободу божественной жизни и да избавитъ ее отъ закона необходимости, которому подчинено все временное“! (2). Въ своихъ сочиненіяхъ Юліанъ не излагаетъ подробно доказательствъ безсмертія человѣческой души, но ограничивается однимъ краткимъ объясненіемъ, что истинность этого ученія непреложно утверждается самими богами, непосредственно сообщившими его людямъ. „Въ настоящемъ случаѣ, говоритъ онъ, мы не слѣдуемъ ни одному человѣку, но только самимъ богамъ, которые хорошо знаютъ все это. Людямъ о такихъ предметахъ свойственно высказывать одни только предположенія, между тѣмъ какъ знаніе ихъ доступно исключительно однимъ богамъ“ (3). Задачу земной жизни человѣка Юліанъ видитъ, подобно другимъ неоплатоникамъ, въ нравственномъ очищеніи. Небо—истинное отечество для людей, куда всѣ они должны стремиться. Средствомъ къ достиженію небеснаго отечества служитъ аскетизмъ. „Наши желанія, говоритъ Юліанъ, необузданны и стремятся ко многому, мудрость усмиряетъ и заглушаетъ ихъ, подчиняетъ извѣстнымъ правиламъ. Эти правила упрощаютъ жизнь, изгоняютъ изъ нея капризъ, любовь укрощаетъ аффекты, обращая всѣ стремленія нашего существа къ абсолютному единству“ (4). Для порабощенія нашего тѣла, обузданія его пожеланій и страстей, Юліанъ рекомендуетъ людямъ воздержаніе и употребленіе только извѣстнаго рода пищи (5). Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ

(1) Julian. Orat. IV. in regem Solem. p. 136.

(2) Julian. Orat. IV. in regem Solem, p. 138.

(3) Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452 — 454. *Πυθόμεθα δὲ τῶν μὲν ἀνθρώπων οὐδενὶ, τοῖς θεοῖς δὲ μόνον, οἵς δὴ καὶ μάλιστα ταῦτα εἰκὸς εἰδέναι μονοῦς, εἰ γε χρήκαλεῖν εἰκὸς τὸ ἀναγκαῖον· ὡς τοῖς μὲν ἀνθρώποις ἁρμόξει περὶ τῶν τοιούτων εἰκάζειν, ἐπίστασθαι δὲ αὐτὰ τοὺς θεοὺς ἀνάγκη.*

(4) Julian. Orat. VI. adversus imperitos canes. p. 187.

(5) **Ibidem.**

случаяхъ, самъ онъ старался служить примѣромъ для своихъ подданныхъ — питался исключительно растительною пищею, употреблялъ ее въ самомъ скромномъ и ограниченномъ количествѣ и нерѣдко воздерживался отъ извѣстной пищи въ честь боговъ—Пана, Гекаты, Изиды и др. (1). Въ своихъ сочиненіяхъ онъ рекомендуетъ людямъ воздерживаться отъ употребленія въ пищу кореньевъ и плодовъ ползучихъ по землѣ растеній, которые, по его словамъ, будучи приняты нами въ желудокъ, дѣлаютъ насъ нечистыми (2). Листья же растеній онъ признаетъ чистыми и дозволяетъ употреблять ихъ въ пищу, такъ какъ они очищены солнечнымъ свѣтомъ. Запрещаетъ онъ также употребленіе въ пищу рыбы, по крайней мѣрѣ во время поста, и рекомендуетъ въ замѣнъ того употреблять въ пищу птицъ, такъ какъ онѣ летаютъ высоко въ воздухѣ (3). Кромѣ воздержанія отъ извѣстнаго рода пищи Юліанъ рекомендуетъ людямъ и другія средства, ведущія къ аскетизму и нравственному совершенствованію, подавая и здѣсь поощрительный примѣръ собственною личностью. Онъ изнурялъ свое тѣло частымъ ночнымъ бодрствованіемъ и неусыпными трудами (4) и велъ чрезвычайно строгій образъ жизни. Современные Юліану языческіе писатели прославляютъ его цѣломудріе, доставлявшее неопровержимое доказательство сильнаго вліянія на него идей христіанскаго аскетизма, сильно распространенныхъ среди тогдашняго общества. Ливаній въ своей надгробной рѣчи къ императору утверждаетъ, что послѣдній ни ранѣе своего вступленія въ бракъ, ни послѣ брака своего съ сестрою императора Констанція, Еленою, заключеннаго исключительно въ политическихъ соображеніяхъ, никогда не касался женщины (5).

(1) Liban. Orat. Parent. § 83.

(2) Julian. Orat. VI. adversus imperitos canes. p. 183.

(3) Ibidem.

(4) Liban. Epitaph. p. 546—580.

(5) Ibidem.

Мамертинъ въ своемъ панегирикѣ (1) и Амміанъ Марцеллинъ (2) подтверждаютъ это свидѣтельство Ливанія. Въ тоже время молчаніе древнихъ христіанскихъ писателей не противорѣчитъ такому заключенію, иначе они едва ли бы стали скрывать нецѣломудренный образъ жизни Юліана. Въ видахъ умерщвленія плоти и нравственнаго очищенія, императоръ, по свидѣтельству Ливанія, подвергалъ также себя нерѣдко жестокимъ бичеваніямъ съ цѣлію посредствомъ всего этого придти въ связь съ духовнымъ міромъ (3). Дѣйствительно, онъ воображалъ, какъ утверждаетъ этотъ софистъ, что находится постоянно въ самомъ тѣсномъ общеніи съ богами и богинями, что послѣдніе спускаются на землю радоваться съ своимъ любимцемъ и что при этомъ случаѣ нерѣдко прерываютъ его сонъ прикосновеніемъ къ его рукѣ или къ его волосамъ (4). Онъ былъ убѣжденъ также, что владѣетъ столь близкимъ знаніемъ своихъ небесныхъ посѣтителей, что въ состояніи бываетъ различать голосъ Юпитера отъ голоса Минервы, форму Аполлона отъ образа Геркулеса (5). Юліанъ вѣрилъ въ явленія боговъ внѣшнія матеріальныя и въ этомъ отношеніи расходился съ воззрѣніями Плотина и Порфирія, по ученію которыхъ боги и демоны, входя въ общеніе съ душою человѣка, не обнаруживаютъ себя во внѣшнихъ признакахъ. Напротивъ, согласно съ идеями Ямвлиха, изложенными послѣднимъ въ приписываемомъ ему сочиненіи „о тайнахъ“, онъ утверждаетъ, что боги могутъ являться людямъ въ опредѣленныхъ, строго очерченныхъ образахъ. Хотя существо боговъ, по словамъ его, нематеріально, при всемъ томъ каждый изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный образъ, свою

(1) Panegyrici veteris ed. W. Jaeger Norimb. 1779. X. Mamertini pro consulatu gratiarum actio Juliano Augusto 2. 125.

(2) Amm. Marcell. XXII, 5.

(3) Liban. Orat. Parent. § 83.

(4) Liban. Orat. Parent. § 83.

(5) Liban. Orat. Parent. p, 309—310.

форму, свои внѣшніе признаки, по которымъ бы можно было отличать его отъ всѣхъ другихъ. Но самое важное средство для нравственнаго очищенія человѣка Юліанъ видитъ въ экстазѣ и теургіи. „Философы, говоритъ онъ, убѣждаютъ насъ подражать богамъ и это подражаніе должно заключаться въ ихъ созерцаніи“ (1). Очевидно, Юліанъ не могъ невольно не сознавать превосходства христіанской морали предъ языческою и въ этомъ отношеніи старался возбудить въ современникахъ примѣръ для подражанія. Но въ тоже время онъ, какъ истый неоплатоникъ, не могъ совершенно отрѣшиться отъ многихъ безобразныхъ явленій языческой практики, думая найти въ нихъ глубокій смыслъ и объяснить таинственное значеніе. Такъ напр. онъ оправдываетъ скопчество жрецовъ Цибелы, видя въ немъ символъ того, что матерь боговъ ограничиваетъ творческую силу, не позволяя ей простираться въ безконечность (2).

Создавая для политеизма новую религіозную систему, объединявшую въ себѣ всѣ вѣрованія народовъ востока и запада, Юліанъ въ тоже самое время старался о поддержаніи и сохраненіи уже отжившихъ свой вѣкъ формъ древняго культа. Въ этомъ отношеніи миѳологическая сторона политеизма привлекала съ его стороны особенное вниманіе. Юліанъ не могъ не сознавать, что языческая миѳологія содержитъ въ себѣ не мало нелѣпаго и соблазнительнаго и тѣмъ самымъ только способна возбудить въ людяхъ образованныхъ сомнѣнія и въ тоже время подавать христіанамъ поводъ къ справедливымъ нападеніямъ. Онъ рѣшился очистить миѳологическую сторону политеизма отъ разныхъ нелѣпостей и несообразностей, осмыслить ее, и, сохранивши ея формы, освященныя древностію, вдохнуть въ нихъ новую жизнь и придать имъ высшее

(1) Julian ap. Cyrill. V 178.

(2) Julian. Orat. V. in deorum matrem. p. 158—180.

значеніе. Самое лучшее средство для этого Юліанъ видитъ въ аллегорическомъ методѣ толкованія миѳовъ, при помощи котораго весьма удобно, по его словамъ, извлечь изъ нихъ глубокія религіозныя истины, облеченныя въ символическія формы. Выходя изъ такихъ воззрѣній, Юліанъ въ своей религіозной системѣ отвергаетъ значеніе миѳологіи въ томъ видѣ, въ которомъ она изложена у поэтовъ, и называетъ ее ничѣмъ инымъ, какъ только сплетеніемъ басней (1). Онъ открыто сознается, что греки измыслили не мало странныхъ и нелѣпыхъ миѳологическихъ сказаній о своихъ богахъ, считая, напримѣръ, за чистѣйшую выдумку миѳъ о томъ, будто Сатурнъ пожиралъ собственныхъ своихъ дѣтей и затѣмъ снова извергалъ ихъ (2). Точно также Юліанъ отвергаетъ миѳъ о существованіи кровосмѣсительныхъ браковъ между богами, доказываетъ нелѣпость сказанія о томъ, будто бы Юпитеръ прижилъ съ собственною своею матерью дѣтей, что онъ имѣлъ женою свою дочь и, возлежавъ съ нею, отдалъ ее въ замужество за другаго (3). Особенно жестоко вооружается Юліанъ противъ нелѣпыхъ сказаній о богахъ, распространенныхъ баснописцами, преимущественно Эзопомъ, въ которомъ онъ видитъ низкаго раба не только по своей природѣ, но также по складу своихъ мыслей и убѣжденій (4). Но, отвергая такимъ образомъ многія нелѣпыя сказанія о богахъ, Юліанъ въ тоже самое время старается употребить съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы доказать не только важность, но и необходимость миѳовъ въ дѣлѣ религіи и придать имъ истинный смыслъ и значеніе. „Миѳы, по его словамъ, имѣютъ своею цѣлію вводить нашъ духъ пріятнымъ и легкимъ путемъ въ тайны Верховнаго Су-

(1) Julian. ap. Cyrill. II, p. 138.

(2) Ibidem.

(3) Ibidem.

(4) Julian. Orat. VI ad Heraclium, de cynica secta, p. 214.

щества, абсолютнаго единства и блага, и приготовлять насъ къ познанію его и къ единенію съ нимъ (1). Они излагаютъ высшее божественное ученіе въ символической формѣ, потому что непостижимое существо боговъ не позволяетъ являться въ настоящемъ, нескрытомъ своемъ видѣ. Родоначальники людей, проникавшіе, подъ непосредственнымъ руководствомъ самихъ боговъ, въ самую сущность вещей, скрыли высшія божественныя истины подъ формою странныхъ сказаній, представили въ вѣчныхъ законахъ вещей основанное какъ совершившееся во времени съ тою цѣлію, чтобы люди необразованные могли получать отъ этихъ сказаній пользу, дѣйствующую только чрезъ одинъ символъ, безъ всякаго отношенія къ разуму. Напротивъ, люди образованные, вслѣдствіе необычайности и противорѣчій въ миѳологическихъ сказаніяхъ, должны находить для себя поводъ къ отысканію въ нихъ сокровеннаго высшаго смысла и къ изслѣдованію послѣдняго, такъ какъ безъ особеннаго усилія съ своей стороны человѣкъ не въ состояніи достигнуть знанія этихъ высшихъ истинъ (2). „Самыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ миѳологическихъ сказаніяхъ о богахъ, по мнѣнію Юліана полезны и даже необходимы. Въ прямомъ, естественномъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ не можетъ найти для себя никакого удовлетворенія, но, встрѣчая въ миѳахъ противорѣчія, онъ тѣмъ самымъ бываетъ побуждаемъ къ отысканію чего-то высшаго и сокровеннаго. Въ доказательство справедливости такой мысли Юліанъ приводитъ сравненіе миѳовъ о Гераклѣ и Діонисѣ. „Многіе, говоритъ онъ, неблагоразумные люди думали, что, подобно тому какъ Гераклъ былъ возведенъ своимъ отцомъ Зевсомъ на Олимпъ за свои геройскія доблести, точно также и Діонисъ, будучи человѣкомъ, принятъ въ число боговъ ради своей теософіи

(1) Julian. Orat. VI ad Heraclium, de Cynica secta, p. 214.

(2) Julian. Orat. VI ad Heraclium de Cynica secta, p. 210.

и магіи. Но Геракл, по древнимъ сказаніямъ, хотя съ самаго дѣтства и обнаруживалъ чрезвычайную божественную силу въ своемъ тѣлѣ и подчинялъ себѣ самые естественные законы, однако онъ извѣстнымъ образомъ всегда оставался въ границахъ человѣческой природы и давалъ ясно понимать извѣстное родство съ нею. Совершенно иначе было съ Діонисомъ. Всѣ отдѣльныя черты миѳа о немъ противорѣчатъ представленію его человѣческой природы и человѣческаго происхожденія. Отсюда въ сказаніяхъ о немъ должно искать другой высшій смыслъ—здѣсь очевидно рѣчь идетъ о чистомъ богѣ и его эманаціи изъ высшаго абсолютнаго существа, его первомъ откровеніи и явленіи въ міръ" (1). Въ своей рѣчи противъ циника Гераклія, посвященной спеціально защитѣ миѳовъ и выясненію ихъ значенія въ религіозномъ отношеніи, Юліанъ представляетъ два главные аргумента въ пользу важности и законности существованія миѳологическихъ сказаній о богахъ. Придерживаясь въ своемъ пониманіи миѳовъ неоплатоническихъ воззрѣній. онъ находитъ важность и необходимость миѳовъ прежде всего въ томъ, что не всѣ люди могутъ понимать чистую истину, возвѣщенную богами о самихъ же богахъ, но только въ символической формѣ. Далѣе, такъ какъ все существующее любитъ и стремится къ подобному себѣ, то отсюда является очевидная необходимость, чтобы люди, говоря о богахъ, употребляли и особый языкъ, свойственный ихъ природѣ (2). Миѳъ въ глазахъ Юліана представляетъ собою образное представленіе религіозно-нравственныхъ идей и воззрѣній на различные процессы и явленія природы. Въ нихъ подъ чувственными формами выражены религіозно-философскія истины, которыя въ чистомъ своемъ видѣ были бы слишкомъ возвышенны для пониманія народной массы и могли

---

(1) Julian. Orat. V ad Heraclium, p. 219—221.

(2) Julian. Orat. VI ad Heraclium. p. 218—221.

быть приняты ею лишь подъ одними чувственными образами (1).

При такомъ объясненіи, языческая миѳологія могла представляться въ довольно удовлетворительномъ видѣ, такъ какъ по нему выходило, что она содержала не однѣ только несообразности и нелѣпости, но и не чужда была глубокихъ и возвышенныхъ истинъ. Пытаясь осмыслить языческую миѳологію, показать законность ея существованія и необходимость значенія въ дѣлѣ религіи, Юліанъ въ примѣръ нравственно-религіознаго значенія миѳовъ въ рѣчи къ цинику Гераклію представляетъ свою собственную жизнь въ формѣ античнаго миѳологическаго сказанія. „Одинъ богатый человѣкъ, говоритъ онъ, имѣлъ для охраненія своихъ многочисленныхъ стадъ множество пастуховъ, изъ которыхъ одни были его рабами, а другіе наемниками. Презирая боговъ, онъ заботился только о своемъ обогащеніи всѣми способами, рѣшительно не обращая никакого вниманія на ихъ законность. Богачъ имѣлъ своихъ дѣтей и другихъ родственниковъ, но умеръ, не успѣвъ раздѣлить между ними наслѣдства. По смерти его не замедлили произойти ссоры, кровавыя распри и убійства между родственниками, среди которыхъ множество святилищъ боговъ были разрушены и разграблены, а на ихъ мѣстѣ построены гробницы (церкви на гробахъ мучениковъ). Тогда Зевсъ, сжалившись надъ злосчастною судьбою людей, среди кроваваго истребленія сыновьями богатаго человѣка своихъ родственниковъ, рѣшился сохранить жизнь одному изъ нихъ, еще дитяти, и отдалъ его подъ особенное покровительство Геліоса и Аѳины. Видя жестокія дѣянія своихъ родственниковъ, юноша однажды рѣшился въ отчаяніи броситься въ пропасть, но покровительствующіе ему божества внезапно погрузили его въ глубокій сонъ. Очнувшись отъ него, онъ увидѣлъ себя сидящимъ на

(1) Julian. Orat. VI ad Heraclium. p. 218—221.

камнѣ въ уединенномъ мѣстѣ и сталъ обдумывать свое печальное положеніе. Тутъ является къ нему Гермесъ и уводитъ его на гору, поросшую дубами, лаврами, миртами и другими деревьями, гдѣ Геліосъ и Минерва, встрѣтившись съ нимъ, утѣшаютъ его и обѣщаютъ свое особенное покровительство. Затѣмъ, обласкавши мальчика, боги показываютъ ему съ высоты горы наслѣдство богатаго человѣка, расхищаемое слугами и пастухами одного изъ его родственниковъ (Констанція) и обѣщаютъ отдать ему указанное наслѣдство подъ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, если онъ останется вѣренъ отечественнымъ богамъ и не будетъ слушаться льстивыхъ слугъ и вѣроломныхъ пастуховъ. „Помни, сказали юношѣ на прощаньи боги, что ты имѣешь безсмертную душу и божественныя свойства. Если ты будешь слѣдовать нашимъ совѣтамъ, то найдешь покровительство и защиту въ Верховномъ Существѣ и станешь наслаждаться его созерцаніемъ“ (1).

Юліанъ употреблялъ не мало усилій для того, чтобы указанныя воззрѣнія свои на миѳологическую сторону политеизма сдѣлать доступными народной массѣ. Въ этихъ соображеніяхъ онъ вмѣнялъ языческимъ жрецамъ въ непремѣнную обязанность съ особыхъ кафедръ, устроенныхъ, по его приказанію, въ храмахъ, говорить къ народу родъ поученій и въ нихъ, при помощи аллегорическаго метода, придавать болѣе возвышенный смыслъ тѣмъ или другимъ миѳологическимъ сказаніямъ и выяснять ихъ значеніе въ дѣлѣ религіи (2). Той же самой цѣли императоръ старался достигнуть и собственными своими сочиненіями, въ которыхъ онъ излагалъ воззрѣнія свои на миѳологію и которыя, какъ напримѣръ, рѣчь къ цинику Гераклію (3) и рѣчь къ

(1) Julian. Orat. VII ad Heraclium, de Cynica secta, p. 234—235.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

(3) Julian. Orat. VII ad Heraclium, de Cynica secta, p. 204—240.

матери боговъ Цибелѣ (1), признесимы были имъ публично съ цѣлью доставленія народу религіознаго обученія и нравственнаго назиданія.

Наряду съ миѳологіей, самому внѣшнему культу политеизма Юліанъ пытался придать болѣе возвышенный смыслъ, доказать законность и необходимость его существованія и освободить его отъ тѣхъ справедливыхъ нареканій, которыя являлись не только со стороны христіанъ, но и многихъ изъ образованныхъ язычниковъ. Мы уже видѣли, что Юліанъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ чтителей и исполнителей обрядовой стороны древняго культа. Всѣ роды жертвоприношеній, равно какъ и другихъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній онъ исполнялъ съ необычайною точностію, стараясь подавать въ этомъ отношеніи примѣръ своимъ подданнымъ и считалъ все это за существенную и необходимую принадлежность древняго культа. Но онъ, какъ истый неоплатоникъ, не удовлетворялся однимъ исключительно механическимъ исполненіемъ внѣшнихъ формъ религіи, но думалъ придать имъ высшій смыслъ и значеніе. Въ этомъ отношеніи поклоненіе идоламъ привлекало къ себѣ особенное вниманіе Юліана и потому онъ съ своей стороны употреблялъ не мало усилій оправдать его, обосновать на новыхъ началахъ и сообщить ему своеобразное объясненіе. При этомъ случаѣ онъ повторяетъ тѣже самыя идеи, которыя еще ранѣе его были высказаны Ямвлихомъ. Изображенія боговъ, по словамъ Юліана, имѣютъ законное право на свое существованіе на томъ основаніи, что они суть видимые знаки присутствія Божества, поставленные для того, чтобы, внушая мысль о богахъ, тѣмъ самымъ отвращали людей отъ зла и направляли ихъ къ добру. Между знакомъ и означаемымъ въ идолахъ всегда есть тайное, въ существѣ обоихъ коренящееся отношеніе, и потому

(1) Julian. Orat. V in deorum matrem, p. 158—180.

люди въ изображеніяхъ боговъ могутъ видѣть символы ихъ свойствъ. Необходимость поклоненія идоламъ Юліанъ старается вывести изъ свойствъ чувственной природы человѣка. „Будучи тѣлесными существами, говоритъ онъ, мы имѣемъ нужду въ чувственномъ культѣ. Но такъ какъ боги удалены отъ насъ, то на землѣ и придуманы ихъ изображенія, съ тою цѣлью, чтобы мы, оказывая уваженіе послѣднимъ, могли чрезъ это заслужить милости боговъ, подобно тому какъ люди, почитающіе изображенія императоровъ, чрезъ это могутъ разсчитывать на благоволеніе съ ихъ стороны, хотя сами императоры и не имѣютъ нужды въ такомъ почитаніи (1). Когда мы взираемъ на изображенія боговъ, то должны, конечно, видѣть при этомъ не дерево и камень, равно какъ и не должны думать, что мы видимъ самихъ боговъ, но только изображенія ихъ. Такъ объ изображеніяхъ императоровъ мы не говоримъ, что они камень, дерево и мѣдь, равно и не представляемъ ихъ за самихъ императоровъ, но почитаемъ только какъ изображенія послѣднихъ. Кто любитъ императора, тотъ съ уваженіемъ взираетъ и на изображенія императора, кто любитъ сына, тотъ съ удовольствіемъ смотритъ и на изображенія сына, кто любитъ отца, тотъ охотно смотритъ на изображенія послѣдняго. Точно также, кто любитъ боговъ, тотъ съ уваженіемъ смотритъ и на изображенія ихъ, когда бываетъ проникнутъ благоговѣніемъ предъ невидимыми, взирающими на него съ

---

(1) Julian. Fragment. orationis epistolaeve cujusdam, p. 293. *Ἐπειδὴ γὰρ ἡμᾶς ὄντας ἐν σώματι σωματικὰς ἔδη ποιεῖσθαι τοῖς θεοῖς καὶ τὰς λατρειὰς· ἀσώματοι δὲ εἰσὶν αὐτοί· πρῶτα μὲν ἔδειξαν ἡμῖν ἀγάλματα· τὸ δεύτερον ἀπὸ τοῦ πρώτου τῶν θεῶν γένος, περὶ πάντα τὸν οὐρανὸν κύκλῳ περιφερόμενον. Δυναμένης δὲ οὐδὲ τούτοις ἀποδυδόσθαι τῆς θεραπείας σωματικῶς· ἄπροσδεῆ γὰρ ἐστι φυσὶ· τρίτον ἐπὶ γῆς ἐξευρέθη γένος ἀγαλμάτων. Εἰς ὁ τὰς θεραπείας ἐκτελοῦντες, ἑαυτοῖς εὐμενεῖς τοὺς θεοὺς καταστήσομεν. Ὥσπερ γὰρ οἱ τῶν βασιλέων θεραπεύοντες εἰκόνας οὐδὲν δεομένων, ὁμως ἐφέλκονται τὴν εὔνοιαν εἰς ἑαυτούς· οὕτω καὶ οἱ θεῶν θεραπεύοντες τὰ ἀγάλματα, δεομένων οὐδὲν τῶν θεῶν.*

высоты богами“ (1). Нельзя не видѣть, что Юліанъ въ своей попыткѣ оправдать поклоненіе изображеніямъ боговъ, придать ему высшій смыслъ и значеніе, находился подъ сильнымъ вліяніемъ идей Ямвлиха, изложенныхъ послѣднимъ въ сочиненіи „объ идолахъ“. Въ немъ этотъ философъ доказываетъ, что идолы, по народнымъ вѣрованіямъ, упавшіе съ неба, равно какъ и сдѣланные рукою человѣка и освященные посредствомъ различныхъ религіозныхъ церемоній, запечатлѣны божественнымъ характеромъ и потому должны составлять предметъ благоговѣйнаго поклоненія. Юліанъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе своего учителя въ этомъ отношеніи. Мало того, онъ глубоко вѣритъ даже во многія знаменія и чудеса, которыя будто бы совершали языческіе идолы. Такъ въ своей рѣчи, обращенной къ матери боговъ, Цибелѣ, онъ, на основаніи свидѣтельства Тита Ливія, доказываетъ возможность и дѣйствительность многихъ чудесъ, совершонныхъ изваяніемъ этой богини, при перенесеніи его изъ Пессинунта въ Римъ во время второй пунической войны (2). Наряду съ поклоненіемъ идоламъ, Юліанъ пытается также защитить необходимость жертвъ, также храмовъ, алтарей, священныхъ рощь и другихъ принадлежностей древняго культа. „Храмы, алтари, поддержаніе священнаго огня и подобные символы, говоритъ онъ, наши отцы учредили, какъ знаки присутствія боговъ, съ тою цѣлью, чтобы

(1) Ibidem. p. 234. *Ἀφορῶντες οὖν εἰς τὰ τῶν θεῶν ἀγάλματα, μή τοι νομίζωμεν αὐτὰ λίθους εἶναι, μήτε ξύλα· μηδὲ μέν τοι τοὺς θεοὺς αὐτοὺς εἶναι ταῦτα. Καὶ γὰρ οὐθὲ τὰς βασιλικὰς εἰκόνας ξύλα, καὶ λίθον, καὶ χαλκὸν λέγομεν· οὐ μὴν οὐθὲ αὐτοὺς τοὺς βασιλέας, ἀλλὰ εἰκόνας βασιλέων. Ὅστις οὖν ἐστὶ βασιλεὺς, ἡδέως ὁρᾷ τὴν τοῦ βασιλέως εἰκόνα· καὶ ὅστις ἐστὶ φιλοπαις, ἡδέως ὁρᾷ τὴν τοῦ παιδὸς· καὶ ὅστις φιλοπάτωρ, τὴν τοῦ πατρός. Οὐκοῦν καὶ ὅστις φιλόθεος, ἡδέως εἰς τὰ τῶν θεῶν ἀγάλματα καὶ τὰς εἰκόνας ἀποβλέπῃ, σεμνόμενος ἅμα καὶ φράττων ἐξ ἀφανοῦς ἐρῶντας εἰς αὐτὸν τοὺς θεούς.*

(2) Julian. Orat. V. in deorum matrem, p. 177—180.

мы чрезъ нихъ оказывали служеніе послѣднимъ“ (1). Жертвоприношенія, совершаемыя въ храмахъ, по его словамъ, представляютъ собою выраженіе благоговѣнія и почтенія людей къ богамъ (2). Юліанъ старается доказать, что въ религіозныхъ обрядахъ и церемоніяхъ язычества заключается внутренняя живая сила, что они вовсе не вымыселъ, или дѣло человѣческаго изобрѣтенія, но обязаны своимъ происхожденіемъ непосредственно самимъ богамъ. „Я избѣгаю нововведеній во всемъ, писалъ онъ къ Θеодору, верховному жрецу провинціи Азіи, особенно въ томъ, что имѣетъ отношеніе къ богамъ, и потому думаю, что отечественныя учрежденія должны быть въ точности соблюдаемы, такъ какъ извѣстно, что они даны самими богами. Они не были бы такъ прекрасны, если бы происходили только отъ людей“ (3). Но, доказывая законность и совершенную необходимость существованія внѣшнихъ формъ религіи, Юліанъ въ тоже самое время рѣшительно утверждаетъ, что онѣ сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, но вся сила ихъ зависитъ отъ чувства благоговѣнія, съ какимъ онѣ совершаются. „Истинный циникъ, говоритъ онъ, долженъ устремлять свои мысли исключительно къ самому себѣ и къ Божеству, не обращая никакого вниманія на обряды и человѣческія учрежденія (4). Онъ учитъ болѣе дѣломъ, нежели словомъ, не употребляетъ никакихъ образовъ и миѳовъ, ибо языкъ

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusgd. p. 293. *Ἀγάλματα γὰρ καὶ βωμοὺς, καὶ πυρὸς ἀσβέστου φυλακὴν, καὶ πάντα ἁπλῶς τὰ τοιαῦτα σύμβολα, οἱ πατέρες ἔθενη τῆς παρουσίας τῶν θεῶν. Οὐχ ἵνα ἐκεῖνα θεοὺς νομίσωμεν· ἄλλ' ἵνα δι' αὐτῶν τοὺς θεοὺς τεραπεύσωμεν.*

(2) Ibidem.

(3) Julian. Epist. LXIII ad Theod. p. 432. *Φεύγω τὴν καινοτομίαν ἐν ἅπασι μὲν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, ἰδία δὲ ἐν τοῖς πρὸς τοὺς θεούς, οἰόμενος χρῆναι ἂν πατρίους ἐξ ἀρχῆς φυλάττεσθαι νόμους, ὅτι μὲν ἔδοσαν οἱ θεοὶ, φανερὸν, οὐ γὰρ ἦσαν οὕτω καλοὶ, παρὰ ἀνθρώπων ἁπλῶς γενόμενοι.*

(4) Julian. Orat. VII ad Heraclium, de Cynica secta, p. 225.

истины простъ (1). Въ своемъ богопочтеніи циникъ обращаетъ свое вниманіе исключительно на одно только существенное — благочестивое расположеніе духа и учитъ, чтобы люди при отправленіи своего культа болѣе цѣнили благоговѣніе, нежели издержки. Безчисленныя жертвы не приносятъ пользы, если онѣ совершаются не отъ чистаго сердца (2). Діогенъ не посѣщалъ храмовъ, не оказывалъ также уваженія алтарямъ и изваяніямъ боговъ, и не приносилъ ни одной жертвы, потому что не имѣлъ средствъ купить ее. Для него казалось совершенно достаточнымъ почитать боговъ въ своей душѣ, которую онъ и превратилъ въ ихъ святилище“ (3).

Преобразовывая религіозную систему политеизма, пытаясь осмыслить и одухотворить его миѳологію и самымъ внѣшнимъ формамъ культа придать высшій смыслъ и значеніе, Юліанъ въ тоже время является апологетомъ язычества. Онъ употребляетъ всѣ зависящія средства доказать, что древній культъ имѣетъ неоспоримое превосходство предъ іудействомъ и христіанствомъ и потому необходимо долженъ служить универсальною религіею для всего человѣчества. Будучи проникнутъ глубокою вѣрою въ преданія и вѣрованія политеизма и постоянно ссылаясь на нихъ съ гордостію, Юліанъ въ своей апологіи язычества не выставляетъ послѣдняго въ томъ самомъ видѣ, какъ оно отразилось въ народныхъ вѣрованіяхъ, но въ формахъ очищенныхъ и одухотворенныхъ идеями неоплатонической философіи. Онъ чуждается самаго имени политеизма, но усвояетъ ему новое названіе геллинизма, заимствуя послѣднее изъ области литературы и притомъ не безъ особенной цѣли. Юліанъ стыдится быть апологетомъ культа, наполненнаго обрядами и преда-

(1) Julian. Orat. VII ad Heraclium, de Cynica secta, p. 214.
(2) Ibidem. p. 213.
(3) Ibidem.

ніями, оскорбительными для нравственнаго чувства, и старается прикрыть все это, являясь защитникомъ не политеизма, но геллинизма, подъ которымъ онъ понимаетъ совокупность вѣрованій, учрежденій, однимъ словомъ всего, чѣмъ только могла гордиться античная цивилизація (1). При всемъ томъ Юліанъ употребляетъ съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы сохранить въ защищаемомъ имъ язычествѣ все — и содержаніе и самую внѣшнюю форму. Онъ отступаетъ отъ народныхъ вѣрованій и преданій лишь въ немногихъ случаяхъ, когда онѣ являлись до такой степени противорѣчащими здравому смыслу и оскорбительными для нравственнаго чувства, что отстаивать ихъ буквальное значеніе казалось въ его глазахъ дѣломъ совершенно невозможнымъ. Защищая язычество отъ нападеній со стороны христіанъ, Юліанъ въ этомъ случаѣ останавливаетъ все свое вниманіе исключительно на ученіи язычниковъ о многихъ богахъ. Онъ чувствуетъ, что здѣсь больше всего можно ожидать возраженій противъ законности существованія политеизма и потому думаетъ отразить всѣ нападенія въ этомъ отношеніи своею оригинальною теоріею національныхъ боговъ, при помощи которой ему казалось весьма удобнымъ согласить между собою монотеизмъ и политеизмъ и въ тоже время доставить реальную почву для законнаго существованія многихъ языческихъ боговъ. Юліанъ утверждаетъ, что бытіе послѣднихъ совершенно необходимо, такъ какъ Верховному Существу, чуждому всякихъ непосредственныхъ отношеній къ міру, неприлично творить и управлять низшими созданіями. Для этого должны необходимо существовать особые національные боги, которымъ поручены особыя области и города въ управленіе и которые, будучи самостоятельными въ своей дѣятельности, въ тоже самое

(1) Св. Григорій Богословъ утверждаетъ, что такое усвоеніе сдѣлано Юліаномъ не по праву, но вслѣдствіе хитрости. См. Твор. Григ. Богосл. ч 1. Слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 168.

время находятся въ непосредственной зависимости отъ общаго Отца и Царя всего міра и всѣхъ людей (1). Отсюда вѣрованіе язычниковъ во многихъ боговъ, по словамъ Юліана, нисколько не противорѣчитъ здравому разуму и притомъ очевидно подтверждается положительными данными опыта, имѣя свое основаніе, какъ мы видѣли, въ различіи народныхъ характеровъ и ихъ національныхъ особенностяхъ.

Питая сильнѣйшія симпатіи къ старинѣ, ея преданіямъ и учрежденіямъ, Юліанъ видитъ особенно важное значеніе язычества прежде всего въ томъ, что оно имѣетъ непосредственное происхожденіе отъ самихъ боговъ и такую же глубокую древность, какъ и исторія всего человѣчества. Въ тоже время, стараясь показать несостоятельность христіанства, онъ приводитъ въ этомъ случаѣ какъ одинъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ то, что оно извѣстно на землѣ не болѣе трехъ сотъ лѣтъ (2). Основу язычества Юліанъ видитъ въ непосредственномъ откровеніи Божества, которое, какъ живая сила, разлито въ окружающей насъ природѣ и которое сообщаетъ людямъ различныя благодѣянія. По взгляду Юліана, для человѣка не можетъ быть чернѣе той неблагодарности, которая проявляется въ отрицаніи бытія боговъ, дары которыхъ природа намъ ежедневно доставляетъ. „Развѣ вы не знаете, пишетъ онъ къ александрійцамъ, какія великія благодѣянія изливаются ежедневно богами и даются не однимъ только извѣстнымъ людямъ, одному какому нибудь народу, но всему существующему? Развѣ вы не имѣете глазъ видѣть свѣтъ, испускаемый Геліосомъ, развѣ вы не знаете, что отъ него происходитъ пере-

---

(1) Julian. ap. Cyrill. IV, p. 115. 118.

(2) Ibidem. VI. p. 191. *Ὁ δὲ Ἰησοῦς ἀναπείσας τὸ χείριστον τῶν παρ᾽ ὑμῖν ὀλίγους πρὸς τοῖς τριακοσίοις ἐνιαυτοῖς ονομάζεται, ἐργασάμενος παρ᾽ ὃν ἔξη χρόνον ἔργον οὐδὲν ἀκοῆς ἄξιον, εἰ μὴ τις οἴεται τοὺς κυλλοὺς καὶ τυφλοὺς ἰάσασθαι καὶ δεμονῶντας ἐξορκίζειν ἐν Βηθσαιδᾶ καὶ ἐν Βηθανίᾳ ταῖς κώμαις τῶν μεγίστων ἔργων εἶναι.*

мѣна лѣта и зимы,—все отъ него имѣетъ свое начало и жизнь, развѣ вы не замѣчаете, какъ много благъ доставляетъ вамъ луна, поставленная Геліосомъ какъ бы охранительницею вселенной? Не смотря на все это, вы осмѣливаетесь не покланяться ни одному изъ этихъ боговъ, между тѣмъ какъ вѣруете въ Іисуса, какъ Бога (*θεὸς λόγος*), котораго ни вы, ни отцы ваши не видѣли. Вы не обращаете вниманія, какъ много древнихъ родовъ почитали и признавали за своего благодѣтеля великаго Геліоса, живаго, одушевленнаго и благодѣтельнаго образа своего отца“ (1).

Являясь апологетомъ язычества, Юліанъ старается выставить на видъ главнымъ образомъ тѣ стороны его, которыми онъ, по его взгляду, превосходитъ іудейство—политическое могущество и блестящее умственное развитіе грековъ и римлянъ, находившихся подъ непосредственнымъ руководствомъ и управленіемъ своихъ боговъ, ихъ мудрое законодательство, процвѣтаніе наукъ, искусствъ и проч. (2). Внѣшнее могущество, говоритъ Юліанъ, составляетъ неотъемлемое свойство и достояніе однихъ исключительно языческихъ народовъ, между тѣмъ какъ политическая слабость и рабство свойственны однимъ только іудеямъ. „Что важнѣе, спрашиваетъ онъ послѣднихъ, пользоваться ли постоянно свободою и господствовать впродолженіе цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ надъ большею частію моря и суши, или же находиться въ подчиненіи и быть рабами у чужеземцевъ“ (3)? Сравнивая славныя дѣянія Сампсона и Давида съ подвигами героевъ языческой древности, Юліанъ отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ предъ первыми. Язычники, говоритъ онъ, имѣютъ такихъ замѣчательныхъ полководцевъ, какъ Александръ великій и Цезарь и многихъ другихъ, славные подвиги кото-

---

(1) Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 434. *Τὸν μέγαν Ἥλιον τὸ ξῶν ἄγαλμα καὶ ἔμψυχον καὶ ἔννουν καὶ ἀγαθοεργὸν τοῦ νοητοῦ πατρός.*

(2) Julian. ap. Cyrill. V. p. 177; VI. p. 198—200; VII. p. 222.

(3) Julian. ap. Cyrill. VII. 1.

рыхъ давно уже пріобрѣли заслуженную извѣстность во всемъ мірѣ (1). Языческій міръ, по словамъ его, заключаетъ въ себѣ множество государствъ, которыя своимъ политическимъ могуществомъ, своими учрежденіями и внутреннимъ благосостояніемъ неизмѣримо превосходятъ народъ іудейскій, „На какія царства вы мнѣ укажете? говоритъ онъ іудеямъ. На царство персовъ, Эака, или Миноса критскаго, который, очистивши море, опустошаемое пиратами, покорилъ варваровъ до границъ Сиріи и Сициліи, распространилъ предѣлы государственной территоріи не только на острова, но и на всѣ морскія прибрежья и раздѣлилъ съ своимъ братомъ, Радамантомъ, обладаніе царствомъ и заботы о народахъ, которыми онъ управлялъ. Миносъ даровалъ своимъ подданнымъ законы, которые сдѣлали его другомъ самихъ боговъ, особенно Юпитера, а Радамантъ своимъ мудрымъ управленіемъ воздалъ дань справедливости (2). Съ тою же цѣлію—показать политическое могущество языческаго Рима, Юліанъ подробно излагаетъ исторію дардановъ, описываетъ прибытіе Энея въ Италію и обстоятельства, сопровождавшія основаніе Вѣчнаго города, излагаетъ религіозныя учрежденія Нумы, и перечисляетъ благодѣянія, дарованныя Риму Юпитеромъ, упоминаетъ о различныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, случившихся въ первые годы его политическаго существованія, напримѣръ о щитѣ, дарованномъ съ неба Юпитеромъ, и головѣ, найденной на капитолійскомъ холмѣ (3). Сравнивая политическія учрежденія и законы разныхъ народовъ древняго міра между собою, ихъ законодателей и вообще знаменитыхъ людей, Юліанъ старается и въ этомъ отношеніи отдать также преимущество предъ іудеями языческимъ наці-

---

(1) Julian. ap. Cyrill. VII. p. 118. *Ἕνα μοι κατὰ Ἀλέξανδρον δείξατε στρατιγὸν, ἕνα κατὰ Καίσαρα, παρὰ τοῖς Ἑβραίοις· οὐ γὰρ δεῖ παρ' ὑμῖν.*

(2) Ibidem. VI. 2.

(3) Ibidem.

ямъ, такъ какъ у нихъ все это есть непосредственный даръ боговъ. „Такъ Аполлонъ, по его словамъ, во всѣхъ частяхъ міра открылъ оракулы, даровалъ людямъ мудрость, украсилъ государства святилищами и гражданскими учрежденіями, при посредствѣ эллинскихъ колоній распространилъ во всѣхъ частяхъ свѣта образованіе и подготовилъ жившихъ тамъ народовъ къ принятію господства римлянъ, которые не только родственны эллинамъ по своему происхожденію, но имѣютъ одинаковыя вѣрованія и религіозныя учрежденія съ послѣдними (1). Государственное устройство, формы судебныя, правильное распредѣленіе налоговъ и податей и внутреннее процвѣтаніе государства не находятся ли въ жалкомъ состояніи у іудеевъ"? (2). Поставляя въ контрастъ знаменитымъ мужамъ еврейскаго народа греческихъ мудрецовъ и законодателей, Юліанъ неизмѣримо выше ставитъ достоинства и заслуги послѣднихъ сравнительно съ первыми. Такъ, проводя параллель между Сократомъ, Фокилидомъ и Теогнисомъ, съ одной стороны, и Соломономъ, съ другой, онъ отдаетъ преимущество нравственнымъ наставленіямъ первыхъ, не смотря на то, что онѣ не имѣли такого всеобщаго значенія, какъ притчи Соломоновы. „Какъ можно сравнивать Соломона съ греками Фокилидомъ, Теогнисомъ и Сократомъ, говоритъ онъ. Если поставить въ параллель нравственныя наставленія послѣдняго съ притчами Соломона, то я вполнѣ убѣжденъ что сынъ Ѳеодора одержитъ верхъ надъ мудрѣйшимъ царемъ. Правда могутъ сказать, что Соломонъ былъ воспитанъ въ культѣ своего Бога, но что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ онъ не почиталъ нашихъ боговъ, будучи обольщенъ своими женами, какъ самъ онъ разсказываетъ? О величіе добродѣтели, о сокровище мудрости! Соломонъ не могъ господствовать надъ своими

---

(1) Julian. ap. Cyrill. VI p. 153.

(2) Ibidem. VII. 2.

страстями и только слѣдовалъ женскому разсужденію. Если онъ дозволялъ обманывать себя женщинамъ, то на какомъ основаніи усвояется ему имя мудреца“ (1)?

Наряду съ политическимъ могуществомъ языческихъ націй и ихъ внутреннимъ благосостояніемъ, Юліанъ съ особенною силою старается выставить наружу блестящее умственное развитіе Эллады и языческаго Рима, ихъ науки, искусства, данныя, по его словамъ, самими богами и находящіяся подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ. При этомъ случаѣ для него казалось дѣломъ совершенной необходимости соединить подъ одно общее знамя всѣ славныя имена древнихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, которые, какъ онъ думалъ, въ своихъ произведеніяхъ старались проводить одну и туже богооткровенную истину, хранившуюся въ язычествѣ, хотя, вслѣдствіе различія своихъ воззрѣній, доходили до познанія этой истины различными путями и притомъ нерѣдко впадали даже въ ошибки и заблужденія. „Никто, говоритъ онъ въ шестой своей рѣчи противъ невѣжественныхъ циниковъ, не раздѣляетъ нашу философію на множество частей или, лучше сказать, никто не дѣлаетъ нѣсколько философскихъ ученій изъ одного. Ибо, какъ истина одна, и философія тоже одна. Познаніе одной и тойже истины можно достигнуть различными путями, точно также какъ удобно придти различными путями въ Аѳины—водою и сухимъ путемъ, по главной дорогѣ и побочными путями. Посему пусть никто не обвиняетъ насъ (философовъ), если нѣкоторые изъ нашихъ сотоварищей, избравши особый путь для отысканія истины, впадаютъ въ заблужденіе“ (2). Юліанъ сознается, что всѣ науки и искусства обязаны своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ варварамъ, но утверждаетъ, что у послѣднихъ онѣ служили только исключительно для удовлетворенія однихъ

(1) Julian. ap. Cyrill. VII. 3.

(2) Julian. Orat. VI adversus imperitos canes. p. 184.

потребностей жизни и находились въ изолированномъ положеніи въ отношеніи другъ къ другу, между тѣмъ какъ у грековъ онѣ были усовершенствованы, приведены въ тѣсную связь между собою и получили высшее значеніе (1). „Такъ знаніе небесныхъ явленій, говоритъ онъ, было усовершенствовано греками, хотя первыя наблюденія и были сдѣланы варварами въ Вавилонѣ. Геометрія, соединенная у египтянъ съ геодезіею, въ Греціи въ самое короткое время сдѣлала неизмѣримый прогрессъ въ своемъ развитіи, какой только мы въ состояніи представить. У грековъ же была возведена на степень науки ариѳметика, первоначально изобрѣтенная финикійскими купцами; у нихъ же получили, наконецъ, свое окончательное развитіе музыка и гармонія (2). Самый греческія языкъ, на которомъ написаны произведенія классической литературы, не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ мірѣ, какъ по своему благозвучію и пріятности, такъ по своему значенію въ образовательномъ отношеніи“ (3). Всѣ науки и искусства, которыми такъ гордился античный міръ, въ глазахъ Юліана представляются непосредственнымъ даромъ языческихъ боговъ и потому должны составлять неотъемлемое достояніе однихъ только приверженцевъ древняго культа. „Боги, говоритъ онъ, были непосредственными учителями и руководителями Гомера, Гезіода, Демосфена, Исократа, Лисія и другихъ писателей, изъ которыхъ одни посвящали, вслѣдствіе этого, свои произведенія кто Гермесу, кто музамъ, а кто другимъ божествамъ (4). Эскулапъ излечиваетъ наше тѣло, музы съ Аполлономъ и Меркуріемъ научаютъ насъ, какъ боги краснорѣчія, Марсъ и Эніо предстоятъ намъ въ нашихъ битвахъ, Вулканъ управляетъ тѣмъ, что принадлежитъ къ обла-

(1) Julian. ap. Cyrill. V. p. 198.
(2) Ibidem. V. p. 178.
(3) Ibidem.
(4) Ibidem.

сти искуства, между тѣмъ какъ безматерная и дѣвственная Минерва руководитъ всѣми дѣлами подъ верховнымъ надзоромъ самого Зевса. Тоже самое мы встрѣтимъ, если обратимъ свое вниманіе на искусства, служащія нашимъ нуждамъ, равно какъ и тѣ, которыя возбуждаютъ подражаніе богамъ, какъ скульптура, живопись, экономія и медицина, которая, происходя отъ Эскулапа, простираетъ свои благодѣянія на всю землю и всѣхъ людей" (1). Будучи рожденъ самимъ Зевсомъ, Эскулапъ, по словамъ Юліана, является въ образѣ человѣка на землѣ для того, чтобы безпрепятственно изливать свои цѣлительные дары на людей. Первоначально онъ является въ Эпидаврѣ и съ тѣхъ поръ постоянно распространяетъ свою услужливую руку помощи надъ всею землею. Онъ попеременно живетъ то въ Пергамѣ, то въ Іоніи, великой Греціи, наконецъ, обходитъ всѣ сухопутныя и морскія страны, повсюду излѣчивая людей, больныхъ тѣломъ и душою (2). Стараясь придать особенную важность и значеніе произведеніямъ древней классической литературы, бывшимъ, по взгляду Юліана, прямымъ дарованіемъ языческихъ боговъ, онъ сравниваетъ ихъ съ священными книгами христіанъ и находитъ гораздо выше послѣднихъ въ образовательномъ отношеніи. „Ваши писанія, говоритъ онъ, никого не могутъ сдѣлать хорошимъ или добродѣтельнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ, благодаря нашему образованію, люди становятся лучшими, если они не владѣютъ даже отъ природы хорошими способностями. Но когда человѣкъ, имѣя природныя дарованія, обогащается еще чрезъ наше обученіе, то становится для людей какбы даромъ самихъ боговъ, въ немъ возжигается свѣтильникъ знанія и онъ обращается или къ занятію государственными дѣлами, или къ войнѣ, или же объѣзжаетъ море и сушу, со-

(1) Julian. ap. Cyrill. VII. 4.

(2) Ibidem. VI. 7.

вершая миссію героя. Доказательства этого очевидны. Изберите кого либо изъ вашихъ дѣтей для изученія Писанія и если они, достигши зрѣлаго возраста, будутъ благороднѣе рабовъ, въ такомъ случаѣ можете считать меня за безумца и нечестивца“ (1).

Юліанъ является однимъ изъ послѣднихъ защитниковъ умиравшаго политеизма, который не столько старается опровергнуть возраженія противъ законности его существованія, сколько употребляетъ всѣ усилія главнымъ образомъ доказать его необходимость и превосходство предъ іудействомъ и христіанствомъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ положительный контрастъ съ послѣдующими апологетами древняго культа, которые уже болѣе не указываютъ его славныхъ сторонъ сравнительно съ іудействомъ и христіанствомъ, но только просятъ о великодушной пощадѣ, дозволенія незамѣтно сойти съ исторической сцены и умереть спокойно. Такъ Ѳемистій защищаетъ политеизмъ исключительно только во имя правъ на свободу убѣжденія, а Симмахъ добавляетъ къ этому еще указаніе на историческое значеніе древняго культа и, во имя этой одной заслуги, проситъ великодушно пощадить его памятники отъ разрушенія. Въ своей рѣчи, обращенной къ императору Валентиніану, Симмахъ олицетворяетъ Римъ и заставляетъ его говорить къ императору: „Великій Государь! уважь мои лѣта, дарованныя мнѣ благочестіемъ, и сохрани мнѣ культъ моихъ предковъ. Онъ весь міръ подчинилъ моимъ законамъ, его жертвы удалили Ганнибала отъ стѣнъ моихъ и галловъ отъ воротъ Капитолія. Ужели мнѣ суждено было про-

---

(1) Julian. ap. Cyrill. VII. p. 229. *Ἀτελνῶς γίνεται τῶν θεῶν τοῖς ἀνθρώποις δῶρον, ἤτοι φῶς ἀνάψας ἐπιστήμης, ἢ πολιτείας γένος, ἢ πολεμίους πολλοὺς τρεψάμενος, καὶ πολλὴν γῆν, πολλὴν δὲ ἐπελθὼν θάλασσαν, καὶ τούτῳ φανεὶς ἡρωικός. Ἐκ πάντων ὑμῶν ἐπιλεξάμενοι παιδία ταῖς γραφαῖς ἐμμελετῆσαι παρασκευάσατε· κἂν φανῇ τῶν ἀνδράπόδων, εἰς ἄνδρα τελέσαντα, σπουδαιότερα, ληρεῖν ἐμὲ καὶ μελαγχολᾶν νομίζετε.*

жить столь долгое время для того только, чтобы испытывать оскорбленія въ концѣ моего политическаго существованія"! (1). Нельзя не видѣть, что Симмахъ въ своей рѣчи только умоляетъ объ одной пощадѣ древнему культу, вовсе не думаетъ, подобно Юліану, защищать законность и необходимость его существованія и чуждъ всякой претензіи доказывать его превосходство предъ христіанствомъ. Тѣже самыя идеи встрѣчаемъ мы и у Ливанія. „Въ дѣлѣ религіи, говоритъ этотъ софистъ, все должно быть представлено одному убѣжденію и ничего силѣ. Сами христіане не имѣютъ ли у себя прекраснаго закона, который рекомендуетъ имъ кротость и совѣтуетъ избѣгать принужденія въ дѣлѣ религіи"? (2).

Яковъ Алфіоновъ.

(Продолженіе будетъ)

(1) Simmach. Epist. X. 54.

(2) Liban. Orat. pro templis, p. 54.

РЕЛИГІОЗНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ХАДЖА

или

СВЯЩЕННАГО ПУТЕШЕСТВІЯ МУХАММЕДАНЪ ВЪ МЕККУ

ДЛЯ СОВЕРШЕНІЯ РЕЛИГІОЗНАГО ПРАЗДНЕСТВА.

—

II.

ИСТОРІЯ ХАДЖА ПРИ ЖИЗНИ МУХАММЕДА.

Мухаммедъ, по вычисленію Шпренгера, родился 20 апрѣля 571 г. по Р. Х. (1). Отцемъ его былъ Абдалла, сынъ Абду-ль-Муталлиба, а мать Амина. Тотчасъ по рожденіи, Мухаммедъ, какъ говоритъ мухаммеданское преданіе, ясно выразилъ сущность своей религіи: „Богъ великъ! Нѣтъ Бога, воскликнулъ онъ тогда, кромѣ Бога и я пророкъ Его“! Рано лишившись отца и матери, онъ отданъ былъ на попеченіе своему дѣду Абду-ль-Муталлибу, который, умирая, передалъ должность сикайя своему сыну, Аббасу, а рифада—другому сыну, Абу-Талибу. Послѣдній заступилъ для Мухаммеда мѣсто нѣжнаго отца и занялся его воспитаніемъ. Возрастаніе Мухаммеда вблизи Каабы и подъ руководствомъ управителя этого народно-арабскаго святилища, къ которому стекалось громадное число бого-

(1) Das Leben und die Lehre des Mohammad, Berlin, 1861. B. 1, S. 138.

мольцевъ, имѣло большое значеніе для будущаго проповѣдника ислама. Мухаммедъ рано началъ интересоваться религіозными вопросами и ознакомился съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своего отечества. Обладая проницательнымъ умомъ, хорошею памятью, богатой фантазіей, и живя въ Меккѣ, религіозномъ и политическомъ центрѣ почти всей Аравіи, Мухаммедъ имѣлъ полную возможность удовлетворить своей любознательности. Священные мѣсяцы, во время которыхъ совершался хаджъ, были для этого самымъ удобнымъ временемъ. Богомольцы самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ воззрѣній, конечно, охотно вступали въ бесѣду съ этимъ любознательнымъ юношей, племянникомъ такого значительнаго лица, какимъ былъ Абу-Талибъ. Кругъ наблюденій Мухаммеда, а вмѣстѣ и запасъ его свѣдѣній о разныхъ религіяхъ все болѣе и болѣе расширялся. Разсказы о далекихъ странахъ еще болѣе разжигали любопытство юнаго и впечатлительнаго араба. Въ немъ родилось желаніе побывать въ тѣхъ странахъ, о которыхъ ему часто приходилось слышать. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о его путешествіи въ Сирію, о встрѣчѣ тамъ съ несторіанскими монахами,— о его поѣздкахъ въ другія страны въ качествѣ прикащика Хадиджи. Замѣтимъ только, что во время этихъ путешествій Мухаммедъ могъ лично убѣдиться въ томъ, что слышалъ отъ богомольцевъ въ Меккѣ, могъ нѣсколько ознакомиться съ ученіями христіанскихъ еретиковъ, іудеевъ и разныхъ язычниковъ, а также могъ убѣдиться въ ненормальности современной ему нравственно-религіозной жизни въ Аравіи.

Скоро (595—596 г. по Р. Х.) физическія и умственныя качества Мухаммеда плѣнили богатую почти сорокалѣтнюю [1]) вдову, *Хадиджу*, сдѣлавшуюся его женою. Этотъ бракъ вполнѣ обезпечилъ Мухаммеда съ

---

[1]) По Шпренгеру, Хадиджа имѣла тогда 38 или 39 лѣтъ. B. 1, S. 150.

внѣшней, матеріальной стороны и далъ ему возможность оставить всѣ свои торговыя дѣла и чаще предаваться религіознымъ размышленіямъ. Кромѣ того, этотъ бракъ возвысилъ Мухаммеда въ средѣ общества Мекки; онъ сталъ теперь довольно значительнымъ лицомъ въ городѣ, сдѣлался *членомъ* недавно составившагося союза между корейшитами *для защиты иностранцевъ и слабыхъ мекканцевъ* противъ *могущественныхъ и кровожадныхъ* соотечественниковъ (1). Еще болѣе выросъ Мухаммедъ въ глазахъ современнаго ему общества во время *перестройки Каабы* (въ 605 г. по Р. Х.). Около этого времени Кааба сильно пострадала отъ огня. Корейшиты, хотя и поправили ее, но оставили незадѣланнымъ отверстіе между крышею и стѣнами ея. Однажды чрезъ это отверстіе проникли въ Каабу воры и овладѣли тѣмъ сокровищемъ, которое было скрыто въ подземельѣ Каабы. Сокровище это скоро, впрочемъ, было найдено въ домѣ одного вольноотпущенника Довайки, которому въ наказаніе за это отрубили руку (2). Это происшествіе побудило жителей Мекки починить Каабу. По освидѣтельствованіи ея оказалось, что цементъ между кирпичами значительно пострадалъ отъ сильнаго огня и что, поэтому, стѣны Каабы были очень непрочны. Рѣшено было разрушить ихъ и построить совершенно новое зданіе. Нужно было приступить къ работамъ, а между тѣмъ всякій боялся собственноррчно разрушать стѣны старой Каабы, считая это преступленіемъ, святотатствомъ. Въ это самое время въ Красномъ морѣ одно римское судно потерпѣло кораблекрушеніе; обломки этого судна были выкинуты на берега Джидды, мекканской гавани. Корейшиты собрали всѣ эти обломки, которые должны были слу-

(1) Aghani, f. 25—27 у Percev., t. 1, p. 330—335; Казимірскій, стр. 10.

(2) Замѣчательно, что въ Коранѣ вору опредѣляется наказаніе отсѣченіемъ руки. Гл. 5, стр. 42.

жить матеріаломъ для постройки Каабы. Нашелся и опытный строитель, родомъ коптъ. Все такимъ образомъ говорило о томъ, что боги согласны на разрушеніе старой Каабы и на постройку новой. „Безъ сомнѣнія, говорили корейшиты, небо одобряетъ нашъ проэктъ, потому что оно послало намъ лѣсу для постройки и мастера для этого дѣла“. Итакъ рѣшено было приступить къ разрушенію стараго храма, въ чемъ должны были принять участіе всѣ семейства Мекки. Но народная толпа боялась даже и подойти съ своими ломами къ Каабѣ. Тогда одинъ изъ начальниковъ племени Макзумъ, по имени Валидъ, сынъ Могхайта, взялъ ломъ и, замахнувшись имъ на Каабу, вскричалъ: „Богъ не сердится на тебя; мы дѣлаемъ это только съ благочестивымъ намѣреніемъ“. Сказавши это, онъ пробилъ часть стѣны. Но этотъ примѣръ остался безъ подражанія; народная масса все еще боялась могущаго постигнуть небеснаго мщенія. „Подождемъ, говорили корейшиты, до завтра, чтобы видѣть, не постигнетъ ли Валида какое нибудь несчастіе въ наказаніе за его дерзость. Только на другой уже день, когда увидали Валида цѣлымъ и невредимымъ, корейшиты согласились подражать ему. Кааба была разрушена до самаго фундамента, который оказался весьма прочнымъ и, поэтому, остался нетронутымъ. При этомъ на одномъ изъ камней фундамента найдена была надпись, которую ни одинъ корейшитъ не могъ разобрать. Призвали одного ученаго еврея, и онъ сказалъ, что эта надпись, написанная посирійски, заключала, будто бы, въ себѣ слѣдующее: „Я есмь Богъ, Господь Бакки ([1]); Я создалъ этотъ храмъ въ то самое время, когда сотворилъ небеса и землю, солнце и луну“ и проч. ([2]). Работы по постройкѣ шли весьма быстро.

([1]) Бакка, говорятъ арабы, есть первоначальная форма имени Макки или Мекки.

([2]) Sirat-erracoul, f. 29; ср. Sprenger, B. 2, S. 343—346.

Когда стѣны Каабы были доведены до извѣстной высоты, на которой нужно было вложить черный камень, то между корейшитами произошелъ ожесточенный споръ о томъ, кому принадлежитъ честь вложить камень на его мѣсто. Многіе корейшиты, опустивъ свои руки въ сосудъ, наполненный кровью, поклялись не уступать никому своихъ правъ на эту честь. Собранъ былъ совѣтъ, который, по предложенію Абу-Омейя, рѣшилъ отдать этотъ споръ на судъ тому, кто первый войдетъ въ собраніе. Въ это самое время является Мухаммедъ. Узнавъ постановленіе народнаго собранія, онъ приказываетъ положить черный камень на большой плащъ или коверъ, выбираетъ четырехъ мужей, представителей спорящихъ сторонъ, и предлагаетъ имъ держать концы этого ковра. Когда камень такимъ образомъ былъ поднятъ на извѣстную высоту Мухаммедъ собственноручно взялъ его и вложилъ на приготовленное ему мѣсто. Такимъ образомъ Мухаммедъ помирилъ спорящихъ корейшитовъ, исполнивши въ тоже время самое важное дѣйствіе самъ (1).

Такимъ-то образомъ Мухаммедъ сталъ весьма значительнымъ лицомъ въ Меккѣ. Задумываясь надъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своего отечества, онъ ясно сознавалъ пустоту язычества и задумалъ произвести религіозную реформу. Послѣ долгихъ размышленій онъ пришелъ къ убѣжденію, что истинная религія должна быть религія, открытая самимъ Богомъ, религія перваго человѣка, которая главнымъ своимъ догматомъ имѣла единство Божіе. Эта религія, по убѣжденію Мухаммеда, была извращена идолопоклонствомъ и снова возстановлена въ своей чистотѣ Авраамомъ, *„имамомъ человѣчества“* (2), который не былъ ни іудей, ни христіанинъ и ни язычникъ, а былъ благочестивъ

---

(1) Разсказъ объ этой перестройкѣ Каабы можно читать въ Sirat-erracoul, f. 29—30; Percev., t. 1, p. 338—342; Казим., стр. X.

(2) Коранъ, гл. 2, ст. 118.

и преданъ волѣ Божіей (1). Мухаммедъ думалъ, что ему самому надлежитъ теперь принять на себя роль возстановителя истиннаго почитанія единаго Бога, роль пророка. Объявивъ такимъ образомъ себя посланникомъ Божіимъ, возстановителемъ той вѣры, которая ведетъ свое начало отъ самого Бога, которую исповѣдывали Адамъ, Авраамъ, Измаилъ и другіе пророки, Мухаммедъ такъ формулировалъ свой основной догматъ. „Нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога и Мухаммедъ посланникъ Его". — Но при этомъ онъ не могъ идти въ разрѣзъ съ каждымъ пунктомъ древне-арабской религіи, чтобы не лишить свое ученіе успѣха. Онъ понималъ, что для большаго успѣха въ своемъ дѣлѣ ему не слѣдуетъ затрогивать всѣ важнѣйшіе пункты древней арабской религіи, что нужно избрать какой нибудь средоточный пунктъ, около котораго вращались бы представители двухъ религій: старой и новой. Этимъ средоточнымъ, примиряющимъ пунктомъ и сдѣлалась между прочимъ *Кааба*, въ святость и неприкосновенность которой такъ глубоко вѣрили арабы. Кромѣ того, Мухаммедъ и самъ, какъ воспитанный при Каабѣ, долженъ былъ чувствовать естественное уваженіе къ ней, хотя и былъ врагомъ идолопоклонства. Поэтому Мухаммедъ оставилъ въ своемъ новомъ ученіи Каабу, назвалъ ее домомъ молитвы, мѣстомъ поклоненія единому Богу; онъ требовалъ только, чтобы всѣ изображенія, статуи, какими она была украшена, были непремѣнно истреблены, какъ признаки идолопоклонства. Позднѣе, какъ увидимъ, онъ поставилъ Каабу на недосягаемую высоту почтенія. Всѣ легенды, относящіяся къ исторіи Каабы, о коихъ мы упоминали, и были составлены, если не самимъ Мухаммедомъ, то его послѣдователями, сообразно съ духомъ его ученія. Признавъ Каабу мѣстомъ поклоненія истинному Богу, Мухаммедъ оставилъ нетронутымъ въ своей но-

(1) Коранъ, гл. 3, ст. 60.

вой религіи и глубоко укоренившійся среди арабовъ обычай путешествовать къ ней на богомолье, *хаджъ* со всѣми его обрядами, самъ исполняя эти обряды. Впослѣдствіи же онъ подробно развилъ это ученіе.

Лишь только Мухаммедъ открыто выступилъ съ новымъ религіознымъ ученіемъ, какъ у него явилось множество враговъ, которые требовали, чтобы онъ пересталъ проповѣдывать; враги часто прибѣгали даже къ насиліямъ. Такъ напримѣръ однажды Мухаммедъ пришелъ къ Каабѣ и сталъ совершать вокругъ нея обходы (طواف), при чемъ каждый разъ прикасался къ черному камню; враги его, стоя издали, язвительно смѣялись надъ нимъ. Этого мало. На другой день Мухаммедъ снова приходитъ къ Каабѣ; враги окружили его со всѣхъ сторонъ и запальчиво спрашиваютъ: „это ты утверждаешь, что наши отцы были въ заблужденіи, что наша религія ложна, что наши боги безсильны“.— „Да, это я говорю“, отвѣчалъ Мухаммедъ (1). За такой отвѣтъ онъ подвергнулся довольно сильнымъ побоямъ, отъ которыхъ едва удалось Абу-Талибу освободить его. Не велико было въ это время число послѣдователей его. Дѣло Мухаммеда казалось проиграннымъ, и онъ находится вынужденнымъ превозносить идоловъ Мекки. Но вотъ послѣдовало чудесное *обращеніе неустрашимаго Омара-ибн-ель-Хиттаба* (2), и Мухаммедъ снова воодушевляется. Теперь онъ торжественно направляется въ Каабу; по правую руку его идетъ Гамза, его дядя, по лѣвую—Омаръ, а сзади болѣе 40 послѣдователей его. Среди бѣлаго дня идутъ они по улицамъ Мекки, приходятъ къ Каабѣ, семь разъ обходятъ вокругъ нея, прикасаясь каждый разъ къ черному камню и исполняя другіе неразлучные съ этимъ религіозные обряды (3). Съ тревогой смотрѣли на всю эту про-

---

(1) Percev., t. 1, p. 371.

(2) Который былъ послѣ Абу-Бекра халифомъ.

(3) Ирвингъ, Жизнь Мухаммеда, пер. Антоновича, стр. 71—72.

цессію корейшиты, но не смѣли даже и приблизиться къ ней, боясь мужественныхъ Гамзы и Омара. Доселѣ одинъ только Мухаммедъ имѣлъ смѣлость ходить къ Каабѣ и отправлять здѣсь свои религіозныя обязанности; съ этого же времени началъ ходить сюда для молитвы и фанатичный Омаръ; примѣру его послѣдовали и многіе другіе послѣдователи Мухаммеда.—Пользуясь священными мѣсяцами, во время которыхъ приходили въ Мекку богомольцы и прекращалась всякая вражда между арабами, Мухаммедъ вмѣшивался въ толпы богомольцевъ, заводилъ съ ними разговоры о разныхъ религіозныхъ предметахъ и проповѣдывалъ имъ свое новое ученіе (1). Не признанный еще своими соотечественниками, религіозный реформаторъ съумѣлъ вознаградить себя въ это время за всѣ свои неудачи. Онъ не только привлекъ на свою сторону многихъ богомольцевъ; но, что всего важнѣе, о немъ и о его новомъ ученіи скоро заговорила почти вся Аравія и другія пограничныя съ нею страны. Новое ученіе было, такимъ образомъ, повсюду разносимо богомольцами. Однажды прибылъ на богомолье въ Мекку одинъ знатный арабскій князь, по имени *Хабибъ-Ибнъ-Малекъ*, человѣкъ довольно мудрый, къ которому обратились теперь корейшиты съ просьбою вызвать Мухаммеда на публичный диспутъ и обратить его на истинный путь. Хабибъ потребовалъ на этомъ диспутѣ отъ Мухаммеда чудесъ. Мухаммедъ будто бы исполнилъ его желаніе (2). Изъ всѣхъ будто бы сотворенныхъ чудесъ для насъ интересно въ настоящемъ случаѣ только одно, которое даетъ намъ возможность заключить о томъ, какимъ уваженіемъ проникнутъ былъ Мухаммедъ къ обрядамъ хаджа и какую важную роль они должны были играть

---

(1) Мисс. Сборникъ, вып. VI, стр. 159.

(2) Въ Коранѣ Мухаммедъ не признаетъ за собой силы творить чудеса (гл. 29, ст. 49; ср. гл. 46, ст. 8; гл. 17, ст. 61; гл. 6, ст. 50 и 109; гл. 3, ст. 180), и потому слѣдующій разсказъ должно считать позднѣйшею выдумкой. Ср. Мисс. Сборникъ, вып. IV, стр. 200—208.

въ его религіозной системѣ. По повелѣнію Мухаммеда, ясный день смѣнился темною ночью; *луна* совратилась съ своего обычнаго пути. Долго блуждала она по тверди небесной, пока, по повелѣнію Мухаммеда, не отдѣлилась отъ неба и не явилась на вершинѣ Каабы; затѣмъ она, по обычаю богомольцевъ, совершила семикратные обходы вокругъ храма (можетъ быть, при этомъ она цѣловала и черный камень?!..) и, низко поклонившись Мухаммеду, стала предъ нимъ (1). Эта легенда, составленная на основаніи 1-го и 2-стиховъ 54-ой главы Корана, показываетъ, что при случаѣ даже и небесныя тѣла считаютъ своимъ долгомъ совершить обряды хаджа. Вскорѣ послѣ этого, когда умерла Хадиджа, Мухаммедъ совершаетъ свое пресловутое *путешествіе на небо* (2). Мы не будемъ излагать это путешествіе въ полномъ его видѣ, замѣтимъ только, что Мухаммедъ, когда достигъ небеснаго престола, то увидалъ, что онъ совершенно сходенъ съ Каабой и находится какъ разъ надъ нею. Къ этой небесной Каабѣ каждый день приходятъ 70,000 ангеловъ самаго высшаго чина и совершаютъ свои обходы вокругъ нея. Мухаммедъ явился сюда именно въ то время, когда ангелы должны были исполнить свои религіозныя обязанности. Мухаммедъ присоединился къ нимъ и семь разъ обошолъ вокругъ небесной Каабы (3).

Хотя Мухаммедъ во время своего пребыванія на небѣ былъ ободренъ Богомъ и убѣдился въ своемъ дальнѣйшемъ успѣхѣ; однако, спустившись на землю, онъ встрѣтилъ почти однѣ насмѣшки и оскорбленія. Окружающія обстоятельства не благопріятствовали ему. Мухаммеду оставалось теперь только одно,—удалиться куда нибудь изъ своего отечественнаго города, а для

---

(1) Ирвингъ, стр. 77.

(2) См. описаніе его въ XII выпускѣ Мисс. Сборн. и вып. II, стр. 125—133.

(3) Ирвингъ, стр. 96; Мисс. Сборникъ, вып. XII, соч. Евв. Ал. Малова, стр. 12 и 8 стр. подстрочное примѣчаніе.

этого ему нужно было теперь снискать дружбу какого нибудь арабскаго племени или города, гдѣ бы онъ могъ найти себѣ покровительство. Священные мѣсяцы опять оказали ему важную услугу. Мухаммедъ заключилъ съ пришедшими въ Мекку ятсрибскими (мединскими) богомольцами (на 13-мъ году своего мнимаго посланничества) договоръ, по которому жители Ятсриба обязывались покровительствовать ему и его ученикамъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ самое критическое для Мухаммеда время, когда антипатіи жителей Мекки возросли до такой степени, что они рѣшились умертвить его. *Мухаммедъ въ 662 г. тайно убѣжалъ къ своимъ ятсрибскимъ помощникамъ* (сансарамъ). Съ этого времени городъ *Ятсрибъ* сталъ называться *Мединет-ель-наби* (مدينة النبى), городъ пророка, или просто *ель-Мединетъ* (اَلْمَدِيْنَة), *Медина*,—городъ (1).

Здѣсь въ Мединѣ первою заботою Мухаммеда было построеніе *мечети*. Мечеть эта по формѣ и устройству была очень проста. Стѣны были сдѣланы „изъ земли и кирпича“ (2). Стволы срубленныхъ пальмъ служили опорою для крыши, которая была сдѣлана изъ пальмовыхъ вѣтвей. Михрабъ, который въ нынѣшнихъ мечетяхъ есть родъ ниши, показывалъ сторону Каабы, въ которую должны оборачиваться молящіеся мухаммедане (3). Здѣсь же въ Мединѣ, въ первый разъ былъ введенъ обычай призывать мусульманъ на молитву посредствомъ громкаго выкрикиванія слѣдующихъ словъ: „Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ! исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха! Исповѣдую, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха! Исповѣдую, что Мухаммедъ посланникъ

(1) Выраженіе Медина (مدينة) есть причастная форма отъ глагола *дана* (دَانَ) и значитъ буквально: «мѣсто суда».

(2) Ирвингъ, стр. 113.

(3) Percev., t. 3, p. 28.

Божій; исповѣдую, что Мухаммедъ посланникъ Божій! Спѣшите на молитву, спѣшите на молитву! Спѣшите ко спасенію, спѣшите ко спасенію! Великъ Богъ, великъ Богъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха!" (1). Здѣсь же, наконецъ, Мухаммедъ, подробно развиваетъ ученіе о такъ называемой священной войнѣ съ невѣрными, подкрѣпляя иногда это ученіе другимъ,—ученіемъ о предопредѣленіи. Вмѣстѣ съ признаніемъ священныхъ путешествій исламизмъ обращается въ религію насилія и меча.

Между тѣмъ послѣдователи Мухаммеда,—по большей части, изгнанные жители Мекки, уже давно скучали по своей родинѣ и особенно по Каабѣ, этомъ обще-арабскомъ святилищѣ, къ которому пыталъ уваженіе и самъ Мухаммедъ. Они горѣли желаніемъ увидѣть Каабу и исполнить около нея положенные религіозные обряды. Опытный Мухаммедъ ясно видѣлъ, что послѣдователи его, удовлетворивъ этому пылкому желанію, обновятся духомъ, будутъ гораздо фанатичнѣе дѣйствовать въ пользу ислама. И вотъ онъ выдаетъ мнимое откровеніе: онъ видитъ во снѣ, что онъ, въ сопровожденіи своихъ учениковъ, вошелъ въ Мекку, овладѣлъ ключами Каабы, совершилъ вокругъ нея обходы и разные другіе религіозные обряды (2). Смыслъ этого откровенія былъ тотъ, что Мухаммедъ съ своими послѣдователями можетъ безопасно воспользоваться предстоящимъ священнымъ мѣсяцемъ, Дзу-ль-Кагда, для совершенія хаджа. Разсказъ объ этомъ откровеніи возбудилъ во всѣхъ мухаммеданахъ сильную радость и надежду. Хотя Кааба считалась обще-арабскимъ святилищемъ и хотя, поэтому, корейшиты не имѣли права воспрепятствовать во время священныхъ мѣсяцевъ вступленію въ ихъ городъ даже врага, который шелъ

---

(1) См. объ этомъ Ирвингъ, стр. 114; Мисс. противомус. Сборн., вып. 2, стр. 210—211; вып. 13, соч. Тихова-Александровскаго, стр. 23—24.

(2) Percev., t. 3, p. 175; Ирвингъ, стр. 176.

для исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей; однако Мухаммедъ предвидѣлъ, что мекканцы будутъ препятствовать его вступленію въ свой городъ. Поэтому Мухаммедъ старается съ одной стороны увеличить свое общество, а съ другой—придать своему *путешествію* мирный, религіозный характеръ. Въ началѣ мѣсяца Дзу-ль-Кагда (12 февраля 628 г.) онъ отправляется въ путь въ сопровожденіи 1400 человѣкъ, взявши съ собою для жертвоприношенія 70 верблюдовъ, украшенныхъ вѣнками и гирляндами. Дошедши до деревни Дзу-ль Хуляйфа, отстоящей на одинъ день пути отъ Медины, богомольцы складываютъ съ себя оружіе и продолжаютъ путь въ одеждѣ богомольцевъ. Не смотря на это корейшиты не хотѣли пустить Мухаммеда въ Мекку, опасаясь его воинственныхъ намѣреній, и только послѣ многихъ безплодныхъ переговоровъ, рѣшились, наконецъ заключить на 10 лѣтъ договоръ въ видѣ перемирія. Въ силу этого договора мухаммедане въ теченіе 10 лѣтъ могли, въ качествѣ богомольцевъ совершать путешествіе въ Мекку и оставаться тамъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ трое сутокъ. Но въ настоящій разъ богомольцы не могли вступить въ Мекку и совершить обряды хаджа; и такимъ образомъ прежнее мнимое откровеніе Мухаммеду о безпрепятственномъ вступленіи его въ Мекку не оправдалось; оно было отнесено теперь изворотливымъ Мухаммедомъ къ будущему времени. Послѣдователи его, не смотря на свое страстное желаніе, не увидали своего роднаго города, не увидали Каабы, не поклонились ей и не совершили около нея религіозныхъ обрядовъ. Уныло, съ поникшими головами возвращалась эта толпа въ Медину. Неловко долженъ былъ чувствовать себя и Мухаммедъ, такъ жестоко обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ.

Но вотъ наступило время, когда по договору, можно было Мухаммеду и его послѣдователямъ совершить *религіозное путешествіе въ Мекку*. Мухаммедъ воспользовался этимъ и отправился въ путь въ сопровожденіи

еще большаго, чѣмъ прежде, количества людей. 2000 человѣкъ сопровождали Мухаммеда, придавая большую пышность и торжественность его путешествію; при нихъ было также сто лошадей, множество оружія всякаго рода и 70 верблюдовъ для жертвоприношенія. Въ Дзу-ль-Хуляйфа эти путешественники вступили въ ихрамъ, заключающійся въ воздержаніи отъ сношенія съ женщинами, употребленія благовоній, отъ стриженія бороды и волосъ на тѣлѣ (1), — и продолжали далѣе путь уже въ одеждѣ богомольцевъ. Дойдя до границъ священной области, они сложили съ себя оружіе, оставивъ при себѣ только мечи въ ножнахъ. Одинъ мединецъ, по имени Ауфъ (عوف) съ 200 человѣкъ, долженъ былъ сохранять здѣсь оружіе и багажъ богомольцевъ. Когда корейшиты-язычники узнали о приближеніи Мухаммеда, то, не желая его торжественнаго входа въ Мекку, вышли отсюда и удалились на сосѣднія горы; нѣкоторые, впрочемъ, изъ любопытства остались для наблюденія за богомольцами. Наконецъ, Мухаммедъ сидя на верблюдицѣ Косвѣ, которую велъ за поводъ Абдалла, сынъ Роваха, и многочисленная пѣшая толпа его послѣдователей вступила въ Мекку и тотчасъ направилась къ Каабѣ. „Велика была радость ихъ, говоритъ Ирвингъ, при видѣ стѣнъ и башенъ священнаго города“ (2). Мухаммедъ слѣзъ съ своего верблюда, взялъ подъ правую мышку средину своего плаща, два конца котораго закинулъ на лѣвое плечо, и, ободривъ своихъ спутниковъ, тотчасъ приступилъ къ исполненію религіозныхъ обрядовъ. Первые три обхода онъ совершилъ съ поспѣшностію и подпрыгивая, чему подражали всѣ его послѣдователи; этимъ тремъ первымъ тавафамъ усвояются особыя названія *рамяль* (رمل) или *харваля*. Затѣмъ Мухаммедъ обошелъ вокругъ Каабы еще 4 раза, но уже медленнымъ и степеннымъ шагомъ.

---

(1) Percev. t. 3, p. 176.

(2) Стр. 191.

Вслѣдъ за этимъ муэззинъ призвалъ богомольцевъ къ молитвѣ, по окончаніи которой Мухаммедъ, сидя на верблюдицѣ, семь разъ проѣхалъ между двумя холмами *Сафа* и *Мярва*; тоже самое дѣлали и его послѣдователи, только пѣшіе. На другой день всѣ отправились въ долину Мина, гдѣ были принесены жертвы, и мухаммедане обрили себѣ головы, что служило признакомъ окончанія обрядовъ хаджа. Тогда пророкъ послалъ нѣкоторыхъ изъ совершившихъ уже хаджъ къ своему багажу, который лежалъ на границѣ священной области, для смѣны тѣхъ 200 человѣкъ, которыя были тамъ оставлены—и они должны были исполнить обряды хаджа (1). Между тѣмъ, Мухаммедъ, имѣя теперь довольно хорошо дисциплинированную армію, началъ тяготиться тѣми условіями мира, которыя онъ заключилъ съ корейшитами. Въ его головѣ теперь созрѣвалъ довольно обширный планъ *взятія* своего роднаго города, *Мекки*, гдѣ стояла Кааба, которая служила конечною цѣлью религіознаго путешествія, хаджа, и около которой группировались почти всѣ арабскія племена. Мухаммедъ хотѣлъ взять этотъ городъ, распространить здѣсь свое ученіе и очистить Каабу отъ множества стоящихъ тамъ идоловъ. Результаты этого предпріятія какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи были очевидны. Предлогъ къ войнѣ нашелся скоро, и Омаръ повелъ 10000-ое мухаммеданское войско глухими горными проходами къ Меккѣ. Мухаммедъ издалъ приказъ воздерживаться, насколько возможно, отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій; впрочемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія. И вотъ съ восходомъ солнца Мухаммедъ вступаетъ въ ворота священнаго города. Еще въ первый разъ, говорятъ, вступалъ Мухаммедъ въ Мекку съ покрытой головой и не въ одеждѣ ихрама. Во время вступленія въ свой родной городъ Мухаммедъ произнесъ 48-ю главу Корана, озаглавленную сло-

(1) Это путешествіе называется «гумрат-ел-кадза», т. е. совершеніе обрядовъ гумра. См. Perceval, t. 3, p. 200—207.

вомъ „побѣда“. Одинъ изъ стиховъ этой главы относитъ прежнее откровеніе о безопасномъ вступленіи въ Мекку къ настоящему случаю: „Богъ осуществилъ сонъ апостола, говорится здѣсь, когда далъ ему услышать такія слова: Вы войдете въ священный домъ молитвы, если угодно Богу, здравы и невредимы, съ обритой головой и коротко остриженными волосами, вы взойдете туда безъ страха. Богъ знаетъ то, что вы не знаете. Впрочемъ Онъ опредѣлилъ вамъ побѣду, которая послѣдуетъ безъ замедленія“ (1). Мухаммедъ остановился на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Мекки, и не сходя съ своего верблюда направился къ Каабѣ, семь разъ обошелъ вокругъ нея, хотѣлъ было войти въ самую Каабу, но стражъ заперъ предъ нимъ дверь. Вспыльчивый Али вырвалъ у него ключи; но Мухаммедъ велѣлъ отдать ихъ назадъ; эта кротость Мухаммеда такъ сильно подѣйствовала на привратника, что онъ не только отворилъ ему двери, но и принялъ исламъ. Мухаммеду прежде всего бросился въ глаза въ Каабѣ деревянный голубь; онъ подошелъ и изломалъ его. Увидавши изображеніе Авраама съ стрѣлами судьбы въ рукѣ, онъ сказалъ: „безумны тѣ, которые придаютъ нашему праотцу орудія суевѣрія! Что общаго имѣетъ Авраамъ съ стрѣлами судьбы“?! Тотчасъ, по его приказанію, были выброшены изъ Каабы всѣ языческія изображенія. Множество мекканцевъ, стоя въ почтительномъ отдаленіи, съ недоумѣньемъ смотрѣли на все это. Мухаммедъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „нѣтъ другаго Бога, кромѣ Аллаха; у Него нѣтъ товарища. Онъ исполнилъ свои обѣщанія и вознесъ своего служителя надъ всѣми его врагами. Затѣмъ, по его приказанію, муэззинъ съ кровли Каабы возвѣстилъ время полуденной молитвы, которую Мухаммедъ совершилъ въ самой Каабѣ. Побѣда Мухаммеда закончилась торжественной церемоніей, — прине-

(1) Гл. 48, ст. 27.

сеніемъ клятвы въ вѣрности ему и отреченіемъ отъ идолопоклонства; побѣжденные поочереди проходили мимо Мухаммеда, сидящаго на холмѣ Сафа и присягали ему (1). Убіеніе въ Меккѣ одного араба изъ племени хозаиловъ дало поводъ Мухаммеду высказать свое мнѣніе о Меккѣ, какъ о мѣстѣ убѣжища: „когда Господь сотворилъ землю, тогда Онъ далъ Меккѣ (2) быть навѣки мѣстомъ убѣжища, гдѣ никто изъ вѣрующихъ въ Бога до дня воскресенія не долженъ ни употреблять месть, ни даже рѣзать деревья. Эту привиллегію не могъ никто до меня и никто не можетъ послѣ меня нарушить, не совершивши преступленія; отсроченная на время для меня одного, она скоро возъимѣетъ свою полную силу“ (3). Затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ окрестными язычниками, Мухаммедъ совершилъ въ одеждѣ богомольца обряды хаджа, сдѣлалъ Моада, сына Джабала, имамомъ, а Аттаба, сына Осайда, двадцатилѣтняго юношу,—правителемъ Мекки (4), простился съ своимъ роднымъ городомъ и ушелъ съ войсками въ Медину. Аттабъ, по уходѣ Мухаммеда изъ Мекки, совершилъ въ качествѣ имама вмѣстѣ съ народомъ всѣ обряды хаджа; на этотъ разъ хаджъ былъ совершенъ еще по древнему установившемуся языческому обычаю; въ немъ принимали участіе и идолопоклонники, которые предъ совершеніемъ обходовъ вокругъ Каабы скинули свои одежды (5).

М Муроніевъ.

(продолженіе будетъ)

---

(1) Sirat-erracoul, f. 212—218; Percev., t. 3, p. 227—234; Ирвингъ, 207—210. Казимірскій, стр. XXIII; Мисс. Сборн. вып. 6, стр. 167.

(2) Мухаммедъ въ порывѣ увлеченія совершенно забываетъ, что въ то время еще не было Мекки.

(3) Sirat-erracoul, f. 218; Percev., t. 3, p. 235; Ирвингъ, стр. 210.

(4) Percev., 247 et 265; Ирвингъ 226; Казимірскій XXIV.

(5) Sirat-erracoul., t. 235 у Percev., t. 3, p. 266.

IV.

О томъ, что лица священныя не должны давать денегъ въ ростъ и получать на нихъ проценты и такъ называемые иміоліи (1).

V.

О томъ, что рукоположеніе не должно происходить въ присутствіи слушающихъ.

VI.

О томъ, чтобы не дозволять еретикамъ, коснѣющимъ въ ереси, входить въ храмъ Божій.

VII.

О томъ, чтобы обращающихся отъ ересей, то есть, новатіанъ, или фотиніанъ, или четыренадесятниковъ,—будутъ ли то оглашенные у нихъ или вѣрные,—принимать не прежде, чѣмъ они изрекутъ анаѳему на всякую ересь, въ особенности же на ту, въ которой они находились; и тогда уже такъ называемые у нихъ вѣрные, по изученіи ими символа вѣры, да будутъ помазаны святымъ муромъ и да причащаются святыхъ таинъ.

VIII.

О томъ, что обращающихся отъ такъ называемой ереси фриговъ,—хотя бы они и состояли въ мнимомъ

(1) Половинные проценты.

ихъ клирѣ и считались за людей весьма великихъ,— епископамъ и пресвитерамъ церкви слѣдуетъ оглашать и крестить со всякимъ тщаніемъ.

IX.

О томъ, чтобы не дозволять принадлежащимъ къ церкви сходиться для молитвы или врачеванія на кладбища еретиковъ или въ такъ называемыя у нихъ усыпальницы мучениковъ. Таковымъ, если это—вѣрные, быть лишенными общенія на нѣкоторое время. Кающихся же и исповѣдающихъ свое заблужденіе принимать (въ общеніе).

X.

О томъ, что принадлежащіе къ церкви не должны безразлично смотрѣть на брачные союзы своихъ дѣтей съ еретиками.

XI.

О томъ, что не слѣдуетъ поставлять въ церкви такъ называемыхъ пресвитеридъ (старицъ), то есть, предсѣдательницъ.

XII.

О томъ, чтобы епископы поставлялись на церковное начальство по рѣшенію митрополитовъ и окрестныхъ епископовъ и при томъ изъ лицъ, много разъ испытанныхъ въ разумѣніи вѣры и въ образѣ жизни, сообразномъ съ правою вѣрой.

XIII.

О томъ, чтобы общинамъ не дозволялось дѣлать выбора лицъ имѣющихъ быть поставленными во священство.

XIV.

О томъ, чтобы въ праздникъ пасхи святыя тайны не были посылаемы, на подобіе благословеній (1), въ другіе приходы.

XV.

О томъ, что не должно пѣть въ церкви другимъ какимъ либо лицамъ кромѣ пѣвцевъ-клириковъ, восходящихъ на амвонъ и поющихъ по книгѣ.

XVI.

О томъ, чтобы въ субботу читалось Евангеліе и другія писанія.

XVII.

О томъ, чтобы въ молитвенныхъ собраніяхъ псалмы не пѣлись непрерывно одинъ за другимъ, но чтобы послѣ каждаго псалма, въ промежуткѣ, слѣдовало чтеніе.

XVIII.

О томъ, что молитвенное служеніе какъ на девятомъ часѣ, такъ и на вечерни должно быть всегда одно и тоже.

---

(1) Проскомидійныхъ просфоръ.

XIX.

О томъ, что послѣ бесѣдъ епископскихъ сначала совершается молитва оглашенныхъ, а потомъ, по выходѣ оглашенныхъ, слѣдуетъ молитва кающихся; когда же и сіи, принявъ возложеніе руки, удалятся, тогда совершаются три молитвы вѣрныхъ,—одна, первая, въ молчаніи, а вторая и третья чрезъ провозглашеніе. Потомъ уже свидѣтельствовать миръ, и когда пресвитеры засвидѣтельствуютъ миръ епископу, тогда и міряне свидѣтельствуютъ миръ и такимъ образомъ совершается святое приношеніе. И однимъ только священнымъ лицамъ дозволительно входить въ алтарь и (тамъ) причащаться.

XX.

О томъ, что діакону не слѣдуетъ садиться въ присутствіи пресвитера, безъ дозволенія послѣдняго. Подобною же честью пользоваться и діаконамъ отъ иподіаконовъ и всѣхъ клириковъ.

XXI.

О томъ, что иподіаконамъ не слѣдуетъ имѣть мѣста въ діаконикѣ и касаться священныхъ сосудовъ.

XXII.

О томъ, что иподіакону не слѣдуетъ ни носить орарь, ни покидать дверей (1).

(1) Иподіаконы стояли у дверей, наблюдали за порядкомъ и во время возглашенія: «оглашенніи изыдите», удаляли изъ храма оглашенныхъ и кающихся.

XXIII.

О томъ, что не слѣдуетъ чтецамъ или пѣвцамъ носить орарь и въ немъ читать или пѣть.

XXIV.

О томъ, что не слѣдуетъ священнымъ лицамъ, отъ пресвитеровъ до діаконовъ, и лицамъ церковнаго чина до иподіаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ, заклинателей, привратниковъ, ни лицамъ монашескаго чина входить въ гостинницу.

XXV.

О томъ, что иподіакону не слѣдуетъ раздавать хлѣбъ или благословлять чашу.

XXVI.

О томъ, что не слѣдуетъ дѣлать заклинаній ни въ церквахъ, ни въ домахъ лицамъ, не получившимъ на то власти отъ епископовъ.

XXVII.

О томъ, что (лицамъ) священнымъ, или клирикамъ, или мірянамъ, приглашаемымъ на агапы, ничего не слѣдуетъ брать отъ этихъ трапезъ; потому что этимъ причиняется оскорбленіе церковному учрежденію.

XXVIII.

О томъ, что не слѣдуетъ въ храмахъ Господнихъ или въ церквахъ устроять такъ называемыя вечери любви и въ домѣ Божіемъ ѣсть и возлежать.

оное не дерзаемъ, то объявляемъ, что въ окружномъ посланіи говорится это не для того, чтобы великороссійскую церковь оправдать, или признать за истинную. Нѣтъ! Боже насъ сохрани и помыслить! А говорится это для того, чтобы опровергнуть безразсудную мысль безпоповцевъ и заразившихся отъ нихъ христіанъ святой и древлеправославной церкви, понимающихъ, будто-бы великороссійская церковь подъ именемъ Іисусъ поклоняется антихристу. Этимъ мнѣніемъ безпоповцы стараются подорвать основаніе истиннаго вѣроученія. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что Іисусъ есть антихристъ и что господствующая церковь подъ именемъ Іисуса вѣруетъ во иного Бога, то невольно придется каждому христіанину спросить самого себя: на какомъ же основаніи принимали священниковъ на Рогожское кладбище и въ прочія мѣста отъ великороссійской церкви, когда она вмѣсто Сына Божія вѣруетъ во антихриста. По этому понятію выйдетъ, что крещеніе великороссійской церкви (которое мы признаемъ за истинное крещеніе) совершенно ничего не стоитъ“ (1). Въ заключеніе всего „освященный соборъ“, чтобы окончательно успокоить свою духовную паству, нашелъ нужнымъ ограничить обязательность окружнаго посланія. „Такъ какъ, говоритъ онъ въ своемъ „опредѣленіи“, народъ не могъ вмѣстить сущности изложенія (посланія то есть), то для окончательнаго спокойствія освященный соборъ не вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность руководствоваться окружнымъ посланіемъ, а оставляетъ его на произволъ каждаго, и строго запрещаетъ всѣмъ христіанамъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, за оное имѣть между собою раздоръ или несогласіе“ (2).

---

(1) Выходитъ такимъ образомъ, что если имя Іисусъ защищать отъ нападеній безпоповцевъ, то оно будетъ истинное, если же смотрѣть на него съ точки зрѣнія поповцевъ, то—ложное; несообразность очевидна сама собою.

(2) Русск. Вѣстн. 1863 г., іюль, стр. 426—430.

Такимъ образомъ освященный соборъ своимъ „опредѣленіемъ“ на окружное посланіе сдѣлалъ первую уступку въ пользу раздорниковъ. Но этимъ онъ не усмирилъ послѣднихъ и не положилъ конца начавшемуся въ расколѣ движенію; напротивъ дѣло скоро усложнилось новымъ вопросомъ—о московской архіепископіи, и волненіе разрослось до громадныхъ размѣровъ. Мы знаемъ, что московская архіепископія и мѣсто главнаго заправителя церковными дѣлами въ старообрядчествѣ раньше были за Антоніемъ. Затѣмъ вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ, онъ лишенъ былъ московской каѳедры. Послѣ этого въ концѣ 1861 года заправленіе общими дѣлами въ старообрядчествѣ и предсѣдательство въ „освященномъ соборѣ“ взялъ на себя на время, какъ мы знаемъ, Онуфрій. Въ началѣ 1863 года, по прибытіи въ Москву Кирилла, Онуфрій отставленъ былъ отъ участія въ дѣлахъ старообрядчества и мѣсто его, по соборному рѣшенію отъ 18 февр., долженъ былъ снова занять Антоній. Но вслѣдствіе извѣстнаго намъ вѣроломнаго поступка Кирилла съ грамотою (отъ 18 февр.) на врученіе Антонію управленія дѣлами старообрядчества, утвержденіе его не состоялось. Равнымъ образомъ и учиненное затѣмъ Кирилломъ переведеніе на московскій престолъ Аѳанасія саратовскаго, вслѣдствіе личнаго нерасположенія къ этому послѣднему русскихъ архіереевъ, какъ къ лицу несочувствующему окружному посланію и до фанатизма преданному разнымъ мелочнымъ требованіямъ раскола, не было принято епископами. Такимъ образомъ московскій епископскій престолъ и мѣсто главнаго управителя церковными дѣлами въ старообрядчествѣ не имѣли постоянныхъ представителей, а только временно завѣдывались то Онуфріемъ, то самимъ Кирилломъ, то Софроніемъ. Чтобы положить конецъ такому безпорядку и неизбѣжнымъ при этомъ волненіямъ, — „освященный соборъ“ рѣшился теперь утвердить за кѣмъ либо однимъ московскую епископскую каѳедру, поручивъ ему и главное управленіе церковными дѣлами во всемъ

XXXVII.

О томъ, что не должно принимать присылаемые іудеями или еретиками праздничные дары и праздновать съ ними.

XXXVIII.

О томъ, что не должно принимать опрѣсноковъ отъ іудеевъ, или пріобщаться нечестіямъ ихъ.

XXXIX.

О томъ, что не должно праздновать вмѣстѣ съ язычниками или пріобщаться безбожію ихъ.

XL.

О томъ, что епископы, призываемые на соборъ, не должны относиться къ такому приглашенію съ небреженіемъ, но должны итти (на соборъ), подавать и принимать совѣты, клонящіеся къ устройству церкви и прочаго. Если же епископъ пренебрежетъ приглашеніемъ, то онъ самъ себя обвинитъ, за исключеніемъ только того случая, если останется дома по болѣзни.

XLI.

О томъ, что лицамъ священнымъ или клирикамъ не должно путешествовать безъ каноническихъ грамотъ.

XLII.

О томъ, что лицу священному или клирику не слѣдуетъ путешествовать безъ повелѣнія епископа.

XLIII.

О томъ, что иподіаконамъ не должно покидать дверей (1), хотя бы и ради молитвы.

XLIV.

О томъ, что женщинѣ не слѣдуетъ входить въ алтарь.

XLV.

О томъ, что по истеченіи двухъ седмицъ четыредесятницы не должно допускать къ крещенію (2).

XLVI.

О томъ, что крещаемые (3) должны изучать символъ вѣры и въ пятый день великой седмицы отвѣчать епископу или пресвитерамъ.

XLVII.

О томъ, что принявшіе крещеніе въ болѣзни и потомъ выздоровѣвшіе должны изучать вѣру и знать, что они удостоились божественнаго дара.

---

(1) См. правило 22-е.

(2) Правило это относится къ крещенію возрастныхъ, которое, по древнему обычаю, совершалось въ великую субботу. Кто сначала четыредесятницы или по крайней мѣрѣ въ теченіи двухъ первыхъ недѣль ея не изъявилъ рѣшительнаго желанія принять крещенія и не началъ готовиться, того правило не дозволяетъ допускать къ крещенію въ эту четыредесятницу, а внушаетъ дальнѣйшее наблюденіе за его усердіемъ къ вѣрѣ.

(3) Подъ крещаемыми разумѣются здѣсь, очевидно, готовящіеся ко крещенію.

XLVIII.

О томъ, что крещаемые должны быть помазуемы небеснымъ помазаніемъ и быть причастниками царствія Божія.

XLIX.

О томъ, что, за исключеніемъ субботы и воскресенья, въ четыредесятницу не должно приносить хлѣбъ (1).

L.

О томъ, что въ четыредесятницу на послѣдней седмицѣ не должно разрѣшать пятаго дня (2) и тѣмъ безчестить всю четыредесятницу, но слѣдуетъ поститься во всю четыредесятницу и довольствоваться сухояденіемъ.

LI.

О томъ, что въ четыредесятницу не должно праздновать дни рожденія мучениковъ, но памяти ихъ совершать въ субботы и дни воскресные.

LII.

О томъ. что въ четыредесятницу не слѣдуетъ совершать браковъ или праздновать дней рожденія.

---

(1) Для совершенія литургіи, т. е. не должно быть полной литургіи; но можетъ быть литургія преждеосвященныхъ даровъ по 52-му правилу шестаго вселенскаго собора.

(2) Т. е. разрѣшать постъ въ пятый день, или въ великій четвертокъ.

LIII.

О томъ, что христіанамъ, ходящимъ на браки, не слѣдуетъ прыгать или плясать, но ужинать и обѣдать скромно, какъ прилично христіанамъ.

LIV.

О томъ, что не слѣдуетъ лицамъ священнымъ или клирикамъ смотрѣть на какія либо зрѣлища, даваемыя на бракахъ или на пиршествахъ, но должно имъ вставать и уходить до прихода людей, имѣющихъ дать представленіе.

LV.

О томъ, что не должно лицамъ священнымъ и даже мірянамъ дѣлать пиршествъ на складчину.

LVI.

О томъ, что пресвитерамъ не должно до прихода епископа входить въ алтарь и садиться, но входить туда слѣдуетъ съ епископомъ, если только епископъ не боленъ или не находится въ отсутствіи.

LVII.

О томъ, что въ селахъ или въ деревняхъ должно поставлять не епископовъ, но періодевтовъ (1). Что же касается уже прежде поставленныхъ (епископовъ); то они не должны ничего совершать безъ вѣдома город-

(1) «Періодевтъ» значитъ: *обходящій*. По сану онъ былъ пресвитеръ, а по должности былъ въ родѣ нашихъ благочинныхъ.

скаго епископа. Точно также и пресвитерамъ ничего не дѣлать безъ вѣдома епископа.

LVIII.

О томъ, что не должно быть совершаемо, — епископами или пресвитерами, — приношеніе (безкровной жертвы) въ домахъ.

LIX.

О томъ, что не слѣдуетъ читать въ церкви частныхъ (1) псалмовъ, а также книгъ не каноническихъ, но должно читать только каноническія книги ветхаго и новаго завѣта.

LX.

Книги ветхаго завѣта, которые должно читать, слѣдующія: а) Бытіе, б) Исходъ изъ Египта, в) Левитъ, г) Числа, д) Второзаконіе, е) Іисусъ Навинъ, ж) Судіи, з) Руѳь, и) Есѳирь, і) Царствъ первая и вторая, к) Царствъ третья и четвертая, л) Паралипоменона, первая и вторая, м) Ездры первая и вторая, н) Книга Псалмовъ ста пятидесяти, о) Притчи Соломона, п) Екклесіастъ, р) Пѣснь пѣсней, с) Іовъ, т) Двѣнадцать пророковъ, у) Исаія, ф) Іеремія, Варухъ, плачъ и посланіе, х) Іезекіиль, ц) Даніилъ. А книги новаго завѣта слѣдующія: Четыре Евангелія: отъ Матѳея, отъ Марка, отъ Луки, отъ Іоанна, Дѣянія апостоловъ, Семь соборныхъ посланій какъ то: Іакова одно,

(1) Написанныхъ частными лицами и не одобренныхъ церковію.

Петра два, Іоанна три, Іуды одно, четырнадцать посланій Павла: къ Римлянамъ одно, къ Коринѳянамъ два, къ Галатамъ одно, къ Ефесеямъ одно, къ Филипписіямъ одно, къ Колоссаямъ одно, къ Ѳессалоникійцамъ два, къ Евреямъ одно, къ Тимоѳею два, къ Титу одно и къ Филимону одно.

СОБОРЪ САРДИКІЙСКІЙ.

Правила святаго помѣстнаго собора сардикійскаго.

I (1).

Осій, епископъ кордубскій, сказалъ: „съ корнемъ слѣдуетъ вырвать не столько худое обыкновеніе, сколько пагубнѣйшій вредъ для дѣла церкви, именно: не слѣдуетъ никому изъ епископовъ изъ малаго города переходить въ другой. Цѣль, съ которою предпринимаются такіе переходы, очевидна; такъ какъ никогда не являлось еще ни одного епископа, который бы старался перейти изъ бо̀льшаго города въ меньшій. Отсюда ясно, что таковые поджигаются пламенною страстію любостяжанія и раболѣпно служатъ тщеславію, лишь бы казаться имѣющими больше власти. И такъ всѣмъ ли угодно, чтобы строже была судима такая неблагопристойность? Я же думаю, что таковые не должны имѣть общенія даже наравнѣ съ мірянами“. Всѣ епископы сказали: „всѣмъ угодно“.

II.

Если же кто окажется столь безразсуднымъ или дерзкимъ, что вздумаетъ извинять себя въ такомъ дѣлѣ

(1) Слич. 15-е правило Никейскаго собора.

и утверждать, что ему представлено было объ этомъ посланіе отъ общины, тогда какъ ясно, что даже небольшое число лицъ, прельщенныхъ вознагражденіемъ и деньгами, придавъ себѣ видъ, что оно дѣйствительно желаетъ имѣть его епископомъ, могло увлечь общину: то я полагаю, что такія козни и ухищренія должны быть всенепремѣнно наказываемы, такъ чтобы никто изъ таковыхъ, и при кончинѣ, не былъ удостоиваемъ общенія даже наравнѣ съ мірянами. Угодно ли вамъ принять это мнѣніе? Отвѣчайте. Отвѣтили: желаемъ принять сказанное.

III.

Необходимо присовокупить и то, что никто изъ епископовъ не долженъ переходить изъ своей области въ другую, въ которой находятся свои епископы, за исключеніемъ только такихъ случаевъ, когда онъ будетъ позванъ находящимися въ ней братіями, чтобы не подумали, что мы затворяемъ двери любви. Необходимо предусмотрѣть также и то, чтобы, если въ какой либо области кто либо изъ епископовъ имѣетъ дѣло съ своимъ братомъ и со епископомъ, чтобы ни тотъ, ни другой изъ нихъ не призывалъ въ посредники епископовъ другой области. Если же кто либо изъ епископовъ по какому либо дѣлу окажется осужденнымъ, и полагаетъ, что онъ имѣетъ не пустое, но справедливое основаніе снова возобновить судъ; то, если вамъ угодно, почтимъ любовію память апостола Петра и постановимъ [1], чтобы производившіе судъ писали въ та-

[1] Слова: «постановимъ», въ греческомъ текстѣ нѣтъ.

кихъ случаяхъ епископу римскому Іулію для того, чтобы, если нужно, снова былъ произведенъ судъ сосѣдними съ той областію епископами, и чтобы такихъ вторичныхъ судей назначалъ онъ (Іулій). Если же обвиняемый не можетъ доказать, что дѣло требуетъ вторичнаго пересмотра, то приговора не уничтожать, но оставлять въ силѣ то, что однажды постановлено (1).

IV.

Если какой либо епископъ будетъ низложенъ судомъ находящихся въ сосѣдствѣ епископовъ и объявитъ, что онъ предоставляетъ себѣ право оправданія; то на его каѳедру не опредѣлять другаго прежде, чѣмъ римскій епископъ разсмотритъ дѣло и произнесетъ объ немъ свое опредѣленіе.

V.

Озій епископъ сказалъ: если на какого либо епископа будетъ сдѣланъ доносъ и окрестные епископы, собравшись, низложатъ его, а онъ прибѣгнетъ къ блаженнѣйшему епископу церкви римской, который захочетъ его выслушать и признаетъ справедливымъ возобновить изслѣдованіе дѣла о немъ; то да благоволитъ

---

(1) Шестымъ правиломъ перваго вселенскаго собора, по древнему обычаю, предоставлены въ подчиненіе римскому епископу многія епархіи на западѣ, подобно какъ александрійскому и антіохійскому многія епархіи на югѣ и востокѣ. Согласно съ этимъ раздѣленіемъ Осій, епископъ испанскаго города Кордубы, принадлежа къ области римскаго епископа, предлагаетъ относить на его разсмотрѣніе сомнительные случаи западныхъ епархій: въ этомъ смыслѣ и принялъ его предложеніе соборъ сардикійскій, не отступая отъ шестаго правила перваго вселенскаго собора.

чиста, аки дѣвица нескверная, бѣла, аки снѣгъ, и возопіетъ ко Господу глаголюще: двою есми предъ тобою, Господи, нѣсть уже на мнѣ грѣха. *В.* Воззваша ко Господу, и не бѣ спасаяй ихъ, и не услыша ихъ Богъ? *О.* Егда жидове со антихристомъ и съ бѣсы своими пойдутъ во тму кромѣшнюю, тогда возопіютъ ко Господу, а Господь ихъ не услышитъ и не помилуетъ ихъ. Гадатель: нѣкто родися нагъ, безъ отца и безъ матери, нестыдящи пеленами не повитъ, пищею непитаемъ, солнце нань не возсіяетъ, скоро погибаетъ и паки возростаетъ, и возрасту его радуетца весь міръ. Аще творишися мудръ, повѣжди ми сія гадательно. *В.* Стоитъ древо злато, а на немъ листвіе златое, а подъ тѣмъ древомъ лаханъ, и прилетаетъ голубь и листвіе щиплетъ и мечетъ въ лоханъ. Лоханъ не полна, а листвіе не убываетъ? *О.* Древо вселенная, а листвіе люди на земли, а голубь смерть, а лоханъ земля. Людей въ землю кладутъ, людей въ земли не прибудетъ, а людей на землѣ не убудетъ. *В.* Гробъ ходяше, а мертвецъ въ немъ пояше. *О.* Гробъ китъ, а мертвецъ Іона въ китѣ. *В.* Что есть древянъ ключъ, водянъ замокъ, заецъ ушолъ, а ловецъ потонулъ? *О.* Заецъ Моисей, а ловецъ царь Фараонъ. *В.* Сѣкира неугодное древо сѣчетъ и во огнь вѣчной вметаетъ? *О.* Сѣкира смерть, а неугодное древо грѣшный человѣкъ. *В.* Что есть: отъ земля не взятъ, отъ матери не роженъ, и отъ отца не посѣянъ, а человѣкъ бысть? *О.* Имя человѣку. *В.* Истина отъ земля возсія, и правда съ небесе приниче? Т. Богородица отъ земныхъ родися, Христосъ приниче въ нее съ небеси

В. Что есть не роженъ умре, а роженъ не умре? *О.* Адамъ не роженъ умре, а Илія роженъ не умре. *В.* Что есть: два стоятъ, а два минуются? *О.* Небо и земля стоятъ, а луна и солнце идутъ и минуются. *В.* Что есть: стоитъ градъ между небомъ и землею, а идетъ къ тому граду посолъ нѣмъ, а несетъ грамоту неписаную, и весьма возрадуются посольству его? *О.* Градъ есть Ноевъ ковчегъ, какъ на водѣ плавалъ, а посолъ къ нему голубь, а грамота неписаная листвіе масличное, и принесъ голубь листвіе къ Ною въ ковчегъ, потому позналъ Ной сушу земли, и вси въ ковчелѣ возрадовались. *В.* Который пророкъ не роженъ Господа видѣлъ? *О.* Исаія пророкъ взятъ бысть изъ утробы матерней ангеломъ Божіимъ и несенъ бысть на облака и ту видѣ Господа и ста поклонися ему, и паки вложенъ бысть въ въ утробу матерню. *В.* Который пророкъ дланію седмь небесъ покры? *О.* Егда Иванъ Предтеча Господа крести на Іѣрданѣ, тогда бысть длань Иванова выше главы Господни, а Господь выше седьми небесъ. *В.* Что есть: бѣлъ щитъ, а на бѣлѣ щитѣ бѣлъ заяцъ; и прилетѣлъ орелъ, и взялъ зайца и отнесъ на небо, и ста на томъ мѣстѣ сова? *О.* Бѣлъ щитъ свѣтъ, а заяцъ правда на земли, и отъиде правда на небо, а сова на земли остася кривда. *В.* Кому Господь посла съ небесъ первую грамоту? *О.* Сиѳу, сыну Адамову. *В.* Кто солга спасеся, а кто истину рекъ погибе? *О.* Петръ апостолъ солга спасеся, а Іуда истину рекъ жидомъ погибе. *В.* Которые два супостата борютца? *О.* Животъ со смертію или день съ нощію. *В.* Что есть земная ширина, небесная высота

и морская глубина? Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. *В.* Когда четвертая часть міру погибе? *О.* Егда Каинъ уби Авеля. *В.* Когда возрадовался весь міръ? *О.* Когда Ной изыде изъ ковчега на сушу, тогда вси возрадовались. *В.* Кто двѣ смерти вкуси? *О.* Лазарь. *В.* Чей гласъ изыде во весь міръ на вселеннѣй? *О.* Каиновъ; егда Господь его прокля за убійство брата его, а Каинъ возстопалъ въ слухъ отцу своему и матери, а въ то время всего и было трое, потому гласъ его изыде во весь міръ. *В.* Что есть, видѣша татя течаше съ нимъ? *О.* Егда Іуда преда Господа, Іудеи течаху съ нимъ. *В.* Что есть, еже въ писаніи речеся: егда опустѣетъ земля, и царь изнеможетъ, и сильніи его разыдутся, того ради разрушатся камени и городи, и источники изсякнутъ, и вѣтри не возвѣютъ, и пути великіе опустѣютъ, и престанутъ жерновы мелющія, и море великое умертвится, и многолиственная древа падутъ и опустѣютъ плодовитая и рабы и рабыня отъ глада изнемогутъ, тогда царица изыдетъ отъ престола своего, аки твердо заклепаная голубица излетитъ отъ гнѣзда своего? *О.* Земля опустѣетъ человѣкъ умираетъ, царь изнеможетъ умъ человѣческій, сильніи разыдутся помыслы человѣчьи, разрушатся камени и городи кости человѣчьи, источницы изсякнутъ слезы изъ очей не пойдутъ, вѣтри не возвѣютъ дыханіе, пути велиціи опустѣютъ гортань, престанутъ жерновы мелющіе зубы, море великое умертвится утроба, многолиственная древа падутъ языкъ, опустѣютъ плодовитая уста; рабы и рабыни отъ глада изнемогутъ руцѣ и нозѣ, царица изыдетъ душа изъ человѣка.

В. Который человѣкъ потрижды на день умираетъ? *О.* Когда Господь разслабленнаго исцѣлилъ, и тотъ разслабленный по исцѣленьи на распятіи Господа по ланитѣ ударилъ, и за то ему далъ Господь муку, по трижды велѣлъ его на день звѣрю снѣдати, и звѣрь его снѣдаетъ, и онъ опять оживетъ, и онъ на день оживаетъ трижды, а звѣрь его снѣдаетъ трижды. *В.* Кто первый пророкъ на земли? *О.* Адамъ, какъ уснулъ въ раю и видѣль во снѣ Христа распята на крестѣ, а Петра Апостола распята стремглавъ, а Павла усѣкнута отъ Нерона. *В.* Кая тварь у Бога преже небесъ сотворена бысть? Ангели. *В.* Единаго искахомъ, три обрѣтохомъ, егоже позна мертвая дѣвица? *О.* Когда царица Елена во Іерусалимѣ искала креста Господня и нашла три креста, Христовъ да разбойничи, и не вѣдаетъ, который крестъ Христовъ, и клали по единому кресту на мертвую дѣвицу, и отъ разбойничихъ не бысть ничто, и положеніемъ креста Христова вескресе мертвая дѣвица. *В.* Кои двѣ души на земли сотворены бысть? *О.* Море и суша. *В.* Кто преже Адама на земли человѣкъ бысть? *О.* Тотъ же Адамъ, доколѣ ему недано бысть имя Адамомъ.

185—189 л. „Слово стаго Ефрѣма о наказаніи“. Слово это составлено изъ трехъ выдержекъ, взятыхъ изъ Ефрема Сирина, и заключенія, не принадлежащаго преп. Ефрему. Такъ начало слова: „Ты, о друже, понеже мира отвергся еси, почто убо покоя ищеши (Cur autem abrenunciasti saeculo, carissime? an adhuc saeculi oblectamenta persequе-

ris?)“ взято изъ средины слова: Sermo asceticus (1); вторая выдержка (въ шесть строкъ): „безмолвникъ ли еси, помяни въ темницѣ сѣдящыя... (Vitam quietam in solitudine agis? Recordate eorum, qui in carceribus conclusi detinentur...)“— изъ 48 увѣщанія Ad monachum acediae deditum, qui dicebat: Monachatum demitto et ad saeculum revertor (2). Въ составъ третьей выдержки вошла цѣлая VII глава De patientia изъ слова: De virtutibus et vitiis (3). Въ концѣ слова ублажаются тѣ, кто дѣлаетъ добро и пріобрѣтаетъ так. образомъ небесный бисеръ, Христа.

№. 18. Алфавитъ иностранныхъ рѣчей, рукопись XVII в., въ листъ, на 652 листахъ.

Алфавитъ этотъ значительно отличается отъ другихъ Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей. Здѣсь предлагаются не краткія свѣдѣнія о томъ или другомъ предметѣ, какъ въ другихъ Алфавитахъ, а богатыя и обширныя выписки изъ разныхъ книгъ о разныхъ предметахъ. Алфавитъ начинается съ алфавитнаго указателя предметовъ, входящихъ въ составъ словотолкователя, съ обозначеніемъ главъ, въ коихъ объясняются тѣ или другія слова, подъ заглавіемъ: „Счисленіе по букварю артикуловъ, сирѣчь стиховъ книги сея. да не числитъ листы или тетрати. но здѣ извѣстно увѣсть вся, яко бисеръ сіяющъ на златѣ блюдѣ“. За этимъ

(1) См. S. Ephraem Syri Opera omnia Tom. I p. 22. Venetiis MDCCLV. Typis Casparis Gerardi.

(2) Ibid. Tom. I. Paraenesis XLVIII p. 214.

(3) Ibid p. 3.

указателемъ слѣдуютъ стихи или вирши къ читателю", въ коихъ авторъ сначала указываетъ на милость Божію, явленную русскому народу въ познаніи воли Его, затѣмъ ставитъ на видъ возникшія въ западной христіанской церкви недоразумѣнія и отступленія и совѣтуетъ обратиться къ Божественному Писанію, свято хранящемуся въ православной церкви:

Всякаго чина православный читателю!
Гду Бгу бларніе воздай яко блготелю!
Яко сподоби насъ въ послѣдокъ лѣтомъ
Познати волю его со благимъ отвѣтомъ.
Въ сіе время лютое и плача достойное
Ужасается сіе зря сердце бгобоязненное,
Яковыхъ много супостатовъ и хищныхъ волковъ,
Бѣсовскихъ навожденій еретическихъ полковъ.
Тѣмъ аще хощеши правую вѣру познати,
Совѣтую ти божественному писанію внимати.
Въ томъ бо положи Богъ сокровища благая,
Открываетъ же ищущихъ стези своя правая
Святыя восточныя церкве право суть о русскомъ народѣ
Ея же свѣтлость сіяетъ вомного прелестной невзгодѣ.
Слово Божіе ни въ чесомъ премѣнится,
Правовѣріе это между зловѣріемъ свѣтится.
Восточныя церкве правда яко солнце сіяетъ
И блгоустроенными дѣйствы блистаетъ,
Западнаго же костела яко тьма нощи,
Разумѣти древо по его овощи.
Сего ради здѣ открыся истиннаа радость,
Всесвѣтлыхъ писаній неизглаголаа сладость.
Аще хощеши въ правовѣріи Хрту угодити,

Потщися безразлѣнения сия проходити.
Вѣчный всесильній Бже всякия блги,
Блговоли намъ недостойнымъ сие даровати.
Да правовѣрие роспространится на многие лѣта,
Да не оскудѣеть истина твоя до скончания свѣта.
Въ дни же страшный сподоби насъ одесную тебе стати,
И со стыми аггелы твоими во вѣки Тебе прославляти (33 л.).

На 33—34 л. помѣщены два предисловія: „Предисловіе“, въ коемъ дѣлается краткій очеркъ распространенія христіанской вѣры, съ общимъ указаніемъ на возникавшія въ первые вѣка ереси и на опроверженіе этихъ заблужденій отцами на соборахъ; „Предисловіе алфавиту иностранныхъ речей“: „Иже отъ юности во блгочтіи воспитанному“... гдѣ въ сокращеніи представлены тѣ же побужденія къ написанію Алфавита, какія выставлены въ обширномъ предисловіи № 13.

На 35 л. помѣщена польская азбука съ нѣсколькими польскими складами.

35 л. об.—36—общеупотребительныя молитвы: „Падмова панска: ойче нашъ, кутурый есть въ небесѣхъ. свенце имя твое“..., „Поздравление Панны Маріи: Здрава Мариа ласки Бжіей пелна. панъ стобѡ...“, „Вызнание вяры католицкой: Верре в Бга ойца вше магонцего, сътворителя неба и земли“..., „Пытание веле есть блгословеньствъ, по русски блаженствъ: блгословени вбодзы духемъ, албо вемъ ихъ есть кролевство небесне“...

37—38 „О началѣ грамоты греческия и русския“—краткій историческій очеркъ, буквально сходный съ тѣмъ мѣстомъ

„Сказанія како составилъ стый Кирилъ философъ азбуку по языку словенску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ“, гдѣ начинается рѣчь о составленіи еллинской азбуки: „сперва началъ творити Понамидъ“. (Паламедъ)... Статья эта буквально взята изъ Хронографа (1).

На 39—42 л. помѣщены на греческомъ языкѣ слѣдующія молитвы, писанныя русскими литерами съ подстрочнымъ славянскимъ переводомъ: „За молитвъ святыхъ отецъ, Царю небесный, Трисвятое, молитва Господня, Пріидите поклонимся, 50-й псаломъ, Исповѣданіе вѣры, молитва къ Господу Іисусу (Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя) молитва Пресвятой Богородицѣ, (Владычица моя, Пресвятая Богородице) Достойно есть, Единородный Сыне, Свѣте тихій и Богородице Дѣво.

Съ 43—48 л. идутъ азбуки: польская (43 л.), греческая, еврейская (44 л.), нѣмецкая и латинская (45 л.), пермская (46 л.), русская и литоренская (риторская) (47 л.), сирская (47 л. об.) Названіе буквъ въ пермской азбукѣ: „абуръ, гай, дой, ежой, джой, зата, зита, кокелей, мено, нево, вой, пей, рей, черы, шуй, ю, юсъ (л. 46). (2)

(1) См. Хронографъ, рукоп. Солов. биб. № 1510. л. 14 и далѣе о сложеніи еллинскиа грамоты.

(2) Число буквъ въ разныхъ спискахъ Пермской азбуки (она помѣщается въ житіи св. Стефана Пермскаго, составленномъ священноинокомъ Епифаніемъ) указывается неодинаково: въ однихъ—18 или 20, въ другихъ—26 буквъ. Эта разность произошла отъ того, что иногда двѣ буквы соединяются въ одну букву; напр. а и буръ=абуръ; е и жой=ежой; коке и лей=кокелей. Смотри объясненіе этой разности въ Изслѣдованіи П. Д. Шестакова: Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій. Казань. 1868 стр. 5 и 35—58

Съ 49 л. начинается самый Алфавитъ подъ заглавіемъ: „Алфавитъ сказующи толкованіе иностранныхъ рѣчей обрѣтаемыхъ во стыхъ книгахъ роусскаго языка“, во многомъ отличающійся отъ другихъ алфавитовъ. Количество словъ объясненныхъ больше, чѣмъ въ другихъ Алфавитахъ. Самыя толкованія несравненно подробнѣе, всегда почти съ указаніемъ главъ и стиховъ источниковъ, откуда они взяты. Для большаго удобства авторъ раздѣлилъ словарь на 680 главъ, въ коихъ по собственному усмотрѣнію, помѣщалъ то или другое количество словъ. Что касается до алфавитнаго порядка словъ, то авторъ имѣлъ въ виду только азбучное старшинство въ словахъ гласныхъ буквъ и всегда сумму словъ, имѣющихъ въ первыхъ двухъ слогахъ букву *а*, отдѣлялъ отъ общей суммы словъ, имѣющихъ въ первыхъ слогахъ гласныя а-е, а-и, а-о и т. д., заканчивая каждый разъ эти, если можно сказать, отдѣлы толкованіемъ названій и терминовъ медицинскихъ. Толкованіе именъ на ту или другую букву всегда оканчивается изъясненіемъ названій мѣсяцевъ и именъ человѣческихъ. Какъ непремѣнная принадлежность всякаго Алфавита, предъ толкованіемъ именъ человѣческихъ помѣщено „Предисловіе именъ человѣческихъ: первыхъ родовъ и временъ члвцы. бывше прежде закона“, почти буквально сходное съ предисловіемъ Алфавита № 16.

На л. 524—652 л. помѣщены разныя приложенія (1), состоящія изъ слѣдующихъ статей: „счотъ греческой“, „счотъ

(1) Нѣкоторыя изъ приложеній встрѣчаются и въ другихъ спискахъ Алфавита, а нѣкоторыя не встрѣчаются и не принадлежатъ къ постоянному составу Алфавита.

днгамъ", имена персидскихъ волхвовъ, друзей Іова, кровоточивой жены, имена двухъ разбойниковъ, распятыхъ со Спасителемъ (524—525 л.).

526 л. „Описаніе же бжетвенныя плоти Хртовы j совершеннаго возраста его сицева бысть". Заимствовано изъ Хронографовъ (1).

— „О возрастѣ прчтыя бцы", гдѣ въ общихъ чертахъ изображается характеръ Божіей Матери въ связи съ описаніемъ внѣшняго Ея вида. Между прочимъ говорится: „jзъучажеся жидовстѣй грамотѣ. j бяше хитра ко ученію".... Заимствовано изъ Хронографа (2).

— „О преставленія стыя Бцы",—также изъ Хронографа (3).

526 л. об.—527 „О воздвиженіи хлѣба" (4).

527—528 л. „Толкование, како явися Бгъ Аврааму в Трцѣ" (5).

528 л. „О образѣ Стыя Трцы" (6).

529 л. об.—530. „Символъ прещеннаго Аѳанасія патріарха александрійскаго (7).

---

(1) См. Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Попова. Вып. II стр. 82—83).

(2) См. Хронографъ № 1510 гл. 51.

(3) См. Хронографъ гл. 113 л. 276.

(4) Буквально взято изъ 113 гл. Хронографа л. 276.

(5) См. изложеніе о вѣрѣ.

(6) См. Кириллову книгу № 1607 л. 557.

(7) См. Кириллову книгу л. 547—548.

530—531 л. „Анастасия бл҃женнаго патриарха великия антіохіи, і Кирила александрьскаго изложение вкратцѣ о вѣрѣ и вопросы і отвѣты о бг҃ословіи“ (1).

531 л. „Ст҃аго Максима изложеніе о вѣрѣ вкратцѣ вопрошати ј отвѣщевати всякому хр҃тіянину православному (2).

532—534 л. „Истолковано Гд҃и Іс҃е Хр҃те Бж҃е нш҃ь помилуй насъ (3).

534—536 л. „О к҃ртѣ, чего ради знаменуемъ лице свое к҃ртообразно“. Статья эта съ нѣкоторыми добавленіями и незначительными измѣненіями взята изъ книги: Изложеніе о вѣрѣ (47—55 л.).

537 л. „О томъ же к҃ртномъ знаменіи, еже кладемъ на лица своя, Максимъ Грекъ пишетъ въ своей книгѣ сице“— выдержка изъ сочиненій Максима Грека (4).

537 л. 551—552 „Максима Грека, инока ст҃ыя горы м҃нтря Ватопедъ; бг҃ослови о ст҃ѣй и живоначальнѣй ј единосущнѣй Трцы. пр҃есловие“.

538—539 л. „С҃Ю катихиса гл҃ва в҃ о чтнѣмъ к҃ртѣ Хв҃ѣ, и о знаменіи его, како достоитъ знаменоватися к҃ртнымъ знамениемъ“ — буквальная выписка изъ катихизиса, за исключеніемъ начальнаго вопроса и отвѣта: „*Вот.* что есть

---

(1) См. Кирил. книгу л. 542—550.

(2) Кирил. кн. л. 550—552.

(3) Кирил. кн. л. 552—555.

(4) См. сочин. Максима Грека. Ркп. Солов. библ. № 494. гл. 40. л. 477—479).

знаменіе хртианское. *Отв.* Знаменіе хртианское есть крт̃ъ Хвъ“ (1).

539—650 л. „Ѡ стоглавника цр̃я и великаго кн̃зя Ивана Василевича всея Русіи о кртномъ знаменіи, како подобаетъ архіереомъ j іереомъ рукою бл̃гвляти, и знаменоватися и прочимъ православнымъ хртіаномъ знаменоватися и покланятися глава лл“ (2).

540 — 541 л. „О просвирахъ которые знаменаны кртомъ“—выписка изъ житія Зосимы и Савватія.

541—542 л. „Чюдо пр̃бныхъ оц̃ь Зосимы и Савватія о Ѳеодорѣ Кирьяновѣ“.

542—543 л. „Истолкование сто̃го изображения вѣры, еже есть вѣрую во единаго Б̃га Отца“....

554 л. „Петръ Дамаскинъ“—выписка, буквально взятая изъ поучительнаго сочин. Петра Дамаскина, объясняющая значеніе крестнаго знаменія и смыслъ сложенія перстовъ (3).

— „О дарѣ влчнаго тѣла Гдня изъ Златоуста на Дѣянія“.

544 л. об.—546 „Слово пѐ. Бл̃женнаго Ефрема о просфорѣ, рекши о комканіи“. Подъ этимъ оглавленіемъ совмѣщены два предмета, совершенно разнохарактерные, не имѣющіе между собою ни внутренней, ни внѣшней связи.

---

(1) См. Рук. Сол. библ. Катихизисъ № 469 л. 3—6.

(2) См. Стоглавникъ Рук. Сол. библ. № 939. л. 70—73.

(3) См. рук. Сол. библ. № 657 л. 158—159.

Вначалѣ разсказывается чудо превращенія просфоры въ тѣло Христово, совершившееся предъ глазами брата (1). Послѣ разсказа излагаются правила, касающіяся значенія крещенія еретиковъ, латинянъ и армянъ, выписанныя изъ потребника, напечатаннаго при патріархѣ Іосифѣ (2).

На 547—550 л. изложено наставленіе, какъ должно хранить святыя и пречистыя Тайны.

552 л. об.—553. „Поученіе црковное о стѣй вѣрѣ оцъ“ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Здѣсь катихизическимъ путемъ объясняется тайна Пресвятой Троицы.

555—556 л. Толкованіе молитвы Господней. Начало: „Оца нарицаеши Бга, добрѣ глеши“ (3). Рядомъ съ православнымъ толкованіемъ помѣщено и толкованіе римской церкви.

556 л. об. „Максима грека о слова и о яденіи свиныхъ мясъ“.

557 л, об. „О отложеніи инокомъ мясъ ясти“. Въ этой статьѣ представленъ сводъ доказательствъ о неяденіи иноками мяса, взятыхъ по преимуществу изъ жизни знаменитыхъ подвижниковъ. Она заимствована изъ Хронографа (4).

---

(1) См. Opp. Ephraemi Syri Tom. 1 p. 600—601.

(2) Потребникъ лл. 575—577. 659.

(3) См. у Migne, Patrol. Curs. Complet. Tom. LIX. p. 627—628. S. Joannis Chrysostomi *Ἑρμηνεία εἰς τὸ «Πάτερ ἡμῶν»*.

(4) Смотр. Обз. Хронограф. А. Попова Вып. I. стр, 161—162.

563—565 „О суботномъ постѣ“. Написано въ обличеніе римской церкви, установившей постъ въ субботу, вопреки 65 апостольск. правилу. Обличая отступленіе римской церкви отъ церкви православной, авторъ касается и другихъ ея заблужденій: употребленія опрѣсноковъ, причащенія мірянъ одною кровію Христовою, безбрачія священниковъ. Въ заключеніе говоритъ о стриженіи бороды и усовъ, какъ безуміи, губящемъ „бгомъ созданную доброту въ первомъ чл҃цѣ“.

566—623 л. Выписки изъ Криницы и Хронографа. Сюда вошли слѣдующія статьи: „Родословіе древнихъ чл҃вкъ; о потопѣ; отъ потопа до раздѣленія языкъ лѣтъ ф҃л; о еврейскомъ родѣ откуда пойде; ѻ раздѣленія языкъ до начала авраамля ф҃нв лѣта; О цр҃ѣхъ їилевыхъ, царствовавшихъ въ Самаріи; Цр҃тво вечернихъ еллинъ, иже въ Римѣ, и чесо ради Италия нарицается римская страна. ї живущіи въ ней латыни наречени быша; Цр҃тво греческое; о великомъ кн҃женіи рускомъ въ Киевѣ ї о словенскомъ языцѣ; великое княженіе во Владимирѣ градѣ; о зачалѣ цр҃твующаго града Москвы, ї владѣющихъ въ немъ; сказаніе о папѣхъ римскихъ, откуда начало пріяша“.

623 л. „Сказаніе о латынехъ, како отступиша отъ православныхъ патріархъ (1).

624 л. „О Формосѣ папѣ“ (2).

---

(1) Изложеніе о вѣрѣ, рук. Солов. биб. № 273. л. 180—183. См. Попова Обзоръ Хроногр. Вып. 1. стр. 139.

(2) Изложеніе о вѣрѣ гл. 24. л. 183—184. См. Попова Обзоръ Хроногр. Вып. 1. стр. 90.

— „О отступленіи латынь отъ православныхъ j о проклятіи ихъ (1).

624—625 л. „О Петрѣ гугнивомъ“ (2).

626 л. об.—628. „Исповѣдание вѣры, како присяжницы папѣ римскому даша исповѣданіе“. Начало: Вѣрую во единаго Бога отца всемогущаго сотворителя неба и земли....

628 л. об.—630 „Пристрижение“. Начало: „се имаши, православный читателю, недоумѣния исполненную отступниковъ кривоприсяжное отступленіе“....

631 л. „О папахъ римскихъ“. Начало: „Егда папы римскія отступиша отъ православныхъ патриархъ. тогда по градомъ болшимъ римскихъ странъ, вмѣсто четырехъ патріархъ цреградскаго, александрьского, антіохійского, іерлимскаго, постави своя четыре патріархи, иже нарицаются кардиналы, и симъ удобь невѣдущихъ прелщаютъ“.

631 л. об.—634. „О порочныхъ папежахъ, і о различныхъ прелестехъ въ нихъ“. Начало: „Яко отступницы быша отступниками стыя восточныя цркве дерзаютъ людемъ вдовати j приписывати во Грецыи оставшимся хромъ наказание“.

635 л. „Выписано о патріарсехъ преградскихъ изъ пролога“.

---

(1) Ibid.

(2) Ibid. гл. 25. Выдержка о Петрѣ Гугнивомъ взята изъ разсказа о Римскомъ отпаденіи.

636—643 л. „Сказание о митрополитахъ киевскихъ j всеа Русіи“. Начало: „По крщеніи стого равноапльного великого кнзя Владиміра., первый митрополитъ Михаилъ Сиринъ родомъ, иже крести всю русскую землю, пріиде изъ Царьграда отъ патріарха Фотія въ лѣто ҂ѕγчѳ.

644—645 л. „Сказание отчасти о стѣй горѣ аѳонстей, како наречена бысть стая гора, j коихъ ради винъ тако прозвася“. Нач.: „Бысть по вознесеніи Гда Бга j Спса ншего Іса Хрта на нбса“...

646—647 л. „Повѣсть о Ватопедскомъ мнстри. Нач.: „Нѣкій купецъ въ кораблихъ ходя. случися ему пристати край моря, въ рѣку малу воды дѣля прѣсныя“...

647—649 л. „Имена мнтремъ стыя горы“.

649 л. „Имена стогорскимъ мнтремъ греческимъ языкомъ“.

650 л. „Соборовъ описаніе“. Перечисленіе вселенскихъ соборовъ съ указаніемъ времени, когда они были.

650 л. об.—652. „Сказаніе о Максимѣ философѣ, иже бысть инокъ стыя горы Аѳонскія, преславныя обители Ватопедскія, иже здѣ и пострада довольна лѣта за истину“.

№ 19. Алфавитъ иностранныхъ рѣчей, рукопись мелкаго письма XVII в., въ 4-о, на 336 листахъ.

Въ началѣ Алфавита помѣщено сокращеніе славянской грамматики, которое изложено въ статьяхъ:

1 л. „Книга глемая буквы иже въ началѣ отъ грамматикия о просодіяхъ, о еже како во стыхъ кнгахъ каяждо

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА 1877 ГОДЪ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1877.

Печатано по опредѣленію совѣта казанской духовной академіи.
Ректоръ академіи, протоіерей А. Владимірскій.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

14 января 1877 года.

Въ *общемъ собраніи совѣта* казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея Александра Владимірскаго, присутствовали всѣ ординарные и экстраординарные профессоры академіи. Не присутствовали по болѣзни: помощникъ ректора, ординарный профессоръ И. Порфирьевъ, ординарный профессоръ М. Красинъ и экстраординарный профессоръ А. Волковъ.

I. Слушали: Представленный богословскимъ отдѣленіемъ казанской духовной академіи, согласно постановленію совѣта академіи въ журналѣ отъ 17-го августа 1876 года, *отзывъ, составленный экстраординарнымъ профессоромъ свящ. Е. Маловымъ, о сочиненіи* бывшаго воспитанника казанской академіи, нынѣ законоучителя нижегородской гимназіи, *священника Андрея Свѣтлакова*, слѣдующаго содержанія: „Сочиненіе автора раздѣляется на двѣ части. Въ первой, излагая исторію еврейскаго народа въ Аравіи, авторъ говоритъ: 1) о географическомъ положеніи Аравіи и образѣ жизни Арабовъ, особенно 2) о Еменѣ и Хиджасѣ. Объ умственномъ и религіозно-нравственномъ состояніи жителей. О возможности поселенія среди ихъ іудеевъ. 3) О вре-

мени и причинахъ дѣйствительнаго переселенія іудеевъ въ Аравію и о мѣстахъ ихъ поселенія, 4) объ эпохѣ славы іудеевъ въ Аравіи, 5) объ отношеніи іудеевъ къ христіанамъ и язычникамъ Аравіи, 6) о первоначальныхъ, мирныхъ отношеніяхъ Мухаммеда къ іудеямъ и 7) о непріязненныхъ его отношеніяхъ къ нимъ. Во второй части авторъ показываетъ вліяніе іудейства на догматическое, нравственное и обрядовое ученіе Корана и раскрываетъ при этомъ историческія обстоятельства, способствовавшія этому вліянію.

Планъ сочиненія такимъ образомъ представляется на мой взглядъ очень естественнымъ и полнымъ. Но очевидно достоинство сочиненія не ограничивается только тѣмъ планомъ, который начертываетъ для себя авторъ, а главнымъ образомъ отъ выполненія плана. Но замѣтить надобно, что и одно начертаніе вѣрнаго плана уже свидѣтельствуетъ о серьёзномъ изученіи авторомъ своей задачи. Впрочемъ о. Свѣтлаковъ, изучивши во всѣхъ подробностяхъ свой предметъ и составивши удачный планъ для изложенія матеріала, обнаружилъ весьма значительную умѣлость и при самомъ выполненіи этого плана. Историческіе факты переселеній и образа жизни іудеевъ въ Аравіи подвергнуты имъ тщательной критикѣ и занесены въ сочиненіе, сколько замѣтно, по строгомъ обсужденіи.

Я не буду говорить объ томъ, какъ авторъ описываетъ жизнь Арабовъ. Въ этомъ отношеніи онъ пользуется лучшими древними и новѣйшими авторитетами въ наукѣ. Я обращаю вниманіе на рѣшеніе авторомъ (въ 1-й части сочиненія) вопроса о времени и причинахъ переселенія іудеевъ въ Аравію.

Авторъ замѣчаетъ, что Арабы считаютъ себя потомками Авраама, что они, поэтому, не чужды были представленія о будущемъ Избавителѣ. Время первыхъ поселеній іудеевъ среди Арабовъ неизвѣстно. И ученые не берутъ на себя смѣлости опредѣлительно указывать это время. Впрочемъ нѣкоторые, по словамъ автора, относятъ первоначальное поселеніе іудеевъ въ Аравіи ко временамъ Моисея. При этомъ разсказываютъ, что послѣ побѣды надъ Амаликитянами, жившими въ Хиджасѣ (въ Аравіи), часть евреевъ, находившихся въ войскѣ, осталась въ завоеванной странѣ и водворилась въ ней. Другіе, говоря о пораженіи евреями Амаликитянъ

тянъ, относятъ это событіе ко временамъ Іисуса Навина, а другіе видятъ въ этомъ событіи историческій фактъ изъ временъ Саула (Сравн. 1 кн. цар. 15, 3 и дал.). Арабское преданіе говоритъ, что Давидъ, побуждаемый возмущеніемъ противъ него сына Авессалома, удалился съ колѣномъ Іуды къ іудеямъ хайбарскимъ (въ Аравію). Далѣе указывается на плаваніе кораблей Соломона по Черному морю, въ Золотую страну, Офиръ, въ Южную Аравію (Еменъ, Химъяръ, Сабу); на катастрофу разрушенія Іерусалима и 1-го храма при Седекіи, послѣ чего много іудеевъ поселилось въ Аравіи; наконецъ на покореніе Палестины римскими легіонами (стр. 23—29). На послѣднее время указываютъ всѣ ученые какъ на время бѣгства изъ Палестины іудеевъ, для которыхъ Аравія представляла спокойное убѣжище.

Но авторъ не ограничился только указаніемъ различныхъ эпохъ и обстоятельствъ, заставлявшихъ іудеевъ бѣжать въ Аравію, онъ вдается въ интересныя подробности относительно того, какія города или мѣстности занимали они тамъ (стр. 29—31).

Поселившись въ Аравіи, евреи мало-по-малу усилились, пріобрѣли значительное вліяніе на туземцевъ и стали заправлять дѣлами (стр. 35). Религія ихъ начала распространяться среди Арабовъ-язычниковъ (стр. 37—46). Эпоху славы іудеевъ во времена Абу-Кяриба на арабскомъ полуостровѣ авторъ описываетъ съ большою обстоятельностію и особенно интересно передаетъ диспуты іудеевъ съ христіанами (стр. 59).

Такимъ образомъ авторъ въ очень удовлетворительной степени выяснилъ столкновенія іудеевъ съ Арабами, вліяніе первыхъ на Арабовъ-язычниковъ до того, что многіе изъ послѣднихъ приняли законъ Моисеевъ и ознакомились съ богослуженіемъ и обрядами іудейства. Все это составило почву, на которой открылъ свои дѣйствія Мухаммедъ.

Мухаммедъ сначала привлекалъ на свою сторону іудеевъ, а потомъ, когда увидалъ, что они твердо слѣдуютъ своему закону и не признаютъ его пророкомъ, онъ отвергъ ихъ и объявилъ войну съ невѣрными (стр. 69). Онъ разрываетъ связь съ послѣдователями Моисеева закона, но тѣмъ не менѣе вліяніе іудеевъ на содержаніе ученія Мухаммеда уже совершилось. Главныя идеи — идея пророчества и идея о Мессіи уже усвоены Мухаммедомъ и припаровлены имъ къ

его собственной личности. Авторъ указываетъ, помимо общаго и огульнаго вліянія іудеевъ на Мухаммеда, на отдѣльныя нѣкоторыя іудейскія личности, которыя находились въ ближайшихъ отношеніяхъ съ Мухаммедомъ и работали вмѣстѣ съ нимъ въ составленіи новаго ученія (стр. 78—79 и 109).

Наконецъ авторъ переходитъ къ составленію Корана и къ содержанію ученія, заключающагося въ немъ, и здѣсь во всемъ видитъ фактическое доказательство іудейскаго вліянія. Внѣшняя форма Корана и особенно способъ его объясненія—это копіи отношенія іудеевъ къ Св. писанію.

При разсмотрѣніи главнаго догмата — единства Божія, авторъ удачно опровергаетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые усиливаются объяснить монотеизмъ Мухаммеда характеромъ семитической расы и вліяніемъ климата, безъ вліянія ученія іудеевъ (стр. 117—118). Авторъ вопреки такому взгляду видитъ въ ученіи Корана о Богѣ неотразимое вліяніе ветхозавѣтнаго ученія о существѣ и свойствахъ Божіихъ. Въ этомъ отношеніи автору весьма много оказали помощи сочиненіе Е. А. Воронца „О единствѣ Божіемъ въ древней домухаммеданской религіи Аравитянъ“ и сочиненіе особенно Г. С. Саблукова „Сличеніе мохаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ Христіанскимъ о нихъ ученіемъ“ (стр. 120—125). Изъ языческой религіи мухаммедъ не могъ, справедливо замѣчаетъ о. Свѣтлаковъ, заимствовать вѣрнаго ученія о единомъ Богѣ, Существѣ живомъ, личномъ (стр. 125). Что на Мухаммеда въ ученіи о Богѣ весьма значительную долю вліянія оказало іудейство, это авторъ до наглядности показываетъ въ параллеляхъ мѣстъ о Богѣ изъ Корана и изъ ветхаго завѣта (стр. 124—131). Подобныя же параллели идутъ и въ ученіи о паденіи человѣка, объ Ангелахъ (стр. 133—135., 140—152).

Вліяніе іудейства на ученіе Корана отразилось не только въ общихъ чертахъ, въ главныхъ, такъ сказать, положеніяхъ ученія, но и въ малѣйшихъ частныхъ подробностяхъ. И это обстоятельство особенно важно; потому что общія идеи, или религіозныя положенія присущи всѣмъ вообще народамъ, такъ что трудно бываетъ доказать, какимъ образомъ и откуда что либо заимствовано, но частности въ этомъ отношеніи есть прямые указатели пути, какимъ онѣ проходили въ извѣстную среду. Такихъ частностей изъ іудейства вообще

заимствовано Мухаммедомъ множество, и о. Свѣтлаковъ въ своемъ сочиненіи собралъ ихъ громадное количество и размѣстилъ ихъ въ приличныхъ мѣстахъ своего сочиненія. Укажемъ напр. на частности загробнаго суда надъ людьми (стр. 156—158. 160). И весьма многія др. мѣста: стр. 166, 169, 170, 172, 174, 181—182.

О. Свѣтлаковъ, преслѣдуя свою главную цѣль—рѣшенія вопроса о вліяніи іудейства на мухаммеданство, не оставляетъ безъ вниманія и самой критики кораническаго ученія. Вездѣ у него сочиненіе принимаетъ миссіонерскій, такъ сказать, характеръ (напр. стр. 194 и др.).

О такъ называемыхъ правилахъ нравственнаго характера авторъ говоритъ не такъ уже рѣшительно; онъ не настаиваетъ на томъ, что въ нихъ выразилось очевидное вліяніе іудейства, потому что доказать это было трудно, хотя вліяніе это и ощутительно. Поэтому авторъ осторожно и благоразумно выражается, что для нихъ основой служило іудейство (стр. 203, 207, 209, 219—224.)

Общій выводъ тотъ, что ученіе Мухаммеда ни какъ не можетъ быть признаваемо за ученіе самостоятельное, а тѣмъ менѣе за ученіе Богооткровенное. Это не откровеніе Божіе, а чуждое (іудейское по преимуществу) ученіе, изложенное своеобразно Мухаммедомъ, ложно называвшимъ себя посланникомъ Божіимъ. Іудейское ученіе, часто обезображенное и измѣненное въ собственныхъ цѣляхъ Мухаммеда, ясно отражается во всемъ ученіи Корана, который есть не болѣе, какъ безтолковый сборникъ ученій, болѣе всего іудейскихъ.

Принимая во вниманіе что трудъ автора составленъ по весьма удачному плану, что въ немъ собранъ богатый матеріалъ и изложенъ въ стройной системѣ, я нахожу его весьма удовлетворительнымъ, а потому считаю долгомъ высказать совѣту академіи, что авторъ этого труда, свящ. Андрей Свѣтлаковъ заслуживаетъ магистерской степени. Ко всему вышеизложенному мною я нахожу не излишнимъ прибавить, что вопросъ о вліяніи іудейства на ученіе Мухаммеда доселѣ былъ почти не разработанъ. И въ западной литературѣ на него авторъ не могъ найти почти ничего цѣльнаго и вполнѣ обработаннаго. Это даетъ мнѣ право назвать изслѣдованіе о. Свѣтлакова трудомъ самостоятельнымъ и, поэтому,

весьма дорогимъ для русской, и въ особенности миссіонерской науки".

Справка: 1) Бывшій воспитанникъ казанской духовной академіи священ. Андрей Свѣтлаковъ постановленіемъ общаго собранія совѣта въ журналѣ отъ 26 мая 1875 года, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ Антоніемъ, архіепископомъ казанскимъ, удостоенъ былъ степени кандидата богословія, съ правомъ на преподаваніе въ семинаріи. 2) По § 22 положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, „Не выдержавшіе удовлетворительно устнаго испытанія на степень магистра получаютъ дипломъ на степень кандидата и право на преподаваніе въ семинаріи, но при исканіи степени магистра подвергаются новому устному испытанію". 3) По § 26 тѣхъ же правилъ, „Отъ магистерской диссертаціи требуется, чтобы она была богословскаго характера и заключала основательное научное изслѣдованіе предмета". 4) По § 29 тѣхъ же правилъ, „если диссертація будетъ признана удовлетворительною, то совѣтъ допускаетъ кандидита къ публичному ея защищенію".

Постановили: Признать представленное законоучителемъ нижегородской гимназіи, священ. *Свѣтлаковымъ сочиненіе* на соисканіе степени магистра, подъ заглавіемъ: *„Исторія Іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана"*, удовлетворительнымъ для полученія означенной степени, — но предварительно допущенія о. Свѣтлакова къ публичной защитѣ сочиненія поручить богословскому отдѣленію подвергнуть его устному испытанію по одной изъ группъ предметовъ магистерскаго испытанія, о чемъ сообщить богословскому отдѣленію и увѣдомить о. Свѣтлакова.

II. Слушали: 1) Представленіе церковно-историческаго отдѣленія академіи, отъ 12 января 1877 г.: „Церковно-историческое отдѣленіе академіи честь имѣетъ представить при семъ *отзывъ экстраординарнаго профессора г. Ивановскаго о сочиненіи* учителя харьковской семинаріи *Матвѣя Монастырева*: *„Историческій очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія"*, которое авторъ представилъ на соисканіе степени магистра богословія. Соглашаясь съ этимъ отзывомъ, отдѣленіе съ своей стороны не находитъ никакихъ препятствій допустить г. Монастырева къ публичной защитѣ его сочиненія.

2) Отзывъ о сочиненіи г. Монастырева „Историческій очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія“: „За послѣдніе пятнадцать лѣтъ журналистика духовная, а частію и свѣтская доставила много матеріала, относящагося къ тому періоду жизни старообрядцевъ-поповцевъ, когда они успѣли устроить у себя полную церковную организацію, сманивъ къ себѣ бывшаго митрополита Босніи—Амвросія и получивъ чрезъ него и отъ него преемственный рядъ епископовъ. Матеріалъ этотъ заключается частію въ отдѣльныхъ эпизодически обработанныхъ статьяхъ, частію въ лѣтописныхъ разсказахъ, частію же въ сырыхъ документахъ и мелкихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ. Такимъ богатствомъ весьма любопытнаго матеріала мы обязаны съ одной стороны обратившимся членамъ Бѣлокриницкой іерархіи, — доставлявшимъ документы и свѣдѣнія изъ внутренней жизни этой іерархіи и ея послѣдователей,—а съ другой—представителямъ науки, умѣвшимъ съ надлежащею пользою распорядиться доставляемыми ими свѣдѣніями—и преимущественно проф. московской академіи Н. И. Субботину. Періодъ послѣдняго исканія архіерея и его пріобрѣтеніе и водвореніе у старообрядцевъ въ Бѣлой Криницѣ составляетъ предметъ ученаго изслѣдованія означеннаго профессора. Нашъ авторъ рѣшился, если можно такъ выразиться, продолжить это изслѣдованіе,—изобразить судьбу австрійской іерархіи послѣ удаленія Амвросія изъ Бѣлой Криницы, онъ рѣшился собрать воедино разбросанный матеріалъ, сюда относящійся, и изобразить судьбу Бѣло-Криницкой іерархіи въ связномъ и всесторонемъ очеркѣ.

Надо отдать справедливость, что въ отношеніи полноты матеріала остается желать развѣ весьма немногаго. Почти все, что извѣстно доселѣ въ печати, собрано и даже прибавлено нѣчто новое, существующее еще въ рукописяхъ, составляющихъ достояніе одного обратившагося священноинока Бѣло-Криницкой іерархіи, проживающаго въ Казани. Эти неизвѣстные въ печати документы въ полномъ видѣ помѣщены въ приложеніи къ изслѣдованію. Самое изслѣдованіе раздѣлено на 9 главъ; въ первыхъ двухъ главахъ разсказывается внѣшняя исторія австрійскаго священства, а именно—его распространеніе въ Австріи, Турціи, Молдавіи и Валахіи и Россіи, съ краткою характеристикою посвященныхъ въ эти мѣстности архіереевъ (гл. 1), и за тѣмъ отно-

шеніе къ этому священству привительствъ означенныхъ государствъ; здѣсь же разсказывается и о попыткѣ русскихъ поповцевъ учредить свою митрополію въ Лондонѣ (гл. 2). Послѣдній эпизодъ является слѣдствіемъ неблагопріятныхъ отношеній Правительствъ Австрійскаго и Русскаго и потому поставленъ совершенно на мѣстѣ.

Съ третьей главы идетъ собственно внутренняя исторія австрійскаго священства. Начинается она нестроеніями между мірянами и духовенствомъ изъ-за преобладанія, и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, — возбудившимъ страсти и подготовившимъ дальнѣйшія распри и раздѣленіе на партіи (гл. 3); такъ, на основаніи одной печатной статьи, здѣсь описываются довольно обстоятельно споры изъ-за метрикъ. Нельзя не замѣтить, что глава эта представляетъ смѣшанный матеріалъ нѣсколько механически между собою объединенный, и первый предметъ — нестроенія изъ-за преобладанія—представленъ недостаточно рельефно. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе волненій изъ за „Окружнаго посланія“, окончившихся раздѣленіемъ поповщины „австрійскимъ священствомъ“ окормляемой на двѣ секты—„окружниковъ“ „и „раздорниковъ“. Разсказъ объ этомъ занимаетъ три главы (4, 5, 6) и изложенъ съ достаточною ясностію и полнотою. Ни одинъ вопросъ не представляетъ такого обильнаго матеріала, какъ вопросъ объ „Окружномъ посланіи“, и задача ученаго повѣствователя должна заключаться въ томъ, чтобы выбрать существенное, подмѣтить эпохи въ его развитіи и освѣтить надлежащимъ свѣтомъ. Въ общемъ эта задача разрѣшена г. Монастыревымъ удовлетворительно.

Покончивъ съ вопросомъ объ „Окружномъ посланіи“, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на прекаліяхъ между архіереями-окружниками. Этими прекаліями заявили себя Антоній (Шутовъ) и Пафнутій (казанскій) (гл. 7). Слѣдующая глава (8) представляетъ разсказъ объ обращеніи раскольническихъ архіереевъ и поповъ въ православіе,—какъ естественномъ слѣдствіи безконечныхъ волненій и неурядицъ. Послѣдняя глава (9) изображаетъ судьбу „австрійскаго священства“ за послѣдніе 70-е годы, — замѣтную въ расколѣ тишину, поставленіе новыхъ архіереевъ, послѣ чего въ ней представленъ перечень всѣхъ нынѣ существующихъ старообрядческихъ архіереевъ. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь свѣдѣній съ большимъ

удобствомъ могли бы быть отнесены къ предшествовавшимъ главамъ, гдѣ и распредѣлены по свойству предметовъ. Но они составили содержаніе особой, послѣдней, весьма незначительной по объему главы, вѣроятно, потому, что сдѣлались извѣстны въ самое послѣднее время, когда работы автора приходили уже къ концу, и прежніе отдѣлы были закончены.

Въ „Заключеніи“ авторъ представляетъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ, относящихся до основаній „австрійскаго священства“, и—нѣкоторыхъ его представителей. Желая оставаться и здѣсь болѣе историкомъ, чѣмъ полемикомъ, онъ говоритъ какъ бы не отъ себя, а группируетъ отзывы другихъ лицъ, большею частію принадлежащихъ старообрядчеству. Изъ указаннаго плана сочиненія г. Монастырева видно, на сколько широко онъ захватилъ свой предметъ. Въ подробностяхъ развитія этого плана хотя и встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы и другіе недостатки, но они имѣютъ частный характеръ и, можно сказать, почти не вредятъ общему впечатлѣнію удовлетворяющему ученымъ требованіямъ; изъ разсматриваемаго сочиненія можно пріобрѣсти вполнѣ достаточное знакомство съ судьбою „австрійскаго священства“. Посему о частныхъ недостаткахъ я здѣсь не распространяюсь, имѣя въ виду заявить о нихъ во время публичной защиты.

Изложеніе автора вездѣ логическое, послѣдовательное и ясное. Болѣе общій недостатокъ въ изложеніи заключается въ излишней по мѣстамъ растянутости и еще въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, имѣя, какъ руководство, обработанныя по извѣстнымъ вопросамъ статьи и увлекаясь ими, доходитъ до замѣтной компиляціи оныхъ. Тотъ и другой недостатокъ составляютъ конечно свойство еще молодаго пера, а частію служатъ доказательствомъ спѣшности работы, производившейся уже на службѣ, при другихъ неотложныхъ занятіяхъ, а потому эти недостатки мнѣ и представляются вполнѣ извинительными.

Въ заключеніе я долженъ сдѣлать еще одно разъясненіе. Избраный г. Манастыревымъ вопросъ былъ предметомъ и кандидатскаго его сочиненія. Но въ настоящій разъ оно представляетъ значительное увеличеніе въ объемѣ, дополненіе нѣкоторыхъ очень важныхъ сторонъ, и что особенно важно,—весьма видное улучшеніе въ обработкѣ, свидѣтельству-

ющее о трудолюбіи и умственномъ развитіи автора. Признаю настоящее сочиненіе удовлетворительнымъ для соисканія магистерской степени".

Справка: 1) Преподаватель харьковской духовной семинаріи *Матѳій Монастыревъ* въ прошеніи своемъ отъ 21 іюля 1876 г., при которомъ представлено было имъ означенное сочиненіе на соисканіе степени магистра, просилъ совѣтъ академіи, вслучаѣ признанія сочиненія его достойнымъ искомой степени, напечатать оное на счетъ суммы, ассигнуемой на печатаніе протоколовъ совѣта и магистерскихъ диссертацій, такъ какъ онъ собственныхъ средствъ для напечатанія сочиненія не имѣетъ, и при этомъ просилъ не распространять на него дѣйствіе § 33 положенія объ испытаніяхъ на ученья степени, въ уваженіи къ тому обстоятельству, „что онъ можетъ быть и успѣлъ бы представить свое сочиненіе еще при окончаніи четвертаго курса, если бы шестимѣсячная болѣзнь его въ этомъ курсѣ, извѣстная и совѣту академіи, не воспрепятствовала ему въ этомъ". 2) Бывшій студентъ казанской академіи *Матѳій Монастыревъ* въ теченіи почти всего четвертаго курса былъ слабъ здоровьемъ и пользовался медицинскимъ пособіемъ въ академической больницѣ и въ клиникѣ Императорскаго казанскаго университета. 3) *Г. Монастыревъ* постановленіемъ общаго собранія совѣта академіи въ журналѣ отъ 26 мая 1875 г., съ утвержденія Его Высокопреосвященства, удостоенъ былъ степени кандидата богословія съ правомъ на преподаваніе въ семинаріи и съ правомъ при исканіи степени магистра богословія не держать новаго устнаго испытанія. 4) По § 26 положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, „Если диссертація будетъ признана удовлетворительною, то совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію". 5) По § 31 того же положенія, „Сочиненіе, представленное на степень магистра и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано; но въ совѣтъ академіи, для разсмотрѣнія, оно можетъ быть представлено и до напечатанія, въ рукописи четкой и чистой". 6) По § 32 того же положенія: „Ищущіе степени магистра обязаны представить ректору по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 экземпляровъ напечатанной диссертаціи". 7) По § 28 того же положенія, къ диссертаціи должны быть приложены главные ея тезисы.

8) По § 33 того же положенія, „студенты 4 курса, если представятъ диссертацію при окончаніи этого курса, въ случаѣ одобренія ея, пользуются правомъ пособія на ея напечатаніе изъ штатной академической суммы, назначенной на печатаніе магистерскихъ диссертацій".

Постановили: 1) Представленное преподавателемъ харьковской духовной семинаріи Матвѣемъ Монастыревымъ сочиненіе на соисканіе степени магистра богословія, подъ заглавіемъ: *„Историческій очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія"* признать удовлетворительнымъ для полученія искомой степени и прежде публичной защиты означеннаго сочиненія разрѣшить напечатать оное. 2) Принимая во вниманіе то обстоятельство, что бывшій воспитанникъ казанской академіи Матвѣй Монастыревъ не представилъ сочиненія на степень магистра при окончаніи четвертаго курса единственно по болѣзненному состоянію своего здоровья, извѣстному совѣту академіи, просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи, въ видѣ исключенія, напечатать сочиненіе Монастырева на счетъ суммы, ассигнованной на печатаніе протоколовъ совѣта и магистерскихъ диссертацій. 3) По напечатаніи означеннаго сочиненія и по представленіи въ совѣтъ академіи установленнаго числа экземпляровъ (50) этого сочиненія и главныхъ тезисовъ къ оному, допустить г. Монастырева къ публичной защитѣ его.

14 января 1877 года.

Въ *собраніи совѣта* казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: помощникъ ректора П. Знаменскій, испр. долж. инспектора, экстраординарный профессоръ Н. Ивановскій, члены совѣта: А. Некрасовъ, В Миротворцезъ и В. Снегиревъ. Не присутствовали по болѣзни: помощникъ ректора И. Порфирьевъ и члены совѣта: ординарный профессоръ М. Красинъ и экстраординарный профессоръ А. Волковъ.

I. Слушали: Отношеніе Канцеляріи Господина Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 24-го декабря 1876 года за

№ 5179: „Изъ отношенія отъ 29-го сентября текущаго года за № 4026 совѣту казанской духовной академіи извѣстно, что кандидатъ сей академіи Николай Сырневъ назначенъ былъ на должность преподавателя благовѣщенской духовной семинаріи по греческому языку. Вслѣдствіе прошенія сего кандидата, онъ 2-го текущаго декабря уволенъ былъ г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода отъ означенной должности, по болѣзни: Нынѣ Сырневъ вновь опредѣленъ г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ на должность смотрителя Никольскаго духовнаго училища, съ 16 сего декабря. Канцелярія Оберъ-Прокурора долгомъ поставляетъ сообщить о семъ академическому совѣту, для зависящаго распоряженія, присовокупляя, что объ отпускѣ кандидату Сырневу слѣдующихъ по положенію денегъ сообщено вмѣстѣ съ симъ Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ".

Справка: Кандидатъ Сырневъ увѣдомленъ чрезъ правленіе вятской духовной семинаріи какъ о назначеніи его на означенную должность, такъ и о томъ, что прогонныя деньги и третное жалованье будутъ высланы ему по полученіи изъ Хозяйственнаго Управленія распоряженія о выдачѣ оныхъ.

Постановили: За сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

II. Слушали: а) Предложеніе Ректора академіи протоіерея А. Владимирскаго, отъ 3 декабря минувшаго 1876 г. „На основаніи VIII п. Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ, имѣю честь предложить къ свѣдѣнію совѣта, что въ истекшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ 1876 года изъ преподавателей академіи не читали лекцій: а) по случаю засѣданія въ казанскомъ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей—помощникъ ректора, ординарный профессоръ И. Порфирьевъ 4 лекціи и доцентъ Н. Красносельцевъ 7 лекцій; и б) по болѣзни: экстраординарные профессоры: В. Миротворцевъ 1 лекц., Н. Ивановскій 2 лекц., В. Снегиревъ 3 лекц. и Е. Будринъ 4 лекціи, доценты: Я. Богородскій 1 лекц. и Д. Гусевъ 1 лекц., приватъ-доценты: А. Алфіоновъ 1 лекц. и В. Зефировъ 1 лекц.; лекторъ англійскаго языка П. Бересфордъ 1 лекцію".

б) Предложеніе ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, отъ 3-го сего января: „На основаніи VIII п. Вы-

сочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ, имѣю честь предложить къ свѣдѣнію совѣта, что въ истекшемъ декабрѣ мѣсяцѣ 1876 года изъ преподавателей академіи не читали лекцій: 1) по болѣзни: ординарные профессоры: И. Порфирьевъ 3 лекц., М. Красинъ 1 лекц.; экстраординарные профессоры: свящ. Евѳ. Маловъ 1 лекц., А. Некрасовъ 6 лекц., В. Миротворцевъ 2 лекц., Н. Ивановскій 1 лекц., В. Снегиревъ 8 лекц., А. Гренковъ 1 лекц.; доценты: Н. Бѣляевъ 5 лекц., Н. Красносельцевъ 1 лекц., П. Милославскій 2 лекц.; лекторы: П. Бересфордъ 2 лекц., Э. Боржимовскій 3 лекц., Я. Кубли 1 лекц.; 2) по семейнымъ обстоятельствамъ—доцентъ Гусевъ 3 лекціи и 3) по случаю засѣданія въ казанскомъ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя экстраординарный профессоръ А. Волковъ 8 лекцій".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Слушали: Донесеніе испр. долж. инспектора академіи, экстраординарнаго профессора Н. Ивановскаго, отъ 4-го сего января: „Честь имѣю донести совѣту академіи, что въ теченіе декабря мѣсяца за студентами предосудительныхъ проступковъ замѣчено не было".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Слушали: Отношеніе ректора московской духовной академіи, отъ 9-го декабря 1876 года за № 836: „Возвращая при семъ въ совѣтъ казанской духовной академіи принадлежащія библіотекѣ оной двѣ рукописи подъ заглавіемъ „Объ осадѣ Троице-Сергіева монастыря" № $^{608}/_{627}$ и № $^{609}/_{628}$ Аврамія Палицина, считаю долгомъ выразить совѣту академіи усерднѣйшую благодарность за сообщеніе этихъ рукописей и покорнѣйше прошу о полученіи оныхъ меня увѣдомить".

Справка: Означенныя рукописи сданы въ академическую библіотеку.

Постановили: За сдѣланнымъ распряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

V. Слушали: Отношеніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія, отъ 17-го декабря 1876 года за № 794:

Въ засѣданіи общества любителей духовнаго просвѣщенія, происходившемъ 15-го декабря сего года, единогласно предложено быть депутатомъ отъ общества на Археологическомъ съѣздѣ въ Казани дѣйствительному члену общества, Даниловскому архимандриту Амфилохію, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. О чемъ общество имѣетъ честь увѣдомить академію.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и увѣдомить по содержанію означеннаго отношенія Императорскій казанскій университетъ.

VI. Слушали: Отношеніе сызранскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія, отъ 22-го декабря 1876 года за № 1979: „Уѣздное присутствіе имѣетъ честь покорнѣйше просить духовную академію, прилагаемое при семъ свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности (временное) за № 1980 выдать студенту оной академіи Александру Транквиллицкому и о выдачѣ увѣдомить присутствіе".

Постановили: Означенное свидѣтельство приложить къ документамъ студента Транквиллицкаго и о полученіи онаго увѣдомить сызранское уѣздное по воинской повинности присутствіе.

VII. Слушали: Отношеніе ставропольскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія, отъ 30-го декабря 1876 г. за № 1657: „Вслѣдствіе заявленія студента академіи Николая Скрынченко отъ 1 минувшаго сентября, уѣздное по воинской повинности присутствіе, препровождая при семъ временное свидѣтельство на зеленой бумагѣ за № 1640, имѣетъ честь просить правленіе казанской духовной академіи вручить означенное свидѣтельство студенту Скрынченко за росписку, которую прислать въ присутствіе".

Постановили: Означенное свидѣтельство приложить къ документамъ студента Скрынченко и о полученіи онаго увѣдомить ставропольское уѣздное по воинской повинности присутствіе.

VIII. Слушали: а) Отношеніе совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета, отъ 10 декабря 1876 года

ИМПЕРАТОРЪ ЮЛІАНЪ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

(продолженіе)

—

Среди своей усиленной дѣятельности для возстановленія и преобразованія политеизма Юліанъ не могъ не видѣть, что современное ему языческое общество въ своей жизни имѣло весьма много важныхъ недостатковъ, которые могли подавать поводъ къ обвиненіямъ въ его внутренней слабости и несостоятельности. Главную причину упадка древняго культа Юліанъ видѣлъ въ недостойной жизни языческихъ жрецовъ, въ недостаткѣ у нихъ авторитета и вліянія на жизнь общества, въ нравственной распущенности и равнодушіи послѣдняго къ своимъ отечественнымъ религіознымъ учрежденіямъ (1). При такихъ обстоятельствахъ ему казалось совершенно необходимымъ практическая реформа язычества, которую онъ пытался осуществить при посредствѣ заимствованія изъ христіанства и усвоенія язычеству нравственной строгости и чистоты христіанской жизни, равно какъ и другихъ учрежденій христіанской церкви. Съ помощію всего этого Юліанъ думалъ внести въ язычество новый духъ и жизнь, неизвѣстные ему до того времени, основать

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432.

новую политеистическую церковь, которая бы въ выполненіи своей духовной миссіи была совершенно независима отъ государства и которая бы своимъ устройствомъ и жизнію своихъ членовъ въ состояніи была опровергать возраженія со стороны христіанъ (1). Воззрѣнія, которыми Юліанъ руководствовался при осуществленіи практической реформы политеизма, изложены имъ въ письмѣ къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи (2), и Ѳеодору, верховному жрецу провинціи Азіи (3), главнымъ же образомъ въ отрывкѣ письма императора къ одному языческому жрецу, неизвѣстному по имени (4). Къ сожалѣнію послѣднее произведеніе сохранилось до нашего времени въ обезображенномъ видѣ, безъ начала и безъ конца. Судя по содержанію, оно представляетъ собою родъ инструкціи, составленной Юліаномъ языческимъ жрецамъ для руководства въ ихъ жизни и при отправленіи обязанностей своего служенія. На основаніи указанныхъ источниковъ, равно какъ и свидѣтельствъ св. Григорія Богослова (5) и Созомена (6), можно составить весьма вѣроятное заключеніе, что въ дѣлѣ практическаго преобразованія язычества Юліанъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы усвоить языческому обществу нравственную строгость и чистоту жизни христіанъ, перенести въ древній культъ различныя учрежденія христіанской церкви и тѣмъ самымъ сообщить новую жизнь одряхлѣвшимъ формамъ его существа. Не смотря на свою глубокую ненависть, питаемую къ христіанству, Юліанъ тѣмъ не менѣе какбы невольно и

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 289—305.

(2) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432.

(3) Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae. p. 452—454.

(4) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 289—305.

(5) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 164—167.

(6) Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348—351.

самъ того не замѣчая, находился подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдняго и во многихъ случаяхъ руководился его идеями и воззрѣніями, управлявшими тогдашнимъ міромъ. „Если геллинизмъ, писалъ Юліанъ, къ верховному жрецу Галатіи, Арзакію, до сихъ поръ не достигъ еще желаемаго успѣха, то виноваты въ томъ мы сами, его послѣдователи. Боги сдѣлали для насъ много хорошаго выше всякаго желанія и надежды. Да будетъ милостива къ словамъ нашимъ Адрастея! Нѣсколько прежде никто не смѣлъ и желать столь важной перемѣны, происшедшей въ короткое время, но думаешъ ли, что довольно этого? Мы и не замѣчаемъ, что безбожіе (такъ Юліанъ называлъ христіанство) особенно возрастаетъ любовію къ странникамъ, заботливостію о гробахъ умершихъ и наружною святостію жизни. Я думаю, что и намъ по истинѣ надлежитъ исполнять все это. И быть такимъ надлежитъ не только тебѣ одному, но и всѣмъ жрецамъ Галатіи, которыхъ то стыдомъ, то убѣжденіемъ старайся сдѣлать добрыми. Если у іудеевъ никто не проситъ милостыни, а нечестивые галилеяне кромѣ своихъ питаютъ еще и нашихъ, то непостыдно ли, что свои отъ насъ не получаютъ помощи. Мы по безпечности срамимъ сами себя и еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ“ (1). „Юліанъ видѣлъ, говоритъ св. Григо-

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429 — 430. *Ἑλληνισμὸς ὕπω πράττη κατὰ λόγον ἡμῶν, ἕνεκα τ μετιόντων αὐτὸν· τὰ γὰρ θεῶν λαμπρὰ καὶ μεγάλα, κρείττονα πάσης μὲν ἐυχῆς, πάσης δὲ ἐλπίδος. Ἥλεως δὲ ἔστω τοῖς λόγοις ἡμῶν Ἀδράστεια. Τίς γὰρ ἐν ὀλίγῳ τοσαύτην καὶ τηλικαύτην μεταβολὴν ὀλίγῳ πρότερον ἐτόλμα; τὶ οὖν ἡμεῖς οιόμεθα ταῦτα ἀρκεῖν, οὐδὲ ἀποβλέπομεν ὅ μάλιστα τὴν ἀθεότητα συνηύξησεν, ἡ περὶ τοὺς ξένους φιλανθρωπία, καὶ ἡ περὶ τὰς ταφὰς τῶν νεκρῶν προμήθεια, καὶ ἡ πεπλασμένη σεμνότης κατὰ τὸν βίον; ὧν ἕκαστον ὄιομαι χρῆναι παρ' ἡμῶν ἀληθῶς επιθηδεύεσθαι· καὶ οὐκ ἀπόχρη τὸ σεμνὸν εἶναι τοιοῦτον. Ἀλλὰ πάντας ἁπαξαπλῶς οἱ περὶ τὴν Γαλατίαν εἰσὶν ἱερεῖς, ὅυς ἤ δυσώπησον, ἤ πεῖσον εἶναι σπουδαίους, ἢ τῆς ἱερατικῆς λειτουργὶας ἀπόστησον.... Αἰσχρουν γὰρ ἐι τ μὲν Ἰουδαίων οὐδεὶς μεταιτεῖ· τρέφουσι δὲ οἱ δυσσε-*

рій Богословъ, что наше ученіе величественно и по своимъ догматамъ, и по свидѣтельствамъ, даннымъ свыше, видѣлъ, что это ученіе еще болѣе величественно и славно по преданіямъ и доселѣ сохраняемымъ правиламъ церковнаго благоустройства. Итакъ, чтобы и это не избѣгло его злоухищреній, что замышляетъ онъ и что дѣлаетъ? Подражаетъ Рапсаку ассиріянину, военачальнику царя Сеннахирима. Ибо приготовлялся во всѣхъ городахъ завести училища, каѳедры, высшія и низшія мѣста для сидящихъ, чтенія и толкованія языческихъ ученій, относящихся и къ образованію нравовъ и къ таинствамъ, также образцы молитвъ, попеременно произносимыхъ то тѣми то другими, епитиміи согрѣшающимъ, сообразныя преступленію, чинъ приготовленій къ посвященію и самаго посвященія, и, словомъ все, что очевидно принадлежитъ къ нашему благочинію. Сверхъ сего думалъ онъ устроить гостинницы и страннопріимные домы, убѣжища для любителей цѣломудрія, для дѣвъ, и обители для посвятившихъ себя размышленію; хотѣлъ подражать и нашему человѣколюбію къ нуждающимся, чтобы оказывать имъ всякое пособіе и напутствовать ихъ одобрительными письмами, съ коими мы препровождаемъ бѣдныхъ отъ одного народа къ другому, чему онъ особенно удивлялся въ нашихъ установленіяхъ. Вотъ что замышлялъ этотъ новый догматовводитель и софистъ“ (1). „Предполагая, что христіанство укрѣпляется жизнію и поведеніемъ принадлежащихъ къ нему лицъ, говоритъ Созоменъ, Юліанъ задумалъ языческіе храмы повсюду украсить принадлежностями и чинностію вѣры христіанской, а языческое ученіе возвысить каѳед-

---

βεῖς Γαλιλαῖοι πρὸς τοὺς ἑαυτῶν καὶ τοὺς ἡμετέρους. Οἱ δὲ ἡμέτεροι τ' παρ' ἡμῶν ἐπικουρίας ἐνδεεῖς φαίνονται... Μὴ δὲ τὰ παρ' ἡμῖν ἀγαθὰ παραξηλοῦν ἄλλοις συγχωροῦντες, αὐτοὶ τῇ ῥαθυμία καταισχύνοιμεν, μᾶλλον δὲ κατὰ προδώμεθα τὴν εἰς τοὺς θεοὺς ἐυλαβείαν.

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 164—167.

рами, предсѣданіями, преподавателями и чтецами языческихъ догматовъ и увѣщаній, установленіемъ молитвословій въ извѣстные часы и дни, учрежденіемъ монастырей для ищущихъ любомудрія мужчинъ и женщинъ, гостинницами для странниковъ и убогихъ, и другими дѣлами человѣколюбія къ нищимъ. Подражая христіанскому преданію касательно произвольныхъ и непроизвольныхъ прегрѣшеній, онъ предписывалъ также соотвѣтственное грѣхамъ исправленіе себя посредствомъ покаянія. Неменѣе, говорятъ, соревновалъ онъ епископамъ въ сочиненіи посланій, которыми обмѣниваясь, они обыкновенно поручали другъ другу странниковъ, и съ которыми, откуда бы кто изъ нихъ ни пришелъ и къ кому бы ни присталъ, по этому свидѣтельству принимаемъ былъ какъ присный и возлюбленный. Вводя это Юліанъ старался пріучить язычниковъ къ обычаямъ христіанскимъ" (1). По словамъ указаннаго историка, для многихъ представлялось страннымъ и совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Юліанъ, несмотря на свою глубокую ненависть противъ христіанства, тѣмъ не менѣе дѣлалъ изъ него не мало заимствованій и усвоялъ ихъ язычеству. Съ цѣлію доказать дѣйствительность такого заимствованія, Созоменъ приводитъ въ своей исторіи уже извѣстное намъ письмо Юліана къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, гдѣ императоръ излагаетъ планъ своей практической реформы язычества по образцу христіанства. Согласно съ собственнымъ признаніемъ Юліана, равно какъ съ свидѣтельствами св. Григорія Богослова и Созомена всѣ новѣйшіе изслѣдователи эпохи Юліана признаютъ за несомнѣнный фактъ, что императоръ въ своей практической реформѣ политеизма находился подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ идей и старался цѣликомъ пересадить въ язычество многія изъ учрежденій христіанской церкви. Замѣча-

(1) Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

тельное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ одинъ Бенье, который, выходя изъ того взгляда, что язычество не способно было ни къ какой реформѣ, отвергаетъ возможность всякой попытки къ его преобразованію Юліаномъ по образцу христіанской церкви. „Многіе изслѣдователи, говоритъ онъ, утверждаютъ, будто бы Юліанъ составилъ обширный планъ религіозныхъ реформъ, такъ что въ этомъ отношеніи можетъ быть справедливо названъ языческимъ лютеромъ своего времени (1), и добавляютъ, что онъ хотѣлъ преобразовать язычество по образцу христіанской доктрины и создать такимъ образомъ политеистическую церковь. Такое мнѣніе можетъ справедливо разсчитывать на вниманіе и опроверженіе со стороны изслѣдователя. На основаніи его можно заключать, будто бы язычество IV в. было доступно для реформы, но я полагаю напротивъ, что ни одинъ язычникъ никогда, въ какую бы эпоху онъ ни жилъ, не могъ дойти до мысли произвести въ своей религіи то, что мы привыкли называть реформою (2). Правда, Юліанъ писалъ окружное посланіе къ жрецамъ съ цѣлію возбудить въ нихъ благочестіе, умѣренность и воздержаніе, хотя часто приводилъ имъ въ примѣръ поведеніе христіанскихъ священниковъ но, очевидно, это посланіе доказываетъ только одно, что служители языческаго культа были сильно испорчены и что верховному жрецу необходимо было призвать ихъ къ жизни болѣе воздержной. Еще менѣе склонны мы думать, что Юліанъ хотѣлъ преобразовать язычество сообразно съ учрежденіями христіанской церкви, хотя объ этомъ свидѣтельствуетъ Григорій Назіанзинъ и Созоменъ и хотя, согласно съ послѣдними, утверждаютъ всѣ новые изслѣдователи. Христіанство представлялось въ

(1) Chateubriand, Etades Hist. II, 107.

(2) Beugnot. Histoire de la destruction du paganisme en occident. Paris 1843. t 1, p. 199.

глазахъ Юліана религіею невѣждъ и безумцевъ. При такихъ воззрѣніяхъ понятно, преобразовывать язычество по идеямъ христіанской доктрины значило бы только искажать и обезображивать его. Никто менѣе его не былъ склоненъ къ эклектизму,—старый культъ представлялся въ его глазахъ вполнѣ хорошимъ, новый—безусловно дурнымъ. Итакъ какая же идея этого мнимаго подражанія могла занять мѣсто среди плановъ, приписываемыхъ историками Юліану? Не имѣя никакого проэкта реформы, этотъ государь старался только, какъ я уже замѣтилъ, свести на практическую почву добродѣтели языческихъ жрецовъ, которые, особенно на востокѣ, жили въ полномъ пренебреженіи со стороны языческаго общества. Его законодательныя постановленія, письма и увѣщанія служителямъ древняго культа продиктованы были государственною мудростію и производили благопріятное дѣйствіе среди язычниковъ. Христіанскіе учители, съ цѣлію ослабить ихъ результаты, пустили въ ходъ мысль о заимствованіи и утверждали, что въ своемъ безсиліи возстановить древнія вѣрованія Юліанъ не нашелъ ничего лучшаго какъ только подкапываться подъ учрежденія христіанской церкви. Они утверждали даже, чтобы сдѣлать подражаніе болѣе полнымъ, будто Юліанъ устроилъ мужскіе и женскіе монастыри“ (1). Нельзя не видѣть, что изложенный взглядъ Бэнье на характеръ практической реформы Юліаномъ язычества, отличаясь большою оригинальностью, въ тоже самое время стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ приведенными уже нами собственными воззрѣніями императора и ясными свидѣтельствами Созомена и св. Григорія Богослова. Несостоятельность его окажется еще болѣе очевидною при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣми средствами, которыми Юліанъ старался осуществить задуманную имъ практическую реформу политеизма.

---

(1) Beugnot. t. 1, p. 206.

Юліанъ прежде всего обратилъ вниманіе на преобразованіе жреческаго сословія, которое далеко не удовлетворяло идеалу своего высокаго званія. Современные ему жрецы не имѣли никакой строго опредѣленной организаціи, которая бы соединяла ея членовъ единствомъ задачи ими преслѣдуемой, были холодны къ древнему культу, не отличались нравственною чистотою и строгостью своей жизни и потому не могли оказывать никакого вліянія на языческое общество въ этомъ отношеніи, подавая даже поводъ къ справедливымъ нареканіямъ на себя со стороны послѣдняго (1). Изъ собственныхъ сочиненій Юліана можно видѣть, что религіозный индеферентизмъ служителей древняго культа доходилъ до такой степени, что ихъ жены и дѣти открыто исповѣдывали себя христіанами, чѣмъ навлекали на себя сильное негодованіе со стороны императора. Въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ галатійскому жрецу Арзакію Юліанъ даетъ послѣднему приказаніе немедленно и безъ всякаго снисхожденія извергать изъ своихъ должностей тѣхъ жрецовъ, которые одни только оказываютъ почтеніе отечественнымъ богамъ, между тѣмъ какъ ихъ жены, дѣти и рабы находятся въ сообществѣ съ галилеянами (2). Въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ жреческой инструкціи онъ строго требуетъ отъ кандидатовъ на жреческія должности, какъ условія первой важности, чтобы ихъ семейные и домочадцы имѣли искреннее почтеніе къ древнему культу подъ страхомъ самаго строгаго наказанія (3). Такимъ образомъ Юліанъ, имѣвшій справедливыя основанія ожидать со стороны языческихъ жрецовъ самой главной поддержки въ дѣлѣ задуманнаго имъ возстановленія политеизма, не могъ не придти къ горькому убѣжденію, что языческое жре-

(1) Julian. Epist. XLIX. ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 289—305.

(2) Ibidem.

(3) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 292.

чество далеко не способно оказывать ему помощь въ этомъ отношеніи. Въ тоже самое время отъ его взгляда не могло укрыться то важное значеніе, какое имѣла въ христіанской церкви ея іерархія и то благотворное вліяніе, какое она оказывала на религіозно-нравственную жизнь вѣрующихъ. При такихъ обстоятельствахъ Юліанъ рѣшился преобразовать языческое жречество по образу христіанской іерархіи, сообщить ему нравственную силу и авторитетъ послѣдней и въ тоже время окружить его внѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ мірской власти (1). Въ этихъ видахъ онъ прежде всего постарался придать языческимъ жрецамъ внѣшнюю организацію по образцу христіанской іерархіи. До сихъ поръ служители древняго культа были изолированы другъ отъ друга и не имѣли никакого соотношенія между собою. Юліанъ ввелъ родъ іерархическихъ степеней въ языческомъ жречествѣ и установилъ строгую подчиненность между служителями культа особенно для того назначеннымъ предстоятелямъ, по характеру своей должности во многомъ сходнымъ съ христіанскими епископами. Въ силу правительственныхъ распоряженій Юліана каждая провинція была поручена надзору особаго верховнаго жреца, вѣдѣнію котораго подлежалъ надзоръ надъ отправленіемъ культа и связанныхъ съ нимъ религіозныхъ обрядовъ во всей ввѣренной его управленію области, равно какъ и право суда надъ подчиненными ему жрецами. Такъ уже извѣстный намъ Хрисанѳій былъ назначенъ верховнымъ жрецомъ Лидіи, Арзакій получилъ должность верховнаго жреца Галатіи (2), нѣкто Ѳеодоръ, къ которому обращено LXIII письмо императора, получилъ такое же точно назначеніе въ провинціи Азіи (3). Въ свою очередь и верховные провинціаль-

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429 — 432. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 282—305.

(2) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—431.

(3) Julian. Epist. LXIII ad Theod. p. 444.

ные жрецы были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самого императора, какъ верховнаго духовнаго главы всего государства. Характеръ должности и важность обязанностей съ нею соединенныхъ, даютъ намъ прямое право къ заключенію, что въ верховные жрецы провинцій были назначаемы Юліаномъ люди достойные, способные проникать въ планы его религіозной реформы и при томъ владѣющіе умѣньемъ и всѣми необходимыми средствами для ихъ выполненія. Дѣйствительно, нѣкоторыя указанія въ собственныхъ сочиненіяхъ императора даютъ поводъ заключать, что должности верховныхъ жрецовъ въ провинціяхъ поручаемы были лицамъ особенно къ нему приближеннымъ, на содѣйствіе которыхъ въ дѣлѣ предпринятой имъ реформы онъ могъ вполнѣ разсчитывать. Избираться жрецы, по мысли Юліана, должны изъ самыхъ лучшихъ членовъ общества, отличающихся нравственною чистотою, безукоризненностью своей жизни и благочестіемъ въ отношеніи къ богамъ (1). Будутъ ли кандидаты на жреческія должности владѣть богатствомъ или же будутъ бѣдны—безразлично, такъ какъ имущественное состояніе и общественное положеніе не должны служить препятствіемъ ко вступленію въ жречество всякому достойному человѣку (2). Но, рекомендуя при избраніи жрецовъ обращать свое вниманіе исключительно на одно только нравственное достоинство избираемыхъ безъ различія ихъ званія и состоянія, при всемъ томъ императоръ долженъ былъ предпочтительно избирать для этого людей, принадлежавшихъ къ высшимъ образованнымъ классамъ языческаго общества, такъ какъ жрецы, по его взгляду, должны были служить органами политеизма, одухотвореннаго идеями неоплатонической философіи и пользоваться послѣднею какъ опорою своего культа. Въ сохранившемся до насъ отрывкѣ жре-

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 297

(2) Ibidem. p. 204—205.

ческой инструкціи рекомендуется жрецамъ между прочимъ изученіе философіи, особенно тѣхъ системъ ея, которыя проповѣдуютъ ученіе о богахъ и Провидѣніи (1). Кромѣ того, какъ мы увидимъ, Юліанъ смотрѣлъ на жрецовъ не только какъ на однихъ совершителей обрядовъ и религіозныхъ церемоній, но какъ на учителей и нравственныхъ воспитателей народа. Все это даетъ достаточныя основанія къ справедливому заключенію, что жреческія должности, по плану реформы Юліана, должны были занимать люди, принадлежавшіе преимущественно къ высшимъ классамъ языческаго общества, владѣвшіе необходимыми для того образовательными средствами. Стараясь придать жреческому сословію опредѣленную организацію и форму тѣсно сплоченной и замкнутой корпораціи, Юліанъ въ тоже самое время съ своей стороны употреблялъ всѣ средства для того, чтобы возвысить общественное положеніе жрецовъ и придать имъ большій авторитетъ въ глазахъ народной массы. „Пока жрецъ исполняетъ свою должность, говоритъ онъ, и за свои предосудительные проступки еще не заслуживаетъ быть низложеннымъ, на него должно смотрѣть какъ на самый прекрасный даръ боговъ и воздавать соотвѣтствующее уваженіе. Жрецы должны быть почитаемы какъ служители боговъ, потому что они своими молитвами и жертвами доставляютъ людямъ любовь и благоволеніе со стороны послѣднихъ. Будетъ ли жрецъ хорошъ или дуренъ, пока онъ не лишенъ своего званія, долженъ заслуживать любовь и уваженіе со стороны людей“ (2). Жреческая корпорація, по плану Юліановой реформы, должна занимать совершенно независимое положеніе въ государствѣ и ни въ чемъ не уступать въ своихъ правахъ предъ институтомъ государственныхъ чиновниковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ можетъ пострадать ея ав-

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve, p. 293—295.

(2) Ibidem. p. 296—297.

торитетъ въ глазахъ народа. Мало того жрецы должны пользоваться въ глазахъ общества гораздо большимъ уваженіемъ, нежели государственные чиновники, хотя послѣдніе, какъ охранители закона, тоже въ своемъ родѣ исполняютъ жреческія обязанности (1). Жрецъ долженъ являться вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ властямъ. Только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о покровительствѣ бѣдныхъ и угнетенныхъ, ему необходимо бываетъ являться на форумѣ предъ намѣстникомъ провинціи, еще рѣже долженъ онъ отправляться къ нему по этому поводу на домъ (2). Самымъ удобнымъ средствомъ для сношеній съ гражданскими властями Юліанъ рекомендуетъ жрецамъ письма. При вступленіи намѣстника провинціи въ городъ жрецу не прилично выходить къ нему на встрѣчу наравнѣ съ прочими гражданами, но гораздо удобнѣе дѣлать это въ преддверіи храма. При этомъ случаѣ намѣстника не должна окружать почетная стража, потому что какъ скоро начальникъ вступитъ въ храмовую ограду, онъ тотчасъ же становится частнымъ человѣкомъ. „Внутри храма, какъ тебѣ извѣстно, ты самъ начальникъ, замѣчаетъ Юліанъ въ письмѣ своемъ къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, этого требуетъ и божественный законъ“ (3). Юліанъ съ большою строгостію подвергалъ наказаніямъ государственныхъ чиновниковъ, когда они были обвиняемы въ нарушеніи правъ жрецовъ и нанесеніи имъ оскорбленій, особенно при совершеніи послѣдними ихъ священныхъ обязанностей. Въ сохранившемся до насъ отрывкѣ LXIII письма Юліана къ неизвѣстному лицу, онъ, какъ Верховный первосвященникъ (Pontifex maximus) произноситъ отлученіе надъ однимъ чиновникомъ, оскорбив-

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 296.

(2) Julian. Epist XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430. Сравн. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. p. 444.

(3) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430.

шемъ жреца во время совершенія имъ службы при храмѣ. „Такъ какъ я, согласно отечественнымъ обычаямъ отправляю должность Верховнаго жреца, говоритъ здѣсь императоръ то, въ силу данной мнѣ власти, отлучаю тебя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ участія въ общественномъ богослуженіи. Если въ этотъ періодъ времени ты окажешь себя достойнымъ и верховный жрецъ провинціи донесетъ мнѣ объ этомъ, тогда я обращусь вмѣстѣ съ тобою съ молитвою къ богамъ и вопрошу ихъ, можно ли будетъ принять тебя снова въ общеніе или же нѣтъ“ (1). Когда жрецъ дѣйствительно бываетъ уличаемъ въ преступленіи и подлежитъ за это отвѣтственности предъ закономъ, то свѣтскіе начальники не прежде могутъ подвергать его заслуженному наказанію, пока онъ не оставитъ храма и не лишенъ будетъ своего жреческаго званія (2).

Но, возвышая общественное положеніе жрецовъ, надѣляя ихъ различными правами и привиллегіями, Юліанъ въ тоже самое время требовалъ отъ нихъ жизни, соотвѣтствующей ихъ высокому званію и самаго точнаго исполненія своихъ обязанностей. Идеалъ языческаго жреца, изображенный Юліаномъ въ собственныхъ его сочиненіяхъ, представляется слишкомъ возвышеннымъ и никогда ранѣе его не былъ извѣстенъ языческому обществу. Отдѣльныя черты этого идеала даютъ очевидное свидѣтельство, какъ сильно Юліанъ подчинялся вліянію христіанскихъ идей въ предпринятой имъ практической реформѣ язычества. „Справедливо, говоритъ онъ, почитать жрецовъ, какъ служителей божіихъ, какъ лицъ посредствующихъ между богами и нами, которыя содѣйствуютъ тому, чтобы блага, нисходящія отъ боговъ, дарованы были намъ. Они совершаютъ за людей жертвоприношенія богамъ и приносятъ

---

(1) Julian. Fragment. Epist. LXII. p. 450—452.

(2) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 300.

имъ молитвы“ (1). Согласно съ такимъ высокимъ взглядомъ на званіе жреца, Юліанъ признаетъ даже въ недостойномъ служителѣ боговъ объективную святость жречества. Жизнь жрецовъ, какъ хранителей и совершителей культа, по взгляду императора, должна отличаться большею строгостію сравнительно съ жизнію простыхъ гражданъ. Юліанъ рекомендуетъ жрецу воздерживаться не только отъ неприличныхъ словъ и дѣйствій, но и уклоняться отъ общества, гдѣ онъ можетъ встрѣтить все это. Никакая неприличная шутка не должна сходить съ его губъ или касаться его уха (2). Ему слѣдуетъ воздерживаться отъ чтенія сатирическихъ произведеній, въ родѣ Архилоха и Гиппонакса, взамѣнъ которыхъ гораздо приличнѣе изучать философію Платона, Аристотеля, Зенона, Хризиппа и другихъ философовъ, учившихъ о богахъ и Провидѣніи (3). Болѣе всего убѣждаетъ Юліанъ жрецовъ внимательно изучать священные гимны, употреблявшіеся при богослуженіи и сочиненные по его словамъ самими богами. Большую часть своего времени жрецу прилично проводить въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ—молиться онъ обязанъ по крайней мѣрѣ утромъ и вечеромъ, такъ какъ недостойно служителя боговъ пренебрегать главными обязанностями своего званія—приносить молитвы богамъ за людей. Въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ жреческой инструкціи Юліанъ разсматриваетъ жизнь языческаго жреца съ двухъ

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 296. *Ἔυλογον τοὺς ἱερέας τιμᾶν, ὡς λειτουργοὺς θεῶν καὶ ὑπηρέτας καὶ διακονοῦντας ἡμῖν τὰ πρὸς τοὺς θεούς· συνεπισχύοντας τῇ ἐκ θεῶν εἰς ἡμᾶς τῶν ἀγαθῶν δόσῃ· προθύουσι γὰρ πάντων καὶ ὑπερεύχονται.*

(2) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. 300. *Διὸπερ χρὴ μάλιστα τῶν τῆς ἐυσεβείας ἔργων ἀντέχεσθαι προσιόντας μὲν τοῖς θεοῖς μετ' ἐυλαβείας ἀισχρὸν δὲ μήτε λέγοντας, μήτε ἀκούοντας· ἁγνέυειν δὲχρὴ τοὺς ἱερέας ὄυκ ἔργων μόνον ἀκαθάρτων ὀυδὲ ἀσελγῶν πραξέων, ἀλλά καὶ ρημάτων καὶ ἀκροάματων τοιούτων. Ἐξελατέα τοίνυν ἐστὶ ἡμῖν πάντα τὰ ἐπαχθῆ σκώμματα· πᾶσα δὲ ἀσελγὴς ομιλία.*

(3) Ibidem. p. 301.

сторонъ—служебную въ храмѣ и частную—внѣ его (1). Во время отправленія очереди своего служенія при храмѣ (которая обыкновенно продолжалась около мѣсяца) жрецу рекомендуется въ точности соблюдать всѣ обряды и предписанія отечественнаго культа, ни разу не удаляться за предѣлы храмовой ограды, но предаваться исключительно молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ. При совершеніи религіозныхъ обрядовъ ему прилично облекаться въ роскошныя дорогія одежды, но внѣ храма онъ долженъ носить простое обыкновенное платье, чуждое всякой роскоши и украшеній. „Не малый грѣхъ дѣлаютъ жрецы въ отношеніи къ богамъ, замѣчаетъ Юліанъ въ отрывкѣ жреческой инструкціи, если они употребляютъ священныя одежды въ обыкновенной своей жизни и оскверняютъ ихъ, выставляя на показъ людямъ какъ нѣчто странное и необычайное“ (2). По окончаніи срока своего служенія при храмѣ, жрецъ, по словамъ Юліана, можетъ возвратиться къ обычнымъ своимъ занятіямъ, ходить на форумъ, видѣться здѣсь съ намѣстникомъ провинціи и съ людьми нуждающимися въ его помощи, посѣщать своихъ друзей, присутствовать на пиршествахъ, только не у всѣхъ безразлично, а у однихъ только людей лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ со стороны общества и не дозволять себѣ ихъ очень часто (3). Жрецу позволяется присутствовать на военныхъ играхъ, посвященныхъ въ честь боговъ, но только бывать на тѣхъ, въ которыхъ женщины не являются ни въ качествѣ участвующихъ, ни въ качествѣ простыхъ зрительницъ (4). Напротивъ онъ долженъ держаться вдали отъ шумныхъ народныхъ удовольствій и увеселеній, не имѣющихъ отношенія къ религіи, въ родѣ травли дикихъ звѣрей,

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujsd. p. 301.
(2) Ibidem. p. 297.
(3) Ibidem. p. 301.
(4) Ibidem. p. 304.

гладіаторскихъ битвъ и проч. (1). Юліанъ старался возвратить театръ къ первоначальной его чистотѣ, соотвѣтствующей служенію Діониса, и поставить въ тѣсную связь съ культомъ. Но такъ какъ подобная попытка не могла осуществиться въ короткое время, то онъ рекомендуетъ жрецамъ воздерживаться отъ существующихъ въ его время театральныхъ зрѣлищъ. Ни одинъ актеръ, ни одинъ возница цирка, ни одинъ танцоръ, по его словамъ, не должны переступать чрезъ порогъ жреческаго жилища. Наконецъ, всякій жрецъ долженъ избѣгать посѣщенія гостинницъ и не заниматься никакими безчестными ремеслами (2). За нерадивое исполненіе обязанностей своего званія жрецъ долженъ подвергаться соотвѣтствующему взысканію. Самое обыкновенное наказаніе для него составляетъ въ этомъ отношеніи отлученіе отъ совершенія службы при храмѣ на извѣстный срокъ времени (3). Болѣе важныя преступленія неминуемо влекутъ на виновнаго лишеніе должности.

Юліанъ старался поставить древнюю религію въ самую тѣсную связь съ интеллектуальнымъ и нравственнымъ развитіемъ народа и соединить съ общественнымъ богослуженіемъ религіозное обученіе. Языческіе жрецы въ глазахъ общества до сихъ поръ были исключительно одними совершителями обрядовъ и церемоній культа и не оказывали на народъ никакого нравственнаго вліянія. По духу Юліановой реформы они должны быть не только служителями культа и совершителями его обрядовъ и церемоній, но вмѣстѣ съ тѣмъ учителями и руководителями народа въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Эта идея религіознаго обученія, заимствованная Юліаномъ цѣликомъ изъ хри-

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 297.

(2) Ibidem. p. 301. *Ἠτέχνης τινὸς καὶ ἐργασίας αἰσχρᾶς καὶ ἐπονειδίστου.*

(3) Ibidem.

стіанской церкви была совершенно чужда язычеству и неизвѣстна ему до того времени. Въ видахъ доставленія народу религіознаго обученія Юліанъ старался придать языческому богослуженію дидактическій элементъ и установить, какъ необходимую принадлежность его, проповѣдь, образецъ которой онъ очевидно пытался пересадить въ язычество изъ христіанской практики. По взгляду императора, языческіе храмы не должны предназначаться исключительно для совершенія въ нихъ обрядовъ и церемоній культа, но въ тоже самое время служить какбы школою, гдѣ народъ можетъ получать религіозное обученіе и слушать нравственно-назидательныя наставленія (1). Съ этою цѣлію во всѣхъ языческихъ храмахъ, по приказанію императора, были устроены особыя каѳедры, съ которыхъ жрецы и другія особо для того предназначенныя лица, облеченныя въ пурпуръ и съ вѣнками на головахъ, обязаны были читать отрывки изъ поэтовъ и философовъ, сопровождая свои чтенія аллегорическимъ толкованіемъ миѳовъ и объясненіемъ значенія языческихъ мистерій и религіозныхъ обрядовъ (2). Св. Григорій Богословъ въ слѣдующемъ видѣ описываетъ картину этихъ новыхъ языческихъ богослужебныхъ собраній, которыя по идеѣ Юліановой реформы должны были служить школою религіознаго просвѣщенія для народа и средствомъ проведенія въ языческое общество началъ преобразованнаго и одухотвореннаго политеизма. „Представимъ себѣ, говоритъ св. отецъ, великолѣпное позорище, или не знаю, какъ иначе велятъ они назвать домъ свой. Пусть глашатаи созываютъ

---

(1) Твор. Григ. Бог. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

(2) Созом. Ц. И. V, 16. *Διενοεῖτο πανταχῆ τοὺς ἑλληνικοὺς ναοὺς τῇ παρασκευῇ καὶ τῇ τάξει τῆς χριστιανῶν θρησκείας διακοσμεῖν. Βήμασί τε καὶ προεδρίαις, καὶ ἑλληνικῶν δογμάτων καὶ παραινέσεων διδασκάλοις τε καὶ ἀναγνώσταις* Сравн. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 116.

слушателей, пусть сходится народъ, пусть первыя мѣста займутъ или тѣ, которые отличаются сѣдиною старости и отмѣннымъ образомъ жизни, или люди знаменитые по роду, по славѣ и по хитросплетенной мудрости земной, въ которой болѣе прелести, чѣмъ истиннаго благочестія. Мы отдадимъ имъ это преимущество. Что же будутъ они дѣлать послѣ сего (1)? Пусть сами запишутъ своихъ предсѣдателей, пусть украшаютъ ихъ пурпуровыя одежды, ленты и разноцвѣтные прекрасные вѣнки, такъ какъ я часто замѣчалъ, что они заботливо пекутся о величавой наружности и о томъ какбы стать выше простолюдиновъ: какъ будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрѣнія, а что показываетъ надменность и не можетъ принадлежать многимъ, то и должно внушать довѣріе. Что же дальше? Конечно ты представишь имъ толковниковъ провѣщаній, коихъ вы называете божественными, разгнешь книги богословскія и нравственныя. Какія же и чьи, скажи пожалуй? Хорошо имъ пропѣть Гезіодову теогонію и разглагольствовать объ описанныхъ тамъ браняхъ и крамолахъ, о титанахъ и гигантахъ, столько страшныхъ по имени и по дѣламъ. Молніеносные боги и набропіенные на гигантовъ острова, стрѣлы и вмѣстѣ гробы мятежникамъ, отвратительныя исчадія и преждевременныя порожденія гигантовъ, гидры, химеры, церберы, горгоны, словомъ множество всякаго зла (2) — вотъ предметы, которые можно предложить слушателямъ изъ Гезіода! Теперь пусть предстанетъ съ своею цитрою Орфей, пусть прозвучатъ въ честь Зевса тѣ великія и чудныя слова и мысли, въ коихъ выражается его богословіе. Но гдѣ ты помѣстишь Гомера, этого великаго комико-трагическаго пѣвца боговъ? Пусть все это предложатъ чуднымъ слушателямъ богословія, затѣмъ пусть при-

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 167.

(2) Ibidem. стр. 168.

думаютъ на это аллегоріи и чудовищныя толкованія—, и поученіе, удалясь отъ своего предмета, понесется въ пучины, или на стремнины умозрѣнія, не имѣющаго никакой опоры“ (1).

Обращая такимъ образомъ языческіе храмы какбы въ школы, гдѣ должно было происходить объясненіе догматовъ политеизма и толкованіе миѳологической стороны народной религіи, Юліанъ въ тоже время старался устранить тѣ безпорядки, которые съ теченіемъ времени вкрались въ практику древняго культа и придать языческому богослуженію внѣшній блескъ и великолѣпіе. Языческое богослуженіе совершалось до сихъ поръ жрецами безъ всякаго благоговѣнія и порядка. Въ немъ не было соблюдаемо никакого однообразія въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ и священныхъ дѣйствій. Наряду съ религіозными гимнами здѣсь нерѣдко можно было встрѣтить звуки пѣсней довольно соблазнительнаго содержанія, далеко не гармонирующихъ съ святостью мѣста, гдѣ они произносились. Юліанъ употреблялъ не мало усилій для того, чтобы ввести однообразіе въ языческое богослуженіе, удаляя изъ него все неприличное и непристойное, только оскорбляющее религіозное чувство. Съ цѣлію возвысить значеніе храмовъ въ глазахъ языческаго общества, какъ мѣстопребываніе боговъ, и внушить благоговѣйныя чувства къ обрядамъ, въ нихъ совершаемымъ, императоръ старался выставить на видъ язычникамъ, что всѣ люди бываютъ тамъ равны предъ богами и что тамъ однимъ только послѣднимъ необходимо воздавать уваженіе (2). „Изъ почетной стражи никто не долженъ входить внутрь храма впереди жрецовъ, а позади кому угодно, писалъ Юліанъ къ Арзакію, ибо всякій, едва только переступитъ порогъ святилища, какъ тотчасъ становится частнымъ человѣкомъ. Внутри, какъ тебѣ извѣстно, ты самъ на-

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 169.

(2) Julian. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 298.

чальникъ — этого требуетъ божественный законъ" (1). Желая ввести порядокъ и тишину во время совершенія языческаго богослуженія, императоръ старался самъ подавать здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, примѣръ въ этомъ отношеніи. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы во время посѣщенія имъ храмовъ молящійся тамъ народъ не приходилъ въ волненіе, не прерывалъ своего молитвеннаго настроенія, но только обращалъ свои взоры къ богамъ (2). Подобное требованіе казалось тѣмъ болѣе умѣстнымъ и вмѣстѣ необходимымъ, что многіе языческіе подданные императора посѣщали храмы боговъ съ единственною цѣлію быть замѣченными послѣднимъ и обратить такимъ образомъ на себя его благосклонное вниманіе. Кромѣ того языческое богослуженіе, торжественно совершаемое, при непосредственномъ участіи самого Юліана, съ небывалою до того времени пышностію и великолѣпіемъ, представлялось въ глазахъ народа чрезвычайно интереснымъ и невиданнымъ до того времени зрѣлищемъ, вслѣдствіе чего на первыхъ порахъ многочисленныя народныя массы со всѣхъ сторонъ стекались въ языческіе храмы съ единственною цѣлію видѣть необычайную ревность императора въ совершеніи отечественнаго культа и при этомъ случаѣ постоянно привѣтствовали послѣдняго оглушительными рукоплесканіями и громкими восклицаніями (3). Юліанъ въ самомъ скоромъ времени не могъ не замѣтить, что такія выраженія одобренія имѣютъ непосредственное отношеніе исключительно къ его личности, только нарушаютъ тишину и спокойствіе въ храмѣ во время богослуженія и служатъ лишь выраженіемъ холодности и невниманія къ богамъ. Въ видахъ предупрежденія такихъ безпорядковъ на будущее

---

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430. Сравн. Созом. V, 16, стр. 348.

(2) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 431. Epist. LXII, p. 450—452.

(3) Julian. Epist. XI, p. 380. Misopogon. p. 346.

время и съ цѣлію показать народу, что въ храмѣ предъ лицомъ боговъ даже самъ императоръ теряетъ все свое земное величіе и становится простымъ частнымъ человѣкомъ, Юліанъ, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, не замедлилъ издать по этому поводу особый эдиктъ, обращенный къ жителямъ столицы. „Если я неожиданно явлюсь въ театръ, говорилъ онъ здѣсь, то вы можете привѣтствовать меня своими рукоплесканіями, но когда я неожиданно прихожу въ храмъ, то вы должны сохранять тишину и посвящать ваше благоговѣніе исключительно однимъ богамъ. Впрочемъ послѣдніе едвали имѣютъ нужду въ вашихъ похвалахъ“ (1). Тѣже самыя увѣщанія были повторены Юліаномъ жителямъ Антіохіи, которые, въ первое время пребыванія его въ ихъ городѣ, стекались многочисленными толпами въ языческіе храмы съ цѣлію видѣть необычайную ревность своего императора къ древнему культу и привѣтствовали его также громкими криками одобренія (2). Въ видахъ улучшенія языческаго богослуженія и сообщенія ему большаго блеска и великолѣпія Юліанъ старался ввести въ него, какъ необходимый элементъ, молитвы и пѣснопѣнія по образцу христіанской церкви (3), снабжалъ языческіе храмы хорами пѣвчихъ и музыкантами, для приготовленія которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, по его приказанію, была основана особая школа въ Александріи (4). Съ цѣлію ввести въ языческій культъ пѣніе, по образцу христіанской церкви, онъ, какъ мы уже видѣли, въ

---

(1) Julian. Epist. XI, p. 380. Сравн. Muratori Anecdota graeca. Patav. 1709, p. 332, ed. Heyler, p. 134. *Εἰ μὲν εἰς το θέατρον λαθὼν εἰσῆλθον, εὐφημεῖτε, εἰ δε εἰς τὰ ἱερὰ, τὴν ησυχίαν ἄγετε καὶ μετενέγκατε ὑμῶν τὰς εὐφημίας εἰς τοὺς θεούς. Μᾶλλον δὲ οἱ θεοὶ τῶν εὐφημιῶν οὐ χρήζουσιν.*

(2) Julian. Misopogon. p. 346.

(3) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 165—166. Созом. Ц. II. V. 16, стр. 348.

(4) Julian. Epist. LVI ad Ecdic. p. 442.

отрывкѣ жреческой инструкціи рекомендуетъ языческимъ жрецамъ изучать наизусть священные гимны, сложенные въ честь боговъ при непосредственномъ участіи послѣднихъ (1).

Особенныя усилія Юліанъ прилагалъ къ тому, чтобы заимствовать изъ христіанства и пересадить въ язычество духъ любви къ ближнимъ и благотворительности къ послѣднимъ. Язычники, по его мысли, должны были оказывать заботливость о погребеніи умершихъ, гостепріимство въ отношеніи къ чужестранцамъ и благотворительность ко всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся, при помощи которыхъ, какъ онъ думалъ, христіане заслуживали благоволеніе со стороны народной массы и привлекали къ себѣ множество прозелитовъ. „Мы и не замѣчаемъ, писалъ онъ къ Арзакію, что безбожіе (такъ Юліанъ называлъ обыкновенно христіанство) особенно возрастаетъ любовью къ странникамъ, заботливостію о гробахъ умершихъ и наружною святостію жизни. Я думаю, что намъ поистинѣ надобно исполнять все это. Если изъ іудеевъ никто не проситъ милостыни, если и нечестивые галилеяне (этимъ именемъ Юліанъ называлъ христіанъ), кромѣ своихъ, питаютъ еще и нашихъ, то не постыдно ли, что наши, какъ видно, не получаютъ отъ насъ помощи. Мы отъ безпечности срамимъ себя и еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ“ (2). Убѣждая язычниковъ подражать христіанамъ въ совершеніи дѣлъ благотворительности, Юліанъ въ тоже самое время старается поставить на видъ, что эта добродѣтель была извѣстна съ раннихъ поръ языческому міру и въ доказательство справедливости такой мысли ссылается на стихъ Гомера, гдѣ говорится, что всѣ бѣдные и чужестранцы находятся подъ особеннымъ покровительствомъ Зевса — ξένιος. „Мы называемъ, говоритъ онъ въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ жреческой инструкціи, Зевса

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusdam p. 300.

(2) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 431.

гостепріимнымъ, а между тѣмъ сами поступаемъ хуже самихъ скиѳовъ“ (1). Въ видахъ болѣе удобнаго совершенія дѣлъ благотворительности, по приказанію Юліана, во многихъ городахъ и мѣстечкахъ римской имперіи были устроены благотворительныя заведенія для пріюта больныхъ, бѣдныхъ и сиротъ и странноприимные дома, гдѣ путешественники и чужестранцы могли находить для себя удобное пристанище и необходимое содержаніе (2). Доступъ во всѣ эти благотворительныя заведенія, по мысли императора, долженъ былъ свободно открываться рѣшительно для всѣхъ людей безъ различія ихъ національности и религіи. „Въ каждомъ городѣ устрой побольше странноприимныхъ домовъ, писалъ Юліанъ къ Арзакію, чтобы пришельцы не только изъ нашего отечества, но и изъ другихъ странъ, когда понадобятся имъ деньги, пользовались нашимъ человѣколюбіемъ“ (3). Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ дѣлѣ благотворительности, Юліанъ старался подавать примѣръ своимъ подданнымъ, отпуская для совершенія дѣлъ благотворительности и на содержаніе благотворительныхъ заведеній весьма значительныя денежныя суммы изъ государственной казны. Такъ изъ упомянутаго письма Юліана къ Арзакію, верховному жрецу Галатіи, видно, что на содержаніе жрецовъ и благотворительныхъ заведеній этой провинціи отпущено было императоромъ изъ государственной казны тридцать тысячь мѣръ пшеницы и шестьдесятъ тысячь мѣръ вина. Въ тоже время Юліанъ побуждалъ жрецовъ, чтобы они съ своей стороны употребляли всѣ зависящія средства убѣждать народъ къ совершенію дѣлъ благотворительности и къ пожертвованіямъ на содержаніе благотворитель-

(1) Julian. Fragment. Orat Epistolaeve cujusd. p 291. *ξένιον ὀνομάζομεν Δβα, καὶ γιγνόμεθα τῶν σκυθῶν κακοξενώτεροι.*

(2) Julian Epist. XLIX ad Arsac. p. 430. Твор. Григ. Бог. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 165—166. Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

(3) Julian Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 434.

ныхъ заведеній. „Я уже приказалъ ежегодно раздавать во всей Галатіи тридцать тысячь мѣръ хлѣба и шестьдесятъ тысячь семинъ вина, пишетъ онъ къ Аразакію. Убѣждай язычниковъ, чтобы и они приносили съ своей стороны что либо для такого служенія и чтобы языческія деревни отдавали богамъ начатки своихъ плодовъ. Дѣлай ихъ привычными къ подобнымъ благодѣяніямъ, внушая имъ, что это издревле было у насъ въ обычаѣ“ (1). Въ стремленіи Юліана возбудить въ язычникахъ чувство любви къ ближнимъ и ревность къ дѣламъ благотворительности нельзя не видѣть желанія императора посредствомъ раздачи денежныхъ пособій и устроенія пріютовъ для людей бѣдныхъ и нуждающихся пріобрѣсти прозелитовъ язычеству.

Далѣе, съ цѣлію возвышенія нравственной жизни языческаго общества, Юліанъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова и Созомена, въ различныхъ мѣстахъ своего государства учредилъ монастыри мужскіе и женскіе по образцу христіанскихъ, гдѣ бы люди, обрекшіе себя на безбрачную жизнь и на служеніе богамъ, могли съ большимъ удобствомъ предаваться созерцательной жизни и проводить время въ благочестивомъ уединеніи (2). Указанный фактъ наглядно показываетъ, какъ духъ современнаго Юліану общества имѣлъ сильное стремленіе къ монашеской жизни и какъ самъ Юліанъ невольно подчинялся его вліянію. По свидѣтельству тѣхъ же писателей, Юліанъ заимствовалъ изъ практики христіанской церкви того времени и ввелъ въ язычество родъ покаянія, при которомъ было въ употребленіи разрѣшеніе отъ грѣховъ и родъ эпитиміи, отличавшейся отъ употребляемой въ христіанской церкви того времени только тѣмъ, что она была гораздо слабѣе и снисходительнѣе послѣдней (3).

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 430.

(2) Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 облич. на царя Юліана, стр. 165.

(3) Ibidem.

По своему званію Верховнаго жреца (Pontifex maximus) Юліанъ нерѣдко подвергалъ церковному отлученію людей, погрѣшавшихъ чѣмъ либо въ религіозномъ отношеніи. До насъ сохранился отрывокъ письма императора къ одному знатному чиновнику, неизвѣстному по имени, который нанесъ оскорбленіе жрецу при совершеніи послѣднимъ служебныхъ обязанностей. Какъ Верховный жрецъ (Pontifex maximus), Юліанъ дѣлаетъ виновному строгій выговоръ, отлучаетъ его на трехмѣсячный срокъ отъ участія въ общественномъ богослуженіи и объявляетъ, что если по истеченіи этого времени верховный жрецъ провинціи дастъ одобрительное свидѣтельство о его поведеніи, онъ обратится съ молитвою къ богамъ и испроситъ у нихъ дозволенія снова допустить его къ участію въ священныхъ обрядахъ (1). При этомъ случаѣ Юліанъ напоминаетъ чиновнику, что, по древнимъ обычаямъ, люди, совершившіе подобное преступленіе, должны быть подвергаемы проклятію, но что онъ не одобряетъ такой строгости и не видитъ, чтобы боги поступали когда нибудь такимъ образомъ (2). Наконецъ, Юліанъ заимствовалъ изъ христіанской церкви и ввелъ въ практику язычества такъ называемыя удостовѣрительныя и общительныя граматы (*γράμματα τετυπωμένα, κοινωνικά, εἰρηνικά*, Epistolae formatae, communicatoriae), „обмѣниваясь которыми, христіанскіе епископы, по словамъ Созомена, обыкновенно поручали другъ другу странниковъ, и съ которыми откуда бы кто изъ нихъ не пришелъ, и къ кому бы не присталъ, по этому свидѣтельству былъ принимаемъ, какъ присный и возлюбленный“ (3).

---

(1) Julian. Epist. LXII, p. 431 *Ἐγὼ τοίνυν ἐπειδήπερ' εἰμι κατὰ μὲν τὰ πάτρια μέγας ἀρχιερεύς, ἔλαχον δὲ νῦν καὶ τοῦ Διδυμαίου προφητεύειν, ἀπαγορεύω σοι τρεῖς περιόδους σελήνης μὴ τοι των εἰς ἱερεὰ μηδὲν ἐνοχλεῖν. κ. τ. λ.*

(2) Ibidem.

(3) Созом. Ц. И. V, 16, стр. 348.

Естественно было ожидать, что описанная необычайная ревность Юліана, какъ верховнаго политическаго и религіознаго главы своего государства и какъ философа, въ дѣлѣ возстановленія и преобразованія политеизма должна была встрѣтить сочувствіе со стороны языческаго общества и разсчитывать на успѣхъ. Мы уже имѣли случай видѣть, что греко-римскій политеизмъ, утративши, съ объявленіемъ христіанства господствующею религіею въ римской имперіи, права и привиллегіи оффиціальнаго государственнаго культа, продолжалъ еще сохранять въ себѣ не мало признаковъ жизни, повидимому, на столько значительныхъ, что при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ могъ вступить въ послѣднюю борьбу за свое существованіе съ новыми религіозными порядками. Намъ также извѣстно, что въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ существовала довольно значительная языческая партія, поставившая завѣтною своею цѣлію возведеніе политеизма на тронъ и возвращеніе древнему культу его прежняго государственнаго значенія. Юліанъ является орудіемъ въ рукахъ этой партіи, воспитавшей его въ своихъ завѣтныхъ идеяхъ, возбудившей въ немъ сильнѣйшій энтузіазмъ къ политеизму и твердую рѣшимость посвятить на возстановленіе его всѣ свои политическія и нравственныя силы. Отсюда вступленіе Юліана на императорскій престолъ казалось должно было служить какбы новою эрою въ исторіи греко-римскаго политеизма, такъ какъ императоръ располагалъ всѣми необходимыми средствами въ дѣлѣ возстановленія древняго культа въ прежнемъ его видѣ. Дѣйствительно, необычайная ревность Юліана въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ имѣла нѣкоторый успѣхъ. Благодаря ей, политеизмъ въ самомъ непродолжительномъ времени опять возвратилъ себѣ права и привиллегіи оффиціальнаго государственнаго культа, утраченныя имъ со времени объявленія христіанства господствующею религіею въ римской имперіи. Запустѣлые и разрушенные языческіе храмы и алтари были снова

возстановлены изъ своихъ развалинъ, въ тоже самое время рядомъ съ ними не замедлило явиться не мало новыхъ, построенныхъ по приказанію императора. Въ нихъ стало совершаться языческое богослуженіе, религіозные обряды и церемоніи съ гораздо большимъ великолѣпіемъ и пышностію сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ. Жрецамъ и прочимъ служителямъ языческаго культа опять были возвращены ихъ прежнія права и привиллегіи. На каѳедрахъ риторовъ, софистовъ и философовъ снова раздались рѣчи въ честь языческихъ боговъ. Большая часть государственныхъ чиновниковъ, войска и простаго народа наперерывъ другъ передъ другомъ старались отличиться своимъ усердіемъ къ древнему культу. Весь общественный и государственный строй имперіи со всѣми его разнообразными отправленіями опять былъ приведенъ въ тѣсную связь съ древними вѣрованіями и религіозными учрежденіями и принялъ старый языческій характеръ. „Въ каждой части свѣта, восклицаетъ Ливаній въ одной изъ своихъ рѣчей, пылающіе алтари, безчисленное множество жертвенныхъ животныхъ, цѣлые облака ѳиміама, торжественныя процессіи жрецовъ, жрицъ и прорицателей повсюду возвѣщали тріумфъ древней религіи. Сладостные звуки священныхъ гимновъ снова раздались съ горныхъ возвышенностей и одинъ и тотъ же быкъ служилъ для жертвы въ честь боговъ и для трапезы ихъ радостныхъ почитателей“ (1). Возстановляя языческіе храмы и алтари, дѣлая распоряженія о постройкѣ рядомъ съ ними новыхъ и возвращая политеизму его прежнія права и привиллегіи, Юліанъ въ тоже самое время старался пріобрѣсти для него прозелитовъ среди своихъ христіанскихъ подданныхъ. Попытка его въ этомъ дѣлѣ на первыхъ порахъ имѣла нѣкоторый успѣхъ. По извѣстіямъ, сообщаемымъ Руфиномъ (2), значительная часть народа, а по свидѣ-

(1) Liban Orat Parent. p. 287—288.

(2) Rufin. H E. X 32.

тельству св. Григорія Богослова (1) и признанію самаго Юліана (2), большая часть войска, благодаря различнымъ средствамъ, употребляемымъ императоромъ въ дѣлѣ религіозной пропаганды, незамедлили обратиться къ древнему культу. Казалось естественнымъ ожидать, что какъ скоро Юліанъ, вступивши на императорскій престолъ, объявитъ себя приверженцемъ древняго культа, его примѣръ найдетъ для себя подражаніе многихъ изъ его подданныхъ, которые въ царствованіе христіанскихъ императоровъ изъ-за корыстныхъ разсчетовъ сдѣлались по наружности христіанами. Всемогущая воля верховнаго главы греко-римскаго міра могла расчитывать встрѣтить не мало людей, для которыхъ она служила нерушимымъ закономъ въ дѣлѣ религіи, между тѣмъ какъ искренность религіозныхъ убѣжденій при этомъ случаѣ отступала на задній планъ. Полученіе высшихъ должностей въ государственной іерархіи, различныя права и привиллегіи, дарованныя теперь язычникамъ, естественно не могли не привлечь къ древнему культу достаточное число прозелитовъ. Подобно тому, какъ въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ обращалось въ христіанство не мало людей, руководствуясь при этомъ случаѣ исключительно одними своекорыстными расчетами и соображеніями безъ всякаго внутренняго убѣжденія, такъ было и теперь при вступленіи на престолъ императора-язычника. Цѣлыя толпы честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ людей ради земныхъ выгодъ, по свидѣтельству св. Астерія, епископа города Амасіи въ Понтѣ, промѣнивали свои религіозныя убѣжденія „какъ одежду“ (3). „Какое множество людей, побуждаемыхъ одними мірскими выгодами, отвратились отъ церкви и прибѣгли къ алта-

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 135—138.

(2) Julian. Epist. XXXVIII ad Maxim. p. 415.

(3) *Ὥσπερ ἱμάτιον ταχέως τὴν θρησκίαν μεταμφιέσαντο.*

рямъ боговъ! говоритъ этотъ св. отецъ въ одномъ изъ своихъ словъ, дошедшихъ до нашего времени. Какое множество чрезъ приманку должностей дозволили склонить себя къ отпаденію! Обезчещенные и обремененные проклятіемъ бродятъ они теперь вокругъ городовъ, на нихъ указываютъ пальцами какъ на несчастныхъ, которые измѣнили Христу ради нѣсколькихъ сребренниковъ" (1). Всѣ эти люди при Константинѣ великомъ оказывали ревность къ православію, въ царствованіе Констанція были усердными приверженцами аріанскихъ заблужденій, въ правленіе Юліана ревностными язычниками, при Валентѣ снова послѣдователями аріанской ереси, наконецъ, въ царствованіе Ѳеодосія великаго опять православными. Замѣчательный примѣръ постоянной перемѣны своихъ религіозныхъ убѣжденій изъ-за угодливости императорскому двору и ради своекорыстныхъ разсчетовъ и соображеній представляетъ собою уже извѣстный наставникъ Юліана — софистъ Экиволій, бывшій при Констанціѣ усерднымъ аріаниномъ, со вступленіемъ на императорскій престолъ своего ученика сдѣлавшійся ревностнымъ язычникомъ и жестокимъ врагомъ христіанъ, наконецъ, по смерти Юліана употреблявшій всѣ усилія для возвращенія снова въ общеніе съ церковію. Очевидно, какъ христіанство, такъ и политеизмъ не могъ извлечь изъ себя пользы изъ многочисленныхъ прозелитовъ, обращавшихся къ нему ради однихъ внѣшнихъ выгодъ. Самъ Юліанъ сознавалъ, что обращеніе многихъ христіанъ къ древнему культу было далеко не искреннее, такъ какъ оно являлось не результатомъ чистаго религіознаго убѣжденія, но только слѣдствіемъ однихъ своекорыстныхъ разсчетовъ и соображеній (2). Тѣже самыя убѣжденія раздѣлялъ и жар-

---

(1) Aster. Sermo de avaritia. In Combesis. Collect. Graec. lat. Parisiis, 1848. t. 1, p. 56.

(2) Julian. Epist. IV Aristomen. Philosopho, p. 375.

кій панегиристъ императора, извѣстный уже намъ софистъ Ливаній. „Будь ревностенъ къ богамъ, писалъ онъ къ антіохійскому префекту Александру, и, насколько имѣешь возможность, увеличивай число ихъ почитателей. Но не удивляйся, если найдутся и такіе, которые, принесши жертву богамъ, въ скоромъ времени станутъ раскаяваться въ томъ, что они совершили. Среди народа они тебѣ повинуются, но по возвращеніи домой, подъ вліяніемъ слезъ и просьбъ своихъ женъ, быстро мѣняютъ свои убѣжденія“ (1).

Таковы были результаты необычайной ревности Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа, купленные столь дорогою цѣною. При всѣхъ своихъ усиліяхъ императору удалось только возвратить политеизму его прежнее государственное значеніе, а его приверженцамъ ихъ прежнія права и преимущества. Далѣе этого не могла идти реакція, произведенная Юліаномъ. Сами представители языческой партіи, возведшіе его на императорскій тронъ, какъ мы уже видѣли, въ своихъ завѣтныхъ мечтахъ въ дѣлѣ возстановленія древняго культа не простирались далѣе возвращенія ему одного внѣшняго значенія, а себѣ правъ и привиллегій приверженцевъ государственной религіи. Но не такъ думалъ Юліанъ. Онъ заботился, какъ намъ уже извѣстно, не столько о возстановленіи древнихъ формъ политеизма и возвращеніи имъ прежняго значенія, сколько о преобразованіи ихъ, о томъ, чтобы сообщить имъ новую жизнь и силу и доставить такимъ образомъ не столько политическое преобладаніе надъ новыми религіозными порядками, сколько нравственное превосходство надъ ними. Въ этомъ заключалась главная его ошибка. Нѣкоторые признаки жизни, замѣчаемые въ греко-римскомъ политеизмѣ послѣ утраты имъ государственнаго значенія въ римской имперіи, Юліанъ ошибочно понялъ какъ задатки будущаго развитія, ни-

(1) Liban. Epist. 1057.

сколько не подозрѣвая, что они были не болѣе, какъ только результатами предсмертной агоніи. Воспитанный въ школахъ софистовъ и философовъ, Юліанъ узналъ здѣсь греко-римскій политеизмъ не въ настоящемъ его видѣ, не въ современномъ ему положеніи, но въ той блестящей внѣшней формѣ, въ которой онъ является въ произведеніяхъ античнаго генія. Результатомъ такого, такъ сказать, школьнаго знакомства съ политеизмомъ, чуждаго всякой реальной основы, было то, что императоръ горько ошибался въ своихъ взглядахъ на современное ему язычество. Политеизмъ представлялся въ его глазахъ въ томъ блестящемъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ произведеніяхъ классическихъ писателей древности, полнымъ жизненныхъ силъ и вліянія на общество. Между тѣмъ современное Юліану язычество на самомъ дѣлѣ являлось далеко не въ такомъ блестящемъ видѣ, въ какомъ представлялъ его императоръ. Не смотря на нѣкоторые проблески жизни, бывшіе результатомъ предсмертной агоніи, оно все ближе и ближе клонилось къ окончательному упадку, не столько вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько въ силу своей внутренней несостоятельности. Современный Юліану политеизмъ не имѣлъ жизненныхъ силъ, достаточныхъ для того, чтобы вести успѣшную борьбу съ новыми религіозными порядками и неминуемо долженъ былъ сойти съ исторической сцены, уступивъ свое мѣсто христіанству, величественныя идеи котораго въ то время уже заправляли всѣмъ міромъ и вліянію которыхъ невольно подчинялся самъ Юліанъ. При такихъ обстоятельствахъ возстановленіе давно отжившихъ свой вѣкъ началъ и крутой поворотъ исторіи опять назадъ къ ея прошлому оказывался дѣломъ чрезвычайно труднымъ и неосуществимымъ. Все это могло совершиться только въ головѣ людей, подобно Юліану, мало знакомыхъ съ жизнію, ея требованіями и не владѣвшихъ способностію понимать духъ своего времени. Въ своемъ стремленіи преобразовать современное себѣ греко-римское

общество на старый ладъ, призвать къ жизни устарѣвшія религіозныя формы, Юліанъ впадалъ въ непростительную ошибку, мечтая возстановить то, что уже болѣе неспособно было ни къ какому возрожденію.

При всемъ томъ въ началѣ своего царствованія Юліанъ дозволялъ себѣ слишкомъ много обманываться на счетъ своихъ успѣховъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ возстановленія политеизма. Окруженный языческими риторами, софистами и философами, онъ предавался пріятнымъ мечтамъ о славномъ будущемъ, имѣющемъ наступить для политеизма въ самомъ непродолжительномъ времени. Но ему скоро пришлось горько разочароваться въ своихъ завѣтныхъ ожиданіяхъ. Большинство языческаго общества осталось холодно къ своимъ богамъ и древнему культу, уже не имѣвшему прежняго вліянія на умы и сердца своихъ приверженцевъ. На первыхъ порахъ Юліанъ могъ имѣть справедливое основаніе встрѣтить сопротивленіе въ осуществленіи своихъ завѣтныхъ плановъ только со стороны одного христіанскаго общества, но ему очень скоро пришлось убѣдиться, что и сами язычники останутся равнодушными къ предпринятому имъ дѣлу возстановленія древняго культа. „Если геллинизмъ, съ горькимъ упрекомъ замѣчаетъ императоръ въ своемъ письмѣ къ верховному жрецу Галатіи, Арзакію, до сихъ поръ не дѣлаетъ такихъ успѣховъ, какіе бы слѣдовало отъ него ожидать, въ этомъ виноваты мы, его послѣдователи.... Мы отъ безпечности срамимъ себя и еще болѣе роняемъ благоговѣніе къ богамъ“ (1). Въ сирійскомъ городѣ Беритѣ, во время похода своего на персовъ, Юліанъ вздумалъ говорить рѣчь къ народному собранію, предметомъ которой служило увѣщаніе къ рев-

(1) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429 — 431. *Ἑλληνισμὸς ὕυπω πράττη κατὰ λόγυν ἡμῶν, ἕνεκα τ μετιόντων αὐτόν... Μὴ δὲ τὰ παρ᾽ ἡμῖν ἀγαθὰ παραζηλοῦν ἄλλας συγγωροῦντες, αὐτοὶ τῇ ραθυμία καταισχύνοιμεν, μᾶλλον δὲ καταπροδώμεθα τὴν εἰς τοὺς θεοὺς ἐυλάβειαν.*

ностному служенію богамъ. „Всѣ присутствующіе хвалили мою рѣчь, замѣчаетъ по этому поводу императоръ въ письмѣ своемъ къ Ливанію, но весьма немногіе убѣдились ею. Даже большинство людей, повидимому, до сего времени усердно преданныхъ геллинизму, незамедлили явиться тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ и потерять всякую благопристойность и всякій стыдъ“ (1). „Заклинаю тебя гостепріимнымъ Юпитеромъ, писалъ Юліанъ къ философу Аристомену, поспѣши придти ко мнѣ скорѣе и среди каппадокійцевъ покажи себя истиннымъ грекомъ. Здѣсь многіе отказываются приносить жертвы, а изъ тѣхъ, которые приносятъ ихъ, найдутся немногіе, дѣлающіе это отъ души, и притомъ къ несчастію люди самые необразованные“ (2). Въ LXIII письмѣ своемъ къ верховному жрецу Азіи Θеодору императоръ точно также выражаетъ свое глубокое негодованіе на равнодушіе къ древнему культу со стороны его послѣдователей, выражавшихъ свое усердіе къ нему исключительно только изъ-за желанія угодить императору. „Я очень сожалѣю, говоритъ онъ здѣсь, что культъ боговъ находится въ большомъ пренебреженіи. Напротивъ приверженцы безбожной секты (этимъ именемъ Юліанъ называлъ христіанъ) такъ ревностны къ своей вѣрѣ, что готовы за нее претерпѣть всевозможныя лишенія, голодъ, даже самую смерть, для того только, чтобы не ѣсть свинаго мяса и не касаться удавленины. Но мы остаемся равнодушными къ своимъ богамъ и доходимъ въ этомъ случаѣ до того, что сами забываемъ отечественные законы и не знаемъ того, что въ нихъ находится“ (3). Раздраженіе и гнѣвъ Юліана на хо-

---

(1) Julian. Epist. XXVII Liban. Sophist. et Questor. p. 299—402.

(2) Julian. Epist. IV Aristomen Philosoph. p. 375. *Ἔντυχε οὖν ἡμῖν περὶ τα τοιαῦτα πρὸς Διὸς ξενίου δεῖξον ἡμῖν ἄνδρα ἐν Καππαδόκαις καθαρῶς ἕλληνα· τέως γὰρ τοὺς μὲν οὐ βουλομένους, ὀλίγους δὲ τινας ἐθέλοντας μεν, ουκ ἰδότας δὲ, θῦειν ὁρῶ.*

(3) Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 453

лодность и равнодушіе языческаго общества къ своей религіи довольно рельефно обнаружились при слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ. Въ Кесаріи, главномъ городѣ Каппадокіи, христіане разрушили языческій храмъ, не встрѣтивъ при этомъ случаѣ ни малѣйшаго сопротивленія со стороны языческихъ жителей города. Узнавъ объ этомъ, императоръ пришелъ въ страшное негодованіе и незамедлилъ разразиться самыми горькими упреками противъ язычниковъ за то, что они не поспѣшили на помощь своимъ богамъ и не пожертвовали за нихъ своею жизнію (1).

Языческое общество, удовольствовавшись возвращеніемъ политеизму внѣшняго блеска и государственнаго значенія, оставалось холоднымъ и нечувствительнымъ къ энтузіазму Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа и возвышенія его внутренняго значенія. На первыхъ порахъ языческіе храмы были исправно посѣщаемы народомъ, войскомъ и государственными чиновниками, частію изъ-за желанія угодить императору, частію просто изъ любопытства видѣть его небывалую религіозную ревность, равно какъ великолѣпіе и блескъ языческаго богослуженія и религіозныхъ церемоній, давно уже не совершавшихся съ такою пышностію. Но въ скоромъ времени все это вошло въ свою обычную колею и языческое общество, не имѣя истинной религіозной ревности, бросило посѣщать храмы своихъ боговъ и религіозныя церемоніи. Въ самые торжественные праздники, посвященные тѣмъ или другимъ божествамъ, Юліанъ не встрѣчалъ ни жертвъ, ни либацій, ни толпы народа (2). Его нерѣдко можно было видѣть закалающимъ собственною рукою жертвенныхъ животныхъ и участвующимъ въ торжественныхъ религіозныхъ процессіяхъ лишь въ сопровожденіи не-

---

(1) Созом. Ц. И. V, 4, стр. 317.

(2) Julian. Misopog. p. 362.

многихъ старыхъ женщинъ (1). Но этого мало. Необычайная ревность Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа не только не находила подражанія въ язычникахъ, но нерѣдко встрѣчала со стороны послѣднихъ ироническія замѣчанія (2). Для язычниковъ казалось смѣшнымъ, что императоръ съ удивительнымъ благоговѣніемъ, точностію и усердіемъ исполняетъ всѣ обязанности жрецовъ и низшихъ храмовыхъ прислужниковъ, окровавленными руками роется во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ и съ ловкостію настоящаго гаруспекса читаетъ по нимъ будущее (3). Они желали видѣть въ своемъ властелинѣ лишь одного формальнаго почетнаго покровителя ихъ культа, верховнаго хранителя ихъ законовъ и священныхъ обычаевъ. Такое отношеніе языческаго греко-римскаго общества къ своему послѣднему императору—язычнику, съ необычайною ревностію совершавшему жертвоприношенія въ честь боговъ, наглядно показываетъ степень упадка, въ которой находился современный Юліану политеизмъ, такъ какъ даже, повидимому, среди самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ и въ виду опасности, угрожавшей новыми религіозными порядками, язычники не считали для себя необходимымъ соединиться вокругъ своихъ алтарей и дать отпоръ торжеству новыхъ религіозныхъ идей.

Юліанъ незамедлилъ встрѣтить полнѣйшее равнодушіе и холодность къ своему дѣлу даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, отъ которыхъ болѣе всего долженъ былъ ожидать поддержки при выполненіи своихъ завѣтныхъ плановъ. Представители языческой партіи, окружавшіе императора, и еще ранѣе вступленія его на престолъ мечтавшіе возстановить въ имперіи религіозный порядокъ дѣлъ, предшествовавшій Константину великому,

(1) Neander. T. III, s. 101.

(2) Amm. Marcell. XXII, 12.

(3) Ibidem.

теперь, когда наступило благопріятное для того время, удовольствовались однимъ только возвращеніемъ политеизму правъ государственнаго культа и соединенными съ нимъ привиллегіями его послѣдователей. Такимъ образомъ Юліанъ и современное ему языческое общество далеко расходились во взглядахъ другъ на друга и не понимали себя взаимно. Окружавшая императора среда представляла положительный контрастъ съ нимъ и холодно относилась къ его завѣтнымъ идеямъ и воззрѣніямъ, а между тѣмъ онъ въ дѣлѣ возстановленія политеизма естественно долженъ былъ болѣе всего разсчитывать на содѣйствіе съ ихъ стороны. Большая часть представителей языческой партіи, жившихъ при дворѣ Юліана, по признанію самихъ языческихъ писателей, далеко не отличалась нравственною чистотою и безукоризненностію своей жизни, такъ какъ придворная обстановка оказывала на нихъ самое деморализующее вліяніе въ этомъ отношеніи. Здѣсь можно было встрѣтить множество шарлатантовъ, продажныхъ женщинъ и вакханокъ, выдававшихъ себя за вдохновенныхъ жрицъ (1). Праздная роскошная жизнь, исполненная удовольствіями, составляла завѣтную цѣль для большинства представителей языческой партіи, окружавшей Юліана. Извѣстный уже намъ философъ Максимъ, имѣвшій роковое вліяніе на перемѣну религіозныхъ убѣжденій въ душѣ императора и пользовавшійся теперь безграничнымъ надъ нимъ вліяніемъ, подавалъ другимъ соблазнительный примѣръ въ этомъ отношеніи. Онъ до такой степени полюбилъ придворную жизнь, что никогда уже болѣе не разставался съ нею въ царствованіе своего ученика. Онъ постоянно носилъ дорогія роскошныя одежды, окружалъ себя великолѣпною пышною обстановкою, въ обращеніи съ другими представителями языческой партіи сдѣлался необыкновенно надмен-

(1) Eunap. vit. Sophist. p. 476.

(2) Ibidem.

нымъ и гордымъ, такъ что доступъ къ его особѣ сталъ крайне затруднительнымъ. Прочіе языческіе риторы, софисты и философы, окружавшіе императора, незамедлили послѣдовать соблазнительному примѣру его любимца. Подобно Максиму, они преданы были исключительно однимъ только корыстолюбивымъ и честолюбивымъ интересамъ, требовали себѣ только почестей и денегъ и оказывали полнѣйшее равнодушіе къ осуществленію завѣтныхъ плановъ императора. При ближайшемъ знакомствѣ съ современнымъ языческимъ обществомъ, послѣднее теперь явилось въ глазахъ Юліана далеко не въ томъ привлекательномъ видѣ, въ какомъ представлялось оно ранѣе — въ эпоху первой его молодости и первоначальныхъ сношеній съ представителями языческой партіи въ Малой Азіи. При такихъ обстоятельствахъ, строгій и суровый образъ жизни императора естественно не могъ производить на окружающую его среду благопріятнаго впечатлѣнія, а только способствовалъ возбужденію въ ней чувства неудовольствія своимъ настоящимъ положеніемъ. Риторы, софисты и философы, жившіе при дворѣ Юліана, въ своихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ требованіяхъ рѣшительно не хотѣли знать никакихъ предѣловъ и никакой умѣренности (1). Не смотря на различныя почетныя должности и званія, равно какъ и богатые денежные подарки, даваемые Юліаномъ своимъ друзьямъ, эти послѣдніе незамедлили поднять громкія жалобы на скупость и холодность къ нимъ со стороны императора, открыто заявляя, что жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ, что Юліанъ много обѣщалъ имъ, приглашая къ своему двору, но въ тоже время далеко не исполнилъ данныхъ обѣщаній (2).

---

(1) Julian. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 180—201.

(2) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 195—196. «Многихъ изъ своихъ сверстниковъ и знакомыхъ, особенно по азійскимъ училищамъ, замѣчаетъ св. отецъ, Юліанъ приглашалъ настоятельно къ себѣ, какбы намѣреваясь совершить дѣла дивныя,

Мы уже видѣли, что Юліанъ былъ чрезвычайно разсчетливъ и бережливъ, а теперь ему приходилось расточать государственную собственность на удовлетвореніе алчности своихъ друзей, незнавшихъ никакихъ предѣловъ и умѣренности въ своихъ требованіяхъ. Самая щедрость императора въ этомъ отношеніи, обнаруженная имъ на первыхъ порахъ, только еще болѣе усиливала требовательность его друзей (1). При такихъ обстоятельствахъ ему приходилось теперь нерѣдко отказывать въ удовлетвореніи желаній окружавшихъ его представителей языческой партіи и тѣмъ самымъ возбуждать съ ихъ стороны сильнѣйшее неудовольствіе къ себѣ и нерасположеніе къ своему дѣлу (2)—неудовольствіе, раздѣляемое даже самыми лучшими друзьями императора, отъ которыхъ менѣе всего можно было ожидать этого. Самъ Ливаній, жаркій панегиристъ Юліана, горько жаловался на него за безучастное отношеніе и скупость къ своимъ друзьямъ. „Не думаю, чтобы ты исключилъ меня изъ числа твоихъ друзей, писалъ онъ къ императору, хотя я одинъ только до сихъ поръ отъ тебя ничего не получилъ. Причина такого отношенія ко мнѣ понятна. Ты желаешь, чтобы во всѣхъ городахъ твоей имперіи процвѣтало краснорѣчіе, которымъ образованные люди преимущественно отличаются отъ варваровъ. Итакъ ты имѣешь основаніе бояться, чтобы я, сдѣлавшись человѣкомъ богатымъ, не оставилъ своего искусства и потому счита-

---

и окрылялъ надеждами, припоминая свои обѣщанія. Когда же они являлись, оказывалось, что это одна хитрая уловка и обольщеніе глазъ. Однихъ проводилъ онъ тѣмъ, другихъ инымъ. Нѣкоторыхъ даже дружески приглашалъ къ столу, вмѣсто всякой другой приманки, величалъ товарищами, подавалъ имъ чашу, шутилъ съ ними, но отпускалъ отъ себя ни съ чѣмъ, такъ что они не знали, кого болѣе винить, его ли въ обманѣ, или самихъ себя въ легковѣріи».

(1) Julian. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 180—204.

(2) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 194—195.

ешь необходимымъ держать меня въ бѣдности, чтобы я не покидалъ моихъ занятій. Только такимъ образомъ и могу я объяснить твое поведеніе. Несомнѣнно, что ты въ видахъ общественной пользы не даешь мнѣ никакой награды, и потому желаешь, чтобы за недостаткомъ денегъ я былъ богатъ даромъ слова" (1). Особенно бѣдная циническая обстановка частной домашней жизни Юліана, презиравшаго рѣшительно всѣ жизненныя удобства и доходившаго въ этомъ случаѣ до отрицанія всякихъ приличій, была далеко не по душѣ его друзьямъ, особенно любившимъ чувственныя удовольствія. Представители языческой партіи, жившіе во дворцѣ Юліана, становясь во враждебныя отношенія къ его строгимъ воззрѣніямъ на жизнь, заботились главнымъ образомъ только о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ подобающее значеніе, какъ приверженцы государственнаго культа, и видѣли необходимость возстановленія послѣдняго исключительно къ выгодѣ его сторонниковъ. Напрасно Юліанъ старался употреблять съ своей стороны всѣ усилія для улучшенія и возвышенія нравственнаго состоянія окружавшаго его языческаго общества, съ этою цѣлію писалъ сочиненія, спеціально направленныя къ тому, чтобы доказать ничтожество и пустоту матеріальныхъ благъ предъ духовными (2), прибѣгалъ даже въ этомъ случаѣ къ крутымъ энергическимъ мѣрамъ — все оказывалось безполезнымъ. Окружавшее Юліана языческое общество настолько пало въ нравственномъ отношеніи, что всѣ попытки, дѣлаемыя императоромъ для его исправленія, оказывались совершенно напрасными. Юліанъ не только не находилъ никакого сочувствія и помощи своему дѣлу со стороны окружавшихъ его представителей языческой партіи, но и наталкивался нерѣдко

(1) Liban. Epist. 371.

(2) Julian. Orat. V, in deorum matrem, p. 158 — 180. Orat. VI adversus imperitos canes, p. 180—201. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

на прямое противодѣйствіе. Ему приходилось встрѣчать очевидное неуваженіе и посмѣяніе тѣхъ самыхъ языческихъ обрядовъ и религіозныхъ церемоній, которыя онъ пытался возстановить въ прежнемъ ихъ видѣ и къ которымъ оказывалъ самое искреннее благоговѣніе. Изъ сохранившейся до нашего времени одной рѣчи Юліана можно видѣть, что императоръ однажды былъ вынужденъ вступить въ открытую энергическую полемику съ жившимъ при его дворѣ софистомъ Геракліемъ, который въ своихъ урокахъ, читанныхъ имъ публично, доказывалъ несостоятельность всей миѳологической стороны политеизма и подвергалъ самой ѣдкой и безпощадной критикѣ миѳологическія сказанія язычниковъ о своихъ богахъ (1). Такимъ образомъ Юліанъ при выполненіи своихъ завѣтныхъ плановъ долженъ былъ чувствовать совершенное одиночество и не только не находилъ содѣйствія своему дѣлу въ окружающихъ его друзьяхъ, но встрѣчалъ даже противодѣйствіе съ ихъ стороны.

Бережливостію Юліана были недовольны не одни только риторы, софисты и философы, жившіе при его дворѣ, но также окружавшіе его государственные чиновники (2). На первыхъ порахъ имъ казались весьма пріятными почести и награды, равно какъ и полученіе различныхъ должностей, соединяемое съ привязанностію къ древнему культу, но они въ скоромъ времени не замедлили разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Не смотря на всю щедрость и благоволеніе къ нимъ Юліана, въ нихъ также, какъ и въ другихъ представителяхъ языческой партіи, незамедлило въ сильнѣйшей степени возбудиться чувство недовольства, удовлетворить которому императоръ, при всемъ своемъ желаніи, былъ не въ состояніи (3). Что касается до народной

---

(1) Julian. Orat. VII ad Heraclium, de cynica secta, p. 204—240.

(2) Ibidem.

(3) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 194—195.

массы, то на первыхъ порахъ она большими толпами собиралась въ языческіе храмы, чтобы видѣть тамъ небывалую до тѣхъ поръ торжественность при совершеніи богослуженія и необычайную ревность императора, принимавшаго въ немъ непосредственное участіе. Но скоро народъ привыкъ ко всему этому и сталъ смотрѣть, какъ на нѣчто обыкновенное. Мало того, привыкши видѣть всюду своего верховнаго властелина во всемъ блескѣ и великолѣпіи земной власти, онъ началъ явно осмѣивать необычайную простоту жизни Юліана и осуждать самую его религіозную ревность (1). Ведя строгую жизнь, исполненную всякихъ лишеній и доходящую даже до отрицанія всякихъ приличій, Юліанъ, какъ намъ уже извѣстно, въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ дозволялъ себѣ посѣщеніе цирка и театра (2), чѣмъ онъ лишалъ себя одного изъ весьма могущественныхъ средствъ, которымъ язычество держалось среди народной массы. Мы уже видѣли, какую важную роль играли зрѣлища театра и цирка для народной толпы и какую тѣсную и непосредственную связь имѣли они съ вѣрованіями и преданіями политеизма. Юліанъ не умѣлъ воспользоваться этимъ средствомъ для пріобрѣтенія себѣ популярности и поддержанія древнихъ вѣрованій, тѣсно связанныхъ съ національными греко-римскими играми и зрѣлищами. Взамѣнъ всего этого онъ употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія привлечь вниманіе народа къ торжественнымъ жервоприношеніямъ, пышнымъ религіознымъ процессіямъ и церемоніямъ. Но и тутъ постигали его неудачи и разочарованіе. Народной толпѣ въ скоромъ времени прискучили однообразные обряды, процессіи и пышныя религіозныя церемоніи, которыя были далеко неспособны возбудить ея инстинкты въ такой степени, какъ театральныя зрѣлища, битвы гладіаторовъ и травля дикихъ звѣрей.

(1) Julian. Misopog. p. 357. Amm. Marcell. XXII, 12.

(2) Julian. Misopog. p. 349—352.

Нравственная строгость жизни, вводимая Юліаномъ въ среду современнаго ему языческаго общества, возбуждала одно неудовольствіе и духъ сопротивленія со стороны послѣдняго. Само языческое жречество, на помощь и содѣйствіе котораго императоръ имѣлъ болѣе всего основаній разсчитывать при осуществленіи своихъ завѣтныхъ плановъ въ дѣлѣ возстановленія и преобразованія политеизма, оказывало прямое несочувствіе его реформаторскимъ идеямъ. Для возбужденія содѣйствія со стороны языческихъ жрецовъ къ дѣлу своей реформы Юліанъ вынужденъ былъ нерѣдко прибѣгать къ крутымъ энергическимъ мѣрамъ и подвергать ослушниковъ своей воли строгимъ наказаніямъ (1). Но всѣ эти репрессивныя средства мало оказывали помощи дѣлу и только способны были возбуждать неудовольствіе и раздраженіе противъ императора со стороны жреческаго сословія.

Особенно рельефно проявился разладъ между Юліаномъ и современнымъ ему языческимъ обществомъ въ Антіохіи, гдѣ императоръ имѣлъ случай наглядно убѣдиться въ полнѣйшей холодности и равнодушіи язычниковъ къ древнему культу и въ совершенной безуспѣшности предпринятаго имъ дѣла возстановленія политеизма. Здѣсь языческое общество открыто заявило предъ всемъ тогдашнимъ міромъ, что не имѣетъ никакой солидарности съ реноваторомъ своей религіи и оставило его совершенно одинокимъ въ своей религіозной дѣятельности (2). Юліанъ прибылъ въ Антіохію лѣтомъ 362 г. и пробылъ зиму слѣдующаго 363 г. Дѣлая здѣсь необходимыя приготовленія къ предстоящему походу противъ персовъ, императоръ не забывалъ при этомъ случаѣ и своихъ плановъ касательно возстановленія политеизма. Антіохія въ то время по сво-

---

(1) Julian. Fragment. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 288—305. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae, p. 452—454. Epist. XLIX ad Arsac. Pontif. Galat. p. 429—432.

(2) Julian. Misopog. p. 357.

ей многолюдности, богатству и весьма значительнымъ торговымъ операціямъ, считалась однимъ изъ значительныхъ городовъ востока, гдѣ сосредоточивались органы администраціи и судопроизводства для всѣхъ азіатскихъ провинцій имперіи. При такихъ обстоятельствахъ Юліанъ придавалъ ей особенно важное значеніе въ дѣлѣ возстановленія политеизма, такъ какъ оттуда преобразованное имъ язычество могло распространиться по всѣмъ окрестнымъ странамъ. Но всѣ усилія его остались тщетными и ему здѣсь пришлось окончательно разойтись съ окружающимъ его языческимъ обществомъ. Съ особенною силою проявилась холодность антіохійцевъ къ древнему культу по случаю ежегодно совершаемаго въ ихъ городѣ праздника въ честь Дафнійскаго Аполлона. Дафна составляла предмѣстье Антіохіи, расположенное въ получасовомъ разстояніи отъ города, отличавшееся необыкновенною красотою и пріятностію своего мѣстоположенія. По описанію, сохраненному Созоменомъ, знаменитое антіохійское предмѣстье, „было украшено большою рощею кипарисовъ, между которыми встрѣчалось много и другихъ деревъ, а подъ деревами земля, смотря по времени года, произращавшая разнаго рода цвѣты. Это мѣсто повсюду облегалось болѣе какъ бы сводомъ, чѣмъ тѣнью; густота вѣтвей и листьевъ не позволяла проникать туда лучамъ солнечнымъ (1). Не менѣе пріятности и усладительности доставляли ему также обиліе и красота водъ (2), благорастворенность воздуха и тихое вѣяніе вѣтровъ. Тамъ, по баснословнымъ разсказамъ дѣтей Греціи, дочь рѣки Ладоны, Дафна, убѣжавшая изъ Аркадіи отъ Аполлона, превращена была въ соименное себѣ дерево (3). Но Аполлонъ и тутъ

---

(1) Созом. Ц. И. V, 19, стр. 358.

(2) Сравн. Amm. Marcell. XXII, 12, 13. Θеодор. Ц. И. III, 10, 11, стр. 208—210.

(3) Δάφνη—Лавръ.

не оставилъ ее: онъ увѣнчивался вѣтвями своей возлюбленной, обнималъ это дерево и болѣе всего любимое свое мѣсто почтилъ долговременнымъ пребываніемъ. При такомъ миѳологическомъ значеніи предмѣстія Дафны, люди скромные почитали за стыдъ ходить туда; ибо положеніе и свойство того мѣста влекло къ наслажденіямъ, а любовное содержаніе басни, при малѣйшемъ случаѣ, усугубляло страсть развратныхъ юношей. Извиняясь баснословнымъ разсказомъ, они сильно разжигались, бестыдно отваживались на дѣла срамныя и, будучи чужды скромности сами, не любили встрѣчать тамъ и скромныхъ людей“ (1). Въ память мнимаго превращенія любимой нимфы Аполлона въ Дафнѣ былъ построенъ великолѣпный храмъ, особенно славившійся на всемъ востокѣ прекрасною статуею этого бога, державшаго въ своихъ рукахъ лиру и золотую чашу, художественностію своей отдѣлки ничѣмъ не уступавшею знаменитому изваянію Зевса Олимпійскаго работы Фидія (2). Строителемъ храма былъ, какъ говорило преданіе, сирійскій царь Селевкъ, отецъ Антіоха, отъ котораго городъ получилъ свое названіе. Кромѣ пріятности и красоты своего мѣстоположенія, великолѣпнаго храма и стоящихъ въ немъ изображеній Аполлона и любимой его нимфы, описанная мѣстность въ глазахъ антіохійскихъ язычниковъ пользовалась еще большимъ уваженіемъ потому, что тамъ, какъ они думали, текла пророчественная вода кастальскаго источника, вмѣстѣ съ названіемъ имѣвшая силу источника Дельфійскаго (3). Народная молва гласила, будто бы императоръ Адріанъ, въ бытность свою еще частнымъ человѣкомъ, получилъ при посредствѣ этого источника предсказаніе о своемъ будущемъ политическомъ возвышеніи и возшествіи на тронъ. Погрузивъ

(1) Созом. Ц. И. V, 19, ст. 359.

(2) Ibidem. Сравн. Дамаскина сказаніе о св. Артеміѣ, гл. 52, стр. 483. См. Евагрій Ц. И. р. перев. Спб. 1853.

(3) Ibidem.

священную вѣтвь Дафны въ воду Кастальскаго источника, онъ немедленно же получилъ, какъ гласило преданіе, знаніе будущаго, прочитавъ свою судьбу на листьяхъ погруженной вѣтви. Сдѣлавшись императоромъ, Адріанъ немедленно же приказалъ завалить кастальскій источникъ громадными каменьями и засыпать его землею въ тѣхъ видахъ, чтобы кто нибудь другой, при его посредствѣ, не могъ получить одинаковое предсказаніе (1). Культъ Аполлона, совершаемый ежегодно въ Дафнійскомъ предмѣстьѣ, отличался необыкновенною пышностію и великолѣпіемъ и сопровождался самыми соблазнительными оргіями. На этотъ праздникъ стекались громадныя толпы народа не только изъ одной Антіохіи, но изъ самыхъ отдаленныхъ ея окрестностей и предавались здѣсь самому необузданному разгулу. Съ распространеніемъ христіанства въ Антіохіи значеніе Дафны измѣнилось для ея жителей. Развратный культъ Аполлона мало по малу вышелъ изъ употребленія и не встрѣчалъ уже болѣе усердныхъ поклонниковъ, какъ было ранѣе. Цезарь Галлъ въ періодъ своего кратковременнаго управленія востокомъ приказалъ запереть Дафнійскій храмъ и неподалеку отъ него построилъ церковь въ честь св. мученика Вавилы (2), пострадавшаго за Христа въ царствованіе императора Нумеріана (3), и перенесъ въ нее останки этого святителя. По прибытіи въ Антіохію, Юліанъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія праздника Аполлона, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій совершаемаго съ необыкновенною пышностію и великолѣпіемъ (4). Можно себѣ представить, каково было его изумленіе и разочарованіе, когда на этотъ праздникъ не явился ни одинъ изъ жителей много-

(1) Созом. Ц. И. V, 19, стр. 360.
(2) Ibidem.
(3) Филосторгій Ц. И. VII, 8.
(4) Julian. Misopog. p. 361—362.

людnаго и богатаго города, исключая одного стараго жреца, принесшаго съ собою въ жертву Аполлону гуся. Въ своемъ сатирическомъ произведеніи, извѣстномъ подъ именемъ Мисопогона, Юліанъ чрезвычайно краснорѣчиво описываетъ необыкновенную холодность и безучастіе антіохійцевъ къ празднику своего прежде столь уважаемаго бога и тѣ горькія чувства разочарованія, которыя самъ онъ испыталъ при этомъ случаѣ. „Въ десятомъ мѣсяцѣ года совершается въ Антіохіи древнее празднество въ честь Аполлона, говоритъ здѣсь Юліанъ, на которое весь городъ и его окрестности должны были собраться въ Дафну. Я оставляю храмъ Юпитера Казіуса и спѣшу въ городское предмѣстье, заранѣе ожидая быть свидѣтелемъ торжества, къ которому способны были антіохійцы. Въ моемъ воображеніи представлялось множество жертвъ, либацій и благовоній, торжественныя процессіи молодыхъ дѣвъ и юношей, облеченныхъ въ бѣлыя одежды—символъ сердечной чистоты и непорочности. Но все это оказалось внезапно какбы пріятнымъ сновидѣніемъ. Я вхожу въ храмъ и не вижу здѣсь никого изъ присутствующихъ, не встрѣчаю ни одной жертвы, ни одной лепешки, ни зерна ѳиміама. Въ изумленіи я думалъ, что всѣ приготовленія сдѣланы внѣ храма и что народъ ожидаетъ только моего приказанія, какъ Верховнаго жреца, для вступленія въ храмъ. Въ такомъ убѣжденіи я спрашиваю явившагося ко мнѣ жреца, какіе дары намѣренъ городъ принести Аполлону въ настоящій торжественный день. „Ничего, отвѣчалъ мнѣ жрецъ. Вотъ одинъ гусь, да и того я самъ принесъ изъ своего дома, городъ же не сдѣлалъ никакихъ приношеній“ (1). Жрецъ началъ совершать жертвоприношеніе въ честь Аполлона, но у него не оказалось при этомъ случаѣ ниодного помощника, кромѣ собственнаго сына, стыдившагося помогать своему отцу и при са-

(1) Julian. Misopog. p. 361—362.

момъ началѣ жертвоприношенія незамедлившаго изчезнуть изъ храма. За нѣсколько времени предъ тѣмъ онъ тайно отъ своихъ родителей перешелъ въ христіанство и, не смотря на всѣ угрозы и наказанія со стороны послѣднихъ, ни за что не соглашался возвратиться къ отправленію своей прежней должности при храмѣ (1). Чрезвычайно изумленный и огорченный такою холодностію и безучастіемъ антіохійцевъ къ своему уважаемому божеству, Юліанъ незамедлилъ сдѣлать по этому случаю сильный выговоръ антіохійскому сенату. „Постыдно, говорилъ онъ, что вашъ столь многолюдный и богатый городъ гораздо менѣе заботится о своихъ богахъ, нежели какая нибудь незначительная деревня въ отдаленныхъ странахъ Понта. Владѣя гораздо богатѣйшими общественными имуществами, вы не приносите въ жертву отечественному богу ни одной птицы на праздникѣ, совершаемомъ ежегодно, послѣ того уже когда боги разсѣяли тьму безбожія (такъ Юліанъ называлъ христіанство). Каждый изъ васъ не щадитъ никакихъ издержекъ на свои праздники и проводитъ ихъ въ необыкновенной радости и веселіи, между тѣмъ какъ не приноситъ ни одной жертвы за благоденствіе себя и цѣлаго города. Только одинъ жрецъ дѣлаетъ это, который, по моему мнѣнію, долженъ получать часть отъ вашихъ жертвъ и относить ее въ домъ свой. Каждый изъ васъ дозволяетъ женѣ своей все тащить къ галилеянамъ, которые на ваши средства питаютъ множество бѣдныхъ и доставляютъ чрезъ это доказательство своего безбожія. Мало того, не воздавая богамъ никакого почтенія, вы думаете, что тѣмъ самымъ не дѣлаете ничего неприличнаго“ (2).

Не смотря на такую замѣчательную холодность и равнодушіе антіохійцевъ къ древнему культу, Юліанъ

---

(1) Julian. Misopogon, p. 364. Θеодор. Ц. И. III, 14, стр. 213—214

(2) Ibidem. p. 363.

нисколько не терялъ надежды возстановить у нихъ политеизмъ въ прежнемъ его видѣ. При этомъ случаѣ онъ вовсе не подозрѣвалъ, что антіохійцы менѣе всего способны сочувствовать осуществленію его завѣтныхъ плановъ. Большая часть ихъ были христіане (1), а меньшинство, составлявшее изъ себя язычниковъ, было настолько слабо въ своей привязанности къ древнему культу, что, по свидѣтельству Ливанія, во всей Антіохіи можно было встрѣтить лишь немного сторожиловъ, сохранившихъ воспоминаніе о древнихъ обрядахъ и праздникахъ (2). Антіохійцы съ давнихъ поръ пользовались извѣстностію на всемъ востокѣ легкостію своихъ нравовъ, страстью къ нарядамъ, необузданною расточительностію и увлеченіемъ безнравственными зрѣлищами, за что они навлекли на себя справедливыя нареканія со стороны старшаго Катона, а впослѣдствіи времени энергическія обличенія св. Златоуста (3). Не смотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, Юліанъ, не обладавшій, какъ намъ уже извѣстно, практическою жизненною мудростію, знаніемъ духа и потребностей своего времени и умѣнья принаравливаться къ нимъ, рѣшился возстановить въ Антіохіи преобразованное имъ язычество со множествомъ различныхъ церемоній и обрядовъ, со всѣми его строгими аскетическими предписаніями, стоявшими въ прямомъ противорѣчіи съ изнѣженною и роскошною жизнію антіохійцевъ. По приказанію императора, храмъ Аполлона дафнійскаго былъ снова возстановленъ въ прежнемъ своемъ видѣ и украшенъ великолѣпными колоннадами (Peristylium), а кастальскій источникъ очищенъ отъ камней и земли, которыми онъ былъ заваленъ со временъ императора Адріана. Въ тоже самое время и другіе языческіе храмы и алтари, находящіеся въ Антіохіи и ея окрестно-

---

(1) Schrock, Christliche Kirchengeschichte. T. VI. p. 330.

(2) Liban. Orat. X, de vita sua, p. 81.

(3) См. Бесѣды къ антіохійскому народу.

стяхъ, запустѣвшіе или разрушенные, были снова возстановлены изъ своихъ развалинъ и въ нихъ по прежнему начали совершаться жертвоприношенія въ честь языческихъ боговъ (1). Но такая необычайная ревность императора въ дѣлѣ возстановленія имъ древняго культа въ Антіохіи не имѣла рѣшительно никакого значенія для осуществленія его завѣтныхъ плановъ. Правда, на первыхъ порахъ многочисленныя толпы народа со всѣхъ сторонъ стекались въ языческіе храмы, но онѣ дѣлали это не изъ чувства религіозной ревности, а просто изъ-за желанія быть свидѣтелями пышныхъ религіозныхъ церемоній и процессій и видѣть необычайное усердіе своего государя къ культу древнихъ боговъ, не гнушавшагося, а еще считавшаго для себя за особенное удовольствіе исполнять при этомъ случаѣ обязанности низшихъ храмовыхъ прислужниковъ. Не мало было и такихъ между антіохійцами, которые являлись въ храмы съ единственною цѣлію заслужить чрезъ это благосклонность со стороны императора (2). Въ скоромъ времени народъ совершенно бросилъ ходить въ храмы своихъ боговъ и посѣщать религіозныя церемоніи и празднества, не находя въ никъ для себя болѣе ничего особенно привлекательнаго. Но этого мало. Необычайная ревность Юліана въ дѣлѣ возстановленія древняго культа и его стремленіе ввести нравственную строгость жизни въ среду антіохійскаго общества не только не встрѣчала никакого сочувствія со стороны антіохійскихъ язычниковъ, но и возбуждала въ нихъ сильное неудовольствіе и подавала поводъ

(1) Amm. Marcell. XXII, 12: Augebantur caeremoniarum ritus immodice cum impensarum amplitudine antehac inusitata et gravi. Тотъ же писатель разсказываетъ, что вслѣдствіе безчисленнаго множества жертвоприношеній, совершаемыхъ императоромъ, и соединенныхъ съ ними праздествъ, въ Антіохіи среди солдатъ распространилось въ сильнѣйшей степени распутство. *Οὐδὲν οὕτω χαλεπὸν, οὐδὲ δύσβατον, ὅ μὴ λεῖον ἐδόκει νεῶν ἔχον ἢ πρότερον γε ἐσχηκός.* Liban. Monodia in Julian. p. 513.

(2) Liban. Orat. X de vita sua, p. 82. Julian. Misopogon. p. 344.

къ ироническимъ замѣчаніямъ. При видѣ безчисленнаго множества жертвенныхъ животныхъ, ежедневно закалаемыхъ на алтаряхъ боговъ, изумленные антіохійцы не стѣснялись громко говорить, что если императоръ возвратится побѣдителемъ изъ своего предстоящаго похода противъ персовъ, то всѣ быки будутъ истреблены на всемъ пространствѣ римской имперіи (1). Явившаяся такимъ образомъ холодность между реноваторомъ древняго культа и его языческими подданными въ Антіохіи незамедлила въ скоромъ времени произвести окончательный разладъ между ними (2). Поводомъ къ этому замѣчательному событію послужили главнымъ образомъ неудачныя мѣры, принятыя Юліаномъ для устраненія голода, постигшаго Антіохію. Скопленіе въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ многочисленной арміи, предназначенной къ походу противъ персовъ, весьма значительно подняло цѣну на всѣ жизненные продукты. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, народъ незамедлилъ свалить всю вину въ поднявшейся дороговизнѣ исключительно на однихъ хлѣбныхъ торговцевъ. „Житницы полны, кричали антіохійцы, а торговцы только пользуются случаемъ для того, чтобы продавать хлѣбъ какъ можно дороже“! (3). Съ цѣлію устраненія наступившей дороговизны Юліанъ пригласилъ къ себѣ хлѣбныхъ торговцевъ вмѣстѣ съ богатыми земледѣльцами и настойчиво убѣждалъ ихъ понизить цѣны на жизненные припасы. Тѣ дали обѣщаніе исполнить волю императора, но не могли сдѣлать этого въ скоромъ времени, такъ какъ причина возвышенія цѣнъ на жизненные продукты заключалась главнымъ образомъ не въ нихъ, а въ недостаткѣ подвозовъ изъ окрестныхъ странъ (4). Между тѣмъ цѣны на всѣ съѣстные припа-

(1) Amm. Marcell. XXII, 12.

(2) Julian. Misopogon. p. 371—372. Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292.

(3) Ibidem.

(4) Ibidem.

сы продолжали возрастать въ страшныхъ размѣрахъ и производили сильнѣйшее неудовольствіе противъ императора въ антіохійскомъ населеніи. Тогда Юліанъ, оскорбившись на торговцевъ за неисполненіе даннаго ими обѣщанія, порѣшилъ, что можетъ обойтись безъ ихъ содѣйствія для устраненія наступившей дороговизны. Въ этихъ видахъ онъ приказалъ выдавать бѣднымъ жителямъ города хлѣбъ даромъ изъ государственной казны, назначилъ опредѣленную таксу на всѣ жизненные припасы и строго воспретилъ продавать ихъ выше узаконенной нормы (1). Напрасно антіохійскій сенатъ дѣлалъ Юліану энергическія представленія, доказывая несостоятельность всѣхъ этихъ мѣръ для прекращенія наступившей дороговизны, а жившій въ то время въ Антіохіи софистъ Ливаній истощалъ съ своей стороны всѣ усилія и пускалъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить императора отмѣнить сдѣланное распоряженіе—Юліанъ остался непреклоненъ (2). Но ему въ самомъ непродолжительномъ времени пришлось горько разочароваться въ непрактичности принятыхъ имъ мѣръ для пониженія цѣнъ на жизненные продукты. Хлѣбныхъ запасовъ, выдаваемыхъ народу изъ общественныхъ магазиновъ, хватило всего лишь на нѣсколько дней. Въ тоже время хлѣбные торговцы, стѣсняемые опредѣленною цѣною, наложенною на всѣ съѣстные припасы, и будучи при такихъ условіяхъ не въ состояніи выдерживать конкурренцію съ правительствомъ, прекратили свои торговыя операціи и разбѣжались (3). Ихъ примѣру незамедлили послѣдовать земледѣльцы, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ опасеній переставшіе возить на рынокъ продукты своихъ по-

---

(1) Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 357—358.

(2) Liban. Orat. X, de vita sua, p. 43. Amm. Marcell. XXII, 14. Сокр. Ц. И. 17, стр. 293.

(3) Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 558.

лей [1]. Напрасно Юліанъ прибѣгалъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы побудить какъ хлѣбныхъ торговцевъ, такъ и земледѣльцевъ продолжать свои операціи;—всѣ эти мѣры остались безъ послѣдствій. При такихъ обстоятельствахъ искусственное изобиліе въ съѣстныхъ припасахъ, наступившее вслѣдствіе даровой раздачи хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ, внезапно превратилось въ крайнее оскудѣніе и въ городѣ незамедлилъ открыться настоящій голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями. Вся вина въ наступившемъ страшномъ бѣдствіи обрушилась въ глазахъ народа исключительно на голову одного Юліана [2]. Дѣйствительно, въ настоящемъ случаѣ императоръ сильно ошибался въ практичности принятыхъ имъ мѣръ къ устраненію наступившей дороговизны жизненныхъ продуктовъ. Если онъ думалъ серьезно воспрепятствовать возвышенію цѣнъ на съѣстные припасы, то долженъ былъ бы прежде всего озаботиться увеличеніемъ подвозовъ изъ сосѣднихъ съ Антіохіею мѣстностей Малой Азіи и Египта и этимъ средствомъ сбавить поднявшуюся дороговизну на всѣ жизненные продукты [3]. Но онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ правильности своихъ дѣйствій и обвинялъ самихъ антіохійцевъ въ неблагородномъ отношеніи къ своимъ распоряженіямъ, весьма полезнымъ и благодѣтельнымъ, по его взгляду, для ихъ города [4]. Неудачныя мѣры Юліана въ дѣлѣ устраненія возникшей дороговизны въ связи съ его необычайною ревностью къ возстановленію въ Антіохіи преобразованнаго имъ политеизма и введеніемъ среди антіохійцевъ строгой нравственной дисциплины, стоявшей въ контрастѣ съ ихъ роскошною жизнію и преданностію чувственнымъ удовольствіямъ, возбудили противъ императора силь-

---

[1] Сокр. Ц. И. III, стр. 292. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 358.

[2] Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292.

[3] Ibidem.

[4] Julian. Misopogon. p. 357. Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 293.

нѣйшее раздраженіе со стороны антіохійскаго населенія, какъ языческаго такъ и христіанскаго. Свою злобу и ненависть противъ Юліана антіохійцы старались теперь выместить при помощи самыхъ ѣдкихъ и язвительныхъ насмѣшекъ, не дѣлая ему рѣшительно никакой пощады въ этомъ отношеніи и стараясь отыскать всѣ дѣйствительныя или только мнимыя странности и недостатки, какъ въ самой наружности императора, такъ и въ его характерѣ (1). Суровый образъ жизни Юліана, доходившаго до отрицанія всѣхъ жизненныхъ удобствъ и презрѣнія всякихъ приличій, его непривлекательная фигура и необычайная ревность въ дѣлѣ совершенія обрядовъ древняго культа подверглись теперь самому безпощадному осмѣянію (2). Самыя изображенія императора на медаляхъ и монетахъ съ быкомъ и жертвеннымъ алтаремъ служили предметомъ для ѣдкихъ замѣчаній со стороны антіохійскаго населенія. Антіохійцы насмѣшливо говорили, что въ царствованіе Юліана лежащимъ навзничь быкомъ разрушенъ будетъ міръ (3). Недовольствуясь насмѣшками и ироническими замѣчаніями, дѣлаемыми Юліану въ глаза, антіохійцы не замедлили составить противъ него множество пасквилей, наполненныхъ самыми злостными нападеніями на его ревностную привязанность къ древнему культу, его циническую внѣшность, особенно на длинную, никогда не мытую, нечесанную, наполненную паразитами бороду (4). Антіохійцы осмѣивали его здѣсь, какъ маленькаго человѣка, который носитъ на показъ свою козлиную бороду и громко кричитъ, подобно гомерическимъ титанамъ Отусу и Ефіальтусу, называли также обезьяною, жертвеннымъ

(1) Созом. Ц. И. V, 19, стр. 358. Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 292—293. Julian. Misopogon p. 337—372.

(2) Ibidem.

(3) Сокр. Ц. И. III, 17, стр. 293. Созом. Ц. И. V, 19, стр. 358.

(4) Ibidem. стр. 292. Julian. Misopog. p. 338—339.

мясникомъ и другими позорными именами. Но этого казалось еще мало и антіохійскіе язычники въ своемъ раздраженіи противъ императора шли все далѣе и далѣе. Они не стѣснились даже открыто заявить Юліану, что имъ гораздо лучше и пріятнѣе жилось въ царствованіе его христіанскихъ предшественниковъ, нежели въ правленіе императора язычника (1). Нельзя не видѣть, что въ этомъ признаніи антіохійскихъ язычниковъ выразился окончательный разладъ между Юліаномъ и современнымъ ему языческимъ обществомъ и ихъ взаимное непониманіе другъ друга. Дальше такого явнаго неуваженія и презрѣнія къ своему послѣднему императору и его завѣтнымъ планамъ идти языческому обществу казалось было некуда. Раздраженный злостными нападками и ѣдкими насмѣшками со стороны какъ языческаго такъ и христіанскаго населенія Антіохіи и желая отомстить ему тою же самою монетою, Юліанъ не замедлилъ написать противъ антіохійцевъ особую сатиру, извѣстную подъ именемъ Мисопогона (2), въ которой онъ излилъ всю свою ненависть противъ языческихъ и христіанскихъ жителей Антіохіи, осмѣивая ихъ роскошь, необузданную преданность чувственнымъ удовольствіямъ, легкость нравовъ и холодность къ древней религіи отцовъ. Здѣсь императоръ не только перечисляетъ всѣ бранныя рѣчи, направленныя противъ него со стороны враговъ, но присоединяетъ даже не мало подробностей, представляющихъ его личность еще въ болѣе непривлекательномъ и невыгодномъ свѣтѣ.

Расходясь такимъ образомъ съ языческимъ обществомъ востока, Юліанъ въ тоже самое время не встрѣчалъ поддержки своему дѣлу со стороны западныхъ язычниковъ. При осуществленіи своихъ плановъ онъ

---

(1) Julian. Misopog. p. 357.

(2) Отъ *μισέω* и *πώγων*, — ненавистникъ бороды, т. е. бородатыхъ философовъ.

оставилъ безъ всякаго вниманія Римъ и Италію, между тѣмъ какъ здѣсь, повидимому, и долженъ былъ болѣе всего разсчитывать на успѣхъ своего предпріятія. Для Вѣчнаго города, со временъ перенесенія императорской резиденціи въ Константинополь, не могъ болѣе нравиться ни одинъ восточный монархъ, въ которомъ онъ естественно видѣлъ человѣка, совершенно чуждаго и даже враждебнаго своимъ завѣтнымъ интересамъ. По своему рожденію, воспитанію, образованію и природнымъ наклонностямъ Юліанъ былъ истымъ грекомъ и въ этомъ отношеніи представлялъ полнѣйшій контрастъ съ своими предшественниками на тронѣ, рожденными въ предѣлахъ Италіи (1). Подобно своему дядѣ, Константину великому, онъ не любилъ ни Рима, ни Италіи и потому не разсчитывалъ на ихъ поддержку въ предпринятомъ имъ дѣлѣ возстановленія политеизма. Юліанъ не понималъ, что римскій сенатъ и аристократія имѣли гораздо болѣе значенія для поддержанія древняго культа, нежели софисты Аѳинъ и Малой Азіи. Нельзя объяснить этого презрѣнія иначе, какъ только воспитаніемъ Юліана, совершеннымъ за предѣлами римской цивилизаціи. Юліанъ не видѣлъ ничего за предѣлами страны, которая съ давняго времени не имѣла никакого значенія въ области политическихъ интересовъ. Тамъ онъ помѣстилъ хранилище своихъ привязанностей и всѣхъ своихъ надеждъ. Аѳины составляли для него столицу греко-римскаго міра, между тѣмъ какъ Римъ и Константинополь всегда стояли у него на заднемъ планѣ. Юліанъ судилъ о славѣ и могуществѣ городовъ исключительно только по числу риторовъ, философовъ и софистовъ, которыми они владѣли. Оттого Греція, владѣвшая гораздо большимъ количествомъ этихъ людей, нежели Италія, необходимо должна была стоять въ глазахъ императора гораздо выше послѣдней. Римъ для Юліана былъ

(1) Amm. Marcell. XXII, 9.

не болѣе какъ греческая колонія. „Константинополь— мое отечество, писалъ онъ къ александрійцамъ, и я принадлежу ему гораздо болѣе, нежели Констанцій. Тотъ любилъ его какъ свою сестру, а я его люблю какъ свою мать. Константинополь видѣлъ мое рожденіе, онъ заботился о моемъ дѣтствѣ и потому я не долженъ оказывать къ нему неблагодарности“ (1). Юліанъ думалъ, что лучше всего можетъ поласкать самолюбіе италійцевъ, говоря имъ: „вы греки по вашему происхожденію, и потому должны сохранить въ своихъ чувствахъ и въ своемъ поведеніи этотъ славный знакъ благородства“ (2). Императоръ забылъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ римской аристократіи и какое дѣятельное участіе принимала она въ его политическомъ возвышеніи. Интрига двора, ловко задуманная, заставила провозгласить его цезаремъ не въ Никомидіи, не въ Антіохіи, еще менѣе въ Аѳинахъ, но въ Миланѣ. Назначенный правителемъ Галліи, Юліанъ былъ сопровождаемъ туда исключительно италійскими легіонерами и его свиту составляли полководцы, главнымъ образомъ принадлежавшіе, по своему происхожденію, западнымъ провинціямъ имперіи. Западные легіоны вмѣстѣ съ своими полководцами всегда оставались самыми вѣрными приверженцами Юліана во всѣхъ его походахъ отъ границъ Германіи и до предѣловъ Персіи, они доставили ему, наконецъ, императорскую корону и обладаніе надъ всѣмъ греко-римскимъ міромъ. Такія великія услуги часто забываются тѣми, которые получаютъ ихъ, но никогда тѣми, которые оказываютъ ихъ. Что же дѣлаетъ Юліанъ съ цѣлію отблагодарить римскую аристократію за всѣ великія услуги, которыя она ему оказала въ дѣлѣ возвышенія его политическаго значенія? Онъ неосторожно отдался полету идей, совершенно чуждыхъ римлянамъ, и жестоко посмѣялся

(1) Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 432—435.

(2) Ibidem. Epist. X popul. Alexandr. p. 378—380.

такимъ образомъ надъ послѣдними, какъ будто онъ не зналъ, что этотъ народъ ставитъ божественнаго основателя своего города гораздо выше тѣхъ иноземныхъ божествъ, которые были приведены въ рабство изъ Греціи. Возбуждая удивленіе, даже ироническія замѣчанія своею необычайною ревностію въ дѣлѣ возстановленія язычества на востокѣ со стороны тамошнихъ язычниковъ, Юліанъ въ тоже самое время ни разу не доставилъ римлянамъ удовольствія видѣть себя приносящимъ жертвы богамъ въ ихъ Капитоліѣ. При такихъ условіяхъ въ исторіи римскаго язычества царствованіе Юліана осталось совершенно безслѣднымъ. Правда, множество статуй, поставленныхъ на западѣ въ честь этого императора, могутъ, повидимому, доказывать противное, однако неоспоримо извѣстно, что римская аристократія, отзываясь всегда съ холодностію, хотя и безъ ненависти, о Константинѣ великомъ, съ удовольствіемъ о Констанціѣ, который будучи христіаниномъ, тѣмъ не менѣе свидѣтельствовалъ уваженіе Вѣчному городу, о царствованіи Юліана не сохранила рѣшительно никакихъ воспоминаній (1).

Встрѣчая повсюду среди восточныхъ язычниковъ необыкновенную холодность и равнодушіе къ своему дѣлу и не находя для себя поддержки въ языческомъ обществѣ запада, Юліанъ тѣмъ не менѣе не отчаявался въ успѣхѣ своего предпріятія. Неудачи и препятствія нисколько не ослабляли его энергіи, а еще болѣе усиливали его ревность въ осуществленіи своихъ завѣтныхъ плановъ. Всѣ надежды свои онъ возлагалъ на предпринятую имъ реформу языческаго культа, при помощи которой онъ думалъ преобразовать языческое общество на новыхъ началахъ и влить въ него такой же сильный энтузіазмъ къ древней религіи, которымъ

(1) Beugnot, Histoire de la destruction du paganisme en Occident. t. 1, p. 218.

былъ самъ проникнуть. Но при осуществленіи своихъ преобразовательныхъ плановъ онъ жестоко ошибался, нисколько не сознавая, что язычество уже болѣе неспособно было къ обновленію своихъ устарѣвшихъ формъ и къ своему дальнѣйшему существованію. Преобразовать какую либо религію—значитъ снова возводить ее къ первоначальному состоянію, къ тѣмъ догматическимъ и нравственнымъ предписаніямъ, которыя даны ей при самомъ ея происхожденіи. Достаточно одного этого простаго положенія, чтобы понять, что есть религіи, доступныя реформѣ, и есть неспособныя принять ее. Чтобы возвести извѣстную религію къ ея первоначальнымъ основаніямъ, необходимо, чтобы эти послѣднія были въ точности опредѣлены. Посмотримъ теперь, могло ли все это произойти съ религіей грековъ и римлянъ. Эти народы никогда не имѣли точныхъ религіозныхъ символовъ. Смотрѣть на произведенія Гомера и Гезіода, какъ на религіозные символы,—значило бы не знать характера этихъ произведеній греческаго генія и допускать, наконецъ, анахронизмъ, потому что Гомеръ только собралъ и утвердилъ, если угодно, религіозныя вѣрованія, но не создалъ ихъ. Первоначальная обоготворенная исторія и общественныя празднества—вотъ два элемента, создавшіе греко-римскій политеизмъ. Можно очень много и долго разсуждать о чистомъ и глубокомъ смыслѣ и значеніи античныхъ миѳовъ, но нигдѣ и никогда нельзя найти религіознаго символа, который бы создалъ греко-римскій политеизмъ и который бы въ извѣстную эпоху былъ признаваемъ всѣми послѣдователями этой религіи. Итакъ, въ чемъ же должна была заключаться миссія реформатора геллинизма? Доказать, что историческія традиціи во многихъ случаяхъ были вымышлены, обязать своихъ согражданъ отбросить тѣ изъ нихъ, которыя были ложны и сохранить только тѣ, достовѣрность которыхъ не была заподозрѣна,—это была работа ученаго, точнаго и отчетливаго историка, но не реформатора. Оставалась только церемоніальная

практика, которую можно было сдѣлать менѣе противною законамъ нравственности, менѣе враждебною стыдливости и менѣе смѣшною въ своихъ подробностяхъ. Безъ сомнѣнія, не мало труда у грековъ и римлянъ было употреблено на это, но очевидно, какое слабое значеніе имѣла дѣятельность реформатора, еслибы она ограничивалась только одними церемоніями, обычаями и общественными празднествами. Римскій сенатъ издавна пробовалъ эту реформу церемоній, упраздняя нѣкоторую часть религіозной практики, противной добрымъ нравственнымъ правиламъ, и усиливался перенести благочестіе народа къ алтарямъ національныхъ боговъ. Не смотря на всю его заботливость, культъ римлянъ не сдѣлался лучше, потому что злоупотребленія и пороки, дѣлавшія изъ религіозныхъ церемоній гнусный обманъ, лишь только были воспрещаемы съ одной стороны, какъ немедленно же появлялись съ другой. Имѣла ли мѣсто реформа въ томъ случаѣ, когда были уничтожены вакханаліи? Луперкаліи и Флораліи не продолжали ли оскорблять общественную нравственность? При такихъ условіяхъ являлась очевидная необходимость отказаться отъ всякой реформы, къ которой политеизмъ рѣшительно не былъ способенъ. Юліанъ не понималъ ясно, что греческій натурализмъ, какъ религія чувствъ и восточный идеализмъ, какъ дѣло самаго отвлеченнаго созерцанія, несоединимы между собою и что отъ неестественнаго сочетанія этихъ двухъ противоположностей для политеизма, какъ народной религіи, нельзя было ничего ожидать, кромѣ еще большаго ослабленія. Онъ не сознавалъ также, что символы народной религіи не представляютъ собою мертвой матеріи, способной выражать всякую идею, что они имѣютъ для народа свой опредѣленный смыслъ и что произвольное толкованіе ихъ, приходя въ противорѣчіе съ народными вѣрованіями, не могло не оказывать на народную религію разрушительнаго вліянія. Благодаря своей реформѣ, Юліанъ создалъ такую политеистическую систему, въ которой народъ не узна-

валъ своей прежней религіи, своихъ прежнихъ боговъ, а люди образованные видѣли тѣхъ же идоловъ народнаго суевѣрія, только облеченныхъ въ болѣе благовидныя формы. Древній символизмъ народной религіи былъ чрезвычайно многосложенъ и запутанъ. Думая внести въ него, при помощи своей реформы, нѣкоторый порядокъ и связь, Юліанъ самъ нерѣдко запутывался въ лабиринтѣ безчисленнаго множества миѳовъ. Въ тоже время съ цѣлію осмыслить народную миѳологію и придать ей болѣе высшее значеніе, онъ дозволялъ себѣ многое перемѣнять въ ней, не мало относить въ область басней, чистаго вымысла и лжи. Такъ онъ, какъ мы уже имѣли случай видѣть, признавалъ за чистый вымыселъ все, что народная религія говорила о пожираніи богами собственныхъ своихъ дѣтей, о прелюбодѣйствѣ, воровствѣ небожителей и проч. Попытка Юліана преобразовать политеизмъ только могла принести вредъ послѣднему, все болѣе и болѣе роняя авторитетъ его въ глазахъ народной массы. Что могъ въ самомъ дѣлѣ подумать теперь народъ о своей религіи, когда самъ реноваторъ древняго культа какбы стыдился тѣхъ самыхъ вѣрованій, неприкосновенность которыхъ онъ взялся поддерживать? Стараясь дать языческому обществу новую религіозную систему, Юліанъ ошибался въ томъ отношеніи, что придалъ ей характеръ метафизической отвлеченности, ясно не сознавая, что народная религія выигрываетъ очень мало вслѣдствіе присоединенія къ грубому политеизму философскихъ тонкостей и умозрѣній. Извѣстно, что все утонченное, до чего надобно доходить путемъ многосложныхъ толкованій не можетъ не возбуждать множество недоумѣній и сомнѣній со стороны человѣка. Видя, что самъ реноваторъ древняго культа употребляетъ не мало усилій для того, чтобы осмыслить и одухотворить многія стороны политеизма, что онъ нерѣдко измѣняетъ ихъ смыслъ, представляющійся съ перваго взгляда, народъ необходимо долженъ былъ приходить къ убѣжденію, что его вѣрованія, взятыя въ непосредственномъ сво-

емъ видѣ, прямо нелѣпы. Какъ ни представлялось съ перваго взгляда утонченнымъ аллегорическое объясненіе миѳологической стороны народной религіи, оно не могло оказывать помощи дѣлу язычества, такъ какъ въ самомъ существѣ своемъ оказывалось ложнымъ. Для народа имѣлъ значеніе исключительно одинъ только прямой буквальный историческій смыслъ миѳовъ и онъ никогда не задавался мыслію наводить на нихъ аллегорическія толкованія. Наконецъ, аллегорическое объясненіе, даваемое Юліаномъ миѳологической сторонѣ политеизма, въ глазахъ народа очевидно противорѣчило тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя сами боги давали о себѣ въ оракулахъ. Здѣсь они ясно говорили о своемъ рожденіи, родителяхъ и другихъ событіяхъ своей жизни, а все это очевидно показывало, что они—конкретныя существа, а не безличныя силы природы, какими представлялись въ религіозномъ сознаніи Юліана. Если бы даже Юліану удалось узаконить символическое значеніе миѳологической стороны политеизма, то и въ такомъ случаѣ язычество все-таки являлось ничѣмъ инымъ, какъ только грубымъ идолопоклонствомъ со всѣми его недостатками и несообразностями. „Всѣ языческія басни, справедливо замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, такъ умно и такъ разнообразно сложенныя и выходящія изъ всякаго порядка, можетъ ли кто нибудь, сколько бы онъ ни былъ у васъ возвышенъ и великъ и даже равенъ самому Зевсу по премудрости, ввести въ предѣлы благоприличія, какія бы не придумывалъ онъ умозрѣнія, самыя заоблачныя и превышающія мѣру нашего благоразумія (1)? Что изъ этого выйдетъ, какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и иносказаніями прикрывать свои бѣдствія или другіе вымыслы, но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что ви-

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1. слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 171.

дятъ. Такова умозрительная часть языческаго любомудрія! Такъ далека она отъ предполагаемыхъ ими цѣлей, что скорѣе все прочее можно связать между собою, скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ сочетать и привести въ согласіе ихъ вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и того же учителя“ (1). Политеизмъ ничего не могъ выиграть отъ аллегорическаго толкованія и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ и теперь, не смотря на всѣ усилія Юліана придать миѳологической сторонѣ древняго культа болѣе возвышенный смыслъ и значеніе, соблазнительные и безнравственные образы оставались въ немъ по прежнему. Св. Григорій Богословъ рельефно выставляетъ наружу эти свойства языческихъ аллегорій. „Что сказать о нравственной части любомудрія язычниковъ? восклицаетъ св. отецъ. Откуда и съ чего начать имъ и какія употребить побужденія, чтобы научить слушателей добродѣтели и посредствомъ своихъ увѣщаній сдѣлать ихъ лучшими“ (2)? Объяснивши затѣмъ, что язычники, не смотря на всѣ усилія своихъ учителей, не могутъ извлечь изъ своихъ сказаній о богахъ ничего, кромѣ подражанія убійствамъ, грабежу, неуваженію къ родителямъ, объяденію и другимъ порокамъ, а вовсе не добродѣтели, св. Григорій Богословъ добавляетъ: „зачѣмъ всѣ эти извороты? Если вы хотите передать мнѣ вещи хорошія, называете ихъ мнѣ настоящимъ ихъ именемъ, а желая научить истинѣ, не заставляйте меня идти путемъ заблужденія. Эти соблазнительные миѳы, въ которыхъ вамъ угодно видѣть столько глубины, истинны они или ложны? Если они истинны, то что же у васъ за боги и какъ вы думаете возвысить нравственно народъ, представ-

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 173.

(2) Ibidem.

ляя ему такіе примѣры? Если же они ложны, то зачѣмъ вести насъ къ добру путемъ соблазна? Зачѣмъ учить пороку, имѣя въ виду заставить насъ полюбить истину? Не таковы наши аллегоріи. Тогда какъ у васъ образъ остается нечистъ, у насъ и образъ и изображаемое имъ равно святы и назидательны" (1). Своею попыткою преобразовать политеизмъ на новыхъ началахъ Юліанъ только доказалъ полнѣйшее безсиліе и неспособность послѣдняго къ дальнѣйшему существованію въ настоящемъ его видѣ.

Язычество, какъ мы уже видѣли, имѣло сильную поддержку для своего существованія въ интересахъ, которымъ оно само оказывало сильное покровительство. Кромѣ науки и литературы древняго міра, страсти народа къ играмъ и зрѣлищамъ, оно крѣпко держалось, особенно на западѣ, благодаря привязанности аристократіи къ національнымъ обычаямъ и политическимъ учрежденіямъ, тѣсно связаннымъ съ древними преданіями и вѣрованіями. Каждая область, каждый городъ старались сохранять свои обряды, какъ драгоцѣнные остатки своей національности. Но и эти опоры язычества съ теченіемъ времени по мѣрѣ постепеннаго разложенія государственнаго организма стали приходить въ упадокъ. Съ ослабленіемъ патріотическихъ воспоминаній и патріотическихъ чувствъ теряли свой смыслъ и первоначальное значеніе и тѣсно связанныя съ ними религіозныя учрежденія язычества. Всѣ мѣстные обряды и церемоніи теперь не имѣли уже другой привлекательности, кромѣ старой привычки, которая скоро теряетъ жизненную силу. Притомъ же Юліанъ въ предпринятомъ имъ дѣлѣ возстановленія политеизма, какъ мы видѣли, не имѣлъ для себя опоры на западѣ, а между тѣмъ тамъ язычество и было особенно сильно, благодаря своей непосредственной связи съ обществен-

---

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 171.

ными и государственными учрежденіями и національными традиціями.

Что касается, наконецъ, до стремленія Юліана заимствовать изъ христіанства и перенести въ язычество нѣкоторыя учрежденія христіанской церкви съ цѣлію возвышенія нравственной стороны жизни современнаго ему языческаго греко-римскаго общества, то и отсюда политеизмъ не могъ извлечь для себя особенной пользы. Стараясь осуществить практическую реформу язычества посредствомъ перенесенія въ него идей и учрежденій христіанской церкви, Юліанъ впадалъ, самъ того не замѣчая, въ грубую ошибку. Онъ упускалъ совершенно изъ вниманія ту простую общеизвѣстную истину, что нельзя произвольно усвоять одной религіи тѣ качества, которыя составляютъ существенныя и неотъемлемыя свойства высшихъ началъ другой. „Справедливо, утверждаетъ св. Григорій Богословъ, христіанскіе законы и обычаи однимъ только христіанамъ и свойственны, такъ что никому другому, кто только захотѣлъ бы подражать намъ, невозможно перенять ихъ оттого, что они утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Божіею и долговременнымъ постоянствомъ“ (1). Юліанъ нисколько не чувствовалъ, что всякое заимствованіе чуждыхъ язычеству элементовъ и всякое напряженіе внутреннихъ силъ послѣдняго можетъ только ускорить приближающійся конецъ его. Всѣ старанія императора пересадить на почву язычества идеи и учрежденія христіанской церкви остались тщетными и только усвоили ему за такое подражаніе справедливое названіе обезьяны христіанства (2). Всѣми этими попытками

---

(1) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 166.

(2) Ibidem. «Разсказываютъ, замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, что и обезьяны подражаютъ такимъ движеніямъ, которыя предъ глазами ихъ дѣлаетъ человѣкъ, чтобъ обмануть ихъ; но этимъ самымъ ихъ и ловятъ, такъ какъ подражаніе ихъ не можетъ дойти до нашей смышлености».

Юліанъ показалъ только внутреннюю несостоятельность язычества и превосходство надъ нимъ христіанства. Если бы планъ Юліана перенести въ язычество учрежденія христіанской церкви исполнился, то императоръ все-таки не достигъ бы своей цѣли. Сколько бы политеизмъ ни подражалъ христіанству, сколько бы ни перенималъ его учрежденій и идей, онъ никогда бы не получилъ внутренней силы и жизненности послѣдняго. Политеизмъ открыто заявилъ свою внутреннюю несостоятельность и неспособность къ своему обновленію. Всѣ средства были употреблены Юліаномъ для возстановленія язычества и всѣ они оказались безплодными и безсильными вдохнуть жизнь въ отжившія свой вѣкъ формы его существа. Юліанъ жестоко ошибался въ природѣ греко-римскаго политеизма и придавалъ ему слишкомъ много значенія. Отъ язычества, презиравшаго аскетическое отреченіе отъ чувственныхъ удовольствій и предпочитающаго всему блага чувственнаго міра, онъ вздумалъ требовать христіанской воздержности, отреченія отъ собственной воли и подчиненія строгимъ нравственнымъ законамъ, которые, казалось, навсегда изгоняли изъ человѣческой жизни всякое радостное чувство. Всѣ эти требованія стояли въ прямомъ противорѣчіи съ основными принципами греко-римскаго политеизма, дававшаго полную волю проявленію чувственныхъ наклонностей и страстей. Многіе языческіе храмы, церемоніи и религіозные праздники прямо были посвящены служенію порокамъ и разврату. Самъ Юліанъ, не смотря на свой цѣломудренный образъ жизни, по своему званію Верховнаго первосвященника, не могъ не покровительствовать различнымъ культамъ, посвященнымъ разврату. Народъ нерѣдко видѣлъ своего императора на праздникахъ въ честь нецѣломудренной Венеры окруженнымъ развратными жрицами и участвующимъ вмѣстѣ съ ними въ религіозныхъ церемоніяхъ, посвященныхъ въ честь этой богини. „Нельзя не видѣть, справедливо замѣчаетъ Шаффъ, что вся попытка

Юліана возстановить язычество чрезъ заимствованіе въ него изъ христіанства совершенно чуждыхъ для него элементовъ была совершенно безполезна и безплодна. Она казалась равносильною гальванизировать мертвый трупъ, прививать свѣжія вѣтви къ мертвому стволу, сѣять доброе сѣмя на каменистую почву, или вливать новое вино въ ветхіе мѣхи, при чемъ мѣхи разрывались и вино проливалось" (1). „Язычество было и осталось трупомъ, утверждаетъ Кельнеръ, всѣ попытки къ его оживленію оказывались совершенно напрасными, особенно когда онѣ стояли въ очевидномъ противорѣчіи съ духомъ язычества и его исторіею" (2). По взгляду Штрауса, „попытку Юліана примѣнить къ древнему культу учрежденія новаго религіознаго общества (христіанскаго), которыя ему казались достойными подражанія и способными пріобрѣсти себѣ послѣдователей, слѣдуетъ считать дѣломъ похвальнымъ. Но въ тоже время нельзя не видѣть, что преобразованное Юліаномъ язычество представляло собою клочья стараго платья съ новыми заплатами, чрезъ что дира должна была сдѣлаться еще больше" (3).

Яковъ Алфіоновъ.

(Продолженіе будетъ)

---

(1) Schaff Geschichte d. alten Kirche Leipz. 1869, II. Abtheil. p. 478.

(2) Kellner Hellenismus und Christentum oder die geistige Reaction d. antiken Heidenthums gegen das Christenthums Mit besonderer Rücksicht auf die christenfeindliche Literatur d. classischen Alterthums so wie auch der Gegenwart. Köln 1866, стр. 274.

(3) Strauss, Der Romantiker auf dem Throne der Cäsaren, oder Julian der Abtrünnige. Mannheim 1847, стр 33.

НРАВСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА [1].

—

ВВЕДЕНІЕ.

Доказательства существованія нравственной природы въ человѣкѣ и понятіе о ней. Происхожденіе иѳическихъ идей. Главная цѣль и задача практической философіи. Логическія, познавательно-теоретическія и естественно-научныя основы практической философіи. Сила воли и свобода воли. Они предполагаютъ собою нравственные элементы нашего существа и служатъ признакомъ этихъ элементовъ. Опроверженіе матеріализма.

Иѳика (въ болѣе обширномъ смыслѣ) есть обоснованное на научныхъ данныхъ ученіе о нравственной природѣ человѣка. Нравственная природа человѣка

---

[1] Этотъ трактатъ о нравственной природѣ человѣка мы перевели изъ послѣдняго сочиненія Ульрици, вышедшаго первымъ томомъ въ 1873-мъ году и озаглавливающагося: «Grundzüge der practischen Philosophie». Имя этого замѣчательнаго мыслителя Германіи, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ вѣрнаго христіанскому теистическому міровоззрѣнію и горячо защищающаго его отъ нападеній невѣрія, слишкомъ популярно и у насъ для того, чтобы намъ поднимать рѣчь о заслугахъ Ульрици для современныхъ христіанскихъ обществъ. Сочиненія Ульрици подъ заглавіемъ. 1) «Богъ и природа» и 2) «Тѣло и душа» уже нѣсколько лѣтъ, какъ переведены на русскій языкъ. Другія его сочиненія, хотя и остаются еще безъ перевода, однакожь пользуются почетной извѣстностію въ нашемъ учено-богословскомъ мірѣ. Желательно было бы, чтобы и послѣднее, названное нами выше, сочиненіе трудолюбиваго германскаго ученаго было также переведено на русскій языкъ. Уже по одному избранному

обнаруживается съ различныхъ сторонъ и въ различныхъ формахъ; поэтому въ составъ иѳики входятъ очень многія части ея. Сюда относятся естественное право или философія права, иѳика въ тѣсномъ смыслѣ или нравственная философія и эстетика или философія искусства. Всѣ эти части, взятыя вмѣстѣ, составляютъ такъ называемую практическую философію.

Извѣстно, что сомнѣніе и неизбѣжный его спутникъ—критика постоянно сопровождаютъ всякое научное изслѣдованіе. Неудивительно поэтому, что есть люди, для которыхъ нравственная природа человѣка, ея сущность и самое бытіе составляютъ предметъ сомнѣнія и спора. Отсюда первая задача иѳики состоитъ въ томъ, чтобы доказать права ея на существованіе.

Для этой цѣли иѳика, какъ всякая философская наука и всякое научное изслѣдованіе, должна имѣть своимъ основаніемъ не только результаты логики и теоріи познанія, но обязана взять во вниманіе и выводы естествознанія, именно физики и физіологіи и особенно психологіи. Человѣкъ не есть только нравственное существо. Онъ есть — и притомъ въ значительной мѣрѣ — членъ того великаго цѣлаго, которое мы называемъ естествомъ или природой. Онъ живетъ въ условіяхъ природы и зависитъ отъ нея. Что же касается до его нравственной жизни, то она представляетъ собою не что иное, какъ извѣстную сторону, извѣстное проявленіе его духовнаго существа, или, что тоже, его психическихъ отправленій. Въ ней между прочимъ обнаруживаются тѣ силы, которыя физіологія и психологія называютъ силами душевными.

Иѳика по преимуществу основывается на слѣдующихъ положеніяхъ логики и теоріи познанія:

Существуетъ, какъ извѣстно, два основныхъ логическихъ закона: 1) законъ тожества и противорѣчія

нами для перевода трактату читатели могутъ судить, что переводъ послѣдняго сочиненія Ульрици былъ бы весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы.

(вмѣстѣ съ такъ называемымъ закономъ исключеннаго третьяго) и 2) законъ причинности. Это суть законы *различающей* силы и дѣятельности нашей души. Они всецѣло принадлежатъ нашей душѣ и неразрывно связаны съ ея дѣятельностію подобно тому, какъ законъ тяготѣнія тѣсно связанъ съ силою тяжести и опредѣляетъ ея дѣйствія. Законы эти можно назвать общими логическими законами, такъ какъ они имѣютъ безусловное значеніе для всякаго нашего мышленія, для всякаго сознательнаго представленія. *Никакой* мыслительный процессъ, *никакая* мысль не можетъ противорѣчить имъ (исключая развѣ того случая, когда мы высказываемъ какую нибудь безсмысленную рѣчь). Ихъ можно назвать законами безусловно всеобщими и притомъ такими, которые никогда не нарушаются при правильномъ мышленіи. *Всякое* содержаніе нашего сознанія, *всѣ* наши (сознательныя) представленія возможны только потому, что душѣ нашей присуща *различающая дѣятельность*. Въ самомъ дѣлѣ, почему мы пріобрѣтаемъ представленіе о чемъ либо? Очевидно потому, что мы *различаемъ* этотъ предметъ отъ какого либо другаго предмета (объекта) и отъ насъ (отъ субъекта). На этомъ основаніи мы *и должны* понимать этотъ предметъ, какъ именно этотъ, а не другой (А = А и не = не А). Итакъ, все, что мы различаемъ, предполагаетъ различающую дѣятельность. Съ другой стороны все то, что мы различаемъ, нельзя представлять себѣ чѣмъ-то вѣчнымъ, безначальнымъ, чѣмъ-то такимъ, что ни откуда не произошло. Такой образъ мышленія заключалъ бы въ себѣ contradictio in adjecto, т. е. противорѣчилъ бы закону тожества и противорѣчія. Поэтому мы должны предположить извѣстную причину (силу, дѣятельность) по отношенію ко всему, что мы различаемъ, будетъ ли то отдѣльный предметъ или явленіе, или цѣлая совокупность ихъ, касается ли дѣло чего нибудь постоянно существующаго или временно только появляющагося.

Но дѣятельность нашей души, проявляющаяся въ различеніи, можетъ осуществляться только въ такомъ случаѣ, когда предметы удоборазличаемые мы не только ставимъ вообще въ отношеніе другъ къ другу, но когда дѣлаемъ различіе между ними въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія. Нельзя различать цвѣтъ или тяжесть (этой) бумаги отъ величины или формы (того) стола. Мы можемъ различать только величину отъ величины, качество отъ качества, форму отъ формы, т. е. можемъ различать предметы только въ количественномъ, качественномъ, формальномъ и другихъ отношеніяхъ. Эти точки зрѣнія суть *нормы*, всегда присущія различающей дѣятельности нашей души. Постоянно и вездѣ, сознательно и (сначала) безсознательно мы примѣняемъ ихъ при образованіи нашихъ представленій. Это—тѣ общія логическія понятія, которыя со временъ Аристотеля извѣстны были подъ именемъ *категорій*. Только при помощи ихъ наши воспріятія, воззрѣнія, представленія получаютъ извѣстную ясность и опредѣленность и могутъ сдѣлаться матеріаломъ для нашего мышленія. Мы совершенно не можемъ мыслить о томъ, что для насъ не ясно и не опредѣленно, чего мы вовсе не различаемъ. Такимъ образомъ, ясность и опредѣленность есть не что иное, какъ сдѣланное нами различеніе однихъ предметовъ и явленій отъ другихъ. Мы можемъ различать предметы, какъ они существуютъ въ природѣ: это будетъ *реальное*, *объективное* различіе между ними. Но можемъ дѣлать различеніе въ области нашихъ представленій: это будетъ различеніе субъективное, идеальное. Одно можетъ совпадать съ другимъ, такъ какъ законы и нормы различенія одни и тѣже. На этомъ и основывается возможность познанія предметовъ.

На основаніи всего этого достовѣрнымъ и очевиднымъ мы называемъ только то, что соотвѣтствуетъ требованіямъ этихъ логическихъ законовъ и о чемъ, согласно съ ними, мы думаемъ, что оно существуетъ

и существуетъ притомъ такъ, а не иначе. Всякая достовѣрность и очевидность основывается на *логической необходимости*, а необходимость эта лежитъ въ самой природѣ нашей мысли и обнаруживается прежде всего въ логическихъ законахъ и нормахъ нашей мыслительной дѣятельности. О чемъ мы мыслимъ, что воспринимаемъ и предполагаемъ согласно съ этими законами, въ томъ мы не сомнѣваемся. И понятно, почему. Всякое сомнѣніе предполагаетъ возможность думать о чемъ нибудь и такъ, и иначе. Гдѣ нѣтъ этой возможности, гдѣ о предметѣ *можно* мыслить *только такъ*, а не иначе, тамъ сомнѣніе невозможно. Поэтому самая достовѣрность и очевидность есть не что иное, какъ только сознаніе логической необходимости. Сознаніе это можетъ быть или непосредственное, или посредственное. Въ первой формѣ это есть не совсѣмъ еще сознательное чувство логической необходимости, а вторую форму его представляетъ собою сознательная способность человѣка судить объ извѣстной вещи и понимать ее такъ, а не иначе.

Но кромѣ этой логической необходимости есть еще другая. Она также основывается на природѣ нашей мысли. Извѣстно, что наша мыслительная сила въ своей дѣятельности *обусловливается* природою. Она не можетъ обнаруживаться въ творческой самодѣятельности. Ея мысли (воспріятія, воззрѣнія, представленія) могутъ возникать только при содѣйствіи другихъ, независимыхъ отъ нея силъ. Отсюда другая логическая необходимость состоитъ въ томъ, что наши ощущенія и чувствованія, особенно наши чувственныя ощущенія, наши воспріятія (внѣшняго и внутренняго чувства) имѣютъ для насъ нѣчто какъ бы принудительное. Они, такъ сказать, навязываются намъ. На этой второй логической необходимости основывается всякая такъ называемая *фактичность*, всякій опытъ и всякое опытное познаніе. Въ самомъ дѣлѣ, фактомъ мы называемъ то, что мы воспринимаемъ или представляемъ съ необходимостію. Въ этомъ смыслѣ для

насъ фактъ, что снѣгъ-бѣлъ, металлъ плавится, Фридрихъ великій умеръ въ 1786 г. и т. д. Причина этой вынужденности, которую мы при этомъ испытываемъ, очевидно, не можетъ заключаться въ насъ самихъ, а потому мы, вслѣдствіе логическаго закона причинности, невольно предполагаемъ ее внѣ насъ, невольно заключаемъ, что внѣ насъ существуютъ предметы (или правильнѣе—дѣйствующія силы) и что вообще есть реальное объективное бытіе. Само собою понятно, что мы на этомъ только основаніи не можемъ сказать ничего положительнаго о томъ, таково ли на самомъ дѣлѣ это реальное бытіе, какъ оно является намъ въ воспріятіи. Наши воспріятія, какъ извѣстно, основываются не на этомъ только необходимомъ дѣйствіи на насъ внѣшнихъ предметовъ. Они обусловливаются кромѣ того свойствомъ нашихъ чувствительныхъ нервовъ, природою нашей способности ощущающей и воспринимающей впечатлѣнія. Поэтому съ научной точки зрѣнія фактомъ можно считать только то, о чемъ мы, на основаніи общихъ логическихъ законовъ, *должны* думать, что лежащее въ основѣ его реальное бытіе совпадаетъ съ нашимъ воспріятіемъ, воззрѣніемъ, представленіемъ о немъ. Такихъ фактовъ можно указать много. На нихъ съ помощію (искусственно изощреннаго и разширеннаго) наблюденія, эксперимента и умозаключенія (индукціи и дедукціи) основывается и построяется не только все наше такъ называемое эмпирическое познаніе, но и всякая наша наука о природѣ вещей и нашего собственнаго существа. Такимъ образомъ, всякое наше познаніе и всякая наука имѣютъ своимъ основаніемъ упомянутую выше двоякую логическую необходимость — внутреннюю и внѣшнюю, апріорную и апостеріорную. Оба эти фактора дѣйствуютъ постоянно вмѣстѣ и тѣсно связаны между собою. Безъ содѣйствія ихъ познаніе рѣшительно невозможно. Показать это примѣнительно къ отдѣльному случаю, т. е. довести упомянутую выше (двоякую) логическую необходимость до нашего сознанія и такимъ образомъ

сдѣлать достовѣрнымъ и очевиднымъ что нибудь для насъ не достовѣрное и не очевидное — это и значитъ доказать что нибудь. Только то и можетъ имѣть право на научное значеніе, что доказано въ этомъ смыслѣ, т. е. что опирается на факты и на логическіе законы и нормы, на логически необходимыя сужденія, умозаключенія и выводы.

Въ частности, и всякое познаніе о нашей собственной внутренней жизни, о нашихъ душевныхъ состояніяхъ, возбужденіяхъ, движеніяхъ, о нашихъ дѣятельныхъ и страдательныхъ состояніяхъ, короче сказать всякое психологическое познаніе должно основываться также на фактахъ. Факты эти мы обыкновенно называемъ „фактами сознанія" въ отличіе отъ тѣхъ фактовъ, которые основываются на чувственномъ воспріятіи и касаются свойствъ внѣшнихъ предметовъ и нашего собственнаго тѣла. Послѣдніе факты впрочемъ въ существѣ дѣла тоже суть факты сознанія. Мы, какъ извѣстно, воспринимаемъ вещи не непосредственно, а узнаемъ о ихъ бытіи и свойствахъ только посредствомъ возникающихъ въ насъ, при ихъ содѣйствіи, чувственныхъ ощущеній и воспріятій, на сколько эти послѣднія достигаютъ нашего сознанія. Поэтому они различаются отъ психологическихъ фактовъ только тѣмъ, что причина и основаніе послѣднихъ заключаются не внѣ, но большею частію внутри насъ, во внутреннемъ нашемъ состояніи, — въ возбужденіяхъ, движеніяхъ и дѣйствіяхъ самой души. Къ фактамъ сознанія, основывающимся на чувственныхъ воспріятіяхъ, относятся прежде всего возникающія въ насъ помимо нашей воли чувствованія и воспріятія этихъ чувствованій. Только посредствомъ ихъ — на сколько они достигаютъ нашего сознанія, — мы и узнаемъ о нашихъ душевныхъ движеніяхъ. Они возникаютъ въ насъ непроизвольно, такъ сказать, навязываются намъ и поставляютъ насъ въ необходимость сознавать ихъ. Но очевидно они не достигли бы нашего сознанія, если бы мы *не различали* ихъ другъ отъ друга и отъ

нашего (чувствующаго, воспринимающаго) *я*. Только подъ этимъ условіемъ они получаютъ свою опредѣленность для нашего сознанія, дѣлаются удобопредставляемыми и становятся содержаніемъ нашего сознанія. Съ другой стороны самая эта сознаваемость, *всякое* вообще сознаніе и самосознаніе основываются на силѣ и дѣятельности различенія. Эта сила въ человѣческой душѣ достигаетъ особенной высоты. Благодаря этой силѣ, душа можетъ не только вообще дѣлать различеніе, но и различать *себя въ себѣ самой*. Она различаетъ свои собственныя состоянія, возбужденія, свои ощущенія и чувствованія, воспріятія и представленія, потребности и стремленія не только другъ отъ друга, но и отъ себя самой. На этомъ основаніи силу эту можно назвать основною и первоначальною силою души. Самый духъ есть не что иное, какъ таже душа, но только достигшая сознанія и самосознанія.

Это саморазличеніе вмѣстѣ съ его результатомъ—сознаніемъ и самосознаніемъ есть дѣятельность совершенно особаго рода. Никакая сила природы, и даже совокупность этихъ силъ (механическихъ, физическихъ, химическихъ) не производитъ и не можетъ произвести ея. Въ ней проявляетъ себя сила, отличная отъ силъ природы, сила не физическая, но психическая (духовная). Поэтому на душу, носительницу этой особенной, ей только свойственной силы, надобно смотрѣть, какъ на существо особенное, самостоятельное, отличное отъ другихъ силъ и существъ природы. Основою всего существующаго считаютъ обыкновенно матерію. Матерія—это не есть какая нибудь сплошная масса. Она состоитъ, какъ показываетъ естествознаніе, изъ неизмѣримаго количества такъ называемыхъ атомовъ. Атомы эти, вслѣдствіе присущихъ имъ силъ, соединяются вмѣстѣ и образуютъ такимъ образомъ болѣе крупныя и болѣе массивныя частички вещества. Сочетаваясь и группируясь различнымъ образомъ, частички эти и образуютъ разнообразныя матеріальныя вещи. Такимъ образомъ, атомы составляютъ сущность матеріи и ма-

теріальныхъ вещей. Это— субстанціи, лежащія въ основѣ всего существующаго въ природѣ. Но что такое сами эти атомы? Объ нихъ нельзя сказать, что они состоятъ изъ матеріи и силы, взятыхъ вмѣстѣ. Скорѣе всего ихъ можно назвать центрами силъ или центральными пунктами, гдѣ нераздѣльно соединены сила сопротивленія и общія (физическія и химическія) силы природы. Отсюда можно сдѣлать такое умозаключеніе: если душѣ нашей свойственна упомянутая выше духовная основная сила саморазличенія, то она, очевидно, *не можетъ* быть тожественною съ атомами и составленными изъ этихъ послѣднихъ (матеріальными) вещами, которыя не имѣютъ этой силы. Она не можетъ быть тожественною и съ нашимъ тѣломъ, въ цѣломъ ли видѣ его взять или брать въ какой нибудь отдѣльной части, въ какомъ нибудь отдѣльномъ атомѣ. Наше тѣло состоитъ, какъ извѣстно, изъ тѣхъ же самыхъ атомовъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ такъ называемыя матеріальныя вещи, т. е. изъ атомовъ, неимѣющихъ въ себѣ психической силы. Душа наша есть субстанція. Она не есть что нибудь составленное атомистически и состоящее изъ особаго рода атомовъ. Думать такъ о душѣ нельзя потому, что при такомъ взглядѣ нельзя никакъ объяснить факта единства нашего сознанія. Душа—субстанція единичная. Это есть, можно сказать, неразложимое, имѣющее свой центръ единство силъ. Правда, дѣятельность этихъ силъ совершается постоянно при содѣйствіи силъ тѣлесныхъ и особенно нервной системы, но тѣмъ не менѣе разнообразныя отправленія ихъ исходятъ изъ самостоятельнаго, независимаго отъ тѣла (могущаго разлучаться съ тѣломъ) центра. Къ такому взгляду на душу неизбѣжно приводятъ физіологическіе факты, именно факты неврологіи и физіологіи чувствъ, и наоборотъ, взглядъ этотъ въ свою очередь самъ служитъ къ объясненію физіологическихъ фактовъ. Къ этому же взгляду приводятъ неминуемо, какъ показано будетъ ниже, и нравственные факты сознанія. Только при такомъ взглядѣ

можно понять и уяснить себѣ эти факты. Поэтому мы имѣемъ полное право эти положенія и воззрѣнія принять за основныя положенія при изслѣдованіи нравственной природы человѣка.

Мы сказали, что сознаніе вообще основывается на различающей дѣятельности нашей души. Тоже можно сказать и о нравственномъ сознаніи, касающемся иѳической стороны нашего существа. Оно точно также основывается на различеніи иѳическихъ элементовъ нашего существа отъ тѣхъ элементовъ, которые не носятъ на себѣ характера иѳическаго. Этотъ характеръ или лучше сказать критерій и общій признакъ иѳическихъ элементовъ состоитъ въ томъ, что они относятся къ области особой силы и дѣятельности. Эту силу мы называемъ силою *воли*. Кромѣ того, они предполагаютъ собою *свободу* воли и сознаніе этой свободы. Только тѣ элементы человѣческаго существа и жизни, которые необходимымъ условіемъ своего бытія и своихъ качествъ имѣютъ силу воли и сознаніе свободы воли, составляютъ *нравственную* природу человѣка и называются элементами иѳическими. Кто отвергаетъ свободу воли, тотъ отвергаетъ тѣмъ самымъ всякую иѳику. Съ этимъ вмѣстѣ уничтожается различіе между правомъ и несправедливостію, истиною и ложью, между добромъ и зломъ.

Все это — истины, повидимому, неоспоримыя, и однакожъ онѣ не признаются всѣми. Новѣйшій матеріализмъ, по ученію котораго душа есть только функція мозга, отвергаетъ не только свободу воли, но и самую волю. Надобно впрочемъ замѣтить, что у современныхъ матеріалистовъ не достаетъ смѣлости провести это отрицаніе послѣдовательно. Они не говорятъ, какъ это дѣлали ихъ предшественники во Франціи (Гельвецій, Ля-Метри, Гольбахъ и др.), что у человѣка только и есть такъ называемыя естественныя потребности и интересы, что онъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно самолюбіемъ и произволомъ. Они не утверждаютъ, что нравственность и добродѣ-

тель есть иллюзія, не устраняютъ различія между справедливостію и несправедливостію, добромъ и зломъ, добродѣтелію и порокомъ. Напротивъ, современные матеріалисты учатъ, что ихъ міровоззрѣніе, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ съ этимъ различіемъ. Только они различіе это понимаютъ по своему. По ихъ мнѣнію, у человѣка нѣтъ ни воли, ни актовъ воли, которые онъ можетъ совершать и не совершать, нѣтъ поэтому и никакого различія между этими актами. Различіе есть только между здоровымъ и болѣзненнымъ состояніемъ мозга или между нормальными и не нормальными отправленіями его. То, что мы называемъ волею, есть будто бы только „необходимое проявленіе извѣстнаго состоянія мозга, обусловливаемое внѣшними воздѣйствіями". (Молешоттъ). Состояніе это можетъ быть здоровымъ, нормальнымъ или, наоборотъ — болѣзненнымъ, ненормальнымъ. Отсюда прямой выводъ, что нѣтъ никакой воли, никакихъ формъ ея обнаруженія. По ученію матеріализма, всѣ такъ называемыя психическія явленія и отправленія суть только необходимыя дѣйствія механизма нашего тѣла, приводимаго въ движеніе внѣшними возбудителями; въ частности каждый актъ воли, каждый поступокъ есть слѣдствіе какого нибудь внѣшняго воздѣйствія на мозгъ. Отсюда, нѣтъ вообще въ природѣ ничего такого, что называется хотѣніемъ или преднамѣреннымъ дѣйствованіемъ, а существуетъ только рядъ событій и фактовъ, случайно совершающихся. Поэтому человѣка нельзя назвать существомъ, которое само себя опредѣляетъ къ тѣмъ или другимъ поступкамъ. Онъ напротивъ опредѣляется чѣмъ-то стороннимъ, внѣшнимъ для него. Онъ—существо страдательное, пассивное. Это — какая-то волна въ общемъ движеніи случайностей. Волна эта течетъ, но не знаетъ, откуда и куда, зачѣмъ и для чего. Но спрашивается, можно ли дѣлать различіе между здоровымъ и болѣзненнымъ моментами въ этомъ движеніи? Говорить о здоровомъ или болѣзненномъ случайномъ событіи также нелѣпо, какъ говорить объ истинныхъ

и ложныхъ отдѣленіяхъ мозга (за что̀ принимаетъ матеріализмъ представленія). Кромѣ того доказано, что съ физіологической стороны нѣтъ никакого различія между мозгомъ человѣка добродѣтельнаго и порочнаго; нѣтъ этого различія между мозгомъ хитраго обманщика, закоснѣлаго злодѣя и мозгомъ честнаго, справедливаго человѣка. Такимъ образомъ взглядъ матеріализма есть не что иное, какъ фикція совершенно произвольная и, можно сказать, безсмысленная. Но этого мало. Если руководиться такимъ взглядомъ, то нельзя не согласиться и съ положеніемъ, совершенно противоположнымъ. Сластолюбецъ, человѣкъ порочный и преступникъ съ такимъ же точно правомъ можетъ утверждать, что напротивъ справедливость, добро и добродѣтель основываются на болѣзненныхъ возбужденіяхъ мозга. Это тѣмъ болѣе будетъ правдоподобно, что въ человѣчествѣ вообще несправедливость и безнравственность болѣе распространены и болѣе обыкновенны, чѣмъ истинная добродѣтель и ненарушимая строгость нравовъ. Вѣдь общее, обычное служитъ большею частію критеріемъ здоровья, а исключительное, необычное — признакомъ болѣзненнаго состоянія. Такимъ образомъ, матеріализмъ, высказывая свои положенія, запутывается въ противорѣчіяхъ и чрезъ то разрушаетъ самъ себя.

Кромѣ упомянутыхъ сейчасъ матеріалистическихъ воззрѣній существуютъ еще такія воззрѣнія, которыя допускаютъ существованіе въ человѣкѣ силы воли, но отрицаютъ свободу ея. Эти воззрѣнія мы разсмотримъ послѣ, а теперь разрѣшимъ первую задачу иѳики, отвѣтимъ на вопросъ: есть ли воля въ человѣкѣ и что такое эта воля.

I. СУЩНОСТЬ ВОЛИ И ПОНЯТІЕ О НЕЙ.

Влеченіе и потребность. Влеченіе къ обществу и любовь во всѣхъ ея формахъ. Самолюбіе, какъ потребность. Влеченіе къ представленіямъ, сила воображенія, свобода мыслей. Воля не есть только простая форма желательной способности. Различіе между волей и желаніемъ. Самосознаніе, какъ условіе воли. Отношеніе между разсудкомъ и волею. Воля есть влеченіе души проявлять себя во внѣ. Актъ воли есть актъ самоопредѣленія и вмѣстѣ съ тѣмъ саморазличенія, но это не разсудочный актъ. Процессъ развитія воли.

Всѣ вообще, не исключая и матеріалистовъ, признаютъ, что *влеченіе* составляетъ основной элементъ всякой жизни, всякаго органическаго существа. Жизнь тѣла, равно какъ и вся жизнь души состоитъ изъ влеченій. Это — фактъ общепризнанный. Съ нимъ соглашаются и матеріалисты; но у нихъ здѣсь свои цѣли. Принимая эти положенія, они хотятъ сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что у человѣка нѣтъ ни души, ни душевныхъ отправленій. Всѣ психическія влеченія матеріализмъ признаетъ за влеченія органическія или за проявленія не болѣе, какъ органическихъ влеченій. Такимъ образомъ, во влеченіи мы имѣемъ общій, всѣми признанный исходный пунктъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Но на влеченіяхъ, какъ извѣстно, основывается *всякая* вообще жизнь. Изъ нихъ слагается и жизнь растенія, и жизнь животнаго, и жизнь нашего тѣла, и жизнь психическая. Поэтому нужно установить различіе между всѣми этими родами влеченія, а прежде всего этого нужно уяснить и опредѣлить, что такое самое влеченіе.

Сущность влеченія сводится, какъ показываетъ физіологія, къ общему понятію *силы*. Влеченіе обнаруживается въ дѣйствіи, а всякое дѣйствіе предполагаетъ силу, дѣятельность или движеніе, изъ котораго оно выходитъ. Влеченіе обнаруживается всюду, какъ сила движущая, возбуждающая. Сила эта дѣйствуетъ

съ извѣстною цѣлію, но достигаетъ этой цѣли только такимъ образомъ, что она дѣйствуетъ непосредственно на другую силу и возбуждаетъ ее къ дѣятельности, направленной къ этой цѣли. Это можно объяснить примѣромъ. Влеченіе, обнаруживающееся въ формѣ голода, есть сила. Эта сила, приходя въ дѣятельное состояніе, возбуждаетъ двигательные нервы, вслѣдствіе чего совершаются произвольныя движенія. Движенія эти направляются такимъ образомъ, что мы ищемъ, беремъ и проглатываемъ питательныя вещества. Но это будетъ общее понятіе о влеченіи. Чрезъ него мало еще выясняется сущность дѣла. Правда, посредствомъ ощущенія и воззрѣнія мы непосредственно узнаемъ, что̀ такое дѣятельность и движеніе, но мы, какъ показываетъ логика и теорія познанія, не можемъ дать никакого опредѣленія тому, что такое движеніе, дѣятельность, а слѣдовательно и сила. Даже и болѣе спеціальное понятіе о влеченіи, какъ силѣ возбуждающей, все-таки слишкомъ общё. Въ этомъ смыслѣ оно принадлежитъ не однимъ только органическимъ существамъ, и не одной только душѣ. И на силу химическаго средства, и на силу тяжести можно смотрѣть, какъ на силу возбуждающую, влекущую. Сила эта присуща тѣламъ и атомамъ, и побуждаетъ ихъ притягиваться другъ къ другу. Свѣтъ, теплота и электричество точно также производятъ дѣйствіе, съ которымъ связано извѣстнаго рода влеченіе, возбужденіе. Силы эти возбуждаютъ и приводятъ въ дѣйствіе другія силы. Поэтому только второй моментъ въ понятіи влеченія отличаетъ и отдѣляетъ его, какъ основную силу органическихъ существъ, отъ силъ неорганической природы. Влеченіе, свойственное органическимъ существамъ, основывается на *потребности* живаго существа. Оно потому составляетъ основную силу органической природы и жизни вообще, что, обнаруживаясь въ различныхъ формахъ, вызываетъ собою такія дѣятельности и движенія, которыя существенно *необходимы*, если только живое существо хочетъ продолжать свое суще-

ствованіе, хочетъ развиваться и размножаться, одни ъ словомъ — если оно хочетъ жить. Изъ этого втораго момента въ понятіи влеченія, именно изъ факта потребности, непосредственно слѣдуетъ третій моментъ. Всякая потребность въ сущности есть не что иное, какъ только выраженіе *обусловленности* живаго существа, или выраженіе его зависимости отъ природы и ея силъ. Эта зависимость обща ему со всѣми отдѣльными вещами, начиная отъ малѣйшей песчинки и оканчивая міровыми тѣлами. Но эта зависимость обнаруживается въ живомъ существѣ особеннымъ образомъ. Она является здѣсь не въ видѣ простой только *страдательности* (пассивности), но въ формѣ силы, дѣлающей всякое живое существо способнымъ создавать *самому себѣ* условія своего существованія. Такимъ образомъ, зависимость въ общемъ смыслѣ превращается здѣсь въ *зависимость отъ себя самого*. Всякое живое существо, побуждаемое *собственною* потребностію, выполняетъ условія своего существованія посредствомъ *собственной* дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что оно обусловливается *самимъ собою*, своимъ *собственнымъ* существомъ.

Этотъ третій моментъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній моментъ въ понятіи влеченія. Это моментъ главный. Онъ-то и дѣлаетъ влеченіе влеченіемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Это моментъ, имѣющій значеніе рѣшающее, моментъ самый необходимый, самый ясный, но въ тоже время и самый неясный. Въ самомъ дѣлѣ, непонятно, какъ эта зависимость отъ чего нибудь другаго можетъ преобразоваться въ самозависимость или зависимость отъ себя самого, отъ своей природы и ея силъ; непонятно, какъ потребность можетъ возбуждать влеченіе и дѣйствовать чрезъ него на организмъ и какъ вслѣдствіе влеченія начинаются движенія въ тѣлѣ, соотвѣтствующія этому влеченію и удовлетворяющія извѣстной потребности. Всѣ эти вопросы едвали когда либо разрѣшитъ удовлетворительно человѣческое остроуміе. Здѣсь заключается основная тайна

жизни, въ которую ограниченное существо проникнуть не можетъ. Иначе сказать, понятіе о влеченіи, подобно понятію объ ощущеніи, есть послѣднее, неразложимое болѣе на части понятіе психологическое. Оно принадлежитъ къ такимъ понятіямъ нашего ума, которыя составляютъ для него какъ бы границы. Къ такимъ понятіямъ мы приходимъ неизбѣжно, но дальше ихъ идти уже не можемъ. Вотъ почему они необходимо и заключаютъ въ себѣ темную, непонятную для насъ сторону. Для насъ понятно здѣсь только то, что эта— хотя и ограниченная, относительная самостоятельность есть именно та самая *самостоятельность*, на которую всюду указываетъ болѣе точное изслѣдованіе органическихъ процессовъ. Эту самостоятельность физіологія считаетъ существеннымъ элементомъ въ понятіи о жизни. Чѣмъ дальше она простирается, чѣмъ болѣе, при помощи своей самодѣятельности, можетъ живое существо выполнять условія своего бытія, развитія, образованія и счастія, чѣмъ болѣе оно имѣетъ средствъ къ удовлетворенію своихъ потребностей, чѣмъ богаче и разнообразнѣе эти средства: тѣмъ болѣе у него бываетъ самостоятельности и тѣмъ болѣе оно имѣетъ власти надъ предметами, его окружающими.

Всякое влеченіе въ сущности есть влеченіе къ *самосохраненію*. Оно означаетъ только опредѣленное, соотвѣтственное извѣстной потребности направленіе живаго существа къ дѣятельности, необходимой для его бытія и существованія. Правда, существуетъ множество видовъ влеченій, и мы совершенно справедливо различаемъ эти виды. Есть влеченія, относящіяся просто къ бытію живаго существа, другія относятся къ его развитію, образованію, размноженію, третьи наконецъ касаются его благополучія и счастія. Но все это—только различныя формы, въ которыхъ обнаруживается влеченіе живаго существа къ самосохраненію. Яснѣе всего это видно изъ органическихъ влеченій. Влеченія къ питанію, къ свѣту, воздуху, теплотѣ, къ движенію и покою (ко сну) и проч. — указываютъ

на потребности тѣлесной жизни. Всякое живое существо, если только оно хочетъ продолжать свое существованіе, должно стараться удовлетворять этимъ потребностямъ. Тоже можно сказать и о всѣхъ растительныхъ процессахъ. Всасываніе и выдѣленіе, обмѣнъ матеріи, кровеобращеніе и возбужденіе нервовъ, словомъ *всѣ* отправленія организма основываются на обнаруженіяхъ упомянутой выше самостоятельности. И всѣ они должны считаться влеченіями къ самосохраненію, такъ какъ всѣ они направлены къ существованію, развитію и образованію живаго существа посредствомъ его собственной дѣятельности. Въ тѣсной связи со всѣми органическими силами и способностями стоитъ влеченіе къ *обнаруженію* и развитію ихъ. По своему значенію влеченіе это совпадаетъ съ влеченіемъ къ самосохраненію. Всякая способность, будетъ ли то тѣлесная или душевная, стремится *проявить себя во внѣ*, сдѣлаться активною. Этотъ фактъ находитъ свое объясненіе опять таки только въ понятіи влеченія. На сколько дѣятельны тѣ силы, которыми снабжено живое существо, на сколько эти силы должны дѣйствовать въ совокупности, чтобы поддерживать существованіе, развитіе этого существа, на столько и проявленіе этихъ силъ составляетъ его потребность. Потребность эта должна быть удовлетворена и поэтому она обнаруживается, какъ влеченіе, въ упомянутой выше самостоятельности, свойственной всѣмъ живымъ существамъ.

Итакъ, существуетъ столько влеченій, сколько есть въ живомъ существѣ силъ и способностей. Чѣмъ крѣпче сила, чѣмъ необходимѣе ея проявленіе для жизни извѣстнаго созданія, тѣмъ сильнѣе будетъ заявлять о себѣ свойственное ей влеченіе и тѣмъ рѣзче будетъ отличаться это влеченіе отъ другихъ влеченій. На основаніи несомнѣнныхъ фактовъ психологія различаетъ не только тѣлесныя и душевныя явленія, функціи, силы, но и дѣлаетъ различіе вообще между

душею и тѣломъ. Поэтому и влеченія слѣдуетъ различать органическія и психическія.

Этимъ различеніемъ психологія впрочемъ не ограничивается. Она показываетъ, что и самыя психическія влеченія, съ которыми мы и имѣемъ здѣсь дѣло, надобно различать одни отъ другихъ. Неоспоримые факты сознанія свидѣтельствуютъ, что мы не только видимъ и слышимъ, но и стремимся, желаемъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, имѣемъ влеченіе къ тому, чтобы видѣть и слышать. Тоже, безъ сомнѣнія, нужно сказать и относительно осязанія, обонянія и вкуса, хотя въ области этихъ чувствъ влеченіе не даетъ о себѣ знать такъ непосредственно. Впрочемъ, подъ вліяніемъ пріятныхъ ощущеній осязательныхъ, обонятельныхъ и вкусовыхъ влеченіе до такой степени сильно возбуждается, что оно дѣлается желаніемъ, и въ этой формѣ достигаетъ нашего сознанія. Влеченія, присущія органамъ чувствъ, нельзя назвать влеченіями только органическими. Это вмѣстѣ съ тѣмъ влеченія психическія, имѣющія свое основаніе въ потребностяхъ души. Тоже надобно сказать о влеченіи къ движенію (дѣятельности) и смѣнѣ движенія покоемъ (недѣятельности), равно какъ о влеченіи къ извѣстной равномѣрности и правильности какъ этой смѣны, такъ и всѣхъ вообще состояній и внѣшнихъ впечатлѣній, вліянію которыхъ мы подвержены. Это послѣднее влеченіе имѣетъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Извѣстно, что для нашей жизни и для нашего здоровья вредно бываетъ, если мы подвергаемся рѣзкимъ смѣнамъ жара и холода, свѣта и темноты, влажности и сухости, голода и пресыщенія, сна и бодрствованія и проч. Напротивъ строго правильный образъ жизни и регулярная смѣна всего сейчасъ упомянутаго служатъ лучшимъ ручательствомъ сохраненія здоровья нашего тѣла. Точно также и душѣ для ея правильнаго развитія и образованія, для сохраненія ея бодрости и энергіи необходима извѣстная правильность въ смѣнѣ ея ощущеній, чувствова-

ній, воспріятій, представленій, стремленій и т. д. Отсюда понятною также становится склонность нашей души къ *повторенію* всѣхъ тѣхъ функцій и актовъ, которые она выполняетъ въ теченіе своей жизни. Склонность эта тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ чаще душа выполняетъ всѣ эти функціи и акты. Природа благопріятствуетъ ей въ этомъ случаѣ и какъ бы награждаетъ ее за то, что она ей слѣдуетъ. Правда, для насъ непонятно, какъ и вслѣдствіе чего всякое тѣлесное движеніе, равно какъ и всякая психическая функція, чѣмъ чаще они повторяются, тѣмъ легче, вѣрнѣе и скорѣе выполняются, но несомнѣнно, что все это такъ бываетъ и что всѣ такъ называемыя способности тѣла, равно какъ и души пріобрѣтаются только вслѣдствіе постояннаго повторенія (упражненія). Удовлетвореніе этой склонности, какъ удовлетвореніе и всякаго влеченія, доставляетъ душѣ чувство удовольствія. Этимъ объясняется то, почему мы съ особенно пріятнымъ чувствомъ возвращаемся въ свое отечество, въ свой домъ, въ свой обычный кругъ дѣйствованія и почему доставляетъ намъ удовольствіе одно только упражненіе извѣстной способности. Понятно отсюда и то, почему мы съ другой стороны испытываемъ непріятное чувство при всякомъ нарушеніи обычнаго хода нашей жизни, обычныхъ нашихъ привычекъ и занятій. Здѣсь же мы находимъ объясненіе того, почему имѣетъ большую силу *привычка* и *пріученіе* себя къ чему нибудь доброму или худому. Значеніе этой силы для нравственной жизни человѣческаго существа ясно, какъ день, хотя оно и не всегда цѣнится по достоинству.

Психологія показываетъ далѣе, что удовлетвореніе всякой потребности соединено бываетъ съ *чувствомъ удовольствія*. Это и естественно. Чѣмъ выше самостоятельность живаго существа, тѣмъ легче оно могло бы пренебрегать необходимымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей, если бы не было чувства удовольствія, какъ импульса къ этому удовлетворенію. Вотъ почему испытывать ощущенія удовольствія и воспроизводить

ихъ мысленно составляетъ для насъ протребность. Неудовлетворяйся эта потребность, тогда пропало бы всякое стремленіе къ жизни и погасло бы всякое влеченіе къ самосохраненію. Отсюда вытекаетъ естественное влеченіе человѣка къ наслажденію. Влеченіе это, вслѣдствіе привычки и поблажки, очень часто переходитъ въ безпорядочную неумѣренность и страсть къ наслажденію, причемъ нерѣдко притупляется самая способность къ наслажденію. Здѣсь же имѣетъ свой источникъ и то особенно сильное чувство удовольствія, которое мы испытываемъ при удовлетвореніи половаго влеченія. Эту привиллегію природа должна была сообщить половому влеченію потому, что удовлетвореніе этого влеченія необходимо только для продолженія рода, но не для сохраненія жизни индивидуума. Поэтому, если бы съ удовлетвореніемъ его не соединялось большое наслажденіе, то человѣкъ, обладая высшею степенью самостоятельности, легко пренебрегъ бы имъ совершенно. Къ этому надобно прибавить, что у человѣка это влеченіе—не просто органическое только, но и психическое. Это придаетъ ему еще болѣе важности и значенія. Психическій элементъ этого влеченія обнаруживается прежде всего въ томъ, что человѣкъ, даже въ самомъ грубомъ состояніи, *выбираетъ* себѣ подругу. Положимъ, имъ часто руководятъ въ этомъ случаѣ чувственная красота, сила и проч., но все-таки здѣсь есть выборъ по индивидуальному вкусу. Вкусъ же не есть ни продуктъ тѣла, ни продуктъ внѣшнихъ чувствъ и внѣшняго воспріятія. Онъ служитъ обнаруженіемъ психическаго начала въ человѣкѣ. Выборъ подруги по индивидуальному вкусу не только свидѣтельствуетъ о томъ, что душа участвуетъ въ возбужденіяхъ половаго влеченія, но, по своему началу, онъ есть слѣдствіе внутренняго стремленія, которое влечетъ этого мужчину къ этой именно женщинѣ и эту женщину къ этому именно мужчинѣ. Кромѣ того, психическая сторона человѣка обнаруживается здѣсь въ формѣ такъ называемой *половой любви*, которая осно-

вывается на внутреннемъ взаимномъ единеніи и соподчиненіи индивидуумовъ другъ другу. Вотъ почему повсюду, даже у самыхъ грубыхъ народовъ, встрѣчаются первые начатки семейнаго союза. Половая любовь есть исходный пунктъ, можно сказать, цементъ этого союза. Позднѣе, послѣ рожденія дѣтей, присоединяется тутъ материнская и отеческая любовь, какъ элементъ, еще болѣе закрѣпляющій семейный союзъ. Такимъ образомъ, половая любовь служитъ выраженіемъ существенной потребности человѣческой природы. Отсюда ясно. какъ день, и никакой матеріалистъ не станетъ оспоривать того, что для существованія, развитія и образованія человѣка семейный союзъ, а слѣдовательно и половая любовь составляютъ первое, фундаментальное и самое необходимое условіе.

Не только половая любовь, но и любовь во всѣхъ другихъ ея видахъ и формахъ составляетъ потребность души человѣческой. Отсюда вытекаетъ любовь родителей и дѣтей, любовь братская, родственная, дружеская и любовь (симпатія) человѣка къ человѣку вообще. Человѣкъ становится человѣкомъ только въ общеніи и посредствомъ общенія съ другими. Онъ *нуждается* въ этомъ общеніи всегда и безусловно. На этой потребности основывается то особое влеченіе, которое называютъ обыкновенно влеченіемъ къ обществу, къ *общительности* съ другими. Это влеченіе человѣка къ человѣку обнаруживается, какъ и всякое влеченіе, въ особенномъ чувствѣ, въ чувствѣ любви, симпатіи, благожеланія. Необходимо нуждаясь въ своей любви по отношенію къ другимъ и симпатіи къ нимъ, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ, чтобы и другіе его любили. Этимъ объясняется то чувство удовольствія, которое самый черствый эгоистъ испытываетъ, когда другіе оказываютъ ему любовь, участіе и благожеланіе. Съ другой стороны отсюда понятно, почему невыносимо тяжело бываетъ для человѣка изолированіе, уединеніе, недостатокъ всякой любви и участія со стороны другихъ людей.

Этой потребности любить другихъ и желанію, чтобы другіе любили насъ, противоположна потребность *самолюбія*. Она также безусловно необходима для человѣка. Въ силу своего самосознанія, своей высшей самостоятельности (восходящей на степень свободы) и своей рѣзко выдающейся особенности, каждый человѣкъ есть не только человѣкъ вообще, но индивидуумъ въ высшемъ смыслѣ слова. Онъ есть субъектъ, личность; у него есть свое *я*, и этому своему я онъ приписываетъ такую же реальность, какъ и своему тѣлу и матеріальнымъ предметамъ. Поэтому онъ имѣетъ потребность сохранять, беречь свое я, выставлять его на видъ, словомъ жить для себя самаго и все относить къ себѣ самому. Только подъ этимъ условіемъ душа наша можетъ защищать свое я отъ разрушительной силы разнообразныхъ, постоянно дѣйствующихъ на нее впечатлѣній. Съ отрицательной стороны эта потребность обнаруживается въ неодолимомъ стремленіи удаляться иногда изъ общества и оставаться съ самимъ только собою, съ своими мыслями, стремленіями и чувствованіями; положительнымъ же образомъ она проявляется въ стремленіи къ свободной, ничѣмъ не стѣсняемой самодѣятельности. Прежде всего эта потребность проявляется въ формѣ чувствованія. Человѣкъ чувствуетъ довольство самимъ собою, желаетъ всякаго добра себѣ самому. Онъ *нуждается* въ этомъ чувствованіи именно потому, что имѣетъ свое я, можетъ познавать себя въ своемъ самосознаніи, сравнивать себя съ другими и посредствомъ своей самодѣятельности достигать полнаго развитія и образованія себя самого. Какъ сильно въ немъ это чувство, показываютъ добровольныя самоубійства. Они встрѣчаются обыкновенно тѣмъ чаще, чѣмъ больше усиливается и возвышается самочувствованіе и самосознаніе индивидуума. Когда, вслѣдствіе извѣстнаго образа жизни и жизненныхъ отношеній, это чувство совершенно пропадаетъ и на мѣсто его является чувство неудовлетворенности, недовольства своимъ бытіемъ и существомъ, тогда жизнь становится

для человѣка невыносимымъ бременемъ, и у него является потребность избавиться отъ этого бремени. Самолюбіе человѣка, вслѣдствіе привычки, уступчивости, слабости убѣжденій и воли можетъ легко и естественно перейти въ такъ называемый *эгоизмъ*, имѣющій такое важное значеніе въ нравственномъ отношеніи. Эгоизмъ во всѣхъ его видахъ есть не что иное, какъ сдѣлавшееся привычнымъ стремленіе къ самоуслажденію, къ постоянному удовлетворенію влеченія жить только для себя самого и проявлять всюду свое собственное я. Другими словами—это есть стремленіе къ постоянному возобновленію и усиленію чувства удовольствія, которое бываетъ слѣдствіемъ удовлетворенія этого влеченія. Отсюда, чѣмъ ближе, повидимому, сродство между самолюбіемъ и эгоизмомъ, тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать точное и строгое разграниченіе ихъ. Смѣшеніе этихъ двухъ понятій ведетъ къ ложнымъ моральнымъ принципамъ. Подъ вліяніемъ этихъ принциповъ воображаютъ, будто можно поднять нравственность до крайней высоты, если убить въ человѣкѣ всякое самолюбіе и слѣдовательно всякое самоуваженіе. На самомъ же дѣлѣ достигаютъ здѣсь только того, что сознательно или безсознательно на мѣсто нормальнаго самолюбія является самолюбіе ложное, неестественное. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ безъ всякаго самолюбія человѣкъ существовать не можетъ.

Психологія показываетъ наконецъ, что у человѣка есть особое *влеченіе къ выработкѣ представленій*. Какъ несомнѣнно то, что человѣкъ для своего существованія, развитія и образованія нуждается въ сознаніи и самосознаніи, въ размышленіи и сужденіи: точно также нельзя сомнѣваться и въ томъ, что онъ имѣетъ потребность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и влеченіе составлять представленія, т. е. приводить къ сознанію и перерабатывать свои ощущенія, чувствованія, воспріятія, стремленія и проч. Влеченіе это проявляется двоякимъ образомъ: прежде всего въ стремленіи не только къ пріобрѣтенію, но и къ умноженію представленій, а потомъ

въ стремленіи поставлять пріобрѣтенныя представленія въ извѣстное отношеніе другъ къ другу, раздѣлять, соединять и упорядочивать ихъ. На этомъ основаніи дитя само собою, по собственному побужденію, вслѣдствіе собственной самодѣятельности образуетъ свои первыя представленія и начинаетъ соединять ихъ и раздѣлять. Все это оно дѣлаетъ *прежде чѣмъ* начинаютъ руководить его въ этомъ отношеніи люди посторонніе. Извѣстно, что языкъ и пониманіе словеснаго обозначенія вещей является у дитяти уже *послѣ того*, какъ оно составило себѣ представленія о предметахъ. Влеченіе къ представленіямъ тотчасъ же обнаруживаетъ себя и и съ другихъ сторонъ. Любопытство дѣтей вошло въ пословицу. Это первоначальная форма, въ которой обнаруживается жажда знанія, такъ свойственная душѣ человѣка. Любопытство и жажда знанія различаются между собою только тѣмъ, что первое побуждаетъ человѣка только вообще пріобрѣтать *новыя* представленія. Здѣсь необращается вниманія на достоинство и значеніе самыхъ представленій. Между тѣмъ жажда знанія влечетъ человѣка только къ такимъ представленіямъ, которыя имѣютъ объективную цѣнность и важное значеніе для разширенія или исправленія нашихъ познаній о предметахъ. Дитяти свойственно простое только любопытство. Оно не знаетъ еще этого различія между представленіями. Одновременно съ любопытствомъ является у дитяти *влеченіе къ игрѣ*. Человѣкъ имѣетъ потребность въ свободномъ движеніи. Потребность эта и находитъ свое удовлетвореніе въ игрѣ. Для этой цѣли изобрѣтены между прочимъ различныя гимнастическія игры. Съ психической стороны влеченіе къ игрѣ есть выраженіе потребности души самостоятельно раздѣлять свои представленія, по своей волѣ комбинировать, видоизмѣнять и преобразовывать ихъ. Доказательствомъ этого служатъ игры дѣтей въ лошадки, въ куклы, въ карточные домики и т. п.

Съ этой стороны влеченіе къ представленіямъ имѣетъ особенную важность. Правда, почва у этого вле-

ченія одна и таже со всѣми прочими психическими влеченіями: оно, какъ и всѣ другія, служитъ только выраженіемъ той самостоятельности и самодѣятельности души, въ которой имѣютъ свое основаніе всѣ влеченія. Но въ немъ эта самостоятельность обнаруживается въ такой высокой степени, какъ ни въ какомъ другомъ влеченіи. Въ стремленіи къ самодѣятельной, произвольной комбинаціи и преобразованію представленій влеченіе это возвышается надъ простою потребностію имѣть представленія и (при посредствѣ чувственнаго воспріятія) воспроизводить ихъ въ данной уже связи, на чемъ, какъ извѣстно, и останавливаются животныя въ своемъ развитіи. Человѣческая душа, при помощи этой способности, возвышается *надъ* данною дѣйствительностію. Благодаря ей мы можемъ господствовать надъ нашими представленіями, можемъ произвольно, чисто по субъективнымъ мотивамъ, вызывать ихъ въ сознаніе, удерживать ихъ въ немъ, удалять изъ него, такъ или иначе ихъ соединять, преобразовывать и проч. По отношенію къ этой власти надъ представленіями способность нашего воображенія (фантазія) имѣетъ много общаго съ тою способностію, которую называютъ *свободою мыслей*.

На основаніи только неоспоримаго факта, что мы имѣемъ эту способность, эту власть надъ своими представленіями мы и имѣемъ право говорить о *волѣ* и о *силѣ воли*.

Въ психологическомъ отношеніи волю обыкновенно отожествляютъ съ стремленіемъ и желаніемъ или же смотрятъ на волю, какъ особую форму обнаруженія (модификацію) способности желательной. Хотя этотъ взглядъ раздѣляютъ многіе, тѣмъ не менѣе это взглядъ неправильный. Онъ издавна служилъ препятствіемъ къ правильному пониманію и опредѣленію воли. Этому взгляду противорѣчитъ уже тотъ фактъ, что я могу напримѣръ къ чему нибудь стремиться, чего нибудь желать и домогаться и въ тоже время не хотѣть этого или потому, что достиженіе этого—внѣ моихъ силъ и

средствъ, или потому, что для меня лучше, если желаніе не удовлетворяется. *Стремленія* возникаютъ непосредственно вмѣстѣ съ каждымъ влеченіемъ. Стремленіе—это само влеченіе, насколько оно, какъ возбуждающій импульсъ, даетъ пробужденной имъ силѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душѣ опредѣленное *направленіе*. Въ немъ обнаруживается тоже самое влеченіе, но оно обнаруживается здѣсь не какъ сила только возбуждающая, но какъ сила, направленная къ опредѣленной *цѣли*. Другими словами: стремленіе—есть движеніе души, *слѣдующее* за влеченіемъ и тѣмъ или другимъ его направленіемъ. Чѣмъ чаще бываетъ это возбужденіе и движеніе, тѣмъ сильнѣе оно дѣйствуетъ на душу. Влеченіе, стремленіе даютъ о себѣ знать душѣ постоянно усиливающимся ощущеніемъ (чувствомъ, аффектомъ). И если это ощущеніе бываетъ достаточно опредѣленно, такъ что мы можемъ отличать его отъ другихъ ощущеній и чувствованій, то влеченіе и его направленіе достигаютъ нашего сознанія. Прочувствованное, сознательное стремленіе мы называемъ *сильнымъ желаніемъ, наклонностію, домогательствомъ*,—терминами, которые употребляются въ разговорѣ, смотря по степени силы нашего стремленія и ясности сознанія.

Итакъ, стремленіе—это понятіе общее. Подъ нимъ можно разумѣть всѣ возбужденія души по поводу тѣхъ или другихъ влеченій. Сюда относятся и стремленіе къ питанію, движенію, сну, и стремленіе къ умноженію нашихъ представленій и познаній; стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, равно какъ и стремленіе къ истинѣ и нравственному совершенству. Подъ это же понятіе можно подвести и понятіе *желанія*. Стремленіе становится желаніемъ въ томъ случаѣ, когда для удовлетворенія какого нибудь влеченія, мы направляемся къ извѣстному предмету и дѣлаемъ изъ него такое или иное употребленіе. Мы стремимся къ удовлетворенію голода и жажды, но желаемъ пищи и питья; стремимся къ богатству, но желаемъ извѣстнаго, опредѣленнаго вида богатства и проч. Такимъ об-

разомъ, потребность, влеченіе и стремленіе могутъ возбуждать душу, но въ тоже время она можетъ не сознавать, что ей нужно и къ чему она стремится; но желать чего нибудь нельзя безъ того, чтобы не представлять себѣ желаемаго предмета, хотя бы и не совсѣмъ ясно было это представленіе. Изъ этого видно, что стремленіе можетъ стать желаніемъ только послѣ того, какъ душа достигла *познанія* предмета, необходимаго для его удовлетворенія. Представленіе есть необходимое условіе желанія. Сила и продолжительность желанія зависитъ отъ природы лежащаго въ основаніи его стремленія. Но вслѣдствіе влеченія къ наслажденію, которое соединяется со всякимъ желаніемъ, это послѣднее, часто само по себѣ слабое, можетъ достигнуть необычайной силы. Душею до такой степени можетъ овладѣть стремленіе къ наслажденію желаемымъ предметомъ, что оно будетъ поддерживать ее въ постоянномъ напряженіи и возбужденіи. Здѣсь желаніе становится уже *страстью*. Такимъ образомъ, страсть есть не что иное, какъ сдѣлавшееся привычнымъ желаніе или постоянно продолжающееся стремленіе къ его удовлетворенію.

Желаніе въ смыслѣ стремленія, соединеннаго съ сознаніемъ предмета, къ которому мы стремимся, можетъ непосредственно вызвать извѣстный поступокъ и можетъ явиться такимъ образомъ въ формѣ *воли*, если только душа не имѣетъ никакого основанія сопротивляться его удовлетворенію. Поэтому-то мы обыкновенно тотчасъ же, напримѣръ, ѣдимъ и пьемъ, какъ только является потребность въ этомъ. Но стремленіе и желаніе могутъ сдѣлаться столь сильными и могутъ до такой степени увлечь душу, что они мгновенно переходятъ въ поступокъ. Это особенно часто бываетъ съ натурами грубыми, раздражительными. Въ этомъ случаѣ человѣкъ до такой степени поддается аффекту, страсти, что лежащее въ основаніи ея стремленіе мгновенно вызываетъ тѣлесныя движенія, необходимыя для совершенія поступка. Въ это время душа наша дѣ-

лается болѣе или менѣе неспособною противостоять вліянію страсти, аффекта и т. п. Подобнымъ образомъ дѣйствуютъ на насъ, какъ извѣстно, страхъ, ужасъ, тоска и проч. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ поступаетъ, не зная самъ, что дѣлаетъ, и если онъ дѣйствуетъ тутъ и съ сознаніемъ, то все-таки безъ самосознанія. Въ это время онъ не отличаетъ своего *я* отъ желанія, отъ аффекта, отъ страсти. Послѣднія совершенно овладѣваютъ имъ. Такой поступокъ никакъ нельзя назвать дѣломъ воли. Во всѣхъ такихъ случаяхъ совершенно не можетъ быть и рѣчи ни *о проявленіи, ни объ актѣ воли.* Проявленіе воли нисколько не тожественно ни съ простымъ стремленіемъ, ни съ стремленіемъ и желаніемъ сознательнымъ. *Пока не будетъ опровергнутъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что воля можетъ противопоставлять себя входящимъ въ наше сознаніе стремленіямъ, оказывать противодѣйствіе влеченію, которое побуждаетъ насъ къ совершенію извѣстнаго поступка, можетъ стѣснять и ограничивать силу этого влеченія—до тѣхъ поръ совершенно невозможно отожествлять волю съ стремленіемъ и желаніемъ, или выводить ее изъ способности желательной.* Тутъ было бы логическое противорѣчіе. Отожествлять съ желательною способностію ту силу, которая часто сопротивляется желанію, стѣсняетъ его и подавляетъ, значитъ допускать такъ называемое contradictio in adjecto.

Воля имѣетъ только то общее съ желаніемъ, что она, подобно желанію, предполагаетъ сознаніе и самосознаніе. Безсознательное проявленіе воли вовсе *не есть* проявленіе воли. Актъ воли имѣетъ мѣсто только по отношенію къ *сознательнымъ* стремленіямъ, все равно, слѣдуетъ ли воля этимъ стремленіямъ, или она находитъ основаніе сопротивляться имъ. Пусть стремленіе, влеченіе, потребность будутъ мотивами къ проявленію воли, импульсами къ акту воли, но если это мотивы и импульсы безсознательные, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о волѣ. Здѣсь будетъ просто инстинктъ, влече-

ніе, стремленіе. Поэтому мы должны прежде всего имѣть сознаніе о томъ, что *мы* стремимся и желаемъ, сознавать, *въ чемъ* состоитъ наше желаніе, *на что* оно направлено и какія средства къ его удовлетворенію; потомъ мы должны знать, въ чемъ различаются другъ отъ друга наши стремленія относительно цѣли, результата и способа ихъ удовлетворенія. Тогда только и можетъ быть рѣчь о проявленіи воли въ собственномъ смыслѣ. Только послѣ того, какъ мы пріобрѣли сознаніе обо всемъ этомъ, воля наша можетъ останавливать въ сознаніи тѣ или другія возникшія представленія и вліять на нихъ такъ, чтобы они не могли вызывать непосредственно движеній тѣлесныхъ. Это — *первый* актъ воли, какъ воли. За нимъ слѣдуетъ по бо̀льшей части *второй* актъ, актъ часто моментальный только. Онъ состоитъ въ томъ, что мы взвѣшиваемъ дѣло, размышляемъ о томъ, хотимъ мы или не хотимъ слѣдовать побужденію желанія, или же обсуждаемъ, какому изъ многихъ одновременно возникающихъ стремленій мы хотимъ отдать преимущество. Это есть тоже актъ воли, (которой въ этомъ случаѣ оказываетъ услугу разсудокъ или способность сужденія). Наконецъ *третій* актъ составляетъ *рѣшеніе* или приговоръ о томъ, хотимъ ли мы и что именно хотимъ дѣлать.

Все это факты неспоримые. Изъ нихъ слѣдуетъ, что самосознаніе, различеніе, нашего *я* отъ его отдѣльныхъ влеченій, стремленій и проч. составляетъ необходимое *условіе* проявленія воли во всѣхъ ея актахъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему мы въ состояніи бываемъ силою воли останавливать и задерживать въ нашемъ сознаніи отдѣльныя наши стремленія? Очевидно потому, что мы можемъ различать ихъ и посредствомъ этого различенія сознавать. Только подъ этимъ условіемъ можетъ наша воля противопоставлять ихъ себѣ и себя имъ и въ состояніи бываетъ оказывать сопротивленіе силѣ отдѣльныхъ влеченій, стремленій и желаній. Поэтому-то дитя, у котораго не развилось еще самосознаніе, не имѣетъ никакой воли. У него есть только

стремленія и желанія. Напротивъ, чѣмъ яснѣе наше самосознаніе, чѣмъ опредѣленнѣе мы знаемъ, на что направлены наши влеченія и стремленія, какая потребность лежитъ въ основѣ ихъ, какія средства необходимы для удовлетворенія ихъ, какія они будутъ имѣть послѣдствія и проч.—тѣмъ легче будетъ для воли (для нашего рѣшающаго *я*) рѣшеніе, тѣмъ вѣрнѣе она приведетъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Тогда яснѣе и опредѣленнѣе будетъ результатъ взвѣшиванія и обсужденія дѣла.

Съ перваго взгляда представляется, какъ будто рѣшеніе должно постоянно совпадать съ этимъ результатомъ, какъ будто актъ воли есть только слѣдствіе извѣстнаго обсужденія, которое постановляетъ, нужно ли и какому изъ стремленій души нужно слѣдовать. На этомъ основаніи нѣкоторые отожествляютъ волю съ нашею способностію сужденій или способностію различенія. Но этому противорѣчитъ прежде всего тотъ фактъ, что результатомъ обсужденія не всегда бываетъ непосредственно то или другое дѣйствіе. Обсужденіе часто остается только содержаніемъ нашего сознанія, и необходимъ бываетъ особый актъ воли, чтобы мы рѣшились осуществить его на дѣлѣ. Довольно часто случается такъ, что мы дѣйствуемъ вопреки тому, что одобряетъ нашъ разсудокъ, вопреки нашимъ лучшимъ взглядамъ, хотѣніямъ, наклонностямъ и проч. Случается иногда и наоборотъ. Разсудокъ говоритъ въ пользу какого нибудь удовольствія или наклонности, но рѣшеніе его противорѣчитъ нашему чувствованію и безсознательнымъ импульсамъ, вытекающимъ изъ глубины души, и мы поступаемъ тутъ иначе. чѣмъ предписываетъ результатъ обсужденія. Нѣтъ сомнѣнія, что самосознаніе и различающая, сравнивающая, рефлектирующая дѣятельность души составляетъ необходимое условіе проявленія воли. Актъ этой дѣятельности долженъ непремѣнно предшествовать *каждому* акту воли; въ противномъ случаѣ мы не знали бы ни того, что у насъ есть желаніе, ни того, въ чемъ состоитъ это желаніе,

значитъ тутъ вовсе не было бы никакого акта воли. Но оба эти акта не совпадаютъ и не слѣдуютъ одинъ изъ другаго. Актъ разсудка состоитъ всегда только въ различеніи *данныхъ* опредѣленныхъ состояній души, данныхъ ощущеній, чувствованій, стремленій, представленій и проч. Напротивъ актомъ воли душа даетъ *себѣ самой*, какъ силѣ совершающей поступокъ, нѣкотораго рода опредѣленное направленіе, направленіе при томъ *новое, въ первый разъ возникающее*. Каждое рѣшеніе воли даетъ душѣ направленіе къ извѣстной цѣли, и такимъ образомъ какъ бы заключаетъ ее и ея дѣятельность въ извѣстныя границы. Актъ воли поэтому есть *установленіе* нѣкотораго *опредѣленія* души или ограниченія ея дѣятельности. Его можно даже назвать самоопредѣленіемъ, такъ какъ душа сама себѣ даетъ это опредѣленіе. Напротивъ актъ разсудка есть не что иное, какъ *сознаваемость* возникающихъ въ душѣ опредѣленныхъ состояній. Конечно одинъ актъ не исключаетъ другаго: оба они должны всегда идти рука объ руку. Самый актъ самоопредѣленія, если только рѣшеніе воли должно придти въ исполненіе, опять таки долженъ войти въ сознаніе посредствомъ акта разсудочнаго (посредствомъ саморазличенія). При всемъ томъ актъ воли есть актъ особый, самостоятельный. Онъ противоположенъ акту разсудочному. Несомнѣнно, что дѣятельность разсудка въ нѣкоторой степени даже зависитъ отъ нашей воли. Упомянутое выше задерживаніе стремленій, равно какъ взвѣшиваніе и обсужденіе ихъ происходитъ не само собою, но требуетъ особаго акта души. Этотъ актъ есть тоже въ извѣстномъ смыслѣ актъ нашей воли. Если мы захотимъ, то можемъ оставить всякое взвѣшиваніе и размышленіе и непосредственно слѣдовать импульсамъ нашихъ влеченій, наклонностей и проч.

Съ другой стороны очевидно, что самый актъ воли не можетъ же висѣть, такъ сказать, на воздухѣ. Онъ непремѣнно долженъ имѣть какое нибудь основаніе. Для совершенія его надобно предположить какой

нибудь импульсъ, мотивъ. Мы знаемъ уже, что всякой вообще способности душевной отъ природы свойственно влеченіе къ проявленію себя во внѣ. По аналогіи тоже самое можно сказать и о нашей волѣ. Душѣ нашей прирождено влеченіе къ проявленію воли и совершенію поступковъ. Только въ этомъ влеченіи и могутъ имѣть свое послѣднее основаніе и свой импульсъ наша воля и наши поступки. Въ сознаніи и способности различенія этого импульса не можетъ быть. Наше различеніе направлено только къ пріобрѣтенію представленій. Притомъ, простое представленіе вовсе не есть проявленіе воли и само по себѣ не можетъ вызвать акта воли. Оно можетъ вызвать стремленія, желанія—и только. На этомъ же основаніи импульсъ къ проявленію воли не можетъ вытекать изъ ощущеній и чувствованій, равно какъ и изъ способностей, лежащихъ въ основѣ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ способностямъ присуще первоначальное влеченіе къ дѣятельности, но это влеченіе направлено только къ пріобрѣтенію ощущеній и чувствованій. Многія изъ нихъ, правда, возбуждаютъ въ душѣ тотчасъ же извѣстныя стремленія и желанія, но тутъ долженъ привзойти особый актъ воли, чтобы они могли сдѣлаться мотивами къ совершенію извѣстнаго поступка. Наконецъ, импульсъ къ проявленію воли не можетъ вытекать и изъ желательной способности. Извѣстно, что стремленія, желанія, влеченія представляютъ собою какъ бы матеріалъ, который воля наша, какъ показано выше, задерживаетъ въ сознаніи, подвергаетъ обсужденію разсудка и наконецъ рѣшаетъ, слѣдовать имъ или не слѣдовать. Очевидно, импульсъ, вслѣдствіе котораго воля останавливаетъ отдѣльныя стремленія и желанія, задерживаетъ и преодолѣваетъ ихъ, не можетъ имѣть своего основанія ни въ желаніяхъ, ни въ ихъ первоначальномъ источникѣ, т. е. въ ощущеніяхъ, чувствованіяхъ и представленіяхъ.

Итакъ, въ чемъ бы ни проявляла душа наша свою волю, въ отдѣльныхъ ли стремленіяхъ и желаніяхъ,

въ ощущеніяхъ или чувствованіяхъ, въ воспріятіяхъ или представленіяхъ, во внутреннихъ ли или внѣшнихъ дѣятельностяхъ—вездѣ импульсъ къ этому проявленію вытекаетъ изъ первоначальнаго, присущаго силѣ воли влеченія къ обнаруженію себя вовнѣ, и къ совершенію тѣхъ или другихъ поступковъ. Влеченіе это относится къ первоначальнымъ и основнымъ влеченіямъ души. Оно имѣетъ свое основаніе въ потребности нашей души жить *самой по себѣ*, любить *себя* и проявлять во внѣ свое *я*. Мы сказали, что импульсъ къ совершенію тѣхъ или другихъ актовъ воли не вытекаетъ ни изъ способности представленій, ни изъ способности ощущеніи, чувствованій и желаній. Съ другой стороны намъ извѣстно, что проявляя свою волю, душа прямо противополагаетъ здѣсь себя своимъ отдѣльнымъ стремленіямъ, чувствованіямъ, представленіямъ и проч. Изъ всего этого прямо слѣдуетъ, что только сама душа можетъ быть производителемъ и носителемъ всѣхъ своихъ отдѣльныхъ дѣятельностей, возбужденій и проч. Ей отъ природы дано влеченіе къ *самодѣятельности* или импульсъ къ проявленію воли и совершенію тѣхъ или другихъ поступковъ.

Это влеченіе *возбуждается* въ душѣ *отдѣльными* стремленіями, аффектаціями, представленіями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ между ними несогласіе, разладъ и раздвоеніе. При этомъ естественно является въ душѣ чувство безпокойства, смятенія, угнетенія. Это непріятное чувство и пробуждаетъ въ душѣ стремленіе уничтожить этотъ разладъ самодѣятельнымъ вмѣшательствомъ и возстановить пріятное чувство покоя и гармоніи. Поэтому-то мы, когда нашу душу волнуютъ противоположныя стремленія и чувствованія, всего болѣе сознаемъ наше я, какъ существо, имѣющее волю, какъ силу рѣшающую. Въ это время у насъ невольно возникаетъ это сознаніе. Но это самосознаніе, въ которомъ душа отличаетъ и отдѣляетъ себя отъ всѣхъ своихъ отдѣльныхъ состояній, и эту волю, посредствомъ которой она противопоставляетъ свое *я*

этимъ состояніямъ, нельзя назвать просто только формами, въ которыхъ обнаруживается наше *я*. Это скорѣе два *фактора* его. При *помощи самосознанія* и саморазличенія душа или наше я *противопоставляетъ* себя своимъ собственнымъ состояніямъ, своимъ влеченіямъ, стремленіямъ и пр., а при *посредствѣ воли* душа *сохраняетъ* и поддерживаетъ свое *я*. Эта способность помогаетъ ей защищать себя отъ вліяній внѣшнихъ, чувственныхъ впечатлѣній и возбуждаемыхъ ими влеченій, стремленій и желаній. Не будь у нея воли, тогда она, подобно животному, была бы игрушкою этихъ влеченій и стремленій. У нея не было бы тогда никакой самостоятельности. Въ этомъ смыслѣ мы и называемъ волю и самосознаніе факторами нашей личности, или нашего я. Отсюда справедливо можно сказать, что душа посредствомъ своей собственной дѣятельности *полагаетъ* себя, какъ *я*. Это давно извѣстное и столько разъ осмѣянное (Фихтево) положеніе имѣетъ только такой смыслъ: то, что мы называемъ нашимъ *я*, не достается человѣку, какъ нѣчто установившееся и готовое. Оно существуетъ первоначально въ душѣ въ формѣ возможности, влеченія и призванія. Человѣкъ самъ постепенно долженъ сдѣлаться тѣмъ, что мы называемъ нашимъ *я*. Способность къ этому дана человѣку въ силѣ различенія и силѣ воли. Посредствомъ *саморазличенія* онъ *понимаетъ* и *познаетъ* свое *я*, а при помощи *воли* онъ *проявляетъ* свое я на дѣлѣ и, такъ сказать, *утверждаетъ* его. Только при содѣйствіи этихъ двухъ факторовъ наше я изъ состоянія возможности переходитъ въ состояніе дѣйствительности или реальности.

Оба эти фактора предполагаютъ собою власть души надъ пріобрѣтенными уже ею представленіями. Другими словами они предполагаютъ собою упомянутую выше *свободу мышленія*. Важное значеніе этой послѣдней только здѣсь становится въ первый разъ всего замѣтнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы достигнуть самосознанія, опредѣленнаго представленія о своемъ

собственномъ *я*, душа наша должна не только имѣть представленія о другихъ предметахъ и существахъ, внѣ ея находящихся, равно какъ и о своихъ собственныхъ отдѣльныхъ состояніяхъ, отправленіяхъ, возбужденіяхъ и проч., но должна вмѣстѣ съ тѣмъ отличать саму себя отъ содержанія этихъ представленій. Очевидно, она не могла бы никакъ этого сдѣлать, если бы у нея не было способности удерживать эти представленія въ сознаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнять, воспроизводить и нѣсколько разъ пересматривать ихъ содержаніе. Только подъ этимъ условіемъ она можетъ разнообразные, представляемые ею предметы понимать въ ихъ опредѣленныхъ состояніяхъ и отличать ихъ отъ своего собственнаго (психическаго) существа. Равнымъ образомъ никакое рѣшеніе воли, если только оно заслуживаетъ этого названія, невозможно безъ этой способности свободнаго отношенія къ своимъ мыслямъ. Положимъ, мы рѣшаемъ, слѣдовать ли и какому именно движенію намъ слѣдовать. Очевидно, это рѣшеніе можетъ явиться въ нашей душѣ только послѣ взвѣшиванія и обсужденія, хотя бы то и мгновеннаго. Безъ этого условія оно вовсе не было бы сознательнымъ рѣшеніемъ, и слѣдовательно вообще не было бы актомъ воли. Но взвѣшиваніе и обсужденіе невозможно въ свою очередь безъ того, чтобы мы не обратили вниманія на различныя стремленія, на ихъ отношеніе другъ къ другу и къ предметамъ ихъ, на ихъ выполнимость, ихъ послѣдствія и проч. Другими словами оно невозможно безъ воспроизведенія, раздѣленія и соединенія представленій. Равнымъ образомъ и выполненіе принятаго рѣшенія возможно только подъ условіемъ этой власти души надъ своими представленіями. Во многихъ случаяхъ мы, какъ извѣстно, составляемъ опредѣленный планъ для дѣйствованія. Составленный планъ есть не что иное, какъ свободное соединеніе представленій, назначенное служить нормою для дѣятельности нашей воли.

Съ другой стороны несомнѣнно, что наше *я* должно *хотѣть* взвѣшивать и воспроизводить, соединять и раздѣлять необходимыя для этого представленія. Оно должно *хотѣть* пріобрѣсти возможно ясное и отчетливое представленіе о себѣ самомъ и соотвѣтственно этому поступать. Поэтому между волей и самосознаніемъ существуетъ тѣсная взаимная связь. Мы необходимо должны признать общій имъ обоимъ источникъ и указать на внутреннее неразрывное единство между ними. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть, что *одно и тоже* наше *я* обнаруживается какъ въ дѣятельности воли въ противоположность отдѣльнымъ стремленіямъ и желаніямъ, такъ и въ дѣятельности упомянутой выше свободы мыслей (силы воображенія) въ противоположность разнообразнымъ представленіямъ. Отъ меня зависитъ, захочу ли я обсуждать, взвѣшивать, рефлектировать и какія именно захочу я соединять представленія. Отъ моего *я* зависитъ воспроизведеніе (репродукція), соединеніе и раздѣленіе моихъ представленій и понятій. Наше *я* само въ этомъ случаѣ опредѣляетъ себя къ тому или другому сочетанію представленій. Ему самому принадлежитъ какъ способность представленій, такъ и способность воспроизводить, анализировать и сочетавать эти представленія такъ или иначе. Такимъ образомъ, всякое рѣшеніе воли заключаетъ въ себѣ *самоопредѣленіе* нашего *я*. *Ему* присуща сила стремленій и желаній и зависящая отъ нея способность произвольнаго движенія тѣлесныхъ органовъ. Эта сила и заставляетъ его направляться къ тому или другому предмету и дѣйствовать такъ или иначе для его достиженія.

Одно и тоже наше *я* и обсуждаетъ и взвѣшиваетъ, и желаетъ, и рѣшается и дѣйствуетъ; поэтому существуетъ одна только сила и дѣятельность, посредствомъ которой совершается актъ самоопредѣленія. Мы знаемъ уже, что душа наша понимаетъ, представляетъ и признаетъ себя личностію или тѣмъ, что мы называемъ нашимъ я, только при помощи сознанія и

самосознанія, содержаніе которыхъ въ свою очередь основывается на различающей силѣ души. Посредствомъ этихъ же силъ наша душа и проявляетъ свое *я* въ противоположность пріобрѣтеннымъ представленіямъ, посредствомъ нихъ же она и господствуетъ надъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, только благодаря этому она различаетъ простыя представленія отъ сложныхъ, а эти послѣднія въ свою очередь различаетъ по ихъ составнымъ частямъ, отношеніямъ, связующимъ ихъ членамъ; только благодаря этому она можетъ анализировать ихъ, разлагать на составныя части и дѣлать новыя сочетанія ихъ. Благодаря этому же она можетъ исчезнувшія изъ сознанія представленія различать въ актѣ воспроизведенія другъ отъ друга и вызывать въ сознаніе то именно *опредѣленное* представленіе, которое ей хочется вызвать. Не будь этого акта различенія, хотя иногда и безсознательно совершаемаго, тогда являлись бы въ сознаніи не тѣ представленія, какихъ мы желаемъ, но и всякія другія. Такимъ образомъ всякое проявленіе свободы мыслей заключаетъ уже въ себѣ актъ способности различенія. Отъ тѣхъ актовъ, посредствомъ которыхъ впервые возникаютъ наши представленія, этотъ актъ отличается только тѣмъ, что онъ предполагаетъ собою уже возникшія представленія. Это въ тоже время есть нѣкоторый актъ самопроявленія въ дѣятельности и самоопредѣленія нашей души. Это актъ, посредствомъ котораго она направляетъ свою силу различенія, воспроизведенія, комбинированія и пр. на извѣстныя, избранныя ею представленія.

Да и самый актъ *рѣшенія воли* или приговора касательно образа нашего дѣйствованія заключаетъ въ себѣ, какъ показано выше, актъ различенія. Когда я рѣшаюсь напримѣръ слѣдовать побужденію долга, а не другому какому нибудь желанію, я различаю какъ свои желанія одно отъ другаго и отъ долга, такъ и свое взвѣшиваніе и обсужденіе отъ предметовъ, которыхъ оно касается и отъ результата, какого тутъ мож-

но достигнуть. Кромѣ того, я различаю здѣсь себя самого, какъ силу рѣшающую, отъ своей обсуждающей дѣятельности и ея результата, равно какъ отъ предписанія долга и противорѣчащихъ ему желаній. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ у меня сознаніе моего дѣйствія и является самосознаніе. Я самъ сознаю, что это *я* именно взвѣшиваю дѣло и рѣшаюсь на тотъ или другой образъ дѣйствованія. Безъ этого условія рѣшеніе воли не было бы актомъ воли. Только подъ условіемъ этого различенія я даю моей желательной и дѣятельной силѣ то опредѣленное направленіе, вслѣдствіе котораго предписаніе долга становится руководительнымъ началомъ моего поведенія. Я исполняю долгъ потому, что импульсъ долга ставлю мотивомъ моего поведенія, т. е. потому, что я простому побужденію, которое само по себѣ, безъ акта воли, не можетъ вызвать извѣстнаго поступка, сообщаю эту возможность. Простой импульсъ я возвожу здѣсь на степень мотива, опредѣляющаго мое поведеніе. Въ тоже время я даю моей желательной и дѣятельной силѣ или моему *я* то опредѣленное направленіе, котораго оно не имѣло прежде. Посредствомъ акта различенія это направленіе доходитъ до моего сознанія, а посредствомъ рѣшенія и вмѣстѣ съ нимъ оно является въ душѣ, какъ желательная и дѣятельная сила. Но эта опредѣленность въ направленіи, какъ и всякая вообще опредѣленность, есть не что иное, какъ сдѣланное нашею душею различеніе. Оно состоитъ въ томъ, что я отличаю здѣсь проявленіе моей воли и дѣйствованіе по долгу отъ дѣйствованія подъ вліяніемъ извѣстной наклонности, страсти и т. п. Другаго смысла и значенія оно не можетъ имѣть. Только благодаря тому, что я различаю лежащій на мнѣ долгъ и мои желанія отъ дѣйствованія по долгу или подъ вліяніемъ желаній, я пріобрѣтаю сознаніе, представленіе о долгѣ и дѣйствованіи по долгу. Только благодаря тому, что я устанавливаю это различеніе, я могу рѣшаться на тотъ или другой поступокъ. Наше *я* полагаетъ это разли-

ченіе въ *самомъ себѣ*, какъ свое опредѣленное состояніе. Произнося рѣшеніе, оно какъ бы раздвояется само въ себѣ: съ одной стороны оно объединяетъ себя съ присущимъ ему импульсомъ долга, а съ другой отрѣшаетъ себя отъ присущаго же ему импульса желанія (противопоставляетъ себя ему и сопротивляется). Такимъ образомъ самоопредѣленіе нашей души къ дѣйствованію въ извѣстномъ направленіи сводится къ различенію, которое наше *я* устанавливаетъ само въ себѣ. Отсюда понятно, почему я, *принимая* то или другое рѣшеніе, въ тоже время и *сознаю* его.

Итакъ, въ самоопредѣленіи нашего я, какъ начала представляющаго, обсуждающаго и взвѣшивающаго, и въ самоопредѣленіи его, какъ начала, проявляющаго волю или рѣшающагося на то или другое, обнаруживаются сила и дѣятельность нашей души. Однакожъ есть очень большое различіе между тѣми актами этой первоначальной силы, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ наше сознаніе и самосознаніе съ ихъ содержаніемъ, и актами, въ которыхъ обнаруживается сила воли. Источникомъ послѣднихъ актовъ служатъ не различающая сила и присущее душѣ влеченіе къ пріобрѣтенію, умноженію, комбинированію и пр. представленій, но они исходятъ отъ *самой* нашей души. Основаніемъ ихъ служитъ влеченіе *ея* къ *самопроявленію* себя *въ дѣятельности*. Это влеченіе и способность, при помощи которой оно удовлетворяется, и составляютъ то, что обыкновенно называютъ волею человѣка. Ее душа наша проявляетъ въ каждомъ самоопредѣленіи: въ области какъ поступковъ, такъ и представленій, въ сферѣ какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни. Но для того, чтобы *проявлять* свою волю посредствомъ опредѣленнаго акта, душа наша *нуждается* въ способности различенія. Различающая (рефлектирующая, взвѣшивающая и обсуждающая) дѣятельность служитъ неизбѣжнымъ посредникомъ проявленія воли. Поэтому каждый актъ воли необходимо есть въ тоже время и актъ различенія. Отсюда вытекаетъ тѣсная, неразрывная связь между

разсудкомъ и волею и своеобразное взаимное отношеніе между ними, столь важное для духовнаго развитія человѣка. Въ силу этого отношенія они въ своей дѣятельности хотя и связаны другъ съ другомъ, однакоже вовсе не зависятъ другъ отъ друга. Напротивъ они до такой степени самостоятельны, что ни воля не можетъ измѣнить сужденія или приговора разсудка (связаннаго въ своей дѣятельности общими логическими законами и нормами), ни разсудокъ не можетъ принудить волю слѣдовать своему сужденію.

Будучи въ своей основѣ только врожденнымъ душѣ стремленіемъ проявлять свое собственное *я*, воля подходитъ съ этой стороны подъ общее понятіе стремленія. Въ этомъ смыслѣ она обозначаетъ собою только извѣстную степень развитія, высшую потенцію той общей силы влеченій и стремленій, которая свойственна какъ человѣческой душѣ, такъ и всякому живому существу. Но какъ природѣ нашей души свойственны особые внутренніе законы, которыми она управляется, то и жизнь души въ области влеченій слѣдуетъ особому ходу развитія, сообразному съ ея природой. У человѣка на первыхъ порахъ его душевнаго развитія вмѣстѣ съ проблесками самостоятельности воли мы видимъ преобладаніе чувственныхъ влеченій, направленныхъ къ сохраненію, развитію и образованію тѣла. Изъ душевныхъ собственно влеченій прежде всего пробуждается влеченіе къ пріобрѣтенію представленій. Вмѣстѣ съ этимъ влеченіемъ возникаетъ пробужденная имъ къ дѣятельности способность различенія. Послѣ этого пробуждаются и прочія душевныя влеченія: влеченіе къ игрѣ, къ подражанію, влеченіе къ знанію, общественности и проч. Но надъ всѣми влеченіями преобладаютъ еще чувственныя влеченія и желанія. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ этихъ первичныхъ стремленіяхъ не проявлялась наша воля. Во всѣхъ нихъ мы видимъ стремленіе души поддержать свое собственное бытіе, проявиться въ дѣятельности, развить и образовать себя. Поэтому справедливо можно сказать, что здѣсь

всюду обнаруживается *сама* наша душа или *само* наше *я*. Душа пользуется всѣми, готовыми къ ея услугамъ, силами, какъ средствами для удовлетворенія, развитія и образованія самой себя. Но здѣсь не бываетъ еще у человѣка воли въ собственномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Въ этомъ смыслѣ волею мы называемъ взвѣшивающее, обсуждающее и рѣшающее самоопредѣленіе нашей души, или стремленіе ея проявить свое *я* въ *противоположность* своимъ разнообразнымъ влеченіямъ, хотѣніямъ, наклонностямъ и пр. Въ этомъ видѣ воля является у человѣка только съ пробужденіемъ самосознанія, т. е. въ то время когда послѣдуетъ рѣзкое разграниченіе самосознанія отъ простаго сознанія. Только тогда появляются въ душѣ сопротивленія импульсамъ чувственныхъ влеченій, зачатки взвѣшивающей и обсуждающей дѣятельности и признаки рѣшеній воли. Тогда только обнаруживаются у человѣка въ сознательной формѣ нравственныя чувствованія и стремленія, какъ мотивы дѣятельности; до тѣхъ же поръ они существуютъ какбы скрыто, незамѣтно для него. Только въ это время человѣкъ достигаетъ нравственной зрѣлости, и воля его становится *свободною*. Тогда оканчивается для него дѣтскій возрастъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе онъ дѣлается отвѣтственнымъ за свои поступки и дѣйствія.

Перев. **В. Голубинскій**.

ОТНОШЕНІЯ

МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТІЮ ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

—

III.

Западно-европейская, католическая и протестантская, точка зрѣнія на отношеніе церковной власти къ гражданской въ византійской имперіи: взглядъ католиковъ и протестантовъ на восточную церковь. Основной характеръ ея направленія: взглядъ ея на догматъ вѣры, его значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣка и зловредное дѣйствіе ереси. Виновникъ всѣхъ ересей—діаволъ. Независимость церкви отъ діавола отстаивается самою же церковію. Государство, какъ проявленіе одной изъ степеней нравственнаго совершенства человѣческаго рода. Христіанинъ подчиняется государству, какъ свободный. Борьба церкви съ государствомъ возможна при всякомъ образѣ государственнаго правленія.

Западные европейцы, какъ католики, такъ и протестанты, единогласно осуждаютъ изложенную теорію [1] восточныхъ богослововъ и канонистовъ объ отношеніи церковной власти къ гражданской, и это осужденіе начинается съ самаго раздѣленія церквей, проходитъ чрезъ всѣ вѣка и нынѣ высказывается почти въ од-

[1] См. Прав. Соб. 1879 г. сентябрь.

нихъ и тѣхъ же словахъ. Сущность его заключается въ томъ, что восточная церковь вполнѣ подчинилась гражданской власти, признала это подчиненіе законнымъ и нормальнымъ, и вслѣдствіе этого потеряла жизненныя силы, остановилась на одной и той же степени развитія, превратилась вся въ неподвижную обрядность и окаменѣла. Папа Григорій IX въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Герману II, патріарху константинопольскому (1222—1240 г.), говоритъ, что греческая церковь, послѣ того какъ отдѣлилась отъ единства римскаго престола, лишилась церковной свободы и сдѣлалась рабою свѣтской власти; что церковный порядокъ въ ней извращенъ и священническое достоинство попрано, и что въ настоящее время нѣтъ никого, кто бы поболѣзновалъ о ней, такъ какъ она, отвергнувъ главу всей церкви, сдѣлалась безглавою (1). Сюда же можно отнести мнѣнія и всѣхъ тѣхъ папъ (по числу весьма и весьма многихъ), которые въ своихъ письмахъ къ византійскимъ императорамъ побуждали ихъ привести греческую церковь къ единству (?) съ римскимъ престоломъ одною лишь силою своей самодержавной власти (2). За папами тоже самое повторяютъ и католическіе писатели, спеціалисты по исторіи византійской церкви и по сему, повидимому, долженствующіе быть безпристрастными. Напр., А. Пихлеръ, въ заключеніе обозрѣній церковной власти

(1) Matth. Paris, Historia Anglorum. Londini. 1571, p. 620: cum enim Graecorum ecclesia a romanae sedis unitate recessit, statim privilegio caruit ecclesiasticae libertatis, et quae fuerat libera, facta est saecularis potestatis ancilla.... satis ejus vexatio dedisse debuerat intellectum, in quorum manibus ordo ecclesiasticus per adversas nationes Orientis in diversa partibus confunditur, ecclesiastica libertas opprimitur et sacerdotalis dignitas conculcatur, et non est, qui consoletur eam ex omnibus caris ejus, quia tanquam acephali ad caput ecclesiae reverti contempserunt.

(2) Это явленіе столь выпуклое въ исторіи отношеній средневѣковыхъ папъ къ византійской церкви, что его нашелся вынужденнымъ выставить на видъ, какъ явленіе не совсѣмъ рекомендующее политику папъ, даже *католическій* историкъ (что обыкновенно бываетъ очень рѣдко), Пихлеръ: Geschichte d. Trennung, 1, p. 404.

къ гражданской въ византійской имперіи, говоритъ такимъ образомъ: „въ то время какъ римскій престолъ возвысился изъ своего униженія прежде всего при помощи императоровъ, и потомъ подчинилъ себѣ самое императорство и достигъ собственнаго всемірнаго владычества,—престолъ константинопольскій мало-по-малу ниспускался съ своего прежняго величія, постепенно поддавался императорскому вліянію и наконецъ въ такой мѣрѣ подчинился ему, что даже потерялъ всякое сознаніе о прежней своей славѣ, и греческая церковь, въ вопіющемъ противорѣчіи со всею своею традиціей, объявила это состояніе подчиненности и рабства, какъ состояніе нормальное и сообразное съ законами. Восточная церковь никогда болѣе не въ состояніи выдти изъ этого рабства, потому что ей не достаетъ единственно способной на то божественной силы папства, основателя и хранителя церковной свободы“ (1). Теорію отношеній церковной власти къ государственной, проповѣдуемую восточными богословами и канонистами, Пихлеръ называетъ лишь оправданіемъ фактически установившагося отношенія (2). „Цезаропапизмъ императоровъ и честолюбіе патріарховъ, говоритъ другой спеціалистъ по исторіи византійской церкви—Гергенрётеръ, уничтожили іерархическій порядокъ, зависимость епископовъ отъ митрополитовъ и митрополитовъ отъ патріарховъ сдѣлалась рабскою и вслѣдствіе этого епископство совершенно развратилось; оно являлось подлымъ и безхарактернымъ почти при всякой грозной опасности и исключенія дѣлались постепенно рѣже. Деспотъ надъ епископами во всѣхъ случаяхъ, гдѣ отношеніе къ нимъ не умѣрялось благороднымъ характеромъ, патріархъ тѣмъ зависимѣе ста-

---

(1) Pichler. 1. p. 413.

(2) Ibid. 1, p. 414: Werfen wir noch einen Blick auf die Theorie, durch welche die griechiesehen Theologen und Geschichtschreiber das factische Verhältnisz der Kaiser zur Kirche sich zurecht zu legen suchten.

новился отъ императорской воли, тѣмъ болѣе дѣлался орудіемъ всепоглощающей безграничной государственной власти, чѣмъ болѣе онъ стремился гнести нисшихъ себя. Въ государственной власти онъ искалъ главной опоры для развитія и увеличенія своего могущества и значенія, помимо нея онъ не могъ болѣе достигнуть этого; онъ обязанъ былъ служить государственной политикѣ. Въ этомъ-то и состоялъ постепенно усиливающійся византизмъ (1). Теперь (2), какъ только удалось устранить послѣдній остатокъ папскаго вліянія, византійская церковь сдѣлалась безнадежною (rettungslos). Самостоятельность ея уничтожена, устройство въ ней извращено; часто обуреваемая своими собственными защитниками, церковь (эта) не могла болѣе оказать достаточнаго сопротивленія исламу; поглощеніе церкви государствомъ даже предобразовало его и уровняло ему путь. Дворъ и патріархи заключили между собою союзъ противъ Рима и прочихъ патріарховъ, сдѣлались неспособными подавить силу восточныхъ сектъ, въ особенности монофизитовъ, или вырвать свою добычу у фанатическихъ арабовъ, но довольно сильными уничтожить союзъ съ тѣми, которые одни только (т. е. папы).... могли еще доставить имъ надлежащую помощь, но которыхъ въ несчастномъ ослѣпленіи они оттолкнули отъ себя, какъ презрѣнныхъ варваровъ" (3). Слѣдствіемъ такого поглощенія церкви государственною властію было оцѣпѣненіе всѣхъ ея жизненныхъ силъ, омертвеніе (4). Гфрёреръ, чтобы сильнѣе выразить свое осужденіе византизма, говоритъ: „византійская исторія служитъ лучшимъ оправданіемъ папства" (5). „Грече-

---

(1) Das war der immer mehr sich befestigende Byzantinismus.

(2) Т. е. ко временамъ патр. Фотія

(3) Hergenröther, Photius patriarch von Constantinopel. Regensburg. 1867. I. p 309—310. Также: p. 104. 109.

(4) Ibid. p. 307—309.

(5) Gfrörer, Geschichte der christlichen Kirche. II. p. 27.

ская церковь, разсуждаетъ Неандеръ, по сохраняемому отъ древнихъ временъ и еще не совсѣмъ погибшему образованію имѣла преимущество предъ латинскою церковію; въ сознаніи этого образованія греки старались смотрѣть на латинскую церковь съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, какъ на церковь существующую между варварами. Но въ то время какъ западная церковь обладала въ качествѣ преимущества тѣмъ, что̀ стоитъ далеко выше, чѣмъ мертвый матеріалъ сохраняемой по преданію учености: свѣжимъ жизненнымъ принципомъ для новаго, духовнаго творчества, могущимъ произвести величайшія дѣла далеко ничтожнѣйшими средствами, — греческой церкви не доставало этого, одушевляющаго мертвую массу, принципа.... Къ тому служили двѣ взаимодѣйствующія причины, особенно противодѣйствовавшія здоровому и свободному развитію церкви и богословія между греками: деспотизмъ государственной власти, предъ которымъ все преклонялось и которому часто позволяли пользоваться собою какъ орудіемъ также епископы, и недостатокъ чувства истины, уже образовавшій господствующую характеристическую черту,—духъ неправды (der Geist der Unwahrheit), сообщившій свой отпечатокъ всей жизни, познаваемый въ преувеличеніяхъ и напыщенности обыкновеннаго образа рѣчи. Такимъ образомъ остроуміе и ученость на службѣ деспотизма и неправды могли быть употребляемы въ орудіе для софистики; можно доказывать все, что̀ хотѣли доказывать, мертвая наука не могла образовать никакого противодѣйствія (Reaction) господствующему суевѣрію (т. е. иконопочитанію), но пошла съ нимъ рука объ руку, чтобы послужить для его обоснованія и защиты“ (1). Ульманъ тоже съ своей стороны рисуетъ со-

(1) Neander, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Vierte Auflage. Gotha, 1864. VI. p. 340—342.—Гергенрётеръ, приведши выписанное разсужденіе Неандера въ заключительной статьѣ первой книги своего обширнаго изслѣдованія о п. Фотіѣ, какъ разсужденіе проте-

стояніе греческой церкви, какъ состояніе лишенное жизненнаго духа и всякаго движущаго элемента, со-

---

станта, явно дескать безпристрастное, а между тѣмъ согласное съ его собственными мнѣніями, не выписалъ однакоже послѣднихъ словъ Неандера: «мертвая наука не могла образовать никакого противодѣйствія господствующему суевѣрію (иконопочитанію) и пр.» (Hergenröther, I. p. 305—306), хотя у самого автора эти заключительныя слова ничѣмъ не отдѣлены отъ предыдущей рѣчи, да и вся она направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы обосновать эти заключительныя слова. Но католическая церковь *чтитъ* иконы, значитъ дѣлать выписокъ противъ католической церкви не слѣдуетъ, хотя бы эти выписки и требовались ходомъ рѣчи; противъ же греческой церкви, очевидно, можно дѣлать всякія выписки, хотя бы по внутреннему своему достоинству они не имѣли никакого значенія. Такимъ образомъ можно придать своему изслѣдованію видъ величайшаго безпристрастія однимъ лишь подборомъ многочисленныхъ цитатовъ, хотя бы достоинство ихъ сводилось къ нулю.... Спрашивается, какое историо-воззрѣніе Неандера, чтобы вполнѣ вѣрно можно было цѣнить достоинство его сужденій и взглядовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вполнѣ безпристрастное и объективное изложеніе предмета и сужденіе о немъ можетъ быть только тогда, когда онъ предварительно будетъ познанъ самъ въ себѣ и затѣмъ всѣ проявленія его будутъ разсматриваться въ ихъ отношеніи къ внутреннимъ его силамъ и качествамъ, какъ проявленія генетически изъ него вытекающія. Неандеръ, подобно всѣмъ прочимъ протестантамъ, прежде всего обладаетъ недостаткомъ пониманія сущности христіанства вообще и основныхъ свойствъ и качествъ церкви христіанской въ частности. Въ своихъ религіозно-богословскихъ воззрѣніяхъ, прилагаемыхъ къ исторіи церкви, онъ является приверженцемъ и послѣдователемъ идей Шлейермахера. По Неандеру, религія исключительно есть предметъ чувства и субъективнаго сознанія. Искренность религіознаго чувства и есть та божественная искра въ религіи, которая достойна всякой цѣны и уваженія; эта искренность собственно и есть божественный даръ въ религіи, хотя бы самое ученіе было чисто человѣческое. Догматъ и опредѣленнымъ образомъ утвержденныя вѣроисповѣдныя понятія суть нѣчто одностороннее, узкое, стѣсняющее религіозное чувство. Отсюда у Неандера является, пристрастіе къ біографіямъ, гдѣ онъ можетъ столкнуться съ внутреннимъ религіознымъ чувствомъ описываемой личности; отсюда онъ съ такою любовію описываетъ внутреннюю борьбу какого-нибудь миссіонера или подвижника, его видѣнія, чудеса и т. д.; отсюда—его пристрастіе къ такого рода личностямъ и, напротивъ, несправедливость ко всему тому, гдѣ онъ по чему-либо усматриваетъ недостатокъ вѣры. Но сколько онъ пристрастенъ ко всему частному, индивидуальному, сколько онъ любитъ входить въ описаніе подробностей, характеризующихъ личность, какъ личность,—столько

стояніе пустаго формализма, безжизненности и окаменѣлости, и, въ качествѣ несомнѣнной истины, выводитъ

же напротивъ онъ питаетъ отвращеніе ко всему общему, что̀ можетъ дать исторіи единство цѣлаго, и если иногда вынуждается обратить вниманіе на это цѣлое, то при этомъ тотчасъ же показываетъ его односторонность и узкость, якобы стѣсняющую религіозное чувство. Вся область исторіи разсматриваемая въ ея единствѣ, представляется ему какъ рядъ акцій и реакцій, дѣйствій и противодѣйствій, сглаживающихъ все выпуклое, рѣзко-характерное, шероховатое и чудовищное, могущее стѣснять проявленіе религіознаго чувства. При этомъ, конечно, часто случается, что одно и тоже дѣйствіе въ одномъ случаѣ является акціей, а въ другомъ—реакціей; такъ необходимо должно быть при неопредѣленности религіозныхъ воззрѣній. Бауръ дѣлаетъ такую характеристику основныхъ воззрѣній Неандера: «Частное и индивидуальное вообще очень преобладаетъ у Неандера, и составляетъ превозмогающую силу относительно общаго, которое должно дать цѣлому его содержаніе и единство».... «Какъ легко Неандеръ такъ часто поступается требованіями критики, лишь только въ его религіозномъ интересѣ повѣрить заслугамъ и чудесамъ благочестиваго миссіонера, душевной борьбѣ и исповѣданію кающагося грѣшника, видѣніямъ мистика, или другимъ явленіямъ внутренней религіозной жизни, такъ, напротивъ, тѣмъ несправедливѣе онъ судитъ о тѣхъ, которые разъ возбудили въ немъ подозрѣніе въ невѣріи».... «Такъ какъ религія вообще по существу своему субъективна, то и въ исторіи явленій христіанства можно стоять только на субъективной точкѣ зрѣнія, какъ дѣйствительно у Неандера и является абсолютнымъ масштабомъ, по которому должно судить о характерѣ историческихъ явленій, религіозное чувство, или христіанское сознаніе въ своей субъективности. Поэтому у Неандера очень естественно вытекаетъ опасеніе омрачить божественный отпечатокъ явленій, какъ скоро они не будутъ разсматриваемы только субъективнымъ образомъ, по религіозному чувству, лежащему въ ихъ основаніи, или по сознанію, какъ непосредственному выраженію религіознаго чувства; но онъ старается подвести ихъ и подъ объективное понятіе, что̀ они суть сами въ себѣ; только при этомъ принимаетъ во вниманіе такія въ нихъ стороны, которыя сразу представляются какъ нѣчто очень одностороннее, ограниченное, отдѣльное, какъ нѣчто такое, чему не возможно симпатизировать. Теперь, чтобы все это (несимпатическое) отбросить и напротивъ удержать въ историческихъ личностяхъ нѣчто такое, что можно считать за божественный отпечатокъ явленія, или отыскивать въ нихъ то, въ чемъ познается истинная сущность религіи и христіанства, должно все, что̀ превращаетъ ихъ въ опредѣленное историческое явленіе и индивидуальность, возводить къ религіозному чувству и сознанію, которое, какъ нѣчто коренное и непосредственное, въ чемъ каждый живетъ въ сферѣ своей собственной субъективности и мо-

отсюда „величайшее предостереженіе“ для потомства: „не дѣлайте людей рабами“. При этомъ онъ не пре-

---

жетъ сдѣлать право ея имѣющимъ значеніе (geltend), есть также и нѣчто общее, чему всѣ одинаково могутъ симпатизировать. Слѣдствіе отсюда можетъ быть только одно, чтобы изображеніе предмета (Darstellung) получило такое направленіе, въ которомъ, какъ это довольно ясно можно видѣть у Неандера, обнаруживалась бы въ сильной степени наклонность низводить явленія, бросающіяся въ глаза своею очень специфическою особенностію, съ ихъ высоты, вообще все сколько возможно нивеллировать и нейтрализировать. Важнѣйшею стороною въ изображеніи предмета всегда остается то, въ чемъ авторъ можетъ найдти основную точку зрѣнія своей собственной теоріи чувства, своего pectus, quod theologum facit, своего раціоналистическаго супранатурализма, своей, колеблющейся въ неопредѣленномъ пространствѣ между вѣрою и знаніемъ, половинчатости и безсодержательности. Душу религіи составляетъ этотъ элементъ чувства съ его, расплывающеюся въ безконечность, общностію; онъ есть нѣчто самое существенное, къ чему всякій догматъ и всякое объективно установленное понятіе всегда можно въ концѣ концовъ поставить въ отношеніе голаго случая, смотря по обстоятельствамъ»..... «Первый предметъ, который Неандеръ избралъ себѣ для особаго изслѣдованія, его Юліанъ, превосходнѣйшимъ образомъ можетъ служить къ тому, чтобы нагляднѣе показать эту внутреннюю черту его особенности. Неандеръ имѣетъ видимое пристрастіе къ Юліану»..... «Онъ признаетъ въ Юліанѣ истинную религіозность, отличную отъ рабскаго суевѣрія; благодаря этой религіозности, Юліанъ старался осуществить тѣ идеи, которыя его одушевляли, и совершилъ свое дѣло съ полною преданностію волѣ боговъ, которымъ онъ вполнѣ ввѣрилъ участь своего замысла. Вѣра въ божественное происхожденіе и назначеніе человѣка, въ мудрость глубокой древности, вдохнула въ него энтузіазмъ, возвышающійся надъ всѣмъ временнымъ и не оставлявшій его даже до послѣдней минуты. Эту самую вѣру Неандеръ называетъ божественною, потому что вѣра можетъ быть только божественною, хотя бы догматы, въ которыхъ она осуществлялась, были человѣческіе. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе только эту божественную вѣру Юліана, то можно спокойно упустить въ немъ изъ вниманія все, что можно найдти въ немъ превратнаго и достойнаго порицанія. Но если Юліанъ этимъ путемъ понимается и оцѣнивается такимъ образомъ, то какимъ же онъ долженъ явиться съ точки зрѣнія объективнаго историческаго разсужденія»?..... «Если въ концѣ концовъ все только субъективно, есть дѣло чувства, непосредственнаго сознанія, если съ этою теоріей даже язычество и христіанство можно смѣшать въ одну и туже кашу, то какъ вообще возможно еще объективное историческое разсматриваніе предмета»?..... Вообще, «слабѣйшая сторона Неандера заключается въ томъ, что у него самое высшее и абсолютное въ

минулъ высказать свою радость и успокоить своихъ соотечественниковъ относительно жизненности своей собственной церкви; но только онъ не потрудился выяснить, какими чертами характеризуется жизненный принципъ и какими — мертвый, безъ духа и жизни, что̀ значитъ свѣжесть духовной жизни и т. п. Въ этомъ отношеніи и у него, какъ у Неандера, царитъ полная неопредѣленность (1).

его историческомъ образѣ пониманія предмета всегда въ концѣ концовъ сводится на субъективность чувства. Онъ становится чувствительнѣе, раздражительнѣе и страстнѣе всякій разъ, какъ только видитъ необходимость предъ собою выдти изъ внутренней области своей субъективной теоріи и стать на такую точку зрѣнія, на которой идетъ дѣло не о неопредѣленномъ, неясномъ чувствѣ и не о вѣщаніяхъ сознанія, а объ опредѣленныхъ объективныхъ понятіяхъ. Вся его личность въ такой степени привязана къ элементамъ чувства, что онъ, при всякомъ шагѣ къ точкѣ зрѣнія возвышающейся надъ этою неопредѣленностію, не чувствуетъ ни неба надъ собою, ни земли подъ собою, а усматриваетъ только атеизмъ и нигилитизъ, демонскія силы ада» (F. Baur. die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852. p. 198—232). Думаемъ, что приведеннаго анализа исторіовоззрѣнія Неандера весьма достаточно, чтобы по достоинству оцѣнить его сужденіе о восточной церкви. Широкая, но неопредѣленная теорія чувства, какой держался Неандеръ, очевидно, шла въ разрѣзъ съ строгимъ, догматически опредѣленнымъ ученіемъ восточной церкви: Неандеръ ей и не сочувствуетъ. Относя вѣру исключительно въ область чувства, разсматривая всѣ историческія явленія съ точки зрѣнія субъективнаго религіознаго чувства и отвергая даже возможность судить объективно о явленіяхъ съ точки зрѣнія идеи, лежащей въ ихъ основѣ, онъ безъ обиняковъ объявилъ всю восточную церковь лживою, потерявшею чувство истины. Отсюда, далѣе, всѣ его предвзятыя о ней сужденія.

(1) Theolog. Studien und Kritiken. 1833 г. p. 650. 654. 656: Wir können ruhig.... auf eine Zeit zurückblicken, die uns als ihr Erbtheil die grosze Warnung hinterlassen hat: Werdet nicht der Menschen Knechte! Подобнымъ же образомъ смотрятъ на состояніе греческой церкви: Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte. Bonn, 1846. Zweiten Bandes erste Abtheilung, p. 13: Wie die Kirche ihr freies eigenthümbliches Wesen verloren hatte, so auch die theologischen Wissenschaften; p. 395: die Abhängigkeit der Kirche von Hofe, seinen Cabalen und Veränderungen dauerte fort, und so konnte dieselbe nie ein eigenthümliches Leben wieder gewinnen; Hagenbach, Kirchengeschichte. B. II, p. 52. Leipzig, 1869; Fallmerayer, Fragmente. I, p. 302—344. — Можно съ увѣренностію сказать,

Нѣтъ сомнѣнія, что деспотизмъ, какъ и бюрократія, разслабляетъ жизненныя силы, мертвитъ духъ, стѣсняетъ его свободныя проявленія въ самомъ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, и можетъ оказывать огромное вліяніе на текущія дѣла церкви. Кто, напр., знакомъ съ исторіей распространенія протестантства въ Европѣ, тотъ, конечно, не могъ не замѣтить того обстоятельства, что протестантизмъ распространился преимущественно въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ ему содѣйствовала государственная власть, и, наоборотъ, тамъ онъ подавленъ, гдѣ его преслѣдовало государство, хотя при свободномъ теченіи, вѣроятно, онъ значительно усилился бы. Но мы не имѣемъ цѣлію входить въ разборъ того, насколько деспотизмъ мертвитъ духъ человѣка и можетъ ли умертвить или подавить его окончательно. Приведенныя мнѣнія, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, очевидно, направлены противъ самыхъ принциповъ восточной церкви, которые, якобы, окаменѣли подъ давленіемъ византійскаго деспотизма; а это обязываетъ насъ заставить саму восточную церковь, въ лицѣ ея представителей, высказаться объ основномъ характерѣ своего направленія, съ которымъ логически и генетически связывалась бы изложенная теорія объ отношеніи ея къ государственной власти.

Самый высшій, первый, драгоцѣннѣйшій и чистѣйшій даръ между всѣми, данными намъ, дарами и благодѣяніями, есть религія (*θρησκεία*), эта первая мудрость по благочестію (*πρώτη σοφία κατ' εὐσέβειαν*), доставляющая намъ познаніе чистой и непорочной вѣры христіанской (1). Поэтому и христіанское богословіе

что также смотрятъ и всѣ прочіе протестантскіе и католическіе церковные историки. Но не мѣшало бы имъ припомнить при этомъ и то, что въ послѣднія времена весь западъ, и католическій и протестантскій, вступаетъ въ союзъ съ исламомъ, чтобы подавить *безжизненный византизмъ*, мощнаго проявленія жизни и силы котораго онъ такъ устрашился.

(1) *Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φωτίου ἀρχ. Κωνστ. τὰ Ἀμφιλόχια, ἐκδιδ. Σοφοκλ. Κ. τοῦ ἐξ Οἰκονόμων. Ἀθηνησι, 1858. ξητ.*

составляетъ самое высшее и возвышеннѣйшее знаніе между всѣми знаніями человѣческими (1). Никто не долженъ оставаться равнодушнымъ къ преданнымъ догматамъ церкви; въ особенности же хранить ихъ чистоту, изъяснять ихъ и отстаивать ихъ отъ всѣхъ возможныхъ нападеній, лежитъ на обязанности богослововъ и служителей церкви, потому что Богъ открылъ намъ только то, что спасительно и полезно намъ знать и потому что правильное знаніе и пониманіе догматовъ вѣры ведетъ за собою чистоту жизни, равно какъ чистота жизни въ свою очередь свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣра христіанская—воистину божественная вѣра (2). Строгость въ охраненіи преданнаго догматическаго ученія, заключеннаго въ св. писаніи и въ св. преданіи, должна простираться до того, что не слѣдуетъ уклоняться не только отъ отдѣльныхъ какихъ-нибудь частей ученія, но даже отъ самой буквы свящ. словъ; потому что ничтожнѣйшее уклоненіе отъ преданія ведетъ къ ниспроверженію всего догмата (3). Поэтому очень опасны тѣ, которые оспариваютъ принятыя церковію мнѣнія и заботятся о нововведеніяхъ, чтобы тѣмъ пріобрѣсти себѣ славу оригинальности. Впрочемъ, они не столько вредятъ правому догмату, сколько самимъ себѣ, уклоняясь отъ истинной вѣры и тѣмъ подвергая

---

197. p. 277: *ἱερὰ ἡμῶν θρησκεία*; *ζητ.* 149. p. 226: *πρώτη σοφία κατ' εὐσέβειαν*; Migne, Patrol. curs. compl. t. CII. p. 628: *ἣν πρώτη καὶ μόνη χαρίζεται τῆς καθαρᾶς καὶ ἀμωμήτου πίστεως ἡμῶν τῶν Χριστιανῶν, ἡ μάθησις καὶ μυσταγωγία.*

(1) *Ἀμφιλοχ. Ἀθην. ζητ.* 106. p. 180. § 5.

(2) Dial. c. Man. Dam. n. 74. p. 460; Hergenröther, III. p. 264; Patr. curs. compl. t. CII. p. 629: *καὶ γὰρ δογμάτων μὲν εὐθύτης πολιτείας προβάλλεται κοσμιότητα, πράξεων δὲ καθαρότης τῆς πίστεως ἀπαγγέλλει θειότητα.*

(3) *Ἀμφιλοχ. ζητ.* 133. p. 211: *οὐ δεῖ γὰρ οὐδόλως, οὐδ' ἐφ' ἑνὶ γράμματι παραχαράττειν τὰς λέξεις τὰς ἱερὰς* и пр.; Migne, Patrol. curs. compl. t. CII. p. 605: *τῶν γὰρ ἐλαττόνων νόμων ἡ παράβασις, ἀτιμώρητος πρὸς τὴν τῶν μειζόνων ἐπιτρίβει καταφρόνησιν.*

свою душу вѣчной погибели (1). Подобно тому, какъ соблазны и страсти уничтожаютъ добродѣтельную жизнь, такъ точно противорѣчащія себѣ ученія и мнѣнія безбожныхъ еретиковъ противостоятъ правильному религіозному убѣжденію и уничтожаютъ его (2). Ересь составляетъ тягчайшее преступленіе противъ Бога, потому что она извращаетъ слово Божіе, искажаетъ истинную вѣру и низвергаетъ души въ пагубу; поэтому вѣрующіе должны избѣгать всякаго общенія съ еретиками, чтобы не заразиться отъ нихъ какимъ-нибудь образомъ (3). Ересь главнымъ образомъ зависитъ отъ привязанности къ голой буквѣ писанія, тогда какъ истинная религія болѣе слѣдуетъ духу, чѣмъ буквѣ (4). Еретики разрываютъ вѣчную истину, откровеніе божественнаго слова на мелкіе кусочки; кто снова соединяетъ, что̀ разорвано ими, и составляетъ изъ этого совершенно цѣлое, тотъ безопасно можетъ созерцать истину (5). Вслѣдствіе такого взгляда на догматъ, его значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣка и зловредное дѣйствіе ереси, въ восточной церкви естественно выработалось ученіе—избѣгать всякихъ нововведеній въ дѣлѣ вѣры и, напротивъ, твердо и неизмѣнно хранить то,

---

(1) *Ἀμφιλοχ. ξητ.* 36. p. 64.

(2) Ibid. *ξητ.* 5. p. 19: *δῆλον δὲ, ὅτι καθάπερ τῷ κατ' ἀρετὴν βίῳ ἐπιλυμαίνεταί τε καὶ ἀνατρέπει τὰ τοιαῦτα σκάνδαλα καὶ πάθη, οὕτω δὴ οὕτω καὶ τῷ κατ' εὐσέβειαν λόγῳ ἐπιπροσθεῖ τε καὶ καταλῄξεται τὰ αἱρετικά τε καὶ παλίμφημα τῶν δυσσεβούντων δόγματα καὶ φρονήματα.*

(3) Ibid. *ξ.* 20. p. 32: *τῶν πλημμεληµάτων τὸ χαλεπότατον λιπῶν.* Dam. Dial. c. Man. n. 66. p. 455; *Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα.* 1 p. 261—267.—Интересно снести при этомъ слѣдующія мѣста апостольскія: 2 Петр. 2 гл.; 1 Тим. 6, 20. 21; 2 Тим 2, 16—18; Іуды, 1 гл 4—19; Тит. 1, 10—16 и пр.

(4) *Ἀμφιλοχ. ξ.* 43. p. 80: *οὐκ ἐπὶ μόνης δὲ τῆς παρούσης ὑποθέσεως ψιλαῖς ταῖς λέξεσι πολλοὶ τῶν πραγμάτων ἀποστάντες, περικάθηνται,.... ἀλλ' οὐχ' οὕτως ἡ εὐσέβεια, πανταχοῦ δὲ μᾶλλον τοῦ πνεύματος ἢ τοῦ γράμματος γινομένη.*

(5) Clem. Alex. Strom. L. 1. p. 298.

что разъ выяснено и утверждено, какъ непреложная истина, отцами церкви. Фотій въ своемъ апологетическомъ письмѣ къ папѣ Николаю I. говоритъ, что потомки обязаны твердо держаться того, что установлено предками; потому что наклонность низвергать твердыя и установленныя учрежденія и вмѣсто нихъ дѣлать нововведенія и перевороты составляетъ болѣе свойство подлой черни, чѣмъ благородныхъ умовъ (1). Конечно, охранять выясненную и установленную истину похвально и составляетъ долгъ каждаго православнаго христіанина, но у византійцевъ всѣхъ временъ, какъ и во всякомъ другомъ обществѣ, эта наклонность—охранять преданное ученіе—доходила въ нѣкоторыхъ личностяхъ до того, что онѣ отрицали возможность какихъ бы то ни было реформъ въ предметахъ даже несущественныхъ (2). Никифоръ Григора о народѣ своего времени говоритъ, что „скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ“ и что „ни смерть, ни жизнь, не ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высоты, ни глубина, ни другая какая тварь не разлучитъ его (Римл. 8, 9) съ отеческими законоположеніями и догматами“ (3). Не трудно

---

(1) Migne. Patrol. curs. compl. t. CII. p. 609: *δεῖ γὰρ τὰ τεθέντα φυλάσσειν, καὶ πατράσι τέκνα δίκαιόν τε καὶ ὅσιον πειθαρχεῖν*; p. 612: *φιλεῖ γὰρ ὡς τὰ πολλὰ τῶν ἀγελαίων ὁ τρόπος διὰ τὸ τῆς γνώμης ἠρρωστηκὸς καὶ ἀστήρικτον ταῖς καινοτομίαις τε καὶ ταῖς νεωτεροποιίαις προσκεχηνέναι μᾶλλον, ἢ τοῖς καθεστηκόσι καὶ καλῶς κειμένοις προσεπερείδεσθαι*.

(2) Пахимеръ. Спб., 1862. I. стр. 384—385.

(3) Григора. Спб., 1862. I. стр. 512. — Высказаннымъ взглядомъ на зловредное значеніе ересей въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго совершенства человѣка объясняется между прочимъ и крайне нетерпимое отношеніе византійскаго правительства ко всякаго рода еретикамъ. Къ тому же нетерпимость эта вызывалась самою страстностію борьбы, какая происходила между ересью и православіемъ. Еретики лишены были почти всѣхъ правъ и преимуществъ полноправныхъ гражданъ: имъ возбранено было учить, рукополагать клириковъ, совершать литіи, какъ публичныя, такъ и въ домахъ; за неисполненіе подвергались денеж-

теперь понять, что та страсть къ богословствованію, которую проявили византійскіе императоры, начиная съ Константина великаго и кончая послѣдними Палеологами, была не вспышкою и не капризомъ не знающаго границъ своей власти деспота, а вполнѣ обусловливалась и даже вынуждалась направленіемъ времени, когда каждый носящій имя христіанина, епископъ и простой клирикъ, монахъ и мірянинъ, простолюдинъ и высшій государственный сановникъ, считалъ какъ бы своею обязанностію богословствовать и отстаивать чистоту догмата вѣры. Понятно также, что при такомъ направленіи всего общества скорѣе императоры явля-

ному штрафу, который вносился въ православныя церкви. Донатисты и Манихеи подвергались крайнимъ наказаніямъ: имущества ихъ были конфискуемы и воспрещалось какимъ бы ни было образомъ выкупать ихъ или обмѣнивать; они не имѣли права давать надѣлы своимъ неправославнымъ дѣтямъ; завѣщанія ихъ признавались недѣйствительными; они были изгоняемы изъ городовъ и домы ихъ, въ которыхъ они совершали собранія, были отдаваемы церквамъ; они не могли ни строить монастырей, ни быть воинскими начальниками, но они не освобождались отъ общественныхъ повинностей. Равнымъ образомъ были наказываемы и тѣ, которые писали противъ св. вселенскихъ соборовъ, или владѣли подобными сочиненіями, или даже только знали о такихъ сочиненіяхъ; они не могли быть чиновниками, экдиками, священниками въ городахъ и другими должностными лицами. Дѣтей своихъ, принявшихъ православіе, они обязаны кормить и одѣвать, давать имъ наслѣдство, дѣлать приданое при заключеніи браковъ и т. п. Въ случаѣ спора въ семействѣ, беретъ перевѣсъ та сторона, которая желаетъ присоединить дѣтей своихъ къ православію. Наказываются также и православныя дѣти, если они совершаютъ еретическіе обряды съ еретическими родственниками. Вообще, еретики не могутъ ни крестить, ни управлять областію или даже селеніемъ, какъ сами непосредственно, такъ и чрезъ своихъ уполномоченныхъ,— ни заниматься воспитаніемъ дѣтей, ни совершать другое какое-нибудь дѣло внутри свящ. учрежденій. Они не могутъ свидѣтельствовать въ судѣ; въ этомъ отношеніи право ихъ ограничивалось только тѣмъ, что они могли притянуть православнаго къ суду. Не меньшимъ, если только еще не бо́льшимъ, ограниченіямъ подвергались также и іудеи. Ῥάλλη καὶ Πότλη, συνταγμα. I. p. 262—265. Объ укрывающихъ еретическія книги, или владѣющихъ ими см. 60 пр. апостоловъ, 68 пр. Трулл. соб. и 9 пр. VII всел. соб. Всѣ эти правила ограничиваются однимъ лишь духовными наказаніями.

лись рабами того или другаго вѣроисповѣднаго теченія въ обществѣ, а не наоборотъ,—не общество было игрушкою въ рукахъ императоровъ, не смотря на все самодержавіе ихъ власти. Происходила страшная борьба вѣрованій и мнѣній, при чемъ гонимою стороною обыкновенно являлись тѣ, мнѣнія которыхъ императоры считали неправильными, а гонителями были сторонники императоровъ, т. е. та партія, которая успѣла благорасположить ихъ въ свою пользу. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Но при такомъ образѣ веденія борьбы верхъ всегда оставался за тою стороною, которая держалась истины. Если вообще справедливо положеніе, что борьба мнѣній вырабатываетъ истину, то тѣмъ болѣе справедливо это положеніе относительно борьбы такихъ мнѣній, которыя логически и генетически должны быть подведены подъ готовую уже истину. Въ этомъ случаѣ здравая общественная логика вселенской церкви, подкрѣпляемая сужденіемъ лицъ высоко-нравственныхъ и безстрастныхъ, всегда брала перевѣсъ надъ хитро-и не-хитросплетеннымъ лжеученіемъ еретиковъ.

Главный виновникъ и распространитель всѣхъ ересей есть сатана, могущій быть названъ отцомъ всѣхъ еретиковъ. Чистота и красота церкви вселенской возбуждаетъ въ немъ злобу и потому онъ старается нанести ей вредъ всѣми возможными способами. Но эта же самая красота церкви дастъ возможность сынамъ ея тотчасъ же замѣтить всякое его злоухищреніе и немедленно отразить его, какъ нечистую скверну, къ бо́льшей славѣ церкви. Прекрасно это изображаетъ п. Фотій въ своемъ наставительномъ посланіи къ болгарскому царю Михаилу. „Итакъ, возлюбленный о Христѣ и духовный намъ сынъ, посмотри же какія ополченія лукавый (πονηρὸς) воздвигъ противъ благочестивой и единой истинной христіанской религіи, возбуждая противъ нея разнаго рода ереси, смуты, брани и войны. Но посмотри также и на то, какъ она отразила всѣ эти (напасти) и какіе великолѣпные водрузила противъ

всѣхъ ихъ побѣдные знаки. И нисколько не удивляйся, когда тебѣ придется размышлять о коварствахъ и напастяхъ, воздвигаемыхъ противъ нея. Ибо, во первыхъ, она не явилась бы столь знаменитою, крѣпкою и славною, если бы противъ нея не было возбуждено ни единой брани. А потомъ легко понять и то, что гдѣ наиболѣе сильно ведется война противъ лукаваго, тамъ и самъ онъ съ большимъ усердіемъ бросаетъ стрѣлы своей злобы и строитъ разныя козни. Ибо онъ не вооружается противъ другихъ (языческихъ) народовъ, потому что между ними нѣтъ никакой сильной противъ него брани. Но христоименитый Божій народъ, языкъ святъ, царское священіе, такъ какъ ежедневно противодѣйствуетъ, преуспѣяніемъ въ своей вѣрѣ, лукавымъ его дѣйствіямъ и злоухищреніямъ, вслѣдствіе этого и онъ, придумывая безчисленныя коварства и разные виды обольщенія, старается прельстить нѣкоторыхъ изъ нихъ и такимъ образомъ опечалить церковь Христову, хотя, въ концѣ концовъ, его дѣйствія и злоухищренія обращаются въ посрамленіе его же самого. Поелику же у другихъ (нехристіанскихъ) народовъ догматы ихъ вѣры выражены слитно, неясно и широковѣщательно, поелику у нихъ ничего нѣтъ чистаго и яснаго, ничего рачительно не опредѣлено и ничто не доведено до точной раздѣльности; вслѣдствіе этого ничто у нихъ и не является искаженнымъ, испорченнымъ и обезображеннымъ. Но въ христіанской вѣрѣ, совершенно чистой и всесвятой, обладающей въ высшей степени точнѣйшею опредѣленностію, всякое искаженіе и обезображеніе ея, по причинѣ ея безпорочной чистоты и правоты, по причинѣ ея отмѣнной и безпримѣсной простоты, познается тотчасъ же, какъ только попытался бы кто либо внести въ нее даже малѣйшее искаженіе или нововведеніе, посредствомъ сравненія его съ истиною и правымъ ученіемъ и, какъ таковое, отвергается; внутреннее благородство религіозной истины никакимъ образомъ не допускаетъ того, чтобы незаконное дѣтище носило съ нею одно и тоже имя и скрывалось бы за нею даже хотя бы толь-

ко на короткое время. Ибо, подобно тому какъ въ отличающихся красотою тѣлахъ скорѣе замѣчается даже самое ничтожное пятно посредствомъ сравненія его съ прелестью остального тѣла, и, наоборотъ, какъ въ тѣлахъ некрасивыхъ и непріятно дѣйствующихъ на зрѣніе не такъ легко усматриваются существующіе на нихъ пороки отвратительнаго вида, потому что они скрываются за прочими недостатками посредствомъ родства съ ними и подобія имъ; точно тоже самое случается и при блистающей красотѣ христіанской вѣры и христіанскаго богопочтенія: если кто либо внесетъ въ нее даже малѣйшее искаженіе, то этимъ онъ покажетъ величайшее безобразіе и тотчасъ встрѣтитъ опроверженіе, между тѣмъ какъ ученіе язычниковъ, полное искаженій и безобразій, никакимъ образомъ не возбудитъ въ послѣдователяхъ его чувства заключающагося въ немъ отвращенія. Но подобное можно примѣчать не только здѣсь, но и во всѣхъ художествахъ и наукахъ; ибо въ точнѣйшихъ изъ нихъ легко замѣчаются даже малѣйшія ошибки, но въ наукахъ нисшаго разряда, покоящихся на случайно подмѣченныхъ явленіяхъ, многое просматривается и не причисляется къ ошибкамъ". Совершенно такимъ же образомъ легче замѣчаются, порицаются и преувеличаются ошибки князей и вельможъ, чѣмъ ихъ подданныхъ и людей нисшаго сословія. „Но на сколько богопочтеніе и вѣра христіанъ превосходятъ ученіе язычниковъ величіемъ, силою, красотою, точностію истины, чистотою и всякаго рода совершенствами, въ такой же мѣрѣ сатана возбуждается противъ нихъ на брань и въ такой же мѣрѣ изъ прямаго противоположенія познаются пороки глупыхъ и злыхъ людей, такъ что они ни остаются скрытыми даже на короткое время, ни могутъ отыскать случая вкрасться (въ чистое ученіе вѣры Христовой). Но каѳолическая и апостольская церковь Божія отражаетъ всѣ замыслы злаго духа, какъ слабые, безполезные и тщетные, даже она обращаетъ его козни на него же самого; она легко устраняетъ хуленія еретиковъ, пристыжаетъ

ихъ безстыдство. всѣмъ ихъ нападеніямъ противопоставляетъ свою непреоборимую и непобѣдимую крѣпость и повсюду прославляется прекраснѣйшими побѣдными знаками, приносящими спасеніе міру". Чѣмъ болѣе она наноситъ вреда сатанѣ, тѣмъ болѣе терпитъ отъ него нападенія, но чѣмъ болѣе терпитъ нападеній, тѣмъ блестящѣе становятся ея побѣдные знаки (1).

Хранителемъ чистоты христіанскаго ученія и неприкосновенности вѣры служитъ добрая совѣсть всей вселенской церкви. Чтобы успѣшнѣе воинствовать со врагами церкви, апостолъ Павелъ заповѣдалъ Тимоѳею имѣть вѣру и добрую совѣсть, которую нѣкоторые отвергнувъ потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 18. 19). Архіепископъ ѳессалоникскій, Нилъ Кавасила, приводя это мѣсто писанія въ своемъ полемическомъ сочиненіи „О власти папы", совершенно справедливо утверждаетъ, что одинъ человѣкъ, хотя бы онъ носилъ и званіе папы, не можетъ быть хранителемъ чистоты христіанскаго ученія; потому что, какъ человѣкъ, онъ можетъ и не имѣть здравой совѣсти, а тѣмъ менѣе вселенской здравой совѣсти, подверженъ порокамъ, а слѣдовательно можетъ впасть въ заблужденіе и относительно догматовъ вѣры. Самый грѣхъ противъ совѣсти есть своего рода отреченіе отъ Бога (2). Поэтому то чистота и святость христіанской церкви отнюдь не терпитъ ущерба, и слова о ней Спасителя, что *врата адовы не одолѣютъ ей* (Мѳ. 16, 18), ни мало не теряютъ своей силы, хотя бы кто-

(1) Migne. Patr curs. compl. t. CII. p. 657—660.

(2) *Νιλ. ἀρχ. Θεσσ. περὶ τῆς τοῦ πάπα ἀρχῆς*, ed. Salmasii. Hanov. p. 57: *αὐτὸ δὲ τὸ περὶ τὴν συνείδησιν ἁμαρτάνειν οὐκ εἶδος ἀθεΐας ἔστι?*—Апостолъ Павелъ говоритъ къ Титу: *осквернеными и невѣрными ничто же чисто, но осквернися ихъ и умъ и совѣсть. Боги исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (1, 15. 16). Поэтому-то объективная христіанская истина можетъ быть въ чистотѣ сохраняема только всею церковію въ ея совокупности, т. е. вполнѣ честными, правдивыми и благочестивыми ея членами, носящими въ себѣ Духа Божія.

либо изъ епископовъ во вселенной, въ томъ числѣ и папа, уклонился въ вѣрѣ, впалъ въ лжеученіе и сдѣлался проповѣдникомъ ереси; потому что благочестіе и чистота вѣры могутъ быть твердо хранимы прочими епископами (1).

Само собою понятно, что вселенская церковь въ своей совокупности представляетъ безчисленныя степени нравственнаго совершенства, какъ проявленія здравой вселенской христіанской совѣсти. По ученію византійскихъ богослововъ существуютъ три рода добродѣтелей: перваго рода добродѣтели суть тѣ, которыя украшаютъ человѣка, т. е. его душу и тѣло; втораго рода добродѣтели очищаютъ душу отъ страстей тѣлесныхъ, возводятъ ее къ самой себѣ и поэтому называются очистительными; третьяго рода добродѣтели упражняютъ уже совершенно очищенную душу въ созерцаніи такихъ вещей, которыя могутъ быть постигаемы только умомъ, почему онѣ называются созерцательными или интеллектуальными (2). Степеней добродѣтелей — шесть: одна—естественная (*φυσική*), свойственная не только людямъ, но и животнымъ; другая нравственная (*ἠθική*), которою одарены также и нѣкоторые изъ людей простыхъ и немудрыхъ; иная—гражданская (*πολιτική*), умѣряющая общественныя дѣла посредствомъ разума и благоразумія; иная—очистительная (*καθαρτική*), очищая человѣка отъ всякой страсти и нечистыхъ побужденій; иная созерцательная (*θεωρητική*), возводящая умъ къ созерцанію предме-

---

(1) Salmasius, p. 61: *ἔστι γὰρ ἐν τοῖς λοιποῖς ἐπισκόποις, καὶ μάλα τὴν εὐσέβειαν σώζεσθαι.*

(2) Nicet. Chon. Thesaur. orthod. fid., ed. Migne, Partrol. curs. compl. t. CXXXIX. l. II. c. LXV, p. 1192: virtutum triplex est ordo. Aliae enim hominem, hoc est animam cum corpore ornant. Aliae a corpore animam purgant, et ad seipsam revocant, quae quidem purgativae dicuntur. Aliae animam perfecte purgatam in rerum quae intellectu percipiuntur contemplatione exercent, quae quidem contemplativae atque intellectuales appellantur.

товъ духовныхъ и сущности вещей, и, наконецъ, иная— уподобляющая человѣка Богу (θεουργική — богодѣлающая). Эта послѣдняя добродѣтель возбуждаетъ въ душѣ нашей божественнѣйшую ея сторону, соединяетъ съ самимъ Богомъ и низводитъ божественную любовь (1). Изъ всѣхъ добродѣтелей въ особенности слѣдующія три дѣлаютъ совершеннымъ человѣка: святость (sanctitas), справедливость (justitia) и мудрость (prudentia), доставляющая намъ неизреченное знаніе (2). Конечная цѣль гражданскихъ добродѣтелей, или добродѣтелей украшающихъ внѣшнюю сторону человѣка, есть μετριοπάθεια, или умѣреніе страстей для содѣйствованія благосостоянію человѣческаго общества и воспрепятствованія нанесенію вреда ближнимъ. Поэтому-то собственно они и называются гражданскими. Конечная же цѣль добродѣтелей очистительныхъ есть ἀπάθεια, или безстрастіе, а цѣль добродѣтелей созерцательныхъ заключается въ уподобленіи Богу. Кто одаренъ высшими добродѣтелями, тотъ по тому самому одаренъ уже и низшими (3).

Святѣйшій патріархъ Фотій, въ изъясненіе словъ апостола Петра: „будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа, какъ свободные“ (1 Петр. 2, 13 — 16), разсуждаетъ такимъ образомъ.— „Подчиняйтесь всякому начальству ради Господа, какъ свободные“, т. е. не изъ страха наводимаго на васъ

---

(1) Migne, Pasr. curs. compl. t. CXXXIX. l. II. c. LXVI, p. 1192: virtutum gradus sex esse perhibentur. Alia enim virtus naturalis est, quae quidem in feris quoque deprehenditur. Alia moralis, qua imperitorum quoque nonnuli praediti sunt. Alia civilis, quae ratione et prudentia rempublicam moderatur. Alia purgativa, quae hominem ab omni affectione perturbationeve purgat. Alia contemplativa, quae mentem contemplatur. Alia deificativa, quae diviniorem animae nostrae partem excitat, et cum ipso Deo conjungit, atque divinum favorem immittit. Sunt vero aliae quoque his superiores virtutes.

(2) Ibid. t. CXXXIX. l. II. c. LXVII, p. 1192—1193: prudentia denique scientiam ineffabilem consequimur.

(3) Ibid. c. LXVIII, p. 1193: et qui majoribus praeditus est virtutibus, idem et minoribus praeditus est.

гражданскою властію, потому что подчиняющіеся такимъ образомъ подходятъ подъ разрядъ рабовъ и оказываютъ подчиненіе, какъ рабы, опасаясь съ одной стороны наказаній владыкъ, а съ другой—каръ законовъ и во всякомъ случаѣ побуждаемые къ подчиненію страхомъ. Подчиняющійся же ради Господа, какъ подчиняющійся Господнимъ заповѣдямъ, свободенъ отъ всякаго низкаго страха, свободенъ даже отъ подозрѣнія подвергнуться какому-нибудь наказанію, которое служило бы ему побужденіемъ къ подчиненію. Облагороживая свою душу любовію къ Господу и соблюденіемъ заповѣдей, онъ такимъ образомъ и оказываетъ покорное повиновеніе человѣческому начальству. Но, чтобы кто-либо не сказалъ: какимъ образомъ мы, которыхъ Христосъ явилъ свободными отъ тираніи діаволовъ, искупивъ насъ своею честною кровію, и которые поэтому сдѣлались свободными, снова должны подчиняться мірскимъ властямъ? — апостолъ прибавилъ: „будьте покорны, какъ свободные“, т. е. подчиняйтесь добровольно, сознательно, по произволенію. Ибо, подобно тому какъ послушаніе рабовъ — и вынужденное и непроизвольное, такъ точно послушаніе свободныхъ и непринужденное и произвольное. Итакъ, когда мы добровольно подчиняемся Господнимъ законамъ, мы этимъ болѣе укрѣпляемъ свободу, представляемъ и являемъ себя достойными дара ея. Ибо мы оказываемъ честь владыкѣ, когда радостно исполняемъ его законы,—свидѣтельствуемъ, что мы приняли его даръ и удивляемся его великодушію; поэтому-то и оказываемъ дателю сего дара неизреченное почтеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, не спасительно ли сохранять порядокъ въ государствѣ добровольнымъ послушаніемъ и воздавать предержащимъ властямъ по достоинству? Ибо, какъ по справедливости во всемъ являются достойными Богомъ дарованной намъ свободы тѣ, которые обладаютъ душами, свободными отъ всякаго безпорядка и смятенія, такъ, напротивъ, провозглашающіе (ἐπιφημίζοντες) свободу дерзко и нагло, съ обнаруженіе-

емъ превратныхъ мыслей и въ сопровожденіи безпорядковъ, и поэтому разрушающіе порядокъ своимъ мятежничествомъ, суть рабы неразумныхъ страстей, рабы безпорядка и смятеній, измѣнники свободы и потому недостойны ея. Свобода для таковыхъ лицъ служитъ только ширмою ихъ лукавства и наглости". Нравоученіе, вытекающее изъ разсматриваемой заповѣди апостольской, есть то, чтобы быть послушными законамъ и сохранять порядокъ во всѣхъ обстоятельствахъ общественной жизни, „насколько это не наноситъ вреда божественной любви и вѣрѣ" (1), и чтобы быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которымъ ввѣрено управленіе и примѣненіе законовъ, и не презирать ихъ, хотя бы ихъ противорѣчіе истинѣ и побуждало насъ отказывать имъ въ почтеніи. „Для чего же это?—Для того, во-первыхъ, чтобы и сами, разномыслящіе (*διαφωνοῦντες*) въ нечестіи, при видѣ нашего благомыслія, благороднаго и покорнаго образа поведенія, были пристыжены нашею жизнію и нравами; чтобы наше неповиновеніе имъ въ дѣлахъ религіозныхъ считали не упорствомъ, не свойствомъ ума непокорнаго, а дѣломъ любви къ слову Божію, къ божественной силѣ и дѣйствію; чтобы, трогаемые нашимъ кроткимъ и вполнѣ пристойнымъ образомъ нашего поведенія, могли также, если бы только захотѣли, взглянуть на неизреченную красоту нашей религіи, и чтобы, наконецъ, преисполнившись къ ней любовію, возъимѣли отвращеніе къ демонскому и идольскому служенію и промѣняли бы его на сообщество и любовь невѣсты Христовой—Церкви". „А во-вторыхъ, если хочешь знать, и для того, чтобы приверженцы языческаго культа, гонящіе, преслѣдующіе и наказывающіе вѣрныхъ, не могли ни относить свое гоненіе къ другимъ какимъ-нибудь причинамъ, кромѣ единой причины—самой религіи христіанской, ни при-

(1) *ὅσα μὴ τὴν θείαν ἀγάπην καὶ πίστιν ἐπιλυμαίνεται. πειθηνίους εἶναι τοῖς νόμοις παρασκευάζειν.*

влекать въ суды, какъ бунтовщиковъ и нарушителей общественнаго порядка, и чтобы не имѣли никакого основанія принуждать насъ къ воздаянію божескаго почтенія веществу и твари“ (1).

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго оказывается, что то, что западные богословы, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, называютъ окамененіемъ восточной церкви, есть лишь неизмѣнное сохраненіе ею преподанной Христомъ и апостолами истины и признаніе за истину всего того, что соединено съ нею генетически и логически, что непосредственно вытекаетъ изъ нея; что стремленіе быть христіанами вообще и православными христіанами въ частности было всеобщимъ стремленіемъ, и что потому скорѣе императоры были рабами господствующихъ направленій и стремленій въ обществѣ, чѣмъ наоборотъ—они по произволу видоизмѣняли эти направленія и стремленія. Византійскіе отцы, богословы и ученые свободу церкви по отношенію къ гражданской власти полагаютъ въ свободѣ ея и чистотѣ отъ всякаго рода заблужденій и ересей. Поэтому рабство византійской церкви будетъ доказано тогда, когда будетъ показано, что ея вѣроученіе раскрыто не по внутреннимъ потребностямъ самой истины вслѣдствіе соприкосновенія ея съ ересью или заблужденіемъ, а по капризу и волѣ императоровъ, чего однакожъ западные ученые не доказали и не доказываютъ. Государство, какъ одно изъ проявленій нравственнаго совершенства человѣческаго рода, само по себѣ, какъ государство, не противорѣчитъ духу, ученію и составу церкви, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о подчиненіи послѣдней первому (равно какъ и

---

(1) *Ἀμφιλόχια. ξ.* 178. (79) p. 258—259. Въ заключеніе, преподавъ нѣсколько совѣтовъ, какъ избѣжать участія въ произведеніи безпорядковъ и даже отклонить отъ себя малѣйшую тѣнь въ произведеніи ихъ, Фотій говоритъ: *ὁ κατὰ ταῦτα πολιτευόμενος τὰ προστάγματα, ἐλεύθερα φέρει καθαρῶς καὶ τὰ ἔργα καὶ τοὺς λόγους, καὶ πρό γε τούτων αὐτὴν τὴν ψυχήν.*

наоборотъ—государства церкви). Всякій вѣрующій, будь то епископъ или простой мірянинъ, можетъ подчиняться законамъ государства, какъ свободный, и въ этомъ отношеніи образъ государственнаго управленія для церкви безразличенъ, каковъ бы онъ ни былъ. Посягательство со стороны государства на свободу церкви будетъ сдѣлано лишь тогда, когда оно возымѣетъ намѣреніе искоренить вѣру Христову, или исказить и обезобразить ее разнаго рода лжеученіями и ересями. Но это посягательство можетъ быть учинено государствомъ при всякомъ образѣ правленія, и при томъ оно происходитъ не отъ государства, разсматриваемаго самого въ себѣ, въ его идеѣ, какъ проявленія извѣстной степени нравственнаго совершенства человѣческаго рода, а все отъ одного и тогоже исконнаго врага человѣческаго рода и церкви—діавола. Поэтому и борьба церкви съ государствомъ въ подобныхъ случаяхъ будетъ не борьбою съ государствомъ въ собственномъ смыслѣ, а лучше всего борьбою съ діаволомъ и врагами ада, въ частности съ тѣми началами злаго духа, поборниками которыхъ въ данную минуту явятся представители государственной власти (1).

Ѳ. Кургановъ.

---

(1) Мы очень хорошо знаемъ, какія могутъ быть сдѣланы возраженія на вышеприведенныя разсужденія; но думаемъ, что для того, чтобы по возможности объективнѣе изобразить какой-нибудь историческій предметъ, слѣдуетъ разсматривать его съ точки зрѣнія идеи, принциповъ, съ точки зрѣнія тѣхъ лицъ, которыя мыслили, чувствовали, жили и дѣйствовали по этимъ принципамъ, а не по предвзятымъ мыслямъ и по нѣкоторымъ, установившимся въ настоящее время, иногда мало имѣющимъ смысла, понятіямъ. Нужно при этомъ имѣть въ виду и то, что въ настоящее время какъ-то привыкли полагать все спасеніе человѣческаго рода во внѣшнихъ учрежденіяхъ, не обращая вниманія на то, насколько эти учрежденія соотвѣтствуютъ внутреннимъ потребностямъ общества,—смотрятъ на людей, какъ на пѣшки, которыя, какъ разставишь на шахматной доскѣ, въ такомъ видѣ, якобы, и должны оставаться. Думается, что это—односторонняя идея и что, напротивъ, всякое учрежденіе и всякая реформа въ общественномъ организмѣ являются жизненными и прочными лишь на столько, на сколько онѣ служатъ выраженіемъ внутренней потребности общества и генетически связаны съ коренными началами

духовной его жизни. Въ этомъ-то смыслѣ слова патріарха Фотія, что увлекаться новизною есть свойство болѣе подлой черни, чѣмъ благородныхъ умовъ, имѣютъ глубокое значеніе. Церковь, какъ царство не отъ міра сего (Іоанн. 18, 36), имѣетъ въ виду исключительно лишь духовную сторону человѣка, устроеніе же формъ гражданской жизни по этимъ началамъ она всецѣло предоставляетъ государственной власти. Думается, что основной принципъ отношеній между духовнымъ царствомъ — церковію и мірскимъ—государствомъ понятъ византійцами правильно. Но каково было примѣненіе этого принципа?—это другой вопросъ; только едвали возможно огуломъ обвинять византійцевъ, какъ это принято дѣлать. Потомки да поучаются у своихъ предковъ..... Errare humanum est...

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АВСТРІЙСКАГО СВЯЩЕНСТВА

ПОСЛѢ АМВРОСІЯ.

—

IV.

Окружное посланіе; волненія изъ-за него и изъ-за московской архіерейской каѳедры и фактическое распаденіе австрійскаго согласія на окружниковъ и противоокружниковъ, выразившееся въ фактѣ поставленія Антонія втораго на московскій престолъ.

Въ то время, какъ распространялось австрійское священство и подъ его знамя становилось большинство поповцевъ, другая сторона раскольническаго міра — безпоповцы — усилили свои стародавнія къ нему враждебныя отношенія. Изъ этого довольно многочисленнаго лагеря стали выдвигаться не только частныя возраженія противъ законности австрійскаго священства, но и цѣлыя „лжесоставленныя тетради, богохульнаго мудрованія пренаполненныя и священному писанію несогласныя“, какъ напр. „Апокалипсисъ седмитолковый“, „Толкованіе десяти перстъ и десяти роговъ звѣря“, „О духовномъ антихристѣ“, „О времени и днѣ кончины міра и втораго пришествія Христова“ и др..—въ которыхъ проповѣдывались нелѣпыя мудрованія о царствованіи въ настоящее время антихриста и о прекращеніи на землѣ благодати священства. Тетради эти издавна ходили по рукамъ старообрядцевъ, но до поры-до времени поповцы не придавали имъ особенно

важнаго значенія. Съ появленіемъ же австрійскаго священства нельзя было не обратить на нихъ серьёзнаго вниманія. Мысли, проводимыя въ нихъ, подрывали самыя основы австрійскаго священства; ибо всѣ онѣ сводились къ тому, что, если антихристъ въ настоящее время истребилъ „Христопреданное священство", значитъ, его не можетъ быть и между старообрядцами, и австрійское священство не есть поэтому священство Христово. Къ такимъ крайнимъ выводамъ вожатаи раскола, искренно или эгоистично приверженные къ австрійскому священству, не могли оставаться равнодушными. Имъ нужно было во-что бы то ни стало оградить свое согласіе отъ подобныхъ нелѣпыхъ мыслей, и защитить отъ нихъ свое новое священство, тѣмъ болѣе, что зловредныя мысли этихъ тетрадокъ уже стали проникать въ среду австрійскаго согласія и заражать собою даже самыхъ представителей старообрядческаго духовенства (1). Эта нужда особенно сдѣлалась ощутительною тогда, когда австрійское священство достигло значительной степени своего внѣшняго развитія и процвѣтанія, и уже по одному этому требовало для своего большаго укрѣпленія и дальнѣйшаго процвѣтанія такихъ правилъ, которыя опредѣляли бы, чему должны слѣдовать члены согласія, что они должны признавать какъ полезное и необходимое, и чего должны избѣгать какъ вреднаго и губительнаго. Трудъ—составить подобнаго рода правила для старообрядцевъ австрійскаго согласія, и отразить безпоповщинскія нападенія—взялъ на себя, по порученію „духовнаго совѣта", одинъ весьма умный и начитанный старообрядецъ—Иларіонъ Егоровъ изъ Стародубья. Еще раньше этого Иларіонъ Егоровъ подавалъ Онуфрію и другимъ членамъ освященнаго собора „десять вопросовъ", въ которыхъ излагалъ заблужденія, появившіяся по поводу вышепоименованныхъ тетрадокъ въ средѣ его

(1) См. слѣд. цитатъ.

собратій (1), и затѣмъ выспрашивалъ у членовъ освященнаго собора ихъ мнѣнія и опроверженія на высказанныя заблужденія. По разсказу одного обратившагося (напечатанъ въ Братск. Сл. за 1875 г. кн. 1, смѣсь, стр. 20), предлагая епископамъ эти вопросы, Иларіонъ Егоровъ умолялъ ихъ, чтобы уничтожили богохульныя книжки, происшедшія отъ безпоповцевъ, дабы христіане не руководствовались ими и для сего просилъ издать окружное посланіе. Епископы сначала не соглашались на такую мѣру; но по вліянію извѣстнаго московскаго начетчика Семена Семенова и того лица, которое является здѣсь разсказчикомъ (Василія Егорова Кожевникова) сдѣлали Иларіону Егорову порученіе заняться составленіемъ потребнаго на означенный предметъ опроверженія. Тогда изъ подъ его искуснаго и плодовитаго пера явилось довольно солидное и по объему и по содержанію сочиненіе, которое онъ и представилъ на разсмотрѣніе „духовному совѣту“; а этотъ послѣдній за подписомъ предсѣдателя Онуфрія, архіепископа владимірскаго Антонія, епископовъ: казанскаго Пафнутія и балтовскаго Варлаама, священноіереевъ: Петра, блюстителя московскаго и Ѳеодора, діакона Антоніева Кирилла, инока бѣлокриницкаго Алимпія и дьяка Семена Семенова издалъ его 24 февр. 1862 года въ формѣ — „Окружнаго посланія единыя, святыя, соборныя, апостольскія, древле-православно-каѳолическія церкве“ — въ назиданіе и предостереженіе „возлюбленныхъ чадъ древле-православно-каѳолической церкви“ отъ нѣкоторыхъ вредныхъ и нелѣпыхъ сочиненій, дышащихъ крайнимъ ожесточеніемъ противъ церкви-православной (2); а самого состави-

(1) Вопросы эти помѣщаются нами въ приложеніи подъ № 1-мъ.

(2) Было мнѣніе, что изданіемъ Окружнаго посланія раскольники хотѣли (между прочимъ) задобрить правительство, — показать, что они уважаютъ государственный строй Россіи и не пренебрегаютъ господствующею церковію... Такъ хитрить заставляла ихъ надежда на благосклонность со стороны русскаго правительства и на то, что оно не откажет-

теля посланія снабдилъ довѣрительною граматою — приглашать къ подпису подъ нимъ священниковъ.

Раздѣляя въ душѣ нѣкоторыя безпоповщинскія воззрѣнія Антоній владимірскій не вдругъ далъ свою подпись подъ „Окружное посланіе“, а послѣ значительнаго сопротивленія. Очевидецъ Василій Егоровъ Кожевниковъ разсказываетъ, что послѣ того какъ „Посланіе“ было подписано Онуфріемъ, Пафнутіемъ казанскимъ и Варлаамомъ балтовскимъ, Антоній долго не подписывалъ. „Стыдно сказать, сколько Иларіонъ Егоровъ, я, Ѳаддей Іудинъ и Семенъ Онисимовъ отвѣсили ему земныхъ поклоновъ; мало того, что кланялись,— поклонимся да и лежимъ, прося его, какъ бы какой для себя милости, чтобы подписалъ окружное посланіе. Наконецъ, взошелъ къ Антонію Семенъ Семеновъ и, поклонившись ему вмѣстѣ съ нами до земли, сказалъ: „владыко святый! если не подпишешься, то надо возразить почему; иначе ты виноватъ останешься“. Антоній подписался (1). Антоній подписалъ не по убѣжденію, а по внѣшнему настоянію, желая расположить въ свою пользу особенно архіереевъ, чтобы имѣть ихъ голосъ при будущемъ избраніи московскаго архіепископа (2). Мы не будемъ буквально приводить этотъ старообрядческій документъ, укажемъ только на тѣ предметы, которыхъ онъ касается.

Послѣ обычнаго воззванія къ возлюбленнымъ чадамъ древле-православно-каѳолическія церкви, окружное посланіе приглашаетъ ихъ „блюстися всякихъ ересей

ся признать законнымъ существованіе раскольнической іерархіи, тѣмъ болѣе, что льготы расколу уже даны были нѣкоторыя (Прав. Обозр. 1864 г. т. 15, стр. 49—62). Но если и были нѣкоторыя данныя для такого соображенія лица посторонняго; то необходимо замѣтить, что въ старообрядческихъ документахъ ни въ одномъ не встрѣчается ничего похожаго, и потому мы считаемъ себя въ правѣ признать подобное соображеніе личнымъ взглядомъ автора.

(1) Братск. Сл. 1875 г. кн. 1, смѣсь, стр. 20.

(2) Русск. Вѣстн. 1866 г. янв. стр. 149.

и раздоровъ, явленныхъ же и неявленныхъ,.., отвращаться всякихъ злохуленій и удаляться кривосказательнаго ученія и лжеименнаго разума. Мнози бо лжеучители и лжепророцы изыдоша въ міръ, иже положиша на небеси уста своя и языкъ ихъ преходитъ по земли, отъ нихъ же овіи убо явленно ратующе древняя святыхъ отецъ законоположенія и уставы, овіи же древлецерковнымъ преданіямъ послѣдующе, но не правомудрствующе, иже... по своему лжеумствованію составляютъ богопротивнаго мудрованія свитки и лжесловесныхъ ученій тетради, и, дающе имъ благовидныя названія, развращаютъ правое ученіе святыя церкве, и ядомъ своего мудрованія напояютъ сердца незлобивыхъ и влекутъ въ смерть".. Исчисливъ нѣкоторыя изъ этихъ лжесоставленныхъ тетрадей—числомъ до 10-ти, и показавъ несогласіе ихъ съ словомъ Божіимъ, посланіе замѣчаетъ о всѣхъ ихъ: „Сія убо вышереченныя и другія тѣмъ подобныя сочиненія, отъ наглыхъ невѣждъ составленныя, суть ложныя и церкве чуждыя.., и ученіе въ оныхъ содержащееся... отвергаемъ и отметаемъ"..... Показавъ на основаніи писаній лживость и неправость тетрадокъ безпоповщинскаго характера, посланіе, далѣе, предлагаетъ „въ направленіе здраваго разсужденія", тоже въ десяти пунктахъ (вѣроятно въ соотвѣтствіе десятиричному числу тетрадокъ), изложеніе правыхъ понятій, которыхъ должны держаться „послѣдователи древле-церковнаго благочестія", особенно относительно тѣхъ предметовъ вѣры, о которыхъ такъ нечестиво учатъ злонамѣренныя безпоповщинскія тетрадки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ посланіе прежде всего предлагаетъ вниманію читателей ученіе о томъ, что „святая православно-каѳолическая церковь и священство вкупѣ съ приношеніемъ безкровныя жертвы пребудетъ до скончанія вѣка и до дня суднаго, по неложному обѣтованію Господню"... Затѣмъ, во второмъ пунктѣ излагаетъ общее сужденіе о православной греко-россійской церкви: „Господствующая нынѣ въ Россіи церковь, равно и греческая, вѣруетъ не во иного

Бога, но во единаго съ нами... Почитаетъ и честные праздники владычни вкупѣ съ нами (по древнему календарю) не привидѣніемъ, но дѣтельнѣ. Поклоняется святымъ иконамъ древняго изображенія, съ надписаніемъ имене Христова: Ісусъ Христосъ. Лобызаетъ гвозди и хитонъ Христовъ, святыя и чудотворныя иконы, и святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи. И сими всѣми явственно доказуется, яко во единаго и тогоже вѣруетъ Бога, единаго и тогоже исповѣдуетъ Христа. И таковаго ради вѣрованія ея, крещеніе совершаемое отъ нея въ три погруженія, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и хиротонія, на основаніи священныхъ правилъ и свято-отеческихъ событій, пріемлется безъ повторенія.

Развивая частнѣе высказанный взглядъ на православную греко-россійскую церковь, „посланіе“ въ дальнѣйшихъ пунктахъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на обряды содержимые ею послѣ патр. Никона. „Хотя пресвятое, пресладкое, прелюбезное и превожделѣнное имя Христа Спасителя нашего мы пишемъ и произносимъ въ чтеніи и пѣніи такъ: *Іс*, якоже отъ древнихъ святыхъ праведниковъ, въ началѣ на словенскій нашъ языкъ преведеся; но пишемое и произносимое нынѣшними греками и россіянами тако: *Іисусъ* хулити не дерзаемъ и не нарицаемъ его именемъ инаго Іисуса и именемъ противника Христова, якоже нѣцыи безпоповцы зломудрствуютъ. Ибо нынѣ въ Россіи господствующая церковь, вкупѣ же и греческая, подъ симъ именемъ исповѣдуетъ того же Христа Спасителя, по плоти родословима: Сына Давыдова, сына Авраамля и т. д..... Подобнѣ и четвероконечный крестъ не сѣнь есть ветхаго сѣновнаго завѣта, и не упразднися отъ новоблагодатнаго закона Христова. Множае же не есть образъ противника—антихриста, и не кумиръ, и не мерзость запустѣнія, стоящая на мѣстѣ святѣ, якоже въ вышереченныхъ тетрадкахъ злословится, но образъ есть креста Христова“... Въ остальныхъ пунктахъ посланіе излагаетъ ученіе, тоже весьма близкое къ уче-

нію православной церкви: о евхаристіи, о молитвѣ за царя, о лицѣ и времени пришествія антихриста, и о днѣ и часѣ кончины міра—о предметахъ, о которыхъ неправо учатъ безпоповцы. Такъ какъ въ окружномъ посланіи прямо и торжественно объявлялось такимъ образомъ, что въ существенномъ греко-россійская церковь нисколько не отступила отъ чистоты православія, то составителю его предлежала трудная задача, объяснить отдѣленіе старообрядцевъ отъ православной церкви. Въ объясненіе этого онъ пишетъ. „Вины же нашего непослѣдованія пастыремъ тоя церкви суть важныя благословныя, понеже убо попущеніемъ Божіимъ, чрезъ Никона бывшаго патріарха, древне-церковныя преданія измѣнишася, и впослѣдствіи соборомъ 1667 года, ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древняя святоцерковныя преданія произнесеся, и строгое преслѣдованіе, и гоненіе воздвижеся съ мученіемъ; и по сихъ отъ пастырей поборающихъ по новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее и поклоняемое имя Христа Спасителя нашего Іисуса, злохульно наречено, аки бы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего иного Іисуса равноухаго (ἰσος= равный и ὠς=ухо), къ сему же (оле дерзости!) именоваше чудовищнымъ и ничего не значащимъ! Двуперстное сложеніе на изображеніе крестнаго знаменія, такожде поречено: аріанствомъ, македоніанствомъ и проч. Сихъ ради совѣсть наша не допускаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкви, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ книгъ, и не уничтожаютъ означенныхъ жестокословныхъ порицаній,—порицаній отвратительныхъ, благочестивому слуху невмѣстныхъ, и христіанскимъ пастыремъ отнюдь несвойственныхъ“..—Не отрицая нѣкоторой справедливости подобныхъ замѣчаній по отношенію къ старому времени, мы находимъ ихъ однакожъ къ нашему времени вовсе неприложимыми. — Въ заключеніе же всего По-

сланіе объявляетъ чадамъ древне-православной—каѳолической церкви „яко, помогающу Богови, составленъ будетъ уставъ или краткое изложеніе догматовъ и преданій древне-православно-каѳолическаго исповѣданія единыя, святыя, соборныя и апостольскія церкве, который преподанъ будетъ въ руководство и окормленіе всѣмъ православнымъ, священнымъ же и мірянамъ, во еже правѣ и извѣстнѣ вѣдати о догматахъ вѣры, и о преданіяхъ, о седми таинствахъ церковныхъ, и о иныхъ нуждахъ и благословныхъ винахъ“ (1).

Таково содержаніе знаменитаго старообрядческаго окружнаго посланія. Намъ нѣтъ нужды входить въ подробный разборъ его, оцѣнивать достоинства его и недостатки, достаточно сказать только о томъ впечатлѣніи, какое оно произвело на старообрядцевъ своимъ появленіемъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, на людей болѣе умѣренныхъ и благоразумныхъ окружное посланіе произвело пріятное впечатлѣніе и расположило ихъ въ свою пользу. Вотъ что напр. писалъ объ этомъ одинъ изъ таковыхъ: „я благодаренъ автору посланія за его здравыя и умѣренныя сужденія о церкви православной; нѣчто отрадное и успокоивающее чувствовалось въ словахъ его, нѣчто примиряющее насъ съ тою единою святою церковію, съ которой двѣсти лѣтъ тому назадъ находились мы въ неразрывномъ союзѣ... Однимъ словомъ въ окружномъ посланіи высказался правильный взглядъ на нѣкоторые церковные предметы, которые мы когда-то вслѣдъ за другими хулили, или по крайней мѣрѣ не почитали какъ слѣдуетъ (напр. имя Іисусъ, крестъ четвероконечный..); и все сказано какъ-то хорошо, искренно, спокойно, безъ дерзкихъ выходокъ, ни на кого клятвы не положено; обычныхъ дерзкихъ выходокъ противъ церкви „великороссійской“ во-

(1) Русск. Вѣсти 1863 г. іюль; Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1865 г. кн. 3, въ прилож. къ статьѣ Николаева «Очеркъ поповщины послѣ 1846 года».

все не было; за государя—нашего отца и защитника строго заповѣдано молиться" (1). Но въ тоже время старообрядцы съ инымъ закаломъ убѣжденій, съ направленіемъ болѣе фанатичнымъ, посмотрѣли на этотъ документъ совершенно иначе. Одни изъ нихъ, вовсе не читая посланія, говорили. что это нововведеніе и ересь; другіе, не понимая смысла св. писанія, толковали его превратно (2); тѣ и другіе видѣли въ немъ подрывъ расколу; ихъ возмущали тѣ уступки, какія сдѣланы въ посланіи въ пользу православной церкви—то, что списатель посланія не только не наложилъ проклятія на имя *Іисусъ*, на треперстное сложеніе, на обливательное крещеніе, на римскій опрѣснокъ, но даже не нашелъ *ничего* предосудительнаго какъ въ словѣ Іисусъ, такъ и въ крестѣ четвероконечномъ, допустилъ моленіе за православныхъ и за еретика просфору велѣлъ вынимать (3). Этою стороною посланія, смутившаго съ перваго раза ревностныхъ приверженцевъ раскола, какъ нельзя лучше и воспользовалась для своихъ цѣлей упоминаемая уже нами партія людей враждебно относящихся къ новому порядку дѣлъ. Партія эта не могла сочувственно отнестись къ посланію уже потому, что оно исходило отъ имени епископовъ съ обязательнымъ требованіемъ каждому вѣрить и думать такъ, какъ они велятъ. Кромѣ того, личное недовольство Антоніемъ, подписавшимся подъ окружнымъ посланіемъ, еще болѣе усилило ея несочувствіе къ послѣднему и поставило прямо во враждебное отношеніе сколько къ самому посланію, столько же, если не больше, и къ лицамъ подписавшимся подъ нимъ, особено къ Антонію (4).

---

(1) «Разсказъ старообр. Богомолова объ его жизни въ расколѣ», Москва, 1866 г., стр. 20 и 22.

(2) Чт. Общ. ист. и древн. 1863 г. кн. 3, смѣсь, стр. 296; Совр. Лѣтоп., 1867 г., № 22.

(3) Русск. Вѣстн. 1863 г., іюль, стр. 421.

(4) Собственно говоря, трудно сказать, что было причиною чего,—вражда ли къ Антонію была причиною усиленія вражды къ посланію,

Прежде другихъ открытымъ врагомъ посланія и его защитниковъ явился епископъ Софроній съ своею партіею,—въ 1856 году лишенный было епископскаго сана и оставленный въ званіи простаго инока, но потомъ, благодаря своему притворному смиренію, снискавшій себѣ отъ освященнаго собора милосердіе, а затѣмъ получившій въ управленіе сперва двѣ, а потомъ три и даже четыре епархіи. Столь благосклонное отношеніе собора русскихъ старообрядческихъ іерарховъ къ Софронію не могло, впрочемъ, потушить въ немъ давнишней вражды къ Антонію, котораго онъ считалъ своимъ соперникомъ и главнымъ виновникомъ своихъ неудачъ въ исканіи московской епископской каѳедры и соединенной съ нею верховной власти надъ русскими старообрядцами. Проживая въ Оренбургскомъ краѣ и разъѣзжая по временамъ по другимъ мѣстамъ широкой Россіи, „онъ точно песъ или волкъ голодный, рыкая на все духовенство русское, вербовалъ себѣ сторонниковъ“ и успѣлъ расположить въ свою пользу очень многихъ. Послѣ же изданія окружнаго посланія, когда въ народѣ пошли невыгодные толки объ немъ (посланіи), онъ, прислушиваясь къ этимъ толкамъ, счелъ таковыя распри благопріятнымъ для себя случаемъ—открыто начать дѣйствовать къ достиженію своей преступной и противозаконной цѣли — къ сверженію Антонія: сталъ разсѣявать въ оренбургскомъ краѣ нелѣпыя сужденія о московскомъ соборѣ, о духовенствѣ, и особенно объ окружномъ посланіи, называя его ересью, нововведеніемъ и предательствомъ великороссійской церкви, и задумалъ, во что бы то ни стало, ниспровергнуть московскую каѳедру и уничтожить окружное посланіе. Чрезъ все это онъ успѣлъ у многихъ христіанъ поименованнаго края, мало искусныхъ въ свя-

---

или наоборотъ. На этотъ счетъ весьма остроумно замѣчаетъ одинъ ученый; онъ говоритъ: «раздорники вооружились противъ посланія, между прочимъ по враждѣ къ Антонію, а на Антонія возстали еще больше по враждѣ къ посланію». Русск. Вѣстн. 1866 г. янв., стр. 149.

щенномъ писаніи, пріобрѣсти болѣе прежняго довѣріе; и при содѣйствіи ихъ (1), подъ личиною ревности къ уничтоженію окружнаго посланія, самымъ же дѣломъ къ достиженію своего властолюбія, отправился тайно въ бѣлокриницкую митрополію (2). — На пути онъ заѣхалъ въ Москву, гдѣ образовавшаяся къ тому времени значительная партія недовольныхъ окружнымъ посланіемъ съ своей стороны посочувствовала его намѣреніямъ и попросила его пригласить самого Кирилла въ Москву (3).

По прибытіи въ Бѣлую Криницу онъ, при содѣйствіи друга своего архимандрита Сергія, представилъ Кириллу, какъ невыгодно для его власти надъ русскими іерархами дозволять симъ послѣднимъ дѣлать такого рода предпріятія, каково изданіе окружнаго посланія. Вмѣстѣ съ этимъ Софроній, чтобы больше расположить Кирилла въ свою пользу, вѣроятно, не преминулъ пустить въ ходъ и то, что народъ возбужденъ противъ окружнаго посланія и что, стало быть, если Кириллъ станетъ противъ него, то найдетъ для себя значительную поддержку. Кириллъ не заставилъ долго убѣждать себя, и въ началѣ 1863 года, не смотря на преклонность своихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Сергіемъ и архидіакономъ Филаретомъ (4) отправился въ Москву.

---

(1) Извѣстный намъ Іосифъ (Іаковъ Бредневъ), поставленный когда-то Софроніемъ въ патріарха всея Руси, далъ послѣднему при прочей помощи на предстоящіе ему расходы 100 р. серебр —Сборн. для ист. старообр. Попова, вып. V, стр. 209.

(2) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1865 г., кн., 3, смѣсь, стр. 295—296.

(3) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1868 г., кн. 3, смѣсь, стр. 173.

(4) Послѣдній стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ сынъ климоуцкаго священника Захаріи. Поступивъ въ бѣлокриницкій монастырь еще мальчикомъ, онъ уже въ то время удивлялъ монаховъ своимъ искусствомъ въ пѣніи и знаніемъ церковной службы. Замѣчательныя природныя дарованія и рѣдкая любознательность помогли ему не заглохнуть даже въ той мертвящей средѣ раскольническаго мо-

Между тѣмъ какъ Софроній отправился въ Бѣлую Криницу съ извѣстными преступными замыслами противъ окружнаго посланія и окружниковъ—епископовъ, въ Москвѣ не могли оставаться равнодушными къ тѣмъ „сатанинскимъ толкамъ“ о московскомъ соборѣ и объ окружномъ посланіи, которые разсѣяны были Софроніемъ въ заволжьѣ.. Съ цѣлію утушить эти толки московскій совѣтъ снарядилъ въ заволжье Пафнутія казанскаго, которому однакожъ не удалось многаго сдѣлать. Онъ успѣлъ только посвятить тамъ двухъ новыхъ епископовъ: одного (6 декабря 1862 г.) для сибирскихъ старообрядцевъ нѣкоего Савватія съ наименованіемъ епископомъ тобольскимъ, а другаго (8 декабря) для уральскихъ старообрядцевъ нѣкоего Константина съ наименованіемъ—оренбургскимъ (1). Посвященіемъ этихъ двухъ епископовъ и немногимъ только отклоненіемъ народа

настыря, куда съ юныхъ лѣтъ забросила его судьба. Онъ хорошо изучилъ нѣмецкій языкъ, умѣлъ читать погречески и поеврейски; и всего этого онъ достигъ собственными усиліями безъ всякихъ посторонніхъ руководителей. Благодаря знакомству съ профессорами и студентами черновецкой академіи и съ нашимъ посольскимъ священникомъ въ Вѣнѣ, онъ имѣлъ возможность читать хорошіе журналы и книги, и обогащать себя свѣдѣніями. Всѣ почти небогатыя средства свои онъ употреблялъ на покупку необходимыхъ книгъ, изъ которыхъ составилъ себѣ небольшую библіотеку. Какъ человѣкъ умный и довольно образованный, онъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Опуфрій оставилъ Бѣлую Криницу, сдѣлался правою рукою и головою Кирилла во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, въ какія когда-либо ставился этотъ владыка; ѣздилъ съ нимъ въ одной каретѣ, давалъ его мужиковатой особѣ сколько-нибудь приличный видъ, и снабжалъ его въ каждомъ нужномъ случаѣ совѣтами. На него же возложено было дѣло сношеній съ мѣстными гражданскими властями и всѣ письменныя занятія по дѣламъ митрополіи. Познакомившись съ Окружнымъ посланіемъ, онъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ нему, всегда былъ на сторонѣ его, и къ тому же старался расположить и Кирилла, хотя и безуспѣшно. Совр. движен. въ раск., Москва, 1865 г. стр. 10—11.

(1) Послѣдній ставился прямо въ видахъ противодѣйствія замысла Софронія, но не успѣлъ оправдать возлагаемыхъ на него русскими епископами надеждъ. 4 мая 1864 г. онъ попался въ руки правительства и посаженъ въ заключеніе. Сборн. для Ист. старообр. Попова. вып. V, стр. 210; Русск. Вѣстн. 1866 г. янв., стр. 229.

старообрядческаго отъ Софронія ограничилось все дѣло поѣздки Пафнутія въ заволжье. Правда, онъ могъ бы сдѣлать и, пожалуй, сдѣлалъ бы и больше этого, если бы его присутствіе скоро не понадобилось въ Москвѣ, куда, какъ мы видѣли, уже отправился митрополитъ Кириллъ, который и прибылъ туда въ первыхъ числахъ февраля 1863 года.

Съ прибытіемъ Кирилла въ Москву событія въ старообрядческомъ мірѣ и толки въ немъ объ окружномъ посланіи пошли живѣе и одушевленнѣе. Съ самаго перваго разу сторона, враждебно настроенная противъ окружнаго посланія, сгруппировалась вокругъ Кирилла, радушно принимала его въ свои дома, гдѣ онъ отправлялъ торжественное богослуженіе (1). Заручившись этими, хотя немногими, но за то богатыми и вліятельными въ массѣ народной, сторонниками, главнымъ образомъ изъ мірянъ, онъ началъ дѣйствовать въ Москвѣ смѣло и рѣшительно, и при томъ совершенно въ ущербъ окружникамъ (2). Прежде всего онъ занялся церковными дѣлами. Для разсужденія о нихъ онъ составилъ соборъ, на которомъ засѣдали съ нимъ четверо или пятеро старообрядческихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Важнымъ дѣломъ этого собора было назначеніе епископа, который бы управлялъ всею россійскою старообрядческою церковію (3). По этому главному вопросу въ томъ же засѣданіи по общему согласію составлена была и подписана грамата на вру-

---

(1) Русск. Вѣстн. 1863 г. май, стр. 389.

(2) Филарета, который могъ бы расположить Кирилла въ пользу окружниковъ, «московскіе крамольники» постарались разлучить съ Кирилломъ и держали его «въ неволѣ», а Кирилла подчинили своему вліянію, такъ что онъ дѣлалъ то, что имъ хотѣлось. Совѣты Филарета, которые онъ при случаѣ предлагалъ Кириллу, — не идти противъ собора епископовъ и не слушаться противниковъ окружнаго посланія,—оставались напрасны; и самъ Филаретъ по необходимости долженъ былъ исполнять требованія крамольниковъ и составлять для Кирилла разнаго рода бумаги. Совр. движен. въ раск., Москва, 1865 г. стр. 11.

(3) Русск. Вѣстн. 1863 г. май, стр. 389.

ченіе управленія россійскими іерархическими дѣлами архіепископу Антонію, съ помощію и участіемъ „духовнаго совѣта“. Но такъ какъ Антоній не внушалъ митрополиту особеннаго довѣрія къ себѣ, да и въ обществѣ московскихъ старообрядцевъ далеко не у всѣхъ пользовался уваженіемъ, то поэтому Кириллъ грамату о назначеніи Антонія удержалъ у себя, и на утро, предъявивъ ее нѣкоторымъ крамольнымъ московскимъ гражданамъ, лично недовольнымъ Антоніемъ, по настоянію послѣднихъ предалъ ее уничтоженію безъ вѣдома о томъ прочихъ подписавшихся подъ нею лицъ (1).

Устранивъ такимъ вѣроломнымъ образомъ одно лицо, подписавшееся подъ окружнымъ посланіемъ, отъ управленія общими церковными дѣлами у старообрядцевъ, Кириллъ не оставилъ въ покоѣ и другихъ виновныхъ въ томъ же. Такъ отъ 20 февр. онъ прислалъ объявленіе епископу Онуфрію, еще въ 1861 году уполномоченному отъ него, какъ мы знаемъ, довѣрительною граматою на избраніе и возведеніе на московскій престолъ святителя, и на временное управленіе церковными іерархическими дѣлами; въ этомъ объявленіи онъ писалъ, что по случаю своего прибытія въ Москву данныя Онуфрію довѣрительныя граматы уничтожаетъ и опровергаетъ, и что якоже въ присутствіи своемъ, тако и въ отсутствіи, въ Москвѣ и во всей Россіи Онуфрій не можетъ имѣть мѣста, ниже гласности, ниже священнодѣйствовать, и ни на какихъ документахъ подписываться, а долженъ возвратиться въ свое мѣстопребываніе, т. е. въ Бѣлую Криницу. И онаго епископа Онуфрія никакія дѣла, ни письменныя, ни изустныя, за дѣйствительныя не принимать (2).

Это самоличное распоряженіе Кирилла сильно раздосадовало старообрядческихъ архіереевъ, которые съ своей стороны составили соборъ 21 февр.; и за общимъ

(1) Совр. Лѣтоп. раск., вып. 1870 г., стр. 78—79 въ приложен.

(2) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1865 г., кн. 3, смѣсь, стр. 303.

подписомъ отправили митрополиту „объявленіе“, что „на основаніи 34 прав. св. апостоловъ, распоряженія его, безъ согласія епископовъ, приняты никакъ не будутъ“ (1). Но Кириллъ не обратилъ особеннаго вниманія на это „объявленіе“, и хотя послѣ этого имѣлъ съ епископами общія трикратныя засѣданія, но на нихъ, съ дозволенія его, принимали участіе крамольные граждане, и потому не только не могло быть сдѣлано какого-либо полезнаго о церкви устроенія, но даже епископы были отъ нихъ оскорблены различными порицаніями (2). Послѣ этого Кириллъ прекратилъ личныя свиданія съ епископами, извѣстивъ ихъ, что видѣться съ ними болѣе не имѣетъ нужды, но вступаетъ самъ въ управленіе россійскою церковію, доколѣ препоручитъ это по своему усмотрѣнію другому (3). Конечно, чувствовать себя полнымъ хозяиномъ въ средѣ старообрядцевъ, принявшихъ „австрійское священство“, втираться въ чужія епархіи, и дѣйствовать въ нихъ вопреки каноническимъ постановленіямъ и даже безъ согласія мѣстныхъ епископовъ,—было дѣломъ привычнымъ для Кирилла. Подобное съ нимъ случалось и прежде. Такъ еще въ 1862 году изъ епархіи, соборнѣ врученной Варлааму болтовскому и всея Бессарабіи, селенія Грубнаго протоіерей Филиппъ, не желая быть въ подчиненіи у мѣстнаго своего епископа, обратился къ его владычеству—Кириллу. И этотъ послѣдній, принявъ его, пришедшаго къ нему безъ отпускной грамоты отъ своего епископа, и, не сдѣлавъ съ помянутымъ епископомъ никакого сношенія, пожаловалъ означеннаго Филиппа напер-

(1) Русск. Вѣстн. 1863 г. май, стр. 390.

(2) Совр. Лѣтоп. раск. вып. 1870 г., стр. 81 въ прилож. — Въ другомъ старообрядческомъ документѣ говорится, что «въ засѣданіи 24 февр. въ домѣ Ѳедора Винокурова, въ присутствіи Г-на митрополита, освященный соборъ былъ обруганъ и опозоренъ крамольниками». И еще: «въ домъ Петра Ефимова, по благословенію митрополита, ворвались въ комнату оные же крамольники, подняли шумъ и крикъ, и даже называли епископовъ еретиками и другими хульными названіями». Рукоп. № 8.

(3) Совр. Лѣт. раск. вып. 1870 г., стр. 82 въ прилож.

снымъ крестомъ и набедренникомъ, и особой граматою вручилъ ему церковное управленіе всею Бессарабіею и Польшею съ тѣмъ, чтобы оное управленіе независимо было отъ мѣстнаго епископа Варлаама, но состояло бы подъ вѣденіемъ его—Кирилла, не взирая на то, что протопопъ оный жительствуетъ не только внѣ предѣла его епархіи, но даже и внѣ области государства того, гдѣ Кириллъ пребываетъ. Такое же незаконное вмѣшательство онъ сдѣлалъ въ началѣ 1863 года и по управленію въ черниговской епархіи, куда, по просьбѣ добрянскихъ старообрядцевъ, безъ всякаго сношенія съ завѣдующимъ тогда вдовствующими епархіями (1) московскимъ духовнымъ совѣтомъ, послалъ переведенному онымъ совѣтомъ изъ Добрянки въ г. Новозыбковъ священнику Матѳею предписаніе, дабы онъ, не взирая на распоряженіе духовнаго совѣта, возвратился въ Добрянку, оставя врученную ему парохію вкупѣ же и подчиненіе помянутому духовному начальству (2). Равнымъ образомъ и теперь, прибывъ въ Москву и заручившись крамольными сторонниками, онъ почувствовалъ себя какъ дома, и, объявивъ себя главнымъ управителемъ россійской церкви, приступилъ къ слѣдующимъ распоряженіямъ: послалъ граматы ко всѣмъ епископамъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, чтобы они отправлялись каждый въ свою епархію, священники, присутствовавшіе въ духовномъ совѣтѣ, тоже дабы изъ Москвы выбыли; на нѣкоторыхъ священниковъ, живущихъ въ Москвѣ, наложилъ запрещеніе. Управлять же россійскою церковію онъ назначилъ епископа саратовскаго Аѳанасія, не бывшаго тогда въ Москвѣ, предписавъ ему — оставить свою епархію и пребывать въ Москвѣ (3).

(1) Черниговская епархія осталась вдовствующею послѣ извѣстнаго намъ Конона.

(2) Совр. Лѣтоп. раск. вып. 1870 г. стр. 75—77 въ прилож.

(3) Тамъ же, стр. 82; а самую грамату на врученіе Аѳанасію управленія россійскою церковію см. въ Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 265.

Надѣлавъ такимъ образомъ въ короткое время столько противозаконныхъ дѣйствій, Кириллъ нашелъ однакожь еще далеко не все покончennымъ.

Окружное посланіе, ради котораго онъ главнымъ образомъ и предпринималъ путешествіе въ Москву, оставалось еще нетронутымъ. Коснуться его онъ нашелъ теперь своевременнымъ, тѣмъ болѣе, что главныхъ епископовъ, подписавшихся подъ нимъ: Антонія и Онуфрія—успѣлъ уже отстранить отъ управленія церковными дѣлами. Къ 24 февр. онъ изготовилъ формальное объявленіе священнымъ и мірскимъ властямъ о непризнаніи имъ окружнаго посланія, объявленіе, въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: „Вслѣдствіе получаемыхъ нашимъ смиреніемъ отъ православныхъ христіанъ разновременныхъ жалобъ и прошеній, касательно уничтоженія окружнаго посланія, составленнаго въ 1862 г. февр. 24 числа, и послѣдовавшаго со стороны московскаго духовнаго совѣта сообщенія его въ разныя мѣста Россійской имперіи, такъ какъ нынѣ сказанное посланіе произвело вездѣ и во всѣхъ христіанскихъ обществахъ великое смятеніе, соблазнъ и даже раздоръ святыя церкве, то мы, для изслѣдованія понудившей причины къ изданію его о прочихъ церковноіерархическихъ дѣлахъ, предприняли путь въ царствующій градъ Москву, гдѣ самовидцами были обуреваемаго чрезъ него народа, волновавшагося совѣстію возмущенія, а къ тому также и отъ московскихъ гражданъ представлено намъ, относительно уничтоженія окружнаго посланія, лично устное прошеніе. Наше смиреніе, предпринявъ подробное о немъ изслѣдованіе, нашло, что содержаніе его неправильно, тѣмъ болѣе неправильно, что многіе православные христіане, не постигая смысла состава его, претыкаются о камень соблазна и повреждаются совѣстію.. Итакъ симъ нашимъ опредѣленіемъ уничтожаемъ оное окружное посланіе и вмѣняемъ недѣйствительнымъ.. О чемъ, извѣщая васъ православныхъ христіанъ и истинныхъ чадъ святыя церкви, имѣющихъ и не имѣющихъ окружнаго посла-

нія, заповѣдуемъ и гласомъ церкве повелѣваемъ, чтобы отнынѣ впредь навсегда никто не руководствовался онымъ посланіемъ и не имѣлъ бы его у себя для претыканія своей совѣсти". Хотя подобное объявленіе, будучи дѣломъ личнаго Кириллова произвола и уступкою „полуумнымъ фанатикамъ" прямо клонилось къ уничтоженію истинныхъ понятій, провозглашенныхъ въ окружномъ посланіи, однакожь не всѣ подписавшіеся подъ послѣднимъ епископы, и тѣмъ подтвердившіе провозглашенную въ немъ истину, остались вѣрны самимъ себѣ, и не всѣ взялись защищать истину противъ деспотическаго распоряженія Кирилла. Антоній, подписавшійся подъ окружнымъ посланіемъ, какъ мы знаемъ, не по убѣжденію въ провозглашенной въ немъ истинѣ, а по честолюбивымъ видамъ, и увидѣвшій уже на опытѣ, какъ онъ этимъ своимъ поступкомъ развязалъ языкъ и руки своимъ врагамъ,—чтобы загладить этотъ свой поступокъ, и привлечь на свою сторону своихъ недоброжелателей, первый отказался отъ посланія, и собственнымъ своимъ подписомъ подтвердилъ законность Кириллова акта объ уничтоженіи его. За нимъ слѣдовали подписи сторонниковъ Кирилла: епископа Софронія, архимандрита Сергія и восьми священноіереевъ (1).

Уничтоживъ окружное посланіе, Кириллъ, хотя и считалъ дѣло своей поѣздки въ Москву покончennымъ, тѣмъ не менѣе однакожь не спѣшилъ ѣхать во-свояси. Но жить въ Москвѣ ему долго не пришлось по слѣдующему обстоятельству. По поводу польскихъ событій, бывшихъ въ это время, въ русскомъ народѣ пробудилось сильное патріотическое чувство, котораго не остались чужды и старообрядцы. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ, понимая, какъ неумѣстно въ такое время присутствіе въ Москвѣ бѣлокриницкаго митрополита, рѣшились принять мѣры къ удаленію его изъ Москвы. Они составили съ этою цѣлію и 18 февр. подали со-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1863 г. кн. 3, смѣсь, стр. 265—267.

бору епископовъ прошеніе, въ которомъ писали между прочимъ слѣдующее: „Вынужденными себя находимъ отъ лица всѣхъ мирныхъ гражданъ обратить вниманіе ваше, боголюбивые епископы и честные священники, на нижеслѣдующее: Для какой цѣли его высокопреосвященство изволилъ прибыть въ такое время, когда почти всѣ западныя губерніи, примыкающія къ границамъ Австріи, находятся въ смятеніи, когда Россія, Австрія, Пруссія взволнованы возстаніемъ поляковъ, когда правительства означенныхъ государствъ строго слѣдятъ за каждымъ движеніемъ передовыхъ личностей? Развѣ для того его преосвященство изволилъ прибыть въ настоящее время въ Россію, чтобы подтвердить о насъ прежнее политическое мнѣніе правительства, или подтвердить извѣстныя слова (?) г. N, высказанныя въ изданной имъ брошюрѣ относительно митрополита Кирилла, какъ главнаго предводителя возстанія старообрядцевъ? Нѣтъ, это уже слишкомъ! Въ такомъ случаѣ мы не можемъ оставаться хладнокровными зрителями, когда хотятъ невольно показать насъ и наше россійское духовенство ослушниками воли Государя и подвергнуть величайшимъ бѣдствіямъ, за которыя мы уже, какъ виновники, не будемъ имѣть возможности жаловаться Государю Императору на справедливое распоряженіе правительства... А потому и просимъ васъ, боголюбивые епископы, упросить его высокопреосвященство, господина митрополита, изъ любви къ святой церкви и христіанскому народу и изъ спасенія своей личности выѣхать изъ здѣшней столицы и даже изъ Россіи обратно въ митрополію“ (1)... Такъ какъ это прошеніе написано было въ довольно твердыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ, то старообрядческіе епископы, уже и безъ того враждебно настроенные противъ Кирилла, не только не сочли нужнымъ противорѣчить этому прошенію, но даже приняли его за весьма своевременное побужденіе—начать противъ Кирилла смѣ-

(1) Русск. Вѣстн. 1863 г. май, стр. 391—393.

лыя и наступательныя дѣйствія. Въ тотъ же день они письменнымъ объявленіемъ дали знать объ этомъ „протестѣ“ московскихъ гражданъ митрополиту Кириллу. Но такъ какъ Кириллъ, не смотря на это, медлилъ отъѣздомъ, то „соборъ“ епископовъ послалъ ему 7 марта, за подписомъ Антонія (который при общемъ возбужденіи противъ Кирилла опять примкнулъ къ партіи недовольныхъ имъ), Онуфрія, Пафнутія и Варлаама „дополненіе“ къ прежнему объявленію, въ которомъ уже весьма безцеремонно исчислилъ всѣ вины Кирилла, по которымъ его присутствіе въ Москвѣ становится нетерпимымъ. Кириллу прежде всего было поставлено въ вину то, что онъ, окруживъ себя крамольными гражданами и соединившись съ неблагонамѣренными своими сотрудниками: Софроніемъ, Сергіемъ и Филаретомъ, сдѣлался недоступнымъ для членовъ „освященнаго собора“, и, къ прискорбію ихъ, не обращалъ должнаго вниманія на тѣ неоднократныя законныя замѣчанія ихъ, которыя клонились къ неизмѣнному храненію церковныхъ правилъ; далѣе въ своемъ „дополненіи“ соборъ обвиняетъ Кирилла „за самовольное втирательство его въ управленіе россійскою іерархіею“. „Вы, говорится тамъ, кромѣ крайняго и всѣмъ извѣстнаго, ко стыду древлеправославной іерархіи, невѣжества, малограмотности и прочихъ недостатковъ, по силѣ изданнаго 4 февр. 1853 г. на владимірскую архіепископію устава, не только управлять сею областію, но и священнодѣйствовать, по святительскому опредѣленію, безъ дозволенія мѣстнаго епископа или правителя сею областію отнюдь не имѣете никакого права, ибо сія русская область состояла уже нѣсколько лѣтъ въ распоряженіи епископа владимірскаго Антонія, а по немъ, послѣ состоявшейся 15 ноябр. 1861 г., довѣрительной граматы, въ вѣдѣніи епископа Онуфрія и сущихъ въ сей области епископовъ“... Затѣмъ, изливъ свою желчь на „жалкаго и кичащагося титломъ верховнаго святителя Кирилла“, епископы, въ заключеніе своего „дополненія“, говори-

ди: „гласомъ церкве извѣщаемъ Васъ, что съ сего времени Вы отнюдь не могите приступать къ отправленію священнослуженія, впредь до соборнаго суда и рѣшенія, и постарайтесь какъ можно скорѣе отправиться во-свояси“ (1).. Не больше какъ чрезъ три дня послѣ этого, именно 10 марта, епископы отправили къ Кириллу еще посланіе, въ которомъ между прочимъ говорили: „препровождая къ Вамъ копію съ поступившаго въ соборъ прошенія московскихъ гражданъ, просимъ Васъ озаботиться о немедленномъ по содержанію онаго зависящемъ отъ Васъ исполненіи, т. е. не отягощая болѣе вашимъ здѣсь безпотребнымъ и даже опаснымъ для мирныхъ христіанъ сей столицы пребываніемъ сей-часъ же выѣзжайте и обратно съ Сергіемъ и Филаретомъ отправляйтесь въ Бѣлую Криницу“ (2).—Послѣ такихъ настоятельныхъ и безцеремонныхъ посланій Кириллу ничего больше не оставалось, какъ удалиться во-свояси, что̀ онъ дѣйствительно и исполнилъ, оставивъ въ Москвѣ — для наблюденія за теченіемъ дѣлъ въ старообрядчествѣ, и для вспомоществованія назначенному отъ него управителю церковными дѣлами Аѳанасію саратовскому — двухъ своихъ приверженцевъ—Софронія, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго быть епископомъ калужскимъ, и Сергія (3).

Такимъ образомъ на первыхъ порахъ сторона окружниковъ взяла верхъ надъ сторонниками Кирилла и даже изгнала сего послѣдняго изъ Москвы. Но подъ

(1) Чтен. Имп. Общ ист. и древн., 1865 г. кн. 3. смѣсь, стр. 368—373.

(2) Русск. Вѣстн. 1863 г. май, стр. 393; Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн 3. смѣсь. стр 274.

(3) Русск. Вѣстн 1863 г. ноябр. стр. 470; — Сергія Кириллъ посвятилъ во епископа, наименовавъ его тульскимъ, незадолго до отъѣзда своего изъ Москвы именно 2 марта, и посвятилъ, не смотря на то, что когда-то самъ издалъ объявленіе, чтобы этого Сергія за разные противозаконные поступки въ высшій чинъ отнюдь никто не производилъ. Совр. Лѣтоп. раск. вып. 1870 г. стр. 84 въ прилож.; Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 368—373.

вліяніемъ своей побѣды, недоставившей имъ еще никакихъ существенныхъ плодовъ, окружники вышли сами изъ предѣловъ умѣренности и благоразумія; они рѣшились въ пользу Окружнаго посланія дѣйствовать насиліемъ, и, какъ говорится въ одномъ старообрядческомъ документѣ, стали принуждать къ подписи Окружнаго посланія, дѣйствуя не въ духѣ смиренія, а, какъ буйные простецы, заставляли насильственно подписываться къ нему, и тѣхъ изъ нихъ, кои не подписывались, подвергали грознымъ наказаніямъ, отлученію и запрещенію" (1). — При этомъ и самъ Кириллъ, причинившій столько хлопотъ и досады окружникамъ, не былъ оставленъ ими въ покоѣ. Желая сломить и окончательно уничтожить его власть надъ собою, они писали враждебныя для него письма въ самый Бѣлокриницкій монастырь къ своему сообщнику Алимпію (учредителю бѣлокриницкой митрополіи); а Онуфрій писалъ въ свою епархію—Браиловскую и къ раскольникамъ, живущимъ въ турецкихъ предѣлахъ, чтобы они не признавали болѣе за митрополитовъ ни Амвросія, ни Кирилла. Письма эти имѣли на столько сильное вліяніе, что за границею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, куда оныя посылались, дѣйствительно перестали поминать на церковныхъ службахъ Амвросія и Кирилла (2). Мало этого, заграничные раскольническіе епископы составили даже 15 апр. 1863 году соборъ, на которомъ разсмотрѣли и одобрили окружное посланіе, затѣмъ поразсудили о винахъ Кирилла, подыскали многое изъ того, что сдѣлалъ онъ противозаконнаго въ ихъ епархіяхъ, и порѣшили—окончательное осужденіе по этимъ винамъ предоставить произнести собору русскихъ епископовъ. Въ этомъ духѣ составлена была грамата и препровождена въ Москву. Епископамъ-окружникамъ оставалось теперь только составить формальный актъ осужденія Кирилла, и затѣмъ торже-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3. смѣсь, стр. 284.

(2) Русск. Вѣстн. 1863 г. ноябрь, стр. 472.

ствовать свою побѣду надъ раздорниками. Но вотъ скоро начались такія дѣла, которыя отняли у нихъ пріятную увѣренность въ ихъ побѣдѣ надъ врагами, и омрачили ихъ будущность. — 12 мая 1863 года въ „освященный соборъ“ поступило „донесеніе“ отъ старообрядцевъ Павловскаго посада или Гуслицъ (богородскаго уѣзда моск. губерн.), вѣроятно, вызванное тѣми насильственными мѣрами, которыя дозволяли себѣ окружники, чтобы скорѣе побудить старообрядцевъ къ принятію окружнаго посланія, — „донесеніе“, въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: „извѣщаемъ васъ, боголюбивіи россійстіи епископы, что въ нашей епархіи чрезъ окружное посланіе многіе христіане впали духомъ въ разныя мнѣнія и толки, и, непонимая смысла его, говорятъ о немъ вопреки, и нашимъ церковнымъ учителямъ не довѣряютъ“... Далѣе, высказавши свое неудовольствіе на тѣ уступки, какія сдѣланы въ посланіи въ пользу православной церкви, т. е. на то, что писатель посланія на имя (Іисусъ), на трипéрстное сложеніе, обливательное крещеніе, на римскій опрѣснокъ и на приношеніе просфоры за еретика,—проклятія не положи,—жители Павловскаго посада заключали свое „донесеніе“ слѣдующими словами: „молимъ вы, боголюбивіи и Богомъ избранніи епископи, умирите церковь Христову и успокойте умы христіанъ православныхъ, уничтожьте новосоставленное вами окружное посланіе, которое мы въ настоящее время принять не можемъ; ибо боимся, не пострадать бы намъ, какъ пострадала церковь во времена Никона патріарха. Припадая къ стопамъ вашего преосвященства, молимъ васъ, напишите намъ соборное ваше мнѣніе объ уничтоженіи окружнаго посланія, и мы будемъ видѣть отвѣтъ вашъ на бумагѣ“ (1).—Почти одновременно съ этимъ „донесеніемъ“ въ „освященный соборъ“ поступило въ томъ же родѣ заявленіе воронков-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 276—281.

скихъ старообрядцевъ (черниг. губ.). „Если вновь утвердится окружное посланіе, говорилось въ этомъ заявленіи, и также, какъ прежде, распубликуется въ народной сферѣ,... то можно сказать навѣрное: прощай тогда союзъ братства, доселѣ ты въ насъ какъ бы не существовалъ! Посыплются другъ на друга клятвы и отлученія отъ церкви, коихъ и пастыри наши едвали избѣжатъ“ (1)...

Эти заявленія павловскихъ и воронковскихъ старообрядцевъ значительно поколебали увѣренность окружниковъ въ прочности окружнаго посланія и поставили ихъ въ довольно непріятное и двусмысленное положеніе. Послѣднее особенно нужно сказать по поводу заявленія павловскихъ старообрядцевъ, которые, какъ мы видѣли, требовали отъ епископовъ „отвѣта на бумагѣ“. Отвѣчать на ихъ заявленіе отказомъ „освященный соборъ“ нашелъ для себя опаснымъ, потому что это могло повести за собою отложеніе на сторону Кирилла,—взявшаго подъ свое покровительство противоокружниковъ,—самой населенной части московской губерніи—пресловутыхъ Гуслицъ; исполнить же ихъ требованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно формулировано было въ ихъ „донесеніи“, значило—уронить собственное свое достоинство въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ и отказаться отъ того, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ членовъ собора отъ души были убѣждены. Выйдти изъ этого положенія, удовлетворить по возможности той и другой сторонѣ,—можно было не иначе, какъ прибѣгнувъ къ хитрости, что дѣйствительно и сдѣлалъ „освященный соборъ“. Въ своемъ „соборномъ опредѣленіи на окружное посланіе“, изданномъ по этому поводу 26 іюня и подписанномъ девятью епископами (2), освященный соборъ силится доказать все-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 281—286.

(2) Вотъ имена ихъ: Антоній влад., Аѳанасій саратовскій, Онуфрій, который впрочемъ скоро выскоблилъ свою подпись, Іовъ кавказскій, Паф-

возможными софистическими изворотами, что онъ не намѣренъ былъ дѣлать и не дѣлалъ въ окружномъ посланіи никакой уступки въ пользу великороссійской церкви, если же такъ показалось другимъ, то это произошло отъ недоразумѣнія и превратныхъ истолкованій. Вотъ что̀ напр. питетъ онъ противъ обвиненія, зачѣмъ онъ призналъ въ своемъ посланіи имя Іисусъ за истинное имя Господа. „Можно ли безпристрастному и благоразумному христіанину говорить, что духовенство святой и древлеистинной христіанской церкви одинаково почитаетъ имя Іисусъ за истинное и святое имя Господа нашего Іисуса Христа, когда въ окружномъ посланіи въ третьей статьѣ о святѣйшемъ и поклоняемомъ Христовѣ имени сказано, что „пресвятое, пресладкое, прелюбезное и превожделѣнное имя Христа Спасителя нашего пишемъ и произносимъ въ чтеніи и пѣніи тако: Іс (Іисусъ)..., и впредь должно есть содержати сіе древнее начертаніе и произношеніе неизмѣнно, непреложно и неприкосновенно, не пріемля никакихъ нововведеній, ни силлогистическихъ внушеній, и сохраняти оное безъ приложенія и умаленія“. Послѣ этого исповѣданія можно ли будетъ утверждать, что имя Іисусъ признается одинаково. Ибо исповѣданіе вѣры, или убѣжденіе не можетъ имѣть двѣ истинныя стороны, но окончательно имѣетъ одну. А потому чтимое и произносимое нами пресладкое и прелюбезное имя Іисусъ въ одно и тоже время не могло быть замѣнено другимъ именемъ... Что же касается, продолжаетъ далѣе „освященный соборъ“, до второй статьи, въ которой говорится, что господствующая въ Россіи церковь, равно и греческая, вѣруетъ не во иного Бога, но во единаго съ нами Творца небу и земли, и что святѣйшій Іосифъ патріархъ и прочіи святіи отцы никакой хулы на имя Іисусъ не положили, и мы хулити

нутій казанскій, Варлаамъ балтовскій, Іустинъ тульчинскій, въ лицѣ Константина оренбургскаго іеродіаконъ Викентій, Савватій тобольскій—Русск. Вѣстн. 1863 г. іюль, стр. 431.

оное не дерзаемъ, то объявляемъ, что въ окружномъ посланіи говорится это не для того, чтобы великороссійскую церковь оправдать, или признать за истинную. Нѣтъ! Боже насъ сохрани и помыслить! А говорится это для того, чтобы опровергнуть безразсудную мысль безпоповцевъ и заразившихся отъ нихъ христіанъ святой и древлеправославной церкви, понимающихъ, будто-бы великороссійская церковь подъ именемъ Іисусъ поклоняется антихристу. Этимъ мнѣніемъ безпоповцы стараются подорвать основаніе истиннаго вѣроученія. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что Іисусъ есть антихристъ и что господствующая церковь подъ именемъ Іисуса вѣруетъ во иного Бога, то невольно придется каждому христіанину спросить самого себя: на какомъ же основаніи принимали священниковъ на Рогожское кладбище и въ прочія мѣста отъ великороссійской церкви, когда она вмѣсто Сына Божія вѣруетъ во антихриста. По этому понятію выйдетъ, что крещеніе великороссійской церкви (которое мы признаемъ за истинное крещеніе) совершенно ничего не стоитъ“ (1). Въ заключеніе всего „освященный соборъ“, чтобы окончательно успокоить свою духовную паству, нашелъ нужнымъ ограничить обязательность окружнаго посланія. „Такъ какъ, говоритъ онъ въ своемъ „опредѣленіи“, народъ не могъ вмѣстить сущности изложенія (посланія то есть), то для окончательнаго спокойствія освященный соборъ не вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность руководствоваться окружнымъ посланіемъ, а оставляетъ его на произволъ каждаго, и строго запрещаетъ всѣмъ христіанамъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, за оное имѣть между собою раздоръ или несогласіе“ (2).

---

(1) Выходитъ такимъ образомъ, что если имя Іисусъ защищать отъ нападеній безпоповцевъ, то оно будетъ истинное, если же смотрѣть на него съ точки зрѣнія поповцевъ, то—ложное; несообразность очевидна сама собою.

(2) Русск. Вѣстн. 1863 г., іюль, стр. 426—430.

Такимъ образомъ освященный соборъ своимъ „опредѣленіемъ“ на окружное посланіе сдѣлалъ первую уступку въ пользу раздорниковъ. Но этимъ онъ не усмирилъ послѣднихъ и не положилъ конца начавшемуся въ расколѣ движенію; напротивъ дѣло скоро усложнилось новымъ вопросомъ—о московской архіепископіи, и волненіе разрослось до громадныхъ размѣровъ. Мы знаемъ, что московская архіепископія и мѣсто главнаго заправителя церковными дѣлами въ старообрядчествѣ раньше были за Антоніемъ. Затѣмъ вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ, онъ лишенъ былъ московской каѳедры. Послѣ этого въ концѣ 1861 года заправленіе общими дѣлами въ старообрядчествѣ и предсѣдательство въ „освященномъ соборѣ“ взялъ на себя на время, какъ мы знаемъ, Онуфрій. Въ началѣ 1863 года, по прибытіи въ Москву Кирилла, Онуфрій отставленъ былъ отъ участія въ дѣлахъ старообрядчества и мѣсто его, по соборному рѣшенію отъ 18 февр., долженъ былъ снова занять Антоній. Но вслѣдствіе извѣстнаго намъ вѣроломнаго поступка Кирилла съ грамотою (отъ 18 февр.) на врученіе Антонію управленія дѣлами старообрядчества, утвержденіе его не состоялось. Равнымъ образомъ и учиненное затѣмъ Кирилломъ переведеніе на московскій престолъ Аѳанасія саратовскаго, вслѣдствіе личнаго нерасположенія къ этому послѣднему русскихъ архіереевъ, какъ къ лицу несочувствующему окружному посланію и до фанатизма преданному разнымъ мелочнымъ требованіямъ раскола, не было принято епископами. Такимъ образомъ московскій епископскій престолъ и мѣсто главнаго управителя церковными дѣлами въ старообрядчествѣ не имѣли постоянныхъ представителей, а только временно завѣдывались то Онуфріемъ, то самимъ Кирилломъ, то Софроніемъ. Чтобы положить конецъ такому безпорядку и неизбѣжнымъ при этомъ волненіямъ,—„освященный соборъ“ рѣшился теперь утвердить за кѣмъ либо однимъ московскую епископскую каѳедру, поручивъ ему и главное управленіе церковными дѣлами во всемъ

согласіи. Назначено было для этого особое засѣданіе въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ которомъ выборъ палъ на Антонія архіепископа владимірскаго. Такимъ образомъ Антоній „возведенъ былъ соборнѣ подъ руководствомъ епископа Онуфрія на московскій святительскій престолъ, съ тѣмъ, чтобы быть вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ московскаго духовнаго совѣта, завѣдывающаго дѣлами древне-православной россійской іерархіи“ (1). Послѣ этого составлены были и разосланы по старообрядческимъ мѣстамъ граматы, въ которыхъ древне-православные христіане извѣщались объ избраніи и возведеніи на московскій престолъ Антонія, и приглашались вмѣстѣ съ тѣмъ къ сыновнему повиновенію и послушанію своему новому верховному пастырю (2). Но эти граматы не принесли вполнѣ желанныхъ результатовъ. Успѣхъ ихъ окончательно парализовался тѣми слухами, которые стали особенно съ этого времени распускаться въ народѣ объ Антоніи, человѣкѣ издавна нелюбимомъ ими, котораго они не надѣялись сдѣлать игрушкою и орудіемъ для своихъ цѣлей, которымъ нѣкоторые изъ нихъ лично были недовольны, и котораго во всякомъ случаѣ имъ не хотѣлось видѣть занимающимъ такой высокій постъ, какъ постъ московскаго архіепископа. Имъ хотѣлось видѣть на этомъ мѣстѣ другаго человѣка, такого, съ которымъ бы имъ лучше было ладить, чѣмъ съ Антоніемъ. Вотъ почему они съ разу заявили себя противъ распоряженія „освященнаго собора“ о предоставленіи московской архіепископіи Антонію, и стали противъ этого возстановлять и народъ. Сдѣлать послѣднее конечно было не трудно. Стоило только сказать толпѣ, что окружникъ поставленъ во главѣ старообрядчества, и что это вдобавокъ сдѣлано безъ согласія и утвержденія Кирилла, и она становилась на сторону агитаторовъ. Естественно, что голосъ ихъ

(1) Совр. Лѣтоп. раск., вып. 1870 г. стр. 87 въ прилож.

(2) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3. смѣсь, стр. 300.

прежде всего принятъ былъ тѣмъ обществомъ старообрядческимъ, которое уже пробовало протестовать противъ окружнаго посланія, т. е. гуслицкимъ, а также обществами коломенскимъ, богородскимъ и др. Въ августѣ мѣсяцѣ всѣ эти общества подали въ освященный соборъ свои объявленія (весьма сходныя по содержанію), направленныя исключительно противъ возведенія на московскій престолъ Антонія. Въ нихъ между прочимъ говорилось: „мы нижеподписавшіеся, вашимъ соборомъ избранному, или буде изберетъ кого согласны будемъ повиноваться только въ томъ случаѣ, чтобы избраніе и возведеніе было съ вѣдома, согласія и благословенія господина митрополита Кирилла, и за подписомъ его руки, и печати приложеніемъ, и такожде съ согласія всѣхъ россійскихъ епископовъ и подписомъ ихъ рукъ. Тогда мы его пріемлемъ, яко отца, начальника, пастыря и учителя. А безъ согласія и благословенія господина митрополита Кирилла, и всѣхъ россійскихъ епископовъ избраннаго и возведеннаго мы на пріятіе согласія изъявить не можемъ“ (1)...

Подобные протесты противъ распоряженій освященнаго собора и сами по себѣ были явленіями въ высокой степени нежелательными и непріятными для него, потому что отнимали у него всякую надежду поставить дѣло по своему и восторжествовать надъ раздорниками. Но еще къ большему огорченію и непріятности членовъ „освященнаго собора“ скоро открылось, что и Бѣлая Криница въ тоже самое время тянула сторону раздорниковъ, и творила дѣла далеко непріятныя для окружниковъ. Мы знаемъ, какъ Кириллъ оставилъ Москву. Прибывъ въ митрополію онъ составилъ тамъ 20 іюня соборъ, на который, вѣроятно, для большей торжественности, пригласилъ выборныхъ изъ ближайшихъ къ Бѣлой Криницѣ раскольническихъ слободъ. На этомъ соборѣ послѣ немногихъ разсужденій

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 299—304.

составленъ былъ актъ, въ которомъ прежде всего подтверждалось составленное Кирилломъ въ Москвѣ, но не получившее тамъ силы, опредѣленіе противъ окружнаго посланія, и приглашались всѣ желающіе быть съ Кирилломъ въ единомысліи „не руководствоваться посланіемъ ради соблазна, и отъ признающихъ его уклоняться во всѣхъ обстоятельственныхъ сообщеніяхъ“... Затѣмъ подтверждались и другія распоряженія, сдѣланныя Кирилломъ въ Москвѣ. Въ заключеніе всего отъ лица собора писалось: „Предложить всѣмъ нашимъ епископамъ, желающимъ быть съ нами въ соединеніи и единомысліи, дабы каждый, къ большему подтвержденію своего согласія, приложилъ свою руку, а равно и прочимъ духовнымъ и мірскимъ лицамъ вмѣнить въ обязанность подписаться на немъ (актѣ). Епископы же, которые не будутъ согласны на опроверженіе окружнаго посланія, будутъ отселѣ подлежать суду, запрещенію и устраненію церковнаго соединенія, потому что о нихъ сообщится во всѣ епархіи, дабы отъ таковыхъ епископовъ и священниковъ уклонялись и не принимали ихъ личности на всякое священнодѣйствіе“ (1).—Чтобы придать этому акту больше авторитета, придумано было привлечь къ подписи подъ нимъ самого Амвросія, уже пятнадцать лѣтъ проживавшаго въ мѣстечкѣ Цилли вдали отъ всѣхъ раскольническихъ дѣлъ. Въ этомъ случаѣ Кириллъ поступилъ довольно не честно. Отправляя къ Амвросію акты бѣлокриницкаго собора чрезъ почту, онъ присовокупилъ къ нему собственное письмо, въ которомъ изложилъ все дѣло „въ превратномъ смыслѣ“, увѣрялъ Амвросія, что составлялъ соборъ въ Бѣлой Криницѣ по просьбѣ россійскаго и молдавскаго обществъ, и просилъ „для пользы церкви и спокойствія народа“ скрѣпить соборный актъ собственноручною подписью его — митрополита Амвросія. Форма утвержденія заранѣе составлена бы-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 292—293.

ла при Кириллѣ, и довольно искусно клонила дѣло въ пользу послѣдняго. Амвросій, довѣряя Кириллу и не имѣя возможности лично удостовѣриться въ справедливости того, что писалъ ему Кириллъ, призналъ предложенный ему документъ „правильнымъ и душеспасительнымъ“ и (29 іюня) засвидѣтельствовалъ это своеручнымъ подписомъ (1).

Послѣ этого Кириллъ отправилъ „бѣлокриницкій актъ“ въ Москву съ полною, кажется, увѣренностію, что онъ произведетъ свое дѣйствіе на окружниковъ-епископовъ. Но на дѣлѣ вышло не то. „Освященный соборъ“, по выслушаніи „бѣлокриницкаго акта“, не придалъ его постановленіямъ никакого значенія, а напротивъ рѣшился и самъ для сообщенія своимъ распоряженіямъ большаго значенія прибѣгнуть къ тому же средству, къ какому прибѣгалъ и Кириллъ, т. е. обратиться къ самому Амвросію съ просьбою—разсмотрѣть всѣ тѣ документы, которые касались отношеній Кирилла къ русскимъ епископамъ, и утвердить своимъ подписомъ всѣ распоряженія послѣднихъ. Для выполненія этого дѣла избранъ былъ вполнѣ надежный человѣкъ,—Іустинъ, епископъ тульчинскій. Снабженный довѣрительными граматами и документами, относящимися къ дѣлу Кирилла съ русскими раскольничьими архіереями, Іустинъ 30 авг. отправился въ путь и 25 окт. благополучно добрался до мѣстечка Цилли, гдѣ жилъ Амвросій. Представившись къ послѣднему, онъ предъявилъ ему свои довѣрительныя граматы и подробно разсказалъ какъ о тѣхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ, какія позволялъ себѣ Кириллъ въ бытность свою въ Москвѣ, такъ и о тѣхъ безпорядкахъ и волненіяхъ, которые возбуждены были въ старообрядческомъ обществѣ его пріѣздомъ; въ подтвержденіе же своихъ словъ онъ предложилъ Амвросію на разсмотрѣніе привезенные съ со-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 293; Русск. Вѣстн. 1864 г. февр. стр. 766.

бою документы (*), изъ разсмотрѣнія которыхъ и изъ разсказа самого Іустина Амвросій легко могъ убѣдиться, что дѣла у русскихъ старообрядцевъ вовсе не въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ ихъ, основываясь на письмѣ Кирилла. Многое показалось ему совершенною новостію, и вызвало въ немъ признаніе предъ Іустиномъ въ томъ, что подпись его подъ бѣлокриницкимъ актомъ вынуждена была безсовѣстною ложью и обманомъ Кирилла, который все представилъ ему „въ превратномъ смыслѣ“. Но этого признанія на словахъ недостаточно было для Іустина; ему хотѣлось, чтобы Амвросій все это изложилъ на бумагѣ, въ формѣ посланія, и скрѣпилъ бы его собственною рукою для того, чтобы это посланіе можно было противопоставить бѣлокриницкому акту. Амвросій не отказался сдѣлать и это, и 29 окт. за два или за три дня до своей смерти, вручилъ Іустину за своимъ подписомъ два посланія: одно „къ господину архіепископу Антонію московскому со всѣми боголюбивыми епископы россійскими и заграничными“, а другое „къ бѣлокриницкому митрополиту Кириллу“. Въ первомъ изъ этихъ посланій Амвросій утверждалъ всѣ постановленія и распоряженія московскаго совѣта, объявилъ бѣлокриницкій актъ незаконнымъ, и благодарилъ русскихъ епископовъ за изданіе окружнаго посланія; въ другомъ—

(*) Документы эти были слѣдующіе: «Объявленіе съ дополненіемъ о выѣздѣ господина митрополита Кирилла съ Сергіемъ и Филаретомъ изъ Москвы отъ 28 февр. и 7 марта 1863 г; 2) О запрещеніи епископу Онуфрію, отъ 20 февр., въ которомъ ясно показаны всѣ незаконныя дѣйствія митрополита Кирилла и на оныя приведены правила святыхъ отецъ; 3) Донесеніе заграничнымъ епископамъ, отъ 11 марта (вѣроятно объ изгнаніи Кирилла изъ Москвы) 4) отъ заграничнаго священнаго собора къ россійскимъ епископамъ, отъ 15 апр. сего же года: и 5) Еще отъ большаго московскаго освященнаго собора, за подписомъ всѣхъ епископовъ, съ участіемъ и заграничныхъ: а) Разрѣшеніе епископу Онуфрію, б) рѣшеніе господину митрополиту Кириллу; в) Возведеніе архіепископа Антонія на московскій престолъ; г) окружное посланіе съ разъясненіемъ (т. е. извѣстныя уже намъ соборныя опредѣленія на окружное посланіе) и проч. разные акты.

порицалъ Кирилла за его обманъ и беззаконные поступки, и подвергалъ его запрещенію, если онъ не уничтожитъ бѣлокриницкаго акта (1).

Получивъ эти граматы, Іустинъ отправился во свояси. На пути онъ почему-то раздумалъ видѣться съ Кирилломъ и лично вручить адресованное ему посланіе Амвросія, а упросилъ доставить эту грамату по адресу „нѣкоторыхъ „благоревностныхъ ясскихъ христіанъ", которые и исполнили порученіе Іустина (2). Само собою понятно, что посланіе Амвросія, въ которомъ весьма прозрачно разоблачались ложь и обманъ Кирилла и признавались всѣ распоряженія его (не исключая и бѣлокриницкаго акта, на которомъ, какъ скрѣпленномъ подписью Амвросія, Кириллъ старался главнымъ образомъ обосновать законность своихъ распоряженій и превосходство ихъ предъ распоряженіями освященнаго собора) противозаконными, а распоряженія русскихъ епископовъ—правильными,—было самымъ непріятнымъ для него явленіемъ. Оно разрушало все то, что онъ считалъ прочно устроеннымъ, и ставило его самого въ самое неловкое положеніе. Ибо для него очевидно было, что послѣдовать требованіямъ этой граматы и послушаться ея,—значило отказаться отъ всего того, на чемъ главнымъ образомъ основывалось и держалось доселѣ его значеніе между русскими старообрядцами. Выйдти изъ этого положенія безъ ущерба своему самолюбію и властолюбію можно было не иначе, какъ заподозривъ подлинность самого посланія. Къ этому, дѣйствительно, и прибѣгъ Кириллъ, и чрезъ нѣсколько времени по полученіи Амвросіевой граматы отправилъ къ „Антонію съ соборомъ" посланіе, въ которомъ, приведши выдержку изъ граматы Амвросія, въ которой этотъ послѣдній говоритъ, — „что онъ разсматривалъ всѣ соборные акты, и изъ нихъ увидѣлъ

(1) Русск. Вѣстн. 1864 г. февр. стр. 764—771; Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь. стр. 303—309.

(2) Совр. лѣтоп. раск. вып. 1870 г. стр. 92 въ прилож.

незаконныя дѣйствія Кирилла", — замѣчаетъ: „я вижу и понимаю изъ письма, что это не митрополита Амвросія и не Георгіево (сынъ Амвросія) сочиненіе, а Іустиново и Ипполитово (1) дѣло сіе — наставленіе и сочиненіе". А въ концѣ посланія онъ говоритъ: „вонмите сіе, не бѣсовскою ли лестію научены епископъ Іустинъ и іеродіаконъ Ипполитъ — быть въ Цилли и митрополита Амвросія наущать ко злому и враждебному дѣлу, въ то самое время, когда онъ возлежалъ на одрѣ при послѣднемъ издыханіи? Когда ему было въ то время разсматривать наши бумаги и разсуждать о нашихъ дѣлахъ? Не они ли сами сочинили и внушили Георгію Андреевичу, чтобы онъ подписалъ и приложилъ печать? Учительное ли это дѣло и подобаетъ ли освященнымъ лицамъ ѣздить и возмущать народъ" (2)?..

Когда такимъ образомъ Кириллъ, приведенный посланіемъ Амвросія въ неловкое положеніе, прибѣгъ, вопреки можетъ быть собственнымъ своимъ убѣжденіямъ, къ смѣлому, хотя и неосновательному отрицанію, или по крайней мѣрѣ заподозриванію подлинности самаго посланія, — въ Москвѣ въ то время Антоній и другіе противники Кирилла по полученіи граматы Амвросіевой испытывали совсѣмъ другое состояніе. Читая эту грамату, въ которой самъ первопрестольный Амвросій утверждалъ всѣ опредѣленія и распоряженія освященнаго собора, отвергалъ бѣлокриницкій соборъ какъ противозаконный, уничтожалъ свою подпись подъ актомъ этого собора и смиренно просилъ за нее про-

(1) Іеродіаконъ Ипполитъ въ іюлѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ московскимъ освященнымъ соборомъ въ Бѣлую Криницу съ просьбою отъ послѣдняго къ Кириллу утвердить всѣ распоряженія его и главнымъ образомъ — касательно разрѣшенія Онуфрія отъ запрещенія, и возведенія имъ на московскій престолъ Антонія. Но это посольство кончилось неудачею. Ипполитъ долженъ былъ оставить Бѣлую Криницу ни съ чѣмъ. На пути — въ Яссахъ онъ повстрѣчался съ Іустиномъ, ѣдущимъ въ Цилли и вмѣстѣ съ нимъ отправился туда же.

(2) Русск. Вѣстн. 1864 г. март., стр. 401—406; Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 319—323.

щеніе у членовъ освященнаго собора, послѣдніе были увѣрены, что теперь весь старообрядческій міръ признаетъ правду на ихъ сторонѣ, и что, стало быть, торжество ихъ надъ Кирилломъ несомнѣнно. Подъ вліяніемъ этихъ пріятныхъ впечатлѣній они сдѣлали точныя копіи съ граматы Амвросія, и читали ихъ во всеуслышаніе для назиданія и вразумленія слушателей при каждомъ богослуженіи, и при каждомъ многолюдномъ молитвенномъ собраніи (1). Но эти чтенія не при-

(1) Епископъ Варлаамъ балтовскій, подъ вліяніемъ этихъ же впечатлѣній, удалился въ свою епархію, и рѣшился во что бы то ни стало принудить обитателей Кореневскаго монастыря, находящагося въ его епархіи, къ принятію окружнаго посланія (ибо они не только отказывались отъ него, но даже, узнавши, что ихъ епископъ окружникъ, не хотѣли, чтобы онъ жилъ въ ихъ монастырѣ). Сначала онъ добровольно предлагалъ имъ принять окружное посланіе, а потомъ рѣшился употребить насиліе. Это насиліе, происходившее 14 янв. 1864 г. въ присутствіи самого епископа, разрѣшилось, по описанію одного очевидца, страшными спорами, буйствомъ и дракою, длившимися отъ разсвѣта до двѣнадцати часовъ вечера. «Въ началѣ втораго часа, передаетъ этотъ очевидецъ, діаконъ Ипполитъ съ депутатами подвезли повозку подъ келлію инока Іоиля, въ намѣреніи схватить его, связать, положить въ повозку съ нѣкоторыми вещами, вывести изъ монастыря за три версты и бросить тамъ. Іоиль успѣлъ бѣжать въ лѣсъ и скрыться. Бросились за инокомъ Павломъ, и поймали его въ корридорѣ. Схватили также инока схимника Меѳодія, потащивъ его изъ корридора, порвали на немъ шубу. Павелъ закричалъ: «караулъ»! — На этотъ крикъ сбѣжалось много народу, воскипѣла новая страшная буря. Петръ Щербининъ ударилъ въ набатъ, народъ смѣшался; шумъ, крикъ и слезы. Въ то время Меѳодій и казначей закричали: «господа остановитесь! Довольно вы показали безчеловѣчія, остановитесь Бога ради»! Епископъ и діаконъ стояли на крыльцѣ, казначей палъ къ ногамъ епископа, омывалъ слезами ноги его и просилъ, лежа въ ногахъ: «Владыко святый, смягчите ваше сердце, будьте милосерды и успокойте волнующій народъ»!.. Игуменья, инокиня Анна, тутъ же стояла, плакала и просила епископа о милосердіи. Меѳодій, видя не утихающій шумъ, просилъ казначея принять свои мѣры къ отраженію. Шестьдесятъ человѣкъ ожидали казначейскаго повелѣнія, и всѣ были готовы къ защитѣ монастыря. Одно слово — и началась бы свалка, но казначей удерживалъ своихъ и отсылалъ прочь... Тревога продолжалась весь день, а къ вечеру отъ таковаго ужаснаго событія на монастырь наведенъ былъ такой паническій страхъ, что многіе монастырскіе убѣжали въ лѣсъ, другіе старики заболѣли, и даже епископъ и діаконъ вы-

несли желанныхъ результатовъ. Бѣлокриницкій актъ, подписанный Амвросіемъ, былъ еще въ памяти у всѣхъ раздорниковъ, и могъ поселить въ нихъ не располагающее, а отталкивающее чувство къ новому Амвросіеву посланію. Притомъ же скоро сдѣлалась извѣстна въ Москвѣ и Кириллова грамата, въ которой заподозривалась подлинность Амвросіевой граматы. Все это не только не располагало раздорниковъ—слушать грамату Амвросія, но даже вызывало съ ихъ стороны открытое повтореніе мысли Кирилловой, что грамата эта фальшивая, что подписи подъ ней поддѣльны и проч. Благодаря всему этому, обнародованіе Амвросіева посланія вмѣсто водворенія мира и согласія въ старообрядчествѣ, подало новый поводъ къ раздору, усилило донельзя прежнюю вражду между Антоновцами и Кирилловцами и повело за собою довольно курьезныя сцены въ старообрядческомъ мірѣ. — Приходитъ напр. священникъ къ прихожанину съ богоявленскою водою, и прежде нежели переступитъ порогъ, его спрашиваютъ: „за кого онъ, за Кирилла или за Антонія“? Попъ называетъ, положимъ, Кирилла: его гонятъ вонъ съ проклятіями. Наученный опытомъ, въ слѣдующемъ домѣ онъ называетъ уже Антонія: но отсюда его съ такими же ругательствами гонятъ уже за Антонія. Не впопадъ говоритъ онъ въ третьемъ, въ четвертомъ домѣ, и также подвергается позорному изгнанію. Тоже случалось и съ его товарищемъ. Тогда пастыри порѣшили одному постоянно называться Антоновцемъ, а другому Кирилловцемъ, и эта уловка имѣла полный успѣхъ:—благодушно принявъ изгнаніе въ одномъ мѣстѣ, каждый изъ нихъ былъ утѣшенъ усердною встрѣчей въ другомъ. Но потомъ началась вражда между самими попами, стали отбивать другъ у друга прихожанъ, Антоновцевъ переманивать къ Кириллу, а Ки-

---

ѣхали въ эту ночь изъ монастыря въ Балту». (Чтен. Имп. Общ. и древн. 1865 г. кн. 3, смѣсь, стр. 326—328). Можетъ быть это есть преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ не вымыслъ.

рилловцевъ—къ Антонію. Дѣло доходило до самыхъ соблазнительныхъ сценъ (1)...

Видя подобнаго рода явленія, русскіе старообрядческіе архіереи сочли за лучшее примириться съ Кирилломъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣдній оставилъ неприкосновенными всѣ распоряженія „освященнаго собора“, и утвердилъ бы ихъ. Въ этомъ смыслѣ составлена была мирная грамата, которая и отправлена была въ янв. 1864 г. чрезъ бѣлокриницкихъ пословъ: Филарета и Іоасафа и вмѣстѣ съ ними и—Пафнутія казанскаго въ Бѣлую Криницу. Но въ это время и партія раздорниковъ не оставалась въ бездѣйствіи. Желая во чтобы то ни стало смѣстить Антонія съ московскаго престола, она приняла свои мѣры къ тому, чтобы разстроить мирные планы окружниковъ. Въ этихъ видахъ она еще нѣсколько ранѣе также отправила въ Бѣлую Криницу нѣкоего Ѳеоима Ѳедоровича Крючкова, человѣка хитраго, бывалаго не разъ въ Бѣлой Криницѣ. Этому человѣку немного стоило труда расположить Кирилла въ свою пользу, тѣмъ болѣе, что онъ привезъ съ собою для Кирилла 1,000 руб. денегъ отъ одного москвича, которые отсылались имъ на поминъ души скончавшейся супруги его. Ефимъ Крючковъ внушилъ Кириллу планъ, что на московскій престолъ необходимо безотлагательно избрать и посвятить новаго архіерея и даже успѣлъ выпросить у него письменное ручательство на поставленіе во архіерея того, кого изберутъ въ Москвѣ. Съ этимъ ручательствомъ, написаннымъ въ двухъ словахъ: „привези,—поставлю“, Крючковъ и отправился изъ Бѣлой Криницы 21 или 22 февр.—за день или за два до пріѣзда Филарета, Іосафа и Пафнутія съ мирными предложеніями къ Кириллу. Послѣдніе могли бы теперь считать свое дѣло совершенно проиграннымъ, если бы Кириллъ былъ человѣкомъ, дѣйствующимъ во имя однихъ опредѣлен-

(1) Русск. Вѣстн. 1864 г. февр. стр. 773—774.

ныхъ убѣжденій. Но зная его шаткость, и постоянную измѣнчивость, они нисколько не задумались продолжать начатое ими дѣло. Они разсказали Кириллу, что народъ недоволенъ тѣми его распоряженіями, которыя были враждебны распоряженіямъ духовнаго совѣта, и въ подтвержденіе своихъ словъ предъявили ему привезенныя съ собою подобнаго характера прошенія отъ московскаго общества и иногородныхъ депутатовъ,—словомъ—поставили дѣло въ такомъ ясномъ и убѣдительномъ видѣ, что Кириллу нельзя было не согласиться на миръ съ московскимъ духовнымъ совѣтомъ, даже на тѣхъ условіяхъ, которыя предлагались для этого со стороны послѣдняго, тѣмъ болѣе, что духовный совѣтъ изъявлялъ искреннее раскаяніе въ причиненныхъ Кириллу оскорбленіяхъ, просилъ у него льстящаго его самолюбію прощенія,—словомъ—смирялъ себя предъ митрополитомъ. Оставалось только составить мирную грамату, которой просилъ у него духовный совѣтъ. Грамата таковая была составлена, подписана Кирилломъ, и вручена тѣмъ же самымъ посламъ для передачи въ Москву. Послѣднимъ оставалось теперь заручиться большимъ числомъ подписей подъ „мирною граматою отъ разныхъ представителей заграничнаго старообрядческаго духовенства. Съ этою цѣлію они предприняли путешествіе по Черновицамъ, Молдавіи и Турціи, вездѣ объявляя мирныя граматы Кирилла и собирая подписи отъ архіереевъ, архимандритовъ и поповъ. Подъ ними подписались епископы: Аркадій васлуйскій, Аркадій славскій, архимандриты тисскаго и мануиловскаго монастырей: Евфросинъ и Варсонофій и нѣкоторые попы. Послѣ всего этого послы направили свой путь въ Москву.

Казалось, что все сдѣлано было такъ искусно и предупредительно, что можно было заблаговременно разсчитывать на полный успѣхъ ихъ предпріятія, но на дѣлѣ вышло не то. Въ ихъ отсутствіе въ Москвѣ совершилось много такого, что положительно повредило ихъ планамъ.

Мы видѣли, какой планъ замыслили люди противнаго имъ лагеря. Мысль о поставленіи на Москву новаго архіерея и данное Кирилломъ обѣщаніе не могли не сдѣлаться извѣстными и Антонію. Чтобы удержать раздорниковъ отъ исполненія такого намѣренія, Антоній сдѣлался измѣнникомъ и окружному посланію и планамъ Пафнутія и Филарета. Желая удержаться на московскомъ престолѣ, за который, по ироническому выраженію самихъ старообрядцевъ, онъ готовъ былъ положить душу свою, и предполагая, что единственною преградою, препятствующею ему сблизиться съ своими противниками служитъ окружное посланіе, онъ рѣшился пожертвовать послѣднимъ. 23 февр. 1864 г. за подписомъ своимъ и священноіереевъ: Петра и Ѳедора онъ издалъ „объявленіе достопочтеннѣйшимъ попечителямъ Рогожскаго кладбища и всѣмъ православнымъ христіанамъ“, въ которомъ писалъ: „мы, по случаю приближающагося святаго и великаго поста, для умиротворенія православныхъ христіанъ царствующаго града Москвы и соблюденія въ церкви Христовой мира и между всѣми христіанами любви, яже есть выше всѣхъ добродѣтелей, объявляемъ во всеобщую извѣстность, что мы дѣло объ окружномъ посланіи оставляемъ, согласно мнѣнію митрополита Кирилла, изъясненному имъ въ грамотѣ его прошлаго года въ февралѣ мѣсяцѣ, и съ своей стороны подтверждаемъ оное его мнѣніе о уничтоженіи окружнаго посланія, послужившаго камнемъ претыканія и соблазна для немощнѣйшей братіи Христовой“ (1)... — Но измѣна Антонія не привела къ той цѣли, ради коей она была совершена, а только повредила мирнымъ планамъ Филарета и Пафнутія. Возвратившись въ Москву, Крючковъ немедленно сообщилъ лаконическую резолюцію Кирилла. Вслѣдствіе этого, не обращая вниманія на осужденіе Антоніемъ окружнаго посланія раздорники общимъ со-

(1) Русск. Вѣстн 1864 г. март., стр. 409—410.

вѣтомъ порѣшили—секретнымъ образомъ отыскать гдѣ нибудь человѣка годнаго въ архіереи. Сдѣлать это поручено было тому же Крючкову, который скоро и отыскалъ для этого вполнѣ подходящаго человѣка, нѣкоего стараго, слабоумнаго и полуграматнаго крестьянина деревни Иванищева, московской губерніи, богородскаго уѣзда, Аѳанасія Климова, не задолго передъ этимъ постриженнаго бѣглецомъ священноинокомъ Серапіономъ въ монахи съ именемъ Антонія, и проживавшаго въ Гуслицахъ въ небольшой раскольнической киновіи. Этотъ новоизбранный кандидатъ представленъ былъ другимъ дѣятелямъ раздорнической партіи, найденъ былъ ими вполнѣ годнымъ для ихъ цѣлей, и отправленъ вмѣстѣ съ Крючковымъ въ Бѣлую Криницу для посвященія во архіерея.

Дѣло поставленія, въ видахъ могущей случиться опасности со стороны окружниковъ, ведено было секретнымъ образомъ. Оставивъ на время своего ставленника въ селеніи Грубномъ, Крючковъ одинъ отправился въ Бѣлую Криницу. Прибывъ туда, онъ, хотя и встрѣченъ былъ довольно непріятными извѣстіями о томъ, что тамъ уже побывали московскіе послы, что они склонили Кирилла на миръ съ духовнымъ совѣтомъ и даже получили отъ него мирныя граматы, но тѣмъ не менѣе не считалъ своего дѣла потеряннымъ. Снабженный „довольными сребренники“ (у него было до 5,000 р. серебр.), онъ надѣялся перетянуть Кирилла опять на свою сторону, и съ перваго раза очень смѣло сталъ обличать его въ непостоянствѣ, слабости и др. подобныхъ недостаткахъ, упрекалъ его за то, что онъ измѣнилъ противоокружникамъ, обѣщаясь для нихъ посвятить новаго архіерея, и перешелъ на сторону окружниковъ; нарисовалъ передъ нимъ картину тѣхъ горькихъ послѣдствій, какими могутъ сопровождаться въ Москвѣ его мирныя граматы, увѣривъ его, что онѣ будутъ приняты тамъ, какъ нельзя хуже, что онѣ окончательно погубятъ его, и что для того, чтобы поправить дѣло, необходимо составить новую грамату

въ опроверженіе прежнихъ, и немедленно же поставить на Москву новаго архіерея, который бы былъ покорнымъ слугою Кирилла, каковымъ и можетъ быть привезенный имъ ставленникъ. Кириллъ объявилъ себя на все готовымъ и 8 мая подписалъ грамату, которая вся была направлена противъ тѣхъ документовъ, какіе вручены были имъ незадолго передъ этимъ московскимъ посламъ; въ этой новой граматѣ московскій духовный совѣтъ попрежнему объявлялся незаконнымъ, и всѣ распоряженія его неправильными; грамата Амвросія отъ 28 окт. попрежнему называлась подложною; окружное посланіе и пріемлющіе его предавались проклятію, мирныя граматы Кирилла, какъ подписанныя (будто бы) „нощію, понеже посланники его къ тому понуждали; которую строку читали, а которую пропускали“,—уничтожались какъ „обманныя и ложныя“, и напротивъ возстановлялись въ полной силѣ всѣ прежніе акты и распоряженія Кирилла.

Получивъ въ свои руки этотъ драгоцѣнный для себя, но позорный для Кирилла, документъ, Крючковъ занялся потомъ судьбою привезеннаго съ собою ставленника на московскій епископскій престолъ. Немедленно онъ перевезъ Антонія изъ Грубнаго въ Бѣлую Криницу, гдѣ этотъ послѣдній въ одномъ храмѣ секретнымъ образомъ и посвященъ былъ Кирилломъ во діакона. Но тутъ въ самомъ храмѣ всѣ участники этого дѣла застигнуты были въ расплохъ „людьми благонамѣренными“ Бѣлой Криницы, которые видѣли въ этомъ дѣлѣ много нехорошаго для своего согласія, и потому рѣшились воспрепятствовать ему. Правда, воспрепятствовать окончательно посвященію Антонія имъ не удалось, но за то они сей-часъ же потребовали отъ Крючкова, чтобы онъ немедленно убирался съ новопоставленнымъ діакономъ изъ митрополіи, что̀ Крючковъ и долженъ былъ сдѣлать. По удаленіи изъ Бѣлой Криницы, было найдено болѣе безопасное мѣсто, чтобы докончить дѣло посвященія Антонія. Но прежде этого онъ оставилъ пока Антонія снова въ Грубномъ,

а самъ отправился въ Москву, чтобы обнародовать тамъ полученную имъ отъ Кирилла грамату отъ 8 мая. Прибытіе его въ Москву было какъ нельзя больше во-время. Филаретъ и Пафнутій возвратились въ Москву съ мирными граматами незадолго передъ этимъ, и еще не успѣли обнародовать „мирной граматы“ Кирилловой. Явившись въ Москву и имѣя въ виду ослабить всякое впечатлѣніе отъ мирныхъ граматъ, Крючковъ немедленно распространилъ во множествѣ экземпляровъ привезенную съ собою грамату, самъ ѣздилъ съ нею по Гуслицкимъ селамъ и весямъ и читалъ ее во всеуслышаніе съ разнаго рода комментаріями (1).

Сдѣлавъ это, Крючковъ снова отправился въ Бѣлую Криницу, чтобы докончить дѣло посвященія Антонія. Мѣстомъ для этого посвященія избрано было селеніе Соколинцы или Соколницы, неподалеку отъ Сочовы, близъ Молдавской границы, куда переѣхали Крючковъ съ Кирилломъ, и сторонникъ Крючкова, протопопъ Филиппъ съ Антоніемъ изъ Грубнаго. И вотъ въ здѣшней церкви, отданной имъ въ распоряженіе тамошнимъ попомъ за 30 руб., или, какъ говорятъ: за „тридесять сребряницъ“, 24 іюня 1864 г. Кириллъ и совершилъ рукоположеніе Антонія сначала во священника, а потомъ и во епископа богоспасаемаго града Москвы. Послѣ всего этого, щедро одаривъ участниковъ дѣла (Кириллъ получилъ 1,000 р. сер.), Крючковъ отправился въ Москву уже съ новопоставленнымъ епископомъ (2). При прощаніи новому Антонію вручено было отъ Кирилла „архипастырское наставленіе“, въ коемъ Антоній уполномочивался вступить въ богодарованную ему епископію, и, пріявъ кормило ея, имѣть власть по всей епархіи: сооружати церкви Христовы, и во онѣхъ устрояти священное чиноположеніе, какъ: поставленіе чтецовъ, ру-

(1) Русск. Вѣстн. 1864 г. мартъ, стр. 39.

(2) Тамъ же, стр. 44—45.

коположеніе діаконовъ, производство въ достоинство пресвитеровъ и опредѣленіе духовныхъ отцовъ, и прочая вся, елико приснымъ и господствующимъ епископамъ творити подобно есть“ (1)...

Новый епископъ московскій въ половинѣ августа прибылъ въ епархію, и 29 числа въ первый разъ совершилъ архіерейское богослуженіе въ Москвѣ, у своего благодѣтеля М. М—ва; при этомъ онъ выказалъ вполнѣ свое невѣжество и безграмотность, такъ что заставилъ краснѣть за себя даже завзятыхъ раздорниковъ. Впрочемъ, не смотря на это, Крючковъ не постыдился повести Антонія въ Гуслицы для показа тамошнимъ старообрядцамъ, и изъ послѣднихъ нашлись люди, которые согласились признать его своимъ владыкою (2).

Пріобрѣтеніемъ отдѣльнаго раздорническаго епископа закончилась двухгодичная распря окружниковъ съ раздорниками. Теперь раздорники безъ особенныхъ затрудненій могли окончательно отдѣлиться отъ своихъ противниковъ; и это тѣмъ болѣе, что по существу дѣла враждебныя отношенія между обѣими партіями, сдѣлавшись извѣстными почти во всѣхъ уголкахъ старообрядческаго міра, зашли такъ далеко, что трудно было уже указать средній путь, по которому бы рука объ руку могли пойти и окружники и противоокружники.— Такъ напр. въ Балтѣ—мѣстопребываніи епископа Варлаама—старообрядцы уже были раздѣлены на двѣ враждебныя партіи, которыя получили свои особыя названія. Одни приняли окружное посланіе и ходили въ часовню, гдѣ служилъ Варлаамъ: эти назывались стуканцами, потому что передъ службою стучали въ доску, вмѣсто благовѣста; другіе, напротивъ, отдѣлились отъ епископа, не принимали посланія и не ходили въ часовню, а отправляли службу по хатамъ: эти называ-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1868 г. кн. 3, смѣсь, стр. 185.

(2) Совр. движ. въ раск. Москва, 1865 г. стр. 52.

лись хатниками. Обѣ партіи считали одна другую еретическими и совершенно чуждались другъ друга (1). Въ селеніи Плоскомъ тираспольскаго уѣзда и другихъ окрестныхъ мѣстахъ старообрядцы тоже были раздѣлены на двѣ партіи, и усмирить раздоры между ними не было никакихъ средствъ, тѣмъ больше, что къ партіи раздорниковъ принадлежали люди самые грубые и невѣжественные (2). Въ стародубскихъ слободахъ отъ этихъ раздѣленій не свободны были даже и отдѣльныя семейства, такъ что члены одной и тойже семьи, садясь за трапезу, молились по разнымъ угламъ, ѣли изъ разныхъ сосудовъ, и честили другъ друга именемъ „еретиковъ“ (3) и проч. Послѣ этихъ и подобныхъ фактовъ, имѣвшихъ своею видимою причиною окружное посланіе, и замѣтныхъ еще раньше поставленія Антонія новаго, совершенно будетъ справедливо, если мы поставленіе Антонія примемъ за фактъ распаденія австрійскаго согласія на двѣ партіи: окружниковъ и противоокружниковъ. Послѣдніе съ этого времени стали еще болѣе упорными и неуступчивыми въ своихъ отношеніяхъ къ первымъ. Теперь уже трудно было смутить ихъ какимъ бы то ни было невыгоднымъ для нихъ распоряженіемъ освященнаго собора, и даже самого митрополита Кирилла. Они смѣло говорили, что „намъ теперь ничего не надо, намъ епископъ поставленъ и ладно. А коли Кириллъ съ россійскими епископами соединился, то и онъ такой же еретикъ“ (4). Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ кореневскомъ монастырѣ одного только новопоставленнаго епископа Антонія и признавали за истиннаго пастыря, и его одного поминали на ектеніяхъ, а митрополита Кирилла и прочихъ епископовъ за истинныхъ пастырей не

(1) Русск. Вѣстн. 1865 г. май, стр. 409.

(2) «Разсказъ старообр. Богомолова объ его жизни въ раск.», Москва, 1866 г. стр. 21—22.

(3) Русск. Вѣстн. 1865 г. май, стр. 410.

(4) Совр. движен. въ раск., Москва, 1865 г. стр. 68.

признавали, а называли ихъ окружниками, еретиками и отступниками отъ церкви Христовой (1). Въ другихъ стали обнаруживаться факты насильнаго отнятія раздорниками у окружниковъ ихъ храмовъ и моленныхъ. Такъ случилось въ 1865 г. въ стародубскихъ слободахъ. До сего времени въ этихъ слободахъ окружники имѣли два моленныхъ храма; но въ этотъ годъ безъ особенныхъ уважительныхъ причинъ, потому лишь, что они не стояли за одно съ раздорниками, послѣдніе отняли у нихъ эти храмы и воспретили имъ входъ туда (2). Усиленію раздора между окружниками и противоокружниками какъ нельзя болѣе благопріятствовали и взаимныя отношенія самихъ московскихъ Антоніевъ. Отношенія эти частію имѣли личный характеръ, частію создались самымъ положеніемъ вещей. Новый Антоній „архипастырскимъ наставленіемъ“ Кирилла назначался быть единственнымъ правителемъ всей московской старообрядческой епископіи, тогда какъ тамъ уже былъ епископъ Антоній старый. Само собою понятно, что это прямо вело къ видимому между ними раздору. Ужиться въ одной епископіи двумъ епископамъ, неподчиненнымъ одинъ другому, и при томъ такимъ, изъ которыхъ каждый себя только считалъ законнымъ правителемъ этой епископіи, было дѣломъ по меньшей мѣрѣ труднымъ. И дѣйствительно, на самыхъ первыхъ порахъ появленія въ Москвѣ Антонія новаго началась между нимъ и Антоніемъ старымъ соблазнительная и бранчивая переписка на тему, кто изъ нихъ есть законный владыка московскій. Въ написанныхъ по этому поводу письмахъ каждый снимаетъ завѣсу съ прежней довольно безцвѣтной жизни своего противника, ко многимъ фактамъ изъ его жизни довольно остроумно подбираетъ тексты свящ. писанія и правила отеческія, и ко всему этому присовокупляетъ не мало пол-

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1868 г. кн. 3, смѣсь, стр. 171.
(2) Совр. Лѣтопись, 1868 г. № 6.

новѣсныхъ ругательствъ и язвительныхъ уподобленій. Вотъ что̀ напр. писалъ Антоній новый Антонію старому отъ 30 августа 1865 г.: „Союзомъ любви связуемы были апостолы: тако и намъ подобаетъ пребывати въ любви между собою и имѣть благое, а не жестокое сердце. Во благихъ сердцахъ и Богъ пребываетъ, и удаляется гордости; за гордость Господь Богъ не пощадѣ и архангела, сверже его съ небесъ; тако и ты, Антоній, подобенъ ему, за неповиновеніе власти духовной. Всякая власть, какъ духовная, такъ и свѣтская, отъ Бога есть; всякой власти, къ которой мы принадлежимъ, нужно повиноваться. А ты, Антоній, возгордился противъ своей власти, Богомъ поставленной, возгордился противъ законнаго своего архипастыря, пренебрегъ имъ и вышелъ изъ его повиновенія. Тебѣ нужно было бы почесть его, какъ старшаго митрополита, который посвятилъ тебя въ санъ святительскій“. Далѣе, разсказавши, какъ ему нужно было, исторію возведенія Антонія на московскій престолъ, и приписавши это тому, что Антоній (будто бы) ослѣпилъ златомъ Аѳанасія епископа саратовскаго и всѣхъ прочихъ простодушныхъ епископовъ, и „татски и щельми вопхался и возлѣзъ на московскій престолъ“, онъ продолжаетъ: „Погибнешь ты, владыко Антоній, чрезъ свое проклятое злато: Іуда былъ первый апостолъ у Христа, и тотъ погибъ чрезъ злато. Ты глаголешь, что на всякую губернію поставлю по епископу. Не восхищайся этимъ: ты поставишь епископовъ, не для мира церковнаго, но для большаго раздора и раскола, отъ которыхъ и теперь страждетъ наша святая церковь... Антоній! что ты о себѣ такъ высоко думаешь? Всѣ о тебѣ понимаютъ очень низко, какъ о самозванцѣ. Ты, какъ Гришка Отрепьевъ, который похитилъ московскій престолъ Дмитрія царевича, а ты похищаешь мой престолъ, порученный мнѣ промысломъ судьбы Божія. Я не татски влѣзъ на московскій престолъ, а избранъ законно московскими гражданами и посвященъ въ санъ святительскій на основаніи правилъ апостольскихъ госпо-

диномъ митрополитомъ бѣлокриницкомъ Кирилломъ... Тебя же всѣ признаютъ не за истиннаго архипастыря, но за хищнаго волка въ одеждѣ овчей, губящаго словесное стадо Христово... Прочитай со вниманіемъ, заключаетъ Антоній свое посланіе, сію бумагу, вникни попристальнѣе въ сущность ея содержанія, свѣрься съ Номоканономъ и правилами святыхъ отецъ и святыхъ апостолъ; затверди все это потверже въ своей памяти и расточи свое гибельное и проклятое злато, и тогда благодать Господа да будетъ съ нами... Аминь".

На это письмо Антоній старый отъ 4 сент. тогоже года отвѣчалъ такимъ образомъ. О Антоній! Почто мя гониши, почто клевещь на мя? Ты пишешь, чтобы я вспомнилъ смертный часъ. Мы всѣ смертные; писано бо есть: „и снидутъ во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ, посредѣ ихъ. А у васъ съ Муравьевымъ много есть лукавства. Вѣдь ты на Муравьевскія деньги купилъ себѣ архіерейскій чинъ: за твое поставленіе Крючковъ далъ митрополиту Кириллу 1,000 р., священнику Сысою за церковь 300 р., церковному старостѣ 150 р., чтецу 25 р. и еще кое-кому, какъ ты и самъ знаешь, 25 р., а всего стало ему, Крючкову, 1,500 р. серебр... Такимъ образомъ, не я татски и щельми влѣзъ на московскій престолъ, а ты, съ помощію Крючкова, влѣзъ въ санъ святительскій, а по милости Муравьева возведенъ на московскій престолъ. Всѣмъ извѣстно, что ты тайно бѣжалъ изъ моей епархіи и, пробравшись за границу, проживалъ тамъ въ монастырѣ у инокини, матери Евпраксіи, и послѣ того митрополитомъ Кирилломъ, безъ всякихъ свидѣтелей, поставленъ во епископа.. Ты яко тать влѣзъ въ мою епархію, и тамъ самопроизвольно епископствуешь; у Муравьева служишь купчихамъ заказныя обѣдни и поставляешь за деньги бѣглыхъ бродягъ во священники и діаконы, безъ воли мѣстнаго архіерея, а на какихъ правилахъ, и самъ не знаешь. Да какъ тебѣ и знать правила святыхъ отецъ, какъ человѣку полуграматному, когда ты не распозналъ кон-

дитерской лавки съ аптекою, и спрашивалъ въ кондитерской лекарства отъ кашля! Хорошъ архипастырь московскій и благовиденъ выборъ Крючкова съ Муравьевымъ! Меня утвердили на московскій престолъ и вручили мнѣ жезлъ архіерейскій не Крючковъ, или Муравьевъ, а восемь епископовъ при большомъ стеченіи московскихъ гражданъ. Ты пишешь, что я соблазнилъ златомъ Аѳанасія саратовскаго. На мертваго (1) все можно сказать, но онъ невиненъ... Ты меня оскорбляешь всякими лжами и клеветами невинно. Пророкъ глаголетъ: „ядый хлѣбы моя, возвеличи на мя пяту“. Сіи слова прямо относятся къ тебѣ, потому что ты ѣшь хлѣбъ моихъ прихожанъ, да и прихожане по своему невѣденію и слабоумію, дѣлаютъ глупо, что пріемлютъ тебя за епископа. Ты былъ и есть не что иное, какъ бѣглый инокъ и самозванецъ, котораго по правиламъ святыхъ отецъ должно предать изверженію. Ты сравниваешь меня съ самозванцемъ Гришкою Отрепьевымъ. Подумай прежде о себѣ, и сообрази свои дѣянія съ самозванцемъ. Ты болѣе на него походишь: Отрепьевъ былъ монахъ чудова монастыря, который, бѣжавши въ Польшу, назвалъ себя царемъ и, возвратившись въ Россію, съ помощію поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, завладѣлъ московскимъ престоломъ, и послѣ погибъ злою смертію: и ты также былъ монахъ кореневскаго монастыря, бѣжалъ въ Австрію, оттуда возвратился въ Россію епископомъ, и похитилъ у законнаго архіепископа московскій престолъ. Разница между вами небольшая: одинъ съ помощію поляковъ влѣзъ въ русскіе цари, а другой съ помощію Муравьева и Крючкова влѣзъ въ московскіе епископы... Ты велишь мнѣ затвердить потверже Номоканонъ и правила св. отецъ и св. апостолъ. Я давно уже затвердилъ ихъ, и отъ истины никогда не отступлю, а ты затверди потверже въ умѣ своемъ, что̀ значитъ аптека,

(1) Аѳанасій умеръ 8 марта 1865 года.

и что̀ значитъ кондитерская лавка. Я тебѣ поясню: въ аптекѣ отпускаютъ лекарства для больныхъ, а въ кондитерской продаютъ печенья и разныя конфекты для сластолюбцевъ.—Владыко Антоній! Оставь лучше свое епископство и отправься въ монастырь, къ матери своей Евпраксіи (1), или удались отъ своихъ клевретовъ и враговъ церкви Христовой: Крючкова, Муравьева, Пискарева и прочихъ распространителей раскола въ нашемъ христіанствѣ, ибо они и сами не вѣдятъ, что̀ творятъ; пріѣзжай въ нашъ духовный совѣтъ; смирися предъ всѣми епископы, какъ Христосъ смирилъ себя, ради спасенія нашего. Совѣтъ проститъ тебя, яко епископа раскаявшагося во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ, и санъ твой почтитъ прощеніемъ“ (2).

Въ пополненіе этихъ враждебныхъ отношеній двухъ Антоніевъ между собою необходимо нужно замѣтить и то, что Антоній новый еще раньше этого питалъ къ Антонію старому самыя непріязненныя отношенія, такъ что приходящихъ отъ него принималъ не иначе, какъ третьимъ чиномъ, т. е. какъ еретиковъ извѣстнаго разряда (3). Нужно полагать, что и Антоній старый платилъ своему противнику тѣмъ же.

Такимъ образомъ со времени поставленія Антонія новаго нестроенія и раздоры увеличились не только въ средѣ пасомыхъ, но даже и въ средѣ самихъ пастырей. Само собою разумѣется, что это было далеко не въ интересахъ австрійскаго согласія, и ревнители и радѣтели этого согласія изъ окружниковъ не могли поэтому отнестись равнодушно къ подобнаго рода явленіямъ. Въ фактѣ поставленія Антонія они видѣли много гибельнаго для своего согласія, и еще раньше, именно въ августѣ 1864 г., писали

---

(1) Инокиня бѣлокриницкаго женскаго монастыря, у которой останавливался Крючковъ во время своихъ поѣздокъ въ Бѣлую Криницу.

(2) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1868 г. кн. 3. смѣсь, стр. 171—180.

(3) Русск. Вѣстн. 1865 г. май, стр. 411.

заграничнымъ епископамъ между прочимъ слѣдующее: „вотъ до какого ослѣпленія дошелъ слабоумный нашъ правитель,... вся божественная повелѣнія и запрещенія ни во что вмѣнивъ, умысли сотворити конечное раздраженіе Христовой церкви, странно никако учреждая отдѣльную іерархію и прелюбодѣйственно ставя престолъ на престолъ. Оле горести и бѣды нестерпимыя! Каковъ соблазнъ христіанамъ и радость врагамъ“ (1). Въ этомъ замѣчаніи окружниковъ высказано очень много правды. Дѣйствительно, если кто больше всего виновенъ въ томъ упорствѣ, съ какимъ до сего времени дѣйствовали раздорники, такъ это именно Кириллъ, благодаря своимъ безразсуднымъ распоряженіямъ. Но какъ бы то ни было, только однимъ высказываніемъ горести и негодованія на Кирилла ревнителямъ раскола нельзя было ограничиться. Имъ нужно было позаботиться объ изысканіи средствъ къ прекращенію раздора и водворенію мира въ старообрядчествѣ. Къ этому они и направили свои усилія.

М. Монастыревъ.

---

(1) Совр. движ. въ раск. 1865 г., стр. 110—111.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

Христіанское Чтеніе. *Апрѣль*; *май — іюнь*. Читатель прежде всего встрѣчаетъ здѣсь окончаніе труда о. Сидонскаго—*Генетическое введеніе въ Православное богословіе*, въ которомъ находится шесть главъ. Первая (V) излагаетъ апостольскую проповѣдь о Христѣ между іудеями и язычниками и ея духовно-преобразующее вліяніе; вторая (VI)—богословское раскрытіе ученія о лицѣ Іисуса Христа и о св. Троицѣ въ древней церкви, при чемъ о. протоіерей кратко, но обстоятельно знакомитъ съ послѣдовательною исторіею древнихъ ересей и опредѣленіями вселенскихъ соборовъ; третья (VII) излагаетъ христ. ученіе о таинствахъ въ связи съ ученіемъ о церкви, искупленіи и благодати; четвертая (VIII)—христ. воззрѣніе на жизнь вѣчную и временную; въ пятой (IX) предложенъ обзоръ древнихъ языческихъ религій, магометанства и іудейства въ ихъ отношеніи къ христіанству; въ послѣдней (X) авторъ предлагаетъ замѣчаніе о православіи и инославныхъ исповѣданіяхъ. Эти лекціи уже вышли отдѣльнымъ изданіемъ и могутъ служить прекрасною книжкою для нашего сельскаго духовенства.—Проф. Глоріантовъ помѣстилъ продолженіе своего труда по классической литературѣ; познакомивши въ прежнихъ статьяхъ съ повѣствованіемъ Овидія о твореніи міра и человѣка, авторъ переходитъ къ *Повѣствованію Овидія о первобытномъ состояніи человѣчества и всемірномъ потопѣ, вмѣстѣ съ предсказаніемъ о послѣднемъ концѣ міра*. Авторъ въ разсказѣ Овидія о золотомъ вѣкѣ, смѣнѣ его серебрянымъ, мѣднымъ и наконецъ желѣзнымъ думаетъ видѣть образныя представленія, подъ которыми скрываются важныя библейскія истины о состояніи человѣческаго рода до потопа, о

потопѣ и будущемъ концѣ міра; такъ профессоръ въ гигантахъ Овидія видитъ строителей Вавилонской башни, въ Ликаонѣ—Ламеха, въ Девкаліонѣ—Ноя. Основная мысль автора, какъ видно, не новая и она проводилась еще авторомъ Библейской исторіи и Записокъ на книгу Бытія; въ настоящей статьѣ, конечно, обстоятельнѣе приводятся аналогическія черты въ сказаніяхъ библейскихъ и разсказѣ классическаго писателя.—Далѣе слѣдуетъ статья г. Гассіева *О коренныхъ недостаткахъ нынѣшняго обученія Закону Божію*. Недостатки эти авторъ указываетъ прежде всего въ томъ, что ученіе вѣры въ нашихъ учебникахъ излагается не аналитическимъ путемъ, который есть и педагогическій, а научнымъ—синтетическимъ, гдѣ начинаютъ съ опредѣленія и описанія качествъ Божіихъ, данныхъ въ опредѣленіи. „Въ педагогическомъ отношеніи, говоритъ авторъ, имѣетъ небольшую важность истолкованіе, объясненіе понятія слова „Богъ", а чрезвычайно важно возбужденіе или естественное самозарожденіе ясной религіозной идеи или вѣры въ высшее существо".. Намъ кажется обвиненіе авторомъ учебниковъ не совсѣмъ вѣрно; учебникъ не претендуетъ на „возбужденіе" религіозной идеи, это—дѣло не обученія, а религіознаго воспитанія; учебникъ есть какбы вершина аналитическаго процесса, совершаемаго другимъ факторомъ, итогъ или формулировка накопившихся отрывочныхъ представленій и неясныхъ чувствованій; начинать съ учебника не педагогично, но никто и не дѣлаетъ этого; ученикъ самой элементарной школы уже извѣстнымъ образомъ религіозно-воспитанная личность. Авторъ за тѣмъ указываетъ свой порядокъ первыхъ уроковъ З. Божія: нужно возбужденіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства чрезъ естественное разсматриваніе явленій міра, потомъ слѣдуетъ перейти къ возбужденію этого чувства чрезъ разсматриваніе фактовъ исторіи (свящ. исторія), при чемъ авторъ желаетъ эпизодическаго курса исторіи. Статья, кажется, не окончена и многое въ ней остается не уясненнымъ и трудный вопросъ религіознаго обученія зацѣпленъ далеко немногосторонне, а предложено только нѣсколько подходящихъ мыслей, не лишенныхъ интереса.—*Рождественскій вечеръ у славянъ*—статья свящ. Кудрявцева—представляетъ собою очеркъ бытовой жизни славянъ и имѣетъ частію этнографическій, частію религіозный интересъ. Авторъ составилъ этотъ очеркъ,

какъ онъ заявляетъ, по своимъ личнымъ наблюденіямъ и по относящейся къ этому предмету литературѣ. Съ появленіемъ вечерней звѣзды для однихъ изъ славянъ начинается такъ называемый *щедрый вечеръ*, а для другихъ вечеръ *бадняка* или *баднiй вечеръ*; „щедрый“ вечеръ называется такъ потому, что на немъ предлагается щедрое для всѣхъ угощеніе и щедро одѣляются всѣ приходящіе съ поздравленіями; „баднiй“ вечеръ названъ отъ слова „баднякъ“, а баднякомъ называется то дерево, которое славяне, на подобіе ёлокъ, зажигаютъ въ этотъ вечеръ. Авторъ описываетъ подробно, какъ славяне проводятъ этотъ канунъ праздника Рождества. — Далѣе слѣдуетъ: *О перстосложеніи противъ раскольниковъ*. Это — критико-библіографическій очеркъ по поводу „Бесѣдъ съ старообрядцами о перстосложеніи“, которыя велись въ Кишиневѣ. Авторъ начинаетъ съ замѣчанія, почему обширна литература этого вопроса и указываетъ причину этого во взглядѣ самихъ старообрядцевъ на это, какъ очень важное ученіе, — въ употребленіи чтимаго старообрядцами двуперстія нашимъ православнымъ простонародьемъ, наконецъ—въ нѣкоторой таинственности, въ какую облечено первоначальное происхожденіе двуперстія. По мнѣнію автора, кишиневскія „Бесѣды“ заключаютъ въ себѣ историческія данныя по вопросу о перстосложеніи извѣстныя и прежде, но представляютъ собою не мало новаго въ группировкѣ этихъ данныхъ, особенно въ ихъ освѣщеніи и объясненіи, равно и въ выводахъ изъ нихъ. Напр. авторъ „Бесѣдъ“ говоритъ, что было и одноперстіе и двуперстіе и троеперстіе одинаково предано апостолами (?), но когда одноперстіе сдѣлалось символомъ монофизитства, двуперстіе—несторіанства, церковь заповѣдуетъ троеперстіе. Выводъ, какъ замѣчаетъ авторъ обозрѣваемой статьи, смѣлый, но не неправдоподобный. Указываются и недостатки „Бесѣдъ“, правда не очень важные, но ихъ очень много: есть неправильности историческія, библіографическія и др.— *Искренность прошлогодняго народнаго движенія въ Англіи въ пользу турецкихъ славянъ* — есть извлеченіе изъ статьи англійскаго профессора Фримана. Здѣсь разсказывается переворотъ въ политическихъ воззрѣніяхъ англичанъ, произведенный извѣстіями о „болгарскихъ ужасахъ“, описывается единодушіе движенія въ пользу славянъ, во главѣ котораго стояла либеральная партія, и туркофильство партіи

консервативной и сочувствіе ей въ военныхъ и дипломатическихъ кружкахъ Лондона, особенно туркофильство антихристіанскихъ классовъ. Проф. Фриманъ указываетъ, что либералы сдѣлали свое дѣло — сдѣлали невозможнымъ для лорда Биконсфильда броситься въ войну съ Россіею. Статья заканчивается заявленіемъ, что дѣла на востокѣ въ тяжеломъ положеніи. — *Вавилонско-ассирійское сказаніе о твореніи міра*, г. Елеонскаго,—статья, знакомящая съ тремя отрывками найденныхъ въ библіотекѣ Ассурбанипала таблицъ, обнародованными Смитомъ и повѣствующими о твореніи міра. Авторъ представляетъ текстъ этихъ отрывковъ и объясняетъ ихъ содержаніе. Англійскій ассиріологъ (Смитъ) находитъ основаніе признать разсматриваемое сказаніе совершенно согласнымъ съ библейскимъ повѣствованіемъ о твореніи; но, по мнѣнію г. Елеонскаго, не смотря на высокій авторитетъ изслѣдованій Смита, мысль о полномъ согласіи библейскаго сказанія о твореніи съ вавилонскимъ и о происхожденіи перваго изъ послѣдняго не можетъ быть принята въ наукѣ какъ доказанная: сходство ограничивается немногими частностями и совершенно не простирается на сущность; поэтому библейское сказаніе о твореніи независимо отъ вавилонскаго и мѣсто его рожденія съ бо́льшимъ правдоподобіемъ м. б. указано въ семьѣ первозданнаго человѣка.—Далѣе слѣдуетъ статья г. Т. Барсова *Объ участіи государственной власти въ дѣлѣ охраненія древней вселенской церкви и ея вѣры*. Вопросъ, затрогиваемый авторомъ, интересенъ конечно въ виду разсужденій печати послѣдняго времени о свободѣ совѣсти и значеніи государственной власти въ дѣлѣ охраненія церкви и ея вѣры. И тогда какъ защитники и противники свободы совѣсти высказывали свои собственныя соображенія, г. Барсовъ выступаетъ теперь какъ историко-канонистъ, рѣшается говорить фактами и подлинными историческими свидѣтельствами. Авторъ прежде всего выходитъ изъ вопроса—есть ли потребность въ охранительныхъ мѣрахъ государства для церкви, какъ божественнаго, духовнаго учрежденія? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. И потомъ въ практикѣ христ. церкви видитъ авторъ примѣры обращенія ея пастырей къ содѣйствію власти гражданской, и подтверждаетъ это многими фактами и свидѣтельствами соборовъ антіохійскаго, карѳагенскаго, никейскаго 1-го,

халкидонскаго. Обращаясь къ государственной власти, соборы и св. отцы церкви, ходатайствовали только объ охраненіи внѣшняго мира и безопасности церкви, объ устройствѣ ея судьбы, обузданіи ея враговъ и не желали вмѣшательства свѣтской власти во внутреннія дѣла церкви и насильственномъ распространеніи первою истины послѣдней. Часто, по указанію автора, византійскіе государи не стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ относительно церкви и не знали предѣловъ въ своихъ предпріятіяхъ на защиту церкви; побужденіемъ своимъ въ послѣднемъ случаѣ государи имѣли любовь къ Богу и желаніе Ему угодить.—Переходимъ къ интересной статьѣ проф. Хвольсона: *Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти.* Она составлена по поводу критики арх. Виталія Гречулевича на статью г. Хвольсона, помѣщенную подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Христ. Чтеніи 1875 г. Читатели нашей библіографіи знакомы вкратцѣ со статьями какъ г. Хвольсона, такъ и о. Виталія. Критика послѣдняго произнесла строгій приговоръ надъ выводами гебраиста, который теперь и спѣшитъ отвѣтить своему противнику. Онъ прежде всего вкратцѣ повторяетъ главныя положенія своей первой статьи и заявляетъ, что въ ней „простымъ и основаннымъ на историческихъ данныхъ рѣшеніемъ многихъ противорѣчій и необъяснимыхъ загадокъ онъ оказалъ услугу богословской наукѣ“. Понятно, какое должно быть разочарованіе ученаго, когда о. Виталій, который во многихъ предположеніяхъ профессора увидалъ—„величайшую дерзость“, „дерзкое святотатство“, „отчаянное, неподчиняющееся никакой логикѣ предположеніе, нелѣпое и для христіанскихъ убѣжденій возмутительное измышленіе“ и т. под. Передавать даже вкратцѣ критику и антикритику пунктуально невозможно для библіографа, ибо пришлось бы дѣлать почти дословную выписку. Изъ всѣхъ пунктовъ полемики интересенъ болѣе другихъ слѣдующій. Г. Хвольсонъ, видя противорѣчіе между синоптиками и Іоанномъ (Мѳ. 26, 17; Марк. 14, 12; Лук. 22, 7), изъ которыхъ по первымъ первый день опрѣсночный падаетъ на 15-е нисана, а по второму—вкушеніе Христомъ пасхи совершено вечеромъ 13-го нисана, строитъ гипотезу, что въ текстѣ синоптиковъ вѣроятно пропущены переписчикомъ четыре буквы—*крбу* и напр. у Мѳ. 26, 17 нужно читать: „первый день опрѣсночный прибли-

зился, и приблизились ученики къ Іисусу и сказали“ и проч. Подобную то гипотезу о. Виталій и называетъ дерзкимъ святотатствомъ. Почтенный профессоръ усиливается защитить себя длиннымъ указаніемъ разныхъ случаевъ опущенія и прибавокъ, встрѣчающихся въ текстѣ нашихъ евангелій на основаніи разныхъ древнихъ списковъ. Намъ думается, что споръ этотъ можетъ быть безконечнымъ; что варіанты есть—это конечно фактъ; но профессоръ долженъ указать хоть бы одинъ экземпляръ древняго текста, гдѣ встрѣчается два раза слово *крбу*; этого онъ не дѣлаетъ и всѣ его гипотезы будутъ встрѣчать veto въ глазахъ строгихъ ревнителей существующаго текста и онъ конечно отлично знаетъ, что a posse ad esse consequentia не всегда valet. Книжка кончается статьею г. N: *Три брошюры московскаго единовѣрческаго іеромонаха о. Пафнутія*. Брошюры эти напечатаны были первоначально въ „Чтеніяхъ моск. Общества исторіи и древностей россійскихъ“, гдѣ о. Пафнутій заговорилъ противъ членовъ братства м. Петра въ Москвѣ и изданія братства—Братскаго Слова,—заговорилъ такъ, что въ глубокомъ нерасположеніи его къ братству и особенно къ нѣкоторымъ изъ его членовъ не можетъ быть больше ни малѣйшаго сомнѣнія. Дѣйствительно въ брошюркахъ о. Пафнутія встрѣчается цѣлый рядъ нападеній на сотрудниковъ Братскаго Слова; здѣсь указывается, будто этотъ журналъ вмѣсто того, чтобы говорить „церковно-историческую правду“, занимается мелочами и допускаетъ въ своихъ статьяхъ однѣ „казуистическія натяжки“ обидныя для старообрядцевъ. Г. N въ настоящей статьѣ поставляетъ цѣлію не столько защитить память Братскаго Слова, сколько показать, что самъ о. Пафнутій не свободенъ отъ „казуистическихъ натяжекъ“ и „двусмысленныхъ выводовъ“. Это доказывается разборомъ его мнѣнія о содержащемся въ Стоглавѣ опредѣленіи относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Впрочемъ, вопроса о достоинствѣ брошурокъ о. Пафнутія мы коснемся еще нѣсколько подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ, когда будемъ давать отчетъ о послѣдней вышедшей книжкѣ журнала „Братское Слово“, въ коей вопросу этому посвящена болѣе обширная статья профессора Субботина.

Труды кіевской духовной академіи. *Мартъ и апрѣль*. Въ статьѣ г. Олесницкаго: *Святая земля*, стоящей въ пер-

вомъ мѣстѣ мартовской книжки описывается древняя Кесарія палестинская и находящіяся въ ея окрестностяхъ развалины двухъ древнихъ городовъ: палестинскаго Крокодилополиса и Атлита. Г. Крокодилополисъ находился между Іоппіей и Птолемандой на одной изъ небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ средиземное море. Онъ основанъ былъ переселенцами изъ Крокодилополиса египетскаго, привлеченными сюда необыкновеннымъ плодородіемъ почвы, но прекратилъ свое существованіе въ очень давнее время. Во времена Страбона онъ былъ уже въ развалинахъ. „Въ настоящее же время—по словамъ г. Олесницкаго—даже развалинами нельзя назвать слѣдовъ этого города; они совершенно истаяли отъ времени; видны основанія какой-то впрочемъ позднѣйшей башни и слѣды мозаики. Собственно же египетскихъ остатковъ не сохранилось". Гораздо значительнѣе развалины Кесаріи, и неудивительно, такъ какъ городъ этотъ прекратилъ свое существованіе только въ 1291 г., будучи разрушенъ султаномъ Калиломъ. Городъ этотъ основанъ былъ Иродомъ великимъ и еще въ христіанскій періодъ своего существованія былъ очень значителенъ, какъ по обширности, такъ и по важности своихъ памятниковъ. Въ IV в. здѣсь показывали купель, въ которой ап. Петръ крестилъ сотника Корнилія съ семействомъ; домъ благовѣстника Филиппа и его четырехъ дочерей пророчицъ и темницу, въ которой былъ заключенъ ап. Павелъ. Въ средніе вѣка здѣсь указывали домъ, въ которомъ состоялся соборъ 195 г., опредѣлившій время празднованія пасхи, домъ, въ которомъ жилъ Оригенъ во время своего пребыванія въ Кесаріи, также домъ Памфила и Евсевія, образовавшихъ здѣсь первую христіанско-богословскую школу и первую христіанскую библіотеку, имѣвшую такіе размѣры, что ея было достаточно Евсевію для написанія его исторіи" (461). Всего этого теперь уже нѣтъ, но все-таки въ существующихъ развалинахъ Кесаріи остается еще много замѣчательнаго и достойнаго изслѣдованія. Далѣе г. Олесницкій описываетъ развалины средне-вѣковой крѣпости пилигриммовъ, Costellum peregrinorum, находящіяся въ нынѣшней арабской деревнѣ Атлитъ. Развалины эти довольно значительны и указываютъ нѣкоторыми своими особенностями на существованіе здѣсь построекъ финикійскаго происхожденія. Слѣдующая затѣмъ статья Кипріановича: *„Бруно, архіепископъ кельнскій"* есть

біографическій очеркъ этого замѣчательнаго представителя западной католической церкви X в. Бруно былъ младшимъ сыномъ нѣмецкаго короля Генриха Птицелова, родился въ 925 г. и воспитывался подъ руководствомъ Бельдерика, епископа утрехтскаго. Сказавъ въ началѣ статьи, что можно было сказать объ этомъ воспитаніи Бруно, авторъ далѣе довольно подробно описываетъ жизнь его, въ двухъ отдѣлахъ. Въ первомъ онъ описываетъ жизнь Бруно при дворѣ Оттона I, его дальнѣйшее воспитаніе здѣсь, его дѣятельность въ званіи канцлера, его дѣятельность по управленію нѣкоторыми монастырями и по возстановленію палатинской школы; во второмъ описываетъ избраніе Бруно на кельнскую архіепископскую каѳедру и политическую дѣятельность его въ санѣ архіепископа. За статьею Кипріановича слѣдуетъ продолженіе *Исторіи салонскихъ и силѣтскихъ епископовъ Ѳомы архидіакона силѣттскаго*, переведенной Красовскимъ. О переводѣ этомъ мы упоминали уже неоднократно въ прежнихъ обозрѣніяхъ. Слѣдующая затѣмъ статья подъ заглавіемъ: *Южно-русскія легенды* принадлежитъ пр. Петрову и названа библіографическою замѣткою. Она впрочемъ имѣетъ довольно значительный объемъ и очень солидное содержаніе. Авторъ написалъ ее по поводу появившейся въ прошломъ 1876 г. въ Кіевѣ книги подъ заглавіемъ: „Малорусскія народныя преданія и разсказы, сводъ Мих. Драгоманова“. Сборникъ этотъ изданъ былъ югозападнымъ отдѣломъ императорскаго русскаго географическаго общества и представляетъ своимъ содержаніемъ важный этнографическій матеріалъ. Г. Петровъ въ своей статьѣ дѣлаетъ опытъ ученой разработки этого матеріала. Онъ сравниваетъ помѣщенныя въ указанномъ сборникѣ легенды съ великорусскими и находитъ, что онѣ произошли изъ одинаковыхъ источниковъ, а именно, что какъ въ великорусскихъ, такъ и въ малорусскихъ бродячихъ повѣстяхъ можно различать 1) непосредственно заимствованныя русскими у восточныхъ народовъ; 2) перешедшія въ Россію чрезъ Византію и 3) перешедшія сюда изъ западной Европы. Авторъ доказываетъ это подробно многочисленными примѣрами. Затѣмъ въ мартовской книгѣ Трудовъ Кіевской Академіи помѣщены еще *Слово въ пятокъ первой недѣли великаго поста* Пѣвницкаго; *Отчетъ церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи за 1876 г.* и въ приложеніи *Описаніе рукописей*

Петрова. Въ апрѣльской книжкѣ идетъ продолженіе статьи Ѳ. Рождественскаго: *Самуилъ Миславскій, митрополитъ кіевскій*. Статья эта имѣетъ тѣ же достоинства, какъ и предшествовавшая, о которой мы уже говорили. Она написана на основаніи главнымъ образомъ мѣстныхъ архивныхъ документовъ, еще неизданныхъ и потому для изслѣдователей новой русской церковной исторіи можетъ имѣть значеніе важнаго источника. Въ предлагаемой статьѣ авторъ описываетъ дѣятельность Самуила при введеніи въ кіевской епархіи такъ называемыхъ штатовъ, которому предшествовало обращеніе въ казну церковныхъ земельныхъ имѣній. Дѣло это было очень сложное и щекотливое и Самуилъ дѣйствовалъ при его выполненіи какъ пастырь просвѣщенный и преданный интересамъ государства и церкви. Кромѣ того дѣятельность Самуила по управленію епархіей ознаменовалась и другими полезными мѣрами, предпринятыми и осуществленными имъ по собственному почину. Авторъ описываетъ мѣры принятыя имъ къ улучшенію управленія духовенствомъ и надзора за нимъ, выразившіяся въ уничтоженіи излишнихъ правленій и учрежденіи благочинническої должности, мѣры къ замѣщенію вакантныхъ мѣстъ и къ матеріальному обезпеченію духовенства и нѣкоторыя другія. Вторая статья: *Опытъ историческаго изслѣдованія о числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX в. Чудецкаго* также имѣетъ значеніе довольно важнаго матеріала для изслѣдователей русской церковной жизни новаго времени. Авторъ излагаетъ по порядку факты, въ которыхъ выразилось отношеніе русскаго гражданскаго правительства къ монастырямъ, начиная съ царствованія Петра. Факты собраны авторомъ изъ самыхъ разнообразныхъ и дробныхъ источниковъ. Въ концѣ статьи помѣщено два приложенія, изъ коихъ въ первомъ представленъ списокъ монастырей упраздненныхъ въ XVIII и XIX в., при чемъ перечислены всѣ упраздненные монастыри поимянно. Во второмъ приложеніи представлена числовая вѣдомость о закрытыхъ монастыряхъ; изъ нея видно, что въ $1^1/_2$ столѣтія закрыто 822 монастыря, 660 мужскихъ и 162 дѣвичьихъ. Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ Воронова: *Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія* изслѣдуются источники славянскаго происхожденія, а именно 1) похвальныя слова свв. Кириллу и Мефодію, 2) статья, извѣстная подъ

названіемъ: успеніе св. Кирилла, 3) пространныя житія и 4) древнія глаголическія службы Кириллу и Меѳодію римско-католическаго обряда. Службы эти, новлянская и люблянская, изданы авторомъ въ особомъ приложеніи къ своей статьѣ въ русской транскрипціи съ нѣкоторыми поясненіями и важнѣйшими варіантами. Всѣ перечисленныя источники оказываются, по изслѣдованію автора, уже второстепенными, стоящими въ болѣе или менѣе полной зависимости отъ первоначальныхъ греческихъ, разсмотрѣнныхъ имъ въ предъидущихъ статьяхъ. Кромѣ указанныхъ статей въ разбираемой книжкѣ Трудовъ помѣщены: два слова Стефана *Яворскаго*, *благодарственное о взятіи Слютенбурга* и *на воспоминаніе торжественныя викторіи полтавскія*. Затѣмъ въ указанной книгѣ помѣщены *Извѣстія церковно-археологическаго общества* и *Описаніе рукописей* Петрова.

Душеполезное Чтеніе. *1877 г. Январь—апрѣль.* Душеполезное Чтеніе продолжаетъ выходить въ томъ же духѣ и направленіи, и главные сотрудники его тѣже, что и въ прошломъ году. Преосвященный Ѳеофанъ безостановочно доставляетъ редакціи свои толкованія. Въ названныхъ книжкахъ *изъ втораго посланія ап. Павла къ коринѳянамъ* закончено изъясненіе 1-й главы (съ 12 ст.) и затѣмъ объяснены главы вторая и третья. Кромѣ того преосвященный Ѳеофанъ началъ печатать свои новыя работы. Такъ въ февральской книжкѣ мы встрѣчаемъ его статью подъ заглавіемъ: „*Жизнь преподобнаго Симеона новаго богослова*“, жившаго въ концѣ X и началѣ XI в. Біографія эта предпосылается переводу словъ преп. Симеона, сдѣланному преосвященнымъ съ новогреческаго языка. Изъ этихъ словъ напечатаны три въ мартовской книжкѣ и два въ апрѣльской. Редакція, принявъ на страницы своего журнала этотъ переводъ, предварила его слѣдующею замѣткою: „По духу и изложенію слова Симеона представляетъ много сходнаго съ бесѣдами св. Макарія. Догматическія и нравственно-подвижническія наставленія въ нихъ соприкасаются взаимно. Рѣчь, при всей глубинѣ разсужденія, простая, внушительная. О достоинствѣ перевода слѣдуетъ сказать, что онъ ведется опытнымъ знатокомъ не только новогреческаго языка, но и духовно-созерцательной жизни, составляющей главный предметъ писаній преп. Симеона. Богатый вкладъ въ русскую духовную литературу, въ которой извѣстно очень немногое изъ многихъ

писаній этого поистинѣ новаго богослова"! (февраль, стр. 188). *Путь живота и путь смерти*, П. К., Слово на новый годъ изъ текста: *Сія глаголетъ Господь: се даю предъ вами путь живота и путь смерти* (Іерем. 31, 8). Путь живота — это путь Христовъ, путь живой вѣры въ него и исполненія св. его заповѣдей. Но новый годъ Господь даетъ не только какъ путь живота, но и какъ путь смерти. Каждая минута новаго года есть для насъ новый шагъ ко гробу; одинъ за другимъ будутъ исчезать дни нашей жизни и все короче и короче будетъ становиться время нашего пребыванія на землѣ и т. д. *Обращеніе императора Константина великаго въ христіанство*, А. Лебедева. Статья эта состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одну можно назвать положительною, а другую отрицательною. Въ первой исторія обращенія Константина излагается такъ, какъ она разсказана у Евсевія, во второй подвергаются критикѣ возраженія противъ достовѣрности Евсевіева повѣствованія нѣкоторыхъ протестантскихъ и католическихъ историковъ,— Неандера, Кейма, Брольи и др. *О повиновеніи духовнымъ наставникамъ*, слово прот. Нечаева. Долгъ повиновенія духовнымъ наставникамъ требуетъ, чтобы мы были внимательны къ ихъ наставленіямъ общественнымъ и частнымъ, старались руководствоваться ими въ жизни, смиренно выслушивали отъ наставниковъ обличенія, добросовѣстно слѣдовали ихъ совѣтамъ въ жизни духовной, безропотно несли назначаемыя ими епитиміи и проч. Почтенный редакторъ вообще весьма много работаетъ для своего журнала. Такъ въ январской же книжкѣ, кромѣ указаннаго сейчасъ слова, помѣщены имъ еще слѣдующія статьи: *Дѣлатель непостыдный*,—слово въ память архіеп. Леонида, *Наши язычники и мытари*, слово на праздникъ братства св. Петра митрополита 21 декабря 1876 г. Здѣсь проповѣдникъ подъ именемъ язычниковъ и мытарей рисуетъ нашихъ раскольниковъ. *Мантія монашеская и архіерейская*, слово предъ отпѣваніемъ архіеп. Антонія (бывшаго пермскаго). Антоній незадолго до своей смерти поселился въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ и скончался 21 декабря 1876 г. Призванный почтить усопшаго надгробнымъ словомъ, нашъ проповѣдникъ, будучи совсѣмъ незнакомъ съ личностью покойнаго, избралъ темою для своей проповѣди разсужденія о значеніи мантіи монашеской и архіерейской. Статьи редак-

тора, въ одномъ и томъ же—проповѣдническомъ тонѣ, встрѣчаются и въ слѣдующихъ книжкахъ. Таковы: *Пререкаемое знаменіе*, слово въ день Срѣтенія Господня, *Стыдъ грѣха*, слово въ недѣлю мытаря и фарисея (февраль), *Нечестіе и покаяніе Манассіи*, благочестиво-назидательное размышленіе по поводу молитвы этого іудейскаго царя, читаемой на великомъ повечеріи, — при чемъ сообщаются и свѣдѣнія о жизни Манассіи (мартъ) и *Мечъ духовный*, т. е. Слово Божіе, какъ надежное средство въ борьбѣ съ разнообразными искушеніями (апрѣль). *Протоіерей Алексѣй Васильевичъ Бѣлоцвѣтовъ*, іером. Алексія П—ва. Имя о. Бѣлоцвѣтова сдѣлалось въ послѣднее время извѣстнымъ въ духовной литературѣ по прекраснымъ его проповѣдямъ для простаго народа. Критика одобрительно привѣтствовала ихъ при первомъ же ихъ появленіи. В. И. Аскоченскій приравнялъ ихъ къ знаменитымъ проповѣдямъ протоіерея Путятина. Нельзя не пожалѣть поэтому о ранней его кончинѣ. Онъ скончался на 38 г. своей жизни 27 сентября 1876 г. Редакція вѣроятно имѣетъ еще запасъ поученій покойнаго проповѣдника; потому что послѣ уже напечатанія его некролога она помѣстила восемь его поученій *о судьбахъ церкви Божіей ветхозавѣтной* (февраль и апрѣль). *Службы приготовительныя къ великому посту въ переложеніи съ греческаго на русскій языкъ, съ предварительными свѣдѣніями о тріоди*, свящ. М. Боголюбскаго. Изъ этихъ службъ переведены слѣдующія: въ недѣлю мытаря и фарисея (январь), въ недѣлю блуднаго сына, въ субботу мясопустную (февраль) и въ недѣлю мясопустную (мартъ). Остальныя статьи январской книжки слѣдующія: *О грѣхахъ словомъ*, П—а, маленькое благочестиво-назидательное размышленіе, *Черта изъ жизни архіепископа Леонида*, *Образчикъ грубаго суевѣрія*, состоящій въ томъ, что многіе изъ московскихъ торговцевъ вдѣлываютъ въ пороги своихъ магазиновъ лошадиную подкову, какъ талисманъ, обезпечивающій счастливую торговлю,— *Два письма митрополита московскаго Филарета къ бывшему оберъ-прокурору св. Синода графу А. П. Толстому*... Съ *февральской* книжки начинается печатаніе довольно обширнаго изслѣдованія подъ заглавіемъ: *Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка*, П. Одинцова. Содержаніе этого изслѣдованія и оцѣнку его ученыхъ достоинствъ мы представимъ нашимъ чита-

телямъ, когда оно будетъ напечатано все. *Пустыни св. земли*, Н. Елеонскаго, статья ученая и читающаяся съ интересомъ. Авторъ напечаталъ уже не мало очерковъ въ томъ родѣ. Статьи *мартовской* книжки: *Лукавое мудрованіе древоугодниковъ*, слово Сергія, еп. курскаго, *Величаніе Богоматери*, слово Платона, архіеп. костромскаго, *Воспоминаніе объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ*, П. Казанскаго. Послѣдняя статья очень интересна, такъ какъ знакомитъ насъ съ личностію, игравшею довольно крупную роль въ исторіи нашей церкви въ самое недавнее время. Главною мечтою жизни Андрея Николаевича было сдѣлаться оберъ-прокуроромъ св. Синода. Ему казалось, что для этой должности онъ предназначенъ свыше. Мечта эта не сбылась. „Люди не допускаютъ меня, говорилъ онъ, быть оберъ-прокуроромъ, но предназначеніе не мимо идетъ: меня и теперь слушаютъ и патріархи и митрополиты“ (стр. 371). *Резолюціи митрополита московскаго Филарета*, заканчиваетъ мартовскую книжку. Изъ статей *апрѣльской* книжки доселѣ неупомянуты: *Изъ исторіи христіанскаго мученичества въ первые три вѣка*, М. Х., переводъ изъ Прессансе. Здѣсь разсказывается исторія мученичества Перепетуи, карѳагенской богатой гражданки. *Одна изъ бесѣдъ священноиноха Прокопія къ старообрядцемъ, пріемлющимъ австрійское священство, происходившая въ г. Обояни, курской епархіи, въ 1876 г.* Въ исторіи полемики съ расколомъ статья эта ничего новаго и оригинальнаго не представляетъ.

пословица писати ј глати". Въ составъ этой статьи входятъ раздѣленіе просодій, особенное значеніе просодій для каллиграфовъ, имена просодій и правила ихъ употребленія.

2—8 л. „Начало буквъ по орѳографіи". Здѣсь первоначально обозначены въ алфавитномъ порядкѣ слова, долженствующія быть сокращенными, затѣмъ слова, въ коихъ встрѣчается: „двоегласное во единыхъ лежаще. троегласное во единыхъ". Въ заключеніи говорится о тонкогласныхъ и дебелогласныхъ и о правилахъ употребленія надстрочныхъ знаковъ.

8 л. об.—9. „Книга глемая алфавитъ, начало имущаа сказаніе въ кратце, еже что ради наричется словенская грамота, и еже отъ коего колѣна Русь ј вколика имена раздѣлишася словене". Начало сказанія буквально взято изъ лѣтописи Нестора (1), и только конецъ сказанія принадлежитъ другому автору. Въ сказаніи, согласно съ Несторомъ, излагается краткая исторія славянъ, происшедшихъ отъ сына Ноева, Іафета, и получившихъ различныя наименованія отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ они поселились. Лишнее, сравнительно съ указаніемъ Несторовой лѣтописи, состоитъ въ указаніи наименованій странамъ, рѣкамъ и иноязычникамъ, живущимъ около великой Перми. Рѣки поименованы съ показаніемъ, откуда берутъ свое на-

(1) См. Полное собр. русскихъ лѣтописей т. 1. стр. 4—5.

чало, куда впадаютъ, какое протекаютъ протяженіе. О рѣкахъ, окружающихъ древнее казанское царство, сказано: „Кама потече на югъ, обходитъ землю татарскую, идѣже впаде въ нее Вятка рѣка, выше Казани ри верстъ, а Кама впаде въ Волгу, ниже Казани з верстъ“.

9—12 л. „О еже гдѣ каяждо просодія достоитъ писати и глати“. Сюда входятъ грамматическія правила употребленія оѯіи, варіи, каморы, краткой, долгой, острой, апострофа, ѡ звательнаго, ертицы, кендемы, титла.

12 л. „О этимологіи“, излагающей правила употребленія знаковъ препинанія.

13—15 л. „Сказаніе о осьми частяхъ рѣчи“, изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ.

15 л. „Из книги стаго Іоанна Дамаскина о осми частехъ слова въ кратцѣ, понужная избрана здѣ“—коротенькая выписка изъ переводной грамматики Іоанна Дамаскина, въ коей опредѣляются понятія осьми частей рѣчи и указываются примѣры. Нужно замѣтить, что между сочиненіями Іоанна Дамаскина, ни по изданіямъ, ни по рукописямъ, грамматики не встрѣчается. Цѣльная грамматика, приписываемая Іоанну Дамаскину, въ переводѣ Іоанна, эксарха болгарскаго, представляетъ краткія, элементарныя грамматическія понятія, которыя всѣ встрѣчаются еще въ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго (1).

---

(1) См. въ Описаніи рукоп. Москов. Синод. Библ. Отд. II. ч. 2 стр. 311—312.

15 л. об.—18. „Предисловіе лексику неудобьразумѣваемыхъ рѣчей“, буквально сходное съ предисловіемъ Алфавита № 14.

19 — 196 л. слѣдуетъ Алфавитъ подъ заглавіемъ: „Книга глемая Алфавитъ, содержащая въ себѣ толкованіе иностранныхъ рѣчей, иже обрѣтаются во стыхъ кнгахъ непреложены на руский языкъ“. Составитель этого Азбуковника въ своемъ словарѣ не держался даже того порядка въ словахъ, какой старались соблюсти составители описанныхъ уже нами Алфавитовъ. Здѣсь не обращается вниманія на послѣдовательность ни гласныхъ, ни согласныхъ первыхъ буквъ.

Съ 198 л. начинаются приложенія. встрѣчавшіяся въ другихъ спискахъ Алфавитовъ, каковы:

198 л. „О верхней силѣ еллинстѣй“.

— „Греческія рѣчи“.

199 л. „Счетъ по гречески“.

199 л. об. „Имена саномъ великія цркви по гречески“.

199 л. об.—200. Имена: написавшаго Діоптру, Моисея, персидскимъ волхвамъ и проч.; различныя краткія замѣчанія, какъ: „Еулие толковое воскрное преложилъ Константинъ философъ въ лѣто ѕѕѡѳа“. ($\frac{6851}{1343}$). Востоковъ, касаясь этого свѣдѣнія, найденнаго имъ въ одномъ изъ Азбуковниковъ Румянцевскаго Музеума, говоритъ: „здѣсь собиратель не хотѣлъ ли сказать: ѡѳа (851) отъ Р. Х., а ошибкою прибавилъ ѕ (шесть тысячъ)? Или же рѣчь идетъ о другомъ какомъ Константинѣ философѣ, который въ $\frac{6851}{1343}$ го-

ду перевелъ толковое евангеліе? (1). На слѣдующей страницѣ того же листа въ описываемомъ нами Алфавитѣ помѣщено новое свѣдѣніе о переводѣ толковаго воскреснаго евангелія съ греческаго на русскій языкъ уже не въ 1343 году, а ранѣе, въ ѯцеі ($\frac{6815}{1297}$) г.

201 л. об.—202. „Вопросы и отвѣты о невѣдомыхъ вещехъ"—объясненіе символическихъ изображеній у креста Господня и на иконѣ Сошествія Св. Духа.

202 л. „Что есть пять чювьствъ дшевныхъ и пять чювьствъ тѣлесныхъ".

— „Изъ синоксаря въ чет. з нли по пасцѣ".

— „Правило Аѳанасія іерлимскаго о наузѣхъ и о стрѣлѣ громнѣй".

202 л. об.—206. „Изъ книги блженнаго Аѳанасія александрійскаго: Вопросъ что ради попусти Бгъ і казни на фараона цря египетска"?

206 л. „Изъ книги бытия".

Послѣ этихъ статей въ рукописи съ 124—336 л. помѣщена ариѳметика съ довольно обширнымъ предисловіемъ, выясняющимъ значеніе математики, ея исторію и составъ. Значеніе математики, или, какъ она извѣстна автору, ариѳметики, опредѣляется тою пользою, какую приноситъ она изучающему ее. Вотъ что говоритъ о себѣ сама математика въ этомъ предисловіи: „аще бо есмь и наученіемъ люботрудна, но постиженіемъ златострунна, еллинскимъ

(1) См. Описаніе рукописей Румянц. Музеума стр. 3.

языкомъ нарицаюся ариѳметика, сладчайшимъ же ми, рекше словенскимъ, численица. Понеже многочисленныя науки разумѣти научаю, и праваго сочетованія расказати наставляю, и вскорѣ о всякомъ числѣ великихъ статей и малыхъ обрѣтати сотворяю. j вездѣ всяко число вѣдомо учиняю, и на высоту небесную воспаряю, и тако превыспренняя исчитаю. въ широту земли простираю, и заочная дѣла исправляю. во глубину моря восхождаю, j водныя глубины прямо измѣряю, и путьшествие кораблемъ излагаю. Азъ во всѣхъ вселенныя гдрьствахъ всякия вещи цркия и боярскія, купецкия же и поселянскія, великия и малыя, честныя и слѣдныя своимъ досужествомъ разправляю и украшаю, и правое мѣрило во всемъ исполняю j всечиновное число мѣры j вѣсы и перечни громадныя совокупляю и раздѣляю, по свойству коемуждо достоитъ уставляю. и статию со статіею исполняю, и на доли раздѣляю, и долю къ долямъ прилагаю и доли изъ доли вычитаю, j вдроби всяко раздробляю... геометрия убо и астрономия мною ся направляетъ, мусикия гласа степени стояния и стопы движенія мною мѣрно полагаются“ (214 л. об.—215). Ариѳметика, далѣе, „многихъ прикупѣхъ корысти сподобляетъ и чести даруетъ. И умъ члческій высоко паривъ творитъ, и память укрѣпляетъ. и острыхъ острѣе творитъ въ разумѣ“ (217 л.). Между выясненіемъ значенія ариѳметики авторъ предисловія излагаетъ и исторію этой науки. Науку счисленія ввелъ у грековъ Пиѳагоръ, но до него гораздо ранѣе основы этой науки были извѣстны Моисею, написавшему книгу Числъ. Понятія

же единства и множества принадлежатъ самому Господу, сказавшему: растите и множитесь. Ему же принадлежитъ первое счисленіе, когда сотворилъ міръ въ седмь дней (215 л.) Что касается до состава ариѳметики, то въ нее входятъ: собственно ариѳметика съ четырьмя простыми и именованными дѣйствіями, геометрія или книга о земномъ верстаніи, астрономія или книга о солнечномъ и лунномъ теченіи (218 л. об.—210).

№ 20. Алфавитъ иностранныхъ рѣчей XVIII в., въ 8/, на 582 листахъ.

Начала въ Алфавитѣ нѣтъ. Это видно какъ изъ отмѣтки листовъ, такъ и изъ начальныхъ словъ: „Сія ко вразумленію выписано изъ книги алфавита письменнаго вкратцѣ ради познанія, яже во стыхъ книгахъ, писаны иноязычныя, и иностранныя рѣчи“ (1 л.). Изъ дальнѣйшихъ строкъ, гдѣ указывается на неправильность употребленія словъ: алавастръ, илектръ, алекторъ, кедръ, китръ..; неодинаковость выраженій: руцѣ твои и руки твои, руцѣ твоей и руки твоея, видно, что это конецъ сокращеннаго предисловія къ Алфавиту иностранныхъ рѣчей. На томъ же первомъ листѣ помѣщены „имена словамъ азбуки еврейскія, яже есть въ плачѣ Іереміевѣ“.

Съ 2—129 л. начинается словарь или „Алфавитъ, указующій толкованіе иностранныхъ рѣчей обрѣтаемыхъ во стыхъ книгахъ русскаго языка“. Словотолкованіе, будучи во

многомъ сходно съ разсмотрѣнными нами Алфавитами, рѣзкое отличіе представляетъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ почти свѣдѣній по зоологіи, миѳологіи и этнографіи, какія встрѣчаются въ другихъ алфавитахъ. Еще короче слѣдующая за словаремъ выписка изъ лексикона, (129—177 л.) Передъ словаремъ помѣщена замѣтка: „Выписано изъ книги лексикона. напечатаннаго въ цр̃ствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто міробытія ,ѕсг̃ отъ воплощенія же Б̃га Слова ,а҂ѱд̃ го індікта г҃ мца декемврія“ (138 л. об.). Другая замѣтка касается надстрочныхъ знаковъ, невстрѣчавшихся однакожъ въ лексисѣ. Лексисъ очень кратокъ, сравнительно даже съ извѣстными словарями Берынды и Зизанія, и не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Съ 177—582 л. помѣщены разныя статьи, не принадлежащія къ составу алфавитовъ и вписанныя въ рукопись въ разное время разными лицами.

177 л. об.—182. Е҃зар. сл. в̃. Нач. „Есть убо чл҃къ, якоже исповѣдаютъ, мужска глава имый три швы на углы составлены, женска же имать глава единъ шовъ кругомъ обводя главу. По сему бо знаменію и во гробѣхъ могутъ различити, кое есть мужеска глава, кое есть женска“... Излагаются свѣдѣнія о человѣческомъ составѣ, которыя взяты Іоанномъ экзархомъ изъ Исторіи животныхъ Аристотеля (1).

(1) Opp. Aristotelis ed. 1639 an. Tom. II. p. 201 et ceter. См. Описаніе рукописей Москов. Синод. библ. Отд. II. ч. 1 стр. 17.

182 л. „Козма Индикопловъ“—краткая выдержка изъ топографіи Козмы Индикоплова. Нач: „Взыщемъ же паки гдѣ заходитъ слнце, и гдѣ течетъ нощь (1).

182 л. об.—183. Двѣ краткія выдержки изъ Іоанна, экзарха болгарскаго, и Ѳеодорита.

183 л. Криница гл. 33. Нач. „По Кирѣ црѣ вавилонскомъ парствова Камбасій снъ его, иже и Навходоносоръ нареченъ бысть.. Сокращенная выдержка изъ Хроники Георгія Амартола (2).

183 л. об. Стихи нравственнаго содержанія:

Дхъ Стый вся дѣйствуетъ, исправляетъ,
И во бго совершаетъ.

184—185 л. слѣдуетъ выписка, по всей вѣроятности, изъ какого нибудь древняго букваря, въ коемъ, послѣ складовъ, помѣщаются десять заповѣдей закона Божія, седмь таинствъ, три богословскія и четыре евангельскія добрдѣтели, седмь даровъ Св. Духа, плоды Св. Духа, седмь дѣлъ милости тѣлесной и седмь духовной, седмь грѣховъ смертныхъ съ противоположными имъ добродѣтелями, грѣхи противъ Св. Духа, четыре грѣха, вопіющихъ на небо, девять блаженствъ

(1) См. у Migne, Patrolog. Curs. Complet. Tom. LXXXVIII. Cosmae indicoplevstae Topographiae christianae Lib. X. p. 624. Козма Индикопловъ взялъ буквально изъ 3-го слова Севериана Гевальскаго о твореніи міра. См. Migne, Patr. curs. complet Tom. LVI. Severiani De mundi creatione. Orat. III. p. 452—453.

(2) См Migne, Patrol. curs. complet. Series graeca poster. Tom. CX. Georgii Hamartoli Chronicon. Lib. II. Cap. XCIII. p. 328—329.

евангельскихъ, пять чувствъ тѣлесныхъ и пять—душевныхъ, четыре предмета, о коихъ постоянно долженъ помнить христіанинъ.

185 л. об.—190 л. „О дѣлѣхъ православнаго хртіанина". Подъ этимъ общимъ оглавленіемъ идетъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ нравственную дѣятельность человѣка.

180—181 л. „Григоріа Бгослова стихи":

Жизни приобряща, еже умирати на всякъ днь.
Знай вся добрыхъ дѣянія...

191 л. Того же двостішии:

Бга бойся первѣе и родители чти,
Іереи хвали, старцы честнѣ имѣй .. (1)

192—197 л. Рядъ изреченій изъ Св. Пис. Ветх. Завѣта, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ нравственности.

197 л. об. „Стіхи Григорія богослова двостишіи"—продолженіе помѣщенныхъ выше стиховъ (2).

198—204 л. Рядъ отрывочныхъ краткихъ свѣдѣній о разныхъ предметахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ.

На 310 л. на об. помѣщена исторія продажи братьями праведнаго Іосифа, съ описаніемъ его внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ, по Златоусту. По внѣшнему своему

(1) См. Gregorii Theol. carminum Sectio II. Poëmata moralia «*Γνωμικὰ δίστιχα*». Migne, Patrolog.

(2) Ibid. p. 923—926.

виду Іосифъ является „юнъ по брадѣ его власѡмъ никнущимъ, яко цвѣтцу бѣлу, а лице его красно зѣло. яко цвѣтцѣ блестящася, съ бѣлымъ чермно смѣшено предъ очима являшеся. бѣлы же зубы имый яко млеко. устнѣ чермнѣ. брови чернѣ, вѣждѣ бѣлы“, по внутреннимъ своимъ качествамъ „добрѣ добротою“. Изъ того, что дважды продаваемый въ рабство Іосифъ, ни однажды не былъ рабомъ, дѣлается слѣдующій нравственный выводъ: „Иже бо есть умомъ свободь, говорится здѣсь, аще и сто краты проданъ будетъ, никогда же поработится. Яко же и паки есть рабъ козньми. Аще и множицею свободенъ будетъ, никогда же свободится“ (311 л.).

На лист. 341—348 помѣщены изъ Маргарита: три бесѣды „о непостижимѣмъ“ (1), отрывки изъ 1, 3, 5, 6 словъ на іудея; (2) 1, 2, 4, 5 словъ о Серафимахъ (3); 1, 2, 3, 4, 5 словъ о богатомъ и о Лазарѣ (4); 1 и 2 словъ о Давидѣ и Саулѣ (5) и наконецъ изъ 3 слова объ Іовѣ (6) (349—358 л.).

---

(1) См. у Migne, Patr. curs. compl. Tom XLVIII S. Joannis Chrysostomi De incomprehensibili Dei natura. Homil. 1. II. III. pp 702. 709. 710. 721.

(2) Ibid. Adversus judeos. p. 851 и далѣе.

(3) Migne Patr. curs. compl. Tom. LVI.

(4) Migne, Patr. curs. compl. Tom. XLVIII. S. Joan. Chrys. De Lazaro.

(5) Ibid. Tom. LIV. S. Joan. Chrys. De Davide et Saule.

(6) Ibid Tom. LVI S Joan. Chrys. In. Job.

За этими словами изъ Маргарита слѣдуютъ очень обширныя извлеченія изъ другихъ сочиненій Златоуста, какъ трактата о Священствѣ, бесѣдъ на Евангеліе отъ Іоанна, кн. Андріатисъ—бесѣдъ къ Антіохійскому народу, бесѣдъ на Евангеліе отъ Матѳея, бесѣдъ на четырнадцать посланій св. ап. Павла (349—431 л.) Затѣмъ помѣщены выписки изъ Евангелія учительнаго воскреснаго и Евангелія толковаго повседневнаго и Чети-минеи (432—451 л.).

Съ 461 л. об.—462 помѣщенъ вопросъ Антіоха и отвѣтъ на него Аѳанасія Александрійскаго: „Чесо ради попусти діаволу Бгъ ратовати родъ человѣчь“ (1)?

На лист. 465—472 излагаются подъ заглавіемъ „Толкованіе рѣченіемъ и чиновнымъ“ объясненія нѣкоторыхъ словъ, но главнымъ образомъ пословицы и назидательныя изреченія, взятыя по преимуществу изъ книги Іисуса сына Сирахова и изъ псалтири. Сюда же входитъ очень интересная статья, подъ заглавіемъ, „отъ знаменованія или приказнь риторики“ (2), гдѣ разсказывается притча, знаменующая разныя части и раздѣленіе риторики. Вотъ содержаніе притчи: Одинъ царь нашелъ прекрасную землю, населенную многими людьми. Онъ издалъ приказаніе сдѣлать перепись людей и опись

---

(1) S. Athanasii Archiep. Alex. Opera omnia. Tom. II p. 219. Quaest XI.

(2) Эта статья составляетъ предисловіе къ Риторикѣ неизвѣстнаго составителя, переведенной, по замѣчанію Востокова, съ польскаго языка Смотри опис. рукоп. Рум. Муз. № CXCII. стр. 238—239. Списокъ этой риторики есть въ Соловецкой библіотекѣ. См. № 898.

ихъ имущества (противъ этихъ строкъ на полѣ написано „Изобрѣтеніе дѣла“) и затѣмъ раздѣлить все населеніе по классамъ, назначивъ каждому изъ нихъ опредѣленный кругъ дѣятельности. Явились духовенство, купечество, классъ воиновъ и земледѣльцевъ (противъ этихъ строкъ обозначено: „Чиновъ ризличіе“). Члены четырехъ классовъ должны дѣйствовать мирно и согласно, взаимно восполняя другъ друга („Соединеніе словесъ“). Царь изъ другихъ странъ пригласилъ людей различныхъ чиновъ („память“) и повелѣлъ пребывать имъ вкупѣ („гласомѣрное слово отъ ума“). Для легкости управленія, царь устроилъ четыре уряднѣйшія дѣла, назначивъ однимъ учить людей закону Божію, другимъ судить людей, третьимъ вести войну, четвертымъ пребывать въ мирѣ („Четыре роды дѣлъ“). Затѣмъ онъ поставилъ шесть городовъ, пріобрѣтшихъ извѣстность во всей вселенной (шесть частей и статей риторскихъ“). Посреди этой земли протекаетъ великая и сладкопивная рѣка, доставляющая жителямъ веселіе („мѣста или статьи общія“). Когда жители этой страны узнавали о новыхъ изобрѣтеніяхъ, то старались всѣми силами привлечь къ себѣ виновниковъ изобрѣтеній. Имѣя такое устройство и дѣйствуя согласно, жители той страны наслаждались спокойствіемъ („возбужденіе или воскуреніе сердца слышателей“) (469—471 л.) За этимъ приточнымъ разсказомъ слѣдуетъ извлеченіе изъ книги Іоанникія Голятовскаго „Ключъ разумѣнія“.

На лист. 471—582 помѣщены выписки изъ поученій Аввы Дороѳея, Максима исповѣдника, бесѣдъ Василія Ве-

ликаго, изъ Патерика Скитскаго, соч. Григорія Паламы, словъ Исаака Сирина, изъ Патерика Іерусалимскаго, слова изъ Патерика Скитскаго, Ефрема Сирина, Лѣствицы, Григорія Богослова, Григорія Амирита и друг.

№ 21. Алфавитъ иностранныхъ рѣчей, рукопись XII вѣка, въ 4°, на 119 л.

Предисловіе къ Алфавиту, по своему началу, отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами выше, въ остальномъ же сходно, если не буквально, то съ соблюденіемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей. Предисловіе начинается: „Премногою благостію и человѣколюбіемъ побѣждаемь всещедрый Бгъ не стерпѣ зрѣти насъ свое созданіе тмою нечестія и идолопоклоненія одержиму, но благоволивъ о насъ, помилова ны, даровавъ намъ свѣтъ бгоразумія благодатію святаго крещенія“. Указавъ затѣмъ на новую милость Божію, дарованную въ книгахъ свящ. Писанія, авторъ переходитъ къ необходимости толкованія непонятныхъ словъ.

Самый Алфавитъ начинается оглавленіемъ: „Толкованіе рѣчемъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ, иноязычными глаголаніи положены, ихже здѣ скораго ради обрѣтенія по алфавиту написахомъ“ и заканчивается вторымъ Новгородскимъ словаремъ 1431 года.

Примѣч. Списки Азбуковниковъ, какъ извѣстно, весьма многочисленны и встрѣчаются въ другихъ извѣстныхъ рукописныхъ библіотекахъ. Между рукописями Румянцевскаго

Музеума извѣстны четыре списка Азбуковниковъ подъ №№ 1—4. Первый списокъ Азбуковника, какъ видно изъ описанія, почти буквально сходенъ съ спискомъ Солов. библ. № 19. Лишнее въ въ азбуковникѣ № 18, сравнительно съ спискомъ Востокова, составляетъ цѣлая почти математика, помѣщенная на концѣ Алфавита Въ спискѣ Азбуковника Румянцевскаго Музеума вмѣсто математики помѣщенъ Лексисъ Лаврентія Зизанія подъ заглавіемъ: „Лексисъ сирѣчь реченія въ кратцѣ собранны и изъ словеньскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы Л. З.“ Второй списокъ Азбуковника Румянц. Музеума, какъ содержаніемъ, такъ и расположеніемъ во многомъ сходенъ съ предъидущимъ и составляетъ трудъ другаго, позднѣйшаго составителя. Но, какъ видно изъ описанія, списокъ этотъ значительно отличается нетолько отъ предыдущаго списка Азбуковника, но и другихъ списковъ, какими являются они по описаніямъ. Въ солов. библ. значительно сходнаго съ спискомъ Азбуковника Румянц. Музеума № 2 нѣтъ. Списокъ Азбуковника Румянц. Музеума № 3 значительно сходенъ съ спискомъ Азбуковника Солов. библ. № 18. Сходство это впрочемъ состоитъ отчасти въ приложеніяхъ къ Алфавиту (въ указателѣ предметовъ, вошедшихъ въ словотолкованіе и предисловіе къ Алфавиту) и особенно въ самомъ Алфавитѣ. Порядокъ въ размѣщеніи словъ, раздѣленіе Алфавита на статьи, предисловіе къ толкованію именъ человѣческихъ, постоянное помѣщеніе названій мѣсяцевъ и толкованій именъ человѣческихъ безъ всякой примѣси другихъ

словъ при концѣ каждой буквы, статья о грамматичествѣ съ таблицами, изъ коихъ первая раздѣлена на восемь столбцовъ для восьми частей рѣчи, вторая—на три столбца для существительныхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, третья на пять столбцовъ для пяти падежей славянскаго языка,—вотъ что дѣлаетъ списокъ Азбуковника Румянц. Музеума № 3 сходнымъ съ нашимъ спискомъ № 18 и отличаетъ ихъ отъ другихъ списковъ Азбуковниковъ. Послѣдній списокъ Азбуковника Румянц. Музеума, по описанію Востокова, сходенъ съ № 1 и въ нѣкоторыхъ частяхъ съ № 3. Между рукописями графа Толстаго находятся пять списковъ Алфавитовъ, какъ видно изъ описанія этихъ рукописей, составленнаго Калайдовичемъ и Строевымъ. Списки Азбуковниковъ числятся во II отдѣленіи описанія подъ №№ 44, 139, 343. 371, 373. Всѣ списки, по всей вѣроятности, варіанты списка № 44. Семь списковъ Азбуковниковъ находятся въ собраніи рукописей В. М. Ундольскаго. Изъ нихъ болѣе краткій, сравнительно съ другими, относится къ первой половинѣ XVII в. подъ № 974. Остальныя шесть Азбуковниковъ позднѣйшихъ, болѣе осложненныхъ редакцій XVII в. подъ № №. 972, 975—979. Изъ нихъ № 975 писанъ въ 1667 году; № № 978 и 979 одной и той же редакціи; № № 972 и 976 также близки другъ къ другу по своему составу.—Въ московской синодальной биб. за № 253 хранится списокъ Азбуковника, относящійся къ 1654 году.—Кромѣ этихъ списковъ извѣстны списки, принадлежащіе частнымъ лицамъ. Сюда принадлежатъ два списка Аз-

буковника у Сахарова, одинъ списокъ у г. Тихонравова и одинъ—у г. Барсова. Первый списокъ Азбуковника относится къ концу XVI в. (едвали не единственный), другой къ половинѣ XVII в. Списокъ второй редакціи, по замѣчанію самого Сахарова, сходенъ съ списками Азбуковниковъ изъ бывшаго собранія графа Толстаго. Судя по приложенію и по самому словотолкованію, Азбуковникъ Сахарова сходенъ съ Алфавитомъ Солов. библ. № 13. Азбуковникъ г. Тихонравова описанъ г. Ваталинымъ въ статьѣ: „Древніе русскіе Азбуковники“ (1). Что касается до Азбуковника (1869 г.), принадлежащаго г. Барсову, то, судя по тѣмъ выпискамъ, какія дѣлаетъ г. Баталинъ изъ этого Азбуковника въ упомянутой статьѣ, и по оглавленію статей, вошедшихъ въ приложенія упомянутаго Азбуковника, можно сказать, что онъ весьма сходенъ съ Алфавитомъ Солов. биб. № 18.

Общій характеръ Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей и ихъ составъ.

Мы сказали выше, что появленіе Азбуковниковъ или Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей въ нашей литературѣ вызвано было необходимостью объяснить непонятныя или, какъ выражаются составители Азбуковниковъ, неудобьразумѣваемыя слова, вошедшія въ нашу книжную рѣчь изъ иностранныхъ языковъ. „Понеже во святыхъ книгахъ словеньскаго

(1) См. Филол. Зап. 1873 г. Вып. III. стр. 12.

за № 980: „Совѣтъ С.-Петербургскаго университета имѣетъ честь препроводить при семъ экземпляры XII и XIII книжки протоколовъ своихъ засѣданій за вторую половину 1874—1875 и за первую половину 1875—1876 академическихъ годовъ".

б) Отношеніе ректора московской духовной академіи отъ 31 декабря 1876 г. за № 567: „Честь имѣю препроводить при семъ въ совѣтъ казанской духовной академіи экземпляръ брошюры подъ заглавіемъ „Годичный актъ въ московской духовной академіи 1-го октября 1876 года".

в) Отношеніе коллежскаго совѣтника Тихменева, отъ 16 декабря 1876 г. за № 79, на имя о. ректора академіи: „Препровождая при семъ для библіотеки казанской духовной академіи экземпляръ изданной мною памятной книжки архива казанскаго окружнаго суда, съ двумя приложеніями, я, испрашивая молитвъ Вашихъ, не могу не увѣрить васъ въ чувствахъ глубочайшаго къ вамъ почтенія и безусловной преданности".

г) Докладъ секретаря совѣта, священника Н. Миловидова, при которомъ онъ представляетъ совѣту одинъ экземпляръ журналовъ засѣданій совѣта петровской земледѣльческой и лѣсной академіи за 1868, 1869 и первую половину 1870 года.

Справка: Означенныя книги сданы въ академическую библіотеку.

Постановили: Совѣтъ Императорскаго с.-петербургскаго университета, о. ректора московской духовной академіи, совѣтъ петровской земледѣльческой академіи и г. Тихменева увѣдомить о полученіи означенныхъ книгъ съ изъявленіемъ благодарности.

IX. Слушали: 1) Докладъ Коммиссіи по изданію „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника", при которомъ представляетъ совѣту академіи отчетъ по изданію означеннаго сборника за 1872—1876 годы съ приходо-расходною книгою, выданною Коммиссіи совѣтомъ, и другими документами по изданію сборника, подъ №№ 1—9.

2) Отчетъ Коммиссіи по „изданію Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника" за 1872—1876 годы:

По опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ $\frac{19\text{ іюля}}{20\text{ августа}}$ 1872 года и постановленіямъ совѣта академіи,—на изданіе „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника“ получено: въ 1872 году 1831 руб. 36 коп. и въ 1873 году 433 руб. 79½ коп., а всего *двѣ тысячи двѣсти шестьдесятъ пять руб. пятнадцать съ половиною копѣекъ* (2265 р. 15½ к.).

Къ тому въ 1873 году поступило на приходъ отъ продажи 103 экземпл. I-го выпуска „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника“ и 105 экземпл. II выпуска,—211 р. 70 коп., а всего съ вырученными отъ продажи упомянутаго числа экземпляровъ I и II выпусковъ было на приходѣ *двѣ тысячи четыреста семьдесятъ шесть руб. восемьдесятъ пять коп. съ половиною* (2476 руб. 85½ коп.).

Въ расходъ въ 1873 году употреблено 531 руб. 67 коп. Къ 1874 году состояло въ остаткѣ *одна тысяча девятьсотъ сорокъ пять руб. восемнадцать коп. съ половиною* (1945 р. 18½ коп.).

Въ 1874 году поступило на приходъ отъ продажи 27 экз. I выпуска, 26 экземпл. II выпуска, 16 экземпл. III выпуска, 1 экз. IV выпуска и 7 экземпл. V выпуск., всего 88 р. 55 к., а съ остававшимися отъ 1873 года (1945 руб. 18½ коп.) было въ приходѣ *двѣ тысячи тридцать три руб. семьдесятъ три коп. съ половиною* (2033 руб. 73½ коп.).

Въ расходъ въ 1874 г. употреблено 749 руб. 47 коп. Къ 1875 г. оставалось *одна тысяча двѣсти восемьдесятъ четыре руб. двадцать шесть коп. съ половиною* (1284 руб. 26½ коп.).

Въ 1875 г. поступило на приходъ отъ продажи 125 экз. I вып., 74 экземпл. II вып., 79 экз. III вып., 82 экземпл. IV вып., 455 экз. V вып., 78 экз. VI вып., 53 экз. VII вып., 3 экземпл. VIII вып. и 4 экземпл. IX вып., всего 851 руб. 17 коп., а съ оставшимися отъ 1874 г. (1284 р. 26½ коп.) было на приходѣ *двѣ тысячи сто тридцать пять рублей сорокъ три коп. съ половиною* (2135 руб. 43½ коп.).

Въ расходъ въ 1875 году употреблено 1309 р. 47½ к. Къ 1876 г. состояло въ остаткѣ *восемьсотъ двадцать пять руб. девяносто шесть коп.* (825 руб. 96 коп.).

Въ 1876 году поступило на приходъ отъ продажи 54 экземпл. I вып., 34 экз. II вып., 105 экз. III вып., 126 экз.

IV вып., 76 экз. VI в., 34 экз. VII в., 82 экз. VIII вып 98 экз. IX вып., 62 экз. X вып., 61 экз. XI вып. и 50 экз. XII вып., всего 706 р. 87½ к., а съ остававшимся отъ 1875 года (825 р. 96 к.) состояло на приходѣ *одна тысяча пятьсотъ тридцать два руб. восемьдесятъ три коп. съ половиною* (1532 р. 83½ к.).

Въ расходъ въ 1876 году употреблено 1469 р. 5½ к. Къ 1877 году состоитъ въ остаткѣ *шестьдесятъ три руб. семьдесятъ восемь коп.* (63 р. 78 к.).

До настоящаго времени Коммиссія издала двѣнадцать выпусковъ „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника". Къ 1877 году, за исключеніемъ проданныхъ экземпляровъ и розданныхъ по опредѣленію совѣта академіи и отчасти по усмотрѣнію самой Коммиссіи въ безмездную раздачу, на лицо состоитъ:

I	выпуска	80	экземпляровъ	VII	выпуска	406	экз.
II	—	147	—	VIII	—	362	—
III	—	241	—	IX	—	395	—
IV	—	160	—	X	—	610	—
V	—	„	—	XI	—	433	—
VI	—	325	—	XII	—	449	—

Въ складѣ Коммиссіи книгъ „Миссіонерскаго сборника" всего на сумму 5215 руб. 50 коп.

Справка: По § 12 правилъ относительно изданія „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника", Коммиссія должна представлять въ совѣтъ академіи отчетъ въ израсходованіи переданныхъ ей суммъ".

Постановили: Поручить произвести повѣрку означеннаго отчета экстраординарнымъ профессорамъ академіи—А. Гренкову и Е. Будрину, и просить ихъ о послѣдующемъ донести совѣту.

X. Слушали: Отношеніе правленія калужской духовной семинаріи, отъ 3-го декабря 1876 года за № 498: „Правленіе калужской семинаріи, взыскавъ съ преподавателя семинаріи Владиміра Успенскаго двадцать коп. за программу исторіи русской литературы, честь имѣетъ препроводить при семъ въ совѣтъ академіи означенныя деньги, съ покорнѣйшею просьбою о полученіи ихъ увѣдомить правленіе".

Постановили: Деньги передать въ правленіе академіи для причисленія къ библіотечной суммѣ, увѣдомивъ о полученіи оныхъ правленіе калужской семинаріи, экземпляръ же программы по исторіи русской литературы исключить изъ каталога академической библіотеки, о чемъ и дать библіотекарю выписку.

XI. Слушали: Записку библіотекаря академіи В. Братолюбова, отъ 2-го декабря 1876 года: „Покорнѣйше прошу совѣтъ академіи дозволить мнѣ пріобрѣсти для пополненія изданій фундаментальной библіотеки слѣдующія книги: 1. Геттингеръ, Апологія христіанства, ч. 1-й отд. 2-е (ц. 2 руб)., 2. Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи, вып. 1 и 5, (ц. 4 р.), 3. Сочиненія Иннокентія херсонскаго, т. XI, изданіе М. Вольфа (ц. 3 р. 50 к.), 4. Всемірная исторія Шлоссера (новое изданіе), томы VII и VIII (ц. 6 р.), 5. Исторія Іегера, т. I и II, новѣйшія времена 1815—1872 года (ц. 8 р.), 6) Данте, Чистилище, изданіе М. Вольфа (ц. 15 р. с.), 7. Исторія русской церкви Макарія, т. 8 въ 5 экз. (ц. 10 р.), 8. Великія Минеи четьи Макарія, книга III (сентябрь, 25—30 дни), изд. Археологической коммиссіи (ц. 5 р. с.), 9. Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ, кн. V и VI (ц. 4 р. 50 к.) 10. Обзоръ русской духовной литературы Филарета, епископа черниговскаго, 2 экземпл. (ц. 6 р.). 11. Брэма, Жизнь животныхъ, томы IV, V и VI (ц. 15 р. 50 к.). 12. Исторіи Россіи Соловьева, томъ 26 въ 3 экз. (ц. 6 р.). 13. Указатель къ журналу „Странникъ“ за 3-е пятилѣтіе въ 3-хъ экз. (ц. 2 р. 25 к.), а также 14. Православное обозрѣніе за 1876 г., 2-й экз. (ц. 7 р. сер.), 15. Знаніе за 1871 годъ, I экз. (ц. 8 р.—) и 16—для учебной библіотеки: Костомаровъ, Исторія Россіи вып. VII (послѣдній въ 3-хъ экз., ц. 4 р. 80 к.), всего на 107 р. 55 к“.

Постановили: Разрѣшить библіотекарю академіи В. Братолюбову пріобрѣсти означенныя книги для академической библіотеки.

XII. Слушали: Записку библіотекаря академіи В. Братолюбова, отъ 11 сего января: „Покорнѣйше прошу совѣтъ академіи разрѣшить мнѣ пріобрѣсти для учебной библіотеки

академической слѣдующія книги: 1) Исторія русской литературы И. Я. Порфирьева, изд. 2-е, т. I въ 5 экз. (ц. 12 р. 50 к.), 2) Исторія русской церкви П. В. Знаменскаго, изд. 2-е въ 5 экз. (ц. 7 р. 50 к.); 3) Татарскій словарь Н. П. Остроумова 5 экз. (ц. 5 р.), 4) Основное богословіе Августина въ 5 экз. (ц. въ 6 р. 25 к.), 5) Нѣмецкая христоматія Берте въ 10 экз. (ц. 7 р. 50 к.), 6) Исторія русскаго раскола преосвященнаго Макарія въ 3-хъ (ц. 6 р.). 7) Французская христоматія Фену въ 5 экз. (ц. 7 руб. 50 коп.), 8) Синтаксисъ латинскаго языка Кесслера въ 5 экз. (ц. 6 р. 25 к.), 9) Нѣмецкая Грамматика Больца въ 3 экз. (ц. 8 р. 10 к.), 10.). Греческо-русскій словарь Синайскаго въ 5 экз. (ц. 15 р.), 11) Библія въ русскомъ переводѣ синод. изданія въ 5 экз. (ц. 10 р. с.), 12) Догматическое богословіе преосвященнаго Антонія въ 3 экз. (ц. 3 р. с.), 13) Латинская Грамматика Хидобая въ 3 экз. (ц. 4 р. 20 к.), 14) Латинская христоматія Носова въ 3 экз (ц. 7 р 50 к.) 15.) Исторія римской литературы Модестова въ 2 экз. (ц. 12 р. с.), и 16.) Догматическое богословіе преосвященнаго Филарета въ 3 экз. (ц. 9 р). Всего на сумму 127 р. 30 коп".

Постановили: Разрѣшить библіотекарю академіи В. Братолюбову пріобрѣсти означенныя книги для академической библіотеки.

XIII. Слушали: Докладъ секретаря совѣта, священника Н. Миловидова: „Честь имѣю доложить совѣту академіи, что окончившій курсъ воспитанникъ казанской духовной академіи Михаилъ Снѣжницкій, назначенный на должность смотрителя барнаульскаго духовнаго училища, въ прошеніи своемъ отъ 28 декабря 1876 года, заявилъ правленію академіи, что онъ поправился отъ болѣзни и можетъ въ настоящее время отправиться къ мѣсту службы въ г. Барнаулъ. По содержанію сего заявленія Канцелярія Его Сятельства, г. Оберъ-Прокурора Св. Синода увѣдомлена отношеніемъ отъ 28 декабря за № 1222,—Снѣжницкій же отправленъ 10 го сего января къ мѣсту службы".

Постановили: За сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

XIV. Слушали: Отношеніе рязанскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія отъ 5 сего января за № 35:

„Препровождая при семъ свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности за № 5, уѣздное по воинской повинности присутствіе покорнѣйше проситъ совѣтъ академіи выдать таковое студенту Андрею Поликарпову Яблокову".

Постановили: Означенное свидѣтельство приложить къ документамъ студента Яблокова и о полученіи онаго увѣдомить Рязанское уѣздное по воинской повинности присутствіе.

XV. Слушали: Прошеніе ректора казанской духовной академіи, протоіерея А. Владимірскаго отъ 14 сего января: „Симъ имѣю честь просить совѣтъ академіи о выдачѣ мнѣ удостовѣренія въ томъ, что право на полученіе назначенной мнѣ съ Высочайшаго разрѣшенія пенсіи за службу мою при здѣшнемъ университетѣ не потеряно мною".

Постановили: Выдать ректору академіи, протоіерею А. Владимірскому удостовѣреніе, что онъ не потерялъ права на полученіе Высочайше дарованной ему пенсіи за службу въ Казанскомъ Университетѣ.

XVI. Слушали: Отношеніе Совѣта Кіевской духовной академіи отъ 4 декабря 1876 г. за № 555: „Совѣтъ кіевской духовной академіи имѣетъ честь препроводить при семъ экземпляръ печатнаго списка такихъ дублетовъ и дефектовъ библіотеки сей академіи, которые могутъ быть пріобрѣтены у нея чрезъ обмѣнъ на дублеты и дефекты принадлежащіе библіотекѣ казанской академіи, въ случаѣ усмотрѣнія надобности оныхъ".

Постановили: Означенный списокъ препроводить (и препровожденъ) библіотекарю академіи В. Братолюбову и поручить ему донести совѣту, не найдено ли будетъ преподавателями полезнымъ пріобрѣсти какія либо изъ означенныхъ въ спискѣ книгъ чрезъ обмѣнъ на дублеты и дефекты казанской академіи.

XVII. Слушали: Докладъ секретаря совѣта, священника Н. Миловидова, отъ 20 декабря 1876 г.: „Честь имѣю представить при семъ въ совѣтъ академіи десять руб., полученные мною отъ бывшаго студента академіи XVII курса, священника Порфирія Меньщикова за утраченную имъ кни-

гу академической библіотеки „Памятники древней христіанской церкви“ Вѣтринскаго, т. 2. Деньги уплачены за полное изданіе въ 5 томахъ“.

Постановили: 1) Означенныя деньги передать (и переданы) въ правленіе академіи. 2) Библіотекарю академіи В. Братолюбову поручить пріобрѣсти означенную книгу для академической библіотеки, излишнія же деньги или томы, въ случаѣ пріобрѣтнія полнаго означеннаго изданія, возвратить священнику Меньщикову.

XVIII. Слушали: Вѣдомость, представленную правленіемъ академіи, на основаніи § 109 Уст. правосл. дух. академій, о наличныхъ суммахъ казанской духовной академіи къ 1-му января 1877 года. По вѣдомости значится: Въ остаткѣ къ 1-му декабря 1876 года состояло наличными деньгами 20138 р. 26½ к., билетами кредитныхъ учрежденій 1466 р., итого 21604 р. 26½ к. Въ декабрѣ на приходъ поступило 55 р. 15 к., израсходовано 10280 р. 3½ к. Въ остаткѣ къ 1-му января сего 1877 г. состоитъ наличными деньгами 9913 р. 38¼ к., билетами кредитныхъ учрежденій 1466 р., итого 11379 руб. 38¼ коп“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XIX. Слушали: Докладъ секретаря совѣта, священника Н. Миловидова, при которомъ представляетъ экземпляръ Исторіи русской церкви Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго, томъ VIII, присланный Его Высокопреосвященствомъ въ редакцію Православнаго Собесѣдника, и экземпляръ сборника протоколовъ общества любителей духовнаго просвѣщенія за 1875—76 годъ.

Постановили: Означенныя книги передать въ академическую библіотеку,—Его Высокопреосвященство Макарія, архіепископа литовскаго, и общество любителей духовнаго просвѣщенія увѣдомить о полученіи оныхъ съ изъявленіемъ искренней благодарности академическаго совѣта.

14 января 1877 года.

Въ собраніи совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: помощникъ ректора П. Знаменскій, испр. должн. инспектора, экстраординарный профессоръ Н. Ивановскій, члены совѣта: А. Некрасовъ, В. Миротворцевъ и В. Снегиревъ. Не присутствовали по болѣзни: помощникъ ректора И. Порфирьевъ и члены совѣта—ординарный профессоръ М. Красинъ и экстраординарный профессоръ А. Волковъ.

Слушали: Указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ $^{10}/_{27}$ ноября 1876 года за № 1942, напечатанный въ 49 № Церковнаго Вѣстника за 1876 годъ: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4-го минувшаго ноября, № 4476, слѣдующаго содержанія: Впослѣдствіе опредѣленій Святѣйшаго Синода отъ $^{10}/_{26}$ января 1873 и $\frac{\text{28 января 1873 г.,}}{\text{6 февраля 1874 г.,}}$ имъ, господиномъ Оберъ-Прокуроромъ, внесено было въ Государственный Совѣтъ, по предварительномъ сношеніи съ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и министрами юстиціи и финансовъ, представленіе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія, вмѣстѣ съ проектами положенія по сему предмету и росписанія должностей по классамъ, разрядамъ мундировъ и пенсіямъ. Нынѣ Государственный секретарь препроводилъ къ нему выписку изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ государственной экономіи и законовъ 1-го мая и общаго собранія 4-го октября текущаго года, въ коей изложено, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе и соглашаясь вполнѣ съ принятою въ основаніе сего мыслію объ уравненіи, по возможности, служебныхъ правъ преподавателей и вообще служащихъ изъ свѣтскаго званія въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, съ правами лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя должности въ

университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ: 1) проектъ положенія о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія, вмѣстѣ съ слѣдующимъ къ сему проекту росписаніемъ должностей по классамъ и разрядамъ по шитью на мундирѣ и пенсіямъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе, и 2) согласованіе подлежащихъ статей Свода Законовъ съ правилами издаваемаго нынѣ положенія предоставить второму отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по сношенію съ министерствомъ финансовъ и вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Его Императорское Величество означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 24-й день октября сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. О таковой Высочайшей волѣ господинъ Оберъ-Прокуроръ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ къ исполненію распоряженій, прилагая удостоенныя Высочайшаго утвержденія: 1) положеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія, и 2) слѣдующее къ оному росписаніе должностей по классамъ, разрядамъ мундировъ и пенсіямъ. Справка: Разсмотрѣвъ росписаніе пенсіонныхъ окладовъ, предположенныхъ по духовно-учебному вѣдомству, и проектъ положенія о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія, Святѣйшій Синодъ опредѣленіями $^{10}/_{26}$ января 1873 и $\frac{28\text{ ноября}}{6\text{ февраля}}$ $187^{3}/_{4}$ года предоставилъ господину Оберъ-Прокурору представить предложенный проектъ положенія на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Приказали: объ изложенномъ, Высочайше утвержденномъ въ 24-й день октября сего года, мнѣніи Государственнаго Совѣта по положенію о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія съ приложеннымъ къ оному росписаніемъ должностей по классамъ, разрядамъ мундировъ и пенсіямъ, для руководства по духовно-учебному вѣдомству, дать знать под-

лежащимъ мѣстамъ и лицамъ циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, препроводивъ для сего удостоенныя Высочайшаго утвержденія упомянутыя положеніе и росписаніе, въ копіяхъ, въ редакцію названнаго изданія по принятому порядку.

Положеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія.

1) Служащіе при православныхъ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, за исключеніемъ лицъ духовнаго сана, считаясь, доколѣ занимаютъ свои должности, въ присвоенныхъ онымъ по росписанію классахъ, пользуются вообще преимуществами, означенными въ Сводѣ Законовъ Т. Ш. Уст. о служеб. по опред. отъ правит.

2) Профессоры, доценты и лекторы духовныхъ академій сравниваются по чинопроизводству съ таковыми же чинами университетовъ, а помощники инспекторовъ духовныхъ академій—съ помощниками проректоровъ университетовъ.

Примѣчаніе 1. Сверхштатные профессоры и доценты академій пользуются правами по классу должности и чинопроизводству наравнѣ съ штатными профессорами и доцентами.

Примѣчаніе 2. Привантъ-доценты не считаются въ государственной службѣ, но доколѣ остаются въ сей должности—пользуются преимуществами классныхъ чиновниковъ.

3) Инспекторы и тѣ изъ преподавателей духовныхъ семинарій, которые имѣютъ ученую степень магистра или кандидата богословскихъ наукъ, или установленное свидѣтельство на званіе учителя гимназіи, въ отношеніи правъ по чинопроизводству сравниваются: первые—съ инспекторами, а вторые — съ преподавателями гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Сверхштатные преподаватели пользуются правами по классу должности и чинопроизводству наравнѣ съ штатными преподавателями.

4) Помощники инспектора въ духовныхъ семинаріяхъ, имѣющіе ученую степень магистра или кандидата богословскихъ наукъ, сравниваются въ правахъ по чинопроизводству съ воспитателями гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Допущенные къ исправленію должности помощника инспектора дѣйствительные студенты академіи и студенты

семинарій утверждаются въ должности и классномъ чинѣ, оной соотвѣтствующемъ, по выслугѣ шести лѣтъ, и затѣмъ производятся въ дальнѣйшіе чины наравнѣ съ помощниками инспекторовъ семинарій.

Примѣчаніе. Означенными въ сей статьѣ правами пользуются и сверхштатные помощники инспекторовъ.

5) Преподаватели эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи и опредѣляемые въ нѣкоторыя изъ семинарій учители инородческихъ языковъ, если окончили курсъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ, университетахъ или семинаріяхъ и получили ученыя степени или званія, пользуются по чинопроизводству одинаковыми правами съ прочими преподавателями семинарій, неимѣющіе же ученыхъ степеней и званій, или неокончившіе курса наукъ въ упомянутыхъ заведеніяхъ, производятся въ чины по общимъ правиламъ гражданской службы.

6) Если на означенныя въ ст. 5 должности преподавателей будутъ опредѣлены, соотвѣтственно 60 и 61 ст. Уст. служб. прав., не по найму, но съ правомъ государственной службы, лица податныхъ состояній, не пріобрѣтшія по образованію права на вступленіе въ службу, то они пользуются по чинопроизводству правами, равными съ приходскими учителями министерства народнаго просвѣщенія.

7) Преподаватели нѣмецкаго и французскаго языковъ въ семинаріяхъ изъ лицъ, пріобрѣвшихъ званіе домашняго наставника, производятся въ чины по правиламъ, установленнымъ для домашнихъ наставниковъ.

8) Смотрители духовныхъ училищъ сравниваются по чинопрозводству съ штатными смотрителями, а помощники смотрителей и учители духовныхъ училищъ—съ учителями уѣздныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе 1-е. Тѣми же преимуществами пользуются учители открываемыхъ въ нѣкоторыхъ училищахъ высшихъ классовъ, а также учители классовъ параллельныхъ и приготовительныхъ.

Примѣчаніе 2-е. Допускаемые къ исправленію учительской должности въ приготовительныхъ классахъ окончившіе курсъ семинаріи по второму разряду, утверждаются въ чинѣ, присвоенномъ должности, по прослуженіи въ оной шести лѣтъ и затѣмъ производятся въ дальнѣйшіе чины наравнѣ съ прочими учителями.

9) Состоящіе въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ учители инородческихъ языковъ пользуются по чинопроизводству правами и преимуществами наравнѣ съ прочими учителями, если имѣютъ какія-либо ученыя степени или званія; въ противномъ же случаѣ пользуются въ семъ отношеніи, по принадлежности, правами, въ ст. 5 и 6 сего положенія изложенными.

10) Преподаватели епархіальныхъ женскихъ училищъ, имѣющіе ученыя богословскія степени или свидѣтельства на званіе учителя гимназіи, пользуются въ отношеніи класса должности и чинопроизводства правами, одинаковыми съ учителями духовныхъ семинарій; прочимъ преподавателямъ присвояются права, равныя съ учителями духовныхъ училищъ.

11) Учители еврейскаго языка, иконописанія, церковнаго пѣнія и гимнастики въ духовныхъ семинаріяхъ, равно какъ учители церковнаго пѣнія и чистописанія въ духовныхъ мужскихъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ, не считаются въ государственной службѣ, а обучаютъ по найму.

12) Опредѣляемые при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ надзиратели за воспитанниками, въ случаѣ поступленія на одну изъ штатныхъ должностей по учебной или воспитательной части въ сихъ заведеніяхъ, получаютъ право на зачотъ въ дѣйствительную службу времени, проведеннаго ими въ должности надзирателей.

13) Состоящіе при духовно-учебныхъ заведеніяхъ почетные блюстители по хозяйственной части считаются въ дѣйствительной государственной службѣ, если имѣютъ на вступленіе въ оную право по своему происхожденію или образованію, и производятся въ чины на основаніи общихъ правилъ о службѣ гражданской. Почотные же блюстители изъ лицъ, неимѣющихъ по общему закону права на вступленіе въ службу, пользуются, доколѣ состоятъ въ семъ званіи, правомъ носить мундиръ, соотвѣтствующій должности, по формѣ, для чиновниковъ духовнаго вѣдомства установленной.

14) Лица, служащія при духовно-учебныхъ заведеніяхъ не по учебной или воспитательной части, производятся въ чины на основаніи общихъ правилъ, для гражданской службы установленныхъ.

15) О производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ, равно объ утвержденіи въ чинахъ по ученымъ степенямъ и званіямъ и по учебнымъ должностямъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ-заведеніяхъ, за исключеніемъ профессоровъ духовныхъ академій и инспекторовъ духовныхъ семинарій, епархіальные преосвященные относятся непосредственно въ департаментъ герольдіи; о производствѣ же въ чины профессоровъ академіи и инспекторовъ семинарій, равно о награжденіи чинами за отличіе по службѣ прочихъ должностныхъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, входятъ въ сношеніе съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

16) Получившіе отъ духовныхъ академій ученыя степени доктора, магистра и кандидата, въ случаѣ поступленія въ гражданскую службу, утверждаются въ чинахъ: докторъ—VIII класса, магистръ—IX, кандидатъ—X. Выпущенные же изъ академій съ званіемъ дѣйствительнаго студента получаютъ, при вступленіи въ гражданскую службу, чинъ XII класса.

17) Неимѣющія правъ высшаго состоянія лица, пріобрѣвшія ученыя академическія степени или званія дѣйствительнаго студента и студента семинаріи, причисляются: доктора и магистры къ потомственному, а кандидаты, дѣйствительные студенты и студенты семинарій—къ личному почетному гражданству.

18) Служащіе по учебной и воспитательной части въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, не исключая и лицъ духовнаго сана, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ, ниже сего въ ст. 21—32 изложеннымъ.

19) Право на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій по ст. 21—28 имѣютъ: 1) ректоры, профессоры, доценты, лекторы и помощники инспектора духовныхъ академій; 2) ректоры, инспекторы, ихъ помощники и преподаватели духовныхъ семинарій; 3) смотрители, ихъ помощники и учители духовныхъ училищъ: 4) преподаватели (экстраординарный профессоръ и доцентъ) миссіонерскихъ противу буддизма и мусульманства предметовъ въ казанской академіи; 5) преподаватели эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи и преподаватели инородческихъ языковъ въ благовѣщенской семинаріи: 6) учители всѣхъ вообще парал-

лельныхъ классовъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ.

Примѣчаніе. Служба приватъ-доцентовъ, въ случаѣ поступленія ихъ на одну изъ штатныхъ должностей по учебной части въ академіи, зачисляется въ срокъ выслуги на пенсію.

20) Учителямъ еврейскаго языка, иконописанія, чистописанія, церковнаго пѣнія и гимнастики въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а также сверхштатнымъ преподавателямъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ (за исключеніемъ поименованныхъ въ пунктахъ 4, 5 и 6 ст. 19-й), сверхштатнымъ помощникамъ инспектора въ сихъ послѣднихъ, учителямъ высшихъ и приготовительныхъ классовъ въ духовныхъ училищахъ при епархіальныхъ женскихъ училищахъ не предоставляется правъ на пенсіи и единовременныя пособія.

21) Поименованныя въ 19 статьѣ лица, безпорочно прослужившія двадцать лѣтъ и болѣе, до двадцати пяти лѣтъ, получаютъ при увольненіи отъ службы въ пенсію половинный, прослужившія же двадцать пять лѣтъ и болѣе—полный окладъ, опредѣленный въ росписаніи, при семъ приложенномъ.

22) Если увольняемый въ отставку занималъ двѣ должности, то пенсія назначается по той изъ нихъ, коей присвоенъ высшій окладъ.

23) При разсчотѣ сроковъ на пенсіи лицамъ, до поступленія на должности по учебной и воспитательной частямъ въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ состоявшимъ на епархіальной службѣ, зачисляется и сія послѣдняя, причомъ семь лѣтъ службы епархіальной считается за пять лѣтъ учебной. Но правило это простирается только на лицъ, не менѣе десяти лѣтъ прослужившихъ собственно по духовно-учебной части.

24) На перешедшихъ изъ другихъ вѣдомствъ въ службу по духовно-учебному вѣдомству распространяются изложенныя въ статьяхъ 485 и 486 уст. о пенс. и един. пособ. Т. III Св. Зак. изд. 1857 г. правила о зачотѣ въ пенсію за учебную службу по министерству народнаго просвѣщенія лѣтъ прежней службы.

25) Равнымъ образомъ на лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, переходящихъ до выслуги пенсіи на службу въ

епархіальное или другія вѣдомства, гдѣ сроки продолжительнѣе, распространяется дѣйствіе 489 ст. уст. о пенс. и един. пособ. по министерству народнаго просвѣщенія о зачотѣ учебной службы года за годъ, не сокращая срока.

26) Лица духовнаго сана, получившія пенсію за службу по учебной и воспитательной частямъ въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, въ случаѣ поступленія на епархіальную службу, недоставляющую имъ жалованья отъ казны, сохраняютъ свои пенсіи; въ томъ же случаѣ, когда поступятъ на должность съ жалованьемъ, меньшимъ противъ пенсіи, они получаютъ жалованіе съ добавкою изъ пенсіи до оклада оной.

27) Прослужившіе усердно десять и болѣе, до двадцати лѣтъ, въ учебной или воспитательной должности при духовной академіи, семинаріи или училищѣ, при выходѣ въ отставку получаютъ единовременное пособіе въ размѣрѣ годоваго оклада пенсіи, по росписанію должности ихъ присвоеннаго.

28) Выходящимъ въ отставку по разстроенному совершенно на службѣ здоровью или по тяжкой, неизлечимой болѣзни, надлежаще засвидѣтельствованнымъ (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. III уст. 161 и 162 по прод. 1868 г.), сроки для полученія пенсій и единовременныхъ пособій сокращаются на основаніи существующихъ по министерству народнаго просвѣщенія правилъ о сокращенныхъ срокахъ (Уст. Пенс. ст. 504—507).

29) Семействамъ лицъ, выслужившихъ на основаніи предшедшихъ статей (21—28) сроки къ полученію пенсій, пенсіи производятся по общему пенсіонному уставу (ст. 100, 101, 104, 105, 106, 110—122, 124, 126).

30) Пенсія прекращается вдовѣ, когда она вступитъ въ новый бракъ, а каждому изъ дѣтей, когда оно достигнетъ совершеннолѣтія, т. е. двадцати одного года, или когда и прежде сего времени дочери вступятъ въ замужество, а сыновья будутъ опредѣлены въ учебныя заведенія на казенное содержаніе или въ службу.

31) Увѣчныя и одержимыя неизлечимыми болѣзнями дѣти, не имѣющія способовъ къ своему пропитанію, пользуются пенсіею по смерть, на точномъ основаніи ст. 43,126, 201 и 243 Уст. Пенс.

32) Семействамъ лицъ, умершихъ на службѣ прежде выслуги срока на пенсіи, выдается въ единовременное пособіе за службу мужей или отцовъ, продолжавшуюся до десяти лѣтъ, половина оклада, а свыше десяти лѣтъ—полный окладъ пенсіи, опредѣленный по росписанію.

Примѣчаніе. Семейство, коему назначена пенсія, не имѣетъ права на полученіе сверхъ того единовременнаго пособія.

33) Лица, состоящія на службѣ при духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ не по учебной или воспитательной части, равно и семейства ихъ, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ общаго Уст. о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

34) О назначеніи пенсій или пособій служащимъ по духовно-учебному вѣдомству лицамъ и семействамъ ихъ академическія, семинарскія и училищныя правленія представляютъ епархіальнымъ архіереямъ, которые сообщаютъ о томъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

35) Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, по разсмотрѣніи представленій сего рода, назначаетъ пенсіи и единовременныя пособія на основаніи настоящаго положенія или общаго пенсіоннаго Устава, по принадлежности, исключая случаи, представляющіе какое либо сомнѣніе. Въ сихъ случаяхъ Оберъ-Прокуроръ о производствѣ пенсіи или выдачѣ пособія предлагаетъ на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

36) Пенсіи и единовременныя пособія служащимъ по духовно-учебному вѣдомству, равно и семействамъ ихъ, производятся изъ духовно-учебнаго капитала.

37) Должностныя лица въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, пользуются служебными правами и преимуществами, кои предоставлены имъ уставами и штатами тѣхъ заведеній и дополнительными къ онымъ постановленіями.

Lenhossek. Institutiones physiologiae organismi humani, usui academico accommodatae. Vol. I—IV. 8°. 1823—24. Mosquae. (XXVII. 1. 48).

Needham. Disquisitio anatomica de formato foetu. 8°. 1667. Londini. (XXVII. 1. 20).

Schelkow (Joh.). Anatomica et physiologica apparatus urinarii, in animalibus vertebratis, descriptio. 8°. 1857. Charcoviae. (XXVII. 1. 11).

Wilkomirsky (Hipp.). De rationibus, quibus diarthroses contiguae, ob diversam earum structuram anatomicam, moveantur et luxentur. Dissertatio inauguralis anatomico—chirurgica. 8°. 1854. Cracoviae. (XXVII. 1. 10).

Буяльскій (Ил.). Краткая общая анатомія тѣла человѣческаго. 8°. 1844. Спб. (XXVII. 2. 3—8).

Бюхнеръ. Физіологическія картины. Перев. Усовъ. 8°. 1862. Москва. (XXVII. 3. 26).

Валентинъ. Начальныя основанія физіологіи человѣческаго тѣла. Второе изданіе исправленное и дополненное Малиновскимъ. 8°. 1851. Спб. Тоже, изд. 1848. 2 экз. (XXVII. 1. 49—50 и LXXXII. 5. 21).

Вальтеръ (А.). Анатомія внутренностей, сосудовъ, нервовъ и органовъ чувствъ человѣческаго тѣла. 8°. 1851. Кіевъ. (XXVII. 3. 24).

Вальтеръ (А.). Анатомія тканей, костей, сочлененій, мускуловъ и фасцій человѣческаго тѣла. 8°. 1853. Кіевъ. (XXVII. 3. 23).

Варнекъ. Печень рака въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніи. 8°. 1847. Спб. (XXVII. 2. 29).

Деникеръ. Физіологическая исторія женщины. Книга для матерей и воспитательницъ. 8°. 1854. Спб. (XXVII. 2. 39).

Загорскій. Сокращенная анатомія или руководство къ познанію строенія человѣческаго тѣла. Кн. I. 8°. 1830. Спб. (XXVII. 2. 35).

Кёлликеръ. Гистологія или ученіе о тканяхъ человѣка. Пер. Ковалевскій. 8°. 1865. Спб. (XXVII. 3. 30).

Мокрицкій (Ф.). О непосредственномъ вліяніи давленія крови на скорость ударовъ сердца. 8°. 1873. Варшава. (XXVII. 3. 21).

Прохаска. Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ. Пер. Велланскій. 8°. 1822. Спб. 2 экз. (XXVII. 1. 55 и LXXXII. 4. 22).

Русдорфъ и Мазіусъ. Начальныя основанія физіологіи Русдорфа и зоологіи Мазіуса. 8°. 1860. Спб. (XXVI. 3. 32).

Сидери. Физіологія. Изд. *Филомаѳитскимъ*. Ч. I—III. 8°. 1836—40. Москва. 2 экз. (XXVII. 2. 24—25).

Скандовскій. Краткая физіологія человѣка. Соств. для воспитанниковъ Казанской дух. семинаріи. 8°. 1849. Казань. (XXVII. 1. 64).

Фогтъ (К.). Физіологическія письма. (I—XXXI). Пер. съ 3 нѣмецк. изд. П. Бабкинъ и Э. Ламанскій. Вып. I—III. 8°. 1863—64. Спб. (XXVII. 2. 11)

Фрей. Гистологія и гистохимія человѣка. Пер. Янсонъ. 8°. 1865. Спб. (XXVII. 3. 17).

VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, ТЕХНОЛОГІЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1) ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Auswahl öconomischen Abhandlungen, welche die freye öcononomische Geselschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Bände I—IV. 8°. 1790—93. St. Petersburg. (XXVII. 4. 1).

Réglémens de la societé économique de St. Pétersbourg. 8°. 1828. St. Pétersburg. (XXVII. 8. 38).

Блоккъ. Сравнительное обозрѣніе силъ и богатствъ европейскихъ государствъ. Перев. съ франц. 8°. 1863. Спб. (XXVII. 8. 49).

Богдановъ (Н.), Разсужденіе о пріумноженіи народнаго богатства посредствомъ усовершенствованія земледѣлія. 8°. 1833. Спб. (XXVII. 5. 10).

Бунге. Теорія кредита. 8°. 1852. Кіевъ. (XXVII. 5. 33).

Вреденъ (Э.). Страховыя артели и долевая рабочая плата. 8°. 1870. Спб. (XXVII. 8. 23).

Гарнье. Основныя понятія политической экономіи. Перев. П. Кисловскій. 8°. 1868. Спб. (XXVII. 4. 19).

Гильдебрандъ (Бруно). Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ. 8°. 1861. Спб. (XXVII. 4. 9).

Горловъ (Иванъ). Начала политической экономіи. Том. I—II. 8°. 1859—1862. Спб. (XXVII. 5. 34).

Горловъ (Иванъ). О новыхъ открытіяхъ золота, въ отношеніи къ статистикѣ и государственной экономіи. 8°. 1854. Спб. (XXVII. 8. 20).

Иванюковъ (Ив.). Экономическая теорія Маклеода. 8°. 1870. Спб. (XXVII. 8. 22).

Либихъ. Будущность земледѣльческихъ государствъ. Пер. Мальцовъ. 8°. 1861. Спб. (LXXIX. 5. 6).

Павловъ (Платонъ). Очеркъ сравнительной хозяйственной статистики Россіи. (Изъ «Педагог. Сборн.»). 8°. 1869. Спб. (XXVII. 8. 51).

Рошеръ. Начала народнаго хозяйства. Том. I. 8°. 1860. Москва. (XXVII. 8. 48).

Сарторіусъ. Объ источникахъ, откуда могутъ быть удовлетворены потребности народа. 8°. (XXVII. 8. 44).

Сей (Ж.). Сокращенное ученіе о государственномъ хозяйствѣ. 8°. 1816. Спб. (XXVII. 5. 3).

Смитъ. Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ. Перев. съ англійскаго. Том. I—IV. 8°. 1801—6. Спб. (XXVII. 4. 14).

О средствахъ къ устраненію экономическихъ и финансовыхъ затрудненій въ Россіи. Статьи и замѣтки, касающіяся этого предмета. Изд. *Долинскаго.* 8°. 1871. Спб. (XXVII. 4. 18).

Шлецеръ. Начальныя основанія государственнаго хозяйства, или науки о народномъ богатствѣ. Част. I—II. 8°. 1805—6. Москва. (XXVII. 5. 4).

2) ТЕХНОЛОГІЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Born. Ueber das frühe Bewohnen neuer Steinhäuser. 8°. 1789. St. Petersb. (XXVII. 8. 46).

Boussingault. Economie rurale, considerée dans ses rapports avec la chimie, la physique et la météorologie. Tom. I—II. 8°. 1843—44. Paris. (XXVII. 4. 11).

Leuch. Neuestes Handbuch für Fabricanten, Künstler, Handwerker und Oekonomen. B. VI. 8°. 1820. Nürnberg. (XXVII. 4. 16)

Адлерскронъ (Бехагель). Таблицы для опредѣленія кубическаго содержанія деревъ въ кругломъ видѣ. 4°. 1852. Спб. (XXVII. 8. 17).

Аммосовъ. Краткое понятіе о пневматическомъ отапливаніи. 8°. 1841. Спб. (XXVII. 4. 21).

Бергштрессеръ. Наставленіе о разведеніи испанскихъ овецъ и надлежащемъ за ними смотрѣніи. 8°. 1838. Спб. (XXVII. 5. 9).

Бонафу. О выкармливаніи шелковичныхъ червей по способу графа Дандоло. Пер. съ франц. 8°. 1828. Спб. (XXVII. 5. 11).

Брыковъ. Хозяйственныя и техническія руководства, изд. отъ Импер. вольнаго экономическаго общества: руководство къ разведенію, сохраненію и употребленію піявокъ. 8°. 1852. Спб. (XXVII. 4. 17).

Вавиловъ. Бесѣды русскаго купца о торговлѣ. 8°. 1845. Спб. (XXVII. 5. 32).

Винклеръ. Книга техникохимическихъ рецептовъ. 8°. 1865. Москва. (XXVII. 4. 6).

Витвицкій. Практическое пчеловодство. Част. III и V. 8°. 1842. Спб. (XXVII. 5. 17).

Всеволодовъ. Курсъ скотоводства. 8°. 1836. Спб. (XXVII. 4. 15).

Гартухъ. О воздѣлываніи крапа. 8°. 1837. Спб. (XXVII. 5. 19).

Гастферъ. Обстоятельное наставленіе о разведеніи и соблюденіи наилучшей породы овецъ. 8°. 1790. Спб. (XXVII. 5. 12).

Гацци. О усовершенствованіи сельскаго скотоводства. 8°. 1830. Спб. (XXVII. 5. 14).

Герингъ. Краткое наставленіе, какъ истреблять парши у овецъ. 8°. 1838. Спб. (XXVII. 5. 16).

Гюэ. Руководство къ сукнодѣлію. 8°. 1835. Спб. (XXVII. 5. 13).

Д. Теоретико-практическое наставленіе о винодѣліи. Пер. Стойковича. 8°. 1830. (XXVII. 5. 15).

Дэви. Основанія земледѣльческой химіи. 8°. 1832. Спб. (XXVII. 5. 36).

Детенгофъ. Общій составъ торговли или теоретическо-практическое руководство къ познанію торговыхъ наукъ. 8°. 1833. Спб. (XXVII. 5. 2).

Дешерфъ. О фландрскомъ сельскомъ хозяйствѣ. (Заглавн. листъ рукописный). 8°. (XXVII. 5. 18).

Зейфертъ. Увѣдомленіе о разведеніи и приготовленіи тонкаго льна. 8°. 1790. Спб. (XXVII. 5. 24).

Земледѣліе въ Китаѣ. Издан. *Іаканфа Бичурина.* 8°. 1847. Спб. 11 экз. (XXVII. 8. 24—34).

Зеркало (деревенское), или общенародная книга. Част. I—III. 8°. 1798—1799. Спб. (XXVII. 4. 28).

Изслѣдованіе запаса и прироста лѣсонасажденій С.-Петербургской губерніи, произв. графомъ Баргасъ де Бедемаромъ съ 1843 по 1848 гг. 8°. 1850. Спб. (XXVII. 5. 39).

Изслѣдованія Императ. вольнаго экономическаго общества о протыкальномъ способѣ обдѣлки прядильныхъ растеній. Выписка изъ журнала 8 декабря 1845 г. 8°. 1846. Спб. (XXVII. 4. 13).

Ильенковъ. Разсужденіе о химическомъ процессѣ приготовленія сыровъ. 8°. 1847. Спб. (XXVII. 5. 22).

Киттары. Публичныя лекціи технологіи, читанныя въ Императ. Казанскомъ университетѣ въ 1851 и 1852 г. Том. I. вып. 1. 4°. 1852. Казань. (XXVII. 8. 18).

Книга объ исчисленіи процентовъ по билетамъ банковъ и сохранной казны. 8°. 1844. Спб. (XXVII. 5. 35).

Крейсигъ. Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. Пер. Усовъ. 8°. 1836. Спб. (XXVII. 5. 28).

Либихъ (Юстусъ). Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній. Част. I—II. 8°. 1864. Спб. (XXVII. 4. 7).

Либихъ. Письма о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства. Пер. Совѣтовъ. 8°. 1861. Спб. (XXVII. 4. 31).

Линдлей. Теорія садоводства. 8°. 1845. Спб. (XXVII. 8. 36).

Лѣтописи открытій и изобрѣтеній касательно домашняго и сельскаго хозяйства, искуствъ и сохраненія здравія и жизни людей и животныхъ. Част. I—III. 8°. 1829. Спб. 3 экз. (XXVII. 5. 5—7).

Мигурскій. Практическій учебникъ для фотографіи. 8°. 1859. Одесса. (XXVII. 4. 10).

Наставленіе о розведеніи табаку и приготовленіи наилучшихъ родовъ курительнаго и нюхательнаго. Пер. съ нѣмецк. 8°. 1810. Спб. (XXVII. 4. 30).

Нейманъ. Руководство къ паровому винокуренію. 8°. 1832. Спб. (XXVII. 8. 35).

Огородникъ (русскій практическій), или настольная огородная книга. Собралъ Н. В—овъ. 12°. 1842. Спб. (XXVII. 8. 45).

Описаніе достопримѣчательнаго засѣданія вѣнскаго общества сельскаго хозяйства, бывшаго 6 и 7 мая 1835. 8°. 1836. Спб. (XXVII. 4. 29).

Описаніе кухонной печи, устроенной г. Д. Арсетомъ. 8°. 1828. Спб. (XXVII. 4. 27).

Описаніе печи для нагрѣванія комнатъ, устроенной Шемаевымъ. 8°. 1834. Спб. (XXVII. 5. 37).

Опытъ историческаго обзора развитія пчеловодства въ Россіи. 8°. 1843. Спб. (XXVII. 4. 25).

Открытіе новѣйшихъ секретовъ полезныхъ для каждаго званія людей. 12°. 1833. Москва. (XXVII. 8. 37).

Отчеты о дѣйствіяхъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества. За 1828—1840 годы. 8°. 1828—41. (XXVII. 4. 4).

Павловъ. О средствахъ полученія урожаевъ хлѣба болѣе постоянныхъ въ черноземной полосѣ Россіи. 8°. 1839, Спб. (XXVII. 4. 23).

Парротъ. О предохранительныхъ трубахъ для паровыхъ винокуренныхъ приборовъ. 8°. 1833. Спб. (XXVII. 4. 24).

Положеніе о количествѣ матеріаловъ, какое назначать должно при составленіи смѣтъ на постройку домовъ. 4°. 1825. Спб. (XXVII. 8. 10).

Производительность (рыбная) озера Байкала. 8°. (XXVII. 8. 50).

Садовникъ (новый совершенный), цвѣтоводецъ и огородникъ. Част. I—II. 8°. 1828. Москва. (XXVII. 5. 1).

Палимпсестовъ. Словарь сельско-хозяйственныхъ растеній. 8°. 1853. Одесса. (XXVII. 5. 8).

О пользѣ и необходимости въ Россіи плодопеременнаго полеводства. 8°. 1836. Спб. (XXVII. 4. 32).

О пользѣ и необходимости водворенія въ Россіи плодопеременнаго сельскаго хозяйства. 8°. 1829. Спб. (XXVII. 4. 33).

Пошманъ. Наставленіе о приготовленіи сухихъ и влажныхъ туковъ, служащихъ къ удобренію пашенъ. 8°. 1809. Спб. (XXVII. 4. 26).

Ращетъ о выгодахъ воздѣлыванія свекловицы и добыванія изъ оной сахара въ Россіи. 8°. 1829. Спб. (XXVII. 4. 35).

Розамовскій. О сравнительномъ состояніи сѣверныхъ странъ Россіи относительно земледѣлія и возможномъ ихъ улучшеніи. 8°. (XXVII. 4. 20).

Рыболовъ (опытнѣйшій). 12°. 1829. Москва. (XXVII. 8. 39).

Сборникъ разныхъ статей по сельскому хозяйству. 12°. 1816. Спб. (XXVII. 4. 39).

Синклеръ. Практическое и умозрительное земледѣліе. Част. I—II. 8°. 1831. Спб. (XXVII. 5. 26).

О скотоводствѣ въ Россіи и его обезпеченіи. 8°. 1850. Спб. (XXVII. 8. 52).

Спатциръ. О дѣйствіи гипса при удобреніи почвъ. 8°. 1833. Спб. (XXVII. 5. 38).

Способъ (новѣйшій) воздѣлывать картофель. 12°. 1835. Москва. (XXVII. 8. 43).

Способъ новѣйшій, легчайшій и удобнѣйшій устраивать обыкновенные, артезіанскіе (водометные), персидскіе и разнаго рода колодцы; наставленіе отыскивать ключи или источники воды, узнавать гдѣ мѣста безводны. Сочиненіе основанное на правилахъ и опытахъ Витри, Белидора, Гейлюсака и Дюгамеля. 8°. 1836. Москва. (XXVII. 4. 34).

Статьи по сельскому хозяйству, выбранныя изъ «Земледѣльческой Газеты» 1834—35 г. 4°. 1837. Спб. (XXVII. 8. 11).

Стойковичъ. Систематическое изложеніе способовъ обезводненія мокрой болотистой почвы и обсушенія топей. 8°. 1827. Спб. (XXVII. 5. 30).

Теплоуховъ. Устройство лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Руководство для управителей, лѣсничихъ и землемѣровъ. 8°. 1850. Спб. (XXVII. 4. 12).

Усовъ. Замѣчанія о важности изученія сельскаго хозяйства, какъ науки, при образованіи юношества въ Россіи. 8°. (XXVII. 5. 20).

Уставъ С.-Петербургской земледѣльческой компаніи. 8°. 1828. Спб. (XXVII. 4. 22).

Уставъ вольнаго экономическаго общества, вновь дополненный и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 4 февраля 1824 г. одобренный. 8°. 1824 Спб. 2 экз. (XXVII. 4. 2—3).

Фейтъ. Наставленіе къ воздѣлыванію и обработыванію льна по голландскому способу. Пер. Тиренъ. 8°. 1846. Спб. (XXVII. 5. 31).

Циркуляръ вольнаго экономическаго общества отъ 15 января 1846 г., содержащій мнѣнія гг. членовъ общества и другихъ лицъ о способѣ удержанія среднихъ цѣнъ на хлѣбъ. 8°. Спб. Подобный же циркуляръ отъ 1 августа 1847 г. (XXVII. 8. 40—41).

Щверцъ. Руководство къ практическому земледѣлію. 8°. 1834 Спб. (XXVII. 5. 29).

Шелеховъ. Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ. Част. I—II. 8°. 1838—39. Спб. (XXVII. 5. 27).

Шелеховъ. Существенныя правила плодопеременнаго сельскаго хозяйства. 8°. 1827. Спб. (XXVII. 5. 25).

Шелеховъ. О настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи. 12°. 1842. (XXVII. 8. 42).

Шмальцъ. Отвѣтъ на вопросъ: необходима ли наука сельскаго хозяйства. 8°. 1834. Спб. (XXVII. 4. 38).

Штиссеръ. Руководство производить постройки изъ мокрой глины дешево, прочно и красиво. 8°. 1829. Спб. (XXVII. 4. 36).

Щегловъ. Хозяйственная ботаника, заключающая въ себѣ описанія и изображенія полезныхъ и вредныхъ растеній. Част. I—II. 4°. 1828. Спб. (XXVII. 8. 15).

Щегловъ. Рѣчь объ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ въ теченіе послѣдняго года съ свекловично-сахарнымъ производствомъ. 8°. 1829. Спб. (XXVII. 4. 37).

3) ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Библіотека (карманная хозяйственная). Кн 1—7 и 9—24. Прибавленіе къ «Труд. вольн. экономич. общества» за 1856 г. 12°. Спб.

1) Руководство къ домашнему приготовленію доброкачественной кровельной черепицы. (XXVII. 8. 73).

2) Руководство къ выдѣлкѣ хорошихъ печныхъ изразцовъ. (XXVII. 8. 69).

3) Наставленіе къ насажденію аллей и огораживанію сельскихъ угодій живыми изгородами и плетнями. (XXVII. 8. 75).

4) Наставленіе къ мочальному производству и заготовленію бочарнаго и мелкаго подѣлочнаго лѣса. (XXVII. 8. 55).

5) Наставленіе къ собиранію, храненію и употребленію древесныхъ сѣмянъ. (XXVII. 8. 74).

6) Наставленіе къ производству столярныхъ работъ, особливо въ сельскомъ домашнемъ быту. (XXVII. 8. 56).

7) Наставленіе къ добыванію жирныхъ маслъ (XXVII. 8. 54).

8) Совѣты для устройства каминовъ и печей. (XXVII. 8. 68).

9) Наставленіе къ разведенію разныхъ тепличныхъ парниковыхъ и воздушныхъ овощей. (XXVII. 8. 70).

10) Наставленіе къ добыванію нашатыря и другихъ амміачныхъ солей, употребляемыхъ въ общежитіи и промышленности. (XXVII. 8. 71).

11) Наставленіе къ разведенію и уборкѣ хмѣля, преимущественно въ средней полосѣ Россіи. (XXVII. 8. 61).

12) Наставленіе къ устройству повозочныхъ и телѣжныхъ колесъ и осей. (XXVII. 8. 57).

13) Наставленіе къ разведенію марены, краснльной гречки, шафрана и краснл. цервы. (XXVII. 8. 72).

14) Наставленіе къ воспитанію шелковичныхъ червей и къ разведенію шелковичныхъ или тутовыхъ деревьевъ (XXVII. 8. 60).

15) Наставленіе къ содержанію и разведенію канареекъ. (XXVII. 8. 62).

16) Наставленіе къ разведенію и содержанію камелій. (XXVII. 8. 59).

17) Наставленіе къ разведенію ананасовъ (XXVII. 8. 58).

18) Наставленіе къ разведенію индѣекъ. (XXVII. 8. 76).

19) Наставленіе къ освѣщенію спирто-скипидарною жидкостью. (XXVII. 8. 66).

20) Совѣты любителямъ цвѣтоводства. (XXVII. 8. 67).

21) Наставленіе къ выгоднѣйшему откармливанію и доенію рогатаго скота. (XXVII. 8. 64).

22) Наставленіе къ разведенію аврикулей, анютиныхъ глазокъ, ранункулей, анемоновъ и душистой фіалки. (XXVII. 8. 65).

23) Наставленіе къ производству лѣсныхъ посѣвовъ. (XXVII. 8. 63).

Газета хозяйственная. Экономическія записки. Еженедѣльное прибавленіе къ журналу: «Труды И. В. Э. общества». За 1855—62 год. 4°. Спб. (XXVII. 8. 1—8)

Журналъ землевладѣльцевъ. №№ 4—24 въ семи книгахъ. 8°. 1858—1859. Спб. (XXVII 8. 53).

Записки Импер. Казанскаго экономическаго общества. Годъ первый. Част. I—III или кн. 1—12. 8°. Казань. (XXVII. 8. 47).

Записки (хозяйственныя), или собраніе полезныхъ опытностей во всѣхъ частяхъ хозяйства. Ежемѣсячное сочиненіе вольнаго экономическаго общества. Том. I—III. 8°. 1812. Спб. (XXVII. 4. 40).

Извѣстія (еженедѣльныя) вольнаго экономическаго общества. 4°. 1788. Спб. (XXVII. 8. 16).

Посредникъ. Газета промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ, изд. *Усовымъ*. Годы I (1840), V (1844) и VI (1845). 4°. Спб. (XXVII. 8. 12—14).

Труды вольнаго экономическаго общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства. (Повременное изданіе). Ч. III—VI, VIII, XIV—XXXI, XXXIII—XXXVII, XXXIX, L—LII, LIX, LXXI и LXXII за 1766—1821 год. 8°. 1770—1825. Спб. (XXVII. 6. 1—21).

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества 1) за 67-й годъ его существованія отд. 1 и 3. Изд. 1833 г. и 2) за 68-й г. существованія отд. 1 и 3. Изд. 1834—35. 8°. Спб. (XXVII. 4. 5).

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества:

1) За 1842 г. I-я треть. 2 экз. (XXVII. 6. 22—23).
2) За 1845 г. Ч. I—II. (XXVII. 6. 24).
3) За 1846 г. Ч. I—II. (XXVII. 6. 25).
4) За 1847 г. Ч. I—II. (XXVII. 6. 26).
5) За 1848 г. Ч. I—II. (XXVII. 6. 27).
6) За 1850 г. Том. I—IV. (XXVII. 6. 28).

7) За 1851 г. Том. I—IV. (XXVII. 6. 29).
8) За 1853 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 1).
9) За 1854 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 2).
10) За 1855 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 3).
11) За 1856 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 4).
12) За 1857 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 5).
13) За 1858 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 6).
14) За 1859 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 7).
15) За 1860 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 8).
16) За 1861 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 9).
17) За 1862 г. Том. I—IV. (XXVII. 7. 10).

VIII. МЕДИЦИНА.

Alpinus. Medicina aegyptiorum. Acced. libri de balsamo et rhapontico. 4°. 1719. Lugduni. (XXVII 1. 57).

Cahaguet. Du traitement des maladies ou étude sur les proprietés médicinales de 150 plantes. 16°. 1851. Paris. (XXVII. 1. 39).

Celsus (Corn.). De medicina libri octo. 8°. 1786. Biponti. (XXVII 1. 61).

Denkowsky. Adiposis hepatis. Dissertatio inauguralis in universitate S-ti Vladimiri. 8°. 1857. Kioviae. (XXVII. 1. 54).

Erhard De articulationibus inter truncum et extremitatem superiorem intercedentibus 8°. 1854. Kioviae. (XXVII. 1. 4).

Eschenbach (Christ.). Medicina legalis, brevissimis comprehensa thesibus. 8°. 1775. (XXVII. 1. 1).

Exhortation to sick persons. 16°. (XXVII 2. 34).

Farbe. Dictionnaire des dictionnaires de médicine française et étrangère. Tom. I—IX. 8°. 1850—51. Paris. (XXVII. 2. 1).

Glagoleff (Matth.). De gangrena nosocomiali. Dissertatio inauguralis medica. 8°. 1857. Charcoviae. (XXVII. 1. 13).

Gorecky (Lodov.). De sputis in pneumonia acuta primaria. Dissertatio inauguralis semiologica. 8°. 1855. Kioviae. (XXVII. 1. 14).

Haln. De hipertrophia cerebri. Dissertatio inauguralis. 8°. 1854. Charcoviae. (XXVII. 1. 5).

Hartmann (Carol.). Pharmacologia dynamica, usui academico accommodata. Vol. I—II. 8°. 1825. Mosquae. (XXVII. 1. 62).

Jacyna (Andr.). De cholerae epidemicae anatomia pathologica additis notionibus physiologico-pathologicis. 8°. 1852. Kioviae. (XXVII. 1. 7).

Iskiersky (C.). De febre intermittente crimensi dissertatio. 8°. 1852. Kioviae. (XXVII. 1. 6).

Klepatzky. De phlebitide traumatica. Dissertatio medico-chirurgica. 8°. 1852. Kioviae. (XXVII. 1. 9).

Matthiolus. Petri Andreae Matthioli Senensis commentarii secundo aucti in libros sex Pedacii Dioscoridis Anazarbei de medica materia. His accessit ejusdem apologia adversus Amathum Lusitanum quin et censura in ejusdem enarrationes. Fol. 1558. Venetiae. (**XXVII. 3. 2**).

Mazoni (I. F.). De primo gradu degenerationis rerum in morbo Brightii. Commentatio pathologico—anatomica. 8°. 1850. Kioviae. (**XXVII. 1. 8**).

Piroschkoff (Nic.). De mjelitide. 8°. 1858. Cracoviae. (**XXVII. 1. 12**).

Spielmann. Jac. Reinbaldi Spielmann institutiones materiae medicae, praelectionibus academicis accommodatae. Editio nova revisa. 8°. 1784. Argentorati. (**XXVII. 1. 56**).

Szapory. Magnitisme et magnito-terapie. 8°. 1854. Paris. (**XXVI. 1. 58**).

Бижель. Лѣченіе водою по методѣ Присница въ Грефенбергѣ. Перев. съ французскаго. 8°. 1841. Москва. (**XXVII. 2. 20**)

Вейгерсгеймъ. Холодная вода какъ лѣкарство. 12°. 1842. Москва. (**XXVII. 1. 26**).

Виттъ. О распознаваніи и лѣченіи геморроя или почечуя и другихъ, въ тѣсной связи состоящихъ съ нимъ, болѣзней. 8°. 1823. Спб. (**XXVII. 2. 9**).

Владиміровъ (Л.). О значеніи врачей экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. 8°. 1870 Харьковъ. (**XXVII, 3. 19**).

Вольскій. Объ Иппократѣ и его ученіи. Съ переводомъ трехъ главнѣйшихъ и подлинныхъ его книгъ. 8°. 1840 Спб. (**XXVII. 3. 18**).

Всеволодовъ. Краткая патологія скотоврачебной науки. 8°. 1838. Спб. (**XXVII. 1. 41**)

Всеволодовъ. Зоохирургія или рукодѣятельная ветеринарная наука. Кн. I—II. 8°. 1833—34. Спб. (**XXVII. 2 10**).

Ганъ. Распознаваніе и лѣченіе золотушной и англійской болѣзней и труднаго прорѣзыванія зубовъ у дѣтей. 8°. 1829 Спб. (**XXVII. 1. 37**).

Гемостатинъ или цѣлительная, кровь останавливающая жидкость. Изд. *Нелюбинъ*. 8°. 1840. Спб. (**XXVII. 1. 23**)

Генке. Руководство къ судебной медицинѣ. Перев. Никитинъ. 8°. 1828. Москва. (**XXVII. 1. 36**).

Гроссъ. Полное изложеніе правилъ діэтетическаго и врачебнаго употребленія холодной воды. Част. I—II 12°. 1832. Москва. (**XXVII. 1. 25**).

Гуаровицъ. Военно-санитарныя учрежденія Сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатовъ во время послѣдней войны. Съ описаніемъ страны и населенія. 8°. 1868. Спб. (**XXVII. 2. 36**).

Гуфеландъ. Наука, показывающая способы къ долговременной жизни. Част. I—II. 8°. 1820. Москва. (**XXVII. 1. 35**).

Гуфеландъ. Искуство продлить человѣческую жизнь. 8°. 1852. Спб. (**XXVII. 3. 25**)

Дебэ. Полная гигіена волосъ на головѣ и бородѣ. Перев. съ франц. А. С. 8°. 1853. Москва. (**XXVII. 2 28**).

Добронравовъ. Руководство къ сохраненію здоровья и воспитанію человѣка. 8°. 1858. (**XXVII. 2. 14**).

Другъ здравія. Народно-врачебная газета. На 1833—1840 годы. 4°. Спб. (**XXVII 3. 3—10**).

Замѣчанія (краткія) о чумѣ, медицинскимъ совѣтомъ изданныя въ 1829 г. 8°. Спб. (**XXVII. 2. 2**).

Журналъ ветеринарной медицины. Ежемѣсячное изданіе Годъ IV (1843). Январь—Декабрь. 8°. 1843. Спб. (XXVII. 1. 16).

Зибертъ. Діагностика болѣзней брюшныхъ органовъ. Перев. Норшинъ. 8°. 1860. Спб. (XXVII. 3. 16).

Ивановъ. О вліяніи ампутацій на боковое давленіе въ артеріяхъ. 8°. 1862. Кіевъ. (XXVII. 1. 51).

Иноевсъ. Руководство къ распознаванію, лѣченію и предохраненію себя отъ болѣзней, происходящихъ отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни. 8°. 1853. Спб. (XXVII. 1. 59).

Иноевсъ. Сперматорія или описаніе вреднаго вліянія плодотворной влаги на здоровье человѣка. Част. I—II. 8°. 1850. Спб. (XXVII. 1. 47).

Иноземцевъ. О лѣченіи молокомъ простудныхъ и съ простудными сопряженныхъ болѣзней холодно-лихорадочнаго свойства. 8°. 1857. Москва. (XXVII. 2. 33).

Иппократъ. Афоризмы Иппократа. Пер. Пав. Шоцъ. 8°. 1848. Спб. (XXVII. 1. 42).

Каменецкій. Краткое наставленіе о лѣченіи болѣзней простыми средствами. 8°. 1852. Москва. (XXVII. 1. 2).

Каспари. Гомеопатическій домашній и дорожный лѣчебникъ. Изд *Гартманомъ*. Перев. съ нѣмецк. 8°. 1836. Москва. (XXVII. 1. 3).

Каспари. Полное изложеніе правилъ весенняго лѣченія болѣзней. Перев. съ нѣмецк. Н. П. Съ рецептами. 8°. 1839. Москва. (XXVII. 1. 52).

Кашинскій. Русскій лѣчебный травникъ или описаніе отечественныхъ врачебныхъ растеній. 12°. 1862. Москва. (XXVII. 1. 38).

Киліанъ. Домашній лѣчебникъ. Перев. съ нѣмецкаго Бутковскій. Ч. I—III. 8°. 1836. Спб. (XXVII. 2. 37).

Коренья на піянство то и какова польза принося на онія, щого піятъ много. 8°. 1842. Смирна. (XXVII. 1. 17).

Красота и здоровье женщинъ. Изд. *Хана* 8°. 1866. Спб. (XXVII. 2. 21).

Кривошапкинъ. По поводу доклада Петрова и Щербакова: «Замѣтки о земской медицинѣ въ Казанской губерніи». 8°. 1872. Казань. (XXVII. 3. 20).

Лалльманъ. О непроизвольныхъ истеченіяхъ сѣмянныхъ. Перев. Леонтовичъ. 8°. 1846. Москва. (XXVII. 2. 27).

Ламертъ. Картины послѣдствій разврата. 12°. 1859. Москва. (XXVII. 1. 24).

Ламертъ. Законы о сохраненіи и продолженіи человѣческой жизни, предложенныя Ламертомъ въ 2 частяхъ. 8°. 1851. Москва. (XXVII. 2. 38).

Лесье, Ренаръ, Лесне и Ріе. Судебная медицина или разсмотрѣніе дѣтоубійства, способовъ вскрытія мертвыхъ тѣлъ, произвольныхъ прободеній и разъѣденій желудка, кровоизліяній, ушибовъ и другихъ поврежденій кожи. 8°. 1823. Спб. (XXVII. 2. 13).

Матвѣевъ (А.). Курсъ акушерства для учащихся. Выпуски I—III. 8°. 1856—58. Кіевъ. (XXVII. 2. 40).

Макензи. О геморроѣ. 8°. 1849. Москва. (XXVII. 1. 18).

Максимовичъ (Амбодикъ). Врачебное веществословіе или описаніе цѣлительныхъ растеній. Кн. I—IV. 8°. 1783—89. Спб. (XXVII. 1. 45).

Оскаръ. Объ электричествѣ и методическомъ его примѣненіи къ врачебнымъ цѣлямъ. Част. I—II. 8°. 1858—66. Спб. и Москва. (XXVII. 3. 22).

Мочульскій. О физическомъ условіи холернаго начала. 8°. 1853. Спб. (XXVII. 1. 33).

Наставленіе (краткое) о лѣченіи болѣзней простыми средствами, случающихся отъ различныхъ ядовъ. 8°. 1806. Москва. (XXVII. 1. 29).

Неезе. Фармація для фармацевтовъ и врачей. Част. I—II. 8°. 1862—63. Спб. (XXVII. 3. 13).

Нейбаеръ и Фогель. Руководство къ качественному и количественному анализу мочи. Перов. съ нѣмецк. Сорокинъ. 8°. 1859. Спб. (XXVII. 3. 15).

Нейманъ (К. Г.). Частная патологія и частная терапія. Част. I—IV. 8°. 1846—51. Москва. (XXVII. 3. 14).

Нейманъ. Фармакологія или наука о лѣкарствахъ. Обраб. Нейманомъ въ алфавитномъ порядкѣ. Перев. В. Добронравовъ. 8°. 1854. Новгородъ. (XXVII. 3. 12).

Никитинъ. О весеннемъ лѣченіи болѣзней. 8°. 1833. Спб. Тоже, изд. 1853 г. (XXVII. 1. 21—22).

Остервальдъ. О чувственной любви и пагубныхъ послѣдствіяхъ ея. Част. I—II. 8°. 1842. Спб. 2 экземпл. (XXVII. 1. 46 и XC. 6. 6).

Пинель и Маттей. Врачебно-философическое начертаніе душевныхъ болѣзней, соч. Пинелемъ. Перев. съ франц. и присоединилъ изслѣдованіе душевныхъ болѣзней соч. Маттея Завадскій—Краснопольскій. 8°. 1829. Москва. (XXVII. 2. 32).

Рау. О распознаваніи и лѣченіи геморроидальнной болѣзни. Перев. Никитинъ. 8°. 1841. Спб. (XXVII. 1. 65).

Рау (Готл.). Исторія и значеніе гомеопатическаго способа врачеванія, въ краткомъ очеркѣ, изображенная. 8°. 1836. Москва. (XXVII. 1. 19).

Рашьяну Джирухенъ. Сердце пектара. (Лѣчебникъ). На монгольск. яз. Fol. (XXVII. 3. 11).

Рихтеръ. Курсъ частной патологіи и терапіи. Част. III. 8°. 1858. Кіевъ. (XXVII. 3. 27).

Савенко (П.). Кавказскія минеральныя воды. 8°. 1828. Спб. (XXVII. 1. 43).

Сидери (А.). Разсмотрѣніе достоинства способовъ открытія мышьяка, при судебно-химическихъ изслѣдованіяхъ. 8°. 1856. Харьковъ. (XXVII. 2. 22).

Скандовскій. О сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ. 8°. 1843. Спб. (XXVII. 1. 63).

О средствахъ къ предупрежденію погребенія обмершихъ. 8°. 1846. Спб. 2 экземпл. (XXVII. 2. 12 и 30).

Соболевъ. Дентистика или зубное искуство о лѣченіи зубныхъ болѣзней. Съ приложеніемъ дѣтской гигіены. 8°. 1829. Спб. (XXVII. 2. 23).

Тиссотъ. Онанизмъ. Перев. Никитинъ. 8°. 1852. Спб. (XXVII. 1. 34).

Трактатъ о возгорѣніяхъ человѣческихъ. Перев. Медвѣдевъ. 8°. 1827. Спб. (XXVII. 1. 32).

Филомаѳитскій. Трактатъ о переливаніи крови. 8°. 1848. Москва. (XXVII. 2. 26).

Флуранъ. О долговѣчности человѣческой и количествѣ жизни на земномъ шарѣ. Перев. съ французск. 8°. 1856. Спб. 2 экземпл. (XXVII. 1. 30 и XXVII. 1. 40).

Франкъ. Домашній лѣчебникъ. Ч. I—II. 8°. 1834. Москва. (XXVII. 1. 31).

Халецкій (С.). Очеркъ сѣрно-соляныхъ пятигорскихъ водъ съ клинической точки зрѣнія. 8°. 1862. Кіевъ. (XXVII. 2. 15).

Хотовицкій (Ст.). Врачебно-народное наставленіе для духовныхъ училищъ. 8°. 1844. Спб. (XXVII. 2. 16).

Хотовицкій (Ст.). О холерѣ. 8°. 1832. Спб. (XXVII. 1. 60).

Чаруковскій. Народная медицина, примѣненная къ русскому быту и разноклиматности Россіи. Част. III и V. 8°. 1844—45. 2 экземпл. (XXVII. 2. 17—18).

Шлейденъ. Курсъ медико-фармацевтической ботаники. Част. I. 8°. 1860. Харьковъ. (XXVII. 2. 19).

Шретеръ. Краткія правила къ достиженію глубокой старости, основанныя на разсудкѣ и опытѣ. 8°. 1826. Москва. (XXVII. 1. 28).

Эккартсгаузенъ. О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости. 8°. 1811. Спб. (XXVII. 1. 27).

IX. ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Военный журналъ, издаваемый при гвардейскомъ штабѣ. За 1817 г. 4°. 1817. Спб. (LIX. 9. 5).

Давыдовъ. Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія. 8°. 1822. Москва. (LXXVI. 4. 3).

Жомини. Наука о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Извлеч. изъ соч. Жомини *Языковымъ*. Част. I—II. 8°. 1836. Спб. (LXXVI. 5. 4).

Кользъ. Броненосныя башенныя морскія суда. 8°. 1864. Спб. (XXVII. 8. 19).

Леваль. О пальбѣ съ карабля по невидимой комендорами цѣли. Ч. I—II. 8°. 1864. Спб. (LXXVI. 5. 5).

Мысли о солдатѣ въ различныхъ по званію его отношеніяхъ. Изд. *Дибичъ*. Перев. съ нѣмецк. Ч. I—II. 8°. 1802—3. Москва. (LXXVII. 1. 23).

Опытъ библіотеки для военныхъ людей. Изд. *В. Соцомъ*. 8°. 1826. Спб. (LXXX. 6. 2).

Руководство молодымъ офицерамъ къ отправленію службы разныхъ родовъ войскъ въ военное время. Част. I—II. 8°. 1831. Спб. (LXXVI. 7. 17).

Семечкинъ. Лекціи о морской тактикѣ и эволюціяхъ. Прилож. къ № 6 «Морск. Сборн.». 1868 г. 8°. 1868. Спб. (LXXVI. 6. 12).

Славянинъ. Военно-литературный журналъ. Изд. *Воейковымъ*. На 1827 г. №№: 18, 21, 23 и 34. 8°. 1827. Спб. (LX 2. 12).

X. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

1) СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФИЛОЛОГІЯ.

Bambas. Das Sprachgeheimniss. 8°. 1849. Prag. (XCIX. 5. 19).

Bergier. Les éléments primitifs des langues. 8°. 1744. Paris. (XCIX. 3. 11).

Bopp (Franz). Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauichen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Abtheil. I—II. 4°. 1833—1849. Berlin. (XCVIII. 6. 14).

Bopp (Franz). Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Lateinischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Bände I—III. 8°. 1869—71. Berlin. Andere Aufl. B. I. 1857. (XCVIII. 6. 13 и XCIX. 5. 8).

Chavée. Lexiologie indo—europeenne. 8°. 1849. Paris. (XCIX. 5. 2).

Dorn. De affinitate linguae slavicae et sanscritae. 8°. 1833. Харьковъ. (C. 4. 1).

Ebet, Leskien, I. Schmidt und **A. Schleicher**. Indogermanische Chrestomatie. Schriftproben und Lesestücke. 8°. 1859. Weimar. (XCIX. 5. 14).

Guichart. L'harmonie étymologique des langues. 8°. 1618. Paris. (XCVIII. 3. 21).

Grischow. Introductio in philologiam generalem una cum succincta ac selecta bibliotheca scriptorum philologiae generalis ac specialis. 12°. 1715. Jenae. (XCIX. 3. 12).

Lepsius. Das allgemeine linguistische Alphabet. 8°. 1855. Berlin. (XCIX. 5. 20).

Michaelis. De l'influence des opinions sur le langage. 8°. 1762. Breme. (XCVIII. 1. 24).

Parrat. Novum specimen, quo probatur iterum linguarum indo-europearum origo semitica. 8°. 1855. Moulhouse. (XCIX. 5. 6).

Pott (Aug. Friedr.). Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Theil I. 8°. 1859. Lemgo und Detmold. (XCVIII. 6. 7).

Robertson. Théorie de l'enseignement des langues et plan d'organisation, basée sur l'association du capital, du travail et du talent. 8°. 1848. Paris. (XCIX. 4. 20).

De Sacy. Principes de grammaire generale. 8°. 1824 Paris. (XCVIII. 5. 24).

Schleicher. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung der arischen, celtischen und slavischen Sprachen. Band I. 8°. 1858. Berlin. (XCIX. 5. 22).

Schleicher. Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht. 8°. 1850. (XCVIII. 6. 20).

Schleicher (August). Compendium der verleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 8°. 1871. Weimar. 2 ex. (XCVIII. 6. 16 и 17).

Studach. Die Urreligion, oder das entdeckte Uralphabet. Tom. I—II. 8°. 1856—59. Stockholm и Leipzig. (LXXXVII. 5. 7).

Vuller (Joh. Aug.). Institutiones linguae persiacae cum sanscrita et sendica lingua comparatae. 8°. 1840. Giessae. (XXIV. 1. 59).

Wolhynsky. Philosophische Sprachlehre und zugleich neue russische Grammatik. 8°. 1812. S. Petersburg. (XCIX. 8. 22).

Гильфердингъ. О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. 8°. 1853. Спб. 2 экземпл. (C. 4. 3 и 5. 14).

Гильфердингъ. Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ. 8°. 1853. Москва. (C. 3. 17).

Гумбольдъ. О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этаго различія на умственное развитіе человѣческаго рода. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Перев. Билярскаго. 8°. 1859. Спб. (XCIX. 5. 25).

Лавренко. Языкъ умственной и животной жизни. Физіологическій очеркъ. 8°. 1865. Воронежъ. (XCIX. 5. 16).

Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ. Изготовлены къ столѣтнему юбилею Императорскаго Московскаго университета трудами профессоровъ и преподавателей Петрова, Клина, Меншикова и Буслаева. Fol. 1855. Москва. (XCVII. 9. 2).

Мюллеръ (М.). Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ 1861 г. 8°. 1865. Спб. 2 экземпл. (LXXXV. 6. 19 и XCIX. 5. 13).

Орловъ. Краткое историческое начертаніе языковъ. 8°. 1810. Москва. 2 экземпл. (C. 1. 1—2).

Филологическія записки. Журналъ, изд. *А. Хованскимъ*. Годы II—V. 8°. 1862—66. Воронежъ. (CII. 3. 1).

Шерцль (В. И.). Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. Часть I. Фонетика. 8°. 1871. Харьковъ. (C. 4. 22).

Экономидъ (Константинъ). Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ. Том. I—III. 8°. 1828. Спб. 2 экземпл. (C. 4. 2 и 3. 2—3).

2) СЛОВАРИ УЧЕНЫЕ И УЧЕБНЫЕ НА РАЗНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Aler (Paul.). Gradus ad parnassum, elegantias, flavissas poëticas, parnassum poëticum, thesaurum Virgilii, smetium, januam musarum, aliosque id genus libros, ad poësim necessarios, complectens. 8°. 1752. Coloniae. (XXX. 2. 21).

Appendix ad lexicon graeco—latinum, a Johanne Scapula constructum et ad alia lexica graeca, e codice manuscripto olim Askeviano in lucem nunc primum vindicata. 8°. 1789. Londini. (XCIX. 4. 25).

Ballagi (Bloch Moritz.). Neues vollständiges Wörterbuch der deutschen und ungarischen Sprache. Theil I—II. 8°. 1854—57. Pesth. (CI. 2. 36).

Banks (I.). A dictionary of the englisch and russian languages. Vol. I—II. 8°. 1838. Moskow. 2 exempl. (C. 8. 8—9).

Barretto. Shums—Ool—Loghat or a dirtionary of the persian and arabic languages. Vol. I—II. 4°. 1806. Calcutta. (XXIV. 4. 8).

Beck. Lexicon latino—graecum manuale. 8°. 1817. Lipsiae. (XXIX. 7. 21).

Beckenberderus. Liber radicum, sive lexicon hebraicum. 8°. 1749. Jenae. (XXIII. 4. 18).

Bocthor (Ellious). Dictionnaire française—arabe, revu par C. de *Perceval*. 4°. 1828. Paris. (XXIV. 2. 19).

Boiste. Dictionnaire complet des synonimes, ou accéptions de la langue française. 12°. 1837. Bruxelle. (**CI. 1. 19**).

Boiste. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et l'étymologie, extrait comparatif, concordance et critique et supplement de tous les dictionnaires. Edit. 14. 4°. 1857. Paris. (**C. 9. 6**).

Bopp. Glossarium sanscritum. 4°. 1847. Berolini. (**XCVIII. 8. 18**).

Bouget. Lexicon hebraicum et chaldaico—biblicum Part. I—III. Fol. 1737. Romae. (**XXIII. 7. 19**).

Brettschneider. Lexicon manuale graeco—latinum in libros Novi Testamenti. Tom. I—II. 8°. 1824. Lipsiae. Editio altera 1829. Ed. altera. 1840. (**XCIX. 1. 16; XCVIII. 5. 20 и 8. 22**).

Brettschneider. Lexici in interpretes graecos Vet. Test., maxime scriptores apocryphos spicilegium. Congessit et edidit Brettschneider. 8°. 1805. Lipsiae. (**XCVIII. 5. 18**).

Buxtorfius (Joh.). Lexicon chaldaicum, talmudicum et rabbinicum. Fol. 1639. Basileae. 3 exempl. (**XXIII. 7. 10—12**).

Buxtorfius (Joh.). Lexicon hebraicum et chaldaicum. 8°. 1710. Basileae. 3 exempl. (**XXIII. 1. 28—30**).

Buxtorfius (Joh.). Lexicon chaldaicum et syriacum. 4°. 1722. Basileae. (**XXIV. 2. 1**).

Calderinus (Caes.). Perfectissimus Calepinus parvus, sive correctissimum dictionarium Caesaris Calderini Mirani. Hac editione maximoperee ampliatum. 4°. 1727. (**XXIX. 6. 16**).

Calepinus (Ambros.). Dictionarium undecim linguarum. Fol. 1628. Basileae. 2 exempl. (**XCVIII. 9. 1—2**).

Castellus (Edm.). Lexicon hebraicum. Part I—II et supplementorum partes I—VI. 4°. 1790—92. Gottingae, Lipsiae et Helmestad. (**XXIII. 5. 1**).

Castellus (Edm.). Lexicon syriacum. Ex ejus lexico heptaglotto seorsim typis describi curavit atque sua adnotata adjecit Joannes Dav. *Michaelis*. Part. I—II. 4°. 1788. Gottingae. (**XXIV. 2. 7—8**).

Clodius (J. Chr.). Lexicon hebraicum selectum, in quo voces rariores et obscurae codicis hebraei biblici illustrantur, radices nominum deperditae restituuntur et simul loca biblica varia explicantur. 8°. 1744. Lipsiae. (**XXIII. 4. 27**).

Cocceus. Lexicon et commentarius sermonis hebraici et chaldaici Veteris Testamenti. Accedunt interpretatio vocum germanica, belgica ac graeca ex LXX interpretibus et necessarii indices. Fol. 1669. Amstelod. (**XXIII. 6. 6**).

Comenus. Lexicon atriale latino—latinum. 12°. 1686. Amstelaedam. (**XXX. 1. 18**).

Constantinus (Joanninensis). Thesaurus linguae graecae, sive dictionarium quatuor linguarum, graecae scilicet literalis, graecae vulgaris, latinae atquae italicae, nunc primum concinnatum et in lucem editum studio et opera Georgii Constantini Joanninensis. Tom. I—II. 4°. 1757. Venetiis. (**XCVIII. 8. 3**).

Damm (Chr. Tob.). Novum lexicon graecum etymologicum et reale, cui pro basi substratae sunt concordantiae et elucidationes homericae. Vol. I—II. 8°. 1824. Glasguae. (**XCVIII. 1. 9**).

Dictionnaire (Petit) de l'akademie françoise. Tom. I—II. 12°. 1821. Paris. (**CI. 1. 20**).

Dictionnaire (Nouveau) portatif français—suedois et suedois—français. 8°. Leipzig. (CI. 1. 18).

Diccionario (Nuevo) frances—espanol y espanol—frances. 8°. 1857. Paris. (CI. 1. 17).

Dictionnaire (Nouveau) portatif français—danois et donois—français. 8°. Leipzig. (CI. 1. 16).

Dietericus (Conrad.). Novi Testamenti illustramentum, sive lexicon philologico—theologicum graeco—latinum, quo scripturarum Novi Foederis voces quaevis ordine alphabetico explicantur. Fol. 1680. Francof. (XCVIII. 9. 8).

Du Cange. Caroli du Fresne Domini du Cange Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Tom. I—III. Fol. 1681. Francofurti. (XXIX. 9. 2).

Du Cange. Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Tom. I—VI. 8°. 1772—84. Halae. (XXX. 4. 17).

Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. T. I—II. Fol. 1688. Lugduni. (XCVII. 9. 9).

Eberhard. Synonimisches Handwörterbuch der deutschen Sprache. 12°. 1837. Berlin. (CI. 3. 4).

Festus (Sext. Pompeus). De verborum significatione, quae supersunt cum Pauli epitome. Emendata et annotata a Carolo Odofredo Muellero. 4°, 1839. Lipsiae. (XXIX. 7. 13).

Flacius. Clavis Scripturae Sacrae, hoc est, de sermone Sacrarum Litterarum. Part. I—II. Fol. 1695. Hafniae et Lipsiae. Editio altera. 1680—81. (XXIII. 6. 7—8).

Forcellini. Totius latinitatis lexicon, consilio et cura Jacobi *Facciolati*, opera et studio Forcellini lucubratum. Secundum tertiam editionem, cujus curam gessit Jos. *Furlanetto*, correctum et auctum labore variorum. Tom. I—IV. Fol. 1839. Lipsiae. (XXIX. 8. 12).

Φοτιος. Φοτιου τυ πατριαρχυ λεξεων συναγογη. E codice Galeano descripsit Ricardus Personus. Partes prior et posterior. 8°. 1823. Lipsiae. (XCVIII. 6. 9).

Freitagius. Freitagii lexicon arabico—latinum, praesertim ex Djeuharii Firuzabadiique et aliorum arabum operibus, adhibitis Golii quoque et aliorum libris confectum. Tom. I—IV. 4°. 1830—37. Halis. 3 exempl. (XXIV. 7. 1—3).

Gesenius. Lexicon manuale hebraicum et chaldaicum in Vet. Testamenti libros. 8°. 1833. Lipsiae. (XXIII. 3. 33).

Gesenius. Thesaurus philologicus criticus linguae hebraeae et chaldaeae Veteris Testamenti. Tom. I-i fasciculus 1. 4°. 1829. Lipsiae. (XXIII. 5. 13).

Glossarium graecum in sacros Novi Foederis libros. Ex MMSS primus edidit notisque illustravit Joannes *Alberti*. 8°. 1735. Lugduni Bat. (XCVIII. 2. 6).

Guisot. Nouveau dictionnaire universel de synonymes de langue fraaçaise. Tom. I—II. 8°. 1822. Paris. (CI. 2. 13).

Gussetius (Jac.). Lexicon linguae hebraicae. Editio 2. 4°. 1743. Lipsiae. (XXIII. 5. 14).

Gutbirius (Aegid.). Lexicon syriacum, continens omnes N. T. syriaci dictiones et particulas cum spicilegio vocum quarundam peregrinarum, adjecto indice latino accuratissimo et catalogo nominum propriorum. 8°. 1667. Hamburg. (XXIV. 1. 5).

Gustmann. Deutsch—windisches Wörterbuch. 4°. 1789. Klagenfurt. (C. 9. 3).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

Въ казанской духовной академіи имѣютъ быть вакантными должности: 1) секретаря совѣта и правленія академіи и 2) библіотекаря. Для замѣщенія должности секретаря требуется лицо съ академическимъ или университетскимъ образованіемъ (§ 68 уст.), а для замѣщенія должности библіотекаря требуется лицо, имѣющее достаточное образованіе и нужные для успѣшнаго исполненія этой должности опытъ и свѣдѣнія (§ 72 уст.). Для желающихъ и имѣющихъ право занять означенныя должности срокъ подачи прошеній назначенъ совѣтомъ академіи до 15-го августа сего 1877 года. При прошеніяхъ должны быть представлены дипломъ или аттестатъ о полученіи образованія или же копія съ формулярнаго о службѣ списка. Жалованія по должности секретаря положено 1000 рублей въ годъ при казенной квартирѣ; классъ должности VII; пенсія назначается по службѣ гражданской за 35 лѣтъ по V разряду. Жалованья по должности библіотекаря 800 рублей при казенной квартирѣ; классъ должности VII; пенсія назначается по службѣ гражданской за 35 лѣтъ по V разряду.

Ректоръ академіи, протоіерей А. Владимірскій.

Помощникъ секретаря А. Заблоцкій.

—

2.

СЪ 1-ГО ІЮЛЯ 1877 ГОДА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Приступая съ 1-го іюля текущаго года къ изданію Русской Газеты, Редакція избрала себѣ задачей: сопоставить съ обозрѣніями явленій и событій, собственно политическихъ,—тѣ основные интересы, нужды и силы, нравственныя и естественныя, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается наша столичная и провинціальная общественная жизнь. При выборѣ такой задачи редакція руководилась убѣжденіемъ въ необходимости ближайшаго знакомства съ зиждущими силами общества для правильнаго разумѣнія и всесторонней оцѣнки событій міра политическаго.

Сопоставляя въ одно цѣлое и дѣлая доступными общему вѣдѣнію тѣ стороны и выдающіяся явленія общественной жизни, свѣдѣнія о которыхъ доселѣ составляли исключительное достояніе мѣстныхъ или спеціальныхъ изданій, редакція надѣется этимъ путемъ способствовать сознательному общенію интересовъ и силъ государственныхъ съ общественными, общихъ съ мѣстными, нравственныхъ съ политическими.

Средствами къ выполненію этой задачи Русской Газетѣ будутъ служить, независимо отъ обозрѣній внѣшней и внутренней политики, общественная хроника, отечественная этнографія, статистика, мѣстная исторія, корреспонденціи и сообщенія о важнѣйшихъ событіяхъ въ мірѣ судебномъ, биржевомъ, торговомъ и проч. Въ изданіи отведено мѣсто и изящной литературѣ, въ формѣ фельетона, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній.

Стараясь сдѣлать изданіе, въ виду общаго интереса его задачи, по возможности общедоступнымъ, редакція вполнѣ сознаетъ и трудность ея выполненія, безъ дѣятельнаго участія со стороны самаго общества, и, вѣря въ сочувствіе послѣдняго къ ея стремленіямъ, покорнѣйше проситъ всѣхъ обладающихъ свѣдѣніями въ указанныхъ областей нашей общественной жизни, сообщать таковыя редакціи, не стѣсняясь литературной обработкой.

Русской Газетѣ обѣщали содѣйствіе: И. С. Аксаковъ, Н. П. Аксаковъ, Н. А. Артлебенъ, П. Е. Астафьевъ, Э. В. Барсовъ, Н. П. Бочаровъ, пр. П. Ф. Владимірскій-Будановъ, пр. А. Д. Градовскій, Д. И. Иловайскій, доц. Др. Л. А. Комаровскій, пр. П. Л. Карасевичъ, В. О Ключевскій, пр. В. Н. Лешковъ, А. Н. Плещеевъ, В. Е. Румянцевъ, А. Ц. Стадлинъ, пр. А. И. Стояновъ, Н. А. Чаевъ, доц. А. И. Чупровъ. С. А. Юрьевъ и др.

Русская Газета выходитъ будетъ пять разъ въ недѣлю, а въ остальные дни особые листки съ политическими извѣстіями, въ видѣ прибавленій къ газетѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкою.
На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г.	3 р. 50 к.	4 р. 25 к.
На 3 мѣсяца — 1 октября 1877 г.	2 » — »	2 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ редакціи: Арбатъ, домъ Лазарика, № 2; и въ конторѣ Н. П. Бочарова, по изданію книги Сборника свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ; у церкви Николы Грачи, домъ Поливановой квар. № 12.

Въ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ: Соловьева, Васильева (Страст. бульваръ), Мамонтова, Вольфа (Кузнецк. мостъ), Анисимова, Кольчугина (Никольская);

Въ Петербурѣ: Анисимова, Мамонтова и Вольфа.

Гг. иногородніе съ своими требованіями благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Частныя объявленія для напечатанія въ Русской Газетѣ по 10 коп. за строчку мелкаго шрифта, принимаются въ конторѣ редакціи и въ конторѣ Сборника Бочарова.

Отвѣтственный редакторъ-издатель *А. А. Александровскій.*

—

3.

По благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, съ 1-го сентября сего 1877 года при каѳедрѣ холмско-варшавскаго архіепископа будетъ издаваться «Холмско Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ» по слѣдующей, Святѣйшимъ Сунодомъ утвержденной, программѣ:

ПРОГРАММА

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

1) Высшія духовно правительственныя распоряженія.

Высочайшіе манифесты, рескрипты и граматы. Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода, напечатаніе которыхъ въ полномъ ихъ составѣ признано будетъ потребнымъ. Журналы (или извлеченія изъ нихъ) духовно-учебнаго комитета, утвержденные Святѣйшимъ Синодомъ.

2) Распоряженія епархіальнаго и духовно-училищнаго начальства.

3) Объявленія и извѣстія.

Назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе лицъ духовнаго вѣдомства. Открытіе епархіальныхъ и духовно-училащныхъ должностей. Вакантныя священнослужительскія и законоучительскія мѣста. Перемѣны въ составѣ приходовъ и открытіе новыхъ приходовъ въ епархіи. Значительнѣйшія присоединенія къ православію. Построеніе, починки и освященіе церквей въ епархіи, постройка и возобновленіе церковныхъ домовъ и вообще дѣйствія мѣстной церковно-строительной коммиссіи. Учрежденіе новыхъ церковно-приходскихъ попечительствъ и братствъ и благотворительныхъ обществъ. Назначаніе на должности церковно-приходскихъ попечителей и церковныхъ старостъ. Открытіе новыхъ церковно-приходскихъ школъ и библіотекъ при церквахъ. Извлеченіе изъ отчетовъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Извѣстія о послѣдствіяхъ архипастырскихъ посѣщеній, обозрѣнія церквей въ епархіи. Отчеты: а) попечительства о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства въ епархіи; б) духовно-учебныхъ заведеній; в) церковно-приходскихъ попечительствъ и братствъ и другихъ благотворительныхъ обществъ. Пожертвованія въ пользу

церквей, духовенства, церковныхъ школъ и на разныя благочестивыя и благотворительныя учрежденія въ епархіи. Извѣстія о наградахъ лицамъ епархіальнаго и духовно-училищнаго вѣдомства.

4) Церковныя и церковно-гражданскія распоряженія, имѣющія отношеніе къ церквамъ и духовенству епархіи, мало извѣстныя, или же и вовсе не извѣстныя возсоединенному духовенству.

О формѣ и срокахъ представленія различныхъ документовъ церковнаго письмоводства и отчетности.

ОТДѢЛЪ II.

1) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія.

Раскрытіе ученія Православной Церкви, на основаніи Св. Писанія и Преданія о тѣхъ вопросахъ вѣры и дѣятельности, въ которыхъ бывшіе уніаты б. холмской епархіи подпали вліянію римско-католической церкви.

2) Статьи церковно-историческаго содержанія.

Отпаденіе Римской Церкви отъ вселенскаго единенія и древнѣйшія попытки къ возсоединенію церквей. Судьба Православной церкви и уніи въ предѣлахъ нынѣшней холмско-варшавской епархіи, и вообще въ земляхъ славянскихъ и русскихъ съ древнѣйшаго времени и до нынѣ. Очерки изъ исторіи римско-католической церкви въ Польшѣ, о лицахъ и явленіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ Православной Церкви и уніи. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Православной Церкви и уніи, въ указанныхъ мѣстахъ Описаніе вещественныхъ историческихъ памятниковъ Православной Церкви и уніатскихъ и замѣтки путешественниковъ прежняго времени, имѣющія отношеніе къ православію и уніи въ указанныхъ мѣстахъ. Описаніе вещественныхъ историческихъ памятниковъ Православной Церкви и уніатскихъ и замѣтки путешественниковъ прежняго времени, имѣющія отношеніе къ православію и уніи въ указанныхъ мѣстахъ. Историко-статистическія свѣдѣнія, относительно современнаго состоянія православной церкви въ предѣлахъ епархіи и уніи въ Галиціи.

3) Статья и замѣтки по предметамъ церковнаго права и богослуженія.

Раскрытіе духа и значенія богослужебныхъ обрядовъ и каноновъ православной церкви, искаженныхъ или вовсе уничтоженныхъ въ уніи. Вопросы по различнымъ недоумѣніямъ пастырскаго служенія и разрѣшеніе ихъ.

4) Статьи, относящіяся къ воспитанію въ духѣ Христовомъ.

Свѣдѣнія и замѣтки о состояніи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ славянскихъ и русскихъ земляхъ какъ въ прежнее, такъ и въ настоящее время. Замѣтки о планахъ, программахъ Закона Божія, а также объ учебникахъ и пособіяхъ по сему предмету. Опыты уроковъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ.

5) Обозрѣніе церковной жизни въ предѣлахъ епархіи, Россіи вообще и въ единовѣрныхъ ей странахъ, а также въ земляхъ славянскихъ и на западѣ.

Особенно подробное и внимательное обозрѣніе тѣхъ явленій въ жизни запада, которыя свидѣтельствуютъ о возвратѣ къ чистотѣ ученія Христова и преданіямъ Вселенской Церкви.

6) Библіографія и критическія замѣтки.

О замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ какъ духовной, такъ и свѣтской науки и литературы (по скольку свѣтская затрогиваетъ вѣру и церковь). О произведеніяхъ заграничной печати, имѣющихъ отношеніе къ православію и уніи. О произведеніяхъ письменности изъ періода борьбы православія съ уніею.

7) Разныя свѣдѣнія и замѣтки.

Извѣстія, извлекаемыя изъ періодическихъ изданій духовныхъ и свѣтскихъ. Различныя корресподенціи касающіяся епархіи. Некрологи Объявленія о разныхъ изданіяхъ, книгахъ и другихъ предметахъ, имѣющихъ интересъ для епархіальнаго духовенства.

Примѣчаніе. Въ видѣ особаго приложенія къ изданію могутъ по временамъ печататься необнародованные или сдѣлавшіеся библіографическою рѣдкостью матеріалы, относящіеся къ исторіи Православной Церкви и уніи въ предѣлахъ епархіи.

Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ,—къ 1-му и 15 му числу каждаго мѣсяца,—въ размѣрѣ отъ *четырехъ* до *пяти* печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ. Цѣна изданія съ пересылкою: за годъ *пять рублей*, а за четыре мѣсяца 1877 г.—*два рубля*. Подписка принимается исключительно въ редакціи Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника: *въ г. Варшавѣ, Подвальная улица, домъ Св. Троицкой церкви № 5.*

—

4.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА.

Продолжается подписка на «Церковный Вѣстникъ» (офиціальный органъ Святѣйшаго Всероссійскаго Синода и состоящихъ при ономъ центральныхъ учрежденій) и на «Христіанское Чтеніе» 1877 года.

Цѣна за 51 номеръ «Церковнаго Вѣстника» съ книжками прибавленій, т. е. «Христіанскаго Чтенія» (всего болѣе 250 печатныхъ листовъ)—7 руб. съ пересылкою и доставкою.

Отдѣльно: Еженедѣльное изданіе съ пересылкою и доставкою—5 руб. Двѣнадцать книжекъ «Прибавленій» съ пересылкою и доставкою—тоже 5 руб.

Выписывающіе получатъ всѣ номера журнала и прибавленій, начиная съ перваго.

Открыта подписка на второе полугодіе—на *одинъ* «Церковный Вѣстникъ». Цѣна за 26 нумеровъ втораго полугодія—*три рубля* съ пересылкою.

———

ЗА ПРОШЛЫЕ 1875 И 1876 ГОДЫ

существуютъ въ запасѣ полные экземпляры

„ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА“

и

„ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ“.

Выписывающіе оба изданія за эти годы вмѣстѣ платятъ: за каждое годовое изданіе вмѣсто семи—5 руб. и съ пересылкою; отдѣльно каждое—вмѣсто пяти по 3 руб. съ пересылкою. Адресоваться въ редакцію при с.-петербургской духовной академіи.

—

5.

„СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

О СЛАВЯНАХЪ.

ДВА БОЛЬШИХЪ ТОМА СО МНОЖЕСТВОМЪ ИЗЯЩНЫХЪ ГРАВЮРЪ

Современной Россіи выпало на долю освободить балканскихъ славянъ отъ пяти-вѣковаго турецкаго гнета и вызвать ихъ къ новой, самостоятельной жизни. Предъидущія поколѣнія, хотя и пользовались удобными моментами, чтобы обезпечить, за родственными намъ славянами, свободу существованія, но политическія событія, волновавшія Европу въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, не давали Россіи возможности разбить оковъ наложенныхъ на славянъ турками. Въ настоящую пору часъ освобожденія славянъ уже пробилъ:—наши братья проливаютъ свою кровь за святое дѣло освобожденія, и недалеко уже то время, когда владычеству османовъ на Балканскомъ полуостровѣ наступитъ желанный конецъ. Но съ этого перваго акта великаго будущаго славянства для русскаго общества наступаетъ новая широкая дѣятельность: поднять умственное развитіе освобожденныхъ народовъ, пробудить въ нихъ духъ общенія съ Россіею и залечить раны, нанесенныя имъ вѣковыми грабежами и насиліями турокъ. Для того, чтобы эта новая дѣятельность была плодотворною, русскому обществу, прежде всего необходимо — возможно ближе и всесторонне ознакомиться съ родственными ему народами. Къ сожалѣнію, пробудившаяся въ обществѣ потребность ближайшаго ознакомленія съ славянами и въ настоящее время, какъ и прежде, не находитъ должнаго удовлетво-

ренія, такъ какъ большинство сочиненій о славянахъ, выходящихъ преимущественно въ формѣ брошюръ, за весьма незначительными исключеніями, не удовлетворяютъ возрастающимъ требованіямъ русской читающей публики, которая поэтому вынуждена почерпать знанія исключительно изъ періодической прессы.

Сборникъ *„Славянскій Міръ“* имѣетъ цѣлью способствовать, насколько возможно, близкому и основательному ознакомленію русскаго общества со славянами. Поэтому на страницахъ сборника помѣщаются:

Литературные очерки (ознакомленіе съ народною поэзіею сербовъ, болгаръ, черногорцевъ и др., и съ ихъ выдающимися беллетрическими произведеніями, какъ-то: повѣстями, разсказами и пр.), и статьи по языкознанію.

Географическія статьи, составленныя на основаніи послѣднихъ географическихъ изслѣдованій и описаній.

Этнографическіе очерки (ознакомленіе съ образомъ жизни славянъ, ихъ обычаями, нравами, вѣрованіями и пр.).

Историческія монографіи, а также описанія замѣчательныхъ событій и эпизодовъ изъ славянской исторіи.

Политическія статьи, выясняющія экономическое состояніе славянъ, ихъ торговлю и промышленность.

Біографіи и *портреты* выдающихся дѣятелей по славянскому вопросу.

Библіографическія замѣтки и рецензіи на вновь выходящія книги о славянахъ.

Кромѣ того, въ *„Славянскомъ Мірѣ“* помѣщается рядъ «Очерковъ о современной войнѣ».

Въ видахъ ближайшаго и наглядnаго ознакомленія съ славянскими народами, большинство помѣщаемыхъ въ *„Славянскомъ Мірѣ“* статей иллюстрировано множествомъ художественно выполненныхъ рисунковъ, изображающихъ: виды городовъ, отдѣльныхъ зданій, замѣчательныхъ мѣстностей; сцены изъ народной жизни, типы, одежду и утварь, монеты; географическія карты, помѣщаемыя въ текстѣ, а также портреты замѣчательныхъ дѣятелей.

Сборникъ *„Славянскій Міръ“* издается первоначально въ двухъ томахъ, изъ коихъ первый, заключающій въ себѣ 30 печатныхъ листовъ со множествомъ рисунковъ, находится уже въ печати; первый выпускъ этого тома выходитъ и поступитъ въ продажу 3-го іюля. Второй томъ сборника будетъ заключать 32 печатныхъ листа. Объявленіе о послѣдующихъ томахъ появится послѣ выхода втораго тома.

ЦѢНА ДВУХЪ ТОМОВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СБОРНИКА „СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ“:

безъ пересылки 5 руб., съ пересылкою 6 руб. Отдѣльно каждый томъ по 3 р., съ перес. 3 руб. 50 коп. Въ видахъ ускоренія высылки сборника *„Славянскій Міръ“* онъ будетъ разсылаться отдѣльными выпусками, *по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ*. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ два печатныхъ листа съ 4 и болѣе

изящно выполненными политипажами.—Въ отдѣльной продажѣ каждый выпускъ стоитъ 25 коп., съ перес. 30 коп., которыя для удобства могутъ быть высылаемы марками въ простомъ письмѣ.

Всѣмъ, заявившимъ требованіе на оба тома сборника *„Славянскій Міръ“*, выдается при *первомъ выпускѣ безплатно Генеральная карта Балканскаго полуострова*, составленная и изданная въ 1877 г. Величина карты $1^1/_4$ аршина длины и болѣе аршина ширины на 2-хъ большихъ листахъ. Въ продажѣ эта карта стоитъ 1 руб., безъ перес. Кромѣ того, всѣмъ, получающимъ оба тома сборника, будетъ разосланъ, *въ видѣ преміи*, изящный альбомъ:

ГЕРОИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Альбомъ этотъ, заключающій въ себѣ *двадцать художественно-исполненныхъ портретовъ* съ краткими біографіями, будетъ продаваться отдѣльно безъ перес. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп. и въ золоченномъ переплетѣ 3 руб.

Гг. городскіе жители благоволятъ обращаться за полученіемъ сборника *„Славянскій Міръ“* въ книжный магазинъ А. И. Бортневскаго, на углу Троицкаго и Графскаго переулковъ, д. № 9, а равно во всѣ книжные магазины.

Гг. иногородные адресуются съ своими требованіями *прямо* и *исключительно* къ автору и издателю сборника *„Славянскій Міръ“*, *Василію Петровичу Турбѣ*, въ С.-Петербургѣ, Чернышевъ пер., д. № 6.

—

6.

ВОЛЖСКО-КАМСКІЙ КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ,

Казанское Отдѣленіе

имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что управляющій симъ Отдѣленіемъ *Павелъ Максимовичъ Виноградовъ*, на основаніи постановленія Совѣта Банка, получилъ другое назначеніе въ С.-Петербургъ, по дѣламъ того же Банка, Управленіе же Казанскимъ Отдѣленіемъ возложено Правленіемъ Банка съ 1-го ч. сего іюля на *Василія Ивановича Польскаго*, за подписомъ котораго и будутъ всѣ исходящія бумаги, документы и проч.

—

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владимірскій*.

Казань. Типографія Университета. 1877.

НРАВСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА.

—

II. СВОБОДА ВОЛИ.

Сознаніе свободы и его происхожденіе. Факты нашего сознанія, свидѣтельствующіе объ этомъ. Возраженія противъ свободы воли. Принципъ причинности. Такъ называемая причинная связь и естественная необходимость. Теологическое возраженіе противъ свободы воли. Мнимое противорѣчіе всемірной исторіи свободѣ воли. Логическое возраженіе противъ свободы. Различіе между свободой и произволомъ. Статистическое возраженіе. Иѳическое возраженіе. Понятіе о характерѣ. Иѳическое значеніе свободы воли.

Извѣстно, что человѣкъ не вдругъ достигаетъ зрѣлаго возраста, самосознанія и свободы воли. Онъ бываетъ сначала ребенкомъ и долженъ предварительно пройти много ступеней развитія, чтобы сдѣлаться человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова. Какъ взрослый человѣкъ относится къ ребенку: въ такомъ же точно отношеніи человѣчество, какъ особый родъ, стоитъ къ другимъ родамъ и видамъ живыхъ существъ. Человѣческая воля, какъ мы сказали выше, есть такая сила, вслѣдствіе которой существо, обладающее ею, сознательно опредѣляетъ само себя къ дѣятельности и проявляетъ эту дѣятельность. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, воля есть только высшая форма той самостоятельности, которая въ различныхъ степеняхъ принадлежитъ всѣмъ живымъ существамъ. На высшей сте-

пени своего развитія эта самостоятельность достигаетъ того, что существо, обладающее ею, имѣетъ въ себѣ сознаніе *свободы*. Поэтому нѣтъ нужды спрашивать и спорить о томъ, существуетъ ли *реально* свобода и соотвѣтствуетъ ли что-нибудь реальное нашему понятію о свободѣ. Для насъ неоспоримъ тотъ фактъ, что мы вообще сознаемъ себя существами свободными, т. е. дѣйствуемъ самостоятельно, невынужденно. Говоримъ,—вообще, потому что мы не беремъ здѣсь въ разсчетъ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаевъ. Итакъ, мы вообще *думаемъ* о себѣ, что мы дѣлаемъ или не дѣлаемъ то или другое только вслѣдствіе своего собственнаго рѣшенія и опредѣленія. Въ этомъ смыслѣ мы и приписываемъ себѣ свободу воли. Что мы *сознаемъ* себя свободными, это допускаютъ даже самые рѣшительные противники свободы. Кто не имѣетъ въ себѣ этого сознанія, для того не существуетъ и вопроса о свободѣ. Такой человѣкъ не можетъ ни утверждать, ни отрицать свободы, потому что у него нѣтъ вовсе никакого представленія о ней. Ему нельзя никакъ и помочь въ этомъ случаѣ, подобно тому, какъ слѣпому нельзя дать представленія о цвѣтахъ. Такимъ образомъ, самое существованіе вопроса о свободѣ воли доказываетъ уже то, что у людей есть сознаніе свободы.

Главнѣйшая задача практической философіи состоитъ въ томъ, чтобы, при помощи психологіи, выяснить это сознаніе свободы, т. е. показать, какъ мы доходимъ до него. Нѣтъ сомнѣнія, что это сознаніе возникаетъ въ насъ вмѣстѣ съ процессомъ, которымъ обнаруживается у насъ актъ воли. Въ самомъ дѣлѣ, что я дѣлаю, когда совершается во мнѣ этотъ процессъ? Я удерживаю въ сознаніи тѣ или другія влеченія, стремленія и проч., сознательно подвергаю ихъ обсужденію, взвѣшиваю основанія за и противъ нихъ, и, вмѣсто того, чтобы оставаться при этомъ взвѣшиваніи, заключаю это какимъ нибудь опредѣленнымъ результатомъ (окончательнымъ сужденіемъ); мало это-

го: вмѣсто того, чтобы оставить этотъ результатъ въ покоѣ, я дѣлаю его руководительнымъ началомъ моего поступка. Все это я дѣлаю *съ сознаніемъ*, и во всемъ этомъ проявляю свое *я* въ *противоположность* отдѣльнымъ влеченіямъ и стремленіямъ. Меня ни на минуту не покидаетъ при этомъ сознаніе, что все это именно я совершаю, а не кто либо другой. Не въ правѣ ли же я считать *себя самого* виновникомъ всѣхъ актовъ этого внутренняго процесса, который во мнѣ совершается? Конечно, въ этомъ процессѣ, въ формѣ импульсовъ, могутъ принимать участіе различныя влеченія и стремленія, ощущенія и чувствованія; но они не настолько бываютъ сильны, чтобы могли помрачить въ насъ сознаніе нашей самодѣятельности и самостоятельности при обсужденіи и рѣшеніи дѣла. Они не могутъ вызвать въ насъ сознанія, будто дѣятельность нашей воли есть дѣятельность вынужденная и будто мы принуждаемся чѣмъ нибудь къ извѣстному рѣшенію. Не смотря на всѣ импульсы и возбужденія, мы сохраняемъ въ себѣ сознаніе того, что мы могли бы и не обсуждать дѣла, не приходить ни къ какому результату; равно какъ въ нашей власти было не дѣлать достигнутый результатъ руководящимъ правиломъ нашей дѣятельности. Такимъ образомъ, когда признаютъ свободу воли, то этимъ вовсе не отрицаютъ того, что мы рѣшаемся на тотъ или другой поступокъ вслѣдствіе извѣстныхъ импульсовъ и мотивовъ. Свобода воли есть только *свобода выбора*. Мы всегда только выбираемъ, совершать или не совершать намъ извѣстный поступокъ и какому изъ данныхъ мотивовъ слѣдовать. Когда признаютъ свободу воли, то этимъ хотятъ только сказать, что эти импульсы вовсе не представляются нашему сознанію въ формѣ какихъ-то причинъ, вынуждающихъ насъ къ дѣйствію. Они только возбуждаютъ самодѣятельность нашей души, влеченіе ея къ проявленію своего *я*. Изъ простыхъ импульсовъ они дѣлаются *мотивами* въ собственномъ смыслѣ или руководящимъ правиломъ нашей дѣятельности только

тогда, когда послѣдуетъ самостоятельное рѣшеніе нашей воли. Рѣшеніе же это произноситъ сама душа. Таково свидѣтельство непредубѣжденнаго самосознанія, основанное на неоспоримыхъ фактахъ самонаблюденія. Факты эти такъ же тверды и прочны, какъ и тѣ факты, которые подлежатъ наблюденію астронома или физика. Поэтому мы имѣемъ полное право утверждать, что, проявляя свою волю и совершая тѣ или другіе поступки, мы *сознаемъ* себя *свободными*.

Это сознаніе присуще нашей душѣ и во время самаго совершенія поступка. Всякій поступокъ съ внѣшней стороны состоитъ въ извѣстныхъ тѣлесныхъ движеніяхъ. Движенія эти физіологія называетъ движеніями „произвольными“ въ отличіе ихъ отъ такъ называемыхъ рефлективныхъ движеній, или движеній непроизвольныхъ, необходимыхъ, каковы напримѣръ кашель, чиханіе и проч. Произвольныя движенія не слѣдуютъ прямо за ощущеніями, чувствованіями, перцепціями, представленіями. У человѣка они не являются, какъ это бываетъ у животныхъ, вслѣдъ за возбужденіемъ извѣстнаго влеченія или стремленія. Сначала душа наша обыкновенно рѣшается на то или другое, а потомъ уже рѣшеніе приводится въ исполненіе или переходитъ въ тотъ или другой поступокъ. То влеченіе (органическое или психическое), на сторону котораго душа склонилась, дѣйствуя на извѣстные пункты мозга, возбуждаетъ и приводитъ въ движеніе соотвѣтствующіе тому нервы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мускулы тѣлесные, что и называется исполненіемъ рѣшенія и совершеніемъ поступка. Но при этомъ душа наша постоянно имѣетъ сознаніе, что она можетъ перемѣнить свое рѣшеніе, можетъ остановить движеніе мускуловъ, или же привести въ движеніе другіе мускулы, что ее ничто не вынуждаетъ къ тому, чтобы непремѣнно закончить начатый образъ дѣйствованія. И не однимъ только сознаніемъ этой возможности перемѣны ограничивается дѣло. Душа наша и на самомъ дѣлѣ обладаетъ способностію прекратить начатый об-

разъ дѣйствованія. Если нервныя и мускульныя волокна возбуждены и приведены въ движеніе, душа также можетъ снова привести ихъ въ состояніе покоя (1). Но какъ скоро дѣйствіе уже совершено, оно, какъ все случившееся, не можетъ сдѣлаться неслучившимся. Правда, мы можемъ поправляться въ своихъ дѣйствіяхъ и, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, поступать иначе, тѣмъ не менѣе прежнее наше рѣшеніе и дѣйствіе остаются фактомъ, уже совершившимся. Здѣсь имѣетъ свою силу непреложный законъ, въ силу котораго то, что разъ явилось существующимъ, не можетъ уже никакъ сдѣлаться несуществующимъ. Отсюда понятно, почему свободы воли нельзя *показать* и почему бытіе ея не можетъ быть представлено въ *объективной формѣ*. Свобода воли есть не что иное, какъ присущая нашему сознанію *возможность* хотѣть одного и хотѣть другаго, дѣйствовать такъ и дѣйствовать иначе. Но это и есть только возможность. Переходя въ дѣйствительность, она теряетъ уже характеръ возможности. Поэтому-то она, какъ возможность,

---

(1) Здѣсь надобно обратить вниманіе на одинъ физіологическій фактъ. Фактъ этотъ имѣетъ очень важное значеніе, а между тѣмъ физіологи и психологи съ направленіемъ матеріалистическимъ, повидимому, или не знаютъ этого факта, или намѣренно игнорируютъ его. Извѣстный физіологъ К. Людвигъ (Lehrbuch der Physiologie des Menschen. 2 Aufl. I. 203. 598. f.) ясно говоритъ: «нервные стволы (именно стволы двигательныхъ нервовъ) на своемъ протяженіи по головному мозгу имѣютъ связь съ такими аппаратами, которые могутъ измѣнить возбужденное состояніе нервовъ, вызывающее содроганіе мускуловъ, такъ что нервъ вмѣсто того, чтобы вызывать это содроганіе, приводитъ мускулы въ состояніе покоя». Изъ этого видно, что въ нашемъ головномъ мозгу есть такіе аппараты, силы которыхъ направлены къ тому, чтобы возбужденные прежде нервы приводить въ покойное состояніе. На это обстоятельство, какъ справедливо замѣчаетъ Людвигъ, доселѣ не обращали достаточно вниманія, а между тѣмъ оно имѣетъ очень важное значеніе. Оно, очевидно, указываетъ на тотъ фактъ, что душа, при помощи этихъ аппаратовъ, имѣетъ возможность во всякій моментъ остановить произвольное движеніе, которое она совершаетъ, иначе сказать—можетъ измѣнить свое рѣшеніе во время самаго совершенія поступка. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь физіологическое доказательство свободы воли.

никогда и не можетъ проявиться во внѣ, никогда не можетъ выступить въ объективной формѣ. Если я, имѣя возможность перемѣнить принятое рѣшеніе, проявляю это тѣмъ, что дѣйствительно его перемѣняю, то въ этомъ случаѣ на мѣсто одного рѣшенія является у меня другое. При этомъ снова возникаетъ вопросъ: могъ ли я сдѣлать эту перемѣну въ рѣшеніи и могъ ли поступить иначе. Этого-то вотъ и нельзя никогда показать, потому что возможность хотѣть иначе остается простою только возможностію и уже въ своемъ осуществленіи дѣлается объективной. Вотъ почему упорнаго детерминиста никогда нельзя заставить молчать. Онъ все-таки будетъ утверждать, что то, чего я не сдѣлалъ, мнѣ и на самомъ дѣлѣ невозможно было сдѣлать, и мое сознаніе возможности инаковаго хотѣнія будетъ считать иллюзіей. Иллюзіей будетъ для него и самая свобода. Но на какомъ же, спрашивается, основаніи все это говорится? Основаній прочныхъ, полновѣсныхъ, такихъ, противъ которыхъ ничего нельзя было бы возразить, здѣсь не можетъ быть. Свидѣтельство сознанія объ этомъ предметѣ слишкомъ ясно и присуще каждому человѣку. Этого свидѣтельства никакой детерминистъ не можетъ устранить. Отвергать его можно только на основаніи какихъ нибудь предвзятыхъ мнѣній, традиціонныхъ воззрѣній и гипотезъ, словомъ—на основаніяхъ нетвердыхъ и невѣскихъ. Но это было бы дѣломъ совершенно ненаучнымъ. Этимъ разрушилась бы всякая наука.

Кромѣ того, есть и другіе факты, которые можно выставить въ опроверженіе теоріи детерминистической. Это уже не факты сознанія, противъ которыхъ детерминисты возражаютъ и на основаніи которыхъ они считаютъ свободу воли человѣка иллюзіей. Всякій знаетъ, что изъ всѣхъ живыхъ существъ одинъ только человѣкъ можетъ свободно идти на смерть. Ни одно животное не способно бываетъ намѣренно лишать себя жизни. Одинъ только человѣкъ имѣетъ власть надъ влеченіемъ къ самосохраненію, однимъ изъ самыхъ

органическихъ влеченій. Онъ одинъ только можетъ побѣждать это влеченіе и жертвовать своею жизнію для блага другихъ людей, во имя какой нибудь идеи, или для достиженія какой нибудь опредѣленной цѣли. Отсюда прямо слѣдуетъ, что человѣкъ, по своей природѣ, можетъ оказывать противодѣйствіе и всѣмъ другимъ чувственнымъ влеченіямъ, потому что эти послѣднія, какъ мы сказали выше, суть только особые виды влеченія къ самосохраненію. Итакъ, человѣческая душа, въ силу своей воли, есть существо свободное и самостоятельное. Она не зависитъ отъ тѣла и общеизвѣстныхъ его потребностей и влеченій. Не столь общеизвѣстны намъ потребности, влеченія и стремленія психическія, потому что онѣ не такъ настоятельно заявляютъ о себѣ и не отличаются такою опредѣленностію. По отношенію къ нимъ, повидимому, можно еще поставить вопросъ такого рода: не дѣйствуютъ ли на душу психическіе импульсы, принудительная сила которыхъ ускользаетъ отъ нашего сознанія, и не принуждаютъ ли они ее безсознательно для нея къ извѣстному рѣшенію, которое съ перваго взгляда представляется рѣшеніемъ свободнымъ; другими словами: нѣтъ ли въ душѣ такихъ сокровенныхъ влеченій, которымъ подчиняется наша душа и которыя имѣютъ власть надъ ея волею? Утвердительно сказать объ этомъ ничего нельзя. Здѣсь возможны одни только предположенія. Но замѣтимъ, что упомянутому сейчасъ взгляду противорѣчитъ уже тотъ фактъ, что самую настоятельную потребность души и самый сильный психическій мотивъ составляетъ то влеченіе, которое предполагаетъ собою сознаніе свободы. Въ силу этого влеченія душа наша необходимо проявляетъ свою свободу. Влеченіе это обнаруживается въ стремленіи къ дѣятельности, ничѣмъ не связанной, и, по возможности, неограниченной,—къ такой дѣятельности, которая зависѣла бы отъ собственныхъ рѣшеній нашей воли, отъ собственныхъ нашихъ убѣжденій и мнѣній. Другими словами—оно проявляется въ стремленіи къ об-

наруженію нашего я, которое въ волѣ и самосознаніи противопоставляетъ себя самому себѣ. Вотъ почему это влеченіе пробуждается въ человѣкѣ только тогда, когда душа достигнетъ самосознанія и когда явится у нея способность къ обнаруженію своего *я*. Въ это время потребность свободы обнаруживается въ высшей степени, и всякій человѣкъ стремится удовлетворить этой потребности. Удовлетвореніе ея дѣлается на столько необходимымъ для человѣка, что онъ психически изуродовался бы и погибъ, если бы надъ нимъ тяготѣло безусловное рабство и если бы воля его вполнѣ была связана. Поэтому-то продолжительное лишеніе свободы считается однимъ изъ самыхъ жестокихъ наказаній для человѣка. Влеченіе къ свободѣ обнаруживается у каждаго изъ насъ и тѣмъ, что мы испытываемъ непріятное чувство, когда наша дѣятельность бываетъ чѣмъ нибудь связана, вынуждена, и наоборотъ намъ очень пріятно бываетъ, когда нашу дѣятельность ничто не стѣсняетъ, и мы сами, по своей волѣ, располагаемъ ею. Наконецъ, что побуждаетъ юношу къ совершенію различныхъ подвиговъ, воодушевляетъ и, такъ сказать, пришпориваетъ его?. Очевидно, тоже влеченіе къ свободѣ. Только здѣсь это влеченіе осложняется. Подъ вліяніемъ фантазіи, сильнаго стремленія ко всему великому и необыкновенному, наконецъ подъ вліяніемъ влеченія къ личнымъ отличіямъ оно дѣлается здѣсь сильнѣе, живѣе, и получаетъ опредѣленное направленіе.

При рѣшеніи вопроса о свободѣ воли противники послѣдней ссылаются на то, будто свобода противорѣчитъ господствующей въ мірѣ необходимости. Положимъ, говорятъ они, душѣ отъ природы дана потребность свободы и сознаніе ея, но таже самая природа должна сдѣлать свободу человѣка вещію невозможною, а сознаніе свободы—иллюзіей, такъ какъ въ мірѣ всюду царствуетъ необходимость. Это бросающееся въ глаза противорѣчіе между свободою воли и необходимостію сильно смущаетъ противниковъ свободы. Имъ

никогда и не доведется разрѣшить это противорѣчіе, пока они не опровергнутъ неоспоримыхъ фактовъ. Человѣкъ отъ природы обладаетъ потребностію и влеченіемъ къ свободѣ: это—фактъ, и пока онъ существуетъ, до тѣхъ поръ невозможно смотрѣть на душу человѣческую, какъ на простой членъ и продуктъ внѣшней природы, невозможно подчинять ея дѣйствія господствующей надъ всѣмъ въ мірѣ необходимости. Если бы душа человѣческая со всѣми ея влеченіями, стремленіями проч. была простымъ членомъ и продуктомъ въ процессѣ развитія природы, гдѣ каждый моментъ есть нѣчто безусловно необходимое, то, очевидно, она не могла бы возвыситься надъ этой необходимостію, не могла бы стремиться къ самостоятельности и свободѣ. У нея не могло бы быть и *предстaвленія* о свободѣ и самостоятельности, а потому не существовало бы и иллюзіи свободы. Представленіе о свободѣ не можетъ же возникнуть изъ ничего. Все, что мы знаемъ о нашихъ внутреннихъ состояніяхъ, о нашихъ силахъ, влеченіяхъ и пр., знаемъ только при посредствѣ чувства. Точно также и сознаніе свободы необходимо предполагаетъ собою чувство свободы или чувствуемую нами потребность свободы, влеченіе къ ней. Мы не можемъ себѣ представить, какъ это существо, подчиненное во всѣхъ своихъ состояніяхъ и отправленіяхъ естественной необходимости, существо, слѣдовательно, несамостоятельное могло бы чувствовать и сознавать себя въ какомъ нибудь отношеніи самостоятельнымъ и какъ оно могло бы обладать влеченіемъ къ свободѣ и независимости, которыя исключаютъ собою всякую зависимость и всякую необходимость. Думать такъ значитъ допускать такъ называемое contradictio in adjecto.

Итакъ, ясно, что всякій противникъ свободы противорѣчитъ самому себѣ, если онъ, отвергая свободу, говоритъ въ тоже время о волѣ и поступкахъ человѣка, или трактуетъ о своемъ *я* и приписываетъ себѣ *я*. Когда идетъ рѣчь о нашемъ *я*, то подъ этимъ разу-

мѣется то *я*, которое обнаруживается въ волѣ и самосознаніи; слѣдовательно мы имѣли бы дѣло только съ пустымъ именемъ, если бы *я* нашей души не существовало реально, на самомъ дѣлѣ. Но реальное бытіе обыкновенно приписывается только тому, что такъ или иначе обнаруживаетъ себя на дѣлѣ. Оно бываетъ только тамъ, гдѣ есть сила и дѣятельность, хотя бы онѣ и въ ограниченныхъ размѣрахъ обнаруживались. Отсюда то *я*, которое не можетъ ничѣмъ заявлять о себѣ, будетъ простой фикціей или пустымъ, безпредметнымъ представленіемъ. Если же существуетъ наше *я*, то существуетъ необходимо и воля, какъ сила, посредствомъ которой оно проявляетъ себя въ противоположность отдѣльнымъ ощущеніямъ, чувствованіямъ, влеченіямъ и впечатлѣніямъ отъ предметовъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра. Эта сила есть въ тоже время и свобода. Воля и свобода — это въ существѣ дѣла суть только два различныя названія одного и того же факта. Безъ свободы воля вовсе не была бы волей. Это былъ бы простой инстинктъ, простое влеченіе, стремленіе. Всякій, кто отрицаетъ свободу, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать и волю.

Изъ всего этого вытекаетъ неминуемо такое слѣдствіе: кто считаетъ свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственность за простую иллюзію, для того и вся наша духовная жизнь есть не что иное, какъ какой-то призракъ и обманъ. Если сознаніе свободы низводится на степень пустаго обольщенія, то и всякому другому содержанію нашего сознанія угрожаетъ таже участь. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, кто не можетъ доказать, почему именно только сознаніе свободы должно считаться иллюзіей.

Но, говорятъ, есть еще другія, болѣе прочныя основанія, въ силу которыхъ нельзя допустить свободы воли въ человѣкѣ. Какія же это основанія?

Прежде всего ссылаются здѣсь на принципъ причинности. Свобода воли стоитъ будто бы въ противорѣчіи съ этимъ принципомъ, и этого противорѣчія никакъ нельзя примирить.

Если бы это было дѣйствительно такъ, то конечно побѣда была бы на сторонѣ противниковъ свободы. Никто не отрицаетъ этого великаго принципа и не говоритъ ничего противъ его важности. Но словами: причинность, причина и дѣйствіе, основаніе и слѣдствіе мы выражаемъ отвлеченныя понятія, имѣющія слишкомъ широкій смыслъ и значеніе. Какъ же, спрашивается, понимать этотъ такъ называемый законъ причинности, и нельзя ли совмѣстить съ нимъ свободы воли, если понимать его надлежащимъ образомъ? Посмотримъ.

Принципъ причинности не есть что нибудь данное намъ отвнѣ и воспринимаемое нашими чувствами. Никакая сила, никакая причина не доступна нашему воспріятію. Мы всегда воспринимаемъ только дѣйствіе извѣстной силы или причины. Поэтому принципъ причинности всецѣло основывается на логическомъ законѣ. Этотъ законъ вынуждаетъ насъ признать, что все случающееся, измѣняющееся и происходящее въ природѣ предполагаетъ собою извѣстную силу или дѣятельность, посредствомъ которой оно происходитъ. Законъ этотъ имѣетъ для насъ безусловно всеобщее значеніе. Онъ есть только выраженіе логической необходимости, которая управляетъ нашею мыслію и неразрывно связана съ ея существомъ. Вотъ почему мы всегда невольно слѣдуемъ этому закону. Какъ только встрѣчается намъ какое либо измѣненіе, мы тотчасъ же предполагаемъ тутъ извѣстное основаніе или причину. Мы дѣлаемъ это даже тогда, когда предполагаемой причины ни узнать, ни доказать не можемъ. На этомъ только основаніи естествознаніе и имѣетъ право трактовать о силахъ, дѣйствующихъ въ природѣ, хотя эти силы (какъ напримѣръ силы электричества, магнетизма, нервныхъ отправленій) такъ мало еще извѣстны, что ни закона, ни способа ихъ дѣйствія нельзя опредѣлить точнымъ образомъ.

Этому общему логическому закону, очевидно, нисколько не противорѣчитъ свобода воли. Законъ этотъ

требуетъ только того, чтобы мы на все, что случается, смотрѣли, какъ на дѣйствіе извѣстной причины. Человѣческая воля, какъ способность останавливать сознаніе на извѣстныхъ влеченіяхъ и стремленіяхъ, взвѣшивать ихъ и обсуждать и наконецъ свободно рѣшаться на то или другое, очевидно, и есть причина свободныхъ актовъ воли и поступковъ человѣка. Всѣ они исходятъ отъ этой силы. Въ ней же непосредственно дана и свобода, такъ какъ эта послѣдняя въ сущности тожественна съ этою силою. Это одна изъ тѣхъ силъ, которыя всецѣло принадлежатъ человѣческой душѣ и ея существу, подобно тому, какъ сила тяжести существенно принадлежитъ матеріи. Конечно, эта сила должна имѣть въ свою очередь причину своего бытія, — потому что и самъ человѣкъ имѣетъ и имѣлъ начало бытія — но въ естествознаніи не спрашиваютъ обыкновенно о томъ, какая причина тяжести. Въ этомъ случаѣ на (самую) тяжесть смотрятъ, какъ на послѣднюю причину, и этимъ удовлетворяются. Точно также слѣдуетъ поступать и по отношенію къ вопросу о свободѣ человѣка. Зачѣмъ намъ спрашивать объ основаніи и причинѣ свободы? Если естествознаніе имѣетъ право смотрѣть на силу тяжести, какъ на причину всего, что происходитъ въ природѣ: то и мы имѣемъ такое же право въ отношеніи къ свободѣ воли. Мы совершенно можемъ считать ее причиной тѣхъ психическихъ явленій, которыя называются актами воли и поступками человѣка. Свобода воли поэтому также мало противорѣчитъ принципу причинности, какъ и сила тяжести.

Но, говорятъ, этотъ принципъ господствуетъ всюду въ природѣ. Все здѣсь соединено будто бы сплошною, непрерывною *связію* причинъ и дѣйствій, и каждое явленіе съ *необходимостію* вытекаетъ изъ данныхъ условій, состояній и отношеній дѣйствующихъ въ природѣ силъ. Свобода, говорятъ, противорѣчитъ этой причинной связи. Она предполагаетъ собою такія дѣйствія, которыя должны происходить иначе,

чѣмъ все происходящее въ природѣ. Это будутъ дѣйствія *не* необходимыя. Такъ думаютъ многіе особенно изъ естествоиспытателей. Они считаютъ это даже за аксіому, имѣющую будто бы вполнѣ научное значеніе. Но дѣйствительно ли это аксіома? Не есть ли это одинъ изъ тѣхъ традиціонныхъ догматовъ, въ которые естествознаніе часто безусловно и безотчетно вѣритъ, не смотря на свою прославляемую точность? Законъ причинности требуетъ единственно только того, чтобы для всѣхъ дѣйствій, перемѣнъ и событій въ природѣ были извѣстныя причины. Если эти причины въ свою очередь бываютъ только дѣйствіями другихъ причинъ, то мы опять должны искать этихъ причинъ. Тамъ, гдѣ одно дѣйствіе связано съ другимъ и становится причиною новаго дѣйствія, образуется обыкновенно цѣпь взаимно связанныхъ между собою причинъ и дѣйствій. Это и составляетъ то, что называютъ причиннымъ сцѣпленіемъ. Въ природѣ, насколько мы ее знаемъ, всякая причинная дѣятельность, будучи обусловлена другими, возбуждающими ее и содѣйствующими ей силами, бываетъ въ свою очередь только дѣйствіемъ другихъ причинъ. Въ понятіи причины только то и заключается, что каждая причина непремѣнно должна имѣть то или другое дѣйствіе. Причиной мы считаемъ ту силу, которая обнаруживается въ извѣстной дѣятельности и въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ. Если предположить, что каждая причина имѣетъ то или другое дѣйствіе, а это дѣйствіе въ свою очередь снова обнаруживается или, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ обнаружить себя такою или иною дѣятельностію, то причинное сцѣпленіе будетъ вытекать уже изъ самаго понятія причины.

Но съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на дѣло, все-таки причинная связь сама по себѣ не есть какая-то безусловная, все опредѣляющая собою *необходимость*. Конечно, дѣйствіе непремѣнно должно послѣдовать тамъ, гдѣ дѣйствуетъ извѣстная причина. Но необходимость тутъ заключается только въ томъ,

что непремѣнно является здѣсь какое нибудь дѣйствіе. Какого же рода будетъ это дѣйствіе и появится ли тутъ именно то, а не другое дѣйствіе, это зависитъ уже отъ свойства причины. Всякая *дѣятельная* сила должна имѣть извѣстное дѣйствіе, это — необходимо; но *не* необходимо то, чтобы всякая сила была постоянно *дѣятельною* силою. Естествознаніе напротивъ доказываетъ, что въ природѣ существуютъ только *условныя* силы, т. е. такія, которыя остаются въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока не появятся условія ихъ дѣятельности, именно другія дѣйствующія при этомъ силы. Стало быть, есть въ природѣ силы, которыя, хотя и *могутъ* дѣйствовать, но *не должны* необходимо дѣйствовать постоянно и вездѣ. Правда, естествознаніе утверждаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что въ природѣ дѣйствуютъ *только такія* силы, которыя *необходимо* должны дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, какъ скоро наступятъ условія ихъ дѣятельности. Но во-первыхъ всеобщность этого положенія сомнительна, и ея ничѣмъ нельзя доказать, а во-вторыхъ, если бы даже это и было справедливо, все-таки отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы рядомъ съ силами природы не могло быть другихъ силъ, которыя *не должны* дѣйствовать необходимо, хотя бы и наступили условія ихъ дѣятельности. Если бы вполнѣ было несомнѣнно, что въ природѣ совершенно *нѣтъ* никакихъ такихъ силъ и что *всякая* дѣйствующая сила можетъ производить только одно какое нибудь *строго опредѣленное* дѣйствіе, тогда еще можно было бы говорить о причинной связи и вытекающей отсюда всеобщей необходимости, можно было бы думать, что въ силу этой необходимости все, происходящее въ природѣ, должно происходить именно такъ, а не иначе. Но несомнѣнно ли это—вотъ въ чемъ дѣло. А въ такомъ случаѣ могутъ, значитъ, быть въ природѣ такіе факты и дѣйствія, которыя, будучи даже частями или членами всеобщей причинной связи, не происходятъ однакожъ необходимо, и не должны непремѣнно имѣть такое, а не

иное свойство. Что высказанныя сейчасъ предположенія несостоятельны — это очевидно. Всѣ признаютъ, что понятіе о силѣ не заключаетъ въ себѣ какой-то безусловной необходимости дѣйствія, а отсюда прямо слѣдуетъ, что могутъ быть въ природѣ силы особаго рода. Это—силы *свободныя*. Онѣ не подлежатъ никакому принужденію, и могутъ дѣйствовать и не дѣйствовать. Кромѣ того, въ понятіи о силѣ не заключается того, чтобы каждая сила производила постоянно и вездѣ одно и тоже строго опредѣленное дѣйствіе. Значитъ, очень возможно предположить существованіе такихъ силъ, которыя, по своимъ свойствамъ, способны дѣйствовать различно. Силы эти могутъ направлять лежащій въ ихъ природѣ способъ дѣйствованія на *различные объекты*, отъ чего и будутъ происходить *различныя* дѣйствія. Такія силы не только возможны, но онѣ и *дѣйствительно* существуютъ. Итакъ, при ближайшемъ и болѣе строгомъ разборѣ дѣла мы получаемъ совершенно другіе результаты. Оказывается, что все, происходящее въ природѣ, *не только не подтверждаетъ* указанныхъ выше предположеній касательно всеобщей необходимости, господствующей въ природѣ, но скорѣе даетъ право дѣлать совершенно *противоположныя* предположенія.

Принципъ причинности, какъ понимаетъ его естествознаніе, высказанъ Фехнеромъ. Этотъ въ высшей степени заслуженный теоретикъ въ области естествознанія формулируетъ его такъ: „если встрѣчаются гдѣ нибудь одни и тѣже обстоятельства, каковы бы они ни были, то повторяются при этомъ одни и тѣже слѣдствія; при другихъ же обстоятельствахъ бываютъ иныя слѣдствія“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „всеобщій законъ, на основаніи котораго составляется самое понятіе о законѣ и который подчиняетъ себѣ всѣ отдѣльные законы, состоитъ въ томъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ всегда и вездѣ происходитъ одно и тоже, а при другихъ условіяхъ—другое“. Это положеніе, очевидно, прямо вытекаетъ изъ перваго основ-

наго логическаго закона, изъ закона тожества и противорѣчія. Оно выражено въ такой строгой, рѣшительной формѣ и такъ, повидимому, благопріятствуетъ гипотезѣ всеобщей и безусловной необходимости, что никакой натуралистъ, никакой детерминистъ не будетъ противорѣчить ему. Но послушаемъ, что говоритъ далѣе тотъ же самый Фехнеръ: „*одни и тѣже обстоятельства*, присовокупляетъ онъ, *никогда и нигдѣ не повторяются вполнѣ; да этого и не требуетъ упомянутый выше законъ*“. Это положеніе тоже до такой степени очевидно и неоспоримо, что никто не можетъ несогласиться съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ въ явленіяхъ природы, ежедневно совершающихся предъ нами? При самомъ даже бѣгломъ взглядѣ на эти явленія мы замѣчаемъ, что не смотря на закономѣрность теченія явленій природы здѣсь не встрѣчается никакихъ повтореній. Въ природѣ не только никогда не случалось всегда и вездѣ одно и тоже, но напротивъ каждый отдѣльный случай, каждое отдѣльное явленіе представляютъ собою нѣчто различное. Нѣтъ въ природѣ двухъ совершенно одинаковыхъ кусковъ одного и того же камня, нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ листьевъ одного и тогоже дерева, наконецъ нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ яицъ одной и той же курицы. Тепло и холодъ, вѣтеръ и погода, грозы, землетрясенія и вулканическія изверженія, отъ которыхъ зависитъ преимущественно все случающееся въ природѣ, до такой степени измѣнчивы, что измѣнчивость ихъ вошла въ пословицу, и доселѣ еще не удалось отыскать основанія и закона ихъ измѣнчивости (1). Спрашивается теперь: откуда эта

(1) Такъ называемый законъ Дове относительно круговращенія вѣтровъ на самомъ дѣлѣ подчиненъ многимъ, невыясненнымъ еще, какъ слѣдуетъ, исключеніямъ; поэтому въ немъ нѣтъ главнаго элемента, свойственнаго понятію о законѣ, именно элемента необходимости и всеобщности. Кромѣ того, въ высшей степени измѣнчивъ и предполагаемый исходный пунктъ, изъ котораго хотятъ объяснить перемѣну вѣтровъ, имен-

измѣнчивая игра явленій природы, это *разнообразіе* слѣдствій при *однихъ и тѣхъ же*, притомъ *равномѣрно* дѣйствующихъ причинахъ? Если дѣйствующія въ природѣ силы *одни и тѣже*, если онѣ дѣйствуютъ постоянно *однимъ и тѣмъ же*, строго опредѣленнымъ *образомъ*, если онѣ *должны* непремѣнно дѣйствовать, какъ скоро наступаютъ условія ихъ дѣятельности, и если наконецъ каждая сила *можетъ* производить только *одно и тоже*, строго опредѣленное *дѣйствіе*, то, очевидно, всякое разнообразіе въ явленіяхъ природы, всякая измѣнчивость въ результатахъ дѣйствія этихъ силъ не только непонятны, но и совершенно немыслимы. Все это стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ высказаннымъ предположеніемъ о всеобщей и безусловной необходимости въ природѣ, и уничтожаетъ это предположеніе. Какъ вѣрно то, что А = А, и положеніе: А = не А немыслимо для насъ: точно также вѣрно и то, что однѣ и тѣже причины должны постоянно и вездѣ имѣть одни и тѣже дѣйствія.—Говорятъ: дѣйствующія въ природѣ силы суть силы условныя, и обстоятельства, условія ихъ дѣятельности постоянно измѣняются. Вотъ отчего и зависитъ будто бы разнообразіе въ явленіяхъ природы. Но это—не объясненіе. Если такъ называемыя обстоятельства или условія какимъ либо образомъ участвуютъ въ томъ, что за извѣстными причинами слѣдуютъ извѣстныя дѣйствія, то, очевидно, они должны дѣйствовать тутъ вмѣстѣ съ этими причинами и, значитъ, должны быть точно также дѣйствующими силами или обнаруженіями дѣйствующихъ силъ. Предъ нами опять такимъ образомъ альтернатива. Мы должны допустить, что это *или* силы свободныя т. е. такія, которыя могутъ дѣйствовать такъ или иначе; *или* же это силы необходимыя, которымъ свойственъ строго опре-

но—появленіе сильныхъ бурь въ экваторіальномъ поясѣ. Бури эти могутъ быть то чаще, то рѣже, то слабѣе, то сильнѣе. Да и по своему началу это—пунктъ въ высшей степени неясный.

дѣленный образъ дѣйствованія. При этомъ снова возникаетъ необходимо вопросъ: какъ же думать о разнообразіи и измѣнчивости въ дѣйствіяхъ силъ природы, если этимъ силамъ приписываютъ дѣятельность необходимую, неизмѣнную? Совершенно одни и тѣже обстоятельства въ природѣ никогда и нигдѣ не повторяются, напротивъ всегда бываютъ другія, болѣе или менѣе различныя обстоятельства; какая же, спрашивается, причина этого *измѣненія* обстоятельствъ? Необходимыя силы, дѣйствующія безусловно необходимымъ, строго опредѣленнымъ и *неизмѣннымъ* образомъ, очевидно, не могутъ быть причиною такого *измѣненія*. Если бы мы сказали, что измѣнчивое есть слѣдствіе или дѣйствіе неизмѣннаго, то въ этомъ положеніи было бы очевидное противорѣчіе. Какъ вѣрно то, что однѣ и тѣже причины (обстоятельства) могутъ имѣть только одни и тѣже дѣйствія (слѣдствія): также точно вѣрно и то, что неизмѣнныя причины могутъ производить только неизмѣнныя дѣйствія. Если же они не имѣютъ такихъ дѣйствій, то, очевидно, это вовсе не неизмѣнныя, не необходимыя причины, но причины *свободныя.—Итакъ, въ природѣ или существуетъ взаимодѣйствіе свободныхъ силъ, или же она, подобно машинѣ, повторяетъ всегда и вездѣ одни и тѣже дѣйствія.*

Всякій, кто признаетъ основной логическій законъ тожества и противорѣчія и кто не будетъ утверждать, что четвероугольный тріугольникъ точно также можно себѣ представить, какъ и тріугольникъ съ тремя углами, долженъ признать эту дилемму. Естествознаніе, какъ и всякое вообще детерминистическое міровоззрѣніе можетъ выйти изъ этой диллеммы только тогда, когда оно скроется въ убѣжище ненаучныхъ воззрѣній. По поводу этой дилеммы даютъ такое объясненіе: дѣйствующія въ природѣ силы, говорятъ, безконечно разнообразны по своему количеству, по степени и мѣрѣ ихъ дѣйствій. Первоначальное расположеніе ихъ и свойства были таковы, что отъ этого необходимо дол-

жно было происходить въ природѣ круговращеніе бытія неизмѣнное и строго опредѣленное по своему ходу, результатамъ, по времени и мѣсту; но это круговращеніе до такой степени разнообразно по содержанію и громадно по объему, что мы не можемъ обозрѣть его ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Поэтому будто бы мы и не можемъ узнать господствующей здѣсь необходимости. Намъ представляется измѣнчивымъ то, что въ сущности совершенно неизмѣнно. Другими словами: кажущееся намъ разнообразіе бытія и измѣняемость обстоятельствъ основываются будто бы на громадномъ разнообразіи силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Уже въ самомъ началѣ результаты дѣятельности этихъ силъ были неодинаковы. Происшедшія отсюда дѣйствія и взаимодѣйствія силъ достигли наконецъ такого разнообразія, что одни и тѣже явленія могутъ повторяться только спустя необозримо длинные періоды времени. Все же, происходящее въ теченіе этихъ періодовъ,—всѣ возникающія въ это время вещи, перемѣны, событія, случаи должны казаться намъ отличными другъ отъ друга.—Конечно, машина можетъ быть такъ составлена, что она можетъ произвести не только одновременно, но и по очереди одно за другимъ множество самыхъ разнообразныхъ дѣйствій. Пока машина не станетъ и не начнетъ снова работать, рядъ этихъ дѣйствій можетъ быть столь длиненъ, что никакой, находящійся внутри машины глазъ не можетъ обозрѣть ихъ и понять ихъ необходимости. Все это *можетъ* быть. Но такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь только о возможности, то это будетъ только *гипотеза*. Насколько вѣроятна эта гипотеза и нѣтъ ли другой гипотезы, болѣе вѣроятной? Оправданіе гипотезы, какъ извѣстно, зависитъ всецѣло отъ степени ея вѣроятности. Этого общепризнаннаго положенія долженъ держаться всякій, кто не хочетъ уничтоженія науки.

Упомянутая сейчасъ гипотеза противорѣчитъ прежде всего основнымъ выводамъ геологическихъ и па-

леонтологическихъ изслѣдованій. По этимъ изслѣдованіямъ, земной шаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и царства растительное и животное въ своемъ развитіи и образованіи пережили различныя эпохи, пока геологическое и климатическое состояніе земли не установилось и не упрочилось. Если допустить гипотезу круговращенія бытія, о которой мы сказали выше, то изъ нея будетъ слѣдовать, что земля снова возвращается къ своимъ прежнимъ ступенямъ развитія, чтобы производить ихъ вновь. Но это не только противорѣчитъ понятію развитія, отъ котораго не можетъ отрѣшиться геологія, но въ виду настоящаго положенія вещей представляется до того непонятнымъ, что и самые крайніе приверженцы детерминизма и механическаго воззрѣнія на міръ не могутъ не считать этого абсурдомъ. Еще нелѣпѣе дѣлается эта гипотеза, если принять, хотя въ общихъ чертахъ, Канто-Лапласовскую теорію образованія міра, которой вообще держится естествознаніе. Наконецъ, естествознаніе считаетъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что жизнь и движеніе въ природѣ сохраняются только вслѣдствіе постояннаго нарушенія и возстановленія равновѣсія дѣйствующихъ въ природѣ силъ, особенно теплоты и силъ химическихъ и электромагнетическихъ. Безъ этого условія въ природѣ былъ бы вѣчный покой, и наступила бы смерть для всѣхъ органическихъ существъ. Въ этомъ фактѣ уже само собою заключается предположеніе, что силы природы, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, могутъ нарушать опредѣленную закономъ мѣру ихъ дѣятельности и слѣдовательно отступать отъ закона въ извѣстныхъ пунктахъ. Этому факту, очевидно, противорѣчитъ упомянутая гипотеза, предполагающая твердо установленную, неизмѣнную и всегда себѣ равную дѣятельность всѣхъ силъ природы.

Съ другой стороны, какъ мы сказали, *могутъ быть* въ природѣ свободныя силы въ упомянутомъ выше смыслѣ этого слова. Если мы допустимъ это предположеніе, то понятными сдѣлаются разнообразіе бытія

и измѣняемость обстоятельствъ. Они будутъ основываться на томъ, что въ дѣятельности необходимыхъ (естественныхъ) причинъ принимаютъ участіе силы свободныя (духовныя), и такимъ образомъ видоизмѣняютъ дѣйствія первыхъ. Назовемъ это также гипотезой. Но между этой гипотезой и той, которую дѣлаютъ детерминисты, большая разница. Детерминистическая гипотеза до такой степени сложна, что мы едва можемъ представить себѣ ея содержаніе, между тѣмъ какъ гипотеза, допускающая свободныя силы въ природѣ, поражаетъ насъ своею простотою. Первая противорѣчитъ упомянутымъ выше результатамъ естествознанія, и, вопреки этому послѣднему, допускаетъ неизмѣримое разнообразіе дѣйствующихъ въ природѣ силъ, тогда какъ вторая совершенно согласуется съ этими результатами, и можетъ допустить, какое угодно, число дѣйствующихъ въ природѣ силъ. Первая не въ состояніи объяснить того, почему одни и тѣже обстоятельства, если (по выраженію Фехнера) не „вполнѣ“, то по крайней мѣрѣ отчасти возвращаются, или, выражаясь точнѣе, почему не смотря на господствующую въ природѣ сплошную, постоянно повторяющуюся равномѣрность бытія и на общій всѣмъ явленіямъ порядокъ и законосообразность, мы видимъ здѣсь въ частности огромное разнообразіе и измѣняемость явленій. При помощи же нашей гипотезы очень легко объяснить эти факты. Свободныя силы *не уничтожаютъ* законосообразной дѣятельности общихъ силъ природы, онѣ могутъ только *видоизмѣнять* дѣйствіе ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже человѣкъ, какъ бы онъ ни напрягалъ свои силы, не въ состояніи бываетъ уничтожить повсюднаго дѣйствія въ природѣ закона тяготѣнія, равно какъ законовъ физическихъ, химическихъ и органическихъ. Онъ можетъ, и то съ помощію силъ природы же, только направлять, усиливать или ослаблять дѣйствія этихъ законовъ въ отдѣльномъ какомъ либо случаѣ.—Наконецъ, по свидѣтельству нашего сознанія, мы не можемъ не считать нашу волю силою

свободною въ упомянутомъ выше смыслѣ этого слова, и не можемъ не стремиться къ свободному, ничѣмъ не связанному проявленію ея. Это для насъ неоспоримый фактъ, а между тѣмъ гипотеза детерминистическая прямо противорѣчитъ этому факту. До тѣхъ поръ пока она не разрѣшитъ этого противорѣчія, ей никакъ нельзя приписать научнаго значенія.

Относительно свободы воли высказываютъ сомнѣніе не только естествоиспытатели, реалисты и матеріалисты, но даже люди съ направленіемъ идеалистическимъ, вѣрующіе въ бытіе Божіе. По мнѣнію послѣднихъ, свобода воли несовмѣстима будто бы съ идеей Бога, какъ существа всемогущаго и абсолютной причины всего существующаго. Возраженіе это не имѣетъ силы уже потому, что идеи Бога и ея реальности мы не можемъ предполагать прямо и построять a priori, если хотимъ стоять на научной точкѣ зрѣнія. Научнымъ образомъ мы знаемъ о Богѣ, Его бытіи и существѣ только то, что открываетъ намъ объ этомъ наблюдаемый нами міръ (природа и человѣчество) и что можетъ быть строго-логически выведено изъ наблюденія надъ міромъ. Предположимъ, что научное знаніе природы и человѣка привело насъ къ такому понятію о Богѣ, съ которымъ совершенно не мирится понятіе абсолютной причинности; или представимъ себѣ, что абсолютная причинность стоитъ въ противорѣчіи съ какимъ нибудь, твердо установленнымъ научнымъ фактомъ, съ фактомъ напримѣръ свободы воли человѣка, или какимъ либо другимъ: тогда, очевидно, въ наше понятіе о Богѣ не можетъ войти абсолютная причинность. Но упомянутое возраженіе само собою падетъ, если будетъ доказано, что на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ никакого противорѣчія между свободой воли человѣка и предполагаемой абсолютной причинностію. Доказать же это не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, абсолютную причину мы необходимо должны представлять себѣ, какъ причину совершенно самодѣятельную, слѣдовательно свободную и самоопредѣляющуюся. Это

необходимо слѣдуетъ изъ понятія абсолютности и безусловности. Если бы на нее вліяла какая нибудь другая сила, и она зависѣла бы отъ этой силы, то ей, конечно, нельзя было бы приписать свойствъ безусловности и абсолютности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ понятіи абсолютной силы заключается и то, что она имѣетъ власть сама надъ собою. Не будучи связана въ своей дѣятельности никакими посторонними ограниченіями, она можетъ сама себѣ поставлять границы и опредѣлять мѣру своей дѣятельности. Она не была бы абсолютною силою, если бы лишена была этой власти. Въ этой невозможности ограничивать себя саму заключалось бы ограниченіе ея власти. Она не была бы безусловной самостоятельной силой, если бы она не могла сама назначать своей дѣятельности извѣстнаго направленія, извѣстной степени интенсивности и екстенсивности. Безъ этого условія ея дѣятельность, хотя она и выходила бы отъ нея самой, превратилась бы во что-то безмѣрное, безграничное, совершенно неопредѣленное, а потому и непонятное для насъ. Дѣятельность эта не сопровождалась бы никакимъ опредѣленнымъ результатомъ, а результатъ неопредѣленный нельзя назвать результатомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Короче сказать: она не была бы силою всемогущею, если бы не имѣла власти сама надъ собою. Какъ причина абсолютная, безусловная и неограниченная, она можетъ производить двоякаго рода силы. Однѣ изъ нихъ содѣйствуютъ достиженію установленныхъ ею цѣлей — тѣмъ, что дѣятельность ихъ совершается непреодолимо и подчинена законамъ необходимости. Силы эти представляютъ собой подобіе абсолютной причины, какъ силы *безусловной*. Но послѣдняя можетъ создать и такія силы (существа), которыя, обладая самоопредѣленіемъ, дѣйствуютъ сообразно съ цѣлями и мотивами, ими самими избранными. Силы эти служатъ отображеніемъ абсолютной причины, какъ силы *свободной*. Въ существѣ абсолютной причины необходимость и свобода составляютъ нѣчто

единое, нераздѣльное; поэтому она, хотя и распредѣляетъ въ своемъ твореніи ту и другую по различнымъ центрамъ силъ (— необходимость присуща внѣшней природѣ, а свобода существамъ духовнымъ), но при всемъ этомъ они образуютъ собою одно гармоническое цѣлое. И самой свободѣ она можетъ даровать весьма различную мѣру интенсивности и экстенсивности. Она можетъ создать такія свободныя силы, по отношенію къ которымъ ея собственная причинность ограничивается въ значительной степени. Силамъ этимъ предоставляется очень широкое поле для ихъ собственной дѣятельности. Но могутъ быть созданы ею и такія силы, которымъ назначенъ весьма ограниченный кругъ дѣятельности. Послѣдняго рода силы, принимая участіе въ общей причинной связи, которой подчиненъ ходъ природы, могутъ видоизмѣнять эту связь только въ какихъ нибудь частностяхъ. Поэтому намъ и кажется, какъ будто онѣ совершенно ничего не значатъ по отношенію къ господствующей во всей природѣ необходимости. — Если есть Богъ, Творецъ міра, то твореніе свободныхъ силъ, самоопредѣляющихся существъ должно служить высшимъ обнаруженіемъ его абсолютнаго всемогущества. Человѣкъ гордится своею дѣятельностію, а между тѣмъ ничто такъ не унижаетъ его, какъ мысль, что Богъ можетъ создавать только машины или существа не самостоятельныя и не самодѣятельныя.

Съ этимъ теологическимъ возраженіемъ тѣсно связано другое. Основаніемъ его служитъ вѣра въ Бога, какъ міроправителя и руководителя исторіи человѣчества. Субъективно-индивидуальная свобода воли, говорятъ, противорѣчитъ строго-опредѣленному и подчиненному неизмѣннымъ законамъ теченію исторіи. Исторія представляетъ намъ собою выразившійся въ опредѣленныхъ фазахъ и степеняхъ ходъ развитія человѣческой природы, начиная отъ первоначальныхъ, грубыхъ формъ ея обнаруженія и оканчивая высшей культурой, высшимъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ

образованіемъ. Этотъ ходъ развитія человѣчества указываетъ на какую-то опредѣленную, хотя и не вполнѣ извѣстную намъ цѣль. Если допустить индивидуальную свободу каждаго человѣка, то такой строго опредѣленный ходъ исторіи будетъ, говорятъ, вещью невозможною. При индивидуальной свободѣ исторія превратилась бы въ какой-то безпорядочный хаосъ произвольныхъ, безсвязныхъ, противорѣчащихъ другъ другу событій.—Всякій, кто признаетъ свободу воли, долженъ конечно согласиться, что поступки каждаго отдѣльнаго человѣка могутъ стоять въ противорѣчіи съ основнымъ положеніемъ, на которомъ опирается это возраженіе, именно съ идеей предустановленнаго хода исторіи, управляемаго извѣстнымъ закономъ и цѣлію. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы такой ходъ былъ безусловно невозможенъ при свободѣ человѣка. Представимъ себѣ, что въ родѣ человѣческомъ происходитъ тоже самое, что совершается въ природѣ, и тогда не будетъ для насъ никакихъ затрудненій въ рѣшеніи этого вопроса. Отступленіе отъ общихъ законовъ природы въ *отдѣльныхъ* случаяхъ не только возможно, но, какъ мы сказали выше, и дѣйствительно существуетъ: однакоже въ природѣ *вообще* господствуетъ всюду порядокъ и закономѣрность. Послѣ каждаго отдѣльнаго нарушенія общихъ законовъ природы необходимо наступаетъ возстановленіе ихъ. Тоже самое бываетъ и въ исторіи человѣчества. Отдѣльный человѣкъ, въ силу индивидуальной свободы, можетъ совершать такія дѣянія, которыя противорѣчатъ законамъ развитія человѣчества и предустановленному ходу исторіи; но такія дѣянія могутъ только замедлять, разстроивать ходъ исторіи и отклонять его отъ прямой линіи, но они не могутъ уничтожить его. Результатъ ихъ, какъ показываетъ исторія, бываетъ скоропреходящій. Онъ обыкновенно парализуется или событіями, совершающимися въ природѣ, или же противоположными дѣяніями другихъ людей. Послѣднія совершаются со внутреннею необходимостію, но при полной

свободѣ въ отношеніи къ рѣшимости, и, значитъ, вытекаютъ съ этой стороны изъ существа человѣческой свободы. Безчисленное множество индивидуально-различныхъ людей свободно рѣшается на то или другое, отсюда и вытекаетъ необходимо такое великое разнообразіе въ самыхъ ихъ дѣйствіяхъ. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы всѣ различные индивидуумы дѣйствовали одинаково, имѣли одни и тѣже планы и намѣренія. Поэтому необходимо допустить, что за дѣйствіями людей, нарушающими и замедляющими ходъ исторіи всегда будутъ слѣдовать дѣйствія противоположнаго характера, которыми уничтожается это нарушеніе и замедленіе. Свобода, какъ факторъ исторіи, сама собою поправляетъ дѣло. Она постоянно и вездѣ производитъ дѣйствія только свободныя, вытекающія изъ самоопредѣленія индивидуумовъ, но эти дѣйствія, часто различныя до противоположности, сталкиваясь другъ съ другомъ, взаимно парализуютъ себя, и только тѣ изъ нихъ имѣютъ продолжительныя слѣдствія и большую устойчивость, которыя соотвѣтствуютъ законосообразному ходу всемірной исторіи. Если въ этомъ ходѣ есть какой-нибудь законъ, то законъ этотъ можетъ обнаруживаться только споспѣшествованіемъ такимъ человѣческимъ дѣяніямъ, которыя обозначаютъ собою дальнѣйшее поступательное движеніе въ процессѣ всемірной исторіи, И наоборотъ, отдѣльныя дѣянія смертныхъ людей потому только и могутъ имѣть продолжительныя и отдаленныя послѣдствія, что непреложный законъ предохраняетъ ихъ отъ уничтоженія. Тотъ фактъ, что существуютъ человѣческія дѣянія съ послѣдствіями какъ бы неизгладимыми и неограниченными временемъ, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ законосообразнаго хода всемірной исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ ясно доказываетъ и то, что существуетъ свобода воли. Безчисленное множество самыхъ разнородныхъ дѣяній человѣческихъ становится для насъ понятнымъ только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ свободную рѣшимость отдѣльныхъ людей на тѣ или другіе поступки.

Мы коснулись теологическаго и историческаго возраженій противъ свободы воли. Первое считаетъ свободу воли несовмѣстимою съ понятіемъ о Богѣ, какъ абсолютной причинѣ всего существующаго, а второе видитъ въ свободѣ противорѣчіе причинной связи и законосообразности, господствующей во всемірной исторіи. Но есть еще возраженіе противъ свободы воли. Возраженіе это можно назвать логическимъ возраженіемъ. Здѣсь ссылаются на несовмѣстимость понятія о свободѣ съ понятіемъ о причинности. Свободная сила, говорятъ, есть что-то само по себѣ неопредѣленное. Только подъ этимъ условіемъ мы и можемъ понять, какъ она можетъ, по своему произволу, дѣйствовать и не дѣйствовать, совершать то или другое, колебаться между двумя противоположностями. Такая неопредѣленная сила могла бы, очевидно, совершать и дѣятельность также неопредѣленную. Результатомъ ея должно бы быть не то или другое опредѣленное дѣйствіе, а нѣчто совершенно непонятное для насъ, чуждое всякой формы и всякаго содержанія. Но это, говорятъ, немыслимо для насъ и противорѣчитъ опыту, по свидѣтельству котораго каждый человѣческій поступокъ, подобно всѣмъ явленіямъ природы, представляетъ собою опредѣленное слѣдствіе извѣстныхъ причинъ. Итакъ, свобода невозможна будто бы ни съ логической, ни съ эмпирической точки зрѣнія.

Люди, дѣлающіе это возраженіе, смотрятъ на свободу человѣка, какъ на какой-то безпорядочный и безсвязный произволъ, обнаруживающійся какимъ-то безпричиннымъ расположеніемъ дѣлать что нибудь или не дѣлать и какою-то неограниченною возможностію дѣйствовать такъ или иначе. Если понимать свободу воли въ этомъ смыслѣ, то конечно упомянутое возраженіе будетъ имѣть смыслъ и значеніе. Къ сожалѣнію, надобно сознаться, что философы и богословы нерѣдко употребляютъ безразлично слова: свобода и произволъ, и смѣшиваютъ то и другое. Это обстоятельство между прочимъ много способствовало тому недовѣрію, съ ко-

торымъ относятся обыкновенно къ свободѣ воли. На самомъ же дѣлѣ свобода воли, какъ понимаемъ ее мы, вовсе *не есть* какой-то произволъ, и сознаніе свободы *не знаетъ* ни о какомъ такомъ произволѣ. Свобода воли—это есть только свобода *выбора*. Она состоитъ въ томъ, что мы выбираемъ, дѣлать намъ что нибудь или не дѣлать, и если мы рѣшились что нибудь дѣлать, то опять выбираемъ изъ двухъ или нѣсколькихъ возможныхъ дѣйствій какое нибудь одно. Но при этомъ надобно замѣтить, что рѣшеніе наше *всегда* и *вездѣ* совершается въ строго-*опредѣленномъ* и весьма *ограниченномъ* кругу объективно-возможныхъ поступковъ и субъективно-возможныхъ цѣлей и мотивовъ. Кромѣ того, свобода основывается на *опредѣленномъ* влеченіи и *опредѣленной* силѣ, имѣющей опредѣленный способъ дѣйствованія. Она, какъ мы сказали выше, есть только обнаруженіе влеченія нашей души къ проявленію своего *я*. Отдѣльные акты, въ которыхъ выражается это, и составляютъ то, что называется обыкновенно актами воли. Соотвѣтствующія этимъ актамъ дѣйствія или остановки въ дѣйствіяхъ относятся къ намъ опять, какъ внѣшнее къ внутреннему, какъ явленія къ своей сущности. Акты эти душа выполняетъ опредѣленнымъ, всегда себѣ равнымъ способомъ. Она приводитъ къ сознанію свои стремленія и желанія, задерживаетъ ихъ въ сознаніи, подвергаетъ ихъ обсужденію и оцѣнкѣ и проч. Можно ли поэтому сказать, что свобода воли обнаруживается какимъ-то совершенно произвольнымъ, постоянно измѣнчивымъ и безпорядочнымъ образомъ дѣйствованія? Кромѣ того, въ актахъ нашей воли, какъ было сказано выше, принимаетъ участіе свойственная нашей душѣ сила различенія, отъ которой зависитъ сознаніе и самосознаніе. Свобода воли необходимо связана съ этою силою, и не можетъ обойтись безъ нея. Сила различенія въ свою очередь дѣйствуетъ опять строго-опредѣленнымъ образомъ. Различеніе чувственныхъ ощущеній, чувствованій, влеченій, стремленій и проч. совершается въ душѣ по из-

вѣстнымъ законамъ и нормамъ (именно по законамъ логическимъ и категоріямъ). По тѣмъ же самымъ законамъ и нормамъ душа наша въ актѣ воли установляетъ различеніе въ себѣ самой и даетъ своему *я* опредѣленное направленіе. То и другое совершается при посредствѣ одной и той же силы различенія, только въ первомъ случаѣ душа наша, пользуясь этою силою, дѣлаетъ различеніе по отношенію къ даннымъ своимъ состояніямъ, а во второмъ даетъ опредѣленное направленіе себѣ самой или своей волѣ. Отсюда различеніе въ обоихъ случаяхъ направляется на разные объекты: тамъ на данныя опредѣленныя состоянія нашей души и внѣшнихъ предметовъ, а здѣсь на данные мотивы нашей воли и на данную возможность различныхъ рѣшеній воли и различныхъ дѣйствій. Поэтому свобода рѣшимости состоитъ не въ томъ, что душа наша можетъ дѣйствовать произвольно или какъ ей угодно, но только въ томъ, что она склоняется на извѣстный мотивъ и поступокъ не по необходимости. Она можетъ и не совершать этого поступка или слѣдовать другому мотиву. Такимъ образомъ на эту возможность вовсе нельзя смотрѣть, какъ на какую-то неопредѣленность нашей воли. Она указываетъ скорѣе на ея самостоятельность, на ея способность дѣйствовать и не дѣйствовать и направлять свою дѣятельность на различные объекты. Способность эта въ извѣстной мѣрѣ принадлежитъ всѣмъ вообще силамъ природы. Такъ напримѣръ и сила электричества можетъ оставаться не дѣятельною. Она дѣйствуетъ въ стеклѣ и смолѣ только тогда, когда эти послѣднія будутъ подвергнуты тренію. Будучи направлена на различные предметы, она можетъ также производить весьма различныя дѣйствія: дѣйствуя на воду, она химически разлагаетъ ее, кислородъ она озонируетъ, желѣзо намагничиваетъ и проч. Различіе между электричествомъ и силой воли состоитъ только въ томъ, что электричество приводится въ дѣйствіе и направляется на тотъ или другой предметъ другими силами, сво-

бодная же воля *сама* опредѣляетъ себя къ дѣятельности и *сама* направляется къ тому или другому предмету. Сколь бы ни было важно и значительно это различіе, но оно не даетъ никакого права на то, чтобы свободу упрекать въ какой-то неопредѣленности. Электричество, какъ извѣстно, возбуждается къ дѣятельности другими силами, и, смотря по обстоятельствамъ, направляется къ тому или другому предмету, отъ чего и происходятъ самыя разнородныя его дѣйствія, однакожъ изъ-за этого мы не называемъ его силою, дѣйствующею какимъ-то неопредѣленнымъ образомъ. Воля наша дѣлаетъ тоже самое только *безъ* содѣйствія и участія другихъ силъ. Какое же мы имѣемъ право обвинять ее въ неопредѣленности дѣйствованія?..

Тоже смѣшеніе понятій, о которомъ мы сейчасъ упомянули, обнаруживается и въ четвертомъ возраженіи противъ свободы воли. Возраженіе это основывается на возникшей недавно наукѣ — Статистикѣ. Численныя данныя этой науки приводятъ нѣкоторыхъ недальновидныхъ приверженцевъ свободы воли въ смущеніе. Такъ называемая криминальная статистика показываетъ, что среднее число не только преступленій вообще, но и частныхъ ихъ видовъ, какъ-то: смертоубійствъ, грабежей, кражъ и пр. постоянно бываетъ одно и тоже; при чемъ случаи преступленій увеличиваются или уменьшаются съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ народонаселенія. Такъ какъ среднимъ числомъ вездѣ раждается опредѣленное и притомъ почти равное число дѣвочекъ и мальчиковъ съ небольшимъ только перевѣсомъ количества послѣднихъ, то прямой выводъ отсюда, говорятъ, тотъ, что среднимъ числомъ является на свѣтъ опредѣленное количество людей, обреченныхъ какъ бы самою природою на совершеніе извѣстныхъ преступленій. Такимъ образомъ совершаетъ или не совершаетъ человѣкъ извѣстный поступокъ—это зависитъ не отъ свободнаго его рѣшенія, но отъ тѣхъ свойствъ, которыя дала ему природа.

Возраженіе, повидимому, основательное. Но если глубже вникнуть въ дѣло, то оказывается, что статистическія данныя не на столько тверды, чтобы ими можно было оправдать тотъ выводъ, какой изъ нихъ дѣлаютъ. Во 1-хъ, количество преступленій вовсе не одно и тоже во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Въ Англіи оно иное, чѣмъ во Франціи, въ Германіи иное, чѣмъ въ Италіи и Россіи. Мы не говоримъ о Турціи, Персіи, Индіи, Китаѣ и негритянскихъ племенахъ Африки. Въ этихъ странахъ мы найдемъ еще больше разницы въ количествѣ преступленій. Во 2-хъ даже въ одной и той же странѣ у одного и тогоже народа количество преступленій значительно видоизмѣняется, смотря потому, благопріятствуютъ или неблагопріятствуютъ этому обстоятельства. Преступленія обыкновенно увеличиваются съ увеличеніемъ бѣдности и нужды въ народѣ и уменьшаются съ возвышеніемъ его благосостоянія, съ наступленіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ для его торговли, промышленности и проч. Въ 3-хъ численныя показанія обнимаютъ собою только тѣ поступки, которые считаются преступленіями и наказываются сообразно съ законами, дѣйствующими въ различныхъ государствахъ, но объ этихъ законахъ никакъ нельзя сказать, чтобы они вездѣ были одни и тѣже. Что въ одномъ мѣстѣ считается преступленіемъ, то въ другомъ не подлежитъ часто никакому наказанію. Въ 4-хъ численныя данныя касаются только тѣхъ преступленій, которыя сдѣлались публичными. На преступленія скрытыя здѣсь не обращается вниманія. Какъ велико количество этихъ послѣднихъ преступленій, объ этомъ ничего нельзя сказать даже вѣроятнаго. Это зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, и между прочимъ отъ устройства полиціи, отъ большаго или меньшаго надзора, энергіи и способностей полицейскихъ чиновниковъ. Въ 5-хъ численныя показанія даже въ одной и той же странѣ, при однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ и обстоятельствахъ, вовсе не до такой степени постоянны, какъ это утвержда-

ютъ, вопреки фактамъ, матеріалистически настроенные статистики. Такъ въ Англіи и Валлійскомъ княжествѣ „изъ проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію полиціи, совершается ежегодно на 1000 жителей отъ 19-ти до 21“, т. е. въ различные годы число это колеблется между 19 и 21. Эта разница не такъ незначительна, чтобы на нее не обращать вниманія, какъ это дѣлаютъ матеріалисты. При 1,000,000 жителей она возрастетъ до разницы между 19,000 и 21,000, а при 20-ти милліонахъ она увеличится до разницы между 380,000 и 420,000. Да и самыя преступленія вовсе не бываютъ однѣ и тѣже. Напротивъ статистика прямо говоритъ, что съ „50-тыхъ годовъ преступленія сдѣлались совершенно иными. Преступленія грубыя, соединенныя съ насиліемъ, уменьшились, между тѣмъ какъ преступленія утонченныя, какъ то: злонамѣренное банкротство, подлогъ и т. п. увеличились“ (G. Schmoller, Ueber die Resultate der Bevölkerungs=und Moral=Statistik. Berlin, 1871). Такимъ образомъ, въ теченіе даже такого, относительно короткаго періода времени (есть) разница какъ въ числѣ, такъ и въ родѣ преступленій.—Наконецъ въ 6-хъ „ненужно забывать, что весьма многія наши наблюденія, особенно насколько они касаются культурной и нравственной статистики, очень недавни. Они существуютъ только нѣсколько лѣтъ или десятилѣтій. Указывая на извѣстнаго рода устойчивость и неподвижность человѣчества въ нравственномъ отношеніи за этотъ періодъ времени, они въ тоже время не говорятъ ничего противъ великихъ, но медленныхъ успѣховъ человѣчества въ теченіе столѣтій“ (Schmoller). Значитъ статистика вообще не можетъ еще рѣшить, существуетъ ли въ нравственномъ отношеніи прогрессъ, или неподвижность, т. е. не можетъ сказать, возрастаетъ ли у человѣка сила самообладанія, а слѣдовательно и свобода, или же она остается постоянно одною и тою же.

Если же данныя статистики не вполнѣ тверды, то онѣ, очевидно, не доказываютъ того, что хотятъ

выводить изъ нихъ. Говорятъ, среднимъ числомъ родится вездѣ одинаковое число дѣтей мужескаго и женскаго пола, а потому является на свѣтъ одинаковое число преступниковъ, такъ что извѣстная часть человѣчества отъ природы уже предназначена къ тому, чтобы совершать извѣстныя преступленія. Но этотъ выводъ былъ бы справедливъ только въ томъ случаѣ, если бы *всегда* и *вездѣ безъ исключенія* количество преступленій было одно и тоже. А этого, какъ мы видѣли, вообще сказать нельзя.

Возьмемъ дѣло частнѣе. Предположимъ, что у *одного и тогоже* народа, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и отношеніяхъ, количество преступленій среднимъ числомъ бываетъ одно и тоже. Но и отсюда ничего не слѣдуетъ по отношенію къ свободѣ воли. Если считать волю какимъ-то абстрактнымъ произволомъ, который не имѣетъ никакихъ основаній и мотивовъ, то конечно этотъ аргументъ имѣетъ нѣкоторое значеніе. Но онъ ничего не доказываетъ по отношенію къ свободѣ воли въ ея настоящемъ смыслѣ. Свобода воли, какъ мы говорили выше, состоитъ только въ свободномъ рѣшеніи слѣдовать одному какому нибудь изъ данныхъ побужденій, имѣющихъ свое основаніе въ человѣческой природѣ. Въ ряду слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній побужденія эти не только въ одинаковомъ количествѣ, но и съ одинаковой степенью силы могутъ снова возникать у одного и тогоже числа индивидуумовъ. Неудивительно поэтому, что почти одно и тоже число людей каждаго поколѣнія, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и обстоятельствахъ, рѣшается на одни и тѣже поступки. Изъ этого вовсе однакоже не слѣдуетъ, будто каждый индивидуумъ *долженъ* непремѣнно рѣшаться на то, а не на другое. Объяснимъ это примѣромъ. При игрѣ въ рулетку на тысячу оборотовъ круга, которые слѣдуютъ другъ за другомъ, обыкновенно среднимъ числомъ попадаютъ одинаковое число разъ какъ на красное, такъ и на черное. Тоже бываетъ и съ людьми. Изъ тысячи людей каждаго по-

колѣнія, живущихъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и находящихся подъ вліяніемъ одинаковыхъ импульсовъ, почти одинаковое число людей рѣшается на одно и одинаковое число ихъ рѣшается на другое. хотя никто изъ нихъ не бываетъ вынужденъ рѣшаться именно на то, а не на другое. Фактъ этотъ доказываетъ только то, что свобода воли не противорѣчитъ всеобщему логическому закону: изъ равнаго вытекаетъ равное. По этому закону однѣ и тѣже силы при однихъ и тѣхъ же условіяхъ производятъ одни и тѣже дѣйствія. Отсюда, при одинаковой свободѣ воли у одинаковаго количества одинаковыхъ людей, находящихся при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же импульсовъ, происходитъ естественно одно и тоже количество рѣшеній воли съ одинаковымъ характеромъ. Другими словами: данныя статистики, насколько онѣ доказательны, доказываютъ только то, что возможность индивидуальнаго различія людей вовсе не безпредѣльна, но, подобно всякой математической комбинаціи данныхъ элементовъ, имѣетъ извѣстныя границы. Неудивительно поэтому, что если брать людей въ массѣ, въ *большомъ* количествѣ, соотвѣтственно такъ называемому „закону большихъ чиселъ“, на которомъ зиждется статистика (Schmoller S. 26), то всегда можно найти *одно и тоже вообще количество существенно одинаковыхъ индивидуумовъ съ одними и тѣми же характеристическими свойствами*. Если эти индивидуумы находятся въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и состояніяхъ, то въ свою очередь одинаковое *вообще* количество ихъ дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ, т. е. индивидуумы въ одинаковомъ почти количествѣ будутъ рѣшаться или въ пользу, или противъ требованій права и нравственнаго закона, хотя каждый изъ нихъ могъ рѣшаться и на то и на другое. Вотъ что только и доказываетъ статистика. Иначе сказать, она подтверждаетъ только ту истину, что свободу воли вполнѣ можно согласить съ великимъ всеобщимъ принципомъ причинности.

Изъ того же логическаго закона, о которомъ мы сейчасъ сказали, слѣдуетъ, что если измѣняются обстоятельства и условія, въ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ люди, то измѣняются и самыя дѣйствія ихъ. Это подтверждаетъ и статистика. Такимъ образомъ, если напримѣръ импульсы, заключающіе въ себѣ поводы къ преступнымъ дѣйствіямъ противъ собственности, какъ то: бѣдность, нужда, безправіе и безнравственность пріобрѣтаютъ у людей значительную силу и вліяніе, то обыкновенно бываетъ больше случаевъ, когда люди слѣдуютъ этимъ импульсамъ, а потому и самое количество соотвѣтствующихъ этому преступленій увеличивается. Статистика показываетъ также, что, въ силу того же логическаго закона, тамъ, гдѣ религія и добрые нравы пустили глубокіе корни, общественная мораль даже и въ дурныя времена подвергается только *незначительнымъ* колебаніямъ, и, значитъ, не одни только естественные, но и *нравственные* импульсы имѣютъ вліяніе на состояніе общества. Въ числѣ этихъ импульсовъ важное значеніе имѣютъ такъ называемый духъ времени, общественное мнѣніе, преобладающіе въ данный моментъ взгляды и убѣжденія людей. Въ особенности важно здѣсь то, признаетъ ли вообще извѣстный народъ бытіе свободы воли въ человѣкѣ, или же свобода подвергается сомнѣнію и отрицается. Кто думаетъ, что свобода воли—только иллюзія, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ есть только игрушка своихъ влеченій, желаній и страстей, что онъ не можетъ противиться имъ и потому слѣдуетъ всегда сильнѣйшимъ изъ нихъ, тотъ никогда не будетъ дѣлать и попытокъ сопротивляться своимъ желаніямъ, но прямо пойдетъ туда, куда влекутъ его эти послѣднія. Отсюда, чѣмъ болѣе преобладаетъ въ извѣстное время у того или другаго народа матеріалистическое міровоззрѣніе и чѣмъ болѣе сомнѣваются въ свободѣ воли, тѣмъ меньше люди будутъ заботиться о самообладаніи и тѣмъ больше они станутъ слѣдовать влеченію страстей и извинять себя невозможностію проти-

виться имъ. На этомъ основаніи всякій детерминистъ, который, не обсудивши, какъ слѣдуетъ дѣла, на какихъ нибудь поверхностныхъ основаніяхъ отвергаетъ свободу воли человѣка, беретъ тѣмъ самымъ на себя отвѣтственность за преступныя и безнравственныя дѣйствія всѣхъ тѣхъ людей, которые слѣдуютъ его убѣжденіямъ.

Наконецъ, сущность нравственности и понятіе о ней служитъ для нѣкоторыхъ поводомъ къ отрицанію свободы воли. Свободы воли, говорятъ, нельзя согласить съ твердостію и устойчивостію характера, который составляетъ существенный элементъ нравственной природы человѣка. Если допустить, что человѣкъ всякій разъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и отношеніяхъ, можетъ дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ дотолѣ, то о твердости и крѣпости воли, а слѣдовательно о характерѣ вообще, равно какъ о воспитаніи, исправленіи человѣка и проч. не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно тотъ фактъ, что люди вообще не безхарактерны, а есть у нихъ твердый, опредѣленный характеръ, и что воспитаніе имѣетъ большое вліяніе на человѣка, прямо противорѣчитъ свободѣ воли.

Возраженіе это опять вытекаетъ изъ ложнаго понятія о волѣ, какъ о какомъ-то произволѣ, который ни на чемъ не основывается и не имѣетъ подъ собою никакой почвы. Въ примѣненіи къ такой ложной свободѣ возраженіе это имѣетъ силу, но оно не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ истинной свободѣ человѣка. Прежде всего, что касается воспитанія, то всякое воспитаніе, имѣющее въ виду нравственную цѣль, предполагаетъ собою свободу воли. Безъ этой послѣдней оно совершенно невозможно, какъ невозможно для насъ воспитаніе напримѣръ камня. Камень, какъ извѣстно, повинуется закону тяжести. Если бы и человѣкъ, подобно камню, безсознательно слѣдовалъ закону своей природы, который обнаруживается въ его влеченіяхъ, стремленіяхъ и желаніяхъ, то о какомъ нибудь вліяніи на его волю и на его дѣйствія совер-

шенно не могло бы быть и рѣчи. Всякое воспитаніе съ нравственною цѣлію состоитъ только въ томъ, что человѣка руководятъ въ дѣлѣ самообладанія. Самообладаніе же есть не что иное, какъ самостоятельное обнаруженіе нашего *я* въ противоположность отдѣльнымъ внутреннимъ или внѣшнимъ импульсамъ, возбужденіямъ и аффектамъ. Какими средствами долженъ воспитатель пользоваться для достиженія своей цѣли и какъ примѣнять эти средства, объ этомъ трактуетъ не этика, но педагогика. Главное средство конечно есть наказаніе. Воспоминаніе о той боли, которая соединяется съ наказаніемъ, сдерживаетъ ребенка. Онъ не будетъ уже слѣдовать непосредственно своимъ влеченіямъ и желаніямъ. Воспоминаніе это дастъ ему возможность удерживать ихъ въ сознаніи, обсуждать слѣдствія ихъ и пр. Чѣмъ чаще это дѣлается, тѣмъ болѣе будетъ осуществляться упомянутый выше законъ, по которому всякая сила, органическая ли то, или психическая, вслѣдствіе упражненія пріобрѣтаетъ больше крѣпости. Отсюда тѣмъ легче будетъ для ребенка оказывать противодѣйствіе своимъ влеченіямъ и желаніямъ, и наконецъ онъ достигаетъ того, что самообладаніе обращается у него въ привычку. Тоже самое бываетъ, когда человѣкъ занятъ самоисправленіемъ или исправленіемъ другихъ людей. При всякомъ исправленіи самообладаніе составляетъ необходимое условіе. Исправленіе въ томъ только и состоитъ, чтобы постепенно укрѣпить въ человѣкѣ самообладаніе. Слѣдовательно свобода воли и здѣсь неизбѣжно предполагается. Безъ нея исправленіе человѣка невозможно, какъ невозможно безъ нея и воспитаніе.

Всѣ эти мысли могутъ уже служить опроверженіемъ упомянутаго выше возраженія. Возраженіе это на первый взглядъ какъ будто очень основательно. Свобода воли и твердость воли или характеръ, повидимому, несовмѣстимы другъ съ другомъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Что такое называется обыкновенно характеромъ? Слово это употребляется очень

часто, но рѣдко соединяютъ съ нимъ надлежащій смыслъ. Характеръ—это есть выраженіе цѣлой исторіи нравственнаго развитія человѣка. Это—результатъ множества факторовъ и элементовъ. Онъ имѣетъ свое основаніе въ прирожденныхъ человѣку силахъ и способностяхъ. равно какъ въ ихъ первоначальной мѣрѣ и степени, обусловливается бо̀льшимъ или меньшимъ образованіемъ этихъ способностей, воспитаніемъ, жизненными отношеніями, образомъ жизни человѣка, его привычкой. Но самую главную роль здѣсь играетъ упражненіе свободы воли. Безъ этой послѣдней характеръ не имѣлъ бы никакой цѣны и никакого значенія. Кто говоритъ и въ тоже время понимаетъ то, что онъ говоритъ, тотъ не станетъ никогда говорить о характерѣ напримѣръ камня, растенія, устрицы. Ежедневный опытъ показываетъ, что упомянутые выше факторы сами по себѣ, безъ упражненія воли, могутъ дать въ результатѣ нѣчто колеблющееся, непостоянное, неопредѣленное, словомъ вмѣсто характера сообщить человѣку безхарактерность. Но подъ вліяніемъ и при содѣйствіи ихъ можетъ съ другой стороны образоваться твердый, крѣпкій и ясный нравственный обликъ человѣка. Это мы и разумѣемъ, когда говоримъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ характеръ. Различіе результатовъ въ томъ и другомъ случаѣ зависитъ всецѣло отъ свободы воли и ея упражненія. Для образованія характера человѣкъ долженъ постоянно работать надъ своимъ самообладаніемъ. Онъ долженъ дойти до такого состоянія, чтобы самообладаніе обратилось у него въ искусство, въ привычку. Тогда только онъ и можетъ, при всѣхъ измѣнчивыхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, при разнообразныхъ импульсахъ, возбужденіяхъ и аффектахъ, владѣть и управлять собою. Тогда только онъ и бываетъ въ состояніи неуклонно и настойчиво слѣдовать по тому пути, который онъ свободно избралъ. будетъ ли то путь добродѣтели или путь порока. Въ противномъ случаѣ результатомъ будетъ неустойчивость, колебаніе направо и налѣво, такъ ска-

зать, зигзагъ въ движеніи, что̀ мы и называемъ безхарактерностію. Эта противоположность между характеромъ и безхарактерностію, допускающая множество посредствующихъ ступеней, была бы невозможна, если бы у человѣка не было свободы. Если бы каждый человѣкъ дѣйствовалъ всегда, сообразуясь только съ внѣшними или внутренними состояніями, обстоятельствами, вліяніями и отношеніями, въ которыхъ онъ находится, то необходимымъ слѣдствіемъ этого была бы *всеобщая* безхарактерность, такъ какъ всѣ эти состоянія, обстоятельства и вліянія постоянно измѣняются. Насколько въ данномъ случаѣ образованію характера, или безхарактерности могутъ содѣйствовать, кромѣ свободы воли, другіе факторы, объ этомъ мы не говоримъ здѣсь. Такимъ образомъ, характеръ и твердость воли не только не противорѣчатъ свободѣ воли, но они были для насъ совершенно непонятны, если бы мы стали отрицать свободу воли въ человѣкѣ.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что свобода воли, понимаемая въ надлежащемъ смыслѣ, прямо вытекаетъ изъ природы нашей воли. Бытіе ея подтверждается безчисленными неоспоримыми фактами. Въ виду этихъ фактовъ всѣ аргументы, выставляемые противъ нея, не имѣютъ никакого значенія. Не будь въ человѣкѣ свободы воли, тогда объ иѳикѣ и нравственной сторонѣ человѣческаго существа не можетъ быть и рѣчи. Свобода, какъ мы сказали выше, нераздѣльна съ волей человѣка. А существо, у котораго нѣтъ воли, очевидно, не можетъ имѣть никакихъ правъ, никакихъ обязанностей, никакихъ юридическихъ и нравственныхъ обязательствъ. Какъ безмысленно говорить о правахъ и обязанностяхъ камня, точно также слово иѳическій теряетъ для насъ всякій смыслъ, если сдѣлаются безсмысленными слова: законъ, право, долгъ. Кто отрицаетъ свободу воли, тотъ долженъ съ тѣмъ вмѣстѣ отрицать всѣ общественныя постановленія, всѣ государственные и семейные союзы, которые зиждутся, какъ извѣстно, на понятіяхъ о законѣ, правѣ и долгѣ. Если

отрицать свободу, то остается только признать все это за безсмысленныя традиціи или, какъ говорятъ нѣкоторые, за наслѣдственныя „болѣзни“ народовъ и настаивать на уничтоженіи всего этого, чтобы жить подобно животнымъ въ лѣсу въ первобытномъ естественномъ состояніи.

Составляя необходимое условіе нравственной дѣятельности человѣка, свобода воли сама въ тоже время получаетъ нравственное значеніе и нравственный характеръ только при понятіяхъ о законѣ, правѣ и долгѣ. Она дѣлается свободою въ собственномъ смыслѣ только въ противоположность импульсамъ, вытекающимъ изъ нравственной природы человѣка. Представимъ себѣ, что у человѣка нѣтъ никакихъ нравственныхъ элементовъ, что онъ есть только высшее и болѣе смѣтливое животное, которое въ своихъ хотѣніяхъ и дѣйствіяхъ слѣдуетъ единственно своимъ потребностямъ, влеченіямъ, и старается удовлетворить только своему стремленію къ наслажденію и счастію. Въ чемъ тогда состояла бы его свобода? Очевидно, она состояло бы только въ обсужденіи и рѣшеніи вопроса о томъ, какія изъ возможныхъ дѣйствій могли бы доставить большее и самое продолжительное наслажденіе. Тогда о свободѣ воли въ собственномъ смыслѣ не могло бы быть и рѣчи. Выборъ былъ бы здѣсь только видимый, кажущійся. Въ этомъ случаѣ воля не рѣшалась бы на то или другое, но слѣпо повиновалась бы сильнѣйшему влеченію, преобладающей наклонности, представленію о большемъ наслажденіи. У человѣка не было бы тогда никакой самостоятельности, никакого *я*. Подобно животному онъ былъ бы рабомъ своихъ влеченій и желаній. У него было бы тогда въ сравненіи съ животнымъ какое-то странное преимущество: онъ обладалъ бы способностію размышленія и обсуживанія, а между тѣмъ эта способность не давала бы ему ничего, кромѣ безцѣльнаго и безсмысленнаго сознанія, что онъ—рабъ своихъ влеченій и желаній.

Рѣшеніе нашей воли тогда только бываетъ свободнымъ и получаетъ нравственный смыслъ и значеніе, когда воля противопоставляетъ себя закону и выбираетъ, слѣдовать или не слѣдовать ему, или, что тоже, дѣлаетъ выборъ между должнымъ и недолжнымъ. Безъ этого условія всякій поступокъ человѣка былъ бы такимъ же чисто естественнымъ явленіемъ, какъ направленіе вѣтра на востокъ или на западъ. Необходимо (безъ участія воли), или свободно направляется вѣтеръ въ ту или другую сторону, это само по себѣ дѣло совершенно безразличное. Природа оставалась бы природою (безъ всякаго нравственнаго значенія), если бы даже все въ ней происходило отъ дѣйствія свободныхъ силъ. Поступокъ въ нравственномъ смыслѣ походилъ бы на движеніе вѣтра только въ томъ случаѣ, если бы допустить не только то, что вѣтеръ по произволу можетъ направляться на востокъ или на западъ, но и то, что онъ противопоставляетъ себя закону, которому онъ можетъ слѣдовать и не слѣдовать.

Воля не можетъ давать законъ сама себѣ. Если бы наше *я* само поставляло себѣ законъ, то оно могло бы, когда ему вздумается, и отмѣнять его. Значитъ, законъ дотолѣ только имѣлъ бы значеніе, пока хочетъ этого наше *я*. Но въ такомъ случаѣ это вовсе не былъ бы законъ. Содержаніемъ его было бы не то, что должно быть, но только то, чего хочетъ наше *я*. Законъ, который не требуетъ и не предписываетъ ничего такого, чего не желаетъ наше *я*, стоитъ въ противорѣчіи какъ съ понятіемъ о законѣ, такъ и съ самымъ словомъ законъ.

Но при этомъ возникаетъ затрудненіе, которое заставило нѣкогда Канта признать первоначальную автономію разума (свободы воли). Являются вопросы такого рода: какъ можетъ свобода воли существовать вмѣстѣ съ закономъ, который она признаетъ, противопоставляетъ себѣ и который если не вынуждаетъ, то по крайней мѣрѣ требуетъ того, чтобы воля слѣдовала ему? Не заключается ли въ этомъ требованіи само-

отрицанія свободы воли? Не уничтожается ли свобода воли уже тѣмъ самымъ, что она, по требованію закона, *должна* рѣшаться именно на то, а не на другое? Наконецъ всякій вообще законъ не заключаетъ ли въ себѣ ограниченія воли и не имѣетъ ли вліянія на волю, а отсюда не будетъ ли противорѣчіемъ признавать свободу воли и въ тоже время допускать вліяніе на нее закона и ограниченіе ея закономъ?

Всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены удовлетворительно только тогда, когда мы подробно и тщательно изслѣдуемъ, какое имѣютъ основаніе и какъ возникаютъ у насъ наши нравственныя понятія.

Перев. **В. Голубинскій.**

РАСКОЛЪ ВЪ УРАЛЬСКОМЪ ВОЙСКѢ

И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ ДУХОВНОЙ И ВОЕННОГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII В.

—

Расколъ въ уральскомъ войскѣ весьма распространенъ, такъ что населеніе раскольническое преобладаетъ надъ православнымъ. Въ 1858 году, по книгамъ уральскихъ единовѣрческихъ церквей, раскольниковъ въ войскѣ числилось 37,300 душъ обоего пола: 18,203 м. и 19,097 ж., принадлежащихъ же къ церкви—почти вполовину меньше: 9,797 м. и 9,427 ж. пола, а всего 19,227 человѣкъ. Но эти числовыя данныя, какъ и всѣ вообще оффиціальныя цифры, по справедливому замѣчанію генерала Столыпина (1), далеко невѣрны (2). Въ своемъ письмѣ къ оренбургскому генералъ-губернатору Катенину Столыпинъ объясняетъ и причины неточности вышеозначенныхъ цифръ: „многіе изъ казаковъ, — говоритъ онъ, — если и ходятъ въ церковь, то по обязанностямъ службы; другіе, не признавая

(1) Арк. Дм. Столыпинъ, бывшій наказнымъ атаманомъ уральскаго войска въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, прилежно и внимательно изучалъ расколъ войска. Мы увѣрены, что энергическая дѣятельность этого замѣчательнаго администратора въ уральскомъ войскѣ займетъ современемъ почетное мѣсто въ исторіи уральскаго казачества вообще и, въ частности, въ исторіи раскола.

(2) См. въ Ур. в. арх. его письмо къ оберъ-прокурору св. Сунода, отъ 17 іюля 1858 г.

всѣхъ таинствъ св. церкви, вѣнчаются въ храмахъ, чтобы чрезъ то узаконить своихъ дѣтей, и потому занесены въ церковныя книги, какъ присоединившіеся; наконецъ, большая часть такихъ, которые вписаны въ книги за извѣстную плату" (1). При этомъ Столыпинъ замѣчаетъ, что наиболѣе подходящія къ дѣйствительности слѣдующія цыфры: принадлежащихъ къ церкви 6500 чел., въ томъ числѣ — 3000 м. и 3500 ж. пола, раскольниковъ же 53,500 чел., изъ нихъ 26,000 м. и 27,500 ж. пола. Въ настоящее время число раскольниковъ въ уральскомъ войскѣ нѣсколько уменьшилось, на что указываютъ неоднократныя обращенія къ церкви, преимущественно единовѣрческой; но какъ именно велика цыфра раскольниковъ въ войскѣ теперь, съ точностію опредѣлить невозможно. Настоящіе раскольники уральскаго войска, по большей части, принадлежатъ къ сектѣ поповщины; на Верхней дистанціи и въ Илекѣ (уѣздномъ городѣ ур. области) есть и безпоповцы и другіе толки; но ихъ несравненно меньше, такъ-что, нисколько не преувеличивая, можно сказать, что *коренной расколъ въ уральскомъ войскѣ — поповщина или бѣглопоповцы.* Уральскіе раскольники охотно принимаютъ австрійскихъ поповъ; почти половина раскольниковъ принадлежитъ къ австрійскому священству. Между нѣкоторыми казаками замѣтно вліяніе духоборцевъ и молоканъ, имѣющихъ сильный притонъ въ селѣ Александровкѣ и другихъ селеніяхъ самарской губерніи. Главную опору раскола въ войскѣ составляютъ старые казаки и отставные чиновники (2), особенно ихъ жены. Главными факторами раскольниковъ служатъ нѣкоторые изъ иногороднихъ торговцевъ: они привозятъ изъ Москвы поповъ и книги; послѣднія фабриковались и

(1) См. тамъ же.

(2) Чиновниками казаки называютъ дворянъ и офицеровъ (старшинъ, сотниковъ, есауловъ и т. п.).

въ самомъ Уральскѣ и продавались по дорогой цѣнѣ за старопечатныя. Но замѣчательно то, что уральскіе казаки не такъ упорны въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какъ сектаторы центральной Россіи. Отправляясь на внѣшнюю службу, казаки добровольно оставляютъ всѣ раскольническія привычки: курятъ, ѣдятъ съ православными и не заглядываютъ въ молельни, когда находятся въ раскольническихъ селеніяхъ. Жены казаковъ, остающіяся на Уралѣ, очень хорошо знаютъ про поведеніе своихъ мужей и, по возвращеніи казаковъ на родину, „*исправляютъ*“ ихъ по своему: казакъ, возвратившійся со службы, сначала и ѣстъ и пьетъ изъ особой посуды, и только, по исправленіи его женой, вступаетъ во всѣ права мужа, какъ главы семейства. Изъ этого уже можно заключить, что главными хранительницами раскола въ уральскомъ войскѣ служатъ женщины, почти безвыѣздно живущія въ предѣлахъ войска; къ нимъ принадлежатъ, какъ мы уже замѣтили выше, и старики, оставившіе службу. Всѣ раскольники изъ казаковъ весьма мало начитаны и, по большей части, безграматны (1), такъ-что не выдерживаютъ самаго легкаго диспута: бывали случаи, что многіе присоединялись къ церкви, особенно единовѣрческой, послѣ разговора далеко не съ учеными, а просто съ благонамѣренными священниками. Но временныя отступленія отъ правилъ секты служилыхъ казаковъ и присоединеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ церкви не ослабляютъ, однакожъ, могучаго вліянія раскола на массу населенія. Причины этого, какъ намъ представляется, скрываются отчасти въ недостаточномъ развитіи образованія въ краѣ, особенно между

(1) Съ открытіемъ въ Уральскѣ классической гимназіи, въ 1870 году, граматность и образованіе въ войскѣ стали замѣтно усиливаться; въ гимназію отдаютъ своихъ дѣтей и нѣкоторые изъ раскольниковъ. См. въ ж. «Семья и школа» за 1872 г., № 9, напеч. нами статью: «Наша гимназія и общество», изъ которой можно видѣть отношеніе уральцевъ къ гимназіи.

женскимъ поломъ, въ малочисленности храмовъ (1), въ отсутствіи основательнаго богословскаго образованія у большинства войсковыхъ священниковъ, происходящихъ попреимуществу изъ казаковъ же и, наконецъ, главнымъ образомъ въ томъ, что расколъ между уральцами (исключая женщинъ) не есть дѣло фанатизма, но скорѣе всего—лозунгъ для соединенія поборниковъ казачества, т. е. казачьихъ привиллегій и вольностей; уральскій расколъ—оплотъ, ограждающій казаковъ отъ Москвы, отъ нововведеній, прямо или косвенно нарушающихъ основы казачьей общины, ея народоправства. Послѣднее мнѣніе краснорѣчиво доказывается служилымъ классомъ казачества: пока уральцы на службѣ, всѣ принадлежатъ церкви; какъ только чиновникъ получаетъ отставку, сейчасъ же обращается въ расколъ, чтобы пріобрѣсть популярность, которая ему тогда нужнѣе, чѣмъ милость начальства; популярность и слава сектатора даютъ ему вѣсъ и вліяніе въ рядахъ оппозиціи, ревниво охраняющей казачьи права и вольности. Смотря на расколъ какъ на протестъ не только противъ реформъ религіозно-церковныхъ, но и гражданскихъ, нужно замѣтить, что послѣднее направленіе раскола получило особенно широкое развитіе и примѣненіе среди уральскаго войска.

Первоначальныя причины появленія раскола въ уральскомъ войскѣ, безъ сомнѣнія, были тѣже, что и въ остальной Россіи; расколъ проникъ на яицкую почву и распространялся здѣсь вначалѣ тѣми же путями, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, но впослѣдствіи, какъ увидимъ, среди яицкаго войска явились и особыя мѣстныя условія, благопріятствовавшія усиленію и быстрому распространенію раскола. Энергичная, не знавшая преградъ и не всегда цѣлесообразная дѣя-

(1) Напримѣръ на всемъ протяженіи самарскаго купеческаго тракта, на разстояніи 100 верстъ, отъ Общаго сырта до самаго Уральска, находится только одна церковь (въ Красномъ фортостѣ), а по оренбургскому тракту, на 150 верстахъ, не болѣе 3 церквей, кромѣ илецкихъ.

тельность патріарха Никона откликнулась и на Яикѣ, такъ какъ земля уральскаго войска заселялась выходцами изъ Россіи. Покорившись добровольно власти московскихъ государей, яицкіе казаки смотрѣли на себя, какъ на исключительныхъ и единственныхъ обладателей р. Яика съ ея притоками; но въ тоже время яицкое войско является въ исторіи первою колонизирующею силою юго-восточныхъ окраинъ Россіи: казаки считали себя въ правѣ принимать въ свою общину вольныхъ пришлыхъ людей, безъ различія вѣры, національности, сословія, возраста и пола. Такимъ образомъ, Яикъ издавна дѣлается притономъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, русскихъ и инородцевъ. Это (по выраженію казаковъ) *„золотое донышко съ серебряной покрышечкой“* въ особенности было привлекательно для тѣхъ, кому было жутко на родинѣ. Сюда бѣжали господскіе, архіерейскіе, монастырскіе и государственные крестьяне, солдаты, разнаго рода преступники и инородцы, чтобы только избѣжать господскаго деспотизма, тяжести неоплачиваемаго труда и возросшей недоимки, суровыхъ внушеній военной дисциплины, заслуженнаго наказанія, своеволія и самоуправства воеводъ, нещадившихъ чужаго труда и чужой собственности. Преслѣдованія, начавшіяся противъ раскольниковъ, еще болѣе увеличили число бѣглыхъ, стремившихся на Яикъ, и послужили причиной быстраго и широкаго распространенія раскола во всѣхъ концахъ Россіи, особенно на ея окраинахъ. Раскольники цѣлыми семьями и многочисленными толпами уходили въ исетскую провинцію, Сибирь и въ предѣлы яицкаго войска. Территорія яицкаго войска въ то время представляла всѣ выгоды для укрывательства бѣглыхъ. Обширныя пространства приуральскихъ степей, гдѣ теперь изрѣдка можно встрѣтить только одинокіе пни подъ корень подрубленныхъ деревъ, въ описываемое время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Урала, берега Узеней и всѣхъ

степныхъ рѣчекъ, впадающихъ и впадавшихъ (1) съ правой стороны въ Уралъ, а также и всѣ склоны Общаго Сырта представляли собою непроходимую трущобу (2), въ которой весьма легко было укрыться отъ сыскныхъ командъ. Яицкіе казаки охотно принимали являвшихся къ нимъ бѣглецовъ и, въ видахъ собственной пользы, посылали ихъ на службу и заставляли работать, не только безъ всякой платы, но съ нихъ же брали, и бѣглые охотно отдавали послѣднее (3), лишь-бы остаться на волѣ и избѣгнуть законной кары за свой побѣгъ, а иные и за преступленія, содѣянныя ими въ прежнемъ состояніи.

При такомъ положеніи дѣлъ, неудивительно, что пріемъ бѣглыхъ сдѣлался обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди яицкаго войска. Бѣглые, отбывая за казаковъ службу и исполняя за нихъ многія работы, незамѣтно становились въ зависимое положеніе отъ войска. Понятно, что такое отношеніе бѣглыхъ къ кореннымъ обитателямъ страны было очень выгодно для послѣднихъ; вотъ почему яицкіе казаки, не смотря на множество грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставали принимать всѣхъ, кто только приходилъ подъ ихъ защиту. Бѣглые, въ свою очередь, также были довольны своимъ положеніемъ, потому что оно сравнительно было все-таки лучше прежняго, не говоря уже о бѣглыхъ — преступникахъ, которые должны были подвергнуться наказанію, оставаясь на родинѣ. Между тѣмъ, правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика податей, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на трудахъ осѣдлаго населенія. Вслѣдствіе этого, прави-

---

(1) Нѣкоторыя изъ рѣчекъ, впадавшихъ прежде въ Уралъ, теперь совершенно пересохли.

(2) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 20.

(3) Такъ съ крестьянъ казанскаго уѣзда, Тимоѳея Мясникова и Ивана Чеботарева, за принятіе ихъ въ казаки «набольшіе люди» яицкаго войска взяли 10 р. съ обоихъ. См. Ур. в. вѣд. 1877 г., № 19.

тельство не могло оставаться равнодушнымъ къ столь грустному явленію въ экономической жизни народа,— нужны были какія-либо мѣры къ прекращенію или, по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію зла. Къ выгодамъ правительства, между самими казаками обнаружилось раздвоеніе: одни стояли за пріемъ и приверстываньe бѣглыхъ въ казаки, другіе, желая выслужиться предъ правительствомъ и загладить свои грѣшки, протестовали противъ этого; явились доносчики изъ казаковъ же на укрывателей бѣглыхъ, или *„пристанодержателей“*; начинаются сыски и розыски бѣглыхъ и ихъ патроновъ; на Яикъ отправляются слѣдователи, по-преимуществу изъ Казани, и фискалы, которые, обирая казаковъ, еще болѣе осложняютъ дѣло; наконецъ, Петръ великій отправляетъ на Яикъ полковника Захарова, съ приказаніемъ произвести перепись казаковъ. Захаровъ, явившись въ яицкій городокъ, раздѣлилъ казаковъ на сотни и десятки и, согласно предписанію, произвелъ имъ перепись, при чемъ едва не былъ убитъ, и только предусмотрительность атамана Григорія Меркурьева спасла его отъ вѣрной смерти, за что Меркурьевъ получилъ въ награду, уже по смерти Петра, сто рублей денегъ, золотой ковшъ, саблю и портретъ Екатерины Алексѣевны, супруги Петра великаго (1). Выборъ войсковаго атамана хотя по прежнему принадлежалъ казакамъ; но утвержденіе его съ 1723 года зависѣло отъ высочайшей воли. Слѣдовательно, правительство всегда могло назначить въ войсковые атаманы изъ представленныхъ кандидатовъ лицо, преданное болѣе интересамъ государства, чѣмъ частнымъ интересамъ казацкой общины. При этомъ военная коллегія, стремившаяся включить яицкое войско въ общую систему управленія, начинаетъ осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, казавшимися

(1) Уральск. войск. вѣд. 1869 г., № 39. Уральск. в. арх., № 5. Слич. въ Арх. в. колл. каз. пов. кн. 8, стр. 436.

на первый взглядъ незначительными, мелкими; въ сущности же прямо направленными къ ограниченію казацкаго самоуправленія. Казаки предвидѣли, что старый вѣчевой строй ихъ общины долженъ рушиться, и потому рѣшились энергично отстаивать свои права и привиллегіи. Старшины, есаулы и другія должностныя лица, во главѣ съ атаманомъ, очень хорошо понимали выгоду и необходимость подчиняться требованіямъ правительства, и потому, дѣйствуя въ интересахъ послѣдняго, стали въ оппозиціонное отношеніе къ народу, который на всѣ эти реформы смотрѣлъ несочувственно и прямо заявляли: „терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, необычайное; не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ, — войску яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳедоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять“ (1). Результатомъ такого положенія дѣлъ было возникновеніе двухъ партій: старшинской, или *согласной*, и народной, *несогласной* (съ видами правительства). Борьба этихъ партій между собою и оппозиція народной партіи московскому правительству весьма много содѣйствовали усиленію и своеобразному характеру раскола въ уральскомъ войскѣ, какъ оплота отъ Москвы и лозунга для соединенія поборниковъ казачества. Перевѣсъ почти всегда оставался на сторонѣ сильной своимъ вліяніемъ, а не численностію, старшинской партіи; впрочемъ, не смотря на это, народная партія не падала духомъ: закаляясь все болѣе и болѣе въ ненависти къ Москвѣ и ея поборникамъ она становилась еще упорнѣе и настойчивѣе въ своихъ стремленіяхъ; считая себя угнетенною, она встала подъ знамя вѣры *„до-никоніанской, древней, истовой“*. Всѣ гонимые на Руси раскольники теперь сдѣлались для народной партіи яицкаго войска, составлявшей значи-

(1) См. въ Уральск. в. арх., № 92, стр. 10.

тельное большинство, любезными, близкими жалости и сочувствія достойными, какъ „гонимые за правду, за вѣру“; расколъ пошелъ гигантскими шагами и крѣпъ въ своей ненависти къ Москвѣ и ея поборникамъ. Въ самомъ центрѣ яицкаго казачества, въ теперешнемъ Уральскѣ, возникаютъ особая раскольническая слобода, или Шацкій монастырь и часовни, въ которыя устремляются недовольные Москвою и здѣсь, только здѣсь желаютъ молиться. Представитель народной партіи и поборникъ казацкаго самоуправленія, Ѳедоръ Рукавишниковъ является въ кругъ и говоритъ народу, чтобы *„въ церковь не ходили и книгъ нынѣшнихъ не слушали, для того, что нынѣшнія книги новопечатныя“* (1). Здѣсь же, въ казачьемъ кругу, противъ Рукавишникова является оппонентъ, въ лицѣ священника Петропавловской церкви Василья Семенова; но казаки приговорили посадить его въ воду (2). Упоминаемый здѣсь Рукавишниковъ родился въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ конюхомъ въ домѣ патріарха. Лишившись еще въ малолѣтствѣ своего отца, Рукавишниковъ уже 26-ти лѣтъ пришелъ на Яикъ и чрезъ два года былъ зачисленъ въ казаки. Изъ архивныхъ бумагъ по „извѣту“ казака Ив. Картышева (3) видно, что Рукавишниковъ отличался замѣчательной энергіей, русской смѣткой и беззавѣтной преданностію войску. Понятно, что, при такихъ качествахъ, Рукавишниковъ (4) скоро пріобрѣлъ громадное вліяніе въ яицкомъ войскѣ: казаки неоднократно избирали его въ станичные атаманы, посылали съ презентомъ отъ войска въ Петербургъ, гдѣ

---

(1) Такъ показалъ Ив. Карташевъ, яицкій казакъ, на допросахъ въ Преображенскомъ прапозѣ.

(2) Ур. в. вѣд. 1869 г., № 44.

(3) См. Ур. в. вѣд. 1869 г., № 40, 1877 г., № 18, 19.

(4) Рукавишниковъ также извѣстенъ былъ и подъ фамиліей Красильникова. Бѣглые на Яикъ иногда мѣняли не только свою фамилію, но и самое имя, чтобы легче скрыть свое пребываніе между казаками отъ сыскныхъ командъ.

Рукавишниковъ, не смотря на свою безграматность, узналъ всякія нужныя вещи и всѣ подходы, а впослѣдствіи сдѣлался лично извѣстенъ и Петру великому. Народная партія всегда покорно и почтительно относилась къ Рукавишникову, уважала и цѣнила его способности, слушалась его совѣтовъ, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная перемѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ пользовался такимъ вліяніемъ въ войскѣ, что по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, гдѣ онъ иногда оставался по полгоду и болѣе, войсковые атаманы предавали смертной казни тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ Рукавишниковъ почему либо считалъ вредными для войска (1). Понятно послѣ этого, какое впечатлѣніе могли произвести слова Рукавишникова, явившагося лично въ казачій кругъ и заявившаго, что въ церквахъ служба отправляется по новопечатнымъ книгамъ и потому въ церковь ходить не слѣдуетъ. Мы видѣли уже, какъ отнеслись казаки къ священнику Василію Семенову, который отважился было обличать Рукавишникова въ „хуленіи на церковь“ (2). Этотъ-то вліятельный человѣкъ руководилъ и той партіей, которая была за пріемъ и приверстыванье бѣглыхъ въ составъ яицкаго войска. Послѣ переписи казаковъ полковникомъ Захаровымъ въ 1723 году, было опредѣлено особымъ указомъ: „пришлыхъ на Яикъ до переписи 1723 г. зачислить въ казаки, вновь же отнюдь не принимать“. Но это запрещеніе было не первое и не послѣднее:

---

(1) Ур. в. вѣд. 1869 г., №№ 31 и 44.

(2) Казаки, какъ было замѣчено, приговорили посадить священника В. Семенова въ воду. Изъ преданій извѣстно, что эта казнь совершалась не только по приговору войсковаго круга, но и подъ вліяніемъ частной ненависти. Лѣтомъ клали осужденнаго въ мѣшокъ вмѣстѣ съ камнями и бросали въ воду, или, привязавъ камень на шею, сталкивали несчастную жертву звѣрообразности въ воду съ высокаго яра. Зимою сажали осужденнаго въ прорубь и толкали подъ ледъ, въ случаѣ упорства, несчастнаго били по головѣ дубиной.

казаки по прежнему давали у себя пріютъ всѣмъ недовольнымъ Москвою и особенно раскольникамъ. Изъ переписной книги (1) полковника Захарова видно, что въ яицкомъ войскѣ были всевозможные элементы народонаселенія тогдашней Россіи: московскіе и самарскіе стрѣльцы, симбирскіе пахатные и самарскіе служилые казаки, нижегородскіе и московской казенной слободы посадскіе люди, воронежскіе пушкари, симбирскіе государевы неводчики; тутъ были и самарскіе дворяне, подъячіе, полтавскіе запорожцы, инородцы казанской, симбирской и астраханской губерній: татары, калмыки, вотяки, мордва, чуваши и т. п.; яицкіе казаки не пренебрегали и плѣнными шведами, финнами и даже нѣмцами и поляками. Но особенно много вошло въ составъ яицкаго казачества крестьянъ государственныхъ, помѣщичьихъ, монастырскихъ, архіерейскихъ изъ нынѣшнихъ уѣздовъ: казанскаго, нижегородскаго, алатырскаго, курмышскаго и корсунскаго. Въ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ было 10 семей, принадлежавшихъ А. Д. Меньшикову; но казаки, когда Меньшиковъ потребовалъ отъ нихъ крестьянъ, не хотѣли отдать ихъ и этому сильному вліяніемъ и своимъ положеніемъ вельможѣ, затѣявъ съ нимъ, безъ всякаго юридическаго основанія, процессъ.

Въ царствованіе Анны Ивановны увеличенію пришлыхъ на Яикъ не мало способствовало положеніе русскаго духовенства, которому много пришлось испытать невзгодъ отъ нѣмецко-придворной партіи Бирона: у духовныхъ отнимали дѣтей и гнали ихъ въ полки (2); нерѣдко и сами отцы должны были идти въ военную службу (3), подъ плети или въ каторгу съ отрѣзанными ноздрями (4), оставляя свои дома и семьи на

(1) Арх. Воени. Колл., каз. пов. кн. 22. Слич. Ур. в. вѣд. 1869 г., начиная съ № 20.

(2) П. С. З. №№ 7198, 7385, 7389, 7734, 7749, 7790 и 8294.

(3) Ibid. т. X, №№ 7158 и 7533.

(4) Ibid. т. XI, № 8548 и т. X, № 7534.

произволъ судьбы. Наряду съ своими прямыми обязанностями, духовные должны были отправлять пожарную повинность и ходить на караулъ къ рогаткамъ и заставамъ (1). Губернаторы, воеводы и богатые вотчинники, вопреки указу Петра великаго (2), забирали духовныхъ въ канцеляріи, на свои дворы, держали ихъ подъ арестомъ и иногда безъ всякой вины подвергали побоямъ и пыткамъ (3). Вообще регентство Бирона было временемъ самыхъ тяжелыхъ испытаній для бѣлаго и чернаго духовенства. Результатомъ такого положенія духовенства было то, что многіе изъ духовнаго званія уходили въ болѣе отдаленныя и безопасныя мѣста, находя тамъ пріютъ то у своей-же братіи, то у гонимыхъ раскольниковъ, то даже у *„знатныхъ персонъ“*. Оказалось, что въ четырехъ только епархіяхъ: архангелогородской, тверской, новгородской и вологодской 182 церкви остались совершенно безъ причтовъ; Сунодъ заявилъ, что для замѣщенія праздныхъ мѣстъ требуется 1286 человѣкъ, изъ которыхъ 611 ч. — на мѣста священниковъ (4). „Изъ прочихъ епархій, — замѣчаетъ Сунодъ, — сколько праздныхъ мѣстъ священнаго и церковно-служительскаго чину, объ этомъ вѣдомостей еще не получено, а чаемъ, что число немалое есть; но опредѣлить на праздныя мѣста некого“. Раскольники, бѣжавшіе на Яикъ, увлекали съ собой и загнанныхъ Бирономъ духовныхъ, которые, ища какого либо сноснаго для себя выхода, готовы были иногда сдѣлаться сектантами, только бы не подвергнуться поруганію, избѣжать солдатчины, плетей и каторги. Въ февралѣ 1738 года изданъ былъ новый подтвердительный указъ „о непринятіи въ яицкихъ городахъ пришлыхъ великороссійскихъ людей“ (5); но и

(1) П. С. З., №№ 8412 и 8546.

(2) Указъ 15 марта 1721 г.

(3) П. С. З., т. XII. № 9079. стр. 278.

(4) Ibid. №№ 7646 и 7790.

(5) Ibid. т. X, № 7514.

этотъ указъ, какъ всѣ предшествовавшіе, не имѣлъ желаемаго результата: Яикъ переполнялся раскольниками и бѣглыми всѣхъ сортовъ.

Такимъ образомъ, на Яикѣ, къ началу сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, не было недостатка ни въ раскольникахъ, ни въ бѣглыхъ попахъ, такъ-что однихъ добровольныхъ пришельцевъ достаточно уже было для того, чтобы посѣять и распространить расколъ среди яицкихъ казаковъ; но на помощь этому шло и само правительство, высылая иногда на Яикъ раскольниковъ, которые не были терпимы на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства. Въ 1683 и 1702 годахъ сюда были сосланы зараженные расколомъ московскіе стрѣльцы. Такой образъ наказанія въ значительной степени содѣйствовалъ распространенію раскола и укрѣпленію недовольства противъ московскаго правительства, осаждавшаго казаковъ своими нововведеніями. Послѣдующія событія доказали, что во всѣхъ мѣстахъ, куда ссылались раскольники, все населеніе заражалось расколомъ. Между тѣмъ, ссылка на Яикъ раскольниковъ едвали могла быть для нихъ наказаніемъ. Ссылая на Яикъ раскольниковъ, правительство само развязывало имъ руки: раскольники, заражая казаковъ своими убѣжденіями, могли здѣсь свободно, не опасаясь преслѣдованій, креститься двоеперстно, имѣть старопечатныя книги и отправлять по нимъ службу,— у яицкаго войска все было постарому и служба въ церквахъ отправлялась по старопечатнымъ книгамъ. Вслѣдствіе этого, раскольническая пропаганда не могла здѣсь встрѣтить никакихъ препятствій, и войско представляло для нея широкое и свободное поле дѣятельности. Тѣснимые и бѣжавшіе на Яикъ, приверженцы старины разсказывали казакамъ о воздвигнутыхъ на нихъ гоненіяхъ и, приписывая иниціативу этихъ гоненій духовной власти, старались всѣми мѣрами, въ видахъ отмщенія, подорвать авторитетъ ея, довѣріе къ ней и вооружить противъ нея казачество. Но до времени, покуда казаки сами не испытали на себѣ

крутыхъ мѣръ духовной власти, среди яицкаго войска не было открытаго недовольства ея распоряженіями по дѣламъ церкви, хотя недовѣріе къ духовенству уже закрадывалось и въ умы казачества, особенно форпостнаго; нуженъ былъ поводъ, чтобы недовѣріе это выросло и обратилось въ вражду противъ духовной власти и ея выполнителей. Поводъ этотъ не заставилъ ждать себя: казанскіе епископы, которымъ подчинены были яицкіе казаки въ духовномъ отношеніи, отважились на смѣлыя и рѣшительныя мѣры, чтобы покончить съ ненавистнымъ для нихъ расколомъ. Извѣстно, что казачество почти всегда старалось имѣть священниковъ изъ своей же среды, т. е. изъ казаковъ же; казанскіе же епископы рѣшились замѣнить священниковъ изъ казаковъ присланными изъ Казани, учредить въ яицкомъ городкѣ, или теперешнемъ Уральскѣ, духовное правленіе, старопечатныя книги и старинныя иконы отобрать и дать, вмѣсто нихъ, новыя, не скупились оскорбительными выраженіями и противъ любимыхъ раскольниками обрядовъ. Не мало способствовали развитію раскола и недовольства противъ духовенства и духовныя росписи, которыхъ настоятельно требовала отъ войсковыхъ священниковъ епархіальная власть. Казаки вообще не любили никакихъ переписей и едва не убили полковника Захарова, производившаго перепись на Яикѣ въ 1723 году, по приказанію правительства, и потому можно судить о томъ, какъ они отнеслись къ духовнымъ росписямъ. Чтобы составить эти росписи, священники должны были ходить по дворамъ и записывать каждую семью подробно. Извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ негодованіе главнымъ образомъ обрушивается не на приказывающихъ, а выполняющихъ, поэтому войсковые священники духовными росписями невольно возстановили противъ себя своихъ прихожанъ. Казаки, какъ и слѣдовало ожидать, взглянули на эти переписи, какъ на посягательство на ихъ старинныя права и привиллегіи. Вслѣдствіе этого, священники потеряли должное

уваженіе и довѣріе въ глазахъ пасомыхъ, и многіе, не желая подчиняться ихъ дѣйствіямъ, порвали связь съ духовенствомъ и церковію. Принудительныя мѣры и дѣйствія епархіальной власти организовали изъ яицкихъ казаковъ сильную оппозицію духовной и гражданской власти: казаки, подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, до того сдѣлались подозрительными, что вездѣ и во всемъ старались видѣть посягательство на ихъ права и привиллегіи и, вслѣдствіе этого, крайне недовѣрчиво относились и относятся ко всѣмъ уступкамъ, какія имъ дѣлались раньше и дѣлаются теперь.

Представивъ общій ходъ развитія раскола въ яицкомъ войскѣ, перейдемъ теперь къ изложенію фактовъ, заимствованныхъ нами изъ оффиціальныхъ источниковъ уральскаго и тургайскаго архива, которые заключаютъ въ себѣ интересныя данныя касательно отношенія къ расколу въ яицкомъ войскѣ духовной и свѣтской власти, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Изъ письма казанскаго епископа Гавріила къ войсковому атаману Григорью Меркурьеву, отъ 4 марта 1736 года, видно, что въ яицкомъ городкѣ въ это время было уже четыре храма (1): Михайло-Архангельскій соборъ, Казанскій, въ честь Казанской Божіей Матери, Петропавловскій и во имя св. Алексѣя, митрополита московскаго; два послѣдніе храма были выстроены послѣ пожара 1722 года. Видя, что храмы стали приходить въ ветхость, войско обратилось къ еп. Гавріилу съ просьбой, чтобы онъ дозволилъ перебрать церковь, во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, и построить новую въ честь св. Алексѣя, митрополита московскаго, на мѣстѣ прежней, совершенно обвет-

(1) Въ настоящее время въ Уральскѣ всего девять храмовъ, изъ которыхъ православныхъ только одинъ—соборъ св. Александра Невскаго, если не считать военной церкви, состоящей при казармахъ и причисленной къ Александро-Невскому собору.

шавшей. Еп. Гавріилъ въ своемъ письмѣ (1) къ атаману Меркурьеву, соглашаясь на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе, по случаю самовольнаго принятія яицкими казаками священника села Хрящевки (2), бывшаго прежде на Яикѣ дьякономъ. Гавріилъ, между прочимъ, замѣчаетъ войску, что принятый на Яикъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ (3) въ село Хрящевку подъ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь, безъ благословенія архіерейскаго, отнюдь не переходилъ, „а потому“,—пишетъ Гавріилъ,—„хотя молитвы исправлены вами отъ священника и были, и тѣ неправильно и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ“ (4). Между тѣмъ, хрящевскій священникъ, по настоянію яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его священникомъ ко вновь строившейся на Яикѣ церкви. По прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріилъ уступилъ желанію войска, но замѣтилъ, чтобы „впредь такой противности, подъ страхомъ гнѣва Божія, отнюдь не чинили“ (5). Этотъ самовольный пріемъ хрящевскаго священника указываетъ на желаніе яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску. Нужно замѣтить, что Гавріилъ,

(1) Письмо отъ 12 марта 1736 г.

(2) Хрящевка—село ставропольскаго уѣзда, самарской губерніи; оно находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 30 выше Ставрополя. Крестьяне этого села отличаются зажиточностію и приверженностію къ расколу.

(3) Сильвестръ управлялъ казанской епархіей, послѣ митрополита Тихона III, съ 1725—1731 года; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1735 г.), а потомъ упоминаемый здѣсь Гавріилъ, предшественникъ Луки Канашевича, управлявшаго казанской епархіей 17 лѣтъ (1738—1755 г.).

(4) Уральск. войск. вѣд. 1870 г., № 13.

(5) Ibid.

по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался неразположеніемъ къ новизнѣ, „вмѣняя въ добродѣтель *все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку*“ (1); поэтому яицкимъ казакамъ, какъ приверженцамъ старины, не трудно было имѣть съ нимъ дѣло, но не такъ сговорчивъ и уступчивъ былъ преемникъ Гавріила, Лука Канашевичъ, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Лука Канашевичъ получилъ образованіе въ кіевской духовной академіи и отличался прямымъ, дѣятельнымъ и рѣшительнымъ характеромъ; какъ миссіонеръ, онъ иногда доходилъ до излишней уже ревности, почему яицкому войску трудно было вести дѣло съ такимъ рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ: Петра Денисова и Ив. Желѣзнова; то Лука писалъ войску относительно представленныхъ отъ него кандидатовъ на священство: „мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвесть желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они неправославнымъ троеперстнымъ, честно и просто Троицу святую изображающимъ, *но злочестивымъ раскольническимъ и армянскимъ, съ Аріемъ проклятымъ*, и отъ св. Троицы Христа Спасителя нашего отдѣляющимъ, *двоеперстнымъ крестомъ* крестятся; ихъ яко явныхъ клятвопреступниковъ (2) и *богомерзкихъ раскольниковъ*, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся отъ такой *богомерзкой ереси* своей, истинное покаяніе сотворятъ, въ домы ихъ отпусти-

(1) Прав. Собесѣдн. 1858 г., т II. стр 571

(2) До посвященія казаки Денисовъ и Желѣзновъ, по настоянію архіерея, должны были принять присягу, что они никакого согласія съ раскольниками имѣть не будутъ и двоеперстнымъ крестомъ знаменаться не станутъ.

ли“ (1). При этомъ Лука замѣчаетъ, чтобы яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало; то *„дайте намъ волю,*—говоритъ Лука, — и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желающе, обѣщаваемся“ (2). Если принять во вниманіе, что почти всѣ казаки крестились двоеперстно; то можно судить, насколько умѣстна и цѣлесообразна была ревность епископа къ православію, рѣшившагося назвать двоеперстное сложеніе *армянскимъ, богомерзкимъ, злочестивымъ* и т. п.; очевидно, что избранныя имъ средства были плохо разсчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ. Впрочемъ, неблагопріятныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ такого необдуманнаго и рѣзкаго поступка архіерея, ослаблялись нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается), „ради честнѣ издревле пресловутаго войска яицкаго“, нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ при этомъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему послѣднему — „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, кровію Христовою многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко воздыхаемъ“ (3).

Между тѣмъ, приливъ раскольниковъ на Яикъ не прекращался и въ это время. Въ самомъ яицкомъ городкѣ, или теперешнемъ Уральскѣ, была, какъ мы уже знаемъ, раскольническая слобода, называвшаяся Шацкимъ монастыремъ, — это былъ главный пріютъ раскольниковъ: въ Шацкомъ монастырѣ жили главные

---

(1) Урал. войск. вѣдом. 1870 г. № 13.

(2) Уральск. войск. вѣд. 1870 г., № 18.

(3) См. тамъ же.

ересіархи и лжепопы, которые давали, такъ сказать, тонъ и направленіе прочимъ раскольническимъ скитамъ, находившимся въ предѣлахъ яицкаго войска. На этотъ притонъ раскольниковъ и было, наконецъ, обращено вниманіе военно-гражданской власти. Въ 1741 году на Яикъ былъ отправленъ маіоръ Дурасовъ, которому велѣно произвести розыскъ раскольниковъ, скрывавшихся среди казаковъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ, были схвачены и арестованы; на допросахъ они показали, что среди яицкаго войска находится не мало и другихъ подобныхъ имъ лицъ. Результатомъ такого заявленія шацкихъ монаховъ было распоряженіе: „наикрѣпчайше изслѣдовать это дѣло безъ упущенія“ подполковнику Шумаеву, находившемуся въ яицкомъ городкѣ; на помощь къ Шумаеву и Дурасову командированъ изъ казанской духовной консисторіи протопопъ Иванъ Ѳедоровъ, который немедленно отправился на Яикъ, подъ защитою 20 чел. самарскихъ казаковъ и дворянъ. Путевыя издержки Ѳедорова были отнесены на счетъ яицкаго войска. Наказному атаману (1), старшинамъ и всему войску предписано „быть послушными и чинить всякое вспоможеніе сыщикамъ“. Конвоировавшая протопопа команда, по прибытіи его въ яицкій городокъ, отдана была въ распоряженіе маіора Дурасова. Подробности этого розыска намъ неизвѣстны; извѣстно только, что Шацкій монастырь былъ уничтоженъ, и кельи монаховъ проданы за 46 рубл. и 10 коп.; изъ этой суммы 3 р. и $7^1/_2$ коп. велѣно было выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 р. $2^1/_2$ коп. представить въ канцелярію оренбургской коммиссіи: впрочемъ, впослѣдствіи деньги эти были возвращены, а кельи Шацкаго монастыря отданы въ награду казакамъ, оказав-

(1) Наказными атаманами въ это время назывались лица, исправлявшія должность войсковаго яицкаго атамана; но окончательно еще неутвержденныя въ этой должности.

шимъ особенную ревность, при розыскѣ раскольниковъ на Яикѣ.

Въ 1744 году была образована оренбургская губернія (1), въ составъ которой вошли теперешнія губерніи: самарская, оренбургская, уфимская, вятская и частію пермская (2). Яицкое войско первоначально, какъ и донское, находилось въ вѣдѣніи посольскаго приказа (3); въ 1680 г. оно переходитъ въ вѣдомство казанскаго приказа (4), а съ учрежденіемъ Сената въ вѣдѣніе этого послѣдняго; 24 декабря 1719 года Сенатъ передаетъ яицкихъ казаковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ которой чрезъ годъ принимаетъ ихъ въ свое вѣдомство военная коллегія. Независимо отъ этого, ближайшій надзоръ за яицкимъ войскомъ, по силѣ указа 22 декабря 1720 г. (5), ввѣренъ былъ астраханскому губернатору, Артемію Волынскому, а съ образованіемъ оренбургской губерніи—оренбургскому губернатору (6), по духовнымъ же дѣламъ яицкое войско было причислено къ казанской епархіи. Первымъ оренбургскимъ губернаторомъ былъ Ив. Ив. Неплюевъ, занимавшій до того мѣста константинопольскаго резидента, уполномоченнаго министра на Немировскомъ конгрессѣ, военнаго губернатора въ Кіевѣ и генералъ-губернатора Малороссіи. Назначеніе Неплю-

(1) Главное управленіе оренбургскимъ краемъ при Кирилловѣ называлось *извѣстною*, потомъ *оренбургскою экспедиціей*; при Татищевѣ и Урусовѣ—*оренбургскою коммиссіей*, а съ 1744 г. *оренбургскою губерніей*.

(2) П. С. З., т. XII, № 9890.

(3) Броневскій. Истор. донскаго войска, ч. I, гл. 3.

(4) П. С. З., № 3616.

(5) П. С. З., № 3694.

(6) Въ 1782 г. уральское войско по земскимъ дѣламъ было снова отчислено отъ оренбургскаго губернатора къ астраханскому, а въ 1810 году опять подчинено оренбургскому генералъ-губернатору, въ вѣдѣніи котораго находится и до сихъ поръ. Смотр. Уральск. войсков. арх., № 68. Слич. Уральскія войсков. вѣдомости 1869 г., № 33.

ева въ Оренбургъ было почетной политической ссылкой за его дружбу съ графомъ Остерманомъ, по проискамъ Н. Ю. Трубецкаго, воспѣтаго, между прочимъ, Кантемиромъ въ его VII сатирѣ. Здѣсь, разумѣется, неумѣстно было бы входить въ подробности этой опалы и вообще жизнеописанія Неплюева, такъ-какъ предметъ нашей статьи—иной; но съ другой стороны, мы не можемъ пройти совершеннымъ молчаніемъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля XVIII вѣка, и считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь хотя нѣсколько словъ о Неплюевѣ [1], дабы уяснить чрезъ то характеръ его послѣдующихъ отношеній къ яицкимъ раскольникамъ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, сынъ бѣднаго новгородскаго дворянина, родился 5 ноября 1693 года, а скончался 11 ноября 1773 года. Мать Неплюева Марѳа Петровна происходила изъ фамиліи князей Мышецкихъ, извѣстныхъ въ исторіи раскола своимъ религіознымъ фанатизмомъ и замѣчательною по тому времени ученостью. Отецъ Неплюева, Иванъ Никитичъ родился въ новгородской области, гдѣ и провелъ при матери всю свою молодость. Въ правленіе царевны Софьи, пользуясь громаднымъ вліяніемъ друга своего В. Б. Голицина, дядя Ив. Никитича, бояринъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ, завладѣлъ всѣми родовыми вотчинами. Въ началѣ августа 1689 года, произошелъ окончательный разрывъ Софьи съ Петромъ, а 7 сентября Голицыну и Леонтію Романовичу Неплюеву прочли приговоръ: князь Голицынъ, вмѣсто престола,

---

[1] Желающимъ ознакомиться подробно съ жизнію и дѣятельностію Неплюева указываемъ на монографію «Неплюевъ и Оренбургъ», напечатанную нами въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ за 1873, 1874 и 1875 годы; отдѣльные оттиски можно найти въ частныхъ рукахъ, напримѣръ, у профессора казанскаго университета Н. А. Ѳирсова, у профессоровъ казанской академіи: Е. А. Малова, В. Б. Миротворцева, Н. П. Остроумова, и другихъ лицъ, а также въ библіотекѣ казанской учительской семинаріи.

о которомъ мечталъ, попалъ въ Каргополь, а Леонтій Романовичъ сосланъ въ Пустозерскъ, потомъ переведенъ въ Колу. Имѣнье и вотчины его были конфискованы, впрочемъ древнія родовыя вотчины были отданы его племяннику, Ивану Никитичу Неплюеву; въ этихъ-то вотчинахъ, находившихся въ новгородской области, и поселился отецъ Неплюева. По сосѣдству съ этими вотчинами находились богатыя помѣстья князей Мышецкихъ, которые, будучи заражены расколомъ, говорили о Петрѣ великомъ, что онъ „сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ князя В. В. Голицына да Леонтія Романовича Неплюева, а теперь изводитъ дядю своего, боярина Петра Абрамовича Лопухина, котораго самъ пыталъ: поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ". Князья Мышецкіе болѣе всѣхъ сосѣдей полюбили Ивана Никитича и, безъ сомнѣнія, причиною этого расположенія было то, что отецъ и дѣдъ его приняли, какъ они выражались, гоненіе за правду, и что самъ онъ еще не поступалъ на антихристову службу; къ тому же и дядя его, боярин Леонтій Романовичъ, былъ въ ихъ глазахъ мученикомъ. Особенно часто посѣщалъ Иванъ Никитичъ князя Петра Петровича Мышецкаго, вдовца, имѣвшаго сына Ѳедора и дочь Марѳу. Послѣдняя отличалась молодостью и красотой, Иванъ Никитичъ—тоже; молодые люди сблизились, и поклялись посвятить себя другъ другу; но имъ предстояло одолѣть почти непреодолимое препятствіе: старикъ отецъ никогда не согласился бы выдать дочь за человѣка новой вѣры, а таковыми онъ считалъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ расколу. Молодые люди и не подозрѣвали, какой дорогою цѣною судьба готовилась продать имъ взаимное счастіе. Въ это время, по всей Россіи зорко слѣдили за раскольниками: ихъ хватали повсюду, подвергали пыткамъ и часто замучивали до смерти; наконецъ, дошла очередь и до князей Мышецкихъ. Друзья Петра Петровича Мышецкаго дали знать ему изъ Москвы, что его участь уже рѣшена и его при-

казано арестовать. Получивъ это извѣстіе, князь Мышецкій не колебался ни минуты; онъ тотчасъ же сдѣлалъ нужныя распоряженія, тайнымъ образомъ отъ дѣтей, и, простившись съ ними, на другой же день добровольно сжегъ себя на кострѣ съ сотней другихъ своихъ приверженцевъ. Смерть князя Петра не помѣшала, однакожъ, конфискаціи его огромныхъ вотчинъ. Не смотря на это, Ив. Никитичъ Неплюевъ женился на осиротѣвшей княжнѣ Мышецкой, хотя ему и пришлось поплатиться большею частію своего состоянія по дѣлу Мышецкихъ, такъ-что послѣ своей смерти онъ оставилъ сыну и женѣ только 80 душъ крестьянъ. Иванъ Никитичъ скончался въ 1709 г. — на 38 году жизни, отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи подъ Нарвой.

Такимъ образомъ, Иванъ Ивановичъ Неплюевъ по матери происходилъ изъ раскольнической семьи. До сихъ поръ сохранился портретъ одного изъ родственниковъ его матери, князя Семена Денисовича Мышецкаго, знаменитаго расколоучителя (1). Этотъ раскольническій образъ нарисованъ на кускѣ шелковой матеріи; Семенъ Мышецкій изображенъ указывающимъ на развернутую рукопись, что ясно свидѣтельствуетъ о желаніи живописца дать высокое понятіе объ учености Семена Денисова. Одинъ изъ такихъ портретовъ былъ на выставкѣ историческихъ картинъ въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году; портреты Семена и Андрея Мышецкихъ можно также видѣть въ московскихъ и черниговскихъ библіотекахъ.

Несомнѣнно, что Марѳа Петровна имѣла сильное вліяніе на своего сына и передала ему многія черты, отличавшія ученыхъ раскольниковъ того времени. Эти поборники старины, доводя набожность до фанатизма и, какъ огня, боясь всякихъ нововведеній, обожали

(1) Странникъ 1873 г., № 1. «Нѣсколько словъ о моихъ столкновеніяхъ съ раскольниками», гдѣ говор. и о Семенѣ Денисовичѣ Мышецкомъ.

предковъ и ихъ время, видѣли въ нихъ послѣдователей истиннаго, неискаженнаго ученія православной церкви, а уважая старину, они, понятно, старались и жить по старинному.—Теперь, когда боярство быстро клонилось къ упадку, когда изъ князей—бояръ,—этихъ меньшихъ братьевъ русскаго царя, по выраженію В. В. Темнаго,—остался только призракъ, выродившійся наконецъ въ ничтожныхъ государевыхъ холоповъ, эти люди „измалодушившіеся“, какъ говоритъ о нихъ великая старица Марѳа Ивановна, потерявшіе всякое значеніе въ глазахъ массы, думали возвыситься надъ нею, отдѣливъ себя рѣзкою чертою. Только немногіе, сознательно любившіе старину люди, вздыхали тайкомъ о томъ времени, когда бояре, младшіе братья царя, были любящими отцами русскаго народа; сильные дѣйствительными заслугами и гордые только любовію и уваженіемъ массъ, они не боялись жить одною общею и солидарною жизнію со всѣмъ русскимъ народомъ. Къ этимъ немногимъ сознательнымъ обожателямъ старины принадлежали и князья Мышецкіе. Всѣ эти черты были глубоко восприняты Марѳой Петровной и переданы сыну, въ которомъ впослѣдствіи и отразилась ихъ привлекательная сторона. Необыкновенно набожный, онъ удивлялъ своихъ современниковъ либерализмомъ своихъ воззрѣній. Голиковъ, 20 лѣтъ безотлучно жившій съ Неплюевымъ, не безъ удивленія говоритъ, что Иванъ Ивановичъ для всѣхъ одинаково былъ доступенъ, съ подчиненными говорилъ какъ съ равными, даже съ своими холопами обращался скорѣе какъ съ дѣтьми, чѣмъ какъ съ рабами. Умирая, Неплюевъ, между прочимъ, внушалъ своему сыну: „подчиненнымъ твоимъ и *паче крестьянамъ* будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: „милости хощу, а не жертвы“, и что *они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти*, данной тебѣ гражданскими законами“. Сколько высокихъ и глубоконравственныхъ идей въ этихъ словахъ умирающаго осмидесятилѣтняго старца! Сколь-

ко гуманности, честности и любви къ ближнему и меньшей нашей братіи! Но важнѣе всего то, что эти идеи не были только словомъ, но и дѣломъ Неплюева, хотя отъ слова до дѣла неизмѣримо далеко, Выше мы видѣли, что въ годъ смерти отца Неплюеву исполнилось 16 лѣтъ. Каждому мыслящему человѣку понятно, какъ важно первоначальное воспитаніе ребенка и первыя впечатлѣнія человѣка въ молодости, а потому мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о первоначальномъ воспитаніи и молодости Неплюева до поступленія его на службу, тѣмъ болѣе, что объ этомъ, какъ и о родителяхъ Ив. Ивановича, до сихъ поръ ничего не было сказано въ нашей исторической литературѣ (1). Дѣтство и отрочество Ивана Ивановича спокойно протекли въ деревнѣ, подъ заботливымъ взоромъ матери; отецъ его почти постоянно бывалъ въ отлучкахъ, по дѣламъ службы. Самыми близкими къ нему родственниками были родные его матери, князья Мышецкіе. Родной дядя Неплюева по матери, Ѳедоръ Петровичъ жилъ въ деревнѣ, по сосѣдству съ сестрой, которая нерѣдко бывала у брата и съ сыномъ; затѣмъ ближайшими знакомыми Неплюевыхъ были Квашнины—Самарины и Татищевы. Тихо протекло дѣтство Ив. Ивановича въ деревенской глуши. Въ то время воспитаніе мало отнимало досуга у дѣтей; оно ограничивалось обыкновенно и въ самыхъ передовыхъ семьяхъ обученіемъ чтенію и письму. Первымъ учителемъ Ив. Ивановича, по обыкновенію, долженъ быть мѣстный священникъ; но очень вѣроятно предположеніе, что первоначальной граматѣ научила его мать, такъ какъ родъ Мышецкихъ, изъ котораго она происходила,

(1) Свѣдѣнія о происхожденіи и первоначальномъ воспитаніи Неплюева недавно сообщены намъ Никол. Ник. Неплюевымъ, сыномъ черниговскаго предводителя дворянства, Николая Ивановича Неплюева и его жены Александры Николаевны, урожденной Шлиппенбахъ. Ник. Ник. Неплюевъ въ 1875 г. кончилъ курсъ въ спб. университетѣ на истор.-ф. ф. и происходитъ отъ знаменитаго основателя Оренбурга.

извѣстенъ въ исторіи не однимъ религіознымъ фанатизмомъ, но и замѣчательнымъ по тому времени образованіемъ. Между тѣмъ, насталъ 1700 годъ; израненный отецъ семилѣтняго Неплюева вернулся изъ-подъ Нарвы и болѣе уже не покидалъ ихъ. Постоянно больной, Иванъ Никитичъ прожилъ еще 9 лѣтъ; онъ страдалъ не отъ однихъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Нарвой, но и душевно: онъ не могъ забыть позора русскихъ при этой несчастной осадѣ; выражалъ недовольство на новые порядки, введенные Петромъ въ войскѣ; содрогался, при воспоминаніи объ измѣнѣ герцога de Croy, передавшагося на сторону Карла XII, въ самомъ началѣ сраженія; — все это сдѣлало Ив. Никитича угрюмымъ, раздражительнымъ, и не осталось безъ вліянія на впечатлительную натуру отрока—сына. Болѣзненный видъ израненнаго, угрюмаго и раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери сообщили молодому Неплюеву ту тихую грусть и ту безропотную покорность судьбѣ, которыя впослѣдствіи постоянно охраняли его въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты жизни, которыхъ было не мало у Неплюева, отъ ропота и отчаянія. 10-го іюля 1709 г. какъ мы знаемъ, Иванъ Никитичъ умеръ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ его кончины, какъ Марѳа Петровна позаботилась пріискать для сына невѣсту. Въ то время новгородскимъ намѣстникомъ былъ Ив. Юрьевичъ Татищевъ; это былъ внукъ Степана Лазаревича, извѣстнаго сподвижника князя Пожарскаго. У Ив. Юрьевича былъ только одинъ братъ Ѳедоръ, уже умершій въ то время; послѣ него остались: сынъ Василій и дочь Ѳеодосія. Не имѣя своихъ дѣтей, Иванъ Юрьевичъ взялъ сироть къ себѣ. Бывая въ домѣ Татищевыхъ и раньше, Марѳа Петровна неоднократно видѣла Ѳедосью Ѳедоровну и теперь выбрала въ подруги жизни своему сыну. Въ воскресенье 9 сентября 1711 года, совершено было бракосочетаніе Ив. Неплюева съ Ѳедосьей Татищевой. Неплюевъ замѣчаетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ женился „*по*

воль матери“, намекая, вѣроятно, этимъ на то, что выборъ невѣсты принадлежалъ не ему и, очень возможно, что молодые люди, по тогдашнему обыкновенію, не видѣли другъ друга до обрученія, а можетъ быть самъ Неплюевъ и не думалъ жениться или вовсе или, по крайней мѣрѣ, такъ рано. Чрезъ два года послѣ женитьбы (1713 г.) Неплюевъ отправился „по обѣщанію“ въ какой-то монастырь, и только въ мартѣ 1715 года возвратился въ Поддубье, употребивъ почти два года на это пѣшее путешествіе. Это событіе въ жизни Неплюева весьма характеристично. Чтобы рѣшиться на подобное путешествіе, и добровольно почти два года провести въ разлукѣ съ семьею, для молитвы, нужно имѣть крѣпкую сердечную вѣру въ Бога и преданность Его волѣ; нужно выработать твердую и благочестиво настроенную и направленную волю. Это путешествіе и жизнь Ив. Ивановича въ монастырѣ есть лучшее доказательство его неподдѣльной набожности, богобоязненности, вѣры и ревности къ благочестію, завѣщанному отъ предковъ и развитому въ немъ умной и любящею матерью. Извѣстно, что впослѣдствіи, во дни своей славы и могущества, Неплюевъ никогда не выѣзжалъ со двора, не выслушавъ литургіи въ домовой церкви, а во время путешествій имѣлъ при себѣ священника и походную церковь (1).

Случилось такъ, что Неплюевъ, исполняя свой благочестивый обѣтъ, какъ бы приготовлялся къ той многополезной и многотрудной дѣятельности, которая

(1) Въ бытность оренбургскимъ губернаторомъ, онъ получилъ походный иконостасъ церкви Воскресенія, писанный на бѣломъ атласѣ, отъ калмыцкой княгини Анны Тайшиной, и всю церковную утварь. Эта походная церковь, хранящаяся до сихъ поръ въ Неплюевской оренбургской военной гимназіи, была подарена Петромъ великимъ внуку калмыцкаго хана Аюки, князю Петру Тайшину, крестнику Петра, въ знакъ особаго къ нему благоволенія императора. Вотъ этотъ-то походный храмъ всегда находился при Неплюевѣ, во время его разъѣздовъ по оренбургскому краю. См. подробности объ этомъ храмѣ въ газетѣ «Образованіе и промышленность» 1872 г., № 10.

ожидала его впереди. Не успѣлъ онъ отдохнуть отъ дороги, какъ въ Новгородъ пріѣхалъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ; 24 марта произведенъ былъ имъ смотръ: одни были опредѣлены на службу, другіе отданы въ ученье,— Неплюевъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ этого времени для него начинается новая жизнь. Воспитанный среди людей старой партіи, каковы были князья Мышецкіе и Татищевы, хорошо помня ненависть, съ какою относился его отецъ къ реформамъ Петра. Неплюевъ могъ взглянуть на новое свое положеніе, какъ на измѣну прошлому, какъ на преступленіе противъ убѣжденій своихъ предковъ. Кромѣ того, человѣку женатому, да притомъ имѣющему дѣтей, безъ сомнѣнія, не легко было сѣсть на школьную скамью. Но въ то время не церемонились: князь Меньшиковъ приказалъ, — пришлось повиноваться. Марѳа Петровна не перенесла этого удара и въ началѣ мая тогоже года скончалась. Но Неплюева на этотъ разъ спасла отъ уныніе покорность волѣ Божіей и волѣ государя. Здѣсь мы остановимся, такъ-какъ дальнѣйшая судьба и служебная дѣятельность Неплюева подробно изложены въ указанной нами монографіи „Неплюевъ и Оренбургъ“; замѣтимъ только, что, благодаря могучему уму и сильному характеру Неплюева, изъ него выработался самостоятельный и высокій типъ лучшихъ учениковъ, вышедшихъ изъ практической школы преобразователя Россіи. Изъ этого сына раскольницы, отецъ которой сжегъ себя добровольно на кострѣ и называлъ Петра великаго антихристомъ, вышелъ *человѣкъ-христіанинъ*, въ полномъ значеніи этого слова, хорошій морякъ, храбрый воинъ (1), опытный дипломатъ (2), искусный

(1) Смотр. въ Запискахъ Неплюева аттестатъ, данный ему отъ Супракомито Винцепца Капелло, свидѣтельствующій объ участіи Неплюева въ войнѣ венеціанцевъ съ турками.

(2) См. 18 т Исторіи Россіи.

инженеръ (1), энергичный колонизаторъ (2), трудолюбивый и честный служака (3), прекрасный отецъ семейства (4), нѣжный и попечительный супругъ (5), полезный и дорогой членъ русской семьи и вѣрный сынъ православной церкви (6). Не даромъ Петръ Великій, еще въ самомъ началѣ службы Неплюева, замѣтилъ о немъ: „*въ этомъ маломъ путь будетъ*“. Самъ Неплюевъ глубоко уважалъ Петра. Узнавъ о его кончинѣ, цѣлый день обливался слезами: „я смочилъ бумагу слезами“,—читаемъ въ Запискахъ Неплюева, — „и ей-ей, не лгу, *былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ*, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди, — однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно былъ Государь и *отецъ милосердый*. Да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными“! Голиковъ, обязанный большею частію сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о Петрѣ Неплюеву, говоритъ, что когда онъ просилъ Ив. Ивановича разсказать что-нибудь о Петрѣ великомъ; то Неплюевъ обыкновенно говорилъ при этомъ: „эвося, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ“ (7)!—Неплюевъ, безъ сомнѣнія, хорошо зналъ и недостатки

---

(1) Основаніе и укрѣпленіе Оренбурга и цѣлой линіи крѣпостей въ этомъ краѣ служатъ краснорѣчивымъ тому доказательствомъ.

(2) Подтвержденіе этого находимъ въ колонизаціи оренбургскаго края.

(3) Нападки нѣкоторыхъ на Неплюева, по дѣлу волынскаго и пріобрѣтенію имъ имѣній, мы современемъ надѣемся разсмотрѣть особо.

(4) Кто знакомъ съ заботами Неплюева о воспитаніи его дѣтей и внуковъ, тотъ не усумнится и въ этомъ.

(5) Возьмите, напримѣръ, отношеніе Неплюева къ своей женѣ, во время его болѣзни въ Константинополѣ.

(6) Доказательства этого безчисленны,—ихъ подтвердили и пастыри церкви съ церковнаго амвона, какъ сейчасъ увидимъ.

(7) См т. XV, 273.

Петра, напр., его семейныя дѣла, которыя для людей религіозныхъ особенно дѣлаютъ непривлекательною личность преобразователя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ хорошо также сознавалъ и понималъ, что великіе дѣятели тоже—люди.

Прошло сто лѣтъ со дня его кончины, а Иванъ Ивановичъ не забытъ; благодарное потомство вспомнило его заслуги русскому государству и, въ особенности, его труды на пользу оренбургскаго края. Имя основателя Оренбурга, колонизатора и благоустроителя этого края записано крупными письменами на скрижаляхъ исторіи: 11 ноября 1873 года въ Гурьевѣ, Уральскѣ, Троицкѣ, Оренбургѣ, Уфѣ и по всѣмъ селамъ оренбургской епархіи была отслужена заупокойная литургія и панихида объ упокоеніи души боляpина Іоанна; тысячи народа молились объ этой душѣ, дорогой для русскаго сердца; молились о незабвенномъ труженикѣ и служители алтаря Господня, старавшіеся воскресить въ умахъ народа величавый образъ Неплюева и выразившіеся о немъ словами библейскаго мудреца: „тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть церковь“ (1) (Сир. XLIX, 13—14).

Таковъ былъ, по нашему убѣжденію, первый губернаторъ и колонизаторъ оренбургскаго края, который поистинѣ можетъ служить примѣромъ подражанія для многихъ. Графъ Сухтеленъ (2), одинъ изъ преемниковъ Неплюева по управленію оренбургскимъ краемъ, говорилъ: „мною еще не выполнено того, о чемъ когда-то помышлялъ Неплюевъ; занимая мѣсто Неплюева и читая его мнѣнія, *не могу не поддаться обаянію Неплюева и желалъ бы исполнить его волю*“.

---

(1) См. въ Епарх. ор. вѣд. за 1873 г., № 23-й, и за 1874, № 1. Здѣсь помѣщены слова, сказанныя въ день столѣтняго юбилея Неплюева протоіер. Сахаровымъ и Семеновымъ.

(2) Сухтеленъ былъ оренб. губ. съ 1830—1833 г.

Извиняясь предъ читателями за нѣкоторое отступленіе отъ главнаго предмета нашей статьи, позволимъ себѣ думать, что сообщенныя нами свѣдѣнія о Неплюевѣ прольютъ нѣкоторый свѣтъ на его отношенія къ расколу въ уральскомъ войскѣ, на его снисходительность и религіозную уступчивость въ отношеніи къ раскольникамъ, вопреки крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ того времени.

В. Витевскій.

ОТНОШЕНІЯ

МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТІЮ ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

—

IV.

Раздѣленіе единой вселенской церкви на независимыя помѣстныя церкви и взаимоотношенія этихъ послѣднихъ. Теорія управленія вселенскою церковію пятью патріархатами по подобію пяти человѣческихъ чувствъ. Патріаршій синодъ, его происхожденіе, наименованія и составъ. Значеніе восточнаго монашества. Порядокъ рѣшенія синодальныхъ дѣлъ. Кругъ дѣятельности патріаршаго синода.

Отказываясь отъ устроенія общественнаго порядка и всецѣло предоставляя завѣдываніе имъ гражданской власти, церковь удержала за собою право опредѣлить лишь строй своего собственнаго организма, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сохранить во всей чистотѣ истину Христову. Знаніе этого строя церкви, хотя бы только основныхъ сторонъ его и въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣмъ болѣе необходимо при изслѣдованіи вопроса объ отношеніи церковной власти къ гражданской, что оно, кромѣ уясненія, такъ сказать, юридическаго положенія церковной власти въ государствѣ, можетъ дать ключъ къ истинному пониманію нѣкоторыхъ фактиче-

скихъ сторонъ византійской жизни, которыя безъ этого могутъ показаться въ ложномъ свѣтѣ, и что во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, оно содѣйствуетъ болѣе правильному и объективному представленію дѣла.

По изъясненію знаменитаго канониста XII в., Θеодора Вальсамона, вся вселенная, всѣ ея четыре стороны: востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, раздѣлены между пятью патріархами: римскимъ, константинопольскимъ, александрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ (1). Области: римскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ опредѣлены на первомъ вселенскомъ соборѣ (въ 6-мъ и 7 прав.) (2), а область константинопольскаго патріарха опредѣлена на четвертомъ вселенскомъ соборѣ (въ 28 его правилѣ). Такого опредѣленія областей ни отцы, ни соборы не сдѣлали ни объ одномъ другомъ митрополитѣ или епископѣ, за исключеніемъ означенныхъ патріарховъ (3). За каждымъ изъ нихъ усвоено особое названіе: римскій епископъ издревле, по отеческому преданію, именуется папою; точно такое же названіе усвоено и за александрійскимъ епископомъ. Епископы константинопольскій и іерусалимскій названы архіепископами, и только одинъ антіохійскій епископъ называется патріархомъ. Но всѣ эти названія суть только разныя наименованія одного и тогоже предмета: значеніе папы совершенно тожественно патріарху, какъ—патріарха—архіепископу. Различіе названій: папа, патріархъ и архіепископъ, произошло, по изъясненію Θеодора Вальсамона, вслѣдствіе разности діалектовъ, изъ которыхъ они взяты, и всѣ они въ одинаковой мѣрѣ означаютъ общаго отца епископовъ, клириковъ и мірянъ. Поэтому общее названіе патріарха совершенно безобидно можетъ быть приложено къ каждому изъ поименованныхъ епископовъ (4). Послѣ того какъ патріархъ кон-

(1) Σύνταγμα, Ῥαλλη καὶ Ποτλη. II. p. 41—42.

(2) Ibid. p. 128—129.

(3) Ibid. p. 41.

(4) Ibid. IV, p. 550—552.

стантинопольскій возвеличенъ преимуществомъ чести наравнѣ съ римскимъ епископомъ, за нимъ усвоено право (9 и 17 прр. Халк. соб.) рѣшать посредствующимъ судомъ распри, возникающія и въ другихъ патріархатахъ на востокѣ: александрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ (1), а послѣ того—еще названіе „вселенскаго" патріарха, подобно тому какъ римскаго епископа принято называть „вселенскимъ" папою. Но прочіе патріархи, хотя во всемъ остальномъ равны епископамъ царствующихъ городовъ римской имперіи, одинаковаго съ ними чина и достоинства, независимы отъ нихъ и равночестны,—не носятъ однакожъ наравнѣ съ ними титла вселенскихъ патріарховъ (2). Порядокъ патріаршихъ престоловъ, опредѣленный соборами, есть слѣдующій: римскій, константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій (3); послѣ же отпаденія римской церкви отъ союза со вселенскою церковію первымъ и какъ бы главою въ ряду независимыхъ помѣстныхъ церквей остался патріаршій престолъ константинопольскій (4).

Каждый новый патріархъ, по возведеніи и утвержденіи своемъ въ патріаршемъ достоинствѣ, даетъ знать о своемъ вступленіи въ управленіе церковію, посредствомъ общительныхъ граматъ, и прочимъ патріархамъ. Въ этихъ граматахъ онъ съ одной стороны извѣщаетъ своихъ сослуживцевъ объ обстоятельствахъ своего вступленія на патріаршій престолъ, а съ другой—даетъ имъ исповѣданіе своей вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе, чтобы общеніе и единеніе, основанное на единствѣ догматовъ вѣры и установленныхъ церковію каноновъ, продолжалось и на будущее время. Изложеніемъ исповѣданія вѣры вновь вступившій въ

(1) Ῥάλλη καὶ Πότλη, VI. p. 428—429. Также: Zachariae J. G. R IV. p. 181—182.

(2) Ῥάλλη καὶ Πότλη, IV. p. 353.

(3) Ibid. V, p. 453.

(4) Ibid. I, p. 42.

управленіе церковію патріархъ показывалъ единство ввѣренной его управленію помѣстной церкви со всею вселенскою церковію и несомнѣнную принадлежность ея къ этой послѣдней. Обмѣнъ общительными грамотами нововступившихъ въ управленіе церковію патріарховъ считался непремѣнною обязанностію, неизбѣжнымъ долгомъ, установленнымъ самими апостолами и способствующимъ къ устроенію и утвержденію ввѣренной имъ паствы. Константинопольскіе патрірхи всякій разъ, какъ только извѣщали другихъ патріарховъ о своемъ восшествіи на патріаршій престолъ, убѣждали и ихъ дѣлать съ своей стороны тоже самое, чтобы союзъ любви и духовнаго единства навсегда оставался неразрывнымъ (1).

Для болѣе наглядnаго представленія и, такъ сказать, раціональнаго обоснованія установленныхъ правилами формъ управленія церковію, византійскіе ученые и канонисты развили теорію вселенскаго церковнаго управленія по образцу пяти человѣческихъ чувствъ. Когда аквилейскій архіепископъ, Доминикъ, назвалъ себя патріархомъ въ посланіи къ Петру, патріарху антіохійскому, то этотъ послѣдній отвѣтилъ ему: „нигдѣ не писано, чтобы предсѣдатель Аквилеи, или Венеціи, назывался патріархомъ: ибо во всемъ мірѣ мы знаемъ только пять патріарховъ—римскаго, константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Ибо, какъ тѣло наше управляется пятью чувствами, такъ точно и тѣло Христово, церковь вѣрующихъ, управляется пятью престолами, какъ бы пятью чувствами“ (2). Ѳеодоръ Вальсамонъ далъ этой теорію полную и законченную форму. Соборными пра-

---

(1) Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Ed. Miklosich et Müller. Vindobonae, 1860. t. I, p. 2—3; 20—26; 129—131; 412—413. t. II, p. 248; 273—275; Hergenröther. I, p. 129. 183; Neander, V, p. 230; Lebeau, Histoire du Bas-Empire. Paris, 1836. t. VII, p. 127; IX, p. 189.

(2) Συνταγμα, Ῥαλλη καὶ Ποτλη, IV, p. 408—409. Также у Кателерія: Mon. eccles. graec. II, p. 114.

вилами (1) опредѣлены и разграничены области только между пятью патріархами и между ними подѣлена извѣстная тогда вселенная. Пятеричное число патріарховъ въ единой Христовой церкви, ихъ независимое другъ отъ друга положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательное духовное единство, а слѣдовательно и неизбѣжная зависимость,—все это, естественно, навело на сравненіе ихъ съ пятью человѣческими чувствами, съ одной стороны независимыми другъ отъ друга, а съ другой—связанными и какъ бы поставленными въ зависимость посредствомъ органическаго единства. Ѳеодоръ Вальсамонъ, въ своемъ разсужденіи „о патріаршихъ преимуществахъ“, приведши предварительно 36-е правило трульскаго собора, служащее въ свою очередь подтвержденіемъ однозначущихъ правилъ (3 и 28) втораго и четвертаго всел. соборовъ, говоритъ далѣе, что „съ того времени и донынѣ во всей вселенной почитаются великіе архіереи сихъ пяти святѣйшихъ престоловъ въ томъ самомъ видѣ, какъ установлено: потому что справедливое отсѣченіе папы древняго Рима отъ союза церковнаго отнюдь не нарушило каноническаго порядка и благоустройства; а посему первый да не превозносится надъ вторымъ, ни второй надъ третьимъ; но, какъ при единой главѣ насчитываются пять чувствъ и не отдѣляются другъ отъ друга, такъ точно и они, признаваемые христіанскимъ народомъ обладающими во всемъ равною честію и справедливо почитаемые главами святыхъ Божіихъ церквей, находящихся во всей вселенной, ничего не терпятъ отъ человѣческаго раздора и не вносятъ его въ свою среду. Какъ пятерица чувствъ, по устроенію Архитектона и Творца — Бога, находится одно подлѣ другаго и не сталкивается, наприм., зрѣніе съ обоняніемъ, ни слухъ съ осязаніемъ и вкусомъ, потому что они существуютъ

(1) 6-мъ и 7-мъ перв. всел. соб. 28—IV всел. соб. и 36—соб. трулл.

въ насъ такъ, какъ называются; такъ точно и каждый изъ святѣйшихъ патріарховъ, получившій отъ божественныхъ каноновъ первое мѣсто, не кичится предъ вторымъ и предъ тѣмъ, который стоитъ ниже втораго, какъ ихъ превосходящій" (1): „всѣ пять святѣйшихъ патріарховъ составляютъ единую главу тѣла всѣхъ Божіихъ церквей" (2). „Какъ, не впадая въ крайнее безуміе или нечестіе, нельзя никому сказать о единомъ Христѣ и Богѣ нашемъ, что Онъ въ одной части вселенной иначе присутствуетъ, иначе величается и иначе воздается ему похвала, чѣмъ въ другой части вселенной; такъ точно не возможно раздѣлять и божественное патріаршее достоинство, измѣнять его преимущества на высшія и низшія". И мыслить патріаршее достоинство, какъ единство въ раздѣльности, представлять его какъ нѣчто единое и нераздѣльное при существованіи пяти патріарховъ и пяти патріаршихъ округовъ, права и границы которыхъ несліянны, не представляетъ ничего удивительнаго; напротивъ, въ этомъ-то единствѣ несліянныхъ частей и заключается истинная гармонія. „Владыка и Творецъ всего—Богъ, создавшій по своему образу человѣка, составилъ его изъ двухъ несмѣшиваемыхъ частей: безсмертнаго духа и смертнаго тѣла. Не менѣе удивительно и то, что Онъ соблаговолилъ, чтобы жизнь человѣческая была управляема пятью чувствами, изъ которыхъ каждое хотя ограничено особою сферою дѣятельности, однакожъ не отдѣляется отъ другихъ: зрѣніе, наприм., выполняетъ назначенное ему Богомъ служеніе, какъ бы нѣкоторый неизбѣжный долгъ, совершенно самостоятельно, своеобразно, не встрѣчая никакого препятствія со стороны прочихъ чувствъ, сослужащихъ ему, и однакожъ не отдаляется отъ общенія съ ними, а напротивъ стремится къ тому, чтобы принять участіе

(1) *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, IV, p. 543—544.

(2) Ibid. p. 547.

въ нихъ своими достоинствами и, слѣдовательно, подобно вѣрной служанкѣ, содѣйствовать имъ въ служеніи организму, обладающему ими. Еще достойно удивленія и то, что Господь такъ устроилъ каждое изъ нихъ, что въ случаѣ, если одно изъ нихъ потерпитъ поврежденіе, другія не кичатся предъ нимъ, но, напротивъ, стремятся ему содѣйствовать и какъ бы восполнить его недостатокъ, и что если которое-нибудь изъ нихъ совершенно погибнетъ, то человѣкъ, во всемъ прочемъ здоровый и совершенный, такой, какимъ создалъ его Богъ, уже не можетъ быть названъ прекраснымъ твореніемъ, но считается нѣкоторымъ уродомъ, недостатокъ котораго не могутъ устранить прочія чувства, хотя они и здоровы (1). Итакъ, когда каждое изъ чувствъ отправляетъ свое служеніе, мы не отрицаемъ пользы прочихъ и не утверждаемъ, что они достойны презрѣнія или даже уничтоженія, потому что каждое изъ нихъ дѣйствуетъ своеобразно, именно такъ, какъ устроено, — напротивъ, мы желаемъ, чтобы каждое изъ нихъ дѣйствовало такъ, какъ устроено, и чтобы они дѣйствовали сообща. Такъ точно мудро, правильно и нерушимо устроена и пятерица патріарховъ; потому что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ особо и независимо въ удѣленной ему области, чтобы преимущества святыхъ церквей не сливались и не смѣшивались, а чести Божіей и свыше-дарованныхъ правъ божественному достоинству патріарховъ никто у нихъ отнять не можетъ". Такимъ образомъ, по теоріи Вальсамона, раздѣляемой всѣми византійскими учеными и канонистами его времени, патріаршее достоинство въ сущности одно въ мірѣ и только функціи, или проявленія его дѣятельности раздѣлены между пятью патріархами. Поэтому, каждый патріархъ со-

(1) *Εἴπερ τύχοι καὶ τὴν θατέραν ἀχρειωθῆναι τῶν ἀκοῶν, οὐκέτι τὸ κάλλιστον χρῆμα, ὁ ἄνθροπος, ἐντελὴς καὶ σῶος, καὶ οἷον αὐτὸν ὁ Θεὸς εἰργάσατο, λέγεται· ἀλλ' ὡς ἔκτρωμά τι λογίζεται, ὑπὸ τῶν λοιπῶν τεττάρων αἰσθήσεων, ὑγιαινουσῶν καὶ τοῦτα, μὴ βοηθούμενος.*

вершенно равночестенъ другому, потому что каждый изъ нихъ носитъ въ себѣ одно и тоже божественное патріаршее достоинство. Разность заключается лишь въ образѣ и сферѣ дѣятельности, подобно тому какъ разность чувствъ простирается на ихъ особую дѣятельность, а не на относительное достоинство и взаимоотношеніе. Пятеричное число патріарховъ потому и опредѣлено отцами на соборахъ, чтобы лучше уподобить организмъ тѣла церкви человѣческому тѣлу, чтобы въ устройствѣ и управленіи церковномъ была такая же гармонія, какъ въ человѣческомъ организмѣ. Мысль о необходимости управленія вселенскою церковію пятью патріархами, какъ бы пятью чувствами, считалась у византійскихъ ученыхъ и канонистовъ столь основательною и неподлежащею опроверженію, что когда, по занятіи латинянами восточныхъ патріархатовъ и изгнаніи отсюда православныхъ патріарховъ, послѣдніе удалились въ Константинополь и по этому случаю нѣкоторые изъ любителей реформъ стали выражать желаніе, чтобы патріархаты были закрыты или, по крайней мѣрѣ, соединены въ одинъ патріархатъ, то Вальсамонъ, въ доказательство неосновательности такого желанія, дѣлаетъ сравненіе, что оно (это желаніе) было бы похоже на то, какъ если бы кто пожелалъ, чтобы человѣческое тѣло было управляемо не пятью, а четырьмя, или тремя чувствами. Напротивъ онъ находитъ раціональнымъ, чтобы патріархамъ: александрійскому, антіохійскому и іерусалимскому, находящимся въ Константинополѣ, воздавалась принадлежащая имъ почесть безъ малѣйшаго ея умаленія и чтобы по смерти однихъ патріарховъ были избираемы на ихъ мѣсто другіе; потому что, говоритъ онъ, „хотя они и отлучены отъ славы своихъ престоловъ, но духовная благодать, по Давиду, не старѣетъ“. Бѣдственное положеніе этихъ престоловъ, стонущихъ подъ игомъ иноплеменниковъ, достойно слезъ и плача, но не порицанія или ихъ уничтоженія. Уничтожать епархіи, подвергшіяся бѣдствію вслѣдствіе нашествія варваровъ,

воспрещаетъ и прямое правило трулльскаго собора (37-е) (1).

Хотя каждый патріархъ, по отношенію къ другимъ представителямъ независимыхъ церквей, былъ полновластнымъ распорядителемъ и устроителемъ своей области; но въ предѣлахъ своего собственнаго патріархата онъ управлялъ дѣлами церкви не самовластно и не единовластно, а имѣлъ при себѣ синодъ, состоявшій изъ епископовъ его патріархата и вспомоществовавшій ему во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ церкви, а также—чиновниковъ, назначенныхъ для отправленія разныхъ церковныхъ обязанностей.

Созывать соборы епископовъ для устроенія общихъ дѣлъ церковныхъ и рѣшенія разныхъ каноническихъ, дисциплинарныхъ и догматическихъ вопросовъ повелѣно правилами апостольскими и затѣмъ подтверждено послѣдующими вселенскими и помѣстными соборами (2). Но тяжелыя времена имперіи, наступившія со времени появленія магометанства, не дозволя-

---

(1) Ῥάλλη καὶ Πότλη, IV, p. 548—550. 554.—И дѣйствительно, во все продолжительное время владычества латинянъ на востокѣ и ихъ безграничнаго обладанія антіохійскимъ и іерусалимскимъ престолами православные патріархи ихъ постоянно жили въ Константинополѣ и пользовались здѣсь всѣми правами, усвоенными за ихъ званіемъ. — Вѣроятно на этомъ (37) правилѣ неуничтожаемости епархій, подвергшихся нашествію варваровъ, покоится обычай, замѣчаемый въ восточной церкви описываемаго времени, заносить въ списки епископскихъ каѳедръ, подчиненныхъ патріархамъ, не только такія епархіи, которыя существовали въ дѣйствительности, но и такія, которыя совершенно лишены были христіанскаго населенія и въ которыхъ епархіальные города уже исчезли. Такъ, по списку Нила Доксопатрскаго, писателя XI в., александрійскій патріархъ обладалъ 13-ю митрополіями, изъ которыхъ восемь насчитывали подъ собою многихъ епископовъ, а остальныя пять были безъ епископій; въ антіохійскомъ патріархатѣ всѣхъ митрополій, архіепископій и епископій насчитывалось свыше 160 (именно 163), а въ іерусалимскомъ—25-ть (ibid. V, p. 486—489). Само собою понятно, что это число епархій далеко не соотвѣтствовало численности населенія.

(2) 37 пр. апостоловъ; 5 пр. I всел. соб. 2 пр. II всел. соб., 19 пр. IV всел. соб., 8 пр. трул. соб., 6 пр. антіох. соб., 27 пр. карѳ. соб.

ли епископамъ въ точности выполнять эти правила и уже трулльскій соборъ распорядился (8-мъ пр.), чтобы епископы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ собирались на соборы для разсужденія о дѣлахъ церкви. Послѣ трулльскаго собора имперія подпала еще болѣе тяжкимъ бѣдствіямъ и составлять областные повременные соборы сдѣлалось еще болѣе затруднительно. Тогда въ помѣстныхъ независимыхъ церквахъ, вмѣсто повременныхъ соборовъ, постепенно стали входить въ обычай соборы постоянные.

Само собою понятно, что въ началѣ, когда Византія была только епархіей ираклійскаго митрополита и когда патріаршія права константинопольскаго епископа еще не были опредѣлены на соборахъ, къ нему не могли относиться и означенныя правила о созваніи областныхъ соборовъ. Но здѣсь обычай созывать соборы и рѣшать на нихъ возникающія дѣла церкви произошелъ, такъ сказать, независимо отъ правилъ, вслѣдствіе естественнаго историческаго хода событій. Со времени перенесенія столицы имперіи изъ Рима въ Константинополь многіе епископы стали стекаться сюда частію по личнымъ дѣламъ, а частію для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ въ ихъ епархіяхъ. Съ просьбою для разрѣшенія они обращались къ императору, такъ какъ еще не было установлено особаго формальнаго учрежденія для этого. Императоръ разбиралъ подобнаго рода жалобы или самъ непосредственно по согласію съ епископомъ Константинополя, или же поручалъ разобрать ихъ одному епископу столицы на соборѣ, который долженъ быть составленъ изъ случайно находящихся тогда въ Константинополѣ епископовъ. Такъ произошелъ *σύνοδος ἐπισκόπων ἐνδημούντων*, или соборъ пребывающихъ (разумѣется въ Константинополѣ) епископовъ. Предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ всегда константинопольскій епископъ, какъ епископъ города, въ которомъ соборъ составлялся. Въ началѣ онъ превышалъ права своей юрисдикціи, иногда рѣшалъ такія дѣла, вѣдать которыя над-

лежало другимъ патріархамъ, и принималъ въ свой составъ съ правомъ голоса епископовъ, принадлежащихъ другимъ церковнымъ округамъ и, слѣдовательно, долженствовавшихъ находиться въ вѣдѣніи другихъ патріарховъ. Но когда эти два злоупотребленія были устранены, когда права и широта власти каждаго изъ патріарховъ и митрополитовъ были точнѣйшимъ образомъ опредѣлены на соборахъ, — онъ получилъ законную форму, сначала подошелъ подъ разрядъ повременныхъ областныхъ соборовъ, требуемыхъ канонами, а потомъ мало-по-малу превратился въ постоянный патріаршій синодъ, послужившій образцомъ для постоянныхъ синодовъ при остальныхъ патріархахъ (1).

Въ разныхъ патріаршихъ синодальныхъ актахъ онъ называется различно, смотря по тому, на какую сторону его каноническаго бытія хотѣли обратить вниманіе составители актовъ. То онъ называется *σύνοδος ἐνδημοῦσα*, когда составители актовъ хотѣли выразить мысль, что соборъ состоялъ изъ епископовъ, пребывающихъ въ Константинополѣ, и притомъ епископовъ константинопольскаго патріархата (2); то—вели-

---

(1) Hergenröther, 1, p. 38; 106 пр. Карѳ. соб., Zhishman, die Synoden und die episcopal-Ämter in der morgenländischen Kirche. Wien, 1867. p. 2—4. 28. Процитированная книга Zhishman'a, по нашему мнѣнію, очень хорошая книга, и было бы весьма желательно, если бы наши канонисты издали ее на русскомъ языкѣ съ необходимыми дополненіями и исправленіями въ примѣчаніяхъ.

(2) 19 пр. Халк. соб., Ῥάλλη καὶ Πότλη, IV, p. 368; V, p. 25. 62; A. P. C. 1, p. 464.—Мнѣніе Zhishman'a, что *σύνοδος ἐνδημοῦσα* означаетъ *національный* соборъ (Zhishman, p. 4—5), нельзя признать правильнымъ. Понятіе о націонализмѣ есть современное понятіе, сдѣлавшееся весьма чувствительною и больною стороною всѣхъ современныхъ цивилизаторовъ и рѣшителей судебъ человѣчества съ относительно недавняго времени и въ древности обыкновенно непримѣняемое къ дѣламъ церковнымъ. Слово: *ἐνδημέω*—нахожусь въ своей сторонѣ, дома, между своими и *ἔνδημος*—туземный, домашній, въ противоп. *ξένος*, въ дѣлахъ церковныхъ, судя по синодальнымъ актамъ, выражало принадлежность лица къ извѣстному округу или области, безъ различія его національнаго происхожденія. Епископы константинопольскаго патріархата были

кимъ соборомъ архіереевъ (1), или просто собраніемъ (ὁμήγυρις) въ высокомъ значеніи этого слова (2), когда выражалась идея, сколь важенъ долженъ быть соборъ, состоящій изъ столь многихъ архіереевъ; то—священнымъ синедріономъ (3). Когда же составители актовъ хотѣли указать на патріаршую церковь, въ которой соборъ составлялся, и достоинство патріарха, при которомъ соборъ состоялъ, то называли его патріаршимъ синодомъ, или синодомъ при патріархѣ (4), синодомъ областнымъ (5) и патріаршимъ судилищемъ (6), если въ синодальномъ актѣ выражалась идея, что этому синоду принадлежитъ верховный судъ надъ епископами. Иногда же константинопольскій патріаршій синодъ назывался вселенскимъ синодомъ, насколько составители актовъ хотѣли выразить мысль, что этотъ синодъ находится при вселенскомъ патріархѣ (7).

По 27 (18) правилу карѳагенскаго собора патріаршій или областной синодъ долженъ состоять по преимуществу изъ митрополитовъ области. Изъ протоколовъ константинопольскаго синода видно, что это

по отношенію къ Константинополю ἐνδήμοι, къ какому бы племени они ни принадлежали, между тѣмъ какъ епископы, напр., александрійскаго патріархата уже не могли быть названы ἐνδήμοι (разумѣется по отношенію къ Константинополю), хотя бы родомъ они были и греки.

(1) ἡ μείζων τῶν ἐπισκόπων σύνοδος. Ῥάλλη καὶ Πότλη, II, p. 181; III. p. 146.

(2) Ibid. V, p. 82; A. P. C. I, p. 87. 405. 358.

(3) Ῥάλλη καὶ Πότλη, V, p. 32. 44.

(4) ἡ πατριατχικὴ σύνοδος, ἡ περὶ πατριάρχην σύνοδος, πατριαρχεῖον. Ῥάλλη καὶ Πότλη, II, p. 325.

(5) ἡ σύνοδος τῆς διοικήσεως. Hardoin, I, p. 1449.

(6) πατριαρχικὸν κριτήριον. A. P. C. II, p. 436.

(7) Ibid. I, p. 464: καὶ ἡμεῖς παρεδηλώσαμεν τοῦτο τῇ ὑμῶν ἱερότητι διὰ τοῦ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀδελφοῦ καὶ συλλειτουργοῦ ἡμῶν κῦρ Ἱερμανοῦ καὶ καθολικοῦ τῆς ὁμηγύρεως καὶ ἐξάρχου πασῆς Ἰβηρίας...., ἐπὶ τούτῳ γὰρ καὶ τὸ παρὸν ἡμῶν γράμμα ἐγεγόνει καὶ ὑπεγράφη κάτωθεν δὶ οἰκειοχείρων ὑπογραφῶν, καὶ ἀπεστάλη πρὸς τὴν ὑμῶν ἱερότητα καὶ πρὸς τὴν ἁγίαν καὶ οἰκουμενικὴν σύνοδον и пр.

правило было вообще соблюдаемо до конца имперіи: митрополиты въ большинствѣ случаевъ являлись членами синода (1). Патріархъ Филоѳей I издалъ въ іюнѣ 1354 г. распоряженіе, чтобы каждый митрополитъ ежегодно разъ являлся въ патріаршій синодъ для совѣщаній; только самымъ отдаленнымъ митрополитамъ дѣлалось снисхожденіе — являться черезъ два года (2). Но уже въ томъ же самомъ 27-мъ (18) правилѣ карѳагенскаго собора, и еще болѣе въ 87 (76) правилѣ того же собора дѣлается уступка, чтобы на соборы являлись и епископы для приданія бо́льшаго авторитета собору (3). Изъ актовъ константинопольскаго патріаршаго синода видно, что и патріархи константинопольскіе иногда пополняли свой синодъ епископами, случайно находящимися въ Константинополѣ (4), а иногда нарочно приглашали нѣкоторыхъ епископовъ изъ епархій (5). Такимъ образомъ въ составъ патріаршаго синода входили слѣдующіе члены:

1) Патріархъ, стоящій во главѣ всего собранія, какъ глава мѣстной независимой церкви. Онъ носитъ названіе предсѣдателя (6). Предсѣдательствуетъ онъ или самъ непосредственно, или чрезъ своего уполномоченнаго, который поэтому занимаетъ первое мѣсто (7). Когда патріаршій престолъ становился праздным, то синодъ самъ по себѣ не могъ рѣшить никакого важнаго дѣла; онъ могъ дѣлать только предварительное разслѣдованіе текущихъ дѣлъ, на которыя окончательное рѣшеніе, подлежащее исполненію, дѣлалъ впо-

---

(1) A. P. C. I, p. 338; *σύνταγμα*, V, p. 19. 93.

(2) A. P. C. I, p. 339.

(3) *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, III, p. 493. 496.

(4) A. P. C. II, p. 529.

(5) Migne, Patrolog. curs. compl. t. CXL. p. 177 sqq.

(6) *ὁ προκαθήμενος, ὁ πρόεδρος, ὁ προκαθέζων.*

(7) *Σύνταγμα, Ῥαλλη καὶ Πότλη*, III, p. 535; V, p. 88. 98. 101. 116. 602.

слѣдствіи самъ патріархъ (1). Предъ приходомъ патріарха въ собраніе синода, каждый изъ членовъ занималъ, по древнему обычаю, приличествующее его чину мѣсто (2). Въ церковныхъ актахъ имя предсѣдателя обозначается впереди членовъ синода. По примѣру Константина великаго и другихъ императоровъ вселенско-соборнаго періода, въ соборныхъ дѣяніяхъ константинопольскаго патріархата нерѣдко можно встрѣтить, что и позднѣйшіе византійскіе императоры предсѣдательствовали на соборахъ (3), но въ такомъ случаѣ они не одни занимали предсѣдательское мѣсто, а вкупѣ съ патріархомъ (4). Впрочемъ, это яснѣе будетъ изъ послѣдующаго изложенія дѣла.

2) Митрополиты, архіепископы и епископы всего патріархата, или мѣстной независимой церкви. Такъ какъ каждый изъ нихъ занималъ на соборѣ свойственную ему каѳедру, или мѣсто сѣдалища (ἕδρα), то они преимущественно предъ другими назывались созасѣдающими (συνεδριάζοντες) (5). Мѣста свои въ собраніяхъ они занимали не по возрасту и не по какому-нибудь внѣшнему отличію, какъ ихъ самихъ, такъ и управляемыхъ епархій, а по достоинству ихъ епископскихъ каѳедръ или троновъ (6). Какъ дѣйствительные и каноническіе епископы, они въ собственномъ смыслѣ составляли собраніе, имѣющее право обсуждать и рѣшать текущія дѣла церкви.

3) Епископы уже избранные на епархію, но еще не получившіе хиротоніи (7).

---

(1) Acta P. C. I, p. 6. 7; II, p. 2.

(2) Zachariae J. G. R. III, p. 425.

(3) См. объ этомъ выше: Прав. Соб. 1876. сент. стр. 35. А также: *σύνταγμα*, V, p. 307; A. P. C. I, p. 426.

(4) Cantacusen, ed. Bonn, II, cap. 40; I, p. 551.

(5) *Σύνταγμα, Ράλλη καὶ Πότλη*, V, p. 95. 98. 101. 116; A. P. C. I, p. 104; II, p. 99. 138.

(6) *Σύνταγμα*, V, p. 275. 276.

(7) Acta P. C. I, p. 80. 230. 420. 429; II, p. 28. 48: *ἐπίσκοποι ὑποψήφιοι*.

4) Епископы избранные и уже получившіе хиротонію, но не вступившіе въ управленіе своею епархіей по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, какъ напр., по случаю опустошенія ихъ епархій варварами (ἐπίσκοποι σχολάζοντες). За такими епископами постановлено сохранять всѣ литургическія преимущества, усвоенныя ихъ сану, а слѣдовательно и засѣдать въ синодахъ (¹). Кромѣ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ константинопольскаго патріархата приглашаются иногда на засѣданія синода также —

5) и патріархи прочихъ патріархатовъ, если они почему-либо находятся въ Константинополѣ. Это дѣлается въ знакъ братскаго взаимообщенія, существующаго между независимыми церквами востока (²).

6) Наконецъ, могутъ засѣдать въ синодѣ такіе епископы, которые прежде занимали должность патріарха, но потомъ, по какимъ-нибудь причинамъ, не марающимъ ихъ іерархической чести, сложили съ себя это высокое званіе (πατριάρχαι χρηματίσαντες (³).

При этомъ необходимо предполагается, что члены синода свободны отъ всякаго каноническаго проступка, за который они должны быть лишены своей должности или извергнуты изъ сана священства. Если окажется, что на кого-либо изъ членовъ синода будетъ подана жалоба во время засѣданій синода, то онъ не лишается права голоса и своего мѣста тотчасъ же, но удаляется изъ синода тогда, когда проступокъ его будетъ дознанъ и самъ онъ будетъ осужденъ формально (⁴). Равнымъ образомъ лишается права голоса и тотъ изъ членовъ, который во время преній возбудилъ

(¹) Σύνταγμα, IV, p. 355; II, p. 48; III, p. 139.

(²) Ibid. V, p. 83; Zachariae J. G. R. III, p. 489. 699.

(³) Σύνταγμα, V, p. 175. 185. Это явленіе стало особенно замѣтно со времени паденія византійской имперіи и завоеванія Константинополя турками.

(⁴) Σύνταγμα, II, p. 692, A. P. C. II, p. 238; Nicph. Gregor. ed. Bonn, II, p. 991.

противъ себя все собраніе архіереевъ какимъ-нибудь недостойнымъ поступкомъ. Порядокъ веденія синодальныхъ дѣлъ и отношенія епископовъ-членовъ синода къ патріарху опредѣлены церковными правилами строго и точно. По 15-му правилу перво-втораго собора, бывшаго при патріархѣ Фотіѣ въ 861 году, митрополитъ отступившій отъ своего патріарха и переставшій возносить его имя при священнодѣйствіяхъ въ богослуженіи, подверженъ лишенію сана. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть только въ такомъ случаѣ, когда митрополитъ отступитъ отъ своего патріарха потому, что этотъ послѣдній впалъ въ ересь. Тогда отдѣлившійся митрополитъ не только не заслуживаетъ порицанія, но даже удостоивается всякой похвалы, какъ мужественный поборникъ истины Христовой. Само собою понятно, что это же самое правило примѣнимо къ епископамъ и даже къ простымъ клирикамъ въ ихъ отношеніяхъ къ патріарху, и они подвергаются лишенію сана, если отдѣляются отъ патріарха несправедливо, и напротивъ удостоиваются всякой похвалы, если отдѣляются отъ него потому, что онъ впалъ въ ересь и такимъ образомъ сдѣлался извратителемъ вѣры Христовой (1).

Но какъ бы ни были строго опредѣлены взаимоотношенія епископовъ и синодальныхъ членовъ, проявленіе злоупотребленій, вслѣдствіе ли злой воли и страстей дѣйствующихъ лицъ, или просто по недоразумѣнію, никогда не могло быть предупреждаемо никакими правилами. Главнымъ и вмѣстѣ общимъ недостаткомъ византійскихъ іерарховъ было то, что они, вопреки церковнымъ правиламъ и государственнымъ опредѣленіямъ, любили безъ нужды оставлять свои епархіи и безъ дѣла по долгу жить въ Константинополѣ. Здѣсь они, по словамъ Никиты Хоніата, „проводили время въ предосудительной праздности и изъ

(1) См. объ этомъ 13, 14 и 15 прр. первовт. соб.

всѣхъ силъ съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя" (1). Эти-то праздно пребывающіе въ Константинополѣ архіереи и причиняли большее зло благоустройству византійской церкви: какъ ищущіе благосклонности царя, они часто въ угоду ему соглашались на соборныхъ совѣщаніяхъ издавать такія опредѣленія, которыя не могли быть оправданы постановленіями церкви; какъ находящіе выгоду праздно шататься въ Константинополѣ и, слѣдовательно, производить безпорядки, они возмущались противъ патріарховъ, являющихся ревнителями церковныхъ каноновъ и, слѣдовательно, строгими по отношенію къ ихъ нарушителямъ, и всевозможнымъ образомъ содѣйствовали ихъ низложенію: мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что въ частомъ и произвольномъ низложеніи патріарховъ столько же виноваты императоры, какъ и архіереи, праздно пребывающіе въ Константинополѣ. Императоръ Мануилъ Комнинъ, чтобы пресѣчь это зло, чтобы принудить архіереевъ оставаться во ввѣренныхъ имъ епархіяхъ, издалъ въ 1174 году законъ, которымъ подтвердилъ древнія постановленія о непребываніи архіереевъ въ Константинополѣ свыше одного года и о насильственномъ удаленіи ихъ отсюда въ случаѣ не исполненія закона (2). Но въ наступившія послѣ его смерти тяжелыя времена имперіи законъ этотъ былъ забытъ. Спустя 100 лѣтъ послѣ этого патріархъ Аѳанасій I (1289 г.), суровый ревнитель церковныхъ порядковъ, желавшій весь міръ превратить въ монашескую общину, хотѣлъ-было дать практическое примѣненіе этому закону объ удаленіи епископовъ изъ Константинополя. Но онъ отчасти самъ преступилъ правила церкви: въ числѣ удаленныхъ имъ епископовъ были и такіе, которые пришли въ Констан-

(1) Никит. Хоніатъ. Спб. 1862. II, стр. 200.

(2) Zachariae J. G. R. III, p. 500—501. Пребываніе епископовъ въ Константинополѣ съ издревле строго было опредѣлено правилами и государственными законами. Hergenröther, I, p. 101.

тинополь „подъ предлогомъ исполненія правилъ св. и божественныхъ соборовъ, повелѣвающихъ дважды или однажды въ годъ собираться митрополитамъ у патріарха для совѣщанія о догматахъ благочестія и разрѣшенія возникающихъ въ церкви вопросовъ". Правда, онъ дѣйствовалъ здѣсь не безъ основанія: „проживая здѣсь, говорилъ онъ, пусть они не наговариваютъ другъ на друга и на меня самого, они, обязанные быть учителями мира"; но епископы, не довольные имъ, воспользовались нарушеніемъ правилъ церкви имъ самимъ и поэтому, какъ увидимъ, низложили его (1).

Для того, чтобы рѣшенія синода были каноничны, требуется, чтобы число его членовъ было канонически опредѣленное (2); но какъ велико должно быть число членовъ синода? — это не опредѣлено никакимъ точнымъ правиломъ. Въ 141 (137) правилѣ карѳагенскаго собора сказано, что въ случаѣ, когда всѣмъ епископамъ затруднительно долго оставаться на соборѣ, то чтобы они вмѣсто себя избирали по три судіи отъ каждой области. Во всѣхъ актахъ константинопольскаго патріаршаго синода, начиная съ патріарха Сисиннія (997 г.) до конца имперіи, число синодальныхъ членовъ колеблется между 30-ю и тремя (3). Отсюда слѣдуетъ заключить, что для образованія канонически правильнаго синода число членовъ его должно восходить по меньшей мѣрѣ до четырехъ включая сюда и предсѣдательствующаго. Назначеніе числа членовъ синода, равно какъ и выборъ ихъ вполнѣ зависятъ отъ усмотрѣнія предсѣдательствующаго, или патріарха. Патріархъ же въ свою очередь руководствуется здѣсь важностію предмета, подлежащаго обсужденію, а также и другими временными и мѣстными обстоятельства-

---

(1) Григора, I, стр. 174.

(2) Acta P. C. I, p. 122; II, p. 163: *κανονικὸς τῶν ἀρχιερέων ἀριθμὸς, ὁ κανονισμένος ἀριθμὸς.*

(3) *Σύνταγμα*, V, p. 19; A. P. C. II, p. 519.

ми. Но если императоръ, или государь страны найдетъ, что число членовъ, назначенное патріархомъ, недостаточно или не соотвѣтствуетъ важности обсуждаемаго предмета, то онъ, какъ епистимонархъ или верховный блюститель дѣлъ церкви, можетъ потребовать отъ патріарха пополненія членовъ синода, или отъ себя предложить таковыхъ (1).

Когда какой-либо каноническій членъ синода по какимъ-нибудь важнымъ причинамъ не можетъ самъ непосредственно явиться на засѣданія синода, въ такомъ случаѣ онъ долженъ дать знать объ этомъ синоду и извиниться предъ нимъ или посредствомъ собственноручной граматы, или чрезъ посредство своего клирика, который нарочно для этого долженъ быть посланъ въ синодъ (2). Но и въ такомъ случаѣ онъ не вполнѣ освобождается отъ участія въ засѣданіяхъ синода: вмѣсто себя онъ долженъ или послать уполномоченнаго, своего мѣстоблюстителя (τοποτηρητης), каковымъ обыкновенно бываетъ епископъ, или же, если предметъ предстоящихъ соборныхъ разсужденій ему достаточно извѣстенъ, дать о немъ свое мнѣніе собору посредствомъ граматы (3). Вальсамонъ, основываясь на примѣрѣ вселенскихъ соборовъ, утверждаетъ, что уполномоченными епископовъ могутъ быть пресвитеры и діаконы (4), но въ протоколахъ патріаршаго константинопольскаго синода, согласно 27 (18) правилу карѳагенскаго собора, мѣстоблюстителями являются исключительно одни только епископы (5).

Всѣхъ членовъ синода предсѣдатель его называетъ своими братьями и сослуживцами (ἀδελφοί, συλλειτουργοί) (6).

---

(1) Acta P. C. I, p. 322.

(2) Ibid. p. 339.

(3) Σύνταγμα, III, p. 537. 540; A. P. C. I, p. 300; Zachariae J. G. R. III, p. 699.

(4) Σύνταγμα, III, p. 357.

(5) Ibid. p. 329. 356.

(6) Ibid. V, p. 30. 117.

Кромѣ каноническихъ членовъ: митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ на патріаршемъ синодѣ могутъ присутствовать также и нисшіе клирики и міряне. Въ частности, въ синодѣ могутъ возсѣдать:

1) Высшіе патріаршіе чиновники, помогающіе патріарху въ управленіи его епархіей, какъ частному епископу, именуемые эксокатакилами (1). Они хотя занимаютъ почетное мѣсто въ синодѣ, но возсѣдаютъ безъ права принимать участіе въ разсужденіяхъ и безъ права подачи голоса, почему и называются только сѣдящими (παραχαθήμενοι) (2). Къ этимъ чиновникамъ относятся члены высшей пентады, какъ праваго, такъ и лѣваго хора (3). Впрочемъ, и они иногда подаютъ свое мнѣніе, когда пожелаютъ того каноническіе члены синода (4). Кромѣ церковныхъ чиновниковъ на синодахъ присутствовали также—

2) Гражданскіе чиновники. Обычай присутствовать на соборахъ или самимъ государямъ или ихъ уполномоченнымъ восходитъ ко временамъ Константина великаго и отъ него беретъ свое начало. Мы уже замѣтили выше, что онъ покоится на идеѣ тѣснаго союза государства съ церковію и на понятіи о церкви, какъ обществѣ вообще всѣхъ христіанъ, а не однихъ только епископовъ и духовенства. И отцы восточной церкви никогда ничего не возражали противъ присутствія государственныхъ чиновниковъ на соборахъ, напротивъ сами требовали ихъ, чтобы чрезъ то рѣшенія собора получили большую прочность и силу въ государствѣ (5). Въ актахъ соборныхъ они называются

(1) Эти чиновники суть: в. экономъ, в. сакелларій, скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеллій или сакелларій младшій и экдикъ.

(2) Acta P. C. II, p. 48. 89. 99. 138. 409.

(3) По Кодину Куропалатѣ, всѣ чиновники константинопольскаго патріархата раздѣлялись на два хора: правый и лѣвый, и девять пентадъ или пятковъ.

(4) Migne, Patr. curs. compl. t. CXL, p. 152; A. P. C. II, p. 109.

(5) Σύνταγμα, V, p. 62; Acta P. C. I, p. 175; Hergenröther, I, p. 210; Lebeau, VI, p. 320. 321.

иногда созасѣдающими (συνεδριάζοντες), когда указывается на честь мѣста, какое они занимали, но большею частію просто сѣдящими (παρακαθήμενοι), какъ и церковные чиновники; потому что они только присутствуютъ на синодальныхъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ, но не участвуютъ въ нихъ. Вся дѣятельность ихъ на соборахъ ограничивалась лишь наблюденіемъ за правильностію хода соборныхъ совѣщаній (1). Съ этою цѣлію они иногда предлагали вопросы, клонящіеся къ уясненію обсуждаемаго предмета, или же устраняющіе нѣкоторыя неправильности, допущенныя по формѣ въ предыдущихъ разсужденіяхъ (2). Императоръ Мануилъ II Палеологъ выразилъ (въ 1396 г.) желаніе митрополитамъ никомидійскому и коринѳскому, какъ бывшимъ тогда членамъ патріаршаго синода, чтобы дано было право подачи мнѣнія и голоса на соборахъ и государственнымъ чиновникамъ. Митрополиты ничего не отвѣтили ему непосредственно, но они объявили синоду, что если императоръ желаетъ, чтобы государственной власти предоставлено было такое дѣйствіе на соборахъ,—онъ долженъ предварительно показать на то свое право; если же онъ не можетъ показать его, то синодъ тѣмъ болѣе долженъ покоиться на прежнихъ своихъ основаніяхъ (3). За исключеніемъ этого случая, изъ синодальныхъ актовъ нельзя доказать, чтобы государственные чиновники обнаруживали свое участіе въ синодальныхъ разсужденіяхъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ образомъ, или подавали на нихъ свое мнѣніе. Если же иногда они и возвышали свой голосъ, то это они дѣлали для того, чтобы показать, что они отнюдь не держатся лжеученія, осужденнаго на соборѣ. Такъ, напримѣръ, они поступили на соборѣ патріарха Луки Хрисоверга (1156 г.) противъ Со-

(1) Acta P. C. I. p. 177.

(2) Собор. Халк. дѣян. IV и X.

(3) Acta P. C. II. p. 271.

териха Пантевгена (1). Равно мало можно доказать и то, чтобы они подписывались подъ синодальными протоколами и соборными рѣшеніями: превозмогающее большинство синодальныхъ актовъ безъ ихъ подписей. Причина этого заключается въ томъ, что государство довѣряло церковной власти, не смотрѣло на нее враждебно и потому предоставляло ей рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію, согласно съ канонами. Участіе государственныхъ чиновниковъ въ синодальныхъ дѣяніяхъ видно только тогда, когда шли совѣщанія о предметахъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ государству, какъ наприм., объ учрежденіи епископій, архіепископій и митрополій, о дѣлахъ брачныхъ, о сектахъ вредныхъ для общественнаго порядка, о выборѣ епископовъ, о дѣйствіяхъ церкви, направленныхъ противъ лицъ, опасныхъ для государства, или противъ общественныхъ безпорядковъ (2). Затѣмъ въ синодѣ могли присутствовать въ качествѣ свидѣтелей или зрителей—

3) нижніе церковные чиновники; только они обязаны были стоять въ синодѣ (*οἱ παριστάμενοι*), но не сидѣть;

4) все нижнее духовенство, если оно не производило никакого шума и безпорядка. Если же оно начинало шумѣть и производить безпорядокъ, то патріархъ повелѣвалъ выдти вонъ, или же закрывалъ собраніе.

5) Наконецъ, были допускаемы на совѣщанія синода, точно также въ качествѣ свидѣтелей и простыхъ зрителей, еще монахи и даже міряне (3).

Такимъ образомъ, совѣщанія архіереевъ производились какъ бы предъ лицемъ и въ присутствіи всей

---

(1) Migne, patr. curs. compl. t. CXL, p. 152.

(2) *Σύνταγμα*, V, p. 53. 75. 83. 88. 90. 128. 604; IV, p. 57; Zachariae J. G. R. III, p. 508; A. P. C. I, p. 345.

(3) *Σύνταγμα*, III, p. 521. 594; V, p. 58—60. 63. 76. 83; A. P. C. I, 109. 119. 132. 135. 176. 244; II, p. 99.

помѣстной церкви. Нельзя при этомъ не замѣтить, что тамъ, гдѣ дѣла вѣры обсуждаются соборне и гдѣ предметъ разсужденій составляетъ въ данную минуту предметъ спора и волненій всего народа, предметъ, на который устремлены взоры всей помѣстной, а если онъ по характеру своему имѣетъ вселенское значеніе, то и вселенской церкви, государственная власть, даже самая неограниченная, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Изъ поименованныхъ элементовъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ составу патріаршихъ помѣстныхъ, а иногда и вселенскихъ, соборовъ, огромное вліяніе на рѣшеніе церковныхъ дѣлъ оказывали монахи. Каковы бы несовершенства ни проявляло восточное монашество въ общей своей жизни, но по своей идеѣ оно стремится къ осуществленію того идеала высшей добродѣтели, который имѣетъ цѣлію, по очищеніи души отъ всего страстнаго и нечистаго, созерцаніе вѣчной истины и возможное уподобленіе себя Богу (1), и въ частности, въ лицѣ великихъ подвижниковъ церкви, представляло живые образцы этого идеала. Понятно, что рѣшеніе всякаго церковнаго вопроса въ духѣ истины и согласно съ рѣшенными и утвержденными вопросами вѣры было для нихъ весьма важно. Особенно это нужно сказать относительно вопросовъ, имѣющихъ вселенское значеніе: здѣсь монахи были непреклонны и твердо стояли за вселенскую истину, какъ они ее понимали (2). Эту непреклонную стойкость восточныхъ монаховъ за истину Христову признаютъ, какъ ихъ отличительную черту, и западные писатели. „Христіанскій востокъ, говоритъ Пихлеръ, всегда раздѣлялся на двѣ неравныя половины: бо́льшую, образуемую высшимъ клиромъ, домогавшимся

(1) См. выше, Пр. Соб. 1877. іюнь. стр. 270—271.

(2) Говоримъ: какъ понимали; потому что много между ними было неразумныхъ ревнителей, были и заблуждающіеся въ вѣрѣ и т. д., но истина выяснялась и разумнѣйшіе, мудрѣйшіе и безукоризненные по жизни являлись руководителями другихъ.

(buhlte) милостей двора у императорскихъ чиновниковъ, и меньшую, именно представляемую монашескимъ сословіемъ, искони оказывавшимъ рѣшительную антипатію къ государственной церковности". Далѣе Пихлеръ замѣчаетъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже до настоящаго времени монахи являлись самыми злѣйшими врагами всякихъ попытокъ къ соединенію греческой церкви съ римскою (1), предпринимаемыхъ, какъ извѣстно, исключительно одними императорами для достиженія чисто политическихъ цѣлей. Правда, онъ дѣлаетъ по этому поводу оговорку, что монахи были борцами за истину только до раздѣленія церквей, когда они тѣсно примыкали къ римскому епископу, въ которомъ, якобы, видѣли антиподъ греческому императору, но что императоры сломили ихъ силу во время иконоборческихъ споровъ и что послѣ того проявился византизмъ, т. е. безграничное владычество государственной власти въ дѣлахъ церкви, съ полною силою (2). Но едва ли какъ нужно объяснять, что эта оговорка вызвана исключительно ультрамонтанско-католическою тенденціей автора; потому что ни самъ Пихлеръ и ни кто либо другой изъ ка-

---

(1) Geschichte der Kirchl. Trennung. I, p. 50. 102. 400.

(2) Ibid. p. 50: erst mit dem Aufhören dieses Gegendrückes konnte der Byzantinismus frei sich entfalten. Согласно съ Пихлеромъ выражаетъ свой взглядъ о восточномъ монашествѣ и Гергенрётеръ и приводитъ въ своемъ сочиненіи о Фотіѣ многочисленнѣйшія доказательства этому: I, p. 109. 110. 112. 114. 135. 160. 161. 204. 206. 235. 241. 243. 265. 280. и пр. Также: Neander, V, p. 217—218. 228. 232. 247. 265. 281—283. VI, p. 348—349. 354—356. 368. Hagenbach, Kirchengech t. II, p. 50—51. Гизлеръ, признавая стойкость восточныхъ монаховъ, говоритъ однакожъ о нихъ, какъ протестантъ, съ какимъ-то омерзеніемъ и называетъ ихъ не иначе, какъ фанатиками. t. II. Abth. I. p 1—13. Великую силу и значеніе монашества въ дѣлѣ вѣры сознавали и сами византійцы—приверженцы древне-эллинскаго культа и вслѣдствіе того враги христіанства; самого Основателя христіанской вѣры—Іисуса Христа они представляли въ формѣ монаха и въ насмѣшку описывали Его безобразными чертами уродливаго монаха. Gfrörer, Byzantinische Geschichten. Graz, 1877. B. III. p. 69—73.

толиковъ не объяснилъ еще того поистинѣ чудеснаго явленія, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ монашество, составлявшее непреоборимый оплотъ вѣры противъ государственной власти, вначалѣ примыкало къ папству, какъ самому сильному и вѣрному союзнику противъ государственнаго деспотизма, а послѣ сдѣлалось непримѣримѣйшимъ его врагомъ, не переставая въ тоже время быть несокрушимымъ противникомъ государственной власти? — и какимъ образомъ въ началѣ, когда находилось въ союзѣ съ папами, оно препятствовало развитію византизма своимъ ему противодѣйствіемъ, а потомъ перестало противодѣйствовать его развитію, хотя самая сила противодѣйствія и не уменьшилась? Здѣсь католическіе богословы, историки и канонисты никогда не могутъ дать удовлетворительнаго объясненія, доколѣ они остаются приверженцами папства; потому что въ немъ одномъ только и заключается главная причина означенной перемѣны (1).

(1) Думаемъ, что едвали кто-нибудь, кто способенъ безпристрастно отнестись къ дѣлу, найдетъ хотя сколько-нибудь удовлетворительнымъ слѣдующее объясненіе Пихлера, I, p. 102: der Bilderstreit hatte für die griechische Kirche und deren Freiheit keine regenerirende, sondern nur eine degenerirende Wirkung. Der höhere Clerus hatte seinem gröszten Theile nach eine ganz erbärmliche Rolle gespielt, war jeden Tag bereit dewesen, den Mantel nach dem Winde zu kehren. Das Mönchthum, welches vormals der mächtigste Vorkämpfer gegen das Staatskirchenthum gewesen war, war gleichfalls unter den Schlägen der Iconoklasten murbe geworden und versöhnte sich aus Erkenntlichkeit für die Wiederhirstellung des Bilderdienstes mit der Regierung. Diese aber wollte nicht für den besiegten Theil gelten, söndern steuerte geraden Wegs darauf los, die Kirche in der Person des ökumenischen Patriarchen ganz zu beseitigen und von einem Angehorigen der kaiserlichen Familie verwalten zu lassen. Въ этихъ словахъ нѣтъ объясненія, а есть только вѣрованіе. Выставленное нами противорѣчіе, котораго не могутъ не признать и католическіе ученые, нисколько не устраняется; неудача попытокъ къ соединенію церквей, предпринимаемыхъ исключительно императорами, и рѣшительное противодѣйствіе имъ со стороны монаховъ—вещь необъяснимая для приверженцевъ папства. Здѣсь имъ возможно только туманно разглагольствовать, но не показывать ясно.

Обсужденіе и рѣшеніе текущихъ дѣлъ въ синодѣ совершалось обычнымъ, установленнымъ для коллективныхъ учрежденій, порядкомъ. Мнѣнія, подаваемыя членами синода въ пользу такого или иного рѣшенія дѣла, называются голосами (*φοναί*). Когда же изъ всѣхъ мнѣній обнаружится превозмогающее большинство или всѣ члены синода согласятся въ своемъ мнѣніи, то это называется *φονή* (голосъ) (1). Рѣшеніе обыкновенно принадлежитъ большинству голосовъ (2). Когда какой-нибудь членъ не присоединяется къ большинству, въ такомъ случаѣ онъ удерживаетъ за собою и свою подпись; онъ не подписывается подъ актомъ (3). Рѣшеніе синода получаетъ выраженіе *συνεψηφίζεσθαι*, т. е. полное рѣшеніе, когда мнѣніе предсѣдателя присоединяется къ мнѣнію большинства (4). Но если мнѣніе предсѣдателя не согласно съ мнѣніемъ превозмогающаго большинства, въ такомъ случаѣ не составляется никакого рѣшенія, потому что всякое синодальное рѣшеніе слѣдуетъ отъ имени главы помѣстной церкви, а онъ не можетъ подписаться подъ такимъ рѣшеніемъ, которое составлено противъ его убѣжденія. Но съ другой стороны и синодъ имѣетъ право привлечь къ отвѣту главу своей церкви, если онъ отказывается дать силу и привести въ исполненіе рѣшенія синода, составленныя совершенно согласно съ ученіемъ церкви и канонами. Изъ 15-й новеллы императора Мануила Комнина видно, что, въ случаѣ раздѣленія синодальныхъ голосовъ по поводу того или другаго дѣла, рѣшающее значеніе должно давать тому мнѣнію, къ которому присоединится голосъ предсѣдателя (5). Если случится, что мнѣніе предсѣдателя со-

---

(1) Harduin, II, p. 1201.

(2) Acta P. C. II, p. 16.

(3) *Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα.* II, p. 288.

(4) Acta P. C. I, p. 593; II, p. 34. 60. 98.

(5) *Σύνταγμα,* II, p. 130; Zachariae J. G. R. III, p. 462.

впадаетъ съ мнѣніемъ членовъ синода, въ такомъ случаѣ въ синодальномъ актѣ, составленномъ по поводу единогласно рѣшеннаго дѣла, выразительно замѣчается, что оно рѣшено предсѣдателемъ сообща съ членами синода. „Послѣ того какъ обнаружилось мнѣніе всѣхъ членовъ синода, нами рѣшено“ и т. д. (1),—такова обыкновенная форма актовъ, выражающихъ единогласное рѣшеніе синода (2).

Непосредственно послѣ синодальныхъ разсужденій, или спустя немногое время, они сводятся къ одному общему выводу, составляется такъ называемое *ἡ συνοδικὴ διάγνωσις*, синодальное рѣшеніе. Въ актахъ оно является подъ различными наименованіями: когда указывается на то, что рѣшеніе составлено соборомъ, то оно называется синодальнымъ рѣшеніемъ (*συνοδικὸν ψήφισμα*) (3), синодальною граматой (*γράμμα συνοδικόν*) (4), *σημείωμα*, *σημείωσις* (указъ) (5), *ὑπόμνημα* (6), *συνοδικὴ πρᾶξις* (7), *συνοδικὸν ἐπίσταλμα* (8), *ἀπόφασις* (9), *συνοδικὴ γνωμοδότησις* (10); а когда указывается на формальную его сторону, на то что обсужденіе дѣла и его рѣшеніе происходило съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формъ, въ такомъ случаѣ оно носитъ названіе *διγίλλιον*, *διγιλλιῶδες γράμμα*, т. е. дипломъ (11).

При всякомъ рѣшеніи какого-либо церковнаго вопроса непремѣнно предполагается, что оно составлено

---

(1) *Ῥάλλη καὶ Ποτλη*, V, p. 84. 87.
(2) A. P. C. II, p. 38.
(3) Ibid. p. 133.
(4) *Σύνταγμα*, V, p. 62. 142.
(5) Ibid. p. 81. 83—90.
(6) Ibid. p. 25.
(7) Ibid. p. 112. 113.
(8) Ibid. p. 61.
(9) Ibid. III, p. 150.
(10) Ibid. V, p. 564.
(11) Ibid. p. 110. 131; Acta P. C. I, p. 472.

правильно, согласно ученію слова Божія, христіанской любви и милосердію, по священнымъ канонамъ и принятымъ постановленіямъ церкви. Если же случится, что какое-либо рѣшеніе синода составлено неправильно, вслѣдствіе чего оно теряетъ должный характеръ соборной непогрѣшимости, обнаруживаетъ въ членахъ синода незнаніе каноновъ и правилъ церкви, или показываетъ преобладающее вліяніе посторонней сильной власти, въ такомъ случаѣ синодъ, чтобы соблюсти за собой свойственное ему достоинство, обязанъ на другомъ засѣданіи самъ, по своей собственной волѣ, вновь разсмотрѣть дѣло, и затѣмъ объявляетъ прежнее рѣшеніе недѣйствительнымъ и неимѣющимъ силы (ἄκυρα καὶ ἄπρακτα) (1). Изъ этого требованія въ образѣ рѣшенія синодальныхъ дѣлъ ясно открывается, что правило: рѣшать дѣла по большинству голосовъ не всегда примѣнимо къ вопросамъ религіознымъ, гдѣ правильность рѣшенія ихъ единственно зависитъ отъ ихъ согласія съ несомнѣнно признаннымъ вѣрованіемъ и ученіемъ, но имѣетъ значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда разныя мнѣнія въ сущности не противорѣчатъ основнымъ догматамъ и правиламъ вѣры, и не сходствуютъ между собою лишь въ частностяхъ.

Задача дѣятельности патріаршаго синода вообще заключается въ томъ, чтобы разсматривать и изслѣдовать важнѣйшіе вопросы вѣры и церкви (2). Въ частности въ область его дѣятельности входили слѣдующіе наиболѣе важные предметы: 1) изданіе новыхъ правилъ и постановленій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда существующее каноническое право не представляетъ точнаго и опредѣленнаго закона, а между тѣмъ изданіе такого закона является необходимымъ (3). Къ этому роду синодальныхъ постановленій относятся всѣ

---

(1) Acta P. C. I, p. 115. 269. 270.

(2) Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα τ. κανόν., V, p. 156. θεωρία καὶ ἐπίσκεψις ἐκκλησιαστικῶν ἀναγκαίων ὑποθέσεων.

(3) Ibid. p. 55.

тѣ многочисленные церковные законы, которые синодъ дѣлалъ по вопросамъ о дѣлахъ брачныхъ, о церковныхъ имуществахъ, о монастырской дисциплинѣ и т. п. 2) Наблюденіе за чистотою христіанскаго ученія. На основаніи этой обязанности онъ отвергалъ и осуждалъ всякое лжеученіе, грозящее вторгнуться въ область Христовой вѣры (1). 3) Наблюденіе и забота о сохраненіи церковной дисциплины и принятіе мѣръ къ ея сохраненію (2). 4) Избраніе патріарха и признаніе дѣйствительности выбора и хиротоніи митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ (3). 5) Признаніе возведенія епископій на степень архіепископій или митрополій (4). 6) Передвиженіе епископскаго трона (ὁ *προβιβασμὸς τοῦ θρόνου*) (5). 7) Перемѣщеніе епископовъ съ одной каѳедры на другую, когда это перемѣщеніе оправдывается уважительными причинами (6). 8) Согласіе на соединеніе одной или многихъ епархій (7). Кромѣ перечисленныхъ случаевъ въ область юрисдикціи патріаршаго синода входило также право творить судъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся церкви. Въ этомъ отношеніи его суду подлежали всѣ лица помѣстной церкви, начиная отъ митрополитовъ и кончая послѣдними мірянами, конечно, если только они были обвиняемы въ нарушеніи правилъ вѣры и церковной дисциплины (8). Кромѣ того, онъ имѣлъ право судить

---

(1) Cod. Theod. l. XXIII; *σύνταγμα*, V, p. 76; A. P. C. I, p. 59.

(2) *Σύνταγμα*, III, p. 356; A. P. C. I, p. 75.

(3) Ibid. I, p. 494; II, p 64; *σύνταγμα*, V, p. 544. 550. 555. 558.

(4) Ibid. p. 73. 388; A. P. C. I, p. 95. 470; II, p. 272.

(5) *Σύνταγμα*, V, p. 455—495; A. P. C. I, p. 90. 91.

(6) *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, III, p. 487; VI, p. 84; II, p. 117; V, p. 118. 428. 429; A. P. C. I, p. 50. 60. 82. 182. 242. 260. 274. 336. 384. 463. 490.

(7) Ibid. p. 19. 82. 83. 93. 475. 510; II, p. 129. 199; *σύνταγμα τ. κανόν.* II, p. 258. 292.

(8) Acta P. C. I, p. 154. 164. 177. 231. 276; *σύνταγμα τ. κανόν.* I, p. 174; II, p. 568. 692; V, p. 83. 93. 85. 359. 376.

даже самого патріарха. Замѣтивъ какія нибудь противоканоническія его дѣйствія, самъ непосредственно или извѣщенный о томъ государствомъ, а иногда и частными лицами, синодъ призывалъ его къ своему суду, выставлялъ ему здѣсь на видъ противозаконность его поступковъ и за тѣмъ, съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, низлагалъ его (1). Однакожъ, при всякомъ подобномъ случаѣ, рѣшеніе синода необходимо требуетъ утвержденія государя (2). Иногда синодъ былъ созываемъ по поводу вопросовъ, болѣе государственныхъ, чѣмъ церковныхъ, вызываемыхъ, напр., перемѣною правительства и другими подобными обстоятельствами.

(1) Zachariae J. G. R. III, p. 698—700; Ῥάλλη καὶ Ποτλη, V, p. 307—311.

(2) A. P. C. I, p. 262; σύνταγμα, III, p. 149.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АВСТРІЙСКАГО СВЯЩЕНСТВА

ПОСЛѢ АМВРОСІЯ.

—

V.

Попытки къ соединенію окружниковъ съ противоокружниками, кончившіяся было въ 1869 году полною побѣдою послѣднихъ надъ первыми.

Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ прекращенію раздора и водворенію мира въ старообрядчествѣ, на которомъ въ данномъ случаѣ остановился духовный совѣтъ вкупѣ съ другими ревнителями раскола, былъ большой вселенскій соборъ, на которомъ имѣлось подвергнуть всеобщему обсужденію главные вопросы, волновавшіе доселѣ австрійское согласіе, рѣшаемые уже нѣсколько разъ, но окончательно еще не рѣшенные, вопросы объ окружномъ посланіи и о московской архіепископіи. 4 іюня 1865 г. въ духовномъ совѣтѣ состоялось формальное постановленіе о созваніи таковаго собора, крайнимъ срокомъ для открытія котораго назначено было 10 іюля; и вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же постановлено было—разослать къ иногороднымъ и даже заграничнымъ архіереямъ оффиціальныя приглашенія—явиться къ назначенному сроку въ Москву на соборъ; каковыя приглашенія скоро и разосланы были.—Но если что изъ плановъ и распоряженій духовнаго совѣта можно считать ошибкою, заблужденіемъ, такъ именно это послѣднее распоряженіе

его—о созваніи вселенскаго собора, которымъ они надѣялись положить конецъ происходящимъ въ австрійскомъ согласіи неурядицамъ. Такъ какъ сторонники окружнаго посланія сгруппировались около Антонія стараго, а раздорники—около Антонія новаго: то австрійское согласіе de facto распалось уже на двѣ партіи. Партія окружниковъ, начертивъ на своемъ знамени истину окружнаго посланія, не хотѣла уступить своимъ противникамъ потому именно, что стояла подъ знаменемъ истины; партія же раздорниковъ, или точнѣе вожди ея, поставивъ на своемъ знамени зловредность окружнаго посланія, были неуступчивы по отношенію къ своимъ противникамъ потому, что съ уступкою въ окружномъ посланіи опасались утратить свой вѣсъ и значеніе въ расколѣ и уступить первенство въ немъ своимъ духовнымъ пастырямъ. Словомъ,—къ вопросу объ окружномъ посланіи, присоединилось не мало личныхъ соображеній. Можно сказать даже, что окружное посланіе, послужившее въ свое время главною причиною распаденія раскола на партіи, въ разсматриваемое нами время въ ссорѣ окружниковъ съ раздорниками едвали не отодвинуто было на второй планъ. По крайней мѣрѣ очевиденъ былъ тотъ фактъ, что окружное посланіе уже уничтожалось напр. Антоніемъ старымъ, а раздорники между тѣмъ не мирились съ окружниками. Одинъ старообрядецъ говорилъ однажды (18 октября 1865 г.) Антонію старому: „мы слышимъ въ народѣ, что безпорядки-то всѣ происходятъ отъ вашихъ споровъ за Москву: говорятъ, что до тѣхъ мѣстъ не будетъ и миру въ народѣ, пока обоихъ Антоніевъ не удалятъ съ Москвы“ (1). Въ этомъ объясненіи едвали не больше правды, чѣмъ въ томъ, что причиною раздоровъ въ расколѣ было одно окружное посланіе. Дѣйствительно, теперь Антоній старый могъ и уничтожать окружное и „вмѣнять его яко не бывшее“, но

(1) Русск. Вѣсти. 1866 г. янв. стр. 195.

этимъ ничего не могъ выиграть въ глазахъ раздорниковъ. Съ другой стороны и раздорники, пріобрѣтши себѣ особаго епископа, считали свое дѣло выиграннымъ у окружниковъ, и потому мало могли обращать вниманія на то, уничтожается ли окружное или нѣтъ. При такой крайней запутанности дѣлъ въ австрійскомъ согласіи трудно было ожидать, чтобы какой бы ни было соборъ—частный или всеобщій, могъ надлежащимъ образомъ распутать ихъ, и привесть существующія въ расколѣ партіи къ примиренію между собою. А между тѣмъ духовный совѣтъ остановился на созваніи вселенскаго собора, какъ на единственномъ и дѣйствительномъ средствѣ умиротворить расколъ, и вскорѣ разослалъ къ старообрядческимъ архіереямъ различныхъ мѣстностей пригласительныя граматы—пожаловать къ извѣстному сроку въ Москву на соборъ. Посмотримъ же насколько этотъ соборъ достигъ желаемыхъ результатовъ.

По пригласительнымъ граматамъ „духовнаго совѣта“ мало по малу, не спѣша, стали съѣзжаться въ Москву старообрядческіе архіереи и депутаты главныхъ центровъ старообрядчества. Прежде другихъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ прибыли въ Москву Пафнутій казанскій и Савватій тобольскій; въ началѣ августа явился Варлаамъ балтовскій съ іеродіакономъ Ипполитомъ, затѣмъ прибыли депутаты отъ обществъ: петербургскаго, казанскаго, саратовскаго, самарскаго, нижегородскаго, отъ уральскаго казачьяго войска, херсонскаго, воронежскаго и проч. Скоро послѣ этого прибылъ архимандритъ молдавскаго мануиловскаго монастыря Варсонофій, священноиноки: Козьма и Пафнутій — уполномоченные отъ епископовъ. Аркадія славскаго и Іустина тульчинскаго, и въ заключеніе всего въ началѣ сентября явились депутаты и отъ самого Кирилла: архимандритъ Тисскаго монастыря Евфросинъ и инокъ Алипій Милорадовъ. — Так. обр. депутаты довольно медленно собирались на соборъ, отчего онъ и не могъ быть открытъ въ назначенный для

этого срокъ. Онъ открылся уже 30 сент., когда послѣдовало первое соборное засѣданіе, на которомъ, послѣ немногихъ разсужденій о средствахъ къ примиренію враждебныхъ въ расколѣ партій, порѣшено было избрать съ обѣихъ этихъ сторонъ по шести человѣкъ, и поручить имъ предварительно переговорить между собою о причинахъ существующаго въ расколѣ раздѣленія, тщательно опредѣлить ихъ, и о результатахъ всего этого представить на общее сужденіе собора. Избранные представители обѣихъ сторонъ не замедлили приступить къ выполненію возложеннаго на нихъ порученія, и въ засѣданіи 11 окт. единогласно составили слѣдующее постановленіе: „принести другъ другу взаимное прощеніе; 2) окружное посланіе уничтожить, опровергнуть и яко не бывше вмѣнить; 3) кто на вышеозначенное уничтоженіе окружнаго посланія не будетъ согласенъ изъ духовныхъ или мірскихъ лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія въ молитвѣ; 4) избрать двѣнадцать человѣкъ депутатовъ изъ числа общественныхъ лицъ; безъ согласія оныхъ депутатовъ духовенству ничего не дѣлать. При чемъ депутатамъ вмѣнить въ обязанность всѣ свои дѣйствія объявлять обществу, и безъ согласія общественнаго никакихъ дѣлъ не рѣшать“ (1).

Копіи съ этого постановленія разосланы были епископамъ и нѣкоторымъ депутатамъ для предварительнаго разсмотрѣнія, и привели епископовъ-окружниковъ, особенно Пафнутія и Варлаама въ крайнее смущеніе и въ довольно неловкое положеніе. Безусловное уничтоженіе окружнаго посланія было для нихъ дѣломъ весьма нежелательнымъ, и потому они принять такого рѣшенія о немъ не могли; но въ тоже время хорошо понимали, что отстаивать посланіе значитъ не придти къ предположенному и желаемому ими заключенію мира. Чтобы примирить эти противоположности, они при-

(1) Русск. Вѣсти. 1866 г. янв., стр. 175—176.

бѣгли къ слѣдующей мысли: — предложить собору— уничтожить не все посланіе, а только его надпись и тѣ слова, которыя несогласны съ священнымъ писаніемъ (1). Въ этомъ видѣ они изложили свое мнѣніе на бумагѣ съ тѣмъ, чтобы представить его на собраніе; въ этой же бумагѣ они сдѣлали маленькую поправку и къ статьѣ объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Вотъ нѣчто изъ этой граматы, названной „согласіемъ на примиреніе", и подписанной Пафнутіемъ, Варлаамомъ и священноинокомъ Козьмою: „радуясь учиненному примиренію, возславъ за сіе благодареніе Богу, и предпосылая на примирившихся архипастырское благословеніе, изъявляемъ и съ своей стороны согласіе: 1) въ окружномъ посланіи несогласныя священному писанію слова и учиненный къ оному подписъ уничтожаемъ и какъ не бывшія вмѣняемъ; 2) на избраніе 12 депутатовъ изъявляемъ согласіе съ тѣмъ, чтобы епископамъ безъ депутатовъ ничего не дѣлать въ такихъ дѣлахъ, которыя входятъ въ составъ общаго епископамъ съ мірскими людьми обсужденія" (2).

Мысль о подчиненіи духовенства мірянамъ въ дѣлахъ церковныхъ встрѣтила обстоятельное опроверженіе со стороны окружниковъ. Вотъ весьма любопытное разсужденіе объ этомъ предметѣ одного изъ нихъ. „Избрать 12 человѣкъ депутатовъ изъ числа общественныхъ лицъ, безъ согласія оныхъ депутатовъ духовенству ничего не дѣлать". — Такъ говорится въ 4-мъ пунктѣ называемаго мирнаго акта, т. е. онымъ духовенство подчиняется безусловно власти сихъ 12 депутатовъ, что несогласно не только съ постановленіями церкви и свящ. писаніемъ, но и съ личными правами каждаго человѣка, и общими гражданскими законами

---

(1) Эта мысль отчасти высказана была еще раньше Аркадіемъ славскимъ въ его письмѣ въ «духовный совѣтъ»—отъ 10 окт. 1864 г.— Совр. движен. въ раск., Москва, 1865 г. стр. 68—69.

(2) Русск. Вѣстн. 1866 г. янв., стр. 178.

всѣхъ временъ и народовъ. Само крѣпостное право, существовавшее въ Россіи до 19 февр. 1861 г., не простирало такъ далеко своей власти, какъ простираетъ именно этотъ пунктъ онаго акта. Крѣпостные крестьяне, при исполненіи своихъ обязанностей къ помѣщикамъ, могли еще располагать своими личными дѣйствіями и занятіями, а здѣсь уже не крѣпостные рабы, но само свободное христопреданное священноначаліе лишается самаго естественнаго права каждаго человѣка, личной свободы и самопроизвольнаго дѣйствія, и подчиняется безусловной власти мірскихъ лицъ; т. е. пастырей заставляютъ быть подъ властію стада, къ тому же выраженіе: „ничего не дѣлать безъ согласія депутатовъ“, до того простираетъ безграничіе ихъ власти, что духовенство по силѣ онаго не можетъ безъ ихъ согласія, т. е. безъ спроса, совершить никакого богослуженія и требы, однимъ словомъ имѣть какую-либо личную самодѣятельность“. Рабство до того унизительное, что едвали когда либо подвергалось таковому духовенство, не только православное, но и иновѣрное. По прочтеніи того акта невольно раждается вопросъ: понимали ли лица, подписавшія оный, всю важность и значеніе того, что они рѣшились утвердить такъ самовластно? Сознавалъ ли кто-нибудь изъ нихъ, что такое есть духовенство и какое его предназначеніе и мѣсто въ богоучрежденной новоблагодатной церкви? Къ оправданію этихъ лицъ, намъ хочется думать, что они не сообразили важности и характера своего опредѣленія; не взвѣсили достаточно богоучрежденнаго значенія тѣхъ лицъ, на права которыхъ такъ святотатственно дерзнули посягнуть! А иначе, если оно состоялось при полномъ разумномъ сознаніи, то таковое посягательство, подобнаго которому не видно въ исторіи святыя церкви, до невѣроятности ужасно и чудовищно. Оно свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ пренебреженіи къ святоцерковнымъ установленіямъ, священнымъ канонамъ и священному писанію тѣхъ лицъ, которыя рѣшились къ оному подписаться! Но какъ

сказано выше, мы не можемъ допустить себѣ той мысли, что это сдѣлано сознательно. Изъ уваженія къ лицамъ подписавшимъ тотъ актъ, относимъ это только къ ихъ поспѣшности и неосмотрительности. А то какъ же возможно преднамѣренно посягнуть на безусловное подчиненіе тѣхъ, которымъ самъ Спаситель сказалъ: „слушаяй васъ Мене слушаетъ, и отмѣтаяйся васъ Мене отмѣтается“ и „аще кого свяжете на земли, будетъ связанъ на небеси, и аще кого разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ и на небеси“, слѣдовательно, которыхъ должны мы почитать, слушаться, и взирать на нихъ какъ на самого Господа нашего Іисуса Христа, потому что имъ дана богоподобная власть рѣшать и вязать даже на небеси, и которыхъ поэтому власть есть высшая всякой власти, потому что власть всякаго повелителя ограничивается только земною областію, но власть святительская простирается даже за область міра сего и до самаго небеси. По сказанію Игнатія Богоносца: „священство бо есть всѣхъ благъ въ человѣцѣхъ верхъ, нань же аще кто неистово востаетъ не человѣка безчеститъ, но Господа Христа Іисуса, иже есть первороженъ и единъ естествомъ архіерей Отчій“ (Игнатія Богоносца посланіе 4 къ Смирняномъ). „Аще нѣцыи епископа уба нарицаютъ, а безъ него вся творятъ: таковымъ речетъ той же истинный и первый Епископъ, и единъ по естеству Архіерей: „что мя завете Господи, Господи, и не творите, яже глаголю“; таковіи бо недобросовѣстніи, но лицемѣры и прелестницы мнѣ видятся. Якоже убо Господь безъ Отца ничтоже творитъ,—не могу бо рече Азъ о себѣ творити ничесоже, тако и вы безъ Епископа; ни пресвитеръ, ни діаконъ, ни простолюдинъ: ниже что либо да явится вамъ благословно кромѣ его произволенія, таковое бо законопреступно есть и Богу враждебно“. И еще: „иже убо сихъ не слушаетъ: безбоженъ всячески есть и злочестивъ, и отмѣтается Христа!“ (Посланіе 2 къ Магнизіанамъ). Неужели лица, подписавшіеся къ акту 11 октября, оставятъ въ пре-

небреженіи все вышесказанное, не постараются загладить своего проступка, — и чрезъ то подвергнутся вполнѣ суду церковному, произнесенному на таковыхъ св. Игнатіемъ Богоносцемъ что они суть: лицемѣры, недобросовѣстни, прелестницы, безбожни, злочестивы, и отмѣтнувшіеся (отвергшіеся) Христа (1).

Настало 13 окт.—день, назначенный для собора, и собраніе мало-по-малу стало собираться. Мѣстомъ этого собранія былъ домъ одного благотворителя старообрядческаго духовенства И. П. Б—ва, гдѣ приготовлены были разныя помѣщенія для духовенства, а также и для представителей „партіи окружниковъ“ и съ ними вмѣстѣ и депутатовъ иногородныхъ обществъ, и для представителей „партіи противоокружниковъ или раздорниковъ“. Для послѣднихъ вмѣстѣ съ тѣмъ приготовленъ былъ еще довольно обильный яствами и напитками столъ. Въ этихъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ представители разныхъ направленій имѣли возможность предварительно обсудить свои мнѣнія и постановить по нимъ извѣстное рѣшеніе. Пафнутій и Варлаамъ, выработавшіе извѣстное намъ постановленіе объ окружномъ посланіи, прибыли въ собраніе уже тогда, когда все духовенство, депутаты и представители раздорнической партіи были въ сборѣ. Явившись въ назначенное для нихъ помѣщеніе, они предварительно прочитали свое мнѣніе духовенству и депутатамъ, и почти отъ всѣхъ слушателей встрѣтили единодушное сочувствіе къ своему мнѣнію;—депутаты, равнымъ образомъ и прочіе бывшіе здѣсь граждане и духовенство, исключая одного Антонія, стали на сторону Пафнутія и Варлаама (2). Послѣ этого положено было

---

(1) Рукоп. № 9.

(2) Въ числѣ послѣднихъ мы не встрѣчаемъ извѣстныхъ окружниковъ-епископовъ: Онуфрія и Пафнутія коломенскаго, но это потому, что они въ то время, какъ увидимъ послѣ, принадлежали уже церкви православной.

сообщить мнѣніе Пафнутія чрезъ особо избранныхъ для этого лицъ изъ числа гражданъ и иногородныхъ депутатовъ представителямъ раздорнической партіи. Посланные явились къ „раздорникамъ“, но едва только прочитали принесенную съ собою бумагу, какъ замѣтили, что послѣдніе съ шумомъ поднялись и стали разбирать шапки, чтобы бѣжать вонъ. На предложеніе хозяина дома „порядкомъ потолковать о дѣлѣ“, они кричали: „нечего съ вами толковать: мы вотъ написали бумагу (т. е. постановленіе „двѣнадцати“), — и кончено: не прибавимъ и не убавимъ ни слова, потому что грамата наша христіанская, а эта, что написалъ казанскій, лукавая, полицейская, и никогда мы ее не примемъ“. Впрочемъ послѣ долгихъ упрашиваній со стороны хозяина, они согласились поговорить съ епископами, но не иначе, какъ съ свойственною имъ грубостію и неуступчивостію. Первымъ предсталъ предъ ними со страхомъ и трепетомъ Антоній, при чемъ ни одинъ изъ раздорниковъ не только не принялъ отъ него благословенія, но даже и не всталъ съ своего мѣста. Эта безцеремонная встрѣча до нельзя смутила Антонія, и поставила его въ самое неловкое положеніе. Не болѣе пріятна была для него и бесѣда, поведенная съ нимъ однимъ изъ представителей тѣхъ фанатиковъ, предъ которыми онъ стоялъ теперь, какъ подсудимый,—Давыдомъ Антиповымъ. Этотъ извѣстный изувѣръ-фанатикъ, съ которымъ получше мы познакомимся послѣ, обратился къ Антонію съ вопросомъ: „ну ты какъ, владыко, на счетъ окружнаго? Вѣдь оно проклято, и ты его проклинаешь“? Антоній, видѣвшій предъ собою свидѣтелей изъ окружниковъ, побоялся сказать прямо: да, но боязливо вытащилъ изъ-за пазухи принесенныя имъ бумаги, въ которыхъ написанъ былъ запросъ о томъ, кого раздорники желаютъ имѣть епископомъ московскимъ—его ли, или Антонія новаго, и смиреннымъ голосомъ сталъ говорить: „вотъ совершенно того (это извѣстная поговорка Антонія) я уничтожалъ его, окружное это, три раза и яко не бывшее

вмѣнялъ: я совершенно и теперь"... Но ему не далъ договорить его совопросникъ и довольно безцеремонно замѣтилъ: „да что ты намъ съ этими бумагами! знаемъ мы ихъ; все это обманъ, проводите вы насъ. Я спрашиваю, — проклято окружное, или нѣтъ? Ты отвѣчай мнѣ прямо". Антоній опять было обратился къ своимъ бумагамъ, но раздорники не хотѣли уже больше говорить съ нимъ, и пожелали видѣть Пафнутія и Варлаама. Послѣдніе явились со всѣмъ остальнымъ духовенствомъ, гражданами и депутатами, и твердо и спокойно высказали свое мнѣніе, при чемъ замѣтили, что другаго мнѣнія они и прочіе пришедшіе съ ними предъ лице раздорниковъ — депутаты и граждане имѣть не могутъ.—Ихъ слова сей-часъ же подтвердили и нѣкоторые изъ гражданъ. Но раздорники не хотѣли ничего слышать. Они подняли шумъ и крикъ, осыпали бранью всѣхъ окружниковъ, и, схвативъ шапки, выбѣжали вонъ" (1).—Такъ неудачно началось собраніе, на которое заранѣе такъ много разсчитывали ревнители мира.

Съ удаленіемъ раздорниковъ оставшіеся архіереи, депутаты и граждане увидѣли, что ихъ прежняя надежда на примиреніе съ противною стороною потеряна,—но тѣмъ не менѣе они не хотѣли оставить собранія, ничего не сдѣлавъ на немъ. Трактовать о новыхъ средствахъ примиренія они, конечно, не стали, потому что это было безполезно и не нужно, а занялись окончаніемъ того дѣла, начало котораго такъ сильно смутило раздорниковъ и заставило ихъ съ шумомъ и бранью оставить собраніе, т. е. дѣла объ окружномъ посланіи. При этомъ всѣ почти остались вѣрны своему прежнему взгляду на мнѣніе Пафнутія и Варлаама объ окружномъ посланіи, и всѣ почти единогласно готовы были и теперь принять это мнѣніе за истинное, не смутившись недавнимъ постыднымъ въ этомъ отно-

(1) Русск. Вѣстн. 1866 г. янв., стр. 185—186.

шеніи поступкомъ раздорниковъ. Только Антоній, не терявшій еще надежды—возвратить благоволеніе крамольниковъ и при помощи ихъ утвердить свое архіепископское сѣдалище, продолжалъ настаивать на томъ, чтобы посланіе уничтожить окончательно; но этимъ только онъ уронилъ себя въ глазахъ иногородныхъ депутатовъ, но не склонилъ ихъ на свою сторону. Всѣ попрежнему рѣшили написать заявленіе, что они принимали мнѣніе епископовъ какъ объ окружномъ посланіи, такъ и о степени участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; и это заявленіе тогда же было написано и подписано депутатами; одинъ только Антоній съ немногими гражданами не подписалъ его. Послѣ всего этого депутатамъ ничего не оставалось дѣлать въ Москвѣ, и они стали подумывать объ отъѣздѣ возвояси. Епископы снабдили ихъ при этомъ особымъ „актомъ“, въ которомъ коротко и ясно высказанъ былъ весь ходъ дѣла на соборѣ, и затѣмъ въ заключеніе говорилось: „послѣ всего этого мы, смиренніи епископы, окончательное умиреніе смущающихся оставляемъ на волю Божію..... Васъ (боголюбивыхъ христіанъ) просимъ пребывать вмѣстѣ съ нашимъ смиреніемъ въ неразрывномъ церковномъ совокупленіи и не имѣть никакого сомнѣнія въ неизмѣнномъ храненіи нами священныхъ преданій древлеправославныя церкве“ (1).

Между тѣмъ, какъ мнѣніе Пафнутія принято было и утверждено на соборѣ 13 окт. всѣми депутатами иногородныхъ обществъ и большинствомъ „мирныхъ гражданъ“, и когда подъ знамя этого мнѣнія стали

---

(1) Подъ этимъ актомъ подписались Пафнутій, Варлаамъ, Савватій и другіе. Антоній подписался только подъ нѣкоторыми экземплярами его и то довольно хитроумно. Онъ подписался не во главѣ всѣхъ епископовъ, какъ слѣдовало, а внизу словами: «въ подлинности удостовѣряю: смир. Ант. арх. моск. и влад.».. Хитрость этой подписи состояла въ томъ, что въ одномъ случаѣ онъ могъ сказать, что его подпись имѣется подъ актомъ, а въ другомъ,—что онъ своимъ подписомъ только свидѣтельствовалъ подлинность извѣщенія, но вовсе не думалъ утверждать его наряду съ другими епископами.—Русск. Вѣсти. 1866 г. янв. стр. 189.

становиться и послѣ собора даже тѣ изъ „мирныхъ гражданъ“, которые прежде стояли за постановленіе 11 окт., и даже подписали то постановленіе, Антоній попрежнему не переставалъ настаивать на безусловномъ уничтоженіи посланія, сваливая на него всю вину происходящаго въ расколѣ раздора и неудачъ послѣдняго собора, и говоря напр. во всеуслышаніе многихъ (въ засѣданіи освященнаго собора 18 окт.), что „вотъ къ отцу Петру, совершенно, на духъ перестали ходить, какъ окружное-то принялъ; а какъ уничтожилъ его, духовныхъ-то дѣтей, совершенно того, прибыло втрое“; что окружное есть сочиненіе новоумышленное, написанное въ соблазнъ и погибель душамъ христіанскимъ и проч. — „Вѣдь никто, замѣчалъ онъ, совершенно того, изъ первыхъ пяти патріарховъ не дерзнулъ толковать объ имени Іисуса, а мы вотъ, совершенно, выскочили и ну толковать, да вотъ насъ Ларивонъ и втащилъ въ пропасть погибели. Апостолъ пишетъ: „аще бо грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ, егоже не проповѣдахомъ“. Вотъ *инаго* и выходитъ, совершенно, Іисусъ-то иной богъ“ (1)! Какъ ни наивны и ничтожны были основанія, на которыхъ Антоній требовалъ безусловнаго уничтоженія посланія, однако онъ скоро успѣлъ поставить дѣло по своему и склонить на свою сторону Пафнутія и Варлаама. Этого достигъ онъ, благодаря одному человѣку, нѣкоему Семену Семенову—великому „логомаху“ старообрядцевъ. Этотъ хитрый и ловкій членъ старообрядческаго общества, жаждавшій не менѣе Антонія, въ видахъ „общаго блага христіанства“, мира съ раздорниками, въ засѣданіи 1 ноябр. употребилъ всѣ усилія своего хитраго ума къ тому, чтобы склонить Пафнутія и иже

(1) Русск. Вѣстн. 1866 г. янв. стр. 195.—Эта мысль, какъ скоро увидимъ, совершенно раздорническая; стало быть Антоній въ своихъ взглядахъ на окружное вполнѣ сходился съ раздорниками, хотя и не могъ этимъ расположить ихъ въ свою пользу, потому что они, какъ мы замѣчали и выше, ненавидѣли его вовсе не за окружное.

съ нимъ къ совершенному уничтоженію посланія. Первымъ сдался Пафнутій и подписалъ актъ о рѣшительномъ уничтоженіи посланія. Послѣ этого Семенъ Семеновъ съ Антоніемъ приступили къ Варлааму. Долго колебался этотъ извѣстный поборникъ окружнаго; три раза бралъ перо въ руки, и три раза клалъ его опять на столъ. Говорятъ, что онъ даже плакалъ, умоляя избавить его отъ предлагаемаго ему дѣла. Наконецъ послѣ того, какъ Антоній провозгласилъ, что если Варлаамъ считаетъ грѣхомъ — уничтожить посланіе, то онъ грѣхъ этотъ принимаетъ на себя, Варлаамъ дрожащею рукою, поддерживаемою Антоніемъ, сдѣлалъ злополучную подпись. Актъ этотъ состоялъ изъ двухъ пунктовъ, изъ коихъ въ одномъ говорилось: „окружное посланіе, изданное 1862 г. февр. 24 числа, послужившее причиною къ раздѣленію церковному, уничтожаемъ, и отъ сего времени да вмѣняется оное яко не бывшее“; въ другомъ — почти буквально приводилось уже извѣстное намъ мнѣніе Пафнутія о степени участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ (1). Такъ совершилось желанное Антоніемъ уничтоженіе посланія, и такъ съ другой стороны опозорились въ этомъ дѣлѣ имена крѣпкихъ до сего времени окружниковъ: Варлаама и Пафнутія (2).

Само собою понятно, что Пафнутій и Варлаамъ, дѣлая злополучную подпись подъ актомъ уничтоженія окружнаго, думали этимъ доставить умиротвореніе своему согласію; но къ сожалѣнію ихъ разсчеты были ошибочны. Положимъ, что чрезъ это споръ объ окружномъ посланіи могъ прекратиться, и причиною раздоровъ было не одно посланіе. Кромѣ извѣстнаго уже вопроса о московской архіепископіи, въ послѣднее вре-

---

(1) Русск. Вѣсти. 1866 г. янв. стр. 196.

(2) Пафнутій, подписавшій уничтоженіе посланія, горько оплакивалъ потомъ эту свою ошибку и откровенно сознавался, что «нужно море слезъ», чтобы смыть съ себя это пятно. — Тамъ же, стр. 198.

мя возникъ еще новый вопросъ о степени зависимости русской іерархіи отъ бѣлокриницкой митрополіи (1). Всѣ эти вопросы имѣли своихъ сторонниковъ, имѣли также и своихъ противниковъ. Стало быть одного уничтоженія окружнаго посланія недостаточно было для умиротворенія старообрядчества, а между тѣмъ чрезъ это уничтоженіе Пафнутій и Варлаамъ, коихъ поведеніе до сего времени было безупречно, утрачивали свою репутацію. Впрочемъ нужно замѣтить, что этотъ позорный для Пафнутія и Варлаама документъ не достигъ даже и того, чего можно было ожидать отъ него, т. е. прекращенія споровъ изъ-за окружнаго посланія. Истинные окружники и послѣ этого остались все-таки окружниками, и, не смотря ни на какія оффиціальныя бумаги и предписанія своихъ духовныхъ властей, не могли отказаться отъ той истины, которая возвѣщена была въ окружномъ посланіи. Съ другой стороны и противоокружники, не встрѣтившіе въ засѣданіи 13 окт. согласія со стороны окружниковъ на свое мнѣніе касательно безусловнаго уничтоженія посланія, и высказавшіе еще тогда многознаменательную фразу: „мы вотъ написали бумагу, и не прибавимъ и не убавимъ ничего“, не обратили никакого вниманія на актъ 1 ноября, и продолжали идти своимъ старымъ путемъ.

Но если этотъ актъ не достигалъ своей цѣли по отношенію къ дѣлу уничтоженія происходившихъ въ расколѣ распрей, и этою главнымъ образомъ стороною вызывалъ чувство раскаянія и сожалѣнія о подписи подъ нимъ у епископовъ-окружниковъ и между

---

(1) Вопросъ этотъ возбуждался на только что описанномъ нами соборѣ въ засѣданіи 13 окт., при чемъ Пафнутій, Варлаамъ и Савватій предлагали даже составить обвинительный актъ противъ Кирилла по поводу его между прочимъ притязаній на подчиненіе своему господству русскаго старообрядческаго духовенства, и актъ этотъ предложить на разсмотрѣніе заграничныхъ епископовъ. Впрочемъ это дѣло на тотъ разъ осталось не конченнымъ.

прочимъ у Пафнутія, за то Антонію старому онъ пришелся съ перваго раза въ высшей степени по душѣ. Этотъ послѣдній еще и до сего времени находился въ пріятномъ заблужденіи, что виною нерасположеній къ нему раздорниковъ было окружное посланіе, и потому думалъ, что съ уничтоженіемъ послѣдняго онъ много выиграетъ въ отношеніяхъ къ нему раздорниковъ. Фактъ уничтоженія злополучнаго посланія совершился, и притомъ совершился при участіи твердыхъ до сего времени окружниковъ—Пафнутія и Варлаама, и Антоній былъ увѣренъ, что теперь раздорники прекратятъ свои непріязненныя отношенія къ нему, признаютъ его одного владыкою московскимъ, и напротивъ откажутъ въ этомъ званіи Антонію новому. Въ этой пріятной увѣренности онъ и началъ уже оффиціально—отъ лица освященнаго собора бросать въ своего противника Антонія новаго тяжелые камни осужденія. Изъ этихъ послѣднихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе „Соборное предложеніе именующемуся московскимъ епископомъ Антонію“ отъ 26 дек. 1865 года. Въ немъ изчислялись и подводились подъ извѣстныя отеческія правила и постановленія многочисленныя вины Антонія новаго, дѣлались потомъ невыгодныя для него рѣшенія и заключенія, и въ особенности много говорилось на ту тему, что онъ есть „незаконный владыка по всѣмъ процедурамъ и обстоятельствамъ своего постановленія во епископа, и главнымъ образомъ потому, что былъ поставленъ не на вдовствующій престолъ, а на тотъ, гдѣ уже былъ свой законный епископъ Антоній старый“ и проч. (1).

Но какъ, повидимому, строги и убѣдительны ни были доводы „соборнаго предложенія“ Антонію новому, тѣмъ не менѣе онъ не убѣдился и не устрашился ими. Въ своемъ отвѣтѣ на нихъ онъ отвергъ всѣ изложен-

(1) Это «соборное предложеніе» помѣщено будетъ въ прилож. подъ № 2; отвѣтъ же на него Антонія новаго уже есть въ печати; именно: въ «Чтен. Импер. Общ.» 1868 г., кн. 3, смѣсь, стр. 191 и дал.

ныя въ „соборномъ предложеніи“ вины на него; не призналъ той мысли, что онъ есть незаконный епископъ, а напротивъ доказывалъ, что ему-то собственно и принадлежитъ московскій престолъ, и что Антоній старый есть самозванецъ и непризнанный владыка московскій. Этотъ отвѣтъ, не говоря уже о томъ, что былъ въ высшей степени непріятенъ Антонію старому,—заключалъ въ себѣ много непріятнаго и для всѣхъ окружниковъ. Такъ какъ онъ составленъ былъ, по всей вѣроятности, не безъ участія главныхъ вожатаевъ раздорнической партіи, то естественно его нужно считать выраженіемъ мнѣній всей раздорнической партіи, которая так. обр., не смотря и на то, что окружное было оффиціально уничтожено, все-таки изъ ненависти къ Антонію старому не хотѣла пойдти на миръ съ окружниками и отказаться отъ своего Антонія новаго, а напротивъ хотѣла совершенно во всемъ поставить дѣло по своему, и не уступить ни въ чемъ окружникамъ.

Въ этихъ послѣднихъ видахъ, т. е., чтобы плотнѣе сплотиться своею партіею около Антонія новаго, главные вожди раздорнической партіи послѣ всего описаннаго нами рѣшились наконецъ въ слухъ всѣхъ, открыто высказать самое крайнее и нелѣпое ученіе объ имени Іисусъ и о другихъ предметахъ, которыхъ касается окружное. Честь этого смѣлаго и беззастѣнчиваго образа дѣйствій принадлежала на этотъ разъ упоминаемому нами фанатику и вождю раздорнической партіи Давыду Антипову. Нужно замѣтить впрочемъ, что то ученіе, которое на этотъ разъ высказано было Давыдомъ Антиповымъ, и съ которымъ мы имѣемъ скоро познакомиться, не было его личнымъ мнѣніемъ; оно было достояніемъ почти всѣхъ противоокружниковъ, и уже такъ или иначе высказывалось нѣкоторыми изъ нихъ. Такъ еще въ 1863 году жители Павловскаго посада въ извѣстномъ уже намъ заявленіи отъ 12 мая говорили между прочимъ: „мы имени Іисусъ не приняли отъ отецъ и кланятися тому имени,

котораго не знаемъ, боимся, потому что св. отцы иному имени кланятися не повелѣли. Мы инаго Іисуса не пріемлемъ“ (1). Стало быть упомянутыя лица подъ именемъ Іисусъ, въ которомъ списатель посланія не нашелъ ничего предосудительнаго, разумѣли иное лице, хотя высказали это и несовсѣмъ опредѣленно. Гораздо опредѣленнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпѣе высказался объ этомъ въ 1864 году извѣстный намъ епископъ Софроній. Изверженный въ 1863 году изъ епископскаго сана (2), онъ удалился къ уральскимъ раскольникамъ (3), и тамъ въ 1864 году сталъ проповѣдывать ученіе прямо противоположное ученію, высказанному въ окружномъ посланіи. Онъ говорилъ, что „въ Россіи нынѣ господствующая церковь вѣруетъ во инаго Бога Іисуса, рожденнаго осьмью годами послѣ Спасителя міру Іса Христа, что подъ именемъ Іисуса должно подразумѣвать сына погибели—антихриста; что за царя не должно совершать на святой проскомидіи приношеніе, яко за служителя антихристова, что епископы издавшіи и пріемшіи окружное посланіе, отступили отъ истинныя вѣры, впали въ ересь и суть горше аріанъ; и что наконецъ въ окружномъ посланіи

---

(1) Чтен. Имп. Общ. ист. и древн., 1865 г., кн. 3, смѣсь, стр. 278.

(2) Это изверженіе Софронія изъ епископскаго сана состоялось 23 іюля 1863 года. Совр. лѣтоп 1867 г. № 22. Замѣчательный актъ объ этомъ, свидѣтельствующій о необыкновенныхъ продерзостяхъ онаго Софронія, см. въ приложен. № 3.

(3) Здѣсь замѣчательны были на первыхъ порахъ его отношенія къ тамошнему епископу Виталію, его, какъ мы знаемъ, преемнику. Софроній велъ съ нимъ свои дѣла довольно обдуманно и лукаво; вошелъ къ нему въ особое довѣріе, и въ короткое время вывелъ всѣ темныя стороны его предъ «духовнымъ совѣтомъ» Рогожцевъ, такъ что послѣдній, не смотря на личность доносчика, не могъ однакожъ не довѣрить по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ его доносовъ, и въ томъ же 1863 г. удалилъ Виталія на «покой», обставивши это рѣшеніе тѣмъ благовиднымъ обстоятельствомъ, что Виталій былъ слѣпъ, о чемъ впрочемъ узнано было едвали не отъ тогоже Софронія — Сборн. для ист. старообр. Попова, вып. V, стр. 208; Русск. Вѣстн 1865 г., мартъ, стр. 337.

заключается 120 ересей“ (1). Но и Софронія, и Павловскихъ жителей превзошелъ своимъ богохульствомъ Давыдъ Антиповъ въ своемъ открытомъ богословствованіи о предметахъ окружнаго посланія. Онъ вызванъ былъ къ этому слѣдующимъ случаемъ: 12 мая 1866 года въ Москву прибыли нѣкоторые изъ „благоразумныхъ христіанъ уральскихъ“, которые бывъ возмущены извѣстнымъ намъ нелѣпымъ ученіемъ Софронія, намѣрены были повѣдать объ этомъ собору „боголюбивыхъ епископовъ“. Послѣдніе, выслушавъ изъ устъ уральскихъ христіанъ ученіе Софронія, признали его „ложнымъ и богопротивнымъ“, и, воспользовавшись тѣмъ, что Софроній пребывалъ въ то время въ Москвѣ, предложили просителямъ уральскимъ—пригласить Софронія на „соборное разглагольствіе о его лжеученіи“; или, если онъ самъ не пойдетъ, просить его, чтобы онъ „поручилъ кому-либо за себя глаголати“. Софроній, какъ и нужно было ожидать, самъ отказался явиться на „соборное разглагольствіе“, а поручилъ вмѣсто себя просить Давыда Антипова, о коемъ и засвидѣтельствовалъ, что онъ съ нимъ во всемъ согласенъ, что онъ даже болѣе его знаетъ, и что̀ онъ скажетъ, то все будетъ свято“ (2). Уральскіе христіане обратились къ Давыду Антипову, который принялъ вызовъ на состязаніе, и во время „соборныхъ разглагольствій“, продолжавшихся въ теченіе семи дней, высказался самымъ закоренѣлымъ фанатикомъ противо-

---

(1) Совр. лѣтоп. 1867 г. № 22.

(2) При этомъ онъ высказалъ довольно оригинальное сужденіе о составителяхъ окружнаго. — «Посланіе, говорилъ онъ, составлено не нашими, — гдѣ имъ такъ написать! Его составляли четыре человѣка студенты, кои, по вся вечеры къ нимъ приходяще, цѣлыя ночи просиживая писаху, и написаша множество бумагъ, вѣсомъ болѣе пуда, и отъ тѣхъ составиша посланіе, а прочая вся, боящеся свѣтскаго начальства, въ рѣку ввергоша. А студенты-то знаете кто?—безбожники! Они составили посланіе и отъ нихъ можетъ ли что̀ добро быть»! Совр. лѣтоп. 1867 г. № 22.

окружникомъ (1). Вотъ его ученіе: „великороссійская церковь вѣруетъ въ сына сатаны; Іисусъ, въ котораго она вѣруетъ, есть не единосущный Отцу, и родился восемь лѣтъ спустя послѣ рождества Іса (Іисуса) Христа, крестъ четыреконечный никакой силы не имѣетъ и есть латинская ересь; совершаемое подъ четыреконечнымъ крестомъ жертвоприношеніе въ великороссійской церкви есть агнецъ неправедный, грѣшный, антихристъ; на святой проскомидіи приношеніе за царя (т. е. пятую просфору) не должно есть приносить; пророцы Илія и Енохъ не пріидутъ предъ кончиною міра сего, и послѣдняго антихриста не будетъ, поелику онъ уже царствуетъ въ великороссійской церкви подъ именемъ Іисусъ“ (2).

Когда Давыдъ Антиповъ высказался так. образ. объ имени Іисусъ, о крестѣ четыреконечномъ и проч., то нѣкоторые изъ московскихъ христіанъ, возмущенные его словами, послали къ митрополиту Кириллу нѣсколько вопросовъ. въ которыхъ просили его разрѣшить ихъ недоумѣніе по поводу высказанныхъ Давыдомъ Антиповымъ мыслей. Кириллъ пригласилъ отвѣтить на эти вопросы одного простолюдина, родомъ изъ Формова, Прокопа Лаврентьева Баженова, крайняго фанатика и изувѣра, упорнаго кривосказателя писанія и „искуснаго, по отзывамъ самихъ старообрядцевъ, съ давнихъ поръ творить раздоры“. Этотъ формосскій богословъ почти буквально повторилъ ересь Давыда Антипова. Онъ изложилъ на бумагѣ слѣдующее: 1) „Іисусъ есть инъ Богъ, есть антихристъ, и посему россійская, равно и греческая церковь вѣруетъ въ анти-

---

(1) Между тѣмъ какъ Давыдъ Антиповъ состязался съ окружниками и ратовалъ за богохульное ученіе своей партіи, Антоній второй и Софроній разъѣзжали въ Москвѣ по богатымъ домамъ и развращали слабые умы своими увѣреніями, что окружное посланіе составлено единственно для того, чтобы обратить всѣхъ старообрядцевъ къ единовѣрію.— Чтен. Имп. Общ. ист. и древн. 1869 г. кн. 1, стр. 204—205.

(2) Совр. лѣтоп. 1867 г. № 22.

христа; 2) антихристъ сей родился спустя восемь лѣтъ по рождествѣ Іисуса Христа; 3) родился отъ матери, также Маріи; 4) къ зачатію антихриста она также освящена была наитіемъ Св. Духа чрезъ слово архангела Гавріила; 5) сей-то антихристъ распятъ на двучастномъ крестѣ; 6) вѣрующіе въ него имѣютъ свое крещеніе, также во имя святой Троицы, свою хиротонію, свою просфору съ изображеніемъ четвероконечнаго креста" (1). Эти отвѣты утверждены были Кирилломъ и 15 сент. 1866 г. отправлены въ Москву съ особою граматою, въ которой между прочимъ говорилось: „посылаю на ваши вопросы сіи отвѣты вамъ во утвержденіе, чтобы не колебатися въ церковныхъ догматахъ" (2).

Итакъ противоокружники договорились наконецъ до конца. Теперь они имѣли свои догматы, утвержденные представителемъ высшей церковной іерархіи—митрополитомъ, догматы рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ, которые высказаны были въ окружномъ посланіи, и которыхъ окружники все время были поборниками. Въ этихъ вновь пересдактированныхъ догматахъ не было уже тѣхъ недомолвокъ и неопредѣленностей, которыми отличались прежнія нападенія противоокружниковъ на окружное посланіе. Здѣсь высказано было прямо, что признавать окружное посланіе, — значитъ исповѣдывать, вмѣсто Спасителя міра — Іисуса, антихриста.

Какъ ни нелѣпо было ученіе поименованныхъ нами старообрядческихъ ересеарховъ, тѣмъ не менѣе для противоокружниковъ, задавшихся цѣлію во что бы то ни стало одержать верхъ надъ окружниками, и огласить самое посланіе сочиненіемъ еретическимъ, и негожимъ для древлеправославныхъ христіанъ, оно было послѣдовательно и неизбѣжно. Можетъ быть лица, по-

(1) Совр. лѣтоп. 1867 г. № 16.

(2) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1870 г. стр. 130 въ прилож.

добные Софронію и Давыду, высказывая подобное ученіе, и сами сознавали, что они говорятъ нелѣпость; но во всякомъ случаѣ въ силу логической послѣдовательности имъ рано или поздно нужно было такъ высказаться, потому что—называть посланіе еретическимъ, обзывать держащихся его именемъ еретиковъ, и въ тоже время не указывать въ посланіи ни одной ереси, — значило говорить голословно. А это невыгодно вообще во всякомъ спорѣ, а тѣмъ болѣе въ томъ, какой вели тогда окружники съ противоокружниками. Для нихъ побѣда и пораженіе не могли быть явленіями безразличными. Съ тою и другимъ у нимъ связывалось много хорошихъ или дурныхъ послѣдствій. Для вождей напр. раздорнической партіи, такъ сильно желавшихъ и при новомъ порядкѣ дѣлъ сохранить за собою важное и первенствующее значеніе въ расколѣ, и старавшихся подбирать на высшія іерархическія степени такихъ лицъ, которыя бы были игрушкою въ ихъ рукахъ и слѣпымъ орудіемъ для ихъ эгоистическихъ цѣлей, признать себя побѣжденными значило не только испытать временно непріятное состояніе людей побѣжденныхъ, но и навсегда отказаться отъ желаемаго преобладанія въ расколѣ, и уступить первенство такимъ лицамъ, съ которыми многіе изъ нихъ имѣли много личныхъ непріятностей. И вотъ подъ вліяніемъ этихъ чисто эгоистическихъ цѣлей изъ устъ Софронія и Давыда, какъ лицъ болѣе другихъ недовольныхъ епископами окружниками и сдѣлавшихъ съ самаго начала окружное посланіе орудіемъ для своихъ цѣлей, и вылилось такое богохульное ученіе, что Іисусъ есть другое лице, чѣмъ Іисусъ, что крестъ четырехконечный есть латинская ересь и проч.

Что дѣйствительно отысканіе такихъ ересей въ окружномъ посланіи вызвано было именно указанными нами мотивами, и что отсюда, въ планахъ раздорниковъ оно было не само цѣлію, а только средствомъ для окончательнаго торжества ихъ надъ окружниками, это ясно доказали раздорники послѣдующими своими

дѣйствіями. Такъ. обвинивъ окружное посланіе въ ересяхъ, они не стали ожидать разъясненія дѣла со стороны окружниковъ, а немедленно приступили къ исходатайствованію у Кирилла формальнаго утвержденія своего Антонія въ должности епископа московскаго, и затѣмъ анаѳемы и окончательнаго рѣшенія на окружное посланіе и на окружниковъ. чтобы так. обр. окончательно восторжествовать надъ своими противниками. Въ этихъ видахъ въ томъ же 1866 году составлены были Давыдомъ Антиповымъ отъ имени Кирилла двѣ граматы: одна на имя Антонія перваго, а другая на имя Антонія втораго, изъ коихъ въ первой Антоній, равнымъ образомъ Пафнутій казанскій и всѣ защитники окружнаго посланія подвергались отлученію и анаѳемѣ, какъ еретики, съ которыми отселѣ не подобаетъ имѣть никакого общенія и которые должны быть принимаемы (т. е. въ общество раздорниковъ) не иначе, какъ третьимъ чиномъ (1); а во второй—Антонію новому предоставлялись всѣ права дѣйствительнаго московскаго епископа: ему повелѣвалось устроить духовный совѣтъ изъ трехъ іереевъ и шести мірскихъ старшинъ, и затѣмъ для полноты и дальнѣйшаго обезпеченія отдѣльной раздорнической іерархіи—поставить новаго архіерея вкупѣ съ единомышленными ему епископами, или же одному съ священноіереями. — Обѣ эти граматы отправлены были въ Бѣлую Криницу, и 11 октября 1866 года утверждены были Кирилломъ (2).

Въ этихъ граматахъ было уже слишкомъ много такого, чѣмъ противоокружники имѣли полное право гордиться, и на основаніи чего—считать себя побѣдителями; но къ ихъ, можетъ быть, неудовольствію, окруж-

---

(1) При этомъ Пафнутій казанскій осуждался на десятилѣтнее сухоядѣніе, съ воспрещеніемъ употреблять въ пищу даже растительное масло; а у Варлаама балтовскаго отнималась его епархія и передавалась Софронію, проживавшему въ то время въ Куреневскомъ монастыря.—Совр. лѣтопись, 1866 г. № 43.

(2) Душеп. чтен. 1867 г. февр., стр. 81—87.

ники настолько еще считали себя сильными, что не хотѣли признать себя побѣжденными, и на этотъ разъ рѣшились пустить въ ходъ одну весьма крупную попытку противодѣйствія своимъ врагамъ. Попытка эта состояла въ слѣдующемъ. Такъ какъ поддержанію и усилію происходившихъ въ расколѣ смутъ изъ-за окружнаго посланія весьма много содѣйствовалъ Кириллъ своими безразсудными и противорѣчивыми граматами, что̀ для защитниковъ окружнаго посланія было не безъизвѣстно; то послѣдніе задались цѣлію — лишить Кирилла на будущее время права—издавать свои граматы и дѣлать какія-либо распоряженія по общимъ церковнымъ дѣламъ у старообрядцевъ, или, если можно будетъ, окончательно устранить его отъ управленія митрополіей. Дѣйствительно, задуманное окружниками было однимъ изъ радикальныхъ средствъ—положить конецъ безразсуднымъ распоряженіямъ Кирилла, и чрезъ то хотя нѣсколько умѣрить происходящую въ расколѣ распрю; но къ несчастію это намѣреніе родилось такъ поздно, что трудно было ожидать отъ исполненія его тѣхъ благихъ послѣдствій, какихъ разсчитывали достигнуть чрезъ него окружники. Положеніе Кирилла въ то время было таково, что никакими мѣрами, предпринимаемыми окружниками, какъ бы онѣ строги и рѣшительны ни были, нельзя было оттереть его отъ вмѣшательства въ дѣла русскихъ старообрядцевъ, и сдѣлать его безправнымъ на это. Объявивъ себя за-одно съ раздорниками, и огласивъ окружниковъ еретиками, онъ могъ стать подъ защиту первыхъ, и не обратить никакого вниманія на то, что̀ замышляли противъ него послѣдніе, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе, какъ еретики, уже по одному этому теряли всякую компетентность суда надъ своимъ митрополитомъ, и послѣдній поэтому могъ вмѣнить ихъ судъ за ничто для себя.—Все это, можетъ быть, и предвидѣли окружники, но тѣмъ не менѣе задуманное рѣшились привесть въ исполненіе. Они составили подробное и обстоятельное изложеніе всѣхъ противозаконныхъ по-

ступковъ Кирилла съ подведеніемъ соборныхъ правилъ, опредѣляющихъ мѣру наказанія за каждый изъ таковыхъ, и это изложеніе за подписомъ Антонія, Варлаама, Савватія и Іова (въ лицѣ іерея Василія) отправили чрезъ Пафнутія казанскаго и Ипполита къ заграничнымъ епископамъ, съ тѣмъ, чтобы по разсмотрѣніи его сими послѣдними предложить Кириллу добровольно сложить съ себя званіе и власть митрополита, или, если онъ не пожелаетъ воспользоваться этимъ снисхожденіемъ, подвергнуть его низложенію по точной силѣ церковныхъ правилъ. Посланные прибыли къ заграничнымъ старообрядцамъ, изложили передъ ними свой планъ и встрѣтили съ ихъ стороны полнѣйшее сочувствіе своему дѣлу. Всѣ главные представители ихъ, какъ то: Аркадій васлуйскій, Аркадій славскій, Іустинъ тульчинскій, Евфросимъ и другіе депутаты подписались подъ обвинительнымъ актомъ надъ Кирилломъ (1), и вмѣстѣ съ московскими послами въ началѣ ноября 1866 года отправились въ Бѣлую Криницу, чтобы тамъ соборнѣ произнести судъ надъ Кирилломъ.

Прибывъ въ Бѣлую Криницу, они „нашли Кирилла (который уже былъ предваренъ объ ихъ намѣреніи), по описанію Аркадія славскаго, окруженнымъ богокорчемниками, упоенными виномъ безумія, которые встрѣтили ихъ, не имѣя намордниковъ, громко лаяли и пожирали недарованная имъ, объявили имъ цѣну цѣненнаго, егоже оцѣниша сынове Израилевы. Общимъ гласомъ восклицали: что̀ намъ хощете дати, и мы вамъ предадимъ Христа? Степанъ попъ назначалъ цѣну 600 р. сер., и все будетъ свято, т. е. святитель въ вашихъ рукахъ (т. е. будетъ). Акинфъ (бѣлокриницкій мужикъ, имѣвшій важное вліяніе на Кирилла) другимъ напѣвомъ отвѣчалъ: мнѣ обѣщали со стороны

(1) Этотъ весьма интересный актъ съ нѣкоторыми добавленіями, внесенными въ него послѣ, напечатанъ въ «Совр. лѣтоп. раск.» вып. 1870 г. стр. 61—166 въ приложен.

Ефима Крючкова 1,000 руб., а вы должны дать болѣе". Епископы, конечно, отказались отъ этого постыднаго подкупа и приступили къ дѣлу, за которымъ прибыли. Въ кельяхъ Кирилла они открыли соборное засѣданіе, но ничего не успѣли еще сдѣлать на немъ, какъ въ келью вошли подъ предводительствомъ упомянутаго Акинфа Васильева три представителя бѣлокриницкаго общества: Иванъ Поповичъ, Дей Парамоновъ и Василій Перепелка, далеко не трезвые, и въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ потребовали отъ бѣлокриницкихъ гостей—немедленно же убираться вонъ,—угрожая въ противномъ случаѣ представить ихъ начальству. Прибывшіе гости принуждены были оставить Бѣлую Криницу и переѣхали въ Баташаны (городъ ближайшій къ молдавской границѣ), приглашая туда пожаловать и Кирилла. Но послѣдній долго не являлся, и епископамъ пришлось ждать его до двухъ недѣль. Только послѣ этого онъ въ сопровожденіи: Акинфа, попа Никиты и попа Степана прибылъ въ Баташаны. 28 ноября открыто было соборное засѣданіе; но на немъ успѣли только выпытать признаніе у Кирилла въ подписи имъ извѣстной ереси Прокоповой; а какъ только приступили къ чтенію обвинительнаго акта, и едва успѣли прочитать нѣсколько строкъ, то тутъ повторилась сцена достойная Кирилла и его сподвижниковъ (1). Попъ Степанъ всталъ съ своего мѣста, молча вышелъ изъ комнаты и обратился къ своему другу Акинфу съ словами: „что вы тутъ зѣваете? Вѣдь владыку-то нашего совсѣмъ рѣшаютъ". Акинфъ, успѣвшій уже къ тому времени навербовать изъ баташанскихъ раскольниковъ подобныхъ

(1) Хороша картина, какъ чувствовалъ себя Кириллъ во время чтенія обвинительнаго акта. — «Въ это время, какъ передается въ одномъ старообрядческомъ документѣ, онъ измѣняшеся лицемъ отъ негодованія, и въ порывѣ гнѣва творяше пресѣченіе чтенію: воставаше отъ мѣста и хождаше сѣмо и овамо, укоряя епископы, яко осмѣлишася обличати его». (Совр. лѣтоп. раск. вып. 1870 г., стр. 146 въ прилож.).

себѣ людей, по зову Степана тотъ-часъ ворвался съ ними въ комнату, гдѣ происходило засѣданіе, осыпалъ бранью епископовъ, и, схвативъ Кирилла подъ руки, увезъ его въ Формосъ. Послѣ этого епископамъ не оставалось больше надежды—разсуждать о поступкахъ Кирилла въ присутствіи его самого, а оставалось судить его за-очно. Съ этою цѣлію они уѣхали въ Яссы, и тамъ 7 декабря написали заявленіе къ Кириллу о томъ, что ему съ этого времени воспрещается священнодѣйствовать впредь до будущаго „большаго собора“, который изготовитъ ему окончательное рѣшеніе. Но и Кириллъ въ продолженіе этого времени не остался бездѣятельнымъ. 4, 5 и 6 дек. и онъ подписалъ нѣсколько запретительныхъ граматъ на всѣхъ тѣхъ епископовъ и духовныхъ особъ, которые покушались судить его ([1]).

Так. образ. попытка окружниковъ—окончательно обвинить Кирилла, сдѣлать его безправнымъ издавать какія бы то ни было распоряженія по части раскола, и лишить его такимъ путемъ всякой возможности поддерживать происходящую въ австрійскомъ согласіи распрю,—кончилась неудачею. Раздорники дружно „постояли за своего владыку“, и не только выгородили его изъ подъ всякой отвѣтственности по обвиненіямъ на него окружниковъ, но и достигли (конечно безъ особенныхъ трудовъ) того, что онъ издалъ запретительныя граматы на своихъ обвинителей. Такой исходъ баташанскаго собора конечно очень скоро сдѣлался извѣстенъ въ Москвѣ и послужилъ для тамошнихъ раздорниковъ однимъ изъ сильныхъ побужденій продолжать въ прежнемъ духѣ и направленіи такъ энергично веденное доселѣ дѣло окончательнаго обособленія своего отъ окружниковъ и обвиненія этихъ послѣднихъ передъ всѣмъ старообрядческимъ міромъ.

([2]) Душеп. чтен. 1867 г. февр. въ извѣст. и зам. статья «Нѣсколько словъ о новѣйшихъ событіяхъ въ расколѣ».

Мы знаемъ уже, что московскіе раздорники исходатайствовали у Кирилла грамату съ анаѳематствованіемъ и окончательнымъ отлученіемъ отъ церкви всѣхъ защитниковъ окружнаго посланія. Теперь оставалось только подкрѣпить это анаѳематствованіе формальнымъ согласіемъ на него главныхъ вождей московскихъ раздорниковъ, пожалуй—повторить проклятіе на окружное посланіе, и затѣмъ уже распустить все это по всему широкому старообрядческому міру. Придать этому дѣлу соборную обстановку представлялось, конечно, всего благовиднѣе, поэтому раздорники и поступили именно такъ. — 25 янв. 1867 года они составили въ Гуслицахъ соборъ подъ предсѣдательствомъ своего Антонія, въ присутствіи десяти поповъ—большею частію запрещенныхъ и изверженныхъ—и непремѣнныхъ вожатаевъ раздорнической партіи: Крючкова и Давыда Антипова. На этомъ соборѣ къ прежнимъ видамъ окружнаго посланія, — къ его якобы еретическимъ мнѣніямъ, — присоединены были еще нѣкія „лукавыя оболганія и ложныя доказательства“, которыя будто бы допущены въ окружномъ посланіи. Это „лукавое оболганіе“, по мнѣнію раздорниковъ, заключалось въ шестой статьѣ окружнаго посланія, гдѣ говорится: „завѣщеваемъ и молимъ вкупѣ съ верховнымъ апостоломъ Павломъ: творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, изряднѣе же о здравіи и о спасеніи и о царской побѣдѣ... Великаго Государя нашего..., о немъ же и на святой проскомидіи божественной литургіи, въ числѣ великихъ седми, пятая приносится просфора“... На это гуслицкій актъ глубокомысленно замѣчаетъ: „еще указали на апостолъ, 282 зачало, о просфорѣ. И тутъ не убоялись, толь великаго учителя всей вселенной дерзнули оклеветать своими ложными клеветами, и глаголютъ, что здѣсь апостолъ писалъ о просфорѣ. Напрасно на него неправду глаголите. Апостолъ пишетъ: „молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, благодаренія за вся человѣки, за царя, и за вся, яже во власти суть. Апо-

столъ приказалъ намъ за весь міръ молитися, за вѣрныхъ и невѣрныхъ, дабы всѣ ко спасенію пришли. А о просфорѣ здѣ ни единаго слова не упомянулъ апостолъ. Зачѣмъ же окружники своимъ окружнымъ посланіемъ толь великаго учителя не устрашились оболгати"? — „За таковыя лукавыя оболганія, говорится въ заключеніе гуслицкаго акта, и ложныя доказательства, со всѣми въ немъ (окружномъ посланіи) неправильными статьями, окружное посланіе опровергаемъ и проклинаемъ... Аще ли (пріемлюще оное) благодатію Божіею пріидутъ въ раскаяніе, то сіи раздорницы да проклинаютъ свой раздоръ, сирѣчь окружное посланіе. и аще кто изъ православныхъ христіанъ (т. е. изъ раздорниковъ) сію ложную книжку (окр. посл.) будетъ за православную почитать... таковые да будутъ прокляты" (1).

Высказавъ теперь рѣшительное осужденіе окружнаго посланія, и огласивъ формально окружниковъ именемъ еретиковъ, раздорники, считая только свою партію истинною церковію, присвоили вмѣстѣ съ тѣмъ только себѣ право распоряжаться судьбами старообрядческаго міра. Это и не замедлило выразиться въ послѣдовавшемъ вскорѣ послѣ этого избраніи намѣстника бѣлокриницкой митрополіи.

Извѣстно, что намѣстникомъ бѣлокриницкой митрополіи былъ извѣстный уже намъ Онуфрій, епископъ браиловскій. Но въ 1865 году онъ, какъ разскажемъ въ своемъ мѣстѣ, перешелъ уже въ православіе; должность намѣстника при Кириллѣ осталась так. обр. свободною, и въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ оставалась никѣмъ не занятою. А между тѣмъ, въ силу утвержденнаго австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ „устава бѣлокриницкой митрополіи", митрополитъ непремѣнно долженъ имѣть при себѣ намѣстника, который бы могъ современемъ занять его мѣсто, что и для раскольниковъ необходимо было, какъ вѣрное обез-

(1) Душеп. чтен. 1867 г., май, изв. и зам., стр. 24—26.

ченіе дальнѣйшаго существованія ихъ митрополіи. Такъ какъ для существовавшихъ въ расколѣ партій весьма важно было имѣть намѣстникомъ лице, болѣе подходящее къ духу и направленію извѣстной партіи, то естественно и въ вопросѣ о намѣстникѣ каждая партія тянула въ свою сторону и хотѣла поставить дѣло по своему. Вслѣдствіе этого вопросъ о намѣстникѣ остался нерѣшеннымъ до 1867 года. Въ началѣ этого года раздорники, произнесши окончательный приговоръ на окружниковъ, и предавъ ихъ анаѳемѣ, признали ихъ безправными дѣлать какія-либо распоряженія, касающіяся общихъ интересовъ раскола, оставивъ это право за собою и стоящимъ во главѣ ихъ митрополитомъ—Кириллом. Послѣ этого они и нашли весьма благовременнымъ заняться вопросомъ о намѣстникѣ, и не иначе, конечно, какъ въ интересахъ своей партіи и особнякомъ отъ окружниковъ. Кандидатъ на эту должность у нихъ давно уже имѣлся въ виду. Это былъ одинъ инокъ бѣлокриницкаго монастыря Антоній, въ мірѣ называвшійся Абрамомъ Родивоновымъ. Родился онъ въ Россіи; служилъ нѣкогда въ уланахъ, затѣмъ бѣжалъ въ Буковину, гдѣ и принялъ австрійское подданство. Въ мѣстѣ новаго жительства онъ занимался огородничествомъ, и затѣмъ въ 1862 году, овдовѣвъ, поступилъ въ монастырь. По своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ онъ былъ человѣкомъ, вполнѣ подходящимъ для раздорнической партіи, которымъ она могла владѣть и распоряжаться, какъ ей было угодно. Онъ былъ малограмотенъ и безхарактеренъ даже больше, чѣмъ Кириллъ, и при этомъ „весьма ограниченнаго ума, какъ выражался о немъ одинъ чиновникъ австрійскій, и безгласенъ какъ рыба“. По мнѣнію этого же чиновника „отцу Антонію нужно было еще многому научиться, чтобы достигнуть архіерейства“. Но разсуждать объ умственныхъ качествахъ будущаго намѣстника митрополіи, заботиться о томъ, можетъ ли онъ быть хорошимъ правителемъ въ старообрядчествѣ, и не думали раздорники. Имъ

хотѣлось только, чтобы Кириллъ поскорѣе посвятилъ его во архіерея и возложилъ на него обязанности митрополичьяго намѣстника. Къ этому и приступили раздорники лѣтомъ 1867 года.

Крайнимъ срокомъ для посвященія Антонія назначено было 8 сент. указаннаго года. „Приготовленія къ этому дню, дню торжества раздорнической партіи, сдѣланы были чрезвычайныя. Неподалеку отъ главнаго монастырскаго корпуса, гдѣ жилъ митрополитъ, прямо противъ его балкона, была построена длинная галлерея, убранная зеленью и украшенная флагами; во всю ея длину накрытъ былъ приглашенными изъ города кондитерами обѣденный столъ; посреди одной изъ стѣнъ были повѣшены между двумя большими зеркалами портреты австрійскаго императора и его супруги, прямо противъ нихъ поставленъ былъ диванъ для почетнѣйшихъ гостей. Отъ среднихъ церковныхъ дверей проведена была къ галлереѣ прямая, широкая дорога, усаженная ёлками съ обѣихъ сторонъ, для чего порубили много яблонь съ плодами, которыя дорогой цѣны стоили. По сторонамъ этой дороги развѣвались утвержденные въ землю два большіе флага“.

„При посвященіи, говоритъ одинъ очевидецъ, въ церкви народу было не мало, но болѣе бабъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ, тоже и соколинскихъ. А присутствующихъ съ митрополитомъ вмѣсто двухъ или трехъ епископовъ, какъ правила св. отецъ повелѣваютъ, были четыре попа: Степанъ, Никита, Сысой и Григорій формосскій, да одинъ діаконъ, недавно поставленный. Когда же на орлѣ стоя, вычитывалъ символъ вѣры новопоставленный архіерей, то такъ его прочиталъ непонятно, какъ мальчики читаютъ, которыхъ некому поучить, чтобы на точкахъ останавливались, не спѣшили. Итакъ слабоумный, замѣчаетъ тотъ же очевидецъ, поставилъ вмѣсто себя еще нефигурнѣй,—сами липованы говорятъ: „поведи продавать, не дадутъ и двѣ левки“ (мелкія монеты). Во время пиршества ужасно гремѣли пушечные выстрѣлы, а когда

подали шампанское вино, то пѣли многолѣтіе Кириллу, новопоставленному епископу, царю и форштееру“ (1).— Так. обр. раздорническая партія все болѣе и болѣе осиливала окружниковъ и торжествовала надъ ними: ей почти все время удавалось держать Кирилла въ своихъ рукахъ, и заставлять его дѣлать то, что ей угодно было.

Но какъ, повидимому, ни прочно было въ это время положеніе раздорниковъ, и какъ ни благопріятенъ былъ для нихъ исходъ послѣдняго ихъ предпріятія, касавшагося избранія намѣстника митрополіи, тѣмъ не менѣе они на этомъ не успокоились. Незаконность избранія и поставленія намѣстника митрополіи, или точнѣе непрочность основаній, на которыхъ опиралось это раздорническое предпріятіе, и которыя главнымъ образомъ вытекали изъ анаѳематствованія, произнесеннаго на соборѣ 25 янв. 1867 года на окружное посланіе и окружниковъ,—ясно чувствовались раздорниками, и побуждали ихъ къ болѣе важному и видному предпріятію, чѣмъ какимъ былъ упомянутый нами соборъ. Такимъ важнымъ предпріятіемъ представлялся на этотъ разъ раздорникамъ тоже соборъ, но уже не частный, какимъ былъ соборъ гуслицкій 25 янв. 1867 года, но большой, всеобщій, вселенскій, на которомъ, думалось имъ, произнесенное анаѳематствованіе будетъ сильнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ анаѳематствованіе частнаго собора. Неизвѣстно, кому изъ раздорниковъ въ частности принадлежала эта мысль, только главнымъ выполнителемъ ея явился самъ бѣлокриницкій владыка Кириллъ. Онъ распорядился — быть этому большому собору лѣтомъ 1868 года, въ Бѣлой Криницѣ, и разослалъ уже по старообрядческимъ мѣстамъ пригласительныя на этотъ соборъ граматы.

Окружники, испытывавшіе до сего времени почти все однѣ неудачи въ своихъ попыткахъ—умиротворить

---

(1) Русск. Вѣстн. 1867 г., окт., стр. 597—598.

расколъ, и не желавшіе еще окончательно разрывать своихъ связей съ раздорниками, устремились своими надеждами къ этому предполагаемому послѣдними большому собору, думая, что авось, можетъ быть, на немъ удастся надлежаще потолковать о причинахъ существовавшихъ въ расколѣ раздоровъ, устранить и выяснить недоразумѣнія на счетъ этихъ причинъ, и затѣмъ помириться съ раздорниками и тѣмъ положить конецъ бывшимъ до сего времени волненіямъ, смутамъ и неурядицамъ. Конечно, возлагать подобныя пріятныя надежды на предполагаемый бѣлокриницкій соборъ окружникамъ, сильно желавшимъ умиротворенія ихъ согласія, — было очень естественно, но за то на основаніи предшествовавшихъ фактовъ,—было и весьма неосновательно. Мы знаемъ уже, какъ далеко зашли раздорники въ своихъ нападеніяхъ на окружное посланіе и окружниковъ. Провозгласивъ устами Софронія, Давыда Антипова, Прокопа и наконецъ самого Кирилла богомерзкую ересь, они тѣмъ самымъ прорыли такой громадный ровъ между собою и окружниками, что стянуть берега его невозможно было никакими усиліями. Уже по одному этому окружникамъ можно было заранѣе быть увѣренными, что предполагаемый соборъ не дастъ тѣхъ результатовъ, которыхъ они ожидали отъ него. Къ тому же — этотъ соборъ имѣлъ совершиться исключительно въ интересахъ раздорнической партіи, а отнюдь не въ интересахъ вообще раскола, что̀ еще болѣе увеличивало невозможность указаннымъ путемъ „достигнуть благаго единомыслія въ расколѣ и согнанія всѣхъ овецъ во едину ограду“. Но не смотря на это, не только раздорники, но и окружники ожидали времени, назначеннаго для открытія собора, и дѣлали свои приготовленія къ нему.

Что касается первыхъ, то они заранѣе порѣшили не дѣлать на соборѣ никакихъ уступокъ окружникамъ. Руками своихъ представителей: Давыда Антипова и Крючкова они еще ранѣе собора составили актъ совершенно въ своемъ раздорническомъ духѣ, т. е. съ

проклятіемъ на окружное посланіе и окружниковъ и съ признаніемъ Антонія втораго дѣйствительнымъ владыкою московскимъ,—и этотъ актъ имѣли предложить на соборѣ для подписи всѣмъ, желавшимъ быть съ ними въ общеніи. Въ успѣхѣ своего плана они нисколько не сомнѣвались, потому что Кириллъ былъ въ ихъ рукахъ и возвысить голосъ противъ ихъ требованій не могъ.

Совсѣмъ не такъ самоувѣренно, хотя и не совсѣмъ безнадежно, вели свои приготовленія къ собору окружники. Предвидя напередъ, что главнымъ предметомъ спора на ожидаемомъ соборѣ будетъ окружное посланіе, и зная изъ неоднократныхъ опытовъ, какъ вообще неуступчивы въ этомъ вопросѣ бываютъ раздорники, они не безъ смущенія ожидали этого собора. Имъ хотѣлось устроить и церковный миръ и въ тоже время сохранить и окружное посланіе. А такъ какъ эти предметы казались трудно примиримыми, то они заранѣе задавались вопросомъ, какъ имъ поступить на будущемъ соборѣ. Тѣ изъ нихъ, которые искренно привержены были къ окружному посланію, напередъ порѣшили — ни въ какомъ случаѣ не жертвовать имъ въ пользу мира съ раздорниками, и если послѣдніе не согласятся на принятіе окружнаго посланія, то и не заключать съ ними мира. Въ этомъ духѣ они написали къ Аркадію славскому, имѣвшему присутствовать на соборѣ, письмо, въ которомъ убѣдительнѣйше просили его „постараться на соборѣ побѣдить всѣхъ противляющихся истинѣ (т. е. ученію выраженному въ окружномъ посланіи), оправдать прежнее свое „мнѣніе“ о немъ (т. е. объ окружномъ посланіи) (1), и если это не возможно будетъ, то по крайней мѣрѣ не увлечись съ дѣлатели беззаконія (т. е. Кирилломъ и его сто-

(1) Въ одномъ изъ своихъ прежнихъ писемъ въ Москву Аркадій славскій писалъ между прочимъ, что «и мученическою смертію нельзя отрещися окружнаго посланія». Это-то «мнѣніе» и разумѣется въ приводимомъ нами письмѣ московскихъ окружниковъ къ Аркадію славскому.

ронниками) въ мрежу нечестія. У насъ, писали они, только и надежды на двѣ особы:—ваше преосвященство и любимаго Пафнутія епископа казанскаго (1). Но если и ваше преосвященство согласитесь съ Кирилломъ во единомысліе, или будете молчаливымъ потаковникомъ, то мы вынуждены будемъ и съ вами распрощаться, хотя и съ величайшею горестію" (2)...

Такъ, говоримъ, порѣшили дѣйствовать на соборѣ истинные окружники. Тѣже изъ окружниковъ, которые больше заботились о собственныхъ интересахъ, чѣмъ объ интересахъ раскола, и которые изъ предстоявшаго собора надѣялись извлечь больше выгодъ лично для себя, въ пользу мира съ раздорниками съ удовольствіемъ готовы были пожертвовать и окружнымъ посланіемъ. Представитель этого класса людей—архіепископъ Антоній просилъ въ своемъ письмѣ Аркадія славскаго всячески позаботиться на предстоящемъ соборѣ о заключеніи мира съ раздорниками, не стѣсняясь много судьбою окружнаго посланія, лишь бы только соблюдено было главное условіе,—признаніе его, Антонія,—архіепископомъ московскимъ,—и на заключеніе такого мира отдавалъ Аркадію въ полное распоряженіе свой собственный голосъ (3).

Уже на основаніи однихъ этихъ приготовленій къ будущему собору какъ окружниковъ, такъ и раздорниковъ, можно было заранѣе предполагать, что на этомъ соборѣ будутъ однѣ только разногласія, и что единства тамъ никакого не будетъ. Такъ дѣйствительно и случилось.

---

(1) Былъ и еще человѣкъ весьма надежный въ спорѣ объ окружномъ посланіи,—это Варлаамъ балтовскій, но онъ умеръ въ мартѣ 1868 г. Что же касается Антонія Шутова, то окружники нисколько не считали его своимъ сторонникомъ. «Онъ, говорили они, готовъ душу свою положить за московскій престолъ, но отнюдь не за истину».

(2) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1869 г., стр. 49—54 въ прилож.

(3) Тамъ же, стр. 27.

Къ назначенному для собора сроку (къ 29 іюня) собрались въ Бѣлую Криницу депутаты изъ разныхъ старообрядческихъ мѣстъ. Сюда прибыли изъ Москвы главные представители раздорнической партіи: Крючковъ, Давыдъ Антиповъ и Садовницкій попъ Василій Бухаревъ, а также и изъ другихъ мѣстъ — не менѣе рьяные противоокружники, въ родѣ Прокопа и ему подобныхъ. Сюда же прибыли и депутаты отъ московскихъ окружниковъ: Смѣсовъ и попъ, влад. губер. города Шуи деревни Чижевой, Евменій,—а также— депутаты отъ черниговскихъ слободъ и всѣ наличные заграничные епископы: Аркадій славскій и Аркадій васлуйскій (1) съ нѣсколькими духовными и мірскими особами. До окрытія собора окружники и противоокружники держали себя особнякомъ другъ отъ друга, и каждая сторона въ одиночку толковала о томъ, какъ дѣйствовать на соборѣ. Противоокружники и теперь остались вѣрны своимъ прежнимъ намѣреніямъ и планамъ, и не входили ни въ какія сношенія съ окружниками. Духовныя особы изъ числа послѣднихъ даже не приглашены были Кирилломъ къ сослуженію съ нимъ церковныхъ службъ. Это послѣднее обстоятельство поставило окружниковъ еще въ болѣе робкое положеніе, чѣмъ въ какомъ они находились раньше, и вызвало въ нихъ намѣреніе—сдѣлать своимъ противникамъ значительныя уступки. На предварительномъ совѣщаніи они, въ виду тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились по отношенію къ раздорникамъ, и съ цѣлію какимъ бы то ни было способомъ прекратить раздоръ въ старообрядчествѣ, порѣшили не стоять за окружное посланіе, и согласиться на то, чтобы оно не принималось въ руководство, и даже было бы изъято изъ употребленія, какъ виновное въ причиненіи раздора; но не отказываться отъ изложеннаго въ немъ ученія, — условились также

(1) Тульчинскій Іустинъ, въ то время былъ уже въ единовѣріи.

не противиться и признанію Антонія новаго въ званіи дѣйствительнаго епископа, но не уступать при этомъ и правъ, принадлежащихъ архіепископу Антонію. Въ вознагражденіе за всѣ эти уступки они порѣшили однакожъ никакъ не соглашаться на принятіе еретическихъ ученій Прокопа и Давыда, и не допускать унизительнаго для окружниковъ опредѣленія, чтобы они приносили прощеніе предъ раздорниками и были принимаемы въ общеніе съ ними третьимъ чиномъ (1).

Съ этимъ предварительно выработаннымъ рѣшеніемъ окружники и отправились на первое соборное засѣданіе (1 іюля). Аркадій славскій, какъ представитель окружниковъ, чтобы не дать другимъ сдѣлать такую постановку вопросовъ, которая могла бы клониться не въ пользу его сторонниковъ, первый рѣшился говорить. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ онъ предложилъ собору сдѣлать постановленіе, чтобы окружное посланіе, надѣлавшее столько бѣдъ и раздоровъ, не принималось больше въ руководство у старообрядцевъ, и вмѣнилось яко не бывшее. Это предложеніе встрѣчено было со стороны раздорниковъ полнымъ согласіемъ, и Аркадій сталъ было уже испрашивать благословеніе у Кирилла — „писать бумагу въ этомъ смыслѣ“. Но тутъ вмѣшался въ дѣло Давыдъ Антиповъ и испортилъ все. Онъ хорошо понималъ, что сущность дѣла заключается не въ томъ, чтобы уничтожить посланіе и вмѣнить его яко не бывшее, а въ томъ, какъ уничтожить, т. е. изъять ли его только изъ употребленія, или вмѣстѣ съ тѣмъ и предать проклятію, какъ еретическое, и сторонниковъ его, т. е. исповѣдующихъ содержащееся въ немъ ученіе, какъ еретиковъ, подвесть подъ церковное чинопріятіе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ, какъ мы замѣтили выше, съ своими сторонниками еще въ Москвѣ соста-

(1) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1869 г., стр. 35.

вилъ постановленіе, которое и предложилъ теперь вниманію собора съ требованіемъ, чтобы оно утверждено было всѣми присутствующими на соборѣ. Это обстоятельство разрушало въ самыхъ основахъ замышленное окружниками хитроумное дѣло. Согласиться на требованіе Давыда они, согласно своимъ предварительнымъ совѣщаніямъ, не могли, и объявили рѣшительно, что проклинать посланіе не за что, ибо ересей въ немъ нѣтъ (1). Послѣднее замѣчаніе окружниковъ подало поводъ къ шумнымъ преніямъ и распрямъ. Оно развязало языкъ раздорникамъ и вызвало ихъ высказаться совершенно въ духѣ Давыда и Прокопа. „Какъ, завопили они, нѣтъ въ окружномъ посланіи ересей? Оно не исповѣдуетъ быти въ россійской церкви инаго бога; сѣновный, четырехконечный крестъ признаетъ истиннымъ крестомъ Христовымъ, за еретика (т. е. государя) просфору приносить повелѣваетъ. Мало ли въ немъ ересей?“ — Окружники съ своей стороны вынуждены были высказаться болѣе прямо. Они сказали: что „все это не ереси, а правое ученіе; ереси проповѣдуете вы и вашъ Прокопъ Лаврентьевъ; вотъ его богопротивное ученіе необходимо предать проклятію“! Раздорники не смутились и этимъ уколомъ, и въ доказательство правоты своего ученія сослались на то, что оно утверждено самимъ Кирилломъ. Вопросъ объ окружномъ посланіи оставался так. обр. въ прежнемъ своемъ видѣ, и не вызвалъ общаго рѣшенія, съ которымъ бы могли помириться обѣ партіи.

Послѣ этого поставленъ былъ на очередь другой вопросъ, бывшій немаловажною причиною раздора въ расколѣ, вопросъ о московской каѳедрѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ между двумя Антоніями. И этотъ вопросъ, не менѣе щекотливый для обѣихъ партій, какъ и вопросъ объ окружномъ посланіи, вызвалъ только новые споры и пренія, но не привелъ къ окончательнымъ результатамъ. Впрочемъ въ засѣданіи 3-го числа,

(1) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1869 г., стр. 40—41.

при нѣкоторыхъ уступкахъ со стороны окружниковъ касательно новаго Антонія (1), раздорники согласились было признать обоихъ Антоніевъ законными пастырями Москвы, и даже статью объ окружномъ посланіи готовы были изложить въ выраженіяхъ менѣе рѣзкихъ. Но тутъ одинъ изъ окружниковъ замѣтилъ, что нужно бы произнесть осужденіе на Прокопову ересь и на содержащихъ оную, а не окружное посланіе уничтожить. Это замѣчаніе окончательно взбѣсило раздорниковъ. Они закричали: „окружное посланіе возмутило всю вселенную! оно сближаетъ насъ, православныхъ христіанъ, съ еретиками! оно научаетъ, яко бы у великороссійской церкви единъ Богъ съ нами, яко бы четырехконечный крестъ имѣетъ такую же силу, какъ осмиконечный!“ и проч. Эту картину безобразныхъ криковъ особенно хорошо изображаетъ одинъ очевидецъ. „Одни кричатъ, говоритъ онъ, Іисуса приняли“!—другіе: „одного бога съ великороссійскою церковію имѣютъ“! А одинъ изъ присутствующихъ, стоявшій въ сторонѣ, видитъ, что одинъ баташанскій раздорникъ стоитъ молча, толкнулъ его да и говоритъ: „чего ты молчишь? Поди въ кучу, кричи хоть что-нибудь“! Бывшіе по близости покатились со смѣху“ (2). — Картина вполнѣ достойная завзятыхъ фанатиковъ-старообрядцевъ, и весьма характеризующая всѣ ихъ соборы! Послѣ этого окружники рѣшительно объявили, что они до тѣхъ поръ не помирятся съ раздорниками, пока они не откажутся письменно отъ своихъ еретическихъ мудрованій, и на слѣдующій день оставили Бѣлую Криницу и поѣхали во-свояси. Вмѣстѣ съ другими окружниками оставили Бѣлую Криницу и оба Аркадія.

Но съ Аркадіемъ славскимъ, не успѣвшимъ еще выбраться изъ австрійскихъ владѣній, повстрѣчалась въ пути какая-то непріятность, которая заставила его

(1) Они соглашались признать его законнымъ епископомъ.

(2) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1869 г., стр. 44—45.

на другой же день по отъѣздѣ (8 іюля) опять возвратиться въ Бѣлую Криницу. Принявъ это случайное обстоятельство за благопріятное для себя и для раскола вообще предзнаменованіе, онъ не отказался снова вступить съ раздорниками, которые не оставили еще Бѣлой Криницы, въ разглагольствіе и собесѣдованіе, и на этотъ разъ сдѣлалъ раздорникамъ такія уступки, какія ни въ какомъ случаѣ не могли понравиться той партіи, представителя которой онъ изображалъ изъ себя. Онъ согласился принять составленную вышепоименованными вожатаями раздорниковъ грамату во всей ея силѣ, съ самыми незначительными измѣненіями и дополненіями, и въ тотъ же день подписалъ ее. Въ этой граматѣ говорилось слѣдующее: „мы нижеподписавшіеся... окружное посланіе... уничтожаемъ и опровергаемъ и яко не бывшее вмѣняемъ, со всѣми въ немъ положенными ложными статьями, а которыя написаны отъ своего смышленія, а не отъ божественнаго писанія, которыя съ божественнымъ писаніемъ не согласуютъ, но разликуютъ, опровергаемъ и проклинаемъ, аще ли которые будутъ считать оныя ложныя написанія за справедливыя и душеспасительныя отъ духовныхъ или мірскихъ лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія въ моленіи, и таковыхъ отъ соборныя и апостольскія церкви отсѣкаемъ, яко гнилый и непотребный удъ... 2) На московскомъ престолѣ по случаю утверждено два епископа противу правилъ св. отецъ, и, какъ видно, къ обоимъ епископамъ народъ расположенъ, ни того, ни другаго оставить несогласны,... то мы по образцамъ случайнымъ, означеннымъ въ Баронія (т. е. въ лѣтописи Баронія), соборнѣ опредѣлили архіепископу Антонію именоваться московскимъ и владимірскимъ, а епископу Антонію именоваться московскимъ и имѣть жительство обоимъ въ Москвѣ и пребывать о Христѣ Ісусѣ во единомъ дусѣ, да имѣютъ равну власть и попеченіе о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, въ прочихъ же вдовствующихъ епархіяхъ одинъ безъ другаго да ничто же творятъ, а вся творятъ по совѣту....

Наконецъ... да принесутъ священноіереи и міряне люди, принявшіе окружное посланіе, прощеніе непринявшимъ оное духовнымъ лицамъ, и въ томъ разрѣшится вся вражда“ (1).. Когда Аркадій славскій подписалъ эту грамату,—немедленно разосланы были телеграммы къ Аркадію васлуйскому и другимъ лицамъ изъ окружниковъ, бывшимъ на соборѣ и оставившимъ Бѣлую Криницу послѣ бурнаго засѣданія 3 іюля,—съ приглашеніемъ—возвратиться въ Бѣлую Криницу для подписанія вышеприведеннаго акта примиренія. Нѣкоторые изъ приглашаемыхъ, до которыхъ дошли телеграммы, думая, что Аркадій славскій успѣлъ склонить раздорниковъ къ принятію соборнаго акта въ томъ видѣ, въ какомъ они готовы были принять его, дѣйствительно не замедлили возвратиться въ митрополію, къ 8 іюля они были уже тамъ. Узнавши, въ чемъ суть дѣла, ясскіе и прочіе депутаты рѣшительно объявили, что они подписываться къ соборному акту не будутъ; но Аркадій васлуйскій, архимандриты: Варсонофій и Евфросинъ, нѣсколько священноіереевъ и мірянъ окружниковъ согласились подписать и дѣйствительно подписали (8 іюля) этотъ унизительный для себя документъ, въ которомъ вслухъ всего старообрядческаго міра отказывались отъ всѣхъ своихъ прежнихъ вполнѣ законныхъ распоряженій, и признавали за таковыя—противозаконныя и нелѣпыя постановленія раздорниковъ, отказывались отъ истины, которую уже нѣсколько лѣтъ такъ рьяно защищали, и въ замѣнъ ея объявили себя сторонниками того нелѣпаго ученія, которое въ противодѣйствіе окружному посланію измышлено было Давыдомъ и ему подобными. Скрѣпленный так. обр. соборный актъ немедленно же былъ разосланъ по главнымъ старообрядческимъ мѣстамъ.

Ясно, что подпись подъ указаннымъ „соборнымъ актомъ примиренія“ сдѣлана была окружниками въ

(1) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1869 г. стр. 54—55 въ прилож.

тѣхъ видахъ и соображеніяхъ, чтобы умиротворить уже нѣсколько лѣтъ мятущееся раздорами и распрями старообрядчество и удержать его отъ распаденій. Но не говоря уже о томъ, что сознательно жертвовать истиною въ пользу временныхъ интересовъ—есть дѣло не честное и не добросовѣстное, — окружники не достигли этимъ актомъ и того, чего желали достигнуть. Вмѣсто мира онъ только оживилъ старую распрю. Актъ составленъ былъ исключительно въ интересахъ раздорнической партіи, за нею одною утверждалъ полнѣйшую побѣду надъ окружниками, и ей одной только и могъ понравиться. Что же касается окружниковъ, за которыхъ подписались подъ нимъ Аркадій славскій и другіе, уполномоченные окружниками—дѣйствовать на соборѣ „правильно и законно“; то они, исключая Антонія и единомышленныхъ съ нимъ, отнеслись къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ, какъ къ акту противозаконному, который „заставляетъ каждаго здравомыслящаго христіанина, какъ писали окружники Аркадію славскому, имѣющаго твердыя убѣжденія, основанныя на словахъ св. писанія и твердой совѣсти, оставивъ оныя, признать себя раздорниками, принести раскаяніе и требовать прощенія отъ изверженныхъ, проклятыхъ и отсѣченныхъ отъ единенія церковнаго еретиковъ, богохульниковъ, духоборцевъ и христопродавцевъ, и наконецъ послѣдовать за ними во тьму кромѣшную“ (1).

Прежде всего крайне нерасположенно отнеслись къ бѣлокриницкому акту сами члены освященнаго собора, которые съ самаго начала порѣшили протестовать противъ него, и уже положили начало этому протесту въ томъ, что поручили составителю окружнаго посланія Иларіону Георгіевичу составить подробный и обстоятельный разборъ этого акта съ указаніемъ всѣхъ его погрѣшностей и противозаконностей. Такому

(1) Совр. лѣтоп. раск., вып. 1869 г., стр. 63.

настроенію членовъ освященнаго собора вполнѣ благопріятствовали и тѣ вѣсти, которыя скоро стали получаться ими изъ разныхъ старообрядческихъ мѣстностей по поводу вышеуказаннаго акта. Такъ напр. изъ Калуги отъ 24 сент. 1868 года писали въ Москву, что когда пріѣхалъ туда (въ Калугу) Софроній, бывшій епископъ калужскій, и, предъявивъ соборную грамату, сталъ требовать, чтобы старообрядцы, пріемлющіе окружное посланіе, шли къ нему за прощеніемъ (1), то никто изъ старообрядцевъ-окружниковъ къ нему не пошелъ. „Когда наша рѣка Ока возвратитъ свои струи вспять, думали они, тогда и пойдемъ за прощеніемъ къ Софронію: отъ клятвопреступниковъ прощенія не просятъ... Они хотятъ насъ приписать подъ чинъ (т. е. принимать какъ еретиковъ). Кто же изъ насъ отдѣлился отъ соборной церкви, мы или они? Мы ереси за собой никакой не видимъ; не намъ у нихъ просить прощенія... Если нашли ересь въ окружномъ посланіи, пущай укажутъ... Тамъ (на соборѣ) 8 іюля благодать не была, а что Давыдъ говорилъ, а митрополитъ подтверждалъ... Святитель чужимъ умомъ проживастъ“ (2).

---

(1) Такъ дѣйствовать Софроній уполномочивался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ бѣлокриницкомъ актѣ говорилось о немъ: «Софроній остается въ своемъ санѣ епископомъ». Это постановленіе, хотя и незаконно, такъ какъ касалось человѣка, безвозвратно соборомъ епископовъ изверженнаго изъ епископскаго сана (это изверженіе состоялось, какъ мы знаемъ, въ іюлѣ 1863 г., затѣмъ подтверждено было Амвросіемъ 28 окт. тогоже года, Кириллomъ—24 февр. и 28 сент. 1864 г. и наконецъ опять соборомъ епископовъ 16 окт. 1865 г.), а для самого Софронія и не особенно было нужно, потому что онъ и безъ того не стѣснялся епископствовать до сего времени, тѣмъ не менѣе оно придало много новой смѣлости ему; такъ что онъ, формально основываясь на этомъ постановленіи, въ душѣ же не придавая значенія ни ему, ни прежнему своему изверженію изъ епископскаго сана, до настоящаго времени, проживая то въ балтовской епархіи, то въ Сибири, то еще гдѣ либо, безбоязненно дѣйствуетъ епархіерейски, имѣетъ у себя еще многихъ единомышленниковъ, которые принимаютъ его въ свои домы и обращаются къ нему за исправленіемъ духовныхъ требъ.

(2) Совр. лѣтоп. раск. вып. 1869 г. стр. 105 и 201 въ прилож.

Подобное же писалось отъ 6 сент. тогоже года и съ Урала. „За границей, говорилось въ томъ письмѣ, изданъ мирный актъ, но въ немъ ни слова не упомянуто о Кирилловомъ и прочихъ лжеученіяхъ. Слѣдовательно о семъ ученіи на соборѣ за границей не было никакого вопросу къ митрополиту Кириллу; должно быть оно и осталось при нихъ. О Боже! избави насъ таковыхъ лжеучителей, аще не покаются! Всѣ мы радуемся доброму миру, ведущему ко спасенію, а если будемъ мириться о нарушеніи истины, то зловредно есть; а видится, что таковый миръ и начинается сей-часъ... Итакъ нынѣ многіе сему начинаемому неистинному миру не радуются, а желаютъ благаго, праваго, истинѣ не противнаго мира, дабы всѣ мы вообще неуклонно держались тѣхъ постановленій, какъ было двѣсти лѣтъ тому назадъ. Вся тая преданія, ученія имѣть всѣмъ единодушно;... а не такъ мудрствовать, что Іисусъ—инъ богъ, антихристъ,... что онъ 8-ю годами моложе Христа, и что онъ распятъ на крестѣ четвероконечномъ и проч.

Лишь одни безпоповцы такъ учили,
И по достоинству награду себѣ получили.
Они всего благодатнаго закона лишились,
И до конца въ своей ереси утвердились.
Вотъ до чего доводятъ отступленья
Отъ праваго ученья!..
Теперь какъ будемъ мириться съ ними
Когда не раскаеваются во лжеученіи изданномъ ими“ (1)?

Когда подобныя вѣсти получились въ Москвѣ, то ими сильно воодушевились члены освященнаго собора

---

(1) Тамъ же, стр. 196—197 въ прилож. — Изъ того же самаго уголка, т. е. съ Урала, и почти въ одно и тоже время, именно 3 сент. 1868 г. вышло другое очень жалобное сочиненіе подъ заглавіемъ: «плачъ окружнаго посланія», написанное въ стихахъ однимъ уральскимъ попомъ Павломъ Степановичемъ Беряевымъ. Оно важно какъ выраженіе неподдѣльныхъ чувствъ истиннаго окружника по поводу оффиціальнаго уничтоженія окружнаго посланія. Мы помѣщаемъ его въ приложеніяхъ подъ № 4.

къ продолженію начатаго ими дѣла—протеста противъ бѣлокриницкаго акта. Они тогда съ большею, чѣмъ прежде, смѣлостію порѣшили не только уничтожить обязательность его для себя, но и окончательно отдѣлиться и отъ митрополита Кирилла и отъ защищаемыхъ имъ раздорниковъ. За выполненіемъ этихъ рѣшеній дѣло не стало. Къ 26 сент. Иларіонъ Георгіевичъ изготовилъ „разборъ“ бѣлокриницкаго акта, который тогда же признанъ былъ удовлетворительнымъ и годнымъ для того, чтобы поставить его въ основу формальнаго дѣла противъ послѣдняго, и который немедленно же въ копіяхъ разосланъ былъ по всѣмъ болѣе значительнымъ старообрядческимъ мѣстамъ. Теперь оставалось только склонить обоихъ Аркадіевъ къ отреченію отъ своихъ подписей подъ бѣлокриницкимъ актомъ, и тогда уже формально объявить вслухъ всего старообрядческаго міра, что окружники признаютъ бѣлокриницкій актъ противозаконнымъ и необязательнымъ для древлеправославныхъ христіанъ. Но тутъ случились нѣкоторыя непріятности, значительно разстроившія отлично начатое дѣло окружниковъ.

Для склоненія Аркадіевъ къ отреченію отъ подписи подъ бѣлокриницкимъ актомъ снаряжено было посольство съ Пафнутіемъ во главѣ; но съ послѣднимъ повстрѣчалось на пути несчастіе,—онъ задержанъ былъ въ Петербургѣ и принужденъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться назадъ. Это одна непріятность для начатаго окружниками дѣла... Къ ней присоединилась вскорѣ еще другая не менѣе важная непріятность, именно: извѣстіе о смерти Аркадія славскаго, умершаго 11 ноября. Все это значительно ослабило надежды окружниковъ на успѣшное окончаніе начатаго ими дѣла, хотя, впрочемъ, не остановило ихъ на половинѣ его. Въ первыхъ числахъ января 1869 года прислалъ Аркадій васлуйскій въ Москву письменное отреченіе отъ своей подписи подъ бѣлокриницкимъ актомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялъ готовность дѣйствовать за одно съ московскими окружниками. Это сильно воодушевило

послѣднихъ, и они немедленно возобновили остановившееся было дѣло протеста. 11 янв. 1869 года они отправили въ Бѣлую Криницу на имя Аверкія Полякова — тамошняго окружника „разборъ“ бѣлокриницкаго акта съ особымъ при этомъ письмомъ, въ коемъ просили Полякова „разсмотрѣть и безпристрастно обсудить оный „разборъ“ и затѣмъ прочесть его своей братіи и самому Кириллу“. Въ этомъ письмѣ особенно замѣчательны взгляды окружниковъ на Кирилла и бѣлокриницкій актъ. — „По совѣсти заявляемъ вамъ, писали они, что мы къ митрополиту Кириллу потеряли всякое довѣріе, всѣ его несогласныя священному писанію и церковнымъ правиламъ распоряженія почитаемъ незаконными, и въ руководство отнюдь не пріемлемъ,.... и за митрополитомъ Кирилломъ послѣдовати безусловно не можемъ, а равно и соборъ бѣлокриницкій, бывшій въ іюлѣ 1868 года признать за законный не можемъ, понеже онъ не послѣдова прежнимъ святымъ соборамъ и дѣйствова противу правилъ святыхъ отецъ, къ тому же дерзну уничтоженію и проклятію предати ученіе, изложенное отъ священнаго и св. отецъ писанія, и всѣхъ запрещенныхъ лицъ, изверженныхъ изъ священнаго сана признати за дѣйствительныхъ священнослужителей, безъ всякаго основанія отъ писанія, и посему мы его вмѣняемъ быти неправильнымъ и далече отъ предѣлъ каноническихъ отшедшимъ“ (1)... Отправивши свое мнѣніе о бѣлокриницкомъ соборѣ къ свѣдѣнію самого Кирилла, окружники не замедлили высказать его и московскимъ противоокружникамъ. 24 янв. въ общемъ собраніи окружниковъ и противоокружниковъ первые рѣшительно объявили, что они бѣлокриницкій соборъ законнымъ не признаютъ, опредѣленій его не принимаютъ и дотолѣ не заключатъ мира съ раздорниками, пока эти послѣдніе не откажутся отъ Прокоповой и Давыдовой ереси,

(1) Совр. лѣтоп. раск. вып. 1869 г. стр. 203—204, въ прилож.

или, что въ сущности одно и тоже, пока не примутъ ученія, выраженнаго въ окружномъ посланіи (1). Объ этомъ формальномъ разрывѣ „бѣлокриницкаго грязнаго мира“ составлены были особыя граматы, которыя и разосланы были по старообрядческимъ мѣстамъ къ свѣдѣнію и руководству старообрядцевъ-окружниковъ.

Но сдѣлавъ послѣднее, окружники не довели своего плана до конца. Ихъ прежнее намѣреніе—окончательно отдѣлиться отъ неисправимыхъ раздорниковъ и отложиться отъ Кирилла, лишивъ сего послѣдняго предварительно епископскаго престола и достоинства, намѣреніе, которое они думали привесть въ исполненіе вслѣдъ за уничтоженіемъ бѣлокриницкаго акта, для чего уже изготовленъ былъ и обвинительный актъ противъ Кирилла,—отложено было на неопредѣленное время. Время шло, а это намѣреніе все еще оставалось безъ исполненія. Ясно было, что окружники все еще надѣялись привлечь раздорниковъ на свою сторону и примириться съ ними, хотя надежды эти не имѣли никакихъ твердыхъ основаній въ характерѣ и дѣйствіяхъ раздорниковъ, получившихъ громадное вліяніе въ старообрядческомъ мірѣ. Но новое нечаянное обстоятельство дало вновь перевѣсъ партіи окружниковъ, хотя и не предотвратило окончательнаго раздѣленія между ними и раздорниками. Послѣдніе мало по малу стали утрачивать недавнюю увѣренность въ своемъ превосходствѣ надъ окружниками и не только перестали думать о подчиненіи себѣ послѣднихъ, но и стали по временамъ заискивать ихъ расположенности. Окружники напротивъ начали усиливаться и неуступчиво стоять на своемъ. Видимою причиною и первымъ толчкомъ къ этой перемѣнѣ послужила новая перемѣна въ образѣ мыслей Кирилла бѣлокриницкаго.

М. Монастыревъ.

---

(1) Совр. лѣтоп. стр. 116.

языка, говорится въ придисловіи къ Алфавиту № 19, многи рѣчи неудобьразумѣваемы обрѣтаются, яко же се есть въ канонѣ Покрову Пртыя Бцы: свѣтящеся, влчце, омофоръ твой паче илектра или илектора, писано во стый великій понедѣльникъ и вторникъ въ паремьяхъ на 3 часѣ, а невѣдущіи силы слова тую рѣчь пишутъ сице: паче алектора, а не хотятъ разумѣти, яко ино есть илектръ, и ино алекторъ: алекторъ бо есть пѣтелъ (куръ), и кая суть похвала Бцѣ, еже прилагати и уподобляти свѣтлость омофора богородична къ блистанію пѣтуха. Но достоитъ писати сице: свѣтящеся омофоръ твой, владычице, паче илектрона (илектра); илектронъ бо есть камень зѣло честенъ, единъ отъ драгихъ каменій, тако именуемъ, златовиденъ вкупѣ и сребровиденъ: златовиднымъ блистаніемъ прообразуетъ Бжтво Хво, а сребровиднымъ члчество... И паки въ лѣствицѣ въ кѣ главѣ сице глаголемыхъ китръ вѣія писати достоитъ, а отъ неискусныхъ въ словесномъ ученіи писцевъ въ преводѣхъ пишется вмѣсто китръ—кедръ, не разумѣютъ бо, яко ино есть древо кедръ и ино суть древо китръ, якоже о семъ толкуетъ въ повѣстѣхъ о святогорскихъ монастырѣхъ и о самой стѣй горѣ. И паки во многихъ преводѣхъ обрѣтохъ писано въ лѣствицѣ еже къ пастырю въ словѣ повѣлевающа блюстися отъ тщеславія, аки отъ нѣкія ереси, а въ добрыхъ преводѣхъ пишется: аки отъ нѣкія ересиве; ино бо есть ересь и ино же ересива: ересива бо есть трава, ея же въ толкованіихъ евангельскихъ наричетъ ерою“ (1).

(1) Алфавитъ иностранныхъ рѣчей № 19 л. 16.

Понеже во святыхъ книгахъ многи рѣчи обрѣтаются, иностранъми гланіи положены, ихже древніи преводницы неудоволишася или неизволишася на рускій преложити языкъ. Понеже бо ова отъ нихъ обрѣтаются сирски, ова еврейски, ова же египетски, и ова же римски, и еллински, j инѣхъ многихъ языкъ. Якоже послѣде отъ истинныхъ рачителей прмрости, паче же отъ премраго философа стыя горы инока Максима Грека, люботрудне снискани бывша, и на рускій преложени, да не кто проходя стая писанія, и обрѣтъ въ нихъ что неудобьразумѣваемо, паче же иноязычнымъ гланіемъ положено, и на свой разумъ уповавъ та о себѣ ризсуждая, криво протолкуетъ: не мощно бо есть еврейску и еллинску языку неучася, тѣхъ языкъ рѣчи безблазненно и потонку толковати, яко же се еже толкуется, Гаввафа (Іоан. Бог. ѕ), и что Голгофа (Марк. ѕи), или что сказуется Мрія, и что Маріамъ, или чимъ растоитъ еже рещи: иердань отъ еже іордань, такоже и иныя многия рѣчи обрѣтаются друга́ друзѣ сообразны, и неискуснымъ едино быти мнимы, разумъ же въ себѣ не единъ содержаще, якоже и касирѣти (1) аще и видѣніемъ сребру подобится, но не точно честь сребру имать, сице убо и въ прочихъ рѣчехъ разумѣется о семъ добрѣ (2)... рѣчи многи во святыхъ книгахъ обрѣтая написаны не искусны, велми о семъ сжалихся, и

---

(1) Каситеръ греч. *κασσίτερος*, олово.

(2) Алфавитъ иностр. рѣчей 19 л. 16—17.

собравъ во едино совокупивъ и въ сей книгѣ по алфавиту написахъ. Якоже да желащеи та навыкнути, удобно имутъ здѣ толкованы обрѣсти". Такимъ образомъ побужденіемъ къ составленію азбуковниковъ было желаніе устранить разныя ошибки и разрѣшить недоумѣнія, встрѣчающіяся при чтеніи письменныхъ литературныхъ памятниковъ. И такъ какъ недоразумѣнія происходили главнымъ образомъ со стороны самыхъ словъ и со стороны понятій, обозначаемыхъ ими, то естественно, что Азбуковники, отвѣчая требованіямъ тогдашняго времени, должны были заключать въ себѣ объясненія тѣхъ и другихъ. Таковъ дѣйствительно первѣе всего составъ дошедшихъ до насъ Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей. Но толкованія и объясненія, встрѣчающіяся въ Азбуковникахъ, не ограничиваются только словами, которыя дѣйствительно были непонятны читателямъ, но касаются часто и такихъ, смыслъ которыхъ для читающихъ былъ совершенно понятенъ и ясенъ. Въ рукописяхъ нерѣдко встрѣчались отступленія грамматическія, состоявшія въ смѣшеніи писцами славянскихъ формъ съ русскими. Вотъ что говорится по этому случаю въ предисловіи къ Азбуковнику: „ко всѣмъ же иностраннымъ рѣчамъ, разсмотрихомъ, яко бы прилично быти мало и отъ грамматики приложити. понеже мы славяне много погрѣшаемъ мнози и пишуще и глаголюще, не вѣдуще истинословія своего словенскаго языка въ глаголаніихъ различия тонкости, еже кое есть различие, еже рещи или написати, аптоли Хртови, или аплы Хрвы, или учнцы

Хвы, или учники Хртовы. И паки кое различие есть, еже писати или глати: руцѣ твои и руки твои, или руцѣ твоей и руки твоея и ина многа таковая, ихже въ сей книзѣ въ нѣкихъ буквахъ вскончаніи иностранныхъ рѣчей вписахомъ, ради рачителей разумнаго остроумія" (1). Наконецъ наряду съ содержаніемъ Азбуковниковъ, носящимъ на себѣ исключительно характеръ филологическій, является другое обширное содержаніе энциклопедическаго характера. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Азбуковники, вмѣстѣ съ объясненіемъ словъ, имѣли въ виду научить читателей, дать имъ свѣдѣнія объ извѣстномъ кругѣ предметовъ, выборъ которыхъ опредѣлялся возбуждаемымъ ими интересомъ. Все, что только можно было найти въ рукописныхъ памятникахъ по всѣмъ отраслямъ знаній: языковѣдѣнію, исторіи, географіи, миѳологіи, естествознанію, нашло себѣ мѣсто въ Азбуковникахъ. Выходя изъ желанія доставить читателямъ разнородныя свѣдѣнія, составители иностранныхъ рѣчей ни чѣмъ не пренебрегали, но вносили въ свои Азбуковники все, что казалось имъ интереснымъ съ той или другой стороны. Обыкновенно составители позднѣйшіе пользовались трудами своихъ предшественниковъ, то рабски подражая имъ или копируя готовое, то прибавляя, по собственному усмотрѣнію, новыя свѣдѣнія. Поэтому Азбуковники постоянно болѣе и болѣе увеличивались въ своемъ объемѣ и въ разныхъ спи-

(1) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18, л. 34.

скахъ являлись въ общемъ сходными, но въ частностяхъ имѣли большее различіе. Это напр. можно сказать о двухъ лучшихъ спискахъ Солов. Биб. № 18 и 19.

Азбуковники, какъ мы видѣли въ описаніи, начинаются обыкновенно прямо съ изложенія статей, составляющихъ приложеніе къ Алфавиту или словотолкованію, идущему въ алфавитномъ порядкѣ, и только Алфавитъ иностранныхъ рѣчей № 18 начинается общимъ оглавленіемъ статей, въ немъ помѣщенныхъ, съ указаніемъ главъ, въ которыхъ онѣ находятся. Въ этомъ лучшемъ и самомъ пространномъ Азбуковникѣ статьи, для большаго удобства, раздѣлены на главы. Если статья обширна, то она всякій разъ составляетъ одну цѣлую главу; если же статьи кратки, то въ составъ главы входитъ ихъ нѣсколько. Распредѣленіе на главы вполнѣ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія составителя; оттого число главъ въ Азбуковникахъ неодинаково: въ самомъ обширномъ спискѣ Азбуковника Солов. Биб. № 18 число главъ восходитъ до 680. За оглавленіемъ статей и объясняемыхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Алфавитовъ, слѣдуютъ статьи, не всегда и не во всѣхъ Азбуковникахъ одинаковыя, между коими непремѣнно встрѣчается „предисловіе алфавиту иностранныхъ рѣчей“, „предисловіе лексису неудобьразумѣваемыхъ рѣчей“ и т. п. Въ предисловіяхъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выдержекъ, составители высказываютъ обыкновенно побужденія, въ силу которыхъ они принимались за составленіе Азбуковниковъ. Предисловія въ общемъ содержатъ однѣ и тѣ же мысли, но въ частностяхъ разли-

чаются между собою. Изложеніе статей слѣдуетъ въ алфавитномъ порядкѣ. „Рѣчи многи во святыхъ книгахъ обрѣтая написаны неискусны велми о семъ зжалихся, и того ради елика сила ј елико мощно ми бысть, понудихся таковыя рѣчи, во святыхъ книгахъ обрѣтая, толкованны изобрѣсти, отъ многихъ различныхъ повѣстей, и главъ толковыхъ едину по единой собирая, и собравъ во едино совокупихъ, и въ сей книгѣ по алфавиту написахъ, якоже да желающіи та навыкнути, удобно имутъ здѣ толкованы обрѣсти“ (1). говорятъ составители Алфавитовъ. Излагая статьи въ алфавитномъ порядкѣ, одни въ основу размѣщенія принимаютъ сосѣдство гласныхъ буквъ, т. е. сначала помѣщаютъ статьи, имѣющія въ оглавленіи рядомъ двѣ гласныя *а*: *алфавитъ*, *аданай*, *аналипсисъ*, *адамантъ*, *анаѳема*, *алмазъ*; затѣмъ слова, имѣющія послѣ гласной *а* гласную *е*: *архелай*, *амѳусій* и т. д; другіе мало обращаютъ вниманія на порядокъ буквъ, а главнымъ образомъ стараются подвести слова подъ извѣстную группу предметовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ являются оглавленія, указывающія на общее содержаніе словъ, входящихъ въ толкованіе, какъ: „гради“, „скоти“, „о небесныхъ стихіяхъ“ и т. п. Составитель Алфавита № 18 въ размѣщеніи статей держится перваго способа и всякій разъ толкованіе словъ, имѣющихъ въ первыхъ слогахъ *а—а*, *а—е*, *а—и*, *а—о* и т. д., заканчиваетъ статьями по фарма-

(1) Алфавитъ иностр. рѣчей № 19. 16 л. об.—17.

когнозіи и фармаціи, заимствованными изъ лечебниковъ. Въ концѣ каждаго ряда статей на извѣстную букву находится толкованіе названій мѣсяцевъ и собственныхъ именъ, вошедшихъ въ нашу рѣчь изъ иностранныхъ языковъ. При объясненіи названій мѣсяцевъ приводятся обыкновенно какъ иностранныя названія: греческія, римскія, армянскія, жидовскія, сирскія, египетскія, македонскія, кипрскія и друг., такъ и славянскія (березозолъ—мартъ мѣсяцъ). Во всѣхъ спискахъ Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей Солов. Биб. толкованіямъ именъ человическихъ предпосылается особая статья подъ заглавіемъ „предисловіе именъ человѣческихъ", гдѣ говорится о происхожденіи человѣческихъ именъ у Евреевъ, Грековъ и Славянъ. Въ самомъ Алфавитѣ или словотолкованіи, какъ мы замѣтили выше, находятся обширныя свѣдѣнія грамматическія, философскія, библіографическія—о писателяхъ и литературныхъ памятникахъ, географическія—о частяхъ свѣта, странахъ, городахъ и т. д., миѳологическія, этнографическія. Но одно изъ главныхъ мѣстъ въ составѣ Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей занимаютъ статьи физіологическія, т. е. о животныхъ, упоминаемыхъ въ Свящ. Писаніи, съ приложеніемъ къ каждому изъ нихъ тѣхъ объясненій, которыя находятся у разныхъ писателей. Свѣдѣнія о камняхъ во всѣхъ Алфавитахъ заимствуются изъ извѣстной ст. Св. Епифанія Кипрскаго „О 12 камыку", встрѣчающейся подъ этимъ заглавіемъ еще въ Изборникѣ Святослава 1073 г. и только въ Алфавитѣ № 18 статья о 12 камняхъ взята не изъ соч. Епифанія Кипрскаго, а изъ

толкованія 19—20 стих. 21-й гл. Апокалипсиса Андрея Кесарійскаго. Дополненія къ свѣдѣніямъ, находящимся у Св. Епифанія, заимствуются изъ хроникъ и космографій. Статьи о растеніяхъ въ бо̀льшей части списковъ занимаютъ незначительное мѣсто. Въ концѣ Азбуковниковъ приписываются особыя статьи, какъ напр. счетъ по гречески, имена волхвамъ, кровоточивой, и многія другія обширныя статьи, какъ видѣли мы въ представленномъ выше описаніи Алфавитовъ.

Одну изъ общихъ характеристическихъ чертъ всѣхъ Азбуковниковъ составляютъ указанія на источники, откуда составители заимствовали статьи. Въ обширныхъ редакціяхъ рѣдкая статья Азбуковника не имѣетъ предъ собою подробнаго указанія. Такъ какъ нѣкоторыя статьи составлены по нѣсколькимъ источникамъ, то нерѣдко при извѣстной статьѣ встрѣчается довольно много подобныхъ указаній, какъ напр. при объясненіи слова *твердь* (1). Аккуратность и внимательность составителей Азбуковниковъ доходитъ часто до того, что они ссылаются на источники даже при простомъ переводѣ какого нибудь иностраннаго слова, напр. каркинъ — ракъ (Іоан. экс. сл. 5), *монсъ* — гора (Козмогр. гл. 28), *аеръ* — воздухъ (Небеса слово 19) и проч. Послѣ провѣрки многочисленныхъ цитатъ оказывается, что источники большею частію показываются вѣрно. Если встрѣчаются иногда указанія ошибочныя, то, думаемъ,

---

(1) Алфавитъ иностран. рѣчей № 18 л. 429.

это скорѣе вина переписчиковъ, неприлагавшихъ должнаго вниманія къ своему труду. Во всѣхъ Алфавитахъ, особенно пространныхъ, весьма часто встрѣчаются повторенія нѣкоторыхъ словъ, преимущественно иностранныхъ, и въ такомъ случаѣ составители или приводятъ вторично ихъ толкованія, или же ссылаются на предшествующія статьи, указывая главы, въ коихъ оиѣ помѣщены. Объясненіемъ того, почему именно заглавіе одной и той же статьи встрѣчается нѣсколько разъ и подъ разными начальными буквами, могутъ служить слѣдующія заключительныя слова предисловій къ Алфавитамъ иностранныхъ рѣчей: „Блюди же, да не возгодуеши на ны, въ семъ алфавитѣ нѣкія рѣчи въ двухъ буквахъ, или въ трехъ обрѣтохъ толкованы, якоже сия: во азѣ *авилео* писано, а во онѣ *овилео*, понеже сія рѣчь въ нѣкихъ преводѣхъ со она, и того ради въ двухъ мѣстѣхъ написана, посему и прочихъ рѣчей сугубое и тритичное здѣ въ писаніи разумѣй“ (1). Въ Алфавитѣ № 18 это мѣсто гораздо выразительнѣе и предупрежденіе высказывается въ немъ яснѣе. „Еще же ни сие да утаится отъ удобныхъ зазирателей, еже что ради нѣкиа рѣчи иностраныа, едина ихъ во двою буквахъ написаны... И того ради она во обою пресмѣну введена, да не како кто по предчинному ея ону, во онѣ, не нашедъ ея, зазритъ неполности книзѣ сей, аще бы не написана она сугубо. Тако и о прочихъ рѣчѣхъ сугубое ихъ разумѣвай“ (2).

---

(1) Алфавитъ иностр. рѣчей № 19 л. 18.

(2) Алфавитъ иностран. рѣчей № 18 л. 34 об.

Послѣ представленной нами общей характеристики Азбуковниковъ займемся изслѣдованіемъ ихъ состава. Азбуковники содержатъ въ себѣ двѣ части: *лексикографическую* и *литературную*. Въ первую входитъ *языковѣдѣніе* и *грамматика;* во вторую a) *философія*, b) *библіографія*, c) *исторія*, d) *миѳологія*, e) *символика*, f) *географія*, g) *этнографія*, h) *минералогія*, i) *ботаника*, k) *зоологія*, l) *орнитологія*, m) *ихтіологія*.

Языковѣдѣніе. Самая главная и существенная часть Азбуковниковъ—языковѣдѣніе. Первоначальная задача Алфавитовъ, какъ мы видѣли выше, состояла въ истолкованіи непонятныхъ словъ и словъ, могущихъ быть для нѣкоторой части читателей непонятными; только въ послѣдствіи задача была расширена, и Азбуковники приняли характеръ энциклопедіи. Поэтому даже тамъ, гдѣ предлагаются энциклопедическія свѣдѣнія о томъ или другомъ предметѣ, лексикографія полагается въ основу: ею начинается передача свѣдѣній. Весь матеріалъ, вошедшій въ составъ Азбуковниковъ, былъ разработанъ не самими составителями Азбуковниковъ, а взятъ ими изъ тѣхъ литературныхъ памятниковъ, которые существовали ранѣе появленія Азбуковниковъ, такъ что составители, принося своимъ трудомъ несомнѣнно громадную пользу, по отношенію къ внутреннему содержанію своего труда, играли совершенно пассивную роль. Вся дѣятельность ихъ сосредоточена была исключительно въ группировкѣ имѣвшагося подъ руками матеріала. Такъ авторъ Азбуковника № 19 въ предисловіи къ Алфавиту, послѣ

разъясненій сокращенныхъ знаковъ, указывающихъ на происхожденіе словъ, говоритъ: „Есть же нѣкія рѣчи въ семъ буквицы безъ написанія, яко же се: равви толкуется учителю, а еже по коему языку глаголется равви, не вездѣ обрѣтается; и паки: алекторъ толкуется петелъ, а еже которымъ языкомъ глаголется алекторъ, сего не обрѣтохъ. Тѣмъ же, яко же кою рѣчь протолкована обрѣтохъ, тако ея здѣ и написахъ, не смѣя ни мало что собою прибавити, могій же кто аще что къ сему приложити, той насъ о Господѣ да просвѣтитъ“ (1). Составитель Азбуковника № 14 въ толкованіи „О дикихъ людѣхъ“ говоритъ: „Аще истинно есть или ложно, невѣде, но убо въ книгахъ сія обрѣте, понудихся и та здѣ написати, тако же и о звѣрехъ, и о птицехъ, и древесехъ, и травахъ, и рыбахъ, и каменехъ, яже здѣ написаны по буквамъ“ (2). Такъ и поступали всѣ составители. Они помѣщали даже такія выписки, какъ напр. „въ той же Америкѣ на Японѣ островѣ есть древо едину токмо вѣтвь испущаетъ, имяни не знаемо“ (3). Это сознаніе въ незнаніи вообще имени какого нибудь предмета и особенно не русскаго названія корней и цвѣтовъ, при извѣстности названій латинскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ, особенно часты

---

(1) Алфавитъ иностранныхъ рѣчей № 19 б. 17 об.

(2) Алфавитъ иностранныхъ рѣчей № 14 л. 125 об.—125.

(3) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 463.

въ Алфавитѣ № 18 (1). Тамъ, гдѣ нѣтъ цитатъ при объясненіи словъ, все взято изъ разсмотрѣнныхъ нами словарей, если не буквально, то съ небольшими измѣненіями; въ остальныхъ же случаяхъ обозначены всюду цитаты, указывающіе на буквальное заимствованіе толкованій и свѣдѣній изъ литературныхъ памятниковъ древняго періода.

Главная и основная задача Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей выполнена вообще удовлетворительно: книжные люди XVII и послѣдующихъ вѣковъ легко и удобно могли найти въ Азбуковникахъ толкованія всѣхъ непонятныхъ иностранныхъ словъ, какія только могли встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчались въ литературныхъ памятникахъ древней письменности и толкованія довольно обстоятельныя, каковы напр. слѣдующія. „*Каландъ*—день; *календарь* (кн. о вѣрѣ и Кир. іерус. толкован.)—день жертвеной. Царь римскій егда скончавъ стѣны (Криница гл. ѧі выше ст. сѵ.) и украсивъ градъ Римъ и марсови капища создавъ, и мартия мца обновивъ, и нарече и мцъ мартъ, прежде глаголемый примонъ, иже есть аріевъ мцъ, его же празднуютъ римляне по вся лѣта на поли, нарицающи день той ржтво марта“ (2) *Олимпій*—мѣсто во Ахаіи (Злат. о свящ., кн. друк. москов.

(1) Ibid, лл. 68 об., 73, 88, 89, 91, 96, 98, 107 об., 112, 118 об., 124, 125 об., 143 об. 147, 148, 149, 152 об., 154, 172 об., 186, 195, 238 об, 240 об., 252 об., 255, 260, 269 об., 277 об., 293, 298, 301, 307, 316, 333, 350, 357, об. 363 об., 385, 389 об., 399 об. 402, 407, 408, 417 об., 435, 458, 461, 463 об.

(2) Ibid. л. 249.

сл. л). Олимпія у еллинъ или у грековъ запускъ конской, или позорище нарицается. И то бывало у еллинъ въ четыре лѣта и тотъ день яко честнѣйшій: и свято дієво съ великимъ веселіемъ и радованіемъ празднуютъ“ (1). Ангелосъ— агглъ. Агглъ толкуется гречески всякъ вѣстникъ, глаголется агглъ (Маѳ. толк. зач. друк. моск. л. нв), по гречески бо ангелейтинъ, а по русски возвѣстятъ. Се бо и Хрта Бга въ писаніихъ аггломъ нарицаетъ, глаголетъ бо прркъ Исаія, вопія: и нарицается имя его великаго совѣта ангелъ (Исаія л): возвѣсти бо намъ отчее хотѣніе, по реченному: возвѣстихъ имя твое братіи моей („Ѱал. кл)“ (2). Большая часть объясненій выпадаетъ на долю греческаго языка, вліянію котораго прежде и больше всего подвергся нашъ языкъ. Второе мѣсто занимаетъ еврейскій языкъ, затѣмъ латинскій и наконецъ западно-европейскіе, вошедшіе въ нашу рѣчь въ болѣе позднее время. Предъ объясненіемъ словъ, составители Азбуковниковъ считаютъ нужнымъ перечислить тѣ языки и нарѣчія, слова и термины которыхъ имъ приходится объяснять. Въ Алфавитѣ № 19 воть въ какомъ порядкѣ перечисляются языки и нарѣчія объясняемыхъ словъ: арапскій, арменскій, греческій, еврейскій, египетскій, жидовскій, еллинскій, евѳіопскій, евхаитскій, иверскій, латинскій, литовскій, македопскій, мидопскій, пермскій, римскій, сербскій,

(1) Ibid л. 336.

(2) Ibid. л. 57.

сирскій, скиѳскій, татарскій, чешскій (1). Въ Алфавитѣ № 18, кромѣ перечисленныхъ языковъ, упоминаются: перскій, болгарскій, польскій, рускій, лятскій, турскій. Число языковъ и нарѣчій въ самыхъ словотолкованіяхъ значительно увеличивается. Въ словотолкованіи Алфавита № 18, кромѣ латинскаго (римскаго), греческаго (еллинскаго), встрѣчаются надписи языковъ *арабскаго* при словѣ ама, *арменскаго* при словѣ арства, *жидовскаго*—аравъ, *турецкаго*—анадолъ, *египетскаго*—астарта, *четскаго*—авехъ, *гишпанскаго*—адменъ дерокка, *польскаго*—але, *нѣмецкаго*—амфервазеръ, *критскаго*—амира, *сирскаго*—адаръ, *кипрьскаго*—архиереисъ, *индійскаго*—балшема, *хорватскаго*—бисеръ, *татарскаго*—бичагъ, *сербскаго*—близнецъ, *халдейскаго*—вамофъ, *болгарскаго*—возсмерчетъ, *перскаго*—геонъ, *русскаго*—грудень, *фряжскаго*—зенералъ, *фивейскаго*—колаво, *финикійскаго*—понеада, *персидскаго*—череварь. Подобныхъ указаній на языки и нарѣчія, изъ коихъ вошли объясняемыя слова въ нашу книжную рѣчь, очень много, но всякій разъ полагаться на нихъ никакъ нельзя, потому что, среди многочисленныхъ правильныхъ указаній, встрѣчается много показаній и ложныхъ. Греческое выраженіе: *апехфиа дисмениа*—застарѣлая гнѣвливость, показано взятымъ съ латинскаго языка; такое же неправильное указаніе встрѣчается при объясненіи *базисъ* (*βάϭις*) съ значеніемъ „мѣсто,

(1) Алфавитъ № 19 л. 15 об.

иже подъ столбомъ"; *бротъ*—хлѣбъ, взято, по указанію Алфавита, съ латинскаго, тогда какъ такого слова въ указанномъ языкѣ и не существуетъ. Въ греческомъ языкѣ есть созвучное съ словомъ бротъ—*βρῶτος*; *τὰ βρῶτα*—съѣстные припасы вообще, но не хлѣбъ въ частности. Очевидно, нѣмецкое слово Brod—хлѣбъ, стало, по Азбуковнику, латинскимъ. Латинское слово *Вентеръ*—„животъ, еже около сердца внутренняя", показано еллинскимъ; латинское слово *инсула*—островъ, показано нѣмецкимъ; латинское *монсъ*—гора, обозначено нѣмецкимъ; *дивидитуръ*—дѣлится, показано греческимъ, между тѣмъ какъ самое слово, такъ и окончаніе глагола латинское; латинское *θλῶσς*—цвѣтъ—еллинскимъ. Замѣчательнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильнѣе всѣхъ обозначено указаніе при объясненіи чисто славянскаго слова *зѣло*. Слово это съ значеніемъ *велми* показано жидовскимъ, тогда какъ въ еврейскомъ языкѣ такого слова не существуетъ. Громадное количество указаній на неизвѣстные въ наше время языки и неправильность указаній, справедливо заставили усумниться Сахарова не только въ знаніи, но и въ знакомствѣ составителей Алфавитовъ съ перечисленными языками и нарѣчіями. „Всему этому, говоритъ Сахаровъ, виною наши толковники, любившіе отмѣчать на поляхъ рукописей свои замѣчанія. Такъ сочиненія Ефрема Сирина, писанныя на сирскомъ языкѣ, были переведены прежде на греческій, съ греческаго на болгарскій. Русскіе переписчики обновили болгарскій переводъ по своему. Составитель словаря, выбирая слова изъ сочиненія

Ефрема Сирина, называетъ ихъ сирскими. Вотъ источникъ знанія его на сирскомъ языкѣ. Отсюда можно дѣлать посылки и къ другимъ языкамъ“ (1). Указывая языкъ, или нарѣчіе, съ котораго заимствовано извѣстное слово, составители весьма часто предлагаютъ довольно обширныя толкованія на него, всякій разъ заимствованныя изъ одного или нѣсколькихъ древнихъ памятниковъ русской письменности. Въ образецъ подобнаго рода толкованія изъ иностранныхъ словъ возьмемъ „*олимпіяда*“ и изъ славянскаго „*твердь*“. „*Олимпіяда* (Хрон. гл. на. Крин. гл. к.). Толкованіе. Олимпіяда содержитъ въ селѣ м лѣтъ: тѣми бо римляне лѣта чтяху. Олимпіяда же наречется пять удоленій на борбѣ бываемая: а—а мѣстными битися, к—є боротися, г—ѕ тещи пѣши и на колесницахъ, д—є скакати, ѕ—ѕ камень метати: и сія яко праздникъ имуще. На пятонадесятое лѣто собирахуся отъ всѣхъ странъ множество и творяху сія игры: иже побѣждаше, вѣнецъ побѣдѣ пріимаше; овъ же масличенъ, овъ же инаковъ, овъ же ино что прямо побѣдѣ“ (2). Твердь утверженье или кругъ всего неба (Козма индик. сл. з. Вас. вел. шестодн. сл. а выше стихъ зз). Великій же Василій и вси богословцы твердь нарицаютъ второе небо видимое, сгустившееся отъ воды, яко хрусталь (Вас. вел. Шестод. сл. к. Нбса сл. зі. Іоан. Екл. Шестод. сл. а. к. г). Богословъ же Григорій въ г словѣ въ і стихѣ превышнее

(1) Сказанія русскаго народа. Т. II. стр. XI.

(2) Алфавитъ № 18. л. 335.

небо, безводный кругъ нарицаетъ, его же отъ человѣкъ никто же видѣ когда. Великій же Василій въ своемъ шестодневѣ въ а словѣ исповѣдуетъ его родомъ свѣтло, и безъ солнца свѣтло. Въ тремъ убо днехъ разсыповающуся и скутовающуся свѣту Бжіимъ повелѣніемъ“ (Нбса слово ии) (1). Въ концѣ объясняемыхъ словъ на извѣстную букву составители Алфавитовъ всегда помѣщаютъ, какъ мы замѣтили выше, въ отдѣльной статьѣ толкованіе именъ человѣческихъ. Къ этимъ толкованіямъ составители были побуждаемы особыми соображеніями, которыя они считали нужнымъ сообщить и читателямъ. Въ предисловіи, предпосылаемомъ этимъ толкованіямъ, составители излагаютъ свою теорію происхожденія именъ человѣческихъ и доказываютъ важность пониманія ихъ значенія. „Первыхъ родовъ и временъ человѣцы бывше и прежде закона и сущіи въ законѣ и въ благодати, говорится *„въ предисловіи именъ человѣческихъ“*, до нѣкоего времени даяху дѣтемъ своимъ имена, якоже отецъ или мати отрочати изволитъ, или отъ взора и естества дѣтища, или отъ времене, или отъ вещи, или отъ притчи. Отъ взора имя се есть: разумѣвъ отецъ отъ взора и естества мужественно быти отроча, нарече имя ему *Андрей*, по еллински *андреосъ*, а по словенски *мужество*. А отъ времяни имя есть: по потопѣ раздѣляющимъ человѣкомъ между собою землю, и въ то время родися Еверу сынъ и нарече

(1) Алфавитъ № 18 л. 429.

имя ему *Фалекъ*, Фалекъ бо еврейски *раздѣленіе* глаголется. Отъ притчи же се есть: мати во чревѣ нося отроча, сномъ неодержима бѣ и, рождшуся отрочати, нарече имя ему *Григоріосъ*, еже есть *бодрый*, по еллински бо бодрость *григоріосъ* (ἐγρήγορσις) глаголется. Отъ вещи же се есть: въ Римѣ есть древце вельми благоуханно и отъ нихъ нарицаемо *лауренціосъ*, и отъ того древца Римляне даяху дѣтемъ своимъ имена *Лаврентій*. Тако и прочая имена дѣтемъ даяхуся. Такожде и словяне прежде крещенія ихъ даяху имена дѣтемъ своимъ сице: Богданъ, Баженъ, Первой, Второй, Любимъ и ина такова, добра же суть и та. Но убо сѣни законнѣй прешедши и нощи невѣдѣнія истины мимошедши, свѣту бо богоразумія всю вселенную освѣтившу". Въ послѣдствіи, по словамъ предисловія, преп. Ѳеодоръ Студитъ и Іосифъ, братъ его, „духомъ святымъ движими", собрали имена апостоловъ, пророковъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ, назначили дни для ихъ празднованія и помѣстили все это въ книгѣ, называемой Уставъ, и „оттолѣ вси вѣрующіи во Христа пріемлютъ имена отъ іерея по имени святаго, на него же память приключится осьмому дни по рожденіи младенца. Но убо намъ славяномъ, продолжаетъ составитель Алфавита, неудобь вѣдома нынѣшняя наша имена, понеже бо ова еврейска, ина же египетска и ина римска и прочихъ языкъ. Протолкована же вся та быша отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же послѣде и отъ Максима Грека ради разумѣнія тезоименитствъ хотящимъ въ словянехъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявлен-

нымъ святымъ въ Руси“ (1). Безъ знанія значенія смысла именъ человѣческихъ невозможно восхваленіе святыхъ въ канонахъ, тропаряхъ и кондакахъ. Затѣмъ выясняется смыслъ и значеніе толкованія именъ злочестивыхъ людей и именъ бѣсовскихъ. Толкованія именъ человѣческихъ и бѣсовскихъ въ Азбуковникахъ ограничиваются простою передачею ихъ буквальнаго значенія, какъ напр. „Авраамій— богатъ, Агаѳія — благая, Бонифацій — добротворецъ, Борисъ—вѣтръ съ полнощи, Дарія—взыскающая“ и т. д. Часто не дается никакого толкованія имени, а просто указывается на его состояніе, званіе, кончину. Такъ, по Азбуковнику № 18, „Ахій—пророкъ (нояб. 12), Ахаикъ—имя апостолу (іюн. 15), Ахазъ—имя святому (апр. 1), Аркадій — имя преподобному, Ахилій — епископъ ларикійскій (мар. 15), Аскитріа—имя женско (апр. 13), Дисидернъ— имя четцу (апр. 21)“ и т. п. Между простыми упоминаніями только именъ и буквальной передачей значенія человѣческихъ именъ, встрѣчаются, хотя, нужно сознаться, рѣдко, и толкованія очень обширныя. Такимъ пространнымъ объясненіемъ начинается толкованіе перваго имени въ буквѣ А *Адамъ*. „Адамъ (жидовски), говорится въ Алфавитѣ, человѣкъ, или земскій, рудый, а словами азбучными знаменуетъ весь свѣтъ: гречески *А* анатоли—востокъ, *Д* дисисъ—западъ, *А* арктосъ—сѣверъ, *М* месимврія—полуд-

(1) ibid. л. 80.

не (¹). Быт. 2 гл. 15 ст. Человѣкъ еврейскою бесѣдою огнь глаголется. Се имя дастся Адаму непраздно, но четыре стихіи во утвари суть, паки естествословлю, аще и не хотятъ земля, вода, воздухъ, огнь и ины стихіи, якоже се: аще возмеши груду отъ земли, то приложити къ ней не можеши и отъ того держимаго, но якова же есть, такова и пребываетъ. Воду аще вліеши мѣрою нѣкакою, то пребываетъ такожде вода; прибытка не пріемлетъ. Воздуха аще наймеши мѣхъ, мѣра пребываетъ, и отъ иного мѣха отъ того наполнити не можеши. А огнь не пребываетъ, яко же сый: мала свѣща возжется и тму свѣщъ отъ нея возжеши. Многая пещь вся пламенемъ многимъ горящая въ своемъ устіи, но елико же аще пріемлетъ дрова, то умножится огнь. Ельма же прежде вѣдяше Богъ, яко отъ единого тѣлесе человѣческа исполнится вселенныя край и едина свѣща толико возжетъ свѣщъ, и запады, и востоки, и полудніе и полунощіе, положи имя достойно дѣла того. Сего ради имя

(¹) Такое воззрѣніе на составленіе имени Адама (*Ἀδάμ*) встрѣчается въ греческихъ христіанскихъ сказаніяхъ. Тоже находимъ и въ славянскомъ апокрифѣ: «Вопросы отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ». На вопросъ: Кто обрѣте имени его (Адама), здѣсь помѣщенъ такой отвѣтъ: «Д ангели. Архангель Михаилъ изыде на востокъ и видѣ звѣзду, име ей *Анатоли*, и вземъ слово отъ нее *Азъ* и принесе предъ Господа. Архангелъ Гавріилъ изыде на западъ и видѣ звѣзду, име ей *Дисисъ*, и вземъ слово отъ нее *Добро*, и принесе предъ Господа. Рафаиль изыдѣ отъ полудне (должно быть отъ полуночи) и видѣ звѣзду, име ей *Арктосъ*, и вземъ слово отъ нее *Азъ* и принесе предъ Господа. Оуриль изыде на полунощь (должно быть: на полудне) и видѣ звѣзду име ей *Месевріи*. И вземъ слово отъ нее *Мыслете* и принесе предъ Господа. И рече Господь: чти Оуриле, и рече Оуриль: Адамъ». См. Памятники Отреч. Рус. Литер. Т. II стр. 111.

то Адамово званіе бяше вселеннѣй, понеже хотяху ся и четыре страны отъ него исполнитися, положи *Азъ* востокъ, *Добро* западъ, *Азъ* полунощіе, Мыслете *полуднина*. Се же по еллинску языку ся ключаетъ тако имя Адамъ. И имя и дѣлеса свидѣтельствуютъ человѣку ему же исполнити бяше вселенную. Зоветъ же ся убо еврейскимъ гласомъ человѣкъ огнь“ (1). Случается, что при объясненіяхъ именъ указывается на положеніе лица, время его жизни, описывается внѣшній видъ его. Такъ при объясненіи имени Авдій—рабъ Господень, прибавляется: „строитель дому царя Ахава, иже сто пророкъ кры и пита хлѣбомъ и водою. 3 цар. 18 гл. 3 ст. Пророкъ тоже Авдій (гл. 1. Нояб. 19). Съ подлинника: сѣдъ, брада не велика, круглы, власы растрепалися, риза вохра, исподъ прозелень, въ руцѣ свитокъ“ (2):

На ряду съ объясненіями словъ, вошедшихъ въ русскую книжную рѣчь, въ Азбуковникахъ весьма часто встрѣчаются и такія, которыя можно назвать раскошью нашихъ Алфавитовъ и которыя едвали встрѣчаются въ какихъ либо литературныхъ памятникахъ въ такомъ видѣ, какъ записаны они здѣсь. Они скорѣе только увеличиваютъ объемъ

(1) Алфавитъ № 18 л. 18. Все это толкованіе цѣликомъ выписано изъ 6-го слова Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго. См. Шестодневъ Іоанна экз. болгар., рукопись Солов. Библ. № 321 л. 424—425. Іоаннъ, экзархъ болгарскій, указанное мѣсто въ свою очередь взялъ изъ Шестоднева Севериана Гавальскаго. См. у Migne, Patrol. curs. compl. Tom. LVI. Ser. graeca. Severiani De mundi creatione Orat. V. pag. 473—474.

(2) Алфавитъ № 18 л. 81.

книги и нисколько не способствуютъ выполненію положенной составителями Азбуковниковъ цѣли; мѣсто имъ скорѣе въ спеціальныхъ, относящихся къ извѣстному языку, словаряхъ. Мы имѣемъ въ виду по преимуществу многочисленныя слова и выраженія, взятыя съ греческаго языка, изъ коихъ составители Азбуковниковъ хотѣли какъ будто составить самоучитель греческаго языка съ русскою транскрипціею словъ. Въ этомъ отношеніи изъ нашихъ Азбуковниковъ особенно замѣчательны №№ 18 и 19, въ коихъ цѣлыя страницы заняты исключительно переводомъ греческихъ словъ и выраженій. Такъ въ нихъ встрѣчаются объясненія: *ескотосанъ*—убила, *ескотосенъ*—убилъ, *екинонъ*—тѣхъ, *епеѳане*—умерлъ, *миденъ аѳисисъ*—не пускай, *мафенс ергонъ*—учися дѣлу, *миденъ ергасу*—не дѣлай, *миденъ ергасисъ*—не дѣлаешь, *магирева* (*μαγειρέυειν*) варити, *магиревсе*—свари, *магирево*—варю, *мерисе*—раздѣли, *икуса еси мананъ*—слышалъ звонили. Встрѣчаются часто неправильности, доказывающія плохое знаніе составителями Азбуковниковъ греческаго языка. Изъ многочисленныхъ ошибокъ укажемъ на нѣкоторыя: *агапая*—любитъ, *асхоламанисъ*—гнѣвается. *астенія*—болитъ, *василіосъ*—царь (*βασιλεῖος* значитъ царскій, принадлежащій царю), *василеосъ*—воцарюся, *китоне*—(изуродованный греческій глаголъ *κεῖμαι*), *етаксамате кинонъ*—говорилъ самъ съ нимъ. Это послѣднее выраженіе крайне изуродовано, что не выходитъ никакого смысла. Алфавитъ № 18 предлагаетъ въ приложеніи предъ словотолкованіемъ греческую азбуку. Азбука написана боль-

шими и малыми буквами съ обозначеніемъ подъ каждой изъ нихъ ея названія. За азбукою слѣдуютъ склады и склоненіе нѣкоторыхъ греческихъ словъ. Въ томъ же Азбуковникѣ, какъ мы видѣли изъ описанія, помѣщены, кромѣ того, многія молитвы на греческомъ языкѣ съ славянскимъ подстрочнымъ переводомъ. Въ концѣ каждаго Азбуковника Солов. библ. счетъ по гречески и названіе дней въ недѣлѣ.

При объясненіи значенія словъ приводятся часто соотвѣтствующіе термины и слова другихъ языковъ, какъ напр. „Божественное нареченіе: еврейски илъ, гречески о θеосъ, арапьски алла, арменски арьства, пермьски ень, татарски тенгри, по русски Богъ“ (1). „Перецъ греческимъ языкомъ пеперъ, латинскимъ языкомъ пиперъ, арапскимъ фухθелъ, или фулθулъ (фильфиль), нѣмцы пеθелъ, гишпанские пимнеста, французские поивре“ (2). „Аспра гречески, а турки называютъ агча, а татарове ахча“ (3) и т. п.

Вмѣстѣ съ иностранными словами въ нашихъ Азбуковникахъ предлагаются объясненія и русскихъ, какъ напр. безсловесно, величество, качество, молитва, моленіе, чарованіе, лицемѣріе и друг. Въ объясненіяхъ этихъ предлагается иногда различный смыслъ, какой соединяется съ извѣстнымъ словомъ. Славянскія формы почти всегда объясняются русскими и даже народными формами, указывая при этомъ, что первыя употребляются вмѣсто послѣд-

(1) Алфавитъ № 19 л. 34.

(2) Алфавитъ № 18 л. 332.

(3) Ibid. л. 34.

нихъ, напр. апрето вм. того ради, аще—если, аки—якобы, абіе-уже, заразъ, скоро, велій—великій, высокій, знаменитый, даже—нѣжли, ажъ, елма—поелику, еда—аль, или егда—когда, егда—гдѣ, коли, аще—еще же и проч.

Грамматика. При общей характеристикѣ Алфавитовъ мы замѣтили, что внесеніе грамматическихъ правилъ вызвано было потребностію устранить тѣ грубыя грамматическія погрѣшности, какія на каждомъ шагу можно было встрѣтить въ литературныхъ памятникахъ, переписанныхъ невѣждами писцами. Впрочемъ Алфавиты касались не всѣхъ правилъ существовавшихъ тогда грамматикъ Дамаскина о осьми частяхъ рѣчи въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго и Лаврентія Зизанія, а только тѣхъ ея правилъ, нарушенія коихъ чаще всего встрѣчались въ рукописныхъ памятникахъ. Такъ какъ переписчики особенно погрѣшали противъ орѳографіи, то на эту часть грамматики и обращено особенное вниманіе Азбуковниковъ. Оттого въ Азбуковникахъ, на ряду съ другими грамматическими правилами, особенно много встрѣчается правилъ, касающихся орѳографіи. Грамматичество, по словамъ Азбуковника, состоитъ въ томъ „еже разумѣти, како и коими словьми азбучными, каяждо рѣчь писати и кая сила (удареніе) надъ каеюждо рѣчію поставляти, и како каяждо рѣчь глаголати, и еже разумѣти добрѣ, и потонку, еже койми письмены азбучными рѣчи множественныя и единственныя писати и како глаголати, и еже кая письмена въ мужескихъ рѣченіихъ прилична, кая же ли въ женскихъ, и еже разумѣти, нако-

лико потребъ азбучная письмена раздѣляются и еже колико отъ нихъ согласныхъ письменъ, и колико отъ нихъ двогласныхъ, и паки разумѣніе кая суть во азбуцѣ нарицаются краткія слоги и кая ли долгія слоги, и еже которое просодіе пріемлютъ долгій слогъ, кое же ли краткій. И паки грамматичество есть, еже разумѣти ореографіе, и просодіе, и соединительная, и раздѣлительная, воображенія и полаганія ихъ" (1). Въ этомъ опредѣленіи высказано все содержаніе существовавшихъ грамматикъ Дамаскина, Лавр. Зизанія и „Алфавита, како рѣчь которая говорити или писати" (2), принадлежащаго неизвѣстному составителю, жившему въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Самое изложеніе грамматическихъ правилъ имѣетъ то форму катихизическую, съ вопросами и отвѣтами, то акроаматическую. Въ какомъ объемѣ помѣщены грамматическія правила въ этой послѣдней формѣ, мы видѣли при описаніи Алфавитовъ № 15 и 19. Теперь войдемъ въ нѣкоторыя подробности сокращенной грамматики, помѣщенной въ словотолкованіи Алфавита № 18. Послѣ представленной на вопросъ: что такое грамматичество, схемы грамматики, Азбуковникъ начинаетъ изложеніе самой грамматики съ начертанія и количества буквъ, раздѣленія буквъ на гласныя, согласныя, на гласныя долгія и гласныя короткія, и опредѣленія слога. Это,

(1) Алфавитъ № 18 л. 131.

(2) Алфавитъ этотъ напечатанъ у Калайдовича въ его Іоаннѣ, экзархѣ болгарскомъ стр. 198—203.

можно сказать, предисловіе къ самому изложенію грамматическихъ правилъ заканчивается рѣшеніемъ вопроса съ философскимъ характеромъ: „Что ради ова суть письмена согласна, ова же гласна“. „Согласная имена говорится въ отвѣтѣ, яко же плоть есть, немощно ими рещи что безъ прикладу къ нимъ письмене гласнаго, яко же се: стоятъ два согласныхъ *гл*, или будетъ согласныхъ четыре, яко же *прст*, и безъ гласнаго они рещися не могутъ, но стоятъ якоже безъ души. Егда же ко глаголю и людямъ писмя гласное приложиши кое хощеши, тогда уже возможно рещи ихъ“ (1). Далѣе слѣдуетъ самое изложеніе указанныхъ въ опредѣленіи грамматики частей: орѳографіи, просодіи, синтаксиса. Не пускаясь въ мелкія подробности грамматическихъ правилъ, представимъ только опредѣленія указанныхъ частей грамматики. „Что есть орѳографія? Орѳографія есть, еже разумѣти всякую рѣчь писати право, еже бы не поставити острого она, вмѣсто троерогаго въ сицевыхъ: богомъ, сномъ, но да пишеши: бгомъ и снмъ, и не да поставиши ферта вмѣсто ѳиты въ сицевыхъ: Феодоръ, Феофанъ, но да пишеши сице: Ѳеодоръ, Ѳеофанъ, Ѳеофилактъ, Ѳотѣй, Ѳома, Ѳока, Ѳомаида, Ѳотинія, Ѳеодора: во всѣхъ бо именехъ и рѣчехъ, фертъ подлежитъ долгому слогу, а ѳита краткому; и да не поставиши како вмѣсто ѕ въ сицевыхъ: Ксенофонтъ, Ксенія, Алексѣй, но да пишеши сице: ѕеноѳонтъ, ѕенія, Алеѕѣй; и да не пишеши различія мужеска женскимъ сице:

(1) Алфавитъ № 18 л: 131 об.

мужъ, яже любитъ тя; и да не пишеши женска различія мужескимъ сице: жена, иже знаетъ тя, но пиши: жена, яже знаетъ тя; и да не пишеши средняго мѣстоименія мужескимъ или женскимъ реченіемъ сице: сребро, иже дахъ, но пиши: сребро, еже дахъ“ (1). Опредѣленіе второй части грамматики—просодіи слишкомъ кратко. „Просодія по гречески, а по русски припѣло есть, ихъ же суть лицъ, яже нарицаются сице гречески и русски; озія, иже есть острая, варія, еже есть тяжкая“ и т. д. Послѣдняя часть грамматики, синтаксисъ „являетъ соединеніе рѣчи прилучившейся раздѣленѣ быти на полы, егда случится полурѣчи на строцѣ яко же се: въ чело-вѣческое и якоже се: долготер-пѣливое: тако соединяетъ и совокупляетъ синтаксисъ. Но убо словяне не имутъ обычая полагати синтаксиса ни въ письмеиныхъ книгахъ, ни въ печатныхъ, но оставляютъ его, яко излишное мудрованіе, якоже и диѳтонги“ (2). Грамматика заканчивается обращеніемъ: „Се, возлюбленне братіе, весь грамматическій разумъ объявленъ есть. Грамматика бо собою мала есть, точію распространяется сказаніемъ о осми частехъ слова, ихъ же здѣ объявимъ въ графахъ скорѣйшаго ради обрѣтенія и удобнаго ради разумѣнія“ (3). На слѣдующихъ листахъ дѣйствительно слѣдуютъ три таблицы: одна для осьми частей рѣчи, другая для трехъ именъ и третья

(1) Ibid. л. 132.

(2) Ibid. л. 132 об.

(3) Ibid. л. 133.

для склоненія. Кромѣ этихъ спеціальныхъ отдѣловъ, сплоченныхъ въ одно, въ разныхъ мѣстахъ алфавитовъ встрѣчаются отдѣльныя объясненія грамматическихъ терминовъ, формъ, склоненій, спряженій. Нѣкоторыя объясненія имѣютъ оригинальныя и замѣчательныя стороны. Такъ числа глаголовъ объясняются иногда не названіемъ ихъ единственнымъ, множественнымъ, двойственнымъ, но указаніемъ на соотвѣтствующія имъ имена числительныя, какъ напр. „быхъ—единъ, быховѣ—два бѣ, быхомъ—мнози мы, вѣ есвѣ—мы два есме". Времена глаголовъ характеризуются по ихъ внутреннему значенію и употребленію въ различныхъ выраженіяхъ, какъ это можно видѣть изъ разсмотрѣнныхъ формъ бѣхъ и быхъ. „Ино же есть бѣхъ, говорится въ Алфавитѣ, и ино быхъ. По изгнаніи изъ рая рекъ себѣ Адамъ: увы мнѣ, что бѣхъ и что быхъ: бѣхъ бо царь всѣмъ сущимъ на земли и быхъ рабъ грѣху,—бѣхъ прежде и быхъ послѣ".

а) *Философія.* Свѣдѣнія, предлагаемыя Алфавитами по по философіи, очень кратки и рѣдки. Они касаются опредѣленія самаго наименованія философіи, объясненія нѣкоторыхъ философскихъ понятій. Какое дается опредѣленіе философіи, мы видѣли выше, при описаніи Алфавитовъ иностранныхъ рѣчей. Изъ философскихъ понятій въ Азбуковникахъ объясняются существо, естество, свойство, качество. На вопросъ: что есть существо?—дается отвѣтъ: „вещь самодѣятельна, никогоже иного требуя на свое составленіе" (1).

(1) Алфавитъ № 13 л. 29

Естество, якоже по истинѣ глаголется, еже есть отъ него же естествованіе пріемлютъ составы, сирѣчь составленія и и сотворенія, и сотвореніе твари всея, естество и существо и образъ тоже есть“ (1). „Свойство, еже кто имать особно“ (2). „Качество—естество каково. Аще бо речеши; видѣхъ человѣка, и вопрошу тя о качествѣ его, еже какова человѣка видѣлъ, стара ли, или млада, бѣла ли, или черна, то есть качество“ (3). Съ этимъ опредѣленіемъ и объясненіемъ, посредствомъ примѣра, слова „качество“ имѣетъ самую близкую связь „*имство*“, какъ „качество пребывательно, еже каковъ кто имать разумъ, и каковъ имать возрастъ, и образъ лица, или каковъ имать гласъ,—то суть качество“ (4). Кромѣ этихъ опредѣленій понятій, въ Азбуковникахъ встрѣчается толкованіе прилагательнаго „истъ“. „Истое—праведное или сущее“ (5). Такимъ образомъ понятіе истиннаго и сущаго сближены между собою и понятіе истины требовало бытія и бытіе — истины.—Всѣ эти свѣдѣнія ведутъ свое начало отъ діалектики Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго, и изборниковъ Святослава. Въ нихъ они прежде всего появились на славянскомъ языкѣ и чрезъ нихъ распространены были въ дру-

(1) Ibid.

(2) Алфавитъ № 18 л. 411.

(3) Ibid. л. 247.

(4) Idib. л. 236.

(5) Ibid. л. 234 об. Алфавитъ иностр. рѣчей № 19 л. 79 об.

гихъ литературныхъ памятникахъ древняго періода. Отвлеченные философскіе термины, будучи чуждыми разговорному языку, объяснялись въ словаряхъ и оттуда перешли въ Азбуковники въ распространенной формѣ. Всѣ представленныя нами объясненія словъ: качество, естество и проч. заимствованы изъ новгородскаго словаря 1431 г. Объясненіе понятія „*существо*“ почти буквально совпадаетъ съ объясненіемъ его въ статьѣ Ѳеодора Раиѳскаго *о различіи сущтія и естества*, вошедшій въ изборникъ Святослава. Свѣдѣнія по исторіи философіи въ Алфавитахъ чрезвычайно скудны. Они касаются только именъ греческихъ философовъ и времени ихъ дѣятельности. Говоря о томъ или другомъ философѣ, Азбуковники ограничиваются слѣдующими словами: „*Анаксагоръ* учитель бѣ во елинѣхъ нѣкій тако именуемъ: *Димокритъ*—бѣ во елинѣхъ древле философъ нѣкій Димокротъ именуемъ; *Ираклитъ* (Гераклитъ) философъ еллинскій бѣ въ лѣта 5307; *Пиѳагоръ* еллинскій мудрецъ въ лѣта 5307; *Аркезилай* имя философа; *Ипократъ* еллинскій философъ бѣ въ лѣто 5307“. Объ *Аристотелѣ* сказано, что онъ былъ учителемъ Александра Македонскаго, а о Платонѣ говорится только, что онъ жилъ за 1400 л. до Р. Х. Хронологическія данныя, какъ видѣли, за исключеніемъ указанія о Платонѣ, о жизни философовъ относятся вездѣ къ 5307 году и въ этомъ отношеніи слишкомъ ошибочны. Статьи объ *Эпикурѣ* и *стоикахъ* нѣсколько пространнѣе, тѣмъ не менѣе всетаки даютъ слишкомъ мало свѣдѣній. „Епикуръ, говорится въ Азбуковникахъ, бѣ фило-

софъ еллинскій велми честенъ, и того ради исходящеи ученицы отъ училища его нарицахуся епикуры философы: *стоики* философы: во афинѣхъ комара, рекше притворъ, именуема стоя, иже и пикиліи нарицашеся, и та бѣяше училище философіи преслувото и вси учащеися въ немъ нарихуся стоики философы" (1). Къ этимъ свѣдѣніямъ о греческихъ философахъ древняго періода присоединяются свѣдѣнія о *Папасіи* и *Зонарѣ*. О первомъ изъ нихъ говорится: „13 лѣта Іоакима архіерея іюдейска, сына ісусова, бысть во еллинѣхъ философъ Папасій, гречески же Пуфа, иже кругъ небесный изобрѣте во образъ 12 животныхъ, еже есть зодѣй. По нимъ же сказоваше комуждо хотящая быти, себѣ же не разумѣ хотящая быти, но въ корабли пловый утопе" (2). О Зонарѣ говорится: „Зонара же бѣ въ Царьградѣ философъ славный, иже истолковалъ стыхъ аплъ и стыхъ оцъ правила" (3). До чего смутны и неопредѣленны были у составителей Азбуковниковъ свѣдѣнія по исторіи философіи, можно видѣть изъ того, что къ философамъ причислялись, какъ ораторы: Демосѳенъ, Исократъ, такъ и поэты: Виргилій, Еврипидъ, Овидій. Впрочемъ нельзя строго

---

(1) Всѣ свѣдѣнія взяты изъ Алфавита № 18. Объ Анаксагорѣ см. 51 л., Демокритѣ 161 л., Гераклитѣ 222 л., Пиѳагорѣ 359 л., Аркезилаѣ 59 л. Иократѣ 237 л., Аристотелѣ 67 л., Платонѣ 348 л., Епикурѣ 193 л. Стоикахъ 409 л.

(2) Ibid. 217 л. Мѣсто это буквально взято изъ хронографа. См. хронографъ, рук. Солов. библ. № 1510. гл. 95 л. 209 об.—210.

(3) Ibid. 217 л.

относиться къ этимъ свѣдѣніямъ и понимать слово философъ въ томъ смыслѣ, какой можетъ быть приложенъ къ Демокриту, Анаксагору, Платону, Аристотелю и друг. Наши предки не находили строгаго различія между философомъ, риторомъ, ораторомъ, потому что какъ тѣ, такъ и другіе отличались отъ обыкновенныхъ смертныхъ людей своими занятіями. На это какъ нельзя лучше указываетъ слѣдующее мѣсто Азбуковника: „Вѣтій—риторъ, мудрецъ, философъ, рѣчеточецъ, прокураторъ, рѣчникъ, хитрословецъ". Какъ бы то нибыло, однако бѣдность свѣдѣній по философіи, предлагаемыхъ Азбуковниками для граматныхъ людей XVII вѣка, по словамъ г. Баталина, можетъ приводить насъ къ тому заключенію, что наши предки, читая большею частью одни богословскія сочиненія греческой литературы, увлекаясь православно-религіознымъ направленіемъ послѣднихъ, избѣгали сочиненій содержанія философскаго, которыя не согласовались во многомъ съ текстами Свящ. Писанія и вообще съ направленіемъ религіознымъ, съ точки зрѣнія котораго смотрѣли въ то время на всѣ литературныя произведенія. Начало такому взгляду, продолжаетъ г. Баталинъ, на философію положилъ еще Іоаннъ, эксархъ Болгарскій, въ своемъ Шестодневѣ. Объясняя слова книги Бытія о твореніи міра, Іоаннъ возстаетъ противъ несогласныхъ съ богословскимъ ученіемъ мнѣній Парменида, Демокрита, Діогена, Аристотеля, философскія разсужденія которыхъ онъ уподобляетъ морской пѣнѣ. Но если предки наши

РОСПИСАНІЕ

должностей по классамъ, разрядамъ мундировъ и пенсіямъ.

	Классъ должности.	Разрядъ по мундиру.	Окладъ или разрядъ пенсіи.
Въ духовныхъ академіяхъ:			
Ректоръ	—	—	1300 р.
Ординарный профессоръ	V	V	1100 —
Экстраординарный профессоръ	VI	VI	800 —
Доцентъ	VII	VII	550 —
Лекторъ	VIII	VIII	300 —
Инспекторъ	По должности профессор.		
Помощникъ инспектора	VIII	VIII	400 —
Секретарь совѣта и правленія	VII	VII	V разр.
Помощникъ секретаря	IX	IX	VIII —
Библіотекарь	VII	VII	V разр.
Помощникъ библіотекаря	IX	IX	VIII —
Экономъ	IX	IX	VIII —
Врачъ	VIII	VIII	По мед. служ.
Почетный блюститель по хозяйственной части	VII	VII	Правомъ на пенсію не пользуется.
Въ духовныхъ семинаріяхъ.			
Ректоръ	—	—	800 р.
Инспекторъ	VI	VI	700 —
Преподаватель наукъ	VIII	VIII	550 —
Преподаватель новыхъ языковъ	VIII	VIII	150 —
Помощникъ инспектора	IX	IX	300 —
Преподаватели эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи и преподаватели инородческихъ языковъ въ благовѣщенской семинаріи	VIII	VIII	150 —
Секретарь правленія	IX	IX	VIII разр.
Экономъ	X	X	VIII —
Врачъ	VIII	VIII	По мед. служ.

	Классъ должности.	Разрядъ по мундиру.	Окладъ или разрядъ пенсіи.
Почетный блюститель по хозяйственной части.	VШ	VШ	Правомъ на пенсію не пользуется.
Въ духовныхъ училищахъ:			
Смотритель	VШ	VШ	450 руб.
Помощникъ смотрителя. . . .	X	X	350 руб.
Учитель	X	X	300 руб.
Врачъ.	VШ	VШ	300 руб.
Почетный блюститель по хозяйственной части.	IX	IX	Правомъ на пенсіи не пользуются.
Въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ:			
Преподаватель.	VШ	VШ	
Экономъ	X	X	
Врачъ.	X	X	
Почетный блюститель. . . .	VШ	VШ	
	VШ	VШ	

Примѣчаніе. Пенсія въ размѣрѣ 450 р. назначается смотрителямъ духовныхъ училищъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, а въ размѣрѣ 350 руб. занимающимъ смотрительскія должности лицамъ изъ студентовъ семинаріи.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ проэкту положенія о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія.

Святѣйшій Синодъ, при разсмотрѣніи въ 1867 году выработанныхъ Высочайше учрежденнымъ при оном Комитетомъ проектовъ уставовъ и штатовъ духовныхъ семинарій и училищъ, обратилъ, между прочимъ, вниманіе на то, что предположенныя означеннымъ Комитетомъ новыя постановленія о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при

сихъ заведеніяхъ, могли получить Высочайшее утвержденіе не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, а съ другой стороны вызывали необходимость сообразить соединенные съ приведеніемъ оныхъ въ дѣйствіе расходы и наличныя экономическія средства духовно-учебнаго вѣдомства, дабы заблаговременно устранить могущія встрѣтиться финансовыя затрудненія, въ особенности относительно новыхъ правилъ о производствѣ пенсій и пособій за службу при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ. Принявъ во вниманіе, что уже законченная работа Комитета должна была вслѣдствіе сего подвергнуться въ нѣкоторой своей части новому пересмотру и что затѣмъ дѣло преобразованія среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній, начавшееся еще въ 1862 году, снова отсрочилось бы на неопредѣленное время, Святѣйшій Синодъ призналъ возможнымъ исключить изъ проектированныхъ уставовъ всѣ предположенія, касающіяся служебныхъ правъ и преимуществъ должностныхъ лицъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи внести эти предположенія на Высочайшее утвержденіе въ видѣ особаго „Положенія“. Посему, вмѣсто исключенныхъ такимъ образомъ статей въ проектахъ уставовъ, въ сихъ послѣднихъ сдѣлано было только упоминаніе о томъ, что права и преимущества лицъ, служащихъ при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, опредѣляются особымъ положеніемъ (§ 188 уст. дух. сем. и § 128 уст. дух. училищъ), а опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ $^{3}/_{10}$ мая 1867 г. было постановлено: въ случаѣ Высочайшаго утвержденія новыхъ уставовъ и штатовъ духовныхъ семинарій и училищъ, предположенія о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ въ сихъ заведеніяхъ, представить на таковое же утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему въ 14-й день того же мая, удостоивъ утвержденія означенные уставы и штаты, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣть соизволилъ: предположеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, внести въ Государственный Совѣтъ.

Въ виду сего, при изданіи за тѣмъ Высочайше утвержденнаго 20 сентября 1868 г. устава епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ оный не внесены статьи, касающіяся

служебныхъ правъ должностныхъ лицъ въ этихъ заведеніяхъ; равнымъ образомъ и при составленіи новаго устава духовныхъ академій, Высочайше утвержденнаго 30 мая 1869 г., вновь проектированныя постановленія о правахъ и преимуществахъ, какъ служащихъ при академіяхъ, такъ и получающихъ отъ оныхъ ученыя степени, выдѣлены изъ устава, въ который взамѣнъ того внесенъ параграфъ, изъясняющій, что права и преимущества этихъ лицъ имѣютъ быть опредѣлены особымъ положеніемъ (§ 181 уст. дух. акад.).

По изданіи сего послѣдняго устава, закончившемъ преобразованіе всѣхъ видовъ духовно-учебныхъ заведеній, въ центральномъ управленіи духовнаго вѣдомства приступлено было къ составленію предположеннаго новыми учебными уставами „Положенія“, но дѣло это не могло быть приведено къ окончанію за производившеюся съ министерствомъ финансовъ до конца 1872 г. перепискою по вопросу о новыхъ, увеличенныхъ окладахъ пенсій лицамъ духовно-учебной службы, составляющему одинъ изъ главныхъ и существенныхъ предметовъ новаго положенія. Въ 1873 году вопросъ этотъ получилъ окончательное разрѣшеніе: расходъ на производство пенсій и единовременныхъ пособій по духовно-учебному вѣдомству въ увеличенномъ размѣрѣ примѣнительно къ пенсіоннымъ окладамъ по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, за несогласіемъ министра финансовъ отнести оный на средства Государственнаго казначейства, положено принять на состоящій въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода духовно-учебный капиталъ; въ возмѣщеніе же, хотя частію, сего расхода, послѣдовавшимъ, по представленію моему, Высочайше утвержденнымъ въ 8 день мая 1873 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленъ вычетъ 2% изъ содержанія состоящихъ на службѣ по духовно-учебному вѣдомству лицъ, а также изъ пенсій пенсіонеровъ, коимъ будутъ назначены пенсіи изъ духовно-учебнаго капитала, съ обращеніемъ таковыхъ вычетовъ въ составъ сего послѣдняго.

За симъ подвергнутъ былъ обсужденію Святѣйшаго Синода изготовленный, по моему распоряженію, проектъ предполагаемаго уставами духовныхъ академій, семинарій и училищъ положенія о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія. Святѣйшій Си-

нодъ, разсмотрѣвъ и, по нѣкоторомъ исправленіи, одобривъ этотъ проектъ, предоставилъ мнѣ повергнуть оный, установленнымъ порядкомъ, на Высочайшее усмотрѣніе.

При сопоставленіи дѣйствующихъ нынѣ узаконеній относительно правъ и преимуществъ службы по духовноучебному вѣдомству съ соотвѣтственными узаконеніями по министерству народнаго просвѣщенія, нельзя не замѣтить, что права и преимущества, какими пользуются доселѣ служащіе при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, во многихъ отношеніяхъ значительно ниже правъ и преимуществъ лицъ, состоящихъ на службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ упомянутаго министерства. Между тѣмъ законы наши относятъ духовныя академіи, на ряду съ университетами, къ разряду высшихъ, а семинаріи, на равнѣ съ гимназіями, къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній (прил. къ ст. 88 Уст. служ. Прав. т. III Св. 1857 г); духовныя же училища приравниваютъ уѣзднымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія (ст. 605). Съ другой стороны, духовно-учебныя заведенія по своему значенію для государства отнюдь не ниже параллельныхъ имъ учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія, а съ преобразованіемъ по Высочайше утвержденнымъ въ 1867 и 1869 гг. уставамъ и штатамъ, они по своему внутреннему строю и постановкѣ учебной части поставлены почти въ уровень съ сими послѣдними; причемъ значительно возвышены условія полученія ученыхъ степеней и должностей по учебной и воспитательной части въ духовномъ вѣдомствѣ, равно какъ требованія относительно самаго исполненія педагогическихъ обязанностей не только въ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ и въ училищахъ.

Посему общимъ руководительнымъ началомъ при составленіи проекта новаго положенія о правахъ и преимуществахъ духовно-учебной службы принята мысль, чтобы лица, служащія при духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ отношеніи правъ и преимуществъ были сравнены, на сколько позволятъ экономическія средства духовнаго вѣдомства, съ лицами, занимающими соотвѣтственныя должности въ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ виду этого начала, проэктомъ новаго росписанія должностей духовно-учебнаго вѣдомства по классамъ предположено присвоить опредѣленные классы всѣмъ должностямъ,

занимаемымъ особыми лицами, и при этомъ классы нѣкоторыхъ изъ нихъ сравнительно съ прежнимъ возвысить нѣсколькими степенями, такъ какъ прежними штатами духовно-учебныхъ заведеній нѣкоторымъ должностямъ въ нихъ не было назначено классовъ, а иныя въ отношеніи классовъ постановлены были ниже соотвѣтствующихъ имъ должностей въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, должность ординарнаго профессора духовной академіи, состоящая нынѣ по росписанію должностей въ VII классѣ, проектомъ новаго росписанія отнесена, по примѣру университетовъ, къ V классу; должность экстраординарнаго профессора и должность доцента въ академіи (прежняя должность баккалавра или адъюнкта), одинаково состоящія нынѣ въ VIII классѣ, отнесены первая къ VI, а вторая къ VII классу, соотвѣтственно таковымъ же должностямъ въ университетахъ.

Для должностей: лектора, помощника инспектора, библіотекаря, секретаря совѣта и правленія въ академіяхъ доселѣ не было вовсе положено классовъ, потому что обязанности по симъ должностямъ обыкновенно отправлялись наличными преподавателями академій; но такъ какъ по новымъ уставамъ на всѣ эти должности назначаются особыя лица, то согласно съ университетскимъ положеніемъ должности лектора и помощника инспектора академіи предполагается отнести къ VIII классу, а должностямъ библіотекаря и секретаря совѣта (вмѣстѣ и правленія) академіи, примѣнительно къ тому же положенію, предназначенъ VII-й классъ. Полнаго уравненія въ классѣ должности библіотекаря въ академіяхъ съ тою же должностью при университетахъ, гдѣ имъ усвоенъ VI классъ, не проводится и эта должность при академіи даже ставится въ разрядъ должностей не учебной, а гражданской службы по духовно учебному вѣдомству, въ виду того, что въ библіотекари академіи (по § 72 уст. дух. акад.) могутъ быть избираемы и дѣйствительно избираются лица, неполучившія никакой ученой степени, а только имѣющія достаточное образованіе и нужные для успѣшнаго исполненія библіотекарской должности опытъ и свѣдѣнія, и что управленіе академическими библіотеками, сравнительно съ университетскими, требуетъ меньшаго труда, какъ по значительно меньшему числу пользующихся ими, такъ и по самому ихъ составу, не столь обширному и сложному, какъ

при университетахъ. Равнымъ образомъ и дѣлопроизводство въ академіяхъ, при значительно меньшемъ составѣ служащихъ и учащихся въ нихъ, въ сравненіи съ университетами, требуетъ менѣе усиленныхъ занятій. Подтвержденіе симъ соображеніямъ представляетъ собою и разность въ окладахъ содержанія, назначенныхъ упомянутымъ должностнымъ лицамъ въ университетахъ и академіяхъ: въ первыхъ изъ нихъ библіотекарю и секретарю совѣта положено по 1500 р., въ академіяхъ же библіотекарю назначено 800 р. и секретарю 1000 р. На основаніи тѣхъ же соображеній и вновь учрежденная должность помощника библіотекаря поставляется однимъ классомъ ниже (IX) противу такой же должности въ университетахъ. Должности же помощника секретаря въ академіяхъ, также принадлежащей къ числу вновь учрежденныхъ, предположено опредѣлить классъ, одинаковый съ должностью секретарей правленій и по студентскимъ дѣламъ въ университетахъ (IX), во вниманіи къ тому, что помощникъ секретаря академіи составляетъ въ канцеляріи ея единственное лицо, могущее замѣнить собою секретаря, въ случаѣ болѣзни или отсутствія сего послѣдняго, и посему самому долженъ быть избираемъ изъ чиновниковъ способныхъ и образованныхъ, для которыхъ должность ниже IX класса представляла бы слишкомъ мало интереса. Должность эконома академіи возвышается однимъ классомъ противъ нынѣ положеннаго оной (X), соотвѣтственно предполагаемому общему возвышенію классовъ должностей для служащихъ въ академіяхъ.

Должность инспектора семинаріи, положенную нынѣ въ VIII классѣ, признается справедливымъ возвысить въ VI классъ, а учителямъ семинарій, не исключая и преподавателей новыхъ языковъ, присвоить VIII классъ, вмѣсто IX, наравнѣ съ инспекторами и учителями гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Помощники инспектора въ семинаріяхъ, пользующіеся нынѣ классомъ должности равнымъ съ учителями, оставляются по прежнему въ IX классѣ, а не сравниваются съ преподавателями, въ томъ соображеніи, что должность помощника инспектора можетъ быть по новому уставу духовныхъ семинарій занимаема не только магистрами и кандидатами, но и дѣйствительными студентами духовныхъ академій и даже студентами семинарій (§ 53 уст. дух. сем.), для кото-

рыхъ усвоеніе VIII класса было бы прерогативою, несоразмѣрною съ ихъ правами по учебному званію.

При рижской духовной семинаріи, по особымъ мѣстнымъ условіямъ, Св. Сунодомъ признано необходимымъ, и по преобразованія ея, оставить учрежденныя въ 1851 г., но не вошедшія въ штатъ дух. сем. 1867 г., должности лекторовъ эстскаго и латышскаго языковъ. Высочайше утвержденнымъ 30 мая 1858 г. положеніемъ комитета министровъ о классахъ должностей лекторовъ въ рижской семинаріи и другихъ правахъ службы по симъ должностямъ, должности лекторовъ въ высшихъ классахъ семинаріи опредѣленъ X классъ, а въ низшихъ (равнявшихся училищу) XII классъ. Въ настоящее время такое различіе въ классѣ должности не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ прежніе низшіе классы рижской семинаріи, согласно уст. дух. семин. 14 мая 1867 г., выдѣлены изъ оной и преобразованы въ духовное училище. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что въ рижской и ревельской гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ также полагаются особые преподаватели эстскаго и латышскаго языковъ, преподаватели эти пользуются по службѣ правами равными съ учителями новыхъ языковъ, которые въ свою очередь сравнены съ учителями другихъ предметовъ, предполагается означеннымъ лекторамъ, наравнѣ съ прочими преподавателями семинаріи, назначить VIII классъ по должности, именовавъ ихъ преподавателями.

Согласно сему предназначается VIII классъ по должности и опредѣляемымъ въ нѣкоторыя семинаріи преподавателямъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ, находящимся въ одинаковомъ положеніи съ учителями эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи.

Должности секретаря семинарскаго правленія, которая по прежнему уставу дух. семин. всегда соединялась съ должностью преподавателя, а по уставу 1867 г. можетъ быть занимаема и преподавателями и особыми лицами, предполагается присвоить IX классъ, по соображеніи съ штатомъ гимназій, въ коихъ должность бухгалтера или письмоводителя, низшая противъ секретарской по свойству соединенныхъ съ тою и другою обязанностей, положена въ X классѣ.

Должности эконома признается справедливымъ опредѣлить X классъ вмѣсто XII, дабы обезпечить возможность

пріисканія на оную людей болѣе опытныхъ и способныхъ къ веденію хозяйственной части семинарій.

Должности смотрителя въ духовныхъ училищахъ предназначается классъ (VIII), высшій противъ положеннаго нынѣ (IX). Въ этомъ случаѣ приняты въ соображеніе: 1) классъ должности, назначенный учителямъ-инспекторамъ городскихъ трехклассныхъ и четырехклассныхъ училищъ (Высочайше утвержд. 31 мая 1872 г. штаты город. учил.), съ которыми имѣютъ право быть сравнены смотрители духовныхъ училищъ, и 2) необходимость уравненія смотрительской должности въ духовныхъ училищахъ съ должностью преподавателя семинаріи, такъ какъ по уставу дух. училищъ (§ 48), смотритель училища, наравнѣ съ преподавателемъ семинаріи, долженъ имѣть ученую степень магистра или кандидата академіи, и только въ случаѣ крайней необходимости и при извѣстныхъ условіяхъ допускается къ исправленію должности смотрителя лицо изъ имѣющихъ званіе студента семинаріи; посему, если въ интересахъ училищъ желательно, чтобы во главѣ ихъ педагогической корпораціи находились лица съ высшимъ академическимъ образованіемъ, то необходимо поставить смотрительскую должность въ отношеніи служебныхъ правъ, по возможности, въ уровень съ преподавательскою должностью въ семинаріяхъ.

Для учителей духовныхъ училищъ, изъ которыхъ по прежнему росписанію должностей, одни—старшіе пользуются X классомъ, а другіе—младшіе XII, предположено оставить только одинъ 10 классъ, на томъ основаніи: что во 1-хъ, по уставу и штату 1867 г. не существуетъ раздѣленія учителей на старшихъ и младшихъ, а во 2-хъ, что уставомъ симъ возвышены условія поступленія на учительскую должность въ духовныхъ училищахъ (§ 66): теперь въ учители училищъ опредѣляются лица, имѣющія по меньшей мѣрѣ званіе студента семинаріи и удовлетворительно сдавшія испытаніе посредствомъ пробныхъ уроковъ, тогда какъ при дѣйствіи прежняго устава на должность эту могли поступать воспитанники семинаріи, окончившіе курсъ во второмъ разрядѣ и не представившіе никакого удостовѣренія въ своихъ познаніяхъ и способностяхъ къ преподаванію. Должность помощника смотрителя въ училищахъ предположено поставить въ одинаковомъ классѣ съ учителями, такъ какъ должность эта замѣняетъ собою прежнюю должность

инспектора духовныхъ уѣздныхъ училищъ, которая по прежнему росписанію должностей положена была въ одномъ классѣ съ старшими учителями (въ X).

Состоящихъ при нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ учителей инородческихъ языковъ, соотвѣтственно вышеизложеннымъ соображеніямъ относительно преподавателей этихъ языковъ въ семинаріяхъ, предполагается отнести, на ряду съ прочими учителями училища, къ X классу по должности.

При составленіи настоящаго проэкта положенія признано необходимымъ опредѣлить служебныя права и преимущества лицъ, кои доселѣ еще не пользовались никакими правами службы, таковы всѣ служащія при епархіальныхъ женскихъ училищахъ, учреждаемыхъ или преобразуемыхъ по Высочайше утвержденному 20 сентября 1868 г. уставу. На основаніи § 54 сего устава, преподавателями въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ могутъ быть духовныя и свѣтскія лица, имѣющія удовлетворительныя аттестаты о своемъ образованіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Соотвѣтственно такому различію по степени образованія между учителями означенныхъ учебныхъ заведеній, предполагается предоставить этимъ лицамъ и различныя права по классу должности, а именно: однихъ изъ нихъ, имѣющихъ ученыя богословскія степени или одобрительные аттестаты объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія или свидѣтельства на званіе учителя гимназіи, сравнить въ семъ отношеніи съ преподавателями духовныхъ семинарій и отнести должность ихъ къ VIII классу, всѣхъ же прочихъ—съ наставниками духовныхъ училищъ, присвоивъ имъ X классъ. Такое предположеніе имѣетъ для себя прецедентъ въ подобныхъ постановленіяхъ, встрѣчающихся въ Высочайше утвержденномъ 26 мая 1869 г. положеніи о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ юго-западномъ краѣ (ст. 22) и въ положеніи 24 мая—5-го іюня 1870 г. о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія (§ 42), съ которыми вообще могутъ быть сравнены епархіальныя женскія училища по своей учебной программѣ.

Эконому епархіальнаго женскаго училища предположенъ классъ должности, равный съ экономами духовныхъ семинарій—X.

Общія для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній должности

врачей и почетныхъ блюстителей по хозяйственной части предположено оставить въ тѣхъ же классахъ и при тѣхъ правахъ, кои имъ присвоены дѣйствующими нынѣ постановленіями. Высочайше утвержденными 15 апрѣля 1859 года и 3 декабря 1860 г. опредѣленіями Св. Сунода предоставлено почетнымъ блюстителямъ изъ лицъ дворянскаго сословія пользоваться правами государственной службы, съ отнесеніемъ этой должности по академіямъ къ VII, по семинаріямъ къ VIII и по духовнымъ училищамъ къ IX классу, блюстителямъ же изъ купеческаго сословія присвоены только мундиры соотвѣтствующихъ означеннымъ классамъ разрядовъ. Но въ приведенныхъ постановленіяхъ не были опредѣлены права почетныхъ блюстителей при епархіальныхъ женскихъ училищахъ, такъ какъ званіе это учреждено при означенныхъ заведеніяхъ въ позднѣйшее время, съ изданіемъ Высочайше утвержденнаго 20 сентября 1868 г. устава. Посему должность почетнаго блюстителя по хозяйственной части при женскихъ училищахъ внесена въ проектъ новаго росписанія должностей по духовно-учебному вѣдомству съ присвоеніемъ оной того же класса и разряда мундира (VIII), коими пользуются почетные блюстители при духовныхъ семинаріяхъ. При этомъ предположеніи имѣлось въ виду, что епархіальныя женскія училища, открываемыя и содержимыя исключительно на мѣстныя средства, безъ всякаго пособія изъ суммъ Св. Сунода, болѣе чѣмъ всѣ другія учебныя заведенія духовнаго вѣдомства нуждаются въ привлеченіи на должность почетнаго при нихъ блюстителя такихъ лицъ, которыя, согласно § 59 уст. епарх. женскихъ учил., содѣйствовали бы возможно лучшему содержанію училища по хозяйственной части денежными и другими единовременными или постоянными приношеніями. Равнымъ образомъ въ интересахъ епархіальныхъ женскихъ училищъ требуется предоставленіе извѣстнаго класса должности состоящимъ при нихъ врачамъ, которые исполняютъ свои обязанности по этимъ заведеніямъ или безвозмездно, или за незначительное вознагражденіе. На основаніи Высочайше утвержденнаго 22 августа 1862 г. дополнительнаго росписанія медицинскихъ должностей по классамъ (росп. прилож. къ ст. 358 и 975 т. III. Уст. Служб. Прав. Св. 1857 г. по прод. 1863 г.), врачамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ предполагается назначить, наравнѣ съ врачами при всѣхъ прочихъ духов-

но-учебныхъ заведеніяхъ, VIII классъ по должности и таковой же разрядъ мундира.

Разряды мундировъ для лицъ духовно-учебной службы предназначены тождественные съ вновь опредѣляемыми классами должностей.

Изъ всѣхъ штатныхъ должностей духовно-учебнаго вѣдомства проектомъ новаго росписанія неопредѣлено классовъ для должностей ректора и инспектора въ академіяхъ, а также ректора и библіотекаря въ семинаріяхъ (проектъ росписанія), на томъ основаніи, что: 1) должности ректоровъ какъ въ академіяхъ, такъ и въ семинаріяхъ могутъ занимать исключительно лица духовнаго сана, съ которымъ было бы несообразно соединять усвоеніе преимущества, принадлежащаго лицамъ гражданской службы и въ ней только имѣющаго значеніе; 2) въ инспекторы академіи избираются на опредѣленный (4-хъ лѣтній) срокъ наличные профессоры, уже по этой послѣдней должности пользующіеся извѣстнымъ классомъ; 3) точно также обязанности библіотекаря семинаріи непремѣнно возлагаются на наличныхъ преподавателей оной.

Приватъ-доцентовъ въ академіяхъ не предполагается считать въ государственной службѣ, но, согласно университетскому положенію о сихъ лицахъ (примѣч. 2 къ 60 ст. т. III Уст. служб. прав. по прод. 1868 г.), имъ предоставляется пользованіе преимуществами классныхъ чиновниковъ (проектъ „Положенія“ статья 2, примѣч. 2).

Учителямъ еврейскаго языка, иконописанія, церковнаго пѣнія и гимнастики въ семинаріяхъ, а также учителямъ пѣнія и чистописанія въ мужскихъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ, не предназначается класса должности и вообще правъ государственной службы (проектъ „Положенія“ статья 11), какъ обучающимъ по найму. Притомъ же преподаваніе еврейскаго языка почти повсюду въ семинаріяхъ возлагается на одного изъ штатныхъ учителей другихъ предметовъ.

Относительно производства въ чины профессоровъ и прочихъ преподавателей академій, инспектора и учителей семинаріи, а также смотрителя, его помощника и учителей училищъ, предположены значительныя измѣненія въ дѣйствующихъ нынѣ постановленіяхъ по сему предмету.

Доселѣ всѣ эти лица почти сравниваются въ правахъ по чинопроизводству съ чиновниками общей гражданской службы и, безъ различія занимаемыхъ ими должностей, сначала ут-

верждаются въ томъ классномъ чинѣ, на который даетъ право ихъ ученая степень или аттестатъ заведенія, въ коемъ они обучались, а потомъ производятся въ слѣдующія чины на основаніи общихъ правилъ, съ тѣмъ только отличіемъ отъ гражданскихъ чиновниковъ, что могутъ быть производимы тремя чинами выше класса, присвоеннаго ихъ должности (Уст. служб. Прав. ст. 739 по прод. 1863 г.). Служащіе же по учебной части министерства народнаго просвѣщенія пользуются въ семъ отношеніи слѣдующими преимуществами: 1) профессоры, доценты и лекторы Императорскихъ университетовъ утверждаются (непосредственно за опредѣленіемъ въ должности) въ чинахъ: ординарные профессоры — V класса, экстраординарные профессоры — VI класса, доценты—VII класса и лекторы—VIII класса (Уст. служб. Прав. ст. 760 по прод. 1869 г.), 2.) инспекторы, преподаватели, надзиратели гимназій и прогимназій, помощники классныхъ наставниковъ, а также воспитатели находящихся при сихъ заведеніяхъ пансіоновъ, утверждаются въ чинахъ тѣхъ классовъ, которые присвоены ихъ должности, со старшинствомъ со дня вступленія въ должность, по выслугѣ четырехъ лѣтъ (Уст. Служб. прав. ст. 769 и 770 по прод. 1872 г.); 3) штатные смотрители уѣздныхъ училищъ и учители наукъ, инспекторы трехклассныхъ и четырехклассныхъ городскихъ училищъ и всѣ штатные учители оныхъ, равно учители двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, также утверждаются въ классахъ, должности ихъ присвоенныхъ, по выслугѣ четырехъ лѣтъ, со старшинствомъ со дня опредѣленія въ должность (Уст. служб. Прав. ст. 775 и Высоч. утвержд. 31 мая 1872 г. полож. о гор. учил. § 22); при этомъ всѣ профессоры, прочіе преподаватели и помощники проректора (или инспектора) въ университетахъ могутъ быть производимы двумя чинами выше присвоеннаго каждой должности класса (Уст. служ. Прав. ст. 803 по прод. 1864 г.), а всѣ служащіе по учебной и воспитательной части въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, равно уѣздныхъ и городскихъ училищахъ (за исключеніемъ директоровъ гимназій, прогимназій, трехклассныхъ и четырехклассныхъ училищъ и смотрителей уѣздныхъ училищъ) — тремя чинами выше класса занимаемой ими должности (Уст. служб. Прав. ст. 803 Св. 1857 г. и по прод. 1872 г. и полож. о город. учил. § 22).—Соотвѣтственно сему представляется справедливымъ;

1) на профессоровъ и прочихъ преподавателей академій (исключая приватъ-доцентовъ) распространить право непосредственнаго производства въ чины, присвоенные ихъ должностямъ; 2) инспекторамъ, помощникамъ инспектора и преподавателямъ духовныхъ семинарій, а также смотрителямъ, ихъ помощникамъ и учителямъ духовныхъ училищъ, предоставить право утвержденія въ чинахъ, соотвѣтствующихъ классу должности, по выслугѣ въ оной четырехъ лѣтъ, со старшинствомъ со дня вступленія въ должность и затѣмъ 3) предоставить служащимъ по учебной части въ академіяхъ и помощникамъ инспектора въ оныхъ производство двумя, а служащимъ въ семинаріяхъ и училищахъ тремя чинами выше присвоеннаго каждой должности класса, исключая инспекторовъ семинарій и смотрителей духовныхъ училищъ; тѣхъ и другихъ предположено, по примѣру инспекторовъ гимназій и прогимназій, а также штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ и инспекторовъ четырехклассныхъ и трехклассныхъ училищъ, подчинить относительно производства въ чинъ, слѣдующій за присвоеннымъ ихъ должности классомъ, общимъ, для гражданской службы установленнымъ, правиламъ, т. е. производить ихъ только однимъ чиномъ выше класса ихъ должности (проектъ „полож". статьи 2, 3, 4 и 8).

Состоящимъ въ должности помощника инспектора въ семинаріяхъ дѣйствительнымъ студентамъ академій и студентамъ семинарій предположено предоставить права по чинопроизводству, нѣсколько ниже тѣхъ, которыя проектированы для помощниковъ инспектора изъ магистровъ и кандидатовъ. Между тѣмъ какъ этимъ послѣднимъ предполагается присвоитъ наравнѣ съ воспитателями гимназій министерства народнаго просвѣщенія производство въ чинъ, соотвѣтствующій ихъ должности, по выслугѣ четырехъ лѣтъ, для первыхъ представляется вполнѣ достаточнымъ, по ихъ учебному званію, преимуществомъ утвержденіе въ должности (которую они исправляютъ) и IX классѣ по прослуженіи шести лѣтъ (проектъ „Положенія" статья 4).

Равнымъ образомъ преподавателямъ новыхъ языковъ въ семинаріяхъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашняго наставника, предназначаются нѣсколько отличныя отъ прочихъ учителей семинарій права по чинопроизводству, согласно существующимъ относительно домашнихъ наставниковъ узаконеніямъ (проектъ „Положенія" статья 7).

Изложенныя выше служебныя преимущества въ отношеніи класса должности и чинопроизводства, проектируемыя для лицъ, занимающихъ штатныя должности по учебной и воспитательной части въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, признано необходимымъ распространить по принадлежности и на служащихъ въ тѣхъ заведеніяхъ сверхъ штата (проектъ „Пололженія“ примѣч. 1-е къ ст. 2, ст. 3 примѣч., ст. 4 примѣч. и примѣч. 1-е къ ст 8), коковы суть: въ академіяхъ — преподаватели вводимыхъ. съ разрѣшенія Св. Сѵнода, на основаніи § 115 уст. дух. академіи, новыхъ наукъ, сверхъ поименованныхъ въ уставѣ этихъ учрежденій; въ семинаріяхъ: а) преподаватели вводимыхъ въ сихъ заведеніяхъ, по мѣстнымъ потребностямъ епархій, согласно 129 § уст. дух семин., особыхъ предметовъ (напр. о расколѣ или иновѣрномъ исповѣданіи, преобладающемъ въ извѣстной мѣстности); б) учители открываемыхъ по желанію духовенства для дѣтей его параллельныхъ отдѣленій при штатныхъ классахъ (на основаніи 8 § уст. сем.); в) сверхштатные помощники инспектора, назначаемые въ тѣхъ случаяхъ, когда число учащихся въ семинаріи значительно превышаетъ штатную норму ихъ, вслѣдствіе открытія духовенствомъ параллельныхъ отдѣленій; въ училищахъ-учители открываемыхъ на средства, изыскиваемыя духовенствомъ: а) параллельныхъ классовъ (уст. дух. учил. § 83); б) высшихъ классовъ, сверхъ четырехъ, назначенныхъ уставомъ (Уст. дух. учил. § 9 примѣчаніе), и в) классовъ приготовительныхъ, которые Св. Сѵнодомъ разрѣшено открывать въ видахъ предоставленія духовенству большей возможности къ надлежащей подготовкѣ его дѣтей для обученія въ духовныхъ училищахъ. Очевидно, что для успѣшнаго хода учебнаго дѣла необходимо, чтобы всѣ вышепоименованныя должности доставляли занимающимъ ихъ лицамъ пользованіе правами дѣйствительной службы и, по возможности, тѣми преимуществами, какія предполагается усвоить штатнымъ преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній; въ противномъ случаѣ для духовнаго начальства было бы невозможно ожидать, чтобы сверхштатные наставники удовлетворяли тѣмъ же условіямъ, которыя требуются отъ штатныхъ и которыми необходимо гарантируется удовлетворительная педагогическая дѣятельность.

Въ числѣ лицъ, занимающихъ сверхштатныя должности

въ семинаріяхъ и училищахъ, состоятъ и преподаватели инородческихъ языковъ (татарскаго, калмыцкаго, чувашскаго, черемисскаго, осетинскаго, монгольскаго и проч.), которые принадлежатъ къ предметамъ, неположеннымъ уставами. дух. сем. и учил., но вводимымъ въ курсъ того или другаго заведенія по мѣстнымъ потребностямъ епархій, заключающихъ въ себѣ инородческое населеніе. По вниманію къ тому, что преподаваніе инородческихъ языковъ можетъ быть возлагаемо, по преимуществу, на инородцевъ, изъ среды которыхъ не всегда возможно пріискать людей, соединяющихъ съ способностью и умѣньемъ обучать своему родному языку образованіе не только въ высшемъ, но даже въ среднемъ учебномъ заведеніи, и что посему сравненіе ихъ въ правахъ по чинопроизводству съ прочими наставниками семинаріи было бы неудобно,—предполагается учителямъ инородческихъ языковъ въ семинаріяхъ и училищахъ, равно какъ преподавателямъ эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи, предоставить въ семъ отношеніи права примѣнительно къ Высочайше утвержденному 30 мая 1858 г. положенію о должностяхъ лекторовъ (нѣмецкаго, эстскаго и латышскаго языковъ) въ рижской семинаріи. Положеніемъ этимъ опредѣлены для означенныхъ должностныхъ лицъ различныя права соотвѣтственно степени ихъ образованія: лекторамъ, которые получили ученыя степени магистровъ и кандидатовъ духовныхъ академій и университетовъ, или званія дѣйствительныхъ студентовъ университетовъ и студентовъ семинарій, присвоены по чинопроизводству права, одинаковыя съ наставниками семинаріи; лекторовъ, окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, если не получили ученаго званія, положено утверждать въ чинѣ четырнадцатаго класса, по выслугѣ четырехъ лѣтъ, а лекторовъ, не обучавшихся въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и университетахъ, или не окончившихъ въ оныхъ курса наукъ, производить въ чины по общимъ правиламъ гражданской службы, съ сохраненіемъ для нихъ изъ предоставленныхъ наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній преимуществъ только права производства тремя чинами выше класса занимаемой ими должности. Но какъ изъ числа лицъ этой послѣдней категоріи могутъ быть и такія, кои, по происхожденію своему изъ податнаго состоянія, не имѣютъ права на вступленіе въ общую гражданскую службу, а опредѣлены будутъ лекторами, на основаніи особыхъ правилъ

Handjeri. Dictionnaire française—arabe—persan et turque. Tom. I—III. 4°. 1840—41. Mosquae. 4 exempl. (XXIV. 4. 1—4).

Hedericus (Ben.). Lexicon manuale graecum, in tres partes: hermeneuticam, analyticam et syntheticam, divisum. 8°. 1722. Lipsiae. (XCIX. 1. 1).

Hedericus, Ernestus et **Morell**. Graecum lexicon manuale, primum a Beniamino Hederico institutum, postremo innumeris vitiis repurgatum plurimisque novis significationibus verborum locupletatum cura Jo. Augusti Ernesti, atque iterum recensitum et quamplurimum in utraque parte auctum a T. Morell. Editio nova. 4°. 1821. Londini. (XCVIII. 8. 21).

Hedericus et **Ernestus**. Graecum lexicon manuale, primum a Beniam. Hederico institutum, post emendatum cura Jo. Augusti Ernesti. 8°. 1834. Petropoli. 3 exempl. (XCIX. 1. 2—3 и XCVIII. 2. 17).

Hesychius. Lexicon cum notis doctorum virorum Animadversiones adjecit Joannes *Alberti*, cum ejusdem prolegomenis et adparatu Hesychiano. Tom. I—II. Fol. 1746—66. Lugduni Batav. (XXIX. 8. 9).

Hillerus. Onomasticum sacrum. 4°. 1706. Tübing. 2 exempl. (XXIII. 4. 15 и 3. 15).

Johnson. A dictionary persian, arabic and english. 4°. 1852. London. (XXIV. 5. 8).

Jungmann. Slownik česko—německý Josepha Jungmanna. Díl. I—V. 4°. 1835—39. W Praze. (C. 6. 13).

К. (Г.). *Διατριβη επι της καταζασεως της ενεζωσης κοινης ημων γλωσσης τυ Γ. Κ.* 8°. 1708. *Εν Μοσχα.* (XCVIII. 1. 12).

Kazimirsky (B.). Dictionnaire arabe-française, contenante toutes les racines de la langue arabe, leur derives, tant dans l'idiome vulgaire, que dans l'idiome litteral, ainsi que les dialects d'Alger et de Maroc. Tom. I—II. 8°. 1846—60. Paris. 2-i exempl. tom. II. (XXIV. 2. 26—27).

Klotz. Handwörterbuch der lateinischen Sprache. Unter Mitwirkung von Lübker und Hudemann, herausg. von Reinhold Klotz. Bände I—IV. 8°. 1858. Braunschweig. (XXIX. 5. 16).

Knollii vocabularium biblicum Novi Testamenti, secundum seriem capitum atque versuum adornatum. 8°. 1751. Lipsiae. (V. 6. 9).

Konig (Georg. Matthias). Garthius olim bilinguis, jam trilinguis, sive lexicon latino-germanico-graecum. 8°. 1658. Norinberg. (XXX. 1. 28).

Kieffer et **Bianchi**. Dictionnaire turc-française. Tom. I—II. 8°. 1835—37. Paris. 2 exempl. (XXIV. 2. 4—5).

Kypke (G. Dav.). Vocabularium graecum in Novi Foederis libros secundum capitum et versuum ordinem. 8°. 1795. Lipsiae. (XCIX. 3. 33).

Langius. Clavis hebraei codicis. 8°. 1735. Halae Magdeb. 2 ex. (XXIII. 1. 26—27).

Leigh (Eduardus). Critica sacra, id est, observationes philologico-theologicae in omnes radices et voces hebraeas Veteris Testamenti. Tom. I—II. 4°. 1706. Gothae. (V. 3. 8).

Leusden. Compendium biblicum, continens ex 23202 versiculis totius V. Testamenti tantum versiculos 2289, in quibus omnes universi V. T. voces tam primitivae, quam derivativae, tam hebraicae, quam chaldaicae una cum versione latina inveniuntur. Acced. *compendium* graecum N. Testamenti, continens ex 7959 versiculis totius N. T. versiculos tantum 1900. 12°. 1694. Lugduni Batavor. (V. 5. 7).

Lexicon arabico—latinum. Ex opere suo majore in usum tironum excerptum edidit *Freytag*. 4°. 1838. Halis Saxon. (**XXIV. 7. 9**).

Lexicon manuale hebraicum et chaldaicum in V. T. libros descriptum Ed. *Winer*. 8°. 1828. Lipsiae. (**XXIII. 4. 28**).

Lexicon hebraico—chaldaico—latino—biblicum. Auctore P***. Part. I—II. Fol. 1765. Avenione. (**XXIII. 5. 18**).

Linde (Sam. Bogum.). Slownik jezyka polskiego. Tom. I—VI 4°. 1854—1861. Lwow. (**C. 6. 10**).

Lubinus et **Pareus**. Clavis et fundamenta graecae linguae, in duas partes distributa. Adornata primum per Eilhartum Lubinum ac deinde aucta et expolita a Danielo Pareo. 12°. 1816. Mosquae. (**XCVIII. 3. 4**).

Martinius (Matth.). Lexicon philologicum (usque ad litteram M.). Fol. 1655. Francof. 2 exempl. (**XXIX. 8. 4—5**).

Meisner. Nova Veteris Testamenti clavis. Vol. I—II. 8°. 1800. Lipsiae. (**XXIII. 4. 10**).

Meninski. Tesaurus linguarum orientalium, nimirum lexicon turcico—arabico—russicum. Vol. I—III. Fol. 1780. Wiennae. (**XXIV. 5. 7**).

Meninski (Franc. Mesgn.). Lexicon arabico—persico—turcicum. Tom. I—IV. Fol. 1780. Wiennae. (**XXIV. 5. 13**).

Mercerus (Joh.). Thesaurus linguae sanctae, sive lexicon hebraicum. Cum indicibus locupletissimis, primo nominum heemanticorum, altero vocum, tertio rerum et scientiarum. Fol. 1614. Coloniae allobror. (**XXIII. 6. 3**).

Miclosich. Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. 4°. 1856. Windob. (**C. 6. 9**).

Miklosich. Radices linguae slovenicae veteris dialecti. 8°. 1845. Lipsiae. (**C. 3. 18**).

Miklosich. Lexicon paleo-slovenico—greco-latinum. 8°. 1862—65. Vindobonae. (**C. 5. 4**).

Mosbach. Polnisch—deutsches Taschen—Wörterbuch. 8°. 1845. Breslav. (**C. 2. 9**).

Moser (Phil. Ulr.). Lexicon manuale hebraicum et chaldaicum. 8°. 1793. Ulmae. (**XXIII 1. 9**).

Muys. Hellenica. 8°. 1858. Köln. (**XCIX. 5. 5**).

Nesselmann. Wörterbuch der litauischen Sprache. 8°. 1851. Königsberg. (**XCIX. 5. 10**).

Othon. Lexicon rabbinico—philologicum. 8°. 1757. Altonae. (**XXIII. 1. 23**).

Pagninus. Epitome thesauri linguae sanctae. 8°. 1583. Antverpiae. (**XXIII. 2. 20**).

Pasor. Lexicon graeco-latinum in Novum Testam. 8°. 1663. Herbornae. Ed. altera 1866. Ed. altera 1648. (**XCIX. 3. 31 и VI. 2. 8—9**).

Passov, Rost und **Palm**. Handwörberbuch der griechischen Sprache begründet von Franz. Passov, neubearbeitet und zeitgemäss umgestaltet von Val. Chr. Fr. Rost und Fr. Palm. B. I—II. 8°. 1841—52. Leipzig. (**XCVII. 8. 7**).

Pedagogus latinus germanae juventutis, sive lexicon germanico-latinum et latino-germanicum. 8°. (**CI. 2. 9**).

Peucerus (M. Dan.). Commentarius differentium apud graecos vocum, potissimum ex Ammonio Lesbonaete et Philopono collectus et locupletatus. Praemissa

est dissertatio de usu differentium apud graecos vocum in theologia. 8°. 1749. Dresdae. (XCIX. 5. 28).

Photius. Photii lexicon. E duobus apographis edidit Godofredus *Hermannus*. Accedit Jo. *Albertii* index suppletus et auctus. 4°. 1808. Lipsiae. 2 exempl. (XCVIII. 8. 4—5).

Portus. Dictionarium jonicum graeco—latinum, quod indicem in omnes Herodoti libros continet, A. M. Aemilio Porto nunc primum in lucem emissum. 8°. 1603. Francofurti. (XCIX. 3. 38).

Portus. Dictionarium doricum graeco—latinum, quod totius Theocriti, Moschi siracusani, Bionis smirnaei et Simmiae rhodii variorum opusculorum accuratam et fidelem interpretationem continet, A. M. Aemilio Porto nunc primum in lucem emissum. 8°. 1603. Francofurti. (XCIX. 4. 26).

Racines hebraiques sans points voyelles. 8°. 1732. Paris. 2 exempl. (XXIII. 4. 11—12).

Reiff. Parallel-Wörterbuch der russischen, französischen, deutschen und englischen Sprache. Theil III: deutsches Wörterbuch. 8°. (CI. 2. 42).

Reiff. Parallel dictionaries of the russian, french, german and english languages. IV part: english dictionary. 8°. (CI. 2. 41).

Reineccius. Janua hebraeae linguae Veteris Testamenti, in qua totius codicis hebraei vocabula cum radicibus et grammatica vocum difficiliorum analysi comparent. 8°. 1788. Lipsiae. (XXIII. 2. 21).

Reinesii (Thom.) observationes in Suidam. Edidit M. Chr. Gottfried *Müller*. 8°. 1819. Lipsiae. 2 exempl. (VIII. 2. 5—6).

Reyherus—Junckerus. Latinitatis theatrum, sive lexicon latino—germanico—graecum universale Reyhero—Junckerianum. Cum praefatione M. *Gesneri*. Fol. 1733. Lipsiae. (XXIX. 8. 13).

Riechter und **Ballmann**. Illyrisch—deutsches und deutsch—illyrisches Handwörterbuch, bearbeitet und herausg. von A. Fridr. Riechter und A. J. Ballmann. Theile I—II. 8°. 1839—40. Wienae. (C. 2. 44).

Riemer. Griechisch—deutsches Wörterbuch. Bände I—II. 8°. 1823—1825. Jenae. (XCIX. 1. 7).

Rümelinus (G. B.). Lexicon critico—sacrum, in duas partes distinctum. 4°. 1730. (XXIII. 3. 23).

Scapula (Joh.). Lexicon graecolatinum novum. Editio ultima. Fol. 1579. Basileae. (XCVIII. 9. 9).

Scapula (Joh.). Lexicon graeco-latinum cum indicibus et auctario dialectorum omnium a Jac. *Zuingero* redactarum. Accesserunt: 1) Lexicon etymologicum et 2) Joannis Meursii glossarium contractum. Fol. 1665. Basileae. 2 exempl. (XCVIII. 9. 10—11).

Scapula (Joh.). Lexicon graeco-latinum, cum indicibus auctis et correctis. Additum auctarium dialectorum, in tabulas compendiose redactarum. Accedunt 1) lexicon etymologicum et 2) Jo. Meursii glossarium contractum. 4°. 1820. London. Editio altera. 1652. Lugduni Batavorum. (XCVIII. 9. 12 и XCVII. 9. 7).

Scheller (Imm. Joh. G.). Ausführliches und möglichst vollständiges lateinisch—deutsches Lexicon oder Wörterbuch zum Behufe der Erklärung der Alten und Uebung in der lateinischen Sprache. Abtheil. I—V. 8°. 1804. Leipzig. (XXIX. 4. 17).

Scheller. Imm. Joh. Gerhard Schellers ausführliches und möglichst vollständiges deutsch—lateinisches Lexicon oder Wörterbuch zur Uebung in der lateinischen Sprache. 3 Auflage. B. I—II. 8°. 1805. Leipzig. 2 exempl. (C 8. 19—20).

Schleusner. Novum Lexicon graeco—latinum in Novum Testamentum. Ed. 3. Lipsiae. Tom. I—II et additamenta. 1801—1808. Editio altera. 1819. (VI. 5 3—4).

Schleusner. Novus thesaurus philologico—criticus sive lexicon in LXX et reliquos interpretes graecos ac scriptores apocryphos Vet. Testamenti. Tom I—V. 8°. 1820—21. Lipsiae. 2 exempl. (VI. 3. 5).

Schleusner. Curae novissimae sive appendix notarum et emendationum in Photii Lexicon. 4°. 1812. Lipsiae. (XCVIII. 8. 12).

Schleusner. Libellus animadversionum ad Photii Lexicon. 4°. 1810. Lipsiae. 3 exempl. (XCVIII. 8. 13—15).

Schmidt. Russisch-deutsches und deutsch-russisches Handwörterbuch. Ручной словарь нѣмецко-россійскій и россійско-нѣмецкій Шмида. Theile I—II. 12° Leipzig. (CI. 1. 21).

Schneider (Joh. Gottl.) und **Passov.** Handwörterbuch der griechischen Sprache. Nach der dritten Ausgabe ausgearbeitet von Franz—*Passov*. Bände I—II. 4°. 1826. Leipzig. (XCIX. 2. 2).

Schneider (Joh. Gottl.). Griechisch—deutsches Wörterbuch beym Lesen der griechischen profanen Scribenten zu Gebrauchen. Bände I—II et Supplement-Band. 4°. 1819—21. Leipzig. (XCVIII. 8. 1).

Schoettgenius et **Krebsius.** Novum lexicon graeco-latinum in N. Testam. Congessit et annotationibus philologicis illustravit Christianus Schoettgenius; nunc recensuit et variis observationibus philologicis locupletavit Tobias *Krebsius*. 8°. 1765. Lipsiae. (XCVIII. 5. 15).

Schorus. Phrases linguae latinae ratioque observandorum eorum in auctoribus legendis. 12°. 1584. Coloniae. (XXX. 1. 23)

Schow. Hesychii lexicon ex codice MS. Bibliothecae D. Marci restitutum et ab omnibus Musuri correctionibus repurgatum. sive supplementa ad editionem Hesychii Albertinam. 8°. 1792. Lipsiae. (XXIX. 7. 19).

Schrevellius (Corn.). Lexicon manuale graeco-latinum et latino-graecum. Fol. 1739. Patavii. (XCVIII. 9. 5).

Schrevellius (Corn.). Lexicon manuale graeco-latinum et latino-graecum. 8°. 1707. Dresdae. Editio altera 1820. Paris. 2 exempl. (XCVIII. 1. 1—3).

Schroeder. Nova scriptorum V. T. Janua. Tom. I—III. 8°. 1834—35. Lipsiae. (V. 2. 16).

Schulz. Lexicon et commentarius sermonis hebraici et chaldaici. Tom. I—II. 8°. 1793—94. Lipsiae. (XXIII. 1. 14).

Simon. Arcanum formarum nominum hebraeae linguae, sive de significatione formali tractatus philologicus. 4°. 1735. Halae. (XXIII. 4. 14).

Simon. Onomasticum Veteris Testamenti sive tractatus philologicus, quo nomina V. T. propria explicantur. 4°. 1741. Halae. (XXIII. 5. 3).

Simon. Lexicon manuale hebraicum et chaldaicum. Tom. I—II. 8°. 1794. Halae. 2 exempl. (XXIII. 2. 52—53).

Siptenis (Carol. Henr.). Gradus ad Parnassum, sive promptuarium prosodicum. syllabarum latinarum quintitatem hujusque regulas praecipuas et synonimo-

rum, epithetorum, phrasium descriptionum ac comparationum poëticarum copiam continens. Part. I—II. 8°. 1816. Zullichaviae. (XXIX. 2. 29).

Smidt. Tausend griechische Wörter, welche in den Wörterbüchern von Schneider und Riemer fehlen, aus griechischen Schriftstellern gesammelt. 4°. 1817. Berlin. (XCVIII. 8. 2).

Soranus Basilii Fabri Sorani thesaurus eruditionis scholasticae, sive ratio docendi ac discendi facili plana et compendiaria via ex optimis quibusque auctoribus graecis et latinis. Fol. 1623. Witteberg. Editio attera. 1749. Tom. I—II. Fraucof. et Lipsiae. (XCVII. 5. 3 и 5).

Spohn. Novum lexicon graeco-latinum in Novum Testamentum. 8°. 1790. Halae et Berolini. (VI. 1. 68).

Stephanus. Roberti Stephani Thesaurus linguae latinae. Tom. I—IV. Fol. 1734—35. Londini. Ed. altera. Tom. I—IV. 1840—43. (XXIX. 9. 1 и 8. 11).

Stephanus. Thesaurus graecae linguae ab Stephano constructus. Vol. I—VI et vol. VII-i fasc. I. Fol. 1831—42. Parisiis. (XCIX. 7. 1).

Stockius. Clavis linguae sanctae Novi Testamenti. 8°. 1732. Lipsiae. Ed. altera. 1730. (XXIII. 4. 19—20).

Stockius. Clavis linguae sanctae Veteris Testamenti. 8°. 1727. Jenae. Ed. altera. 1735. (XXIII. 3. 5—6).

Stockius (Christ.). Clavis linguae sanctae Veteris Testamenti, vocabulorum significationes tum generales, tum speciales ordine concinno exhibens. Accedit breve dictionarium chaldaeo talmudico-rabbinicum. 4°. 1827. Petropoli. 3 exempl. (XXIII. 5. 10—12).

Suicerus (Joh. Casp.). Lexicon graeco-latinum et latino-graecum, summa cura elaboratum. Accedit index vocum anomalarum vel alias investigatu difficiliorum copiosissimus. 4°. 1683. Tiguri. (XCIX. 2. 10).

Suidas. Lexicon graece et latine. Ad fidem optimorum librorum exactum post Thomam Gaisfordum. Recensuit et annotatione critica instruxit Godofredus *Bernhard*. Vol. I—II. 4°. 1853. Halis. 2 exempl. (XCVIII. 8. 6—7).

Sumavsky. Taschen—Wörterbuch der böhmischen und deutschen Sprache. Bearbeitet von *Rank*. 8°. 1859. Prag. (C. 2. 2).

Sylburgius (Frider.). *Ετυμολογικον το μεγα*. Etymologicon magnum, seu magnum grammaticae penu, in quo et originum et analogiae doctrina ex veterum sententia copiosissime proponitur, historiae item et antiquitatis monumenta passim attinguntur 4°. 1816. Lipsiae. (XXIX. 7. 9).

Tham. Neuestes möglichst vollständiges und zweckmässig eingerichtetes böhmisch-deutsches und deutsch-böhmisches Taschenwörterbuch, bearbeitet von Karl Tham. Bände I—II. 8°. 1818. Prag. (C. 2. 10).

Thomassinus. Glossarium universale hebraicum, quo ad hebraicae linguae fontes linguae et dialecti pene omnes revocantur. Fol. 1697. Parisiis. (XXIII. 7. 20).

Timaeus. Lexicon vocum platonicarum. Ed. *Buhnkenius*. 8°. 1754. Lugduni. (XCVIII. 2. 3).

Toup. Opuscula critica, in quibus Suidas et plurima loca veterum graecorum Sophoclis, Euripidis et Aristophanis inprimis, cum explicantur, tum emaculantur. Part. I—II. 8°. 1780. Lipsiae. (XCIX. 4. 24).

Toup. Emendationes in Suidam et Hesychium et alios lexicographos graecos. Vol. I—IV. 8°. 1790. Oxoniae. (XCVIII. 2. 22).

Trostius. Lexicon syriacum. 4°. 1623. Cothenis. (LXXIV. 2. 28).

Uhlemann. Philologus aegyptiacus. 8°. 1853. Lipsiae. (XXIV. 1. 51).

Valentini. Nuovo dizionario portatile italiano—tedesko italiano. Part. I—II. 8°. 1837. Berlin. (Cl. 3. 2).

Varinus. Dictionarium magnum Varini, e multis variisque auctoribus collectum totius linguae graecae commentarium, nova hac editione per Nicolaum *Glichi* auctum. Fol. 1779. *Εν Ετησιν.* (XCVII. 9. 8).

Voltiggi (Jose). Ricsoslovnik (Vocabulario—Wörterbuch). illiricskoga, italianskoga i nimacskoga jezika. 8°. U Becsu (Vienna). (C. 2. 45).

Wagner. Universae phraseologiae latinae corpus. 8°. 1756. Ratisbonae. (XXX. 5. 17).

Wahl. Clavis librorum Veteris Testamenti apocryphorum philologica. 8°. 1853. Lipsiae. (VIII. 5. 24).

Wahl. Clavis Novi Testamenti philologica, usibus scholarum et juvenum theologiae studiosorum accommodata. Vol. I—II. 8°. 1822. Lipsiae. (VI. 1. 70).

Zonaras (Joh.). Lexicon. Edidit Tittmann. Tom. I—II. 4°. 1818. Lipsiae. 3 exempl. (XCIX. 6. 4—7).

Аделунгъ. Полный нѣмецко-россійскій лексиконъ изъ большаго грамматикально-критическаго словаря г. Аделунга составленный. Vollständiges deutsch-russisches Lexicon nach dem grossen grammatikalisch-kritischen Wörterbuch des Adelung ausgearbeitet. Tom. I—II. 8°. 1798. St. Petersburg. 2 exempl. (C. 8. 10—11).

Алексѣевъ. Церковный словарь или истолкованіе славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ рѣченій, положенныхъ безъ перевода въ Св. Писаніи и содержащихся въ другихъ церковныхъ и духовныхъ книгахъ. Част. I—V. 8°. 1817—19. Спб. (C. 3. 7).

Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій. Сокращенный латинскій словарь. 8°. 1862. Москва. (XXIX. 6. 18).

Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій. Полный латинскій словарь. 8°. 1862. Москва. (XXIX. 7. 12).

Будаговъ (Лазарь). Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Том. I—II. 8°. 1868—71. С.-Петербургъ. (XXIV. 3. 22).

Вейсманъ. Полный нѣмецкій и русскій лексиконъ. 4°. 1799. С.-Петербургъ. (C. 9. 4).

Геймъ. Новый и полный словарь. Первое отдѣленіе, содержащее нѣмецко-россійско-французскій словарь. Част. I—II. 4°. Москва. 2 экз. (C. 9. 1—2).

Георгъ Ручной латинско-русскій словарь, составл. по новѣйшему изданію Шеллерова словаря, пересмотрѣнному Георгомъ. и по словарямъ Фреунда, Гедерика, Керхера и Люменана. 12°. 1861. Спб. (XXIX. 2. 20—24).

Гигановъ. Словарь россійско-татарскій. 4°. 1834. Спб. (XXIV. 2. 20).

Грамматинъ (Николай). Новый англійско-россійской словарь. Ч. I—IV. 4°. 1808—17. Москва. (C. 9. 5).

Даль. Толковый словарь живаго велико-русскаго языка. Том. I—IV. 4°. 1863—66. Москва. (XCIX. 9. 5).

Досиѳей Кома (іером.). Еллино-россійско-французскій лексиконъ. Том. I—II. 4°. 1811. Москва. 2 экз. (XCVIII. 8. 24—25).

Евгеній (игум.). Краткой словарь словянской. 8°. 1784. Спб. (C. 3. 9).

Еремѣевъ. Нѣмецко-русскій словарь техническихъ терминовъ, названій и выраженій, употр. въ минералогіи, кристаллографіи, геологіи, геогнозіи, петроматогнозіи, конхиліологіи, горномъ искуствѣ, горной механикѣ, соляномъ дѣлѣ, металлургіи и заводскомъ дѣлѣ, заводской механикѣ, монетномъ дѣлѣ, химіи и физикѣ, состав. по новѣйшимъ номенклатурамъ. 8°. 1839. Спб. (XXVII. 5. 23).

Ивашковскій (Сем.). Полный греческо-россійскій словарь по руководству лучшихъ образцовъ составленный. Том. I—IV. 4°. 1838. Москва. 2 экземпл. (XCIX. 6. 1—2).

Ивашковскій. Полный русско-латинскій словарь. Част. I—IV. 8°. 1849—1853. Спб. (XXX. 3. 23).

Кирiаковъ. Греческо-русскій словарь. 8°. 1847. Москва. (XCVIII. 3. 24).

Ковалевскій. Монгольско-русско-французскій словарь. Том. I—III. 4°. 1844—49. Казань. 2 экз. (XXIV. 4. 6—7).

Коссовичъ. Греческо-русскій словарь. Изд. вждив. департ. Мин. Народн. Просвѣщенія. Част. I—II. 8°. 1848. Москва. 3 экз. (XCIX. 1. 4—6).

Кронебергъ. Латинско-россійскій лексиконъ. Изд. 1834 г. въ 1 экзем. Тоже изд. 1841 г. въ 2 экз. Тоже изд. 1860 г. въ 1 экз. Тоже изд. 1849 г. въ 1 экз. (XXX. 4. 12—16).

Лавровскій. Сербско-русскій словарь. Издан. Академіи наукъ. 4°. 1870. С.-Петербургъ. (C. 6. 15).

Лебедевъ. Россійско-латинскій словарь. 8°. 1825. Москва. (XXIX. 5. 13).

Лексиконъ треязычный, сирѣчь: рѣченій славянскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище. 4°. 1704. Москва. 2 экз. (XCIX. 2. 7).

Лексиконъ простаго греческаго языка, содержащій въ себѣ простыя греческія слова съ присоединеніемъ того, отъ какихъ языковъ оныя происходятъ. Собранъ въ Троицкой семинаріи. 8°. 1783. Москва. (XCIX. 3. 32).

Мандельштамъ (Л. І.). Филологическій словарь къ русскому переводу Библіи (Пятокнижіе, книга 1-я: Бытіе, вып. I-й стр. 1—162). 8°. 5622 (1862). Берлинъ. (IX. 2. 13).

Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Изд. II-го отд. Импер. Акад. Наукъ. Тетр. I—II. 4°. 1852—53. Спб. (XCIX. 9. 8).

Мессъ. Полный россійско-французско-нѣмецкій словарь. Том. I—IV. 8°. 1826. Москва. 2 экз. (XCIX. 8. 15—16).

Морошкинъ. Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ. 8°. 1868. С.-Петербургъ. (C. 5. 1).

Океанусъ. Лексиконъ арабскаго языка на турецкомъ языкѣ. Том. I—III. Fol. 1250 (1833). (XXIV. 5. 12).

Ольдекопъ. Новый французско-русскій и русско-французскій словарь. Том. I—II. 8°. 1841. Спб. (CI. 3. 1).

Опытъ областнаго великорусскаго словаря, изд. II-мъ отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ. 4°. 1852. Спб. 2 экз. (XCIX. 9. 2—3).

Петровъ. Опытъ словаря древнихъ славянскихъ словъ и рѣченій. 8°. 1831. Москва. (C. 5. 12).

Рейфъ. Русско-французскій словарь. Том. I—II. 8°. 1835—36. Спб. 2 экз. (XCIX. 8. 1—2).

Розановъ Латинскій лексиконъ. 8°. 1825. Москва. 2 экз. (XXIX. 5. 14—15).

Ростъ. Краткій словарь греческаго языка. Част. I—II. 8°. 1831, Спб. (XCIX. 1. 8—9).

С. (II.). Общій церковно-славяно-россійскій словарь. Част. I—II. 8°. 1834. Спб. (C. 5. 23).

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Составл. II-мъ отдѣленіемъ Императ. Академіи Наукъ. Том. I—IV. 4°. 1847. Спб. Тоже, изд. 1849. Тоже, изд. 1867—68. (C. 6. 11—12 и XCIX. 9. 1).

Словарь Академіи россійской по азбучному порядку. Част. I—VI. 8°. 1806—22. Спб. 2 экз. (XCIX. 9. 6—7).

Словарь (полный) иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. 8°. 1861. Спб. (XCIX. 8. 14).

Словарь къ новой арабской христоматіи и краткая арабская грамматика. 8°. 1836. Москва. 2 экз. (XXIV. 1. 30—31).

Словарь китайскій. 4°. (XXIV. 4. 10).

Словарь на шести языкахъ: россійскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. 8°. 1763. Спб. (C. 1. 45).

Словарь (нѣмецко-русскій), составл. по лучшимъ и новѣйшимъ источникамъ обществомъ любителей обоихъ языковъ. Изд. книгопродавца Брифа. Ч. I—II. 12°. 1834—35. С.-Петербургъ. 2 экз. (CI. 3. 8—9).

Смирновъ (свящ.). Опытъ русско-калмыцкаго словаря. 8°. 1857. Казань. (XXIV. 2. 36).

Станевичъ. Ручной россійско-польскій словарь. 8°. 1826. Вильна. (C. 2. 11).

Соколовъ. Краткій латинско-русскій этимологическій словарь. 8°. 1841. Спб. (XXX. 2. 28).

Татищевъ. Всеобщій французско-русскій словарь. Том. I—II. 2-го экз. том. I. 4°. 1839—41. Москва. (C. 9. 8 и 7).

Троянскій. Словарь татарскаго языка. Том. I—II. 4°. 1833—35. Казань. (XXIV. 4. 9).

Фдрузабадій. Словарь арабскаго языка подъ названіемъ: камусъ—ель—мюхытъ, т. е. океанъ. (Литографія). Fol. 1266 (1849). Бомбей. (XXIV. 5. 11).

Худобашевъ.. Армяно-русскій словарь. Част. I—II. 8°. 1838. Москва. 2 экз. (XXIV. 2. 24 и 33).

Целлярій (Христ.). Краткій латинскій лексиконъ съ русс и нѣмецк. переводомъ. 8°. 1819. Москва. (XXX. 4. 9).

Шимкевичъ. Корнесловъ русскаго языка. Част. I—II. 8°. 1842. Спб. 4 экз. (XCIX. 8. 3—6).

Шмидъ. Новый карманный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Част. I—II въ 6 экз. и 7-го экз. ч. I-я. 12°. Leipzig. (CI. 1. 7—13)

Шмидтъ. Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь. 12°. 1847. Спб. (CI. 1. 1—6).

Шмидтъ. Ручной словарь россійско-нѣмецкій и нѣмецко-россійскій. Част. I—II и 2-го экз. ч. I. 12°. 1839. Москва. (CI. 1. 14—15).

Шмидтъ. Монгольско-нѣмецко-россійскій словарь. 4°. 1835. Спб. 2 экз. (XXIV. 5. 5—6 и 4. 13).

Яновскій. Новый словотолкователь, располож. по алфавиту. Ч. I—III. 8°. 1803—6. Спб. (XCIX. 8. 24).

Оедоровъ. Сводъ россійско-латинско-французскаго словаря. Част. I—II. 8°. 1846. Казань. (XCIX. 8. 21).

3) ЯКЫКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКАГО СЕМЕЙСТВА.

а) ЯЗЫКИ САНСКРИТСКІЙ И ПЕРСИДСКІЙ.

Anthologia sanscritica glossario instructa. Ed. *Lassen*. 8°. 1838. Bonnae. (XCIX. 4. 11).

Bopp. Kritische Grammatik der Sanscrita—Sprache in kurzerer Fassung. 8°. 1845. Berlin. 2 exempl. (XCIX. 4. 12 и 5. 7).

Chodzko. Grammaire persane, ou principes de l'Iranien moderne par Alexandre Chodzko. 8°. 1852. Paris. (XXIV. 1. 22).

Kasem-Beg. Derbend—Nâmeh. 4°. 1851. St. Petersbourg. (XXIV. 5 14).

Jones. Grammaire persane. 8°. 1855. Paris. (XXIV. 1. 6).

Mirkhond. Chréstomathies orientales. Vie de Djenghiz—Khan. Texte persan. 8°. 1841. Paris. (XXIV. 2. 25).

Paulinus a s. **Bartholomeo**. Sidharubam seu grammatica Samscrdamica. 4°. 1790. (XXIV. 2. 18).

Rosen. Elementa persica. Ed. Rosen. 8°. 1843. Berolini. (XXIV. 1. 7).

Vuller. Chrestomathia Schahnamiana. Ed. Vullers. 8°. 1833. Bonnae (XXIV. 1. 15).

Болдыревъ. Персидская христоматія. Част. I—III. 8°. 1833—34. Москва. 2 экземпл. (XXIV. 1. 25—26).

Д. (Н.). Басни и повѣсти для первопачальнаго чтенія. Перев. съ персидскаго (на татар.) языкъ. 4°. 1839. Тифлисъ. (XXIV. 2. 10).

Миваевъ (И.). Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пâли. 8°. 1872. Спб. 2 экземпл. (XCIX. 5. 26).

б) ЯЗЫКИ ГРЕЧЕСКІЙ И ЛАТИНСКІЙ.

Alt (Joh. Car. G.). Grammatica linguae graecae, qua N. T. scriptores usi sunt. 8°. 1829. Halis Saxon. (XCIX. 4. 15).

Aluarus. Aluari de institutione grammatica libri tres. 8°. 1773. Calissii. (XXX. 1. 19).

Bojadschi (Mich.). Kurzgefasste neugriechische Sprachlehre, nebst einer Sammlung der nothwendigsten Wörter, einer Auswahl von freundschaftlichen Gesprächen, Redensarten, Sprichwörtern et Leseübungen. 8°. 1823. (XCIX. 3. 26).

Bos (Lamb.). Ellipses graecae, sive de vocibus, quae in sermone graeco supprimuntur. 12°. 1742. Lipsiae. (XCVIII. 3. 16).

Bos (Lamb.). Ellipses graecae. Edidit G. H. *Schäfer*. 8°. 1808. Lipsiae. (XCIX. 5. 31).

Buttmann (Phil.). Grammatica graeca Buttmanniana contractior. Ed. G. E. *Groddeck*. 8°. 1817. Vilnae. (XCVIII. 1. 18).

Buttmann (Phil.). Griechische Schul—Grammatik. 9-e verbesserte Auflage. 8°. 1831. Berl. 2 exempl. Andere II-e Ausgabe. 1824. 1 exempl. (XCVIII. 3. 19—20 и XCIX. 1. 16).

Buttmann (Phil.). Grammatyca greca Buttmanna. skrócona przez God Ern. Grodka (Groddek). 8°. 1823. Wilna. (XCIX. 1. 15).

Cellarius (Christ.). Curae posteriores de barbarismis et idiotismis sermonis latini, sextum recognitae et pluribus locis auctae. 12°. 1733. Jenae. (**XXIX. 1. 15**).

Chrestomathia patristica graeca, sive loci illustres ex antiquissimis patribus graecis selecti, ac nova versione latina adornati. Fasciculi III—VI. 12° 1743. Vratislaviae. (**XCVIII. 3. 31**)

Clavis graeci N. T codicis grammatica. Cum praefacione Langii. 8°. 1736. Halae Magdeb. (**XCVIII. 3. 29**).

Corssen. Ueber Aussprache, Vocalismus und Betönnung der lateinischen Sprache. Band I. 8°. 1868. Leipzig. (**XXIX. 5. 17**).

Corssen. Kritische Beiträge zur lateinischen Formenlehre. 8°. 1863. Leipzig. (**XXX. 5. 5**).

Corssen. Critische Nachträge zur lateinischen Formenlehre. 8°. 1866. Leipzig. (**XXX. 5. 2**).

Crjukow (Dem.). Observationes ad Taciti Agricolam. Dissertatio philologica. 8°. 1832. Dorpati. (**XXX. 1. 20**).

Dinnerus (Conr.). Epithetorum graecorum farrago locupletessima, per C. Dinnerum in lucem edita. 8°. 1605. Hanoviae. (**XCVIII. 3. 22**).

Doederlein (L.). Handbuch der lateinischen Etymologie. 8°. 1841. Leipzig. (**XXIX. 6. 29**).

Doederlein (L.). Handbuch der lateinischen Synonymik. 8°. 1840. Leipzig. (**XXX. 5. 12**).

Etymologicum graecae linguae Gudianum et alia grammaticorum scripta e codicibus manuscriptis nunc primum edita. 4°. 1818. Lipsiae. (**XCVIII. 8. 23**).

Exemplaria (selecta) latini sermonis, e scriptoribus probatissimis excerpta. 12°. 1789. Vindobonae. (**XXX. 1. 8**).

Θωμα, του Μαγιζρου, καθ'αλφαβητον ονοματων αττικων εκλογαι. Ex dispositione Nicolai Blancardi. Collegit Joh. St. *Bernard*. 8°. 1757. Lugduni. Bat. (**XCVIII. 2. 5**).

Gail (J. B.). Nouvelle grammaire grecque à l'ûsage des colleges et autres écoles. 8°. 1818. Paris. (**XCVIII. 5. 21**).

Gesnerus. Chrestomathia graeca sive loci illustres, ex optimis scriptoribus editi a Jo. Matth. Gesnero. 12°. 1731. Lipsiae. (**XCVIII. 3. 6**).

Gess (Ph. Carl.). Anleitung zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Griechische. 8°. 1822. Francf. (**CI. 3. 6**).

Grammatica latina. Латинская грамматика, при вторичномъ изд. исправленная и умнож. *Н. Бантышемъ—Каменскимъ*. 8°. 1781. Москва. (**XXX. 5. 20**).

Grammatica graeca. (Безъ выходн. листа). 8°. (**XCVIII. 3. 17**).

Grammatica graeca, sive institutionum linguae graecae liber. Ed. *Bantisch—Kamensky*. 8°. 1791. Lipsiae. (**XCIX. 4. 13**).

Gregorius (Corinthi metropolita). De dialectis. E codicibus MSS emendavit Gisb. *Koen*. Accedunt grammatici Leidensis et Mermanniani de dialectis opuscula. 8°. 1766. Lugduni. (**XCVIII. 2. 2**).

Heredotos für den Schulgebrauch, erclärt von K. *Abicht*. B. I—V. 8°. 1862—69. Leipzig. (**XCVIII. 6. 15**)

Isocrates ausgewählte Reden, für den Schulgebrauch erclärt von Otto *Schneider*. Bände I—II. 8°. 1859—60. (**XCVIII. 6. 24**).

Kind. Neugriechische Chrestomathie mit grammatischen Erläuterungen und einem Wörterbuche. 8°. 1835. Leipzig. (XCIX. 3. 15).

Kopijewitz (El.). Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis schlavonico—rosseanae adornata. 12°. 1700. Amstelaed. (XXX. 2. 8).

Krüger. Griechische Sprachlehre für Anfänger. 8°. 1854. Berlin. (XCVIII. 6. 8).

Krüger. Homerische und Herodotische Form-Lehre. 3 Auflage. 8°. 1857. Berlin. (XCIX. 4. 21).

Laszczeusky (Barl.). Grammatica graeca, sive institutionum linguae graecae liber. 8°. 1822. Mosquae. (XCVIII. 1. 19).

Λασκαρευς (Κονζαντ.). Επιτομη των οκτω του λογου μερων, και αλλων τινων αναγκαιων συντεθεισα. 12°. (XCVIII. 3. 7).

Leutsch. Philologus. Zeitschrift für das klassische Alterthum, herausg. von Leutsch. Jahrg. XVI—XVII. 8°. 1860—61. Göttingen. (XCVIII. 1. 13).

Lüdemann. Lehrbuch der neugriechischen Sprache. 8°. 1826. Leipzig. (XCVIII. 3. 25).

Maittaire (Mich.). Graecae linguae dialecti. Post Joh. Fred. Reizium totum opus recensuit, emendavit, auxit Frid. Guil. *Sturzius*. 8°. 1807. Lipsiae. (XCVIII. 1. 21).

Maittaire (Mich.). Graecae linguae dialecti in scholae regiae Westmonasteriensis usum recognitae. 8°. 1738. Hagae Comitis. (XCVIII. 2. 4).

Matthias (Aug.). Ausführliche griechische Grammatik. I—II Theile und Anhang. 8°. 1825—27. Leipzig. (XCVIII. 2. 23).

De-Matthaei (Chr. Gr.). Eclogae ex variis scriptoribus graecis publico mandato in usum gymnasiorum rossicorum editae. Part. I—II. 8°. 1805—6. Mosquae. (XCIX. 5. 29).

Merguet (H.). Die Entwickelung der lateinischen Formenbildung. 8°. 1670. Berlin. (XXX. 5. 4).

Millerus (Joan. Petrus). Chrestomathia latina ad formandum quam ingenium, tam animum accommodata. 8°. 1775. Lipsiae. (XXX. 2. 20).

Montfaucon. Paleographia graeca sive de ortu litterarum graecarum. Fol. 1708. Parisiis. 2 exempl. (XCVII. 9. 5—6).

Palmerius (Jac.). Exercitationes in optimos fere auctores graecos. 4°. 1668. Lugduni. (XCIX. 2. 8).

Posselius. *Οικειων διαλογων βιβλιον ελληνιζι και ρωμαιζι.* Familiarium colloquiorum libellus. 12°. 1785. Lipsiae. 3 exempl. (XCIX. 3. 4—6).

Reinhardus (Laur.). Historia graecae linguae critico—litteraria viam pandens ad philologiam graecam. Accedit dissertatio de libro Sapientiae. 8°. 1724. Lipsiae (XCIX. 3. 9).

Rost und **Wüstemann.** Anleitung zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Griechische. Theile I—II. 8°. 1822—23. Götting. (CI. 3. 7).

Schleissner. Auctarium observationum in Suidam et Hesychium et alios lexicogaphos graecos, ratione maxime habita glossarum sacrarum. Part. I—IV. 8°. 1809. Vitebergae. (LXXXIV. 3. 5).

Schwarz (Conr.). Commentarii critici et philologici linguae graecae N. Foederis Divini. 8°. 1736. Lipsiae. (XCVIII. 6. 25).

Simon (Joh.). Introductio grammatico-critica in linguam graecam. 8°. 1771. Halae. (XCVIII. 1. 20).

Sturzius (Fr. Guil.). De dialecto macedonica et alexandrina liber. 8°. 1808 Lipsiae. (XCIX. 5. 30).

Tursellinus (Hor.). De particulis latinae orationis libellus utilissimus. 12°. 1734. Lipsiae. (XXX. 1. 26).

Vechnerus (Dan.). Hellenolexia, sive parallelismus graeco-latinus. 12°. 1680. Lipsiae. (XCIX. 3. 14).

Vigerus (Franc.). De praecipuis graecae dictionis idiotismis libellus. Ed. *Hoogeveen*. 8°. 1766. Lugduni Batavorum. Edit. altera. 1822. Lipsiae. (XCVIII. 5. 1—2).

Vossius (Gerard. Joh.). Institutiones linguae graecae. 8°. 1642. Lugd. Batav. (XCVIII. 3. 2).

Wellerus. Grammatica graeca. 8°. 1725. Lipsiae. (XCVIII. 3. 15).

Wellerus. Grammatica graeca nova. 8°. 1710. Lipsiae. (XCVIII. 3. 18).

Werwey. Nova via docendi graeca. 8°. 1684. Gaudae (XCIX. 4. 17).

Wieberg. De optativi graeci indole et natura. 8° 1871. Mosquae. (XCVIII. 5. 22).

Wolle (Chr.). De verbis graecorum mediis commentationes L. Kusteri, S. Clerici, S. Clarkii et S. Schmidii recensuit, auxit suamque adjecit Wolle. 8°. 1752. Lipsiae. (XCIX. 3. 13).

Zacharovius. De una eademque omnium latinorum nominum declinatione commentatio philologica. 8°. 1851. Petropoli. (XXX. 5. 13).

Zukowski. Chrestomathia graeca. 8°. 1807. Wilnae. (XCIX. 3. 25).

Бѣлюстинъ. Начальныя основанія латинскаго языка. 8°. 1842. Спб. 2 экземпл. (XXX. 5. 21—22).

Грамматика (краткая) древняго греческаго языка. Изд. по Высочайшему повелѣнію шестымъ тисненіемъ. 8°. 1839. Москва. (XCIX. 4. 14)

Ильенковъ. Краткая латинская синонимика Излож. по Дёдерлейну Ильенковымъ. 8°. 1845. Спб. (XXIX. 5. 5).

Иннокентій. Сводъ латинской грамматики съ греческою, или грамматика латино-греческая. 8°. 1826. Москва. (XXIX. 6. 6).

Качановскій. Учебная книжка др. греческаго языка. 8°. 1840. Москва. (XCIX. 3. 34).

Книга (учебная греческая), составленная изъ отличныхъ сочиненій отцевъ. Ч. I—II. 8°. 1825. Москва. Тоже. изд. 1835 г. 2 экз. Тоже, изд 1856. (XCIX. 1. 10—13).

Коссовичъ (Игн.). Греческій глаголъ въ своемъ развитіи. 8°. 1876. Москва. (XCIX. 5. 11).

Крюгеръ. Основанія синтаксиса греческаго языка 8°. 1870. Москва. (XCVIII. 5. 6).

Крюгеръ. Этимологія гомеровскаго и геродотовскаго нарѣчія. 8°. 1871. Москва. (XCVIII. 5. 5).

Миляевъ. Синтаксисъ греческаго языка съ примѣненіемъ общихъ правилъ къ Новому Завѣту и указаніемъ на сходство съ симъ синтаксисомъ синтаксиса языка латинскаго. 8°. 1847. Москва. (XCVIII. 2. 24).

Неофитъ. Краткое и ясное изложеніе за раздѣленіе то, именованіе то и произношеніе то на письмена та и правила за срицаніе то, просодіа та и слогатъ и за право то чтеніе на греческіа языкъ. Отъ Неофита Іеромонаха П. П. Рылца. 8°. 1835. Бѣлградъ. (C. 3. 11).

Ордынскій. 1) Адаманъ Корай; 2) Объ отношеніи ново-греческаго языка къ древне-греческому; 3) Персы,—трагедія Эсхила; 4) Первоначальное руководство къ этимологіи греч. языка и 5) Сличеніе грамматики ново-греч. языка съ грамм. языка древне-греческаго. 8°. 1858. Казань. (XCIX. 5. 23).

Ордынскій. Первоначальное руководство къ этимологіи греческаго языка 8°. 1858. Москва. (XCVIII. 1. 14).

Поповъ. Латинская грамматика. Сост. по Цумпту. 8°. 1838 Спб (XXIX 5. 12).

Поповъ Греческая грамматика. Сост. по Буттманну. 8°. 1836. Спб. (XCVIII. 5. 14).

Разговоры русско-латинскіе. Изд С. П. 8°. 1831. Москва. (XXX. 2. 2).

Розановъ. Краткія правила о чистотѣ латинскаго слога. 8°. 1804. Москва. (XXIX. 2. 13—14).

Синайскій (Ив.). Метрика греческаго языка. 8°. 1842. Москва. 2 экз (XCVIII. 2. 7—9).

Христоматія греческая или выписки мѣстъ изъ древнихъ писателей, собранн. въ Германіи проф. Якобсомъ. Изд. *Каченовскимъ*. 8°. 1821. Москва. (XCIX. 1. 18).

Христоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ класс. писателей по руководству Гедике. 8°. 1819. Харьковъ. (XXX. 5. 19).

Якобсъ (Фр.). Греческая учебная книга для высшихъ и низшихъ классовъ. Част. I—II. 8°. 1838—39. Спб. (XCVIII. 1. 25).

в) языки французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій.

Aller. Lesebuch zum Nutzen der Jugend. 8°. 1813. Moskwa. (CI. 2. 12).

Arnold. Grammatika anglicana concentrata. 8°. 1754. Lipsiae. (CI. 2. 35).

Auswahle von Mustern deutscher Prosaiker und Dichter mit einem deutsch-russischen Würterbuche zum Gebrauch für Schulen. 8°. 1836. Moskwa. (CI. 2. 30).

D. (W. H. M.). A manual of an english and russian grammar. 8°. 1822. St. P. B. (CI. 2. 15).

Hamilton. The wicar of Wakefield. Quatre chapitres avec la prononciation figurée d'aprés la méthode Robertson. 8°. 1848. Paris. (LXXXV. 1. 9).

Lanzi (Luigi). Saggio di lingua etrusca e di altré antiche de Italia. T. I—II. (vol. I—III). 8°. 1824—25. Tirenna. (XCVIII. 6. 18).

Nesselmann. Die Sprache der alten Preussen. 8°. 1845. Berlin. (CI. 2. 10).

Oertel. Theoretisch-practischer Cursus der deutschen Sprache und Literatur. Bände I—III. 8°. 1840. St. Petersburg. 6 exempl. (C. 8. 1—6).

Robertson. Nouveau cours pratique, analytique, théoretique et syntetique de la langue anglaise. Part. I—II. 8°. 1848. Paris. (CI. 2. 34).

Sadler. Grammaire pratique de la langue anglaise. 8°. 1839. Paris. Edit. altera 1850. (CI. 3. 5).

Saint—Julien (Charl de). Cours méthodique et génerale de composition, appliqué à la langue française. 8°. 1845. St. Petersbourg. 3 exempl. (CI. 2. 37—39).

Stickel (Joh. Gust.). Das etruskische durch Erklärung von Inschriften und Namen als semitische Sprache erwiesen. 8°. 1858. Leipzig. (XCIX. 5. 21).

Tretjakow. Neue leichte deutsche Gespräche in 150 Lectionen eingetheilt. 32°. 1795. Москва. (Cl. 3. 3).

Ulrichs. Systematische Sammlung prosaischer Aufsätze und Gedichte. 8°. 1835. Moskwa. (Cl. 2. 11).

Zacher (Julius.). Das gothische Alphabet Ulphilas und das Runenalphabet. 8°. 1855. Leipzig. (XCVIII. 6. 4).

Zoller. Italienische Sprachkunde. 8°. 1844. Augsburg. (Cl. 2. 33).

Азбука (новая нѣмецкая) купно съ сокращенною нѣмецкою этимологіею. 8°. 1816. Москва. (Cl. 2. 24).

Банксъ. Грамматика англійскаго языка для русскихъ. 8° 1843. Москва. (Cl. 2. 23).

Бенескриптовъ. Грамматическій курсъ нѣмецкаго языка. Част. I—II. 2-го экз. ч. I. 8°. 1847—50. С. Петербургъ. (Cl. 2. 17 и 1).

В. (И.). Учебная книга нѣмецкаго языка. Перев. Геллеватомъ 8°. 1828. Москва. (Cl. 2. 16).

Вигелинъ. Разговоры французскіе и россійскіе. Част. I—II. 8°. 1814. Спб. (Cl. 2. 31).

Гаке. Нѣмецкая грамматика. 8°. 1845. С. Петербургъ. 1845. (C. 8. 12).

Геккеръ. Учебная книга нѣмецкаго языка. 8°. 1838. С. Петербургъ. (Cl 2. 2).

Гольтергофъ. Нѣмецкая грамматика. 8°. 1825. Москва. (Cl. 2. 5).

Грамматика нѣмецкая. (Безъ выходнаго листа). 8°. (Cl. 2. 26).

Грамматика (полная нѣмецкая) по руководству Гейнзіуса, Аделунга, Гейдеке, Шплиттегарба, Гейзе и др. 8°. 1831. Москва. (Cl. 2. 3).

Гугель. Книга для постепенныхъ переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій. 8°. 1835. Спб. (Cl. 2. 20).

Зейденштикеръ. Учебная книга нѣмецкаго языка, составл. по методѣ Зейденштикера. Курсъ II. 8°. 1812. С. Петербургъ. (Cl. 2. 25).

Игнатовичъ. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. (Изъ «Педагогическаго Сборника»). Част. I—III. 8°. (C. 8. 7).

Книга учебная французскаго языка. 8°. 1833. Москва. (Cl. 2. 18).

Книга (христоматія) на четырехъ языкахъ: (россійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ). 8°. 1790. Спб. (C. 1. 7).

Курсъ французскаго языка полный теоретико—практическій. Част. I. 8°. 1848. Москва. (Cl. 2 22).

Ломондъ. Краткая французская грамматика. 8°. 1819. (Cl. 2. 29).

Миллеръ. Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Ч. I—II. 8°. 1834. С. Петербургъ. (Cl. 2. 6).

Норманнъ. Основныя формы нѣмецкой грамматики. 8°. 1837. Казань. 5 экземпл. (C. 8. 14—18).

Ноэль и Шапсаль. Французская грамматика. 8°. 1833. Казань. (Cl. 2. 21).

Опытъ грамматическаго руководства въ переводахъ съ россійскаго языка на нѣмецкій. 8°. 1809. Спб. (C. 1. 5).

Перелоговъ. Французская грамматика. 8°. 1831. Москва. (Cl. 2. 40).

Самоучитель новѣйшій французскаго языка. 8°. 1813. Москва. (Cl. 2. 28).

Ульрихсъ. Нѣмецкая грамматика. 8°. 1832. Москва. (C. 8. 13).

Христоматія нѣмецкая. (Безъ выходнаго листа). 8°. (Cl. 2. 7).

Шлейснеръ. Книга для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій. (Безъ выходнаго листа). 8°. (Cl. 2. 14).

Шмидтъ. Новая практическая нѣмецкая грамматика. 8°. 1831. С. Петербургъ. (Cl. 2. 19).

Шумахеръ. Практическая нѣмецкая грамматика. 8°. 1828. С. Петербургъ. (Cl. 2. 27).

г) СЛАВЯНСКІЕ ЯЗЫКИ.

Berlic. Grammatik der illyrischen Sprache. 8°. 1850. Agram. (C. 5. 28).

Hanka (W.). Mluevnice českého jasyka na základě soustavy Dobrowskiého. 8°. 1849. Praga. (C. 2. 34).

Jordan. Grammatik der wendischserbischen Sprache in der Oberlausitz. 8°. 1841. Prag. (C. 3. 5).

Kopitar. Glagolita clozianus. 4°. 1836. Windobonae. (C. 6. 5).

Lewicki. Grammatik der rutenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien. 8°. 1834. Przemisl. (C. 3. 10).

Metelko. Lehrgebäude der slowenischen Sprache im Königreiche Illirien und in den benachbarten Provinzen. 8°. 1825. (C. 2. 36).

Miclosich. Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen. Bände I, II und IV-es 1 Liefer. (1—128 Seite). 8°. 1852—68. Wien. (C. 4. 17).

Miklosich. Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte. Bände I—II. 8°. 1858. Wien. (C. 4. 13).

Mucszkowsky (Joseph.). Gramatika jezyka polskiego. 8°. 1842. Krakow. (C. 3. 4).

Nauratil. Beiträge zum Studium des Slavischen Zeitwortes aller Dialecte. 8°. 1856. Wien. (C. 4. 12).

Poplinsky. Grammatik der polnischen Sprache. 8°. 1840. Lissa. (C. 2. 35).

Safarik und **Palacky.** Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache: Libuša's Gericht, Ewangelium Johannis, der Leitmeritzer Stiftungsbrieff Glossen der Mater Verborum. 4°. 1840. Praga. (C. 6. 8).

Safarik. Glagolitische Fragmente. 4°. 1857. Prag. (C. 6. 7).

Safarik. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. 4°. 1838. Prag. (C. 6. 6).

Schneider. Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialects. 8°. 1853. Budissin. (C. 4. 11).

Билярскій. Судьбы церковнаго языка. Кн. I—II. 8°. 1848—68. Спб. (C. 4. 14).

Билярскій. Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическое изслѣдованіе. 8°. 1848. Спб. (C. 2. 41).

Бодянскій. О времени происхожденія славянскихъ письменъ. 8°. 1855. Москва. (C. 5. 26).

Бодянскій. Снимки къ сочиненію о времени происхожденія славянскихъ письменъ. Fol. 1855. Москва. (C. 6. 1).

Будиловичъ (В). Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова въ рукописи Императорской публичной библіотеки XI вѣка. 8°. 1871. Спб. (C. 4. 19).

Буслаевъ (Ѳ.). О преподаваніи отечественнаго языка. 8°. 1867. Москва. 3 экземпл. (С. 1. 12—14).

Буслаевъ (Ѳ.). Историческая грамматика русскаго языка. Част. I—II. 8°. 1863. Москва. 2 экземпл. (XCIX. 8. 25—26).

Грамматика россійская съ польскимъ переводомъ. 8°. (С. 1. 4).

Гречь (Н.). Пространная русская грамматика. Томъ I. 8°. 1827. Москва. (XCIX. 8. 7).

Гречь (Н.). Начальныя правила русской грамматики. 8°. 1839. Спб. (С. 1. 10).

Григоровичъ (В.). Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка. 8°. 1852. Казань. (С. 5. 11).

Давыдовъ. Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка. 8°. 1853. Спб. (XCIX, 8. 20).

Добровскій. Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію. Част. I—III. 8°. 1833—34. Спб. (С. 5. 18).

Зеленецкій. О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. 4°. 1846. Одесса. 2 экземпл. (С. 4. 7—8).

Золотовъ. Русская азбука. 8°. 1861. Спб. (LXXXIII. 5. 13).

Караџић. Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије писма господину Платону Атанацковитћу православноме Владыци Будимскоме о српскоме правопису. 8°. 1845. У Бечу. (С. 2. 43).

Классовскій. Русская грамматика. 8°. 1856. (С. 1. 3).

Классовскій. Краткая грамматика славяно-церковнаго языка. 8°. 1857. Спб. (С. 4. 21).

Книга за научевіе трихъ язиковъ: славяно-болгарскіи и греческыя и карамалѣцкои. 8°. 1841. (С. 4. 20).

Лебедевъ. Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи. 8°. 1848. Спб. (С. 1. 9)

Ломоносовъ (М.). Россійская грамматика. 8°. 1788. Спб. (С. 1. 6).

Майковъ. Исторія сербскаго языка, по памятникамъ, писаннымъ кириллицею. 8°. 1857. Москва. (С. 5. 5).

Павскій. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Разсужденія I, II, III. 2 экземпл. 8°. 1841—42. Спб. Тоже, изд. 1850 г. разсужденія I и III въ 1 экз., а II въ 2-хъ экз. (XCIX. 8. 8—11).

Пенинскій. Грамматика славянская. 8°. 1831. Спб. Тоже. изд. 1827. (С. 3. 19—20).

Пенинскій. Славянская христоматія. 8°. 1828. Спб. (С. 2. 42).

Перевлѣсскій. Грамматика старославянскаго языка. 8°. 1856. Спб. 2 экз. (С 2. 37—38).

Перевлѣсскій. Начертаніе русскаго синтаксиса. (Безъ выходнаго листа). 8°. (С. 1. 8).

Предисловіе къ грамматикѣ славянской, напечат. при п. Іосифѣ. 8°. 1782. Москва. (С. 2. 7).

Разсмотрѣніе книги: «опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка Н. Греча». 8°. 1856. Спб. (С. 1. 11).

С. (К.). Чешская грамматика. 8°. 1852. Praga. (С. 5. 27).

Самоучитель русской грамоты для киргизовъ. 8°. 1861. Казань. 2 экз. (XCIX. 8. 17—18).

НРАВСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА.

—

III. ОСНОВАНІЕ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ НАШИХЪ НРАВСТВЕННЫХЪ (ИѲИЧЕСКИХЪ) ПОНЯТІЙ.

Возникновеніе общественной жизни людей и начало права и закона. Критическій обзоръ теорій, касающихся этого предмета. Нравственныхъ понятій нельзя выводить изъ опыта. Нравственный законъ — не первоначальный фактъ сознанія. Онъ не автономиченъ и не можетъ быть данъ въ такъ называемой общей волѣ. Есть ли врожденныя нравственныя идеи? Такъ называемый разумъ, какъ источникъ нравственности. Никакой законъ не существуетъ безъ соотвѣтствующаго ему чувства должнаго. Чувство должнаго есть нѣчто первоначальное, всеобщее. Чувство обязанности и совѣсть. Откуда возникаетъ чувство должнаго? Начало его въ нравственномъ назначеніи человѣка. Чувство должнаго и стремленіе къ совершенству.

Опытъ и исторія показываютъ, что соединеніе людей въ обществѣ нигдѣ не обходилось безъ того, что обыкновенно называется обычаемъ, правомъ и закономъ. Послѣдніе всегда и вездѣ были обязательными нормами, съ которыми долженъ былъ сообразовать свою жизнь и дѣятельность каждый индивидуумъ. Мало того. Даже семья, эта первичная форма соціальнаго союза, не могла бы существовать, если бы въ ней воля отца или матери не заступала мѣсто закона.

Это—фактъ безусловно всеобщій. Подтвержденіе его мы находимъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Очевидно, онъ имѣетъ свое основаніе въ первоначальныхъ основныхъ элементахъ человѣческой природы. Иѳика должна объяснить этотъ фактъ, т. е. показать, какъ онъ вытекаетъ изъ тѣхъ факторовъ, которые лежатъ въ его основѣ. Въ этомъ фактѣ мы видимъ, что законъ и свобода воли всегда и вездѣ существуютъ вмѣстѣ и противополагаются другъ другу, что между ними всюду бываетъ постоянное отношеніе и связь. Конечно, не дѣло иѳики рѣшать спорный вопросъ о первоначальномъ происхожденіи государствъ. Если рѣшеніе этого вопроса возможно, то его скорѣе всего должна рѣшать исторія права и государствъ. Какъ бы ни образовался исторически народный и государственный союзъ, возникъ ли онъ мало по малу изъ семейной жизни, или же причиной его возникновенія были необузданный эгоизмъ, своеволіе, властолюбіе и корыстолюбіе, а отсюда преобладаніе сильныхъ надъ слабыми — для иѳики это все равно. Для нея важно то, почему никакое общество людей *не можетъ* существовать безъ закона, права или того, чѣмъ замѣняются законъ и право. Этотъ именно вопросъ она и должна рѣшить. Нѣтъ сомнѣнія, что безусловно всеобщая совмѣстность и нераздѣльность соціальной жизни людей съ правомъ и закономъ имѣетъ свое основаніе во внутренней связи ихъ между собою или во внутренней необходимости, которая проявляется внѣшнимъ образомъ въ соціальной жизни. Постоянно и вездѣ равное себѣ дѣйствіе предполагаетъ такую же и причину, т. е. причину *необходимую*, такъ, а не иначе дѣйствующую. Отсюда и *содержаніе* права и закона не могло быть составлено произвольно, вслѣдствіе самолюбія или властолюбія какого нибудь лица, или придумано для защиты слабѣйшихъ отъ своеволія и насилія сильнѣйшихъ. Гдѣ законъ и право вводились и поддерживались насильственнымъ образомъ, тамъ въ сущности вовсе не было никакого закона и

права. Какъ изъ ничего не можетъ произойти что нибудь: такъ точно всеобще-необходимое не можетъ происходить отъ произвола отдѣльнаго лица, и право не можетъ возникнуть изъ несправедливости. Ни одинъ индивидуумъ не бываетъ настолько силенъ и могущественъ, чтобы употреблять принужденіе и насиліе надъ массой извѣстнаго народа или племени и утверждать свою волю и власть вопреки желанію этихъ послѣднихъ. Для того, чтобы какія нибудь постановленія, придуманныя индивидуумомъ сильнѣйшимъ, признавались слабѣйшими, нужно согласіе послѣднихъ. Сильнѣйшій можетъ достигнуть власти только подъ тѣмъ условіемъ, если всѣ или по крайней мѣрѣ многіе и лучшіе люди извѣстнаго племени или народа соглашаются съ его волей, т. е. считаютъ его волю справедливой и соотвѣтствующей даннымъ условіямъ и отношеніямъ. Точно также власть главы семейства, старѣйшины или патріарха какого нибудь племени можетъ сохраняться только до тѣхъ поръ, пока его собственная, личная воля находится въ согласіи съ общей волей, т. е. съ волей семьи, племени или народа.

Такимъ образомъ, дѣйствующее право только формулируется волею одного человѣка, но оно дѣлается правомъ и закономъ потому, что первоначально было общею волею и притомъ такою, которая хотѣла и требовала, чтобы ея содержаніе имѣло *всеобщее значеніе*. Сознательно или несознательно совершался у людей этотъ процессъ, это все равно. Важно здѣсь то, что общество, право и законъ возникаютъ и развиваются вмѣстѣ. Спрашивается: откуда же такое согласіе и такое общеніе у людей воли и ея содержанія?

Очевидно, оно можетъ основываться только на какомъ нибудь общемъ или одинаковомъ по своему существу *мотивѣ*, который лежитъ въ основаніи такого общаго всѣмъ людямъ акта воли. Что это за мотивъ?—Указываютъ въ этомъ случаѣ на естественныя влеченія и стремленія человѣка и отсюда стараются объяснить общеніе людей между собою и происхожде-

ніе права и закона. Въ частности нѣкоторые думаютъ объяснить это присущимъ будто бы всѣмъ людямъ влеченіемъ къ счастію. Salus reipublicae, говорятъ, ultima ratio. Право и законъ могутъ будто бы существовать только въ томъ случаѣ, если они служатъ средствами для достиженія общаго блага и способствуютъ счастію людей. Поэтому они могли и возникнуть только вслѣдствіе общаго стремленія людей къ счастію.

Но естественныя влеченія, будутъ ли то влеченія органическія или психическія, направляются, какъ извѣстно, на что нибудь отдѣльное, но не на общее. Они касаются удовлетворенія какихъ нибудь частныхъ потребностей индивидуума. Влеченіе къ счастію не составляетъ исключенія изъ этого правила. Правда, это влеченіе въ извѣстной мѣрѣ всюду содѣйствовало основанію человѣческихъ обществъ. Извѣстно, что однѣ изъ потребностей человѣческой природы могутъ быть удовлетворяемы самимъ человѣкомъ лично, а для удовлетворенія другихъ онъ нуждается въ общеніи съ другими людьми. Но если на основаніи влеченія къ счастію опредѣлять содержаніе *общеобязательнаго* для всѣхъ закона, то необходимо знать, въ чемъ состоитъ счастіе человѣка или *общее* благо. Взявши за исходный пунктъ естественное влеченіе, повидимому, легко дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Счастіе, говорятъ, есть полное удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ потребностей, влеченій и стремленій. Но во-первыхъ потребности, влеченія и стремленія, склонности и желанія многочисленны и разнообразны, а во-вторыхъ у различныхъ людей онѣ весьма различны по своей силѣ и напряженности. Всякое влеченіе имѣетъ цѣлію удовлетвореніе какой нибуть опредѣленной потребности, а всякая потребность въ свою очередь направлена бываетъ на опредѣленный, отдѣльный предметъ. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла нѣтъ влеченія къ *счастію вообще*. По крайней мѣрѣ влеченіе, взятое само по себѣ, ничего не знаетъ о какомъ либо *общемъ благѣ*. Оно всегда направлено бываетъ къ достиженію счастія

отдѣльнаго индивидуума, и сущность дѣла здѣсь въ томъ пріятномъ ощущеніи, которое происходитъ вслѣдствіе удовлетворенія извѣстнаго влеченія тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ предметомъ. Отсюда, влеченіе къ счастію одного индивидуума можетъ приходить нерѣдко въ столкновеніе съ влеченіемъ къ счастію другихъ индивидуумовъ, такъ какъ къ предмету, на который оно направлено, могутъ стремиться и другіе. Съ точки зрѣнія простаго влеченія къ счастію, очевидно, нельзя требовать, чтобы я отказался отъ извѣстнаго предмета только потому, что другой человѣкъ пожелалъ его или завладѣлъ уже имъ. Мое влеченіе къ счастію имѣетъ такое же право на удовлетвореніе, какъ и влеченіе къ счастію всякаго другаго человѣка. Кромѣ того, съ этой точки зрѣнія въ составъ счастія должно входить удовлетвореніе и эгоистическихъ влеченій, каковы: властолюбіе, корыстолюбіе, зависть и проч. Наконецъ, нельзя смотрѣть на общее благо, какъ на удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей, влеченій и стремленій каждаго индивидуума потому, что равномѣрное для всѣхъ людей удовлетвореніе ихъ совершенно невозможно ни въ какомъ обществѣ людей. Такимъ образомъ, вышеприведенное опредѣленіе человѣческаго счастія оказывается неудовлетворительнымъ. Оно не даетъ отвѣта на многіе вопросы, а главное не объясняетъ, почему содержаніе закона и права имѣетъ общеобязательную силу для людей. Итакъ, понятіе объ общемъ благѣ должно быть утверждено на другихъ основаніяхъ. Мы имѣемъ понятіе объ этомъ благѣ потому, что у насъ напередъ уже есть или прирождено намъ *нѳическое* понятіе истины.

Утверждать, что человѣческое благо есть нѣчто тожественное съ нравственно-добрымъ, это значитъ проповѣдывать эвдемонизмъ. Всякая иѳика съ такимъ характеромъ неизбѣжно запутывается въ противорѣчіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто считаетъ нравственно-добрымъ все то, что способствуетъ достиженію общаго блага, тотъ долженъ не только отвѣтить на вопросъ,

въ чемъ состоитъ общее благо, но долженъ,—если хочетъ быть послѣдовательнымъ, считать позволительными для человѣка всякую вольность, безпорядочность и распущенность въ жизни, коль скоро чрезъ то не нарушается ничье благо. Если человѣкъ предпочитаетъ когда нибудь свое благо благу другаго, то эгоизма его въ этомъ случаѣ нельзя назвать безнравственнымъ съ точки зрѣнія эвдемонизма. Чтобы доказать, что человѣкъ тутъ неправъ и что онъ никогда не долженъ предпочитать свое личное благо благу общему, для этого или надобно стать на другую точку зрѣнія, или доказать, что общимъ благомъ всегда и вездѣ обусловливается и благо каждаго отдѣльнаго человѣка. Необходимо было бы поэтому указать не только то, въ чемъ состоитъ общее благо вообще, но и то, въ чемъ состоитъ это благо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Положимъ, что это будетъ извѣстно, но тогда эвдемонистическая ѳика станетъ въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ принципомъ. Вмѣсто того, чтобы основываться на *стремленіи* къ счастію, она будетъ брать своей исходной точкой *понятіе* объ общемъ благѣ. Если же нельзя точно опредѣлить, въ чемъ состоитъ общее благо вообще и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то, очевидно, ни на одномъ человѣкѣ не можетъ лежать обязанности жертвовать своимъ собственнымъ благомъ, хотя бы этою жертвою предотвращалось какое нибудь общее бѣдствіе. Да и какъ вообще мы можемъ знать, въ чемъ состоитъ общее благо и что составляетъ благо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ? Опытъ, очевидно, не скажетъ намъ ничего объ этомъ. Онъ нигдѣ не показываетъ намъ чего либо общаго, а тѣмъ болѣе ничего не можетъ сообщить объ общемъ благѣ человѣка.

Аристотель пытался объяснить происхожденіе государства, права и закона *влеченіемъ* человѣка *къ обществу*. Дѣйствительно, въ этомъ влеченіи или лучше сказать въ совокупности соціальныхъ влеченій заключается ближайшее и первое побужденіе къ образова-

нію общественной жизни людей. Но эта исходная точка, взятая сама по себѣ, столь же недостаточна для рѣшенія упомянутой выше задачи, какъ и общее влеченіе людей къ счастію. Правда, соціальныя влеченія основываются на общей органической, равно какъ и психической потребности людей къ общественной жизни; но общественная жизнь въ этомъ случаѣ вовсе не составляетъ послѣдней цѣли ихъ влеченій и стремленій. Она служитъ скорѣе только средствомъ для достиженія цѣли. Человѣкъ нуждается въ обществѣ только потому, что въ немъ и при помощи его онъ можетъ удобнѣе достигнуть полнаго своего развитія и образованія. Поэтому влеченіе къ знанію, потребность дѣятельности и стремленіе проявить свое *я* играютъ также очень не маловажную роль въ образованіи влеченія къ обществу. Если человѣкъ достигъ извѣстной степени образованія, то онъ можетъ жить и безъ общества. Доказательствомъ этого служатъ древніе анахореты. Итакъ, если влеченіе у человѣка не направлено бываетъ къ обществу, какъ послѣдней цѣли, то, очевидно, въ немъ не можетъ заключаться общей нормы для организаціи общества. Кромѣ того, и здѣсь влеченіе вовсе не бываетъ направлено къ чему нибудь общему. При этомъ, какъ и во всѣхъ естественныхъ влеченіяхъ имѣется въ виду только отдѣльное. Человѣкъ сознательно или безсознательно пользуется общественною жизнію только для того, чтобы учиться извѣстному языку, увеличивать свои представленія и познанія, сообщать другимъ свои мысли и чувства, имѣть возможность удовлетворять свои склонности и желанія и вообще содѣйствовать достиженію своихъ личныхъ интересовъ. Въ обществѣ и при посредствѣ его прежде всего развиваются эгоистическія влеченія: властолюбіе, честолюбіе, славолюбіе, корыстолюбіе и проч. Они въ извѣстной степени необходимы для общества и споспѣшествуютъ его цѣлямъ. Если же такъ, то съ соціальной точки зрѣнія нельзя ограничивать или запрещать удовлетворенія этихъ влеченій. Ни одно

изъ нихъ не можетъ быть названо непозволительнымъ, достойнымъ порицанія, безнравственнымъ. Такимъ образомъ, влеченіе къ обществу, взятое само по себѣ, не только ничего не знаетъ объ общихъ законахъ, которыми должно управляться общество для того, чтобы обезопасить свое существованіе, но ему неизвѣстны и тѣ общіе нравственные принципы, осуществленіемъ которыхъ служатъ эти законы.

Принципъ, изъ котораго можно вывести законы для организаціи общества, повидимому, можетъ быть найденъ, если отдѣльныя цѣли, къ достиженію которыхъ направлены соціальныя влеченія, сведены будутъ къ одной общей цѣли. Цѣль эта—полное и совершенное образованіе человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія отдѣльныя цѣли будутъ уже только средствами для достиженія общей цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ отъ *природы* имѣетъ влеченіе къ *совершенствованію себя самого*. Это влеченіе нераздѣльно у человѣка съ другимъ, столь же сильнымъ влеченіемъ, именно съ влеченіемъ къ развитію и образованію. Послѣднее можно назвать основнымъ влеченіемъ. На немъ, какъ на стволѣ, держатся, подобно вѣтвямъ, всѣ соціальныя влеченія. Это влеченіе тѣсно связано со всѣми органическими и психическими силами и способностями человѣка. Каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ побужденіе не только къ обнаруженію своей дѣятельности, но и къ тому, чтобы постоянно расширять кругъ этой дѣятельности, т. е. все больше и больше развиваться и укрѣпляться. Отсюда вытекаетъ сильное желаніе всякаго человѣка, даже еще въ дѣтствѣ, упражнять свои силы и совершенствовать ихъ до степени ловкаго умѣнья пользоваться ими. Отсюда же происходитъ неодолимое часто стремленіе геніальнаго или талантливаго человѣка развивать и совершенствовать свой талантъ. Этимъ же объясняется съ одной стороны пріятность и удовольствіе, которыя испытываетъ всякій человѣкъ во время развитія своихъ способностей, разширенія круга своей дѣятельности и

увеличенія своихъ познаній, а съ другой тяжелое и непріятное состояніе въ томъ случаѣ, когда человѣку мѣшаютъ развивать его силы или когда онъ видитъ, что не можетъ равняться съ другими по своимъ силамъ и дарованіямъ. Здѣсь же источникъ влеченія къ сообществу и единенію съ другими людьми. Посредствомъ этого сообщества и единенія человѣкъ удобнѣе развиваетъ и укрѣпляетъ свои силы, и все его существо дѣлается какъ-то полнѣе и совершеннѣе. — Но при *естественномъ* влеченіи къ совершенствованію имѣется въ виду только вообще развитіе, образованіе и укрѣпленіе данныхъ силъ. Здѣсь не берутся во вниманіе и не различаются ихъ свойства и тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ силы бываютъ направлены. Преступникъ, какъ извѣстно, тоже стремится къ развитію своихъ силъ и способностей. Онъ очень бываетъ доволенъ, если ему удается при помощи ихъ ловко совершать свои преступленія. Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ о естественномъ влеченіи къ совершенствованію, то здѣсь надобно разумѣть только, если можно такъ выразиться, *количественное* развитіе силъ и способностей или развитіе *мѣры* ихъ дѣятельности. Удовлетвореніе этого влеченія, взятое само по себѣ, не имѣетъ никакого нравственнаго или иѳическаго значенія. Его нельзя назвать ни добрымъ, ни худымъ. Иначе мы должны будемъ назвать нравственными или иѳическими даже такія дѣйствія, каковы напримѣръ питье, процессъ вкушенія пищи и сонъ. При естественномъ влеченіи къ совершенствованію не имѣется въ виду *качественное* совершенствованіе человѣка. Здѣсь не можетъ быть поэтому и рѣчи объ *иѳическомъ*, нравственномъ развитіи, въ основаніи котораго лежитъ качественное развитіе. Между тѣмъ съ количественнымъ совершенствованіемъ непремѣнно должно соединяться совершенствованіе качественное. Поэтому мы должны изъ какого-нибудь другаго источника знать, въ чемъ же состоитъ качественное, иѳическое совершенствованіе человѣка, другими словами мы должны наперед

уже обладать тѣми иѳическими понятіями, о происхожденіи которыхъ идетъ у насъ рѣчь.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что данное человѣку отъ природы влеченіе къ обществу и совершенствованію служитъ главнымъ побужденіемъ къ тому, что люди соединяются въ общества, но это влеченіе, взятое само по себѣ, не объясняетъ еще того, что обыкновенно называется закономъ, правомъ и нравственностію.

Не имѣя возможности объяснить происхожденіе нашихъ нравственныхъ понятій изъ естественныхъ влеченій, нѣкоторые обращаются для этого къ естественнымъ чувствованіямъ. Всякому извѣстно, что мы, если не брать въ разсчетъ исключительныхъ случаевъ, сочувствуемъ вообще скорбямъ другихъ людей и раздѣляемъ ихъ радости; другими словами — радость другихъ вызываетъ у насъ пріятное чувство, а скорбь — чувство непріятное. Вотъ это *сочувствіе*, говорятъ, и соединяетъ людей между собою не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ. Оно будто бы и дѣлается источникомъ иѳическихъ или нравственныхъ поступковъ человѣка и развивается въ немъ до степени *благожеланія* вообще. Намъ пріятно чувство сорадованія, и мы стремимся къ нему; съ другой стороны чувство состраданія намъ непріятно, и мы избѣгаемъ его. Отсюда мы невольно поставляемъ себя на мѣсто нашихъ ближнихъ, дѣлаемъ ихъ стремленіе къ счастію нашимъ собственнымъ стремленіемъ и стараемся по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать ихъ благу. Изъ этого благожеланія, говорятъ, и образуются наши нравственныя или иѳическія понятія, нормы и принципы. Мы невольно выдѣляемъ и различаемъ въ своемъ сознаніи хотѣніе и дѣйствіе, вытекающее изъ благожеланія, отъ всякаго другаго хотѣнія и дѣйствія. Отсюда и происходитъ различіе между нравственнымъ и безнравственнымъ, добромъ и зломъ. Но если благожеланіе вытекаетъ только изъ сочувствія, и мы только по сочувствію раздѣляемъ радости и скорби другихъ людей,

то такое желаніе и дѣйствованіе, взятое само по себѣ, опять-таки нельзя назвать ни нравственно-хорошимъ, ни нравственно-худымъ, подобно тому, какъ мы не придаемъ никакого нравственнаго значенія процессу принятія пищи и питья, въ основаніи котораго лежитъ пріятное чувство удовлетвореннаго голода и жажды. Кромѣ того, съ этой точки зрѣнія произвольно было бы считать безнравственнымъ, когда кто либо радуется, если ненавистный ему человѣкъ испытываетъ какое либо страданіе. Если благожеланіе имѣетъ нравственный характеръ только потому, что оно доставляетъ человѣку пріятное чувство и тѣмъ способствуетъ его счастію, то и злорадство не можетъ быть безнравственнымъ, такъ какъ оно точно также способствуетъ въ этомъ случаѣ достиженію счастія человѣка. Зложелательство по отношенію къ враждебному мнѣ человѣку точно также естественно, какъ и благожеланіе по отношенію къ другимъ, не враждебнымъ мнѣ людямъ. Чтобы выйти въ этомъ случаѣ изъ затрудненія, обыкновенно отдѣляютъ благожеланіе отъ естественнаго сочувствія и считаютъ нравственнымъ только то благожеланіе, при которомъ мы, не заботясь о томъ, чтобы самимъ себѣ доставить пріятное чувство, стараемся ослабить или вовсе предотвратить страданія другихъ людей, принимаемъ благо ихъ къ своему сердцу и сообразно съ этимъ дѣйствуемъ. Но о благожеланіи, понимаемомъ въ этомъ смыслѣ, нельзя уже сказать, что оно составляетъ общій *естественный* элементъ человѣческой природы. Этому противорѣчатъ всѣмъ извѣстные факты. Такимъ образомъ слѣдовало бы показать, какъ человѣкъ доходитъ до такого благожеланія, которое побуждаетъ его къ отреченію отъ своей воли въ пользу воли другихъ людей, къ безкорыстному желанію добра другимъ людямъ и дѣйствованію для достиженія ихъ блага и удовлетворенія ихъ стремленій и желаній. Кромѣ того, очевидно, нельзя сказать, чтобы *всякое* единеніе нашей воли со *всякою* постороннею волею было единеніемъ

нравственнымъ. Извѣстно, что здѣсь важное значеніе имѣетъ содержаніе этой посторонней воли. Если она направлена бываетъ къ совершенію безнравственныхъ и худыхъ поступковъ, то я, очевидно, не могу согласовать своего желанія и своего дѣйствія съ такою волею, не подвергая себя нравственной отвѣтственности. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дѣлать благожеланіе правиломъ своихъ дѣйствій, я уже долженъ напередъ знать, что такое добро и зло, справедливость и несправедливость. Если даже брать благожеланіе въ самомъ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ общей любви къ человѣчеству, то и въ этомъ случаѣ оно, какъ мотивъ моей дѣятельности, можетъ скорѣе и вѣрнѣе споспѣшествовать общему благу только въ томъ случаѣ, когда я уже напередъ знаю, что моя воля направляется, согласно съ содержаніемъ общей воли, къ совершенію справедливаго и добраго. Нѣкоторые, вмѣстѣ съ Гегелемъ, утверждаютъ, что общая воля есть норма нравственнаго. Не говоря уже о томъ, что это положеніе, если разобрать его, какъ слѣдуетъ, заключаетъ въ себѣ petitio principii, при этомъ все-таки является вопросъ, въ чемъ же состоитъ содержаніе этой общей воли. Не зная этого содержанія и не имѣя понятія о нравственномъ и добромъ, я, очевидно, не могу въ отдѣльныхъ случаяхъ согласовать свою волю съ волею общею и брать эту послѣднюю за норму своей дѣятельности Кромѣ того, несомнѣнно, что это единеніе моей воли съ волею общею должно быть *нравственнымъ требованіемъ* или заповѣдію, прежде чѣмъ оно получитъ право называться нравственнымъ поступкомъ и нравственнымъ мотивомъ. Въ этомъ требованіи или заповѣди мы конечно получили бы содержаніе извѣстнаго иѳическаго понятія, но спрашивается: какъ мы доходимъ до познанія этого требованія? На этотъ вопросъ предполагаемая всеобщая любовь къ человѣчеству, какъ мотивъ нашей воли и поступковъ, не дастъ рѣшительно никакого отвѣта. Мало этого. Требованіе или заповѣдь дѣлаются излишними и теряютъ

свое значеніе, если то, чего они требуютъ, существуетъ уже въ людяхъ отъ природы въ формѣ всеобщей любви къ человѣчеству, всеобщаго благожеланія, всеобщей воли съ ея предполагаемымъ иѳическимъ содержаніемъ.

Отвергая упомянутую сейчасъ теорію, нѣкоторые, вмѣстѣ съ Гербартомъ, утверждаютъ, что человѣку отъ природы свойственно чувствовать удовольствіе при совершеніи нравственныхъ поступковъ и актовъ воли и неудовольствіе при совершеніи поступковъ и актовъ воли безнравственныхъ. Это чувство, говорятъ, и помогаетъ человѣку различать доброе отъ худаго. Высказывая это, хотятъ, очевидно, построить иѳику на эстетикѣ. Но это напрасная попытка. Изъ такихъ туманныхъ, неопредѣленныхъ и скоропреходящихъ элементовъ, каковы чувства удовольствія и неудовольствія, развѣ только при помощи очень утонченной и притомъ крайне невѣрной абстракціи можетъ составиться содержаніе иѳическихъ понятій и могутъ выработаться, выражаясь словами Гербарта, „образцовыя иѳическія понятія“. Это первое. Потомъ, извѣстно, что удовольствіе при совершеніи хорошихъ поступковъ и неудовольствіе при совершеніи поступковъ худыхъ у различныхъ людей бываетъ различно. Наконецъ, мы знаемъ, что дитя, пока не пробудилось въ немъ иѳическое сознаніе, вовсе не обнаруживаетъ одобренія или неодобренія человѣческихъ поступковъ. Этотъ фактъ показываетъ, что одобреніе хорошаго, и неодобреніе худаго вовсе не составляетъ первоначальнаго элемента человѣческой природы. Все это, взятое вмѣстѣ, ведетъ къ тому заключенію, что теорія, которую мы теперь разсматриваемъ (заимствованная у Шевтсбюри) или возвращается къ принципу эвдемонизма, или же допускаетъ petitio principii, такъ какъ здѣсь предполагается уже напередъ то, что требуетъ еще доказательства. Если удовольствіе и неудовольствіе понимать въ смыслѣ обнаруженія *чувства*, то оно, подобно всякому чувству, зависитъ отъ предмета, его возбуждающаго и

свойствъ этого предмета; поэтому удовольствіе должно совпадать съ пріятнымъ, а неудовольствіе съ непріятнымъ чувствомъ, которое возбуждаетъ въ насъ тотъ или другой предметъ. Въ области чувства нельзя дѣлать разграниченія между тѣмъ, что доставляетъ намъ удовольствіе и между тѣмъ, что намъ пріятно, какъ нельзя дѣлать различія между тѣмъ, что не нравится намъ и между тѣмъ, что намъ непріятно. Что такое удовольствіе, которое мы испытываемъ при совершеніи хорошихъ поступковъ? Это, очевидно, тоже, что и пріятное чувство. Съ другой стороны, что такое неудовольствіе, которымъ сопровождается совершеніе худыхъ поступковъ? Это опять не что иное, какъ чувство непріятное. На это указываетъ самый терминъ. Тоже подтверждается и фактами сознанія. Если я долженъ совершать хорошій поступокъ только потому, что совершеніе его доставляетъ мнѣ и другимъ удовольствіе, и удерживаться отъ совершенія худыхъ дѣйствій только потому, что они возбуждаютъ во мнѣ и въ другихъ людяхъ неудовольствіе, то этотъ принципъ практической дѣятельности, очевидно, ничѣмъ не отличается отъ принципа эвдемонистическаго. Поэтому всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ иѳики эвдемонизма, приложены и здѣсь. Чтобы выйти изъ затрудненія, говорятъ, что удовольствіе и неудовольствіе въ этомъ случаѣ бываютъ слѣдствіемъ *сужденія*, которое мы составляемъ по поводу извѣстнаго акта воли и въ которомъ выражается наше пониманіе этого акта и отношеніе его къ нашимъ чувствамъ, стремленіямъ и понятіямъ. Но въ такомъ случаѣ этого принципа нельзя уже назвать чѣмъ-то первоначальнымъ, непосредственнымъ. Тутъ необходимо предполагается не только актъ приговора, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный масштабъ сужденія. Другими словами — мы должны въ этомъ случаѣ уже напередъ имѣть иѳическія „образцовыя понятія“, прежде чѣмъ будемъ въ состояніи произносить иѳическое сужденіе. Извѣстно, что намъ пріятно также бываетъ видѣть ловкость канат-

наго плясуна, поразительное искусство фокусника, и вообще мы испытываемъ чувство удовольствія всегда, когда предъ нами обнаруживается проворство, энергія и смѣлость въ дѣйствіяхъ, каковы бы ни были мотивы и цѣли этихъ послѣднихъ. Противоположныя же этимъ дѣйствія вызываютъ въ насъ чувство неудовольствія. Спрашивается: какимъ образомъ мы могли бы дѣлать различіе между тѣмъ родомъ удовольствія, о которомъ мы сейчасъ сказали, и между удовольствіемъ собственно иѳическимъ, которое должно лежать въ основѣ нравственныхъ образцовыхъ понятій? Очевидно, это было бы для насъ невозможно, если бы у насъ не было напередъ понятія, представленія или чувства иѳическаго. Относительно удовольствія и неудовольствія, изъ которыхъ образуются наши иѳическія понятія, говорятъ, что эти чувства обнаруживаются при совершеніи поступковъ иѳическихъ, а потому они и сами суть нѣчто иѳическое, но это значитъ предполагать, что мы можемъ уже напередъ дѣлать различіе между иѳическимъ и психическимъ или нравственнымъ и тѣмъ, что не относится къ области нравственности.

Во всякомъ случаѣ иѳика, которая старается основать нравственныя понятія и сужденія на эстетикѣ, на такъ называемомъ „нравственномъ вкусѣ“, должна непремѣнно тщательнѣе изслѣдовать сущность и точнѣе опредѣлить понятіе нравственнаго вкуса. Выраженіе это указываетъ на аналогію психическаго элемента съ органическимъ ощущеніемъ нашего ялыка. По этой аналогіи, какъ языкъ испытываетъ пріятное и непріятное ощущеніе, такъ и души посредствомъ подобнаго же, но только психическаго чувства, ощущаетъ нравственное и безнравственное. Первое вызываетъ въ ней чувство удовольствія, а второе—чувство неудовольствія. Но извѣстно, что насъ только опытъ научаетъ тому, какое вещество имѣетъ хорошій, и какое—дурной вкусъ: точно также мы только изъ опыта могли бы узнать и то, какіе акты воли возбуждаютъ въ насъ удовольствіе и какіе — неудовольствіе. Такъ

называемыя образцовыя иѳическія понятія мы должны были бы тогда пріобрѣтать путемъ продолжительнаго различенія и сравненія отдѣльныхъ случаевъ. При такомъ только условіи и возможно было бы для насъ рѣшить, принадлежитъ ли и насколько приналлежитъ всѣмъ этимъ случаямъ общій признакъ удовольствія или неудовольствія. Но иѳическія понятія, отличающіяся характеромъ всеобщности, очевидно, не могутъ составляться такимъ путемъ. Опытъ нигдѣ не представляетъ намъ чего нибудь дѣйствительно всеобщаго и во всѣхъ случаяхъ одинаковаго. Такимъ образомъ, предъ нами неминуемо является слѣдующая альтернатива: или мы необладаемъ отъ природы нравственнымъ вкусомъ, или же онъ у различныхъ людей и въ различныя времена до такой степени бываетъ различенъ, измѣнчивъ и способенъ къ ошибкамъ, что изъ него никакъ нельзя вывести какихъ либо прочныхъ и всеобщихъ иѳическихъ понятій и сужденій. Извѣстно, что мысль о томъ, чтобы отмстить врагу, сдѣлать его рабомъ, подвергнуть пыткѣ и умертвить, возбуждаетъ у такъ называемыхъ дикарей высшую степень удовольствія. Очень многіе необразованные народы любятъ ссоры и войну просто ради ссоры и войны. Имъ не нравится состояніе мира и спокойствія. Спрашивается: на какомъ основаніи мы будемъ считать такой образъ ихъ мыслей безнравственнымъ, а нашъ взглядъ на этотъ предметъ нравственнымъ? Теорія нравственнаго вкуса не можетъ дать на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Къ этому надобно еще присовокупить, что удовольствіе, взятое само по себѣ, вовсе не составляетъ мотива для извѣстнаго желанія и поступка и не даетъ намъ никакого побужденія совершать поступки, сопровождаемые этимъ чувствомъ. Въ противномъ случаѣ то высокое наслажденіе, которое мы испытываемъ при взглядѣ на прекрасныя произведенія искусства, заставило бы всѣхъ насъ сдѣлаться художниками. Но что особенно трудно объяснить съ точки зрѣнія нравственнаго вкуса, такъ это

понятіе о долгѣ и чувство долга, которыя составляютъ неоспоримый фактъ нашего сознанія. Почему я долженъ совершать по преимуществу такіе поступки, которые доставляютъ и мнѣ и другимъ удовольствіе? Говорятъ, что насъ заставляетъ склоняться на сторону этихъ поступковъ то пріятное чувство, которое съ ними связано; но склонность и долгъ—это двѣ вещи совершенно различныя.

Считая гипотезу нравственнаго вкуса неудовлетворительною, нѣкоторые ученые (какъ то: Тренделенбургъ и др.) стараются основать на опытѣ по крайней мѣрѣ такъ называемое естественное право. Попытка ихъ состоитъ въ томъ, чтобы всеобщее понятіе права объяснить посредствомъ критическаго анализа заимствованныхъ изъ опыта юридическихъ положеній и постановленій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ такъ называемые положительные законы, служащіе выраженіемъ юридическихъ или правовыхъ понятій, представляютъ собою богатый матеріалъ для критико-аналитической работы. Но нельзя думать, чтобы этотъ матеріалъ обнималъ собою *всѣ* существующія и существовавшія положенія въ области права, и чтобы содержаніе положительныхъ законовъ заключало въ себѣ такіе пункты, которые указывали на нѣкоторыя основныя, общія всѣмъ людямъ и временамъ представленія о правѣ. Допустимъ даже, что это есть въ упомянутомъ матеріалѣ. Въ такомъ случаѣ все-таки нужно доказать, почему именно эти общія всѣмъ людямъ представленія о правѣ имѣютъ значеніе началъ всеобщихъ ненарушимыхъ и неизмѣнныхъ. Какова бы ни была ихъ всеобщность у людей, но кто поручится за то, что это не всеобщія ошибки и заблужденія? Всякая критика, идетъ ли она путемъ аналитическимъ или синтетическимъ, непремѣнно требуетъ извѣстнаго масштаба, чтобы произносить то или другое сужденіе. Общее содержаніе дѣйствующихъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ законовъ не можетъ быть такимъ масштабомъ частію потому, что его нельзя назвать дѣй-

ствительно всеобщимъ, а частію потому, что его значеніе и авторитетъ въ данное время вовсе не служитъ ручательствомъ за то, что оно всегда будетъ неизмѣнно. Очевидно, мы должны напередъ уже имѣть понятіе о правомъ и неправомъ, чтобы на основаніи его могли анализировать разнообразное содержаніе даннаго права.

Всякая попытка опредѣлить на основаніи опыта, что такое право и несправедливость, добро и зло, должна быть названа попыткою неудачною. Наши иѳическія понятія и нормы для иѳическихъ сужденій не могутъ быть выведены изъ опыта. Всякій иѳическій опытъ уже предполагаетъ собою эти понятія и нормы, и они служатъ условіемъ всѣхъ иѳическихъ сужденій. Положенію этому мы придаемъ особенную важность, а потому и постараемся, насколько возможно, основательнѣе доказать его.

Отъ всякаго естествоиспытателя, будетъ ли то минералогъ, ботаникъ или зоологъ, намъ часто приходится слышать, что есть „совершенное“ и „несовершенное“ образованіе кристалловъ, „совершенные“ и „несовершенные“ экземпляры извѣстнаго вида растеній и животныхъ, „высшія“ и „низшія“ расы животныхъ и людей. Даже химикъ и физикъ дѣлаютъ подобное же различеніе, говоря о химическихъ процессахъ, о явленіяхъ свѣта, цвѣтовъ и проч. Такимъ образомъ, понятіе совершенства есть общепризнанное иѳическое понятіе. Его естествоиспытатель напередъ уже долженъ имѣть, чтобы произносить упомянутыя сейчасъ сужденія. Какъ онъ приходитъ къ этому понятію? Конечно, не посредствомъ одного только опыта. Сколько бы и какъ бы тщательно онъ ни изслѣдовалъ, ни сравнивалъ экземпляры, данные въ опытѣ, онъ все-таки найдетъ здѣсь только то, что они имѣютъ такой-то цвѣтъ, такую-то форму, тяжесть и проч., что они разнятся между собою въ такихъ-то и такихъ-то отношеніяхъ, но онъ никогда не откроетъ въ нихъ чего нибудь такого, что мы называемъ совершенствомъ и

несовершенствомъ, добрымъ и худымъ. Чувственное воспріятіе, опытъ въ собственномъ смыслѣ ничего не говорятъ намъ объ этомъ различіи. Оно возможно только уже послѣ того, какъ естествоиспытатель, подъ руководствомъ опыта, составляетъ себѣ опредѣленное понятіе о родѣ и видѣ. Это родовое понятіе и будетъ служить для него масштабомъ при опредѣленіи совершенства или несовершенства экземпляровъ даннаго рода. На основаніи его только онъ и можетъ, въ случаѣ какихъ либо уклоненій отъ нормы, говорить, что такой-то экземпляръ есть экземпляръ несовершенный, плохой, такъ какъ онъ не подходитъ подъ родовое понятіе, а о другихъ утверждать, что они совершенны, красивы, такъ какъ они вполнѣ соотвѣтствуютъ масштабу родоваго понятія. Такимъ образомъ, родовое понятіе представляетъ собою въ формальномъ и матеріальномъ отношеніи напередъ данную норму или типъ, по которому образуются экземпляры. Но это не говоритъ о томъ, что *непремѣнно* всѣ экземпляры *должны* соотвѣтствовать этому типу. Они могутъ болѣе или менѣе и уклоняться отъ него. Этими-то вотъ предположеніями руководится и долженъ руководиться естествоиспытатель. Они вытекаютъ съ необходимостію изъ фактовъ. Въ природѣ есть роды и виды, потому что есть предметы существенно одинаковые по своему происхожденію, развитію и образованію. Поэтому естествознаніе не можетъ обойтись безъ понятія о родѣ и видѣ. Это понятіе, какъ нормативный типъ, имѣетъ силу закона и управляетъ образованіемъ экземпляровъ. Съ другой стороны экземпляры одного и тогоже рода бываютъ болѣе или менѣе различны между собою, поэтому надобно допустить принципъ дифференцированія, индивидуализаціи, т. е. допустить причину или силу, вслѣдствіе которой экземпляры хотя и образуются по одному и тому же типу, но никогда не бываютъ совершенно одинаковыми. Заключаются ли причины этого уклоненія экземпляровъ отъ общаго типа въ самихъ экземплярахъ или во вліяніи на нихъ общихъ силъ

природы и внѣшнихъ жизненныхъ условій: климата, почвы, погоды и проч.—это все равно. Самый фактъ индивидуальности не подлежитъ сомнѣнію. И чѣмъ бо́льшею индивидуальностію обладаетъ какой либо экземпляръ, тѣмъ дѣятельность его бываетъ независимѣе отъ понятія рода, тѣмъ большею онъ обладаетъ свободою.

Итакъ, каждое существо, будучи членомъ рода, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и существо индивидуальное. Индивидуальность составляетъ условіе его свободы. Оба эти понятія нераздѣльны, и стоятъ въ математическиточной пропорціи между собою. Безъ индивидуальности нѣтъ свободы, и чѣмъ болѣе индивидуальности въ какомъ либо существѣ, тѣмъ большею оно обладаетъ свободою, и наоборотъ. Абсолютная свобода соединялась бы и съ абсолютною индивидуальностію. Это было бы нѣчто отрѣшенное отъ понятія о родѣ. Такимъ образомъ, каждый экземпляръ *долженъ* соотвѣтствовать вполнѣ содержанію родоваго понятія, насколько онъ выражаетъ собою законъ развитія и образованія этого послѣдняго, но въ силу своей индивидуальности онъ можетъ и не соотвѣтствовать ему, уклоняться отъ него.

Это-то вотъ долженствованіе и его иѳическое значеніе всегда и предносятся въ мысли естествоиспытателя, когда онъ говоритъ объ экземплярахъ совершенныхъ и несовершенныхъ, хорошихъ и худыхъ. Выраженія эти не имѣли бы никакого смысла, если бы при этомъ не подразумѣвалось, что всякій экземпляръ *долженъ* соотвѣтствовать вполнѣ содержанію своего роднваго понятія. Гдѣ нѣтъ этого долженствованія, тамъ не можетъ быть и рѣчи о совершенствѣ и несовершенствѣ. Никто не будетъ называть напримѣръ зайца несовершеннымъ за то, что онъ не обладаетъ силою и быстротою оленя. Но спрашивается: почему экземпляръ, вполнѣ соотвѣтствующій своему родовому понятію, кажется намъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ всякій другой экземпляръ? Какимъ образомъ мы родовое

понятіе, составленное нами на основаніи даннаго числа экземпляровъ, возводимъ въ идеалъ совершенства, и начинаемъ измѣрять по нему большее или меньшее совершенство всѣхъ экземпляровъ этого рода? Въ опытѣ мы не видимъ нигдѣ высшаго совершенства. Совершеннѣйшій экземпляръ нигдѣ не является намъ эмпирически. Да если бы мы и нашли здѣсь такой экземпляръ, то мы могли бы принять его за совершеннѣйшій только въ томъ случаѣ, если бы предварительно имѣли понятіе о возможно-высшемъ совершенствѣ того рода, къ которому принадлежитъ данный экземпляръ, и поставили бы себѣ это понятіе нормою нашего пониманія вещей и сужденія о нихъ. Не имѣя этой нормы, мы не могли бы говорить: эта вещь совершеннѣе той, подобно тому, какъ мы не можемъ говорить: эта вещь длиннѣе той, не прилагая здѣсь извѣстнаго масштаба и не измѣряя вещей. Какимъ же образомъ мы приходимъ къ этому масштабу, къ этому понятію совершенства?

Это дѣлается, конечно, не безъ участія опыта, но неисключительно посредствомъ опыта. У насъ, какъ извѣстно, есть *конкретныя* понятія о совершенствѣ. Такъ напримѣръ мы имѣемъ понятіе о совершенномъ физически человѣкѣ. Мы, конечно, не могли бы имѣть этихъ понятій, если бы опытъ не доставлялъ намъ матеріала для этого, т. е. если бы мы не видали на самомъ дѣлѣ различныхъ индивидуумовъ. Какъ наши родовыя и видовыя понятія составляются только при помощи нашихъ наблюденій: точно также мы только чрезъ сравненіе данныхъ въ опытѣ экземпляровъ между собою приходимъ къ мысли, что одинъ изъ нихъ совершеннѣе другаго. Но чтобы мы могли узнать это сравнительно большее совершенство и съ помощію этого знанія составить понятіе о физическомъ совершенствѣ человѣка — для этого мы напередъ уже должны имѣть понятіе о совершенствѣ вообще. Это понятіе должно служить для насъ масштабомъ въ данномъ случаѣ. Опытное понятіе о родѣ недостаточно

для этого. Общая черта у людей между прочимъ та, что они имѣютъ вообще лобъ, носъ, ротъ и подбородокъ, но все это такого рода признаки, что на основаніи ихъ мы никакъ не можемъ сказать, что лобъ, носъ и вообще тѣлесный организмъ негра не совершеннѣе организма человѣка кавказской расы или Аполлона Бельведерскаго. На основаніи одного только родоваго понятія рѣшительно нельзя составить такого сужденія. По отношенію къ родовому понятію лобъ, носъ, ротъ и другія части организма негра такъ же совершенны, какъ и составныя части организма человѣка кавказской расы. Въ родовомъ понятіи соединяется обыкновенно нѣчто однородное многимъ предметамъ. Съ этой точки зрѣнія то, что входитъ въ составъ тѣлесной организаціи негра имѣетъ такое же значеніе, какъ и то, что входитъ въ составъ организма человѣка кавказской расы. Масштабъ, по которому негръ оцѣниваетъ достоинство, совершенство и несовершенство предметовъ, столь же законенъ, какъ и масштабъ европейца. Такимъ образомъ, мы должны стать выше родоваго понятія, выйти изъ предѣловъ опыта, преобразовать данный матеріалъ и усовершенствовать его, короче сказать—должны составить *идеальное* понятіе о возможно-высшемъ совершенствѣ человѣческаго существа. Только тогда мы и можемъ пользоваться этимъ, хотя бы и несовсѣмъ яснымъ, понятіемъ, какъ нормой нашего сравненія и различенія. Оно и будетъ служить для насъ масштабомъ, когда мы будемъ говорить, что организмъ негра несовершеннѣе, ниже, чѣмъ организмъ человѣка, принадлежащаго къ кавказской расѣ. Но въ опытѣ, какъ извѣстно, мы нигдѣ и никогда не видимъ высшаго человѣческаго совершенства. Спрашивается: откуда же у насъ такое идеальное понятіе? Какимъ образомъ мы превращаемъ родовое понятіе въ понятіе высшаго совершенства человѣческаго? Мы не можемъ дѣлать этого a posteriori, посредствомъ опыта и на основаніи данныхъ опыта; слѣдовательно это апріорный, независимый отъ опыта,

прирожденный нашей душѣ факторъ познанія. Имъ мы и пользуемся, какъ нормой различенія и сравненія; посредствомъ него душа наша и образуетъ упомянутое выше идеальное понятіе, какъ масштабъ для сужденія о вещахъ.

Итакъ, наши сужденія о совершенствѣ или несовершенствѣ предметовъ видимой природы не могутъ вытекать изъ опыта. Тѣмъ болѣе это надобно сказать о нашихъ иѳическихъ сужденіяхъ. Наши приговоры о томъ, что такое правое и неправое, добро и зло никакъ не могутъ имѣть своего основанія въ опытѣ. Съ эмпирической точки зрѣнія поступокъ человѣка, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ всякаго другаго факта или событія, совершающагося въ природѣ. Опытъ показываетъ намъ только внѣшнюю сторону того и другаго. Но на самомъ дѣлѣ между тѣмъ и другимъ большая разница. Существенную особенность поступка человѣка составляетъ то, что онъ проистекаетъ изъ свободной воли человѣка. Положимъ, какой либо человѣкъ бьетъ другаго человѣка, крадетъ его собственность, убиваетъ его. Всѣ эти факты, если смотрѣть на нихъ съ эмпирической точки зрѣнія суть факты безразличные. Въ нихъ не выражается ни права, ни несправедливости, ни добра, ни зла. Чтобы судить о томъ и другомъ, мы должны знать не только дѣйствующихъ лицъ, но и мотивы и цѣли ихъ дѣйствій. Положимъ, что мы и это узнали, но дѣло тѣмъ все-таки не оканчивается. Чтобы произнести сужденіе иѳическое, мы должны непремѣнно знать, какіе мотивы и цѣли правы (позволительны), и какіе неправы (запрещены). Иначе сказать — мы должны напередъ уже имѣть извѣстныя нормы для нашего сужденія или понятія о правомъ и неправомъ, добрѣ и злѣ. Отсюда вотъ и объясняется, почему неудачны бываютъ попытки вывести эти нормативныя понятія изъ дѣйствующихъ юридическихъ и нравственныхъ законовъ, и почему нельзя основать иѳики на естественныхъ потребностяхъ, стремленіяхъ и чувствахъ, какъ мотивахъ

нравственнаго развитія и образованія человѣка. Эти мотивы, какъ исходные пункты и носители нравственности, должны сами имѣть нравственную природу. А чтобы узнать и доказать это, я долженъ уже напередъ знать, что нравственно и безнравственно, т. е. я долженъ уже напередъ имѣть иѳическія понятія о правомъ и неправомъ, о добрѣ и злѣ.

Нѣкоторые моралисты вмѣсто того, чтобы развязать узелъ при рѣшеніи вопроса, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, просто разсѣкаютъ этотъ узелъ. Они отказываются разрѣшить вопросъ о происхожденіи нравственныхъ или иѳическихъ понятій. Вмѣстѣ съ Кантомъ они утверждаютъ, что нравственный законъ представляетъ собою первичный, „неразложимый“ фактъ нашего сознанія. Съ нимъ неразрывно будто бы соединена и свобода воли, такъ что первый уже предполагаетъ собою послѣднюю. Но говорить такъ, это значитъ допускать законъ, который не имѣетъ никакого содержанія, ничего не предписываетъ и не запрещаетъ. Такой законъ вовсе не былъ бы закономъ. Что же касается того, будто мы *сознаемъ* въ себѣ первоначально (условный или безусловный) „императивъ“ съ опредѣленнымъ иѳическимъ содержаніемъ, то этого никакъ нельзя назвать „фактомъ“. Это было бы нѣчто такое, что противорѣчитъ всѣмъ фактамъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Но допустимъ, что есть такой фактъ: все-таки отсюда нельзя выводить свободы воли. Конечно, я долженъ хотѣть и имѣть возможность дѣлать то, что предписываетъ мнѣ нравственный законъ. Законъ, требующій того, чего нельзя выполнить, не можетъ быть названъ закономъ. Но то, что мы „можемъ хотѣть“ чего нибудь не составляетъ еще свободы воли, Особенность послѣдней составляетъ также и то, что мы можемъ не хотѣть чего нибудь. Кромѣ того, очевидно, что я гораздо лучше воспользовался бы нравственнымъ закономъ и скорѣе послѣдовалъ бы ему, если бы не только просто *могъ*, но и *долженъ* былъ хотѣть исполненія его. Нѣтъ сомнѣнія,

что нравственный законъ только потому и есть законъ нравственный, что онъ существуетъ совмѣстно съ свободой воли. Но отъ закона, какъ закона, какъ простаго императива, нельзя дѣлать заключенія къ свободѣ воли и предполагать послѣднюю на основаніи перваго. Мы знаемъ, что и естественный законъ или законъ природы представляетъ собою тоже своего рода императивъ, и однакожъ тамъ о свободѣ воли не можетъ быть и рѣчи.

Столь же неудачною надобно назвать попытку вывести нравственный законъ изъ свободы воли, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ. Съ перваго взгляда эта попытка какъ будто имѣетъ нѣкоторое основаніе. Свобода воли и законъ нравственный—это такіе два фактора иѳики, которые обусловливаются другъ другомъ. Свобода воли имѣетъ также мало значенія внѣ закона, какъ и законъ внѣ свободы. Отсюда умозаключаютъ такимъ образомъ: человѣкъ, говорятъ, необходимо долженъ жить въ сообществѣ съ подобными себѣ людьми; но если бы его свобода не имѣла границъ, то это повлекло бы за собой неминуемо „войну всѣхъ противъ всѣхъ“, и общественная жизнь сдѣлалась бы невозможною. Право и законъ и служатъ вотъ этими необходимыми границами свободы воли. Всякій, кто желаетъ существованія человѣческаго общества, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавать право и законъ, чтобы имѣть возможность пользоваться тѣмъ остаткомъ свободы, который они ему предоставляютъ.—Но законъ, который я признаю не на иѳическихъ основаніяхъ, но ради какихъ нибудь внѣшнихъ интересовъ и цѣлей, очевидно, не можетъ быть названъ иѳическимъ или нравственнымъ закономъ. Поэтому, если я обязываюсь въ силу этого закона ограничивать мою свободу, то я долженъ смотрѣть на общественную жизнь людей не просто какъ на что-то естественно необходимое, но долженъ признать здѣсь необходимость *иѳическую, нравственную*. А это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если у меня уже напередъ есть понятіе о

нравственно-необходимомъ или понятіе о справедливомъ и добромъ. Допустимъ даже, что общественная жизнь есть нѣчто иѳически-необходимое: все-таки сущность нравственнаго закона не уяснится для насъ вполнѣ, если понимать его въ смыслѣ упомянутой сейчасъ теоріи. Мы имѣли бы здѣсь дѣло только съ извѣстными ограниченіями свободы воли. Для насъ только *отрицательно* опредѣлялось бы то, чего мы не должны желать и дѣлать по отношенію къ другимъ людямъ. Но этого, очевидно, недостаточно. Отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы все, что намъ не запрещается, было нравственно позволительно. Изъ того, что запрещается умерщвлять другаго человѣка и красть его собственность, не слѣдуетъ, чтобы позволено было мнѣ убивать самого себя или мотать свою собственность и распоряжаться ею, какъ попало. Кромѣ того, границы, связывающія нашу волю совнѣ, въ отношеніи ея къ волѣ другихъ людей, не могутъ простираться на субъективныя наши намѣренія. Внутренняя область мотивовъ и цѣлей остается внѣ этихъ границъ. Между тѣмъ въ области иѳики все зиждется на этихъ намѣреніяхъ, на этихъ мотивахъ и конечныхъ цѣляхъ. О нравственности только тогда и можетъ быть рѣчь, когда послѣдніе сообразны бываютъ съ иѳическими нормативными понятіями. Та иѳика, у которой не достаетъ положительныхъ предписаній для нашей воли и поступковъ, не можетъ быть названа иѳикой. Это скорѣе сводъ уголовныхъ законовъ. Наконецъ, если дѣло идетъ о границахъ свободы воли, то спрашивается: кто долженъ установлять эти границы? Потребность, опытъ и рефлексія, дѣйствительно, могутъ приводить людей къ сознанію необходимости этихъ границъ, но сознаніе въ этомъ случаѣ ничего не можетъ сказать о томъ, въ чемъ должны состоять эти границы и какъ далеко они должны простираться. Если бы отдѣльные члены общества и согласились въ пониманіи этого, все-таки это ни къ чему не поведетъ. Всякій человѣкъ непремѣнно будетъ стараться о томъ,

чтобы по возможности разширить кругъ поставленныхъ границъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣшаны будутъ его собственные интересы, стремленія и цѣли, и дѣло окончится тѣмъ, что опять возникнетъ война всѣхъ противъ всѣхъ. Такимъ образомъ, вопросъ остается неразрѣшимымъ, если нѣтъ положительнаго опредѣленія того, что предписываютъ нравственный законъ и право. — Contrât social Руссо представляетъ собою пустую фикцію со стороны исторической. Но этого мало. Онъ содержитъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. Это—несбыточная химера.

Кантъ выводитъ свободу изъ нравственнаго закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя Руссо, онъ считалъ свободную волю началомъ законодательнымъ. Эта „автономія“ воли, очевидно, противорѣчитъ какъ понятію о законѣ, такъ и понятію о свободной волѣ. Содержаніе закона, какъ закона, не имѣетъ ничего общаго съ хотѣніемъ или желаніемъ, свойственнымъ волѣ. Это—долженствованіе, а не хотѣніе. Равнымъ образомъ свобода, взятая сама по себѣ, не хочетъ никакого закона и не знаетъ ни о какомъ законѣ. Не смотря на это, мысль Канта недавно опять пущена въ ходъ, только ее нѣсколько видоизмѣнили и облекли въ новую форму. І. Г. Фихте и І. У. Виртъ, очевидно, высказываютъ Кантовскую же мысль, когда они говорятъ, что основой иѳики служитъ „первоначальная“ или „основная воля“. Эта воля будто бы отъ природы уже заключаетъ въ себѣ законъ нравственный. Проявляясь въ формѣ всеобщей взаимной любви людей и въ стремленіи ихъ къ общественности, она не только служитъ источникомъ нашихъ нравственныхъ или иѳическихъ цринциповъ и понятій, но ей обязаны своимъ происхожденіемъ и всѣ наши нравственныя учрежденія, равно какъ и общества иѳическія, каковы семья, государство и т. д. Нельзя не видѣть, что эта такъ называемая основная воля въ сущности есть комбинація естественнаго влеченія человѣка къ обществу и естественнаго сочувствія или благожеланія, а потому про-

тивъ нея могутъ быть направлены всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются вообще противъ мотивовъ воли, какъ основоположеній иѳики. Но это еще не все. Проповѣдующіе эту теорію впадаютъ въ тоже внутреннее противорѣчіе, въ какое впалъ и Кантъ, провозглашая свою автономическую свободу. Кантъ выпутался изъ этого противорѣчія своимъ понятіемъ о человѣкѣ, какъ нуменѣ и феноменѣ, но сейчасъ упомянутая теорія не можетъ воспользоваться и этой уловкой. Канту можно возразить, что для такой воли, которая даетъ законъ сама себѣ, содержаніе этого закона не можетъ представляться въ формѣ императива, какъ нѣчто *обязательное*, слѣдовательно для нея нравственный законъ, какъ *законъ*, не существуетъ. Тоже можно сказать и объ „основной волѣ“. Если воля уже отъ природы направлена бываетъ ко всему справедливому, доброму и нравственному, то спрашивается: откуда въ насъ чувство и сознаніе долга? Откуда тѣ нравственные и юридическіе законы, которые своею законодателькою силою однихъ актовъ воли требуютъ, а другіе запрещаютъ? Допустимъ, что справедливое и доброе отъ природы присущи нашей волѣ и составляютъ ея содержаніе, но тогда такія явленія, какъ несправедливость, зло, грѣховность представляются явленіями въ высшей степени загадочными. Хотятъ разрѣшить дѣло тѣмъ, что допускаютъ раздвоеніе въ нашей волѣ, говорятъ, что наши стремленія и акты нашей воли могутъ иногда не согласоваться и вступать въ борьбу съ „основной волей“. Но въ этомъ случаѣ опять являются недоумѣнія. Мы спрашиваемъ: откуда въ человѣкѣ это раздвоеніе и какъ мы знаемъ, что въ этомъ случаѣ право и справедливость бываетъ на сторонѣ общей воли, и то, чего она желаетъ, мы должны предпочитать всему другому? На эти вопросы упомянутая теорія опять не можетъ дать никакого отвѣта. Если воля сама въ себѣ раздвояется и рядомъ съ основной волей стоитъ противорѣчащая ей другая воля, то, очевидно, предполагаемая основная воля перестаетъ уже

быть основною волею. По крайней мѣрѣ въ высшей степени произвольно было бы одну волю считать основной или истинной, правой, а другую—ложной, неправой. Если я не знаю уже напередъ, что такое добро и справедливость и не обладаю предварительно тѣми иѳическими нормативными понятіями, о происхожденіи которыхъ идетъ теперь у насъ рѣчь, то я, очевидно, не могу признать основную волю за волю *иѳическую* и не могу сознавать себя обязаннымъ осуществлять въ своихъ поступкахъ тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ эта воля направляется. Сама основная воля не можетъ „содержать“ въ себѣ этихъ нормативныхъ понятій, этихъ „практическихъ идей“, и ея „главныя обнаруженія“ не могутъ непосредственно проявляться въ формѣ „идей“. Воля, взятая сама по себѣ, не можетъ ни заключать въ себѣ, ни производить изъ себя никакихъ понятій и идей, никакихъ вообще представленій. Воля и способность представленій хотя и тѣсно соединены между собою, тѣмъ не менѣе это—способности совершенно различныя. Мы ничего не можемъ желать, не представляя въ тоже время желаемаго, хотя можемъ многое представлять и въ тоже время не желать представляемаго. Понятна отсюда зависимость нашихъ желаній отъ способности представленій, отъ сознанія и самосознанія. Если допустить, что основная воля производитъ иѳическіе акты воли, то вмѣстѣ съ нею должны быть у насъ „основныя“ или первоначальныя идеи съ иѳическимъ содержаніемъ. Эти идеи должны руководить нашу волю и направлять ее извѣстнымъ образомъ. Такимъ образомъ, теорія основной воли необходимо приводитъ насъ къ теоріи врожденныхъ идей. Теорію эту проповѣдуетъ Фихте. Онъ прямо говоритъ, что нравственность и духовная личность человѣка обусловливаются „присутствіемъ идей въ человѣческомъ духѣ“.

Древняя (Платоновская) теорія первоначальныхъ, прирожденныхъ душѣ идей, подъ разными формами, очень долго держалась въ иѳикѣ. Послѣдователей ея

очень много и теперь. Самого Канта можно причислить къ послѣдователямъ ея на томъ основаніи, что онъ считаетъ нравственный законъ „неразложимымъ далѣе фактомъ“, который иѳика должна брать своей исходной точкой. Смыслъ этого „неразложимаго далѣе факта“ тотъ, что наше знаніе о нравственномъ законѣ и его содержаніи и наше понятіе о нравственно-добромъ составляютъ первоначальный элементъ нашего духа. Его нельзя выводить ни откуда. Мы непосредственно сознаемъ его, а потому это—врожденная идея. Если понимать врожденныя идеи въ этомъ смыслѣ и допустить, что мы имѣемъ непосредственное сознаніе о справедливомъ, добромъ, истинномъ и прекрасномъ, то опытъ представитъ намъ слишкомъ много фактовъ въ опроверженіе этой теоріи. Дитя, какъ извѣстно, не знаетъ непосредственно, что такое красное и синее, что такое дерево, собака, человѣкъ: точно также оно, очевидно, не знаетъ сначала и того, что такое справедливость и добро, чего ему желать и что дѣлать ему, какъ существу нравственному. Сознаніе наше вообще не имѣетъ въ себѣ ничего врожденнаго, непосредственнаго: оно возникаетъ и развивается посредствомъ основной духовной дѣятельности различенія; поэтому не можетъ быть рѣчи и о прирожденномъ нравственномъ сознаніи. Какъ дитя только мало по малу достигаетъ сознанія о томъ, что такое справедливость и добро: такъ и взрослый человѣкъ постепенно возводитъ свои первоначальныя иѳическія воззрѣнія на степень высшихъ нравственныхъ понятій и принциповъ. Если бы мы непосредственно сознавали иѳическія нормы нашей воли и дѣятельности, то не существовало бы разногласія мнѣній касательно ихъ содержанія, не было бы различія въ юридическихъ и нравственныхъ законахъ у различныхъ народовъ. А между тѣмъ все это есть на самомъ дѣлѣ.

Чтобы избѣжать въ этомъ случаѣ затрудненій, обыкновенно стараются уничтожить слово „непосредственный“. Говорятъ, что иѳическія идеи хотя и за-

ключаются первоначально въ нашей душѣ, но онѣ достигаютъ нашего сознанія только посредствомъ опыта. Это нисколько не помогаетъ дѣлу. Если отбросить слово „непосредственный“ и оставить только слово „идея“, то этимъ ничего не выигрывается. Подъ словомъ „идея“ обыкновенно разумѣется то, что сдѣлалось содержаніемъ нашего сознанія. Спрашивается: какъ объяснить тотъ фактъ, что иѳическія идеи, будучи прирождены всѣмъ людямъ въ одинаковой формѣ, съ однимъ и тѣмъ же объективнымъ содержаніемъ, проявляются на дѣлѣ въ такомъ разнообразіи и даже противоположности не только у отдѣльныхъ людей, но и у цѣлыхъ народовъ? Бываетъ нерѣдко такъ, что въ одномъ мѣстѣ считается нравственнымъ, справедливымъ и добрымъ то, что въ другомъ мѣстѣ считается безнравственнымъ и наказывается, какъ преступленіе. Извѣстно, что практика и опытъ, разнообразіе естественныхъ (историко-географическихъ) условій и отношеній, различіе индивидуальности, національности и проч. имѣютъ громадное вліяніе на образованіе идей въ нашемъ сознаніи; поэтому высказанная сейчасъ теорія теряетъ всякое значеніе. Это — ни болѣе, ни менѣе, какъ произвольная гипотеза, необъясняющая существа дѣла. Если же допустить, что идеи не имѣютъ вначалѣ никакого опредѣленнаго содержанія и служатъ просто только безсознательными указателями и руководителями нашей воли на пути нравственности и добродѣтели, то ихъ нельзя уже будетъ назвать „идеями“. Это будутъ просто безсознательныя побужденія, стремленія или инстинкты. При этомъ снова является вопросъ о томъ, какъ они достигаютъ нашего сознанія и пріобрѣтаютъ иѳическое содержаніе, или, другими словами—какъ они дѣлаются идеями, иѳическими нормальными понятіями?

Врожденная нравственная идея должна не только теоретически сообщать мнѣ понятіе о добромъ, но она должна вмѣстѣ съ тѣмъ практически выражать законъ моей воли и дѣятельности; поэтому она должна быть

прирождена не только моему сознанію, но и волѣ. Если бы она принадлежала только сознанію, то она могла бы быть и закономъ только для дѣятельности сознанія, т. е. для образованія, раздѣленія и соединенія представленій. Сознаніе имѣетъ дѣло только съ представленіями. Это есть дѣятельность только производящая и воспроизводящая наши сознательныя представленія. Поэтому простое представленіе закона моей дѣятельности также мало имѣло бы законодательной силы для моей воли, какъ и представленіе физическаго закона тяжести. Представленіе вообще есть только форма, въ которой является нашему сознанію тотъ или другой предметъ, то или другое бытіе, та или другая потребность, то или другое ощущеніе и проч. Оно само по себѣ не можетъ ничего требовать отъ воли и не имѣетъ никакой власти надъ нею. Хотя бы содержаніе его и выражало законъ воли, все-таки оно само по себѣ не можетъ побудить нашу волю слѣдовать этому закону. Оно можетъ дѣйствовать на волю только путемъ, такъ сказать, окольнымъ. Оно возбуждаетъ чувство, а это послѣднее съ своей стороны вызываетъ стремленіе, побужденіе къ извѣстному акту воли. Если понимать иѳическія идеи въ смыслѣ простыхъ представленій, то имъ нельзя приписать никакой прямой возбуждающей и понуждающей силы. Они могутъ дѣйствовать на волю, только возбуждая соотвѣтствующее имъ чувство. Это послѣднее въ свою очередь побуждаетъ уже душу къ извѣстнымъ актамъ воли. Такимъ образомъ, теорія врожденныхъ идей приводитъ насъ къ теоріи особаго рода чувствъ. Чувства эти должны быть названы иѳическими или нравственными чувствами, такъ какъ они, будучи возбуждены, дѣлаются импульсами для нашей воли и дѣятельности и сообщаютъ ей нравственное направленіе. При этомъ опять являются вопросы: что это за чувства и какъ объяснить ихъ возбуждающее вліяніе на нашу волю?

Если вмѣсто врожденныхъ идей допустить въ человѣкѣ особую способность, которая производитъ, вос-

принимаетъ, формулируетъ идеи и заставляетъ человѣка слѣдовать имъ, то результатъ получится тотъ же самый. Въ самомъ дѣлѣ, что такое такъ называемый разумъ, на который обыкновенно ссылаются въ этомъ случаѣ? Это, говоритъ Кантъ, есть „способность идей", иначе сказать это—теоретическая сила, которая производитъ идеи въ формѣ представленій, имѣющихъ опредѣленное содержаніе или возбуждаетъ это содержаніе въ нашемъ сознаніи. Но понимаемая въ этомъ смыслѣ эта способность, очевидно, не можетъ имѣть непосредственнаго отношенія къ нашей волѣ, а тѣмъ болѣе власти надъ нею, подобно тому, какъ не имѣетъ этого отношенія и власти никакое сознаніе и представленіе, взятое само по себѣ. По мнѣнію Якоби, назначеніе этой способности въ томъ, чтобы въ формѣ опредѣленныхъ чувствъ: любви, удивленія, благоговѣнія и проч. дѣлать для насъ удобовоспріемлемымъ и понятнымъ все истинное, доброе и прекрасное. Въ такомъ случаѣ упомянутыя сейчасъ чувства предполагаются напередъ уже данными, и мы спрашиваемъ: откуда они являются въ насъ? Такъ какъ эти чувства неврожденны намъ, то разумъ не можетъ быть ихъ настоящею причиной. Чувства эти могутъ возникать только при дѣйствіи на насъ какого нибудь предмета, къ которому они относятся. Я, очевидно, не могу ни любить, ни удивляться, ни почитать, если нѣтъ на самомъ дѣлѣ предмета моей любви, моего удивленія и почитанія. Любить и почитать вовсе неизвѣстный мнѣ предметъ—это все равно, что любить и почитать ничто. Буду ли я знать предметъ въ формѣ чувства любви къ нему, какъ предмету прекрасному, или въ формѣ чувства уваженія къ нему, какъ предмету доброму, во всякомъ случаѣ условіемъ моего познанія бываетъ самый предметъ, мое воспріятіе и представленіе его, какъ предмета прекраснаго или добраго. Откуда, спрашивается, у меня это представленіе? Если оно мнѣ не врождено, то оно можетъ происходить только изъ опыта. Такимъ образомъ, противъ этой теоріи могутъ быть

сдѣланы тѣже самыя возраженія, какъ и противъ теоріи врожденныхъ идей. Даже болѣе. Здѣсь можетъ быть выставлено на видъ все то, что обыкновенно выставляется противъ всякой эмпирической ѳеики. Въ особенности здѣсь можно указать на то, отчего упомянутыя выше чувства бываютъ у людей столь разнообразны? Почему одинъ и тотъ же предметъ въ одномъ человѣкѣ возбуждаетъ любовь, а въ другомъ отвращеніе, одного воодушевляетъ, а въ другомъ не возбуждаетъ никакого чувства? Въ чемъ причина этого— въ чувствахъ или въ разумѣ? Да и въ чемъ тутъ собственно выражается дѣятельность разума? Какъ понимать прекрасное, истинное и доброе, которыя обнаруживаются намъ въ соотвѣтственныхъ имъ чувствахъ? Есть ли это бытіе только умопредставляемое, идеальное, или оно имѣетъ реальность? Въ послѣднемъ случаѣ какова его природа, духовная (сверхчувственная), или тѣлесная (чувственная)? Какимъ, наконецъ, образомъ мы на основаніи упомянутыхъ чувствъ достигаемъ понятій объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ и составляемъ нормативныя понятія для нашей воли и дѣятельности? На всѣ эти вопросы теорія Якоби не можетъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Но разумъ, говорятъ, это не только теоретическая, но и практическая сила. Онъ не только производитъ идеи, но и предписываетъ законы нашей волѣ и побуждаетъ ее къ исполненію ихъ. Такъ думаетъ Кантъ. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ: откуда же мы знаемъ, что у насъ есть такая способность? Всѣ другія силы и способности, которыя мы приписываемъ себѣ, обнаруживаются обыкновенно въ своихъ дѣйствіяхъ. Мы имѣемъ ощущенія и чувствованія, воззрѣнія и представленія, потребности, влеченія и стремленія. При этомъ мы не только сознаемъ въ себѣ эти состоянія, но знаемъ и то, почему они возникаютъ въ насъ. На основаніи логическаго закона причинности мы приписываемъ себѣ силы, которыя посредственно или непосредственно производятъ ихъ въ

насъ. Чѣмъ же обнаруживается для насъ такъ называемый практическій разумъ? Его дѣятельность должна быть законодательною. Онъ долженъ руководить и управлять нашею волею. Но у насъ вовсе нѣтъ никакого закона или предписанія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы имѣемъ ощущенія, чувствованія, воспріятія, потребности и проч. При всемъ нашемъ желаніи мы не можемъ найти въ себѣ никакого закона ни для нашихъ актовъ воли, ни для содержанія ихъ, ни для способа ихъ выполненія. Первоначально мы обыкновенно не знаемъ, что̀ мы должны дѣлать и чего не дѣлать. Дѣти узнаютъ объ этомъ отъ своихъ родителей и учителей. Къ чему же послѣ этого служитъ законодательный разумъ, когда мы его законовъ не знаемъ, а потому и не можемъ исполнять?—Если разумъ безсознательно руководитъ нашею волею, въ такомъ случаѣ онъ будетъ составлять одно и тоже съ волею. Такимъ образомъ мы опять приходимъ или къ (Кантовской) автономіи воли, или къ (Фихтевой) основной волѣ—двумъ гипотезамъ, изъ которыхъ ни одну нельзя назвать состоятельной. Допустимъ, что существуетъ такой автономическій контролеръ надъ нашей волей, но роль этого контролера будетъ очень ничтожна. Дѣятельность его будетъ сводиться къ нулю. Въ самомъ дѣлѣ, юридическіе и нравственные законы, практикуемые въ жизни, должны были бы въ послѣдней инстанціи происходить отъ одного этого контролера, а между тѣмъ содержаніе ихъ до такой степени разнообразно, они нерѣдко такъ противорѣчатъ другъ другу, что никакъ нельзя приписать происхожденія ихъ одному и тому же законодателю. Если же разумъ не одинъ и тотъ же у всѣхъ людей, но видоизмѣняется въ своихъ обнаруженіяхъ сообразно съ индивидуальностію, національностію, извѣстной эпохой, то онъ не имѣетъ никакого иѳическаго значенія. Это будетъ не очень прочная нравственная опора. Ею будетъ пользоваться каждый человѣкъ только въ угоду самому себѣ. Между тѣмъ иѳическія нормативныя понятія, законы

и принципы, каково бы ни было ихъ содержаніе и какъ бы худо они ни прилагались на практикѣ, уже по тому одному имѣютъ право на всеобщность, что они *должны* были бы имѣть всеобщее значеніе даже тамъ, гдѣ они въ данный моментъ не имѣютъ его. Наконецъ, о теоретическомъ и практическомъ разумѣ можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано, что человѣкъ есть существо нравственное, что онъ дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать сообразно съ иѳическими мотивами и цѣлями, что у него есть иѳическія понятія, какъ нормы его воли и дѣятельности. Только тогда и можно говорить, что онъ обладаетъ особою способностію, которая составляетъ эти понятія, преобразуетъ ихъ въ законы и принципы и обращаетъ на нихъ его вниманіе въ то время, когда онъ обдумываетъ свой поступокъ и рѣшается дѣйствовать такъ или иначе.

Дѣлая обзоръ теорій, касающихся происхожденія иѳическихъ идей, мы нѣсколько уклонились отъ нашей исходной точки. Возвратимся теперь къ ней. Мы сказали, что нѣтъ и не было ни одного человѣческаго общества, у котораго не было бы общепризнанныхъ законовъ, нравовъ и обычаевъ, управляющихъ общественною жизнію. Это фактъ неоспоримый. Каково бы ни было историческое происхожденіе этихъ факторовъ общественной жизни, несомнѣнно только то, что *никакой* законъ, *никакое* повелѣніе или запрещеніе не могутъ принять формы закона, если содержаніе ихъ не будетъ признаваться, какъ нѣчто *долженствующее* быть. А это возможно только въ томъ случаѣ, когда въ груди существа, повинующагося закону, возникнетъ чувство или сознаніе *должнаго*. Когда родители говорятъ малюткѣ: ты долженъ то-то дѣлать, то онъ совершенно не понималъ бы этого приказанія и не соединялъ бы съ словами: „ты долженъ“ никакого смысла, если бы это приказаніе не возбуждало въ его душѣ чувства *должнаго*, которое гармонируетъ съ содержаніемъ приказанія и побуждаетъ слѣдовать ему.

Правда, свободная воля человѣка взрослаго можетъ съ внѣшней стороны покаряться и принужденію. Такъ, слабый человѣкъ можетъ изъ страха исполнять приказанія человѣка сильнаго. Но это ничего не значитъ. Несмотря на это внѣшнее принужденіе, онъ все-таки остается свободенъ съ внутренней стороны. Если чувство *должнаго* не привело его къ убѣжденію, что законъ, который ему навязываютъ, есть дѣйствительно законъ, что онъ служитъ выраженіемъ долженствованія и что поэтому нужно исполнять его, то никакая сила въ мірѣ не заставитъ его признать это за законъ и свободно послѣдовать этому. Что ни говорили бы о томъ, что право и законъ полезны какъ теоретически, такъ и практически, что они споспѣшествуютъ общему благу, что они необходимы для существованія общества, люди все-таки будутъ свободно, по внутреннему убѣжденію признавать ихъ только тогда, когда соединеніе ихъ въ общества, споспѣшествованіе общему благу и проч. будутъ соотвѣтствовать чувству *должнаго* и будутъ представляться имъ, какъ нѣчто долженствующее быть. Поэтому нельзя не согласиться съ высказаннымъ уже нами положеніемъ, что никакая власть людей сильныхъ не въ состояніи сдѣлать того, чтобы другіе люди признавали что нибудь за законъ противъ своей воли и внутренняго, сознательнаго убѣжденія. Общепризнанныя нравственныя правила и законы только тогда получаютъ свою силу, когда признаетъ ихъ за законы воля людей, связанныхъ общественною жизнію. Такимъ образомъ, государство, церковь, община, семейство своимъ существованіемъ уже предполагаютъ упомянутое выше чувство *должнаго*. Это чувство составляетъ первоначальный элементъ человѣческой природы.

Доселѣ мы старались указать на чувство *должнаго*, какъ основной элементъ нравственной природы человѣка, только путемъ, такъ сказать, окольнымъ. Мы упомянули о немъ только потому, что есть люди, которые не считаютъ этого чувства за общепризнанный

фактъ нашего сознанія. Почему это имъ такъ представляется, объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ только, что въ области психологіи есть не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что это чувство есть въ человѣкѣ, хотя бы оно и не достигало его сознанія. На этомъ основаніи мы и говоримъ, что оно составляетъ всеобщій элементъ человѣческой души. Всякому извѣстно, что послѣ совершенія нѣкоторыхъ поступковъ мы чувствуемъ *раскаяніе*, и всячески желали бы поступить въ данномъ случаѣ иначе. Подобнаго состоянія, очевидно, у насъ не могло бы быть, если бы чувство, хотя бы то и слабое, не говорило намъ, что мы могли бы дѣйствовать иначе, болѣе справедливымъ и лучшимъ образомъ. Если бы этотъ иной образъ дѣйствованія не входилъ въ кругъ нашего сознанія, то мы и не обвиняли бы себя, не скорбѣли бы по поводу совершившагося факта, однимъ словомъ—у насъ не появилось бы чувство раскаянія. Насъ мучитъ въ этомъ случаѣ сознаніе того, что мы не только могли, но *должны* были дѣйствовать иначе. Насколько это сознаніе достигаетъ у насъ ясности и опредѣленности, настолько мы чувствуемъ и раскаяніе по поводу нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій. Тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ этого сознанія, не бываетъ обыкновенно и этого чувства.

Въ тѣсной связи съ чувствомъ раскаянія находится *чувство обязанности* и *сознаніе обязанности*. „Въ человѣкѣ, говоритъ І. Г. Фихте, насколько онъ человѣкъ, обнаруживается принужденіе совершать или не совершать извѣстные поступки ради нихъ самихъ, совершенно независимо отъ какихъ нибудь внѣшнихъ цѣлей“. Можетъ быть нынѣ слова эти покажутся нѣкоторымъ людямъ въ высшей степени странными и неосновательными. Теперь не мало есть людей, у которыхъ чувство обязанности не имѣетъ никакой власти надъ ихъ волей и дѣятельностію. Мы и не будемъ спорить о томъ, что могутъ быть люди, у которыхъ это чувство не достигло сознанія. Но мы несогласны

съ тѣмъ, будто эти люди вовсе не имѣли и не имѣютъ этого чувства. Изъ психологіи извѣстно, что у насъ могутъ быть такія ощущенія и чувствованія, которыя не достигаютъ нашего сознанія. Кромѣ того, сознаніе наше не связано непосредственно съ извѣстнымъ ощущеніемъ и чувствованіемъ. Чтобы оно возникло—для этого требуется особый актъ души, отличный отъ ощущеній и чувствованій. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію и то, что всегда есть и было много людей, у которыхъ чувство обязанности развито бываетъ въ высшей степени. У нихъ оно не только достигаетъ сознанія, но, какъ главный мотивъ, опредѣляетъ всю ихъ волю и дѣятельность. Какъ смотрѣть на этотъ фактъ и какъ объяснить его? Говорятъ, что люди бываютъ различны въ нравственномъ отношеніи отъ того, что у одного человѣка есть основной инстинктивный элементъ, а у другаго его вовсе нѣтъ, подобно тому, какъ у одного есть способность къ музыкѣ, а у другаго ея нѣтъ. Но мы не можемъ принять это объясненіе. По нашему мнѣнію, всѣ такъ называемыя способности къ чему нибудь означаютъ только бо́льшую или меньшую возбуждаемость нашихъ чувствъ соотвѣтствующими имъ предметами. По своей мѣрѣ, крѣпости, опредѣленности и тонкости, равно какъ по высотѣ интереса къ предмету, ихъ возбуждающему, способности конечно у различныхъ людей бываютъ весьма различны, но онѣ въ извѣстной степени даны отъ природы *всѣмъ* людямъ, подобно тому, какъ всѣ люди одарены чувствами зрѣнія, слуха, вкуса и проч.

Итакъ, мы должны признать, что чувство обязанности или—что-тоже—чувство права, чувство добраго, нравственно-предписаннаго принадлежитъ всякому человѣку. Мы конечно не хотимъ этимъ сказать того, что это чувство обязываетъ человѣка совершать какой нибудь частный опредѣленный поступокъ. Мы утверждаемъ только, что оно существуетъ въ насъ первоначально, какъ общее чувство *должнаго*, которое сопровождаетъ всякій нашъ поступокъ, и возбуждается

въ насъ всякій разъ, когда возникаютъ различные импульсы для нашей воли, и мы рѣшаемся на то или другое. Тотъ импульсъ и та цѣль, которыя представляютъ собою нѣчто иѳически предписанное, возбуждаютъ въ насъ особаго рода чувство, и это чувство кладетъ на нихъ особый отпечатокъ, какъ на что-то долженствующее быть. Чувствомъ обязанности оно становится только тогда, когда оно само и соотвѣтствующій ему актъ воли, какъ иѳически предписанный, доходитъ до нашего *сознанія*. Сознаніе же здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, не связано бываетъ непосредственно съ чувствомъ. Оно возбуждается особымъ актомъ души. Отъ этого и происходитъ, что не всѣ люди и не во всѣхъ случаяхъ въ одинаковой мѣрѣ сознаютъ это чувство. Будучи само по себѣ просто чувствомъ, безъ всякаго опредѣленнаго предмета, оно, какъ и всякое чувство, для своего обнаруженія конечно, нуждается въ возбужденіи. Но не будь этого первоначальнаго элемента въ нашей душѣ, тогда чувство обязанности и сознаніе обязанности оставались бы для насъ фактами совершенно непонятными. Если бы кто нибудь предписывалъ намъ дѣлать или не дѣлать что нибудь, то, очевидно, мы не чувствовали бы себя обязанными слушаться его только потому, что онъ предписываетъ это намъ. Правда, мы можемъ слушаться другаго человѣка изъ какихъ нибудь особыхъ видовъ, напримѣръ изъ-за того, что это послушаніе клонится къ нашему благу, но *чувствовать* себя внутренно *обязанными* къ этому мы можемъ только тогда, когда или содержаніе повелѣнія, или самое послушаніе независимо отъ его содержанія мы будемъ признавать, какъ нѣчто долженствующее быть. Воля другаго человѣка не можетъ связывать нашу волю именно потому, что это—наша воля, и она недоступна внѣшнему вліянію. Но чувство *должнаго* есть именно такое чувство, которое связываетъ нашу волю, какъ волю. Его впрочемъ нельзя назвать чувствомъ принужненія. Оно предполагаетъ собою свободу и утвержда-

етъ ее. Оно связываетъ нашу волю въ томъ смыслѣ, что указываетъ ей, какъ должно дѣйствовать и напоминаетъ ей объ исполненіи долга. Безъ свободы чувство *должнаго* было бы невозможно. Тогда было бы у насъ просто только чувство принужденія. Но не будь у насъ чувства *должнаго*, тогда въ свою очередь и свобода сдѣлалась бы необузданнымъ произволомъ, при которомъ, какъ мы уже сказали выше, невозможны были бы ни право, ни нравственность.

Люди, отрицающіе въ человѣкѣ чувство обязанности, охотнѣе соглашаются признать въ немъ *совѣсть*. Но въ сущности нѣтъ разницы между чувствомъ обязанности и совѣстію. Совѣсть — это тоже чувство обязанности, только принявшее болѣе широкіе размѣры. Различіе между ними заключается собственно въ томъ, что чувство обязанности, достигши сознанія, простирается всегда только на *отдѣльный* какой нибудь случай, на *отдѣльный* актъ воли, между тѣмъ какъ совѣсть служитъ *общимъ* руководителемъ нашей воли и дѣятельности. Это тѣмъ болѣе ясно, что совѣсть была бы невозможна, если бы у насъ не было чувства *должнаго*. Чувство должнаго и совѣсть обыкновенно отожествляютъ другъ съ другомъ, но на самомъ дѣлѣ они нетожественны. Чувство *должнаго* — это только условіе, основаніе и зародышъ совѣсти. Послѣдняя развивается изъ него при содѣйствіи еще другихъ факторовъ. Чувство *должнаго*, взятое само по себѣ, есть, какъ мы сказали, просто только *чувство*. Совѣсть же есть, повидимому, непосредственное *сознаніе* того, что мы должны дѣлать и чего не дѣлать. Отъ этого,—кажущагося намъ непосредственнымъ,—знанія своего содержанія она и получила свое названіе. Но это знаніе на самомъ дѣлѣ вовсе не есть знаніе непосрѣдственное. У насъ, какъ извѣстно, нѣтъ вообще никакого сознанія непосредственнаго. Всякое сознаніе предполагаетъ собою нѣчто данное, что достигаетъ нашего сознанія. Непосредственно же данными мы можемъ назвать только наши ощущенія и чувствова-

нія. Если совѣсть назвать сознаніемъ того, что мы должны дѣлать и чего не дѣлать, то, очевидно, она предполагаетъ собою извѣстное чувство, которое достигаетъ нашего сознанія. Это вотъ чувство мы и называемъ чувствомъ *должнаго*, такъ какъ оно говоритъ намъ о томъ, что мы должны дѣлать и чего не дѣлать. Чувство это непосредственно для насъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ непосредственнымъ всякое вообще чувство. Но его нельзя назвать непосредственнымъ содержаніемъ нашего сознанія. Оно достигаетъ нашего сознанія только послѣ того, какъ оно бываетъ возбуждено и притомъ въ такой степени, что даетъ нашей душѣ возможность отличать его отъ другихъ чувствъ. Вотъ, почему и случается, что у нѣкоторыхъ людей оно вовсе не достигаетъ сознанія. У такихъ людей чувство *должнаго* есть, и они въ отдѣльныхъ случаяхъ руководятся этимъ чувствомъ, но они ничего о немъ не знаютъ, и поэтому намъ кажутся людьми, неимѣющими совѣсти. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда это чувство достигаетъ сознанія и является въ формѣ совѣсти, оно соразмѣрно бываетъ съ тѣмъ, насколько мы точно и ясно отличаемъ это чувство и его содержаніе отъ другихъ чувствъ. Отъ этого условія зависитъ вообще ясность и опредѣленность нашего сознанія и достовѣрность его содержанія. Тамъ, гдѣ чувство *должнаго* отличается отъ другихъ чувствъ слабо, поверхностно, необходимо бываетъ и совѣсть неясная и неопредѣленная. Велѣнія ея высказываются нерѣшительно, не съ увѣренностію. На такую совѣсть обыкновенно имѣютъ большое вліяніе господствующія въ извѣстное время понятія о справедливомъ и добромъ, и человѣкъ подчиняется такъ называемому общественному мнѣнію, сословнымъ предразсудкамъ, нравамъ, обычаямъ и проч. Этимъ также объясняется и то нерѣдко случающееся колебаніе совѣсти и мучительное безпокойство, которое мы испытываемъ, когда мы не вполнѣ рѣшились на что нибудь. Наконецъ отсюда же происходитъ различіе въ рѣшеніяхъ людей

даже научно образованныхъ, когда они въ одномъ и томъ же положеніи, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ дѣйствуютъ совершенно различно. Только первоначальное чувство *должнаго*, какъ мы укажемъ далѣе, необманчиво и вполнѣ вѣрно указываетъ мотивы и направленіе нашихъ стремленій и нашей воли. Пусть говорятъ, что угодно о постоянной будто бы безошибочности совѣсти, по нашему мнѣнію, совѣсть бываетъ ясною, вѣрною и непоколебимою только тамъ, гдѣ чувство *должнаго* чисто и ясно отражается въ сознаніи.

Итакъ, чувство *должнаго* составляетъ первоначальный элементъ нашей природы. Изъ него, какъ изъ своего источника, проистекаютъ тѣ чувства удовольствія и неудовольствія, о которыхъ мы упоминали выше. Всякому извѣстно, что созерцаніе или представленіе нравственныхъ поступковъ, мотивовъ, цѣлей и проявленій воли человѣческой возбуждаетъ въ насъ чувство удовольствія (радости, одобренія), между тѣмъ какъ созерцаніе и представленіе противоположныхъ дѣйствій, мотивовъ и цѣлей вызываетъ у насъ чувство неудовольствія (негодованія, отвращенія). Но чувство удовольствія можетъ быть вызываемо у насъ только тѣмъ, что возбуждаетъ нашу душу гармонически, что находится въ согласіи съ ея природой и ея элементами (потребностями, влеченіями и проч.). Поэтому упомянутыя выше иѳическія чувства возможны только въ томъ случаѣ, когда представленія, которыми они возбуждаются, относятся къ соотвѣтствующему имъ элементу въ нашей душѣ. Такъ какъ иѳическимъ вообще называется нѣчто долженствующее быть, то ему можетъ соотвѣтствовать въ нашей душѣ только чувство *должнаго*, какъ его первоначальный элементъ. То, что называютъ нравственнымъ вкусомъ, способностію понимать истину, добро и красоту, есть, какъ мы сказали, не что иное, какъ только *чувство* удовольствія, которое возбуждается представленіемъ истины, добра и красоты, какъ чего-то *долженствую-*

щаго быть. Представленіемъ этого долженствующаго быть только и можетъ возбуждаться непосредственно чувство *должнаго*. Никакое другое чувство не можетъ имѣть отношенія къ тому, чего нѣтъ, но что должно быть.

Будучи первоначальнымъ и всеобщимъ элементомъ человѣческой природы, чувство *должнаго*, по своему существу, *одинаково* у всѣхъ людей. Иѳическое, повторимъ опять, можетъ быть понимаемо не иначе, какъ въ смыслѣ долженствующаго быть. Съ этимъ согласенъ всякій, кто на нравственность смотритъ, какъ на одинъ изъ факторовъ человѣческаго существа. Это долженствующее быть имѣетъ объективную природу. Оно означаетъ нѣчто такое, чему соотвѣтствуетъ бытіе, реальность, объективность. Въ чувствѣ должнаго эта объективность какъ бы переносится въ субъектъ и вступаетъ съ нимъ въ непосредственное отношеніе. Если чувство должно заключать въ себѣ это отношеніе, въ силу котораго человѣкъ только и бываетъ существомъ нравственнымъ, то оно не можетъ быть у различныхъ людей различнымъ, не можетъ измѣняться само въ себѣ, быть такимъ или инымъ. Съ другой стороны, долженствующее быть, нравственно-предписанное, необходимое, законосообразное тоже есть само въ себѣ нѣчто твердое и неизмѣнное. Оно противорѣчило бы самому себѣ и перестало бы существовать, если бы было, по своему существу, то такимъ, то инымъ. Отсюда, оно есть нѣчто *общеобязательное* для всѣхъ подобныхъ намъ существъ. Тому, что должно быть, не можетъ соотвѣтствовать у людей нѣчто разнообразное, измѣнчивое, колеблющееся, непостоянное. Думать такъ значитъ допускать contradictio in adjecto.

Откуда же въ насъ это чувство *должнаго?*

Чувство это, какъ и всякое вообще чувство, можетъ основываться только на возбужденіи (аффекціи) нашей души; возбужденіе же предполагаетъ собою нѣчто такое, что вызываетъ его или что возбуждаетъ нашу душу. Будучи первоначальнымъ и всеобщимъ

элементомъ человѣческаго существа, чувство *должнаго* не можетъ основываться на какомъ нибудь возбужденіи случайномъ, отвнѣ приходящемъ. Иначе оно могло бы появляться и не появляться, и одни люди имѣли бы его, а другіе нѣтъ. Поэтому чувство *должнаго* можетъ основываться только на возбужденіи души ея собственнымъ элементомъ. Подобно всѣмъ другимъ чувствамъ оно возникаетъ въ ней по поводу тѣхъ или другихъ состояній, тѣхъ или другихъ дѣятельностей, принадлежащихъ ей самой. Но чтобы вызвать въ душѣ чувство *должнаго*, эти состоянія и дѣятельности должны заключать въ себѣ элементъ долженствованія по отношенію къ нашей душѣ. Обыкновенныя состоянія и дѣятельности душевныя не могутъ вызвать въ ней этого чувства. Они вызываютъ въ насъ только чувство того, что происходитъ, существуетъ въ данный моментъ, но не чувство того, что должно быть. Чувство *должнаго* не можетъ поэтому существовать въ насъ, какъ нѣчто готовое но бываетъ результатомъ *развитія* и *дальнѣйшаго образованія* нашей души. Только развивающаяся душа можетъ имѣть отношеніе къ тому, что должно быть, и только извѣстное состояніе развивающейся души, насколько оно возбуждаетъ эту послѣднюю, можетъ вызвать въ ней чувство *должнаго*. Жизнь человѣка есть не что иное, какъ непрерывный процессъ развитія, преобразованія, усовершенствованія. Процессъ этотъ былъ бы немыслимъ, если бы съ нимъ не соединялась какая нибудь цѣль. Безъ опредѣленной цѣли это былъ бы вовсе не процессъ, но неопредѣленное, случайное, безцѣльное существованіе, которое одинаково было свойственно какъ человѣку, такъ и животному. Въ опредѣленномъ существѣ человѣка, какъ человѣка, необходимо заключается и опредѣленная цѣль его бытія и развитія. Эта цѣль должна быть для всѣхъ людей одна и таже, такъ какъ существо человѣка у всѣхъ индивидуумовъ одно и тоже. Въ противномъ случаѣ люди не были бы и людьми; они не могли бы и признавать другъ друга

за людей. Въ чувствѣ *должнаго* эта общая всѣмъ людямъ цѣль получаетъ *ѳѳическую* опредѣленность. Первоначально-общее всѣмъ людямъ чувство *должнаго* указываетъ на то, что человѣческой душѣ присуще нѣчто долженствующее быть. Этому послѣднему и должны соотвѣтствовать ея жизнь, ея образованіе и развитіе, ея стремленія, желанія и образъ дѣйствованія. Только чрезъ это она и достигаетъ цѣли своего бытія и развитія. Короче сказать: чувство *должнаго* указываетъ на *ѳѳическое назначеніе* человѣческой жизни. Человѣку отъ природы назначена ѳѳическая цѣль, какъ цѣль его бытія, развитія и образованія. Эта цѣль опредѣленно напечатлѣна въ его существѣ, подобно тому, какъ существу гусеницы опредѣленно назначено сдѣлаться бабочкой. Это-то вотъ опредѣленное назначеніе нашей души, когда оно возбуждаетъ эту послѣднюю, и вызываетъ въ ней чувство *должнаго*.

Изъ сказаннаго сейчасъ касательно происхожденія въ насъ чувства *должнаго* объясняется для насъ то, почему это чувство, хотя оно и присуще всѣмъ людямъ, не у всѣхъ однакожъ въ равной мѣрѣ достигаетъ сознанія. Будучи возбужденіемъ нашей души съ ея ѳѳической стороны, оно есть такое же всеобщее, крѣпкое и постоянное чувство, какъ и чувство нашего бытія вообще. У всѣхъ насъ постоянно есть такъ называемое чувство жизни; но это чувство, какъ извѣстно, сознается нами только при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ моменты особеннаго возбужденія нашей жизни. Тоже бываетъ и съ чувствомъ *должнаго*. Чтобы наша душа сознавала его, для этого требуется особаго рода возбужденіе. Это и бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ или представляемъ себѣ какой либо актъ воли или какой либо поступокъ, имѣющій ѳѳическое значеніе и отношеніе къ цѣли человѣка, а потому соотвѣтствующій или несоотвѣтствующій чувству *должнаго*. Но будучи даже и возбуждено, чувство *должнаго* не всегда необходимо достигаетъ нашего сознанія. Мы знаемъ, что возбуждаемость всѣхъ

чувствъ вообще у различныхъ людей имѣетъ весьма различную степень. Что же касается чувства *должнаго*, то это чувство по своей природѣ есть чувство сравнительно слабое, тихое и нѣжное. Это зависитъ отъ того, что оно основывается на возбужденіи души только *общимъ* идеическимъ назначеніемъ ея жизни, а потому сравнительно съ другими индивидуальными, конкретными чувствами должно естественно уступать имъ въ своей опредѣленности и силѣ. Съ другой стороны здѣсь нѣтъ и нужды въ какомъ-либо сильномъ и рѣзкомъ чувствѣ, которое какъ бы насильно тѣснилось въ нашу душу, потому что тогда выражаемое имъ долженствованіе уничтожало бы свободу нашей воли. На этомъ основаніи чувство *должнаго* и то, на что оно указываетъ, являются у насъ въ бо̀льшей степени только тогда, когда мы, рѣшаясь на тотъ или другой поступокъ, тщательно взвѣшиваемъ всѣ импульсы и мотивы за и противъ этого поступка. Подъ этимъ только условіемъ оно и достигаетъ вполнѣ нашего сознанія и дѣлается руководителемъ нашей воли и нашихъ дѣйствій.

Достигши нашего сознанія, чувство *должнаго* хотя и даетъ направленіе стремленіямъ нашей души и указываетъ, чего она должна хотѣть въ данномъ случаѣ, но оно не служитъ еще импульсомъ для рѣшенія воли, подобно тому, какъ не служатъ для нея такимъ импульсомъ чувство бытія или тѣ чувства, которыя возбуждаетъ въ насъ какое либо размышленіе, воспоминаніе и проч. Импульсами для нашей воли служатъ только чувства въ высшей степени пріятныя и непріятныя. Они непосредственно заставляютъ насъ или поддерживать и опять возобновлять ихъ или же устранять и избѣгать ихъ. Чувство *должнаго*, взятое само по себѣ, не есть чувство ни пріятное, ни непріятное. Пріятнымъ же или непріятнымъ оно дѣлается только въ томъ случаѣ, когда оно вызывается какимъ либо рѣзкимъ актомъ воли, гармонирующимъ или не гармонирующимъ съ нимъ. Будучи же само по себѣ чув-

ствомъ слабымъ, нѣжнымъ и только мало по малу возрастая въ своей силѣ, оно, очевидно, имѣло бы очень мало вліянія на волю и ея рѣшенія, если бы оно не соединялось и не дѣйствовало совмѣстно съ какимъ нибудь естественнымъ влеченіемъ нашей души. Такимъ влеченіемъ и служитъ упомянутое нами выше влеченіе къ дѣятельности, къ развитію и образованію всѣхъ нашихъ силъ и способностей. Влеченіе это иначе называютъ влеченіемъ къ естественному совершенствованію. Оно сообщено отъ природы всѣмъ силамъ человѣка какъ органическимъ, такъ и психическимъ. Чѣмъ болѣе оно развивается, тѣмъ болѣе возвышаетъ и разширяетъ дѣятельность этихъ силъ. Влеченіе это, взятое само по себѣ, въ его общей формѣ, есть не что иное, какъ только влеченіе къ упражненію данныхъ отъ природы силъ и преобразованію ихъ въ развитыя способности. Понимаемое въ этомъ смыслѣ оно есть только влеченіе къ количественному совершенствованію силъ, къ увеличенію ихъ дѣятельности и разширенію круга ихъ дѣйствій. Иѳическое назначеніе человѣка необходимо впрочемъ требуетъ и этого количественнаго совершенствованія, такъ какъ только при помощи его можетъ быть достигнуто нравственное совершенство человѣческаго существа, составляющее цѣль его иѳическаго развитія и образованія. Но между тѣмъ какъ естественное влеченіе направляетъ человѣка къ количественному развитію и совершенствованію его силъ, назначеніе иѳическое побуждаетъ его къ качественному совершенствованію ихъ. Взятыя вмѣстѣ, они побуждаютъ человѣка къ возможно-бо́льшему совершенствованію цѣлаго его существа. Чувство *должнаго*, примѣшиваясь къ естественному влеченію, можетъ управлять имъ и сообщать ему чрезъ это *иѳическій* характеръ. Неуклоняя его отъ его цѣли, оно только направляетъ его къ качественному, иѳическому совершенствованію.

Въ самомъ дѣлѣ, совершенствованіе естественное (физическое) и нравственное (иѳическое) самымъ тѣс-

нымъ образомъ связаны между собою, такъ что одно безъ другаго недостижимо. Всякому извѣстно, что жизнь безпорядочная, исполненная однихъ чувственныхъ удовольствій, не только ослабляетъ естественное влеченіе къ дѣятельности и дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ работѣ физической, но дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ и на духовныя силы человѣка. Такое же точно дѣйствіе производятъ необузданные аффекты и страсти, какъ то: гордость, честолюбіе, властолюбіе и проч. Равнымъ образомъ матеріальная нужда, недостатокъ пищи, одежды, здороваго помѣщенія и проч. разслабляютъ не только естественныя, но и нравственныя силы человѣка. Въ человѣкѣ душа и тѣло, природа чувственная и духовная тѣснымъ образомъ связаны между собою. Поэтому иѳическое и естественное совершенствованіе нераздѣльны другъ съ другомъ. Они взаимно обусловливаются, и ни одно изъ нихъ не можетъ достигнуть безъ другаго высшей степени своего развитія. Говоря это, мы вовсе не хотимъ уравнивать достоинство того и другаго совершенствованія. Тѣло, по нашему мнѣнію, есть только органъ души и природа физическая есть только среда для развитія и проявленія дѣятельностей нашего духа. Поэтому, на естественное развитіе, надобно смотрѣть, какъ на средство, а на иѳическое или нравственное, какъ на цѣль. Это отношеніе ихъ, какъ цѣли и средства, и связываетъ ихъ тѣснымъ образомъ между собою. Образованіе естественныхъ силъ и способностей требуется отъ человѣка, но настолько, насколько онѣ, какъ средство, могутъ служить для достиженія иѳической цѣли. Иѳическое совершенствованіе не зависитъ безусловно отъ совершенствованія естественнаго. Никакъ нельзя сказать, что тѣлесное развитіе, физическая сила и крѣпость обусловливаютъ собою совершенство иѳическое или нравственное и что послѣдняго не можетъ быть безъ первыхъ. Мы видимъ напротивъ, что физическое совершенство соединяется нерѣдко у человѣка съ крайней безнравственностію, а съ другой стороны

иѳическое совершенство можетъ существовать въ человѣкѣ и безъ совершенства естественнаго или физическаго. Поэтому мы должны смотрѣть на дѣло такъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, цѣль будетъ достигаться тѣмъ легче, чѣмъ совершеннѣе средство, ведущее къ этой цѣли. Но зато тѣмъ больше бываетъ торжества для нравственной силы, если она достигаетъ своей цѣли, не смотря на ничтожность средствъ. Иѳическое совершенство, какъ мы вскорѣ увидимъ, состоитъ не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Послѣднія составляютъ только его наружную сторону. Внутренняя же сторона или сущность его заключается въ намѣреніи, въ мотивахъ и цѣляхъ нашихъ стремленій и желаній. Само собою понятно, что это намѣреніе, эти мотивы и цѣли могутъ достигать высшей степени нравственнаго совершенства только при содѣйствіи и услугахъ естественныхъ силъ, но для этого не требуется всегда возможно-высшая степень совершенства естественныхъ силъ.

Все вышесказанное приводитъ къ тому заключенію, что иѳическое или долженствующее быть можетъ быть понимаемо двоякимъ образомъ. Со стороны объективной оно есть осуществленіе на дѣлѣ совершенства человѣческаго существа и жизни, а со стороны субъективной на него можно смотрѣть, какъ на стремленіе къ этому совершенству, слѣдовательно какъ на мотивъ и цѣль нашихъ желаній и дѣйствій. Въ этой точкѣ зрѣнія объединяются, какъ мы увидимъ, не только всѣ исходные пункты, мотивы, цѣли, законы, принципы и правила, которые всегда считались неразлучными спутниками иѳическаго поведенія человѣка, но и тѣ части, на которыя распадается иѳика, именно: естественное право, иѳика въ тѣсномъ смыслѣ (нравственная философія) и эстетика. Происхожденіе и сущность иѳическаго должны имѣть своимъ послѣднимъ основаніемъ понятіе о цѣли и сводиться къ этому понятію. Человѣкъ, какъ извѣстно, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи не бываетъ съ самаго

начала тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ и можетъ быть по своему существу. Онъ становится человѣкомъ только посредствомъ длиннаго процесса развитія и образованія. Для его жизни, равно какъ для его воли и дѣйствованія назначена извѣстная, опредѣленная цѣль. Цѣль эта можетъ быть понимаема, только какъ цѣль его собственнаго бытія, и достиженіе ея должно состоять въ возможно-полномъ развитіи его собственнаго существа или въ томъ, чтобы изъ него образовался возможно-совершенный человѣкъ. Говоря это, мы разумѣемъ здѣсь по преимуществу совершенство нравственное, такъ какъ физическая природа человѣка, какъ мы сказали выше, должна служить только для лучшаго достиженія цѣлей нравственныхъ. Итакъ, въ чемъ же состоитъ высшее нравственное или иѳическое совершенство человѣка, чего онъ долженъ хотѣть и что дѣлать для того, чтобы достигнуть этого совершенства, какъ цѣли своего бытія? На эти вопросы мы доселѣ не дали еще отвѣта.

Отвѣтить на нихъ можно было бы такимъ образомъ: иѳическое совершенство касается духовной стороны человѣка, а потому оно должно состоять въ возможно-высшемъ образованіи и проявленіи его духовныхъ силъ и способностей. Къ духовнымъ же силамъ относятся способность воспріятій и представленій или познанія вообще, сила стремленій и воли и сила ощущеній и чувствованій. Отсюда иѳическое совершенство всѣхъ этихъ духовныхъ силъ должно состоять въ ихъ непосредственномъ внутреннемъ отношеніи къ идеямъ истины, добра и красоты, какъ главнымъ и основнымъ иѳическимъ понятіямъ. Но чтобы доказать это, мы должны напередъ уже обладать этими иѳическими понятіями и напередъ знать, что такое истина, добро и красота. Правда, чувство *должнаго*, насколько оно связано съ дѣятельностію представленія и познанія, указываетъ намъ на естественное влеченіе къ изслѣдованію и познанію истины, но оно не показываетъ, въ чемъ состоитъ истина и какъ мы можемъ достиг-

нуть познанія ея. Насколько это чувство возбуждается импульсами, рѣшеніями и актами нашей воли, оно указываетъ и волѣ нашей на добро, но оно выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе, отмѣчаетъ извѣстный поступокъ, какъ добрый или худой, только послѣ того, какъ мы рѣшились на этотъ поступокъ, а нерѣдко даже и послѣ уже совершенія его. Наконецъ, оно указываетъ намъ, повидимому, и на прекрасное. Будучи возбуждено какимъ нибудь явленіемъ (чувственнымъ ощущеніемъ, воззрѣніемъ, представленіемъ), оно обнаруживается въ этомъ случаѣ, какъ чувство удовольствія, склонности и любви. Но на основаніи того, что эти чувства, равно какъ и вышеупомянутыя чувства одобренія и неодобренія возбуждаются въ насъ, мы все-таки не знаемъ, что такое доброе и прекрасное. Мы знаемъ здѣсь только то, что извѣстное рѣшеніе воли, извѣстный поступокъ, извѣстное явленіе сопровождаются у насъ извѣстнымъ чувствомъ; но намъ неизвѣстно, будутъ ли одни и тѣже акты воли и поступки, одни и тѣже явленія возбуждать въ насъ постоянно и вездѣ одни и тѣже чувства. Да если бы и случилось это, мы все-таки не могли бы подвести ихъ подъ какое нибудь общее понятіе, такъ какъ весьма различные поступки и явленія могутъ вызывать въ насъ одни и тѣже чувства.

Такимъ образомъ, однимъ чувствомъ *должнаго* нельзя объяснить происхожденія нашихъ иѳическихъ понятій. Въ этомъ происхожденіи чувство *должнаго* конечно составляетъ необходимый элементъ. Иѳическое, какъ нѣчто долженствующее быть, не могло бы быть понимаемо и познаваемо нами, если бы въ нашей душѣ не было соотвѣтствующаго ему чувства *должнаго*. Тѣмъ не менѣе необходимъ еще другой факторъ для того, чтобы истинное, доброе и прекрасное, какъ понятія, сдѣлались достояніемъ нашего сознанія.

Въ чемъ же состоитъ этотъ другой факторъ? *Какимъ образомъ мы приходимъ къ нашимъ иѳическимъ понятіямъ?*

Извѣстно, что наши представленія и особенно понятія дѣлаются содержаніемъ нашего сознанія только при помощи духовной дѣятельности различенія и сравненія. Тоже можно сказать и о нашихъ иѳическихъ понятіяхъ. Различающая и сравнивающая дѣятельность нашей души подчиняется, какъ мы знаемъ, логическимъ законамъ тожества и противорѣчія и закону причинности. Кромѣ того, она должна различать предметы съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія и въ извѣстныхъ отношеніяхъ, иначе сказать—здѣсь должны имѣть мѣсто извѣстныя руководительныя нормы или категоріи. Все это имѣетъ неоспоримую законодательную силу и въ отношеніи къ нашимъ иѳическимъ понятіямъ. Они должны точно также составляться посредствомъ различенія и сравненія объектовъ иоической области съ извѣстныхъ притомъ точекъ зрѣнія, на основаніи такъ называемыхъ иѳическихъ категорій. Но приложеніе этихъ руководящихъ нормъ нашей различающей дѣятельности въ этомъ случаѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ области представленій и понятій, касающихся внѣшняго міра. Во-первыхъ здѣсь весь процессъ развитія совершается внутри самой души, а во-вторыхъ предметами, подлежащими различенію, служатъ не вещи, воспринимаемыя нашими внѣшними чувствами, но возбужденія, мотивы, стремленія и акты самой нашей души, предметы по своей природы очень неопредѣленные и трудные для наблюденія.

Перев. **В. Голубинскій.**

ИМПЕРАТОРЪ ЮЛІАНЪ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

(продолженіе)

—

IV.

Употребляя всѣ свои политическія и нравственныя силы на возстановленіе въ прежнемъ видѣ давно отжившихъ свой вѣкъ началъ греко-римскаго политеизма, Юліанъ въ тоже самое время не щадилъ никакихъ средствъ для того, чтобы всѣми доступными ему путями содѣйствовать ослабленію христіанства. Политеизмъ, въ глазахъ императора, до тѣхъ поръ не могъ упрочить своего существованія, пока не будетъ совершенно уничтоженъ новый религіозный порядокъ вещей, установленный Константиномъ великимъ. Юліанъ вступилъ въ борьбу противъ христіанства съ должною осторожностію и предусмотрительностію, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ обвиненію себя въ открытомъ кровавомъ гоненіи на церковь. Онъ дѣйствовалъ на первыхъ порахъ такъ хитро, что рѣшительно нельзя было подозрѣвать его во враждебныхъ отношеніяхъ къ вѣрующимъ. Само христіанское общество, при вступленіи Юліана на императорскій престолъ, относилось довольно снисходительно къ его вѣроотступничеству и нисколько не предвидѣло угрожавшей съ его стороны опасности. Царствованіе императора

Констанція, обильное ересями и догматическими спорами, естественно представлялось ненавистнымъ въ глазахъ истинно вѣрующихъ. Жестокія гоненія и притѣсненія, испытываемыя православными въ правленіе этого государя, не могли не возбуждать въ послѣднихъ справедливаго убѣжденія, что языческій правитель будетъ гораздо менѣе вредить чистотѣ ихъ религіозныхъ вѣрованій, нежели императоръ христіанинъ, но въ тоже время еретикъ, какимъ представлялся въ глазахъ ихъ Констанція. Для нихъ казалось гораздо безопаснѣе жить подъ властью языческаго монарха, нежели императора аріанина, постоянно проявлявшаго въ самыхъ широкихъ размѣрахъ свой деспотизмъ въ дѣлахъ церковныхъ. Открытое гоненіе языческаго правительства въ глазахъ православныхъ представлялось гораздо менѣе вреднымъ и опаснымъ правотѣ ихъ вѣрованій, нежели хитрое посягательство на чистоту ихъ религіозныхъ убѣжденій, какое въ теченіи долгаго времени пускало противъ нихъ въ ходъ аріанское правительство. Отсюда понятно, почему православные, будучи утомлены тяжкими гоненіями и притѣсненіями со стороны императора Констанція, на первыхъ порахъ довольно равнодушно смотрѣли на отступничество отъ церкви его преемника. Они имѣли справедливое основаніе разсчитывать, что императоръ-язычникъ оставитъ ихъ въ покоѣ и не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла церкви, и представится возможность залечить раны, нанесенныя аріанскими смутами. Такимъ образомъ со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ для христіанскаго общества, казалось, наступили новыя лучшія времена, когда вѣрующіе могли свободно насладиться внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, ненарушаемыми уже болѣе деспотическимъ вмѣшательствомъ свѣтской власти во внутренія дѣла церкви. Дѣйствительно на первыхъ порахъ Юліанъ относился къ своимъ христіанскимъ подданнымъ довольно снисходительно и повидимому щадилъ неприкосновенность ихъ религіозныхъ убѣж де-

ній. Духъ нетерпимости и фанатизма, казалось, былъ вовсе не въ его характерѣ. Гордясь своимъ философскимъ образованіемъ, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался выражать вѣрующимъ мысль, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія насиловать свободы ихъ религіозныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе воздвигать открытое кровавое гоненіе по примѣру своихъ языческихъ предшественниковъ на императорскомъ тронѣ. „Клянусь богами! писалъ Юліанъ къ Артабію, я не хочу, чтобы галилеяне (такъ Юліанъ называлъ христіанъ) были убиваемы, несправедливо обижаемы или терпѣли жестокое обращеніе безъ всякой причины“ (1). Въ своихъ многочисленныхъ эдиктахъ, письмахъ и другихъ сочиненіяхъ, постоянно объявляя полнѣйшую религіозную терпимость въ отношеніи всѣхъ своихъ подданныхъ, императоръ на каждомъ почти шагу высказываетъ одно только глубокое сожалѣніе о заблужденіяхъ галилеянъ и желаетъ вразумлять ихъ ученіемъ, а не наказаніемъ. „Эти люди, говорилъ онъ, отзываясь о своихъ христіанскихъ подданныхъ,—отчасти благочестивы, потому что покланяются всемогущему Правителю видимаго міра, котораго и мы почитаемъ только подъ другими именами. Все ихъ заблужденіе заключается въ томъ, что они не хотятъ признавать другихъ боговъ и думаютъ съ варварскимъ упрямствомъ, будто истинный Богъ извѣстенъ только имъ однимъ“ (2). „Тѣлесныя болѣзни, по словамъ Юліана, можно излечивать при помощи искусныхъ операцій, но заблужденія о природѣ боговъ нельзя уничтожить ни огнемъ, ни желѣзомъ. Что пользы въ томъ, если рука будетъ приносить жертву, между тѣмъ какъ душа станетъ осуждать руку. Она только станетъ обвинять руку въ слабости и попрежнему будетъ тайно благоговѣть предъ тѣмъ, что она до того времени по-

(1) Julian. Epist. VII ad Artab. p. 376.

(2) Julian. Epist. LXIII ad Theod. Pontif. Asiae p. 453.

читала явно. Это будетъ только маска на лицѣ, а не истинная перемѣна образа мыслей. И что же изъ этого выходитъ? Люди павшіе вскорѣ потомъ раскаяваются, а тѣ, которые гибнутъ за свои убѣжденія, почитаются какъ боги“ (1). „Мы не допускаемъ, чтобы кто нибудь насильственнымъ образомъ былъ привлекаемъ къ алтарямъ боговъ, писалъ императоръ къ жителямъ г. Бостры въ Аравіи, и объявляемъ, что всякій, желающій принять участіе въ нашихъ жертвоприношеніяхъ и либаціяхъ, долженъ предварительно принести очистительную жертву и умилостивить боговъ. Мы далеки отъ мысли допускать къ нашимъ жертвамъ кого либо изъ нечестивыхъ, пока онъ не освятитъ душу свою молитвами, а тѣло очистительными обрядами“ (2). На основаніи приведенныхъ собственныхъ признаній Юліана можно вывести повидимому справедливое заключеніе, что отношенія его къ христіанству повидимому должны были отличаться довольно миролюбивымъ и гуманнымъ характеромъ. Императоръ, судя по его собственнымъ словамъ, не только не думалъ воздвигать на церковь открытаго кроваваго гоненія, но напротивъ смотрѣлъ на вѣрующихъ довольно снисходительно и съ участіемъ относился къ ихъ мнимымъ заблужденіямъ. Но не такимъ былъ Юліанъ на самомъ дѣлѣ, какимъ онъ представлялся въ своихъ правительственныхъ эдиктахъ и частной перепискѣ. Въ характерѣ императора было одно свойство, которое казалось преобладающимъ надъ всѣми другими силами его души— искусство лицемѣрить и притворяться и въ своей внѣшности показывать себя далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ внутреннимъ образомъ. Выдавая себя повсюду— чуть не за друга христіанъ и выражая только одно глубокое сожалѣніе объ ихъ заблужденіяхъ, Юліанъ въ душѣ своей былъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ

---

(1) Liban. Epitaph. p. 580.

(2) Julian. Epist. LXII ad Bostr. p. 435.

враговъ христіанства, какихъ только знаетъ исторія. Кротость и снисходительность его къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, обнаруженная на первыхъ порахъ по вступленіи на императорскій престолъ, далеко не служила выраженіемъ гуманнаго отношенія къ послѣднимъ, — была неискреннею и притворною и притомъ обусловливалась исключительно одними тонкими разсчетами и соображеніями императора. Опытъ предшествовавшихъ трехвѣковыхъ гоненій на церковь, покрывшихъ ея исповѣдниковъ неувядаемою славою, наглядно показывалъ Юліану, что крутыя насильственныя мѣры, употребляемыя его языческими предшественниками противъ вѣрующихъ, не могутъ принести никакой пользы язычеству и что онѣ только способствуютъ еще большему усиленію христіанства. Для него казалось очевиднымъ, что кровь мучениковъ, жертвующихъ своею жизнію за святость и чистоту своихъ религіозныхъ убѣжденій, только служитъ сѣменемъ новыхъ христіанъ, по выраженію св. Златоуста (1). Теперь эти насильственныя средства представлялись въ глазахъ Юліана еще болѣе безсильными и несостоятельными, такъ какъ вѣрующіе должны были становиться болѣе мужественными при воспоминаніи о тѣхъ жестокихъ гоненіяхъ, которыя они отразили съ непоколебимою твердостію. Выходя изъ такихъ воззрѣній, раздѣляемыхъ вмѣстѣ съ Юліаномъ многими изъ лучшихъ представителей современнаго ему языческаго общества, въ родѣ: Ливанія, Саллюстія, Хрисанѳія и др., онъ старался по возможности лишать вѣрующихъ вѣнцевъ мученичества и не доставлять такимъ образомъ въ ихъ руки могучее противъ себя оружіе (2). Юліанъ ясно видѣлъ, справедливо замѣчаетъ св. Златоустъ, что какъ скоро онъ рѣшится на кровавыя гоненія, то

---

(1) Св. Златоусть, Слово въ память священномученика Вавилы. Т. 1, стр. 213 по рус. перев. Спб. 1861 г.

(2) Julian Fragm. Orat. epistolaeve cujusdam. p. 288.

всѣ вѣрующіе тотчасъ же положатъ души свои за Христа (1). „Онъ не хотѣлъ уступить имя мучениковъ борцамъ истины, замѣчаетъ блаж. Ѳеодоритъ, которое такъ неблагоразумно позволяли имъ брать“ (2). Далѣе Юліану казалось очевиднымъ, что современное ему христіанское общество было настолько сильно и многочисленно, что насильственныя мѣры, направленныя къ стѣсненію его правъ и свободы въ дѣлѣ религіи, легко могли сдѣлаться опасными для государства въ политическомъ отношеніи. Наконецъ Юліанъ желалъ избѣгать кровавыхъ преслѣдованій вѣрующихъ, прикрываясь маскою своей мнимой философской терпимости и изъ стремленія казаться добрымъ и любимымъ правителемъ. Его страшило имя тирана, даваемое христіанами многимъ изъ его предшественниковъ на императорскомъ тронѣ за жестокія и насильственныя гоненія, воздвигаемыя ими на ихъ единовѣрцевъ. Выражая такимъ образомъ желаніе избѣгать по возможности кровавыхъ гоненій на церковь, безполезныхъ для язычества и притомъ недостойныхъ императора-философа, Юліанъ не замедлилъ избрать для борьбы противъ христіанства другія средства, неупотреблявшіяся до сего времени, болѣе хитрыя и опасныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ прикрытыя видомъ законности. „Онъ видѣлъ, справедливо замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, что вести съ нами борьбу открыто и объявить себя прямо предводителемъ нечестія (3) не только слишкомъ дерзко и безразсудно, но и совершенно противно цѣли. Ибо принужденіе сдѣлало бы насъ болѣе непоколебимыми и готовыми противопоставить насилію ревность къ благочестію: ибо души мужественныя, когда хотятъ принудить ихъ къ чему силою, обыкновенно

(1) Св. Златоустъ. Слово въ память священномученика Вавилы, стр. 213, по русск. перев.

(2) Ѳеодор. Ц. И. III, стр. 15.

(3) Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 118.

бываютъ непреклонны и подобны пламени, которое тѣмъ сильнѣе разгорается чѣмъ болѣе его раздуваютъ. Это не только онъ находилъ по своимъ умозаключеніямъ, но могъ знать и по предшествовавшимъ гоненіямъ, которыми христіанство болѣе прославлено, нежели ослаблено: потому что гоненія укрѣпляютъ душу въ благочестіи и въ опасностяхъ душа закаливается, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Если же дѣйствовать оружіемъ лукавства, разсуждалъ Юліанъ, и принужденію доставить видъ убѣжденія, прикрывъ насиліе ласками, какъ уду приманкою, то въ такой борьбѣ будетъ мудрость и сила. Сверхъ сего онъ завидовалъ и чести мученической, какой удостоиваются подвижники, и посему умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая вида принужденія. а насъ заставить страдать и не имѣть той чести, что страдаемъ за Христа (1). Онъ не такъ смѣло, какъ прочіе гонители, вводитъ нечестіе, и хочетъ поступать съ нами не только не какъ царь, но даже и не какъ мучитель, который бы могъ похвалиться (2), что принудилъ вселенную принять свой нечестивый законъ и подавилъ ученіе, одержавшее верхъ надъ всѣми ученіями, но, какъ рабъ, робко составляетъ ковы противъ благочестія и къ гоненію присоединяетъ нѣкоторыя двусмысленныя умствованія“ (3). Всякая власть дѣйствуетъ убѣжденіемъ или принужденіемъ — и онъ послѣднее, какъ менѣе человѣколюбивое, предоставилъ народу и городамъ, которые въ дерзости особенно неудержимы, по неразсудительности и неосмотрительному стремленію ко всему; впрочемъ и на это далъ не всенародное повелѣніе, но какъ бы неписанный законъ, обнаруживъ свою волю тѣмъ, что не останавливалъ народныхъ волненій. А первое какъ болѣе крот-

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 118.

(2) Ibidem. стр. 120.

(3) Ibidem. стр. 121.

кое и достойное царя, т. е. убѣжденіе, предоставилъ себѣ. Однако же и это не совершенно онъ соблюлъ. Какъ несвойственно леопарду оставить свою пестроту, ѳѳіопу—черноту, огню—силу жечь, лукавому сему человѣкоубійцѣ искони — человѣконенавидѣніе, такъ и онъ не могъ оставить злобы, съ какою устремился противъ насъ. Но какъ говорятъ о хамелеонѣ, что онъ удобно перемѣняетъ свой видъ и принимаетъ на себя всѣ цвѣты, кромѣ бѣлаго, такъ и онъ для христіанъ явился всѣмъ, кромѣ кротости. И человѣколюбіе его было весьма безчеловѣчно; его убѣжденіе насильственно, благосклонность служила изволеніемъ жестокости, дабы видно было, что онъ по праву употребляетъ насиліе, не умѣвъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Это видно изъ того, что убѣжденіе его продолжалось малое время; и по большей части вскорѣ слѣдовало принужденіе (1), чтобы мы были пойманы, какъ въ звѣриной ловлѣ, или сѣтями, или преслѣдованіемъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ непремѣнно достались въ его руки". При такомъ характерѣ отношенія Юліана къ христіанству онъ является однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ на тронѣ римскихъ императоровъ, какихъ только знаетъ исторія. „Относительно убійствъ и придумыванія тѣлесныхъ казней онъ, по справедливому замѣчанію Созомена, былъ гораздо умѣреннѣе прежнихъ гонителей церкви, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ — жесточе ихъ" (2). Его коварныя и хитрыя мѣры, направленныя ко вреду церкви, во многихъ случаяхъ прикрываемыя маскою вѣротерпимости, очевиднаго доброжелательства и пользы для вѣрующихъ, были для послѣдней гораздо опаснѣе открытыхъ кровавыхъ гоненій, воздвигавшихся предшествовавшими Юліану языческими императорами. Эту опасность ясно сознавало современное Юліану

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 122.

(2) Созом. Ц. И. V, 5, стр. 320.

христіанское общество, какъ видно изъ тѣхъ позорныхъ отзывовъ и именъ, какія оно давало императору. Христіанскіе современники его утверждали, что онъ превзошелъ своею злобою и нечестіемъ самыхъ жесточайшихъ и опаснѣйшихъ гонителей церкви, Діоклитіана, Деція, Максиміана и др., называли его „нечестивѣйшимъ и безбожнѣйшимъ изъ людей“ (1) „общимъ всѣхъ кровопійцею“ (2) „идоліаномъ. богоотступникомъ“ (3) и др. поносными именами. Св. Григорій Богословъ, излагая мѣры Юліана, направленныя къ ослабленію и подавленію христіанства, справедливо называетъ его „великимъ умомъ, замышлявшимъ много неправды“ (4). Хотя императоръ не издавалъ явныхъ распоряженій истреблять вѣрующихъ огнемъ и мечемъ, по примѣру многихъ своихъ языческихъ предшественниковъ на тронѣ, хотя и старался прикрывать себя маскою вѣротерпимости, тѣмъ не менѣе онъ не упускалъ никакого случая нанести вредъ ненавистной въ глазахъ его религіи. Къ достиженію этой цѣли исключительно были направлены всѣ его стремленія и въ этомъ дѣлѣ императоръ философъ не пренебрегалъ никакими средствами, считая ихъ вполнѣ дозволенными и законными. Опасаясь въ своей внѣшности казаться жестокимъ и несправедливымъ правителемъ, въ тоже самое время видя невозможность подавить христіанство насиліемъ, Юліанъ напрягалъ всѣ силы своего ума къ отысканію сколько нибудь благовидныхъ средствъ, содѣйствующихъ ослабленію послѣдняго. Борьба Юліана противъ христіанства не отличается одинаковымъ характеромъ, но имѣетъ ступени въ сво-

---

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 107.

(2) Ibidem. стр. 106.

(3) Ibidem. стр. 133.

(4) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 132.

емъ развитіи. Императоръ не въ состояніи былъ остаться навсегда вѣренъ извѣстнымъ уже намъ воззрѣніямъ на характеръ своихъ отношеній къ церкви и потому постепенно переходилъ отъ объявленія полной вѣротерпимости къ преслѣдованію и наконецъ къ кровавому гоненію на вѣрующихъ. „Онъ до времени владѣлъ собою, какъ справедливо замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, держался своего злоухищреннаго правила и вредилъ намъ только однимъ обольщеніемъ, когда же неудержимый гнѣвъ переступилъ мѣру, тогда онъ не въ состояніи былъ скрывать своей злонамѣренности и возсталъ открытымъ гоненіемъ на благочестивый и божественный нашъ сонмъ“ (1).

Вскорѣ по вступленіи своемъ на императорскій престолъ Юліанъ издалъ эдиктъ, которымъ онъ объявлялъ всѣмъ христіанскимъ и языческимъ подданымъ имперіи свободу отправленія ихъ культа (2). Въ силу этого эдикта чтители древнихъ боговъ, какъ и исповѣдники Христа, православные и еретики, получали одинаковыя права на свободу своихъ религіозныхъ убѣжденій и даже самимъ іудеямъ было дозволено возвратиться въ свое отечество и возстановить національно святилище. Въ тоже время множество христіанскихъ епископовъ, какъ православныхъ, такъ и еретиковъ, вмѣстѣ съ прочими клириками, изгнанныхъ въ предыдущее царствованіе, были возвращены изъ ссылки. Теперь получили себѣ свободу св. Аѳанасій, Иларій, Люциферъ, Евсевій и многіе другіе, лишенные Констанціемъ своихъ каѳедръ за непоколебимую ревность дѣлу православія (3). „Я думаю, писалъ Юліанъ къ жителямъ г. Бостры въ Аравіи, что предстоятели галилеянъ будутъ ко мнѣ болѣе благодарны, нежели

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 139.

(2) Сокр. Ц. И. III. 1, стр. 259. Созом. Ц. И. V. 5, стр. 326. Julian Epist. LII ad Bostr. p. 435. Ѳеодор. Ц. И. III, 4, стр. 199.

(3) Ѳеодор. Ц. И. III, 4, стр. 200.

къ моему предшественнику. Въ правленіе его многіе изъ нихъ были изгнаны, подверглись преслѣдованію и конфискаціи имуществъ, истреблены цѣлыя толпы такъ называемыхъ еретиковъ, вслѣдствіе чего въ Самосатѣ, Кизикѣ, Пафлагоніи, Виѳиніи, Галатіи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ цѣлыя деревни были опустошены и разрушены до основанія. Но въ мое царствованіе мы видимъ обратное явленіе. Изгнанники получили себѣ право снова возвратиться, а тѣ, у которыхъ отнято было имущество, опять получаютъ потерянное" (1). Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана съ большимъ сочувствіемъ относятся къ указанному закону императора, провозглашавшему по ихъ взгляду принципы религіозной свободы и вѣротерпимости, дотолѣ неизвѣстные міру. Такъ извѣстный англійскій историкъ Гиббонъ приходитъ въ восторгъ отъ него и утверждаетъ, что Юліанъ указаннымъ эдиктомъ удивилъ весь міръ своею необычайною гуманностію и вѣротерпимостію. „Подъ вліяніемъ опасенія, какъ бы не возмутить покой еще неупроченнаго государства, говоритъ этотъ изслѣдователь, Юліанъ удивилъ міръ эдиктомъ достойнымъ его, какъ государственнаго человѣка и какъ философа. Благодаря ему, императоръ распространилъ на всѣхъ обитателей римскаго міра благодѣянія безграничной и равной вѣротерпимости, и единственное зло, которое чрезъ изданіе этого эдикта причинено было христіанамъ, заключалось въ томъ, что у нихъ отнималось право безнаказанно мучить своихъ согражданъ, которыхъ они клеймили ненавистнымъ и позорнымъ именемъ идолопоклонниковъ и еретиковъ" (2). Но если внимательнѣе вникнуть въ смыслъ настоящаго распоряженія Юліана и оцѣнить его практическое значеніе, то окажется очевиднымъ, что подъ маскою вѣротерпимости въ немъ

---

(1) Julian. Epist. LII ad Bostr. p. 435.

(2) Gibbon. Geschichte d. Verfalles u. Unterganges Rom. Reichs, p. 71.

скрывалось крайне пристрастное отношеніе императора къ своимъ христіанскимъ подданнымъ и что оно было направлено исключительно ко вреду послѣднихъ. Проповѣдуемая Юліаномъ вѣротерпимость въ существѣ своемъ не имѣла чистаго нравственнаго источника, не основывалась на признаніи за всѣми его подданными права свободно слѣдовать своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но вытекала единственно изъ его въ высшей степени коварныхъ разсчетовъ и соображеній. Объявляя свободу всѣмъ религіознымъ партіямъ, на которыя были раздѣлены вѣрующіе того времени, Юліанъ, по свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ и признанію самихъ языческихъ писателей, утѣшалъ себя надеждою, что христіане съ большимъ ожесточеніемъ противъ прежняго будутъ продолжать свои религіозныя распри и такимъ образомъ, сами того не замѣчая, станутъ содѣйствовать ослабленію церкви (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ свой эдиктъ вѣротерпимости онъ разсчитывалъ достигнуть для себя еще другой весьма важнѣйшей выгоды: онъ очень хорошо понималъ, что христіане, раздѣленные между собою духомъ партій не въ состояніи будутъ соединиться для единодушнаго отпора противъ него въ замышленной имъ борьбѣ съ церковію. Въ этихъ видахъ императоръ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, нерѣдко приглашалъ къ себѣ во дворецъ представителей различныхъ христіанскихъ партій подъ видомъ ихъ примиренія, а на самомъ дѣлѣ для большаго возбужденія ихъ вражды (2). Наконецъ, по свидѣтельству

(1) Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 259. Созом. Ц. И. V, 5, стр. 321. Феод. Ц. И. III, 4. Юліанъ думалъ, что имя Христа будетъ уничтожено совершенно съ земли, говоритъ бл. Августинъ, если онъ лишитъ единенія церковь, отъ которой отступилъ, и внесетъ раздоры и несогласія въ ея область. August. Epist. 166.

(2) Amm. Marcell. XXII. 5. Ut que dispositorum roboraret effectum, dissidentes Christianorum antistites cum plebe discissa in palatium intromissos monebat civilius, ut discordiis consopitis quisque nullo vetante religioni suae serviret intrepidus. Quod agebat ideo abstinate, ut dissensiones

Созомена, изданіемъ своего эдикта терпимости Юліанъ имѣлъ въ виду „между прочимъ подвергнуть порицанію память Констанція въ надеждѣ возбудить противъ него даже умершаго ненависть во всей имперіи, угождая язычникамъ, какъ единомышленникамъ, а терпѣвшимъ отъ него христіанамъ показывая состраданіе, какъ обиженнымъ“ (1).

Эдиктъ Юліана, объявлявшій всѣмъ, какъ языческимъ, такъ и христіанскимъ подданнымъ императора, свободу отправленія ихъ культа и возвращавшій изъ ссылки христіанскихъ епископовъ, изгнанныхъ императоромъ Констанціемъ, былъ изложенъ въ двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ что могъ быть понимаемъ двояко,—или въ смыслѣ только дозволенія возвратиться въ свое отечество, или же въ значеніи возстановленія въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ. Нельзя не видѣть, что императоръ намѣренно выразился неопредѣленно въ тѣхъ видахъ, чтобы удержать за собою свободу дѣйствій по отношенію къ тѣмъ епископамъ, вліяніе которыхъ оказалось бы сильнымъ противовѣсомъ для выполненія его коварныхъ замысловъ. Такъ Юліанъ не замедлилъ воспользоваться указанною неопредѣленностію, дозволивъ себѣ большую несправедливость въ отношеніи къ св. Аѳанасію, архіепископу александрійскому, навлекшему на себя его ожесточенную ненависть своею необычайною ревностію на пользу православія. Какъ далекъ былъ на самомъ дѣлѣ указанный эдиктъ отъ провозглашенія одинаковой религіозной свободы и вѣротерпимости для всѣхъ христіанскихъ подданныхъ императора, очевидно показываетъ крайне пристрастное

---

augente licentia, non timeret unanimantem postea plebem: nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique christianorum, expertus. Saepeque dictitabat, Audite me, quem Alamanni audierunt et Franci: imitari putans Marci principis veteris dictum. Sed parum advertit, hoc ab eo nimium discrepare.. .....

(1) Созом. Ц. И. V, 5, стр. 321. Сравн. Сокр. Ц. И. III, 1, стр. 259.

отношеніе его къ представителямъ различныхъ еретическихъ обществъ и расколовъ, существовавшихъ въ то время. Дѣлая всевозможныя насилія и притѣсненія православнымъ епископамъ, Юліанъ напротивъ оказывалъ свою особенную благосклонность предстоятелямъ аріанъ, новатіанъ, донатистовъ и другихъ еретическихъ обществъ своего времени. Такъ онъ не удовлетворился однимъ возвращеніемъ извѣстнаго уже намъ аріанскаго пресвитера Аэція, вмѣстѣ съ прочими духовными лицами, отправленными въ ссылку въ предыдущее царствованіе, но отправилъ къ нему ласковое письмо, съ приглашеніемъ немедленно явиться къ себѣ во дворецъ и подарилъ ему богатое помѣстье на островѣ Лесбосѣ. „Всѣхъ галилеянъ, изгнанныхъ Констанціемъ, я возвратилъ изъ ссылки,—писалъ Юліанъ въ своемъ письмѣ къ Аэцію,—что же касается до тебя, то я не только освобождаю отъ заточенія, но, вспоминая наше прежнее знакомство, прошу къ себѣ. Для этого приготовлена общественная подвода, которая и привезетъ тебя до моего дворца“ (1). Юліанъ возвратилъ также изъ ссылки льстивымъ письмомъ Фотина, лишеннаго каѳедры за свои заблужденія. Трудно сказать, какую особенную услугу оказалъ этотъ человѣкъ императору. Безъ сомнѣнія Юліанъ находилъ вполнѣ сообразнымъ съ своими планами привлечь къ себѣ еретика, выдумавшаго лжеученіе и произведшаго не мало волненій въ церкви. Въ письмѣ, адресованномъ къ Фотину по случаю возвращенія его изъ ссылки, императоръ съ большимъ раздраженіемъ упоминаетъ о Діодорѣ, благочестивомъ мужѣ въ Антіохіи, который вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, по имени Флавіаномъ, во время аріанскихъ смутъ удержалъ православную паству Антіохіи отъ всѣхъ соблазновъ, щедро расточаемыхъ ея врагами. Юліанъ по-

(1) Julian. Epist. XXXI. Aëtio episcopo, p. 404; срав. Созом. Ц. И. V, 5, стр. 321.

стоянно вмѣшивался въ споры православныхъ съ еретиками и всегда принималъ въ этихъ случаяхъ сторону послѣднихъ. Такъ, когда однажды возникли сильные раздоры въ Кизикѣ между жившими въ этомъ городѣ новатіанами и тамошнимъ православнымъ епископомъ Елевзіемъ, онъ не замедлилъ воспользоваться этимъ случаемъ и отправилъ епископа въ изгнаніе со всѣмъ его клиромъ, оправдывая свой насильственный поступокъ тѣмъ, будто бы Елевзій подстрекалъ народъ къ возмущенію (1). Изгнаннымъ донатистскимъ епископамъ Юліанъ не только возвратилъ свободу ихъ вѣроисповѣданія, отнятую въ силу правительственныхъ распоряженій императора Констанція, но и отдалъ имъ во владѣніе всѣ ихъ церкви, отнятыя въ предыдущее царствованіе. Поощряемые покровительствомъ императорской власти, донатисты не замедлили открыть кровавыя гоненія противъ православныхъ. Они изгоняли православныхъ изъ церквей, разрушали алтари и нагло издѣвались надъ святынями, составлявшими предметъ благоговѣйнаго поклоненія православныхъ. Въ случаѣ сопротивленія, встрѣчаемаго со стороны послѣднихъ, донатисты нерѣдко обращались за содѣйствіемъ къ гражданскимъ властямъ и при помощи вооруженной силы старались отомстить имъ за тѣ притѣсненія, которыя они испытывали отъ нихъ въ царствованіе Константина великаго и его сыновей (2).

Оказывая покровительство различнымъ еретическимъ и раскольническимъ обществамъ и ихъ представителямъ, Юліанъ въ тоже время весьма строго поступалъ съ православными епископами, въ которыхъ онъ видѣлъ однихъ обольстителей и виновниковъ народныхъ возмущеній (3). Въ этомъ случаѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія его отношенія къ св. Аѳа-

---

(1) Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

(2) Opt. Mill. II. p. 54, VI, p. 94, 95, 98.

(3) Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

насію александрійскому, мужественному борцу за православіе въ борьбѣ съ аріанской ересью, и къ Титу, епископу города Бостры въ Аравіи. Въ силу императорскаго эдикта, дозволявшаго возвращеніе изъ ссылки христіанскимъ епископамъ, изгнаннымъ Констанціемъ, св. Аѳанасій возвратился въ Александрію и, по смерти тамошняго епископа Георгія, въ силу единодушнаго желанія православнаго населенія Александріи, снова занялъ святительскій престолъ (1). Съ необычайною ревностію мужественный защитникъ православія не замедлилъ заняться возстановленіемъ нарушеннаго мира и единенія между церквами. По его настоянію въ Александріи въ скоромъ времени былъ созванъ соборъ изъ православныхъ епископовъ Египта, на которомъ были составлены правила, облегчавшія аріанамъ возвращеніе въ лоно православной церкви (2). Въ тоже время св. Аѳанасій съ большимъ усердіемъ занимался обращеніемъ язычниковъ къ христіанству и ему удалось крестить множество новообращенныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ женщинъ (3). Успѣхи его въ этомъ случаѣ были настолько значительны, что возбудили серьезныя опасенія въ многихъ ревнителяхъ древняго культа, которые громко заявляли, что „если Аѳанасій будетъ оставаться епископомъ, то всѣхъ язычниковъ привлечетъ въ свое общество“ (4). Такая въ высшей степени благотворная и полезная дѣятельность александрійскаго святителя на пользу православія не могла не возбудить противъ него въ сильнѣйшей степени гнѣвъ и раздраженіе со стороны Юліана. Возвращая изъ ссылки христіанскихъ епископовъ, императоръ, какъ мы видѣли, надѣялся усилить еще въ большей степени внутреннія смуты среди

---

(1) Сокр. Ц. И. III, 4, стр. 266. Ѳеодор. Ц. И. III, 4, стр. 200.

(2) Сокр. Ц. И. III, 7, стр. 267.

(3) Julian. Epist. p. 370.

(4) Ѳеодор. Ц. И. III, 9, стр. 207.

христіанскаго общества, а теперь ему приходилось убѣждаться, что, благодаря ревности св. Аѳанасія, раздоры между православными и еретиками, не только не усиливаются, но еще ослабѣваютъ въ значительной степени. Въ сильномъ гнѣвѣ на доблестнаго александрійскаго святителя Юліанъ приказалъ ему оставить каѳедру и удалиться изъ города, оправдывая свой несправедливый приказъ тѣмъ, что Аѳанасій самовольно занялъ святительскій престолъ вопреки императорскому эдикту, которымъ будто бы дозволялось изгнаннымъ Констанціемъ епископамъ только возвращеніе въ свое отечество, но не возстановленіе въ прежнихъ своихъ должностяхъ и званіяхъ (1). „Изгнаннымъ въ царствованіе Констанція галилеянамъ мы дозволили возвратиться въ ихъ отечество, а не завладѣть попрежнему своими церквами, говорилъ Юліанъ въ своемъ эдиктѣ, адресованномъ къ жителямъ Александріи. Но я слышалъ, что Аѳанасій въ своей дерзости зашелъ такъ далеко, что завладѣлъ у васъ опять такъ называемымъ епископскимъ сѣдалищемъ и этимъ причинилъ непріятность александрійскому народу, почитающему своихъ боговъ. Посему я приказываю ему немедленно удалиться изъ города въ тотъ самый день, когда будетъ полученъ настоящій эдиктъ мой. Если же Аѳанасій попрежнему будетъ оставаться въ городѣ, то ему предстоитъ подвергнуться еще болѣе тяжелому наказанію“ (2). Въ тоже время императоръ писалъ къ Екдикію, префекту Египта. „Клянусь Сераписомъ! если до 1-го сентября ненавистный богамъ Аѳанасій не будетъ изгнанъ изъ Египта, то чиновники, служащіе подъ твоимъ начальствомъ, будутъ подвергнуты штрафу. Тебѣ извѣстно, что я не скоро осуждаю, но прощаю еще медленнѣе. Мнѣ весьма непріятно, что чрезъ этого человѣка всѣ боги находятся

(1) Julian. Epist. XXVI ad Alexandr. p. 498—499.

(2) Ibidem. p. 499.

въ презрѣніи и изъ всѣхъ твоихъ дѣйствій для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ изгнаніе изъ Египта Аѳанасія,—этого безпокойнаго человѣка, осмѣлившагося въ мое царствованіе совращать въ нечестіе многихъ знатныхъ эллинскихъ женщинъ“ (1). Узнавъ объ императорскомъ приказѣ, лишавшемъ св. Аѳанасія епископской каѳедры и осуждавшемъ его на изгнаніе, православное населеніе Александріи было чрезвычайно огорчено, однако не теряло надежды удержать у себя любимаго святителя и немедленно же рѣшилось ходатайствовать предъ императоромъ объ отмѣнѣ такого суроваго и несправедливаго приговора. Неизвѣстно, отправили ли александрійскіе вѣрующіе свое ходатайство письменно или же съ особою депутаціею. Какъ бы то ни было, Юліанъ остался непреклоннымъ и отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на просьбу александрійцевъ. Въ новомъ своемъ эдиктѣ, отправленномъ къ нимъ по этому случаю, императоръ дѣлаетъ сильный упрекъ въ томъ, что они оставили поклоненіе вѣчнымъ богамъ и обратились въ христіанство. „Если бы вашъ городъ былъ основанъ кѣмъ либо изъ этихъ нечестивыхъ людей (т. е. христіанъ), ведущихъ презрѣнный образъ жизни и держащихся неизвѣстныхъ догматовъ, писалъ онъ здѣсь, то и въ такомъ случаѣ вы не имѣли бы никакого права безпокоить меня своею просьбою. Но вы потомки Александра, любимцы Сераписа и Изиды, осыпанные благодѣяніями боговъ. Я стыжусь при одной мысли, что среди васъ встрѣчаются люди, носящіе имя галилеянъ“ (2). Переходя затѣмъ къ личности св. Аѳанасія, Юліанъ отзывается о немъ въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, недостойныхъ его, какъ философа и какъ императора, даетъ ему насмѣшливыя прозванія и увѣряетъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка ничтож-

(1) Julian. Epist. ad Ecdic. p.

(2) Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 433.

нѣе и невзрачнѣе его по своей внѣшности (1). По свидѣтельству блаж. Θеодорита, раздраженный ходатайствомъ александрійцевъ за своего святителя, Юліанъ лишилъ его покровительства законовъ и отдалъ приказъ умертвить его (2). Но св. Аѳанасій успѣлъ скрыться и жилъ въ неизвѣстности въ Александріи до тѣхъ поръ, пока не прекратилось гоненіе, воздвигнутое Юліаномъ на церковь Божію (3). При этомъ случаѣ, прощаясь съ своими приближенными, онъ, по замѣчанію Созомена, сказалъ имъ слѣдующія знаменательныя слова: „удалимся, друзья, на короткое время; это только облачко,—оно скоро пройдетъ“ (4).

Точно также неблагосклонно относился Юліанъ и къ другимъ православнымъ епископамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые отличались своею ревностію къ вѣрѣ и пользовались любовію и уваженіемъ своихъ пасомыхъ. Такихъ епископовъ онъ старался обвинять въ смутахъ и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы какимъ бы то ни было способомъ уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ вѣрующихъ. Замѣчательны въ этомъ случаѣ его отношенія къ Титу, епископу города Востры въ Аравіи. Христіанское населеніе этого города своею численностію равнялось язычникамъ и потому императоръ имѣлъ серьезныя основанія опасаться, какъ бы между ними не произошло столкновенія не въ пользу послѣднихъ. Съ цѣлію предупредить вражду двухъ партій между собою, Юліанъ написалъ къ Титу письмо, въ которомъ предостерегалъ этого епископа, что если народъ возмутится, то вся отвѣтственность въ этомъ возмущеніи падетъ исключительно на него (5). На это

---

(1) Julian. Epist. VI. *Μηδὲ ἀνὴρ, ἀλλ' ἀν ανθρωπίσκος ἐυτελὴς.* Сравн. Θеодор. Ц. И. III, 4, стр. 207. Сокр. Ц. И. III, 14, стр. 285.

(2) Θеод. Ц. И. III, 9, стр. 207.

(3) Созом. Ц. И. III, 14, стр. 285.

(4) Созом. Ц. И. V, 14, стр. 285.

(5) Созом. Ц. И. V, 16.

Титъ отвѣчалъ императору, „что, хотя вѣрующіе по своей многочисленности дѣйствительно и могли бы напасть на язычниковъ, но, руководимые его увѣщаніями, живутъ спокойно и совершенно не думаютъ о возмущеніи“ (1). Юліанъ не замедлилъ придать такому отвѣту превратное толкованіе и оклеветать епископа въ глазахъ бострянъ въ особо изданномъ по этому поводу эдиктѣ на имя послѣднихъ. Въ началѣ его императоръ жалуется на неблагодарность къ нему христіанскихъ епископовъ, которыхъ онъ возвратилъ изъ ссылки и которые тѣмъ не менѣе не помнятъ его благодѣяній и только производятъ смуты и волненія въ государствѣ. Обращаясь затѣмъ къ христіанскимъ жителямъ города Бостры, онъ объясняетъ имъ, будто Титъ въ своемъ письмѣ къ нему извѣщалъ, что они сами по себѣ склонны къ возмущенію противъ язычниковъ и что только благодаря исключительно увѣщаніямъ своего епископа продолжаютъ оставаться спокойными (2). Очевидно, замыслы Юліана въ настоящемъ случаѣ клонились къ тому, чтобы своею недостойною клеветою противъ Тита вооружить бострянъ противъ своего епископа и лишить его святительской каѳедры. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣлъ указанный эдиктъ Юліана для Тита. Мы встрѣчаемъ этого епископа среди отцевъ на соборѣ антіохійскомъ, бывшемъ въ правленіе императора Іовіана въ концѣ 363 года подъ предсѣдательствомъ Мелетія (3). Точно также неблагосклонно Юліанъ относился и къ другимъ отцамъ и учителямъ церкви своего времени: Василію Великому, св. Григорію Богослову, Аполлинарію лаодикійскому, въ которыхъ онъ видѣлъ мужественныхъ борцевъ за православіе и самыхъ опасныхъ против-

(1) Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

(2) Julian. Epist. LII ad Bostr. p. 435. Срав. Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

(3) Сокр. Ц. И. III, 25, стр. 315.

никовъ при осуществленіи своей завѣтной мечты касательно возстановленія политеизма и подавленія христіанства.

Прикрываясь маскою вѣротерпимости, Юліанъ наравнѣ съ разнаго рода еретиками оказывалъ очевидное покровительство іудеямъ, думая этимъ путемъ наряду съ своею благосклонностію различнымъ еретическимъ обществамъ нанести вредъ церкви. Мы уже имѣли случай видѣть, что онъ довольно благосклонно относился къ религіи Іеговы, уважая ее за древность и особенно за то, что въ ней существовалъ чувственный культъ, обряды и кровавыя жертвы. Далѣе онъ относился къ іудеямъ гораздо снисходительнѣе, нежели къ христіанамъ, потому что они представлялись въ его глазахъ менѣе опасными послѣднихъ. Подавленная, разсѣянная по всему міру и повсюду презираемая нація, религія которой съ явленіемъ христіанства въ міръ утратила свое значеніе и потеряла большое число своихъ послѣдователей, не могла конечно причинить язычеству такого вреда, какъ христіанство, величественныя идеи котораго управляли всѣмъ тогдашнимъ міромъ и отъ невольнаго вліянія которыхъ не былъ свободенъ самъ Юліанъ. Разнаго рода насилія и притѣсненія, испытываемыя іудеями отъ римскаго правительства со временъ разрушенія св. города, особенно въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ (1), точно также не могли не возбуждать въ душѣ Юліана чувства сожалѣнія къ гонимой и преслѣдуемой націи. Но главнымъ образомъ сильныя симпатіи императора къ сынамъ Израиля сложились подъ вліяніемъ чувства заклятой ненависти послѣднихъ къ христіанству. Ожесточенная непріязнь и раздраженіе іудеевъ ко всему, носящему христіанское имя, особенно послѣ притѣсненій, испытанныхъ ими въ правленіе первыхъ христіанскихъ императо-

(1) Cod. Theod. l. XVI, t. 9, l. 2, t. 8, l. 6 и 7; Созом. Ц. И. III, 17; Сокр. Ц. И. III, 33.

ровъ, была настолько сильна, что не могла не возбуждать въ душѣ Юліана надежды воспользоваться этою ненавистію для ослабленія христіанства. Насколько сильно и ожесточенно было раздраженіе іудеевъ противъ вѣрующихъ, въ этомъ Юліанъ могъ наглядно убѣдиться, когда они въ сообществѣ съ язычниками чуть не предъ его глазами жгли христіанскія церкви въ Александріи, Дамаскѣ и другихъ городахъ (1). До насъ сохранилось посланіе Юліана въ формѣ письма вскорѣ по вступленіи его на императорскій престолъ, отправленное къ іудейской общинѣ, находившейся въ разсѣяніи (2). Правда подлинность этого письма въ прежнее время многими изслѣдователями подвергалась сомнѣнію, но это несправедливо, такъ какъ все содержаніе его вполнѣ согласно съ воззрѣніями Юліана и съ современнымъ состояніемъ іудеевъ. Созоменъ въ своей исторіи приводитъ упомянутое письмо, какъ подлинный документъ (3). Въ немъ императоръ выражаетъ чувство сожалѣнія къ несчастіямъ и притѣсненіямъ, испытаннымъ іудеями въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, восхваляетъ ихъ твердость въ вѣрѣ, обѣщаетъ имъ свою защиту и покровительство и выражаетъ надежду, по возвращеніи изъ персидскаго похода, принести вмѣстѣ съ ними жертву Іеговѣ въ Іерусалимѣ. Наконецъ, въ силу указаннаго эдикта Юліанъ освободилъ іудеевъ отъ всѣхъ притѣснительныхъ налоговъ и пошлинъ, которыми они были обременены въ правленіе первыхъ христіанскихъ императоровъ. Но этимъ еще не ограничились его благодѣянія къ народу іудейскому и онъ не замедлилъ въ непродолжительномъ времени дать имъ дозволеніе возвратиться въ свое отечество и снова возстановить изъ развалинъ разру-

---

(1) Ambros. Epist. XVII, p. 213 ed. Parisis, 1603, fol.

(2) Julian. Epist. XXV ad Judeor. nationi, p. 396—397.

(3) Созом. Ц. И. V, 22, стр. 368.

шенный храмъ іерусалимскій. Древніе церковные историки и языческіе писатели не одинаково говорятъ о цѣляхъ, которыя были преслѣдуемы Юліаномъ при этомъ случаѣ. Самъ императоръ въ одномъ изъ своихъ писемъ, дошедшихъ до нашего времени, утверждаетъ, что онъ хотѣлъ возстановить храмъ іерусалимскій въ честь того Бога, которому онъ былъ посвященъ [1]. По свидѣтельству Амміана Марцеллина, возстановленіе іерусалимскаго храма было предпринято Юліаномъ съ тою цѣлію, чтобы построеніемъ этого величественнаго зданія увѣковѣчить память свою въ потомствѣ [2]. Одни изъ христіанскихъ писателей, какъ напр. Златоустъ и Созоменъ [3] утверждаютъ, что, возстановляя іерусалимскій храмъ, императоръ имѣлъ въ виду доставить іудеямъ возможность совершать въ немъ жертвоприношенія и такимъ образомъ мало по малу пріучить ихъ къ идолопоклонству. По свидѣтельству другихъ, напр. бл. Θеодорита и Филосторгія [4], побужденіемъ къ возстановленію іерусалимскаго храма со стороны Юліана было желаніе опровергнуть пророчество Іисуса Христа касательно вѣчнаго запустѣнія Іерусалима и національнаго іудейскаго святилища. Повидимому, свидѣтельство самого Юліана должно имѣть для насъ полную несомнѣнность, какъ человѣка лучше всѣхъ имѣющаго возможность знать мотивы собственныхъ дѣйствій. Но въ настоящемъ случаѣ намъ едвали возможно довѣряться его собственному признанію. Какъ всякій человѣкъ дѣйствующій подъ вліяніемъ своихъ страстей, онъ въ

---

[1] Julian. Fragm. Orat. Epistolaeve cujusd. p. 288.

[2] Amm. Marcell. XXIII, 1. . diligentiam tamen ubique dividens, imperiique sui memoriam magnitudine operum gestiens propagare, ambitiosum quondam apud Hierosolimam templum, quod post multa et interneciva certamina, obsidente Wespasiano, postiaque Tito, aegre est expugnatum, instaurare sumptibus cohitabat immodicis.

[3] Созом. Ц. И. V, 22, стр. 367.

[4] Θеодор. Ц. И. V, 20, стр. 223. Philostorg. H. E. VII, 9.

своихъ отношеніяхъ къ христіанству не отличался прямодушіемъ и откровенностію, а всегда старался маскировать истинный образъ своихъ мыслей; вслѣдствіе чего естественно не могъ высказать истинныя причины, побудившія его къ возстановленію іерусалимскаго храма, такъ какъ его предпріятіе имѣло неожиданный и притомъ позорный для него исходъ. Что касается до свидѣтельства Амміана Марцеллина, утверждающаго, будто побужденіемъ къ возстановленію іерусалимскаго храма со стороны Юліана было желаніе оставить потомству славный памятникъ своего царствованія, то нельзя не видѣть съ перваго взгляда всей односторонности и невѣроятности такого свидѣтельства. Имѣя въ виду уже извѣстную намъ необыкновенную бережливость и крайнюю разсчетливость Юліана, едвали возможно допустить, чтобы онъ изъ подобныхъ побужденій рѣшился приняться за такое предпріятіе, которое требовало громадныхъ издержекъ съ его стороны. Если даже допустить, что онъ дѣйствительно рѣшился увѣковѣчить такимъ образомъ память свою въ потомствѣ, то и въ такомъ случаѣ отъ него естественнѣе всего можно было ожидать сооруженія храма въ честь какого нибудь изъ любимыхъ имъ языческихъ божествъ, нежели возстановленія храма іудейскаго іеговы. Наконецъ, намѣреніе Юліана возстановить храмъ іерусалимскій нельзя объяснять исключительно изъ того побужденія, будто бы онъ думалъ этимъ средствомъ пріобрѣсти среди іудеевъ прозелитовъ язычеству, какъ утверждаетъ Созоменъ (1). Юліану очень хорошо было извѣстно непреодолимое отвращеніе іудеевъ отъ идолопоклонства и вообще отъ всего языческаго и потому онъ едвали могъ обращать особенное вниманіе на іудеевъ съ цѣлію пріобрѣсти среди нихъ прозелитовъ язычеству, особенно когда онъ употребилъ всѣ свои нравственныя и политиче-

(1) Созом. Ц. И. V, 22, стр. 367.

скія силы на борьбу противъ ненавистнаго въ глазахъ его христіанства. Гораздо большею вѣроятностію и основательностію, сравнительно съ указанными объясненіями причинъ, побудившихъ Юліана къ возстановленію національно іудейскаго святилища, отличается свидѣтельство бл. Ѳеодорита, который утверждаетъ, что главнымъ побужденіемъ для Юліана въ этомъ случаѣ служило исключительно его желаніе опровергнуть и унизить пророчество Іисуса Христа о разрушеніи и вѣчномъ запустѣніи св. города и храма и отнять у вѣрующихъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ истинности ихъ религіи. Развалины и запустѣніе, въ которомъ долгое время находилось національно-іудейское святилище, равно какъ и вся историческая судьба іудейскаго народа со времени разрушенія послѣдняго служили однимъ изъ очевидныхъ доказательствъ божественнаго достоинства христіанства. Отсюда возстановленіе Юліаномъ іерусалимскаго храма и національно-іудейскаго богослуженія клонилось къ тому, чтобы показать несостоятельность пророчествъ Іисуса Христа, привести вѣрующихъ въ смущеніе, а іудеямъ придать новыя силы и мужество для борьбы съ христіанами и осмѣянію послѣднихъ. Юліанъ не только дозволилъ іудеямъ возвратиться въ свой св. городъ и возстановить храмъ въ прежнемъ его блескѣ и великолѣпіи съ національно іудейскимъ богослуженіемъ, но и отпустилъ для этого изъ государственной казны значительныя денежныя суммы (1). Завѣдываніе всѣми строительными работами при сооруженіи новаго зданія, по распоряженію императора, было поручено одному изъ его приближенныхъ друзей по имени Алипію, облеченному по этому случаю чрезвычайными полномочіями (2). По свидѣтельству Гиб-

(1) Amm. Marcell. XXII, 1: instaurare sumptibus cogitabat immodicis. Ѳеод. Ц. И. III, 20, стр. 223.

(2) Amm. Marcell. XXIII, 1: negotiumque maturandum Alypio dederat Antiochensi, qui olim Britannias curaverat pro praefectis.

бона, основанному на словахъ Амміана и признаніи самого Юліана, Алипій является одною изъ замѣчательныхъ личностей, которыми весьма богата разсматриваемая эпоха. Съ талантами храбраго полководца и опытнаго администратора, обнаруженными во время управленія Британніею, онъ соединялъ особенную любовь къ изученію классической литературы и въ своихъ произведеніяхъ старался подражать одамъ Сафо (1). До насъ сохранились два письма Юліана, обращенныя къ Алипію и исполненныя чувствъ самой нѣжной дружбы и уваженія (2). Желаніе возстановить во всемъ блескѣ и великолѣпіи свое разрушенное національное святилище во всѣ времена составляло господствующую страсть въ душѣ сыновъ Израиля и потому они спѣшили воспользоваться благопріятными обстоятельствами для осуществленія своей завѣтной мечты. Ободренные благосклонностію и покровительствомъ государственной власти, іудеи многочисленными толпами не замедлили устремиться въ св. городъ своихъ отцевъ, посѣщеніе котораго имъ было строго воспрещено со временъ императора Адріана, и съ фанатическою ревностію приступили къ великому религіозно-національному дѣлу въ полной надеждѣ увидѣть скорое наступленіе Мессіанскаго царства и исполненіе всѣхъ пророчествъ и обѣтованій. Древніе церковные историки въ чрезвычайно живыхъ чертахъ изображаютъ необычайное воодушевленіе и ревность, съ какою іудеи принялись за осуществленіе своего завѣтнаго плана. Сыны Израиля соперничали другъ съ другомъ въ щедрости пожертвованій на такое великое національно-религіозное предпріятіе. По свидѣтельству бл. Ѳеодорита, многіе изъ нихъ продавали свои золотые и серебряные сосуды и отдавали вырученныя деньги на расходы по постройкѣ храма, или же передѣлывали

(1) Gibbon Geschicte d. Verfalles u. Untergang. Rom. Reichs. p. 720.
(2) Julian. Epist. XXIX и XXX. p. 402—404.

въ лопаты и заступы, не находя болѣе металла столь драгоцѣннаго, который былъ бы приличенъ для сооруженія дома Іеговы (1). Мужчинамъ соревновали женщины, не щадившія ни своихъ нѣжныхъ рукъ, ни дорогихъ одеждъ для ношенія камней и земли, необходимыхъ при сооруженіи храмоваго зданія. Наравнѣ съ іудеями и многіе изъ язычниковъ принимали дѣятельное участіе въ работахъ, поступая такимъ образомъ конечно не изъ чувства расположенности къ сынамъ Израиля, а единственно изъ ненависти къ христіанамъ (2). Одушевленные надеждами на счастливый успѣхъ своего предпріятія и, видя для себя въ лицѣ Юліана новаго Кира, іудеи гордо поднимали свою голову и въ высшей степени дерзко и надменно стали обходиться съ іерусалимскими христіанами. Послѣдніе сначала пришли было въ сильнѣйшее смущеніе, но затѣмъ, вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій своего епископа, св. Кирилла, успокоились, въ полной надеждѣ, что Промыслъ не допуститъ исполниться нечестивому предпріятію іудеевъ и сохранитъ нерушимою достовѣрность пророчествъ касательно вѣчнаго запустѣнія Іерусалима и храма (3). Надежды іерусалимскихъ вѣрующихъ не замедлили исполниться въ самомъ непродолжительномъ времени. Ни могущество и всесильное покровительство языческаго императора, ни фанатичная ревность сыновъ Израиля не въ силахъ были возстановить дѣло, разрушенное божественнымъ приговоромъ. Какъ скоро площадь, на которой стоялъ древній храмъ, была очищена отъ мусора и камней, были выкопаны рвы и работники готовились выводить фундаментъ для новаго зданія, не замедлили явиться непреодолимыя препятствія къ продолженію постройки храма. Выкопанная земля обратно осыпалась боль-

---

(1) Θеодор. Ц. И. III, 20, стр. 223. Созом. Ц. И. 22, стр. 368

(2) Созом. Ц. И. V. 22, стр. 368.

(3) Сокр. Ц. И. III, 20, стр. 297. Rufin H. E. III, c. 38.

шими массами въ только что выведенные рвы и мѣшала работать. Въ тоже время сильнѣйшая буря развѣяла строительные матеріалы, приготовленные іудеями для сооруженія своего святилища (1). Всѣ эти препятствія однако не въ состояніи были ослабить фанатичную ревность іудеевъ и они съ новою энергіею продолжали начатое дѣло, какъ внезапно произошло сильное землетрясеніе и вырывавшіеся изъ земли огненные клубы стали опалять рабочихъ и истреблять всѣ строительные матеріалы (2). Несмотря на очевидную опасность, угрожаемую работникамъ страшнымъ подземнымъ огнемъ, сыны Израиля въ своей необычайной ревности и тутъ не хотѣли прекратить начатыхъ работъ. Подобравши трупы своихъ обожженныхъ и изувѣченныхъ соотечественниковъ, они нѣсколько разъ съ свѣжими силами принимались за работу и снова вырывавшееся изъ земли съ страшною силою пламя истребляло цѣлыя массы упрямыхъ работниковъ (3). Въ тоже самое время знаменіе креста на небѣ, на всѣхъ окружающихъ предметахъ и одеждахъ работниковъ, какъ іудеевъ такъ и язычниковъ, занимавшихся сооруженіемъ храма, очевидно показывало неблаговоленіе Божіе нечестивому предпріятію и полнѣйшее торжество христіанства надъ коварными кознями и злоухищреніями его ожесточенныхъ враговъ (4). Всѣ эти необычайныя знаменія, безпрерывно повторяющіяся, наконецъ сломили удивительное упрямство и ревность іудеевъ къ возстановленію своего на-

---

(1) Ѳеодор. Ц. И. III, 20, стр. 224. Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 181. св. Златоуст. слово 5 противъ іудеевъ, стр. 572, русск. перев. т. III. Спб. 1850 г.

(2) Св. Златоуст. слово 5 противъ іудеевъ, стр. 572. Твор. Григ. Бог. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана. стр. 181. Созом. Ц. И. V, 22, стр. 369. Amm. Marcell. XXII, 1. Ѳеодор. Ц. И. III, 20, стр. 224.

(3) Ibidem.

(4) Ѳеодор. Ц. И. III, 20. стр. 224. Rufin. H. E. 1, 38. 39. Сокр. Ц. И. III, 20. Созом. Ц. И. V, 22.

ціональнаго святилища и они въ ужасѣ бросили начатое предпріятіе.

Подлинность и чудесный характеръ описываемаго необычайнаго событія не подлежатъ никакому сомнѣнію. Въ исторіи едва ли найдется много фактовъ, достовѣрность которыхъ утверждалась бы на такихъ прочныхъ основаніяхъ. Подлинность описаннаго событія очевидно доказана ясными и опредѣленными свидѣтельствами древнихъ какъ христіанскихъ, такъ равно языческихъ и іудейскихъ писателей. Свидѣтельства первыхъ настолько многочисленны, что очевиднѣйшимъ образомъ показываютъ, до какой степени указанное событіе было общеизвѣстнымъ и несомнѣннымъ. О немъ оставили подробныя свидѣтельства св. Григорій Богословъ, св. Златоустъ, св. Амвросій Медіоланскій, Сократъ, Созоменъ, Руфинъ, бл. Ѳеодоритъ и Филосторгій. Не мало также свѣдѣній сообщаютъ о немъ Ѳеофанъ, Орозій, Зонаръ, Кедринъ и др. Всѣ они передаютъ разсказъ объ этомъ событіи опредѣленно, безъ всякаго колебанія, не обнаруживая ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. Св. Григорій Богословъ, приступая, во 2 своемъ обличительномъ словѣ противъ Юліана, къ описанію обстоятельствъ, сопровождавшихъ неудачную попытку этого государя возстановить храмъ іерусалимскій, въ томъ самомъ году, когда она случилась, замѣчаетъ предварительно: „я начну съ извѣстнаго всѣмъ чуда, которому вѣрятъ сами безбожники“ (1). Св. Златоустъ въ своемъ словѣ противъ іудеевъ и язычниковъ, обращая рѣчь къ народу, говоритъ: „свидѣтели этого чудеснаго разрушенія предпріятія Юліана всѣ мы, ибо оно случилось на нашихъ глазахъ. Идите въ Іерусалимъ и вы увидите тамъ однѣ только развалины“ (2). Св. Амвросій Меді-

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 2 обличит. на царя Юліана, стр. 181.

(2) Злат. слово V противъ іудеевъ, стр. 574.

оланскій замѣчаетъ въ письмѣ къ императору Ѳеодосію: „развѣ ты не знаешь, что когда императоръ Юліанъ повелѣлъ возстановить іерусалимскій храмъ, работники были поражены небеснымъ огнемъ“ (1). Время происхожденія упомянутаго письма со всею вѣроятностію можно отнести къ 388 году, т. е. спустя 25 лѣтъ послѣ совершенія описаннаго событія. „Этому вѣрятъ и объ этомъ разсказываютъ всѣ въ одинъ голосъ: сомнѣнія не обнаруживаетъ никто“, утверждаетъ Созоменъ. „Кому же кажется невѣроятнымъ, того пусть увѣрятъ люди слышавшіе отъ самовидцевъ и еще живущіе, пусть увѣрятъ іудеи и язычники, оставившіе свою работу неоконченною, или которой, лучше сказать, они и начать не могли“ (2). Между языческими историками, описавшими фактъ неудачнаго возстановленія іудеями національнаго святилища въ царствованіе Юліана, Амміанъ Марцеллинъ долженъ заслуживать особенное вниманіе по своей правдивости и безпристрастію. Описывая въ XXIII главѣ своей исторіи обстоятельства, сопровождавшія возстановленіе іерусалимскаго храма, онъ говоритъ прямо, что непредвидѣнныя и необычайныя препятствія принудили іудеевъ прекратить работы по сооруженію своего національнаго святилища. „Когда Алипій, замѣчаетъ онъ, при содѣйствіи областнаго правителя со всѣмъ усердіемъ приступилъ къ дѣлу, тогда страшные огненные клубы, безпрерывно вырывавшіеся изъ земли, гдѣ положено было основаніе храма, неоднократно опаляли работниковъ и сдѣлали самое мѣсто неприступнымъ, что и заставило прекратить начатое дѣло“ (3). Свидѣ-

---

(1) Ambros. T. II, Epist. IV, стр. 946 edit. Benedict.

(2) Созом. Ц. И. V, 20, стр. 370.

(3) Amm. Marcell. XXIII, 1: Cum itaque rei idem fortiter instaret Alypius, juvaretque provinciae rector, metuendi globi flammarum prope fundamenta crebris adsultibus erumpentes, fecere locum exustis aliquoties operantibus inacessum: hocque modo elemento destinatius repellente, cessavit inceptum.

тельство Амміана должно имѣть въ глазахъ нашихъ тѣмъ большую важность, если обратить вниманіе, что онъ былъ современникомъ описываемаго событія и при всемъ своемъ безпристрастіи питалъ безграничное уваженіе къ Юліану, какъ къ герою и великому человѣку и потому ему не легко было внести въ свою исторію разсказъ о такомъ важномъ событіи въ царствованіе императора, которое бросало темное пятно на его память, если бы такое событіе не было извѣстно до очевидности. Кромѣ того извѣстно, что Амміанъ читалъ свою исторію въ Римѣ публично предъ большимъ собраніемъ съ цѣлію исправить недостатки своего литературнаго труда. Самъ Юліанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ясно намекаетъ на фактъ неудачной попытки возстановленія іерусалимскаго храма, совершившагося въ его царствованіе. „Что скажутъ іудеи о своемъ храмѣ? говоритъ онъ. Я не хочу упрекать ихъ въ несчастіи, потому что я самъ думалъ возстановить этотъ храмъ, но только хочу показать, что нѣтъ ничего твердаго въ рукахъ человѣческихъ“ (1). Если другіе языческіе писатели не упоминаютъ объ этомъ событіи, то причина ихъ молчанія весьма естественна и понятна, такъ какъ фактъ неудачной попытки предпріятія Юліана служилъ для язычниковъ большимъ позоромъ. Наконецъ, сами іудейскіе писатели упоминаютъ о неудачной попыткѣ Юліана возстановить храмъ іерусалимскій. „Во дни Шаинала, замѣчаетъ раввинъ Гедаліахъ бенъ Исаія, жившій въ V вѣкѣ, было великое землетрясеніе во вселенной, разрушившее храмъ, который іудеи возстановляли съ великими издержками по повелѣнію царя Юліана. Въ этотъ день небесный огонь упалъ на матеріалы и истребилъ большое число іудеевъ“ (2). Что же касается, наконецъ, до частностей описаннаго нами событія, сообщаемыхъ древними пи-

(1) Julian. Orat. Epistolaeve cujusdam. p. 288.

(2) Demonstr. Evangeliques par Migne. vol. XVIII, p. 844.

сателями, то справедливость требуетъ замѣтить, что хотя между свидѣтельствами ихъ и есть повидимому нѣкоторыя разногласія, но они по существу своему такъ незначительны, что нисколько не бросаютъ и тѣни сомнѣнія на истинность самаго событія. Одни изъ древнихъ писателей сообщаютъ болѣе краткія свѣдѣнія касательно извѣстнаго намъ факта, другіе болѣе подробныя и обстоятельныя. Происхожденіе всѣхъ такихъ разностей вполнѣ естественно и понятно. Отъ іудейскихъ и языческихъ писателей конечно нельзя требовать, чтобъ они говорили о явленіи крестнаго знаменія на небѣ и одеждахъ работниковъ. Понятно также, что св. Амвросій Медіоланскій не могъ сообщить всѣхъ подробностей касательно упомянутаго событія въ письмѣ своемъ къ императору Ѳеодосію, равно какъ и св. Златоустъ, сообразно съ характеромъ своихъ бесѣдъ, считалъ необходимымъ только лишь стороною каснуться описаннаго факта. Понятно, наконецъ, что св. Григорій Богословъ, какъ современникъ Юліана и притомъ какъ человѣкъ, рѣшившійся обстоятельно изобразить предъ судомъ потомства всѣ нечестивыя дѣйствія послѣдняго, направленныя ко вреду церкви, въ своихъ „обличительныхъ словахъ“ имѣлъ случай въ подробности описать обстоятельства, сопровождавшія неудачную попытку Юліана, не опасаясь заслужить упрекъ въ пристрастіи со стороны своихъ многочисленныхъ слушателей. Послѣдующіе церковные писатели въ большинствѣ случаевъ передаютъ тѣже самыя извѣстія, какъ и св. Григорій Богословъ, хотя не въ такомъ порядкѣ и не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что придаетъ особую важность ихъ свидѣтельствамъ. Все это очевидно свидѣтельствуетъ, что указанные писатели не слѣдовали буквально другъ другу и не подражали рабски св. Григорію Богослову и что описанное ими событіе было извѣстно съ различными подробностями въ различныхъ мѣстностяхъ. Что касается до новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана, то большинство ихъ, во главѣ съ Неандеромъ,

Шрекком, Герике, Варбуртономъ, Робертсономъ и др., подобно древнимъ писателямъ, признаютъ подлинность и чудесный характеръ факта неудачной попытки іудеевъ въ царствованіе Юліана возстановить свое національное святилище. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ Гиббонъ, Михелисъ, Ляръднеръ, Гизлеръ, Гизо и др., которые пытаются объяснить указанный фактъ чисто естественнымъ образомъ и не хотятъ придать ему никакого провиденціальнаго значенія. Вся ихъ аргументація главнымъ образомъ основывается на томъ, что соединенныя усилія Юліана и іудеевъ потерпѣли неудачу вслѣдствіе одного изъ землетрясеній, которыя въ тѣ времена очень часто случались на востокѣ, а ничуть не отъ дѣйствія особой сверхъестественной силы. Правда, землетрясенія принадлежатъ къ естественнымъ явленіямъ и могутъ происходить по простымъ законамъ природы, но кто не хочетъ отказаться отъ вѣры въ божественное Провидѣніе, управляющее міромъ, тотъ не можетъ допустить, чтобы однѣ слѣпыя неразумныя силы природы рѣшали такое дѣло, отъ котораго зависитъ честь цѣлаго нравственнаго міра, цѣлой религіи. Далѣе извѣстно, что никогда, ни прежде, ни послѣ, въ Палестинѣ не было явленій, подобныхъ тому, которое случилось при возстановленіи храма Юліаномъ. Если бы указанное событіе было естественнымъ, ужели очевидцы и свидѣтели не могли отличить его? Такія подземныя изверженія никогда не бываютъ продолжительны. Едвали бы изступленные іудеи и язычники отказались отъ своего предпріятія потому только, что при этомъ случаѣ произошло одно простое землетрясеніе и изверженіе пламени изъ земли. Едвали бы тоже допустилъ Юліанъ. Онъ постарался бы непремѣнно показать, что неудача зависѣла совершенно отъ случайныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какое торжество доставила эта неудача въ руки вѣрующихъ. Если общій характеръ событія носитъ на себѣ несомнѣнную печать сверхъестественнаго чуднаго явленія, то, разсматриваемое

въ подробностяхъ, оно не можетъ быть объяснено ни изъ какихъ законовъ природы, никакими натянутыми толкованіями.

Мы уже видѣли, что со времени вступленія Юліана на императорскій престолъ, христіанство не замедлило потерять свое прежнее значеніе въ смыслѣ государственной религіи (1), а это конечно не могло не повліять на его внѣшнее униженіе, которое особенно тяжело было видѣть вѣрующимъ. Лишившись покровительства и благосклонности государственной власти, церковь потеряла и всѣ права и привиллегіи, дарованныя ей въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ. Такъ, въ силу правительственныхъ распоряженій Юліана, у церкви были отняты городскія и общественныя имущества, подаренныя ей Константиномъ великимъ и его сыновьями (2), равнымъ образомъ языческіе храмы, съ теченіемъ времени перешедшіе во владѣніе вѣрующихъ, снова были возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Тѣ изъ храмовъ, которые пришли въ запустѣніе или были разрушены отчасти по распоряженію христіанскихъ императоровъ, частію вслѣдствіе ревности частныхъ лицъ, вѣрующіе обязаны были возстанавливать на свои собственныя средства и возвращать имущества храмовъ, съ теченіемъ времени перешедшихъ во владѣніе церкви, или сдѣлав-

(1) Созом. Ц. И. V, 3, стр. 313.

(2) Cod. Theod l. XV, t. l. l. 8. Oportuit, Praetoria Judicum, et domos judicarias, publico juri adque usui vindicari: sed quia salubris nostra dispositio dilata est. nunc saltem tradatur effectui. P. P. IV Non. Decembr. Antiochiae, Mamertino et Nevitta Coss. (362). Ibidem. l. 9. Comperimus, super Ergasteria publica, quae ad jus pertinent Civitatis, plerosque sibi domos extruxisse: Praecipimus ergo, eas in concusso jure quae aedificaverunt, possidere. P. P. IV Non. Decembr. Antiochiae, Mamertino et Nevitta Cooss. Ibidem l. X. Quicumque, cujuslibet Ordinis, Dignitatis, aliquod opus publicum, quoquo genere obscura interpretatione meruerit, fructu talis beneficii, sine aliqua dubitatione, privetur: Non solum enim revocamus quod factum est, verum etiam in futurum cavemus, ne qua fraude temptetur. Dat. VII, id Decembr. Advil Mamertino et Nevitta Cass. (362).

шихся достояніемъ частной собственности (1). По приказанію императора, у церкви отнимались также деньги, приношенія и священные сосуды, пожертвованные Константиномъ великимъ и его сыновьями, равно какъ и ихъ благочестивыми подданными (2). Возвращая языческимъ жрецамъ права и преимущества служителей оффиціальнаго культа, Юліанъ всѣми зависящими отъ него средствами старался унизить христіанское духовенство и уравнять его въ правахъ съ низшими классами населенія государства. Сознавая всю важность и значеніе клира и его вліяніе на нравственную жизнь вѣрующихъ, онъ питалъ ожесточенную ненависть и отвращеніе къ его членамъ, представляя ихъ виновниками народныхъ возмущеній и всѣхъ своихъ неудачъ въ борьбѣ противъ христіанства (3). Отсюда понятно его стремленіе всѣми способами ослабить значеніе христіанскаго духовенства, парализовать его пастырскую дѣятельность и унизить значеніе среди вѣрующихъ. Благодаря эдиктамъ Юліана, клиръ былъ лишенъ хлѣбныхъ дачъ, получаемыхъ имъ до сихъ поръ изъ государственной казны вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій первыхъ христіанскихъ императоровъ,— потерялъ судебную власть во многихъ дѣлахъ и право полученія въ наслѣдство имуществъ по духовному завѣщанію (4). Въ тоже время епископы вмѣстѣ съ прочими клириками лишены были права пользоваться общественными подводами и привлечены къ выполненію куріальныхъ обязанностей, отъ которыхъ они были освобождены распоряженіями Константина великаго и его сыновей (5). Съ цѣлію придать характеръ благо-

---

(1) Созом. Ц. И. V, 5, стр. 325.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 140. Созом. Ц. И. V, 5, стр. 325.

(3) Созом. Ц. И. V, 15, стр. 345.

(4) Созом. Ц. И. V, 3, стр. 314. Θеод. Ц. И. III, 6, стр. 203.

(5) Cod. Theod. l. XII, t. 1, l. 50. Decuriones, qui ut christiani declinat munia revocentur. Et ab auri atque argenti praestatione, quod

видности своему послѣднему распоряженію, Юліанъ въ тоже самое время распространилъ указанное требованіе на лицъ сенаторскаго званія, до сихъ поръ свободныхъ отъ исполненія куріальныхъ обязанностей. Наравнѣ съ клириками и прочіе вѣрующіе въ силу правительственныхъ распоряженій Юліана потеряли права и привиллегіи, которыми они до сихъ поръ пользовались наравнѣ съ языческими подданными императора. Язычникамъ теперь отдано было преимущество при занятіи государственныхъ должностей (1), а по свидѣтельству св. Григорія Богослова и Созомена предоставлено на то даже исключительное право. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ св. отца, подобныя преимущества были предоставлены отступникамъ отъ церкви. „Одно было право на полученіе начальства—отступничество", замѣчаетъ онъ (2). При вступленіи Юліана на императорскій престолъ большинство государственныхъ чиновниковъ были христіане и потому императору казалось крайне неудобнымъ и даже опаснымъ безъ всякаго уважительнаго повода отрѣшать ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей въ государственной администраціи. Тогда Юліанъ придумалъ очень хитрую и

---

negotiatoribus indicitur, Curiae immunes sint: nisi forte Decurionem aliquid mercari constiterit ita, ut Ordines civitarum ex hujusmodi reliquis farcinarum (ut jam diximus) amoveantur. Et quoniam ad Potentium domus confugisse quosdam relatum est Curiales, ut tam faeda perfugia prohibeantur, multam statuimus, ut per singula capita singulas solidas dependat, qui receperit multae nomine inferat: Nam si servus inscio domino susceperit, capite punietur, et ingenuus qui invito patrono hoc fecerit, deporrabitur. Cod. Theod. XIII, t. 1, l. 4. Decuriones, qui ut christiani declinat munia, revocentur. Et ab auri atque argenti praestatione, quod Negotiatoribus indicitur, Curiae immunes sint: Nisi forte. Decurionem aliquid mercari constiterit: ita ut Ordines civitatum ex hujus modi reliquis farcinarum (ut jam diximus) amoveantur. P. P. III id Mart. Constantinop. Mamertino et Nevitta Coss. (362). Сравн. Julian. Epist. ad Bysant. p. 380.

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 105. Созом. Ц. И. V, 18, стр. 255.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 105.

вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно коварную причину, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ устранить всѣхъ христіанъ отъ занимаемыхъ ими государственныхъ должностей. По словамъ императора, эти должности должны быть предоставлены исключительно людямъ благочестивымъ, т. е. ревностнымъ язычникамъ, и что на занятіе ихъ не должны разсчитывать враги боговъ, т. е. христіане. „Правда я не хочу, чтобы галилеяне (такъ Юліанъ называлъ христіанъ) были убиваемы, несправедливо обижаемы или терпѣли жестокое обращеніе безъ всякой причины, однако держусь того взгляда, чтобы чтителямъ боговъ было отдаваемо преимущество. Безуміе галилеянъ все ниспровергло и только чрезъ благоволеніе боговъ всѣ мы спасены. Посему мы обязаны почитать боговъ, а равно и тѣхъ, которые имъ покланяются, будутъ ли то отдѣльныя лица или цѣлые города“ (1). Впрочемъ Юліанъ не остановился и на этомъ, чтобы оправдать свой несправедливый приказъ, отдающій въ руки язычниковъ исключительное право на занятіе государственныхъ должностей, но старался поставить на видъ вѣрующимъ, будто самъ Божественный законъ ихъ воспрещаетъ носить мечъ и подвергать казни преступниковъ (2). Кромѣ устраненія отъ занятія государственныхъ должностей вѣрующіе терпѣли и другія притѣсненія отъ государственной власти. Такъ они были обложены тяжкими и обременительными налогами и повинностями, которыхъ не платили языческіе подданные императора. „На тѣхъ, которые не хотѣли приносить жертвы, говоритъ Сократъ, налагалъ Юліанъ денежную пѣню— и взысканіе съ истинныхъ христіанъ совершаемо было съ особенною настойчивостію, потому что каждый вносилъ деньги примѣнительно къ своему состоянію“ (3).

---

(1) Julian. Epist. VII ad Artab. p. 376.

(2) Сокр. Ц. И. III, 13, стр. 283.

(3) Ibidem, стр. 284.

Равнымъ образомъ судебные трибуналы нерѣдко оказывали большую несправедливость при разбирательствѣ жалобъ, приносимыхъ въ нихъ вѣрующими, причемъ судьи дозволяли себѣ отпускать самые язвительные сарказмы на счетъ послѣднихъ (1). Въ этомъ случаѣ поощрительный примѣръ подавалъ имъ самъ императоръ. Когда эдесскіе христіане чрезъ софиста Экиволія обратились къ Юліану съ жалобой по поводу отобранія у нихъ церковныхъ имуществъ, составлявшихъ въ прежнія времена городскую собственность, онъ отвѣчалъ съ саркастическою усмѣшкою, что вѣрующіе не должны утруждать его своими жалобами, а что имъ напротивъ слѣдуетъ быть благодарными къ нему, такъ какъ его распоряженіе содѣйствуетъ облегченію имъ доступа въ царство небесное, затрудняемаго богатствами. „Я всегда желалъ добра галилеянамъ, и никогда не дозволялъ, чтобы ихъ насильственнымъ образомъ влекли въ храмы боговъ, писалъ Юліанъ по этому случаю. Но аріане, владѣющіе большими богатствами, напали на послѣдователей Валентина и дозволили себѣ поступки, нетерпимые ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. И такъ какъ ихъ странный законъ указываетъ путь, ведущій въ царство небесное, то вслѣдствіе этого я и желаю оказать имъ помощь идти по этому пути. Я приказалъ отнять у нихъ церковныя имущества и присоединить ихъ къ моимъ, чтобы, возвратясь къ спасительной бѣдности, они достигли удобнѣе ожидающей ихъ небесной награды“ (2). Мало того, — во многихъ случаяхъ судеб-

---

(1) Созом. Ц. И. V, 18, стр. 255

(2) Julian Epist. XLIII, p. 424. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана—Мюкке, не смотря на все свое очевидное пристрастіе къ императору, сильно порицаетъ образъ его дѣйствій по отношенію къ жителямъ Эдессы. «Такое строгое и несправедливое наказаніе, едвали имѣющее право на оправданіе, замѣчаетъ онъ, наполняетъ нашу душу отвращеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ императорскомъ указѣ оно сопровождается саркастическою ссылкою на евангеліе Матѳея (19, 24) и др. мѣста

ные трибуналы прямо отказывались принимать къ себѣ для разбирательства жалобы вѣрующихъ на жестокости и притѣсненія языческой черни, саркастически мотивируя законность такого образа дѣйствій ссылкою на извѣстныя слова Спасителя въ евангеліи: „кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую, и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай и верхнюю одежду“ (1). Самая гражданская безопасность и защита населенія отъ внѣшнихъ враговъ имперіи ставилась теперь въ непосредственную зависимость отъ исповѣданія имъ той или другой религіи. Такъ Юліанъ отказывалъ въ помощи тѣмъ городамъ, жители которыхъ оставались вѣрными своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ и, несмотря на всѣ усилія императорской власти, не подавали ни малѣйшей надежды къ принятію политеизма (2). По собственному признанію императора, всякій другъ Зевса былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его другомъ, а всякій врагъ отца боговъ его собственный врагъ (3). Нельзя не видѣть, что всѣ эти мѣры и распоряженія Юліана ставили его христіанскихъ подданныхъ въ такое положеніе, что они или должны были отрекаться отъ чистоты своихъ религіозныхъ убѣжденій, или же лишаться самыхъ существенныхъ правъ гражданства, въ родѣ покровительства законовъ. Такое заключеніе вполнѣ согласно съ свидѣтельствомъ св. Григорія Бо-

---

св. писанія, въ которыхъ прославляется бѣдность, какъ средство для достиженія блаженства. Такія несправедливыя нападки на христіанскую религію недостойны властителя и не должны принадлежать къ постановленіямъ, имѣющимъ законодательную силу». Мюске, Flavius Claudius Julianus. Nach dem Quellen. I—II. Abtheil. Gotha, 1867—1869, p. 78.

(1) Mc. V, 39 и 40.

(2) Julian. Epist. XLIX ad Arsac. p. 431.

(3) Liban. Orat. Parent. § 59. *Φίλον μὲν ἄγων τὸν Διὶ φίλον, ἐχθρὸν δὲ τὸν ἐκεινω. μᾶλλον δὲ φίλον μὲν τὸν ἐκεινω φίλον, ἐχθρὸν δὲ οὐ πάντα τὸν ὅπω Διὶ φίλον· οτις γὰρ ὥετο τῷ χρόνῳ καταθήσειν, οὐκ ἀπήλαυνε, κατεπάδων δὲ ἐνῆγε, καὶ τὴν πρώτην τε ἀναιρεθεῖσαν νομένης, περὶ βωμὸς ὕσερον χαρέυοντας ἔδειξε.*

гослова, по словамъ котораго „замыслы Юліана состояли въ томъ, чтобы лишить христіанъ всѣхъ правъ и запретить для нихъ всѣ собранія, всѣ площади, всѣ общественныя празднества и даже самыя судилища: ибо, по его мнѣнію, не должно пользоваться всѣмъ этимъ тому, кто не захочетъ возжигать ѳиміама на стоящихъ тамъ жертвенникахъ и не заплатитъ такъ дорого за права столь общія (1). О законы, законодатели и цари! Какъ Творецъ съ одинаковымъ человѣколюбіемъ, для всѣхъ общимъ и неоскуднымъ, даетъ всѣмъ наслаждаться и красотою неба, и свѣтомъ солнечнымъ, и разліяніемъ воздуха, такъ и вы всѣмъ свободнымъ людямъ одинаковое и равное предоставляете право пользоваться покровительствомъ законовъ. А онъ замышляетъ отнять у христіанъ такое право, чтобы они, претерпѣвая и насильственныя притѣсненія, и отнятіе имуществъ, и всякую другую важную или неважную обиду, возбраненную законами, не могли получить законнаго удовлетворенія на судѣ“ (2). Наравнѣ съ указаннымъ, чисто внѣшнимъ, такъ сказать юридическимъ униженіемъ христіанства и отнятіемъ у него правъ и привиллегій оффиціальной государственной религіи, Юліанъ старался унизить его въ нравственномъ отношеніи. Онъ употребилъ не мало времени и труда для придумыванія самыхъ злостныхъ насмѣшекъ и язвительныхъ укоризнъ противъ божественной религіи Христа и его исповѣдниковъ, съ цѣлію сдѣлать ихъ презрѣнными и поруганными въ глазахъ языческаго населенія имперіи. Онъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ унизить въ глазахъ языческаго общества Божественное Лице Основателя христіанства (3) и представить проповѣданное Имъ спасительное ученіе

---

(1) Julian. Epist. LI ad Alexand. Caesares, p. 321. Julian. ap. Cyrill. II, p. 43.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 151.

(3) Ibidem. стр. 152.

не имѣющимъ ничего божественнаго въ своемъ происхожденіи (1), но только составленнымъ изъ дурныхъ элементовъ іудейства и язычества (2). Онъ называлъ христіанство безуміемъ и глупостію (ἀπόνοια μορία) и осмѣивалъ какъ жалкую религію, не имѣющую у себя другихъ послѣдователей, кромѣ однихъ людей необразованныхъ, рабовъ и рабынь (3). Христіане представлялись въ его глазахъ возмутителями общественнаго порядка и спокойствія, отступниками отъ живыхъ вѣчныхъ боговъ (4), которые, вмѣсто поклоненія послѣднимъ, почитаютъ мертваго Іудея, какъ Бога, кромѣ него почитаютъ другихъ мертвецовъ (5) и воздаютъ поклоненіе крестному древу (6). Очень хорошо понимая, что вѣрующіе гордились носить имя своего Искупителя, Юліанъ какъ въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, такъ и въ частной своей перепискѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ всегда усвоялъ

---

(1) Julian. ap. Cyrill. II, p. 39.

(2) Julian. ap Cyrill. II, p. 43.... ἀπ' ἀμφοῖν δὲ τὰς παραπεπηγυίας τοῖς ἔθνεσιν ὥσπερ τινας κῆρας δρεπόμενοι, τὴν ἀθεότητα μὲν ἐκ τῆς Ἰουδαικῆς ραδιουργίας. φαῦλον δὲ καὶ ἐπισεσιρμένον βίον ἐκ τῆς παρ' ἡμῖν ραθυμίας καὶ χυδαιότητος τοῦτο τὴν ἀρίστην θεοσέβειαν ὀνομάζεσθαι ἠθέλησαν.

(3) Julian. ap. Cyrill. VI, p. 206:.... ἠγάπων γε εἰ θεραπαίνας ἐξαπατήσουσι καὶ δῆλος, καὶ διὰ τούτων τὰς γυναῖκας, ἄνδρας τε, οἵους Κορνήλιος καὶ Σέργιος.....

(4) Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 433.

(5) Julian. ap. Cyrill. X, p. 335: ἀλλὰ τοῦτο μὲν τὸ κακὸν ἔλαβεν παρὰ Ἰωάννου τὴν ἀρχήν. ὅσα δὲ ὑμεῖς ἐξῆς προσευρήκατε, πολλοὺς ἐπεισάγοντες τῷ πάλαι νεκρῷ τοὺς προσφάτως νεκρούς, τις ἂν πρὸς ἀξίαν βδελύξητε; πάντα ἐπληρώσατε τάφων καὶ μνημάτων, καὶ τοι οὔκ εἴρηται παρ' ὑμῖν ουδαμοῦ τοῖς τάφοις προσκυλίνδεισθαι καὶ περιέπειν αὐτούς.

(6) Julian. ap. Cyrill. VI, p. 194: εἶτα, ὦ δυστυχεῖς ἄνθρωποι, σωζομένου τοῦ παρ' ἡμῖν ὅπλου Διοπετοῦς, ὁ κατεπέμψεν ὁ μέγας Ζεὺς, ἤτοι πατὴρ Ἄρης, ἐνέχυρον διδοὺς οὐ λόγον, ἔργον δὲ, ὅτι τῆς πόλεως ἡμῶν εἰς τὸ διηνεκὲς προασπίσει προσκυνεῖν αφέντες καὶ σέβεσθαι, τὸ τοῦ σταυροῦ προσκυνεῖτε ξύλον, εἰκόνας αὐτου σκιαγραφοῦντες ἐν τῷ μετώπῳ καὶ πρὸ τῶν οικημάτων ἐγγραφόντες.

имъ насмѣшливое названіе нечестивыхъ и безбожныхъ галилеянъ (ἀσεβεῖς, δυσσεβεῖς, ἄθεοι Γαλιλαῖοι). Послѣдняя жалкая недостойная насмѣшка Юліана надъ своими христіанскими подданными, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, болѣе всего возбуждала справедливое негодованіе послѣднихъ. „Особенно дѣтскою, неосновательною и недостойною не только царя, но и всякаго сколько нибудь разсудительнаго человѣка, говоритъ св. отецъ, была мысль Юліана, будто бы за перемѣною имени послѣдуетъ перемѣна въ нашемъ расположеніи, или будто бы намъ отъ этой перемѣны будетъ стыдно (1), какъ будто бы обвиненнымъ въ чемъ-то гнусномъ. И онъ даетъ намъ новое наименованіе, самъ называетъ насъ и узаконяетъ намъ именоваться, вмѣсто христіанъ, галилеянами. Подлинно имя, отъ Христа заимствованное, славно и досточестно и онъ умыслилъ насъ лишить сего наименованія или по сей причинѣ или потому, что страшился силы имени, подобно демонамъ, и замѣнилъ оное другимъ, неупотребительнымъ и неизвѣстнымъ“ (2). Свои язвительныя насмѣшки надъ христіанами Юліанъ дозволялъ себѣ очень часто и при всякомъ удобномъ случаѣ. Само собою понятно, что такое публичное презрѣніе и посмѣяніе императора надъ своими христіанскими подданными въ глазахъ послѣднихъ казалось самою жестокою обидою и оскорбленіемъ.

Лишая вѣрующихъ правъ и привиллегій, которыми они пользовались, какъ члены благоустроеннаго общества, дѣлая ихъ униженными и презрѣнными въ глазахъ своихъ языческихъ подданныхъ, Юліанъ тѣмъ самымъ какъ бы незамѣтно вооружалъ противъ нихъ послѣднихъ. Кромѣ того и въ другихъ причинахъ къ возмущенію язычниковъ противъ христіанъ недостатка не было, такъ что Юліану стоило только не обращать

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 131.

(2) Ibidem. стр. 132.

вниманія на проявленія народной ненависти противъ христіанъ, чтобы дать полную возможность открыться противъ нихъ кровавому гоненію со стороны фанатичной народной массы. Особенно правительственныя распоряженія императора, въ силу которыхъ вѣрующіе были обязаны возвратить городскія имущества (1), отошедшія въ пользу церкви въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, и возстановлять на свой счетъ разрушенныя и запустѣвшія языческія капища, очень часто подавали поводъ языческой черни къ кровавымъ насиліямъ противъ христіанъ. Естественно было ожидать, что практическое примѣненіе этихъ распоряженій должно было вызвать непреодолимыя препятствія и произвести большія смуты внутри имперіи. Множество общественныхъ зданій съ теченіемъ времени превратились въ христіанскія церкви, той же участи подверглось не мало и языческихъ храмовъ. Отсюда понятно, что требованіе императорской власти отобрать все это и возвратить въ руки языческаго общества казалось жестокимъ оскорбленіемъ въ глазахъ вѣрующихъ и возбуждало въ нихъ справедливое негодованіе. Далѣе, мы имѣли случай видѣть, что въ царствованіе Константина великаго и его сыновей не мало языческихъ храмовъ было разрушено или закрыто, а ихъ имущества перешли во владѣніе христіанскихъ церквей. Теперь, по смыслу императорскихъ эдиктовъ, казалось совершенно необходимымъ ограбить многіе христіанскіе храмы, чтобы возвратить всѣ эти предметы ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Въ тоже время возможность воспользоваться легкимъ и удобнымъ случаемъ для обогащенія и слѣпой религіозный фанатизмъ нерѣдко служилъ для язычниковъ самымъ сильнѣйшимъ побужденіемъ разрушать христіанскіе храмы и расхищать частное имущество вѣрующихъ, пріобрѣтенное собственнымъ ихъ трудомъ. При такихъ обсто-

(1) Cod. Theod. XV. t. 1, l. 8. 9. 10.

ятельствахъ, вскорѣ по вступленіи Юліана на императорскій престолъ, не замедлили произойти кровавыя столкновенія между языческимъ и христіанскимъ населеніемъ имперіи. „Какъ скоро нечестіе Юліана сдѣлалось явнымъ, замѣчаетъ бл. Θеодоритъ, города наполнились смятеніями. Преданные заблужденію идолопоклонства снова обрадовались, растворили идольскія капища и начали совершать свои нечестивыя и достойныя забвенія таинства, возжгли жертвенный огонь и заразили воздухъ куреніемъ и дымомъ, а землю осквернили кровью жертвъ. Бывъ приводимы въ изступленіе демонами, которымъ служили, они неистовствовали, бѣгали по площадямъ, какъ помѣшанные, преслѣдовали христіанъ проклятіями и насмѣшками, направляли противъ нихъ всѣ роды ругательствъ и наглостей, между тѣмъ какъ чтители благочестія, не имѣя силы сносить ихъ богохульство, сами отвѣчали имъ поруганіями и обличеніями ихъ заблужденій (1). Негодуя на это и ограждая свою дерзость благоволеніемъ державнаго, дѣятели нечестія наносили христіанамъ нестерпимыя побои“ (2). Св. Григорій Богословъ, описывая неистовства языческой черни надъ христіанами въ царствованіе Юліана, упоминаетъ „о разграбленіи церковныхъ вкладовъ и денегъ, столько же по жадности къ корысти, сколько и по нечестію, о расхищеніи священныхъ сосудовъ и ихъ поруганіи скверными руками; о священноначальникахъ и ихъ подчиненныхъ, которые за нихъ были влачимы и истязуемы, о покрытыхъ кровію столпахъ, которые обвивали и опоясывали они руками во время своего бичеванія, о стрѣлкахъ, которые, превосходя свирѣпостію и ревностію давшаго имъ повелѣніе, бѣгали по селеніямъ и городамъ, чтобы покорить насъ какъ будто бы пер-

(1) Θеодор Ц. И. III, 6, стр. 202.

(2) Ibidem. стр. 202—206.

совъ, скиѳовъ и другихъ варваровъ" (1). Возмущеніе фанатичной языческой черни не замедлило въ самомъ скоромъ времени обнаружиться въ г. Геліополисѣ, въ Келесиріи между Ливаномъ и Антиливаномъ. Здѣсь, какъ намъ уже извѣстно, издавна существовалъ храмъ Венеры съ развратнымъ культомъ этой богини, оказывавшимъ весьма гибельное вліяніе на общественную нравственность (2). Въ видахъ противодѣйствія разврату, распространявшемуся изъ этого храма, онъ былъ закрытъ по приказанію Константина великаго и мѣсто его заступила вновь выстроенная христіанская церковь. Но жители города, не смотря на всю ревность христіанскихъ проповѣдниковъ, остались вѣрными развратному культу своей любимой богини и съ упорствомъ отвергали проповѣдуемое имъ евангельское ученіе. Едва только въ Геліополисѣ было получено извѣстное намъ распоряженіе Юліана касательно возстановленія разрушенныхъ и запустѣвшихъ языческихъ храмовъ и возвращенія прежнимъ владѣльцамъ общественныхъ имуществъ, отобранныхъ въ пользу церкви эдиктами Константина великаго и его сыновей, какъ языческое населеніе этого города не замедлило придти въ сильнѣйшее волненіе и дозволило себѣ неслыханныя, самыя возмутительныя насилія надъ вѣрующими. Языческая чернь напала на христіанскую церковь, схватила тамъ діакона Кирилла, извѣстнаго разрушеніемъ идоловъ въ царствованіе Констанція (3), предала его самымъ жесточайшимъ мученіямъ и въ заключеніе позорнымъ образомъ умертвила (4). По свидѣтельству Созомена, той же самой участи подверглось множество благочестивыхъ дѣвственницъ, посвятив-

---

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 140.

(2) Евсевій—жизнь Константина, III, 58, стр. 213—215.

(3) Ѳеодор. Ц. И. III. 7, стр. 204.

(4) Ibidem.

шихъ себя на служеніе Богу. „Жители Геліополиса, говоритъ этотъ историкъ,—трудно и повѣрить, если бы разсказывали не современники событія,—брали посвященныхъ Богу дѣвъ, которыхъ обыкновенно нельзя было видѣть народу, и принуждали ихъ стоять безъ одежды публично и быть позорищемъ и предметомъ для поношенія всѣхъ желающихъ. Насмѣявшись надъ ними такимъ образомъ, сколько кому хотѣлось, они потомъ снимали съ нихъ кожу и, разсѣкши тѣла ихъ на части, приманивали свиней пожирать ихъ внутренности, а для сего утробу ихъ покрывали свойственною этимъ животнымъ пищею, чтобы не могли отличать одно отъ другаго и, стремясь къ обычной себѣ пищѣ, онѣ терзали вмѣстѣ и человѣческую плоть. Догадываюсь, что къ такой жестокости противъ посвященныхъ Богу дѣвъ вызвало жителей Геліополиса отмѣненіе стариннаго ихъ обычая выдавать тамошнихъ дѣвъ для растлѣнія всякому приходящему, прежде чѣмъ они вступали въ бракъ съ женихами“ (1). Не меньшія жестокости отъ фанатичной языческой толпы приходилось терпѣть христіанскимъ обитателямъ города Ареѳузы, въ Сиріи, при подошвѣ Ливана. Языческое населеніе этого города въ сильнѣйшей степени было возбуждено противъ тамошняго епископа Марка, за то что онъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова и Созомена, при императорѣ Констанціѣ разрушилъ одно обширное и весьма уважаемое языческое капище и многихъ язычниковъ обратилъ ко Христу (2). Со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ и съ объявленіемъ имъ извѣстнаго уже эдикта касательно возвращенія городскихъ имуществъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и возстановленія разрушенныхъ языческихъ храмовъ на счетъ вѣрующихъ, ареѳузскіе язычники

(1) Созом. Ц. И. V, 10, стр. 352.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 142. Созом. Ц. И. V, 10, стр. 333.

не замедлили воспользоваться благопріятными обстоятельствами для того, чтобы жестоко отомстить ревностному христіанскому епископу своего города. Ссылаясь на императорскій эдиктъ, они обратились теперь къ св. Марку съ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы онъ или самъ возстановилъ изъ развалинъ разрушенное имъ языческое святилище, или по крайней мѣрѣ далъ деньги на его возстановленіе (1). Святитель отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на требованія языческой черни и остался непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи даже и въ томъ случаѣ, когда язычники, желая одержать надъ нимъ одинъ видъ побѣды, постоянно уменьшали требуемую отъ него денежную сумму, необходимую на постройку разрушеннаго имъ капища, и довели послѣднюю до ничтожества (2). Видя противъ себя усиливающееся враждебное движеніе фанатичной языческой черни, св. Маркъ рѣшился было спасти свою жизнь бѣгствомъ, слѣдуя извѣстной заповѣди Спасителя, повелѣвающей уклоняться отъ гонителей (3), но вскорѣ узнавъ, что этимъ самымъ онъ повергаетъ въ большую опасность многихъ изъ своей паствы, немедленно возвратился въ городъ добровольно отдать себя въ руки разъяренныхъ язычниковъ (4), съ удивительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ перенося жесточайшія пытки и мученія, которымъ не замедлила подвергнуть его фанатичная языческая чернь. „Какихъ здѣсь не было ужасовъ! замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, описывая страданія престарѣлаго святителя, какихъ не придумано жестокостей! Каждый прибавлялъ что нибудь для довершенія зла. Самое возвращеніе Марка привело въ сильное раздраженіе язычъ-

---

(1) Созом. Ц. И. V, 10, стр. 331.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана стр. 145.

(3) Мѳ. X, 23.

(4) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 145. Созом. Ц. И. V, 10, стр. 333. Ѳеодор. Ц. И. III, 7, стр. 205.

никовъ, которые почитали такое возвращеніе болѣе презрѣніемъ къ себѣ, нежели его мужествомъ въ перенесеніи опасностей“ (1). Среди жесточайшихъ побоевъ, обидъ и оскорбленій язычники повели св. Марка чрезъ весь городъ въ сопровожденіи языческаго населенія Ареѳузы. Тутъ были, по словамъ св. Григорія Богослова, всѣ языческіе жители города—мужчины и женщины, юноши и старцы, люди отправлявшіе городскія должности и украшенные почестями. Всѣ они усиливались превзойти другъ друга наглостію противъ старца, всѣ считали дѣломъ благочестія нанести ему какъ можно болѣе зла и побѣдить престарѣлаго подвижника, боровшагося съ цѣлымъ городомъ, влекли его по улицамъ, сталкивали въ нечистыя ямы, тащили за власы, сѣкли, били и покрыли ранами всѣ его члены, такъ что не осталось ни одной части тѣла, надъ которою бы не наругались и которой бы не терзали нечестивцы. Дѣти поднимали вверхъ тѣло доблестнаго страдальца на желѣзныхъ остріяхъ, какъ игрушку, бросали его другъ въ друга и перехватывали, уши рѣзали тонкими и крѣпкими нитками (2). Когда же все тѣло святителя покрылось ранами, Ареѳузцы намазали его медомъ и рыбьимъ жиромъ и, положивъ въ корзину, повѣсили на дерево среди страшнаго зноя сирійскаго солнца (3), чтобы предоставить его такимъ образомъ въ жертву пчеламъ и осамъ. Но и среди такихъ жесточайшихъ страданій доблестный святитель остался непоколебимымъ и наотрѣзъ отказался исполнить требованія языческой черни, противныя чистотѣ его христіанскихъ убѣжденій. Напротивъ, находясь въ такомъ мучительномъ положеніи, св. Маркъ имѣлъ еще мужество произнести

---

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 143

(2) Ibidem. стр 144.

(3) Созом Ц II. V, 10, стр. 334 Ѳеодор Ц. II III, 7, стр. 205 Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 144

слѣдующія знаменательныя слова, обращаясь къ своимъ мучителямъ: „это прекрасное предзнаменованіе, что я вижу себя на высотѣ, а васъ внизу, на землѣ. Я высокъ, вы же, какъ видно, низки и ходите по землѣ, изъ этого можно заключить, что послѣ будетъ со мною и съ вами“ (1). „Такъ онъ много возвышался духомъ надъ тѣми, которые его держали, восклицаетъ по этому случаю св. Григорій Богословъ. Такъ далекъ былъ отъ скорби, что какъ будто присутствовалъ при страданіяхъ другаго, и не бѣдствіемъ, а торжествомъ считалъ происходившее съ нимъ. И кто бы не тронулся всѣмъ симъ, имѣя хоть нѣсколько человѣколюбія и состраданія“! (2). Описывая жестокія мученія, совершаемыя надъ доблестнымъ ареѳузскимъ епископомъ разъяренною языческою чернію, бл. Ѳеодоритъ замѣчаетъ: „нужно имѣть возвышенное краснорѣчіе Эсхила или Софокла для того, чтобы достойно изобразить страданія этого святителя“ (3). Сами язычники не одобряли такихъ возмутительныхъ насилій фанатичной толпы надъ св. Маркомъ и считали ихъ совершенно безполезными для дѣла язычества. „Берегись, писалъ Ливаній къ одному антіохійскому судьѣ — Велею, чтобы не сдѣлать намъ многихъ мучениковъ въ родѣ Марка ареѳузскаго. Послѣ того, какъ онъ висѣлъ на воздухѣ, подвергался бичеваніямъ, вырыванію бороды и мужественно переносилъ эти страданія,—всѣ почитаютъ его теперь за Бога, и гдѣ онъ является, всѣ соревнуютъ, чтобы принять его къ себѣ. Когда узналъ объ этомъ императоръ, то какъ онъ ни огорчался разрушеніемъ храма, совершеннымъ Маркомъ, при всемъ томъ не дозволилъ его умертвить. Посему сохраненіе Марка въ живыхъ должно служить для насъ закономъ“ (4).

(1) Созом. Ц. И. V, 10, стр. 334. Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр 144.

(2) Ibidem. стр. 144.

(3) Ѳеодор. Ц. И. III, 7, стр. 206.

(4) Liban. Epist. 731.

Самъ префектъ востока Саллюстій—язычникъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, былъ недоволенъ возмутительными насиліями, которымъ св. Маркъ подвергался отъ руки разъяренной языческой черни и потому считалъ своимъ долгомъ ходатайствовать предъ императоромъ за доблестнаго святителя. „Мы должны краснѣть, что показали себя ниже христіанъ, такъ какъ не въ состояніи были преодолѣть упорства одного старца, заставивъ его испытать всѣ роды мученій,—писалъ онъ въ своемъ донесеніи императору по поводу аревзскихъ событій. Самое достиженіе цѣли не доставило бы намъ большой силы, но верхъ стыда и униженія уступить и признать себя побѣжденными однимъ старцемъ“ (1). Юліанъ уважилъ доводы Саллюстія и сохранилъ жизнь доблестному исповѣднику. Но вмѣсто того, чтобы прославлять императора за такую кротость, потомство можетъ только обвинять его въ черной неблагодарности къ св. Марку, такъ какъ, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, Юліанъ былъ обязанъ ему сохраненіемъ своей жизни во время кровавой рѣзни, истребившей всю почти фамилію Константина великаго (2). Точно такія же возмутительныя

---

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 146. Созом. Ц. И. V, 10.

(2) «Маркъ былъ однимъ изъ тѣхъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, которые тайно удалили и тѣмъ спасли жизнь нечестивца (т. е. Юліана), тогда какъ весь родъ его подвергался опасности погибнуть. Можетъ быть онъ (св. Маркъ) потерпѣлъ достойно всѣ эти муки, да еще и большихъ страданій былъ достоинъ за то одно, что самъ не зная сохранилъ такое зло для всей вселенной». (Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 144). Тильмонъ выражаетъ удивленіе, на какомъ основаніи св. Григорій Богословъ и бл. Ѳеодоритъ причисляютъ Марка къ лику святыхъ и не обращаютъ вниманія на его полуаріанскія убѣжденія (Tellemont. Memoir. Eccles. t. VII, p. 1309). Но указанный историкъ упускаетъ изъ виду, что, со вступленіемъ Юліана на императорскій престолъ и съ открытіемъ имъ гоненія на вѣрующихъ, многіе аріанскіе епископы въ виду опасности, угрожавшей церкви Христовой, отказались отъ своихъ заблужденій. Тоже самое вмѣстѣ съ прочими сдѣлалъ и св. Маркъ, хотя въ молодости онъ былъ усерднымъ арі-

насилія и притѣсненія надъ вѣрующими дозволяли себѣ дѣлать александрійскіе язычники. Тамошняя языческая чернь была сильно возбуждена противъ аріанскаго епископа города, Георгія, который, будучи усереднымъ приверженцемъ аріанской ереси, пріобрѣлъ себѣ извѣстность сильными гоненіями на православныхъ (1) и разрушеніемъ многихъ языческихъ капищъ въ царствованіе императора Констанція. Гнѣвъ и раздраженіе языческой черни противъ Георгія достигли крайней степени, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, найдя въ одной древней пещерѣ, въ которой язычники издавна совершали таинственный культъ Митры, множество изваяній языческихъ боговъ, человѣческихъ череповъ и различныхъ орудій, употреблявшихся при посвященіяхъ, выставилъ все это напоказъ и публичное посмѣяніе народу (2). Затаивъ свою месть, язычники ожидали только наступленія благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы жестоко отплатить александрійскому епископу за его ревность къ разрушенію языческихъ храмовъ и посмѣяніе ихъ священныхъ предметовъ. При такомъ положеніи дѣлъ едва только стало извѣстнымъ въ Александріи вступленіе Юліана на императорскій престолъ, какъ языческая чернь не замедлила произвести открытое возмущеніе противъ христіанскаго населенія города и совершить надъ вѣрующими самыя возмутительныя насилія. „Александрійскіе язычники, по словамъ Сократа, воспламенившись гнѣвомъ, схватили, какое случилось, оружіе и напавъ на христіанъ, умертвили многихъ изъ нихъ различнымъ образомъ. Однихъ они убили мечами, другихъ кольями или камнями, иныхъ удавили веревками, нѣ-

---

аниномъ и составилъ даже аріанское исповѣданіе вѣры, изданное въ Сирміумѣ.

(1) Амміанъ Марцеллинъ, характеризуя личность Георгія, замѣчаетъ о немъ: professiones suae ablatus, quae nihil nisi justam suadet et bene. Amm. Marcell. XXII, 11.

(2) Созом. Ц. И. V, 7, стр. 325.

которыхъ распяли, употребивъ этотъ родъ смерти для посмѣянія надъ крестомъ и многимъ нанесли смертельныя раны. При этомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они не щадили и ближайшихъ родственниковъ,—другъ поражалъ друга, братъ брата, родители дѣтей—всѣ стремились къ убійству" (1). Самого Георгія разъяренная языческая чернь вытащила насильственнымъ образомъ изъ церкви, гдѣ онъ искалъ себѣ спасенія, посадила на верблюда, съ торжествомъ возила его по улицамъ города, подвергая при этомъ случаѣ самымъ жестокимъ мученіямъ и злостному посмѣянію и въ заключеніи подвергла мучительной смерти. Но и этимъ ожесточенная ненависть и месть къ Георгію разсвирѣпѣвшей языческой толпы еще не была удовлетворена и онъ, уже будучи мертвымъ, долгое время продолжалъ служить предметомъ для поруганія. Наконецъ, трупъ его былъ вывезенъ на берегъ моря и преданъ здѣсь торжественному сожженію, а пепелъ его развѣянъ по вѣтру (2). По объясненію Амміана Марцеллина, александрійскіе язычники поступили такимъ образомъ изъ опасенія, чтобы христіане не завладѣли тѣломъ епископа, какъ они дѣлали вообще съ останками мучениковъ (3). Вмѣстѣ съ Георгіемъ потерпѣли мученическую смерть отъ руки разъяренной языческой черни два знатныхъ александрійскихъ чиновника, по имени Драконтій и Діодоръ, обвиненные также въ разрушеніи языческихъ капищъ въ царствованіе императора Констанція (4). Неменьшія насилія

---

(1) Сокр. Ц. И. III, 2, стр. 262. Срав. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 140.

(2) Amm. Marcell. XXII, 11. Philostorg. H. E. VII, 2.

(3) Amm. Marcell XXII, 11 ..... cineres pojecit in mare, id metuens, ut clamabat, ne collectis supremis, aedes illis extruerentur, ut reliquis, qui deviare a religione compulsi, pertulere cruciabiles poenas, ad usque gloriosam mortem intemerata fide progressi, et nunc martyres appellantur. Сравн. Epiph. Haereses XXXVI, c. 1.

(4) Amm. Marcell. XXII, 1... Cumque eo Dracontius monetae praepositus et Diodorus quidam veluti Comes injectis per cruria funibus simul

и жестокости приходилось испытывать отъ язычниковъ христіанскимъ жителямъ города Газы. Едва только Юліанъ успѣлъ вступить на императорскій престолъ, какъ разъяренная языческая чернь напала на христіанское населеніе города и стала совершать надъ нимъ самыя возмутительныя насилія. При этомъ случаѣ народная ярость обрушилась съ особенною силою на трехъ братьевъ: Евсевія, Нестава и Зенона, получившихъ извѣстность своею ревностію къ церкви и разрушеніемъ языческихъ капищъ (1) въ царствованіе Констанція. Они были сначала заключены въ темницу, но вскорѣ потомъ выведены оттуда и умерщвлены самымъ мучительнымъ образомъ. По словамъ Созомена ихъ влачили по землѣ то навзничь, то лицемъ къ низу и ударяли о землю, а кому вздумалось, били—кто камнями, кто палками, кто чѣмъ случилось. Сами женщины не уступали мужьямъ въ неистовой ярости противъ мучениковъ—выходили изъ-за становъ и кололи ихъ веретенами, между тѣмъ какъ харчевники на площади то схватывали съ очаговъ котлы горячей воды и выливали ее на мучениковъ, то пронзали ихъ вертелами. Наконецъ, растерзавши и разбивъ ихъ головы до такой степени, что падалъ мозгъ на землю, они вывезли ихъ за городъ, куда обыкновенно бросались трупы животныхъ, и, разведши огонь, сожгли тѣла, а оставшіяся и не истребленныя огнемъ кости перемѣшали съ разбросанными тамъ костями верблюдовъ иословъ, такъ чтобы нельзя было отыскать ихъ (2). Отъ жестокостей и насилій разъяренной языческой черни не въ состояніи были укрыться даже пустынники,

---

exanimati sunt: ille, quod aram in moneta, quam regebat, recens locatam evertit: alter, quod, dum aedificandae praeesset ecclesiae, cirros puerorum licentius detondebat, id quodque ad deorum cultum existimans pertinere. Quo non contenta multitudo immanis dilaniata cadavera peremptorum camelis imposita vexit ad littus.

(1) Созом. Ц. И. V, 9, стр. 328.

(2) Ibidem. стр. 328—329.

жившіе въ уединеніи. Язычники нерѣдко проникали въ ихъ тихія убѣжища, и предавали огню и расхищенію все попадавшееся имъ въ руки. Скудное имущество отшельниковъ служило предметомъ разграбленія, а сами они подвергались мучительнымъ истязаніямъ. Подвергая вѣрующихъ самымъ жестокимъ и возмутительнымъ насиліямъ и жестокостямъ, языческая чернь въ тоже время съ яростію устремлялась на христіанскія церкви, насильственнымъ образомъ отнимала ихъ и превращала въ языческіе храмы, выбрасывала изъ нихъ останки мучениковъ, и нагло кощунствовала надъ священными предметами, столь дорогими христіанскому чувству. Такъ въ мѣстечкѣ Епифаніи возмутившаяся толпа язычниковъ напала на христіанскую церковь, насильственно отняла ее у вѣрующихъ и обратила въ языческое капище. Тамошній епископъ Евстаѳій не въ силахъ былъ перенести такое наглое поруганіе христіанской святыни и внезапно скончался (1). Тѣже самыя явленія происходили въ городѣ Емессѣ, гдѣ фанатичная языческая чернь, ворвавшись въ христіанскую церковь, выбросила оттуда мощи св. мучениковъ и торжественно поставила статую Діониса на алтарѣ (2). Въ палестинскомъ городѣ Панеадѣ, получившемъ отъ Ирода названіе Кесаріи Филипповой, язычники разрушили изображеніе І. Христа, поставленное, по преданію (3), кровоточивою женщиною на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она получила исцѣленіе отъ своей долговременной и тяжкой болѣзни (4) и замѣнили его бюстомъ императора (5). При этомъ случаѣ разъяренная языческая толпа, по словамъ Дамаскина,

---

(1) Chronic. Alexandr. an. 363, p. 547.

(2) Ѳеодор. Ц. И. III, 7, стр. 204. Julian. Misopogon. p. 90. Chronic. Alexandr. an 362, p. 547.

(3) Евсев. Ц. И. VII, 18.

(4) Мѳ. 9, 20—22; Марк. 5, 25, 34; Лук. 8, 48—49.

(5) Созом. Ц. И. V, 21, стр. 364—365. Philostorg. H. E. VII.

такъ неистовствовала и произносила такія богохульства и нелѣпости на Господа нашего Іисуса Христа, какія не слыханы были никогда и ни однимъ человѣкомъ (1). Въ городѣ Севастіи, древней Самаріи, язычниками была разрушена гробница Іоанна Крестителя, на поклоненіе которой стекалось со всѣхъ сторонъ множество богомольцевъ, причемъ останки его подверглись наглому осмѣянію, были сожжены и самый прахъ развѣянъ по воздуху (2). Язычники въ своихъ неистовствахъ противъ христіанъ нерѣдко соединялись вмѣстѣ съ іудеями и находили въ нихъ самую энергичную поддержку. Извѣстно, что іудеи вмѣстѣ съ языческимъ населеніемъ Александріи и Дамаска жгли тамошнія христіанскія церкви и подвергали ихъ самому кощунственному расхищенію.

Естественно ожидать, что всѣ эти жестокости и насилія, совершавшіяся надъ вѣрующими со стороны языческой толпы, должны были возбуждать самое справедливое негодованіе современнаго Юліану христіанства. „Посмотрите на прошедшее! восклицаетъ св. Григорій Богословъ, обращая рѣчь свою къ язычникамъ отъ лица своихъ христіанскихъ современниковъ. Были времена и нашего могущества и вашего и оно переходило попеременно то въ тѣ, то въ другія руки. Какія же напасти терпѣли вы отъ христіанъ, подобныя тѣмъ, кои такъ часто терпятъ отъ васъ вѣрующіе? Лишали ли мы васъ какихъ либо правъ? Вооружали ли противъ кого неистовую чернь? Возбуждали ли противъ кого начальниковъ, которые бы поступали строже, нежели какъ имъ предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести, принадлежащія мужамъ отличнымъ? Словомъ, нанесли

---

(1) Дамаск. сказаніе о св. мученикѣ Артеміѣ с. 57.

(2) Созом. Ц. И. V, 21. Θеод. Ц. И. III, 7, стр. 204. Philostorg. Ц. И. VII, 3. 4. Rufin. И. Е. II, 28. Дамаск. Сказаніе о св. муч. Артеміѣ гл. 57. Sym. Metaphrast in vita s. Artemii c. XXXIII, см. у Migne, Cursus complet vet. patrum, t. 115.

ли кому такія обиды, на которыя вы такъ часто отваживались, или которыми угрожали намъ? Безъ сомнѣнія сами вы того не скажете, вы, которые ставите намъ въ вину нашу кротость и человѣколюбіе“ (1). Само языческое общество въ лицѣ многихъ лучшихъ своихъ представителей не только не одобряло, но даже открыто порицало неистовства, которыя дозволяла себѣ языческая чернь надъ христіанами, считая ихъ совершенно безполезными для дѣла язычества. Намъ уже извѣстенъ взглядъ Саллюстія, приходившаго въ справедливое негодованіе при видѣ жестокихъ истязаній, которыя дозволяла себѣ дѣлать разъяренная языческая толпа надъ св. Маркомъ Ареѳузскимъ. Тѣже самыя воззрѣнія раздѣлялъ съ нимъ извѣстный софистъ Ливаній. „Тебѣ извѣстно, писалъ онъ къ антіохійскому жрецу Гезихію, что я не меньше тебя сочувствую возстановленію храмовъ боговъ, но въ тоже время не вижу необходимости ломать для этой цѣли другія зданія и такимъ образомъ одною рукою разрушать то, что созидаешь другою. Императоръ законно требуетъ, чтобы всякій, владѣющій нашими священными предметами, возвратилъ ихъ, но тѣ, которые не имѣютъ ихъ, не должны быть обижаемы. Очевидно, что совершающіе такія насилія подъ предлогомъ ревности къ богамъ думаютъ только исключительно объ одномъ своемъ обогащеніи на счетъ другихъ“ (2). Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же самому Гезихію Ливаній продолжаетъ разсуждать въ точно такомъ же тонѣ. „Если христіане думаютъ о богахъ иначе, нежели ты, говоритъ онъ здѣсь, въ такомъ случаѣ это заблужденіе приноситъ вредъ исключительно имъ однимъ и не должно служить причиною къ ихъ преслѣдованію. Такіе поступки, полагаютъ нѣкоторые, будто бы угодны бо-

---

(1) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 134.

(2) Liban. Epist. 638 и 639.

гамъ, но такъ думать, значитъ ясно не понимать истиннаго почитанія боговъ. Если виновный бѣденъ и не можетъ заплатить, то какая польза мучить его“ (1). Руководствуясь такими довольно гуманными воззрѣніями, Ливаній употреблялъ не мало усилій для того, чтобы спасти отъ истязаній одного антіохійскаго христіанина, по имени Оріона. „Освободи его, писалъ софистъ къ судьѣ Велею, прежде нежели сдѣлаешь святымъ. Оріонъ объявляетъ, что ничего не укралъ у боговъ, но если бы даже и укралъ, то въ настоящее время не имѣетъ ничего, а ты хочешь найти въ его кожѣ золотой рудникъ. Клянусь Юпитеромъ, пощади его, или, если онъ долженъ подлежать взысканію, то пусть оно будетъ совершено безъ мученій“ (2). Наконецъ съ такою же ревностію Ливаній ходатайствовалъ за другаго христіанина, по имени Евсевія. „Оправдай Евсевія, писалъ онъ къ антіохійскому префекту Александру. Въ случаѣ же, не пожелаешь его отпустить, то или, если посмѣешь, и возьми его у меня, такъ какъ онъ находится въ моемъ домѣ. Но въ тоже время клянусь богами, я не считалъ бы себя большимъ трусомъ, какъ допустивши тебя сдѣлать это“ (3). Къ сожалѣнію, такія гуманныя убѣжденія лучшихъ представителей современнаго Юліану языческаго общества и ихъ благоразумные совѣты не оказывали никакого благотворнаго вліянія на пылавшую ожесточенною ненавистью къ вѣрующимъ фанатичную языческую чернь, которая всегда находила если не явное, то тайное потворство въ императорѣ. Отношенія Юліана къ описаннымъ народнымъ возмущеніямъ противъ христіанъ отличались въ высшей степени пристрастнымъ характеромъ. Когда языческая чернь дозволяла себѣ самыя жестокія и возмутительныя насилія надъ вѣрующими,

---

(1) Liban. Epist. 731.

(2) Liban. Epist. 1057.

(3) Liban. Epist. 1157.

императоръ смотрѣлъ на это съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, и если публично не всегда считалъ удобнымъ и умѣстнымъ выражать свою радость по случаю народныхъ возмущеній противъ христіанъ, за то въ тайнѣ былъ очень доволенъ ими. „Безбожный царь, справедливо замѣчаетъ бл. Θеодоритъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о спокойствіи своихъ подданныхъ, только еще болѣе разжигалъ борьбу въ народѣ и какъ бы не замѣчалъ обидъ, наносимыхъ людьми дерзкими людямъ кроткимъ“ (1). Юліанъ очень снисходительно отнесся къ извѣстнымъ уже намъ возмутительнымъ насиліямъ и притѣсненіямъ александрійскихъ язычниковъ, совершенныхъ ими надъ Георгіемъ и другими вѣрующими. Сначала императоръ показалъ видъ, что хочетъ поступить съ виновниками возмущенія по всей строгости законовъ, но затѣмъ ограничился однимъ легкимъ выговоромъ (2). Въ эдиктѣ, изданномъ по этому случаю къ жителямъ Александріи, онъ показываетъ очевидное пристрастіе и одобреніе насиліямъ и жестокостямъ, которымъ тамошніе язычники подвергали вѣрующихъ. Упреки, дѣлаемые имъ здѣсь языческому населенію Александріи, перемѣшаны съ выраженіями любви и внимательности. Правда Юліанъ упрекаетъ здѣсь александрійцевъ за то, что они нарушили законы справедливости и человѣколюбія, безъ суда и изслѣдованія предавъ жестокой казни Георгія и другихъ вѣрующихъ. „Разгнѣвавшись на Георгія, говоритъ онъ, обращая рѣчь свою къ александрійцамъ, вы осквернили священный городъ, тогда какъ виновнаго слѣдовало бы подвергнуть приговору судей и въ такомъ случаѣ не было бы ни убійства, ни беззаконія, но соблюдена была бы совершенная справедливость, которая сохранила бы васъ вполнѣ невинными, наказала бы совершившаго непростительно нече-

(1) Θеодор. Ц. И. III, 6, стр. 203.

(2) Созом. Ц. И. V, 7, стр. 326.

ственное дѣло и образумила бы всѣхъ прочихъ, выражавшихъ богамъ презрѣніе, вмѣняющихъ ни во что столь великіе города и столь славные народы и такую жестокость въ отношеніи къ нимъ считающихъ шуткою своей власти (1). Но въ тоже самое время Юліанъ намѣренно старается выставить на видъ александрійцамъ жестокія насилія и притѣсненія, долгое время испытываемыя ими отъ Георгія. „Скажите мнѣ ради Сераписа, говорилъ онъ къ нимъ въ своемъ эдиктѣ, за какія обиды возненавидѣли вы Георгія? За то, что онъ вооружилъ противъ васъ блаженной памяти Констанція, потомъ ввелъ войско въ священный городъ, вслѣдствіе чего царь Египта (тогдашній правитель этой области Артемій) занялъ святѣйшее капище боговъ и похитилъ оттуда изображенія, священныя приношенія и украшенія, а противъ васъ, когда вы, справедливо негодуя, хотѣли отомстить за своего бога, осмѣлился несправедливо, беззаконно и нечестиво послать вооруженныхъ воиновъ. Но можетъ быть онъ берегъ самъ себя, и опасался болѣе Георгія, нежели Констанція, между тѣмъ какъ прежде поступалъ съ вами не тирански, а весьма умѣренно и благородно“ (2). Юліанъ заботился не столько о наказаніи александрійцевъ за ихъ возмущеніе противъ вѣрующихъ, сколько старался спасти отъ расхищенія богатую библіотеку Георгія и потому не замедлилъ отправить строгій приказъ александрійскому префекту Екдикію принять всѣ необходимыя мѣры къ ея сохраненію, не дѣлая при этомъ случаѣ никакого различія между языческими и христіанскими сочиненіями, но заботясь одинаково о спасе-

---

(1) Julian. Epist. LI ad Alexandr. p. 43. Созом. Ц. И. V, 7, стр. 326. Сокр. Ц. И. III, 3, стр. 262.

(2) Сокр. Ц. И. III, 3, стр. 263—264. Трудно представить послѣ всего этого, на какомъ основаніи одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана—Мюкке смотритъ на указанный эдиктъ, какъ на документъ замѣчательной любви императора къ справедливости. Мюкке F. C. Julianus. Nach dem Quellen I—II. Abtheil. Gotha. 1867—1869 стр. 216.

ніи какъ тѣхъ, такъ и другихъ. „Ты доставишь мнѣ весьма большое удовольствіе, если сохранишь всѣ книги Георгія, писалъ Юліанъ къ префекту. Онъ имѣлъ много сочиненій по философіи, краснорѣчію и объ ученіи галилеянъ. Хотя я и желалъ бы, чтобы эти послѣднія были уничтожены, но изъ опасенія, какъ бы однѣ книги не были перемѣшаны съ другими, ты долженъ собрать ихъ всѣ и сохранить съ большимъ вниманіемъ. Если же узнаешь, что нѣкоторыя изъ книгъ утрачены, то постарайся отыскать похитителей, подъ клятвою допрашивай рабовъ и употребляй всѣ средства, которыя найдешь для того необходимыми. Я знаю книги Георгія, если не всѣ, то многія изъ нихъ, которыя во время пребыванія моего въ Каппадокіи бралъ у него для списыванія и возвратилъ обратно“ (1). Екдикій кажется довольно небрежно отнесся къ возложенному на него порученію, вслѣдствіе чего императоръ чрезъ нѣсколько времени долженъ былъ дать новый приказъ философу Порфирію отыскать книжныя богатства Георгія и сохранить ихъ отъ расхищенія. „Библіотека Георгія богата и велика, пишетъ къ нему Юліанъ, наполнена произведеніями всѣхъ родовъ философовъ и историковъ, встрѣчаются также въ ней богатые и разнообразные трактаты объ ученіи галилеянъ. Посему я и поручаю тебѣ отыскать ее и переслать ко мнѣ въ Антіохію“ (2). Можно полагать, что Юліанъ въ своемъ настойчивомъ стремленіи сохранить отъ расхищенія библіотеку Георгія, кромѣ своей извѣстной любознательности, былъ побуждаемъ еще другими мотивами. Вѣроятно, онъ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для уничтоженія произведеній христіанскихъ писателей, находящихся въ библіотекѣ Георгія,—преслѣдуя въ этомъ случаѣ свою завѣтную мечту содѣйствовать всѣми доступными средствами ослабленію церкви.

(1) Julian. Epist. XXXVI, p. 377 и 411.

(2) Julian. Epist. XXXVI, ad Porph. philosoph. p. 411.

Относясь съ большою снисходительностію, даже съ нѣкотораго рода тайнымъ потворствомъ къ насиліямъ и жестокостямъ, совершаемымъ языческою чернію надъ вѣрующими, Юліанъ въ тоже самое время нерѣдко подвергалъ суровымъ наказаніямъ тѣхъ начальниковъ провинцій, которые принимали энергическія мѣры къ подавленію народныхъ волненій. Такъ онъ едва не осудилъ на смертную казнь префекта города Газы за то, что онъ, прекративши насилія языческой черни, совершаемыя надъ вѣрующими, многихъ изъ язычниковъ, виновныхъ въ возмущеніи, подвергнулъ наказанію. Смертный приговоръ впрочемъ былъ замѣненъ заключеніемъ въ тюрьму (1). Оправдывая строгость осужденія провинившагося начальника, Юліанъ замѣтилъ по этому случаю иронически: „что за бѣда, если одна рука языческая умертвила десять галилеянъ“ (2). При такихъ обстоятельствахъ казалось вполнѣ естественнымъ, что префекты городовъ и начальники провинцій, зная истинный образъ мыслей императора, не только не принимали никакихъ мѣръ къ подавленію возмущеній языческой черни противъ вѣрующихъ, но еще поощряли насильственныя дѣйствія ея въ отношеніи къ послѣднимъ. „Начальники областей, справедливо замѣчаетъ Сократъ, считая наклонность императора къ язычеству благопріятнымъ случаемъ для собственныхъ выгодъ, дѣлали христіанамъ гораздо больше зла, нежели слѣдовало“ (3). Немного встрѣчалось такихъ гуманныхъ и благородныхъ начальниковъ, какъ Саллюстій и префектъ города Газы,

---

(1) Созом. Ц. И. V, 9, стр. 330. Твор. Григ. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 148.

(2) Твор. Григор. Богосл. ч. 1, слово 1 обличит. на царя Юліана, стр. 148. Созоменъ передаетъ слова Юліана нѣсколько иначе: «стоило ли брать язычниковъ подъ стражу за то, что они не многимъ галилеянамъ отмстили за многія оскорбленія, причиненныя имъ самимъ и богамъ ихъ?» Созом. Ц. И. V, 9, стр. 130.

(3) Сокр. Ц. И. III, 14, стр. 286.

но большинство изъ нихъ, избиравшіеся преимущественно изъ людей, усердно преданныхъ дѣлу язычества, являлись въ союзѣ съ языческою чернію—жестокими гонителями вѣрующихъ. Изложенные факты ясно показываютъ крайне пристрастный характеръ отношеній Юліана къ языческой черни въ тѣхъ случаяхъ, когда она дозволяла себѣ жестокія и возмутительныя насилія надъ вѣрующими. Эти же факты въ ясномъ свѣтѣ представляютъ всю ложность и неосновательность сужденій нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей эпохи Юліана, въ родѣ Беньо и Неандера, утверждающихъ, что если въ царствованіе Юліана въ нѣкоторыхъ областяхъ имперіи язычники и дозволяли себѣ насилія надъ христіанами, препятствовали свободному отправленію ихъ культа и превращали христіанскія церкви въ святилища языческихъ боговъ, то такія дѣйствія ихъ не могли встрѣчать рѣшительно никакого одобренія въ глазахъ имперасора (1).

Яковъ Алфіоновъ.

(Продолженіе будетъ)

---

(1) Beugnot. Histoire de la destruction du paganisme en Occident. T. 1, p. 189.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АВСТРІЙСКАГО СВЯЩЕНСТВА

ПОСЛѢ АМВРОСІЯ.

—

VI.

Перемѣна въ Кириллѣ, поведшая за собою окончательное (de jure) въ 1871 г. раздѣленіе австрійскаго согласія на окружниковъ и раздорниковъ и выдѣленіе изъ нихъ новыхъ партій полуокружниковъ и полураздорниковъ.

Въ исторіи предшествовавшихъ отношеній раздорниковъ къ окружникамъ нельзя было не замѣтить того крупнаго факта, что для первыхъ въ ихъ спорѣ съ послѣдними важною силою, перетягивавшею дѣло въ ихъ сторону, былъ Кириллъ. Утверждая своимъ подписомъ или просто согласіемъ тѣ или другія распоряженія и постановленія ихъ, онъ тѣмъ самымъ, какъ человѣкъ занимавшій высокій постъ въ старообрядчествѣ, придавалъ имъ много вѣса и значенія и дѣлалъ ихъ болѣе обязательными для старообрядческой толпы. Это вполнѣ понимали раздорники, и потому недаромъ все время держали Кирилла на подкупѣ у себя. Но въ 1869 году съ Кирилломъ совершилась удивительная и внезапная перемѣна, которая должна была разстроить все сдѣланное доселѣ раздорниками.

17-го марта указаннаго нами года одинъ ясскій старообрядецъ, по имени Василій Ѳоминъ, написалъ письмо въ Бѣлую Криницу, въ которомъ весьма хитро

и искусно предлагалъ Кириллу на разрѣшеніе слѣдующее: „нѣкоторые люди сами разумѣваютъ и прочихъ людей научаютъ тако: гдѣ написано, или начертано Христа Спасителя нашего имя съ двумя ижема, сице Іисусъ, это есть инъ богъ, антихристъ: скажите, владыко святый, какъ о семъ правильно надлежитъ разумѣть“ (1)? Кириллъ, неизвѣстно въ достовѣрности по какимъ причинамъ, раздосадованъ ли онъ былъ раздорниками, или же былъ доволенъ приличнымъ подаркомъ, сдѣланнымъ для него совопросникомъ, или же наконецъ, можетъ быть, къ тому времени уже извѣщенъ былъ о происходившемъ въ то время въ Москвѣ движеніи по поводу выбора попечителей на Рогожское кладбище, движеніи, которое обѣщало явный перевѣсъ окружникамъ предъ раздорниками, и съ которымъ мы познакомимся нѣсколько ниже,—только, не смотря на то, что самъ незадолго передъ этимъ утвердилъ ересь Прокопа, 27 мая отвѣчалъ Ѳомину слѣдующее: „кто тако разумѣваетъ и прочихъ людей поучаетъ, что Іисусъ инъ богъ, или антихристъ, таковый человѣкъ самаго жестокаго, закоснѣлаго духа безпоповскаго. Мы, православніи христіане, истинно вѣруемъ и правомудрствуемъ сице, что сколько есть въ цѣломъ мірѣ и свѣтѣ разныхъ христіанскихъ религій, не только одного восточнаго закона, но даже во всей поднебесной народы, всѣ они вѣруютъ съ нами во единаго великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, но только не право мудрствуютъ, держатъ многія разныя ереси и раздоры“ (2).

Этотъ отвѣтъ, весьма благопріятствовавшій окружникамъ, и рѣшительно противорѣчившій всему, что прежде Кириллъ подписывалъ въ угоду раздорникамъ, былъ не малымъ торжествомъ для первыхъ. Ѳоминъ не замедлилъ сообщить его всему старообрядческому

---

(1) Совр. лѣтоп. раск. вып. 1870 г., стр. XLI.

(2) Тамъ же, стр. XLIII.

міру, такъ что въ іюнѣ мѣсяцѣ копіи съ письма Кириллова уже ходили въ Москвѣ по рукамъ старообрядцевъ. Слухи объ этомъ отвѣтѣ Кирилла дошли и до Прокопа. Этотъ рьяный фанатикъ, ученію котораго особенно не благопріятствовалъ поступокъ Кирилла, приведенъ былъ этимъ послѣднимъ въ крайнее смущеніе, и 2 іюля отправилъ отъ формосскаго общества въ Бѣлую Криницу на имя Акинѳа письмо, въ которомъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „эта грамата (т. е. письмо къ Ѳомину) вреднѣе паче, нежели окружное посланіе. Окружное посланіе признаетъ Іисуса единосущна Отцу и Св. Духу,... и таковыми писаньми потрясло до основанія все православіе! А въ этой, посланной въ Яссы, граматѣ сказано: не только Россія и греки, но сколько есть въ цѣломъ мірѣ и свѣтѣ разныхъ христіанскихъ религій, не только одного восточнаго закона, но даже во всей поднебесной народы, всѣ же они вѣруютъ съ нами во единаго! И таковою грамотою г-нъ митрополитъ призналъ быть съ собою не только россіянъ и грековъ, но даже и латынъ, католиковъ, уніатовъ, аріанъ, македоніанъ, армянъ, и прочихъ всѣхъ во всей вселенной еретиковъ, даже и лютерамъ, — въ единовѣріи. — И такое митрополичье написаніе не только насъ, единомышленную братію вашу, тронуло и оскорбило до зѣла, но даже могутъ пріити въ великое смущеніе самые окружники, которые имѣютъ въ себѣ искру древности. И теперь г-нъ митрополитъ этою граматою опровергъ всѣ соборныя граматы, законныя и правильныя, даже и клятвы святыхъ отецъ, писанныя въ заключеніяхъ соборныхъ граматъ, привлекъ на себя, и посылаемыя г-номъ митрополитомъ граматы, какъ-то въ Россію и прочія мѣста, остаются ложными. Теперь еще болѣе долженъ возгорѣться пламень, нежели отъ окружнаго посланія, въ православныхъ христіанахъ, отъ чего народы должны пріити въ раздробленіе на мелкія секты, или части, какъ было и во время Никона. И нынѣ просимъ, Іакинѳъ Васильевичъ, узнайте хорошо о семъ, именно

ли послана оная грамата въ Яссы Кирилломъ. Мы сему не имѣемъ вѣры, полагаемъ, что это поддѣлка окружниковъ. Теперь окружникамъ кажется, что они всю вселенную побѣдили. А мы... сколько стараемся угасить пламень седмилѣтній раздора церковнаго: а нынѣ сами пали паденіемъ великимъ“ (1).

Со стороны логической послѣдовательности, въ этомъ письмѣ формосскихъ жителей была немалая доля правды, отъ чтенія которой могъ бы смутиться человѣкъ здравомыслящій дорожащій своею репутаціею. Но Кириллъ не принадлежалъ къ числу таковыхъ людей; онъ даже и не обратилъ вниманія на противорѣчіе своихъ поступковъ, на которыя очень прозрачно указывало ему формосское письмо. Но за то онъ оскорбился тѣмъ, что осмѣлились сравнить его съ Никономъ. Это сравненіе крайне раздражило его святительскую особу, и вотъ онъ подъ вліяніемъ этого чувства, 13 августа отправилъ въ Формосъ письмо еще болѣе непріятное для раздорниковъ, чѣмъ извѣстное уже намъ письмо его къ Ѳомину. Въ немъ, послѣ подтвержденія того, что письмо къ Ѳомину онъ дѣйствительно отсылалъ, онъ говоритъ далѣе: „въ той нашей граматѣ вѣрно отъ насъ доказано, что всѣ инославныя христіанскія религіи, восточнаго и западнаго закона, сколько ихъ нынѣ находится во всемъ мірѣ, вѣруютъ не во инаго бога и не въ антихриста, не такъ, какъ вы нынѣ дерзаете объ нихъ неправо мудрствовать, но воистину всѣ онѣ вѣруютъ съ нами во единаго великаго Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа... А такъ какъ по вашему нынѣшнему мудрованію не во единаго съ нами Бога они вѣруютъ, то вопрошаю нынѣ васъ: въ какихъ же другихъ боговъ они вѣруютъ, или въ какихъ именно идоловъ? древнихъ или какихъ новыхъ? или во антихриста? — Именно о семъ скажите. И при семъ повелѣваю нынѣ всѣмъ вамъ, напишите намъ все сіе

(1) Совр. лѣтоп. раск. вып. 1870 г., стр. 172—173 въ прилож.

на бумагѣ и пришлите намъ вскорости, нимало немедленно на разсмотрѣніе. Вы нынѣ находитесь въ самомъ крайнемъ заблужденіи. Своимъ ложнымъ мудрованіемъ не только вы насъ нынѣ, но и всѣхъ прежде бывшихъ благочестивыхъ предковъ нашихъ неправильно зазираете и погибшихъ всѣхъ вмѣняете, обнажаете и до конца пусту совсѣмъ сотворяете всю нашу священную хиротонію вашимъ закоснѣлымъ мудрованіемъ и безпоповскимъ понятіемъ. Ибо нигдѣ вы во святомъ божественномъ писаніи не найдете, не представите и не докажите сего, что отъ антихриста, или другаго какого бога, или отъ идола можно принять хиротонію, или другую какую тайну въ нашу древле-православную христіанскую правую вѣру и церковь Божію... Мы приняли митрополита Амвросія въ 1846 году привезеннаго изъ Царьграда... Сію же самую священную хиротонію имѣетъ нынѣ и вашъ священникъ Григорій. Вы же нынѣ дерзаете неправо мудрствовать, что во инаго бога, сирѣчь въ антихриста, вѣруютъ христіанскія религіи восточнаго закона. Оле безразсудной и безумной дерзости вашей душепагубной! Опровергаете вы нынѣ всю нашу древле-грекороссійскую правую истинную христіанскую вѣру. Это только прилично такъ мудрствовать однимъ закоснѣлымъ, жестокосердымъ, безблагодатнымъ безпоповцамъ. Мы до сего времени ничего не понимали вашихъ заблужденій (какая наивность)! Нынѣ же ясно обнаружилось ваше безуміе. Вы возмущали и колебали нашу древле-греко-россійскую церковь семь годовъ своимъ безпоповскимъ... закоснѣлымъ мудрованіемъ... и насъ невинныхъ завсегда привлекали къ своему крайнему безумію и... закоснѣлому заблужденію. Мы же вамъ по сіе время во всемъ вѣрили и почитали васъ всегда за истинныхъ рабовъ Христовыхъ;... нынѣ же вы оказались лживые крамольники и кривотолки, ни малѣйшей нѣтъ въ васъ истинной правды.... Подумайте же, безумніи крамольники и кривотолки, что вамъ за сіе нужно будетъ отвѣчать предъ Богомъ,... придите въ чувство и разумъ

истинный,... убойтеся Бога: умирать и вамъ будетъ надобно" (1).—Итакъ, Кириллъ отказывался наконецъ отъ того заблужденія, какое недавно утвердилъ, и котораго держался самъ до сего времени, и чрезъ это разрывалъ всякія связи съ раздорниками и напротивъ приближался къ окружникамъ.

Эта перемѣна въ Кириллѣ, хотя произошла, кажется, больше всего по свойственному ему неразумію и неумѣнью вдумываться хорошенько въ свои поступки и дѣйствія, тѣмъ не менѣе пришлась какъ разъ кстати, и совершенно гармонировала съ московскими старообрядческими событіями того времени. Въ Москвѣ въ то время затѣвалось и уже отчасти началось такое дѣло, которое самымъ естественнымъ образомъ должно было перетянуть на сторону окружниковъ Кирилла, какъ человѣка дѣйствующаго подъ вліяніемъ обстоятельствъ, а не убѣжденій. Дѣло это касалось выбора попечителей на Рогожское кладбище.—Одинъ попечитель этого кладбища Досужевъ еще въ 1866 году отказался отъ должности, а другой—Бочинъ за растрату общественныхъ денегъ признанъ былъ окружниками негоднымъ къ своей должности. На ихъ мѣсто нужно было избрать новыхъ попечителей. Первое засѣданіе по этому дѣлу происходило 8 мая 1869 года, при чемъ окружники, чтобы дать дѣлу болѣе спокойный ходъ и избавить собраніе отъ коломенскихъ, гуслицкихъ и др. крикуновъ — раздорниковъ, которые на подобныя собранія обыкновенно являлись во множествѣ, рѣшились особнякомъ выбирать попечителей, и выбрали въ эти должности изъ своихъ же собратій—окружниковъ. Но это дѣйствіе окружниковъ, какъ совершонное ими особнякомъ, не только не могло быть признано раздорниками за законное, но и вызвало съ ихъ стороны довольно сильный протестъ. Начались споры и раздоры

---

(1) Совр. лѣтоп. раск. вып. 1870 г. стр. 174—188 въ прилож.

по этому поводу, при чемъ дѣлу данъ былъ такой ходъ, что оно сдѣлалось извѣстно правительству и повело за собою составленіе и обнародованіе 15 окт. 1869 года новыхъ правительственныхъ правилъ касательно „порядка избранія попечителей въ Рогожскій богадѣленный домъ на раскольническомъ въ Москвѣ Рогожскомъ кладбищѣ поповщинскаго согласія“. Этими правилами постановлялось: 1) „постоянно проживающіе и притомъ имѣющіе недвижимую собственность въ городѣ Москвѣ раскольники, прихожане Рогожскаго кладбища, избираютъ изъ среды своей 30 человѣкъ выборныхъ, изъ числа коихъ первый по выбору именуется старшиною; старшина, удостовѣрясь въ томъ, что въ числѣ желающихъ принять участіе въ выборахъ не находится лицъ иногородныхъ, предлагаетъ выборнымъ всѣ вопросы, до предмета собранія относящіеся, наблюдая при этомъ за сохраненіемъ порядка при выборахъ; 2) выборные (т. е. 30) выбираютъ изъ среды себя, или же изъ числа всѣхъ московскихъ раскольниковъ, прихожанъ Рогожскаго кладбища, болѣе извѣстныхъ пожертвованіями своими въ пользу богадѣленнаго дома,— двухъ попечителей; самое избраніе производится шарами и рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. 3) Права попечителей отселѣ должны ограничиваться собственно экономическими распоряженіями, которыя притомъ подлежатъ контролю тѣхъ же „тридцати выборныхъ“ (1). Такъ какъ по силѣ этихъ правилъ въ число „тридцати“, которымъ должно принадлежать исключительное право выбора попечителей и контроля надъ ихъ дѣйствіями, могутъ попасть только лица постоянно живущіе въ Москвѣ и притомъ имѣющіе недвижимую собственность, и такъ какъ большинство такихъ лицъ принадлежитъ къ обществу окружниковъ (2), то послѣдніе заранѣе могли торжествовать свою по-

(1) Совр. лѣтоп., 1870 г. № 6.

(2) Общество раздорниковъ состоитъ преимущественно изъ людей пришлыхъ—иногородныхъ.

бѣду надъ раздорниками (1). И дѣйствительно, когда понадобилось составить списокъ раскольниковъ поповскаго согласія, имѣющихъ въ Москвѣ недвижимую собственность, и слѣдовательно имѣющихъ право голоса въ выборѣ „тридцати“ депутатовъ отъ общества, то въ числѣ 87 лицъ подобнаго рода оказалось большинство окружниковъ; вслѣдствіе чего какъ при выборѣ „тридцати“ изъ этого числа, такъ и при выборѣ попечителей, происходившемъ 28 декабря 1869 года, на сторонѣ окружниковъ осталась рѣшительная побѣда надъ раздорниками; именно: въ число „тридцати“ попало 28 окружниковъ и только два противоокружника, и въ попечители выбраны: Мартыновъ и Назаровъ — тоже окружники (2).

Так. обр. немного позже того, какъ Кириллъ своимъ письмомъ къ формосцамъ такъ замѣтно отстранился отъ раздорнической партіи и протянулъ руку примиренія окружникамъ, въ Москвѣ совершилось событіе, которое еще болѣе должно было закрѣпить его за стороною послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ — полнѣйшая побѣда окружниковъ надъ раздорниками, ихъ явный перевѣсъ на Рогожскомъ кладбищѣ, откуда главнымъ образомъ въ прежнее время сыпались весьма щедрыя приношенія Кириллу, и разсчеты на такія же приношенія и отъ новыхъ заправителей кладбища,—

---

(1) Что окружники дѣйствительно заранѣе предчувствовали свою побѣду надъ противоокружниками, это видно изъ слѣдующаго письма одного московскаго окружника къ Аверкію Полякову—тоже окружнику—въ Бѣлую Криницу, письма писаннаго еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, раньше выбора попечителей: «мы теперь благодаримъ Бога, у насъ въ Москвѣ нощь беззаконія и злобы прейде, а день закона и миролюбія пріиде; тьма лжи и неправды прогнана бысть, но солнце правды и истины свѣтъ возсія намъ. Слава Богу! на кладбищѣ два тирана измѣнилось; тако вся вражда и неправда истинѣ покорились! Ч—ва десятника выгнали, т. е. д...ка Бочина, а Крючкова и Давыдку на кладбище не пускаютъ! Но мы теперь достигли пріятнаго времени, что покорилъ Господь подъ нозѣ святой церкви всякаго врага и супостата». Совр. лѣтоп. 1870 г. № 8.

(2) Тамъ же.

были такими аргументами, идти противъ которыхъ Кириллъ во всякомъ случаѣ не могъ. И дѣйствительно, теперь онъ до самой смерти своей держалъ себя уже на сторонѣ окружниковъ и каралъ раздорниковъ.

Послѣдніе съ перваго раза поняли всѣ невыгоды измѣнившагося порядка дѣлъ, и потому не преминули обнаружить свою крайнюю непріязнь къ окружникамъ. За случаемъ, ускорившимъ проявленіе этой непріязни, дѣло не стало. Въ началѣ 1870 года нѣкто, принадлежащій къ обществу раздорниковъ, пожелалъ вступить въ бракъ съ дѣвицею изъ семейства, пріемлющаго окружное посланіе. За совершеніемъ брака обратились къ попу Василію Садовницкому, великому ревнителю раздорническихъ лжеученій. Попъ Василій соглашался повѣнчать бракъ, но не иначе, какъ подвергнувъ невѣсту-окружницу предварительному чинопріятію по образу еретиковъ третьяго чина. Отецъ невѣсты, какъ и слѣдовало, за такое нелѣпое предложеніе выпроводилъ попа Василія съ безчестіемъ. Поискали другаго попа—болѣе снисходительнаго: нашелся отецъ Максимъ, который и обвѣнчалъ свадьбу, не подвергая невѣсты никакимъ чинопріятіямъ. Руководители раздорнической партіи по этому случаю пришли въ крайнее негодованіе, и 21 января въ домѣ Муравьева составили соборъ подъ предсѣдательствомъ самого Антонія втораго для суда надъ дерзновеннымъ попомъ Максимомъ, допустившимъ такое послабленіе относительно окружниковъ. Тутъ же на этомъ соборѣ Муравьевъ предложилъ окончательно раздѣлиться съ окружниками и просить правительство предоставить имъ—раздорникамъ — одну изъ существующихъ на Рогожскомъ кладбищѣ часовень (1). Впрочемъ, это мнѣніе на первыхъ порахъ показалось самимъ раздорникамъ слишкомъ рѣшительнымъ, и вызвало со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе осторожную — уклончивую

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 9.

мысль—обратиться къ окружникамъ съ предложеніемъ о мирѣ на условіяхъ, впрочемъ, новаго и окончательнаго уничтоженія окружнаго посланія. Мысль эта, высказанная Медвѣдевымъ, была принята всѣми и пущена въ ходъ. Снаряжена была депутація къ новымъ попечителямъ съ подобнымъ предложеніемъ о мирѣ; но, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣла неудачу;—предложеніе ея было отвергнуто окружниками съ негодованіемъ. Послѣ этого главный дѣятель раздорнической партіи Давыдъ Антиповъ имѣлъ нѣсколько личныхъ объясненій съ богословами и ораторами изъ окружниковъ, представлялъ нѣсколько проэктовъ примирительнаго акта; но и личныя объясненія его и письменные проэкты были такого рода, что окружники не приняли ихъ. Теперь раздорникамъ оставалось привесть въ исполненіе мысль Муравьева объ окончательномъ отдѣленіи отъ окружниковъ, но на это они рѣшились не вдругъ.

Между тѣмъ окружники все болѣе и болѣе пріобрѣтали вліянія на Кирилла, и вступали съ нимъ въ болѣе тѣсныя сношенія. 11 янв. 1870 года одинъ изъ окружниковъ, уполномоченный отъ молдавскихъ обществъ—ясскаго и баташанскаго, уставщика ясской церкви Агаѳонъ Ивановъ Гребневъ прибылъ въ Бѣлую Криницу и представилъ Кириллу отъ своего общества убѣдительнѣйшее прошеніе: „учинить союзъ и миръ со всѣми архіереи, заграничными и росссійскими, и со всѣми старообрядцы, пріемлющими окружное посланіе и исповѣдающими, яко великороссійская и греческая церкви въ того же вѣруютъ единаго съ нами Бога, а ищущихъ антихриста, и не почитающихъ на земли учиненную отъ Бога властъ, и не хотящихъ молитися за царя и о всей палатѣ и о воехъ его,—сихъ, якоже древнихъ галилеянъ, хотя и не изрѣзать, какъ тогда изрѣзали ихъ всѣхъ, но отогнать ихъ, яко хищныхъ волковъ и лукавыхъ лисицъ, отъ святыя

церкви, да ктому престанутъ ю раздирати“ (1).—Первая половина этого предложенія принята была Кирилломъ съ готовностію выполнить ее хоть завтрашній день; на вторую же, приглашавшую его „отогнать раздорниковъ, какъ хищныхъ волковъ, отъ святыя церкви“, онъ замѣтилъ: „потерпимъ еще,—будемъ писать бумаги и склонять ихъ къ единомыслію“ (2). Впрочемъ нужно полагать, что это послѣднее замѣчаніе сдѣлано было Кирилломъ не столько въ видахъ дѣйствительнаго привлеченія раздорниковъ къ миру съ окружниками, сколько въ видахъ простаго желанія узнать, дѣйствительно ли раздорники пали такъ, что уже нѣтъ надежды на ихъ возстановленіе. Съ цѣлію узнать обо всемъ этомъ Кириллъ, не заключая еще формальнаго мира съ окружниками, что̀ обѣщалъ Гребневу сдѣлать хоть завтрашній день, предварительно послалъ въ Москву, въ качествѣ сборщика подаяній, іеродіакона Ѳеодосія, сына намѣстника митрополіи Антонія (3). Ѳеодосій, поживъ нѣсколько въ Москвѣ и познакомившись съ тамошними обстоятельствами, не преминулъ сообщить въ Бѣлую Криницу, что на раздорниковъ дѣйствительно надежда плохая. Послѣ этого Кириллъ не сталъ уже колебаться на счетъ формальнаго заключенія „союза“ съ окружниками и въ первыхъ числахъ апрѣля отправилъ въ Москву „мирную грамату“, по содержанію весьма сходную съ „формосскимъ посланіемъ“. Но если это послѣднее посланіе, изданное Кирилломъ въ то время, когда онъ былъ поборникомъ раздорнической партіи, и бывшее поэтому неожиданностію для окружниковъ, осталось въ свое время безъ возраженій со стороны послѣднихъ, хотя и казалось имъ даже слишкомъ опередившимъ окружное посланіе, то теперь, когда окружники могли поступать съ Ки-

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 39.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же.

риллом посмѣлѣе прежняго, повтореніе того посланія въ новой „мирной граматѣ“ не могло быть принято ими безъ нѣкоторыхъ исправленій. Теперешніе богословы и власти окружнической партіи нашли, что тѣ мѣста, гдѣ говорится, — что всѣ христіанскія религіи, даже и западныя, вѣруютъ въ того же Христа Спасителя, какъ и сами старообрядцы,—могутъ показаться „тяжкими и блазнительными для христіанъ“. Поэтому они исправили эти мѣста въ „мирной граматѣ“, и въ этомъ исправленномъ видѣ отправили ее въ Бѣлую Криницу для подписи Кириллу (1). Кириллъ, какъ и ожидали окружники, не сталъ противиться ихъ требованію, и 8 іюня 1870 года вмѣстѣ съ своимъ намѣстникомъ Антоніемъ и другими бѣлокриницкими духовными особами, пріемлющими окружное посланіе, подписалъ редактированную московскими богословами „мирную грамату“, и немедленно послалъ ее обратно въ Москву. Въ этой граматѣ послѣ предварительнаго вступленія говорилось прежде всего о седмилѣтней распрѣ, бывшей между старообрядцами, „по зависти исконнаго врага нашего діавола, и чрезъ посредство нѣкоторыхъ нездравомыслящихъ лицъ — чадъ древлеправославныя церкви“ (т. е. раздорниковъ). Далѣе говорилось о томъ, что Кириллъ многократно прилагалъ свое тщаніе о мирномъ устроеніи всей своей церкви, хотя и безуспѣшно; что, строго всмотрѣвшись въ дѣло, онъ при помощи Божіей замѣтилъ, что виною всѣхъ этихъ возмущеній „были люди, неимѣющіе здравыхъ понятій, но держащіеся несправедливаго безпоповскаго мудрованія, которые сознаютъ, что въ нынѣшнихъ церквахъ великороссійской и греческой, исповѣдуемое не по человѣчеству Христово имя, съ прибавленіемъ противъ древняго святоцерковнаго произношенія одной гласной буквы *и*, сице: Іисусъ, не знаменуетъ лица Господа нашего Іисуса Христа; но означаетъ инаго бога, то есть:

---

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 40.

послѣдняго антихриста,.. что это ученіе не только противорѣчитъ св. писанію и святоотеческому разумѣнію, но порочитъ даже чистоту нашея древлеправославныя церкви, аки бы она болѣе двухъ сотъ лѣтъ, т. е. со времени патріарха Никона и до нынѣ, совершаемыя, по ихъ мнѣнію, во имя антихриста тайны крещенія и хиротоніи пріемлетъ безъ повторенія"; и что во исправленіе этого онъ, Кириллъ, издалъ и посланіе (формосское) отъ 13 авг. 1869 года. Но такъ какъ посланіе это не только не уцѣломудрило раздорниковъ, но вызвало съ ихъ стороны „разныя клеветы"; то „азъ, смиренный митрополитъ Кириллъ, говорилось далѣе въ граматѣ, смиренно нынѣ преклоняю мою престарѣлую главу, прошу и молю всѣхъ васъ, держащихся истиннаго ученія, боголюбивыхъ архіепископовъ и епископовъ, купно же и весь освященный соборъ, елико азъ въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, по вышеозначеннымъ смущеннымъ обстоятельствамъ, согрѣшихъ напротивъ васъ и священныхъ правилъ, Христа ради меня чистосердечно простите и отъ запрещенія разрѣшите, и никакого гнѣва на мя не имѣйте, но паче о здравіи и спасеніи моемъ Бога молите, яко да и сами вы получите прощеніе и милость отъ Господа Бога въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Равно же, если кому и изъ васъ въ оное смущенное время когда были отъ нашего смиренія издаваемы каковыя запрещенія, по льстивымъ обольщеніямъ людей нездравомыслящихъ, то симъ для успокоенія совѣсти всѣхъ христіанъ, препосылается вамъ наше прощеніе, миръ Божій и архипастырское благословеніе. И наконецъ, по долгу возложенной на насъ священной обязанности, не обинуясь, симъ нынѣ во всеуслышаніе всѣмъ объявляю, что вышеозначенное сознаніе въ имени Іисусъ лица послѣдняго антихриста отнюдь есть странно здравому разуму, и чуждо ученію святой церкви, почему и завѣщаваю всѣмъ православнымъ христіанамъ всею силою удаляться таковаго; а если кто не покорится сему нашему завѣщанію, но будетъ чрезъ оное раздѣлять святую церковь, то си-

цевой... да будетъ лишенъ нашего благословенія и отлученъ отъ общенія св. церкви". — Въ заключеніе Кириллъ просилъ эту грамату прочитать въ церкви для всеобщаго свѣдѣнія христіанъ, во всеуслышаніе всѣмъ, и потомъ всѣмъ святителямъ и освященному собору на оной подписаться (1). Так. образ. въ этой грамотѣ, хотя рѣшительно и твердо отвергалось то безпоповское мнѣніе, что именемъ Іисусъ означается послѣдній антихристъ, но въ тоже время ничего не говорилось о томъ, кто же именно исповѣдуется въ грекороссійской церкви подъ именемъ Іисусъ; а также и мысль формосскаго посланія, что всѣ христіане, даже и западные, вмѣстѣ съ старообрядцами исповѣдуютъ одного и того же Христа Спасителя, была совершенно опущена.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта Кириллова грамата, предававшая раздорниковъ осужденію и отлученію, и напротивъ провозглашавшая окружниковъ людьми здравомудрствующими и слѣдовательно терпѣвшими напрасно прежнія разныя нареканія и обвиненія, была для послѣднихъ весьма пріятнымъ явленіемъ, что̀ они и не замедлили заявить формальнымъ образомъ. Такъ, вскорѣ по полученіи этой граматы, именно 20 іюля, въ домѣ Ѳедора Свѣшникова, одного изъ „тридцати", учинилось подъ предсѣдательствомъ Антонія общее собраніе духовенства, на которомъ присутствовало до пятнадцати московскихъ и гуслицкихъ поповъ-окружниковъ. Въ этомъ собраніи прочитана была во всеуслышаніе „мирная грамата", скрѣплена была подписями всего находившагося здѣсь духовенства, и вмѣстѣ съ тѣмъ изготовлено было и отвѣтное посланіе къ Кириллу, въ которомъ старообрядческое собраніе, прощало Кирилла за всѣ прежде содѣянныя имъ незаконныя дѣйствія и разрѣшало. „Св. церковь, яко чадолюбивая матерь, писали московскіе окружники, вни-

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 40.

мая вашему смиренію и откровенному покаянію, въ лицѣ нашего освященнаго собора, васъ за все прежде бывшее прощаетъ и разрѣшаетъ, и, радуясь, приноситъ свои теплѣйшія молитвы предъ престоломъ славы сѣдящаго на херувимѣхъ, чтобы въ мирѣ и спасительномъ благоденствіи продолжался на многая лѣта животъ вашъ къ прославленію великолѣпнаго имени Христова и украшенію обагренныя боготочною кровію церкви Его"... „И мы, яко человѣцы, не можемъ сказать о себѣ, чтобы, въ прошедшее седмилѣтнее церковное возмущеніе никогда не происходило отъ насъ оскорбительныхъ въ словахъ выраженій противъ вашего высокопреосвященства. Въ чемъ нынѣ открываясь чистосердечно, молимъ боголюбіе ваше, соблаговолите препосланное намъ свое прощеніе утвердить всеконечно, яко да возможемъ мы, положа въ забвеніе все прошедшее невозмущенною совѣстію простираться на будущее о постоянномъ между насъ водвореніи христопреданнаго мира и любви превождѣленныя" (1). Итакъ между Кирилломъ и московскими старообрядцами-окружниками учинилось взаимное примиреніе, и какъ съ той, такъ и съ другой стороны высказано было не мало лестныхъ, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ искреннихъ словъ и выраженій.—Теперь московскимъ старообрядческимъ властямъ окружнической партіи, для болѣе успѣшнаго обнародованія Кирилловой граматы, оставалось предъявить ее для подписи нѣкоторымъ старообрядческимъ архіереямъ, не бывшимъ въ старообрядческомъ собраніи 20 іюля, какъ-то: Антонію новому и отсутствующимъ въ то время изъ Москвы епископамъ: Пафнутію казанскому и Іову кавказскому. Первому грамата представлена была очень скоро, но, какъ и слѣдовало ожидать, возвратилась отъ него безъ подписи, какъ грамата преисполненная ересей. Послѣ этого чрезъ одного члена духовнаго совѣта изъ свѣт-

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 40.

скихъ г. Шибаева (1) она отправлена была Пафнутію казанскому съ предложеніемъ и „самому ему подписаться подъ него и потрудиться съѣздить къ епископу кавказскому Іову, для предложенія ему о согласіи съ нами на отвѣтъ г. митрополиту Кириллу“ (2). Пафнутій принялъ и то и другое предложеніе;—и безпрекословно подписался самъ подъ граматою, и безъ возраженій, ни мало не медля, отправился къ Іову на Кавказъ.

Казалось бы, что Пафнутій, какъ человѣкъ здравомыслящій, пользующійся довѣріемъ и уваженіемъ въ глазахъ старообрядцевъ вообще и Іова кавказскаго въ частности, съ успѣхомъ выполнитъ возложенное на него порученіе, но на дѣлѣ оказалось не то. Іовъ выказалъ себя крайне несговорчивымъ и несочувствующимъ Кирилловой мирной граматѣ. Правильный, хотя и уклончивый, отзывъ этой граматы объ имени *Іисусъ* показался Іову благопріятствующимъ великороссійской церкви и крайне блазнительнымъ для старообрядцевъ,—чѣмъ-то такимъ, отъ чего произойдетъ въ старообрядчествѣ не возстановленіе мира, а еще горшее раздѣленіе. Притомъ же ему показалось въ высшей степени страннымъ и неудобопонятнымъ то, что такія разсужденія объ имени *Іисусъ* предлагаетъ Кириллъ, всегда горячо ратовавшій противъ окружнаго посланія за эти именно и подобныя въ немъ разсужденія. Это послѣднее недоумѣніе Іова привело его даже къ предположенію, что эта грамата не подлинна. Долго Пафнутій убѣждалъ Іова, но ничего болѣе не добился, какъ только того, что Іовъ пообѣщался съѣздить по-

(1) Ранѣе, какъ мы знаемъ, членами духовнаго совѣта не были лица свѣтскаго званія; таковые появились только въ началѣ 1870 года, когда во главѣ московскаго старообрядческаго общества сталъ такъ называемый совѣтъ «тридцати», который въ видахъ ограниченія дѣйствій «духовнаго совѣта» и избралъ изъ своей среды шесть свѣтскихъ лицъ въ дѣйствительные члены его. Въ число этихъ шести попалъ и Шибаевъ. Совр. лѣт. 1870 г. № 39.

(2) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 40.

совѣтоваться съ донскими старообрядцами, а потомъ для лучшаго разъясненія всего дѣла, пожалуй, съѣздить и въ Москву (1). Съ такими ничтожными результатами своего посольства Пафнутію и пришлось отправиться во-свояси.

А между тѣмъ Іовъ дѣйствительно скоро отправился къ донскимъ старообрядцамъ, и, прибывъ 6 сент. въ Новочеркасскъ, показалъ Кириллову „мирную грамату"; при этомъ онъ высказалъ и то, зачѣмъ пріѣзжалъ къ нему Пафнутій. Здѣсь по этому поводу начались собранія и разсужденія, при чемъ ясно обозначилось, что одни сочувствовали мирной граматѣ, а другіе нѣтъ. Первые желали, чтобы Іовъ подписалъ грамату, а вторые требовали противнаго. Долго спорили объ этомъ, и въ концѣ концовъ порѣшили—написать въ Москву вопросительное о мирной граматѣ посланіе; раньше же этого Іову не подписывать ее. Во исполненіе этого рѣшенія Іовъ писалъ въ Москву, что, по его разумѣнію, примирительная грамата не устроитъ церковнаго мира, но паче послужитъ къ горшему раздѣленію и церковному колебанію, ибо въ ней совершенно излишнее говорится о произносимомъ господствующею церковію въ Россіи имени Господа нашего Іисуса Христа вмѣсто Исусъ—Іисусъ. Всѣмъ благомыслящимъ безъ всякаго разъясненія хорошо извѣстно, что произношеніе *Іисусъ*, хотя и не заключаетъ въ себѣ послѣдняго антихриста, но есть слогъ еретическій и чуждый православныя церкви, о которомъ до лѣтъ Никона вовсе не было извѣстно, и котораго церковь наша не пріемлетъ, а потому большая или меньшая защита этого произношенія будетъ всегда камнемъ преткновенія для многихъ людей, и всегда будетъ причиной церковнаго колебанія, а не мира. „При этомъ Іовъ предлагалъ составить новую примирительную грамату, въ коей былъ бы совершенно обойденъ вопросъ объ имени *Іисусъ*. Богомъ прошу васъ обра-

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 40.

тить на все это ваше усердное архипастырское вниманіе и сдѣлать предложеніе г. митрополиту Кириллу, въ отвращеніе всѣхъ возмущеній, перемѣнить грамату, и написать оную одного примирительнаго содержанія, безъ всякихъ разъясненій о произносимомъ господствующею церковію имени *Іисусъ*... Тогда азъ смиренный съ великою любовію и душевною радостію къ богожеланному миру приложу мою руку“ (1). — Так. образ. цѣлое общество донскихъ старообрядцевъ, съ своимъ епископомъ Іовомъ, ясно обнаружило отдаленіе свое отъ окружниковъ и приближеніе къ раздорникамъ, хотя прямой готовности—пристать къ одному какому-либу изъ сихъ лагерей—не высказало. Такимъ образомъ донскіе старообрядцы, съ Іовомъ во главѣ, положили начало новому направленію, которое занимало среднее мѣсто между окружниками и раздорниками; партія людей держащихся этого направленія извѣстна стала подъ именемъ полуокружниковъ. Окружники, видя появленіе новой партіи, не приняли никакихъ мѣръ къ ея подавленію, и даже на ея посланіе отвѣчали краснорѣчивымъ молчаніемъ. Ясно было, что они слишкомъ довольны были мирною граматою Кирилла, и потому, не смотря на протестъ цѣлаго старообрядческаго общества противъ нея, не хотѣли предавать ее новой редакціи, хотя и видѣли, что чрезъ нее отдѣляется отъ нихъ значительная часть ихъ прежнихъ сторонниковъ.

Въ то время какъ окружники старались распространять, — хотя и не вездѣ съ успѣхомъ, — грамату Кирилла, раздорники, напротивъ, увидѣвъ въ ней съ самаго начала слишкомъ тяжелый для себя ударъ, пришли въ „трепетъ и ужасъ“ (2), и сей-часъ же порѣшили—порвать навсегда всякія связи съ окружниками. Немедленно собрали собраніе, на которомъ по-

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 40.

(2) Совр. лѣтопись, 1871 г., № 47; письмо извѣстнаго раздорническаго попа Василія Бухарова-Садовицкаго въ Бѣлую Криницу.

становили—не имѣть съ окружниками общенія ни въ молитвѣ, ни въ яденіи, не носить покойниковъ въ часовню Рогожскаго кладбища, поступившаго въ вѣденіе окружниковъ, и принимать этихъ послѣднихъ, если они обратятся, какъ еретиковъ, третьимъ чиномъ (1).

Но какъ ни естественно было подобное постановленіе, тѣмъ не менѣе на него не всѣ раздорники согласились. Нѣкто попъ Максимъ, человѣкъ весьма популярный, объявилъ, что „постановленіе не имѣть съ окружниками общенія въ молитвѣ неудобоисполнимо и грозитъ раздорами въ старообрядческихъ семействахъ, въ средѣ которыхъ имѣются и окружники и противоокружники, что̀ однакоже не препятствовало доселѣ тѣмъ и другимъ собираться на совокупное моленіе“.... Правда, за это противорѣчіе попъ Максимъ подвергся запрещенію со стороны Антонія новаго, но его сторону приняли его духовныя дѣти, люди сильные въ раздорнической партіи: Досужевъ, Винокуровъ, Медвѣдевъ и др., благодаря которымъ Максимъ продолжаетъ священствовать, образовавши около себя особую партію недовольныхъ рѣшеніемъ послѣдняго раздорническаго собранія объ окончательномъ отдѣленіи отъ окружниковъ, партію, которая можетъ назваться полураздорниками (2).

Так. обр. и изъ среды раздорниковъ стала открыто вырождаться новая партія. Но какъ окружники не предприняли никакихъ мѣръ къ подавленію выродившейся изъ нихъ новой партіи полуокружниковъ, такъ и раздорники вырождающуюся изъ ихъ среды партію оставили на произволъ судьбы, и, не смотря на ея протестъ, не переставали вести открытую борьбу съ окружниками и съ ярымъ фанатизмомъ расправляться *съ своими* за ихъ терпимыя отношенія къ послѣднимъ. Одинъ противоокружникъ,—уставщикъ цер-

---

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 39; 1871 г. № 40.

(2) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 40.

кви деревни Мисцовой (въ Гуслицахъ), побывалъ въ началѣ 1871 года на похоронахъ одного окружника; за это, когда въ слѣдующую субботу пришелъ въ церковь и хотѣлъ было начинать вечерню, ему не дали книгъ, говоря, что Сисой (имя уставщика) опоганился. Дѣло это готово было принять крупные размѣры, но тамошній попъ Петръ своимъ вмѣшательствомъ въ него охладилъ нѣсколько фанатизмъ раздорниковъ.—Другой случай: на страстной недѣлѣ тогоже года одинъ изъ мисцовцевъ былъ за обѣднею съ окружниками, и за это былъ поученъ мисцовцами даже съ „заушеніемъ“ (1). Было не мало и другихъ подобныхъ расправъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ свои отношенія къ окружникамъ, раздорники не преминули затѣмъ высказаться съ крайнею ненавистію и предъ Кирилломъ, и не замедлили порвать и съ нимъ всякія связи. Прежде другихъ и раньше всего открыто заявили свою ненависть къ Кириллу раздорники заграничные. Такъ еще въ началѣ 1870 года, когда въ Бѣлую Криницу прибылъ извѣстный намъ Агаѳонъ Ивановъ Гребневъ съ предложеніемъ къ Кириллу—„учинить миръ съ окружниками и отогнать раздорниковъ, яко хищныхъ волковъ и лукавыхъ лисицъ, отъ святыя церкви“, — извѣстный изувѣръ и фанатикъ раздорнической партіи бѣлокриницкій житель Акинѳъ Васильевъ, провѣдавъ о намѣреніи Гребнева, съ злобою говорилъ Кириллу слѣдующее: „что мы дѣлали семь годовъ? — отвѣчай! А теперь Гаѳанову вѣру принялъ! Завтра же маемъ поставить на хатѣ какой-нибудь крестъ и сдѣлаемъ моленную“ (2). Уже въ этихъ словахъ, высказанныхъ еще раньше заключенія Кирилломъ формальнаго мира съ окружниками, просвѣчивало слишкомъ много ненависти раздорника къ своему митрополиту; но само собою понятно, что эта ненависть должна была еще

(1) Вечерн. газета, 1871 г. № 105.

(2) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 39.

больше усилиться послѣ заключенія Кирилломъ указаннаго мира съ окружниками, выразителемъ котораго была „мирная грамата“ отъ 8 іюня 1870 г. И дѣйствительно, эта грамата до нельзя усилила ненависть раздорниковъ къ Кириллу. Вотъ что напр. писалъ объ этомъ въ концѣ 1870 г. Садовицкій попъ Василій Бухаровъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ раздорниковъ, въ Бѣлую Криницу на имя Акинѳа Васильева. „Когда мы получили оную грамату, и по прочтеніи оной объялъ насъ трепетъ и ужасъ, какъ сильный громъ. Мы отъ сего числа отложили за митрополита и Богу молиться за эту незаконную грамату. Прежде мы отъ него получали граматы, въ которыхъ насъ подтверждалъ, чтобы пріемлющихъ окружное посланіе епископовъ не почитать за епископовъ, но яко волковъ и хищниковъ, а нынѣ мы видимъ, что онъ и самъ въ волка притворился“ (1). Это же самое непріязненное чувство раздорники одинъ за другимъ такъ или иначе немедленно и открыто высказали и самому Кириллу. Такъ формосскій попъ Григорій, отъ 26 сент., отъ цѣлаго молдавскаго раздорническаго общества писалъ Кириллу: „Высокопреосвященный владыко! Вы прежде сего времени своимъ архипастырствомъ пасли церковь Христову, яко истинный стражъ, по словеси Господню, и жезломъ своимъ отгоняли хищные волки отъ Христова стада мысленныхъ овецъ, всѣми мѣрами старалися и угашали вкравшійся пламень окружнаго посланія во святую церковь; вы безпрестанно имѣли попеченіе о стадѣ своемъ, собирали соборы, писали соборныя граматы, на непокоряющихся налагали клятвенное прещеніе и помощію всесильнаго Бога и вашимъ попеченіемъ соблюдалась святая церковь невредимо отъ лжеучителей!... Нынѣ же оставили вы истинное ученіе архипастырское и присоединилися къ окружникамъ и говорите, что вы были по сіе время въ заблужденіи и просите отъ окружниковъ прощенія и раз-

(1) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 47.

рѣшенія.... Сихъ ради отъ нынѣ мы не пріемлемъ вашего письменнаго и словеснаго благословенія, ни увѣдомленія, ни распоряженія, но удаляемся, дабы не погрязнуть съ вами въ ересь, и вручаемъ себя единой Главѣ, Царю славы, небесному вѣчному Архіерею, всемогущему Творцу неба и земли, Иже содержитъ въ десницѣ своей смерть и животъ, да притомъ же еще вручаемъ себя подъ паству преосвященному господину Антонію епископу московскому", т. е. второму (1). Другой заграничный раздорникъ, вышеупоминаемый нами Акиновъ Васильевъ, сосѣдъ Кирилла по мѣсту жительства, до того озлобился на послѣдняго за „мирную грамату", что вознамѣрился даже умертвить его (2). Исполнить это онъ поручилъ своему племяннику-липованину Петру Минину, тогда какъ самъ взялъ на себя трудъ въ тоже время убить инока Алексѣя, жившаго внизу Кирилловой кельи, и потому могшаго слышать шумъ въ митрополичьей кельѣ и поднять тревогу. Временемъ для выполненія этого плана избрана была ночь на 22 окт. 1870 г. — Но какъ ни искусно было подстроено все злодѣями, тѣмъ не менѣе убійство не удалось, и все дѣло ограничилось только нанесеніемъ Кириллу раны на рукѣ (3).

Что же касается раздорниковъ, живущихъ въ Россіи, то они точно также въ концѣ 1870 или въ началѣ 1871 г. отправили къ Кириллу посланіе, въ которомъ, сказавъ нѣсколько словъ о прежнемъ (якобы)

---

(1) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 47.

(2) Этотъ Акиновъ уже давно утратилъ всякое почтеніе и уваженіе къ Кириллу, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующее: однажды, еще въ началѣ 1870 г., возвращаясь отъ митрополита, у котораго былъ по извѣстному намъ дѣлу Гребнева, онъ встрѣтился съ нѣкіимъ Иваномъ, сыномъ Аверкина. И когда этотъ послѣдній спросилъ его: «си тебѣ хотѣлось благословиться отъ митрополита» онъ, аки пламенный, закричалъ: «кто его хочетъ сквернаго благословенія»? и такъ поносилъ Кирилла, что страшно и гнусно было слышать. Совр. лѣтоп. 1870 г. № 39.

(3) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 41; Вечерн. газета 1870 г. № 257; Бирж. Вѣдом. 1870 г. № 412.

православіи Кирилла, указавъ при этомъ на бѣлокриницкій актъ 1868 г., которымъ, какъ извѣстно, окончательно уничтожалось окружное посланіе, и затѣмъ сопоставивъ съ этимъ актомъ послѣднія Кирилловы граматы отъ 13 авг. 1869 г. и отъ 8 іюня 1870 г., въ которыхъ, подобно какъ въ окружномъ посланіи, имя Іисусъ сравнено съ именемъ Ісусъ, они говорили: „просимъ ваше высокопреосвященство успокоить нашъ духъ, уничтожить сіи ваши граматы отъ 13 августа 1869 г. и 8 іюня 1870 г., отъ которыхъ многіе отъ васъ отдѣлилися, также и мы мятемся духомъ“ (1). Судя по этимъ словамъ, можно полагать, что раздорники московскіе питали еще надежду на то, что Кириллъ снова перейдетъ на ихъ сторону; но Кириллъ, вмѣсто уничтоженія прежнихъ своихъ граматъ отъ 13 авг. 1869 г. и отъ 8 іюня 1870 г., отъ 8 мая 1871 г., писалъ къ нимъ слѣдующее: „имѣя предъ собою разныя ваши письма,... коихъ содержаніе проповѣдуетъ новыя нѣкія своемышленія, несогласныя съ святымъ писаніемъ, именно же, якобы православные предки наши, отъ лѣтъ патріарха Никона и до нынѣ бывшіи, принимали крещеніе и хиротонію отъ такихъ еретиковъ, у которыхъ совершаются оныя тайны во имя инаго бога, антихриста, безъ повторенія, сожалѣя о томъ, что это разумѣніе ваше противоборствуетъ разумѣнію вселенской церкви и всему священному писанію, чрезъ что происходитъ распря, молва и даже гибельный раздоръ между христоименитыми людьми древлеправославныя церкви, и желая водворить миръ, и согласіе и любовь во святой церкви, посылаю вамъ, чада, сіе разсужденіе отъ божественнаго писанія на ваше своесмышленіе“. Далѣе, представивши нѣсколько выписокъ изъ церковныхъ правилъ о еретикахъ перваго и втораго чина, и причисливши великороссіянъ къ еретикамъ втораго чина, Кириллъ говорилъ: „отъ сихъ послѣднихъ предки наши принимали

(1) Совр. лѣтоп. 1871 г. № 47.

крещеніе и хиротонію безъ повторенія, ибо они совершаемы были во имя св. единосущной Троицы; и поэтому видится, что великороссійская церковь и греческая вѣруютъ во св. Троицу, въ нюже крещеніе и хиротонію совершаютъ, имѣютъ же разныя ереси: называютъ Богочеловѣка съ прибавленіемъ одной гласной буквы сице: *Іисусъ Христосъ*, но мы не принимаемъ сей прибавленной буквы къ имени „Іисусъ“, но только разъясняемъ, согласно правиламъ св. отецъ, что греко-россійская церковь вѣруетъ въ тогоже Бога, въ котораго и мы, ереси же ради, которую содержитъ, причисляется къ еретикамъ втораго чина“ (1). Послѣ этого посланія, раздорники увидѣли, что ихъ надежды на обращеніе Кирилла теперь кончились, и потому, ни мало не медля, окончательно отложились отъ Кирилла, и подобно формосскимъ раздорникамъ объявили себя состоящими подъ властію „небеснаго вѣчнаго архипастыря, а также еще московскаго владыки Антонія втораго“. Видимымъ знакомъ этого важнаго акта, и также и полнаго соучастія своего въ этомъ отдѣленіи съ своими заграничными собратіями со стороны московскихъ раздорниковъ было то, что они послали Акинѳу Васильеву денегъ на построеніе въ Бѣлой Криницѣ особой противоокружнической церкви, къ чему оный Акинѳъ и приступилъ немедленно, такъ какъ подготовленія къ этому у него сдѣланы были еще раньше этого времени (2). Правда, особой церкви ему построить не удалось, такъ какъ для этого требовалось согласіе митрополита, а затѣмъ и разрѣшеніе правительства, хлопотать о чемъ Акинѳъ не рѣшился, но

---

(1) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 47.

(2) Акинѳъ давно лелѣялъ въ себѣ подобную затѣю, и въ видахъ скораго осуществленія ея не хотѣлъ входить съ Кирилломъ ни въ какія мирныя сдѣлки и соглашенія и даже послѣ извѣстнаго факта въ ночь на 22 окт. 1870 г. не переставалъ быть дерзкимъ и злобнымъ по отношенію къ Кириллу. Это замѣтилъ отецъ Павелъ прусскій въ бытность свою въ Бѣлой Криницѣ въ пасху 1871 г.—Совр. лѣтопись, 1871 г. № 21.

за то ему удалось на присланныя изъ Москвы деньги купить просторный домъ и въ немъ устроить, безъ всякаго правительственнаго разрѣшенія не только противоокружническую церковь, но и цѣлую киновію для инокинь. Так. обр. вражда раздорниковъ противъ Кирилла и окружниковъ кончилась тѣмъ, что въ Бѣлой Криницѣ на глазахъ самого митрополита возникла независимая отъ него раздорническая церковь, можетъ быть зерно будущей бѣлокриницкой митрополіи противоокружниковъ (1).

Но отдѣлившись окончательно отъ окружниковъ, раздорники, по крайней мѣрѣ московскіе, очень скоро замѣтили, что ихъ положеніе не совсѣмъ прочно, а въ скоромъ будущемъ можетъ быть даже и не безопасно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что они остались съ однимъ только епископомъ Антоніемъ, человѣкомъ уже старымъ и слабымъ здоровьемъ, который могъ скоро умереть и оставить раздорниковъ совершенно безъ епископа (2). Въ видахъ устраненія этой опасности необходимо было позаботиться о поставленіи ему преемника, а для этого послѣдняго нужно было пригласить въ соучастники Антонію какого-либо другаго архіерея. Но къ кому же изъ существующихъ старообрядческихъ архіереевъ можно было раздорникамъ обратиться съ подобнымъ предложеніемъ? Вопросъ этотъ какъ ни важенъ, тѣмъ не менѣе онъ не затруднилъ раздорниковъ. Они вспомнили, что Іовъ, епископъ кавказскій, не подписалъ ненавистной имъ „мирной граматы“, поэтому они сочли его своимъ сторонникомъ и рѣшились обратиться къ нему. Глава московскихъ раздорниковъ Давыдъ Антиповъ 5 іюня 1871 г. отправилъ къ Іову письмо, въ которомъ, высказавъ прежде всего свой взглядъ на „мирную гра-

(1) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 47.

(2) Что касается Софронія, незаконно епикопствующаго, то онъ признавался за епископа только сравнительнымъ меньшинствомъ раздорниковъ, а онюдь не всѣми.

мату", просилъ Іова разсмотрѣть и высказать на него свое письменное мнѣніе (1); и затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ разсужденій, имѣвшихъ цѣлію расположить Іова къ единомыслію съ раздорниками, переходилъ уже къ главному и говорилъ: „понеже епископъ Антоній (второй) слабъ здоровьемъ и желаетъ себѣ товарища, то покорнѣйше проситъ васъ объявить свое милосердіе, пришлите ему свое святительское благословеніе посѣщенія, еже есть для поставленія во епископа" (2). Посланіе это не достигло своей цѣли. Отвѣтомъ на него со стороны Іова было то, что отъ 20 сент. сложилъ съ себя епископскій санъ и принялъ схиму (3). Так. обр. мысль о поставленіи другаго раздорническаго епископа осталась пока безъ осуществленія.

Между тѣмъ какъ положеніе раздорниковъ было неудовлетворительно, окружники, примирившіеся съ Кирилломъ, оказывали все болѣе и болѣе вліянія на ходъ дѣлъ въ старообрядческомъ мірѣ и направляли свои дѣйствія къ ослабленію партіи раздорниковъ.

Избранный по вліянію раздорниковъ намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи Антоній формосскій умеръ 23 авг. 1870 г. (4). Въ избраніи новаго намѣстника раздорники уже не принимали участія. Для этого из-

---

(1) При этомъ, чтобы внушить Іову большее нерасположеніе къ «мирной граматѣ», Давыдъ Антиповъ, приведши на замѣчаніе Кирилла, высказанное имъ въ этой граматѣ, что въ св. писаніи нѣтъ указанія на то, чтобы отъ антихриста можно было принимать хиротонію,—нѣсколько стиховъ изъ 12 главы Апокалипсиса, гдѣ говорится о змѣѣ, преслѣдующемъ жену, облеченную въ солнце, высказалъ слѣдующее велемудрое и богохульное соображеніе на счетъ Кирилловыхъ словъ: «зрите безпристрастно и разсмотрите справедливо: сей змій отъ св. Іоанна нареченъ сатаною и антихристомъ, изъ устъ сего змія испущена вода, сирѣчь еретики, и отъ сего антихриста святые отцы принимали крещеніе и священство, а вы (обращеніе къ Кириллу) замѣчаете, что не видали въ божественномъ, чтобъ отъ антихриста возможно было принимать крещеніе и священство»?

(2) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 46.

(3) Тамъ же.

(4) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 41.

бранія, по приглашенію Кирилла, собрались къ 1 окт. 1870 г. въ Бѣлую Криницу заграничные старообрядческіе архіереи и нѣкоторые архимандриты. Тутъ прежде всего званіе намѣстника митрополіи предложено было Аркадію Васлуйскому, но когда онъ отказался отъ этого предложенія, то въ званіе намѣстника избранъ былъ, или по крайней мѣрѣ намѣченъ, хуторскій вдовый священникъ Аггей, родомъ изъ Соколинцевъ, человѣкъ еще не старый—лѣтъ сорока съ небольшимъ, очень не глупый, хотя и не многосвѣдущъ. По отзыву одного писателя, онъ „въ Кормчую не смотритъ и правилъ св. отецъ не знаетъ“ (1). Предварительно онъ постриженъ былъ во иночество съ именемъ Аѳанасія, а 3 іюня въ присутствіи черновицкаго президента и другихъ губернскихъ чиновъ, совершилось торжество поставленія Аѳанасія во епископа, при чемъ онъ нареченъ былъ не формосскимъ, какъ прежній намѣстникъ, а браиловскимъ (2).

Фактъ поставленія новаго намѣстника и самъ по себѣ былъ важнымъ торжествомъ для окружниковъ;

---

(1) Прав. Собес. 1875 г. авг. стр. 387.

(2) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 48. Скоро впрочемъ окружники должны были узнать, что ошиблись въ выборѣ намѣстника. Они надѣялись видѣть въ немъ совсѣмъ не такого человѣка, какимъ онъ скоро выказалъ себя. Такъ онъ уже успѣлъ высказать свою нерасположенность не только къ новопечатнымъ россійскимъ книгамъ, но даже и къ тѣмъ, которыя изданы были въ десятый годъ патріаршества Іосифа, приказалъ вынести изъ братской трапезы употреблявшіяся тамъ для чтенія во время стола Четіи-Минеи кіевской печати, и торжественно объявилъ при этомъ, что «изъ митрополіи 24 года уже выходятъ разныя ереси», которыя онъ намѣренъ искоренять, а о Прокопѣ и Акиндѣ отозвался передъ братіею такъ: «вы думаете, что Акиндъ и Прокопъ Лаврентьевъ пропадутъ душевно? Нисколько»! Подобное поведеніе новаго намѣстника, обнаруживавшее въ немъ большую наклонность къ раздорникамъ, не могло нравиться окружникамъ. Оно бросилось въ глаза и не понравилось даже Кириллу, который затѣялъ устроить общебратское собраніе, на которомъ имѣлъ потребовать отъ Аѳанасія точныхъ указаній на то, какія ереси въ теченіе 24 лѣтъ вышли изъ Бѣлой Криницы и письменнаго изложенія сихъ ересей. Временемъ для этого собранія назначено было 20 сентября 1871 г., но было ли оно и какъ шло,—объ этомъ ничего не знаемъ.

но при этомъ они не опустили случая увеличить это торжество еще нѣкоторыми распоряженіями относительно раздорническаго епископа Антонія. Еще въ окт. прошлаго 1870 года послана была ему Кириллomъ запретительная грамата (1), но она не произвела своего дѣйствія; и вотъ теперь именно 5 іюня составлена была и подписана всѣмъ собравшимся въ Бѣлой Криницѣ старообрядческимъ духовенствомъ новая болѣе строгая грамата, въ которой исчислены были всѣ беззаконія, вины и продерзости Антонія и въ заключеніе говорилось: „посему нынѣ мы, Божіею милостію члены освященнаго собора бѣлокриницкой митрополіи, въ отстраненіе творимыхъ тобою беззаконныхъ дѣйствій, по силѣ святоотеческихъ правилъ, по данной намъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа—Бога, извергаемъ тебя, бывшаго епископа Антонія московскаго, и обнажаемъ изъ священнаго твоего епископскаго сана, и лишаемъ тебя всей чести и достоинства, и учиняемъ простымъ инокомъ Антоніемъ до самой твоей смерти, да будеши, пребывая въ покаяніи, плакатися о грѣхахъ твоихъ и вышереченныхъ соблазнахъ предъ Всемогущимъ Богомъ. Аминь“ (2). Учинивши все это, пріѣзжіе въ Бѣлую Криницу старообрядческіе духовные особы отправились во-свояси съ полною увѣренностію въ своемъ торжествѣ надъ раздорниками.

Итакъ, окружники и раздорники окончательно отдѣлились другъ отъ друга, заклеймили одинъ другаго именемъ еретиковъ, съ которыми нельзя имѣть общенія ни въ молитвѣ, ни въ чемъ другомъ, и так. обр. примиреніе между ними стало совершенно невозможнымъ, хотя попытки къ нему появлялись еще и впослѣдствіи (3). Кто изъ нихъ былъ правѣе и послѣдо-

---

(1) Совр. лѣтопись, 1870 г. № 41.

(2) Совр. лѣтопись, 1871 г. № 48.

(3) Въ 1874 г. 2 февр. въ Павловскомъ посадѣ состоялся было соборъ изъ окружниковъ и раздорниковъ о примиреніи, но на этомъ со-

вательнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ,—это, думаемъ, видно изъ самаго изложенія. Что же касается партій полуокружниковъ и полураздорниковъ; то они не имѣютъ особаго значенія въ расколѣ: никакой самостоятельности они не пріобрѣли, и въ тоже время занимая среднее мѣсто между борющимися партіями и имѣя въ виду сблизить ихъ между собою, сгладивъ ихъ крайности, цѣли этой не достигли и достигнуть не могли. Дѣло въ томъ, что споръ между окружниками и раздорниками дошелъ до такихъ крайностей, что стянуть эти крайности въ нѣчто среднее не было никакой возможности.

М. Монастыревъ.

борѣ только надѣлано было шуму, а примиренія не послѣдовало. Раздорники кричали старое:—«предайте анаѳемѣ окружное и всѣ ереси оставьте, тогда мы и устроимъ миръ». «Истина», 1874 г. кн. 33. «Миссіон. свѣден. о раскол.», стр. 36—38.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

Труды Кіевской духовной академіи. *Май, іюнь и іюль.* Перечисленныя три книжки наполнены главнымъ образомъ продолженіями и окончаніями старыхъ статей, отчасти намъ уже извѣстныхъ; но есть нѣсколько и новыхъ статей. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе три статьи архимандрита *Сильвестра* подъ заглавіемъ: *Изъ чтеній по догматическому богословію.* Статьи эти заслуживаютъ вниманія уже потому одному, что касаются догматическаго богословія. Въ нашей духовной журналистикѣ статьи догматическаго содержанія являются чрезвычайно рѣдко. Это объясняется отчасти тѣмъ, что послѣ изданія капитальныхъ трудовъ преосвященныхъ Антонія, Макарія и Филарета, гдѣ православное догматическое ученіе было обработано съ замѣчательною полнотою и отчетливостію, трудно было писать что либо въ томъ же родѣ. Новые уставы семинарій и академій поставили для догматики нѣкоторыя новыя задачи, но чтобы выполнить ихъ нужно было время. Статьи архим. Сильвестра представляютъ собою первый опытъ обработки догматическаго богословія примѣнительно къ новымъ требованіямъ. Статьи эти заключаютъ въ себѣ только введеніе въ догматику, но изъ нихъ ясно, какія задачи преслѣдуетъ авторъ, какого метода и плана держится; словомъ по нимъ можно уже составить попятіе и о томъ, какова самая догматика. Сначала авторъ даетъ понятіе о наукѣ догматическаго богословія и ея предметѣ—догматахъ, при чемъ перечисляетъ слѣдующія существенныя, характеристическія черты догмата христіанскаго: а) теологичность, б) богооткровенность, в) церковность и г) законообязательность; затѣмъ онъ опредѣляетъ задачу науки, устранивъ предварительно

недоумѣніе касательно возможности научной обработки догмата; далѣе—указываетъ способъ выполненія задачи, общее руководящее начало при ея выполненіи и частные научные способы ея выполненія или методъ; наконецъ указываетъ образцы церковной вѣры, излагаетъ исторію догматики и предлагаетъ планъ своей системы. По этому плану изложеніе православнаго догматическаго ученія дѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой говорится о Богѣ въ Самомъ Себѣ, а во второй—о Богѣ въ Его явленіи тварямъ. Первая часть дѣлится на два отдѣла: 1) о Богѣ единомъ по существу и 2) о Богѣ троичномъ въ лицахъ; вторая—на три: 1) о Богѣ творцѣ міра 2) о Богѣ промыслителѣ міра и 3) о Богѣ выполнителѣ судебъ своихъ о всемъ мірѣ и родѣ человѣческомъ. Изъ новыхъ статей заслуживаютъ вниманія также двѣ большія переводныя статьи (іюнь и іюль) Поля Жанэ подъ заглавіемъ: *Конечныя причины.* Имя автора довольно уже извѣстно русской читающей публикѣ. Его апологетическія сочиненія охотно переводятся на русскій языкъ и охотно читаются, такъ какъ всегда бываютъ написаны краснорѣчиво и увлекательно. Предлагаемое сочиненіе есть очевидно новое изложеніе извѣстнаго телеологическаго доказательства бытія Божія. Въ напечатанныхъ частяхъ его (окончанія здѣсь еще нѣтъ) авторъ занимается главнымъ образомъ рѣшеніемъ вопроса: что такое конечность (въ смыслѣ цѣлесообразности),—есть ли она законъ природы, или нѣчто случайное? Всѣ свои разсужденія онъ направляетъ къ тому, чтобы дать положительный отвѣтъ; въ дальнѣйшемъ же изслѣдованіи обѣщаетъ заняться рѣшеніемъ вопроса, какая первая причина закона конечности или цѣлесообразности.—Въ статьѣ Олесницкаго *Святая земля* описываются достопримѣчательности, находящіяся въ мѣстности на сѣверъ отъ Іерусалима, по дорогѣ въ Самарію и Галилею. Большая часть, встрѣчающихся на пути холмовъ, носитъ на себѣ слѣды какихъ либо древнихъ остатковъ, истлѣвшихъ отъ времени и едва замѣтныхъ. Авторъ упоминаетъ о холмѣ Тель-ель-Фуль (холмѣ бобовъ), о слѣдахъ древняго города Атара-талмудическаго Бейтара, описываетъ развалины въ деревнѣ Ель-Бире, гдѣ, по преданію, Іосифъ и Марія замѣтили отсутствіе Іисуса и откуда возвратились за нимъ въ Іерусалимъ, развалины древняго Вефиля и развалины Хербетъ-Тибне. Особенно подробно останавливается онъ на по-

слѣднихъ развалинахъ, гдѣ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи находятъ гробницу Іисуса Навина. Нашъ авторъ критикуетъ мнѣнія объ этомъ предметѣ Герена, Сольси и др., не соглашается съ ними и указываетъ гробницу І. Навина въ другомъ мѣстѣ, именно: въ деревнѣ Кефаръ-Харесъ, влѣво отъ большой дороги изъ Іерусалима въ Наплузъ. Въ статьѣ Кипріановича: *Бруно, архіепископъ Кельнскій*, описывается то участіе, какое принималъ Бруно въ политичечкихъ дѣлахъ Франціи, излагается его церковно-административная дѣятельность въ санѣ архіепископа и дѣлаются нѣкоторыя замѣчанія объ ученыхъ трудахъ его. Извѣстія объ этихъ трудахъ оказываются сбивчивыми и недостовѣрными; только двѣ рѣчи несомнѣнно принадлежатъ Кельнскому архіепископу. Двѣ статьи Рождественскаго: *Самуилъ Миславскій, митрополитъ Кіевскій*, заключаютъ въ себѣ окончаніе статей прежде напечатанныхъ. Въ первой изъ нихъ описывается дѣятельность митрополита Самуила по отношенію къ Кіевской академіи и по отношенію къ монастырямъ и церквамъ, находившимся въ предѣлахъ тогдашняго польскаго королевства. Особенно интересенъ первый отдѣлъ статьи, гдѣ бытъ Кіевской академіи конца XVIII в. рисуется очень яркими чертами. Вторая статья (въ іюнской кн.) состоитъ изъ приложеній, заключающихъ въ себѣ письма высочайшихъ особъ и другихъ лицъ къ Самуилу Миславскому и Самуила Миславскаго къ нимъ. Всѣхъ писемъ—71. Между ними есть письма Екатерины II, Павла, великой княгини Маріи Ѳедоровны, Гавріила митрополита Новгородскаго, графа Румянцева-Задунайскаго, Графа Суворова-Рымникскаго и др. Въ іюльской книжкѣ помѣщено окончаніе *Воспоминаній о покойномъ митрополитѣ Кіевскомъ Арсеніѣ* Пѣвницкаго. Здѣсь описывается дѣятельность митрополита во время пребыванія его на Кіевской каѳедрѣ съ 1860 г. до кончины; личность покойнаго архипастыря подъ искуснымъ перомъ автора выступаетъ здѣсь особенно ярко и характерно. Съ особенною теплотою чувства и мастерствомъ рисуетъ авторъ отношенія преосв. Арсенія къ Кіевской академіи, его заботы о благосостояніи и процвѣтаніи академіи, о ея чести и добромъ имени. Въ той же іюльской книжкѣ помѣщенъ *Обзоръ учено-литературной дѣятельности покойнаго профессора Кіевской академіи К. И. Скворцова*. Авторъ этого обзора пр. *Петровъ* поставилъ себѣ задачею, на основаніи

бумагъ покойнаго профессора, дать понятіе о его академическихъ лекціяхъ и въ связи съ ними опредѣлить достоинство и значеніе печатныхъ его трудовъ. Собразно съ этимъ авторъ изображаетъ состояніе науки патрологіи, въ какомъ засталъ ее Скворцевъ, излагаетъ содержаніе лекцій Скворцева, по его конспектамъ, и перечисляетъ его печатные труды. Самая оцѣнка этихъ трудовъ сдѣлана будетъ въ слѣдующей статьѣ. *Критико-библіографическая замѣтка* Н. Д-ва, помѣщенная далѣе въ іюльской кн., касается Одъ Горація, переведенныхъ Преображенскимъ въ Херсонѣ. Авторъ довольно подробно доказываетъ, что „переводъ г. Преображенскаго далеко не вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ школы и читающей публики, хотя къ нему нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ какъ къ весьма не легкому труду, исполненному, вообще говоря, очень добросовѣстно.— Кромѣ указанныхъ статей въ перечисленныхъ книжкахъ Трудовъ Кіевекой академіи помѣщены еще описанія двухъ ученыхъ диспутовъ, магистерскаго—*Ястребова* и докторскаго—*Терновскаго*, письмо изъ *Японской миссіи о затрудни-тельномъ ея положеніи* по случаю восточной войны, *извѣстія церковно-археологическаго общества* и въ приложеніи *Описаніе рукописей* Петрова.

Странникъ. *Апрѣль—іюль.* Въ ряду статей *апрѣльской* книжки, большею частію весьма краткихъ, какъ на болѣе интересныя, можно указать на слѣдующія двѣ статьи: *Каковы мы были бы безъ Іисуса Христа* (съ франц.), Св. А. Ковальницкаго и *Обращеніе къ дѣтямъ декана Стэнли* (съ англійскаго) Л. К. Первая статья имѣетъ въ виду представить, какое было бы состояніе нынѣшней нашей жизни, состояніе человѣчества на землѣ и общественнаго порядка, если бы Христосъ не пришелъ въ міръ. Для этого авторъ разсматриваетъ современные идеалы общественной и семейной жизни и международныхъ отношеній и сопоставляетъ эти идеалы, какъ плодъ божественнаго вліянія христіанства, съ идеалами греко-римскаго міра, какъ нормою цивилизаціи чисто человѣческой. „Всѣ люди—братья. Эта истина, говоритъ авторъ, такъ проста и извѣстна, что даже и малыя дѣти понимаютъ ее, и, такъ сказать, всосали ее себѣ съ молокомъ матери; но это ученіе было новымъ и неизвѣстнымъ даже между мудрѣйшими людьми въ тѣ времена, когда Іисусъ Христосъ впервые проповѣдывалъ его“.... Сенека говорилъ, что чело-

вѣку недостаетъ всеобщей любви, которая есть печать его божественности. Ни одинъ человѣкъ не можетъ сочувствовать всему своему роду. Такъ какъ звѣри живутъ въ стадахъ,—человѣкъ соединяется только съ своими сосѣдями". Христіанство уничтожило рабство, поставило на надлежащую высоту женщину, создало правильныя отношенія родителей къ дѣтямъ, словомъ—обобщаетъ свою мысль авторъ—вся наша лучшая новѣйшая цивилизація основывается на вѣрѣ въ Іисуса Христа. Для большей доказательности своихъ положеній автору слѣдовало бы еще подтвердить, что *дѣйствительно* своей лучшей новѣйшей цивилизаціей человѣчество обязано именно вліянію христіанства, а не своимъ собственнымъ силамъ. Къ сожалѣнію авторъ этого не сдѣлалъ, и оттого его въ сущности прекрасныя мысли могутъ имѣть значеніе и убѣдительность только ad hominem. Вторая статья—*Обращеніе къ дѣтямъ Стэнли*—останавливаетъ на себѣ вниманіе не столько своимъ содержаніемъ, сколько поводомъ, по которому сдѣлано къ дѣтямъ „обращеніе". Воспоминаемое церковію событіе „избіенія отъ Ирода виѳлеемскихъ младенцахъ" празднуется въ Лондонѣ съ особеннымъ, неизвѣстнымъ и непрактикуемымъ у насъ въ Россіи, торжествомъ. Каждый годъ 29 декабря въ Лондонѣ бываетъ особая церковная служба для дѣтей въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, посѣщаемая огромнымъ числомъ молящихся. Прошедшаго года 29 декабря за подобною службою деканъ Стэнли произнесъ къ дѣтямъ и къ сопровождавшимъ ихъ проповѣдь, которая и перепечатана въ Странникѣ подъ выписаннымъ заглавіемъ. Наставленія, даваемыя здѣсь дѣтямъ почтеннымъ деканомъ, выводятся имъ изъ нѣкоторыхъ стиховъ пѣтыхъ за богослуженіемъ псалмовъ и по характеру своему всѣ—можно сказать—истинно христіанскія.— „Любите честный трудъ. Любите пріобрѣтать познанія. Никогда не стыдитесь ежедневно произносить молитвы.. Всегда соблюдайте ваши обѣщанія. Никогда не говорите лжи. Никогда не обижайте, не поднимайте руки, не будьте дерзки и грубы къ женщинѣ, къ дѣвушкѣ, къ кому бы то ни было, кто слабѣе или моложе васъ". Странно только, что въ концѣ концовъ всѣ эти наставленія сводятся *христіанскимъ* проповѣдникомъ не къ воспитанію въ дѣтяхъ истинно-христіанскаго настроенія, а къ возбужденію ихъ національной гордости. „Пусть цѣлый міръ знаетъ, восклицаетъ проповѣд-

никъ, что есть *маленькіе англичане*, мальчики и дѣвочки, рѣшившіеся исполнять свой долгъ, что бы съ ними ни случилось". Въ отдѣлѣ *замѣтокъ* апрѣльской книжки помѣщены выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ покойнаго московскаго митрополита Филарета, напечатанныхъ недавно въ Чтен. общ. люб. духов. просвѣщ., къ преосв. Евлампію Пятницкому, бывшему впослѣдствіи архіеп тобольскимъ. Мы обращаемъ свое вниманіе на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ Филаретъ нападаетъ на Евлампія по поводу продолжительности совершаемаго имъ богослуженія въ церкви, при чемъ совѣтуетъ ему „соразмѣрять дѣло св. усердія съ немощію многихъ". „Продолжительное священнодѣйствіе Ваше, писалъ онъ Евлампію, требуетъ осмотрительнаго разсужденія, соотвѣтствуетъ ли оно цѣли назиданія. Мнѣ сказали, что одинъ изъ членовъ высшихъ служебныхъ сословій, извѣстный усердіемъ къ церкви, охотно выдерживавшій довольно продолжительную церковную службу другаго архіерея, однажды только могъ выслушать литургію вашего служенія, а потомъ долженъ былъ перейти въ другой храмъ. Такихъ людей надлежитъ привлекать къ общенію молитвъ, а не удалять: и потому не должно ли соразмѣрять подвигъ съ немощію. Вѣрный личный слышатель пересказалъ мнѣ отзывъ покойнаго владыки новгородскаго (Серафима) о вашемъ служеніи: „если онъ подвижникъ, пусть подвизается въ молитвѣ въ келліи, сколько желаетъ, а въ церкви пусть сообразуется съ обычаемъ и съ мѣрою вниманія и силы предстоящихъ". Соглашаюсь съ симъ мнѣніемъ, и обращаю на оное ваше вниманіе ради пользы церкви и пользы вашей". Признавая возможность и даже необходимость сокращенія службъ церковныхъ, покойный Филаретъ конечно разумѣлъ не то сокращеніе, которое практикуется по всей православной Руси и состоитъ въ возможно скорѣйшемъ, хотя бы иногда и шепотомъ, прочтеніи положенныхъ молитвъ, псалмовъ и каноновъ. Такая практика тоже „требуетъ осмотрительнаго разсужденія, соотвѣтствуетъ ли она цѣли назиданія", о которомъ такъ заботился просвѣщеннѣйшій іерархъ московскій. Наиболѣе содержательныя статьи *майской* книжки слѣдующія: *Споръ Іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами*, Н. П. Розанова и *На молитвенныхъ собраніяхъ у субботниковъ*, К. Попова. Споръ Іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами составляетъ интереснѣйшій эпизодъ въ исторіи русской цер-

ковно-религіозной жизни XVI в. Онъ вращался главнымъ образомъ около двухъ важнѣйшихъ вопросовъ: о церковныхъ имуществахъ и объ отношеніи свѣтской и церковной власти къ еретикамъ. Въ томъ и другомъ бѣлозерскіе старцы заявили себя передовыми людьми своего времени. Въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ они стояли за отчужденіе ихъ отъ монастырей, а по отношенію къ еретикамъ были противниками строгихъ и жестокихъ противъ нихъ мѣръ. Побѣда осталась на сторонѣ Іосифлянъ. Споръ велся по преимуществу литературнымъ путемъ. Авторъ статьи знакомитъ читателя съ этою литературою довольно обстоятельно и подробно. Вторая, поцитованная нами, статья майской книжки содержитъ въ себѣ весьма интересныя свѣдѣнія объ обстановкѣ богослужебныхъ собраній и содержаніи самаго богослуженія субботниковъ—жидовствующихъ еретиковъ нашего времени. Со всѣмъ этимъ авторъ познакомился въ царевскомъ уѣздѣ, астраханской губ., гдѣ ему посчастливилось попасть на „моленіе“ къ субботникамъ. Въ этотъ разъ моленіе происходило въ „сараѣ, раздѣленномъ перегородкой на двѣ половины: одна изъ нихъ занята была молящимися израильтянами, а другая—домашними животными. Обстановка первой была слѣдующая. Въ одномъ углу стоялъ самый незамысловатый столъ, покрытый бумажною клѣтчатою скатертію. На столѣ большая славянская библія съ новымъ завѣтомъ, признаваемымъ субботниками человѣческимъ произведеніемъ, составленнымъ, по мнѣнію ихъ, „изъ бесѣдъ человѣка Іисуса и его неразумныхъ послѣдователей, надѣлившихъ своего учителя, по своей слѣпотѣ, божественными свойствами“. Вокругъ стола—скамьи: это сидѣнья для патріарховъ. Поодаль отъ стола разставлены были скамейки для женщинъ и дѣтей.... Мужчины и женщины молятся съ покрытыми головами. У мужчинъ замѣтна попытка драпироваться въ одежды библейскаго фасона... На женщинахъ нарядъ обыкновенный—крестьянскій.. .. Богослуженіе субботниковъ состоитъ изъ трехъ частей: пѣнія псалмовъ, собственно моленія, т. е. чтенія молитвъ, заимствованныхъ изъ библіи, и толкованія библіи. Порядокъ моленія опредѣленъ для четырехъ службъ—вечерни въ пятницу подъ субботу и трехъ субботнихъ службъ—утрени, обѣдни (?) и вечерни. Порядокъ псалмопѣнія и чтенія молитвъ видоизмѣняется только на такихъ праздникахъ, какъ пасха, кущи, посты

и т. п. Это видоизмѣненіе состоитъ только въ иномъ подборѣ псалмовъ и чтеній, приличествующихъ времени.... Затѣмъ въ статьѣ предлагаются подробныя описанія всѣхъ богослужебныхъ чиновъ субботниковъ, на которыхъ авторъ присутствовалъ лично и могъ изучать ихъ еще по „обрядник у“, который доставилъ ему одинъ изъ субботниковъ. Между статьями *іюньской* книжки останавливаетъ на себѣ исключительное вниманіе статья неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: *Изъ стараго по поводу современныхъ событій*— публичная лекція, читанная въ Москвѣ въ пользу болгаръ, пострадавшихъ отъ войны. Главное содержаніе этой въ высшей степени интересной статьи состоитъ въ проведеніи параллели между современныхъ положеніемъ православныхъ христіанъ въ Турціи и гоненіями христіанъ въ Римской Имперіи въ первые три вѣка, отношеніемъ язычества къ христіанству и отношеніемъ современнаго западно-европейскаго *христіанскаго* міра къ восточному греко-славянскому православному христіанству. Авторъ статьи—конечно славянофилъ, потому что въ ней отражаются существеннѣйшіе и основные принципы славянофильской школы. Восточное христіанство есть истинное христіанство. Западно-европейскій христіанскій міръ усвоилъ себѣ нѣкоторые языческіе принципы. И какъ, въ силу существеннаго различія основныхъ принциповъ христіанства и язычества, немыслимо было мирное отношеніе послѣдняго къ первому—точно также по этому самому немыслимо и сочувственное отношеніе Европы къ бѣдственному положенію христіанъ Турціи, которые подвергаются страшнымъ мученіямъ и поголовному избіенію предъ ея равнодушными взорами и какъ бы даже съ ея соизволенія. Параллель эта проводится и въ частностяхъ. Древній міръ предъ пришествіемъ Христа потерялъ вѣру въ высшіе человѣческіе идеалы; отсюда пессимизмъ,—глубокое недовольство и разочарованіе въ то время, когда жизнь, по выраженію автора, блестѣла всевозможными цвѣтами и сулила тысячи наслажденій. И „въ наши дни, когда прославленіе нашей цивилизаціи сдѣлалось общимъ мѣстомъ, рождается пессимистическая философія“. Что замѣнило для римлянъ потерянную вѣру въ идеалъ?—Грубый матеріализмъ и поклоненіе чувственности. Все это проводили въ жизнь поэты—Горацій, Тибулъ, Проперцій. Послѣдняго Грановскій называетъ жрецомъ и поклонникомъ плоти. У него нѣтъ

другаго служенія; онъ молитъ для человѣчества вѣчнаго покоя, чтобы оно вполнѣ могло предаться чувственнымъ наслажденіямъ. У лучшихъ людей древняго міра такое животное міросозерцаніе замѣнялось гордою самонадѣянностію на свои собственныя силы и поклоненіемъ своему естественному разуму, который хотѣлъ стать выше неба и боговъ. Тотъ же матеріализмъ, потеря вѣры въ идеалъ и поклоненіе естественному разуму замѣтны и въ современной Европѣ. Отличіе здѣсь только въ томъ, что „въ античномъ мірѣ естественный разумъ царилъ, какъ общій законъ, которому приносилась въ жертву личная свобода и который порождалъ всепоглощающее государство;—въ новомъ онъ выступаетъ, какъ индивидуальная сила. Римскій и германскій міръ—это полюсы, но на одной и той же периферіи".—Два раза возставали германцы противъ абсолютизма римлянъ. При началѣ новой исторіи начало личности, индивидуальной свободы впервые восторжествовало въ области политической. Въ протестантствѣ это начало восторжествовало и въ области духовной. Признаніе личнаго разума единственнымъ судіею въ дѣлѣ вѣры повело съ одной стороны къ разнообразнѣйшимъ сектамъ, съ другой послѣдовательно привело къ невѣрію. Христіанство, долженствовавшее обновить міръ, и умиравшее язычество встрѣтились враждебно,—разошлись далеко, какъ откровеніе и естественный разумъ, горделиво предъявлявшій притязаніе на абсолютное совершенство, на абсолютную непогрѣшимость, на самоспасеніе. Откуда должно возсіять обновленіе нынѣшнему міру? „Въ настоящее время выступаетъ, отвѣчаетъ авторъ, какъ мощный дѣятель на сценѣ всемірной исторіи, православно-славянскій міръ,—въ которомъ сохранилось истинное разумѣніе христіанства,—то, чему суждено и что единственно только можетъ одухотворить современную цивилизацію, избавивъ ее отъ господства эгоизма, страстей, грубаго утилитаризма и меркантильности.—Древніе христіане, бѣдные, гонимые, по прошествіи трехъ вѣковъ восторжествовали. Они побѣдили великой, могучей силой вѣры въ истину своего ученія и призванія... Свѣтится ли тамъ, гдѣ въ страшномъ угнетеніи и мракѣ томится несчастная христіанская райя, хотя слабое подобіе того священнаго пламени вѣры и воодушевленія, которое отличало подвижниковъ креста въ первые три вѣка?.... Въ отдѣлѣ замѣтокъ іюньской книжки помѣщены *Воспоми-*

нанія стариннаго черниговскаго семинариста, И. Кулжинскаго. Воспоминанія эти относятся дѣйствительно къ стариннымъ временамъ. Они обнимаютъ собою годы—1811—1823. Къ сожалѣнію, въ статьѣ блѣдно и безцвѣтно обрисована собственно жизнь семинарская. Авторъ пережилъ эпоху преобразованія семинарій 1817 г. и въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ только на этотъ фактъ, ничего не говоря о томъ, какъ отразилось это преобразованіе на внутренней жизни семинаріи, что внесло оно новаго и какъ отнеслись къ нему современники? Вѣроятно все это совершилось тихо и заслонилось въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ автора такими крупными событіями, какъ наполеоновскій погромъ и посѣщеніе Чернигова Императоромъ Александромъ I. Поэтому и лучшія страницы воспоминаній относятся къ разсказу объ этихъ событіяхъ. Съ эпохою наполеоновскихъ войнъ связано у автора воспоминаніе объ одномъ архіереѣ, подвергшемся разстриженію. Это былъ несчастный Варлаамъ (Шишацкій), епископъ могилевскій, который во время занятія бѣлорусскихъ губерній Наполеономъ самъ поминалъ и предписалъ поминать по епархіи на служеніи имя Наполеона вмѣсто Александра Павловича. Святѣйшій Синодъ присудилъ его къ изверженію изъ сана; разстриженіе происходило 29 іюня 1813 года. Пріѣхали въ каѳедральный соборъ вмѣстѣ оба архіерея—Михаилъ черниговскій (впосл митр. Спб-скій) и Варлаамъ. Оба были встрѣчены торжественно и облачены были оба на амвонѣ также торжественно. Вдругъ секретарь консисторіи всходитъ на каѳедру и громогласно читаетъ указъ Св. Синода, исчисляющій преступленія Варлаама и осуждающій его на снятіе съ него священнаго сана, съ оставленіемъ при немъ только монашества и съ опредѣленіемъ его на вакансію простаго монаха въ новгородсѣверскій преображенскій монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ протодіаконъ снялъ съ Варлаама митру, панагію, омофоръ, саккосъ и прочія облаченія. Подали ему рясу и клобукъ, и онъ быстро сбѣжалъ съ амвона въ алтарь чрезъ боковую дверь, — потребовалъ въ алтарѣ воды, напился, — потомъ чрезъ пономарню выбѣжалъ изъ церкви, побѣжалъ къ каретѣ и уѣхалъ въ Елецкій монастырь. Архіепископъ Михаилъ, во все время снятія сана съ Варлаама, плакалъ горькими слезами, и потомъ, по удаленіи Варлаама, совершая литургію, постоянно плакалъ. Многіе, стоявшіе въ хра-

мѣ, также не могли удержаться отъ слезъ..... Въ *іюльской* книжкѣ лучше всѣхъ понравилась намъ статья преосв. Никанора, еп. уфимскаго—*Значеніе настоящей восточной войны*. Это рѣчь въ день рожденія Государя Императора, обращенная къ воинамъ, отправляющимся въ походъ. Много прекрасныхъ, задушевныхъ рѣчей сказано было пастырями нашей русской церкви при торжественной минутѣ прощанія съ войсками, отправляющимися на поле настоящей святой брани, но ничего подобнаго превосходнѣйшей и образцовой рѣчи Никанора мы не читали. Рѣчь состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части мастерски изображено безпримѣрное въ нашей исторіи всенародное движеніе въ пользу славянства, движеніе, свидѣтелемъ котораго ораторъ былъ самъ на Дону,—и затѣмъ съ глубокимъ пониманіемъ историческихъ судебъ Россіи очерчено историческое значеніе настоящаго царствованія вообще и въ частности послѣдней войны; заканчивается эта часть поздравленіемъ слушателей со днемъ рожденія Государя Императора. Эта часть рѣчи могла бы быть сказана и съ общественной трибуны и сдѣлала бы честь первостатейному свѣтскому оратору. Мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на вторую часть рѣчи, которую вполнѣ можно назвать церковною проповѣдію. Здѣсь одушевленный ораторъ говоритъ къ воинамъ, какъ архипастырь края отъ лица Церкви Божіей. Въ основу своихъ архипастырскихъ наставленій онъ полагаетъ слова Іоанна Крестителя къ воинамъ: *Никого не обижайте, не клевещите, и будьте довольны вашими оброками*. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь нѣсколько строкъ изъ рѣчи. „*Не обижайте*. Воюйте мужественно, стойко, и стремительно. Даже кровь проливайте, когда необходимо. За этимъ и идете. Но не больше того крови проливайте, сколько требуетъ необходимость. Помните, что даже врагъ воюющій исполняетъ свой гражданскій долгъ, и уважайте въ немъ жертву долга. Знайте, что они, будущіе враги ваши, бываютъ даже хорошіе, честные, прямодушные люди.... Кромѣ врага сражающагося, тамъ еще вы встрѣтите безъ сомнѣнія врага бѣгущаго, врага лежачаго, изнемогающаго отъ ранъ, врага, истекающаго кровію, врага, просящаго пощады, врага, взывающаго даже о помощи. *Не обижайте*. Излишнею обидою врага не оскорбляйте поборающаго по васъ ангела. Будьте христіанами, будьте русскими.

Лежачаго не бьютъ, говоритъ русская пословица. Несчастному всегда посильно помогаютъ, подсказываетъ русское христолюбивое сердце. Кромѣ воюющихъ враговъ тамъ найдете немощныхъ стариковъ, беззащитныхъ женщинъ, голодающихъ дѣтей. Не обижайте никого. Помните, что идете отмщать врагамъ за подобныя же обиды, за притѣсненія несчастныхъ, за насилія надъ слабыми. Не подражайте же своимъ врагамъ, не кладите пятна на себя. Помните, что ангелъ смерти всегда носится надъ вашими головами. Въ эту минуту ты запятнаешь душу нечистымъ преступленіемъ; а въ слѣдующую минуту ангелъ смерти поставитъ тебя на судъ Божій“..... Что можетъ быть величественнѣе картины христіанскаго епископа, напутствующаго воиновъ на брань такими наставленіями!!!

Христіанское чтеніе (іюль—августъ). Книжка начинается статьею г. Червяковскаго—*Ученіе Ѳеофана Прокоповича о Св. Писаніи въ символическомъ и церковно-историческомъ отношеніи*. Разсматривая Ѳеофановъ трактатъ о св. писаніи, авторъ доказываетъ, что Ѳеофанъ „хотя и рядится въ протестанскую одежду, но по существу вездѣ остается православнымъ“,—что онъ не отвергаетъ авторитета св. преданія, а ставитъ св. писаніе выше преданія, какъ чистую бож. истину, свободную отъ всякихъ примѣсей человѣческихъ мнѣній, всегда болѣе или подлежательныхъ, часто и невѣрныхъ. Причину, почему Ѳеофанъ склоняется болѣе къ протестантизму и возстаетъ противъ латинскаго ученія о св. писаніи, авторъ указываетъ въ желаніи Ѳеофана бороться съ католичествомъ. Проповѣдники его въ юго-западной Россіи совращали православныхъ своею проповѣдію, будто оно отъ православія отличается только обрядомъ и непризнаніемъ папы. Ѳеофанъ и указываетъ болѣе существенное различіе между православіемъ и латинствомъ. Потомъ латинство внушало русскому богослову враждебное чувство своею исторіею гоненій, угнетеній, смутъ, козней, бывшихъ въ 17-мъ вѣкѣ, а протестанство, какъ гонимое, возбуждало симпатію. Протестанскій принципъ Ѳеофанъ принимаетъ не въ церковномъ значеніи, а лишь въ богословско-научномъ, говоритъ авторъ, хотя мы не понимаемъ ясно такого различенія. Свою догматику Ѳеофанъ строитъ т. о. на одномъ свящ. писаніи и это было новостію въ русскомъ богословіи. Указавъ далѣе характеръ романо-германскаго богосло-

вія, разработывавшаго антропологическій элементъ, авторъ указываетъ, что въ сферѣ этихъ вопросовъ, не формулированныхъ вселенскими соборами, русскій богословъ законно могъ согласиться съ протестанствомъ, не переставая быть православнымъ. Далѣе авторъ указываетъ отношеніе трактата Θеофанова къ „Посланію восточныхъ патріарховъ“ и къ „Прав. Исповѣданію“ П. Могилы, и признаетъ съ ними согласіе по существу, и различіе только въ оттѣнкахъ (?). Значеніе Θеофана авторъ видитъ въ томъ, что онъ своимъ богословіемъ убилъ схоластику Кіева и Москвы и открылъ эру петербургскую — научнаго богословія.—Статья проф. Н. И. Барсова—*Еще о спорныхъ вопросахъ изъ исторіи безпоповщины*—есть отвѣтъ на статью г. Нильскаго, указавшаго „промахи“ г. Барсова; послѣдній защищается отъ этихъ „промаховъ“, отрицая ихъ въ своей прежней статьѣ. Вопросъ о нравственности поморской безпоповщины достачно изчерпанъ въ прежнихъ статьяхъ двухъ профессоровъ и апологія г Барсова вертится теперь на незначительныхъ фактахъ. Слѣдуетъ далѣе переводъ статьи шведскаго богослова Фрюкселя, сдѣланный прот. Судаковымъ—*Сведенборгъ, его жизнь и дѣятельность*. „Безпристрастіе сужденія, простота и обстоятельность изложенія, здравый смыслъ“—вотъ отзывъ о Фрюкселевскомъ трудѣ переводчика. Здѣсь описывается юность Сведенборга, во время которой онъ проявлялъ природную наклонность къ мистицизму, его занятіе естественными науками и переходъ къ духовидѣнію; увлеченіе послѣднимъ авторъ объясняетъ какъ наслѣдіе Сведенборгомъ отъ отца и какъ вліяніе того вообще духа, который господствовалъ во время его молодости въ научномъ отношеніи въ Швеціи. Послѣ длиннаго ряда странныхъ сновидѣній сильная дѣятельность фантазіи Сведенборга перешла наконецъ въ умопомѣшательство; онъ объявилъ себя мессіею, котораго жиды хотятъ распять. Съ 1745 г. Сведенборгъ вмѣсто сновидѣній сталъ получать откровенія въ бодрственномъ состояніи и 57 лѣтній старикъ предался исключительно предметамъ религіознымъ и сверхъестественнымъ; онъ сталъ говорить, что избранъ отъ Бога быть основателемъ новой и лучшей религіи. Источникомъ религіознаго ученія для него послужила т. н. *ученіе о соотвѣтствіи*“, по которому въ библіи искали кромѣ буквальнаго аллегорическій смыслъ, напр. Авраамъ—внутренній человѣкъ, Египетъ—наука познаній, Сарра—истина.

Вся новая религія Сведенборга, по автору, есть не что иное, какъ лютеранство, смѣшанное съ раціонализмомъ; основная мысль—это „вѣра въ достаточность человѣка для самаго себя и вытекающую отсюда способность личнаго самоусовершенствованія"; послѣднее заимствовано имъ изъ неологизма.—Далѣе слѣдуетъ *Сущность христіанства съ нравственной точки зрѣнія*, о. ректора, прот. Янышева; это—лекціи, читанныя въ обществѣ любителей дух. просв. великимъ постомъ. Въ своихъ лекціяхъ о. протоіерей поставилъ задачею дать краткій, опредѣленный отвѣтъ на два вопроса: что значитъ быть нравственнымъ и что значитъ быть христіаниномъ? Въ напечатанныхъ двухъ первыхъ чтеніяхъ, лекторъ отвѣчаетъ на первый изъ этихъ вопросовъ. Слово „нравственность" онъ объясняетъ прежде всего этимологически, производя отъ „нравиться", что указываетъ на чувство, которому что-то нравится; „а какъ скоро есть въ насъ это чувство, то есть и влеченіе къ тому, что нравится,—есть сила, ищущая себѣ удовлетворенія въ томъ, что называется нравственнымъ". Что же такое нрав. чувство? оно возбуждается дѣятельностію, поскольку она сознается зависящею отъ меня самаго, міромъ субъективнымъ, міромъ нашихъ намѣреній и дѣйствій; мы сами *инстинктивно* (?) оцѣниваемъ эти намѣренія и дѣйствія и называемъ ихъ *добрыми* и *злыми*. Подъ нрав. закаломъ о. протоіерей разумѣетъ результатъ работы мысли надъ содержаніемъ многократнаго проявленія нрав. чувства; это тѣ же одобренія и порицанія, мученія и радости отъ нрав. чувства, только сгруппированныя и отвлеченныя въ общія понятія объ этихъ дѣйствіяхъ. Совѣсть есть сознаніе съ одной стороны отдѣльныхъ движеній нрав. чувства, съ другой—нравств. закона и соединеннаго съ этимъ сознаніемъ чувства долга. Рядомъ съ этими психологическими признаками наконецъ ставится нрав. свобода, подъ которой разумѣется ни отъ кого и ни отъ чего независящая сила или энергія самоопредѣленія въ отношеніи именно къ добру или злу. Рѣшеніемъ возраженій со стороны противниковъ свободы оканчивается 1-я лекція, посвященная выясненію психологическихъ признаковъ нравственности. Вторая лекція имѣетъ предметомъ своимъ выясненіе *содержанія* нравственности, являющагося во внѣшней жизни. Какое же это содержаніе? авторъ не находитъ этого содержанія ни въ философскихъ принципахъ, не довольствуется и обыкновеннымъ

опредѣленіемъ, и указываетъ свою формулу: „быть нравственнымъ, говоритъ онъ, со стороны реальной значитъ быть разумною властію по отношенію ко всему безличному или матеріальному,—и любовію и справедливостію по отношенію ко всѣмъ другимъ личностямъ и обладать соотвѣтственными внутренними, внѣшними, аскетическими и общежительными, нравственными благами". Слѣд. содержаніемъ нравственности о. протоіерей считаетъ соединеніе многихъ элементовъ—свободы, любви, правды или справедливости,—проявляющихся какъ въ сферѣ индивидуальной, такъ и общественной. Этимъ заканчивается вторая лекція.—Такимъ образомъ достопочтенный авторъ зацѣпляетъ въ своихъ лекціяхъ очень много предметовъ, изъ коихъ не мало такихъ, относительно которыхъ еще споритъ современная наука. Въ первой лекціи сказывается тяготѣніе къ т. н. интуитивнымъ моралистамъ, во второй къ Гербартіанскому опредѣленію нравственности. *Слово на день рожденія Государя Императора* преосв. Димитрія волынскаго въ обстоятельствахъ рожденія Государя усматриваетъ нѣкоторое предъизображеніе того, что частію уже совершилось, частію заключено еще въ отрадныхъ упованіяхъ и надеждахъ: эти знаменательныя обстоятельства—рожденіе въ Москвѣ, положеніе новорожденнаго въ раку свят. Алексія, куда положенъ былъ и Петръ I при своемъ рожденіи, рожденіе во время празднованія пасхи церковію.—Статья *О миссіонерской дѣятельности въ Симбирской епархіи 1875—76 годовъ*—есть записка, читанная въ годичномъ собраніи симбирскаго епархіальнаго комитета и членовъ миссіонерскаго общества. Изъ записки сей узнаемъ, что въ Симбирской епархіи учреждены миссіонеры, дѣятельность которыхъ не безъ успѣха: въ отчетномъ году присоединено къ православной церкви 110 человѣкъ.—Книжка заканчивается статьею *Н. Р. Современное масонство и его отношеніе къ христіанству*. Авторъ происхожденіе масонства выводитъ какъ реакцію въ XVIII в. матеріализму и ищетъ основъ его въ той сторонѣ человѣческаго духа, которая стремится возвыситься надъ чувственнымъ міромъ и поддержать общеніе съ міромъ высшимъ. При всей разнохарактерности масонства и волтеріанства авторъ видитъ и сходство между ними: въ основѣ какъ того, такъ и другаго лежалъ одинъ и тотъ же деизмъ. Современное масонство въ Англіи откинуло притязаніе основать новую религію и задачею своею

имѣетъ главнымъ образомъ развитіе филантропіи. Это и дѣлаетъ масонство популярнымъ въ Англіи. Въ странахъ католическихъ масонство претендуетъ замѣнить своею сектою христіанскую церковь. Въ протестанскихъ странахъ также масоны доказываютъ превосходство раціонализма и деизма надъ христіанствомъ и рекомендуютъ своимъ адептамъ отчужденіе отъ христіанской церкви: девизъ германскаго масонства—универсальная гуманность. Многіе масоны примкнули къ культурной борьбѣ противъ папства. Въ Швеціи масонство сочувствуетъ религіознымъ интересамъ, хотя ихъ понимаетъ субъективно. Въ Австро-Венгріи оно носитъ болѣе политическій характеръ. Во Франціи и Бельгіи масонство также не чуждо политическихъ и революціонныхъ стремленій. Но въ рѣзкомъ видѣ политическій характеръ масонства выступаетъ въ Италіи.

Православное Обозрѣніе. *Мартъ*. Послѣ *слова преосв. Дмитрія въ недѣлю о блудномъ сынѣ* идетъ продолженіе изслѣдованія прот. Иванцова-Платонова *Ереси и расколы первыхъ вѣковъ христіанства*. Здѣсь обозрѣваются *частныя ересеологическія писанія церковныхъ учителей III вѣка: Тертулліана, Кипріана, Новаціана, Климента Александрійскаго, Оригена, Діонисія Александрійскаго и Архелая Казхарскаго*. Объ ученыхъ пріемахъ автора мы уже не разъ высказывались; и потому въ настоящій разъ считаемъ излишнимъ повторять прежнее наше мнѣніе. *Телеологическая идея и матеріализмъ* составляетъ окончаніе изслѣдованія проф. Кудрявцева. Въ предшествовавшей статьѣ были, какъ мы видѣли уже, указаны основанія, какія имѣетъ философія къ признанію цѣлесообразнаго устройства міра (эмпирическія и раціональныя). Въ настоящей статьѣ разбираются возраженія современнаго матеріализма,—направленныя съ одной стороны противъ значенія фактическихъ доказательствъ цѣлесообразности міра, а съ другой противъ объективнаго значенія самой идеи цѣли. Въ первомъ отношеніи указываютъ 1) что есть много предметовъ не представляющихъ никакихъ слѣдовъ разумности и цѣлесообразности. На это авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, во-первыхъ, что эти частные случаи не уничтожаютъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ цѣлесообразность эта видна, и что выводъ отсюда заключается только въ ограниченіи цѣлесообразности, но отнюдь не въ уничтоженіи ея. За тѣмъ, отъ

неизвѣстности цѣли нельзя еще дѣлать заключеніе къ ея отсутствію: многое, неизвѣстное сначала, дѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи. Далѣе, для опредѣленія цѣли частей и органовъ какого либо индивидуума не должно брать его in statu quo, въ данный моментъ его жизни, а нужно имѣть въ виду все продолженіе жизни: то, что теперь представляется ненужнымъ, или безцѣльнымъ, могло быть нужнымъ когда нибудь. Тоже правило надо прилагать и къ цѣлымъ родамъ существъ и ко всей неорганической природѣ. Наконецъ, при разсужденіи о цѣли должно имѣть въ виду не только образованіе и поддержаніе жизни организма, но и его красоту. 2) Есть, говорятъ, явленія въ природѣ прямо безсмысленныя; какъ-то всѣ уроды. Не ясно ли, что въ природѣ дѣйствуютъ лишь механическія силы, а отнюдь не разумныя? Въ возраженіи этомъ, отвѣчаетъ авторъ, содержится уже и признаніе истины, такъ какъ *уродливость* есть нарушеніе закона; а возможно ли бы это нарушеніе, если бы не *было закона?* Кромѣ того, физіологія ясно показываетъ въ самыхъ аномаліяхъ или уродствахъ стремленіе или усиліе природы создать типъ правильный, но усиліе не достигнувшее цѣли отъ неблагопріятныхъ дѣйствій внѣшнихъ механическихъ силъ и случайныхъ обстоятельствъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ существованіе въ организмѣ пластической или цѣлительной силы. Съ другой стороны, замѣчаютъ, что и такъ назыв. цѣлесообразныя произведенія природы могутъ быть объяснены изъ причинъ естественной необходимости. Так. обр. есть только причины дѣйствующія, но нѣтъ причинъ конечныхъ. Но дѣйствующая причина не изключаетъ собою причины конечной, и матеріализмъ могъ бы опровергнуть идею цѣлесообразности только фактическими доказательствами, что дѣйствительно *стройнымъ* существованіемъ извѣстнаго органа въ организмѣ условливается кажущееся цѣлесообразнымъ его употребленіе; но подобнаго рода доказательства рѣшительно невозможны. Всѣ представленныя мысли, въ достаточной степени раскрытыя, дѣлаютъ статью проф. Кудрявцева очень полезною и интересною. Послѣ *слова, сказаннаго въ церкви Харьковскаго Университета 17. янв. 1877 г.* слѣдуетъ коротенькая замѣтка *Изъ посмертныхъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина объ отношеніи церкви къ свободѣ.* Замѣтка эта составляетъ неоконченные наброски мыслей о свободѣ граж-

данской о свободѣ политической и о свободѣ мысли. Авторъ имѣлъ въ виду возраженія противъ свободы въ томъ и другомъ и третьемъ отношеніи; и хотя наброски его очень кратки и почти не раскрыты; но они задѣваютъ самую глубину вопроса и отличаются ясностію представленія. *Современная ученость и христіанство* представляетъ окончаніе разбора книги Дрэпера, сдѣланнаго г. Милославскимъ. Разборъ начинается здѣсь съ шестой главы Дрепера, въ коей американскій ученый излагаетъ, что и самое ученіе вѣры, въ своихъ источникахъ, идетъ противъ научной очевидности, отстаиваетъ дознанное и явное заблужденіе, такъ что здѣсь „столкновеніе кончилось, по словамъ его, „совершеннымъ пораженіемъ церкви". Нашъ критикъ очень удачно разбиваетъ ложную идею этихъ столкновеній. Не говоря уже о томъ, что и эта глава начинается опять столкновеніемъ *людей* науки (Коперника, Галелея) не съ христіанствомъ, а съ невѣжествомъ,—дальнѣйшее описаніе мнимыхъ столкновеній христіанства съ наукою, представляетъ очень много страннаго. Критеріемъ науки у него служатъ ереси и расколы, а за тѣмъ, съ открытіемъ Пандектовъ Юстиніана и со времени изученія римскаго права, вообще болѣе здравыя понятія о свойствѣ юридическаго или философскаго доказательства, ускорившія наступленіе реформаціи, которой, впрочемъ, наука ничѣмъ не обязана. Критеріемъ же христіанства являются у него только мученичество, чудеса, пророченія бѣсноватыхъ, божьи суды: нѣтъ здѣсь ни свящ. Писанія, ни преданія. За тѣмъ, идетъ рѣчь о спорахъ по управленію вселенной, разсказывается исторія научныхъ открытій; тутъ же идутъ разсужденія объ отрицаніи промысла и свободы, а рядомъ съ этимъ упреки и насмѣшки надъ католичествомъ и наконецъ объявляется торжество науки и гибель христіанства. Сдѣлавъ мѣткія, хотя и краткія замѣчанія на означенныя мысли Дрэпера, показавъ, сколько въ его исторіи пустой, неотносящейся къ дѣлу болтовни, критикъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ, какіе взгляды г. Дрэпера лежатъ въ основѣ его исторіи, какъ смотритъ ученый на христіанство и науку и ихъ взаимныя отношенія. Подъ именемъ христіанства у него является—то ученіе о любви къ блажнему, то политика христіанскихъ государей и папъ, то католичество, то церковь, то духовенство, то книга Бытія, то богословская наука.

Религіи вообще и христіанства въ частности Дрэперъ не знаетъ и не понимаетъ, въ чемъ онъ служитъ типомъ многаго множества представителей современной учености, которые по убѣжденію, или по модѣ, на перерывъ судятъ и осуждаютъ христіанство. Подъ наукою же, вмѣсто сложнаго историческаго процесса умственнаго развитія и результата этого процесса, Дрэперъ разумѣетъ—то естествознаніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, при чемъ всякое умозрѣніе, неосновавное на опытѣ и математическомъ вычисленіи, объявляется чуждымъ наукѣ, то ереси и расколы, то система современныхъ научныхъ гипотезъ, то видитъ онъ ее въ промышленности и на всемірныхъ выставкахъ. Отъ такой спутанности понятій и выходятъ у него постоянныя столкновенія между христіанствомъ и наукою. „Что христіане, прекрасно замѣчаетъ критикъ, способны впадать въ заблужденіе, презирать и гнать науку, этого никто отрицать не станетъ, какъ никто не можетъ отрицать, съ другой стороны, что и ученые, никакъ не менѣе, способны впадать въ заблужденія, и гнать истину, особенно христіанскую. Слѣдуетъ ли отсюда, что столкновенія христіанства съ наукою обусловливаются тѣмъ, что христіанство есть источникъ тьмы и заблужденій, а наука—источникъ свѣта и истины?... Винить христіанство въ томъ, что оно не переломило естественнаго хода научнаго развитія и не превратило вдругъ большинство людей въ ученыхъ и развитыхъ, т. е. иначе сказать не подарило человѣчеству ни астрономіи, ни математики, ни физики, ни химіи, ни біологіи,—и не справедливо и безтолково“. Вообще настоящая критика Дрэпера, по обстоятельности, зрѣлости и мѣткости сужденій составляетъ одну изъ лучшихъ русскихъ критическихъ статей, касающихся достоинства и значенія иностранныхъ произведеній такъ наз. антихристіанскаго направленія. Въ статьѣ *Успѣхи нашей библейской науки* весьма высоко оцѣнивается переводъ проф. Коссовича *Еврейской грамматики В. Гезеніуса* и *Еврейской хрестоматіи съ ссылками на грамматику Гезеніуса И. Глоссаріемъ*. Авторъ статьи горячо сочувствуетъ развитію у насъ библейской науки. Въ отдѣлѣ *Современнаго Обозрѣнія* излагается *Движеніе въ пользу отмѣны церковно-государственнаго установленія въ Англіи*. Дѣло въ томъ, что англійское правительство отождествляетъ по объему государство съ церковію, т. е. при-

знаетъ одно исповѣданіе, одну церковь и игнорируетъ всѣ прочія исповѣданія. Лица другихъ исповѣданій не принимали никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ страны. Но такое ограниченіе уничтожалось мало по малу; а въ послѣднее время возникла партія, считающая за аномалію самое *установленіе* господствующей церкви; въ духѣ этой партіи и помѣщена статья съ вышеозначеннымъ заглавіемъ въ двухъ-недѣльномъ обозрѣніи. Эта статья доказываетъ, что церковное установленіе или система патронатства должна имѣть вредное вліяніе на духъ и нравственное достоинство духовенства, и что когда вѣра и обрядъ въ церкви утверждены актомъ парламента, церковь подвергается утратѣ духовной свободы". Однако далеко не всѣ такъ думаютъ въ Англіи, и планъ отмѣны *установленія* встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, сильную аппозицію. По этому поводу Гладстонъ разсуждаетъ такъ, что съ отмѣною *установленія* государство англійское перестало бы быть христіанскимъ государствомъ". Книжка заканчивается письмами пр. Ѳеофана по восточному вопросу. Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ обращаетъ на себя вниманіе разъясненіе о прот. А. М. Иванцова—Платонова *о древнемъ расколѣ четыредесятниковъ*. О. протоіерей доказываетъ существованіе этого раскола во второмъ христ. вѣкѣ, и обѣщаетъ познакомить насъ съ его оттѣнками въ своемъ изслѣдованіи, хотя и не скоро. Въ замѣткѣ *Великосвѣтская раскольница* излагается извлеченіе изъ жизнеописанія совратившейся изъ православія въ католичество и признанной святою Натальи Нарышкиной. Извлеченіе это заимствовано изъ „Новаго времени", и представляетъ много любопытнаго и поучительнаго, такъ какъ описываетъ тотъ психологическій процессъ, коимъ русская древняго рода аристократка сдѣлалась католичкою. Воспитаніе, за границею, незнаніе своей религіи, общество подругъ и аббатовъ—вотъ внѣшнія обстоятельства совращенія.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Хотя редакція „Прав. Соб.“ и заявила, что она не будетъ отвѣчать на пасквиль, помѣщенный неизвѣстнымъ сотрудникомъ „Прав. Обозрѣнія“ относительно „Библ. Извѣстій“,—хотя окончаніе критики (март. кн.) отличается тѣми же качествами, какими изобиловало ея начало (янв кн.),—хотя и здѣсь видна не столько борьба съ замѣчаніями „Извѣстій“, сколько съ лицомъ библіографа, хотя и здѣсь приписываются ему недостойные нравственные мотивы, возводятся напр. обвиненія во лжи и клеветѣ и защищается и превозносится дорогое автору критики имя г. А. Гусева, такъ что ученое преніе дѣлается едвали возможнымъ, а воздаяніе тою же монетою составило бы униженіе литературы;—тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь по *личнымъ своимъ соображеніямъ* сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе тѣхъ мѣстъ, которыя касаются замѣтокъ, *мнѣ* принадлежащихъ въ библіографіи. Прошу редакцію удѣлить мѣсто этимъ словамъ, такъ какъ они коснутся *преимущественно научной* стороны дѣла.

Первое слово о сдѣланной мною замѣткѣ по поводу перевода брошюрки датскаго епископа Мартензена о соціализмѣ. Замѣтки эти касались отчасти характеристики Мартензена, какъ писателя вообще, и въ частности какъ автора брошюрки о соціализмѣ; по отношенію къ первой сторонѣ дѣла высказано было, что Мартензенъ, какъ авторъ „Христіанской Иѳики“ въ своемъ трудѣ высказался скорѣе какъ хорошій методологистъ этой науки, нежели изслѣдователь положительнаго содержанія, что онъ болѣе намѣчаетъ вопросъ, нежели его рѣшаетъ и при такомъ свойствѣ авторскаго таланта онъ только какбы возбуждаетъ въ читателѣ болѣе и болѣе думу о предметѣ, а не даетъ полнаго и обстоятельнаго рѣшенія затронутаго вопроса; посему „въ этой

книгѣ много претензій на рѣшеніе соціальныхъ и индивидуальныхъ нравственныхъ проблемъ, но въ осуществленіи этой благородной задачи авторъ часто болѣе ходитъ, что называется, кругомъ да около вопроса, но не рѣшаетъ его". По этому поводу критикъ Прав. Обозрѣнія пишетъ: „этотъ отзывъ является первостепеннымъ образчикомъ не разумѣющей заносчивости и презрѣнія къ лучшимъ явленіямъ западной богословско-нѣмецкой литературы. И замѣчательно, продолжаетъ критикъ, такой несправедливый отзывъ объ одной изъ лучшихъ книгъ произносится совершенно голословно, такъ что и не знаешь, противъ чего и возражать, важнымъ авторитетнымъ тономъ". Прежде разбора этого отзыва и опредѣленія его достоинства отмѣтимъ то обстоятельство, что брошюрка Мартензена переводима была въ одно время двумя редакціями: Прав. Обозрѣніемъ и Христ. Чтеніемъ; редакція послѣдняго не рѣшилась перевести цѣликомъ и представила ее въ сокращенномъ видѣ, тогда какъ редакція перваго журнала предложила переводъ полный. Это одновременное, но не тожественное отношеніе двухъ редакцій къ одному и тому же предмету естественно вызывало вопросъ, какой редакціи отдать предпочтеніе въ большей тактичности и болѣе правильной и тонкой оцѣнкѣ труда Мартензена? Симпатія моя, какъ библіографа, склонилась ко вкусу редакціи Христ. Чтенія, которое увидало въ авторѣ способность къ излишней расплывчивости и нашло нужнымъ выбросить изъ его брошюрки цѣлую половину, безъ ущерба существу дѣла. Симпатія эта была не неопредѣленнымъ, случайнымъ движеніемъ чувства, а результатомъ *сознательнаго* представленія о переводимомъ авторѣ, вынесеннаго изъ изученія цѣлой его книги, отрывокъ изъ которой являлся въ переводѣ. Подробнаго доказательства своего мнѣнія о книгѣ я естественно не могъ привесть въ краткой библіографической замѣткѣ. Теперь же я считаю долгомъ высказать основанія своего мнѣнія. Для критика Прав. Обозрѣнія книга Мартензена—„одна изъ самыхъ лучшихъ книгъ въ цѣлой литературѣ предмета". Но съ своей стороны и критикъ нашъ, упрекнувъ насъ въ голословности, самъ оказался не менѣе, если еще не болѣе голословенъ. Что книга Мартензена далеко не такъ замѣчательна, какъ воображаетъ нашъ критикъ, это можно видѣть уже изъ того одного, какъ принята была она въ самой Германіи; мы указываемъ на тотъ

фактъ, что вторая часть книги до сихъ поръ не переведена на нѣмецкій языкъ; явленіе это не случайно и объясняется именно опасеніемъ переводчика вызвать въ нѣмецкой критикѣ упрекъ въ излишнемъ усердіи, а въ публикѣ—холодность, не выгодную для кармана переводчика. Благоразуміе послѣдняго выбрало для перевода только одну главу о такомъ предметѣ, который чрезвычайно волнуетъ въ настоящее время нѣмецкое общественное мнѣніе, такъ какъ потокъ соціалистическихъ идей разливается съ каждымъ днемъ шире и шире. Брошюрка Мартензена имѣетъ т. о. за собою достоинство удовлетворенія злобѣ дня и пропагандируется нѣмецкимъ духовенствомъ, какъ довлѣющая ad hoc. Но и въ переведенной главѣ Мартензенъ едва ли является лучшимъ авторомъ. Онъ опускаетъ въ своемъ трактатѣ очень важныя стороны предмета, съ которымъ имѣетъ дѣло; онъ напр. игнорируетъ тотъ фактъ, что въ исторіи самаго христіанства были знаменитыя личности, которыхъ уважаетъ церковь, возводившія, по видимому, въ норму основной принципъ соціализма, или, точнѣе, коммунизма; таковъ напр. св. Василій В., который касательно общенія имуществъ въ устроенной имъ Понтійской общинѣ выражался почти совершенно тожественно съ Прудономъ, котораго классическое изреченіе: „собственность есть воровство“—не оригинально по происхожденію. Соціалисты знаютъ объ этомъ фактѣ и указываютъ на него, какъ на основаніе; посему и писателю противъ соціализма необходимо было разъясненіе того, что высказано было святителемъ IV в. Датскій богословъ совершенно объ этомъ умалчиваетъ; и самъ онъ не различаетъ соціализма, какъ явленія религіознаго отъ соціализма гражданско-общественнаго; его трактатъ скорѣе политико-экономическій, нежели богословское изслѣдованіе. Этихъ слабыхъ сторонъ не подмѣтилъ критикъ. Но достаточно было бы сличить этотъ трактатъ съ произведеніемъ русскаго богослова, чтобы видѣть, гдѣ долженъ быть центръ мышленія богослова, рѣшившагося говорить о соціализмѣ. Таково слово о. прот. Иванцова,—которое своею глубиною мысли и тонкостію анализа оставляетъ далеко за собою датскаго епископа. Затѣмъ о частностяхъ. Въ библіографіи сказано было, что Мартензенъ утрировалъ значеніе въ исторіи соціалистической литературы „Утопіи“ Мора, что эта книга — романическая фикція, которая потому только пріобрѣла себѣ извѣстность,

что ударила въ тонъ идеямъ гуманистовъ и поклонниковъ древности, появившихся предъ эпохою реформаціи. Критикъ не признаетъ утрировки; онъ стоитъ за Мора и вслѣдъ за историками соціализма называетъ его „отцомъ новѣйшаго коммунизма“. Такое выраженіе дѣйствительно есть у историковъ, именно въ переведенной на русскій языкъ „Исторіи коммунизма“ Сюдра; но тотъ же историкъ и говоритъ: „среди ряда идей, столь новыхъ для времени, въ которое они появились, какое значеніе имѣетъ гипотеза общности? играетъ ли она главную, или второстепенную роль? серьезно ли защищалъ ее авторъ, или же въ умѣ его была она лишь критическимъ орудіемъ, элементомъ контраста, предназначеннымъ для того, чтобы рельефнѣе выставить пороки правительствъ и недостатки общества 16-го вѣка? По нашему мнѣнію, *Моръ точно также не долженъ считаться коммунистомъ* за прославленіе общности въ политическомъ романѣ, какъ не долженъ быть причисленъ къ числу теофилантроповъ за проповѣдь деизма въ той же книгѣ“ (Ист. Комм. 162). Почему же теперь критикъ, указывая на писателя и пользуясь цитатою изъ него въ мнимое доказательство своего мнѣнія, не досмотрѣлъ основнаго взгляда этого писателя? Поэтому, когда критикъ ставитъ наивный вопросъ: „почему же Мартензену не слѣдовало обращать *большаго* вниманія на „Утопію“ Мора,— то отвѣтъ ему теперь указывается не въ личномъ нашемъ мнѣніи, а въ мнѣніи историка, которымъ руководствуется самъ критикъ. — За тѣмъ критикъ выражаетъ негодованіе, почему библіографъ находилъ страннымъ причислять къ соціалистамъ Фенелона и апологируетъ за Мартензена слѣдующимъ образомъ: „удивляемся, какъ это не знаетъ библіографъ, что и историки соціализма (даже множ. число!) совершенно справедливо въ извѣстномъ отношеніи (?) причисляютъ Фенелона къ соціалистамъ“. Любопытно знать, кто эти историки, и въ какомъ это *извѣстномъ* отношеніи причисляютъ они Фенелона къ соціалистамъ? Критикъ, бросивъ эту сентенцію, разчитывалъ конечно, что авось многіе повѣрятъ ему на слово, не провѣривъ его ссылокъ; да и трудно провѣрить, когда цитуемые имъ писатели не поименовываются. Между тѣмъ истинная исторія знаетъ Фенелона, какъ богослова того мистико-гуманитарнаго направленія, которое извѣстно подъ именемъ квіетизма; книги Фенелона—Oeuvres Spirituelles и

потомъ Explication de maximes des saintes sur le vie interieure—читались залпомъ современниками, хотя эти творенія не были систематическими произведеніями ученаго богослова, а какими то апоѳтегмами христіанскаго лирика. Въ основу міровоззрѣнія Фенелона легла философія Мальбранша съ ея теоріею видѣнія всего въ Богѣ. Противникъ Фенелона, Боссюэтъ довелъ нападеніе свое до того, что Фенелонъ вызванъ былъ къ отвѣту римскою куріею, но обвиненія послѣдней предъявлены были подсудимому относительно вѣры его въ католическое ученіе о добрыхъ дѣлахъ, объ отношеніи благодати къ волѣ человѣка и т. п.; но чтобы Фенелона обвиняли въ соціалистическихъ тенденціяхъ,—изъ процесса его этого не видно, хотя Босюэтъ не преминулъ бы включить въ обвинительные пункты этотъ важный и сильно компрометирующій пунктъ. Пусть критикъ вмѣсто апріорныхъ предположеній прочтетъ Фелелона, котораго сочиненія есть въ нашей академической библіотекѣ, пусть отыщетъ въ немъ доказательство въ пользу обвиненія своего вмѣстѣ съ Мартензеномъ въ соціализмѣ; если бы было сдѣлано это критикомъ, то онъ бы осторожнѣе сталъ высказывать свои характеристики богослововъ, о которыхъ имѣетъ очевидно самыя туманныя свѣдѣнія. Наконецъ вся апологическая реплика критика заканчивается упрекомъ, какъ мы осмѣлились замѣтить Мартензену, что Зибберъ, которому Мартензенъ отводитъ много мѣста въ своей исторіи коммунизма, не пользуется европейскою извѣстностію. Критикъ наивно замѣчаетъ намъ, что мы „вѣроятно позабыли, что Зибберъ—соотечественникъ Мартензена, и что по причинѣ распространенности книги Зибберна среди датчанъ, Мартензенъ имѣлъ даже обязанность указать своимъ соотечественникамъ на книгу Зибберна, какъ на вредную и выяснить ея дурныя стороны". Мы увѣрены, что критикъ, упрекая насъ въ забывчивости, отлично зналъ, что говоритъ неправду, ибо въ тѣхъ строкахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, есть прямое заявленіе, что Мартензенъ и Зибберъ—оба датчане, т. е. соотечественники. Но мы говорили не о томъ, зачѣмъ Мартензенъ возится съ Зибберномъ, а зачѣмъ редакція Прав. Обозрѣнія не опустила эти страницы, интересныя для датчанина, но лишенныя всякаго интереса для русскаго, ухо котораго и не слыхало и не будетъ слышать имени какого-то Зибберна, что русскій теологъ былъ бы смѣшонъ, если бы

въ своей школьной книжкѣ, обозрѣвая соціалистовъ, отвелъ много мѣста роману Чернышевскаго, который конечно никогда не будетъ занимать почетнаго мѣста въ серьезной исторіи соціолизма. Критикъ по обычаю перевертываетъ дѣло и ставитъ намъ вопросъ; „почему же это (?) богослову не должно быть *никакого* дѣла до того, чѣмъ и какъ напитывается общественная мысль? Не понимаемъ". Мы непонимаемъ, какъ это критикъ постоянно впадаетъ въ qui pro quo, самъ того не замѣчая, а можетъ быть и замѣчая; ужели онъ не видитъ, что вопросъ этотъ адресуетъ онъ къ собственной своей фантазіи?

Второе наше слово касается замѣтки нашей на статью А. Ѳ. Гусева: „Милль какъ моралистъ". Выписываемъ снова эту замѣтку: „какъ и въ первыхъ пяти статьяхъ, такъ и въ настоящей г. Гусевъ представляется не серьезнымъ изслѣдователемъ доктрины Милля, а скорѣе публицистомъ, который схватываетъ общія положенія и бьетъ ихъ не въ принципѣ, а въ конкретной формулѣ. Поэтому его статьи имѣютъ достоинство въ смыслѣ популяризаціи утилитарныхъ тенденцій, а не научнаго анализа самой доктрины и притомъ въ той формѣ, какъ она изложена Миллемъ. Замѣтимъ, что Милль врагъ всякой аргіогі-ческой моральной доктрины и въ утилитаризмѣ видитъ единственно научную форму, въ которой можно представить моральный принципъ; г. Гусевъ, полемизируя съ Миллемъ, стоитъ упорно на апріорной точкѣ зрѣнія, которая даетъ ему возможность писать очень длинныя статьи." Это замѣтка вызвала въ критикѣ цѣлый рядъ чувствъ, которыя по своему характеру показываютъ, въ комъ они могли родиться. Критическій пріемъ автора распадается на двѣ половины, отличающіяся своимъ содержаніемъ: первая состоитъ въ неприличныхъ инсинуаціяхъ личности библіографа, вторая—въ неприличныхъ похвалахъ г. Гусеву, и въ искаженіи фактовъ. Будемъ говорить объ этихъ элементахъ раздѣльно. Прежде всего выступаетъ нравственная сторона критика, который не хочетъ видѣть фактовъ, какъ они суть, и ищетъ въ нихъ страстные мотивы и въ ихъ генесисѣ подозрѣваетъ движеніе самыхъ низкихъ интригъ. Критикъ прежде всего замѣчаетъ, будто библіографія особенно недружелюбно относится къ статьямъ г. Гусева и за тѣмъ ставитъ вопросъ: „что это значитъ? ужь не мститъ ли библіографъ этому сотруднику „Прав. Обозрѣнія" за то,

что онъ рѣшился показать все неприличіе и ничтожество рецензіи на сочиненіе о нравств. идеалѣ буддизма въ его отношеніи къ христіанству, напечатаной въ 1875 г. въ Собесѣдникѣ?... Мы не можемъ не выразить полнаго недоумѣнія, какимъ образомъ редакція Пр. Собесѣдника допускаетъ на страницы своего журнала такія коробящія вещи, которыя такъ легко (?) усмотрѣть и оцѣнить по достоинству"... Что библіографія относится особенно недружелюбно къ статьямъ г. Гусева, критикъ вѣроятно выводитъ изъ того, что не было восторженныхъ диѳирамбовъ, что библіографія не употребляла выраженій, любимыхъ критикомъ, и обыкновенно указывающихъ на превосходныя степени: „первостепенный", „наилучшій", излагала свои мнѣнія по просту безъ затѣй, въ коихъ высказывалось спокойное одобреніе или скромныя замѣчанія, если статьи эти давали для нихъ основаніе. Между тѣмъ личные разсчеты критика идутъ crescendo; вмѣсто разбора дѣла онъ ищетъ лицо, въ которое ему хочется кинуть грязью, и не можетъ скрыть всѣхъ странныхъ подозрѣній, будто въ отзывахъ объ сочиненіяхъ г. Гусева *мститъ* (!) авторъ рецензіи на его книгу о Буддизмѣ. Еще въ началѣ своей критики онъ вставилъ совершенно ненужный для дѣла эпизодъ, единственно для того, чтобы опозорить нашу актовую рѣчь. За тѣмъ, мы просто не знаемъ, будетъ ли когда нибудь конецъ цитатамъ о книгѣ г. Гусева и библіографической замѣткѣ на нее въ Собесѣдникѣ? неужели трехлѣтняго періода времени недостаточно, чтобы наконецъ перестать указывать на каждомъ шагу на книгу г. Гусева, какъ на перлъ созданія, и на оборотъ—на библіографію объ ней, какъ криминалъ? Мы оставляемъ этотъ упрекъ въ мщеніи на совѣсти критика, которому это чувство знакомѣе, нежели кому либо другому. Обращаемся къ дальнѣйшему моменту критики, который еще болѣе поучителенъ. „Библіографъ утверждаетъ, читаемъ мы далѣе, будто статьи о Миллѣ имѣютъ достоинство въ смыслѣ популяризаціи утилатарныхъ тенденцій. Всякому понятно (?), что этимъ намѣренъ сказать библіографъ: на страницахъ Прав. Обозр. дескать не несостоятельность утилитарной доктрины доказывается, а въ болѣе только популярной формѣ *пропагандируется* эта доктрина. Развѣ это не клевета и на автора статей, и на журналъ, печатавшій ихъ"? Перо выпадаетъ изъ рукъ и истощается всякое терпѣніе при выпискѣ

этихъ строкъ. Послѣ обвиненія въ мести теперь является обвиненіе въ клеветѣ, при чемъ лицами потерпѣвшими является не одинъ г. Гусевъ, а и вся редакція Прав. Обозрѣнія. Мы *протестуемъ* противъ этой *недобросовѣстной* выходки сотрудника Прав. Обозрѣнія. Популярное изложеніе и пропаганда развѣ тожественныя понятія? Популяризовать развѣ значитъ дѣйствовать на убѣжденіе въ истинности популярно излагаемаго? Когда историкъ философіи популярно думаетъ изложить свою исторію, ужели онъ претендуетъ на то, что читатель непремѣнно убѣдится въ истинности воззрѣній каждаго философа? До сихъ поръ слово „популярный" обозначало доступный пониманію большинства, неразвитой толпы (populus-a); критикъ извращаетъ это слово, подставляетъ новое и рѣшается комментировать въ смыслѣ доноса на г. Гусева и редакцію, будто ими „пропагандируется утилитарная доктрина". Давно ли онъ у библіографа выписалъ мѣсто, гдѣ есть слова: *бьетъ Милля* (т. е. г. Гусевъ), *полемизируетъ съ Миллемъ*,—которыя ясно показываетъ, что мы констатируемъ фактъ неодинаковости воззрѣнія г. Гусева на моральный принципъ съ воззрѣніемъ Милля? Для нашего критика не писанъ законъ логической послѣдовательности. Все это было бы конечно смѣшно,—если бы не было такъ грустно... Так. обр. указанные оба пріема критика, рѣшившагося имѣть дѣло съ нашею замѣткою, нисколько не говорятъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, не раскрываютъ ни одной стороны вопроса; это—только рядъ безцеремонныхъ выходокъ и выраженіе чисто личной раздражительности. Гораздо болѣе смысла, когда критикъ послѣ брани переходитъ къ характеристикѣ сочиненія г. Гусева. Здѣсь тонъ рѣзко перемѣняется и переходитъ въ панегирическій. Сочиненіе третируется какъ составленное по самымъ лучшимъ пріемамъ, обстоятельно разсматривающее и оцѣнивающее всѣ болѣе важныя подробности книги Милля. Критикъ требуетъ, чтобы именно такъ оцѣнилось сочиненіе и въ библіографіи Собесѣдника. Но вѣдь de gustibus non est disputandum и извѣстно, какіе различные, даже противоположные отзывы встрѣчаютъ себѣ произведенія ученыхъ отъ другихъ; стоитъ напр. припомнить недавній диспутъ г. Суворова въ петербугскомъ университетѣ, гдѣ сочиненіе магистранта раздѣлило ученую корпорацію на двѣ половины. Почему же сочиненіе г. Гусева застраховано отъ

этого общаго свойства всѣхъ произведеній человѣческихъ? почему же критикъ съ такою фанатическою нетерпимостію опрокидывается на мнѣніе, которое нѣсколько отличается отъ его собственнаго? и если мотивъ этихъ варіацій онъ ищетъ въ личныхъ счетахъ, если отсутствіе въ библіографѣ восторженности предъ статьею г. Гусева онъ выводитъ изъ „мщенія“, то не позволительно ли послѣ всего этого и восторгъ его предъ статьею объяснить изъ нѣкоторыхъ противоположныхъ мотивовъ?..

Въ концѣ концовъ критикъ желаетъ доказательствъ въ пользу вышесказаннаго въ библіографіи мнѣнія о сочиненіи г. Гусева. Когда изслѣдованіе г. Гусева будетъ окончено, тогда мы имѣемъ въ виду, въ болѣе или менѣе обстоятельномъ научномъ разборѣ, представить доказательства нашего мнѣнія. Теперь же, заключимъ нашу рѣчь заявленіемъ, что остальныя замѣтки въ библіограф. извѣстіяхъ, противъ коихъ вооружается критикъ въ своихъ двухъ статьяхъ (Янв. и Март. Прав. Обозр.), писаны *не нами*.

Цѣль нашего настоящаго письма та во 1-хъ, чтобы показать, что научная сторона критики очень слаба, и поэтому инсинуаціи и неприличныя выраженія, столь щедрою рукою разсыпанныя, имѣютъ своимъ источникомъ лишь личное чувство критика; во 2-хъ, чтобы опротестовать, что не мы клевещемъ на г. Гусева, а критикъ отъ собственнаго чрева изобрѣлъ то, чего въ нашей замѣткѣ нѣтъ, и потому непристойные приписываемые намъ эпитеты онъ долженъ отнести къ собственной особѣ; въ 3-хъ., чтобы заявить, что полемика по поводу книги о Буддизмѣ не имѣла никакого значенія при составленіи библіографическихъ замѣтокъ даже нами самими,—не только лицами къ этому дѣлу непричастными; а посему простое чувство благоразумія требуетъ, кажется, не упоминать совершенно некстати о томъ, что было да прошло, и въ отношеніи къ чему читатели, интересующіеся дѣломъ, могли оцѣнить по достоинству сильные и слабые пункты той и другой стороны.

А. Гренковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

второй части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

на 1877 годъ.

стран.

Историческій очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія. *М. Я. Монастырева* . . . . . 3, 277, 444 и 606.

О самозарожденіи организмовъ. *В. А. Попова* . . . . . 32.

Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству. *А. И. Алфіонова* . . . 64, 145 и 544.

Религіозное и политическое значеніе хаджа или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку для совершенія религіознаго празднества. *М. А. Мгропіева* . . . . . 128.

Нравственная природа человѣка. Перев. съ нѣмецк. *В. И. Голубинскаго* . . . 211, 341 и 491.

Отношенія между церковною и гражданскою властію въ византійской имперіи. *Ѳ. А. Курганова*. . . . . 252 и 414.

стран.

Расколъ въ уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ половинѣ XVIII в. *В. Витевскаго.* 383.

Библіографическія извѣстія . . . . 327 и 635.

Письмо въ редакцію. *А. И. Гренкова* . 655.

видѣли изъ Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго, какъ ошибочны мнѣнія философовъ о строѣ вселенной, то изъ другаго сочиненія, Діалектики Іоанна Дамаскина, они узнавали, что „философія есть любомудріе, Божіе дѣло есть и мысль непрестанная къ Богу, что она есть разумъ сущихъ, разумъ божественныхъ и человѣческихъ вещей; видимыхъ и невидимыхъ, поученіе смерти, уподобленіе Богу, хитрость хитростемъ и художество художествомъ...; она есть любленіе премудрости, премудрость же духовная истинная Богъ есть и убо любовь яже къ Богу, сія есть истинная философія“ (1). Читая это, наши предки, конечно, не могли оставлять безъ вниманія философскихъ сочиненій. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только взглянуть въ Палею, Пчелу и другіе сборники (2), листы коихъ испещрены выписками и именами древнихъ философовъ, наряду съ выписками изъ книгъ Священнаго Писанія и твореній отеческихъ.

b) *Библіографія*. Библіографическая часть Алфавитовъ очень бѣдна и ограничивается краткими объясненіями названій нѣкоторыхъ литературныхъ памятниковъ, преимущественно византійскаго происхожденія. Эти объясненія могли дать только самое поверхностное знакомство съ тѣмъ или другимъ памятникомъ. Причина краткости библіогра-

(1) См. Migne Patrolog. curs. complet. Tom. XCIV. S. joannis Damasceni Dialectica Cap. III. pag. 533.

(2) См. Сборникъ № 869, рук. Соловец. библ. л. 92—146.

фическихъ замѣчаній, по всей вѣроятности, кроется въ большомъ распространеніи между книжными людьми тѣхъ памятниковъ, которыхъ касаются объясненія. Къ тому же и сами составители часто дѣлали значительныя и разнообразныя выдержки изъ древнихъ литературныхъ памятниковъ, по коимъ можно было судить о характерѣ памятника. Въ Алфавитѣ № 18 кромѣ толкованій наименованія книгъ Свящ. Писанія, находятся слѣдующія, сюда относящіяся, статьи: *Андреатисъ* (есть книга Іоанна Златоустаго, нарицаемая Андреатисъ), *Анѳологіонъ* (цвѣтословіе, имя книги трефолой избранной), *Бисерія Златоустаго*, (Маргаритъ книга тако нарицается), *Геометрія* (земли описаніе), *Граніографъ* (границъ землемѣрныхъ книга), *Діоптра* (зерцало книга, описуемо письмены осмію имя составльшаго ея, въ число же слагаемы содержитъ счетомъ цӣ. Пишемыми сими письменны: филиппос; еръ же въ грекѣхъ не пишется; всякое же имя гречески скончается на осъ) (1), *Эксапла* (книга, глаголемая шестогубецъ, юже Оригенъ пренаписаше хитро весьма и разумно отъ многаго испытанія состроя), *Злато-*

(1) Свѣдѣнія объ этомъ литературномъ памятникѣ нѣсколько подробнѣе изложены въ Алфавитѣ № 19: «Діоптра зерцало. Сію книгу Діоптру написалъ Филиппъ философъ въ градѣ Смоленскѣ въ лѣто ѕ҃хг. Филиппъ объявлено имя осмию буквы. иже содержитъ число цӣ, ихъ же слогъ сицевъ; *φιλιππος*; а ера въ грекехъ нѣсть: по греческой бо пословицѣ имя его объявлено, ибо грецы ко многимъ пословицамъ прибавляютъ осъ, яко же се: василіосъ, петросъ, филлипосъ и прочая», л. 57.

струй (есть же книга Златоустаго, нарицаема Златоструй), *Ихнилатъ* (Ихнилатъ книжка есть баснословная), *Катехизисъ Лютера* (есть же книга Катихисисъ, сложена нѣкимъ злочестивымъ латынянином Мартиномъ Лютеромъ, отвращающая благочестивыхъ въ латынскую ересь), *Криница* (1) (книга исповѣдующая дѣанія въ первыхъ временохъ), *Климаксъ* (книга Лѣствица или Лѣствичникъ), *Кормчая* (книга правилъ святыхъ седми соборъ вселенскихъ), *Кроники* (книги повѣдующыя о державахъ разныхъ царствъ, и о людехъ и о нравехъ, и о промыслохъ, и о птицахъ, и о звѣрехъ и о прочихъ вещехъ), *Космографія* (книжка нова отъ латинскаго языка на рускій преложена; содержитъ же въ себѣ повѣсти подобны Кроникамъ), *Коранъ* (бесерменскаго сквернаго закона книга Коранъ нарицается), *Кукумапаралагай* (Дамаскинова книга философская), *Линомарь* (цвѣтникъ духовный, еже есть патерикъ синайскій), *Логика* (есть книжка тако нарицаема), *Маргаритъ* (есть книга Златоустаго нарицаема Маргаритъ), *Метафрастъ* (книга торжественныхъ святыхъ словъ содержащая житія), *Отурхусъ* (книга врачевская, лечебникъ), *Пандекта* (преподобный Никонъ отъ всѣхъ книгъ принимая по малу и состави книгу, и нарече ея Пандекта, сирѣчь всепріятна), *Паренесисъ* (нарицается книга Ефрема Сирина, понеже она содержитъ въ себѣ слова учительна, и молебна, и приточна, яко же паремія), *Синоксарь* (собраніе вещей повѣдательныхъ; грецы

(1) Такъ называлась Хроника Георгія Амартола.

же святцы Синоксаремъ нарицаютъ), *Θіонъ-θисаврисма*— (божественное сокровище—книга глаголемая небеса Іоанна Дамаскина), *Тактиконъ* (книга никонскихъ правилъ), *Требникъ* (имя книзѣ молитвъ іерейскихъ), *Цыфирь* (книга численица счетная). Кромѣ этихъ книгъ въ Азбуковникѣ передаются свѣдѣнія о книгѣ, составленной Бароніемъ: „Баронѣй. Въ Римѣ былъ учитель въ лѣто 13. яко Платонъ Аѳинеемъ сложилъ книгу глаголемую Стою, ею же и днесь держатъ еллины, якоже христіане Христово Евангеліе, и въ то вѣруютъ крѣпко безпремѣнно, тако же и сей Баронѣй составилъ книгу римляномъ латынскимъ языкомъ содержащая въ себѣ многи книги, яко библія, или якоже кроники, повѣдающа о державахъ разныхъ царствъ о всякихъ вещехъ, подобіе кроникамъ, ею же держатъ римляне и непрестанно въ ней утвержаются“ (1). Наряду съ этими книгами, помѣщенными въ индексѣ истинныхъ книгъ, составителямъ Азбуковниковъ хорошо были извѣстны и отреченныя книги древней русской письменности. При объясненіи, что должно разумѣть подъ *маѳиматійскими книгами*, нѣкоторые составители ссылаются на указатель отреченныхъ книгъ: „Чти Кирил. іерусал. друкъ москов. о отреченныхъ книгахъ“ (2). Въ другомъ мѣстѣ, въ предисловіи именъ человѣ-

(1) Алфавитъ № 18, 89 л. об.

(2) Алфавитъ № 18 л. 289, ссылается на поучительныя слова Кирилла Іерусалимскаго, изд. въ Москвѣ въ 1644 году. См. Кириллъ Іерусалимскій, рук. Солов. Биб. № 1406 л 8 об.

вѣческихъ, составители Азбуковниковъ считаютъ нужнымъ предупредить читателей, чтобы они не читали отреченныхъ книгъ: „такоже въ семъ алфавитѣ объявихомъ имена и отреченныхъ книгъ, да не токмо кто отъ неразумія прочитая ихъ, или вѣруя имъ, прогнѣваетъ Гда Бга: зѣло бо мерзостенъ предъ Господемъ Богомъ всякъ вѣруя волхвованію и чародѣйству, и звѣздочетцамъ, и планитникамъ, и шестокрылу, и любяй гіометрію и прочыя таковыя“ (1). Въ Алфавитѣ объясняются четыре математическія книги: „Аѳиматикія, еже есть планиты, Мусикія, Геометрія, Астрономія (Марменіа). Ариѳметика числительная художество, яже счисляти число, наука счетная, хитрость мѣры, фортелрахованья, пята паука вызволенная (2): ариѳметикіи суть планиты, въ нихъ же пишетъ, яко планитнымъ движеніемъ вся яже на земли строится“ (3). По Азбуковнику № 19, „мусикія: въ ней пишетъ пѣсни и кощуны бѣсовскія, ихъ же латины припѣваютъ къ мусикѣйскихъ органъ согласію, сіирѣчь къ гудебнымъ сосудъ свиряпію и играмъ, но вся сия четыре книги предреченныя прокляти суть святыми отцы и отреченны: не звѣзднымъ бо движеніемъ, рекше не планитами, ни зодіями правится житіе человѣческое на земли, ниже фортуною, но промысломъ вседержителя Бога“ (4). Объ-

(1) Ibid. л. 80.

(2) Ibid. л. 67.

(3) Алфавитъ № 19. л. 115.

(4) Ibid.

ясняя названіе геометріи, Алфавитъ говоритъ: „есть сіе художество землемѣріе, по еллински геометрія, зѣло полезно къ размѣренію градовства, и путій и къ инымъ вещемъ паче большимъ“ (1). „Астрономія—звѣздозаконная или звѣздочетная семая наука позволенная (2)“.

с) *Исторія.* Исторія является въ Алфавитахъ иностранныхъ рѣчей какъ передача свѣдѣній о бывшихъ событіяхъ вообще, будетъ ли то изъ жизни цѣлаго народа, или отдѣльнаго лица. Въ большинствѣ списковъ Алфавитовъ солов. библ. исторія отождествляется съ лѣтописью: „исторія—лѣтописецъ“, говорится въ нихъ. И только въ Азбуковникѣ № 18 исторія опредѣляется, какъ „свидѣтель всѣхъ вѣковъ или дѣаній, истинное описаніе прошлыхъ рѣчей“ (3). По всеобщей гражданской исторіи въ Алфавитахъ содержатся слѣдующія статьи: изъ римской исторіи *О Уліи Кесари*, изъ исторіи греческой: *О взятіи*

(1) Алфав. № 18 л. 214 об.

(2) Ibid. л. 73.

(3) Ibid. л. 235. Алфавитъ Ундольскаго № 979, во взгладѣ на исторію и лѣтопись превосходитъ всѣ Азбуковники: онъ находитъ между ними различіе какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. По объясненію послѣдняго, исторія есть «книга, содержащая въ себѣ иже въ древнихъ временехъ бывшихъ дѣяній исповѣданіе, подобно хронографу, кромѣ лѣтняго числа времени; хронографъ бо наречется, понеже бо не токмо дѣянія, бывшая въ древнихъ родѣхъ, повѣдуетъ, но и числа лѣтъ тѣхъ временъ въ себѣ объявляетъ, еже въ кое отъ Адама лѣто бысть вещь та и та, исторія же не тако, но точію въ древнихъ родѣхъ бывшая повѣдаетъ, лѣтъ же и въ кое лѣто число, сего не содержитъ. Тѣмъ же разумно всѣмъ отъ сего да будетъ, яко ино есть лѣтописецъ, и ино исторія; аще и нарицаютъ нѣціи, или пишутъ исторію лѣтописцемъ, но невѣденіемъ; аще и немало ихъ посреднее, но убо есть, яко же се, еже ино законъ и ино исповѣдь, или паки, ино дѣла и ино дѣянія, яко же о семъ въ писаніи обрѣтается». См. Филол. Зап. 1873 г. Вып. V. стр. 43—44.

Царьграда отъ латинъ, о златомъ рунѣ волшебнаго овна, о восхищеніи златаго руна и о градѣ Мидіи; по всеобщей церковной исторіи: *о Магометѣ, о Формосѣ папѣ римскомъ о сожженіи Гусса*; изъ русской гражданской исторіи: *о Бумарѣхъ, о словенскомъ языцѣ и о русскомъ.* Статья о Юліи Цезарѣ (1) выписана изъ 109 гл. Хронографа славян. редакціи (2), которая въ свою очередь взята изъ стихотворнаго греческаго хронографа Манассіи (3), съ тѣмъ только различіемъ, что въ Хронографѣ русской редакціи порядокъ текста нѣсколько измѣненъ. Въ статьѣ о Юліи Цезарѣ объясняется происхожденіе наименованія Юлія Цезаремъ различно. По однимъ, оно имѣетъ тѣсную связь съ образомъ рожденія Юлія (былъ вырѣзанъ изъ чрева своей мертвой матери) (4), другіе ставятъ на видъ особенно пышныя его волосы (5), третьи—желтизну глазъ (6), четвертые храбрость отца Юлія (7). Въ послѣднемъ случаѣ указываютъ на тотъ фактъ изъ жизни отца Юлія, когда этотъ послѣдній въ борьбѣ съ Кархидонянами сразилъ копьемъ своего противника

---

(1) Алфавитъ № 18 л. 253.

(2) См. Хронографъ № 1510, рук. Солов. Библ. л. 260.

(3) Corpus scriptorum historiae bisantinae. *Τῆ κύρᾳ Κωνσταντίνᾳ τῆ Μανάσσῃ Σύνοψις χρονική.* Vers. 1756—1830.

(4) Ibid. Vers. 1800—1806.

(5) Ibid. Vers. 1807—1808.

(6) Ibid. Vers. 1808—1809.

(7) Ibid. Vers.—1817—1818: *Κἀντεῦθεν ἔσχεν ἀρχὴν τὴν Καίσαρος λαμπρὰν προσωνυμίαν. Καίσαρες γὰρ ἐλέφαντες τοῖς Φοίνιξι καλοῦνται.*

вмѣстѣ съ слономъ: „и отъ сего имѣ кесарское красное званіе, говорится въ Азбуковникѣ, кесари бо елифанты финикіяны наричются“. Юлій Цезарь, одержавъ нѣсколько знаменитыхъ побѣдъ надъ своими врагами и заставивъ послѣднихъ покориться своей власти, сдѣлался диктаромъ Рима. Его громкія побѣды и слава стали предметомъ зависти даже для его двухъ искреннихъ друзей: Кассія и Брута, обагрившихъ свои руки кровію Кесаря (1). Въ статьѣ о Византіи заключается, по нашему Азбуковнику, сказаніе о взятіи Царьграда латинянами (2), которое въ другихъ Азбуковникахъ помѣщается отдѣльно. Сказаніе въ нашемъ Азбуковникѣ, какъ и въ другихъ, очень краткое и выписано изъ 193 главы хронографа (3), которая, по изслѣдованію г. Попова, (4) взята уже не изъ Хронографа Манассіи, а изъ житія св. Саввы Доментіана, перенесеннаго изъ Сербіи въ Россію въ 1517 году. Разсказъ начинается: „Въ лѣто ѕѳѱѕ взятъ бысть Царьградъ при царѣ Ѳеодорѣ Ласкарѣ“, не участвовавшемъ въ борьбѣ съ латинянами потому, что отвлеченъ былъ въ войну противъ другаго „супостата Болгарскаго царя“. Латиняне разграбили церковныя сокровища и раздѣлили греческое царство на двѣ половины: „во всей убо Тета-

(1) Ibid. Vers. 1770—1775; 1780—1786; 1820—1830. Въ русской редакціи, какъ видно изъ цитатъ, порядокъ хрон. Манассіи не соблюденъ.

(2) Алфавитъ № 18 л. 117.

(3) Хронографъ № 1510, рук. Голов. библ. л. 464.

(4) Обзоръ Хронографовъ—Попова. Вып. I. стр. 190—191.

лiи и Илиріи, въ Солунѣ царствующу Ѳеодору Ласкарю, по всему же Понту, Галатіи же и Витиніи и во Асіи царствующу благочестивому царю Калоиванну Топю". Статьи: о златомъ рунѣ волшебнаго овна и о восхищеніи златаго руна и о градѣ Мидіи (1) взяты изъ 24 главы хронографа, заключающей въ себѣ троянскую исторію, и составляютъ извлеченіе изъ Латинско-польской всемірной хроники знаменитаго польскаго шляхтича Мартина Бѣльскаго, появившейся на русскомъ языкѣ въ 1584 году (2). Первая статья о златомъ рунѣ волшебнаго овна содержитъ слѣдующее сказаніе: „Въ лѣто отъ Адама ѯѡѕ (3860), при Авдонѣ судіи, иже во Израили, царствовалъ на востокѣ Анастасъ царь". У Анастаса отъ перваго брака остался сынъ Фрикъ и дочь Елена. Послѣдніе много терпѣли отъ своей злой мачихи, второй жены Анастаса. Вслѣдствіе волшебныхъ дѣйствій мачихи и по приказанію самаго Анастаса, Фрикъ и Елена должны были оставить родной кровъ отца. Выгнанные отцомъ и мачихою, Фрикъ и Елена пришли къ морскому берегу. Здѣсь увидѣли они свою родную мать Нефилію, держащую въ рукахъ златорунаго овна. На этомъ овнѣ Фрикъ и Елена должны были, не оглядываясь назадъ, перенестись за море, тамъ принести овна въ жертву богу Марсу, а руно хранить въ священной рощѣ. Но выполнить приказаніе ма-

(1) Алфавитъ № 18 л. 194.

(2) Попова Обзоръ хронографовъ Вып. II. стр. 101.

тери удалось только одному Фрику; сестра же его Елена, оглянувшись назадъ, утонула въ морѣ. Въ Колхидѣ Фрикъ для сбереженія золотаго руна „учинилъ змія великаго и два вола великіе, а изъ тѣхъ воловъ и изъ зміи исходитъ огнь и приходящихъ восхитити златое руно попаляетъ..... И бысть о томъ златомъ рунѣ, такъ заканчивается разсказъ, слава во всѣ страны, и слышавъ сія никто же смѣяше приблизитися". Эти послѣднія слова послужили переходомъ ко второй статьѣ: „О восхищеніи златаго руна и о градѣ Мидіи". Она начинается: „По лѣтехъ же многихъ бысть нѣкто Азонъ, сынъ Соновъ"... и содержитъ въ себѣ разсказъ о похищеніи въ Колхидѣ золотаго руна у царя Остана, при помощи царской дочери Мидіи, и основаніи города Мидіи, женой Язона, бывшей дочери царя Колхиды. Статья Азбуковника о Бахметѣ (1), цѣликомъ взятая изъ 66 гл. Временника Георгія Амартола, содержитъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о лжепророкѣ, процессъ образованія его ученія и самое ученіе. Время жизни Магомета относится къ царствованію Ираклія, внука Константина Великаго (къ ѕѳрмѣ— 6145 году). Магомету удалось снискать расположеніе богатой вдовы и вступить съ послѣднею въ бракъ. Въ супружествѣ, подверженный черной болѣзни, свои болѣзненные припадки объяснялъ негодовавшей на его болѣзнь женѣ видѣніемъ Архангела Гавріила: „видѣніе ангельское вижу име-

(1) Алфавитъ № 18 л. 303 об.—304.

(2) Временникъ Георгія Амартола № 83, рук. Солов. Биб. л. 371—375. См. у Migne, Patrolog. curs. complet. Tom. CX, Georgii Hamartoli Chronicon. Lib. IV. Cap. CCXXXV. pag. 865—872.

немъ Гавріила и не стерплю его видѣнія, изнемогаю и водрючаюся“ (ὀλιγωρῶ καὶ πίπτω), говорилъ онъ ей. Жена повѣрила мужу и начала распространять молву о видѣніяхъ Магомета. Между тѣмъ, Магометъ, такъ искусно обманувшій жену, рѣшился продолжать обманъ далѣе. Пользуясь вѣрою небольшаго кружка въ его видѣнія и бесѣды съ Архангеломъ, Магометъ вздумалъ создать новую религію. Въ бѣдности, въ качествѣ проводника купеческихъ каравановъ, путешествуя по разнымъ странамъ и особенно по Египту и Палестинѣ, „Магометъ бесѣдова со евреи и со христіаны, рекше ко аріяномъ и къ несторіаномъ“. Пользуясь пріобрѣтенными свѣдѣніями, Магометъ составилъ цѣлую систему вѣроученія. Отъ іудеевъ онъ заимствовалъ ученіе о единомъ Богѣ (μοναρχίαν), отъ аріанъ ученіе о Словѣ и Святомъ духѣ, какъ твореніяхъ единаго Бога (ἐξ Ἀρειανῶν δὲ λόγον καὶ πνεῦμα κτίσμα), отъ несторіанъ „человѣкослуженіе“ (ἀνθρωπολατρείαν). Все догматическое ученіе его можно представить въ такомъ видѣ. Всякій долженъ обрѣзываться и покланяться единому Богу; Іисуса Христа почитать какъ слово Божіе, не какъ сына Божія, но какъ рожденнаго отъ Св. Духа.... Святую же Дѣву Марію Бцу не глаголати, но Ароню и Моисеову сестру внимати присно. Не креститися, ни субботы ихъ научи, рекше не праздьствовати, ни законнымъ же евангельскимъ и обычаемъ послѣдовати, но отвращатися отъ креста“. Затѣмъ слѣдуетъ ученіе Магомета о раѣ и вѣчныхъ адскихъ

мученіяхъ. Статья о Формосѣ папѣ римскомъ (1) буквально взята изъ кѝиги: „Изложеніе о вѣрѣ“ (2). Формосъ папа римскій, жившій при царѣ Львѣ премудромъ (XIV в.), является здѣсь главнымъ виновникомъ отступленія отъ православной вѣры. До полученія папской каѳедры, Формосъ тайно держался ересей: Аполлинарія, Македонія, заблужденій Оригена и даже подъ маскою благочестія и правой вѣры составилъ Исповѣданіе Православной вѣры и послалъ его четыремъ патріархамъ. Когда же Формосъ сдѣлался папою, то открыто началъ высказывать свои еретическія мнѣнія. Такъ онъ училъ своихъ пасомыхъ о исхожденіи св Духа отъ Отца и Сына, ввелъ опрѣсноки. Болѣе же всего придерживался ложнаго ученія Оригена о пургаторіумѣ (чистилищѣ). „И тако латыня вси, заключаетъ статья о Формосѣ, вси удобно пріяша злое ученіе формосово и отъ царства греческаго и отъ четырехъ патріархъ отлучишася“. Далѣе идетъ перечень слѣдующихъ за Формосомъ папъ. Изъ статей, касающихся исторіи славянъ, между другими замѣчательны: „О славянскомъ языкѣ и русскомъ“ (3), и „О Болгарехъ“ (4) выписаны изъ 167 главы Хронографа (5). Первая изъ нихъ чисто русскаго происхожденія и принад-

---

(1) Алфавитъ № 18 л. 462.

(2) Изложеніе о вѣрѣ № 273, рук. Солов. библ. гл. 24 л. 183—184.

(3) Алфавитъ № 18 л. 412.

(4) Ibid. л. 94—95.

(5) Хронографъ № 1510, рук. Сол. Библ. л. 403—404; 406.

лежитъ Нестору (1), вторая вошла въ хронографъ въ передѣлкѣ изъ временника Георгія Амартола (2). Статья о словенскомъ языцѣ и о русскомъ начинается: „Въ столпотвореніи егда Бгъ раздѣли человѣки на ѻв языки, разсѣя ихъ по лицу земли и столпъ разруши вѣтромъ веліимъ, и остатокъ его есть и до нынѣ промежу Асиріи и Вавилона въ высоту саженей ѧѵлг, а въ широту толико же". По разсѣяніи, родъ славянскій, потомокъ Афета, „по мнозѣ времени", разселися по Дунаю и смотря по тому, гдѣ кто поселился получилъ и особое частное названіе. „И тако разыдеся словенскій языкъ, заканчивается статья, тѣмъ же и грамота прозвася словенская". Статья о Болгарѣхъ содержитъ въ себѣ разсказъ о крещеніи Болгарскаго царя Симеона и призваніи въ Болгарію греческихъ философовъ. „Михаилъ царь, съ Вардою Кесаремъ, иде болгаръ воевати". Устрашенные Болгаре просили Михаила просвѣтить ихъ христіанскою вѣрою. Самъ князь Болгарскій, съ цѣлію принять крещеніе, отправился въ Царьградъ съ бояры своими. Болгарскій князь, крестившись здѣсь самъ и воспринявъ въ крещеніи имя Симеона, крестилъ $\frac{6377}{869}$ г. и своихъ подданныхъ. Моравскіе князья Ростиславъ, Святославъ и Коцелъ обратились къ царю Михаилу съ просьбой прислать

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей т. 1. стр. 3.

(2) Поповъ, Обзоръ Хронографовъ русской редакціи. Вып. 1 стр. 166—167. Georgii Hamartoli Chronicon. Lib. V. Cap. III.—De Bulgaris et eorum Amera. См. у Migne, Patrolog. comp. Tom. CX. pag. 1144—1050.

имъ учителей. „Не разумѣемъ книжнаго писанія, ни силы ихъ. Не разумѣемъ бо греческому языку, ни латинскому, говорили они, сіи тако учатъ, а иніи инако,—тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго писанія, ни силы ихъ. Но пошлите къ намъ учителей, иже могутъ ны наказати, и толковати книжная словеса и разумы ихъ". Царь Михаилъ собралъ философовъ, чтобъ избрать изъ нихъ учителей для славянъ. Выборъ палъ на Кирилла и Меѳодія. Послѣдніе, по прибытіи въ славянскую землю, „начаша составляти письмена азбуковная словенскимъ языкомъ. Болгаре же, прибавлено къ этому, и словени, и серба, и арбанасы, и банасе и во всѣхъ тѣхъ единъ языкъ съ русію". Во второе лѣто Льва Премудраго переведены на славянскій языкъ Апостолъ, Евангеліе, Псалтирь, Октоихъ и проч. книги. Меѳодій поставленъ во епископа Моравіи, гдѣ первѣе всего Апостолъ Павелъ проповѣдывалъ Христово ученіе и оставилъ Андрея, одного изъ 70-ти учениковъ Христовыхъ. „Святый же Константинъ философъ многы подвиги показа о Христѣ и словенскимъ языкомъ многи книги преложи, и Срачины (Сарацинъ) препрѣвъ, посрами. Послѣди же иноческимъ образомъ украшается, и нарѣченъ бысть Кириллъ и Бгу угодивъ, къ нему же и преставися въ вѣчный животъ".

d) *Миѳологія.* Азбуковники наши имѣютъ значительное количество статей по миѳологіи древнихъ народовъ и отчасти миѳологіи славянской. Главными источниками статей по миѳологіи древнихъ народовъ служили сочиненія Григо-

рія Богослова, Максима Грека и Хронографы. Изъ перваго источника взяты статьи: Артемида, Актеоны, Афродитская, Димитра, Исиды, Левіафамъ, Оріоны и др.; изъ второго: Аѳина, Дій, Діонисій, Зевсъ; изъ третьяго Гиганты, Кронъ, Сирены и др. „Артемида, (1) говорится въ Азбуковникѣ, была во елинѣхъ жонка блудница и волхва и чародѣйка, ея же несмысленіи елини богинею нарицаху. Толкуется же ся Артемида пріятна жертва или цѣла". У латинянъ называется Артемида Діаной, имѣющей „ясность подобно діево". Артемида дочь Діева, сестра Аполлона. Особеннымъ почетомъ пользуется Артемида въ Лакедемоніи, гдѣ въ честь ея учреждено празднество. Послѣднее совершается слѣдующимъ образомъ. Собравшись въ капище, лакедемоняне, въ знакъ того, что они не заботятся на войнахъ о нанесенныхъ ранахъ, кроятъ ножами свое тѣло и наполняютъ капище кровію. Но это еще не одно зло: есть и другое. Если придется служить Артемидѣ дѣвицамъ, то послѣднія присутствуютъ на требищѣ нагими, не закрывая „срамныхъ удъ своихъ". Здѣсь стараются они превзойти другъ друга въ неистовствѣ и страсти. Въ концѣ этихъ свѣдѣній указывается цитатъ: 10 стихъ 9-го слова Григорія Богослова. Довѣряясь поставленному цитату, естественно думать, что всѣ свѣдѣнія взяты изъ указаннаго мѣста сочиненія Григорія Богослова, между тѣмъ, по справкѣ,

(1) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 57 об.—58.

оказывается, что подобныхъ свѣдѣній у Григорія Богослова нѣтъ. Тоже должно сказать о статьяхъ: *Актеона* (1) и *Афродита* (2) „Актеонъ бѣ нѣкто во елинѣхъ славный ловецъ звѣремъ,—отъ него же ловцы звѣрей актеоны паричются. Баснословятъ же еллины, яко видѣвшу ему Артемиду нагу, сотвори его отъ своихъ песъ растерзанну быти,—тѣмъ же Григорій Богословъ злобѣсныя ловцы сія именуетъ. Григор. Бог. сл. 9. ст. 7“. По справкѣ оказалось, что цитатъ здѣсь невѣренъ: вмѣсто 9-го сл. должно быть 10-е. При этомъ изъ славянской редакціи словъ Григорія Богослова взяты только слова: „Актеонъ, яко видѣвшу Артемиду нагу, сотвори его отъ своихъ песъ растерзану быти“ (3). Приведенныя нами слова изъ Григорія Богослова составляютъ конецъ тѣхъ свѣдѣній, какія вошли въ другую статью Азбуковника—*Оріоны* (4). Оріоны получили свое наименованіе, какъ и Актеоны, отъ Оріона, ловца звѣрей. Оріону и Актеону встрѣтилась на охотѣ Артемида. Послѣдняя „Оріону убо яко похотѣвша, отъ скорпій устрои убіену быти. Того ради на небеси есть, яко же баснь глаголеть, скорпіею уморенъ бысть“. Далѣе слѣдуютъ приведенныя выше слова: „Актеоны же“... Статья Оріоны буквально взята изъ толкованія

---

(1) Ibid. с. 58.

(2) Ibid. л. 70.

(3) Григорія Богослова поученія № 93, рук. Соловец. Библ. л. 336.

(4) Алфавитъ № 18 л. 339.

7-го ст. 10-го поуч. Григорія Богослова (1). Краткое толкованіе слова: *Афродитская* содержитъ въ себѣ свѣдѣнія объ Афродитѣ. Афродита была блудница несытая, отчего блудныя дѣла называются афродитскими. Афродита произошла отъ тайныхъ удъ Дамія, отрѣзанныхъ Крономъ, сыномъ Дамія, и брошенныхъ въ море. Афродита почитается ради блудныхъ смѣшеній и сквернихъ таинъ. Свѣдѣнія эти, по указанному въ Азбуковникѣ цитату, взяты изъ толкованія 8 ст. 10 слова Григорія Богослова. Въ русскихъ редакціяхъ поученій Григорія Богослова, имѣющихся въ Соловецк. библіотекѣ, этихъ свѣдѣній мы не нашли. Но принимая во вниманіе греческій текстъ 8 стиха 39 слова, гдѣ упоминается о мистеріяхъ Аѳродиты (2), можно думать, что въ другихъ рукописныхъ редакціяхъ свѣдѣнія объ Аѳродитѣ существуютъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить: если цитатъ указываетъ на сочиненіе Григорія Богослова, то это значитъ, что свѣдѣнія по миѳологіи заимствованы не изъ самаго текста сочиненій Григорія Богослова, а изъ существовавшихъ въ греческой и русской литературѣ толкованій на 16 поученій Григорія Богослова Никиты, митрополита Ираклійскаго (3). Познакомимся съ нѣкоторыми статьями миѳологи-

---

(1) Григорія Богослова Поученія, рук. Солов. Биб. № 95 л. 336.

(2) *Τῶ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίω Ναζιανσήνω τα εὑρισκόμενα* pag 626.

(3) Греч. текстъ Толкованій Никиты Ираклійскаго помѣщенъ между сочиненіями Григорія Богослова по изданію Мореллія. См. описанія рук. Москов. Синод. Библ. Отд. II ч. 2. стр. 74. Свѣдѣнія о Никитѣ Ираклійскомъ. Fabric. Bibl. Graec. т. VII. pag. 750. ed. Harles.

ческаго содержанія, заимствованными изъ сочиненій Максима Грека. „*Аѳинія*, говорится въ Алфавитѣ, жонка была во елинѣхъ философица, ея же еллины богинею почитающе“ (1). Во имя богини Аѳины, изящной въ премудрости и почтенной въ разумѣ, греки наименовали свой городъ. По баснословнымъ разсказамъ еллиновъ, Зевсъ безъ матери родилъ изъ своей головы доброочитую Палладу. По этому случаю препод. Максимъ грекъ такъ осмѣиваетъ еллиновъ: „Аще бо и роди отъ своея главы, но пребылъ бы съ болѣзнію до конца, аще не бы Фестъ (Гефестъ) сѣкирою, обоюду острою, главу ему разсѣкъ“ (2). Статья „*Зевсъ*“, также буквально взятая изъ 6 и 72 гл. сочиненій пр. Максима Грека (3), начинается въ Алфавитѣ указаніемъ на одну изъ семи планетъ, носящую наименованіе Зевса отъ Зевса или Пика Дія, сына Кронова. Пикъ Дій, послѣ тридцатилѣтняго царствованія въ Ассиріи, ушелъ на западъ къ отцу своему Крону, оставивъ царемъ въ Ассиріи своего сына Велона. Кронъ, чувствуя старческую слабость, передалъ западную страну во владѣніе Пика. По преданію другихъ, Пикъ Дій изрубилъ своего отца и бросилъ его въ море. Въ продолженіи 72-хъ лѣтняго царствованія, Зевсъ заявилъ себя чародѣемъ и прелестникомъ. Какъ чародѣй, онъ превращался

---

(1) Максимъ Грекъ, рук. Сол. Биб. № 494. гл. 6 и 72 л. 54 и 722.

(2) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 214.

(3) Максимъ Грекъ № 494 с. 53 и 723.

въ птицъ, звѣрей, гадовъ, змій; какъ прелестникъ, входилъ въ связи съ смертными женами. Отъ Зевса родились: Діонисій, Ираклій, Аполлонъ, Артемида и друг. Статья Азбуковника „О Діонисѣ“ (1) предлагаетъ свѣдѣнія о рожденіи Діонисія и изображаетъ характеръ этого божества. Дій или Зевсъ, передается въ Азбуковникѣ, питалъ особенную любовь къ Семеліи, дочери Ѳивейскаго царя Кадма. Гера, жена Зевса, изъ ревности задумала умертвить Семелію и прибѣгла къ хитрости. Она посовѣтовала Семеліи обратиться къ Зевсу съ просьбой сойти къ ней съ громомъ и молніей. Семелія такъ и сдѣлала. Зевсъ, уважая просьбу Семеліи, долженъ былъ поразить и опалить свою любовницу. Гера вынула изъ чрева Семеліи семимѣсячнаго ребенка и вложила въ свое, чтобъ доносить его. Рожденнаго въ свое время Гера назвала Діонисіемъ. О Діонисіѣ, какъ божествѣ вина, говорится въ Азбуковникѣ, что онъ „богъ ихъ мнимый, нощныя пиры творя піянству, и ближнихъ своихъ жены оттерзая, бѣгаше, бѣсяся; послѣ же закланъ бысть отъ преисподнихъ“. И эти свѣдѣнія буквально взяты изъ 6 и 72 гл. сочиненій препод. Максима Грека. Объ эти статьи и почти что въ такомъ же видѣ находятся въ еллинскомъ лѣтописцѣ подъ оглавленіемъ: „О Пикѣ Дии како отца своего

---

(1) Алфавитъ № 18 л. 162. Свѣдѣнія о Діанисіѣ составляютъ почти буквальный переводъ коммептарія Аввы Нонна на второе слово Григорія Богослова противъ Юліана. См. Migne. Patrol. curs. complet. Tom. XXXVI Nonnas Abbas Ad. S. Gregorii Orat. II contra Julianum pag. 1048.

крона въ тимении утопивъ, самъ царствова“ (1). Изъ хронографовъ, какъ замѣтили выше, взяты статьи: о *Гигантахъ*, *Кронѣ*, *Сиренахъ* и др. Свѣдѣнія о Гигантахъ (2) изложены въ толкованіи библейскаго выраженія: внидоша сынове Божіи ко дщеремъ человѣческимъ и зачинаху и рождаху гиганты. Потомки Сиѳа, сына Адамова, говорится въ толкованіи, назывались Богами, какъ пріявшіе мудрость отъ Бога, давшіе имена звѣздамъ, двумъ великимъ свѣтиламъ и составившіе еврейскія письмена. Они вступали въ брачное сожитіе съ дочерями Каиновыми (дщерями человѣческими) и рождали гигантовъ или волотовъ. За этимъ объясненіемъ слѣдуютъ самыя свѣдѣнія о гигантахъ. „Бѣ же отъ Адама донележе внидоша сынове Божіи ко дщеремъ человѣческимъ ѵвр (2102) лѣта“... Здѣсь предлагаются мнѣнія о гигантахъ, заимствованныя изъ Плутарха, Овидія, Менандра и др. „Человѣки отъ земли рождены, имуща ноги зміины, дерзнувша на нѣкія божественныя силы, сія различными казньми потреблены отъ Бога“. При этомъ замѣчается, что нельзя вѣрить, чтобы дѣйствительно были люди съ змѣиными ногами. Если говорится, что гиганты имѣли змѣиныя ноги, это значитъ, что у гигантовъ былъ умъ змѣинъ, не помышляющій о Богѣ, „но имуще нозѣ зѣло ходяща на земная злая дѣла и неправедныя тогда на божество, звѣзд-

---

(1) Попова Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Вып. I стр. 13—14. См. Хронографъ № 1513; рук. Солов. библ. гл. 38 л. 86—87.

(2) Алфавитъ № 18 л. 114; № 19 л. 44.

нымъ простираніемъ, и мѣсячнымъ, и солнечнымъ, овѣмъ отъ тресновенія огнемъ повелѣ поѓибнути, а другимъ каменнымъ стати, а инѣмъ скорѣйшими стрѣлами устрѣленомъ быти яко лучею, а другимъ отъ множества воды потопленомъ быти. Тако вси гиганте, нарицаемы зміевы нозѣ, злѣ потреблени, скончашя свой животъ". Свѣдѣнія эти взяты изъ еллинскаго лѣтописца (въ Азбуковникѣ: Царь греческій), куда они вошли изъ Хронографа, какъ показываетъ оглавленіе въ еллинскомъ лѣтописцѣ: „отъ граноірафа о гигантѣхъ о змиѣнозѣхъ" (1). Статья Алфавита о *Кронѣ* (2) буквально заимствована изъ хронографа, съ вставкой одного мѣста изъ поуч. Григорія Богослова (русской редакціи): „Родижеся отъ колѣна ноева человѣкъ гигантского рода именемъ Вилъ крѣпкорукій (Кринница 6. Хроногр. гл. 20), иже нареченъ бысть отъ Дамія отца своего во имя переходныя звѣзды Крона". — Кронъ, обладая силою, первый началъ царствовать надъ людьми. Первѣе всего царствовалъ онъ въ Ассиріи и въ Персидѣ. Разсказываютъ, что когда Кронъ обратился къ волхвамъ съ вопросомъ: кто возметъ у него царство, то получилъ отвѣтъ: „съ трона низвергнетъ тебя твой собственный сынъ". Разгнѣванный Кронъ пожиралъ всѣхъ дѣтей, какія рождались отъ его супруги Иры или Реи. Родился Зевсъ. Ира, чтобъ избавить отъ злой участи

---

(1) Попова обзоръ хронографовъ русск. редакціи. Вып. I. стр. 8. См. о гигантахъ въ хронографѣ № 1513. гл. 20 л. 22.

(2) Алфавитъ № 18 л. 263 об.—264.

Зевса, скрыла его отъ Крона. Дабы не слышно было крика ребенка, Ира „собра кириты (Куреты-жрецы нимфъ) (1) нѣкія бѣсы гласяща и поюща и во оружіе звоняща“ и вмѣсто Зевса подала Крону камень, спеленанный на подобіе ребенка. Когда Зевсъ проглотилъ камень, то изрыгнулъ и прежде пожранныхъ дѣтей. Далѣе слѣдуетъ вставка изъ Григорія Богослова. Во Фригіи, разсказывается здѣсь, было капище въ честь Иры, гдѣ совершались празднества. Имѣ же иного сына Кронъ, именемъ Нина, и дочь Иру. Кронъ оставилъ Зевса въ живыхъ и жену свою Рею. Кронъ собралъ храбрыхъ людей и отправился завоевывать западныя страны, ненаходившіяся еще ни подъ чьею властію. По завоеваніи, Кронъ царствовалъ въ западныхъ странахъ „много лѣтъ“. Въ этотъ періодъ жизни Кронъ вступилъ въ супружество съ Ѳимурой и родилъ отъ нея сына Афрона. Съ Дакерійскаго острова Кронъ взялъ въ жены Астрономy. Отъ брака съ Астрономой родилась Афродита. Кромѣ того, отъ Ѳимуры Кронъ имѣлъ и другаго сына Кирона философа. Царствовалъ Кронъ на востокѣ и западѣ 52 года. Въ томъ же видѣ, какъ мы видѣли, является разсказъ о Кронѣ въ Хронографѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что Хронографъ, вмѣсто описанія празднества Фригіянъ въ честь Иры, разсказываетъ о возстаніи на Крона титановъ, пле-

---

(1) По комментарію Нонна (*παρέσταξε τὰς Κορύβαντας καὶ τὰς Κυρῆτας*). См. у Migne Patrolog. curs. compl. Tom. XXXVI. Nonnas Abbas in orationem in sancta lumina pag. 1065.

мянниковъ Сатурна, и освобожденіи Крона изъ темницы Зевсомъ (1). Тѣ же свѣдѣнія, какія находятся въ Алфавитѣ, кромѣ вставки изъ Григорія Богослова, имѣются и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ (2). Первымъ же источникомъ предложенныхъ свѣдѣній о Кронѣ служитъ Временникъ Георгія Амартола (3). Статья „*Сирины*“ (4) вошла въ Азбуковникъ изъ разныхъ источниковъ. Одна часть взята изъ трактата Златоуста о Священствѣ, другая изъ хронографа, третья изъ соч. Ефрема Сирина. Повѣсть таковую разсказываютъ, говоритъ статья, что на островахъ обитаютъ сирены, волшебныя пѣсни коихъ оковываютъ вниманіе и сердце мимоѣзжихъ путниковъ. Очарованные путники обыкновенно не имѣютъ силы оторваться отъ губительныхъ острововъ и здѣсь погибаютъ отъ сиренъ (5). Что касается до внѣшняго вида сиренъ, то, по однимъ, голова и туловище у нихъ дѣвичье, нижняя же часть птичья; по мнѣнію другихъ и болѣе вѣроятному, голова и туловище дѣвичье, нижняя же часть рыбья. Въ

---

(1) Хронографъ № 1513. рук. солов. библ. гл. 38. л 84 об.—86.

(2) См. выписку изъ еллинскаго лѣтописца у Попова въ его Обзорѣ хронографовъ русской редакціи. Вып I. стр. 12—13.

(3) Georgii Hamartoli Chronicon. lib. I. Cap. II. pag. 54. См у Migne, Patrolog. curs. compl Tom. CX. Въ рус. редакціи см. Временникъ Георгія Амартола № 83. рук. Солов. биб. гл. 3. л. 26

(4) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 105 об.—106.

(5) Златоустъ, кн о священствѣ № 629, рукоп. Солов. библ. сл. 3. гл. 8. л. 42. S. Joannis Chrysostomi De sacerdótio Lib. III. См. у Migne Patrol. curs. complet. Tom. XLVIII. pag. 646.

Хронографѣ передается слѣдующій фактъ явленія сиренъ. При царѣ Маврикіѣ, говорится здѣсь, при восходѣ солнца, явились въ рѣкѣ Нилѣ два человѣкообразныхъ животныхъ, до пояса имѣющихъ видъ мужа и жены, а отъ пояса видъ птичій. Мужъ „красенъ персми и власы надчерменъ, жена же лице и власи чермни; имяху же оба сосца безъ власъ". Животныхъ этихъ называютъ сиренами. Каждый, слушающій пѣніе ихъ, плѣняется до такой степени, что теряетъ разсудокъ, идетъ за животными въ рѣку, гдѣ и умираетъ. Въ это время сирены пѣли до девятаго часа. Ихъ слушали иппархъ и весь народъ (1). Баснословцы сиренъ называютъ птицами, а не животными съ лицемъ жены. Сирены „прелестнымъ и пресладкимъ ушемъ пѣніемъ своимъ мимоплювущихъ, и слухи на ихъ сладкіе гласы прилѣжно внимающихъ, къ себѣ возводятъ и конецъ преизящнаго пѣнія и прохладное оное не ино что, токмо смерть" (2). Все это, замѣчаетъ Алфавитъ, ложь и выдумка. Какимъ образомъ возможно, чтобы пловцы, увлекаясь пѣніемъ сиренъ, „сложивъ головы", вмѣстѣ съ кораблями пробирались въ жилища сиренъ, заключенныя между очень узкими морскими скалами, откуда льется гремучій потокъ. Если прор. Исаія упоми-

(1) Хронографъ № 1310, рук. солов. биб. гл. 141 л. 345 об. Свѣдѣнія о сиренахъ вошли въ Хронографъ изр Временника Георгія Амартола См. Migne, Patr. curs. comp. Tom. XC Chronicon Georgii Hamartoli Lib. I. Cap. CCXX Vers. 555. pag. 816.

(2) Исаака Сирина словеса № 263, рук. Солов. библ. сл. 85. См. *Τῶ Ὁσίω πατρὸς ἡμῶν Ἰσαὰκ Ἐπισκόπω Νινευι τῶ Σύρω τὰ εὑρεθεντα ἀσκητικὰ. Ἐν Δειψίᾳ τῆς Σαξονίας.* 1770. *Λογ.* 73. pag. 424.

наетъ въ 16 гл. о сиренахъ и инокентаврахъ, то подъ ними должно разумѣть бѣсовъ, которые, по попущенію Божію, являются на пустыхъ мѣстахъ въ образѣ сиренъ и инокентавровъ.

Въ Алфавитахъ встрѣчаются статьи, относящіяся къ славянской миѳологіи. Мы уже видѣли изъ предисловій къ толкованію именъ человѣческихъ, что въ XVII в. въ полной силѣ сохранялось вѣрованіе въ чародѣевъ и волхвовъ, къ которымъ суевѣрные люди ходили для полученія бѣсовскихъ обаяній и наузовъ; что волхвы и чародѣи призывались для заклинаній надъ яствами и питіемъ, которыя давали больнымъ для выздоровленія; что волхвы и чародѣи давали суевѣрнымъ хартіи съ бѣсовскими именами и заклинаніями, которыя они и должны были носить при себѣ. На эти вѣрованія въ чародѣевъ и волшебниковъ указываютъ толкованія словъ: *балій* и *обаяніе*. Въ объясненіи перваго слова говорится: „балій же и балія нарицается иже бѣсовъ призываніемъ заклинаетъ и звѣри, и скоты, и человѣки и наговоры творитъ бѣсовскія надъ яствою и питіемъ на прельщеніе человѣкомъ и прочія заговоры творитъ. То есть балій и чародѣй“ (1). Тоже самое находимъ мы и въ толкованіи втораго слова. „Обаяніе, говорится въ Алфавитѣ, бѣсовскихъ призываній наговоръ надъ питіемъ, или надъ ядію, или надъ инѣмъ чѣмъ“ (2).

---

(1) Алфавитъ № 18. л. 85.

(2) Ibid. л. 329.

е) *Символика.* Во всѣхъ спискахъ Алфавитовъ солов. библ. и особенно въ Алфавитѣ № 18 довольно значительное мѣсто отведено статьямъ по древне-христіанской символикѣ. Желаніе наглядно передать отвлеченныя понятія и высокія идеи христіанства людямъ, незнающимъ граматы, подало грамотнымъ людямъ мысль выражать нѣкоторые догматы и идеи христіанскія посредствомъ символическихъ знаковъ. Въ нашей литературѣ статьи по древней христіанской символикѣ входили въ такъ называемыя Толковыя Псалтири, появившіяся на Руси еще въ XI в. Символическія объясненія были совершенно необходимы для послѣднихъ какъ для пониманія самаго текста, такъ и тѣхъ миніатюръ, которыя слѣдовали параллельно съ текстомъ (1). Если составители Азбуковниковъ хотѣли представить въ своихъ трудахъ свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знаній, то естественно было внести въ кругъ этихъ знаній и свѣдѣнія по древне-христіанской символикѣ. Внесеніе подобнаго рода свѣдѣній какъ нельзя лучше способствовало и первой цѣли Азбуковниковъ сдѣлать понятнымъ то, что трудно для пониманія. А въ древней литературѣ ничто не представляло столько трудностей для пониманія, и ни въ чемъ другомъ не допускалось такъ много произвольныхъ толкованій, какъ въ древне-русской символикѣ. Это увидимъ отчасти изъ объясненія символическихъ знаковъ и изображеній, какія встрѣчались въ древ-

(1) Образчики см. у Буслаева въ Историческихъ очеркахъ II т.

ней иконописи... Во главѣ толкованій символическихъ иконописныхъ знаковъ, по своей обширности, стоитъ статья подъ заглавіемъ: „*Софія премудрость Божія*“ (1). „Софія церковь Божія, такъ начинается статья. Пречистая Дѣва Богородица, сирѣчь дѣвственныхъ души неизглаголаннаго дѣвства чистота, смиренныя мудрости истина, имѣетъ надъ главою Христа: глава бо премудрости Христосъ, Слово Сынъ Божій простеръ небеса, сниде въ Дѣву чисту“. Любящіе дѣвство уподобляются Пресвятой Дѣвѣ. Она родила Сына, Слово Божіе, Господа нашего Іисуса Христа: любящіе дѣвство рождаютъ словеса дѣятельная, то есть, неразумныхъ поучаютъ. Его возлюбилъ Іоаннъ Предтеча и сподобился быть крестителемъ Господнимъ, собственнымъ примѣромъ указавъ образецъ трудной жизни для Бога; дѣвственную чистоту возлюбилъ Іоаннъ Богословъ, за что удостоился возлежать на персяхъ самого Господа и быть Его ученикомъ. „Имать же дѣвство лице дѣвиче огненно“. Огнь—божество, попаляющее тлѣнныя страсти, просвѣщающее чистую душу. „Имать же надъ ушима тороцы (2), еже святіи ангели имутъ“.—Житіе чистое ангельскому равно есть; тороки же покоище Св. Духа. „На главѣ же ея вѣнецъ царскій“.—Смиреніе царствуетъ надъ страстьми. „Санъ же препояса-

---

(1) Алфавиты; № 18 л. 409. № 13 л. 177—189 и друг. списки.

(2) Тороцы и тороки.—иконописный терминъ, означающій 1) токъ Божественнаго слуха, изображаемый на иконахъ въ видѣ излучистой струи тока, лучей и 2) бѣлую повязку, тесму, ленту на челѣ иконныхъ ангеловъ. Смотри толковый словарь Даля.

ніемъ чреслъ". — Образъ старѣйшинства и святительства. „Въ руцѣ же держитъ скипетръ"—царскій санъ являетъ. „Имать же крылѣ орли огнени", являя тѣмъ самымъ высокопарное пророчество и разумъ. И подобно тому, какъ эта очень зоркая птица любитъ мудрость, и когда видитъ ловца, возлетаетъ выше, такъ и любящіе дѣвство нелегко уловлясмы бываютъ отъ діавола. „Въ шуйцѣ же имать свитокъ написанъ, въ немъ же суть написаны недовѣдомыя сокровенныя тайны, рекше преданная писанія вѣдати". Это значитъ, что не должно искать и испытывать божественныя тайны, потому что непостижимы божественныя дѣйствія ни ангеламъ, ни человѣкамъ. „Одѣянія же свѣта и престолъ на немъ же сѣдитъ"—являетъ покоище будущаго свѣта. „Утвержена же седмию столпы"—седмью дарами Св. Духа, какъ написано у прор. Исаіи. „Нозѣ же утвержени на камени".—Камень являетъ проповѣдь ап. Петра: на семъ бо камени, рече Христосъ, созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ей. Въ такомъ видѣ является толкованіе образа Софіи Премудрости Божіи, вошедшее въ Сборный Подлинникъ графа Строганова (1). Второе мѣсто, по своей полнотѣ, занимаетъ въ нашихъ Азбуковникахъ отвѣтъ на вопросъ: „Что ради пророку Іезекіилю Іоанново благовѣстіе во образѣ львовѣ проявлено" (2). Потому, говорится въ отвѣ-

(1) Буслаева Истор. очерки. II т. 297—298 стр.

(2) Алфавитъ № 13 л. 116 об.—117. У Буслаева толкованіе нѣсколько сжатѣе. См. Ист. Очерки II т. 368 стр.

тѣ, благовѣстіе Іоанново проявлено было во образѣ львовѣ, что левъ прообразуетъ собой три тайны Христовы. Во 1-хъ, какъ левъ, преслѣдуемый ловцами, заметаетъ свой слѣдъ хвостомъ (опашіею), такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ принялъ на себя человѣческую плоть, скрывая подъ нею свое божество отъ козней діавольскихъ. Этимъ только обусловливается возможность искушенія Іисуса Христа въ человѣческомъ образѣ отъ діавола въ продолженіе 40 дней. Во 2-хъ, подобно тому, какъ левъ во время сна не закрываетъ внѣшнихъ своихъ чувствъ и заслыша приближеніе ловца убѣгаетъ, такъ и Христосъ плотію вознесся на крестъ, а божествомъ—на небеса и возсѣлъ одесную Бога Отца. Какъ человѣкъ, Іисусъ Христосъ пострадалъ, умеръ, но какъ Богъ непричастенъ былъ ни страданію, ни самой смерти. Въ 3-хъ наконецъ, какъ львица рождаетъ свое дитя мертвымъ и хранитъ его въ такомъ положеніи три дня, пока не оживитъ львенка самецъ, такъ и Іисусъ Христосъ воскрешенъ Богомъ Отцомъ въ третій день (1). Такое уподобленіе Христа Бога нашего льву, царю звѣрей, крѣпкому и сокровенному, нисколько не оскорбительно для величія Божія, потому что самъ богодухновенный пророкъ Давидъ говорилъ о Богѣ: въ мори путіе твои и стези твоя въ водахъ многихъ и стопы твоя не познаются. Яко же бо путь

(1) На эти три свойства льва указываетъ св. Епифаній Кипрскій въ своемъ физіологѣ Physiologus S. Epiphanii Cap. 1—11. См. у Migne Patrolog. curs. compl. Tom. XLIII. pag. 517. 520.

въ водахъ не снабдится, ниже стопы львовы, сице ниже Божія шествія. Особеннымъ распространеніемъ пользовались отвѣты на вопросъ: „Что есть иже пишутъ на иконахъ сшествія Святаго Духа: сѣдитъ человѣкъ, старостію одержимъ, въ мѣстѣ темнѣ; риза червлена и вѣнецъ царскій на главѣ его; въ рукахъ же своихъ имѣя убрусъ бѣлъ, а въ немъ дванадесять свитковъ“ (1). По отвѣту, данному на этотъ вопросъ, человѣкъ—міръ; одержимый старостію—престарѣлый Адамовымъ грѣхопаденіемъ; пребываніе старца въ темномъ мѣстѣ знаменуетъ закоснѣніе рода человѣческаго во тмѣ невѣрія; червленная риза—кровавыя идольскія жертвы; вѣнецъ царскій—царство грѣха Адамова въ мірѣ до Христа; убрусъ бѣлый и двѣнадцать свитковъ—двѣнадцать апостоловъ, просвѣтившихъ ученіемъ Христовымъ весь міръ.

Къ иконописной же символикѣ принадлежитъ статья: „Ангели имѣютъ надъ ушима торопцы, иже есть покоище Святаго Духа“ (2). Авторъ толкованія этой статьи, дабы придать больше смысла торокамъ, какъ покоищамъ Св. Духа, старается показать отношеніе ангеловъ, духовъ безплотныхъ, къ Высочайшему Духу Богу. Ангелы, говорится въ статьѣ, какъ творенія Божіи, хотя и безплотные духи, однако подлежатъ виду и уставу: только одинъ Богъ

---

(1) Алфавитъ № 13. л. 217.

(2) Алфавитъ № 18. л. 60. *Примѣч.* Въ другихъ Алфавитахъ Солов. библ. статьи о торокахъ не встрѣчается.

внѣ всего этого. Ангелы могутъ быть описаны, потому что когда они посылаются на землю, тогда на небѣ ихъ не существуетъ; когда ихъ на землѣ нѣтъ, тогда пребываютъ на небѣ, между тѣмъ „Божіе схожденіе не мѣстно есть прехожденіе: Богъ бо отъ мѣста въ мѣсто не преходитъ, но вездѣ сый и вся исполняя неизреченно нѣкако и недомыслимо уму человѣческому же и ангельскому".

Въ Алфавитѣ № 13, помѣщена статья: „О еже что ради пишутся на иконахъ и въ книгахъ пророческихъ колесницы огнены и кони огнены, и бѣлы, и черны и смѣны" (1). Навыкаемъ отъ святыхъ писаній, такъ начинается отвѣтъ, что колесница и кони суть метафора, обозначающая этими видимыми вещами существъ незримыхъ, служебныхъ духовъ. Кони вообще служатъ выраженіемъ покорности Творцу; всѣхъ Богу, въ частности бѣлые кони знаменуютъ все свѣтозарное, имѣющее сродство съ свѣтомъ божественнымъ; черные кони служатъ выраженіемъ сокровеннаго; червленые—всего огневиднаго и сильнаго. Дальнѣйшее толкованіе, безъ рисунка, темно и даже непонятно. „Смѣны же (пестрые; смотри у пророка Захаріи 6, 3—4) отъ бѣлаго и чернаго еже грядущею силою краевъ связательное и первая вторымъ обратнѣ совокупляя. Колесница сопряженое совкупочинныхъ приобщеніе. Кола же крылата убо суще, въ яже напредѣ возвратнѣ, и неклонительнѣ шествующе, яже правъ и управленъ путь шествительнаго ихъ дѣйства силу, на той

(1) Алфавитъ № 13 л. 103—104; № 14 л. 112—113; № 15 л. 232—232; № 18 л. 273.

же неклонительный и правористательный путь всякаго ихъ умнаго теченія, премирнѣ исправленнаго".

Слѣдующія статьи, относящіяся къ древне-русской иконописной и книжной символикѣ, имѣютъ въ виду разрѣшить вопросы относительно a) изображеній нѣкоторыхъ евангелистовъ; b) вѣнцовъ на иконахъ съ ихъ надписями и знаками и c) положенія креста Спасителя. Вопросы перваго рода ставятся обыкновенно: „Что ради евангелистъ Іоаннъ пишется во образѣ львовѣ" (1)? „Что ради Маркъ евангелистъ во образѣ орли пишется" (2)? Отвѣты очень простые: Іоаннъ потому пишется во образѣ львовѣ, что начинаетъ свое благовѣстіе ученіемъ о Словѣ и объясняетъ царское достоство Слова,—а левъ царь и владыка всѣхъ звѣрей. Евангелисту же Марку приписывается образъ орла по той причинѣ, что Евангеліе свое начинаетъ онъ съ пророчества, а пророческая благодать также „провидительна суть и остродальная видящи", какъ и орелъ. Орелъ настолько обладаетъ зоркостью и крѣпостію глазъ, что одинъ изъ всѣхъ животныхъ можетъ свободно смотрѣть на солнце.

Статьи, касающіяся вѣнцовъ на иконахъ, заключаютъ въ себѣ слѣдующіе вопросы: „О вѣнцѣ, иже на Христовѣ образѣ воображенъ кресть и три письмене: ѡ о н; а еже ѧ начертаній написанія; а еже на образѣ Господа Саваофа

(1) Алфавитъ № 18. л. 276; № 14. л. 128—129.

(2) Ibid. № 18 л. 288.

по учебной части (Св. 1857 г. т. III Уст. служб. Прав. ст. 60), не по найму, но съ правомъ государственной службы, то въ отношеніи ихъ тѣмъ же положеніемъ 1858 г. постановлено: въ первый классный чинъ производить ихъ за безпорочную выслугу въ должности двѣнадцати лѣтъ. Примѣнительно къ сему положенію, учителямъ инородческихъ языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ и остающимся нынѣ преподавателямъ эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи проектируются слѣдующія права: тѣ изъ означенныхъ лицъ, которые окончили курсъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ, университетахъ или семинаріяхъ и получили ученыя степени или званія, пользуются по чинопроизводству правами одинаковыми съ прочими преподавателями семинарій; неимѣющіе же ученыхъ степеней и званій или неокончившіе курса наукъ въ упомянутыхъ заведеніяхъ производятся въ чины по общимъ правиламъ гражданской службы, а опредѣляемыя на эти должности лица податныхъ состояній, не пріобрѣтшія по образованію права на вступленіе въ службу, сравниваются въ правахъ по чинопроизводству съ учителями приходскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, т. е., пользуясь въ продолженіе ихъ службы преимуществами XIV класса, получаютъ означенный чинъ только по выслугѣ двѣнадцати лѣтъ (проектъ „Положенія,“ статьи: 5, 6, 9)

Къ числу нештатныхъ должностныхъ лицъ въ семинаріяхъ и училищахъ принадлежатъ еще надзиратели за воспитанниками.

Для усиленія инспекціи за учениками, особенно живущими на наемныхъ квартирахъ, Высочайше утвержденными 21 декабря 1870 г. и 12 ноября 1871 г. опредѣленіями Св. Синода разрѣшено назначать въ духовныя семинаріи и училища особыхъ надзирателей изъ окончившихъ курсъ студентовъ семинаріи; для привлеченія же на эту должность молодыхъ людей, вполнѣ способныхъ и надежныхъ, имъ Всемилостивѣйше даровано право, по прослуженіи трехъ лѣтъ, пользоваться тѣми преимуществами при полученіи священническихъ мѣстъ, какія Высочайше утвержденнымъ 16-го апрѣля 1869 г. журналомъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства предоставлены въ семъ отношеніи учителямъ духовныхъ училищъ изъ окончившихъ семи-

нарскій курсъ. Но какъ таковыя преимущества имѣютъ значеніе только для лицъ, намѣривающихся вступить въ духовное званіе, а между тѣмъ изъ среды молодыхъ людей, поступающихъ на должности надзирателей въ семинаріяхъ и училищахъ, могутъ оказаться и такіе, которые пожелаютъ посвятить себя учебной или воспитательной службѣ при тѣхъ же заведеніяхъ, то представлялось бы полезнымъ открыть, по возможности, и для такихъ лицъ преимущества, которыя служили бы къ привлеченію ихъ на означенную должность, доставляющую притомъ весьма скудное матеріальное вознагражденіе (отъ 100 до 300 р.) Съ другой стороны нельзя опустить изъ виду и того, что прохожденіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ званія надзирателя можетъ служить лучшею подготовкою къ должности помощника инспектора въ семинаріяхъ. По таковымъ соображеніямъ предполагается опредѣляемымъ изъ студентовъ семинаріи надзирателямъ при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, въ случаѣ поступленія ихъ на одну изъ штатныхъ должностей по учебной или воспитательной части въ сихъ заведеніяхъ, предоставить право на зачетъ въ дѣйствительную службу времени, проведеннаго ими въ надзирательской должности (проектъ „Положенія“, статья 12).

Что касается до преподавателей епархіальныхъ женскихъ училищъ, то, на основаніи указаннаго выше примѣра женскихъ гимназій вѣдомства народнаго просвѣщенія, предполагается установить въ правахъ этихъ должностныхъ лицъ по чинопроизводству различіе соотвѣтственно степени ихъ образованія, и однихъ изъ нихъ сравнять въ семъ отношеніи съ учителями семинарій, другихъ—съ учителями духовныхъ училищъ (проектъ „Положенія“, статья 10).

Относительно служебныхъ правъ почетныхъ блюстителей по хозяйственной части при духовно-учебныхъ заведеніяхъ предположено сохранить въ силѣ дѣйствующія нынѣ постановленія съ нѣкоторымъ дополненіемъ, въ видахъ большей опредѣлительности тѣхъ преимуществъ, коими они могутъ пользоваться (проектъ „Положенія“, статья 13).

Производство въ чины всѣхъ вообще лицъ, служащихъ по духовно-учебному вѣдомству, совершается нынѣ чрезъ посредство синодальнаго Оберъ-Прокурора, который по ходатайству епархіальныхъ преосвященныхъ входитъ съ представленіями въ Правительствующій Сенатъ. Порядокъ этотъ

установленъ Высочайше утвержденнымъ 1 марта 1839 г. положеніемъ о бывшемъ Духовно-Учебномъ Управленіи (§ 5, п. 5) и вытекалъ изъ прежняго устройства управленія духовно-учебными заведеніями, въ силу котораго преподаватели духовныхъ академій и семинарій, не имѣющіе духовнаго сана, опредѣлялись на должности Духовно-Учебнымъ Управленіемъ, а учители духовныхъ училищъ—мѣстными семинарскими правленіями, и при которомъ епархіальные архіереи не были непосредственными начальниками духовно-учебныхъ заведеній своихъ епархій. Съ преобразованіемъ же всего административнаго строя этихъ заведеній, внесеннымъ новыми учебными уставами, не представляется никакого основанія къ сохраненію нынѣ прежняго порядка въ дѣлахъ о производствѣ въ чины служащихъ по духовно-учебному вѣдомству. Посему, въ видахъ сокращенія переписки и для согласованія порядка въ дѣлахъ этого рода по означенному вѣдомству съ дѣйствующими нынѣ общими узаконеніями о службѣ гражданской (т. III уст. служб. правит., ст. 566 п. 1, 2, 4 и 569 по прод. 1863 г.),—предполагается: 1) предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ, какъ ближайшимъ начальникамъ духовно-учебныхъ заведеніи ввѣренныхъ имъ епархій, непосредственно отъ себя относиться въ Департаментъ Герольдіи объ утвержденіи въ чинахъ по ученымъ степенямъ и званіямъ или учебнымъ должностямъ и о производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ лицъ, занимающихъ въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ должности, опредѣленіе на которыя зависитъ отъ самихъ преосвященныхъ, исключая только врачей на основаніи т. 1 учр. мин. ст. 1224 п. 3, получающихъ производство въ чины не иначе, какъ по представленію министра внутреннихъ дѣлъ; 2) за Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода оставить производство въ чины профессоровъ духовныхъ академій и инспекторовъ духовныхъ семинарій, какъ занимающихъ должности, опредѣленіе на которыя зависитъ отъ высшаго духовно-учебнаго начальства (проектъ „Положенія“, ст. 15).

Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ служебныхъ правъ должностныхъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства признается необходимымъ опредѣлить и гражданскія права лицъ, получающихъ ученыя богословскія степени и званія, въ случаѣ вступленія ихъ на гражданскую службу.

Въ настоящее время въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства съ точностію означены въ семъ отношеніи только права магистровъ и кандидатовъ духовныхъ академій (ст. 188 и примѣч.: ср. 180); касательно же докторовъ и дѣйствительныхъ студентовъ академіи не встрѣчается никакого опредѣленнаго постановленія. Между тѣмъ число этихъ лицъ, при дѣйствіи новаго академическаго устава, будетъ болѣе и болѣе увеличиваться, такъ какъ степень доктора богословія при прежнемъ уставѣ присуждаема была только по усмотрѣнію и представленію академической конференціи, и при томъ присвоялась исключительно лицамъ духовнаго сана, а нынѣ открыта для соисканія каждому изъ магистровъ богословія (уст. дух. акад. § 145); равнымъ образомъ званіе дѣйствительнаго студента академіи прежде усвоялось воспитанникамъ сной въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, нынѣ же съ званіемъ симъ выпускаются всѣ тѣ изъ академическихъ студентовъ, которые по выслушаніи въ академіи трехлѣтняго курса наукъ, оказали успѣхи, несоотвѣтствующіе степени кандидата (уст. дух. акад. § 135), обстановленной болѣе высокими требованіями. Посему предположено (проектъ „Положенія", ст. 16), сохранивъ въ своей силѣ существующее постановленіе о правѣ, при вступленіи въ гражданскую службу, на утвержденіе въ чинѣ, магистровъ академіи—IX класса и кандидатовъ—X класса, присвоить докторамъ чинъ VIII, а дѣйствительнымъ студентамъ – XII класса, наравнѣ съ лицами, получившими такія же степени въ нашихъ университетахъ (уст. служб. прав. ст. 189; уст. Импер. Рос. Университ. § 142).

О правахъ студентовъ семинаріи, при вступленіи на гражданскую службу, въ проектѣ положенія не признано нужнымъ дѣлать упоминаніе, въ виду того, что права ихъ съ ясностію опредѣлены 190 и 191 §§ уст. дух. сем и 189 ст. уст. служб. прав. по прод. 1872 г.

Но такъ какъ съ открытіемъ нынѣ большаго доступа къ образованію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ молодымъ людямъ всѣхъ сословій, въ числѣ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и получившихъ ученыя богословскія степени и званія дѣйствительнаго студента или студента семинаріи, могутъ быть и лица изъ податныхъ состояній, гражданское положеніе которыхъ, впредь до поступленія на должности въ духовномъ вѣдомствѣ, а также въ случаѣ вы-

хода изъ духовнаго званія или въ случаѣ нежеланія вступить въ какую либо службу, будетъ неопредѣленно, то въ виду сего предполагается (проектъ „Положенія“, ст. 17, на лицъ, получившихъ ученыя богословскія степени и званія и не имѣющихъ правъ высшаго состоянія, распространить дѣйствіе ст. 577 (п. 1 и 7) и 583 (п. 1) т. IX Закон. Сост. (Св. изд. 1857 г.), по которымъ удостоенные степени доктора или магистра въ университетахъ пользуются правами потомственнаго почетнаго гражданства, а пріобрѣтшіе отъ университетовъ степень кандидата или званіе дѣйствительнаго студента,—равно какъ и съ отличіемъ окончившіе курсъ въ гимназіи и нѣкоторыхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—правами личнаго почетнаго гражданства.

Въ ряду служебныхъ преимуществъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ права на пенсіи и пособіе и самые размѣры оныхъ. Посему духовное правительство съ самаго начала предпринятаго имъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній озабочено было возможно благопріятнымъ рѣшеніемъ вопроса о новыхъ пенсіонныхъ окладахъ должностнымъ при нихъ лицамъ, принявъ въ основаніе ту мысль, что служащіе въ сихъ заведеніяхъ, будучи сравнены въ окладахъ содержанія съ лицами, занимающими соотвѣтствующія должности въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по справедливости должны быть уравнены съ послѣдними и относительно размѣровъ пенсій и единовременныхъ пособій, которыя доселѣ производятся изъ скудныхъ окладовъ жалованья по старымъ штатамъ и являются несоотвѣтствующими современной стоимости содержанія и видамъ на обезпеченіе участи лицъ, посвятившихъ свою дѣятельность учебно-воспитательному дѣлу въ духовной школѣ. Но, къ сожалѣнію, за непринятіемъ производства пенсій и единовременныхъ пособій по духовно-учебному вѣдомству на счетъ суммъ государственнаго казначейства и при недостаточности имѣющихся въ вѣдѣніи Св. Синода средствъ, на которыя долженъ быть отнесенъ расходъ по сему предмету, оказалось невозможнымъ достигнуть полнаго уравненія пенсіонныхъ окладовъ по духовно-учебному вѣдомству съ окладами по министерству народнаго просвѣщенія, и по соображеніи предназначенныхъ на расходы по учебной части экономическихъ средствъ Св. Синода, съ причисленіемъ къ онымъ установленнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 8-го мая

1873 года двухпроцентнаго вычета изъ содержанія состоящихъ на духовно-учебной службѣ, а также изъ пенсій самихъ пенсіонеровъ, Св. Синодомъ признано необходимымъ ограничиться назначеніемъ новыхъ окладовъ пенсій по духовно-учебному вѣдомству примѣнительно къ размѣру пенсіонныхъ окладовъ по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, отнесеннымъ по штатамъ 17 апрѣля 1859 года къ 3 разряду, и по университетамъ—св. Владиміра, новороссійскому, харьковскому и казанскому, по съ нѣкоторыми измѣненіями противу сихъ послѣднихъ окладовъ. Измѣненіи эти заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1) Окладъ пенсіи ректору въ духовной академіи (1300 р.) предположенъ въ размѣрѣ, нѣсколько высшемъ противъ оклада пенсіи (1200 руб. и 1143 руб.) ректора въ университетахъ (кіевскомъ, новороссійскомъ, харьковскомъ и казанскомъ), въ томъ соображеніи, что ректоръ университета избирается изъ профессоровъ на 4 года и получаетъ пенсію по профессорской должности, въ академіяхъ же ректора назначаются Св. Синодомъ безъ опредѣленнаго срока и, при существованіи въ академіяхъ общежитія казеннокоштныхъ студентовъ, несетъ особые труды по надзору за живущими въ зданіяхъ академіи воспитанниками и по наблюденію за хозяйствомъ.

2) Пенсіонные оклады профессорамъ ординарнымъ (1100 руб.), экстраординарнымъ (800 р.) и доцентамъ (550 руб.) въ академіяхъ, для округленія предназначены въ размѣрахъ нѣсколько низшихъ противъ таковыхъ же должностей въ университетахъ (кіевскомъ и новороссійскомъ 1200 рублей, 860 руб. и 600 р.; въ харьковскомъ и казанскомъ 1143 р., 850 и 572 руб.).

3) Библіотекарю академіи опредѣленъ разрядъ пенсіи (V-й) соотвѣтственно проектированному классу должности, такъ какъ должность его отнесена къ числу должностей не учебной, а административной службы по духовно-учебному вѣдомству.

4) Пенсіи лекторамъ, помощнику инспектора, помощнику библіотекаря и секретарю въ академіяхъ предполагаются въ меньшемъ размѣрѣ противъ пенсіонныхъ окладовъ по соотвѣтствующимъ должностямъ въ университетахъ, на томъ основаніи, что при назначеніи симъ лицамъ окладовъ

пенсій, равныхъ съ университетскими, такіе оклады не соотвѣтствовали бы окладамъ положеннаго имъ по новымъ штатамъ жалованья и сравнительно съ пенсіями и жалованьемъ другихъ лицъ, служащихъ при академіи, были бы значительно выше.

5) По тѣмъ же соображеніямъ въ духовныхъ семинаріяхъ предназначены оклады пенсій въ меньшемъ размѣрѣ противъ гимназій учителямъ новыхъ языковъ; съ сими послѣдними лицами сравниваются въ отношеніи пенсіонныхъ окладовъ: а) преподаватели эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи, и б) преподаватели инородческихъ языковъ въ благовѣщенской семинаріи, включенные Св. Синодомъ въ личный составъ означенной семинаріи, на ряду съ штатными учителями.

6) Помощникамъ инспектора въ семинаріяхъ предназначается разрядъ пенсій меньшій сравнительно съ учителями, на основаніи тѣхъ же соображеній, по коимъ должность инспекторскихъ помощниковъ въ отношеніи класса поставлена ниже преподавательской.

7) Смотрителямъ духовныхъ училищъ опредѣляется двоякій окладъ пенсій (450 и 350 руб.),: одинъ для смотрителей изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, другой — для занимающихъ смотрительскія должности изъ студентовъ семинарій. Такое различіе въ пенсіонномъ окладѣ для означенныхъ должностныхъ лицъ предположено въ видахъ привлеченія на мѣста смотрительскія въ училищахъ людей, получившихъ высшее образованіе, какъ болѣе способныхъ къ лучшему веденію учебно-воспитательнаго дѣла, въ которомъ смотрители должны быть руководителями всѣхъ служащихъ при училищахъ. Назначеніе смотрителямъ изъ таковыхъ лицъ оклада пенсіи (450 руб.), высшаго противъ пенсіонныхъ окладовъ смотрителей уѣздныхъ училищъ народнаго просвѣщенія нетолько 3-го (350 р.), но и 2-го разряда (400 р.), имѣетъ основаніемъ то соображеніе, что смотрители духовныхъ училищъ несутъ труды по наблюденію за учениками, живущими въ общежитіяхъ при сихъ заведеніяхъ, и по хозяйственной части общежитій, между тѣмъ какъ смотрители уѣздныхъ училищъ свободны отъ подобныхъ обязанностей и ограничиваютъ свои занятія одною учебною частію. Помощнику же смотрителя въ училищахъ назначается окладъ, равный съ учителями, по невозмож-

ности опредѣлить для нихъ средній размѣръ пенсіи между смотрителями (350 руб.) и учителями (300 руб.).

8) Инспектору и помощникамъ ректора въ академіяхъ и библіотекарю въ семинаріяхъ, отправляющимъ эти должности съ сохраненіемъ профессорскихъ или преподавательскихъ должностей, окладовъ пенсій неположено, такъ какъ они будутъ пользоваться пенсіями по симъ послѣднимъ должностямъ.

9) Равнымъ образомъ не назначается пенсіонныхъ окладовъ: а) учителямъ еврейскаго языка, иконописанія, пѣнія и гимнастики въ семинаріяхъ, а также чистописанія и пѣнія въ училищахъ, въ томъ вниманіи, что учителей этихъ предметовъ положено считать служащими по найму; б) врачамъ при духовныхъ училищахъ, такъ какъ при сихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го октября 1840 года и Высочайше утвержденнаго 12-го мая 1836 года положенія комитета министровъ, разрѣшено опредѣлять врачей съ правами государственной службы, но безъ жалованья, а посему и за силою 95 ст. Уст. пенс. Т. III. св. 1857 года должностныя лица эти не могутъ пользоваться правомъ на пенсію, и в) преподавателямъ и вообще служащимъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ, какъ получающихъ содержаніе изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, на которыя вообще содержатся эти заведенія.

Прочимъ должностнымъ лицамъ административной службы при духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ опредѣляются оклады пенсій по существующимъ для гражданскихъ чиновниковъ разрядамъ, соотвѣтственно получаемому ими жалованью и сообразно проектированному классу должности; относительно же размѣра пенсій врачамъ при академіяхъ и семинаріяхъ предположено руководствоваться постановленіями о пенсіяхъ по медицинской части, какъ это установлено для врачей при университетахъ и гимназіяхъ.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ новыхъ пенсіонныхъ окладовъ служащимъ при духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ подвергнуты пересмотру дѣйствующія нынѣ постановленія о пенсіяхъ и пособіяхъ по духовно-учебному вѣдомству (изложенныя въ Св. Зак. изд. 1857 г. и продолженіяхъ къ оному 1863 и 1868 годовъ т. III уст. пенс. ст. 436—465).

Постановленія эти, изданныя въ 1828 году, хотя съ теченіемъ времени и подвергались измѣненіямъ и дополненіямъ, тѣмъ неменѣе оказываются недостаточно полными и опредѣленными, а съ другой стороны требуютъ согласованія съ совершенною реформою духовно-учебныхъ заведеній по новымъ уставамъ. Посему открылась необходимость въ значительныхъ измѣненіяхъ пенсіонныхъ правилъ по духовно-учебному вѣдомству, съ цѣлію приведенія оныхъ въ большую полноту, ясность и опредѣлительность. При составленіи проекта новыхъ правилъ по сему предмету приняты въ основаніе существующія по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія постановленія о пенсіяхъ и пособіяхъ, на сколько оныя примѣнимы къ вѣдомству духовно-учебному при тѣхъ денежныхъ средствахъ, которыми оно можетъ располагать на покрытіе расходовъ по этой части. Такъ, въ силу экономическихъ соображеній, Св. Синодомъ не признано возможнымъ производить, сверхъ жалованья, пенсіи лицамъ духовно-учебной службы, оставляемымъ на основаніи уставовъ сихъ заведеній, долѣе 25 лѣтъ (уст. духов. акад. § 59 и уст. дух. семинарій § 187), и назначать имъ за выслугу послѣ того новыхъ пятилѣтій прибавки къ полной пенсіи по $^1/_6$ ея части, какъ это установлено ст. 491 и 493 Уст. Пенс. для чиновниковъ учебной части министерства народнаго просвѣщенія. Точно также по недостатку денежныхъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи Синода на потребности по учебной части, встрѣтилось затрудненіе къ усвоенію лицамъ духовно-учебнаго вѣдомства, служащимъ въ отдаленныхъ краяхъ Имперіи, всѣхъ тѣхъ преимуществъ, коими пользуются служащіе въ означенныхъ мѣстностяхъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, каковы: прибавка жалованья за выслугу извѣстныхъ сроковъ и сокращеніи срока на пенсіи; а между тѣмъ распространеніе такихъ прерогативъ на духовно-учебное вѣдомство было бы вполнѣ справедливо и весьма желательно для необходимаго привлеченія на службу въ учебныхъ заведеніяхъ сибирскихъ и кавказскихъ епархій, такъ какъ предоставленное дѣйствующими узаконеніями полученіе изъ казны двойныхъ прогоновъ и не въ зачетъ годоваго жалованья опредѣляемымъ на духовно-учебную службу въ Сибирь, Закавказскій край и ставропольскую губернію, при отсутствіи

другихъ преимуществъ, присвоенныхъ лицамъ учебной службы вѣдомства народнаго просвѣщенія, оказывается недостаточно сильнымъ побужденіемъ къ поступленію на учительскія должности въ духовно-учебныя заведенія означенныхъ мѣстностей, а тѣмъ болѣе къ продолженію тамъ службы по духовно-учебному вѣдомству.

Для точнѣйшаго обозначенія лицъ духовно-учебной службы, на коихъ должно простираться дѣйствіе вновь проектированныхъ пенсіонныхъ правилъ, въ проектѣ положенія поименованы всѣ лица, имѣющіе право на полученіе пенсій и пособій по сему положенію (ст. 19), равно какъ и тѣ, коимъ такого права не усвояется (ст. 20). Къ первой изъ этихъ категорій причислены, сверхъ должностей, поименованныхъ въ штатахъ духовно-учебныхъ заведеній, преподаватели миссіонерскихъ предметовъ въ казанской академіи, преподаватели эстскаго и латышскаго языковъ въ рижской семинаріи, преподаватели инородческихъ языковъ въ благовѣщенской семинаріи и учители всѣхъ вообще параллельныхъ классовъ въ семинаріяхъ и училищахъ, не исключая и классовъ, открываемыхъ на мѣстныя средства. Ко второй категоріи отнесены всѣ вообще учители, приглашаемые по найму и сверхъ того: а) всѣ наставники епархіальныхъ женскихъ училищъ; б) состоящіе въ академіяхъ и семинаріяхъ преподаватели особыхъ предметовъ (неположенныхъ уставами) и в) учители высшихъ и приготовительныхъ классовъ въ духовныхъ училищахъ, получающіе жалованье изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, а не изъ духовно-учебнаго капитала или суммъ государственнаго казначейства. Хотя упомянутые выше учители параллельныхъ, классовъ въ училищахъ и учители открываемыхъ, по ходатайству духовенства, сверхштатныхъ параллельныхъ классовъ въ семинаріяхъ пользуются содержаніемъ также изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, но этимъ учителямъ предположено предоставить право на пенсіи во вниманіе къ тому, что означенные параллельные классы открываются на одинаковыхъ основаніяхъ съ классами, по штату положенными, и потому лица, занимающія въ нихъ должности учителей, должны быть во всемъ уравнены съ штатными учителями.

Приватъ-доцентамъ въ академіяхъ, по примѣру университетскихъ (Уст. Импер. Рос. Универ. § 145 примѣч. 1), предполагается предоставить право на зачетъ службы въ

этомъ званіи въ срокъ выслуги на пенсію, въ случаѣ перехода ихъ на штатную должность по учебной части въ академіи (проекъ „Положенія“, ст. 19, примѣч.).

Сроки выслуги на пенсіи для служащихъ по учебно-воспитательной части въ духовномъ вѣдомствѣ оставляются прежніе, соотвѣтствующіе срокамъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія (проектъ „Положенія“, ст. 21); удержаны въ своей силѣ постановленія о сокращенныхъ срокахъ, въ случаѣ болѣзни (проектъ „Положенія“, ст. 28), и въ дополненіе къ нимъ проектировано новое правило о предоставленіи лицамъ духовно-учебной службы, выходящимъ въ отставку по прослуженіи десяти и болѣе, до двадцати лѣтъ, права получать единовременное пособіе (проектъ „Положенія“, ст. 27), каковымъ правомъ пользуются служащіе по учебной части министерства народнаго просвѣщенія (Уст. Пенс. ст. 503), но доселѣ не пользовались начальники и наставники духовно-учебныхъ заведеній; при этомъ впрочемъ предположено выдавать симъ лицамъ означенное пособіе не въ количествѣ оклада жалованья, но въ размѣрѣ опредѣленнаго по каждой должности оклада пенсіи.

Въ виду же того, что по новымъ уставамъ духовно-учебныхъ заведеній на службу при академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ могутъ быть избираемы и назначаемы духовныя лица епархіальнаго вѣдомства, представлялось необходимымъ опредѣлить пенсіонныя права ихъ по службѣ, какъ предшествовавшей поступленію въ должности по учебной и воспитательной части, такъ и продолжаемой въ епархіальномъ вѣдомствѣ по оставленіи службы духовно-учебной. Права такихъ лицъ предположено опредѣлить (проектъ „Положенія“, ст. 23 и 25) въ первомъ случаѣ примѣнительно къ правилу, существующему по министерству народнаго просвѣщенія (Уст. Пенс. ст. 486), а во второмъ случаѣ— прямымъ распространеніемъ на нихъ дѣйствующаго по тому же вѣдомству постановленія (Уст. Пенс. ст. 489). При этомъ относительно лицъ, переходящихъ на епархіальную службу по выслугѣ пенсіонныхъ сроковъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, постановляется правиломъ, что когда они поступаютъ на епархіальную должность съ жалованьемъ меньшимъ противъ пенсіи, то получаютъ жалованье съ добавкою изъ пенсіи до оклада сей послѣдней (проектъ „Положенія“, ст. 26). Хотя въ общемъ пенсіонномъ Уставѣ поста-

новлено (ст. 14): „получившимъ при отставкѣ пенсію и поступившимъ вновь на службу производить или жалованье, или пенсію, смотря по тому, что изъ нихъ будетъ выше“; по проектируемое въ положеніи о пенсіяхъ по духовно-учебному вѣдомству нѣкоторое отступленіе отъ сего постановленія основывается на томъ соображеніи, что въ настоящемъ случаѣ духовныя лица будутъ получать жалованье и пенсіи не изъ одного общаго источника (изъ казны), какъ всѣ другія лица изъ отставныхъ, опредѣляемыя вновь на службу, а изъ двухъ разныхъ источниковъ, именно: жалованье изъ суммъ государственнаго казначейства, пенсію же изъ суммъ Св. Синода, и что посему, въ видахъ нѣкотораго уменьшенія расходовъ изъ духовно-учебнаго источника, желательно было бы допустить предполагаемый зачетъ казеннаго жалованья въ сумму пенсіи.

Къ лицамъ, перешедшимъ на духовно-учебную службу изъ другихъ, свѣтскихъ вѣдомствъ, и на переходящихъ до выслуги въ оной пенсіоннаго срока въ другія вѣдомства, предполагается (проекъ „Положенія“, ст. 24 и 25) вполнѣ распространить существующіе въ семъ отношеніи по министерству народнаго просвѣщенія постановленія (Уст. Пенс. ст. 485, 486 и 489).

Дѣйствующія нынѣ правила о пенсіяхъ осиротѣвшимъ семействамъ лицъ духовно-учебной службы (изложенныя въ ст 29 и 30 проекта „Положенія“) признано необходимымъ дополнить: 1) заимствованнымъ изъ общаго пенсіоннаго устава (ст. 243) и особаго устава по министерству народнаго просвѣщенія (ст. 515) постановленіемъ о пенсіяхъ дѣтямъ увѣчнымъ или одержимымъ неизлечимою болѣзнію (проектъ „Положенія“, ст. 31) и 2) измѣненіемъ 452 ст. Уст. Пенс., по которой сиротамъ наставника, непринадлежащаго къ числу заслуженныхъ, выдается въ единовременное пособіе годовой окладъ умершаго (не входя въ расчетъ времени его службы); взамѣнъ сего предполагается: пособіе осиротѣвшимъ семействамъ, примѣнительно къ ст. 129 общаго Устава о пенс., соразмѣрять съ лѣтами службы умершаго, принявъ въ основаніе расчета для пособій не жалованье, а вновь опредѣленные оклады пенсій (проектъ „Положенія“, ст. 32).

Лицамъ, занимающимъ должности не по учебно-воспитательной части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и семействамъ такихъ лицъ предполагается производить пенсіи и

единовременныя пособія по общимъ правиламъ, для гражданскихъ чиновниковъ установленнымъ (проекъ „Положенія“, ст. 33).

Съ изданіемъ новаго пенсіоннаго положенія по духовно-учебному вѣдомству предположено измѣнить установленный дѣйствующими нынѣ узаконеніями (Уст. Пенс. ст. 456 по прод. 1868 года, 457 свод. 1857 года, 458 по продолж. 1868 года и 459 св. 1857 года) порядокъ назначенія пенсій и единовременныхъ пособій по сему вѣдомству. Въ настоящее время о назначеніи пенсій и пособій учебныя начальства должны, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, входить съ представленіями въ канцелярію Оберъ-Прокурора Св. Синода (ст. 456 по прод. 1868 г.), которая, по разсмотрѣніи представленій сего рода, назначаетъ, какая пенсія или какое пособіе слѣдуетъ къ производству въ данномъ случаѣ (ст. 458 по тому же продолженію); а такъ какъ по ст. 459 представленія о пенсіяхъ или о единвременныхъ пособіяхъ разрѣшаетъ Св. Синодъ, то всѣ предположенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора относительно назначенія пенсій и пособій, вмѣстѣ съ самими представленіями о нихъ, предлагаются Оберъ-Прокуроромъ на усмотрѣніе и утвержденіе Св. Синода, опредѣленія котораго передаются за тѣмъ для исполненія въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ и объявляются епархіальнымъ преосвященнымъ указами Синода. Такой порядокъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ безполезное усложеніе переписки по центральному управленію духовнаго вѣдомства, напрасное обремененіе двухъ канцелярій онаго работами по однимъ и тѣмъ же дѣламъ и наконецъ весьма тяжелое для пенсіонеровъ, особенно для осиротѣвшихъ семействъ, замедленіе въ назначеніи пенсій. Посему, въ видахъ сокращенія переписки и уменьшенія канцелярскаго труда въ центральномъ управленіи духовнаго вѣдомства, а также ускоренія производствомъ пенсій и пособій, предположено (проектъ „Положенія“, ст. 34 и 35) назначеніе оныхъ за службу по духовно-учебнымъ заведеніямъ предоставить Синодальному Оберъ-Прокурору, власти котораго уже предоставлено назначать пенсіи и пособія, на основаніи общаго пенсіоннаго устава, всѣмъ лицамъ гражданской службы въ духовномъ вѣдомствѣ (Уст. Пенс. примѣч. къ ст. 183 по прод. 1868 года). При семъ принято въ соображеніе и то обстоятельство, что со введеніемъ въ дѣй-

ствіе настоящаго проекта положенія назначеніе пенсій и пособій будетъ производиться по строго опредѣленнымъ правиламъ сего положенія. Исключеніе изъ вновь проектированнаго общаго порядка въ назначеніи пенсій предположено установить, примѣняясь къ 188 ст. Уст. Пенс., относительно случаевъ, представляющихъ какое либо сомнѣніе; въ этихъ случаяхъ о назначіи пенсій и пособій будетъ предлагаемо на утвержденіе Св. Синода".

Слушали: Опредѣленіе Св. Синода отъ 24 ноября—11 декабря 1876 года за № 2057, по вопросу о перемѣщеніи учителей духовныхъ семинарій на преподавательскія должности въ женскія училища духовнаго вѣдомства: „По указу Его Императорскаго Величества, Св. Правит. Синодъ слушали предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11-го минувшаго ноября, за № 4573, по вопросу о перемѣщеніи учителей духовныхъ семинарій на преподавательскія должности въ женскія училища духовнаго вѣдомства, состоящія подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, съ тѣмъ чтобы служба ихъ при сихъ училищахъ была зачисляема въ счетъ выслуги обязательнаго срока на духовно-учебной службѣ. Въ предложеніи изъяснено: согласно опредѣленію Св. Синода отъ 19—31-го іюля 1872 года зачисленіе службы воспитанниковъ духовныхъ академій, поступающихъ въ женскія духовныя училища, состоящія подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, въ счетъ обязательной службы по духовно-учебному вѣдомству допущено собственно въ отношеніи тѣхъ воспитанниковъ, которые поступаютъ въ эти училища по окончаніи академическаго курса, не получивъ учительскихъ мѣстъ въ семинаріяхъ или академіяхъ, за недостаткомъ вакансій, при чемъ касательно таковыхъ лицъ постановлено руководствоваться правилами, изложенными въ опредѣленіи Св. Синода отъ 16 марта—8-го апрѣля 1872 года, по коимъ лица сіи, въ случаѣ открытія вакансій въ семинаріяхъ, могутъ быть, по распоряженію начальства, переводимы на службу изъ училищъ въ семинаріи. Означенное постановленіе Св. Синода, ограничивающее кругъ лицъ, кои могутъ пользоваться правомъ на зачетъ службы въ женскихъ училищахъ въ срокъ

обязательной выслуги въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, исключительно тѣми воспитанниками духовныхъ академій, которые поступаютъ въ эти заведенія за немѣніемъ вакансій въ семинаріяхъ, было вызвано въ свое время ощущавшимся недостаткомъ въ кандидатахъ на замѣщеніе преподавательскихъ должностей въ семинаріяхъ. Недостатокъ этотъ уже въ настоящее время устраненъ, почему Св. Синодъ, въ постановленіи своемъ отъ 2 и 9 іюня сего года, призналъ возможнымъ службу окончившихъ курсъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовныхъ академій въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ зачислять въ счетъ обязательной службы ихъ по духовно-учебному вѣдомству. Въ виду вышеизложеннаго, господинъ Оберъ-Прокуроръ предлагаетъ Св. Синоду, не признано-ли будетъ возможнымъ постановить на будущее время, въ дополненіе вышеупомянутыхъ опредѣленій отъ 19-го 31-го іюля 1872 года и 2-го—9-го іюня текущаго года, что служба окончившихъ курсъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовныхъ академій въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, какъ епархіальныхъ, такъ и состоящихъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государыни Императрицы, принимается въ зачетъ обязательной службы сихъ лицъ по духовно-учебному вѣдомству, безразлично къ тому, поступаютъ ли они на службу въ означенныя женскія училища за неимѣніемъ мѣстъ въ мужскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, или же перейдутъ на оную изъ сихъ послѣднихъ. П р и к а з а л и: принимая во вниманіе: а) что въ настоящее время нѣтъ недостатка въ кандидатахъ для замѣщенія преподавательскихъ должностей въ духовныхъ семинаріяхъ, и б) что замѣщеніе преподавательскихъ мѣстъ въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, какъ епархіальныхъ, такъ и состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, окончившими курсъ въ духовныхъ академіяхъ воспитанниками можетъ въ значительной степени содѣйствовать улучшенію учебнаго дѣла въ сихъ училищахъ, Св. Синодъ, согласно настоящему предложенію опредѣляетъ: 1) постановленія Синода отъ 19-го—31-го іюля 1872 года и 2-го—9-го іюня 1876 года дополнить въ томъ смыслѣ, что служба окончившихъ курсъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовныхъ академій въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства какъ епархіальныхъ, такъ и состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ

Государыни Императрицы, принимается въ зачетъ обязательной службы сихъ лицъ по духовно-учебному вѣдомству, безразлично къ тому, поступаютъ ли они въ службу въ означенныя женскія училища за неимѣніемъ мѣстъ въ мужскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, или же перейдутъ на оную изъ сихъ послѣднихъ. Объ изложенномъ сообщить по духовно учебному вѣдомству чрезъ „Церковный Вѣстникъ“ установленнымъ порядкомъ“.

Слушали: Опредѣленіе Св. Синода, отъ 1 — 17 декабря 1876 г. за № 2096, о зачисленіи преподавательской службы академическихъ воспитанниковъ въ училищахъ при опредѣленіи ихъ права на высшій окладъ жалованья въ семинаріяхъ: „По указу Его Императорскаго Величества, Св. Правительствующій Синодъ, разсмотрѣвъ вопросъ, возбужденный въ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ, о томъ, чтобы учителямъ духовныхъ училищъ, изъ окончившихъ академическій курсъ, засчитываемы были годы ихъ преподавательской службы въ училищѣ наравнѣ съ годами преподавательской службы въ семинаріи, для полученіи права на высшій окладъ преподавательскаго содержанія въ семинаріи,—П р и к а з а л и: Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 27 января—17 февраля 1876 года время службы смотрителей духовныхъ училищъ, изъ лицъ съ академическимъ образованіемъ, въ случаѣ опредѣленія ихъ на преподавательскія должности въ духовныхъ семинаріяхъ, положено засчитывать при опредѣленіи ихъ права на высшій окладъ преподавательскаго жалованья въ семинаріяхъ. За тѣмъ другимъ опредѣленіемъ Синода, Высочайше утвержденнымъ 15 мая 1876 года, такое право на зачисленіе лѣтъ службы въ духовныхъ училищахъ, въ случаѣ перехода и на преподавательскую службу въ семинаріяхъ, распространено на кандидатовъ духовныхъ академій, поступающихъ на должности помощниковъ смотрителей духовныхъ училищъ. Признавая нынѣ сколько справеливымъ, столько же и полезнымъ, распространить дѣйствіе изложеннаго распоряженія и на преподавателей духовныхъ училищъ изъ лицъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, въ случаѣ перехода ихъ на учительскія мѣста въ семинаріяхъ, но съ тѣмъ однако, если лица сіи пробудутъ въ училищахъ не менѣе 4-хъ лѣтъ, Св. Синодъ опредѣляетъ: дать знать о семъ для руководства по

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. IX. 8°. 1872. Спб. (XCIX. 8. 19).

Смотрицкій. Грамматика славянская. 8°. 1721. Москва. (C. 2. 8).

Погодинъ. Образцы славяно-русскаго древлеписанія. Изд. М. Погодинымъ. Тетради I—II. 4°. 1840. Москва. (C. 6. 14).

d) ЯЗЫКИ АРМЯНСКІЙ, ГРУЗИНСКІЙ, ОСЕТИНСКІЙ, РУМЫНСКІЙ И ЛИТОВСКІЙ.

Aucher. A Grammar armenian and english. 8°. 1832. Venice. (XXIV. 1. 13).

Schleicher. Litauische Grammatik. 8°. 1856. Prag. (XCIX. 5. 9).

Азбука осетинская. 8°. (XCIX. 4. 22).

Букварь латышскій. 8°. 1864. Вильна. (XXIV. 1. 2).

Букварь жемойтско-литовскій. 8°. 1864. Вильна. (XXIV. 1. 42).

Букварь жмудско-русскій по методѣ Золотова. 8°. 1865. Ковно. (XXIV. 1. 41).

Гинкуловъ. Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики. 8°. 1840. Спб. (XXIV. 3. 20).

Грамматика краткая грузинская. 8°. 1802. Спб. (XXIV. 1. 11).

Собраніе сочиненій и переводовъ въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ валахо-молдавкомъ языкѣ 8°. 1840. Спб. (XXIV. 3. 3).

Шёгренъ. Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ. Част. I—II. 8°. 1844. Спб. (XXIV. 2. 30).

4) ЯЗЫКИ СЕМИТСКАГО СЕМЕЙСТВА:

ЕВРЕЙСКІЙ, АРАБСКІЙ, СИРСКІЙ, ХАЛДЕЙСКІЙ, ФИНИКІЙСКІЙ И ЕГИПЕТСКІЙ.

Apologia contra censuram in Grammaticam arabicam Antonii Aryda ab ejus auditore. I. I. I. J. J. edita. 4. 1813. Viennae. (XXIV. 2. 11).

Arnold (Fr. Aug.). Chrestomathia arabica, quam e libris MSS., vel impressis rarioribus collectam editit F. A. Arnold. Part. I—II. 8°. 1853. Halis. 3 exempl. (XXIV. 3. 14—16).

Aryda (Anton.). Institutiones grammaticae arabicae. 4°. 1813. (XXIV. 4. 17).

Beelen (Joh. Theod.). Chrestomathia rabbinica et chaldaica cum notis grammaticis historicis, theologicis, glossario et lexico abbreviaturarum, quae in hebraeorum scriptis passim occurrunt. Vol. I—III. 8°. 1841—43. Lovanii. (XXIII. 1. 12).

Bianconus. De antiquis litteris hebraeorum et graecorum libellus. 4°. 1748. Bononiae. (XXIII. 5. 2).

Breitingerus. Brevis de idiotismis sermonis hebraei commentarius. 8°. 1737. Tiguri. (XXIII. 2. 17).

Brugsch. Grammaire démotique. 4°. 1855. Berlin. (XXIV. 5. 9).

Brugsch. Numerorum apud veteres aegyptios demoticorum doctrina. 4°. 1849. Berolini. (XXIV. 5. 16).

Cahen. Cours de lecture hébraique. 8°. 1843. Paris. (XXIII. 1. 6).

Clodius. Theoria et praxis linguae arabicae. 4°. 1729. Lipsiae. (XXIV 2. 3).

Deresser. Grammatica hebraica cum notis mazorethicis. 8°. 1785. (XXIII. 4. 25).

Diederich. Hebräische Grammatik für Anfänger 8°. 1785. Lemgo. (XXIII. 2. 31).

Dissertationes philologico-criticae.—Singulas primum nunc cunctas edid. *Schnurrer*. 8°. 1790. Gothae. (XCVIII. 1. 22).

Dittmann. Grammatik der aethiopischen Sprache. 8°. 1859. Leipzig (XXIV. 1. 58).

Ewald (H.). Ausführliches Lehrbuch der hebräischen Sprache des Alten Bundes. Ausgabe 6. 8°. 1855. Leipzig. 2 exempl. (XXIII. 3. 2—3).

Ewald (G. Henr. Aug.). Grammatica critica linguae arabicae, cum brevi metrorum doctrina. Vol. I—II. 8°. 1831—33. Lipsiae. (XXIV. 1. 38).

Fessler (Inn.). Institutiones linguarum orientalium hebraeae, chaldaicae, syriacae et arabicae etc.—Chrestomathiam arabic. addidit Eichhorn. 8° 1787. Wratislaviae. (XXIV. 1. 27).

Frey. A hebreu grammar. 8°. 1813. London. (XXIII. 2. 40).

Fürst (Julius). Perlenschnüre aramäischer Gnomen und Lieder, oder aramäische Chrestomathie mit Erläuterungen und Glossar. 8°. 1836. Leipzig. (XXIV. 1. 37).

Fürst (Julius). Formenlehre der chaldäischen Grammatik (der aramäischen Idiome). 8°. 1835. Leipzig. (XXIV. 1. 60).

Geiger. Lehr—und Lese-Buch zur Sprache der Mischnach. Abtheil. I—II. 8°. 1845. Breslau. (XXIII. 4. 23).

Gesenius. Geschichte der hebräischen Sprache und Schrift. 8°. 1815. Leipzig. 2 exempl. (XXIII. 1. 4—5).

Gesenius. Hebräische Grammatik. Theile I—II. 8°. 1821—42. Leipzig. Andere Auflage. 1828. (XXIII. 2. 36—37).

Gesenius (Wilhelm). Ausführliches grammatisch—kritisches Lehrgebäude der hebräischen Sprache. 8°. 1817. Leipzig. 3 exempl. (XXIII. 1. 15—17).

Grammatica arabica Agrumia apellata. Cum versione latina Thomae Obicini. 8°. 1631. Romae. (XXIV. 3. 24).

Guarin. Grammatica hebraica et chaldaica. Tom. I—II. 4°. 1724—26. Lutetiae. (XXIII. 5. 9).

Haab. Hebräisch—griechische Grammatik zum Gebrauch für das Neue Testament. 8°. 1815. Tübing. (XXIII. 2. 41).

Hahn et Sieffert. Chrestomathia syriaca sive s. Ephraëmi carmina selecta. Ediderunt, notis criticis philologicis historicis et glossariis locupletissimis illustraverunt Augustus Hahn et Fr. Sieffert. 8°. 1825. Lipsiae. (XXIV. 1. 45).

Hartmann. Linguistische Einleitung in das Studium der Bücher des A. T. 8°. 1818. Bremen. 2 exempl. (IV. 3. 9 и 5. 25).

Hartmann. Sacra Jesu Christi natalicia. Inest thesauri linguae hebraicae e mischna augendi part. I. 4°. 1825. Rostochii. (XCII. 8. 32).

Hetzel. Geschichte der hebräischen Sprache und Literatur. 8°. 1776. Hale. (XXIII. 2. 32).

Hezel. Paläographische Fragmente über die Schrift der Hebraeer und Griechen. 8°. 1816. Berlin. (**XXIII. 1. 10**).

Hoffmanus (Andr. Theoph.). Grammaticae syriacae libri tres. 4°. 1827. Halae. (**XXIV. 2. 17**).

Jahn. Grammatica linguae hebraicae. Ed. 3-a. 8°. 1809. Viennae. (**XXIII. 2. 35**).

Seyffarth. Grammatica aegyptiaca. Erste Anleitung zum Uebersetzem altägyptischer Literaturwerke, nebst der Geschichte des Hieroglyphenschlüssels. 8°. 1855. Gotha. (**XXIV. 1. 50**).

Judas (A.). Etude démonstrative de la langue phénicienne et de la langue libyque. 4°. 1847. Paris. (**XXIV. 4. 11**).

Kalmar (G.). Genuina linguae hebraicae grammatica. 4°. 1760. Genevae. (**XXIII. 4. 13**).

Knos (Gust.). Chrestomathia syriaca, maximam partem e codicibus manuscriptis collecta. 8°. 1807. Götting. (**XXIV. 1. 3**).

Koch (Fr. Chr.). Praxis seu specimina totius grammaticae hebraeae. 8°. 1742. Jenae. (**XXIII. 2. 42**).

Koch (Fr. Chr.). Fundamenta linguae hebraeae suis undique rationibus solide firmata, seu grammatica hebraea philosophica. 8°. 1740. Jenae. (**XXIII. 2. 43**).

Ladvocat. Grammaire hébraique à l'usage des écoles de Sorbonne. 8°. 1765. Autre edit. 1822. 2 exempl. (**XXIII. 2. 46—48**).

Masclefius. Grammatica hebraica, punctis masoreticis libera. Edita a *Lalande*. Ed. 4-a. 8°. 1781. Paris. (**XXIII. 2. 44**).

Michaelis (Joh. Henr.). Hebraica grammatica sive in linguam hebraicam introductio. 8°. 1748. Vratislaviae. 2 exempl. (**XXIII. 2. 25—26**).

Michaelis (Joh. Dav.). Hebräische Grammatik. 8°. 1778. Hallae. (**XXIII. 2. 34**).

Michaelis (Joh. Dav.). Syriasmus, id est grammatica linguae syriacae cum fundamentis necessariis tum paradigmatibus plenioribus tum denique ubere syntaxi. 4°. 1741. Halae. (**XXIV. 2. 2**).

Michaelis (Joh. Dav.). Grammatica chaldaica. 8°. 1771. Götting. (**XXIV. 1. 8**).

Michaelis (Joh. Dav.). Abhandlung von der syrischen Sprache. 8°. 1768. Götting. 2 exempl. (**XXIV. 1. 16 и 49**).

Mirus (Erdmann.). Summarium ebraeae linguae septendecem tabulis inclusum, in quibus fundamenta ebraeae linguae facili et perspicua methodo proponuntur. 4°. 1719. Budissae. (**XXIII. 5. 6**).

Moerlius. Scholia philologica et critica ad selecta Sacri Codicis loca. 8°. 1793. Norimb. (**XXIII. 1. 3**).

Olivet. La langue hébraique restituée. Part. I—II. 4°. 1815—16. Paris. (**XXIII. 3. 24**).

Roedigerus. Chrestomathia syriaca edita et glossario explanata. 8°. 1838. Halis Sax. (**XXIV. 2. 31**).

Rosenmullerus. Institutiones ad fundamenta linguae arabicae. 8°. 1818. Lipsiae. (**XXIV. 3. 23**).

Schroeder. Institutiones ad fundamenta linguae hebraeae. 8°. 1792. Ulmae. (**XXIII 4. 26**).

Schulten. Origines hebraeae, sive hebraeae linguae antiquissima natura et indoles ex Arabiae penetralibus revocata. 4°. 1761. Lugduni. (**XXIII. 5. 15**).

Seyffarth (Gust.). Rudimenta hieroglyphices. Accedunt explicationes specimi-num hieroglyphicorum, glossarium atque alphabeta cum XXXVI tabulis litho-graphicis. 4°. 1826. Lipsiae. (**XXIV. 4. 5**).

Severin (Vater.). Handbuch der hebräischen, syrischen, chaldaischen und arabischen Grammatik für den Anfang der Erlernung dieser Sprachen. 8°. 1817. Leipzig. (**XXIII. 2. 50**).

Severin (Vater.). Grammatik der hebräischen Sprache. 8°. 1816. Leipzig. (**XXIII. 2. 49**).

Sacy (Silvestre de). Grammaire arabe à l' ûsage des éleves de l' école spe-ciale des langues orientales vivantes. Parties I—II. 8°. 1810. Paris. (**XXIV. 3. 18**).

Sacy (Silvestre de). Chrestomathie arabe, ou extraite de divers ecrivains ara-bes, tant en prose, qu'en vers, avec une traduction française et des notes. 2-me edition. Tom. I—III. 8°. 1826—27. (**XXIV. 2. 32**).

Stengel. Hebräische Grammatik. 8°. 1841. Carlsruhe. (**XXIII. 4. 2**).

Storr (D. Gotte.). Observationes ad analogiam et syntaxin hebraicam perti-nentes. 8°. 1779. Tübing. (**XXIII. 2. 45**).

Thomassin. La méthode d'étudier et d'enseigner la grammaire, ou les lan-gues par rapport a l' Ecriture Sainte et les reduisant toutes à l' hébreu. Tom. I—II. 8°. 1690. Paris. (**V. 1. 27**).

Tychsen. Grammatik der arabischen Schrift-Sprache. 8°. 1823. Götting. (**XXIV. 1. 9**).

Tantavy (El.). Traité de langue arabe. 4°. 1848. Leipzig. (**XXIV. 1. 19**).

Uhlemann. Linguae copticae grammatica. 8°. 1853. Lipsiae. (**XXIV. 1. 55**).

Uhlemann. Grammatik der syrischen Sprache. 8°. 1857. Berlin. (**XXIV. 1. 57**).

Waltherus (Chr. Theodos.). Ellipses hebraicae sive de vocibus, quae in codice hebraico per ellipsin supprimuntur. Post Christ. *Schoettgenium* denuo edidit et observationes novas adjecit Jo. Christ. Frieder. *Schulz*. 8°. 1782. Halae. (**XXIII. 2. 19**).

Азгари. Шархъ аджрумія шейха халида Азгари. Толкованіе на грамма-тику арабскую Аджрумія. На арабск. языкѣ. 8°. 1265. (1848). 3 экземпл. (**XXIV. 2. 21—23**).

Атнометевъ. Букварь арабскаго и татарскаго письма. Соч. Бухарцемъ Шіятъ Бакою Атнометевымъ, подъ руководствомъ Гиганова. 4°. 1802. Спб. (**XXIV. 2. 14**).

Бекчуринъ. Начальное руководство къ изученію арабскаго, персидскаго и татарскаго языковъ. 8°. 1859. Казань. (**XXIV. 1. 63**).

Болдыревъ. Краткая арабская грамматика. 8°. 1836. Москва. (**XXIV. 3. 4**).

Болдыревъ. Новая арабская христоматія. 8°. 1832. Москва. 2 экземпл. (**XXIV. 1. 23—24**).

Брошуры объ этимологіи. На арабск. языкѣ. 8°. 1267. (1850). Булакъ. (**XCIX. 8. 13**).

Грамматика еврейская на греческомъ языкѣ. (Безъ выходнаго листа). 8°. 2 экземпл. (**XXIII. 1. 7—8**).

Ибнъ-Акылъ. Шархъ Альфія т. е. толкованіе на арабскую грамматику, составленную Ибнъ-Маликомъ. 8°. 1265. (1848). Булакъ. 2 экземпл. (**XXIV. 2. 34—35**).

Ибнъ-Маликъ. Альфія Ибнъ-Малика, т. е. арабская грамматика, составленная Ибнъ-Маликомъ. На арабск. языкѣ. 8°. 1253. (1837). Булакъ. 2 экз. (XXIV. 1. 43—44).

Кафрави. Шархъ Аджрумія Кафрави. Толкованіе ученѣйшаго Кафрави на текстъ Аджрумія въ наукѣ грамматической. (На арабск. языкѣ). 8°. 1268. (1851). 2 экземпл. (XXIV. 1. 34—35).

Навроцкій. Опытъ грамматики арабскаго языка. 8°. Спб. (XXIV. 3. 21)

Мѣста избранныя изъ книгъ Ветхаго Завѣта на священномъ языкѣ. (Навскаго). Изд. 2-е. 8°. 1828. Москва. Тоже, изд. 3-е. 1831. (XXIII. 4. 21—22).

Навскій. Краткая еврейская грамматика. 8°. 1822. Москва. Тоже, изд 1839. (XXIII. 4. 3—4).

5) ЯЗЫКИ ТУРАНСКАГО СЕМЕЙСТВА:

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ, МОНГОЛЬСКІЙ, ВЕНГЕРСКІЙ, КИТАЙСКІЙ, МАНЬЧЖУРСКІЙ, ЧЕРЕМИССКІЙ, ЧУВАШСКІЙ И ВОТСКІЙ.

Castren. Grammatik der samojedischen Sprachen. Herausg *Schiefner*. 8°. 1854. S. P. B. (XXIV. 2. 29).

Jaubert élémens de la grammarie turke. 4°. 1823. Paris. (XXIV. 2. 16).

Julien. Examen critique de quelques pages de Chinois, rélatives à l' Inde, traduites par Pauthier. 8°. 1841. Paris. (XXIV. 1. 28).

Julien. Exercices pratiques d'analyse, de syntaxe et de léxigraphie chinoise. 8°. 1842. Paris. (XXIV. 1. 29).

Meninski. Linguarum orientalium turcicae, arabicae, persicae institutiones, seu grammatica turcica. Fol. 1680. Viennae. (XXIV. 5. 10).

Fariou—Tekellum—Riçalegi. Et—Theuhfet—uz Zehiyet fi-l loghat-ich Charqiyet, ou Guide de la conversation en langues orientales, turque, arabe et persane, composé et publiée sous le nom de Fariou—Tekellum—Riçalegi 8°. 1269. (1853). Smirnae. (XXIV. 1. 48).

Riedl (Anselm). Magyarische Grammatik. 8°. 1858. Wien. (XXIV. 1. 56).

Wiedemann. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache 8°. 1847. Rewal. 2 exempl. (XXIV. 1. 32—33).

Азбука, составленная изъ россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Глазовскому). 8°. 1847. Казань. (XXIV. 1. 62).

Бобровниковъ (протоіерей). Грамматика монгольскаго языка. 4°. 1835. Спб. 2 экземпл. (XXIV. 4. 14 и 5. 17).

Бобровниковъ (протоіерей). Грамматика монгольско-калмыцкаго языка. 8°. 1849. Казань. 2 экземпл. (XXIV. 1. 52 и 3. 19).

Букварь алтайско-русскій. 4°. 1868. Спб. (XXIV. 2, 6).

Грамматика черемисская и начертаніе правилъ чувашскаго языка. 8°. 1834—36. Казань. (XXIV. 1. 40).

Детко (Андрей). Венгерская грамматика съ русскимъ текстомъ, и въ сравненіи съ чувашскимъ и черемисскимъ языками. 8°. 1836. Спб. (XXIV. 1. 39).

Іакинѳъ. Китайская грамматика. 4°. 1835. Спб. 4 экз. (XXIV. 5 1—4).

Ильминскій (Ник.). Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка. 8°. 1862. Казань. 2 экземпл. (XXIV. 3. 10—11).

Ильминскій (Ник.). Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія. 8°. 1861. Казань. 2 экземпл. (XXIV. 3. 12—13).

Казембекъ. Общая грамматика турецко-татарскаго языка. 4°. 1846. Казань. (XXIV. 1. 54).

Ковалевскій. Краткая грамматика монгольскаго книжнаго языка. 8°. 1835. Казань. 2 экземпл. (XXIV. 1. 12 и 14).

Ковалевскій. Христоматія монгольская. Том. I—II. 8°. 1836—37. Казань. 2 экземпл. (XXIV. 1. 20—21).

Кукляшевъ. Татарская христоматія. 8°. 1859. Казань. (XXIV. 3. 2).

Махмудовъ. Практическое руководство къ изученію татарскаго языка. 8°. 1859. Казань. 3 экземпл. (XXIV. 3. 7—9).

Михайловъ. Практическое руководство къ изученію ижемско—зырянскаго языка. (XXIV. 2. 9).

Начертаніе правилъ чувашскаго языка и словарь. 8°. 1836. Казань. 2 экземпл. (XXIV. 1. 46—47).

Поповъ. Монгольская христоматія. Част. I—II. 8°. 1836. Казань. (XXIV. 1. 53).

Правила (основныя) турецкаго разговорнаго языка. 8°. 1829. Спб. (XXIV. 1. 10).

Разговоры китайскіе и маньчжурскіе. 4°. (XXIV. 4. 12).

Разговоры маньчжуро-монголо-китайскіе (Сань-хей-юйло). 8°. (XXIV. 3. 5).

Саввантовъ. Грамматика зырянскаго языка. 8°. 1850. Спб. (XXIV. 1. 61).

Шмидтъ. Грамматика монгольскаго языка. 4°. 1832. Спб. 3 экземпл. (XXIV. 2. 12—13 и 4. 15).

XI. ЭНЦИКЛОПЕДІИ И СБОРНИКИ.

Krug, Politsch, Wrede, Meyer und **Weber**. Encyklopädisch—scientifische Literatur. Hefte I—VII, IX—X. 8°. 1804—19. Leipzig. (LXXXIX. 1. 11).

Fabrus (Basilius). Thesaurus eruditionis scholasticae. Tom. prior et alter. Fol. 1749. Francof. et Lipsiae. (XCVII. 5. 5).

Lubker. Reallexicon des classicshen Alterthums für Gimnasien. 8°. 1867. Leipzig. (LXXXIII. 4. 6).

Uebersicht (encyclopädische) der Wissenschaften des Orients. Theil I. 8°. 1841. Leipzig. (LXXXIX. 1. 9).

Vlachus. Thesaurus encyclopaediae basis quadrilinguis, coll. a Gerasimo Vlacho cretensi. 4°. 1659. Venetiis. (LXXXIX. 10. 6).

Лексиконъ энциклопедическій. Том. I—XVI. (А—Дим.). 8°. 1835—39. Спб. 2-го экз. т. I—II. (LXXXIX. 3. 2).

Словарь (энциклопедическій), составленный русскими учеными и литераторами. Отд. I том. I—V и отд. II том. I. 8°. 1861—63. Спб. (LXXXIX. 10. 3).

Толль. Настольный словарь. Том. I—III. 8°. 1863—65. Спб. 2 экземпл. (LXXXIX. 10. 2).

Acta (nova) Academiae scientiarum imperialis Petropolitani. Tom. I—XIII 8°. 1787—1802. Petropoli. (LXVI. 9. 1).

Roos. Abhandlungen verschiedenen Inhalts. 8°. 1814. Nürnberg. (LXXXIX. 1 4).

Юбилейный актъ Императорскаго Спб. университета 3 февраля 1869 г. 8°. 1869. Спб. (LXVI. 7. 16).

Годичный торжественный актъ въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ 2 декабря 1866 года. 1) Записка о дѣятельности С. Петербургскаго университета и его членовъ за 1865—66 академ. годъ, и 2) рѣчи: а) К. *Бестужева Рюмина*, Карамзинъ какъ историкъ и б) В. *Васильева* о движеніи магометанства въ Китаѣ. 8°. 1867. Спб. (LXVII. 5. 21).

Годичный торжественный актъ въ С. Петербургскомъ университетѣ 26 сентября 1865 года. 1) И. И. *Срезневскаго*, записка о дѣйствіяхъ С. Петербургскаго университета и его членовъ въ 1864—65 академ. году. 2) М. *Сухомлинова*, русскіе университеты, учрежденные въ началѣ царствованія Импер. Александра I. 3) *Пинто*, Данте, его поэма и его вѣкъ; историческій и литературный очеркъ. 8°. 1866. Спб. (LXVIII. 6. 3).

Акты годичные въ Импер. С. Петербургскомъ университетѣ въ 1846—49 год. 1) Отчеты о состояніи С. Петербургскаго университета за 1845, 1846, 1847 и 1848 учебн. годы. 2) Рѣчи: а) Я. *Баршева*, о вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовнаго, въ особенности русскаго права, б) В. *Порошина*, о земледѣліи, въ политико-экономическомъ отношеніи, в) E. Goffmann, über die Entdeckung edler Metalle in Russland, und deren Ausbeute, г) И. *Шиховскаго*, воспоминанія о Линнеѣ, его ученіи, его школѣ въ Швеціи и о нынѣшнемъ состояніи тамъ ботаники, д) объ успѣхахъ государственнаго *межеванія* въ Россіи до императрицы Екатерины II, е) М. *Куторги*, исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада, ж) И. *Ивановскаго*, о правахъ дани на Зундскій и Бельтскій проливы, преимущественно въ отношеніи собиранія пошлинъ, з) К. *Заборовскаго*, о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ по имуществу и) Изм. *Срезневскаго*, мысли объ исторіи русскаго языка. 8°. Спб. (LXVIII. 6. 17).

Актъ 25-лѣтняго юбилея главнаго педагогическаго института 30 сентября 1863 года. 1) Рѣчь Н. *Вышнеградскаго* о спеціально—педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ и 2) историческое обозрѣніе перваго двадцатипятилѣтія главнаго педагогическаго института, 1828—53 года, составленное А. *Смирновымъ*. 4°. 1853. Спб. (LXVI. 8. 39).

Буличъ, Шестаковъ, Орѳовъ, Шпилевскій и Петровскій. Статьи, написанныя для произнесенія въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета въ столѣтній юбилей Карамзина 1 декабря 1866 года: 1) П. И. *Буличъ*, біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности, 2) П. Д. *Шестаковъ*, мысли Н. М. Карамзина о воспитаніи,

3) Н. А. *Фирсова*, Карамзинъ объ исторіи сѣверо-восточной Россіи, 4) С. М. *Шпилевскаго*, исторія государства Россійскаго въ отношеніи исторіи русскаго права и 5) М *Петровскаго*, два слова въ память Карамзина. 8°. 1866. Казань. (LXXVII. 3. 19).

Публичныя лекціи профессоровъ Геймана, Рулье, Соловьева, Грановскаго и Шевырева. Читаны въ 1851 году въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 1) Р *Геймана*: Бѣглый взглядъ на четыре стихіи древнихъ, въ отношеніи физическомъ, химическомъ и физіологическомъ. 2) К. *Рулье*: Жизнь животныхъ по отношенію ко внѣшнимъ условіямъ. 3) С. *Соловьева*: Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра великаго. 4) Т. *Грановскаго*: Четыре историческія характеристики (Тимуръ, Александръ великій, Людовикъ IX и Бэконъ) и 5) С. *Шевырева*: Очеркъ исторіи живописи итальянской, сосредоточенный въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ. 8°. 1852. Москва. (LXVIII. 7. 26).

Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ главнаго педагогическаго института, седьмаго выпуска. 8°. 1853. Спб. (LXXXV. 8. 32).

1) **Кургановичъ** (А.). Мысли Платона о воспитаніи юношества.

2) **Скворцовъ** (К.). Глоссы Mater verborum.

Пропилеи. Сборникъ Леонтьева. Книги I—V 8°. 1852—56. Москва. (XCVII. 8. 15).

Отчеты о состояніи и дѣйствіяхъ Импер. Московскаго университета за 1836—37, 1837—38, 1842—43, 1844—45 и 1845—46 учебные годы Рѣчи, произнесенныя въ Московскомъ университетѣ въ 1838, 1843, 1845 и 1846 годахъ: 1) Н. *Крылова*, объ историческомъ значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ, 2) А. *Jowsky*, de elementis medicinae, ex phaenomenis naturae humanae repetendis, 3) Н. *Зернова*, теорія вѣроятностей съ приложеніемъ преимущественно къ смертности и страхованію, 4) L. *Giewruk*, de congenita epidermidis hypertrophia. Anatomico—medica prolusio, 5) К. *Рулье*, о животныхъ Московской губерніи, 6) Th. *Inozemzew*, de scirrhi et cancri fonte ac progressu. Commentatio physiologico—patologica, 7) Н. *Рядкина*, какое общее образованіе требуется современностію отъ русскаго правовѣдца? 8) А. *Auvert*, de arduo medici officio. 4°. Москва. (LXVI. 8. 45).

Рѣчи и отчеты, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1864 и 12 января 1865 г. 1) Рѣчи: И. *Матюшенкова*, о происхожденіи и развитіи наростовъ человѣческаго тѣла. 2) Н. *Любимова*, воспоминанія о Ник. Еф. Зерновѣ. 3) Н. *Дясковскаго*, характеристика современныхъ понятій о химическихъ превращеніяхъ вещества. 4) Н. *Тихонравова*, памяти Степ. Петр. Шевырева и 5) отчеты о состояніи Импер. Московскаго университета за 1863 и 1864 годы. 4°. 1864—65. Москва. (LXVI. 8. 40 и 36).

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго Лицея въ 1842—1848 годахъ: 1) А. *Рафаиловичемъ*, взглядъ на человѣческую наружность и нѣкоторыя естественныя и искуственныя ея измѣненія, 2) Вл. *Линовскимъ*, о мѣстныхъ бессарабскихъ законахъ, 3) *Нордманомъ*, объ ископаемыхъ остаткахъ первобытнаго міра, 4) В *Петровскимъ*, о значеніи физико-математическихъ наукъ въ практической жизни и причины ихъ быстраго развитія въ новѣйшія времена, 5) V. *Pachtanno*, de nomocanonis ruthenici, qui «Кормчая книга» inscribitur, capitibus XLVIII et XLIX, 6) К. *Зеленецкимъ*,

о началѣ и образователяхъ языка церковно-славянскаго, 7) Ф. *Брунова*, о значеніи статистики въ кругу государственныхъ наукъ, 8) П. *Мурзакевичемъ*, очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ истекшее 25-лѣтіе, т. е., съ 1820 по 1846 годъ. 9) А. *Chapillon*, de la langue française et des mouvements de sa litterature au XIX siècle, 10) В. *Линовскимъ*, изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, 11) К. *Зеленецкимъ*, объ особенностяхъ языка русскаго и объ отношеніи его къ языкамъ западно-европейскимъ, 12) *Комарницкимъ*, историческій очеркъ общихъ гражданскихъ учрежденій Новороссійскаго края.—Здѣсь же: 1) *Историческія записки* о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго Лицея: а) съ 20 іюня 1841 года по 20 іюня 1842 г. б) съ 20 іюня 1842 г. по 20 іюня 1843 г. в) съ 20 іюня 1843 г. по 20 іюня 1844 г. г) съ 20 іюня 1844 г. по 17 іюня 1845 г. д) съ 17 іюня 1845 г. по 20 іюня 1846, е) съ 20 іюня 1846 г. по 20 іюня 1847 г. ж) съ 20 іюня 1847 г. по 20 іюня 1848 г. з) съ 20 іюня 1848 г. по 20 іюня 1849 г.—и 2) обозрѣніе преподаванія наукъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ теченіе 1842—43, 1843—44, 1844—45, 1846—47 и 1848—49 уч. годовъ. 4°. 1842. Одесса. (LXVII. 6. 29).

Рѣчи, произнесенныя въ собраніи Харьковскаго университета 30 августа 1820 года. 1) *Brandeis, η μεταλυγκριτικη θεραπεια*, seu meditatio, qua prisci methodici recorporationem efficere moliti fuerunt, in usum revocanda est. 2) *Злотарева*, о важности и необходимости занятій въ отечественномъ языкѣ. 8°. 1829. Харьковъ. (LXVIII. 3 6).

Сборникъ (ученый) въ 3-хъ книгахъ. 4°. (LXXXIX. 10. 4).

Кн. I. 1) Обозрѣніе преподаванія въ Ришельевскомъ Лицеѣ на 1856—57, уч. годъ. 2 экз. Одесса. 1856. 2) Обозрѣніе преподаваній въ Импер. Казанскомъ университетѣ на 1844—45, 1847—48, 1846—47, 1849—50, 1850—1851 и 1839—40 уч. годы. Казань. 3) Отчеты о состояніи Импер. Казанскаго университета за 1843—44, 1846—47, 1848—49, 1849—50, 1850—1851 и 1851—52 уч. годы. Казань. 4) Краткая историческая записка о состояніи Казанскаго университета за 1837—38 и 1838—39 акад. годы. 5) Рѣчи профессоровъ Казанскаго университета: а) Алекс. *Киттера*, объ успѣхахъ хирургіи въ послѣднее десятилѣтіе, въ особенности объ операціяхъ подкожныхъ. Казань. 1844. б) Н. *Зинина*, взглядъ на современное направленіе органической химіи. Казань. 1847. в) О значеніи внѣшности человѣка. Казань. 1846. г) Алекс. *Попова*, объ ученыхъ заслугахъ Пауссона. 1849. д) А. *Бекетова*, о хлороформѣ и приложеніи его къ оперативной медицинѣ. 1850. е) Н. *Котельникова*, судьбы астрономической географіи Россіи въ царствованіе Императора Николая I. 1821. ж) *Еверсмана*, о пользѣ наукъ естественныхъ и особенности Зоологіи. 1839. 6) Рѣчи и стихи, произнесенные въ торжественныхъ собраніяхъ Ярославскаго Демидовскаго лицея 15 янв. 1837, 15 янв. 1838 и 15 янв. 1840 года. Между прочимъ: а) *Borchert*, Beziehungen zwischen den deutschen und russischen Literatur, б) *Семевскаго*, о ходѣ и дѣйствіи законодательства на благосостояніе общественное и в) *Ѳедорова*, о важности изученія Гальванизма.

Кн. II. 1) Обозрѣніе преподаванія предметовъ въ Импер. Харьковскомъ университетѣ на 1842—43, 1843—44, 1853—54, 1854—55, 1855—56, 1856—57, 1857—58, 1858—59, 1859—60 и 1860—61 учебные годы.

2) Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Импер. университетѣ св. Владиміра во второмъ полугодіи 1850—51 уч. года, въ 1 пол. 1851—52, во 2 пол. 1852—53, въ 1 пол. 1853—54, въ 1 пол. 1854—55, во 2 пол. 1855—56, во 2 пол. 1857—58, въ 1 пол. 1857—58, во 2 пол. 1851—52, во 2 пол. 1853—54, во 2 пол. 1854—55, въ 1 пол. 1855—56, во 2 пол. 1856—57, въ 1 пол. 1858—59 и въ 1 пол. 1859—60 г. 3) Рѣчь А. *Бекетова*, о хлороформѣ и приложеніи его къ оперативной медицинѣ. Казань. 1850. 4) Отчетъ о состояніи Импер. Казанскаго университета въ 1849—50 уч. году. 5) Обозрѣніе преподаваній въ Импер. Казанскомъ университетѣ на 1850—51 акад. год. 6) Рѣчи проф. Московскаго университета: а) И. *Васильева*, объ успѣхахъ и настоящемъ состояніи политической экономіи и б) P. *Strachow*, de artificiorum fatis apud veteres graecos et romanos. 7) Краткая записка о состояніи Импер. Московскаго университета и его учебнаго округа съ 1 іюля 1834 по 1 іюля 1835 года.

Кн. III. 1) Годичные акты въ Ришельевскомъ лицеѣ въ 1850, 1851 (два экз.), 1852, 1853, 1854, 1855, 1856 и 1857 годахъ. Содержаніе: 1) Историческія записки о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея за 1849—50, 1850—51 (два экз.), 1851—52, 1852—53, 1853—54, 1854—55 и 1855—56 годы. 2) Рѣчи профессоровъ лицея: а) Іос. *Михневича*, опытъ простаго изложенія системы Шеллинга въ связи съ системами другихъ германскихъ философовъ. б) Г. *Бруна*, рѣшеніе численныхъ уравненій по способамъ Горнера и Греффе (2 экз.). в) К. *Зеленецкаго*, объ идеальной основѣ, свойствахъ и видахъ изящества (2 экз.). г) Д. *Байкова*, о главнѣйшихъ направленіяхъ въ историческомъ развитіи Ботаники. д) Р. *Орбинскаго*, о значеніи филологіи и естественныхъ наукъ въ гимназическомъ образованіи. е) Ф. *Бруна*, о Килійскомъ устьѣ Дуная. ж) К. *Зеленецкаго*, о художественно—національномъ значеніи произведеній Пушкина. з) И. *Сокальскаго*, очеркъ торговли хлѣбомъ въ 1853 г. и значеніе Одессы въ этой торговлѣ. и) Н. *Максимова*, о земледѣліи въ отношеніи къ государству и о мѣрахъ принятыхъ въ Россіи ко введенію раціональности въ сельскомъ хозяйствѣ. і) Я. *Лукьянова*, о распредѣленіи неподвижныхъ звѣздъ на видимомъ небѣ и въ пространствѣ.

Сборникъ, содержащій статьи: 1) *Sestrenzewicz*. Précis des recherches historiques sur l'origine des esclavons, ou slaves et des sarmates. 1824. St. Petersbourg. 2) *Добровскій*. Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. Перев. съ нѣмецкаго. 1825. Москва. 3) Евг. *Булгаръ*. Историческое розысканіе о времени крещенія великой княгини Ольги. Переводъ. 1792. Спб. 4°. 1824. Спб. (LXXXIX. 10. 7).

Сборникъ князя Оболенскаго. №№ 1—11. 8°. 1838—40. Москва. (LXXXIX. 1. 8).

Сборникъ ученыхъ статей, писанныхъ проф. Казанскаго университета въ память 50-лѣтняго его существованія. Томы I и II. 4°. 1856—57. Казань. (LXXXIX. 2. 3).

Т. I. 1) А. *Поповъ*. Основаніе варіаціоннаго исчисленія 2) M. *Kowalski*. Recherches sur les mouvements de Neptune, suivies des tables de cette planète. 3) N. *Lobatcheffsky* Pangéométrie, ou précis de géométrie fondée sur une théorie générale et rigorreuse des paralleles. 4) М. *Ковальскій*. О затмѣніяхъ.

Т. II. 1) *Мейеръ*. О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія. 2) *Бабстъ*. Историческій очеркъ торговаго движенія по Дунаю и его притокамъ. 3) Е. *Осокинъ*. О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. 4) Г. *Блосфельдъ*. О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ вообще и объ убійствѣ и умышленномъ изгнаніи плода въ особенности. 5) Г. *Фогель*. Артикулъ 135-й уголовнаго уложенія Императора Карла V.

Сборникъ (ученый). 8°. Въ 9 книгахъ. (LXXXIX. 2. 1).

Кн. I. 1) Отчеты Импер. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1849 и 1850 г. Спб. 1850—51. 2) Отчетъ Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1861 по 14 ноября 1862 г. Одесса. 1863. 3) Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Импер. Казанскомъ университетѣ. Составл. *Ковалевскимъ*. Казань. 1842. 4) Отчетъ о дѣйствіяхъ главнаго педагогическаго института съ 1842 по 1844 годъ. Составл. *Смирновымъ*. Спб. 1845. 5) Рѣчь А. *Ободовскаго* о заслугахъ Песталоцци. Спб. 1845. 6) Отчеты о состояніи Импер. университета св. Владиміра за 1848—49, 1849—50, 1850—51, 1851—52, 1853—54, 1854—55 и 1855—56 учебн. годы. 7) Рѣчи проф. университета св. Владиміра: а) *Вальтера*, объ отношеніяхъ публики къ современной врачебной наукѣ. б) *Фонберга*, о необходимости наукъ для успѣха искусствъ и ремеслъ. в) *Дьяченко*, о вліяніи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія на успѣхи геометріи и механики. г) *Гюббенета*, о значеніи гимнастики въ жизни человѣка и народовъ. д) *Іогонскаго*, объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра. е) *Ходецкаго*, обозрѣніе успѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи съ историческимъ изложеніемъ правительственныхъ мѣръ по улучшенію хозяйства. Кіевъ. 1856. ж) *Бунге*, о мѣстѣ занимаемомъ политическою экономіею въ системѣ народнаго образованія и объ отношеніи ея къ практической дѣятельности. Кіевъ. 1856. 8) Программа публ. лекцій объ исторіи Петра Вел., составл. *Ивановымъ*. 9) Отчетъ по Симбирскому училищу для дѣвицъ духовн. званія за 4-й (1854) уч. годъ.

Кн. II. 1) Объявленія о публичномъ преподаваніи наукъ въ Импер. Спб. университетѣ на 1847—48, 1848—49, 1849—50, 1850—51, 1851—52, 1852—53, 1853—54, 1854—55, 1855—56, 1856—57, 1857—58, 1858—1859, 1859—60 и 1860—61 уч. годы. Спб. 1847—1860.

Кн. III. 1) Отчеты о состояніи Импер. Спб. университета за 1849, 1851, 1852, 1853, 1854 (съ приложеніемъ о задачахъ на преміи), за 1855 (съ приложеніемъ отомъ же), за 1856 (съ прил. о томъ же), за 1858 (съ прил. о томъ же), за 1859 (съ прил. о томъ же) и за 1860 г. (съ прил. о томъ же). 2) Рѣчи проф. Спб университета: а) *Буняковскаго*, мысли о движеніи народонаселенія вообще. б) *Купори*, программа геогностической карты Спб. губерніи. в) *Касторскаго*, историческія судьбы русскаго Закавказья въ древнія времена. г) *Купори*, хронологическія розысканія, относящіяся къ событіямъ персидскихъ войнъ. д) *Ильенкова*, историческій очеркъ введенія количественныхъ изслѣдованій въ химіи. е) *Никитенко*, о началѣ изящнаго въ наукѣ. ж) *Усова*, о системахъ хлѣбопашества. з) *Воскресенскаго*, о вліяніи химіи на земледѣліе. и) *Савича*, историческій взглядъ на открытіе малыхъ планетъ или астероидовъ. і) *Кржижановскаго*, о гипотечномъ правѣ. к) *Благовѣщенскаго*, о литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа. л) *Устря-*

лова, русское войско до Петра великаго. м) *Чебышева*, черченіе географическихъ картъ. н) *Чайковскаго*, о земскомъ кредитномъ обществѣ царства Польскаго. о) *Кранихфельда*, о государственныхъ налогахъ взимаемыхъ по доходу. п) *Мухлинскаго*, изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ. р) *Стасюлевича*, о руководствахъ къ студентской жизни въ средніе вѣка. с) *Ценковскаго*, о самозарожденіи. т) *Васильева*, о маньчжурахъ во времена династій Юань и Минъ. у) *Гофмана*, объ инсометрическихъ отношеніяхъ хребта уральскаго. ф) *Chwolsona*, über Tammûz und die Menschenverehrung bei den alten Babyloniern. х) *Андреевскаго*, о призрѣніи бѣдныхъ и ц) *Костомарова*, о значеніи критическихъ трудовъ Конст. Аксакова по русской исторіи.

Кн. IV. 1) Отчеты о главномъ Педагогическомъ институтѣ за 1851—52 и 1852—53 уч. г., съ 1853 по 1855 уч. г., за 1856—57 и 1857—58 уч. годы. 2) Рѣчи проф. Педаг. института: а) *Blagoweschtschensky*, de carminibus convivalibus eorumque in vetustissima romanorum historia condenda momento. б) *Лебедева*, о впечатлѣніи трагедіи древней и новой. в) *Савича*, о собственныхъ движеніяхъ звѣздъ. 3) Отчетъ Импер. Казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ съ 1827 по 1 генваря 1844 г. по управленію Мусина—Пушкина. 4) Рѣчь *Стурдзы* при открытіи Одесскаго общества исторіи и древностей 25 апрѣля 1839 г. 5) Его же рѣчь по случаю торжественнаго собранія (этого общества) 27 апрѣля 1841 г. 6) Отчетъ Одесскаго общества Исторіи и древностей съ 14 ноября 1845 по 14 ноября 1846 г.

Кн. V. 1) Отчеты о состояніи Импер. Харьковскаго университета за 1852—53, 1853—54, 1854—55, 1855—56, 1856—57 и 1858—59 акад. годы. 2) Рѣчи проф. Харьковскаго университета: а) *Коссова*, о блескѣ шелковыхъ тканей. б) *Палюмбецкаго*, о происхожденіи и распространеніи пенитенціальной системы. в) *Юргевича*, о пожарахъ и предохранительныхъ противу нихъ мѣрахъ въ древнемъ Римѣ. г) *Иллинскаго*, о животныхъ клѣточкахъ. д) *Клобуцкаго*, о происхожденіи и постепенномъ развитіи гербовой регаліи въ Россіи. е) *Фойгта*, вступительная рѣчь. ж) *Станиславскаго*, о происхожденіи положительнаго права. 3) *Лавровскаго*, о педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. п) *Черняева*, о значеніи украинскихъ лѣсовъ въ отношеніи къ южной Россіи. і) *Куницына*, о мѣрахъ къ отвращенію неправосудія по русскому законодательству. к) *Лапшина*, въ воспоминаніе о Гумбольдтѣ.

Кн. VI. 1) Отчеты о состояніи Импер. Казанскаго университета въ 1852—1853, 1854—55, 1853—54, 1855—56, 1856—57, 1857—58 (въ 3 экз.), 1855—56 (2-й экз.) и 1859—60 уч. год. 2) Рѣчи проф. Казанскаго университета: а) *Станиславскаго*, о ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и результатахъ современнаго его направленія. б) *Булича*, значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы. в) *Бабста*, о нѣкоторыхъ условіяхъ способствующихъ умноженію капитала. г) *Киттары*, очеркъ современнаго положенія и нуждъ русской мануфактурной промышленности. д) *Григоровича*, о Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ (съ прибавленіями). е) *Бабста*, о нѣк. условіяхъ, способств. умноженію капитала. ж) *Вагнера*, Жоржъ Кювье и Этьенъ Жоффруа—Сентъ—Илеръ. 3) Обозрѣніе преподаваній въ Импер. Казанскомъ университетѣ на 1853—54 г.

(въ 1 экз.) и 1858—59 акад. г. (въ 3 экз.). 4) Отчетъ по Казанскому учебному округу за 1853 годъ.

Кн. VII. 1) Труды студ. Ришельевскаго лицея: а) *Думшина*, о рѣкахъ Скиѳіи по Геродоту и б) *Зальсскаго*, объ уравненіи энциклоиды и ея свойствахъ механическихъ и геометрическихъ. 2) Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея въ 1857—58, 1858—59, 1859—60, 1860—61, 1857—58 (2-й экз.), 1858—59 (2-й экз.) и 1859—60 (2-й экз.), уч. год. 3) Историч. обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея съ 1817 по 1857 годъ. 4) Рѣчи проф. Ришельевскаго лицея: а) *Акимова*, о дѣйствіяхъ подземнаго огня. б) *Jurgiewicz*, de Jove Lycaeo. в) *Муравьева*, о новой кредитной системѣ. г) *Богдановскаго*, о земледѣльческихъ колоніяхъ и исправительныхъ школахъ во Франціи, Англіи, Бельгіи и Германіи. д) *Власьева*, обозрѣніе исторіи философскаго мышленія грековъ о справедливости и государствѣ до Платона. е) *Карастелева*, о сопротивленіи эѳира движенію небесныхъ тѣлъ. ж) *Акимова*, о дѣйствіяхъ подземнаго огня (2-й экз.). з) *Jurgiewicz*, de Jove Lucaeo (2-й экз.). и) *Муравьева*, о новой кредитной системѣ. (2-й экз.). і) *Зеленецкаго*, о русской литературѣ въ эпоху преобразованія, по отношенію къ обществу, современному этой эпохѣ. к) *Орбинскаго*, объ отношеніи домашняго воспитанія къ общественному. 5) Программа для преподаванія сельскаго хозяйства въ Могилевской дух. семинаріи.

Кн. VIII. 1) Обозрѣніе преподаваній въ Импер. Казанскомъ университетѣ на 1854—55, 1855—56, 1856—57 и 1857—58 уч. годы. 2) Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея за 1862—63 уч. годъ (въ 2 экз.). 3) Рѣчь проф. Ришельевскаго лицея М. *Смирнова*: споръ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолію (въ 2 экз.).

Кн. IX. 1) Историческая записка о Московской дух. академіи по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія. 2) Списки начальствующихъ, наставниковъ и студентовъ Московской дух. академіи (1814—1864). 3) Рѣчь проф. Ришельевскаго лицея *Палимпсестова*: «перемѣнился ли климатъ юга Россіи»? 4) Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея за 1863—64 учебн. годъ. 5) Отчетъ Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1863 по 14 ноября 1864 г. 6) Рѣчь *Фалькова*, о всероссійской выставкѣ въ Москвѣ (въ 1864 г.) и 7) очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный Я. *Гротомъ*.

Сборникъ статей, переведенныхъ изъ энциклопедіи, въ 9 книгахъ. 8°. Спб. (LXXXIX. 1. 13).

Кн. I. 1) О философическихъ толкахъ. Перев. Як. Костенскій. 1774. 2) О порокѣ и добродѣтели. Перев. Ив. Вансловъ. 1774. 3) О любви. Перев. С. Б. 4) О ласкательствѣ. Пер. С. Б. 5) О роскоши. 1775. 6) О вѣрѣ. 1776. 7) Парижъ. 1770.

Кн. II. 1) Статьи, принадлежащія къ Турціи. Пер. С. Башиловъ. Т. I—II. 1769. 2) Турція. 3) Пелопонисъ или Морея. Перев. И. Туманскаго. 1769. 4) Спарта. 5) О времени и разныхъ счисленіяхъ онаго. Пер. В. Тузовъ. 1771.

Кн. III. 1) О философіи и частяхъ ея. Ч. I—II. Перев. Як. Козельскій. 1770. 2) О государственномъ правленіи и разныхъ родахъ онаго. Пер. И. Туманскій. 1770. 3) О надзирателяхъ при воспитаніи. Пер. С. Б. 1770.

Кн. IV. Переводы изъ энциклопедіи. Ч. I. 1767. 1) Исторія. 2) Географія. 3) Наррація. 4) Натура. 5) Соборы. Пер. Трубецкой. 6) Чиханіе. 7) Сло-

вопроизведеніе. 8) Волшебство. 9) Баня —Ч. II. 1767. 1) Экономія (нравоученіе и политика). 2) Желчная болѣзнь. 3) Минералогія. 4) Географія. 5) Одежды римлянъ. 6) Гамакъ. 7) О соборахъ (продолженіе).—Ч. III. 1767. 1) Словопроизведеніе (продолженіе). 2) Нравоученіе. 3) Докторство. 4) Докторъ медицины. 5) Догматическій (правильный). 6) Палецъ. 7) Пальцы. 8) Желчь. 9) Право естественное. 10) Посредственность. 11) Тома XVI-го надлежащее до мореплаванія. Литера Т.—О политической экономіи или государственномъ благоучрежденіи. 1777.

Кн. V—VI. О философіи и частяхъ ея. Ч. I и II. Пер. Туманскій. 1770.

Кн. VII. О ласкательствѣ.

Кн. VIII. О любви.

Кн. IX. О роскоши.

Сборникъ статей философическаго содержанія: 1) о значеніи и происхожденіи слова, Соч. Максимовича; 2) о философіи Плотина, 3) о философіи Эшенмайера, 4) о различныхъ способахъ самоубѣжденія, 5) объ источникахъ еврейскаго словоизысканія. 8°. (**LXXXIX. 1. 6**).

Сборникъ, содержащій статьи: 1) *Ахукамукхама* талымъ набы или книга богословіи магометовой; 2) Бабушкины *сказки*; 3) письма государя Императора Петра Великаго къ Ст. Анд. Колычеву и отвѣты его на оные. 8°. 1783. Москва. (**LXXXIX. 1. 12**).

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета. 1) С. *Есикорскаго*, опытъ исторической очевидности Промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ, 2) *Аляторцова*, о промыслѣ, 3) Д. *Сапфирова*, о необходимости основанія философіи на религіи, 4) *Александровича*, объ истинной твердости. Пер. съ французскаго, 5) *Черкасова*, о любви къ отечеству, 6) о высокомъ и простосердечномъ. Соч. Моза. Пер. съ франц. Коростовцева, 7) *Попова*, рѣчь о любви къ отечеству и 8) Стихи. 8°. 1822. Харьковъ. (**LXXXVII. 2. 22**).

XII. ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

1) ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Archiv (Neues) für die Theologie, herausg. von *Bengel*. Bände I—IV. 8°. 1822—26. Tübingen. (**LVI. 2. 4**).

Archiv (Neues) für die Theologie und ihre neueste Literatur, herausg. von *Bengel*. Bände I—IV. 8°. 1815—21. Tübingen. (**LVI. 2. 3**).

Disciple (le) de Jesu-Christ. Revue protestantisme. 1866 année 1) 1 semèstre №№ 1—7, 9—12 et 2) 2 semèstre №№ 1—12. 8°. 1866. Paris. (**LVI. 2. 12**).

Jahrbücher für biblische Wissenschaften, herausgegeben von *Ewald*. Bände I—XI, auf Jahre 1848—61. 8°. Göttingen. (**LVI. 1. 1**).

Journale (Neues theologisches). Bände I—XVI, auf Jahre 1793—1800. 8°. Nürnberg. (**XVIII. 1. 1**).

Katholik. Der religiose Zeitschrift. Bände V—VIII. 8°. 1832—33. Mainz. (LVI. 1. 2—3).

Katholische Stimmen. Ein Archiv des Interessantesten und Vorzüglichsten aus dem kirchlichen Leben und aus der kirchlichen Literatur. Herausg. von *Gottz.* Jahrhang I—III. 4°. 1844—46. Regensburg. (LXXV. 1. 6).

Kirchen-Zeitung (Evangelische), herausgegeb. von *Hengstenberg.* Auf Jahre 1832—33. 4°. Berlin. (LIV. 1. 11—12).

Kirchen-Zeitung (Allgemeine) zugleich ein Archiv für die Geschichte und Statistik der christlichen Kirche. Begrundet von *Zimmermann.* 4°. Darmstadt und Leipzig.

1) Auf 1861 J. (LIV. 1. 1).
2) — 1862 J. (LIV. 1. 2).
3) — 1863 J. (LIV. 1. 3).
4) — 1864 J. (LIV. 1. 4)
5) — 1870 J. №№ 1—11, 14—28, 30, 32—36, 38, 39, 41, 42, 44—52. (LIV. 1. 5).

Literaturblatt (theologisches). Begrundet von *Zimmermann.* 4°. Darmstadt und Leipzig.

1) Auf 1861 J. (LIV. 1. 6).
2) — 1862 J. (LIV. 1. 7).
3) — 1863 J (LIV. 1. 8).
4) — 1864 J. (LIV. 1. 9).
5) — 1870 J. №№ 1—11, 14—28, 30, 32—36, 38—39, 41—42, 44—52. (LIV. 1. 10).

Κυριξ (Εναγγελικος). Εκκλησιαζικον περιοδικον συγγραμμα, εκδιδομενον κατα μηνα υπο Διονησιου Κλεοπα και Κονζαντινου Κονταγονου. Φυλλαδιον α'—δ'. 8°. 1857. *Εν Αθηναις.* (LVI. 2. 5).

Magazin für Religionsphilosophie, Exegese und Kirchengeschichte, gerausgegeben von *Henke.* Bände I—XII. 8°. 1794—1802. Helmstadt. (LVI. 2. 1).

Monatsblätter (Protestantische) für innere Zeitgeschichte, herausgegeben von *Gelzer.* Bände XVII—XX. 8°. 1861—62. Gotha. (LVI. 1. 4—5).

L' Observateur catholique. Revue des sciences ecclesiastiques et des fêts réligieux. 8°. Paris.

1) 1861 année. №№ 133—144. (LVI. 2. 7).
2) 1862 année №№ 152—157, 160, 161, 163—174. (LVI. 2. 8).
3) 1863 année. №№ 175—180. (LVI. 2. 9).
4) 1865 année. №№ 241—246. (LVI 2. 10).
5) 1866 année. №№ 247—256, 264. (LVI. 2. 11).

Studien (Theologische) und **Kritiken.** Eine Zeitschrift für das gesammte Gebiet der Theologie. Begrundet von Ullmann und Umbreit. I—XXX, XXXVI, XXXIX, XLI und XLIV (1828—1857, 1863, 1866, 1868 und 1871) Jahrgänge. 2-es exempl. 1 (1828) Jahrgang. 8°. Hamburg und Gotha. (XVII. 5. 1 и 6. 1; XVIII. 1. 19).

Timotheus. Eine Zeitschrift für Beförderung der Religion und Humanität. Bände I—IV. 8°. 1821—23. Strassburg. (LVI. 2. 2).

Quartalschrift (theologische). Auf 1830 und 1869 Jahre. 8°. Tübingen. (XVI. 4. 19).

L' Union chretienne. Journal hebdomadaire. 4°. Paris.

1) IV (1862—3) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 13—14**).
2) V (1863—4) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 15—16**).
3) VI (1864—5) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 17—18**).
4) VII (1865—6) année №№ 1—10 et 15—52. 2-i exempl. №№ 1—10, 15—25 и 27—52. (**LIV. 1. 19—20**).
5) VIII (1866—7) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 21—22**).
6) IX (1867, Novembre—Decembre) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 23. 24**).

L' Union chretienne. Revue orthodoxe. 8°. Paris.

1) IX (1868) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 25—26**).
2) X (1869) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 27—28**).
3) XI (1870) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 29—30**).
4) XII (1871) année. 2 exempl. (**LIV. 1. 31—32**).
4) XIII (1872) année. 2 exempl. (**LIV. 33—34**).

Zeitschrift für Protestantismus und Kirche, herausg. von *Hofmann* und *Schmid*. Auf 1861 Jahr. B. XLI und XLII. 8°. 1861. Erlangen. (**LVI. 2. 6**).

Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. Herausgegeb. von *Hingenfeld*. Auf 1863 Jahr. Heft I. 8°. 1863. Halle. (**LXII. 7. 3**).

Бесѣда духовная съ церковною лѣтописью. 8°. Спб.

а) *Духовная бесѣда.*

1) На 1858 г. Томы I—IV. (**CXIX. 1. 1**).
2) — 1859 г. Т. V—VIII. (**CXIX. 1. 2**).
3) — 1860 г. Т. IX—XI. (**CXIX. 1. 3**).
4) — 1861 г. Т. XII—XIV. (**CXIX. 1. 4**).
5) — 1862 г. Т. XV—XVI. (**CXIX. 1. 5**).
6) — 1863 г. Т. XVII—XIX. (**CXIX. 1. 6**).
7) — 1864 г. Т. XX—XXII. (**CXIX. 1. 7**).
8) — 1865 г. Т. I—II. (**CXIX. 1. 8**).
9) — 1866 г. Т. I—II. (**CXIX. 1. 9**).
10) — 1867 г. Т. I—II. (**CXIX. 1. 10**).
11) — 1868 г. Т. I—II. (**CXIX. 1. 11**).
12) — 1869 г. Т. I—II. (**CXIX. 1. 12**).
13) — 1870 г. Т. I—II и 2-го экз. №№ 9—11, 13—15 и 20—33. (**CXIX. 1. 13—14**).
14) — 1871 г. Т. I—II и 2-го экз. №№ 1—11, 13—20, 22, 24—32, 34—35, 37—48 и 50—52. (**CXIX. 1. 15—16**).

б) *Церковная лѣтопись* Духовной Бесѣды.

1) На 1860 г. (**CXIX. 2. 1**).
2) — 1861 г. (**CXIX. 2. 2**).
3) — 1862 г. (**CXIX. 2. 3**).
4) — 1863 г. } напечатана нераздѣльно съ Духовною Бесѣдою.
5) — 1864 г. }
6) — 1865 г. (**CXIX. 2. 4**).
7) — 1866 г. (**CXIX. 2. 5**).
8) — 1867 г. (**CXIX. 2. 6**).
9) — 1868 г. (**CXIX. 2. 7**).
10) — 1869 г. (**CXIX. 2. 8**).
11) — 1870 г. (**CXIX. 2. 9—10**).
12) — 1871 г. (**CXIX. 2. 11—12**).

Бесѣда Домашняя для народнаго чтенія, издаваемая подъ редакціею *В. Аскоченскаго*. 8°. Спб.

1) Годъ I (1858). Издан. 2. (LIII. 1. 1).
2) — II (1859). (LIII. 1. 2).
3) — III (1860). (LIII. 1. 3).
4) — IV (1861). 2 экз. (LIII. 1. 4—5).
5) — V (1862). 2 экз. (LIII. 1. 6—7).
6) — VI (1863). 2 экз. (LIII. 1. 8—9).
7) — VII (1864). 2 экз. (LIII. 1. 10—11).
8) — VIII (1865). (LIII. 1. 12).
9) — IX (1866). (LIII. 1 13).
10) — X (1867). (LIII. 1. 14).
11) — XI (1868). (LIII. 1. 15).
12) — XII (1869). (LIII. 1. 16).
13) — XIII (1870). (LIII. 1. 17).
14) — XIV (1871). (LIII. 1. 18).

Вѣстникъ Духовный. 8°. Харьковъ.

1) За 1862 г. Т. I—III. (LIII. 2. 8).
2) — 1863 г. Т. IV—VI. (LIII. 2. 9).
3) — 1864 г. Т. VII—IX. (LIII. 2 10).
4) — 1865 г. Т. X—XII. (LIII. 2. 11).
5) — 1866 г. Т. XIII—XV. (LIII. 2. 12).
6) — 1867 г. №№ 1—4 (январь—апрѣль). (LIII. 2. 13).

Газета Церковная въ пользу восточно-каѳолической церкви, соединенной съ римскимъ патріаршескимъ соборомъ. За 1858 г. №№ 1—16 (январь—іюнь). 4°. Будинъ. (LIII. 2. 14)

Духъ Христіанина. Духовно-литературный журналъ. 8°. Спб.

1) Годъ I (1861—62). 2 экз. (CXVIII. 1. 1—2)
2) — II (1862—63). 2 экз. (CXVIII. 1. 3—4).
3) — III (1863—64). 2 экз. (CXVIII. 1. 5—6).
4) — IV (1865). №№ 1—9. 2 экз. (CXVIII. 1. 8—9)

Обозрѣніе Православное. 8°. Москва.

1) За 1860 г. Т. I—III. 1 экз. (LV. 5. 1).
2) — 1861 г. Т. IV—VI. 2 экз. (LV. 5. 2—3).
3) — 1862 г. Т. VII—IX. 2 экз. (LV. 5. 4—5).
4) — 1863 г. Т. X—XII. 2 экз. (LV. 5. 6—7).
5) — 1864 г. Т. XIII—XV. 2 экз. (LV. 5. 8—9).
6) — 1865 г. Т. XVI—XVIII. 2 экз. (LV. 5. 10—11).
7) — 1866 г. Т. XIX—XXI. 2 экз. (LV. 5. 12—13).
8) — 1867 г Т. XXII—XXIV. 2 экз. (LV. 6. 1—2).
9) — 1868 г. Т. XXV—XXVII. 2 экз. (LV. 6. 3—4).
10) — 1869 г. Полугодія I—II и въ III-й книгѣ «Извѣстія и замѣтки». (LV. 6. 5).
11) — 1870 г. Пол. I—II и «Изв. и зам.». (LV. 6. 7).
12) — 1871 г. Пол. I—II и «Изв. и зам.». (LV. 6. 9).
13) — 1872 г. Пол. I—II и «Изв. и зам.». (LV. 6. 11).

Прибавленія къ изданію твореній святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ. Части I—XXV. 2-го экз. ч. I—XXIII. 3-го экз. ч. I—IV, VI—XVII и XIX—XXIII.

4-го экз. ч. IV и XIV. 5 и 6-го экз. ч. XIV. 8°. Москва. (CXVIII. 6—8 и CXVIII. 9. 1—3).

Руководство для сельскихъ пастырей. 8°. Кіевъ.

1) За 1860 г. Т. I—III. (LV. 1. 1).
2) — 1861 г. Т. I—III. (LV. 1. 2).
3) — 1862 г. Т. I—III. (LV. 1. 3).
4) — 1863 г. Т. I—III. (LV. 1. 4).
5) — 1864 г. Т. I—III. (LV. 1. 5).
6) — 1865 г. Т. I—III. (LV. 1. 6).
7) — 1866 г. Т. I—III. (LV. 1. 7).
8) — 1867 г. Т. I—III. (LV. 1. 8).
9) — 1868 г. Т. I—III. (LV. 1. 9).
10) — 1869 г. Т. I—III. 2 экз. (LV. 1. 10—11).
11) — 1870 г. Т. I—III. 2 экз. (LV. 2. 1—2).
12) — 1871 г. Т. I—III. 2 экз. (LV. 2. 3—4).
13) — 1872 г. Т. I—III. 2 экз. (LV. 2. 5—6).

Собесѣдникъ Православный, издаваемый при Казанской духовной академіи (съ приложеніями). 8°. Казань.

1) За 1855 г. Книжки I—IV. 4 экз. (LVI. 3. 1—4).
2) — 1856 г. Кн. I—IV. 4 экз. (LVI. 3. 5—8).
3) — 1857 г. Кн. I—IV. 5 экз. (LVI. 3. 9—13).
4) — 1858 г. Январь—декабрь. 4 экз (LVI. 3. 14—17).
5) — 1863 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 1—2).
6) — 1864 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 3—4).
7) — 1865 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 5—6).
8) — 1866 г. Янв.—дек. 1 экз. (LVI. 4. 7).
9) — 1867 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 8—9).
10) — 1868 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 10—11).
11) — 1869 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 12—13).
12) — 1870 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 4. 14 и 5. 1).
13) — 1871 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 5. 2—3).
14) — 1872 г. Янв.—дек. 2 экз. (LVI. 5. 4—5).

Собесѣдникъ Православный, издаваемый при Казанской духовной академіи (безъ приложеній). 8°. Казань.

1) За 1855 г. 4 экз. (LVI. 6. 1—4).
2) — 1856 г. 4 экз. (LVI. 6. 5—8).
3) — 1857 г. 4 экз. (LVI. 6. 9—12)
4) — 1858 г. Ч. I—III. 4 экз. (LVI. 6. 13—16).
5) — 1859 г. Ч. I—III. 4 экз. (LVI. 6. 17—20).
6) — 1860 г. Ч. I—III. 4 экз. (LVI. 6. 21—23 и 7. 1).
7) — 1861 г. Ч. I—III. 4 экз. (LVI. 7. 2—5).
8) — 1862 г. Ч. I—III. 4 экз. (LVI. 7. 6—9).
9) — 1863 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 7. 10—11).
10) — 1864 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 7. 12—13).
11) — 1865 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 7. 14—15).
12) — 1866 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 7. 16—17).
13) — 1867 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 7. 18—19).
14) — 1868 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 7. 20—21).

15) — 1869 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 8. 1—2).
16) — 1870 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 8. 3—4).
17) — 1871 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 8. 5—6).
18) — 1872 г. Ч. I—III. 2 экз. (LVI. 8. 7—8).

Странникъ. Духовный, учено-литературный журналъ, издаваемый свящ. Вас. *Гречулевичемъ*. 8°. Спб.

1) Годъ I (1860). Т. I—IV. (CXX. 1. 1).
2) — II (1861). Т. I—IV. (CXX. 1. 2).
3) — III (1862). Т. I—IV. (CXX. 1. 3).
4) — IV (1863). Т. I—IV. (CXX. 1. 4).
5) — V (1864). Т. I—IV. (CXX. 1. 5).
6) — VI (1865). Т. I—IV. (CXX. 1. 6).
7) — VII (1866). Т. I—IV. (CXX. 1. 7).
8) — VIII (1867). Т. I—IV. (CXX. 1. 8).
9) — IX (1868). Т. I—IV. 2 экз. (CXX. 1. 9—10).
10) — X (1869). Т. I—IV. (CXX. 1. 11).
11) — XI (1870). Т. I—IV. (CXX. 1. 12).
12) — XII (1871). Т. I—IV. (CXX. 1. 13).
13) — XIII (1872). Т. I—IV. 2 экз. (CXX. 1. 14 и 2. 1).

Труды Кіевской духовной академіи. 8°. Кіевъ.

1) За 1860 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 1—2).
2) — 1861 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 3—4).
3) — 1862 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 5—6).
4) — 1863 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 7—8).
5) — 1864 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 9—10).
6) — 1865 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 11—12).
7) — 1866 г. Т. I—III. 2 экз. (CXIX. 3. 13—14).
8) — 1867 г. Т. I—IV. 2 экз. (CXIX. 3. 15—16).
9) — 1868 г. Т. I—IV. 2 экз. (CXIX. 4. 1—2).
10) — 1869 г. Т. I—IV. 3 экз. и 4-го экз. №№ 1—8. (CXIX. 4. 3—6).
11) — 1870 г. Т. I—IV. 1 экз. (CXIX. 4. 7).
12) — 1871 г. Т. I—IV. 1 экз. (CXIX. 4. 9).
13) — 1872 г. Т. I—III. 1 экз. (CXIX. 4. 11).

Чтеніе Христіанское, издаваемое при С.-Петербургской духовной академіи. 8°. Спб.

1) За 1821 г. Ч. I—IV. 2 экз. и 3-го экз. ч. I, II и IV. (LIII. 3. 1—3).
2) — 1822 г. Ч. V—VIII. 3 экз. и 4-го экз. ч. VIII. (LIII. 3. 4—7).
3) — 1823 г. Ч. IX—XII. 3 экз. (LIII. 3. 8—10).
4) — 1824 г. Ч. XIII—XVI. 3 экз. (LIII. 3. 11 и 4. 1—2).
5) — 1825 г. Ч. XVII—XX. 3 экз. (LIII. 4. 3—5).
6) — 1826 г. Ч. XXI—XXIV. 3 экз. (LIII. 4. 6—8).
7) — 1827 г. Ч. XXV—XXVIII. 3 экз. (LIII. 4. 9—10 и 5. 1).
8) — 1833 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 5. 2—4).
9) — 1834 г. Ч. I—IV. 2 экз. (LIII. 5. 5—6).
10) — 1835 г. Ч. I—IV. 2 экз. (LIII. 5. 7—8).
11) — 1836 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 5. 9—11).
12) — 1837 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 6. 1—3).
13) — 1838 г. Ч. I—IV. 2 экз. (LIII. 6. 4—5).

14) — 1839 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 6. 6—8).
15) — 1840 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII 6. 9—11).
16) — 1841 г. Ч. I—IV. 3 экз. и 4-го экз. ч I, III и IV. (LIII. 7. 1—4).
17) — 1843 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 7. 5—7).
18) — 1844 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 7. 8—9 и 8. 1).
19) — 1845 г. Ч. I—IV. 2 экз.; 3-го экз. ч. I, III и IV и 4-го экз. ч. I и II. (LIII. 8. 2—5).
20) — 1846 г. Ч. I—IV. 3 экз. (LIII. 8. 6—8).
21) — 1847 г. Ч. I—IV. 2 экз. и 3-го экз. ч. I—III. (LIII. 8. 9—11).
22) — 1848 г Ч. I—II. 2 экз. (LIII. 9. 1—2).
23) — 1849 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIII. 9. 3—5).
24) — 1850 г. Ч. I—II. 3 экз (LIII. 9. 6—8).
25) — 1851 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIII. 9. 9—11).
26) — 1852 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIII. 9. 12—14).
27) — 1853 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIII. 9. 15—17).
28) — 1854 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 3. 1—3).
29) — 1855 г. Ч. I—II. 6 экз. (LIV. 3. 4—9).
30) — 1856 г. Ч. I—II. 4 экз. (LIV. 3. 10—13).
31) — 1857 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 3. 14—16).
32) — 1858 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 3. 17—19).
33) — 1859 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 3. 20 и 4. 1—2).
34) — 1860 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 4. 3—5).
35) — 1861 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 4. 6—8).
36) — 1862 г. Ч I—II. 3 экз. (LIV. 4. 9—11).
37) — 1863 г. Ч. I—III. 3 экз. (LIV. 4. 12—14).
38) — 1864 г. Ч. I—III. 2 экз. (LIV. 4. 15—16).
39) — 1865 г. Ч. I—II. 2 экз. (LIV. 4. 17—18).
40) — 1866 г. Ч. I—II. 2 экз. (LIV. 5. 1—2).
41) — 1867 г. Ч. I—II. 2 экз. (LIV. 5. 3—4).
42) — 1868 г. Ч. I—II. 2 экз. (LIV. 5. 5—6).
43) — 1869 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 5. 7—9).
44) — 1870 г. Ч. I—II. 2 экз. (LIV. 5. 10—11).
45) — 1871 г. Ч. I—II. 3 экз. (LIV. 5. 12—13 и 6. 1).
46) — 1872 г. Ч. I—II. 2 экз. (LIV. 6. 2—3).

Чтеніе Воскресное. Журналъ, издаваемый при Кіевской духовной академіи.

1) Годъ I (1837—38). 2 экз. (CXX. 6. 1—2).
2) — II (1838—39). 2 экз. (CXX. 6. 3—4).
3) — III (1839—40). 1 экз (CXX. 6. 5).
4) — IV (1840—41). 2 экз. (CXX. 6. 6—7).
5) — V (1841—42). 2 экз. (CXX. 6. 8—9).
6) — VI (1842—43). 2 экз. (CXX. 6. 10—11).
7) — VII (1843—44). 2 экз. (CXX. 6. 12—13).
8) — VIII (1844—45). 2 экз. (CXX. 6. 14—15).
9) — IX (1845—46). 2 экз. (CXX. 6. 16—17).
10) — X (1846—47). 2 экз. (CXX. 6. 18—19).
11) — XI (1847—48). 2 экз. (CXX. 6. 20—21).
12) — XII (1848—49) 2 экз. (CXX. 6. 22—23).

13) Годъ XIII (1849—50). 2 экз. (CXX. 6. 24—25).
14) — XIV (1850—51). 2 экз. (CXX. 6. 26—27).
15) — XV (1851—52). 2 экз. (CXX. 6. 28—29).
16) — XVI (1852—53). 2 экз. (CXX. 6. 30—31).
17) — XVII (1853—54). 2 экз. (CXX. 6. 32—33).
18) — XVIII (1854—55). 2 экз. (CXX. 6 34—35)
19) — XIX (1855—56). 2 экз (CXX. 6. 36—37).
20) — XX (1856—57). 1 экз. (CXX. 6. 38).
21) — XXI (1857—58). 1 экз. (CXX. 6. 39).
22) — XXII (1858—59) (CXX. 6. 40).
23) — XXIII (1859—60). (CXX. 7. 1).
24) — XXIV (1860—61). (CXX. 7. 2).
25) — XXV (1861—62). (CXX. 7. 3).
26) — XXVI (1862—63). Кн. I—II. (CXX 7. 4).
27) — XXVII (1863—64). Кн. I. (CXX. 7. 5).
28) — XXVIII (1864—65). Кн. I—II. (CXX. 7. 6).
29) — XXIX (1865—66). Кн. I—II. (CXX. 7. 7).
30) — XXX (1866—67). Кн. I—II. 2 экз. (CXX. 7. 8—9).
31) — XXXI (1867—68). Кн. I—II. (CXX. 7. 10).
32) — XXXII (1868—69) въ одной книгѣ. (CXX. 7. 11)
33) — XXXIII (1869—70). Кн. I—II. (CXX. 7. 12).

Чтеніе Душеполезное. Ежемѣсячное изданіе духовнаго содержанія. 8°. Спб.

1) Годъ I (1860) Ч. I—III. (CXX. 3. 1).
2) — II (1861). Ч. I—III. (CXX. 3. 2).
3) — III (1862). Ч. I—III. (CXX. 3. 3).
4) — IV (1863). Ч. I—III. (CXX. 3. 4).
5) — V (1864). Ч. I—III. (CXX. 3. 5).
6) — VI (1865). Ч. I—III. (CXX. 3. 6).
7) — VII (1866). Ч. I—III. (CXX. 3. 7).
8) — VIII (1867). Ч. I—III. (CXX. 3. 8)
9) — IX (1868). Ч. I—III. (CXX. 3. 9).
10) — X (1869). Ч. I—III (CXX. 3. 10).
11) — XI (1870). Ч. I—III. (CXX. 3. 11).
12) — XII (1871). Ч. I—III. (CXX. 3. 12).
13) — XIII (1872). Ч. I—III. (CXX. 3. 13).

Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. (Повременное изданіе). 8°. Москва. (CXVIII. 3. 1—2).

1) За 1863 г. (Кн. I). 2 экз.
2) — 1867 г. (Кн II). 1 экз.
3) — 1868 г. Кн. IV въ 2 экз. и кн. V въ 1 экз.
4) — 1869 г. Кн. VI, VIII и IX въ 1 экз и кн. VII въ 2 экз
5) — 1870 г. Кн. X. 2 экз.
6) — 1871 г. Кн. XIII. 1 экз.

Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Журналъ учено-литературный за 1871 г. 4°. Москва. (CXVIII. 4. 1).

2) ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Владимірскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Владиміръ.
1) За 1865 г. (LXIII. 1. 1).
2) — 1866 г. (LXIII. 1. 2).
3) — 1867 г. (LXIII. 1. 3).
4) — 1868 г. (LXIII. 1. 4)
5) — 1869 г. (LXIII. 1. 5).
6) — 1870 г. (LXIII. 1. 6).
7) — 1871 г. (LXIII. 1. 7).
8) — 1872 г. (LXIII. 1. 8).

Вологодскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Вологда
1) За 1864 г. № 1—6. (LXIII. 2. 1).
2) — 1865 г. (LXIII. 2. 2).
3) — 1866 г. (LXIII. 2. 3).
4) — 1867 г (LXIII. 2. 4)
5) — 1868 г. (LXIII. 2. 5)
6) — 1869 г. 2 экз. (LXIII. 2. 6—7)
7) — 1870 г. (LXIII. 2. 8).
8) — 1871 г. (LXIII. 2. 9).
9) — 1872 г. (LXIII. 2. 10).

Волынскія епархіальныя вѣдомости за 1872. 8°. Кременецъ. (LXIII. 1. 18).

Воронежскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Воронежъ
1) За 1867 г. (LXIII. 3. 1).
2) — 1868 г. (LXIII. 3. 2).
3) — 1869 г. (LXIII. 3. 3).
4) — 1870 г. (LXIII. 3. 4).
5) — 1871 г. (LXIII. 3. 5).
6) — 1872 г. (LXIII. 3. 6).

Вятскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Вятка.
1) За 1863 г. (LXIII. 4. 1).
2) — 1864 г. (LXIII. 4. 2).
3) — 1865 г. (LXIII. 4. 3).
4) — 1866 г. (LXIII. 4. 4).
5) — 1867 г. (LXIII. 4. 5).
6) — 1868 г. (LXIII. 4. 6).
7) — 1869 г. 2 экз. (LXIII. 4. 7—8).
8) — 1870 г. (LXIII. 4. 9).
9) — 1871 г. (LXIII. 4. 10).
10) — 1872 г. (LXIII. 4. 11)

Иркутскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Иркутскъ
1) За 1863 г. (LXIII. 5. 1)
2) — 1864 г. (LXIII. 5. 2)
3) — 1865 г. (LXIII. 5. 3).
4) — 1866 г. 2 экз. (LXIII. 5. 4—5).
5) — 1867 г. 2 экз. (LXIII. 5. 6—7)
6) — 1868 г. (LXIII. 5. 8).

7) — 1869 г. (LXIII. 5. 9).
8) — 1870 г. (LXIII. 5. 10).
9) — 1871 г. (LXIII. 5. 11).
10) — 1872 г. (LXIII. 5. 12).

Извѣстія по **Казанской** епархіи. 8°. Казань
1) За 1867 г. 4 экз. (LXIII. 6. 1—4).
2) — 1868 г. 4 экз. (LXIII. 6. 5—8).
3) — 1869 г. 4 экз. (LXIII. 6. 9—12).
4) — 1870 г. 4 экз. (LXIII. 6. 13—16).
5) — 1871 г. 3 экз. (LXIII. 6. 17—19).
6) — 1872 г. 4 экз. (LXIII. 6. 20—23).

Калужскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Казань.
1) За 1865 г. (LXIII. 8. 1).
2) — 1866 г. (LXIII. 8. 2).
3) — 1867 г. (LXIII. 8. 3).
4) — 1868 г. (LXIII. 8. 4).
5) — 1869 г. 2 экз. (LXIII. 8. 5—6).
6) — 1870 г. №№ 1—24 и 2-го экз. №№ 1—3 и 5—8. (LXIII. 8. 7—8).
7) — 1871 г. (LXIII. 8. 9).
8) — 1872 г. (LXIII. 8. 10).

Кіевскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Кіевъ.
1) За 1861 г. (LXIII. 9. 1).
2) — 1862 г. (LXIII. 9. 2).
3) — 1863 г. (LXIII. 9. 3).
4) — 1864 г. (LXIII. 9. 4).
5) — 1865 г. (LXIII. 9. 5).
6) — 1866 г. (LXIII. 9. 6)
7) — 1867 г. (LXIII. 9. 7).
8) — 1868 г. 2 экз. (LXIII. 9. 8—9).
9) — 1869 г. 2 экз. и 3-го экз. №№ 1—13. (LXIII. 9. 10—12).
10) — 1870 г. 3 экз. (LXIII. 9. 13—15).
11) — 1871 г. 2 экз. (LXIII. 9. 16—17)
12) — 1872 г. 2 экз. (LXIII. 9 18—19).

Кишиневскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Кишиневъ.
1) За 1871 г. (LXIII. 8. 20).
2) — 1872 г. (LXIII. 8. 21).

Курскія епархіальныя вѣдомости за 1872 г. 8°. Курскъ. (LXIII. 7. 21)

Литовскія епархіальныя вѣдомости. 4° и 8°. Вильна.
1) За 1865 г. (LXXI. 1. 1).
2) — 1866 г. (LXXI. 1. 2).
3) — 1867 г. (LXXI. 1. 3)
4) — 1868 г. (LXXI. 1. 4).
5) — 1869 г. (LXXI. 1. 5).
6) — 1870 г. и 2-го экз. №№ 1—6. (LXXI. 1. 6—7).
7) — 1871 г. (LXXI. 1. 8).
8) — 1872 г. (LXXI. 1. 9)

Минскія епархіальныя вѣдомости. 4° и 8°. Минскъ.
1) За 1869 г. (LXXI. 8. 1).
2) — 1870 г. (LXXI. 8. 2).
3) — 1871 г. (LXXI. 8. 3).
4) — 1872 г. (LXXI. 8. 4).

Московскія епархіальныя вѣдомости. 4°. Москва.
1) За 1869 г (LXXI. 9. 1).
2) — 1870 г. (LXXI. 9. 2).
3) — 1871 г. (LXXI. 9. 3).
4) — 1872 г. (LXXI. 8. 4).

Нижегородскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Нижній-Новгородъ.
1) За 1864 г. (LXXI. 2. 1).
2) — 1865 г. (LXXI. 2. 2).
3) — 1866 г. 2 экз. (LXXI. 2. 3—4).
4) — 1867 г. 2 экз. (LXXI. 2. 5—6).
5) — 1868 г. 2 экз. (LXXI. 2. 7—8).
6) — 1869 г. 2 экз. (LXXI. 2. 9—10).
7) — 1870 г. 2 экз. (LXXI. 2. 11—12).
8) — 1871 г. 2 экз. (LXXI. 2. 13—14).
9) — 1872 г. (LXXI. 2. 15).

Орловскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Орелъ.
1) За 1865 г. (LXXI. 3. 1).
2) — 1866 г. (LXXI. 3. 2).
3) — 1867 г. (LXXI. 3. 3).
4) — 1868 г. (LXXI. 3. 4).
5) — 1869 г. (LXXI. 3. 5).

Пензенскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Пенза.
1) За 1866 г. (LXXI. 4. 1).
2) — 1867 г. (LXXI. 4. 2).
3) — 1868 г. (LXXI. 4. 3).
4) — 1869 г. (LXXI. 4. 4).
5) — 1870 г. (LXXI. 4. 5).
6) — 1871 г. (LXXI. 4. 6).
7) — 1872 г. (LXXI. 4. 7).

Пермскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Пермь.
1) За 1867 г. (LXXI. 5. 1).
2) — 1868 г. №№ 1—15, 19—21, 23, 24, 27, 33, 35—46. (LXXI 5, 2).
3) — 1869 г. №№ 4—8, 10—29, 30—52. (LXXI. 5. 3).
4) — 1870 г. (LXXI. 5. 4).
5) — 1871 г. (LXXI. 5. 5).
6) — 1872 г. (LXXI. 5. 6).

Подольскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Каменецъ Подольскъ.
1) За 1862 г. (LXXI. 7. 1).
2) — 1863 г. (LXXI. 7. 2).
3) — 1864 г. (LXXI. 7. 3).
4) — 1865 г. (LXXI. 7. 4).
5) — 1866 г. (LXXI. 7. 5).

6) — 1867 г. (LXXI. 7. 6).
7) — 1868 г. (LXXI. 7. 7).
8) — 1869 г. (LXXI 7. 8).
9) — 1870 г. (LXXI. 7. 9).
10) — 1871 г. (LXXI. 7. 10)
11) — 1872 г. (LXXI. 7. 11).

Полтавскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Полтава.
1) За 1863 г. (LXXI. 6. 1).
2) — 1864 г. (LXXI. 6. 2).
3) — 1865 г. (LXXI. 6. 3).
4) — 1866 г. (LXXI. 6. 4).
5) — 1867 г. (LXXI. 6. 5).
6) — 1868 г. (LXXI. 6. 6).
7) — 1869 г. (LXXI. 6. 7).
8) — 1870 г. (LXXI. 6. 8).
9) — 1871 г. (LXXI. 6. 9).
10) — 1872 г. (LXXI. 6. 10).

Рязанскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Рязань.
1) За 1865 г. №№ 1—8. (LXXII 1. 1).
2) — 1866 г. (LXXII. 1. 2)
3) — 1867 г. (LXXII. 1. 3).
4) — 1868 г. (LXXII 1. 4).
5) — 1869 г. (LXXII. 1. 5).
6) — 1870 г. (LXXII. 1. 6).
7) — 1871 г. (LXXII. 1. 7).
8) — 1871—72 г. (LXXII. 1. 8).

Самарскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Самара.
1) За 1867 г. (LXXII. 3. 1).
2) — 1868 г. (LXXII. 3. 2).
3) — 1869 г. (LXXII. 3. 3).
4) — 1870 г. (LXXII. 3. 4).
5) — 1871 г (LXXII. 3. 5).
6) — 1872 г. (LXXII. 3. 6).

Саратовскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Саратовъ.
1) За 1865 г. №№ 1—31. (LXXII. 2. 1).
2) — 1866 г. №№ 1—16, 18—46 и 50—51. (LXXII. 2. 2).
3) — 1867 г. (LXXII. 2. 3).
4) — 1868 г. (LXXII. 2. 4).
5) — 1869 г (LXXII. 2. 5).
6) — 1870 г. №№ 1—5, 11—16, 18—22 и 24. (LXXII. 2. 6).
7) — 1871 г. (LXXII. 2. 7).
8) — 1872 г. №№ 1—3 и 9—24. (LXXII. 2. 8).

Смоленскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Смоленскъ.
1) За 1865 г. (LXXII. 4. 1).
2) — 1866 г. (LXXII. 4. 2).
3) — 1867 г. (LXXII. 4. 3).
4) — 1868 г. (LXXII. 4. 4).
5) — 1869 г. 2 экз. (LXXII. 4. 5—6).

6) За 1870 г. (LXXII. 4. 7).
7) — 1871 г. (LXXII. 4. 8).
8) — 1872 г. 2-го экз. №№ 1—11, 15 и 19—24. (LXXII. 4. 9—10).

Тамбовскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Тамбовъ.
1) За 1861—62 г. Томы I—II. (LXXII. 5. 1).
2) — 1862 г. №№ 1—12. (LXXII. 5. 2).
3) — 1863 г. (LXXII. 5. 3).
4) — 1864 г. (LXXII. 5. 4).
5) — 1865 г. (LXXII. 5. 5).
6) — 1866 г. (LXXII. 5. 6).
7) — 1867 г. (LXXII. 5. 7).
8) — 1868 г. 2 экз. (LXXII. 5. 8—9).
9) — 1869 г. 3 экз. (LXXII. 5. 10—12).
10) — 1870 г. (LXXII. 5. 13).
11) — 1871 г. (LXXII. 5. 14).
12) — 1872 г. (LXXII. 5. 15).

Тульскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Тула.
1) За 1862 г. (LXXII. 6. 1).
2) — 1863 г. (LXXII. 6. 2)
3) — 1864 г. (LXXII. 6. 3).
4) — 1865 г. (LXXII. 6. 4).
5) — 1866 г. (LXXII. 6. 5).
6) — 1867 г. (LXXII. 6. 6).
7) — 1868 г. (LXXII. 6. 7).
8) — 1869 г. (LXXII. 6. 8).
9) — 1870 г. (LXXII. 6. 9).
10) — 1871 г. (LXXII. 6. 10)
11) — 1872 г. (LXXII. 6. 11)

Харьковскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Харьковъ
1) За 1867 г. (LXXII. 8. 15).
2) — 1868 г. (LXXII. 8. 16).
3) — 1869 г. (LXXII. 8. 17).
4) — 1870 г (LXXII. 8. 18).
5) — 1871 г. (LXXII. 8. 19).
6) — 1872 г. (LXXII. 8. 20).

Херсонскія епархіальныя вѣдомости. 8°. Одесса.
1) За 1860 г. №№ 1—12. (LXXII. 7. 1)
2) — 1861 г. (LXXII. 7. 2).
3) — 1862 г. (LXXII. 7. 3)
4) — 1863 г. (LXXII. 7. 4).
5) — 1864 г. (LXXII. 7. 5).
6) — 1865 г. (LXXII. 7. 6).
7) — 1866 г. (LXXII. 7. 7),
8) — 1867 г. (LXXII. 7. 8).
9) — 1868 г. (LXXII. 7. 9).
10) — 1869 г. 2 экз. (LXXII. 7. 10—11).
11) — 1870 г. 2 экз. (LXXII. 7. 12.—13).
12) — 1871 г. 2 экз. (LXXII. 7. 14—15).
13) — 1872 г. 2 экз. (LXXII. 7. 16—17).

Черниговскія епархіальныя извѣстія. 8°. Черниговъ.
1) За 1868 г. (LXXII. 8. 1).
2) — 1869 г. (LXXII. 8. 2).
3) — 1870 г. (LXXII. 8. 3).
4) — 1871 г. (LXXII. 8. 4).
5) — 1872 г. (LXXII. 8. 5).

Ярославскія епархіальныя вѣдомости. 4°. Ярославль.
1) За 1860 г. №№ 1—14. (LXXII 9. 1).
2) — 1863 г. (LXXII. 9. 2).
3) — 1864 г. (LXXII. 9. 3).
4) — 1865 г. (LXXII. 9. 4).
5) — 1866 г. (LXXII. 9. 5).
6) — 1867 г. (LXXII. 9. 6).
7) — 1868 г. (LXXII. 9. 7)
8) — 1869 г. 2 экз. (LXXII. 9. 8—9).
9) — 1870 г. (LXXII. 9. 10).
10) — 1871 г. (LXXII. 9. 11).
11) — 1872 г (LXXII. 9. 12).

3) СВѢТСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Annuaire des deux mondes. Histoire générale des divers états. VII (1856—57) année. 8°. 1857. Paris. (LXII. 3. 5).

Athenaeum (The). Journal of literature, science, the fine arts, music and the drama. 4°. London.
1) 1871. January to june and july to december. (LXII. 5. 5).
2) 1872. January to june and july to december. (LXII. 5. 6).

Journal de St. Petersbourg pour l'année 1845. Fol 1845. St. Petersbourg. (LIX. 9. 1).

Revue des deux mondes XXVII (1857) année. Seconde période. T. VII—XII. 8°. 1857. Paris. (CXXII. 1. 1).

Τηλεγραφος (Ελληνικος). Η πολιτικη, φιλολογικη τε και εμπορικη εφημερις. 4°. *Εν Βιεννη της Αουστριας.*
1) *Πρωτη περιοδος.* 1812. (LIX. 9. 6).
2) *Δευτερα περιοδος* 1813. (LIX. 9. 7).
3) *Τριτη περιοδος.* 1814. (LIX. 9. 8).
4) *Τεταρτη περιοδος.* 1815. (LIX. 9. 9).
5) *Πεμπτη περιοδος.* 1816. (LIX. 9. 10).
6) *Εκτη περιηδος* 1817. (LIX 9. 11).

Альціона на 1833 годъ, издаваемая *Розеномъ*. 8°. Спб. (LIX 4. 3).

Архивъ Сѣверный. Журналъ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и нравовъ, издаваемый *Булгаринымъ* и *Гречемъ*. За 1827 г. Ч. XXV—XXX. 8°. Спб. (LX. 2. 3).

Архивъ русскій.
1) Годъ I (1863). (LXI. 7. 1)
2) — II (1864) (LXI. 7. 2).
3) — III (1865) (LXI. 7. 3).

4) Годъ IV (1866). (**LXI. 7. 4**)
5) — V (1867). (**LXI. 7. 5**).
6) — VI (1868). (**LXI. 7. 6**).
7) — VII (1869). (**LXI. 7. 7**).
8) — VIII (1870). (**LXI. 7. 8**).
9) — IX (1871). (**LXI. 7. 9**).
10) — X (1872). (**LXI. 7. 10**).

Атеней. Журналъ критики, современной исторіи и литературы. 8°. Москва.
1) За 1858 г. Ч. I—VI. (**LIX. 4. 4**).
2) — 1859 г. Ч. I—II. (**LIX. 4. 5**).

Бесѣда русская. 8°. Москва.
1) За 1856 г. Кн. I. III и IV. (**LIX. 4. 7**).
2) — 1857 г. Кн. VI и VII или годъ II кн. II—III. (**LIX. 4. 8**).
3) — 1858 г. Кн. IX—XII или годъ III кн. I—IV. (**LIX. 4. 9**).
4) — 1859 г. Кн XIII—XVIII или годъ IV кн. I—VI. (**LIX. 4. 10**).

Бесѣда. Журналъ ученый, литературный и политическій. Годъ II (1872). Кн. I—XII. 8°. Москва. (**LIX. 6. 1**).

Бесѣда народная. 8°. Спб.
1) За 1862 г. (**LIX. 4. 11**).
2) — 1863 г. (**LIX. 4. 12**).
3) — 1864 г. (**LIX. 4. 13**).
4) — 1865 г. (**LIX. 4. 14**).
5) — 1866 г. (**LIX. 4. 15**).
6) — 1867 г. Кн. I—III и 2-го экз. кн. III. (**LIX. 4. 16—17**).

Библіотека для чтенія. Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ. 8°. Спб.
1) За 1834 г. Т. I—VII. (**LVIII. 8. 1**).
2) — 1835 г. Т. VIII—XIII. (**LVIII. 8. 2**).
3) — 1836 г. Т. XIV—XIX. (**LVIII. 8. 3**).
4) — 1840 г. Т. XXXVIII—XXXIX и XLI—XLIII. (**LVIII. 8. 4**).
5) — 1843 г. Т. LVI—LXI. (**LVIII. 8. 5**)
6) — 1844 г. Т. LXII—LXVII. (**LVIII. 8. 6**)
7) — 1858 г. Т. CXLVII—CLII. (**LVIII. 8. 7**).
8) — 1859 г. (Т. CLIII—CLVII) или №№ 1—12. (**LVIII. 9. 1**).
9) — 1860 г. Т. CLVIII (CLVII?), CLVIII-го 1-я половина и том. CLIX—CLXII. (**LVIII. 9. 2**).
10) — 1861 г. Т. CLXIII—CLXVII и CLXVIII-го 1-я пол. (**LVIII. 9. 3**).
11) — 1862 г. Январь, апрѣль—іюль, сентябрь и декабрь. (**LVIII. 9. 4**).
12) — 1863 г. Январь—декабрь. (**LVIII. 9. 5**)
13) — 1864 г. Январь—февраль и апрѣль—декабрь. (**LVIII. 9. 6**).
14) — 1865 г. Январь—апрѣль, или т. I—II (№№ 1—8). (**LVIII. 9. 7**).

Вѣстникъ Русскій. Журналъ литературный и политическій. 8°. Москва.
1) За 1857 г. Т. VII—XII. (**LVII. 2. 1**).
2) — 1858 г. Т. XIII—XVIII. (**LVII. 2. 2**).
3) — 1859 г. Т. XIX—XXIV. (**LVII. 2. 3**).
4) — 1860 г. Т. XXV—XXX. (**LVII. 2. 4**).
5) — 1861 г. Т. XXXI—XXXVI. (**LVII. 2. 5**).
6) — 1862 г. Т. XXXVII—XLII. (**LVII. 3. 1**).

7) За 1864 г. Т. XLIX—LIV. (LVII. 3. 2).
8) — 1865 г. Т. LV—LX. (LVII. 3. 3).
9) — 1866 г. Т. LXI—LXVI. (LVII. 3. 4).
10) — 1867 г. Т. LXVII—LXXII. (LVII. 3. 5).
11) — 1868 г. Т. LXXIII—LXXVIII. (LVII. 3. 6).
12) — 1869 г. Т. LXXIX—LXXXIV. (LXII. 4. 1).
13) — 1870 г. Т. LXXXV—XC. (LVII. 4. 2).
14) — 1871 г. Т. XCI—XCVI. (LVII 4. 3).
15) — 1872 г. Т. XCVII—CII. (LVII. 4. 4).

Вѣстникъ Европы, издаваемый Ник. *Карамзинымъ*. 8°. Москва.

1) За 1802 г. Ч. III (№№ 9 и 12) и ч. IV (№№ 13—15). (CXXII. 3. 1).
2) — 1804 г. Ч. XIII (№№ 1—4) и ч. XVIII (№ 24). (CXXII. 3. 2).
3) — 1809 г. Ч. XLIV (№№ 5, 7 и 8) и ч. XLVI (№№ 14 и 16). (CXXII. 3. 3).
4) — 1821 г. Ч. XCIX (№ 13 и 14). (CXXII. 3. 4).
5) — 1823 г. № 9. (CXXII. 3 5).

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы.

1) Годъ I (1866). Т. I—IV. (CXXII. 4. 1).
2) — II (1867). Т I—IV. (CXXII. 4. 2).
3) — III (1868). Т. I—VI. (CXXII. 4. 3).
4) — IV (1869). Т. I—VI. (CXXII. 4. 4).
5) — V (1870). Т. I—VI. (CXXII. 4 5).
6) — VI (1871). Т. I—VI. (CXXII. 5. 1).
7) — VII (1872). Т. I—VI. (CXXII 5. 2).

Вѣстникъ Финскій. Учено-литературный журналъ, издаваемый *Дерптскимъ*. 8°. Спб. (LXII. 3. 3).

1) За 1845 г. Т. I—VI.
2) — 1846 г. Т. VII—XII.

Вѣстникъ Казанскій, издаваемый при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. За 1821 г. Ч. I (генварь—апрѣль). 8°. Казань. (LX. 2. 11).

Вѣстникъ сѣверный. За 1804 г. Мартъ, іюнь, іюль и сентябрь—декабрь. 8°. Спб. (LX. 2. 13).

Вѣстникъ заграничный. Журналъ иностранной литературы, науки и жизни. За 1865 г. Т. V—VIII (№№ 1—12). 8°. Спб. (LX 1. 8).

Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи. Историко-литературный журналъ, издаваемый *Говорскимъ*. 8°. Вильна.

1) Годъ I (1862—63). Т. I—IV въ 2 экз. и 3-го экз. т. I—IV безъ №№ 2, 5 и 10. (LXI 1. 1—3).
2) — II (1863—64). Т. I—IV въ 2 экз. и 3-го экз. №№ 8 и 10. (LXI. 1. 4—6).
3) — III (1864—65). Т. I—III въ 3 экз. и 4-го экз. №№ 5, 8, 10 и 12. (LXI. 1. 7—10).
4) — IV (1865—66). Т. I—IV въ 3 экз. и 4-го экз. №№ 2, 3, 6—8 и 11—12. (LXI. 2. 1—5).
5) — V (1866—67). Т. I—IV. 2-го экз. №№ 1—3, 5—6 и 8—11. 3-го экз. №№ 1—3, 5, 9 и 10. (LXI. 2. 6—8).

6) Годъ VI (1867—68). Т. I—IV. 2-го экз. №№ 2—10 и 12. (LXI. 2. 9—10).

7) — VII (1868—69). Т. I—IV безъ № 6-го и 2-го экз. №№ 1, 3 и 4. (LXI. 2. 11—12).

8) — VIII (1870). №№ 3—4 и 6—10. (LXI. 3. 1).

9) — IX (1871). №№ 1—4. 3 экз. (LXI. 3. 2—4).

Геній временъ. За 1808 г. №№ 52—97. 4°. Спб. (LIX. 9. 4).

Гражданинъ. Журналъ политическій и литературный. За 1872 г. Fol. Спб. (LXII. 8. 2).

Денница. Альманахъ на 1834 годъ. 8°. Москва. (LX. 2. 6).

Дѣло. Журналъ учено-литературный №№ I—VI. 8°. 1866—67. Спб. (LIX. 4. 6).

Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. 8°. Спб.

1) За 1834 г. Ч. I—IV. (CXXI. 1. 1).

2) — 1835 г. Ч. V—VIII. (CXXI. 1. 2).

3) — 1836 г. Ч. IX—XII. (CXXI. 1. 3).

4) — 1837 г. Ч. XIII—XVI. (CXXI. 1. 4).

5) — 1838 г. Ч. XVII—XX. (CXXI. 1. 5).

6) — 1839 г. Ч. XXI—XXIV. (CXXI. 1. 6).

7) — 1840 г. Ч. XXV—XXVIII. (CXXI. 1. 7).

8) — 1841 г. Ч. XXIX—XXXII. (CXXI. 1. 8).

9) — 1842 г. Ч. XXXIII—XXXVI. (CXXI. 2. 1).

10) — 1843 г. Ч. XXXVII—XL. (CXXI. 2. 2).

11) — 1844 г. Ч. XLI—XLIV. (CXXI. 2. 3).

12) — 1845 г. Ч. XLV—XLVIII и прибавленія. (CXXI. 2. 4).

13) — 1846 г. Ч. XLIX—LII и прибавленія. (CXXI. 2. 5).

14) — 1847 г. Ч. LIII—LVI и прибавленія. (CXXI. 2. 6).

15) — 1848 г. Ч. LVII—LX и прибавленія. 2 экз. (CXX. 2. 7 и 3. 1).

16) — 1849 г. Ч. LXI—LXIV и прибавленія. 2-го экз. ч. LXI—LXIII. (CXXI. 3. 2—3).

17) — 1851 г. Ч. LXIX—LXXII и прибавленія. (CXXI. 3. 4).

18) — 1852 г. Ч. LXXIII—LXXVI и прибавленія. (CXXI. 3. 5).

19) — 1853 г. Ч LXXVII—LXXX. (CXXI. 3. 6).

20) — 1854 г. Ч. LXXXII—LXXXIV и прибавленія и 2-го экз. т. LXXXII. (CXXI. 3. 7—8).

21) — 1855 г. Ч. LXXXV—LXXXVIII. 2 экз. (CXXI. 4. 1—2).

22) — 1856 г. Ч. LXXXIX—XCII. (CXXI. 4. 3).

23) — 1857 г. Ч. XCIII—XCVI. (CXXI. 4. 4).

24) — 1858 г. Ч. XCVII—C, (CXXI. 4. 5).

25) — 1859 г. Ч. CI—CIV. (CXXI. 4. 6).

26) — 1860 г. Ч. CV—CVIII. (LXXI. 4. 7).

27) — 1861 г. Ч. CIX—CXII. (CXXI. 4. 8).

28) — 1862 г. Ч. CXIII—CXVI. (CXXI. 5. 1).

29) — 1863 г. Ч. CXVII—CXX. (CXXI. 5. 2).

30) — 1867 г. Ч. CXXXIII—CXXXVI. (CXXI. 5. 3).

31) — 1868 г. Ч. CXXXVII—CXL. (CXX. 5. 4).

32) — 1869 г. Ч. CXLI—CXLVI. (CXXI. 5. 5).

33) — 1870 г. Ч. CXLVII—CLII. (CLLI. 6. 1).

34) За 1871 г. Ч. CLIII—CLVIII. (CXXI. 6. 2).
35) — 1872 г. Ч. CLIX—CLXIV. (CXXI. 6. 3).

Журналъ. Министерства внутреннихъ дѣлъ. 8°. Спб.
1) За 1830 г. Ч. II. (LXI. 9. 1).
2) — 1831 г. Ч. IV. (LXI. 9. 2).
3) — 1532 г. Ч. VI и VII. (LXI. 9. 3).
4) — 1833 г. Ч. IX и X. (LXI. 9. 4).
5) — 1834 г. Ч. XI—XIV. (LXI. 9. 5).
6) — 1835 г. Ч. XV—XVIII. (LXI. 9. 6).
7) — 1836 г. Ч. XXI № 7. (LXI. 9. 7).
8) — 1837 г. Ч. XXVI №№ 11 и 12. (LXI. 9. 8).
9) — 1838 г. Ч. XXVII—XXX №№ 1—7, 9 и 10. (LXI. 9. 9).
10) — 1839 г. Ч. XXXI—XXXIV. (LXI. 9. 10).
11) — 1840 г. Ч. XXXV—XXXVIII. (LXII. 1. 1).
12) — 1841 г. Ч. XXXIX—XLII. (LXII. 1. 2).
13) — 1842 г. Ч. XLIII—XLVI. (LXII. 1. 3).
14) — 1843 г. Ч. I—IV. (LXII. 1. 4).
15) — 1844 г. Ч. V—VIII. (LXII. 1. 5).
16) — 1845 г. Ч. IX—XII. (LXII. 1. 6).
17) — 1846 г. Ч. XIII—XVI. (LXII. 1. 7).
18) — 1851 г. Ч. XXXIII—XXXVI. (LXII. 2. 1).
19) — 1852 г. Ч. XXXVII—XL. (LXII. 2. 2).
20) — 1854 г. Ч. IV—IX. (LXII. 2. 3).
21) — 1855 г. Ч. X—XV. (LXII. 2. 4).
22) — 1856 г. Ч. XVI—XXI. (LXII. 2. 5).
23) — 1857 г. Ч. XXII—XXVII. (LXII. 2. 6).
24) — 1858 г. Ч. XXVIII—XXXIII. (LXII. 3. 1).
25) — 1859 г. Ч. XXXIV—XXXIX. (LXII. 3. 2).

Журналъ статистическій, издаваемый Карломъ *Германомъ*. Ч. I—II. 8°. 1806—1807. Спб. (LX. 2. 4).

Записки отечественныя, изд. П. *Свиньинымъ*. 8°. Спб.
1) За 1822 г. Ч. IX—XII. (LVII. 5. 1).
2) — 1828 г. Ч. XXXIII—XXXVI. (LVII. 5. 2).
3) — 1829 г. Ч. XXXVII—XL. (LVII. 5. 3).

Записки отечественныя. Учено-литературный журналъ, изд. *Краевскимъ*. 8°. Спб.
1) Годъ I (1839). Т. I—VII. (LVII. 5. 4).
2) — II (1840). Т. VIII—XIII. (LVII. 5. 5).
3) — III (1841). Т. XIV—XIX. (LVII. 5. 6).
4) — IV (1842). Т. XX—XXV. (LVII. 5. 7).
5) — V (1843). Т. XXVI—XXXI и 2-го экз. т. XXIX—XXXI. (LVII. 5. 8—9).
6) — VI (1844). Т. XXXII кн. 2-я и XXXIV—XXXV. (LVII. 6. 1).
7) — VII (1845). Т. XXXVIII кн. 2-я, XL кн. 2-я, XLII и XLIII-го кн. 2-я. (LVII. 6. 2).
8) — VIII (1846). Т. XLIV—XLIX. (LVII. 6. 3).
9) — IX (1847). Т. L—LV. (LVII. 6. 4).

10) Годъ X (1848). Т. LVI—LXI и 2-го экз. т. LVIII и LIX. (**LVII. 6. 5—6**).
11) — XI (1849). Т. LXII—LXVII и 2-го экз. т. LXII, LXIII и LXVI. (**LVII. 7. 1—2**).
12) — XII (1850). Т. LXVIII—LXXIII. (**LVII. 7. 3**).
13) — XIII (1851). Т. LXXIV—LXXVI, LXXVIII и LXXIX. (**LVII. 7. 4**).
14) — XIV (1852). Т. LXXXIV и LXXXV. (**LVII. 7. 5**).
15) — XV (1853). Т. LXXXVI—XCI. (**LVII. 7. 6**).
16) — XVI (1854). Т. XCII—XCIII и XCV—XCVII. (**LVII. 8. 1**).
17) — XVII (1855). Т. XCVIII—CIII. (**LVII. 8. 2**).
18) — XVIII (1856). Т. CV—CIX. (**LVII. 8. 3**).
19) — XX (1858). Т. CXV—CXXI. (**LVII. 8. 4**).
20) — XXI (1859). Т. CXXII—CXXVII безъ № 9. (**LVII. 8. 5**).
21) — XXII (1860). Т. CXXVIII—CXXXIII. (**LVII. 8. 6**).
22) — XXIII (1861). Т. CXXXIV—CXXXIX. (**LVII. 9. 1**).
23) — XXIV (1862). Т. CXL—CXLV. (**LVII. 9. 2**).
24) — XXV (1863). Т. CXLVI—CLI. (**LVII. 9. 3**).
25) — XXVI (1864). Т. CLII—CLVII. (**LVII. 9. 4**).
26) — XXVIII (1866). Т. CLXIV—CLXIX. (**LVII. 9. 5**).
27) — XXIX (1867). Т. CLXX—CLXXV. (**LVII. 9. 6**).
28) — XXX (1868). Т. CLXXVI—CLXXXI. (**LVIII. 1. 1**).
29) — XXXII (1870). Т. CLXXXVIII—CXCIII. (**LVIII. 1. 3**).
30) — XXXIII (1871). Т. CXCIV—CXCIX. (**LVIII. 1. 4**).
31) — XXXIV (1872). Т. CC—CCV. (**LVIII 1. 6**).

Записки (ученыя) Императорскаго Казанскаго университета. 8° и 4°. Казань.

1) За 1835 г. Кн. I и III. (**CV. 3. 1**).
2) — 1836 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 2**).
3) — 1837 г. Кн. II—IV. (**CV. 3. 3**).
4) — 1838 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 4**).
5) — 1839 г. Кн. I—IV. (**LV. 3. 5**).
6) — 1840 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 6**).
7) — 1841 г. Кн. I—IV и 2-го экз. кн. IV. (**CV. 3. 7—8**).
8) — 1842 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 9**).
9) — 1843 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 10**).
10) — 1844 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 11**).
11) — 1845 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 12**).
12) — 1846 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 13**).
13) — 1847 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 14**).
14) — 1848 г. Кн. I—IV и 2-го экз. кн. I—II. (**CV. 3. 15—16**).
15) — 1849 г. Кн. I—IV, въ одн. пир. (**CV. 3. 17**).
16) — 1850 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 18**).
17) — 1851 г. Кн. I—IV и 2-го экз. кн. I. (**CV. 3. 19—20**).
18) — 1852 г. Кн. I—IV. (**CV. 3. 21**).
19) — 1853 г. Кн. I—IV и 2-го экз. кн. IV. (**CX. 4. 1—2**).
20) — 1854 г. Кн. I—IV. (**CV. 4. 3**).
21) — 1855 г. Кн. I—IV. (**CV. 4. 4**).
22) — 1856 г. Кн. I—IV. (**CV. 4. 5**).

23) За 1857 г. Кн. I—IV. (CV. 4. 6).
24) — 1858 г. Кн. I—IV. (CV. 4. 7).
25) — 1859 г. Кн. I—IV. (CV. 4. 8).
26) — 1860 г. Кн. I—IV. (CV. 4. 9).
27) — 1861 г. I—IV и 2-го экз кн. IV. (CV. 4. 10—11).
28) — 1862 г. Вып. I—II. (По отдѣл. историко-филологическихъ и политико-юридич. наукъ). (CV. 4. 12).
29) — 1862 г. Вып. I—II. (По отдѣл. физикоматематическихъ и медицинскихъ наукъ). (CV. 4. 13).
30) — 1863 г. Вып. I—II. (По отд. историко-филологическихъ наукъ). (CV. 4. 14).
31) — 1863 г. Вып. I—II. (По отдѣл. физикоматематическихъ наукъ). (CV. 4. 15).
32) — 1864 г. Вып. I—II. (По отдѣл. историко-филологическихъ наукъ). (CV. 4. 16).
33) — 1864 г. Вып. I—II. (По отдѣл. физикоматематическихъ наукъ). (CV. 4. 17).
34) — 1865 г. Т. I. (CV. 4. 18).
35) — 1866 г. Т. II. (CV. 4. 19).
36) — 1867 г. Т. III. (CV. 4. 20).
37) — 1868 г. Т. IV. (CV. 4. 21).
38) — 1869 г. Т. V. (CV. 4. 22).
39) — 1870 г. Т. VI-го вып. 3—6. (CV. 4. 23).
40) — 1871 г. Т. VII. (CV. 4 24).
41) — 1872 г. Т. VIII. (CV. 4. 25).

Заря. Журналъ учено-литературный и политическій, изд. *Кашпиревымъ.* 8°. Спб.
1) Годъ III (1871). Кн. I—XII. (LXI. 3. 7).
2) — IV (1872). Кн. I—II. (LXI. 3. 8).

Извѣстія Россійской академіи. Кн. I—XII. 8°. 1813—28. Спб. (LXII. 7. 4).

Извѣстія академическія. Ч. I—VII. 8°. 1779—1781. Спб. (LXII. 7. 5).

Изданіе (повременное) Императорской Россійской академіи. Ч. I. 8°. 1829. Спб. (LXII. 7. 1).

Извѣстія Варшавскія университетскія. 8°. Варшава.
1) За 1870 г. № 1, 2, 4—6, (CV. 1. 1).
2) — 1871 г. №№ 1—6. (CV. 1. 2).
3) — 1872 г. №№ 1—6. (CV. 1. 3).

Извѣстія Московскія университетскія. 8°. Москва.
1) За 1866—67 г. №№ 1—12. (CV. 2. 1).
2) — 1868 г. №№ 1—9. (CV. 2. 2).
3) — 1869 г. №№ 1 и 3—9. (CV. 2. 3).
4) — 1870 г. №№ 1—9. (CV. 2. 4).
5) — 1871 г. №№ 1—9. (CV. 2. 5).
6) — 1872 г. №№ 1—4. (CV. 2. 6).

Извѣстія Кіевскія университетскія. 8°. Кіевъ.
1) За 1861 г. №№ 2, 3 и 4. (Октябрь—декабрь). (CVI. 4. 1).
2) — 1862 г. №№ 1—12. (CVI. 4. 2).

3) За 1863 г. №№ 1—12. (CVI. 4. 3).
4) — 1864 г. №№ 1—12. (CVI. 4. 4).
5) — 1865 г. №№ 1—8 и 10—12, (CVI. 4. 5).
6) — 1866 г. №№ 1—12. (CVI. 4. 6).
7) — 1867 г. №№ 1—12. (CVI. 4. 7).
8) — 1868 г. №№ 1—12. (CVI. 4. 8).
9) — 1869 г. №№ 1—12. (CVI. 5. 1).
10) — 1870 г. №№ 1—12. (CVI 5. 2).
11) — 1871 г. №№ 1—12. (CVI. 5. 3).
12) — 1872 г. №№ 1—12. (CVI. 5. 4).

Иллюстрація всемірная. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. 4°. Спб. (LXII. 8. 3).

1) За 1870 г. Т III—IV.
2) — 1871 г. Т. V—VI.

Кіевлянинъ, издаваемый Мих. *Максимовичемъ*. (LX. 2. 10).

1) На 1840 г. Кн. I. 8°. 1840. Кіевъ.
2) — 1850 г. Кн. III. 8°. 1850. Кіевъ.

Маякъ. Журналъ современнаго просвѣщенія, искусства и образованности въ духѣ народности русской. Изд. *Бурачекъ*. 8°. Спб.

1) За 1840 г. Ч. I—XII. 2 экз. (LXII. 4. 1—2).
2) — 1841 г. Ч. XIII—XXIV. 2 экз. (LXII. 4. 3—4).
3) — 1842 г. Т. I—VI. 2 экз. (LXII. 4. 5—6).
4) — 1843 г. Т. VII—XII. 2 экз. (LXII. 5. 1—2).
5) — 1844 г. Т. XIII—XVIII. 2 экз. (LXII. 5. 3—4).

Москвитянинъ. Учено-литературный журналъ, издаваемый *Погодинымъ*. 8°. Москва.

1) За 1841 г. Ч. I—VI. (LXI. 4. 1).
2) — 1842 г. Ч. I—VI и 2-го экз. ч. VI. (LXI. 4. 2—3).
3) — 1843 г. Ч. I—V. (LXI. 4. 4).
4) — 1844 г. Ч. I—VI. (LXI. 4. 5).
5) — 1845 г. Ч. I—VI. (LXI. 4. 6).
6) — 1846 г. Ч. I—VI. (LXI. 5. 1).
7) — 1847 г. Ч. I—IV. (LXI. 5. 2).
8) — 1848 г. Ч. I-ой 2-я полов. и ч. II—VI. (LXI. 5. 3).
9) — 1849 г. Ч. I—VI. (LXI. 5. 4).
10) — 1853 г. Т. I—VI. (LXI. 5. 5).
11) — 1854 г. Т. I—VI. (LXI 6. 1).
12) — 1855 г. Т. I—VI (№№ 1—4 и 7—24. (LXI. 6. 2).
13) — 1856 г. Т. I №№ 1 и 3 и ч. II—VI. (LXI. 6. 3).

Обозрѣніе Московское. На 1859 г. Кн. I—II. 8°. Москва. (LXII. 3. 4).

Протоколы засѣданій Императорскаго Харьковскаго университета и приложенія къ нимъ. 8°. Харьковъ.

1) За 1867 г. №№ 1—8. (CVI. 3. 1).
2) — 1868 г. №№ 3—9. (CVI. 3. 2).
3) — 1869 г. №№ 1—9. (CVI. 3. 3).
4) — 1870 г. №№ 1—7. (CVI. 3. 4).
5) — 1871 г. №№ 1—9. (CVI. 3. 5).
6) — 1872 г. №№ 1—9. (CVI. 3. 6).

Сборникъ живописный за 1858 г. 4° 1858. Спб. (LX. 8 1).

Сборникъ морской, издаваемый морскимъ комитетомъ. 8°. Спб,

1) За 1858 г. Т. XXXIII—XXXVIII. (№№ 2—11). (LIX. 1. 1).
2) — 1864 г. Т. LXX—LXXV. (LIX. 1. 2)
3) — 1865 г. Т. LXXVI—LXXXI. (LIX. 1. 3).
4) — 1866 г. Т. LXXXII—LXXXVII. (LIX. 1. 4).
5) — 1867 г. Т. LXXXVIII—XCIII. (LIX. 1. 5).
6) — 1868 г. Т. XCIV—XCIX. (LIX. 2. 1).

Свѣтъ утреній. Ежемѣсячное изданіе. Части I—IX. 8°. 1777—1780. Спб. и Москва. (LX. 2. 1).

Слово русское. Журналъ литературно-ученый и политическій. 8°.

1) За 1859 г. Янв.—дек. (LIX. 2. 2).
2) — 1860 г. Янв.—дек. (LIX. 2. 3).
3) — 1865 г. Янв.—дек. (LIX. 2. 4).
4) — 1866 г. Янв.—дек. (LIX. 2. 5).

Современникъ. Журналъ литературный и политическій, издаваемый *Никитенко* и *Некрасовымъ* 8°. Спб.

1) За 1848 г. Т. VII—XII, 2-го экз. т. VIII—XII и 3-го экз. т. XI. (LX. 3. 1—3).
2) — 1849 г. Т. XIII—XVIII и 2-го экз. т. XIV—XVI и XVIII. (LX. 3. 4—5).
3) — 1851 г. Т XXV—XXX. (LX. 4. 1).
4) — 1852 г. Т. XXXI—XXXIV и XXXVI. (LX. 4. 2).
5) — 1853 г. Т. XXXVII—XLI и XLII-го кн. 1-я. (LX. 4. 3).
6) — 1854 г. Т. XLIV—XLVIII. (LX. 4. 4).
7) — 1855 г. Т. XLIX—LIV. (LX. 5. 1).
8) — 1856 г. Т. LV ч. 2. LVI—LVIII, LIX ч. 2 и LX ч. 2 или №№ 2—8, 10 и 12. (LX. 5. 2).
9) — 1858 г. Т. LXVII—LXXII. (LX. 5. 3).
10) — 1859 г. Т. LXXIII—LXXVIII. (LX. 5. 4).
11) — 1860 г. Т. LXXIX—LXXXIV. (LX. 6. 1).
12) — 1861 г. Т. LXXXV—XC. (LX. 6. 2).
13) — 1862 г. Т. XCI—XCII и XCIII-го ч. 1-я. (LX. 6. 3).
14) — 1863 г. Т. XCIV—XCIX. (LX. 6. 4).
15) — 1864 г. Т. C—CV. (LX. 7. 1).
16) — 1866 г. Т. CXII—CXIII. (LX. 7. 2).

Сочиненіе періодическое о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. №№ I—XXIV. 8°. 1803—1808. Спб. (LXII. 7. 2).

Сынъ отечества. Историческій, политическій и литературный журналъ. 8°. Спб.

1) За 1817 г. Ч. XXXV—XLII. (LX. 1. 1).
2) — 1818 г. Ч. XLIII—L. (LX. 1. 2).
3) — 1819 г. Ч. LI—LVIII. (LX. 1. 3).
4) — 1820 г. Ч. LIX—LXVI. (LX. 1. 4).
5) — 1821 г. Ч. LXVII—LXXII. (LX. 1. 5).
6) — 1822 г. Ч. LXXV—LXXXII. (LX. 1. 6).
7) — 1823 г. Ч. LXXXIII—LXXXVI и LXXXIX—XC. (LX. 1. 7).

Телеграфъ московскій. Журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, изд. *Полевымъ*. 8°. Москва.

1) За 1825 г. Ч. III. (LIX. 3. 1).
2) — 1826 г. Ч. IX—XI и XII-ой № 22. (LIX. 3. 2).
3) — 1827 г. Ч. XIII—XVIII. (LIX. 3. 3).
4) — 1828 г. Ч. XIX—XXIV. (LIX. 3. 4).
5) — 1829 г. Ч. XXV—XXX. (LIX. 3. 5).
6) — 1830 г. Ч. XXXI—XXXVI (№№ 1—14, 16, 18 и 22—24). (LIX. 3. 6)
7) — 1831 г. Ч. XXXVII—XLII. (LIX. 3. 7).
8) — 1832 г. Ч. XLIII (№№ 3 и 4) и XLIV—XLVIII. (LIX. 3. 8).
9) — 1833 г. Ч. XLIX—LIII. (LIX. 4. 1).
10) — 1834 г. Ч. LV. (LIX. 4. 2).

Часы утренніе. Еженедѣльное изданіе. Ч. I—IV. 8°. 1788. Спб. (LX. 2. 8).

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 8°. Москва.

1) Годъ первый (1845—46) №№ 2—4. (LIX. 5. 1).
2) — второй (1846—47) №№ 1—9. (LIX. 5. 2).
3) — третій (1847—48) №№ 1—9. (LIX. 5. 3).
4) — четвертый (1848—49). Кн. I. (LIX. 5. 4).
5) За 1858 г. Кн. I—IV. (LIX. 5. 5).
6) — 1559 г. Кн. I—IV. (LIX. 5. 6).
7) — 1860 г. Кн. I—IV. (LIX. 5. 7—8).
8) — 1861 г. Кн. I—IV. (LIX. 5. 9).
9) — 1862 г. Кн. I—IV. (LIX. 5. 10).
10) — 1863 г. Кн. I—IV. (LIX. 5. 11).
11) — 1864 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 1).
12) — 1865 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 2).
13) — 1866 г. Кн. I—IV. (LXI. 6. 3).
14) — 1867 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 4).
15) — 1868 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 5).
16) — 1869 г. Кн. I—IV. (LXI. 6. 6).
17) — 1870 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 7).
18) — 1871 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 8)
19) — 1872 г. Кн. I—IV. (LIX. 6. 9).

Эпоха. Журналъ литературный и политическій, издаваемый семействомъ М. *Достоевскаго*. За 1865 г. № 2 февраль. 8°. Спб. (LX. 2. 7).

4) ГАЗЕТЫ.

Ομονοια. Εφημεριϛ εν Κονϛαντινουπολει. Ετοϛ 1863. №№ 1—28, 31—36, 41—50, 55—91, 163—170, 174—195. Fol. (CXII. 8. 6).

Вѣдомости Казанскія губернскія. 4° и Fol. Казань.

1) За 1843 г. (CVII. 7. 1).
2) — 1844 г. (CVII. 7. 2).
3) — 1845 г. (CVII. 7. 3).
4) — 1846 г. (CVII. 7. 4).

5) За 1847 г. (CVII. 7. 5).
6) — 1848 г. (CVII. 7. 6).
7) — 1849 г. (CVII. 7. 7).
8) — 1850 г. (CVII. 7. 8).
9) — 1851 г. (CVII. 7. 9).
10) — 1852 г. (CVII. 7. 10).
11) — 1853 г. (CVII. 7. 11).
12) — 1854 г. (CVII. 7. 12).
13) — 1855 г. (CVII. 7. 13).
14) — 1856 г. (CVII. 7. 14).
15) — 1857 г. (CVII. 7. 15).
16) — 1858 г. (CVII. 7. 16).
17) — 1859 г. (CVII. 7. 17).
18) — 1860 г. (CVII. 7. 18).
19) — 1861 г. (CVII. 7. 19).
20) — 1862 г. (CVII. 7. 20).
21) — 1868 г. (CVII. 8. 1).
22) — 1869 г. (CVII 8. 2).
23) — 1870 г. (CVII. 8. 3).
24) — 1871 г. (CVII. 8. 4).

Вѣдомости Московскія. Газета. Fol. Москва.

1) За 1845 г. (CIII. 9. 1).
2) — 1846 г. (CIII. 9. 2).
3) — 1847 г. (CIII. 9. 3).
4) — 1848 г. (CIII. 9. 4).
5) — 1849 г. (CIII. 9. 5).
6) — 1850 г. (CIII. 9. 6).
7) — 1851 г. (CIII. 9. 7).
8) — 1852 г. (CIII. 9. 8).
9) — 1853 г. (CIII. 9. 9).
10) — 1854 г. (CIII. 9. 10).
11) — 1855 г. (CIII. 9. 11).
12) — 1856 г. (CIII. 9. 12).
13) — 1857 г. (CIII. 9. 13).
14) — 1858 г. 2 экз. (CIII. 9. 14—15).
15) — 1859 г. (CIV. 8. 1).
16) — 1860 г. (CIV. 8. 2).
17) — 1861 г. (CIV. 8. 3).
18) — 1862 г. (CIV. 8. 4).
19) — 1863 г. (CIV. 8. 5).
20) — 1864 г. (CIV. 8. 6).
21) — 1865 г. (CIV. 8. 7).
22) — 1866 г. (CIV. 8. 8).
23) — 1867 г. (CIV. 8. 9).
24) — 1869 г. (CIV. 8. 10).
25) — 1870 г. (CIV. 8. 11).
26) — 1871 г. (CIV. 8. 12).
27) — 1872 г. (CIV. 8. 13).

Вѣдомости С.-Петербургскія. Газета политическая и литературная. Fol. Спб.

1) За 1858 г. (CXI. 8. 1).
2) — 1859 г. (CXI. 8. 2).
3) — 1860 г. (CXI. 8. 3).
4) — 1861 г. (CXI. 8. 4).
5) — 1862 г. (CXI. 8. 5).
6) — 1863 г. (CXI. 9. 1).
7) — 1864 г. (CXI. 9. 2).

Вѣстникъ Виленскій. Газета политическая и литературная. Fol. Вильна.

1) За 1866 г. (CXI. 9. 3).
2) — 1867 г. (CXI. 9. 4).
3) — 1868 г. (CXI. 9. 5).
4) — 1869 г. (CXI. 9. 6).
5) — 1870 г. (CXI. 9. 7).

Вѣстникъ Правительственный. Газета. Fol. Спб.

1) За 1869 г. (CX. 8. 7).
2) — 1870 г. (CX. 8. 8).
3) — 1872 г. (CX. 8. 9).

Вѣстникъ русскихъ евреевъ. Газета. 4°. Спб. (LIX. 9. 3).

1) За 1871 г. №№ 1—11.
2) — 1872 г. №№ 1—26.

Газета вечерняя политическая и литературная. Fol. Спб.

1) За 1867 г. (CXIII. 9. 1).
2) — 1868 г. (CXIII. 9. 2).
3) — 1869 г. (CXIII. 9. 3).
4) — 1870 г. (CXIII. 9. 4).
5) — 1871 г. (CXIII. 9. 5).
6) — 1872 г. (CXIII. 9. 6).

Газета литературная. За 1847 г. 8°. 1847. Спб. (LIX. 9. 2).

Газета художественная. За 1840 г. 8°. 1840. Спб. (LIX. 9. 16).

Голосъ. Газета политическая и литературная. Fol. Спб.

1) За 1865 г. (CXIII. 8. 1).
2) — 1870 г. (CXIII. 8. 2).
3) — 1871 г. (CXIII. 8. 3).

День. Еженедѣльная газета, издаваемая Ив. *Аксаковымъ*. 4°. Москва.

1) За 1862 г. (LIX. 9. 12).
2) — 1863 г. (LIX. 9. 13).
3) — 1864 г. (LIX. 9. 14).
4) — 1865 г. (LIX. 9. 15).

Другъ народа. Еженедѣльная газета. За 1871 г. №№ 2—18. 8°. Кіевъ. (LIX. 9. 17).

Извѣстія современныя политическія, общественныя, церковныя, ученыя, литературныя, художественныя. Fol. Москва.

1) За 1868 г. (CVIII. 7. 1).
2) — 1869 г. (CVIII. 7. 2).
3) — 1870 г. (CVIII. 7. 3).
4) — 1871 г. (CVIII. 7. 4).
5) — 1872 г. (CVIII. 7. 5).

Инвалидъ русскій. Вѣдомости военныя, политическія, ученыя и литературныя. Fol. Спб.

1) За 1863 г. съ прибавленіями. (CXII. 8. 1).
2) — 1866 г. (CXII. 8. 2).
3) — 1867 г. (CXII. 8. 3).
4) — 1868 г. (CXII. 8. 4).

Листокъ Казанскій биржевой. За 1871 г. №№ 1—45, 48—59, 61—71, 73—77, 79—102. Fol. 1871. Казань. (CXII. 8. 7).

Листокъ (Справочный) г. Казани. За 1867 г. №№ 1—146. Fol. 1867. Казань. (CXII. 8. 8).

Листокъ Современный. 4° и Fol. Спб.

1) За 1863 г. (CX. 7. 1).
2) — 1864 г. 2 экз. (CX. 7. 2—3).
3) — 1865 г. (CX. 7. 4).
4) — 1866 г. I и II полугодіе. (CX. 7. 5).
5) — 1867 г. I и II полугодіе. (CX. 7. 6).
6) — 1868 г. I и II полугодіе. (CX. 7. 7).
7) — 1869 г. I и II полугодіе. (CX. 7. 8).
8) — 1870 г. I и II полугодіе. (CX. 7. 9).
9) — 1871 г (CX. 7. 10).

Лѣтопись Современная. Воскресныя прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ. 4°. Москва.

1) За 1861 г. (CIII. 8. 4).
2) — 1862 г. (CIII. 8. 5).
3) — 1863 г. (CIII. 8. 6).
4) — 1864 г. (CIII. 8. 7).
5) — 1865 г. (CIII. 8. 8).
6) — 1866 г. (CIII. 8. 9).
7) — 1867 г. (CIII. 8. 10).
8) — 1869 г. (CIII 8. 11).
9) — 1870 г. (CIII. 8. 12).
10) — 1871 г. (CIII. 8. 13).

Москва. Газета политическая, экономическая и литературная. Fol. Москва.

1) За 1867 г. (CIII. 8. 1).
2) — 1868 г. (CIII. 8. 2).

Москвичъ. Газета политическая, экономическая и литературная. За 1867—68 г. №№ 1—12, 14—16, 19, 21, 22, 25—31 и 33—37. Fol. Москва. (CIII. 8. 3).

Образованіе и Промышленность. Газета экономическая, политическая и литературная. За 1872 г №№ 1—20. (CXII. 8. 5).

Почта сѣверная. Газета Министерства внутреннихъ дѣлъ. Fol. Спб.

1) За 1862 г. (CXII. 9. 1).
2) — 1863 г. (CXII. 9. 2).
3) — 1864 г. (CXII. 9. 3).
4) — 1865 г. (CXII. 9. 4).
5) — 1866 г. (CXII. 9. 5).
6) — 1867 г. (CXII. 9. 6).
7) — 1868 г. (CXII. 9. 7).

Пчела Сѣверная. Газета политическая и литературная. Fol. Спб.
1) За 1843 г. (CX. 8. 1).
2) — 1844 г. (CX. 8. 2).
3) — 1855 г. (CX. 8. 3).
4) — 1856 г. (CX. 8. 4).
5) — 1863 г. (CX. 8. 5).
6) — 1864 г. (CX. 8. 6).

Современность. Газета. Fol. Спб.
1) За 1871 г. (CX. 7. 11).
2) — 1872 г. (CX. 7. 12).

5) УКАЗАТЕЛИ КЪ ЖУРНАЛАМЪ.

Барсовъ (Николай). Систематическій указатель къ «Христіанскому Чтенію» за 1821—1870 годы. 8°. 1871. Спб. 2 экз. (LX. 7. 3—4).

Указатель сочиненій, содержащихся во всѣхъ 88 частяхъ «Христіанскаго Чтенія», вышедшихъ съ 1821 г. по 1842 г. включительно. 8°. 1842. Спб. 3 экз. (LX. 7. 13—15).

Гречулевичъ (В.). Указатель духовнаго учено-литературнаго журнала «Страникъ». За первое десятилѣтіе его изданія (1860—69 г.). 8°. 1870. Спб. (LX. 7. 16).

Указатель статей, содержащихся въ XXV годахъ «Воскреснаго Чтенія» съ I (1837—38) по XXV (1861—62 г.). 8°. 1863. Кіевъ. (LX. 7. 25).

Указатель сочиненій содержащихся въ десяти годахъ «Воскреснаго Чтенія». (Съ 1837—38 по 1846—47 г. включительно). 4°. 1849. Кіевъ (LX. 7. 33).

Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ» за первые 10 лѣтъ изданія его съ 1855 по 1864 г. 8°. 1865. Казань. 5 экз. (LX. 7. 34—38).

Ефремовъ. Указатель къ «Православному Обозрѣнію» 1860—70 г. 8°. 1872. Москва. 3 экз. (LX. 7. 46—48).

Указатель (алфавитный) къ «Отечественнымъ Запискамъ»: 1) 1839—43 годовъ и 2) 1844—48 годовъ. 8°. Спб. (LX. 7. 71).

Указатель къ неоффиціальной части повременныхъ изданій Министерства народнаго просвѣщенія за 1803—1853 годы. 8°. 1856. Спб. (LX. 7. 74).

XIII. МѢСЯЦЕСЛОВЫ И АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРИ.

Geschichtskalender. (Безъ выходнаго листа). 8°. (CI. 4. 1).

Palkowice. Nowý ý starý kalendár. 8°.
1) Na rok Páně 1846. (CI. 4. 3).
2) — rok Páně 1847. (CI. 4. 2).

Адресъ-календарь. Общая роспись всѣхъ чиновныхъ особъ въ государствѣ на 1853 г. Ч. I—II. 8°. Спб. (Cl. 4. 13).

Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ на 1865—66 годъ. Ч. I—II. 8°. 1865. Спб. (Cl. 4. 14).

Мѣсяцесловъ и общій штатъ Россійской имперіи на 1836 г. Ч. I—II. 8°. Спб. (Cl. 4. 22).

Мѣсяцесловъ. 8°. Спб.

1) На лѣто отъ Рождества Христова 1826. (Cl. 4. 11).
2) — 1832 г. (Cl. 4. 10).
3) — 1833 г. (Cl. 4. 9).
4) — 1834 г. (Cl. 4. 8).
5) — 1835 г. (Cl. 4. 7).
6) — 1836 г. (Cl. 4. 6).

Мѣсяцесловъ *западно-русскій* на 1865 г. 8°. 1864. Вильна. (Cl. 4. 25).

Мѣсяцесловъ или календарь *вѣчный* (болгарскій). 8°. 1840. Букурещъ. (Cl. 4. 4).

Мѣсяцесловъ *хозяйственный* на лѣто 1865. 8°. 1865. Вильна. (Cl. 4. 23)

Мѣсяцесловъ полный христіанскій святыхъ, празднуемыхъ православною *греко-восточною церковію*. 8°. 1818. Москва. (Cl. 4. 24).

XIV. КАТАЛОГИ.

Bibliotheca arabica. Ed. *Schnurrer*. 8°, 1811. Halae. (LXXIX. 1. 6).

Dictionnaire bibliographique, historique et critique des livres rares. Tom. I—IV. 8°. 1802. Paris. (L. 6. 11).

Enslin (Th. Chr. Fr.). Bibliotheca theologica, oder Verzeichniss aller brauchbaren, in ätterer und neuerer Zeit, bis zum Schluss des Jahres 1831 in Deutschland erschienenen Werke über alle Theile der wissenschaftliche nund practischen, besonders protestantischen Theologie. 8°. 1833. Stuttgart. (L. 6. 19).

Hoppe (Hermann). 1801—1868. Katalog der wichtigeren, hervorragenden und besseren Schriften deutscher Litteratur, welche in den Jahren 1801 bis Ende 1868 erschienen sind. 8°. 1871. St. Petersburg. (L. 6. 2).

Reinwald (C.). Catalogue annuel. V (1862) année. 8°. 1863. (L. 6. 25).

Thesaurus librorum rei catholicae. Handbuch der Bücherkunde der gesammten Literatur des Catholicismus und zunächst der catholischen Theologie. Zwei Bände und Ergänzungsheft. 8°. 1850. Würzburg. 2 exempl. (L. 6. 20 и (LXXXVIII. 6. 11).

Verzeichniss der Bücher, Landkarten et caet., welche neu erschienen oder neu ausgelegt werden sind zu finden mit Beobachtung der gesetzlichen Censurvorschriften zu beziegen durch Nicolai Kymmel in Riga. 8°. (L. 7. 1).

1) Auf 1842 Jahr. I—II Hälfte.
2) — 1843 Jahr. I—II Hälfte.
3) — 1844 Jahr. I—II Hälfte.

4) Auf 1845 Jahr. I—II Hälfte.
5) — 1846 J. I—II Hälfte.
6) — 1847 J. I—II Hälfte.
7) — 1848 J. I—II Hälfte.
8) — 1849 J. I—II Hälfte.
9) — 1850 J. I—II Hälfte.
10) — 1851 J. I—II Hälfte.
11) — 1852 J. I—II Hälfte.
12) — 1853 J. I—II Hälfte.
13) — 1854 J. I—II Hälfte.
14) — 1855 J. II Hälfte.
15) — 1856 J. II Hälfte.
16) — 1858 J. I—II Hälfte.
17) — 1859 J. I—II Hälfte.
18) — 1860 J. I—II Hälfte.
19) — 1861 J. I—II Hälfte.
20) — 1862 J. I—II Hälfte.
21) — 1864 J. I—II Hälfte.
22) — 1865 J. I—II Hälfte.
23) — 1866 J. I—II Hälfte.
24) — 1867 J. I—II Hälfte.
25) — 1868 J. I—II Hälfte.
26) — 1869 J. I—II Hälfte.
27) — 1870 J. I—II Hälfte.
28) — 1871 J. I—II Hälfte.
29) — 1872 J. I—II Hälfte.

Zenker (Th.). Bibliotheca orientalis. Manuel de bibliographie orientale. Tom. I—II. 8°. 1846—61. Leipzig. (LXXVII. 1. 14).

Каталогъ книгамъ *Казанской городской* публичной библіотеки. 8°. 1870. Казань. (L. 6. 21).

Каталогъ русскаго отдѣленія книжнаго магазина Мавр. Осип. *Вольфа*. (Съ 1830 по 1870 г.). Вып. II стр. 161—320. 8°. Спб. (L. 6. 23).

Каталогъ русскаго отдѣленія книжнаго магазина Мавр. Осип. *Вольфа*. 8°. 1862. Спб. (L. 6. 22).

Каталогъ русскихъ книгъ. Изданіе Я. А. *Исакова*. 8°. 1868—69. Спб. (L. 6. 18).

Каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ В. А. *Исакова*. 8°. 1848. Спб. (L. 6. 17).

Каталогъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій педагогическаго отдѣла *Военнаго министерства*. (Выставка 1870 г.). 8°. 1871. Спб. (L. 6. 15).

Межовъ (В. И.). Первое и второе прибавленія къ систематическому каталогу русскихъ книгъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Базунова*. 1-е преимущественно за 1869 г. съ дополненіями къ 1867 и 1868 г.; 2-е за 1870 г. 8°. 1870—72. Спб. (L. 6. 8).

Межовъ (В. И.). Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ книжнаго магазина *Базунова*. 8°. 1869. Спб. (L. 6. 6).

Прибавленіе (первое) къ каталогу русскаго отдѣленія книжнаго магазина Мавр. Осип. *Вольфа*. (Съ 1870—72 г.). Вып. I 1873 г. (стр. 1—144). 8°. Спб. (L. 6. 24).

Реэстръ русскимъ книгамъ, географическимъ атласамъ, картамъ и планамъ, продающимся у почетн. гражд. Ильи *Глазунова*. 8°. 1845. Спб. (L. 6. 16).

Реэстръ (систематическій) русскимъ книгамъ съ 1831—46 г. Изд. *Ольхина*. 8°. 1846. Спб. (L. 6. 3).

XV. АТЛАСЫ, КАРТЫ И ТАБЛИЦЫ.

1) АТЛАСЫ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ.

Atlas (Nouvel) ou théatre du monde. Part. I—III. Fol. 1649. Amstel. (CI. 6. 6).

Atlantis Majoris quinta pars, orbem maritimum, seu omnium marium totius orbis terrarum navigationibus hodierno tempore frequentatorum descriptionem accuratissimam continens. Editio novissima. Fol. 1657. Amstelaedami. (CI. 6. 5).

Blaev (Wilh. und Joan.). Novus atlas, das ist Weltbeschreibung. Mit schönen neuen ausführlichen Land—Taffeln in Kupffer gestochen. Theile I und IV. (Безъ выходнаго листа). Fol. 1849. Amsterd. (CI. 6. 10).

Blaev (Guil. et Joan.). Theatrum orbis terrarum, sive atlas novus. III pars cum appendice I et II partium, ante hac editarum. Fol. 1645. Amsterdami. (CI. 6. 11).

Buy de Mornar. Atlas méthodique et élémentaire de géographie et d' histoire. Fol. 1761. Paris. (CI. 6. 28).

Carta di posta d' Italia. Wien. (CI. 5. 11).

Grimm, Ritter und **o' Etzel**. Atlas von Asien zu C. Ritters «Allgemeiner Erdkunde» II Abtheilung. Erste (bis vierte) Lieferung von Grimm. Herausgegeben durch Ritter und o' Etzel. Fol. 1833. Berlin. (CI. 5. 29).

Homannus. Atlas geographicus et topographicus. Fol. (CI. 6. 4).

Homannus. Atlas universalis. Fol. (CI. 6. 7).

Kiepert (Heinrich). Wandkarte der alten Welt. Fol. 1870. Berlin. (CI. 8. 4).

Van Loon (Johannes). Klaer—Lichtende Noort—Star oste Zee—Atlas. Fol. 1668. Amsterdam. (CI. 6. 9).

Ritter und **o' Etzel**. Hand—Atlas von Asien. Fol. 1831. Berlin. (CI. 6. 30).

Tabula itineraria ex illustri Peutingerorum Bibliotheca, quae Augustae Vindelicorum beneficio M. Velseri in lucem edita. (Карта). (CI. 4. 34).

Атласъ Россійской имперіи. 4°. 1835. Спб. (CI. 4. 39).

Великобританія. (Карта). (CI. 6. 23).

Изображеніе земнаго шара. (Карта). 1825. Спб. (CI. 9. 10).

Ильинъ и Полторацкій. Карта европейской и азіатской Россіи. Fol. 1863. Спб. (CI. 9. 4)

Испанія и Португалія. (Карта) (CI. 6. 20).

Италія. (Карта) (CI. 6. 19).

Карта (подробная) Европы. Изданіе военно-топогр. Депо. 1827. Спб. (CI. 5. 13).

Карта (подробная) пятой части свѣта, содержащая азіатскій архипелагъ, Австралію и Полинезію. 1827. (Cl. 5. 6).

Карта (подробная) южной Америки. Изд военно-топогр. Депо. 1827. Спб. (Cl. 5. 7).

Карта (подробная) сѣверной Америки. Изд. военно-топогр. Депо. 1827. Спб. Другой экз. безъ означенія года и мѣста изданія. (Cl. 5. 8 и 5. 17).

Карта (подробная) Африки Изд. военно-топогр. Депо. 1827. Спб. (Cl. 5. 9).

Карта (подробная) Азіи. Изд. военно-топогр. Депо. 1827. Спб. (Cl. 5. 12).

Карта меркаторская земнаго шара. Изд военно-топогр. Депо. Fol. 1861. Спб. (Cl. 9. 7).

Карта Кроаціи, Венгріи, Трансильваніи и Галиціи съ Буковиною. (Cl. 6. 17).

Карта Иркутской губерніи. (Cl. 8. 30).

Карта Забайкальской области. (Cl. 8. 29).

Карта Иркутской губерніи. Составлена при управленіи генеральнаго штаба въ 1854 г. (Cl. 5. 32).

Карта (генеральная) Томской и Енисейской губерній. Составлена въ Томскѣ. 1842 года. (Cl. 4. 44).

Карта Нерчинско-заводскаго округа. (Cl. 5. 27)

Карта части средней Азіи, содержащая земли Киргизъ-Кайсаковъ, Каракалпаковъ, Трухменцевъ и Бухарцевъ. Составл. при Депо картъ. 1816. Спб. (Cl. 4. 42).

Карта сибирской границы: 1) карта Нерчинскаго уѣзда, 2) карта Верхнеудинскаго округа, 3) прибавленіе къ картѣ Иркутскаго уѣзда и 4) генеральная карта, представляющая часть Оренбургской губерніи и всю Сибирскую линію. 4°. Спб. (Cl. 4. 40).

Пять картъ (раскрашенныхъ): 1) Китайскаго государства, 2) Тибета и Хухенора, 3) восточной Монголіи, 4) западной Монголіи и восточнаго Туркестана и 5) Манчжуріи. Другой экз. не раскрашенный. Fol. (Cl. 10. 1—2).

Карта Тибета и Хухенора (не раскраш.). 12 экз. (Cl. 8. 16—27).

Карта восточной Монголіи. 11 экз. (Cl. 8. 33—43).

Карта Манчжуріи. 10 экз. Fol. (Cl. 8. 5—14).

Колоколовъ. Карта россійскихъ владѣній за Кавказомъ. 1836. (Cl. 4. 28).

Максимовичъ. Генеральная карта Европы. 1840. Спб (Cl. 9. 3).

Максимовичъ. Генеральная карта Азіи. 1840. Спб. (Cl. 9. 2).

Максимовичъ. Генеральная карта Африки. 1840. Спб. (Cl. 9. 9).

Максимовичъ. Генеральная карта Америки. 1840. Спб. (Cl. 9. 8).

Максимовичъ. Генеральная карта Австраліи. 1840. Спб. (Cl. 9. 1).

Савинковъ. Карта Россійской имперіи, изданная и гравированная съ дозволенія Депо картъ, исправленная и дополненная Савинковымъ. 1836. Спб. (Cl. 4. 36).

Сидовъ. Учебный атласъ, состоящій изъ 46 раскрашенныхъ картъ. 4°. 1858. Гота. (Cl. 5. 16).

Симашко. Учебный атласъ всеобщей географіи Fol 1861—62. Спб. (Cl. 6. 33).

Турція Европейская. (Карта). (CI. 6. 21).
Франція. (Карта). (CI. 6. 15).
Восточная часть **Сѣвероамериканскихъ Штатовъ**. (Карта). (CI. 6. 22).
Западная часть Сѣвероамериканскихъ Штатовъ. (Карта). (CI. 6. 18).
Швеція и Норвегія. (Карта). (CI. 6. 16).

2) АТЛАСЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Atlas géographique et iconographique du cours complet d' Écriture Sainte, gravé par vingt artistes distingues de Paris, sous la direction de *Théophile*, *Blanchard* et *Barrene* frères publie par M. L. *Migne*. 4°. 1844. Paris. (CI. 5. 4).

De Vence. Atlas de Saint Bible de Vence. 4°. 1833. Paris. (CI. 5. 19).

Guludeville. Atlas historique. ou nouvelle introduction à l' histoire à la chronologie et à la géographie ancienne et moderne, representée dans des nouvelles cartes. Nouvelle édition. Fol. 1720. II Partie. (CI. 6. 8).

Karten und Kupffer zu Scherers historischer Einleitung zum richtigen Verstehen der Bibel. 4°. 1802. Halle. (V. 3. 30).

Kurtz und **Jung**. Atlas zur Geschichte des Alten Bundes von Johann Heinrich Kurtz entworfen und mit begleitenden Texte versehen. 4°. 1859. Berlin. (CI. 5. 25).

Löwenberg. Historisch—geographischer Atlas, zu den allgemeinen Geschichtswerken von *Politz* und *Bekker* in 40 colorirten Carten von L. Löwenberg. Fol. 1839. Freiburg. (CI. 5. 5).

Möller. Hierographie oder topographisch-synchronistische Darstellung der Geschichte der Christl. Kirche. 1-es Heft. vom Jahr. 44 bis 604. Fol. 1822. Erberfeld. (CI. 6. 13).

Weiland und **Ackermann**. Bibel—Atlas nach den neuesten und besten Hülfsmitteln gezeichnet von Weiland und erläutert von Ackermann. 4°. 1832. Weinias. (CI. 4. 31).

Wiltkch. Kirchenhistorischer Atlas von den ersteu Zeiten der Ausbreitung des Christenthums bis zum Anfang des XVI Jahrh. Fol. 1843. Gotha. (CI. 6. 24).

Брутъ. Атласъ древняго свѣта, состоящій изъ 23 картъ съ объяснительными таблицами. 4°. 1831. Спб. (CI. 5. 18).

Греція древняя. (Карта). (CI. 8. 2).

Зуевъ. Историческій атласъ для древней, средней и новой исторіи, сост. по атласамъ Киперта, де-ла-Марта, Крузе. Fol. 1851. Спб. (CI. 6. 31).

Карта Палестины хромолитографированная при военно-топогр. Депо. Fol. 1861. Спб. (CI. 9. 5).

Карты (20) для древней исторіи, изображ. различные походы грековъ, македонянъ и римлянъ. Изд *Майковымъ*. Fol. 1831. (CI. 6. 14).

Карта Россіи, по повелѣнію Бориса Годунова начертанная. 8°. Спб. (CI. 4. 27).

Крузе (Христ. и Фридр.). Таблицы для обозрѣнія исторіи всѣхъ европейскихъ земель и государствъ отъ перваго ихъ народонаселенія до новѣйшихъ временъ. Fol. 1843. Спб. 3 экз. (CI. 6. 1—3).

Лапи. Атласъ древняго свѣта, съ подробною картою Палестины и планомъ Іерусалима, описаннаго Шатобріаномъ. 4°. 1840. Спб. (CI. 4. 41).

Петровъ (свящ. Л. П.). Библейскій атласъ, какъ пособіе при изученіи В. и Н. Завѣта. 4°. 1863. Спб. (CI. 5. 31).

Страссъ. Рѣка временъ или эмблематическое изображеніе всемірной исторіи отъ начала міра до нынѣшнихъ временъ по 1818 г. (Карта). 1818. Спб. (CI. 5. 15).

Твелькмейеръ (К.). Историческій атласъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Изд. 2. Fol. 1864. Спб. (CI. 6. 26).

Устряловъ. Карты, планы и снимки къ первымъ тремъ томамъ «Исторіи царствованія Петра В.», соч. Ник. Устряловымъ. 4°. 1858. Спб. 2 экз. (CI. 5. 1—2).

Устряловъ. Карты, планы и снимки къ четвертому тому «Исторіи царствованія Петра В.», соч. Ник. Устряловымъ. 4°. 1863. Спб. (CI. 5. 3).

3) АТЛАСЫ ПО МАТЕМАТИЧЕСКИМЪ И ЕСТЕСТВЕННЫМЪ НАУКАМЪ.

Becquerel. Traité de l' électricité et du magnétisme, par M. Becquerel.— Atlas pour la 2-e partie du 5 volume. Fol. 1840. Paris. (CI. 6. 27).

Weiland. Das Planeten-System der Sonne. (Карта). 1835. Weimar. (CI. 8. 31).

Атласъ анатомическій. Fol. (CI. 10. 3).

Бокъ. Атласъ анатоміи человѣка съ приложеніемъ объяснительнаго текста. Перев. съ нѣмецк. Гейнацъ. Fol. 1864. Спб. (XXVII. 3. 28).

Карта (геогностическая) Колыванско-Воскресенскихъ заводовъ. 1843 года. (CI. 5. 26).

Куторга. Геогностическая карта С.-Петербургской губерніи. 1852. Спб. (CI. 4. 48).

Куторга. Программа геогностической карты С.-Петербургской губерніи. 8°. 1852. Спб. (CI. 4. 38).

4) ИСТОРИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ.

Haupt. Tabellarischer Abriss. Fol. 1821. Quedl (CI. 5. 10)

Филистри. Генеалогическая, хронологическая и синхронистическая таблица Россійской исторіи отъ основанія государства до 1818 г., раздѣленная на шесть періодовъ. Fol. 1818. Спб. (CI. 8. 3).

Атласъ народонаселенія западнорусскаго края по исповѣданіямъ. Составленъ при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ (10 картъ). Въ приложеніи: Собраніе проэктовъ, утвержденныхъ господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на постройку православныхъ церквей въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Fol. 1863. Спб. (CI. 9. 6).

XVI. ПЛАНЫ, ЧЕРТЕЖИ И РИСУНКИ.

Probst (Baltasar). Accurate, höchstnützlich und nothwendige Architectur, oder Ordnung deren fünf Säulen, erfunden von denen vier Welt berühmtesten Bau—Meistern, Paladius, Scamozzi, Vignola und Serlio. In Kupffer gestochen und verlegt durch Baltasar Probst. 4°. Augustae Vindelic. (CI. 4. 45)

Raccolta (nuova) di 100 vedutine antiche della cittá di Roma e sue vicinanze. Incise a bullino da Domenico Pronti. Tom. I—II. Roma. 4°. (CI. 4. 32).

Альбомъ, содержащій собраніе видовъ Петербурга (литографія). На концѣ: собраніе стиховъ (рукопись). 4°. (CI. 4. 33).

Атласъ (живописный) къ матеріаламъ для статистики Россійской имперіи, состоящій изъ 34 листовъ картинъ и снимковъ. Fol. 1839. Спб. (CI. 6. 25)

Виды и приложенія къ очеркамъ Россіи. 4°. (CI 5. 20).

Гриммъ (Д.). Проэктъ храма св. Владиміра въ Херсонесской обители, сооружаем. надъ купелью равноапостольнаго просвѣтителя Россіи, близъ города Севастополя. (Карта). (CI. 5. 34).

Жомини. Атласъ чертежамъ къ наукѣ о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ. 4°. 1836. Спб. (CI. 4. 37).

Зуевъ. Изображеніе главнѣйшихъ и болѣе употребительныхъ штандартовъ, флаговъ, вымпеловъ и кокардъ всѣхъ государствъ въ пяти частяхъ свѣта. 1854. Спб. (CI. 5. 30).

Изображеніе губернскихъ, намѣстническихъ, коллежскихъ и всѣхъ штатскихъ мундировъ. 8°. 1794. (CI. 4. 26).

Карта части лѣсовъ Колыванско-Воскресенскаго горнаго округа. (CI. 5. 28).

Карта (топографическая) окружности Москвы, снятая офицерами квартирмейстерской части 1818 г., гравирована и печатана при военно-топограф. Депо въ 4 отдѣльныхъ частяхъ. 1823. Спб. (CI. 4. 29).

Карта частныхъ золотыхъ промысловъ южной и сѣверной частей Енисейскаго округа. 1866. (CI. 8. 28).

Кириллъ и **Меѳодій**. просвѣтители славянъ. (Картина). Изд. Ширяевъ. 4°. 1863. (CI. 8. 1).

Крестъ (изображеніе) преподобной Ефросиніи, княжны полоцкой. Къ историческимъ памятникамъ о ея жизни. (CI. 8. 15).

Народы, живущіе между Каспійскимъ и Чернымъ морями. (Изображеніе костюмовъ ихъ). Fol. (CI. 5. 21).

Нилъ (преподобный) Сорскій, чудотворецъ. (Портретъ). 3 экземпляра. (CI. 5. 22—24).

Одѣяніе инородцевъ, живущихъ внутри Китая, описан. во 2 томѣ статистики китайской. 4°. (CI. 4. 46).

Планъ столичнаго города Москвы. 1819. (CI. 4. 35).

Планъ города Пекина. 1817. (CI. 9. 12).

Планъ и видъ города Вятки. (Рукописный). (Cl. 5. 33).

Планъ губернскаго города Твери съ обозначеніемъ бывшаго наводненія 1 апрѣля 1800 г. (Cl. 8. 32).

Собраніе видовъ (четыре вида) С.-Петербурга. 1821. Спб. (Cl. 9. 11).

Флаги разныхъ государствъ. 8°. (Cl. 4. 30).

Чертежи къ книгѣ о земледѣліи въ Китаѣ. Соч. о. Іакинѳа. Числомъ 13. Fol. (Cl. 6. 29).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. БОГОСЛОВІЕ.

	стр.
1) Священное Писаніе.	
А. Изданія Библіи:	
а) на восточныхъ языкахъ. . . .	3
б) на европейскихъ языкахъ. . . .	5
в) апокрифы.	15
Б. Библіологія.	16
В. Исторія и критика текста.	20
Г. Герменевтика.	23
Д. Конкорданціи.	25
Е. Опыты толкованія.	26
2) Патрологія.	
А. Творенія отцевъ и учителей древней церкви. . . .	50
Б. Сочиненія средневѣковыхъ и новѣйшихъ церковныхъ писателей.	78
В. Общія изслѣдованія по церковной литературѣ. . .	83
Г. Монографическія изслѣдованія.	85
3) Основное Богословіе.	
А. Ученіе о религіи.	88
Б. Языческія религіи и народная миѳологія. . . .	89
В. Мухаммеданство.	93
Г. Ветхозавѣтное Богословіе и іудейство.	96
Д. Системы Основнаго Богословія.	99
Е. Христіанская апологетика.	101
4) Догматическое Богословіе.	
А. Системы православной Догматики.	110
Б. Системы католической Догматики.	113
В. Системы протестантской Догматики.	117
Г. Исторія догматовъ.	119
Д. Изложеніе отдѣльныхъ догматовъ.	122
5) Сравнительное Богословіе.	
А. Системы Сравнительнаго Богословія.	129
Б. Восточныя вѣроисповѣдныя общества.	133
В. Исторія и вѣроученіе римско-католической церкви. . .	134

стр.
Г. Исторія и вѣроученіе лютеранства. . . . 141
Д. Исторія и вѣроученіе реформатства. . . . 145
Е. Монографіи о протестантствѣ. 146
Ж. Исторія и вѣроученіе мелкихъ протестантскихъ сектъ. 147
З. Исторія и вѣроученіе англиканской церкви. . 150
6) Нравственное Богословіе.
А. Системы православныя. 151
Б. Системы католическія.. 152
В. Системы протестантскія. 153
Г. Аскетика. 154
Д. Исторія нравоученія. 155
Е. Монографіи о нравственно-богословскихъ предметахъ. . 155
Ж. Назидательное чтеніе. 159
7) Литургика.
А. Богослужебныя книги. 171
Б. Изслѣдованія о богослуженіи. 179
8) Гомилетика.
А. Проповѣди. 184
Б. Исторія проповѣдничества. 199
В. Теорія проповѣдничества. 199
Г. Практическія пособія. 200
9) Пастырское Богословіе. 201
10) Церковное законовѣдѣніе.
А. Сборники церковныхъ правилъ. 204
Б. Исторія церковнаго права. 207
В. Системы церковнаго права. 209
Г. Монографіи по церковному праву.. 210
Д. Сборники гражданскаго права. 214
Е. Исторія гражданскаго права. 217
Ж. Изслѣдованія по гражданскому праву. 218
11) Богословскія энциклопедіи. 221
12) Богословскіе сборники. 226
13) Обще-богословская смѣсь.. 246

II. ФИЛОСОФІЯ.

1) Системы философіи. 248
2) Подлинныя сочиненія философовъ и ихъ переводы. . . 250
3) Психологія и антропологія. 254
4) Логика и метафизика. 259
5) Философская мораль. 263
6) Исторія философіи. 265
7) Монографіи по философіи. 268

стр

8) Педагогика.
А. Системы Педагогики. 270
Б. Исторія воспитанія и обученія. . . . 271
В. Педагогическія монографіи. 272
Г. Педагогическіе журналы. 274
9) Энциклопедіи и журналы философскіе. 275

III. СЛОВЕСНОСТЬ.

1) Иностранная литтература.
А. Литтература восточная. . 275
Б. Классическая словесность:
а) греческіе авторы. 277
б) римскіе авторы. 281
В. Литтература новыхъ европейскихъ народовъ. Сочиненія переводныя и оригинальныя. 286
Г. Славянская литтература. 289
2) Отечественная литтература:
а) переводная. 291
б) оригинальная. 298
3) Теорія литтературы. 304
4) Исторія литтературы иностранной. 307
5) Библіографія и исторія русской литтературы. . . 311
6) Старинные литтературные журналы, альманахи и сборники. . 314
7) Историко-литтературная смѣсь. 316

IV. ИСТОРІЯ.

1) Библейская исторія и археологія.
А. Библейская хронологія. 321
Б. Библейская географія. 321
В. Системы библейской исторіи и исторіи еврейскаго народа. 322
Г. Изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ еврейской исторіи. 325
Д. Еврейская археологія:
а) системы еврейской археологіи и общія археологическія изслѣдованія. 328
б) частныя изслѣдованія:
аа) изъ быта древнихъ евреевъ. . . . 329
бб) изъ исторіи религіозной жизни евреевъ. . 330
Е. Системы ново-завѣтной библейской исторіи. . . . 330
Ж Изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ евангельской исторіи. 332
З. Апостольскій вѣкъ. 333
2) Общая церковная исторія.
А. Источники и вспомогательныя науки:
а) источники. 335
б) церковная археологія. . . . 341

стр.

в) церковная географія и статистика. . . . 344
г) хронологія. 346
д) лексиконы, хроники и сборники. 346

Б. Системы и монографическія изслѣдованія по церковной исторіи:

а) общія. 348
б) по древней церковной исторіи. . . . 352
в) по новой церковной исторіи:
аа) церковь восточная. 354
бб) церковь западная. 356

В. Исторія миссій. 363
Г. Исторія ересей. 364

3) Общая гражданская исторія.

А. Вспомогательныя науки:

а) философія исторіи. 365
б) хронологія. 366
в) археологія. 366
г) хроники, сборники и лексиконы. 369

Б. Системы и монографіи по всемірной исторіи:

а) общія. 373
б) по древней гражданской исторіи. . . . 375
в) по исторіи среднихъ вѣковъ. . . . 376
г) по новѣйшей гражданской исторіи. . . 378
д) исторія отдѣльныхъ государствъ и народовъ:
аа) въ Азіи. 379
бб) въ Африкѣ. 382
вв) въ Европѣ. 382

4) Русская исторія.

А. Источники Русской исторіи.

а) лѣтописи и сказанія. 391
б) матеріалы иностранные. 392
в) сочиненія, относящіяся къ разработкѣ источниковъ Русской исторіи. 394
г) акты, граматы и проч. 395
д) письма и записки. 398

Б. Русская церковная исторія.

а) исторія русской церкви вообще. 400
б) исторія распространенія русской церкви, отношенія ея къ другимъ церквамъ, ереси и проч. . 400
в) церковная исторія краевъ Россіи и епархій. . 402
г) монастыри, церкви и святыни. 402
д) исторія русской іерархіи. 406
е) житія святыхъ и біографическія монографіи. . 407
ж) исторія духовнаго просвѣщенія и училищъ. . 409
з) исторія русскаго раскола:
аа) матеріалы и сборники по исторіи русскаго раскола. 411

стр.

бб) системы, ученыя изслѣдованія и мелкія статьи по исторіи русскаго раскола . . . 412
и) обличеніе русскаго раскола:
аа) матеріалы по обличенію раскола. . . 414
бб) системы, обширныя изслѣдованія и мелкія статьи по обличенію раскола. . . . 414
В. Русская гражданская исторія.
а) исторія Россіи вообще. 417
б) исторія внѣшнихъ отношеній Россійскаго государства. 419
в) обозрѣніе эпохъ и отдѣльныхъ событій. . . 420
г) исторія краевъ Россіи и инородческихъ группъ. . 424
д) исторія права, государств. учрежденій, сословій и т. д. 426
е) исторія народнаго хозяйства, торговли и т. д. . 427
ж) исторія быта общественнаго и семейнаго. . . 427
з) исторія просвѣщенія и учебныхъ заведеній. . . 428
и) біографіи историческихъ личностей. . . . 430
і) искусства и археологія: сочиненія и повременныя изданія. 431
к) сборники, альманахи, повременныя изданія и библіографія. 434
3) Землевѣдѣніе.
А. Общее землевѣдѣніе.
а) общія географическія руководства и пособія, описаніе всѣхъ странъ свѣта и кругосвѣтныя путешествія. 439
б) путешествія по отдѣльнымъ странамъ свѣта и описаніе ихъ. 441
в) географическіе словари и сборники. . . . 443
Б. Географія и статистика Россіи.
а) географія и статистика Россіи общая. . . 444
б) географія и статистика Россіи частная. . . 445
в) повременныя изданія Русскаго географическаго общества и библіографія. 448

V. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

1) Математика. 448
2) Астрономія, космографія, математическая географія, механика. 452

VI. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

1) Естественныя науки вообще. 454
2) Физика и метеорологія. 456
3) Химія. 458
4) Зоологія. 460

стр.
5) Ботаника 461
6) Минералогія 463
7) Геологія 463
8) Анатомія и физіологія 464

VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, ТЕХНОЛОГІЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1) Политическая экономія 466
2) Технологія и промышленность 467
3) Экономическіе журналы и газеты 470

VIII. МЕДИЦИНА 472

IX. ВОЕННЫЯ НАУКИ 476

X. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

1) Сравнительная филологія 477
2) Словари ученые и учебные на разныхъ языкахъ . . 478
3) Языки индоевропейскаго семейства:
А. санскритскій и персидскій 489
Б. греческій и латинскій 489
В. французскій, нѣмецкій, англійскій и италіанскій . 493
Г. Славянскіе языки 495
Д. армянскій, грузинскій, осетинскій, румынскій и литовскій. 497
4) Языки семитскаго семейства:
еврейскій, арабскій, сирскій, халдейскій. финикійскій и египетскій 497
5) Языки туранскаго семейства;
турецко татарскій, монгольскій, венгерскій, китайскій, маньчжурскій, черемисскій, чувашскій и вотскій 501

XI. ЭНЦИКЛОПЕДІИ И СБОРНИКИ . . . 502

XII. ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

1) Духовные журналы 510
2) Епархіальныя вѣдомости 518
3) Свѣтскіе журналы 523
4) Газеты 532
5) Указатели къ журналамъ 536

стр.

XIII. МѢСЯЦЕСЛОВЫ И АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРИ. . 536

XIV. КАТАЛОГИ. 537

XV. АТЛАСЫ, КАРТЫ И ТАБЛИЦЫ.

1) Атласы географическіе. 539
2) Атласы историческіе. 541
3) Атласы по математическимъ и естественнымъ наукамъ. 542
4) Историческія таблицы. 542

XVI. ПЛАНЫ, ЧЕРТЕЖИ И РИСУНКИ. . . 543

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

ОТЪ СОВѢТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Совѣтъ казанской духовной академіи симъ объявляетъ, что въ казанской академіи состоитъ вакантною должность помощника секретаря. Жалованья по сей должности положено по Высочайше утвержденному штату 500 рублей въ годъ при казенной квартирѣ. Желающіе занять означенную должность приглашаются подать къ 15-му ноября сего 1877 года просьбы въ Совѣтъ съ приложеніемъ потребныхъ документовъ.

Секретарь академіи *М. Соловьевъ.*

—

II.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

1.

„СВЯТО-ОТЕЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ",

съ біографическими свѣдѣніями о св. отцахъ—проповѣдникахъ вселенской церкви и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ.

Пособіе къ изученію исторіи христіанской проповѣди. Составилъ *М. А. Поторжинскій.*

Цѣна 1 р. 50 к. Съ требованіями обращаться: въ Кіевъ, преподавателю семинаріи *М. А. Поторжинскому.*

—

2.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Сост. И. Лозановъ.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ КУРСУ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено какъ учебное пособіе при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ.

Казань. 1877.

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ и университетскихъ городовъ Россійской имперіи. Главный складъ въ Казани, у книгопродавца *А. А. Дубровина*, Гостинный дворъ, № 1.

—

3.

СПИСОКЪ СЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ

ПО Г. КАЗАНИ СЪ УѢЗДОМЪ.

Казань. 1877.

ЦѢНА 40 КОП.

Съ требованіями адресоваться въ редакцію Православнаго Собесѣдника.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владимірскій*.
Казань Типографія университета. 1877.

4. **Его же** толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

5. **Его же** толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6. **Его же** толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

7. **Святаго отца нашего Григорія Двоеслова** Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

8. **Сказанія о мученикахъ** христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1863. Цѣна 1 руб. 75 коп.

9. **Посланія Игнатія,** митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

10. **Сочиненіе преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

11. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.

12. **Сочиненіе инока Зиновія:** Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.

13. **Остенъ.** Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

14. **Сборникъ** древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

15. **Житіе** преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

16. **Житіе** преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп.

17. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.** Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р. 25 к.

18. **Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.** Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

19. **Ересь антитринитаріевъ III вѣка.** Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

20. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.** Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

21. **Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства.** Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 руб.

22. **Книга** о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

23. **Стародубье.** Записки протоіерея Т. А. Верховскаго. Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.

24. **Толковая Палея.** В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

25. **Указатель** статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.

26. **Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.** Цѣна 20 коп.

27. **Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева.** Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 к.

28. **Списокъ съ писцовыхъ книгъ** по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Ц. 40 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками **«Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ».** Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной при-

(См. об.).

вязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства»; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству; 36) Религіозное и политическое значеніе *хаджа* или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р.

Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани Е. А. Малову.

Отъ издателей можно выписывать книги:

1. СЛОВА къ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

2. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ, соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. д. академіи Н. Соколова. *Первый томъ.* Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 р. сер. *Второй томъ.* Цѣна такая же.

3. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВѢТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ. Изслѣдованіе И. Порфирьева. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

4. ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 2-е исправл. и дополненное. Цѣна 2 р. 50 коп. съ перес.

5. ТВОРЕНІЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА «DE CIVITATE DEI», КАКЪ АПОЛОГІЯ ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЕГО БОРЬБѢ СЪ РИМСКИМЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ. Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 руб

6. ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ КРЕЩЕНО-ТАТАРСКАГО СЛОВАРЯ. Н. Остроумова. Казань. 1876. Цѣна 1 р

7. РИМСКОКАТОЛИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ОБЪ УДОВЛЕТВОРЕНІИ БОГУ СО СТОРОНЫ ЧЕЛОВѢКА. Изслѣдованіе Н. Бѣляева. Казань 1876 г. Цѣна 2 р.

8. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ. П. Знаменскаго. Второе дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

9. ОЧЕРКИ ПО ЦЕРКОВНОЙ ГЕОГРАФІИ И ЭТНОГРАФІИ. Сост. С. Терновскій. Цѣна 30 коп

ВЪ СЛУЧАѢ НЕПОЛУЧЕНІЯ КѢМЪ ЛИБО

изъ подписчиковъ той или другой книжки Собесѣдника, Редакція покорнѣйше проситъ заявлять ей объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки и при этомъ прилагать отъ мѣстной почтовой конторы удостовѣреніе, что требуемая книжка, за неполученіемъ въ конторѣ, подписчику дѣйствительно не доставлена. При исполненіи этого послѣдняго условія подписчикъ немедленно получитъ изъ Редакціи новую книжку. Если же удостовѣренія отъ мѣстной почтовой конторы въ Редакцію доставлено не будетъ, то подписчику придется ждать, пока утратившаяся книжка будетъ розыскана почтовымъ вѣдомствомъ.